Право И Государство Пресс

E-mail: prigos@mail.ru

www.prigospress.ucoz.ru

ISSN 1815-1337

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:

теория и практика

2026

№ 2

- *Бутько Л.В., Лепешкина О.В.* Принципы права: общетеоретические и публично-правовые аспекты
- *Винокуров В.А.* Нарушение средствами массовой информации права человека и гражданина в Российской Федерации на достоверную правовую информацию
- *Галузо В.Н., Редкоус В.М.* Об ограничении деятельности по видоизменению законодательных актов в Российской Федерации
- *Дуплинская Е.В.* Роль органов управления сельскохозяйственного кооператива в предотвращении возникновения правовых рисков
- *Напсо М.Б., Агирбов Т.Р.* Актуальные проблемы реализации и правового регламентирования информационных прав
- *Фидель П.М.* Причины и современные тенденции правонарушений несовершеннолетних в России: от социальной дезадаптации до цифровой безнадзорности
- *Гринько С.Д.* Современная криминогенная обстановка в российском обществе как системная угроза национальной безопасности
- Другие материалы

ISSN 1815-1337

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: теория и практика. 2026. № 2 Федеральный научный юридический ежемесячный журнал	LAW AND STATE: the theory and practice. 2026. № 2 Federal scientific juridical monthly journal
Учредитель: *А.И. Бобылев*	**Constitutor:** *A.I. Bobylev*
Издатель: Издательство «Право и государство пресс»	**Publisher:** Publishing house «Law and state press»
Главный редактор: *С.В. Алексеев – доктор юридических наук, профессор (Москва)*	**Chief editor:** *S.V. Alekseev – Doctor of Law, Professor (Moscow)*
Ответственный редактор: *С.В. Зубкова (Москва)*	**The editor-in-chief:** *S.V. Zubkova (Moscow)*
Редакционный совет: *С.В. Алексеев – д.ю.н., профессор (Москва), А.П. Анисимов – д.ю.н., профессор (Ростов-на-Дону), Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва) Б.Б. Бидова – д.ю.н., доцент (Нальчик), С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва), О.В. Болтинова - д.ю.н., профессор (Москва), К.А. Долгополов – д.с.н., доцент (Ставрополь) Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва), Д.Н. Ермаков – д.п.н., д.э.н., профессор (Москва), В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва), А.И. Землин - д.ю.н., профессор (Москва), П.В. Крашенинников – д.ю.н., профессор (Екатеринбург), Н.В. Кроткова – к.ю.н. (Москва), В.Е. Лукьяненко – д.ю.н., профессор (Ульяновск), А.В. Малько – д.ю.н., профессор (Саратов), Т.А. Полякова – д.ю.н., профессор (Москва), Г.А. Прокопович – д.ю.н., доцент (Москва), Д.Х. Сайдумов - д.ю.н., доцент (Москва), Е.А. Фролова – д.ю.н., профессор (Москва) В.В. Чубаров – д.ю.н. (Москва)*	**Editorial council:** *S.V. Alekseev – Doctor of Law, Professor (Moscow), A.P. Anisimov – Doctor of Law, Professor (Rostov-na-Donu), E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow), B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Nalchik), S.A. Bogolyubov - Doctor of Law, Professor (Moscow), O.V. Boltinova - Doctor of Law, Professor (Moscow), K.A. Dolgopolov - Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor (Stavropol) N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow), D.N. Ermakov - Doctor of Political Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow), V.N. Zhukov - Doctor of Law, Professor (Moscow), A.I. Zemlin - Doctor of Law, Professor (Moscow), P.V. Krasheninnikov – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg), N.V. Krotkova – Associate Professor (Moscow), V.E. Lukyanenko – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk), A.V. Malko – Doctor of Law, Professor (Saratov), T.A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Moscow), G.A.Prokopovich –Doctor of Law, Associate Professor (Moscow) D.Kh. Saydumov - Doctor of Law, Associate Professor (Moscow) E.A. Frolova - Doctor of Law, Professor (Moscow) V.V. Chubarov - Doctor of Law (Moscow)*
Редакционная коллегия: *И.В. Ершова – д.ю.н., профессор (Москва), Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва), Н.М. Золотухина – д.ю.н., профессор (Москва), П.А. Калиниченко – д.ю.н., профессор (Москва), В.В. Комарова – д.ю.н., профессор (Москва), М.А. Лапина – д.ю.н., профессор (Москва), М.М. Милованова – к.ю.н., доцент (Москва), В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва), Н.А. Соколова – д.ю.н., профессор (Москва), О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)*	**Editorial board:** *I.V. Ershova - Doctor of Law, Professor (Moscow), N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow), N.M. Zolotuhina – Doctor of Law, Professor (Moscow), P.A. Kalinichenko – Doctor of Law, Professor (Moscow), V.V. Komarova – Doctor of Law, Professor (Moscow), M.A. Lapina – Doctor of Law, Professor (Moscow), M.M. Milovanova – Candidate of Law, Associate Professor (Moscow) V.M. Redkous – Doctor of Law, Professor (Moscow), N.A. Sokolova – Doctor of Law, Professor (Moscow), O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)*

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17836 от 22 марта 2004 г.

Адрес редакции и издателя:
141075, Россия, Московская область, г. Королев, Дворцовый проезд, 4-230.
E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospress.ucoz.ru.
Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20

Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобразования и науки РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4)
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI).

При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы». Подписка 2026. Первое полугодие. Наш индекс 11193.

За достоверность и точность данных, приведённых в статье, ответственность несут авторы статей и других материалов.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Издательство «Право и государство пресс», 2026 (16+)

СОДЕРЖАНИЕ 2026 № 2

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Конохов М.В.
Военно-юридическая секция Института права Академии наук СССР: история создания, основные результаты деятельности……8

Карчевская Н.И., Семенова И.В.
Отдельные аспекты правового регулирования общественной безопасности…...12

Ратникова В.И., Стрельникова Н.В., Кольцов И.П., Стрельников И.А.
Правовые и исторические аспекты иммунопрофилактики японского энцефалита в России и Японии……16

Шикалев Т.М.
Понимание принципа справедливости в древнеримской юриспруденции……20

Ксенофонтов Е.А.
Дуализм естественного и положительного права в концепции Г.И. Солнцева: теоретический анализ……..23

Раттур М.В.
Реализация принципа легитимизма на Венском конгрессе (1814-1815 гг.) в контексте российского влияния: конституционно-правовое измерение…….26

Балковая В.Г., Приходько В.Е.
Теоретико-правовой анализ современной Курдской автономии в Сирии……30

Большаков Е.В., Шерхов Р.Р.
Пробелы в праве: причины возникновения и возможные пути их устранения…36

Моисеев Н.Д., Мироненко К.А.
Теоретико-правовые аспекты обеспечения в государстве законности и правопорядка……39

Галузо В.Н., Редкоус В.М.
Об ограничении деятельности по видоизменению законодательных актов в Российской Федерации……..41

Канафин Н.А., Галузо В.Н.
О деятельности управомоченных государственных органов в условиях пандемии в Российской Федерации……..45

Хадыкина Е.В.
Язык права: основы юридической лингвистики……..50

Азархин А.В.
Нейроэтика и правосубъектность: к проблеме реконструкции понятия «свободы воли» в контексте достижений когнитивных наук……..53

Коган О.С., Галиуллина С.Д., Лифанова М.В., Сафина Е.А.
Некоторые аспекты судебной системы в Древнем Китае……...56

Элязян А.Ш., Страхов И.А.
Проблемы правового регулирования цифровизации государства и правовой системы……..59

Петракова А.С., Перфилов А.А., Кулешова С.А.
Сущностные особенности экспертизы как исследовательской технологии и правового явления……63

Шевченко К.В.
Правовой режим оборота специальных средств: теоретико-правовой анализ…..66

Ермолович Г.П., Маюров Н.П., Юдин И.В.
Языческие верования древних славян и формирование противопожарного законодательства Древней Руси……..69

Проценко Е.Д., Байкеева С.Е.
Формы и сферы проявления транснациональной коррупции……73

Назарова И.С.
Роль морали и права в исторической ретроспективе формирования и последующего укрепления российского суверенитета……77

Петров В.И., Пилюгина Т.В., Жуков А.А.
Историко-правовая оценка развития нормативной базы становления права собственности в сфере земельных отношений: плюсы и минусы земельной реформы……...81

Бидова Б.Б., Быстрова Ю.В., Мелешко О.П.
Теоретико-методологических основы государственной религиозной политики как элемента системы обеспечения национальной безопасности……..86

Петракова А.С., Абдуллаева Д.В., Дуванская П.В.
Историко-правовые аспекты становления и развития института правовой экспертизы в отечественном законодательстве……90

Проценко Е.Д., Байкеева С.Е.
Правовые меры противодействия транснациональной коррупции в условиях трансформации мирового порядка……94

Соколов В.В.
Конкуренция понятий: «правовая ценность», «принцип права», «правовая идея» в контексте системного анализа……97

Подосинникова Л.А.
Правовой суверенитет: особенности правового символизма……101

Иванов Б.С.
Нотариальная технология: структура и ее элементы……..106

Назарова И.С.
Историко-правовые аспекты зарождения нормативных основ суверенизации государственной власти в российском государстве……..108

Гвоздева Т.Б.
Первая победа «без пыли» в панкратионе……112

Бредихин А.Л., Парфенов Н.П.
Военно-судебный устав 1867 г.: историко-правовой анализ……..116

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Редкоус В.М.
Принципы организации и ведения гражданской обороны (опыт закрепления в национальных законодательствах России и государств-участников СНГ)……...119

Конохов М.В.
О некоторых вопросах правового обеспечения информационно-психологической безопасности на современном этапе развития информационных технологий…….123

Соловьев А.А.
Высший совет магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики после конституционной реформы: структура и порядок функционирования……....128

Осадчук Е.А.
Электронная демократия как основание и направление трансформации взаимоотношений между современным государством и обществом…….....132

Сидоров С.А., Марков А.М.
Сетевые медиа как площадка протестной активности и угроза безопасности личности, обществу и государству……..…..135

Круглов Ю.А.
Оценка конституционности административной ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации: на примере «отказного» определения КС РФ от 20.07.2023 № 2114-О…….....…139

Приходько Т.В.
Защита несовершеннолетних от насилия в семье: проблемы конструкции статьи 116.1 УК РФ……....145

Паращевина Е.А., Анкудинова Я.С.
Формирование бюджетов новых регионов в условиях интеграционных процессов……..……...149

Мельникова Ю.В.
Цирковое искусство как процессуально-сложный объект регулирования и управления……...153

Мельникова Ю.В., Филиппова И.Н.
Формирование правового языка циркового искусства……..…..156

Наумов О.Д., Айснер Л.Ю., Лисина Л.Г.
Технологический патриотизм как элемент государственной политики в сфере высшего образования: правовые основы и механизмы формирования……....159

Шокур А.В.
Стадии и участники разрешительного производства……..…162

Берман Н.Д., Гуань Ч.
Особенности правового регулирования труда водителей автомобильного транспорта: проблемы соблюдения норм о рабочем времени и времени отдыха…165

Корешникова Н.Р.
Полномочия прокурора при возбуждении дел об административных правонарушениях: актуальные проблемы и пути совершенствования……170

Лепешкин Е.Б.
Публично-правовые основы защиты прав потребителей в Российской Федерации…174

Бутовецкий А.И.
Сад и огород: юридические размышления о важных терминах. Часть 1……..178

Антонов Н.К.
Правовое регулирование проведения судебной землеустроительной экспертизы в Российской Федерации……..183

Мирошников Е.В.
Права заключенных в цифровую эпоху: можно ли обеспечить право на онлайн коммуникацию?.....186

Голоманчук Э.В., Астафурова О.А., Абезин Д.Д.
Отдельные аспекты организации антикоррупционного комплаенса в корпоративном секторе……..192

Андреев А.В.
Электронное голосование: толкования и виды……196

Ванин Н.В.
К вопросу о правовой природе спортивного контракта
с несовершеннолетним спортсменом……...200

Яковлева Е.А.
Информационно-правовая характеристика
и особенности принципа доверия в условиях цифровой трансформации……...204

Желтобрюх А.В.
Деятельность органов внутренних дел российской федерации по обеспечению
охраны общественного порядка на территориях с особым правовым режимом…208

Хадыкина Е.В., Кириллов Н.А.
Трансформация антикоррупционного законодательства РФ:
анализ последствий отмены обязательного представления сведений о доходах,
расходах и имуществе отдельными категориями лиц……..…211

Данилин Р.Д.
Платформизация общественных отношений
как фактор информационного общества и ее правовой режим……....215

Антонов Н.К.
Правовое регулирование проведения
судебной землеустроительной экспертизы в Российской Федерации…….219

Румянцев Ф.П., Купцова О.Б.
Политико-правовые аспекты
регулирования сельской ипотеки в современной России……..222

Плахова Е.С., Статьев Я.С.
Цифровая грамотность
как инструмент противодействия вербовке в социальных сетях……226

Сапожникова М.А.
Муниципальная реформа 2025 года:
промежуточные итоги проведения и проблемы правовой реализации……231

Юнусов М.А., Марков А.Ю.
Нейтрализации рисков радикализации осужденных в учреждениях УИС
при реализации права на свободу совести и вероисповедания……..235

Стус Н.В., Намитоков Ю.А.
Предметно-содержательные параметры судебно-властного
обеспечения национальных интересов Российской Федерации……...239

Курылев Д.С., Перегудова Н.В.
Дифференциация административной ответственности:
материальные составы и проблемы доказывания……..245

Рамаданов Ш.Р.
Правовое обеспечение
информационной безопасности в Российской Федерации……249

Чупина И.П., Симачкова Н.Н., Зарубина Е.В., Егоров С.Г., Петрова Л.Н.
Системный подход по повышению продуктивности
отечественного сельскохозяйственного производства……..254

Фомина Т.Ф.
Некоторые проблемы законодательства
об административных правонарушениях, посягающих на порядок управления…259

Петроградская А.А., Пестова М.В.
Административные правонарушения в сфере налогового законодательства….262

Никитин А.В., Ланцова И.В.
Влияние полицейского права на формирование современной концепции
административно-правовой защиты общественной нравственности……..265

Фидель П.М.
Причины и современные тенденции правонарушений несовершеннолетних
в России: от социальной дезадаптации до цифровой безнадзорности……270

Напсо М.Б., Агирбов Т.Р.
Актуальные проблемы реализации
и правового регламентирования информационных прав……..274

Казакова Е.Б., Нарматова С.Э.
Теоретико-правовые аспекты искусства создания парфюмерии
в свете развития виртуальной реальности……..279

Горелов И.П., Каштанова Е.А.
Развитие государственной службы на современном этапе……...282

Игнатьева И.В.
Развитие и совершенствование механизмов взаимодействия активных граждан,
институтов гражданского общества и органов местного самоуправления…….285

Богданов А.В.
Практика осуществления управленческой деятельности
в территориальных органах МВД России на современном этапе:
типичные недостатки и причины их возникновения……288

Бутько Л.В., Лепешкина О.В.
Принципы права: общетеоретические и публично-правовые аспекты……293

Тугушев А.М.
Правовой режим использования живых ресурсов континентального шельфа
Российской Федерации: эколого-правовая модель и пределы суверенитета…..297

Винокуров В.А.
Нарушение средствами массовой информации права человека и гражданина
в Российской Федерации на достоверную правовую информацию……..300

Никитин А.В., Сараева О.Н.
Права и обязанности участников грантовых программ
поддержки предпринимательской деятельности:
особенности молодежного предпринимательства……...304

Першина Е.А., Курячая М.М.
Прекращение гражданства РФ вследствие неисполнения обязанности
по первоначальной постановке на воинский учет……...307

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Дуплинская Е.В.
Роль органов управления сельскохозяйственного кооператива
в предотвращении возникновения правовых рисков……..311

Баттахов П.П.
Развитие российской энергетики в Арктической зоне России:
правовой дискурс……315

Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С.
Правовое регулирование промышленного освоения Арктического региона:
баланс интересов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего
Востока, предпринимателей, коммерческих организаций и публичных образований
в целях сохранения окружающей среды и устойчивого развития……319

Моисеева А.Э.
Нормирование труда артистов цирковых организаций……..323

Войтович Л.В.
Правовое регулирование подведомственности и подсудности по УГС 1864 г.:
основа для современной эволюции отечественного
цивилистического процессуального законодательства……329

Летягина Е.А.
Особенности правовой регламентации заключения брачного договора
до государственной регистрации брака в РФ……...333

Корнилова Н.В., Змиевская М.Н.
Об отдельных аспектах заключения гражданско-правового договора……337

Гайдукова В.А.
Актуальные вопросы пересмотра по вновь открывшимся
или новым обстоятельствам судебных актов……...341

Охлопкова А.С.
Особенности и проблемы наследования по завещанию……...345

Булатова З.З.
Правовое регулирование дипфейк-технологий в РФ:
текущее состояние и перспективы развития……347

Ястремский И.А.
Проблемы юридического обоснования медицинских вмешательств
по профилю пластическая хирургия……351

Егоров С.С., Боярская Е.О.
Обязательная доля в наследстве при наследовании по закону и по завещанию…..354

Чеснокова Ю.В., Долотова К.А.
Умные алгоритмы в банковских скорингах: проблема блокировки счетов…….357

Плахтий Н.А., Чернов В.Ю.
Нотариальное заверение трансграничных сделок:
проблемы российского нотариата……360

Кибишев З.З.
«Искусственный интеллект» как объект правового регулирования
в сфере интеллектуальной собственности: понятие и признаки……364

Лилицкий Г.Ю.
Коллизия норм трудового и конкурсного права
в регулировании трудовых отношений при банкротстве работодателя……368

Рыжик А.В.
Вещное право в Республике Беларусь……..375

Коцарь Ю.А.
Правовые аспекты регулирования правоотношений
по договору строительного подряда, осложненных условным элементом……...378

Бредихин А.Л., Викторов А.В.
«Государство и право развитого социализма в СССР»
(взгляд современников в оценках сегодняшнего дня)……383

Меняйло Л.Н., Меняйло Д.В., Литвинова Н.В., Болтенкова Ю.В.
Правовая природа, сущность и характерные черты смарт-контракта……...386

Земляченко Я.В., Колоскова Д.А.
Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе
как фактор, влияющий на реализацию жилищных прав граждан……390

Фуштей Э.Р.
Защита имущественных интересов в современном частном праве России……..393

Исаев В.В.
Проблема автономии воли при определении права,
применимого к учету и трансграничному обороту бездокументарных
ценных бумаг, на примере гаагской конвенции 2006 года……397

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Майко Д.П.
Доказывание адвокатом-защитником в Российской Федерации
и конфедерации Швейцария как представителей
романо-германской правовой семьи: сравнительно-правовой анализ……401

Баатар О., Долгорсурэн Б.
Эффективность административных наказаний
за нарушения правил дорожного движения в Монголии……404

Беляков А.В., Владимиров С.В., Шишкина К.А.
Некоторые проблемы раскрытия и расследования телефонных мошенничеств409

Спицнадель В.Б., Денисенко Е.В.
Уголовно-правовая оценка действий при превышении пределов
необходимой обороны: тенденции судебной практики……413

Урядов Ю.Ю.
Основные элементы международного сотрудничества органов внутренних дел
Российской Федерации по конфискации преступных активов……..…..416

Вовк Н.В., Ксендзов Ю.Ю.
Стокгольмский синдром
как разновидность психологического состояния жертвы……419

Сидорова Е.З.
Правовое регулирование и технологические механизмы обеспечения
криминологической безопасности цифровой образовательной среды.....423

Кочарян К.С.
Незаконное обогащение в системе коррупционных преступлений
по Уголовному Кодексу Республики Армения……..427

Курбатова Г.В.
Признаки, характеризующие
международное общественное движение «А.У.Е.»[1]……..431

Тищенко Ю.Ю.
Социальные и социально-психологические вопросы лишения свободы……434

Епифанов С.С., Шерхов Р.Р.
Некоторые вопросы оперативно-розыскной деятельности
по борьбе с преступностью в сфере экономики
на объектах лесопромышленного комплекса……437

Морозов Б.М., Елисов П.П.
Некоторые направления совершенствования института пробации……..440

Денисов А.Д., Борисенко Б.В.
Возможные направления совершенствования взаимодействия
следственных подразделений МВД России с учреждениями
уголовно-исполнительной системы Российской Федерации……443

Цаплин И.С.
Анализ зарубежного опыта
охраны пенитенциарных учреждений на рубеже XXI века……..…447

Курбатова Г.В., Цибульская Г.З.
Предупреждение правонарушений,
совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы……...450

Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А.
К вопросу о выделении этапов изучения личности осужденных……453

Бордакова А.Г.
Институт уголовной ответственности за налоговые преступления
на современном этапе:
проблемы правоприменения и тенденции судебной практики……456

Бордакова А.Г., Родина А.П.
Участие прокурора в рассмотрении судами дел о лишении родительских прав…462

Иванов П.И.
К вопросу о дискредитации системы МВД России
как ключевой компонент противодействия……466

Прихожая Л.Е., Горовой В.В.
О роли координационной функции прокуратуры
в деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью……469

Бешукова З.М., Хаконова И.Б., Шадже М.Г.
Эволюция института прекращения гражданства РФ в контексте обеспечения
национальной безопасности и противодействия терроризму и экстремизму….474

Сагидуллин Р.Х.
Правовой статус и компетенции субъектов использования
специальных медицинских знаний……..478

Оюунсайхан Алтангэрэл
Прокурорский надзор за расследованием коррупционных преступлений……..482

Хишигбаяр Баатарбилэг
Современное состояние и тенденция торговли людьми,
совершаемой с использованием киберпространства в Монголии……486

Гринько С.Д.
Современная криминогенная обстановка в российском обществе
как системная угроза национальной безопасности……490

Иванов П.И.
К вопросу о внедрении психологических знаний
в практику деятельности оперативных подразделений полиции……...493

Курилова Е.Н., Ушакина Ю.С.
Особенности и проблемы квалификации преступлений,
совершаемых с помощью фишинговых атак……...499

Прихожая Л.Е.
Система процессуальных сроков в дознании:
анализ типичных нарушений и их последствий……..502

Ошкин И.В.
К вопросу о понятии
и классификации преступных групп несовершеннолетних……...505

Игнатенко Е.А., Смыслова В.Н.
Использование специальных знаний
при предупреждении преступлений диверсионной направленности……507

Милова И.Е., Хачатрян Р.Э.
Некоторые аспекты привлечения к уголовной ответственности
за мошенничество в сфере медицинского страхования……..510

Шурухнов Н.Г., Гришин Д.А., Абовян Э.П.
Нормативное регулирование реализации технических средств,
технологий в уголовном судопроизводстве……514

Холоден И.В.
О некоторых вопросах правового регулирования конфиденциального содействия
граждан при выявлении и раскрытии преступлений
в сфере незаконного изготовления и сбыта оружия……517

Марченко А.В., Новикова Д.В.
Психологическое и экономическое насилие в семье: проблемы доказывания
и уголовно-правовая оценка в рамках действующего законодательства……...519

Сафронов А.Д.
Макросоциальные факторы в системе криминальной виктимизации……...523

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Воронин Ф.Д.
Юридическая ответственность депутата Государственной Думы
Российской Федерации: актуальные конституционно-правовые проблемы……530

Никитин А.В., Звездина А.А.
Полиция в механизме государства……533

Куценко Е.С.
К вопросу соблюдения законодательства о противодействии коррупции
в части использования служебного автотранспорта, получения
подарков государственными и муниципальными служащими……..536

Чупина И.П., Симачкова Н.Н., Зарубина Е.В., Егоров С.Г., Фатеева Н.Б.
Устойчивое развитие сельских территорий:
современные тенденции и перспективы……...540

Цыганкова Е.А., Сердюкова Е.В., Зиновьева Е.О.
Низкая электоральная активность населения: причины и пути решения……545

Волковская Л.Н.
Благоустроенность территории муниципального образования
как организационно-правовая форма обеспечения качества жизни населения:
публично-правовая природа, исторический генезис
и разграничение компетенции в единой системе публичной власти……548

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Кузнецов С.А.
Процедуры банкротства: содержание и правовые последствия (часть 2)……555

Фазылова А.Н.
Банковский надзор за субъектами финансового рынка……..558

Ястремский И.А.
Предмет судебного исследования
в спорах пациента с клиникой пластической хирургии……..564

Сафаралиев Ф.М. оглы
Досудебное урегулирование международных коммерческих споров……...567

Шаршов Л.Л.
Проблемы обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности
в процедуре банкротства правообладателя……..570

Назаренко Б.А., Марьина А.А.
Гражданско-правовые обязательства при эксплуатации беспилотных
транспортных средств: перспективы правового регулирования……..…574

[1] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

CONTENTS 2026 № 2

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Konokhov M.V.
Military Legal Section of the Institute of Law of the USSR Academy of Sciences: history of creation, main results of activity.....8

Karchevskaya N. And., Semenova I. V.
Some aspects of legal regulation of social security.....12

Ratnikova V.I., Strelnikova N.V., Koltsov I.P., Strelnikov I.A.
Legal and historical aspects of immunoprophylaxis Japanese encephalitis in Russia and Japan.....16

Shikalev T.M.
Understanding the principle of justice in ancient Roman jurisprudence.....20

Ksenofontov E.A.
Dualism of natural and positive law in the concept of G.I. Solntsev: a theoretical analysis.....23

Rattur M.V.
Implementation of the principle of legitimism at the Vienna Congress (1814-1815) in the context of Russian influence: constitutional and legal dimension.....26

Balkova V.G., Prikhodko V.E.
Theoretical and legal analysis of the modern Kurdish autonomy in Syria.....30

Bolshakov E.V., Sherkhov R.R.
Gaps in law: causes and possible ways to eliminate them…….....36

Moiseev N.D., Mironenko K.A.
Theoretical and legal aspects of security in the state of law and order.....39

Galuzo V.N., Redkous V.M.
On the restriction of activity on the modification of legislative acts in the Russian Federation.....41

Kanafin N.A., Galuzo V.N.
On the activities of authorized state bodies in the context of a pandemic in the Russian Federation.....45

Khadykina E.V.
The language of law: fundamentals of legal linguistics.....50

Azarkhin A.V.
Neuroethics and legal personality: towards the problem of reconstructing the concept of "free will" in the context of cognitive science achievements.....53

Kogan O.S., Galiullina S.D., Lifanova M.V., Safina E.A.
Some aspects of the judicial system in Ancient China.....56

Elazyan A.Sh., Strakhov I.A.
Problems of legal regulation digitalization of the state and the legal system.....59

Petrakova A.S., Perfilov A.A., Kuleshova S.A.
Essential features of expertise as a research technology and legal phenomenon.....63

Shevchenko K.V.
Legal regime of turnover of special funds: theoretical and legal analysis.....66

Ermolovich G.P., Mayurov N.P., Yudin I.V.
Pagan beliefs of the ancient Slavs and the formation of fire protection legislation in Ancient Russia.....69

Protsenko E.D., Baykeeva S.E.
Forms and spheres of transnational corruption.....73

Nazarova I.S.
The role of morality and law in the historical retrospect of the formation and subsequent strengthening of Russian sovereignty.....77

Petrov V.I., Pilyugina T.V., Zhukov A.A.
Historical and legal assessment of the development of the regulatory framework the formation of property rights in the field of land relations: the pros and cons of land reform.....81

Bidova B.B., Bystrova Yu.V., Meleshko O.P.
Theoretical and methodological foundations of the state religious policy as an element of the national security system.....86

Petrakova A.S., Abdullayeva D.V., Duvanskaya P.V.
Historical and legal aspects of the formation and development of the Institute of legal expertise in Russian legislation.....90

Protsenko E.D., Baykeeva S.E.
Legal measures to counteract transnational corruption in the context of the transformation of the world order.....94

Sokolov V.V.
Competition of concepts: "legal value", "principle of law", "legal idea" in the context of system analysis.....97

Podosinnikova L.A.
Legal sovereignty: features of legal symbolism.....101

Ivanov B.S.
Notary technology: the structure and its elements.....106

Nazarova I.S.
Historical and legal aspects of the emergence of the normative foundations of the sovereignization of state power in the Russian state.....108

Gvozdeva T.B.
The first victory of "without dust" in pankration.....112

Bredikhin A.L., Parfenov N.P.
The Military Judicial Statute of 1867: historical and legal analysis.....116

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Redkous V.M.
Principles of organization and conduct of civil defense (experience of consolidation in the national legislations of Russia and the CIS member states).....119

Kononov M. V.
On some issues of legal support of information-psychological security at the present stage of development of information technologies…….....123

Soloviev A.A.
The Supreme Council of Magistracy of the Algerian People's The Democratic Republic after the constitutional reform: structure and functioning procedure.....128

Osadchuk E.A.
E-democracy as the basis and direction of transformation of the relationship between the modern state and society.....132

Sidorov S.A., Markov A.M.
Network media as a platform of protest activity and a threat to the security of individuals, society and the state.....135

Kruglov Yu.A.
Assessment of the constitutionality of administrative responsibility for discrediting the Use of the Armed Forces of the Russian Federation: on the example of the "waiver" definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/20/2023 No. 2114-O.....139

Prikhodko T.V.
Protection of minors from domestic violence: construction problems of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.....145

Paraschevina E.A., Ankudinova Ya.S.
Formation of budgets of new regions in the context of integration processes.....149

Melnikova Yu.V.
Circus art as a procedurally complex object of regulation and management.....153

Melnikova Yu.V., Filippova I.N.
Formation of the legal language of circus art.....156

Naumov O.D., Eisner L.Yu., Lisina L.G.
Technological patriotism as an element of state policy in the field of higher education: legal foundations and mechanisms of formation.....159

Shokur A.V.
Stages and participants of licensing proceedings.....162

Berman N.D., Guan Ch.
Features of the legal regulation of the work of motor transport drivers: problems of compliance with standards on working hours and rest time.....165

Koreshnikova N.R.
The powers of the prosecutor in initiating cases of administrative offenses: current problems and ways of improvement.....170

Lepeshkin E.B.
Public law foundations of consumer rights protection in the Russian Federation.....174

Butovetskiy A.I.
Garden and vegetable garden: legal reflections on important terms. Part of 1.....178

Antonov N.K.
Legal regulation of event judicial land management expertise in the Russian Federation…183

Miroshnikov E.V.
Prisoners' rights in the digital age: is it possible to ensure the right to online communication?.....186

Golomanchuk E.V., Astafurova O.A., Abezin D.D.
Selected aspects of the organization of anti-corruption compliance in the corporate sector.....192

Andreev A.V.
Electronic voting: interpretations and types.....196

Vanin N.V.
On the issue of the legal nature of a sports contract with a minor athlete……..…200

Yakovleva E.A.
Information and legal characteristics and features of the principle of trust in the context of digital transformation.....204

Zheltobryukh A.V.
The activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation to ensure the protection of public order in territories with a special legal regime……..208

Khadykina E.V., Kirillov N.A.
Transformation of the anti-corruption legislation of the Russian Federation: analysis of the consequences of the abolition of mandatory reporting of income, expenses and property by certain categories of persons.....211

Danilin R.D.
Platformization of public relations as a factor of the Information society and its legal regime.....215

Antonov N.K.
Legal regulation of the event judicial land management expertise in the Russian Federation.....219

Rumyantsev F.P., Kuptsova O.B.
Political and legal aspects of rural mortgage regulation in modern Russia.....222

Plakhova E.S., Statiev Ya.S.
Digital literacy as a tool to counter recruitment on social media.....226

Sapozhnikova M.A.
Municipal reform in 2025: interim results and problems of legal implementation..231

Yunusov M.A., Markov A.Yu.
Neutralization of the risks of radicalization of convicts in penal institutions during the exercise of the right to freedom of conscience and religion.....235

Stus N.V., Namitokov Yu.A.
Substantive parameters of judicial and governmental support for the national interests of the Russian Federation.....239

Kurylev D.S., Peregudova N.V.
Differentiation of administrative responsibility: material structures and problems of proof.....245

Ramadanov S.R.
Legal provision of information security in the Russian Federation.....249

Chupina I.P., Simachkova N.N., Zarubina E.V., Egorov S.G., Petrova L.N.
A systematic approach to increasing the productivity of domestic agricultural production.....254

Fomina T.F.
Some problems of legislation on administrative offenses infringing on the order of administration.....259

Petrogradskaya A.A., Pestova M.V.
Administrative offenses in the field of tax legislation.....262

Nikitin A.V., Lantsova I.V.
The influence of police law on the formation of the modern concept of administrative and legal protection of public morality.....265

Fidel P.M.
Causes and current trends of juvenile delinquency in Russia: from social maladaptation to digital neglect.....270

Napso M.B., Agirbov T.R.
Actual problems of realization and legal regulation of information rights.....274

Kazakova E.B., Narmatova S.E.
Theoretical and legal aspects of the art of creating perfumes in the light of the development of virtual reality.....279

Gorelov I.P., Kashtanova E.A.
Development of the civil service at the present stage.....282

Ignatieva I.V.
Development and improvement of mechanisms for interaction between active citizens, civil society institutions and local self-government bodies 285

Bogdanov A.V.
The practice of management activities in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the present stage: typical shortcomings and causes of their occurrence.....288

Butko L.V., Lepeshkina O.V.
Principles of law: general theoretical and public law aspects.....293

Tugushev A.M.
Legal regime for the use of living resources of the continental shelf of the Russian Federation: ecological and legal model and limits of sovereignty.....297

Vinokurov V.A.
Violation of human and civil rights by mass media in the Russian Federation for reliable legal information.....300

Nikitin A.V., Saraeva O.N.
The rights and obligations of participants in grant programs to support entrepreneurship: features of youth entrepreneurship.....304

Pershina E.A., Kuryachaya M.M.
Termination of Russian citizenship due to failure to fulfill the obligation of initial military registration.....307

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Duplinskaya E.V.
Role of agricultural cooperative management bodies in preventing legal risks…..311

Battakhov P.P.
Development of Russian energy in the Arctic zone of Russia: legal discourse.....315

Battakhov P.P., Ovchinnikova Yu.S.
Legal regulation of industrial development of the Arctic region: balancing the interests of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East, entrepreneurs, commercial organizations and public entities in order to preserve the environment and sustainable development.....319

Moiseeva A.E.
Labor rationing of circus performers.....323

Voitovich L.V.
Legal regulation of subordination and jurisdiction under the Civil Procedure Code of 1864: the basis for the modern evolution of domestic civil procedural legislation.....329

Letyagina E.A.
Features of the legal regulation of the conclusion of a marriage contract before the state registration of marriage in the Russian Federation.....333

Kornilova N.V., Zmievskaya M.N.
On certain aspects of concluding a civil contract.....337

Gaidukova V.A.
Actual issues of judicial acts review based on newly discovered or new circumstances.341

Okhlopkova A.S.
Features and problems of inheritance by will.....345

Bulatova Z.Z.
Legal regulation of deepfake technologies in the Russian Federation: current state and development prospects.....347

Yastremsky I.A.
Problems of legal substantiation of medical interventions according to the profile of plastic surgery.....351

Egorov S.S., Boyarskaya E.O.
The obligatory share of inheritance in case of inheritance by law and by will.....354

Chesnokova Yu.V., Dolotova K.A.
Smart algorithms in bank scoring: the problem of account blocking.....357

Plakhtiy N.A., Chernov V.Y.
Notarization of cross-border transactions: problems of the Russian notary.....360

Kibishev Z.Z.
"Artificial intelligence" as an object of legal regulation in the field of intellectual property: concept and features.....364

Lilitsky G.Yu.
Conflict of labor and competition law norms in the regulation of labor relations in case of employer bankruptcy.....368

Ryzhik A.V.
Property law in the Republic of Belarus.....375

Kotsar Yu.A.
Legal aspects of the regulation of legal relations under a construction contract complicated by a conditional element.....378

Bredikhin A.L., Viktorov A.V.
"The state and the law of developed socialism in the USSR" (the view of contemporaries in the assessments of today)……..…383

Menyailo L.N., Menyailo D.V., Litvinova N.V., Boltenkova Yu.V.
The legal nature, essence and characteristic features of a smart contract.....386

Zemlyachenko Ya.V., Koloskova D.A.
Conflict of interests in public and municipal service as a factor influencing the realization of citizens' housing rights.....390

Fushtey E.R.
Protection of property interests in modern Russian private law.....393

Isaev V.V.
The problem of will autonomy in determining the law applicable to accounting and cross-border circulation of undocumented securities, using the example of the Hague Convention of 2006.....397

CRIMINAL LAW SCIENCES

Maiko D.P.
Proving by a defense lawyer in the Russian Federation and the Swiss Confederation as representatives of the Romano-German Legal family: comparative legal analysis….401

Baatar O., Dolgorsuren B.
Effectiveness of administrative penalties for traffic violations in Mongolia.....404

Belyakov A.V., Vladimirov S.V., Shishkina K.A.
Some problems of disclosure and investigation of telephone fraud……409

Spitsnadel V.B., Denisenko E.V.
Criminal law assessment of actions when exceeding the limits of necessary defense: trends in judicial practice.....413

Uryadov Yu.
The main elements of international cooperation between the internal affairs bodies of the Russian Federation on the confiscation of criminal assets.....416

Vovk N.V., Ksenzov Yu.Y.
Stockholm syndrome as a kind of psychological state of the victim.....419

Sidorova E.Z.
Legal regulation and technological mechanisms
for ensuring criminological security of the digital educational environment.....423

Kocharyan K.S.
Illicit enrichment in the system of corruption crimes
under the Criminal Code of the Republic of Armenia.....427

Kurbatova G.V.
Signs characterizing
the international social movement "A.U.E." 431

Tishchenko Yu.Yu.
Social and socio-psychological issues of imprisonment.....434

Epifanov S.S., Sherkhov R.R.
Some issues of operational investigative activities to combat crime
in the field of economics at timber industry facilities.....437

Morozov B.M., Elisov P.P.
Some areas of improvement of the probation institute.....440

Denisov A.D., Borisenko B.V.
Possible directions for improving the interaction
of investigative units of the Ministry of Internal Affairs of Russia with institutions
the penal enforcement system of the Russian Federation.....443

Tsaplin I.S.
Analysis of foreign experience in the protection of penitentiary institutions
at the turn of the 21st century.....…447

Kurbatova G.V., Tsibulskaya G.Z.
Prevention of offenses committed
by employees of penal enforcement system…….450

Tishchenko Yu.Yu., Samoilova A.A.
On the issue of distinguishing the stages
of studying the personality of convicts…….453

Bordakova A.G.
Institute of Criminal responsibility for tax crimes at the present stage:
problems of law enforcement and trends in judicial practice.....456

Bordakova A.G., Rodina A.P.
The participation of the prosecutor in the consideration
by the courts of cases of deprivation of parental rights……....462

Ivanov P.I.
On the issue of discrediting the Russian Interior Ministry system
as a key component of counteraction.....466

Prikhozhaya L.E., Gorovoy V.V.
On the role of the coordinating function of the Prosecutor's Office
in the activities of law enforcement agencies in combating crime 469

Beshukova Z.M., Khakonova I.B., Shadje M.G.
The evolution of the institution of termination of Russian citizenship in the context
of ensuring national security and countering terrorism and extremism.....474

Sagidullin R.H.
The legal status and competencies of the subjects of use
special medical knowledge.....478

Oyunsaikhan Altangerel
Public prosecutor's supervision of corruption investigation……482

Hishigbayar Baatarbileg
The current state and trend of human trafficking
committed using cyberspace in Mongolia.....486

Grinko S.D.
Modern criminogenic situation in Russian society
as a systemic threat to national security.....490

Ivanov P.I.
On the issue of introducing psychological knowledge
into the practice of operational police units.....493

Kurilova E.N., Ushakina Y.S.
Features and problems of qualification of crimes
committed by means of phishing attacks.....499

Prikhozhayay L.E.
The system of procedural deadlines in the inquiry:
an analysis of typical violations and their consequences.....502

Oshkin I.V.
On the issue of the concept and classification of juvenile criminal groups.....505

Ignatenko E.A., Smyslova V.N.
The use of special knowledge in the prevention of subversive crimes.....507

Milova I.E., Khachatryan R.E.
Some aspects of criminal prosecution for fraud in the field of health insurance.....510

Shurukhnov N.G., Grishin D.A., Abovyan E.P.
Regulatory regulation of the sale of technical means
and technologies in criminal proceedings.....514

Kholodyon I.V.
On some issues of legal regulation of confidential assistance of citizens in the detection
and disclosure of crimes in the field of illegal manufacture and sale of weapons.....517

Marchenko A.V., Novikova D.V.
Psychological and economic domestic violence: problems of proof
and criminal law assessment within the framework of current legislation.....519

Safronov A.D.
Macrosocial factors in the criminal victimization system.....523

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Voronin F.D.
Legal responsibility of a State Duma deputy
Of the Russian Federation: current constitutional and legal issues.....530

Nikitin A.V., Zvezdina A.A.
Police in the mechanism of the state.....533

Kutsenko E.S.
On the issue of compliance with anti-corruption legislation regarding
the use of official vehicles, obtaining
gifts from government and municipal employees.....536

Chupina I.P., Simachkova N.N., Zarubina E.V., Egorov S.G., Fateeva N.B.
Sustainable rural development: current trends and prospects.....540

Tsygankova E.A., Serdyukova E.V., Zinovieva E.O.
Low electoral activity of the population: causes and solutions.....545

Volkovskaya L.N.
Landscaping of the territory of a municipality as an organizational and legal form
of ensuring the quality of life of the population: public-legal nature, historical genesis
and the division of competence in the unified system of public authority.....548

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Kuznetsov S.A.
Bankruptcy procedures: content and legal consequences (part 2).....555

Fazylova A.N.
Banking supervision of financial market entities.....558

Yastremsky I.A.
The subject of judicial research
in disputes between a patient and a plastic surgery clinic.....564

Safaraliev F.M. ogly
Pre-trial settlement of international commercial disputes.....567

Sharshov L.L.
Problems of foreclosure on intellectual property objects
in the bankruptcy procedure of the copyright holder.....570

Nazarenko B.A., Maryina A.A.
Civil law obligations in the operation
of unmanned aerial vehicles vehicles: prospects of legal regulation.....574

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_8

УДК 340

ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ ИНСТИТУТА ПРАВА АКАДЕМИИ НАУК СССР: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ[1]

MILITARY LEGAL SECTION OF THE INSTITUTE OF LAW OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES: HISTORY OF CREATION, MAIN RESULTS OF ACTIVITY

КОНОХОВ Максим Васильевич,
ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН,
кандидат юридических наук.
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: konohov76@mail.ru;

KONOKHOV M.V.,
Leading researcher of the Institute State and Law of the Russian,
Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences.
10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia.
E-mail: konohov76@mail.ru

***Краткая аннотация**: В статье исследуются вопросы истории создания и деятельности военно-юридической секции Института права Академии наук СССР и делается вывод о том, что названная секция внесла достаточно существенный вклад в развитие военно-юридической науки. В статье отмечается, что деятельность военно-юридической секции значительно активизировалась в период Великой Отечественной войны, что подтверждает неразрывную связь военного права и отношений, связанных с военными конфликтами. Автор приходит к выводу о том, что опыт деятельности военно-юридической секции Института права Академии наук СССР востребован и на современном этапе развития военно-юридической науки.*

***Abstract**: The article examines the history of the creation and activities of the military law Section of the Institute of Law of the USSR Academy of Sciences and concludes that this section has made a significant contribution to the development of military law. The article notes that the activities of the military legal section significantly intensified during the Great Patriotic War, which confirms the inextricable link between military law and relations related to military conflicts. The author comes to the conclusion that the experience of the military legal section of the Institute of Law of the USSR Academy of Sciences is in demand at the present stage of the development of military legal science.*

***Ключевые слова:** военная наука, военно-юридическая наука, военно-юридическая секция, Институт права Академия наук СССР, военное право, военно-административное право, военно-уголовное право, право военных конфликтов, военно-судебное право, Великая Отечественная война.*

***Keywords**: military science, military legal science, military legal section, Institute of Law of the USSR Academy of Sciences, military law, military administrative law, military criminal law, law of military conflicts, military judicial law, the Great Patriotic War.*

***Для цитирования:** Конохов М.В. Военно-юридическая секция Института права Академии наук СССР: история создания, основные результаты деятельности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 8-11. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_8.*

***For citation**: Konokhov M.V. Military legal section of the Institute of law of the USSR Academy of sciences: history of creation, main results of activity // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 8-11. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_8.*

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Как справедливо отмечают А.Н. Савенков и А.В. Кудашкин, в современных геополитических условиях актуальность военно-правовых исследований неизмеримо возрастает в интересах как боевой составляющей военной организации государства (Вооруженных Сил Российской Федерации), так и всех других ее компонентов (включая оборонно-промышленный комплекс) [17, с. 32]. В этой связи следует отметить неоценимую роль военно-юридическая секции Института права Академии наук СССР (далее – военно-юридическая секция, секция) в становлении современной военно-юридической науки [15, с. 60-61].

Из архивных материалов Российской академии наук (далее-РАН) следует, что военно-юридическая секция осуществляла свою деятельность в Институте права Академии наук СССР в период с конца 1930-х по начало 1940-х годов. [17, С. 32].

Первое упоминание о военно-юридической секции датировано 27 ноября 1939 г., предположительно в день, когда состоялось первое заседание секции [4, л. 2]. Представляется, что именно с этой даты берет свое начало история военно-юридической секции.

В план работы военно-юридической секции на 1940 г. на указанном заседании по предложению заведующего секцией юриста 1-го ранга С.В. Ромазана включены имеющие важнейшее значение для развития военно-юридической науки темы: «Проблема о месте военного права в системе советского социалистического права», а также «Правовое положение армии в государстве [4, л. 2]. Включение названных тем в планы работы секции свидетельствует о неоценимой роли и значении секции в развитие военно-юридической науки.

Важно отметить также достаточно представительный состав военно-юридической секции. Из архивных документов РАН следует, что по состоянию на 2 марта 1940 г. военно-юридическая секция состояла из четырех подсекций: подсекции общих военно-юридических проблем, подсекции уголовного права, подсекции судебного права и подсекции административного права. Всего в составе военно-юридической секции состояло 74 члена, в том числе такие известные ученые-юристы советского периода как академик Академии наук СССР Трайнин А.Н., члены-корреспонденты Академии наук СССР Голунский С.А. и Строгович М.С., Чхиквадзе В.М., Виноградов Н.А., Студеникин С.С., Лунев А.Е., Побежимов И.Ф., Коровин Е.А., Генкин Д.М., а также ряд других известных ученых юристов - представителей военно-юридической науки [6, л. 1-5]. Все названные ученые в рамках работы в секции внесли неоценимый вклад в развитие военно-юридической науки

Возглавляли военно-юридическую секцию в разное время такие известные ученые – представители военно-юридической науки как Го-

[1] Исследование выполнено в рамках выполнения государственного задания ИГП РАН «Повышение эффективности функционирования оборонно-промышленного комплекса страны правовыми средствами» (№ FMUZ-2024-0030).

лунский С.А., член-корреспондент Академии наук СССР, заместитель начальника Военно-юридической академии РККА (далее – ВЮА РККА), а также Ромазан С.В., бригвоенюрист, начальник ВЮА РККА [6, л. 1-5].

В состав секции входили работники Института, представители органов военной прокуратуры, военно-юридической академии, военные комиссары, адъюнкты ВЮА РККА [6, л. 1-5].

Планы работы военно-юридической секции включали достаточно широкий круг рассматриваемых вопросов. В частности, план работы секции на 1941 г. состоял из 4-х разделов: «Общеправовые вопросы», «Судебное право», «Уголовное право», «Гражданское право» [6, л. 1-5].

К основным результатам деятельности секции следует отнести участие в организации и проведении в период с 9 по 11 мая 1940 г. Первой научной конференции Военно-юридической академии Красной Армии, на которой в числе прочих активно обсуждались вопросы формирования теории военного права [4, л. 2] Названная конференция внесла неоценимый вклад в развитие военно-юридической науки советского периода.

В частности, участники конференции пришли к выводу о том, что военное право является одной из основных отраслей системы права наряду с иными отраслями [14, с. 61], что стимулировало дальнейших поиск отраслеобразующих признаков военного права.

Среди основных результатов деятельности следует отметить доклад упомянутых ранее в статье С.А. Голунского и С.В. Ромазана на тему «О возможности конструирования в системе социалистического права особой отрасли военного права и о ее соотношении с другими отраслями» на заседании военно-юридической секции 23 декабря 1940 г. [9, л. 1-89].

А.В. Кудашкин, оценивая роль названного доклада в развитии военно-юридической науки, отметил: «С.А. Голунский провидчески заметил, что «правовые нормы, которые содержатся в наших боевых уставах, в полевых уставах и боевых уставах отдельных родов войск, не укладываются, по моему глубокому убеждению, ни в какие рамки тех отраслей права, которые у нас существуют». С его точки зрения, боевые уставы имеют двойственный характер – военный (тактический) и правовой, поскольку порождают определенные права и обязанности, несоблюдение которых влечет юридическую ответственность, вплоть до уголовной» [14, с. 61; 9, л. 8-9].

Таким образом, доклад С.В. Ромазана и С.А. Голунского, конечно же, внес неоценимый вклад в развитие военно-юридической науки и подлежит дальнейшему научному осмыслению на современном этапе ее развития.

Оценивая вклад военно-юридической секции в обоснование наличия в системе социалистического права самостоятельной отрасли права – военного права следует отметить следующий факт. На заседании военно-юридической секцией 27 ноября 1939 г. по обсуждению тематики научных работ член секции Б.И. Сыромятников отметил: «Военное право в СССР есть. Оно существует и действует. Принятая настоящим заседанием для разработки тема «О проблеме места военного права в системе советского социалистического права» нам указывает на то, что военное право в СССР есть, и что перед военно-юридической секцией стоит вопрос не о самом военном праве, а о его месте в системе советского социалистического права [2, л. 11].

Большое внимание в работе военно-юридической секции уделялось также вопросам развития теории военно-уголовного права. Так В.М. Чхиквадзе в своем докладе «Понятие воинского преступления» обосновал существование специального объекта воинского преступления, отметив: «Специальным объектом воинских преступлений является боевая мощь Красной Армии и советская воинская дисциплина в широком смысле этого слова, охватывающая все стороны жизни и деятельности Красной Армии и Военно-морского Флота и являющаяся основой, краеугольным камнем вооруженных сил советского государства рабочих и крестьян. Объектом воинских преступлений могут быть также техническая мощь и хозяйственная обеспеченность Красной Армии и Военно-морского Флота» [8, л. 2].

В другом докладе, состоявшемся на заседании военно-юридической секции «К вопросу о предмете военно-уголовного права СССР», В.М. Чхиквадзе весьма убедительно обосновывает необходимость обособления военно-уголовного права в системе военного права, отмечая, что «Советское военно-уголовное право является частью советского социалистического права …. также как Рабоче-крестьянская Красная армия есть вооруженная часть советского народа, военно-уголовное право СССР является не чем иным, как применением уголовного права в области военно-уголовного законодательства [2, л. 6-6А]. В.М. Чхиквадзе, обосновывая необходимость конструирования подотрасли военно-уголовного права в системе отрасли уголовного права, в частности, отмечал, что «военно-уголовное право знает такие понятия, как район боевых действий, зона боевых действий, театр боевых действий, которые в общем уголовном праве не встречаются» [2, л. 18].

Неоценимый вклад В.М. Чхиквадзе в становление и развитие военно-уголовного права отмечается также современными учеными в области военно-юридической науки [16, с. 179-195].

Большое внимание в деятельности военно-юридической секции уделялось также вопросам военно-административного права. В частности, член секции С.С. Студеникина, который в докладе на заседании военно-юридической секции «Предмет и система советского военно-административного права» сделал следующие важные теоретические выводы:

«1. Разработка военно-юридических вопросов, в том числе вопросов военно-административного права – одна из важнейших задач советской науки военного права.

2. Нельзя отрицать особенностей как в организации и деятельности аппарата государственного управления в области военной, так и в правовых отношениях, возникающих внутри армии. Особенности эти можно свести к следующему: наибольшая централизация аппарата; специальная территориальная его организация; особые нормы осуществления единоначалия; особые нормы служебных отношений как начальствующего, так и рядового состава; специальные права и обязанности личного состава; особенности в прохождении службы; дополнительные льготы/ налоговые, квартирные, пенсионные и т.д.) начальствующего состава, повышенная ответственность военнослужащих за нарушение приказа начальника.

Перечисленные особенности все же не изменяют характера военно-административных отношений. Последние сохраняют все черты,

свойственные общегражданским административно-правовым отношениям. Военно-административные правовые отношение также не может возникнуть между двумя гражданами; одной из сторон конкретного отношения всегда является орган государственного управления или его полномочное лицо, действующее как носитель властных функций; споры решаются не в судебном порядке, а порядке прямого распоряжения приказа.

Все это позволяет сделать вывод о том, что правовые отношения, возникающие в области управления вооруженными силами, являются лишь особого вида административно-правовыми отношениями.

4. Советское военно-административное право, составляя лишь особую часть общегражданского административного права, представляет собой совокупность юридических норм, определяющих, на основе общих принципов советского административного права:

а) организацию, деятельность, полномочия и ответственность органов, осуществляющих руководство и управление вооруженными силами социалистического государства;

б) отношения, возникающие в процессе этого управления между военнообязанными и органами военного управления, между последними, а также между гражданскими учреждениями, общественными организациями, гражданами и органами военного управления.

Важным является отграничение военно-административного права от военной администрации. На самом деле между военной администрацией и военно-административным правом имеется различие, аналогичное различию между управлением и правом управления.

Военная администрация, также как и управление вообще, представляет собой всю совокупность действий, осуществляемых начальником в целях достижения наилучших результатов. Здесь могут быть и действия технического характера: разделение вооруженных сил на различные категории по роду службы, по назначению, тектоническая их организация, распределение личного состава по объектам работы и т.п.) военно-административное право обнимает собой лишь такие отношения, которые регулируются юридическими нормами (отношения между начальником и подчиненным, между военным органом и органом общегражданской власти и т. п.» [7, л. 36-42].

Данные выводы внесли неоценимый вклад в развитие теории современного военно-административного права.

В деятельности военно-юридической секции также уделялось большое внимание научному осмыслению иных направлений военно-юридической науки. В частности, в архивных документах РАН содержатся сведения о выполнении в 1940 г. в военно-юридической секцией работ по подготовке научных трудов по темам: «Предмет и система военно-судебного права», «Военная подсудность», а также ряд других тем по истории военно-судебного права [5, л. 1].

Также в работе военно-юридической секции уделялось большое внимание вопросам военно-юридического образования. В частности, по предложению С.В. Ромазана в план работы подсекции общих военно-правовых проблем военно-юридической секции включены разработка вопросов о системе военно-юридического образования [4, л. 9].

В работе военно-юридической секции также нашли отражение вопросы военно-полевой криминалистики. Так сотрудниками секции было подготовлено Руководство по криминалистике для военных следователей (учебник) [5, л. 1].

Членами секции проводились научные исследования в области права военных конфликтов, в частности, в плане работы секции на 1940 г. была запланирована тема «Право войны» [5, л. 2].

В деятельности военно-юридической секции также внимание уделялось гражданско-правовым аспектам военного права, в частности, в плане работы секции на 1941 г. были запланированы следующие темы: «Вопросы гражданского, земельного и трудового права, связанные с деятельностью военно-хозяйственных органов», «Влияние войны на имущественную ответственность» [10, л. 3-4].

Нашли свое отражение в работе военно-юридической секции также вопросы комплектования Красной Армии и истории военного права [10, 3-4].

Таким образом, к основным результатам деятельности военно-юридический секции следует отнести развитие теории военного права и его основных подотраслей, признанных современной теорией военного права: права военных конфликтов, военно-социального права, военно-уголовного права.

Из анализа архивных материалов РАН следует, что после начала Великой Отечественной войны работа военно-юридической секции была приостановлена. Однако, уже 15 апреля 1942 г. состоялось заседание инициативной группы в составе 40 человек – представителей Главной военной прокуратуры Красной Армии, Главной прокуратуры Военно-морского флота, Управления военных трибуналов, военных прокуратур «основного гарнизона войск НКВД, Института права Академии наук СССР (протокол № 1), на котором принято решение о признании необходимости возобновления деятельности военно-юридической секции, на заседании также были обсуждены кандидаты в члены секции [11, л. 1].

Приказом № 4 по Институту права Академии наук СССР от 1 июня 1942 г. «О возобновлении деятельности военно-юридической секции Института и утверждении состава бюро секции» было постановлено возобновить в составе Московской группы Института права Академии наук СССР деятельность военно-юридической секции, возложив на нее разработку актуальных проблем военного права, обобщение и изучение фронтового опыта органов военной юстиции [11, л. 9].

Был сформирован перечень кандидатов в обновленный состав военно-юридической секции 1942 г.: от Главной военной прокуратуры Красной Армии – 38 человек; от Главной военной прокуратуры Военно-морского Флота – 8 человек; от Управления трибуналов НКЮ СССР – 17 человек, железнодорожного транспорта – 15 человек, от ВЮА ВККА – 7 человек [11, л. 8-12]

План работы военно-юридической секции на 1942 г. состоял из 4-х разделов: «Вопросы социалистического советского военного права», «Вопросы международного права, связанные с деятельностью органов военной юстиции», «История военного права», «Популярные работы в помощь практическим работникам военной юстиции» [11, л. 8]

Важно отметить, что план включал выполнение работ по темам, непосредственно связанным с началом Великой Отечественной вой-

ны, а именно: «Институт военнопленных в условиях Отечественной войны», «Роль и место военного прокурора и военного следователя в условиях Отечественной войны», «Общий надзор в военное время», «О борьбе с преступностью на транспорте в военное время», «Вопросы расследования различных видов преступлений в военное время и в боевой обстановке», «Советская военная юстиции в частях Красной Армии, действующая на территории иностранных государств», «Роль и значение органов военной юстиции и их взаимоотношениями с командованием и гражданской юстицией в условиях Отечественной войны» [11, л. 8-12]. В этой связи важно подчеркнуть, что проведение специальной военной операции на Украине стимулировало интерес к военно-правовой проблематике и привело к масштабному исследованию широкого круга вопросов, касающихся регулирования военных отношений в период военного конфликта [13].

В то же время в период Великой Отечественной войны также значительно активизировалась деятельность секции по проведению научных исследований, связанных с регулированием военных отношений в период военного конфликта.

В этой связи А.В. Кудашкин отмечает, что прежде всего военное право – это право вооруженных конфликтов. «Отрицая это, мы возвращаемся к отрицанию существования самостоятельной отрасли военного права и признаем наличие некоторых особенностей базовых отраслей права» [15, с. 80-91].

По мнению О.Г. Безбабнова и В.В. Кудашкина, специфичным и естественным для познания военной науки и науки военного права является единый объект — отношения военного конфликта в силу однородности, однопорядковости и естественного существа реальной действительности, образуемой отношениями вооруженного противоборства при военном конфликте. Опосредующее эти отношения право — право военных конфликтов — обеспечивает системные связи военной науки и науки военного права [12, с. 43-47].

Таким образом, опыт работы военно-юридической секции в период Великой Отечественной войны подтверждает вывод, что существование военного права определено отношениями вооруженного противоборства при военном конфликте и потребность в военном праве существенно возрастает именно в период военных конфликтов.

К сожалению, точной даты прекращения деятельности военно-юридической секции в архивных документах РАН обнаружить не удалось. В отчете о работе Института права Академии наук СССР за 1943 г. указано, что «из секций Института военно-юридическая даже не имеет штатных сотрудников и свою работу проводит исключительно силами активистов» [1, л. 10-11]. Вероятно, именно в этот период военно-юридическая секция приостановила свою деятельность.

Из приведенных в статье архивных материалов РАН следует вывод о достаточно широких масштабах и многогранности деятельности военно-юридической секции и неоценимом вкладе последней в развитие военно-юридической науки. Опыт деятельности военно-юридической секции необходимо подвергнуть дальнейшему научному осмыслению на современном этапе развития военно-юридической науки, что будет способствовать достижению основных целей военного права: победы в военном конфликте и обеспечению военной безопасности в мирное время.

Список литературы:

1. АРАН. Ф. 1934 О. 1. Д. 280. Л. 10-11.
2. АРАН. Ф. 1934. О. 1, Д. 184. Л.6-6А.
3. АРАН. Ф. 1934. О. 1, Д. 219. Л. 3-4.
4. АРАН. Ф. 1934. О. 1. Д. 136. Л. 2.
5. АРАН. Ф. 1934. О. 1. Д. 169. Л. 1.
6. АРАН. Ф. 1934. О. 1. Д. 170. Л. 1-5.
7. АРАН. Ф. 1934. О. 1. Д. 196. Л. 36-42.
8. АРАН. Ф. 1934. О. 1. Д. 197. Л. 2.
9. АРАН. Ф. 1934. О. 1. Д. 198. Л. 1-89.
10. АРАН. Ф. 1934. О. 1. Д. 219. Л. 1-4.
11. АРАН. Ф. 1934. О. 1. Д. 269. Л. 1.
12. Безбабнов О.Г., Кудашкин В.В. Соотношение военной науки и военного права // Военное право. 2024. № 3 (85). С. 43-47.
13. Кудашкин А.В. 150 лет военно-юридической науке : в 3 т. Т. I. Генезис военного права России : монография / общ. ред. и вступ. ст. академика РАН А.Н. Савенкова. М., 2026. (буклет). URL: http://igpran.ru/nlive/%D0%B1%D1%83%D0%BA%D0%BB%D0%B5%D1%82%20%D0%A21%2014%2011%202025.pdf (дата обращения 25.02.2026).
14. Кудашкин А.В. К вопросу о зарождении и становлении академической военно-юридической науки в России // Государство и право, 2025. № 11. С. 60-61.
15. Кудашкин А.В. Право вооруженных конфликтов – ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 12. С. 80-91.
16. Кудашкин А.В. Профессор В.М. Чхиквадзе . основатель советской теории военного права // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 179-195.
17. Савенков А.Н. Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2026. № 1. С. 3-34.

References:

1. ARAN. F. 1934 O. 1. D. 280. L. 10-11.
2. ARAN. F. 1934. O. 1, D. 184. L.6-6A.
3. ARAN. F. 1934. O. 1, D. 219. L. 3-4.
4. ARAN. F. 1934. O. 1. D. 136. L. 2.
5. ARAN. F. 1934. O. 1. D. 169. L. 1.
6. ARAN. F. 1934. O. 1. D. 170. L. 1-5.
7. ARAN. F. 1934. O. 1. D. 196. L. 36-42.
8. ARAN. F. 1934. O. 1. D. 197. L. 2.
9. ARAN. F. 1934. O. 1. D. 198. L. 1-89.
10. ARAN. F. 1934. O. 1. D. 219. L. 1-4.
11. ARAN. F. 1934. O. 1. D. 269. L. 1.
12. Bezbabnov O.G., Kudashkin V.V. Correlation of military science and military law // Military law. 2024. No. 3 (85). pp. 43-47.
13. Kudashkin A.V. 150 years of military law science : in 3 volumes - Vol. I. The genesis of Russian military law : a monograph / general ed. and introductory article by Academician of the Russian Academy of Sciences A.N. Savenkov. — Moscow, 2026. (booklet). URL: http://igpran.ru/nlive/%D0%B1%D1%83%D0%BA%D0%BB%D0%B5%D1%82%20%D0%A21%2014%2011%202025.pdf (accessed 02/25/2026).
14. Kudashkin A.V. On the question of the origin and formation of academic military law science in Russia // State and Law, 2025. № 11. pp. 60-61.
15. Kudashkin A.V. The law of armed conflict – the core of military law: problems and relevance of modern research // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2021. No. 12. pp. 80-91.
16. Kudashkin A.V. Professor V.M. Chkhikvadze founder of the Soviet theory of military law // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. Volume 18. No. 1. pp. 179-195.
17. Savenkov A.N. Kudashkin A.V. Military law: problem formulation and solutions // Law in the Armed Forces – Military and Legal Review. 2026. No. 1. pp. 3-34.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_12

УДК 340.12

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
SELECTED ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF PUBLIC SAFETY

КАРЧЕВСКАЯ Наталья Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент, Академия войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург, Россия.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: karcheva68@mail.ru;

СЕМЁНОВА Ирина Владимировна,
кандидат юридических наук, Академия войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург, Россия.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: 9053202867@mail.ru;

KARCHEVSKAYA Natalia I.,
Candidate of Law, Associate Professor, Academy of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: karcheva68@mail.ru;

SEMENOVA Irina Vladimirovna,
Candidate of Law, Academy of National Guard Troops, St. Petersburg, Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: 9053202867@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье проводится анализ отдельных аспектов становления и развития нормативного правового регулирования общественной безопасности. Для обеспечения общественной безопасности в долгосрочной перспективе следует акцентировать внимание на следующих аспектах: государство должно активно защищать граждан от угроз, таких как терроризм, экстремизм и транснациональная преступность; необходимо улучшать работу правоохранительных структур и системы предупреждения преступлений, а также повышать уровень ответственности в сфере общественной безопасности; важно реформировать правоохранительные органы и усилить борьбу с коррупцией через национальные программы Уделено внимание анализу общественной безопасности формируемой в условиях цифровизации и современных геополитических реалий.*

Abstract. *The article analyzes certain aspects of the formation and development of regulatory legal regulation of public safety. In order to ensure public safety in the long term, attention should be focused on the following aspects: the state should actively protect citizens from threats such as terrorism, extremism and transnational crime; it is necessary to improve the work of law enforcement agencies and crime prevention systems, as well as increase the level of responsibility in the field of public safety; It is important to reform law enforcement agencies and strengthen the fight against corruption through national programs. Attention is paid to the analysis of public security formed in the context of digitalization and modern geopolitical realities.*

Ключевые слова: *общество, безопасность, становление, развитие, правовое регулирование, цифровизация, Росгвардия.*
Keywords: *society, security, formation, development, legal regulation, digitalization, Rosgvardiya.*

Для цитирования: *Карчевская Н.И., Семенова И.В. Отдельные аспекты правового регулирования общественной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 12-15. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_12.*
For citation*: Karchevskaya N.I., Semenova I.V. Selected aspects of the legal regulation of public safety // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 12-15. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_12.*

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

Положения нормативного правового регулирования вопросов обеспечения безопасности, а также защиты прав человека, включая их возможные ограничения, отражены в Конституции РФ, в частности, в третьем пункте пятьдесят пятой статьи и в статье пятьдесят шестой. Когда речь заходит о регулировании вопросов общественной безопасности в России, акцент делается на статью 72, которая указывает на совместную ответственность федерации и ее субъектов в этой сфере, согласно подпункту «б» первого пункта.

В начале 90-х годов, в период конституционных изменений в России, началась разработка нормативной базы для системы национальной безопасности. Федеральный закон «О безопасности»[1], устанавливающий основы для защиты страны и регулирования социально-правовых аспектов в этой сфере, был принят за год до принятия Конституции РФ. Это привело к тому, что некоторые из его статей оказались в диссонансе с положениями главенствующего законодательного документа страны.

В контексте обеспечения безопасности изменения в Конституцию РФ 2020 года усилили положения по защите государственного суверенитета и целостности страны. Согласно новому пункту в статье 65, Россия гарантирует сохранение своих границ. Запрещается любое действие, ведущее к передаче территорий РФ, за исключением установления границ с соседями. Также недопустимы призывы к таким действиям. Эти меры подчеркивают приоритетность сохранения территориальной неприкосновенности в рамках общественной безопасности и теперь имеют прямое конституционное подтверждение.

Следует отметить, что с 2013 года в России действует законодательство, предусматривающее ответственность за обращения к действиям, угрожающим единству страны (по статье 280.УК РФ), который вступил в силу 9 мая 2014 года. Однако, норма о наказании за сам акт нарушения территориальной целостности (по статье 280.2 Уголовного кодекса РФ) был принят лишь в 2020 году, после внесения поправок в Конституцию РФ. [1, С.48-49] Основные принципы конституционного устройства и предложения по механизмам их применения влияют не только на работу государственных органов и правоприменительные процедуры, но и воздействуют на правовую осведомленность населения, чувство постоянства и надежды на прогресс государства, а также на уровень доверия к властным структурам. [2, с. 25]

Н. М. Самородов отмечает, что из-за совпадения с положениями Конституции РФ, в частности с п. 2 ст. 24 и п. 3 ст. 55, статья 7 Закона

[1] Федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности» // Российская газета. № 295. 2010.

РФ «О безопасности», которая касается уважения прав и свобод граждан, не находит применения в практике формирования правовых основ безопасности. [3, с. 15]

Поскольку существующий закон «О безопасности» не мог эффективно регулировать вопросы безопасности, Стратегия национальной безопасности стала основополагающим документом, послужил основой для всех последующих нормативных актов в данной области. Он заложил основы для развития системы национальной безопасности, включая общественную безопасность, и стал отправной точкой для новой государственной политики в этой сфере[1]. [4]

В рамках стратегического развития государства значительное внимание уделяется интеграции государственных интересов и целеполагания в контекст национальной безопасности. В документе, определяющем стратегию до 2020 года, в первой части, второй статье акцентируется внимание на определении стратегических приоритетов, задач, которые ставит перед собой страна, и способах их достижения. Данный акт, вызвал определенную полемику в кругу ученых, суть которой заключалась в определении значимости для стратегического планирования терминов «интересы» и «ценности».

Ю. И. Мигачев и Н. А. Молчанов акцентируют внимание на трех аспектах. В тексте документа содержится утверждение о важности учета интересов граждан при разработке основ, по которым строится государственная стратегия в области обеспечения публичной безопасности. [5, с.47]

С.С. Карнаухов выступает с предложением заменить термин «интересы» на «ценности» при рассмотрении ключевых аспектов общественной безопасности. Он утверждает, что именно ценности должны стать главным фокусом при обеспечении стабильности и защиты общества. [6]

В. А. Антошин и А. П. Пилявский констатируют, что невозможно однозначно сказать, что изменение текста стратегии национальной безопасности приведет только к хорошим последствиям. Необходимы дополнительные разъяснения по некоторым пунктам. Тем не менее, новый подход к осмыслению национальной безопасности, последовательность в принятии решений и расширение используемой терминологии предоставляют больше возможностей для создания специфических мер предотвращения и предупреждения угроз. [7, с. 146]

Следует отметить, что в контексте современного развития цифровизации, необходимость рассмотрения «интересов» и «ценностей» через призму технологий. Представляется возможным выделить вид общественной безопасности «цифровая общественная безопасность», представляющую собой комбо из таких видов общественной безопасности, как информационная, научно-техническая и интеллектуальная.

Любая информация, имеющая цифровую форму, не зависимо в какой сфере общественных отношений она формируется, является предметом преступного посягательства. [9] и требует самостоятельного осмысления осуществления ее безопасности. С этой целью формируется в настоящее время блок нормативного правового регулирования[2], определяющий основу ее безопасности и формируется самостоятельное направление российского права «Цифровое право». [10,11]

В теории права обсуждаются попытки выделить цифровое или интернет-право как самостоятельную правовую область. Для этого необходимо наличие уникального предмета и метода регулирования. Однако нельзя утверждать, что в цифровой сфере возникают принципиально новые правоотношения или способы их урегулирования. Главным отличием цифровых отношений является использование специфичной коммуникационной среды - интернета и цифровых данных. При этом привычные социальные взаимодействия, такие как имущественные или политические отношения, лишь получают новую цифровую оболочку. Следовательно, цифровое право не рассматривается в юридической науке и законодательстве как отдельная отрасль, скорее как особый раздел нормативных актов, регулирующих вопросы, связанные с передачей цифровой информации.

В рамках заявленной тематики, следует, прежде всего, обратить внимание на «Концепцию общественной безопасности», утвержденную Президентом РФ в 2013 году, определяющую стратегическое планирование до 2020 года и новую «Стратегию», которая со слов отдельных ученых не имеет аналогов в мире и определяет значимость создания независимой системы, обеспечивающей национальную безопасность, коренится в философском утверждении о разделении понятий «государство» и «общество». Они сосуществуют, но не сливаются воедино. Государство — это рамка, внутри которой социальная структура превращается в гражданское общество. Правовое и демократическое государство является питательной средой для развития зрелого гражданского общества благодаря защите и признанию прав и свобод. Авторитарные или тоталитарные системы, напротив, могут ассимилировать или подавить элементы гражданского общества. [11, с. 14]

Утвержденная в 2021 году «Стратегия» стала документом, который служит основой для стратегического развития, устанавливающим основные направления и цели, которым следует государственная политика России в контексте национальной безопасности и прогресса на длительную перспективу, определяя при этом важнейшие задачи и ориентиры для поддержания интересов страны, обозначив в пункте 2 основу государственного курса для гарантирования безопасности нации и ее стабильного будущего на протяжении многих лет вперёд[3]. Одним из приоритетных направлением является обеспечение общественной безопасности (подп. 3 п. 26).

Отдельные ученые, писали, что для обеспечения общественной безопасности в долгосрочной перспективе следует акцентировать внимание на четырех ключевых аспектах: государство должно активно защищать граждан от угроз, таких как терроризм, экстремизм и транснациональная преступность; необходимо улучшать работу правоохранительных структур и системы предупреждения преступлений, а также повы-

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 (в ред. от 01 июля 2014 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. (дата обращения 15.01. 2026 г.)

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. № 165. 2006; Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» // Российская газета. № 166. 2004; Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О национальной платежной системе» // Российская газета, № 139. 2011; Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. ст. 7074; Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // Собрание законодательства РФ. .2025, № 2 ст. 76; «Концепция цифрового рубля» // URL: http://www.cbr.ru/. (дата обращения 30.01.2026 г.)

[3] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II), ст. 5351.

шать прозрачность их действий; важно реформировать правоохранительные органы и усилить борьбу с коррупцией через национальные программы. [12, с. 191] В настоящее время мы наблюдаем активное проявление указанных положений.

На совместном мероприятии, организованном Советом Безопасности РФ и Президиумом Госсовета РФ, было установлено начало новой фазы в исследованиях, направленных на повышение уровня безопасности. Впоследствии, была разработана междуведомственная программа, включающая в себя фундаментальные, эксплоративные и прикладные проекты, нацеленные на изучение вопросов безопасности.

По мнению А.М. Воронова, указанный документ подытоживает опыт работы правоохранительных органов в экстремальных ситуациях, вызванных пандемией COVID-19. В нем обновлены современные вызовы, с которыми сталкивается общественная безопасность в Российской Федерации. Также в документе пересмотрены основные цели и задачи, установлены принципы и направления сотрудничества между государственными структурами, местным самоуправлением и общественными институтами для гарантии безопасности общества и защиты прав граждан в России. [13, с. 115]

Справедливо высказывание С.И. Гирько, который напоминает, что в России уровень общественной безопасности всегда был предметом беспокойства. Это затрагивает не только преступность, но и множество других факторов, влияющих на стабильность в стране. [14]

Необходимо пересмотреть восприятие сути государственной политики в определенной области социальных связей. Рационально было бы рассматривать ее как элемент системы управления в секторе государственной безопасности РФ. Это комплекс мероприятий, включающий в себя правовые, управленческие, охранительные, финансовые и информационные инструменты. Они предназначены для обеспечения защиты граждан от преступлений и других незаконных действий в публичных местах, на транспортных узлах, в инфраструктуре, а также от чрезвычайных ситуаций разного происхождения. [15, с. 252]

Стратегия 2021 года, определяет, что для повышения безопасности государства и общества, акцент делается на укрепление роли государства в защите личных прав и собственности. Улучшение работы органов, относящихся к правоохранительным, в защите конституционного строя, личных прав и свобод становится приоритетом. Развитие системы предотвращения преступности и обеспечение неизбежности наказания за преступления являются приоритетными направлениями. В обществе должно формироваться неприятие к любым формам противоправного поведения (п. 41, подпункт 12 пункта 47).

В научной литературе отмечается важность не только обнаружения и прерывания незаконных действий, а также раскрытия и ведения следствия, но и важность профилактических мер для укрепления и поддержания стойкого порядка в обществе. Эти меры должны способствовать предотвращению нарушений закона и преступлений, обеспечивая тем самым безопасность и стабильность общественной среды . [16, с.13]

Принцип неотвратимости наказания проходи красной нитью в положениях, определяющих государственную политику в сфере общественной безопасности. Для укрепления законопослушности и порядка в государстве крайне важно, чтобы каждый, кто рассматривает возможность совершения преступления, был уверен: наказание за его поступок неизбежно. Ясность этого осознания должна стать сдерживающим фактором от незаконных действий. [17, с.245] Неотвратимость наказания вытекает из принципа законности, который является основой Конституции РФ (см. статью 15), ФЗ «О безопасности» обязывает каждого человека соблюдать установленные законы и нормативные акты, проистекающие из них. Этот принцип подчеркивает, что закон имеет одинаковую силу для всех без исключения, подтверждая равенство перед законодательством и правосудием. Ответственность за нарушения неизбежна и охватывает все аспекты правовой системы, начиная от создания законов до их применения и исполнения. Принцип законности напрямую определяет или скорее подразумевает неизбежность применения наказания. [18]

Проведя параллель с Федеральным законом «О безопасности», то в нем отсутствует какое-либо упоминание о рассматриваемом принципе и его приоритетом положении. В нем закрепляется принцип законности, который реализовывается в «Стратегии», которая является исходным для нормативного правового регулирования обеспечения общественной безопасности и издания внутриведомственных актов.

Одним из приоритетных направлений государственной деятельности в сфере национальной безопасности Российской Федерации до 2030 года является обеспечение государственной и общественной безопасности. Кроме того, особое внимание уделяется поддержанию мирной жизни, политической и социальной устойчивости общества. Деятельность правоохранительных структур в области обеспечения общественной безопасности занимает особое место в системе обеспечения комфортных условий для проживания населения, ведения бизнеса и защиты законных интересов и прав жителей.

С закреплением нового вида безопасности - «государственной», в научных кругах возродились споры о его толковании, который состоит не только их безопасности общества, но и защищенности органов, обеспечивающих безопасность общества. [19, с.65] Тем самым определив взаимосвязь государственной и общественной безопасности путем законодательного закрепления, поскольку основополагающий признак любого суверенного государства - это наличие власти, выражающей свою волю через органы управления.

В рамках заявленной тематики исследования, интересны нормативные правовые акты Росгвардии, регулирующие деятельность должностных лиц, направленную на обеспечение безопасности общества. Действия войск национальной гвардии Российской Федерации строго регламентированы законами, которые предусматривают, что разрешено только то, что не противоречит законодательным актам. Это правило находит отражение в законах, управляющих деятельностью правоохранительных органов, чтобы не нарушать защищаемые интересы и свободы граждан.

Указом Президента РФ[1], определены полномочия Федеральной службы, направленные на обеспечение безопасности. Реализация современной Стратегии осуществляется совместно с Федеральной службой войск национальной гвардии РФ, поскольку обеспечение общественной безопасности входит в число ее задач. Для их решения подразделения Росгвардии, например: участвуют в охране общественного порядка; охраняют

[1] Указ Президента РФ от 30.09.2016 № 510 (ред. от 30.07.2024) «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» (вместе с «Положением о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. 2016. № 41. ст. 5802.

важные государственные объекты; осуществляют контроль оборота оружия, частной охранной деятельности; охрану мест хранения имущества граждан; участвуют в борьбе с терроризмом и экстремизмом, в том числе в условиях чрезвычайного положения или вооруженного конфликта[1].

Общественная безопасность обладает многогранной природой, охватывая не только правовые и политические аспекты, но и производственно-технические, экономические, а также информационные, культурные и духовно-нравственные составляющие. Особое значение эти элементы приобрели с началом СВО, что требовало скорейших изменений в общественном сознании, обычно формирующемся годами. Мгновенно обозначилось разделение стран и элит на дружественных, нейтральных и недружественных России, а также осознание реальных внешних угроз. Несмотря на усилия зарубежных противников, народ объединился вокруг Президента РФ и активно защищает ценности и духовные основы как на фронте, так и в тылу. Такая трансформация вызвала необходимость срочной корректировки политики общественной безопасности, что привело к многочисленным изменения в нормативных правовых актах и принятием новых для предоставления эффективного применения обновленных принципов политики общественной безопасности на практике.

Список литературы:

1. Ирошников Д. В. Отражение категории "безопасность" и производных от нее понятий в конституции российской федерации (в свете поправок 2020 года) // Вопросы безопасности. 2021. №3. С. 44-59.
2. Комарова В.В. Конституционная реформа 2020 г. В России (некоторые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2020. №8(117). С. 22-21
3. Самородов Н.М. Совершенствование национальной безопасности в Российской муниципальное право. 2011 № 5 19 С.15
4. Мигачев Ю.И. Правовые основы национальной (административные и информационные аспекты) / Мигачев Ю.И., Молчанов Н.А. // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 47-50.
5. Карнаухов С.С. «Интересы или ценности»: основная проблема исследований безопасности как государственно-правового феномена // История государства и права. 2009. № 7. С. 18-20.
6. Антошин В. А. Развитие концептуальных и нормативно-правовых основ обеспечения национальной и общественной безопасности Российской Федерации / В. А. Антошин, А. П. Пилявский // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы II Международной научно-практической конференции: в 2-х томах, Екатеринбург, 18–20 апреля 2016 года / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Том 1. – Екатеринбург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. С. 143-151.
7. Семенова И. В. Цифровая информация как предмет посягательства преступлений в сфере компьютерной информации / И. В. Семенова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74), № 4. С. 158-165.
8. Васильев А., Ибрагимов Ж., Насыров Р., Васев И. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11(22). С. 15-18.
9. Артамонов А. Н. Цифровое право или право цифры: от удобства до опасности утраты государственного суверенитета // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2022. № 2(102). С. 30-33.
10. Воронов А. М. Теоретико-методологические основы проектирования Концепции обеспечения общественной безопасности на период до 2030 года / А. М. Воронов, Р. Н. Лапидус // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 2(54). С. 12-17.
11. Севостьянов В.А. Совершенствование правового регулирования общественной безопасности в Российской Федерации // Социология власти. 2011. №1. С. 191-196.
12. Воронов А.М. Правовые концепты к проекту концепции общественной безопасности в российской федерации на период до 2030 года // Право. Серия: Экономика и Право №7 июль 2020 г. С. 113-117.
13. Гирько С.И. Современный вектор развития концепции общественной безопасности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 26-30.
14. Пролетенкова С. Е., Беликов А. П. О концептуальных основах обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. №1. С. 249-259.
15. Верещагин Г. Н. Деятельность правоохранительных органов по поддержанию общественного порядка и общественной безопасности // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2023. №3. С. 9-15.
16. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. Юристъ, 2004. 245с.
17. Теория государства и права: Курс лекций под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько М.: Юристъ; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ. 2001. 776 с.
18. Ирошников Денис Владимирович Государственная безопасность Российской Федерации: понятие и содержание // Юридическая наука. 2011. №2. С. 65-70.

References:

1. Iroshnikov D. V. Reflection of the category "security" and concepts derived from it in the Constitution of the Russian Federation (in the light of the 2020 amendments) // Security Issues. 2021. No. 3. pp. 44-59.
2. Komarova V. V. Constitutional reform 2020 In Russia (some aspects) // Actual problems of Russian law. 2020. No. 8 (117). pp. 22-21
3. Samorodov N.M. Improving national security in Russian municipal law. 2011 No. 5 19 p.15
4. Migachev Yu.I. Legal foundations of national (administrative and informational aspects) / Migachev Yu.I., Molchanov N.A. // Administrative law and process. 2014. No. 1. pp. 47-50.
5. Karnaukhov S.S. "Interests or values": the main problem of security research as a state-legal phenomenon // History of the State and law. 2009. No.7. pp. 18-20.
6. Antoshin V. A. Development of conceptual and regulatory foundations for ensuring national and public security of the Russian Federation / V. A. Antoshin, A. P. Pilyavsky // Strategies for the development of social communities, institutions and territories : proceedings of the II International Scientific and Practical Conference: in 2 volumes, Yekaterinburg, April 18-20, 2016 / Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Volume 1. Yekaterinburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 2016. pp. 143-151.
7. Semenova I. V. Digital information as a subject of encroachment of crimes in the field of computer information / I. V. Semenova // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2022. Vol. 8 (74), No. 4. pp. 158-165.
8. Vasiliev A., Ibragimov J., Nasyrov R., Vasev I. The term "digital law" in doctrine and legal texts // Legal Linguistics. 2019. No. 11(22). pp. 15-18.
9. Artamonov A. N. Digital law or the law of numbers: from convenience to the danger of loss of state sovereignty // Law Bulletin of the Rostov State University of Economics. 2022. No. 2(102). pp. 30-33.
10. Voronov A.M. Theoretical and methodological foundations of designing the Concept of ensuring public safety for the period up to 2030 / A.M. Voronov, R.N. Lapidus // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2020. No. 2(54). pp. 12-17.
11. Sevostyanov V.A. Improving the legal regulation of public safety in the Russian Federation // Sociology of power. 2011. No. 1. pp. 191-196.
12. Voronov A.M. Legal concepts for the draft concept of public safety in the Russian Federation for the period up to 2030 // Law. Series: Economics and Law No. 7 July 2020, pp. 113-117.
13. Girko S.I. The modern vector of development of the concept of public safety in the Russian Federation // Administrative law and process. 2020. No. 8. pp. 26-30.
14. Proletenkova S.E., Belikov A. P. On the conceptual foundations of public safety in the Russian Federation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. pp. 249-259.
15. Vereshchagin G. N. The activities of law enforcement agencies to maintain public order and public safety // Scientific Papers of the Moscow University for the Humanities. 2023. No. 3. pp. 9-15.
16. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of the state and law: textbook. Jurist, 2004. 245s.
17. Theory of the State and law: A course of lectures edited by N.I. Matuzov and A.V. Malko M.: Jurist; 2nd ed., reprint. and add. m.: Lawyer. 2001. 776 p
18. Iroshnikov Denis Vladimirovich State security of the Russian Federation: concept and content // Legal Science. 2011. No. 2. pp. 65-70.

[1] Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Российская газета. № 146. 2016.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_16

УДК 340.5:614.4

ПРАВОВЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИММУНОПРОФИЛАКТИКИ ЯПОНСКОГО ЭНЦЕФАЛИТА В РОССИИ И ЯПОНИИ
LEGAL AND HISTORICAL ASPECTS OF IMMUNIZATION AGAINST JAPANESE ENCEPHALITIS IN RUSSIA AND JAPAN

РАТНИКОВА Василиса Игоревна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского, предпринимательского и транспортного права
ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения».
680021, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47.
E-mail: vitaflamma@gmail.com;

СТРЕЛЬНИКОВА Наталья Викторовна,
кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры микробиологии, вирусологии и иммунологии
ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.
680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 35.
E-mail: jpdom@mail.ru;

КОЛЬЦОВ Игорь Петрович,
кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой микробиологии, вирусологии и иммунологии
ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.
680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 35.
E-mail: k_mikr@mail.fesmu.ru;

СТРЕЛЬНИКОВ Игорь Анатольевич,
старший преподаватель высшей школы лингводидактики ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет».
680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
E-mail: jpregion@gmail.com;

RATNIKOVA Vasilisa Igorevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Education, Entrepreneurship and transport rights of the Far Eastern State Transport University.
47 Serysheva Street, Khabarovsk, 680021, Russia.
Email: vitaflamma@gmail.com;

STRELNIKOVA Natalya Viktorovna,
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Microbiology, Virology and Immunology Far Eastern State Medical University.
35 Muravyova-Amursky Street, Khabarovsk, 680000, Russia.
Email: jpdom@mail.ru;

KOLTSOV Igor Petrovich,
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Microbiology, Virology and Immunology Far Eastern State Medical University.
35 Muravyova-Amursky Street, Khabarovsk, 680000, Russia
Email: k_mikr@mail.fesmu.ru;

STRELNIKOV Igor Anatolievich,
Senior Lecturer at the Higher School of Linguodidactics Pacific National University.
136 Tihookeanskaya Street, Khabarovsk, 680035, Russia.
Email: jpregion@gmail.com

Краткая аннотация. *Статья посвящена сравнительному анализу правовых и исторических аспектов иммунопрофилактики японского энцефалита в России и Японии. Рассматривается эволюция государственной политики в области вакцинации против данного заболевания. В Японии, несмотря на отсутствие юридической обязательности, вакцинация против японского энцефалита включена в национальный календарь профилактических прививок и рекомендуется для детей и лиц из групп риска. В России, напротив, вакцина против японского энцефалита не производится, не зарегистрирована и не включена в национальный календарь прививок, что создаёт потенциальные эпидемиологические риски в приграничных с эндемичными регионами территориях. В случае выезда российских граждан в страны, где регистрируются случаи японского энцефалита, им рекомендуется проходить иммунизацию на территории пребывания. Исследование подчеркивает необходимость пересмотра стратегии иммунопрофилактики в России с учётом роста глобальной мобильности и угрозы заноса инфекции.*

Abstract: *This article provides a comparative analysis of the legal and historical aspects of Japanese encephalitis immunization in Russia and Japan. It examines the evolution of state vaccination policy against this disease. In Japan, despite the lack of legal obligation, vaccination against Japanese encephalitis is included in the national immunization schedule and is recommended for children and individuals at risk. In Russia, by contrast, a vaccine against Japanese encephalitis is not produced, registered, or included in the national immunization schedule, creating potential epidemiological risks in areas bordering endemic regions. When Russian citizens travel to countries where cases of Japanese encephalitis have been reported, they are advised to receive immunization in their host country. This study highlights the need to revise Russia's immunization strategy given increasing global mobility and the risk of infection importation.*

Ключевые слова: *иммунопрофилактика, японский энцефалит, нормативно-правовые акты, вакцинация, календарь прививок, коллективный иммунитет, Япония, Россия, поствакцинальное осложнение.*

Keywords: *immunoprophylaxis, Japanese encephalitis, regulations, vaccination, vaccination schedule, herd immunity, Japan, Russia, post-vaccination complications.*

Для цитирования: *Ратникова В.И., Стрельникова Н.В., Кольцов И.П., Стрельников И.А. Правовые и исторические аспекты иммунопрофилактики японского энцефалита в России и Японии // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 16-19. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_16.*

***For citation**: Ratnikova V.I., Strelnikova N.V., Koltsov I.P., Strelnikov I.A. Legal and historical aspects of immunization against Japanese encephalitis in Russia and Japan // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 16-19. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_16.*

Статья поступила в редакцию: 30.12.2025

Японский энцефалит (далее – ЯЭ), Japanese encephalitis (англ., JE), чаще известный как комариный вирусный энцефалит, имеет собственный код A83.0 Японский энцефалит в разделе «Некоторые инфекционные и паразитарные болезни (A00-B99)» международной классификации болезней МКБ-10. В классификации 11-го пересмотра МКБ-11 в разделе «Инфекционные и паразитарные болезни (1)» японскому энцефалиту присвоен иной код: 1C85. Синонимами для японского энцефалита, характеризующими его эпидемиологические и эпизоотические особенности, служат следующие наименования вирусной инфекции: осенне-летний энцефалит, азиатский энцефалит, инфекционная анемия лошадей и другие варианты [1].

Японский энцефалит (ЯЭ) – это тяжелое проявление зоонозного, природно-очагового, трансмиссивного инфекционного заболевания, которое вызывает нейротропный вирус японского энцефалита (далее – ВЯЭ), Japanese encephalitis virus (англ., JEV), передающийся кровососущими комарами.

Вирусы ЯЭ включены в экологическую группу арбовирусов, передающихся насекомыми, наиболее часто комарами и клещами, поражают преимущественно центральную нервную систему, а именно: сосуды головного мозга и менингеальные оболочки, реже печень, сердце и почки.

Вирус японского энцефалита относят ко II группе патогенности (вирулентности), согласно СанПин. 3.3686-21, наряду с другими вирусами семейства Флавивирусов (*Flaviviridae*) [2]. Так, множество представителей флавивирусов являются вирусами комплекса японского энцефалита (ЯЭ), Западного Нила, Ильеус, Росио, Сент-Луис (энцефалиты), Усуту, (энцефалит), долины Муррея, Карши, Кунжин, Сепик, Вессельсборн; включают вирусы геморрагических лихорадок: Омской геморрагической лихорадки (ОГЛ); желтой лихорадки, лихорадок Зика, Денге, Сокулук. К флавивирусам также относят вирусы комплекса клещевого энцефалита (КЭ) [3], Алма-Арасан, Лангат, Негиши, Повассан. В это же семейство флавивирусов внесли вирусы гепатита С, который ранее именовали «гепатит ни А, ни В», вызывающие парентеральный гепатит, гепатоцеллюлярную карциному печени [2].

Японский энцефалит - вирусная инфекция, которая существовала в основном в Азии на протяжении тысячелетий, но её существование было признано в Японии в 1871 году [4].

По данным ВОЗ эндемическая передача ВЯЭ имеет место в 24 странах региона Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, Австралии и Новой Зеландии, Западной части Тихого океана и подвергает риску заражения более 3 миллиардов человек. Ежегодно японским энцефалитом заболевают около 68 000 человек во всем мире, из которых 24 000 умирают, и около 9 000 имеют серьезные осложнения [4, 5].

В последние годы болезнь вышла за рамки своих традиционных границ: случаи заболевания зафиксированы в восточной Индонезии, Папуа-Новой Гвинее, Торресовом проливе и на материковой части Австралии. Население 24 стран общего ареала ЯЭ вакцинозависимо [5]. На рис. 1 представлены территории с природно-очаговым распространением ЯЭ, включая страны, граничащие с Россией: Китай, Корея и Япония [6].

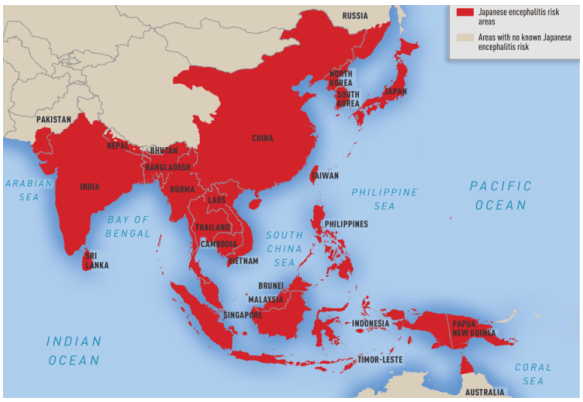


Рис.1 Распространённость инфекционного комариного вирусного энцефалита (японский энцефалит) на эндемичных по заболеванию территориях стран мира [6]

Японский энцефалит не является распространённым заболеванием в России, имеются данные о неожиданных вспышках японского энцефалита в Хасанском районе Приморского края среди военнослужащих в 1938-1943 гг., когда заболели 800 человек. В 1959 г. – 7 человек, 1965 г. – 9 человек, всего заболели в России 816 человек. Очаг ЯЭ в Приморском крае самоликвидировался [1]. В этой связи в Национальном календаре прививок и календаре профилактических прививок [7] гарантированная иммунопрофилактика против японского энцефалита отсутствует на протяжении длительного периода, начиная с 1958, 1966, 1968, 1980, 1996, 2008, 2011 гг., когда вносились изменения в состав календарей профилактических прививок СССР и Российской Федерации.

На 25.12.2025 в Государственном реестре лекарственных средств не зарегистрировано ни одной вакцины против ЯЭ, что создаёт потенциальный эпидемиологический риск для жителей приграничных регионов Дальнего Востока, а также для россиян, выезжающих в эндемичные

страны [8].

Риск заражения у путешественников очень низкий, но возрастает при длительном пребывании (более 1 месяца), посещении сельских районов с рисовыми плантациями и свиноводческими хозяйствами, наличии заболоченных территорий — мест обитания цапель и аистов, являющихся амплификаторами ВЯЭ [1, 8].

Специфического лечения ЯЭ не существует [12, с. 24, 14]. Терапия носит симптоматический и паллиативный характер. Единственными эффективными мерами профилактики являются:

1) Вакцинация – основной инструмент специфической профилактики ЯЭ;

2) Неспецифические меры профилактики – защита от укусов комаров.

Вакцина против ЯЭ относится к редким, но важным способам профилактики заболевания в Японии. Правовое регулирование иммунопрофилактики ЯЭ в Японии осуществляется двумя основными законами:

1) Закон о вакцинации № 68 от 30.06.1948 г.; (яп. 予防接種法．昭和23年06月30日法律第68号 (Yobō sesshu-hō. Shōwa nijūsan-nen roku-gatsu sanjū-nichi hōritsudai rokujūhachi-gō) [9];

2) Закон о профилактике инфекционных заболеваний и медицинской помощи пациентам с инфекционными заболеваниями. № 114 от 02.10.1998 г. (яп. 感染症の予防及び感染症の患者に対する医療に関する法律. 平成十年十月二日法律第百十四号 (Kansenshō-no yobō oyobi kansenshō-no kansha-ni taisuru iryō-ni kansuru hōritsu. Heisei jū-nen jū-gatsu futsuka hōritsu dai hyaku jūyon-gō) [10].

Согласно Закону о вакцинации [9], японский энцефалит входит в заболевания класса А. В соответствии с Законом о профилактике [10], ЯЭ можно отнести к инфекционным заболеваниям IV класса, которое передаётся человеку через животных и т.п. Лица, имеющие право на плановую вакцинацию против болезней класса А, должны стремиться получить вакцину. Если субъектом является лицо моложе 16 лет или взрослый подопечный, его/ее опекун должен принять меры для получения плановой прививки или специальную вакцинацию с учетом противопоказаний [9, 10, 11]. В отношении любого заболевания, указанного в постановлении правительства, губернатор префектуры может назначить район в префектуре, где вакцинация против этого заболевания не считается обязательной, принимая во внимание статус и уровень заболеваемости на территории.

В Японии ВЯЭ входит в плановую вакцинацию детей. Это рекомендуемые правительством вакцины, предоставляемые бесплатно или за минимальную плату для жителей, они направлены на профилактику ЯЭ у детей и входят в национальный график иммунизации. Осуществление права на вакцинацию в Японии осуществляют путем получения купона на вакцинацию от своего местного городского или районного офиса. Купоны указывают на тип вакцины, период и инструкции по записи на прием [11]. Таким или подобным образом вакцинацию может получить иностранец, длительно пребывающий в Японии при наличии рабочей или семейной визы.

По графику вакцинации, рекомендованному Японским педиатрическим обществом по состоянию на 25.12.2025 [11] в отношении ВЯЭ указаны:

- рекомендуемый возраст: на 3-ем году жизни 2 раза с интервалом 6-28 дней; на 4-ом году, через год после 2-ой вакцинации и однократно в 9-12 лет;

- допустимый возраст для вакцинации: с 6 месяцев; 5-7,5 лет; после 12 лет.

Вакцины, входящие в плановый график иммунизации, настойчиво рекомендуются, но не являются юридически обязательными. Тем не менее, родителям настоятельно советуют вакцинировать своих детей для предотвращения вспышечной заболеваемости японским энцефалитом. Записи о вакцинации против ЯЭ часто требуют для поступления в школу и участия в определенных мероприятиях [9, 10, 11. 12]. В настоящее время в Японии, для профилактики ЯЭ производят и применяют две инактивированных вакцины. Вакцина "JEVIC V", была одобрена японским Законом о фармацевтике (яп. 薬事法Yakujihō) 23 февраля 2009 года, с 02 июня 2009 года начались ее поставки в учреждения здравоохранения. Вторая вакцина «Энцевак» для подкожных инъекций (яп. エンセバック皮下注用Ensebakku hika chūyō), получила одобрение соответствующих органов 17 января 2011 года, а в апреле начались ее отгрузка потребителям [13].

В Японии, по вопросам вакцинации от японского энцефалита, можно обратиться в любое медицинское учреждение страны, где пациенту будет представлена исчерпывающая информация о месте, времени и способах получения прививки. Вакцинацию проводят в назначенных распоряжениями клиниках, больницах или центрах общественного здоровья.

Обычно требуется предварительная запись, и некоторые клиники могут иметь специальные дни для вакцинаций. Книга здоровья матери и ребенка (母子健康手帳, Boshi Kenkō Techō) выдается родителям новорожденных как документ. Его используют для отслеживания записей о вакцинации и здоровье. Инактивированную вакцину рекомендуют детям с 6 месяцев, которые будут путешествовать, или находиться в эндемичных по ЯЭ районах, или проживать в районах, где подтверждены высокие титры антител к ЯЭ у свиней.

Вакцинированные люди защищены от инфекционных заболеваний индивидуальным иммунитетом, и количество инфекционных заболеваний снижается в целом, путем формирования социального или коллективного иммунитета. По этим причинам важно продвигать национальную политику, поддерживая здоровье людей и предотвращать инфекции путем вакцинации. Кроме того, с развитием транспортных систем, инфекционные заболевания становятся все более глобальными и безграничными, поэтому вакцинация имеет большое значение как национальное управление кризисами [13, 14].

Наряду с вакцинацией, важное значение в профилактике инфекционных заболеваний, передающихся через укусы кровососущих насе-

комых и клещей, имеют неспецифические меры. В Российской Федерации такие мероприятия регламентируются пунктами пп. 3379–3380 СанПиН 3.3686-21 [2]. К ним относятся: благоустройство парков, скверов и других мест массового пребывания населения; проведение дезинсекционных противоэпидемических мероприятий; энтомологический мониторинг в очагах трансмиссивных инфекций и вблизи водоёмов; обработка домашних животных инсектоакарицидными препаратами; а также информирование и обучение населения методам индивидуальной защиты от укусов клещей и насекомых.

СанПиН 3.3686-21 также содержит специализированные разделы, посвящённые профилактике отдельных эндемических природно-очаговых инфекций, вызываемых вирусами семейства *Flaviviridae*. В частности, пункты 1621–1689 части XX регулируют меры профилактики клещевого энцефалита, пункты 1690–1733 части XXI — лихорадки Зика, а пункты 1799–1839 части XXIII — лихорадки Западного Нила [2]. В связи с расширением ареала обитания переносчиков и резервуарных хозяев вируса японского энцефалита, а также с учётом риска его заноса на приграничные территории Дальнего Востока России, представляется целесообразным в ближайшей редакции Санитарных правил и норм предусмотреть отдельный раздел, посвящённый профилактике японского энцефалита.

Таким образом, благодаря вакцинации и укреплению систем общественного здравоохранения заболеваемость ряда инфекций значительно снизилась, что в свою очередь делает преимущества иммунизации менее наглядными для общества. В то же время нестандартные или побочные реакции на вакцины зачастую получают непропорционально высокую общественную и медиа-релевантность. В условиях расширения спектра инфекций, предотвратимых с помощью вакцин – включая такие угрожающие заболевания, как японский энцефалит, – особенно важно развивать осознанное понимание национального значения иммунизации, объективно оценивая как её преимущества, так и возможные риски.

Список литературы:

1. Лукин Е. П. Японский энцефалит - XXI век / Е. П. Лукин // Журнал инфектологии. 2017. Т. 9. № 1. С. 15-30. DOI 10.22625/2072-6732-2017-9-1-15-30.
2. Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней» : Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.06.2025).
3. Ратникова В.И., Кольцов И.П., Стрельникова Н.В., Сафронова Е.В., Стрельников И.А., Козлова С.Г. Организация обязательной вакцинации против клещевого энцефалита в России: история и современность. Якутский медицинский журнал. 2025. № 90 (2). С. 51-56. DOI 10.25789/YMJ.2025.90.11.
4. Erlanger TE, Weiss S, Keiser J, Utzinger J, Wiedenmayer K. Past, Present, and Future of Japanese Encephalitis // Emerg Infect Dis. 2009. № 15(1). P. 1-7. DOI 10.3201/eid1501.080311.
5. Японский энцефалит: Стандарты эпиднадзора за управляемыми инфекциями // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/publications/m/item/vaccine-preventable-diseases-surveillance-standards-je (дата обращения: 05.06.2025).
6. Satchidanandam, Vijaya. (2020). Japanese Encephalitis Vaccines. Current Treatment Options in Infectious Diseases. 12. P. 375-386. DOI 10.1007/s40506-020-00242-5. (дата обращения: 05.06.2025).
7. Об утверждении национального календаря профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок : Приказ Минздрава России от 06.12.2021 № 1122н : в ред. от 12.12.2023 № 677н. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=475217 (дата обращения: 05.06.2025).
8. Японский энцефалит как возвращающаяся арбовирусная нейроинфекция на приграничных территориях Дальнего Востока России и Китая / В. А. Деменев, Ф. Чжан, Т. Е. Макарова [и др.] // Здравоохранение Дальнего Востока. 2016. № 2 (68). С. 52-57.
9. 予防接種法. 昭和23年06月30日法律第68号 [Закон о вакцинации № 68 от 30.06.1948 г.]. URL: https://www.mhlw.go.jp/web/t_doc?dataId=79015000&dataType=0&pageNo=1 (дата обращения: 05.06.2025).
10. 感染症の予防及び感染症の患者に対する医療に関する法律. 平成十年十月二日法律第百十四号 [Закон о профилактике инфекционных заболеваний и медицинской помощи пациентам с инфекционными заболеваниями. № 114 от 02.10.1998 г.]. URL: https://www.mhlw.go.jp/web/t_doc?dataId=79998826&dataType =0&pageNo=1 (дата обращения: 05.06.2025).
11. 日本小児科学会が推奨する予防接種スケジュール [График вакцинации, рекомендованный Японским педиатрическим обществом] // Japan Pediatric Society. URL: https://www.jpeds.or.jp/modules/ activity/index.php?content_id=138 (дата обращения: 05.06.2025).
12. Tran Minh Quan, Tran Thi Nhu Thao, Nguyen Manh Duy, Tran Minh Nhat, Hannah Clapham Estimates of the global burden of Japanese encephalitis and the impact of vaccination from 2000-2015 // Elife. 2020. URL: https://elifesciences.org/articles/51027 (дата обращения: 05.06.2025).
13. Вакцины против японского энцефалита // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/233185/WER8134_35_RUS.PDF?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 05.06.2025). 14. Murkhekar Manoj V. Coverage and Missed Opportunity of Japanese Encephalitis Vaccination, Gorakhpur District, Uttar Pradesh, India, 2015: Implications for Japanese Encephalitis Control / Manoj V. Murkhekar, O. Chinmay et. al. // Indian Journal of Medical Research. 2017. № 145 (1). Pp. 63-69. DOI: 10.4103/ijmr.IJMR_712_16.

References:

1. Lukin E. P. Japanese encephalitis - XXI century / E. P. Lukin // Journal of Infectology. 2017. V. 9. № 1. P. 15-30. DOI 10.22625/2072-6732-2017-9-1-15-30.
2. On approval of sanitary rules and regulations SanPiN 3.3686-21 "Sanitary and Epidemiological Requirements for the Prevention of Infectious Diseases": Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation dated 01/28/2021 № 4 // SPS "ConsultantPlus" (date of access: 06/05/2025).
3. Ratnikova V.I., Koltsov I.P., Strelnikova N.V., Safronova E.V., Strelnikov I.A., Kozlova S.G. Organizing mandatory vaccination against tick-borne encephalitis in Russia: history and modernity. Yakut Medical Journal. 2025. № 90 (2). C. 51-56. DOI 10.25789/YMJ.2025.90.11.
4. Erlanger TE, Weiss S, Keiser J, Utzinger J, Wiedenmayer K. Past, Present, and Future of Japanese Encephalitis // Emerg Infect Dis. 2009. № 15(1). P. 1-7. DOI 10.3201/eid1501.080311.
5. Japanese encephalitis: Surveillance standards for vaccine-preventable diseases // World Health Organization. URL: https://www.who.int/ru/publications/m/item/vaccine-preventable-diseases-surveillance-standards-je (date of access: 06/05/2025).
6. Satchidanandam, Vijaya. (2020). Japanese Encephalitis Vaccines. Current Treatment Options in Infectious Diseases. 12. 375-386. 10.1007/s40506-020-00242-5. (date of access: 06/05/2025).
7. On approval of the national calendar of preventive vaccinations, the calendar of preventive vaccinations for epidemic indications and the procedure for conducting preventive vaccinations: Order of the Ministry of Health of Russia dated 06.12.2021 № 1122n. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=475217 (date of access: 06/05/2025).
8. Japanese encephalitis, as a problem of reemerging arboviral neuroinfections on border territory of Far East Russian and China // V.A. Demenev, Zh. Fengmin, T.E. Makarova, H. Wang, S.Z. Savin, Ya. Liu // 'Public Health of the Far East. 2016. № 2 (68). P. 52-57.
9. Vaccination Law № 68 of 30.06.1948. URL: https://www.mhlw.go.jp/web/t_doc?dataId=79015000&dataType=0&pageNo=1 (date of access: 06/05/2025).
10. Law on Prevention of Infectious Diseases and Medical Care for Patients with Infectious Diseases. Law № 114 of October 2, 1998. URL: https://www.mhlw.go.jp/web/t_doc?dataId=79998826&dataType =0&pageNo=1 (date of access: 06/05/2025).
11. Vaccination schedule recommended by the Japan Pediatric Society // Japan Pediatric Society. URL: https://www.jpeds.or.jp/modules/ activity/index.php?content_id=138 (date of access: 06/05/2025).
12. Tran Minh Quan, Tran Thi Nhu Thao, Nguyen Manh Duy, Tran Minh Nhat, Hannah Clapham Estimates of the global burden of Japanese encephalitis and the impact of vaccination from 2000-2015 // Elife. 2020. URL: https://elifesciences.org/articles/51027 (date of access: 06/05/2025).
13. Vaccines against Japanese encephalitis // World Health Organization. URL: https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/233185/WER8134_35_RUS.PDF?sequence=1&isAllowed=y (date of access: 06/05/2025).
14. Murkhekar Manoj V. Coverage and Missed Opportunity of Japanese Encephalitis Vaccination, Gorakhpur District, Uttar Pradesh, India, 2015: Implications for Japanese Encephalitis Control / Manoj V. Murkhekar, O. Chinmay et. al. // Indian Journal of Medical Research. 2017. № 145 (1). P. 63-69. DOI: 10.4103/ijmr.IJMR_712_16.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_20

ПОНИМАНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ДРЕВНЕРИМСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ
UNDERSTANDING THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN ANCIENT ROMAN JURISPRUDENCE

ШИКАЛЕВ Тимур Максимович,
аспирант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова» (МГУ).
119234, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1.
E-mail: tsh2000@bk.ru;
SHIKALEV Timur Maksimovich,
Postgraduate student at the Faculty of Law Lomonosov Moscow State University (MSU).
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119234, Russia.
E-mail: tsh2000@bk.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются основные подходы к пониманию справедливости в правовой системе Древнего Рима. Автор анализирует принцип справедливости в контексте римского права, исследуя его влияние на формирование римской правовой традиции. Особое внимание уделяется различиям между естественным правом и позитивным правом. Автор также затрагивает вопрос формирования универсального характера принципа справедливости в римском правопорядке и его значимость для развития правосознания.*

Abstract: *The article examines the main approaches to understanding justice in the legal system of Ancient Rome. The author analyzes the principle of justice in the context of Roman law, examining its influence on the formation of the Roman legal tradition. Special attention is paid to the differences between natural law and positive law. The author also touches upon the issue of the formation of the universal character of the principle of justice in the Roman legal order and its importance for the development of legal awareness.*

Ключевые слова: *справедливость, равенство, философия права, Древний Рим, Античность.*
Keywords: *justice, equality, philosophy of law, Ancient Rome, Antiquity.*

Для цитирования: *Шикалев Т.М. Понимание принципа справедливости в древнеримской юриспруденции // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 20-22. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_20.*
For citation*: Shikalev T.M. Understanding the principle of justice in ancient roman jurisprudence // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 20-22. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_20.*

Статья поступила в редакцию: 30.12.2025

Соотношение права и морали, права и нравственности несет в себе отпечаток поиска истинности заложенных императивов в поведении человека. Объективная реальность в столкновении с субъективным восприятием затуманивает представление о равном и справедливом. Необходимость формирования нитей Ариадны в лабиринте противоречий интересов создает потребность в объективных законах, способных урегулировать возникающие конфликты путем прямого указания на изъяны в линии человеческого поведения в рамках взаимоотношений.

С точки зрения права, справедливость есть выражение естественного состояния вещей, объективно существующего в общественных отношениях, путем установленных императивов законодателем. Опора на естественность претворяет в жизнь этические конструкции, предоставляя направление движения субъектов в сторону доброго, которое заложено в самом порядке вещей.

Справедливость как принцип представляет собой правовое измерение универсального характера, которое раскрывается в виде прямого воздействия на интересы субъектов в целях восстановления равенства между ними в конкретной ситуации. Как указывал Я. Стоилов, равенство связано с пониманием формального уравнивания субъектов и содержательного равенства, согласно которому для одних и тех же случаев предусмотрены одинаковые правовые последствия.[1]

Правовая система римлян была построена на постулате справедливого и доброго («Jus est ars boni et aequi»), что в своей сердцевине несет философский подтекст, основанный на трудах Платона («Государство»), Аристотеля («Никомахова этика») и др. Закрепленный в римском праве принцип доброй совести и справедливости (bone fide et aequitas) заложил измерение оценки поведения субъектов через ситуативный анализ фактов на основе представления о равномерном с учетом объективных слабых и сильных позиций противоборствующих сторон.

Изначально узкое по своему действию цивильное право (jus civile[2]) было трансформировано в общий для всех конструкт через систему преторского права (jus praetorium[3]), призванного дополнить пробелы и исправить несправедливые элементы через новые конструкции. Согласно позиции Е.А. Лукашевой, универсальность правовых конструктов основана на системе римского права.[4] В силу распространения гегемонии римского государства на Средиземноморье, а впоследствии и на большую часть Европы римская правовая традиция стала универсальной основой для построения современных национальных правовых систем, в том числе и для российской.[5]

Создав в 450 году до н.э. первый нормативный акт на двенадцати медных таблицах[6], римляне показали свое культурное богатство в построении общества, способного жить по единому укладу, отобразив урегулирование спорных ситуаций в абстрактных примерах. Но строгость

[1] Стоилов Я. Принципы права: понятие и применение : монография. - Москва : Проспект, 2022. С. 244.
[2] Jus civile представляет собой узконациональную систему римского народа и получило свое название от римской общины, именуемой civitas.
[3] Jus praetoruim представляет собой систему римского права, основанную на деятельности городских магистратов, введенных в 367 г. до н.э.
[4] Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. / М.: Норма, 2009. С. 40 – 41.
[5] Томсинов В.А. Значение римского права в общественной жизни Западной Европы в XI–XIII вв. // Древнее право. 1997. Вып. 1 (2). С. 112 – 119.
[6] Законы двенадцати таблиц (Leges duodecim tabularum).

правовых предписаний и опора только на букву закона (jus strictum) не всегда приводит к справедливому разрешению проблем, указывая на несовершенство системы текстового содержания.

Представляя собой искосудие, римское право основывалось на методике разрешения проблем путем применения абстракций с учетом внутреннего убеждения о справедливом судьи, который не являлся профессиональным юристом. Толкование норм с точки зрения возможности принятия справедливых решений ставит под сомнение сухое изложение мыслей в тексте, который может быть переделан в пользу определенного круга лиц.

Когда Рим вместе с оригинальными источниками цивильного права был сожжен галлами в IV веке до н.э., потребность в опоре на букву закона отпала. Возникшие коллизии и пробелы должны были быть разрешены с помощью исправлений и дополнений, чем и обусловилось создание новой парадигмы в правовом сознании: опора на чувство доброго и справедливого. Толкование права и правоприменение представляют собой интеллектуальный труд, который связан с построением причинно-следственных связей на пути к достижению соответствующего умозаключения с учетом соображений совести и справедливости (bone fide et aequitas).

Такой подход обусловлен перенятием нравственно-этического представления справедливости древнегреческих философов римскими юристами, что иллюстрирует изречение Цельса, датируемое II веком до н.э.: «Право есть искусство добра и справедливости» (Jus est ars boni et aequi).[1]

Если право представляет собой универсальную меру справедливого, то в его основу заложена концепция равного при учете соразмерного неравенства, обусловленного природной предопределенностью. Данное положение было раскрыто Цицероном (106 г. до н.э. – 43 г. до н.э.): «Значение справедливости двоякое: одна направлена на истинное и правомерное и, как говорится, опирается на принцип соразмерного и доброго (aequi et boni ratio), другая относится к чередованию воздаяний, что в отношении благодеяния именуется благодарностью, а в отношении несправедливости – местью. И они тоже являются общими для природы и законов, но свойственны именно законам – и тем, которые писаные, и тем, которые без записи поддерживаются либо всеобщим правом, либо обычаем предков».[2]

Писаное право возникло из неписанного путем закрепления правовых обычаев в текстовом виде, усилив регулятивную функцию общеобязательных предписаний: «Ибо существует лишь одно право, связывающее человеческое общество и установленное одним законом. Закон этот есть подлинное основание для того, чтобы приказывать и запрещать. Кто закона этого не знает, тот – человек несправедливый, независимо от того, писаный ли это закон или неписаный. Но если справедливость (iustitia) заключается в повиновении писаным законам и установлениям народов и если, как утверждают все те же философы, следует все измерять выгодой, то этими законами пренебрежет и их, если сможет, нарушит всякий, кто сочтет, что это будет ему выгодно. Это учение приводит к тому, что, если справедливость не проистекает из природы, то ее вообще не существует...».[3]

Примат природного значения в контексте формирования основополагающих начал права основан на философских представлениях о мире с точки зрения соразмерности равного и неравного в контексте внутреннего национального порядка: «Jus civile – это справедливость, установления для членов одной гражданской общины, ради обеспечения принадлежности своих вещей».[4]

Это подчеркивает узкий национальный характер действия римского права, которое создало особый контраст между справедливым подходом к решению проблем действующих субъектов и рабовладением. Справедливое (aequum) с этой точки зрения устанавливает границы правомерного и неправомерного при разрешении споров, возникавших между римскими гражданами, а также участвовавших с ними в торговых отношениях покоренных народов.

Классический период римского права раскрыл содержание о справедливом через изыскания в сфере разрешения проблем и противоречий. Практика формировала теорию, и творческий подход раскрывал содержание соразмерности через толкование норм. Так, Домиций Ульпиан (170 – 223 гг. н.э.) использовал в своих трудах фразу: «справедливость требует» («aequitas dictat»).

Если действовать по соображениям справедливости в применении правовых инструментов, то можно найти ту истину, соответствующую требованиям должного, путем устранения несправедливого. Это подтверждает цитата римского юриста Юлиана Павла: «Всякий раз, когда предписания или неясности права препятствуют естественной справедливости, положение следует исправить праведными решениями».[5]

Получается, что справедливость показывает себя в решении конкретных ситуаций, где необходимо учитывать глубинные детали для выявления верного объективного решения, а значит представляет собой абстракцию. Чтобы претворить в жизнь справедливое нужно выявить возможные неточности. Например, Гай (II в. н.э.) в «Институциях» противопоставил ответственность по праву и несправедливость привлечения к суду, выявил проблему использования правомерного иска в несправедливых целях.[6]

Абстрактность в понимании справедливости классическими римскими юристами привела к дихотомии между справедливостью как естественным порядком, реализующем общее благо, и как узким пониманием в реализации интересов конкретной общины. И как показала практика, правовые механизмы по претворению в жизнь справедливого нередко приводили к оправданиям перегибов со стороны власти. Вульгаризация римского права привела к опоре на текст, сакрализировав его значение силой императорской власти.

---

[1] Дождев Д.В. Ars boni et aequi в определении Цельса: право между искусством и наукой // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 4 (56). С. 63.
[2] Дождев Д.В. Понятие справедливости в римской правовой традиции / Журнал Московской Патриархии. 2011. № 11. С. 60 – 66.
[3] Там же.
[4] Акинфиева В.В., Воронцов С.Г. Публичное, частное, цивильное и гражданское право: содержание понятий в древнеримских и доктринальных источниках // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 48. С. 227 – 247.
[5] Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Социальная справедливость (некоторые конституционные вопросы) // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 5 – 15.
[6] Институции Гая. Текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://study.shmat.by/institutsii-gaya-tekst/ (дата обращения: 07.01.2025).

Право как приказ власти закрепляется соответствующей нормой, которая содержит в себе справедливость и не подстраивается целиком под суть конкретного казуса. Это привело к трансформации понимания всех основополагающих начал права, поскольку теперь все, что закреплено законом, является справедливым. Например, император Юстинианан (482 – 565 гг.) провел масштабную кодификацию, закрепив текст как основную форму содержания справедливости с учетом запрета их комментирования, выстроив систему содержания таким образом, чтобы все частности исходили из общих норм-принципов, среди которых находился и принцип справедливости.[1]

Таким образом, римская юридическая традиция черпала основу в философском понимании справедливости эллинов. Сложность в четком представлении устройства общества по критериям равного и соразмерного породила необходимость в формировании представления о справедливом путем практических изысканий творческого характера.

Присущий древнему обществу культ природного равновесия был переложен на урегулирование столкновений интересов, полностью перейдя в сферу человеческих отношений. По законам природы каждый человек равен перед другим, но в рамках узконациональной системы представления об установлении такого равенства эта логика может быть опровергнута.

Универсальность принципа справедливости заложена древнеримскими юристами, которые стремились к идеальному порядку на основе конкретных ситуаций. Частности породили общий набор критериев, которые были выражены нормами-принципами в тексте при переработке всего нормативно-правового материала и трудов классиков римской юридической науки в ходе процесса перенятия римского юридического наследия европейскими народами при построении собственных национальных правовых систем.

Проблема справедливости как принципа зародилась в поиске объяснения законов природы античными мыслителями. Данное понятие рассматривалось с разных ракурсов на протяжении всех периодов данной эпохи, как с естественной стороны, предопределившей взаимодействие всего по общему укладу мироздания, так и со стороны взаимоотношений людей в социуме. Это связано с усложнением структуры общественных отношений, в которых универсальным измерением соразмерного и равного будет выступать справедливость как представление о должном в тот или иной конкретный исторический момент. Все человеческие конструкции, будучи искусственными, имеют в себе закономерности, определяющие одинаковое в разном и их изменчивость.

Римская юридическая традиция была основана на достижениях культуры эллинов и была направлена на разрешение возникающих конфликтов. Путь от правового обычая к писанному праву задал понимание суммы исторического, культурного, экономического и духовного в подходе определения правового измерения справедливого. Творческий подход и постоянная практика привели к общему знаменателю в виде последующего закрепления принципа справедливости как основополагающего начала системы права. Этический оттенок задал вектор направления на объективное представление должного поведения, выразившись в практической стороне, закономерно потребовавшей создание общепринятых правил, которые должны быть закреплены в текстах, санкционированных сувереном.

Список литературы:

1. Акинфиева В.В., Воронцов С.Г. Публичное, частное, цивильное и гражданское право: содержание понятий в древнеримских и доктринальных источниках // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 48. С. 227 – 247.
2. Дождев Д.В. Понятие справедливости в римской правовой традиции / Журнал Московской Патриархии. 2011. № 11. С. 60 – 66.
3. Дождев Д.В. Ars boni et aequi в определении Цельса: право между искусством и наукой // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 4 (56). С. 61 – 73.
4. Жуков В.Н. Философия права: учебник для высших учебных заведений / МГУ им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет, Институт государства и права РАН. – М.: Мир философии: Алгоритм, 2019. – 558 с.
5. Институции Гая. Текст // URL: https://study.shmat.by/institutsii-gaya-tekst/
6. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение / М.: Норма, 2009. – 383 с.
7. Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право: Учебник // М.: Кнорус, 2016. – 608 с.
8. Стоилов Я. Принципы права: понятие и применение : монография. - Москва : Проспект, 2022. – 312 с.
9. Томсинов В.А. Значение римского права в общественной жизни Западной Европы в XI–XIII вв. // Древнее право. 1997. Вып. 1 (2). С. 112 – 119.
10. Трубецкой С.Н. Метафизика в Древней Греции / Примеч. 222222Маханькова И.И. – М.: Мысль, 2010. – 589 с.
11. Фролова Е.А. История политических и правовых учений: учебник / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – М.: Проспект, 2017. – 512 с.
12. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Социальная справедливость (некоторые конституционные вопросы) // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 5 – 15.

References:

1. Akinfieva V.V., Vorontsov S.G. Public, private, civil and civil law: the content of concepts in ancient Roman and doctrinal sources // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2020. No. 48. pp. 227-247.
2. Dozhdev D.V. The concept of justice in the Roman legal tradition / Journal of the Moscow Patriarchate. 2011. No. 11. pp. 60-66.
3. Dozhdev D.V. Ars boni et aequi in the definition of a Goal: the law between art and science // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2016. No. 4 (56). pp. 61-73.
4. Zhukov V.N. Philosophy of Law: textbook for higher educational institutions / Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Mir Filosofii: Algorithm, 2019. – 558 p.
5. Guy's Institutions. Text // URL: https://study.shmat.by/institutsii-gaya-tekst/
6. Lukasheva E.A. Man, law, civilizations: a normative and value dimension / M.: Norm, 2009. – 383 p.
7. Novitsky I.B., Peretersky I.S. Roman private law: Textbook // Moscow: Knorus, 2016. – 608 p.
8. I was worth it. Principles of law: concept and application : monograph. - Moscow : Prospekt, 2022. – 312 p.
9. Tomsinov V.A. The importance of Roman law in the public life of Western Europe in the XI–XIII centuries. // Ancient law. 1997. Issue 1 (2). pp. 112-119.
10. Trubetskoy S.N. Metaphysics in Ancient Greece / Note. Makhankova I.I. – M.: Mysl, 2010. – 589 p.
11. Frolova E.A. History of political and legal doctrines: textbook / Lomonosov Moscow State University. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 512 p.
12. Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E. Social justice (some constitutional issues) // Social Sciences and modernity. 2017. No. 3. pp. 5-15.

[1] Римское частное право: Учебник / коллектив авторов (Краснокутский В.А., Новицкий И.Б., Перетерский И.С. и др.); под ред. Новицкого И.Б., Перетерского И.С. – М.: Кнорус, 2016. С. 43 – 48.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_23

УДК 340.12

ДУАЛИЗМ ЕСТЕСТВЕННОГО И ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ПРАВА В КОНЦЕПЦИИ Г.И. СОЛНЦЕВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
DUALISM OF NATURAL AND POSITIVE LAW IN THE CONCEPT OF G.I. SOLNTSEV: A THEORETICAL ANALYSIS

КСЕНОФОНТОВ Егор Артёмович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета.
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.
Email: ks.egor.a@rambler.ru;

KSENOFONTOV Egor Artemovich,
Postgraduate Student at the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law
Kazan (Volga Region) Federal University.
18 Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russia, Republic of Tatarstan.
Email: ks.egor.a@rambler.ru

Краткая аннотация: *В представленной статье проведен теоретический анализ естественно-правовой концепции Гавриила Ильича Солнцева (1786–1866 гг.). В работе определены категории «право» и «обязанность», выявлены признаки права, систематизирована классификация критериев разграничения естественного и положительного права. Кроме этого, проанализированы основания различения Г.И Солнцевым таких категорий, как «правоучение», «нравоучение», «естественное право». В статье применяется текстологический анализ текста правоведа, историко-правовой и теоретико-догматический методы, а также метод сравнительного правоведения для реконструкции целостной системы.*

Abstract: *The presented article provides a theoretical analysis of the natural-law concept of Gavriil Ilyich Solntsev (1786-1866). The work defines the categories of "right" and "duty", identifies the features of the right, systematizes the classification of criteria for distinguishing between natural and positive law. In addition, the grounds for distinguishing between such categories as "law-teaching", "moral-teaching", "natural law" by G.I. Solntsev are analyzed. The article uses textual analysis of the jurist's text, historical-legal and theoretical-dogmatic methods, as well as the method of comparative legal studies, to reconstruct a holistic system.*

Ключевые слова: *Г.И. Солнцев, естественное право, положительное право, нравственный закон, Казанский университет, философия права, история правовых учений.*

Keywords: *G.I. Solntsev, natural law, positive law, moral law, Kazan University, philosophy of law, history of legal thought.*

Для цитирования: *Ксенофонтов Е.А. Дуализм естественного и положительного права в концепции Г.И. Солнцева: теоретический анализ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 23-25. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_23.*

For citation*: Ksenofontov E.A. Dualism of natural and positive law in the concept of G.I. Solntsev: a theoretical analysis // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 23-25. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_23.*

Статья поступила в редакцию: 01.02.2025

Гавриил Ильич Солнцев (1786 –1866 гг.) является важной фигурой в истории становления Казанского университета и его естественно-правовой школы. В начале 1810-х гг. правовед перебрался из Москвы в Казань и начал академическую карьеру во вновь образованном университете столицы Казанской губернии [1, с. 199].

В декабре 1814 г. им была представлена рукопись диссертации на тему «О наследовании от лица, не оставившего завещания, по российскому праву в сопоставлении с кодексом Юстиниана». Став доктором права, Г.И. Солнцев разработал курсы «Обозрение законодательства древних и новых народов», «Монограммы науки римского гражданского и уголовного права, изложенные легчайшим методом в пользу слушателей» и «Наставления римского гражданского права, из чистых источников извлеченные и древностями объясненные в пользу слушателей» [2, с. 206-213]. Одним из наиболее системных и комплексных исследований юриста стал труд, посвященный начальным основаниям естественного, частного, публичного и народного права, подготовленный в 1822 г. Эта рукопись хранилась в архивах Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета им. Н.И. Лобачевского и была издана в книге «Труды по праву» [3, с. 373] в 2023 г.

Несмотря на признание Гавриила Ильича Солнцева как одного из основоположников казанской школы естественного права и уголовно-правовой доктрины [4, с. 194-201], содержательный анализ его фундаментальной теоретико-правовой системы, остается фрагментарным и недостаточным в современной юриспруденции [5, с. 299-313, 6, с. 14-24].

Так, подлежат критической переработке подходы Г.И. Солнцева к кантианскому определению субъективного права и его попытки преодолеть противоречие между правом и свободой через категорию «нравственного закона». Специфика предложенного им дуализма естественного и положительного права обусловлена выходом за рамки простого противопоставления и раскрыта через систему ряда критериев: источник, повсеместность, предмет науки. Поэтому проблемой настоящего исследования является систематизация уникальной для отечественной юриспруденции первой половины XIX в. концепции, демонстрирующей не разрыв, а преемственную связь естественного права и позитивного законодательства.

Объектом исследования является естественно-правовая концепция Г.И. Солнцева.

Предметом исследования выступают основания различения естественного права и положительного права.

В работе Г.И. Солнцева закреплены основные положения о разграничении естественного и положительного права. Подходя к этой те-

ме, правовед обратился к разработке ключевых теоретико-правовых категорий «право», «обязанность». В предлежательном (объективном) смысле правом, по мнению ученого, является совокупность законов, которые ограничивают свободные деяния, тех на кого эти законы распространены. Приводя понятие право в подлежательном (субъективном) значении, юрист обратился к трактовке, предложенной И. Кантом и «другими писателями этой науки» [3, с. 45]. Так, «право есть нравственная возможность или власть делать все то, что с общежительным состоянием свободно действующих существ совместно быть может, или есть нравственная возможность располагать внешними действиями сообразно с общим законом так, чтобы при этом не стесняема была свобода других в рассуждении таковых же действий» [3, с. 245]. Сущность этого понятия заключена в совместимости действий лица с общественным укладом, порядком или не стеснении свободы других.

Хотя, ученый посчитал приведенное понятие превосходным, но подчеркнул, что оно является противоречивым, так как находится в существенной степени смешения с понятием «свобода». По мнению Г.И. Солнцева, правом в подлежательном (субъективном) смысле является «нравственная возможность свободно располагать своими действиями так, однако же, чтобы они сообразны были с повелением нравственного закона» [3, с. 245]. Приводя собственную трактовку, специалист оформил правовой конструкт, связывая понятие «право» в подлежательном смысле с предлежательным значением этого термина. Так, согласно подходу правоведа, совокупность законов ограничивает свободу лиц, но они свободны в рамках нравственных законов. Усиливая свою позицию Г.И. Солнцев поместил цитату из Евангелия: «тою бо мерою, ею же мерите, возмерится».

Выработав понятие «право» Г.И. Солнцев обратился к определению термина «обязанность». Ссылаясь на классиков XVIII в. правовед привел сформировавшуюся в литературе дефиницию. «Обязанностью» является «нравственная необходимость делать то, что с общежительным состоянием свободно действующих существ совместно быть может». Критически анализируя данный подход к определению категории «обязанность» ученый вновь обратил внимание на неясность при использовании концепта свободы. По мнению юриста, обязанностью является нравственная необходимость делать все то, чего требует нравственный закон.

Последовательно раскрыв предлежательное и подлежательное значения права, ученый подошел к исследованию основных его признаков. Во-первых, он отметил, что ключевым источником любого права и любой обязанности является нравственный закон или правило, которое таким законом установлено. Во-вторых, право не может быть употреблено не иначе как в общежитии, то есть в кругу лиц, на которых оно распространяется. В-третьих, права и обязанности образуют нравственную возможность и нравственную необходимость, и поэтому присущи только людям. По мнению ученого, права и обязанности не могут принадлежать «животным бессловестным» и «людям, ума лишенным», до момента их пребывания в этом состоянии. Таким образом, Г.И. Солнцев определил значимость распространения права на неопределенный круг людей и его основной источник – нравственный закон.

Продолжая эту тему, ученый подчеркнул, что нравственные законы могут быть естественными и положительными, а поэтому подлежат разграничению на естественные и положительные права. Первым основанием деления автором выделена природа установления его норм. Права положительные (гражданские) утверждаются другими лицами, законодателями и сопряжены с народными обычаями. Права же естественные, по мнению юриста, «Богом от вех предначертаны и нашему разуму» [3, с. 246]. Следующим императивом концепции Г.И. Солнцева о разделении права на естественное и положительное служит его повсеместность. Так, специалист установил, что естественные права по природе своей являются одинаковыми, общими для всех государств, а права положительные различны в зависимости от их утверждения властителями народов. Ученый отметил необходимость их устремления «к одинаковым началам справедливости» [3, с. 247].

Развивая свою концепцию, ученый отметил, что наука естественного права и философская наука имеют один и тот же предмет, проистекающий из начал здравого разума и природных прав человека. Таким образом, юристом выделено еще одного основание разграничения права на естественное и положительное, выраженное в предмете соответствующей науки.

Ученый обратился к исследованию различий понятий «правоучение», «нравоучение», «естественное право». Категория «правоучения» в концепции Г.И. Солнцева представляет собой возможность страдающего лица применить власть («употребить понуждение» [3, с. 248]) против лица, не соблюдающего нравственного закона, нравственной обязанности. Такой отказ правоведом именуется пренебрежением достоинством человека. Правоучение, по мнению юриста, отграничено от нравоучения, являющегося юридической силой собственной совести, «внутреннего судьи нашего» [3, с. 248].

Подойдя к анализу категорий «нравоучения» и «естественного права», ученый выявил их дуализм. Он обусловлен тремя факторами: 1. деятельность человека исполнять собственные обязанности обусловлена не только, внешним понуждением, но и внутренним, совестливым законом; 2. Основы истины в смысле естественного права и истины личного побуждения должны быть черпаемы из единого нравственного источника – нравственного закона; 3.

Выявив внутренний дуализм понятий «естественное право» и «нравоучение», ученый последовательно переходит к анализу их внешнего проявления. Для этого специалист предпринял попытку демонстрации того, как единый нравственный источник реализуется в социальной сфере путем обоснования логики продолжения естественно-правовых начал в гражданском законодательстве.

Ученый также отметил взаимосвязь естественного права и гражданского законодательства. Во-первых, он подчеркнул, что законодательство есть продолжение естественно-правовых основ. Во-вторых, цель обеих институтов является одинаковой, преследующей необходимость обеспечения прав каждого гражданина посредством законов высочайшей справедливости. В-третьих, специалист осуществил соотношение отдельных установлений естественного права и положительного законодательства (табл. 1).

Таблица 1

Институт	**Особенности естественного права**	**Особенности положительного законодательства**
Права человека	Присущи лицам по их естественному состоянию, вне зависимости от отношений с государством	Присущи гражданам государств под определенными законодательной властью и известными условиями, в зависимости от занимаемого место в обществе
Институт	**Особенности естественного частного права**	**Особенности частного положительного законодательства**
Семейное право	Изложена сущность семьи	Изложена формальная основа взаимоотношений в семье
Приобретение имущества	Изложены простые способы приобретения имущества	Изложены формы подкрепления (оплаты) приобретения имущества
Предупреждение и отклонение от обид	Заложены разумные принципы	Цель по достижению заложенных естественным правом принципов обозначена «судопроизводительными формами» [3, с. 249]
Институт	**Особенности естественного публичного права**	**Особенности публичного гражданского (положительного) права**
Государство	Установлены принципы образования государства и гражданского общества, подчинения правительству	Установлены признаки управления отдельным государством; государственный распорядок в зависимости от разнообразия формы правления
Институт	**Особенности естественного народного права**	**Особенности положительного народного права**
Взаимоотношения народов	Установлены общие начала	Установлены частные условия взаимоотношения народов в зависимости от их нужд

В таблице продемонстрированы универсальные принципы естественного права и их конкретные формы, процедуры и частные воплощения в исторически изменчивом положительном законодательстве. Г.И. Солнцев признает необходимость государственного законодательства, однако помещает его в строгие смысловые рамки естественного права. Законодатель, по мнению специалиста, является не повелителем, а разумным интерпретатором принципов справедливости.

Таким образом, в настоящей работе впервые на основе текстологического анализа теоретико-правовой системы Г.И. Солнцева преодолена фрагментарность существующих оценок его творчества. Кроме этого, в работе выявлена и проанализирована позиция правоведа по отношению к классическому кантианскому определению субъективного права. Доказано, что, признавая его «превосходным», ученый предложил собственную дефиницию, призванную снять противоречие права и свободы через их жесткую привязку к императивам «нравственного закона». В статье подвергнута детальному научному анализу разработанная ученым концепция институтов естественного и положительного права. Установлено, что ее ключевым выводом является не противопоставление, а тезис о положительном законодательстве как «продолжении» и конкретизации естественно-правовых начал в различных сферах (частной, публичной, международной (народной)).

Список литературы:

1. Гизатуллин М.Х. Политические и правовые взгляды Г.И. Солнцева: дис. канд. ист. наук: 23.00.01. – Казань, 2006. – 199 с.
2. Талан М.В Первые юристы Казанского университета // Lex Russica. – 2017. – №3. – С. 206-213.
3. Солнцев Г.И. Труды по праву. – М.: Статут, 2023. – 373 с.
4. Чучаев А. А. Понятие и признаки преступления по Г. И. Солнцеву // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 1. – С. 194-201.
5. Круглов А.Н. Борьба с кантианским естественным правом в России 20-х годов XIX века и российская политическая ситуация 20-х годов XXI века // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2024. – № 2. – С. 299-313.
6. Казарин В.Н. Ученые-юристы в панораме эпохи: транзит Казань – Иркутск – Свердловск. Первая треть XX в. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2023. – № 6. – С. 14-24.

References:

1. Gizatullin M.X. Politicheskie i pravovy`e vzglyady` G.I. Solnceva: dis. kand. ist. nauk: 23.00.01. – Kazan`, 2006. – 199 s.
2. Talan M.V Pervy`e yuristy` Kazanskogo universiteta // Lex Russica. – 2017. – №3. – S. 206-213.
3. Solncev G.I. Trudy` po pravu. – M.: Statut, 2023. – 373 s.
4. Chuchaev A. A. Ponyatie i priznaki prestupleniya po G. I. Solncevu // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. – 2008. – № 1. – S. 194-201.
5. Kruglov A.N. Bor`ba s kantianskim estestvenny`m pravom v Rossii 20-x godov XIX veka i rossijskaya politicheskaya situaciya 20-x godov XXI veka // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. – 2024. – № 2. – S. 299-313.
6. Kazarin V.N. Ucheny`e-yuristy` v panorame e`poxi: tranzit Kazan` – Irkutsk – Sverdlovsk. Pervaya tret` XX v. // E`lektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu. – 2023. – № 6. – S. 14-24.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_26

УДК 36.364

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЛЕГИТИМИЗМА НА ВЕНСКОМ КОНГРЕССЕ (1814-1815 ГГ.) В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF LEGITIMISM AT THE VIENNA CONGRESS (1814-1815) IN THE CONTEXT OF RUSSIAN INFLUENCE: CONSTITUTIONAL AND LEGAL DIMENSION

РАТТУР Мария Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права
Института государства и права РАН (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rattur@yandex.ru;

RATTUR Maria Vladimirovna,
PhD in History, Associate Professor, leading researcher of the Department of Legal Philosophy, Legal History and Legal Theory,
Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences.
Moscow, Znamenka, 10.
E-mail: rattur@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье на основе историко-правового анализа рассмотрено российское влияние на формирование как теоретико-правовых основ легитимизма, так и на практическое воплощение этого принципа в отношении конституционно-правового развития Швейцарии. Концепция легитимизма проанализирована в контексте его политико-правового влияния на государственное устройство западноевропейских стран от реакции на революционные события во Франции к инструменту внешнеполитического воздействия для раскола союзников, предложенного Талейраном, и до оплота монархических и консервативных воззрений. Исследован опыт формирования конституционной государственности Швейцарии, обозначена позиция влияния России. Сделан вывод о том, что базовые характеристики государственно-правовой идентичности Швейцарии – конфедеративное устройство и непосредственная демократия – сохранены Александром I, вооруженный нейтралитет – приобретен в результате решения, предложенного русским монархом, что представляется важным для противодействия фальсификации истории в отношении цивилизационного развития России, ее влияния на мировые политико-правовые процессы.*

Abstract: *The article, based on historical and legal analysis, examines the Russian influence on the formation of both the theoretical and legal foundations of legitimism and the practical implementation of this principle in relation to the constitutional and legal development of Switzerland. The concept of legitimism is analyzed in the context of its political and legal influence on the state structure of Western European countries from the reaction to revolutionary events in France to the instrument of foreign policy influence for the split of the allies proposed by Talleyrand, and to the stronghold of monarchical and conservative views. The experience of the formation of the constitutional statehood of Switzerland was investigated, the position of Russia's influence was indicated. It was concluded that the basic characteristics of the state-legal identity of Switzerland - the confederate structure and direct democracy - were preserved by Alexander I, armed neutrality - was acquired as a result of the decision proposed by the Russian monarch, which seems important to counter the falsification of history in relation to the civilizational development of Russia, its influence on world political and legal processes.*

Ключевые слова: *конституционно-правовое развитие, легитимизм, Венский конгресс, Российская империя, конституционная идентичность, цивилизационное развитие, историко-правовой анализ.*

Keywords: *constitutional and legal development, legitimism, Vienna Congress, Russian Empire, constitutional identity, civilizational development, historical and legal analysis.*

Для цитирования: *Раттур М.В. Реализация принципа легитимизма на Венском конгрессе (1814-1815 гг.) в контексте российского влияния: конституционно-правовое измерение // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 26-29. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_26.*

For citation*: Rattur M.V. Implementation of the principle of legitimism at the Vienna Congress (1814-1815) in the context of Russian influence: constitutional and legal dimension // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 26-29. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_26.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Легитимизм как один из базовых принципов Венского конгресса, авторство формулировки которого в отечественной и зарубежной историографии прочно закрепилось за Ш.М. Талейраном, в практическом воплощении означал, что ни одной короной, ни одной территорией нельзя распоряжаться до тех пор, пока ее законный обладатель формально от нее не отказался. По его мнению, искоренив приобретение прав только лишь завоеванием, можно обеспечить порядок и устойчивость в Европе. «Я ставлю право выше выгод!» - сообщил князь Талейран-Перигор российскому императору Александру I спустя 3 дня после открытия конгресса (1 октября 1814 г.) [1, с. 379].

Примечательно, что о сакральности права царю говорил тот, кто за денежное вознаграждение от России предал Наполеона в Эрфурте, вступив в тайные переговоры с Александром I. Понятно, что за этим пассажем стояла необходимость обеспечить территориальную целостность Франции, которая, будучи побежденной, отстоять ее силой оружия была просто не в состоянии.

В обширной историографии Венского конгресса большое внимание по праву уделяется польско-саксонскому вопросу. Именно он был главным камнем преткновения при обсуждениях европейских монархов. Решения по поводу Швейцарии нельзя назвать судьбоносными для Европы, но они стали ключевыми для формирования представлений об институте вооруженного нейтралитета и конфедеративном устройстве, которые по сей день составляют основу швейцарской конституционно-правовой идентичности. Ныне существующие границы Швейцарии также во многом определены российским императором Александром I. Рассмотрение российского влияния на формирование как теоретико-правовых

основ легитимизма, так и реализацию этого принципа на практике в отношении конституционно-правового развития Швейцарии представляется крайне важным для противодействия фальсификации истории в отношении цивилизационного развития России [2, 3, 4], ее влияния на мировые политико-правовые процессы.

Исследование историографии легитимизма [5, 6, 7, 8, 9] позволяет сделать вывод о том, что Ш.М. Талейран в 1814 г. на Венском конгрессе использовал теоретико-правовые представления, уже сформулированные в работах Ж. де Местра, Э. Бёрка, Л. де Бональда, Н.М. Карамзина для выдвижения принципа легитимизма, заключавшегося в том, что «Европа, собравшаяся в лице своих государей и дипломатов на Венский конгресс, должна при перераспределении земель и изменении территориальных границ оставлять в нерушимом виде то, что существовало до начала революционных войн, т.е. до 1792 г.» [1, с. 379].

Однако, широкое освещение Венского конгресса и значительное число научных трудов, посвященных этому событию, сформировали в историографии политико-правовых учений устойчивое представление о Ш.М.Талейране как авторе теории легитимизма. При этом для него легитимизм выступал в качестве инструмента, с одной стороны, для ограничения действий России и Пруссии, а с другой – сохранение целостности территории Франции, проигравшей войну.

Вместе с тем, обращение к источникам, позволяет заметить, что концепция легитимизма имеет корни и в отечественном политико-правовом пространстве. К российским легитимистам исследователи относят Н.М. Карамзина [10, 11], апеллируя к его «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Этот трактат был написан русским ученым в начале 1811 г. Несколько лет отделяют труд Н.М. Карамзина [12] от Венского конгресса. Считается, что отправной точкой для формирования философско-правовых представлений о легитимизме стали события Великой французской революции, ставшие причиной пересмотра идеологии монархизма для того, чтобы она могла противостоять идеям Просвещения. Апология монархии требовала уточнения положений философско-правовой концепции.

Швейцарский историк О. Мёвли справедливо отмечает, что «Швейцария являлась буферной зоной между Австрией и Францией, страной, которую теперь предстояло общими усилиями стран-победительниц держать на коротком поводке. Понятно, что для каждой из держав было очень соблазнительно поставить Швейцарию под свой контроль, особенно если учитывать, что именно она играла, в итоге, ключевую роль в обеспечении действенности механизма сдерживания Франции» [13].

При этом важно обратить внимание на полную неразбериху в рядах самих швейцарцев, которую женевский историк И. Эрманн обозначила так: «Больше всего поражает то, что они не могли договориться между собой. В устах делегатов от разных кантонов слова «независимость», «нейтралитет» имели разное значение» [14]. Ситуация осложнялась еще и тем, что согласно условиям Парижского мирного договора 1814 г. бывший административный центр французского департамента Леман Женева и часть французского департамента Симплон (Вале) отошли Швейцарии. При этом Берн грезил возвращением себе в качестве подвластной земли Во, а часть швейцарского Невшателя стала прусской. Епископ Базельский и настоятель Санкт-Галленского аббатства также стремились вернуть себе земельные владения. При этом земли епископата составляли не больше - не меньше, как целый кантон Юра, образованный чуть позднее.

Принцип легитимизма, предложенный Талейраном, сохранял территории за Францией, а земли Швейцарии ожидало «растаскивание по кусочкам» на фоне провозглашения верховенства права. Ее судьба должна была решиться на Венском конгрессе. При этом главный редактор «Исторического словаря Швейцарии» М. Жорио в интервью газете Le Temps совершенно справедливо отметил, решения на Венском конгрессе (в том числе и швейцарского вопроса) принимались в результате «торгов, которые не всегда выглядели достойно» [14].

Ярким примером, подтверждающим мнение М. Жорио, может служить тайное соглашение Австрии, Франции и Англии против России и Пруссии 3 января 1815 г. Соблюдение принципа легитимизма должно было привести к отказу России от частей Польши, не принадлежавших ей до революционных войн, а Пруссии – от Саксонии. «Поборник верховенства права» Талейран убедил Меттерниха (Австрия) и Каслри (Англия) «сомкнутым строем вступить в решительную дипломатическую борьбу против России и Пруссии» заключив тайное соглашение [1, с. 381]. Сохранение строжайшей тайны предполагалось обеспечить всего лишь тремя экземплярами соглашения. Один остался в Вене у Меттерниха, другой Талейран отослал в Париж Людовику XVIII, третий Каслри отвез принцу-регенту Англии Георгу.

Тайное стало явным для Александра I следующим образом. Покинувший Эльбу Наполеон в ящике стола в королевском кабинете обнаружил экземпляр договора, который забыл забрать бежавший впопыхах из Парижа Людовик XVIII. Наполеон немедленно направил этот документ Александру I в Вену. Российский император, получив пакет из Парижа и ознакомившись его с содержимым, при встрече с Меттернихом молча протянул ему «тайный плод дипломатического творчество австрийского канцлера» [1, с. 382]. Учитывая, что произошло это в пору начала «Ста дней» Наполеона и Меттерних от русского царя ждал нового спасения Европы, о чем уже успел сообщить и ему, и союзникам, то произведенный эффект позволил усилить позиции России на Венском конгрессе.

Уже 20 марта 1815 г. была принята Венская декларация, ставшая итогом работы Комитета по швейцарским делам и объявившая о «вечном нейтралитете» Швейцарии, целостности 19 кантонов, существовавших в период действия Посреднического акта, вступлении в Швейцарскую конфедерацию еще 3 новых кантонов, находившихся до 1814 г. под контролем Франции. Федеральный сейм ратифицировал декларацию 27 мая 1815 г., а 8 июня она была включена в итоговый акт Венского конгресса.

За этим простым перечислением событий скрывается кропотливая работа русской миссии в Комитете по швейцарским делам, перипетии которой можно объективно оценить, проанализировав впервые опубликованные в 2017 г. на русском языке материалы, основой которых стала переписка императора Александра I и его швейцарского наставника Ф.-С. Лагарпа. Так, например, в письме от 13 июня 1814 г. Ф.-С. Лагарп сообщает императору «о еще одной безрассудной попытке Швейцарию лишить покоя» [15, с. 596]. Речь идет о стычке сельских жителей кантона

Золотурн со сторонниками возвращения к Старой Конфедерации. Результатом ее стало несколько погибших.

Дело в том, что швейцарский вопрос в 1814 г. «был в руках Меттерниха», а он поддерживал идею возвращения к Старой Конфедерации, ущемлявшей права большинства населения Швейцарии. Талейран, не желая территориальных потерь Франции и провозгласив принцип легитимизма, был крайне доволен позицией британского министра иностранных дел Каслри, состоявшей в том, что «мы ничего не можем противопоставить официальному отказу Франции уступить Швейцарии часть подчиненных территорий» (Бабаева 2014).

21 января 1815 г. Лагарп в письме обращает внимание Александра I на то, что «в мнениях комитета касательно дел швейцарских узнал я руку франко-английскую» [15, с. 660]. Опасность для Швейцарии, по меткому выражению Ф.-С. Лагарпа, «быть разорванной на клочки» (письмо Александру I от 13 июня 1814 г.) миновала благодаря позиции, которую занял и последовательно отстаивал российский император.

Вот что об этом пишет современный швейцарский историк О. Мёвли: «В конечном счете судьбу Швейцарии решил именно царь Александр I, глава антинаполеоновской коалиции. Проконсультировавшись с Лагарпом, он объявил о своем намерении сохранить Швейцарию в составе 22-х кантонов, тогда как австрийский канцлер Меттерних симпатизировал, скорее, кантону Берн, склоняясь к восстановлению Старой Конфедерации» [13].

После провозглашения нейтралитета Швейцарии в Венской декларации от 20 марта 1815 г. и до ее ратификации Федеральным сеймом 27 мая 1815 г. им был одобрен договор о присоединении к коалиции союзных держав против Наполеона. В историю этот документ вошел под названием «Цюрихская конвенция 20 мая 1815 г.».

6 мая в обращении союзников к Сейму было сказано, что «обеспечить швейцарский нейтралитет, признанный на Венском конгрессе, будет возможно, только если Швейцария в нынешних условиях поспособствует победе над Наполеоном» [15, с. 600]. В тексте Цюрихской конвенции сказано, что «для поддержания общей европейской системы» Швейцария присоединяется к коалиции противников Наполеона.

Примечательно, что против ее принятия выступили три кантона (Базель, Во, Тессин), хотя на результат это не повлияло. Ратификация конвенции должна была произойти в трех четвертях кантонов, что и случилось в течение двух недель. Итогом стал проход австрийских войск через перевал Симплон и Женеву на Лион, пересечение швейцарской армией государственной границы с Францией (правда, лишь после битвы при Ватерлоо). 26 августа действия армии за пределами страны завершились осадой крепости Хюниген. С тех пор вооруженные силы Швейцарии не покидали пределов своей страны.

Несмотря на необходимость принятия Цюрихской конвенции современная Швейцария высоко ценит свой нейтралитет, нечасто вспоминая, при каких обстоятельствах и чьими усилиями он был получен. Отрадно, что в 2015 г. швейцарский историк О. Мёвли напомнил согражданам, что «без согласия России нынешняя нейтральная Швейцария была бы немыслима» [13].

По итогам принятия Венской декларации, ее ратификации Сеймом и включения в итоговый акт Венского конгресса 7 августа 1815 г. представителями всех 22 кантонов был подписан Федеральный пакт – основной закон Швейцарской конфедерации, действовавший до принятия новой Федеральной конституции 1848 г. современного образца. Он состоял из 15 статей, положения которых обеспечивали суверенитет кантонов, запрещали неравенство «подвластных земель», устанавливали, что центральную власть представляет Сейм, заседающий в одном из трех кантонов (Цюрих, Берн, Люцерн).

Таким образом, следования принципу легитимизма, что означало бы для Швейцарии – возвращение к прежней Конфедерации, поражению в правах большинства населения, отторжение значительных территорий, удалось избежать благодаря деятельно русской дипломатической миссии на Венском конгрессе и личным усилиям и воле Александра I. Современные границы Швейцарии, федеративное устройство, нейтралитет стали возможны лишь благодаря абсолютному монарху унитарного государства. Примечательно, что читая лекции на завершающем этапе Великой Отечественной войны, А.Л. Нарочницкий, характеризуя международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г. отметил, что «Александр, как и все государи, проводил на конгрессе реакционную политику. Но он допускал больше отступлений от принципов легитимизма» [16, с. 55].

Идея легитимизма в истории политико-правовой мысли прошла сложный путь от реакции на революционные события во Франции к инструменту внешнеполитического воздействия для раскола союзников, предложенного Талейраном, и до оплота монархических и консервативных воззрений. Историографический анализ работ, посвященных легитимизму [17, 18, 19], позволяет сделать вывод об ошибочности устоявшихся в историографии представлений об авторстве этой теории Талейрана на Венском конгрессе в 1814 г. Так, например, Н.М. Карамзин в 1811 г., основываясь на сведениях из российской истории, обозначил идею легитимизма в трактате «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях».

Важно отметить, что для Швейцарии принятие принципа легитимизма как руководства к действию участниками Венского конгресса грозило потерей государственности, и только решение российского императора Александра I позволило предотвратить такое развитие событий. Это позволяет опровергнуть искаженное мнение об отсутствии серьезного влияния российской государственно-правовой мысли на формирование государственности других стран.

Исследование эволюции конституционно-правового устройства Швейцарии от Старой Швейцарской Конфедерации и Гельветической республики до сформировавшейся после Венского Конгресса и действующей сегодня федерации, позволило привести аргументы, обосновывающие значительное влияние России на процесс укрепления в ее государственности. Следование принципу легитимизма в европейском понимании означало бы для Швейцарии – возвращение к прежней Конфедерации, поражению в правах большинства населения, отторжение значительных территорий.

Этого удалось избежать благодаря деятельности русской дипломатической миссии на Венском конгрессе, личным усилиям и воле Александра I. Современные границы Швейцарии, федеративное устройство, нейтралитет стали возможны лишь благодаря абсолютному монарху унитарного государства. Изучение историографии легитимизма, позволяет сделать вывод о том, что трактат Н.М. Карамзина, созданный раньше, чем принцип был озвучен Талейраном на Венском конгрессе в 1814 г., содержит теоретико-правовое обоснование принципа легитимизма, и сформулировать тезис о том, что отечественные политико-правовые представления оказывали влияние на формирование политико-правовых моделей государственности и конституционно-правового развития.

Список литературы:

1. История дипломатии / под ред. Потемкина В.П. Т.1. М.: Огиз, 1941. 567 с.
2. Жуков В.И. Мировой кризис и социальное развитие России / В. И. Жуков, Г. В. Жукова // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 4(60). С. 6-19. – EDN JXZEKD.
3. Савенков А.Н. Историческое сознание как новый театр военных действий // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 12(329). С.3-10.
4. Жуков В.И. Социальное развитие России: историко-социологическая компаративистика: в 3 т. М.: Изд-во Российского гос. социального ун-та, 2012. – 250 с. – ISBN 978-5-7139-0971-0. – EDN QONVBJ.
5. Виноградова Е.В. Историографический анализ государственно-правовой идентичности Швейцарии: трансформация принципа легитимизма / Е. В. Виноградова, М. В. Раттур // Антиномии. 2025. Т. 25, № 2. С. 184-208. – DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_184. – EDN TKIAZK.
6. Долгих А.Н. Об использовании термина «легитимизм» применительно к Российской истории первой половины XIX века // Гуманитарные исследования Центральной России. 2024. № 2(31). С. 7-12. DOI 10.24412/2541-9056-2024-231-7-12
7. Мирзоев Е.Б. Легитимистская доктрина Жозефа де Местра и консерватизм в России (начало XIX века) // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 109-119.
8. Штиглиц А.Н. Исследование о началах: политического равновесия, легитимизма и национальности: в 4 т. Т.4. Начало легитимизма. СПб.: типография братьев Пантелеевых, 1890. 229 с.
9. Таньшина Н.П. Французский легитимизм первой половины XIX в.: «бедные родственники» историографии // История. 2020. Т. 11, № 3(89). С. 19-25. DOI 10.18254/S207987840009704-3.
10. Яблоков С.А. Россия будущего в представлениях Ф.И. Тютчева и Б.Н. Чичерина. М.: Издательство Национального института бизнеса, 2008. 239 с.
11. Чудинов А.В. Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. М.: Наука, 1992. 368 с.
12. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // История государства Российского. М.: Эксмо, 2004. С. 991-1015.
13. Пошар О. Венский конгресс и судьба швейцарского нейтралитета // swissinfo. ch. URL: https://inosmi.ru/20150324/227063505.html (дата обращения: 17.08.2024).
14. Бабаева Л. 200 лет назад на свет появилась современная Швейцария // 2014. Наша газета. Вена / Берн. 18.09.2014. URL: https://nashagazeta.ch/news/swiss/18283 (дата обращения: 15.08.2024).
15. Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп: Письма. Документы / сост А.Ю. Андреев и Д. Тозато-Риго. Т. 2: 1802-1815. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 965 с.
16. Нарочницкий А.Л. Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 г. М.: типография Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), 1946. 76 с.
17. Правкин С.А. Значение принципа законности в системе легитимизма Н.М. Карамзина / С.А. Правкин, В.В. Смирнова, Р.В. Шагиева, М.А. Хватова // Былые годы. 2020. № 55(1). С. 67-76. DOI 10.13187/bg.2020.1.67.
18. Закатов А.Н. Традиции российской государственности: легитимизм и народность // Трибуна русской мысли. 2008. № 8. С. 94-110.
19. Даневский В.П. Системы политического равновесия и легитимизма и начало национальности в их взаимной связи: историко-догматическое исследование. СПб.: типография Р. Голике, 1882. 335 с.

References:

1. History of diplomacy/ed. Potemkin V.P. T.1. M.: Ogiz, 1941. 567 p.
2. Zhukov V.I. The world crisis and social development of Russia/V.I. Zhukov, G.V. Zhukova//Scientific notes of the Russian State Social University. 2008. № 4(60). S. 6-19. – EDN JXZEKD.
3. Savenkov A.N. Historical consciousness as a new theater of military operations//Law in the Armed Forces - Military legal review. 2024. № 12(329). S.3-10.
4. Zhukov V.I. Social development of Russia: historical and sociological comparative studies: in 3 volumes. M.: Publishing House of the Russian State. social university, 2012. - 250 p. - ISBN 978-5-7139-0971-0. – EDN QONVBJ.
5. Vinogradova E.V. Historiographic analysis of the state-legal identity of Switzerland: transformation of the principle of legitimism/E.V. Vinogradova, M.V. Rattur//Antinomies. 2025. VOL. 25, NO. 2. S. 184-208. – DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_184. – EDN TKIAZK.
6. Dolgikh A.N. On the use of the term "legitimism" in relation to the Russian history of the first half of the 19th century//Humanitarian studies of Central Russia. 2024. № 2(31). S. 7-12. DOI 10.24412/2541-9056-2024-231-7-12
7. Mirzoev E.B. The legitimist doctrine of Joseph de Mestre and conservatism in Russia (beginning of the 19th century)//New and recent history. 2008. № 6. S. 109-119.
8. Stieglitz A.N. Research on the principles: political equilibrium, legitimism and nationality: in 4 volumes. T.4 The beginning of legitimism. St. Petersburg: printing house of the Panteleev brothers, 1890. 229 pp.
9. Tanshina N.P. French legitimism of the first half of the XIX century: "poor relatives" of historiography//History. 2020. T. 11, NO. 3 (89). S. 19-25. DOI 10.18254/S207987840009704-3.
10. Yablokov S.A. Russia of the future in the views of F.I. Tyutchev and B.N. Chicherina. M.: National Institute of Business Publishing House, 2008. 239 pp.
11. Chudinov A.V. Egalitarian pamphlets in England in the middle of the XVIII century. M.: Science, 1992. 368 pp.
12. Karamzin N.M. About ancient and new Russia in its political and civil relations//History of the Russian state. M.: Eksmo, 2004. S. 991-1015.
13. Poshar O. Congress of Vienna and the fate of Swiss neutrality//swissinfo. ch. URL: https://inosmi.ru/20150324/227063505.html (access date: 17.08.2024).
14. Babaeva L. 200 years ago, modern Switzerland was born//2014. Our newspaper. Vienna/Bern. 18.09.2014 URL: https://nashagazeta.ch/news/swiss/18283 (accessed on: 15.08.2024).
15. Emperor Alexander I and Frédéric-César Lagarpe: Letters. Documents/composition A.Yu. Andreev and D. Tozato-Rigo. VOL. 2: 1802-1815. M.: Political Encyclopedia, 2017. 965 p.
16. Narochnitsky A.L. International relations of European states from 1794 to 1830 M.: printing house of the Higher Party School under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 1946. 76 pp.
17. Pravkin S.A. The importance of the principle of legality in the system of legitimism N.M. Karamzin/S.A. Pravkin, V.V. Smirnova, R.V. Shagieva, M.A. Khvatova//Past years. 2020. № 55(1). S. 67-76. DOI 10.13187/bg.2020.1.67.
18. Zakatov A.N. Traditions of Russian statehood: legitimism and nationality//Tribune of Russian thought. 2008. № 8. S. 94-110.
19. Danevsky V.P. Systems of political equilibrium and legitimism and the beginning of nationality in their mutual connection: historical and dogmatic research. St. Petersburg: printing house R. Golike, 1882. 335 pp.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_30

УДК 342

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ КУРДСКОЙ АВТОНОМИИ В СИРИИ
THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS MODERN KURDISH AUTONOMY IN SYRIA

БАЛКОВАЯ Валентина Григорьевна,
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».
690091, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8.
E-mail: valyabalk@yandex.ru

ПРИХОДЬКО Владислав Евгеньевич,
студент юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».
690091, Россия, Владивосток, ул. Суханова, 8.
E-mail: vladfareast@gmail.com

BALKOVAYA Valentina Grigoryevna,
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
8 Sukhanova St., Vladivostok, 690091, Russia.
E-mail: valyabalk@yandex.ru.

PRIKHODKO Vladislav Evgenievich,
Law Student, Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
8 Sukhanova St., Vladivostok, 690091, Russia.
E-mail: vladfareast@gmail.com.

Краткая аннотация: *Статья посвящена анализу конституционной хартии, принятой в 2013 г. в самопровозглашенной автономии – Сирийском Курдистане (Рожаве) – государственно-подобном образовании курдов. Созданный там конституционной строй основан на идеологии демократического конфедерализма со значительным объемом прав, предоставляемых субъектам (кантонам). Прорабатываются проблемы соотношения центральной государственной власти и курдской автономии, охарактеризована система органов государственной власти, правовое положение личности. Особенно подчеркивается прогрессивное для мусульманских стран стремление к равноправию женщин, их вовлечение в политическую жизнь страны.*

Abstract: *This article analyzes the constitutional charter adopted in 2013 in the self-proclaimed autonomous region of Syrian Kurdistan (Rojava), a Kurdish state-like entity. The constitutional order established there is based on the ideology of democratic confederalism, with a significant range of rights granted to its constituent entities (cantons). The article explores the relationship between central government and the Kurdish autonomous region, characterizing the system of state bodies and the legal status of individuals. Particular emphasis is placed on the progressive pursuit of women's equality and their inclusion in the country's political life, a trend that is progressive for Muslim countries.*

Ключевые слова: *Сирийский Курдистан, Рожава, конституция Рожавы, демократический конфедерализм, сирийский конфликт, государственно-подобные образования.*

Keywords: *Syrian Kurdistan, Rojava, Rojava constitution, democratic confederalism, Syrian conflict, state-like entities*

Для цитирования: *Балковая В.Г., Приходько В.Е. Теоретико-правовой анализ современной Курдской автономии в Сирии // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 30-35. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_30.*

For citation*: Balkovaya V.G., Prikhodko V.E. Theoretical and legal analysis modern Kurdish autonomy in Syria // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 30-35. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_30.*

Статья поступила в редакцию: 13.01.2025

Введение. Для внутриполитической жизни в ряде стран современного мира характерна значительная нестабильность, так как отдельными группами населения ставятся под сомнение легитимность имеющейся власти и законность существующих государственных институтов. Важным источником этой нестабильности нередко выступают межнациональные и межконфессиональные противоречия и конфликты.

Традиционным очагом напряженности был и остается Ближний Восток, находящийся в фокусе многих как внутриполитических, так и внешнеполитических конфликтов, являющийся точкой противостояния различных стран, религиозных идеологий, политических идей и экономических интересов. Начавшаяся здесь в 2011 г. серия антиправительственных выступлений, получившая образное название «Арабской весны», была вызвана высоким уровнем социального неравенства, коррупцией и несменяемостью власти, она обернулась для ряда стран этого региона кровопролитной гражданской войной, принявшей наиболее ожесточенный характер в Сирии. Но вместе с тем, данные события позволили появиться на карте мира Рожаве («Запад», «Западный Курдистан») – уникальному государственно-подобному образованию этнических курдов, построенному на идеях демократического конфедерализма и либертарного социализма.

Целью настоящей публикации является теоретико-правовой анализ важнейших положений Основного закона этого автономного государственно-подобного образования, созданного на территории Сирии.

Изучение подобного политического образования представляет значительный научный интерес, так как оно является уникальным опытом конституционного строительства, в ходе которого был провозглашен отказ как от идеи капиталистического национального государства, так и от социалистической диктатуры переходного периода, построенной на жесткой централизации.

За прошедшие годы неоднократно предпринимались попытки научного осмысления экономических, социальных и политических аспек-

тов преобразований, проведенных сирийскими курдами. Особенно хотелось бы отметить обобщающую работу таких авторов, как К.В. Вертяев, С.М. Иванов, В.В. Макаренко[1], являющуюся опытом глубокого анализа проблем национально-освободительной борьбы курдов. Важное место в ней отводится анализу Рожавы как особого социально-политического феномена. В этой работе, в частности, проводится разбор его идеологических оснований, раскрываются факторы, предопределившие специфику политической организации. Однако необходимо признать, что государственно-правовые основания сирийской автономии нуждаются также в серьезном юридическом изучении.

Основная часть. Появление Рожавы явилось следствием многовекового национально-освободительного движения курдов, чья этническая история превышает уже полторы тысячи лет. Это наиболее многочисленный народ в мире, насчитывающий свыше 40 млн. человек, но так и не сумевший создать собственную национальную государственность[2]. Несмотря на неоднократные попытки ассимиляции этой этнической группы со стороны различных народов, она сохранила свой уникальный этнический код с древности до наших дней.

Особый драматизм истории этого народа придает то обстоятельство, что он, так и не сумев создать свое собственное государство, оказался разобщен политическими границами других национальных государств – Сирии, Турции, Ирака и Ирана. По меткому замечанию Л.А. Сафаряна, курдская проблема — мина замедленного действия под основанием национальных государств Ближнего Востока[3].

Несмотря на различия существующих там государственно-политических систем, все они едины в своей политике в отношении курдов, в стремлении подавить их право на самоопределение. Наиболее трагичным примером этого являлась операция «Анфаль», проводившаяся на севере Ирака в 1987-1989 гг. Она выражалась в политике геноцида в отношении этнических курдов, в ходе нее, по разным оценкам, погибло от 50 до 150 тысяч населения, а свыше миллиона человек стали беженцами.

С учетом попыток международной интеграции национальной борьбы курдов Турции, Ирака, Ирана и Сирии за свои права, в 1960-е гг. в пограничных районах Сирии началась конфискация традиционных территорий расселения курдского населения и создания там арабских деревень («арабского» или «зеленого» пояса). В результате такой политики было уничтожено около трехсот курдских деревень и создано около сорока арабских[4]. При этом около 300 тыс. переселенных курдов лишались сирийского гражданства и вплоть до 2012 г. представляли собой наиболее бесправную категорию населения, так называемых «скрытых граждан».

Вследствие репрессий со стороны государств, на территории которых проживали курды, их национально-освободительное движение долгое время было представлено различными нелегальными националистическими организациями, борющимися с властью за свои права, в том числе насильственными методами.

Предыстория Рожавы в наибольшей степени опирается на политический опыт турецкого и сирийского курдского сопротивления. На территории Турции еще в 1978 г. была создана так называемая Рабочая партия Курдистана (РПК) – леворадикальная повстанческая организация, боровшаяся против турецких властей[5]. Первоначально она выступала за создание отдельного курдского государства, а в дальнейшем, с 1993 до 2025 гг. – за создание национально-территориальных автономий в составе вышеуказанных государств. Идеологическим лидером этого движения стал Абдулла Оджалан, который за свою деятельность властями Турции в 1999 г. был приговорен к смертной казни, замененной в 2002 г. пожизненным заключением[6]. Именно он разработал концепцию демократического конфедерализма, обеспечившую идеологическую основу современному курдскому национальному движению во всех сопредельных странах.

Учение о демократическом конфедерализме является попыткой адаптации идей либертарного муниципализма, высказанных мыслителем левого политического толка Мюрреем Букчиным, к практическому решению национального вопроса и других актуальных социальных проблем. Абдулла Оджалан, разрабатывая принципы демократического конфедерализма, сконцентрировался на решении проблем обеспечения политического и социального равенства этнических и религиозных групп, эмансипации женщин, построении экономики, ориентированной на сохранение экологического равновесия[7].

Помимо идей так называемого либертарного социализма, на идеологию Абдуллы Оджалана оказали большое влияние идеи феминизма, которые он развил в учении о жинеологии – науке об освобождении женщины. По его мнению, условием свободы нации является построение свободного общества, а свободное общество способна сформировать только свободная женщина.

Абдулла Оджалана считает, что порабощение женщины является истоком большинства социальных проблем, в частности, приводит к экономическому неравенству и появлению социальных классов. В этом теория главы Рабочей партии Курдистана несколько отличается от классических канонов марксизма, который связывает появление неравенства в обществе с появлением частной собственности в целом[8].

Особо остро Абдулла Оджалана критикует национальное государство, видя в нем прямое воплощение идей национализма, религиозности, сексизма и позитивизма. В целом, такое отношение с его стороны не удивительно, поскольку национальные государства Ближнего Востока традиционно в той или иной мере имеют эти черты.

В качестве альтернативы национальному государству Абдулла Оджалана предлагает создание негосударственной политической ад-

[1] Вертяев К. В. Рожава: феномен курдской автономии в Сирии / К. В. Вертяев, С. М. Иванов, В. В. Макаренко. Москва, 2023.
[2] Иванов С. М. Сирийские курды в борьбе за свои права и свободы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 9. С. 37.
[3] Сафарян Л. А. "Дамоклов меч" сирийской государственности Курдский вопрос // Свободная мысль. 2021. № 6(1690). С. 87-98.
[4] Мазур О. А. Перспективы решения курдского вопроса в Сирии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22, № 4. С. 86.
[5] Жигалина О. И. Этнический Курдистан как перекресток геополитических и экономических интересов // Восточная аналитика. 2011. № 2. С. 201-202.
[6] Вертяев К. В. Специфика курдского национального движения и его современная актуализация в Турции и Сирии // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 365.
[7] Абдуллазаде Н. Р. Демократический конфедерализм - как идеологическая основа правовой системы курдской автономии в Сирии // Теория государства и права. 2024. № 4(41). С. 15
[8] Абдуллазаде Н. Р. Демократический конфедерализм - как идеологическая основа правовой системы курдской автономии в Сирии // Теория государства и права. 2024. № 4(41). С. 16.

министрации или же, по-другому, демократии без государства, построенной на основах самоуправления. Такая политическая организация должна базироваться на принципе многоукладной экономики, в которой произошел отказ как от командно-административной системы с её государственными предприятиями и единым хозяйственным планом, так и от классической рыночной экономики. По его мнению, основу экономической системы в этом социальном строе должны составлять ассоциированные производители – кооперативы, что призвано предотвратить как резкое социальное расслоение, так и не допустить развитие острого дефицита тех или иных товаров.

Концепция демократического конфедерализма, созданная Абдуллой Оджаланой, была воспринята сирийскими курдами и стала в дальнейшем идеологической основой Конституции Рожавы.

Возникновение Рожавы явилось следствием гражданской войны в Сирии, которая развернулась в 2011 г. между сирийским правительством Башара Асада и оппозиционной Свободной сирийской армией. В 2014 г. в гражданскую войну вступила еще одна политическая сила - радикальная исламисткая группировка Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) (*деятельность данной организации в Российской Федерации запрещена*). В первые годы конфликта курды стремились сохранять нейтралитет и в случаях прямых столкновений ограничивались локальными стычками курдских отрядов самообороны с правительственными войсками. Однако с 2014 г. из-за значительных успехов исламских фундаменталистов ИГИЛ началось массовое нарушение прав различных меньшинств в Сирии. Стало очевидным, что положение христиан, друзов, крайне малочисленных иудеев и других этно-национальных групп было несравненно лучше под властью Башара Асада, нежели в тех местах, которые попали под контроль его противников[1].

Под влиянием этих событий и для защиты прав национальных и религиозных меньшинств 21 января 2014 г. на учредительном совещании, в котором приняли участие представители 52 политических партий и общественных организаций, в том числе женских, было объявлено о создании автономии и был зачитан проект Общественного договора (Конституции) Западного Курдистана (Рожавы). В состав нового политического образования вошли три субъекта - кантоны (автономные регионы) Африн, Джазира и Кобани, его общая площадь составила 18 300 кв. км. Столицей был объявлен кантон Джизре с центром в городе Камышлы[2].

Особенностью территориальной организации Рожавы является то, что на настоящий момент кантоны существуют в виде анклавов, они не имеют общей непрерывной границы.

Ключевой политической силой на данных территориях стала левая партия «Демократический союз» с силовым крылом в виде Отрядов народной самообороны (ОНС). С тех самых пор курдские формирования стали полноценной «третьей силой», которые сражались с целью защиты контролируемых ими территорий и сложившейся на них структуры управления от всех иных политических сил (правительственных войск Башара Асада, формирований Свободной Сирийской армии, террористов ИГИЛ, армии Турции). На сегодняшний день, когда режим Башара Асада пал, а его место заняли умеренные исламисты во главе с Ахмедом Хусейном аш-Шараа, между Дамаском и Рожавой было установлено перемирие. Было подписано соглашение об интеграции Сирийских демократических сил и Автономной администрации в структуры Переходного правительства[3]. Несмотря на это, по-прежнему сохраняется внешняя военная угроза со стороны Турции, которая продолжает политику борьбы с курдскими повстанцами.

Из этого обзора видно, что политическая ситуация в Сирии остается достаточно напряженной и курдский вопрос по-прежнему далек от его окончательного решения. Рожава является уникальным государственно-подобным образованием, предлагающим принципиально новый подход к его урегулированию. Вместе с тем, сирийские курды не стремятся к созданию национального государства, так как «Автономные регионы являются неотъемлемой частью Сирии. Они представляют собой модель для будущей децентрализованной системы федеративного управления в Сирии» (ст. 12 Хартии).

Юридическое закрепление новое политическое образование нашло в акте учредительного значения - Общественном договоре кантонов Рожавы, иначе называемом Конституцией или Конституционной хартией Рожавы (в дальнейшем - Хартия)[4].

В преамбуле к ней провозглашается цель создания Рожавы - учредить политическую систему и гражданскую администрацию, основанную на общественном договоре, призванную обеспечить переход от диктатуры и гражданской войны к новому демократическому обществу, основанному на социальной справедливости. Особо подчеркивается, что этот договор должен базироваться на мирном сосуществовании и взаимопонимании между всеми слоями общества, он призван защитить основные права и свободы человека и подтвердить право народов на самоопределение.

Уже на основании преамбулы можно увидеть влияние идей демократического конфедерализма и практически полное отсутствие идеи построения национальной автономии и тем более государства. Так как на территории кантонов проживают представители многих народов - не только курдов, составляющих около 70 % населения, но также арабов, сирийцев, арамеев, туркмен, армян и чеченцев, руководство Рожавы стремится объединить под своим крылом весь этнически пестрый состав своего населения, не ставя цели подавить чье-либо национальное самосознание. Объединение должно произойти не на национальном, а на экономическом базисе и общей заинтересованности мирного населения в защите от радикальных исламистских группировок.

Особенно сложный этнический и религиозный состав населения имеет кантон Джазира, в нем в качестве официальных признаны

[1] Иванов С. М. Сирийские курды в борьбе за свои права и свободы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 9. С. 38.
[2] Мазур О. А. Перспективы решения курдского вопроса в Сирии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22, № 4. С. 87.
[3] Кудряшова Ю. С. О росте значения курдского фактора в условиях меняющегося Ближнего Востока // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2014. № 2(8). С. 94-105.
[4] Constitution of the Rojava Cantons (The Social Contract of Rojava Cantons in Syria) // https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Rojava_Cantons

курдский, сирийский и арабский языки (ст. 7 Хартии), кроме того, на его территории действуют влиятельные мусульманская, христианская и езидская религиозные общины. Это объясняется тем, что Джазира имеет особое геополитическое положение, а также является наиболее крупным территориальным образованием. Хотя в курдской автономии отсутствует понятие федерального центра и все кантоны равны между собой и обладают широким самоуправлением, именно Джазира осуществляет координацию военной и внешнеполитической деятельности Рожавы.

В соответствие со ст. 2 Хартии, в основе организации власти в Рожаве лежит идея народного суверенитета, власть принадлежит народу и исходит от него. Практически эта идея реализуется через существование системы самоуправлений и приоритет представительных органов перед назначаемыми.

Ст. 20-44 Хартии закрепляют широкий перечень прав и свобод, предоставляемых и защищаемых в Рожаве. В частности, ст. 20-21 провозглашают незыблемость основных прав и свобод, закрепленных в международных договорах, конвенциях и декларациях по правам человека. В соответствие с этим разделом Хартии, каждому гарантируется право на жизнь (ст. 26), на свободу и личную неприкосновенность (ст. 25), на особое мнение и возможность его выражения (ст. 24), на свободу вероисповедания (ст. 31), на свободу передвижения и выбор места жительства (ст. 43), на свободу объединения (ст. 32), право на политические акции (ст. 34), избирательное право (ст. 36), право на политическое убежище (ст. 37), равенство перед законом (ст. 38), право на защиту частной собственности (ст. 41), отдельно закреплено право каждого на благоприятную природную среду (ст. 23), признаются и гарантируются этнические, культурные, языковые и гендерные права (ст. 23).

Особенностью данного раздела Хартии является включение в него не только правомочий гражданина, но и государства. С целью защиты публичного интереса закреплены монополия общества на природные ресурсы (ст. 39), монополия государства на здания и землю (ст. 40).

В данном разделе закреплены и те положения, которые касаются решения важнейших социальных проблем, в частности, правового положения женщины. В соответствие с учением о жинеологии Абдуллы Оджаланы, утверждающим, что свободное общество возможно лишь при наличии свободной женщины, Хартия закрепляет следующие гендерные права: в соответствие со ст. 28, женщина полностью равноправна с мужчиной, ставится задача дальнейшей борьбы с дискриминацией по гендерному признаку; в соответствие со ст. 30 обеспечивается защита материнства; в соответствие со ст. 27, предполагается всемерное включение женщин в политическую, социальную, экономическую и культурную жизнь. Для реализации этого требования в разделах о составе органов власти всех уровней установлены нормы о гендерном представительстве (не менее 40 % женщин в составе этих органов) (ст. 47, 65, 87 Хартии).

С целью заботы о будущем, ст. 30 закрепляет норму о бесплатном и обязательном праве на начальное и среднее образование, о бесплатной педиатрической помощи за счет государства; ст. 29 устанавливает запрет на детский труд, на заключение брака с лицами, не достигшими совершеннолетия; ст. 17. гарантирует право молодежи на активное участие в общественной и политической жизни.

Таким образом, Хартия Рожавы декларирует в качестве своих перспективных целей достижение подлинного народовластия, гендерного равенства, защиты подрастающего поколения.

Ст. 92 Хартии закрепляет норму об отделении религии от государства, а также положение о том, что «право на исповедание религиозных убеждений должно гарантироваться в той мере, в какой это не наносит ущерба общественному благу». Это указывает на светский характер власти, а также демонстрирует стремление к установлению режима веротерпимости и многоконфессиональности, что является одной из важнейших задач в регионах с таким сложным этническим и конфессиональным составом.

Хартия закрепляет и определенные ограничения прав: хотя на территории Рожавы допускается двойное гражданство, лица, имеющие помимо сирийского гражданства дополнительное гражданство другой страны, не допускаются к занятию важных государственных должностей (ст. 83). Это призвано обеспечить национальноориентированную политику этого политического образования.

К числу важнейших конституционных принципов, положенных в основу конструкции власти, относятся децентрализация власти и плюрализм (ст. 3 Хартии), вследствие чего в каждом кантоне существует своя система органов, не замыкающаяся на единый федеральный центр. Вместе с тем, необходимо не забывать, что Рожава является самоуправляющейся территорией, стремящаяся к демократической автономии в рамках Сирии, а не к полной независимости от нее. Именно поэтому она не противопоставляет себя существующей в Сирии государственной власти, а стремится к определенной интеграции с ней.

Хартия закрепляет единые подходы к организации власти во всех кантонах, они основаны на идее разделения властей. В соответствии со ст. 4 данной Хартии, в конструкции государственной власти Рожавы прослеживается деление на законодательную (Законодательное собрание), исполнительную (Исполнительные советы) и судебную ветви власти (Судебный совет, Верховный Конституционный суд). При этом, местное самоуправление отдельно не выделяется, что не удивительно, поскольку Рожава не является полноценным государством и муниципальные / провинциальные советы встроены в общую систему управления. Именно поэтому, в этой модели отсутствует четкое деление на государственную власть и местное самоуправление, характерное для большинства современных государств.

Конструкция власти, сформировавшаяся в Рожаве, в значительной степени напоминает парламентские республики, в которых исполнительные и судебные органы производны от представительных. В основе организации власти лежит идея многоуровнего представительства, периодической (раз в 4 года) сменяемости власти, поэтому большое внимание в Хартии уделяется регламентации избирательного процесса.

Избирательные округа сформированы по численности проживающих на территории избирателей: каждые пятнадцать тысяч зарегистрированных избирателей, проживающих в Автономном регионе, избирают одного члена Высшего Законодательного совета. Процедура голосования реализуется как прямая и тайная (ст. 45).

Ст. 49 закрепляет всеобщее избирательное право населения кантонов без определения каких-либо цензов, кроме возрастных. Актив-

ное право наступает с момента достижения гражданином возраста 18 лет, пассивное при выборе в Законодательное собрание составляет 22 года.

Избирательный процесс реализуется под непосредственным руководством Высшей избирательной комиссии, состоящей из 18 членов, которая формируется Законодательным собранием и представляет интересы всех кантонов. Именно эта Комиссия определяет даты проведения выборов в Законодательное собрание, контролирует их проведение и объявляет результаты. Она компетентна принимать заявления о фальсификации выборов, запугивании избирателей или незаконном вмешательстве в избирательный процесс внешних сил. Решения Комиссии принимаются квалифицированным большинством (не менее 11 голосов из 18).

В результате выборов формируется Законодательное собрание Автономного региона, срок полномочий его членов составляет 4 года, причем ни один депутат не может избираться более двух сроков подряд. В соответствие со ст. 50, члены Законодательного собрания пользуются депутатской неприкосновенностью. Число членов Законодательного собрания в Хартии не определено, так как зависит от численности населения и количества избирательных округов. Особым условием является то, что не менее 40 % его членов должны составлять женщины (ст. 47).

Компетенция Законодательного собрания является традиционной для всех парламентов - в сфере внутренней политики оно принимает законы, назначает на должности, формирует Верховный конституционный суд, утверждает бюджет, проводит амнистии. В сфере внешней политики оно ратифицирует международные договоры и соглашения, а также объявляет состояния войны и мира.

Управление на уровне кантона осуществляет Исполнительный совет, который отвечает за исполнение законов, постановлений и указов, принимаемых Законодательным собранием и судебными органами. Он формируется партией или избирательным блоком, получившими большинство (51 % мест) на выборах в Законодательное собрание (ст. 56). В структуру Исполнительного совета входят его Председатель и комитеты. За практической деятельностью каждой из структур Исполнительного совета осуществляет контроль один из членов Законодательного собрания (советник), который обеспечивает взаимосвязь деятельности Законодательного собрания и Исполнительного совета (ст. 58-59).

Высшую исполнительную власть на уровне кантона осуществляет его губернатор, который также избирается на заседании Законодательного собрания (ст. 54). К кандидатуре на должность губернатора кантона определены следующие требования - достижение возраста 35 лет, наличие гражданства Сирии, постоянное проживание на территории кантона, отсутствие судимостей. Срок полномочий губернатора составляет 4 года.

Из этого обзора видно, что распределение полномочий между органами, а также общая организация власти в Рожаве действительно тяготеет к модели парламентской республики.

Помимо Исполнительного совета Автономного региона, на местах непосредственно населением путем тайного голосования в порядке самоуправлений создаются провинциальные административные советы [муниципальные советы]. Их деятельность осуществляется в порядке общей политики децентрализации, призванной максимально обеспечить интересы местного населения. Вместе с тем, их деятельность должна осуществляться в пределах существующего законодательства, а за расходованием их бюджета осуществляется надзор со стороны Исполнительного совета (ст. 62 Хартии).

Высшими судебными инстанциями, в соответствие с Хартией Рожавы, признаются Судебный совет и Верховный конституционный суд. Судебная система Рожавы построена на идее независимости судебной власти, что призвано обеспечить справедливое и эффективное рассмотрение дел компетентными и беспристрастными судами.

Верховный Конституционный суд состоит из семи членов, назначаемых Законодательным собранием. Для кандидатов в этот орган установлен профессиональный ценз – его члены выбираются из числа судей, юристов и адвокатов, каждый из которых должен иметь не менее пятнадцати лет профессионального опыта. Ни один член Верховного конституционного суда не имеет права занимать должность в Исполнительном совете или в Законодательном собрании, а также занимать любую другую оплачиваемую должность до момента окончания своих полномочий. Особенностью укомплектования этого органа является то, что для судей также установлен предельный срок полномочий (4 года) и запрет занимать должность более двух сроков подряд (ст. 77 Хартии).

В компетенцию Верховного конституционного суда входят такие функции как определение конституционности законов, принятых Законодательным собранием, и решений, принятых Исполнительным советом. Помимо этого, данный орган осуществляет судебный надзор за законодательными актами и решениями исполнительной власти в случаях, когда такие акты и решения вступают в противоречие с «буквой» и «духом» Хартии.

Организационная структура и деятельность Судебного совета в Конституции подробно не охарактеризована, в соответствие с бланкетной нормой, закрепленной в ст. 75 , по этому вопросу существует отдельный закон. В то же время, в разделе Хартии, посвященном судебной власти, раскрываются важнейшие принципы судопроизводства, а также закрепляются уголовные и уголовно-процессуальные гарантии прав личности.

Отдельно отмечено, что при формировании судебной власти также должна выдерживаться гендерная пропорция – в состав судов должно входить не менее 40 % женщин (ст. 65). Это свидетельствует о планомерной политике развития интеллектуального и профессионального развития женщин, реализуемой в Рожаве, так как для занятия судебных должностей соискатели должны иметь высшее юридическое образование, а также длительную практику работы по юридической специальности. Это свидетельствует, что идеи жинеологии имеют прочное юридическое закрепление в конституционной Хартии Рожавы.

В целом, как свидетельствует проведенный анализ, созданная в Сирийском Курдистане конституционная модель отвергает расизм,

религиозный фундаментализм, любую дискриминацию по признаку пола, религии, национальности и т.д. По мнению К.В. Вертяева, «сирийские курды видят будущую Сирию как светское, демократическое, парламентское государство, в котором будут признаны права всех национальных меньшинств и религиозных общин, обеспечено равноправие мужчин и женщин»[1]. Система публичной власти, выстроенная, согласно Хартии Рожавы, создает предпосылки для формирования демократического, толерантного общества. По мнению ряда исследователей, с юридической точки зрения Сирийский Курдистан на данный момент представляет собой наиболее прогрессивную и жизнеспособную модель организации общества на началах демократического конфедерализма[2].

Заключение. Подводя итоги, стоит сказать, что Рожава действительно является уникальным образованием, в котором удалось воплотить многие идеалы либертарного социализма, решить проблему гендерного неравенства, которая является одной из традиционных на Ближнем Востоке, примирить этнические группы с разными культурами и верованиями. Однако по структуре своей конституционной организации она мало чем отличается от классических демократических стран, поскольку она также построена на принципе разделения власти на три ветви. В то же время она является уникальным образованием, так как на фоне традиционных исламских государств это образование выделяется своими яркими прогрессивными чертами, нетипичными для региона.

В современной науке ведется дискуссия о статусе этого образования, чем оно является – государством, автономией или чем-то иным[3]? По нашему мнению, оно все же ближе к государству, чем к просто к автономному территориальному образованию. В обоснование этой позиции укажем, что государство – это особая организация публичной власти, действующая на определенной территории и распространяющая свои веления на проживающее на данной территории население.

При этом обязательным признаком государства является наличие собственного аппарата принуждения, который является инструментом для реализации этих самых велений. Особенностью Рожавы, отличающей ее от статуса обычной автономии, является именно наличие таких формирований, которые не подчиняются властям Дамаска. В традиционной теории конституционализма никакие существующие в мире автономии, штаты и тому подобные образования никогда не обладают своими собственными вооруженными силами. Даже если у субъектов в некоторых федерациях есть своя собственная полиция (как, например, в Мексике или США) , в конечном итоге она все равно подчиняется центру, пусть и не напрямую, но косвенно через губернатора.

Хотя на современном этапе планируется осуществить интеграционные процессы Рожавы с остальной Сирией, наличие у руководства первой своих собственных вооруженных сил в лице Отрядов народной самообороны (ст. 15 Хартии) позволяет считать Рожаву не просто автономией, а государственно-подобным образованием.

Список литературы:

1. Конституция Рожавы (Общественный договор кантонов Рожавы в Сирии) //https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Rojava_Cantons
2. Абдуллазаде, Н. Р. Демократический конфедерализм - как идеологическая основа правовой системы курдской автономии в Сирии / Н. Р. Абдуллазаде // Теория государства и права. – 2024. – № 4(41). – С. 14-23.
3. Вертяев, К. В. Рожава: феномен курдской автономии в Сирии / К. В. Вертяев, С. М. Иванов, В. В. Макаренко. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2023. – 368 с.
4. Вертяев, К. В. Сирийские курды как протогосударственный субъект / К. Вертяев // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 3(66). – С. 22-42.
5. Вертяев, К. В. Специфика курдского национального движения и его современная актуализация в Турции и Сирии / К. В. Вертяев // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2015. – № 9. – С. 361-374.
6. Жигалина, О. И. Этнический Курдистан как перекресток геополитических и экономических интересов / О. И. Жигалина // Восточная аналитика. – 2011. – № 2. – С. 197-205.
7. Иванов, С. М. Сирийские курды в борьбе за свои права и свободы / С. М. Иванов // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 9. – С. 37-47.
8. Калинина, Е. Ю. Идеология демократического конфедерализма и конституционное строительство в Сирийском Курдистане / Е. Ю. Калинина, Н. Р. Абдуллазаде // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 2. – С. 169-172.
9. Кудряшова, Ю. С. О росте значения курдского фактора в условиях меняющегося Ближнего Востока / Ю. С. Кудряшова // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2014. – № 2(8). – С. 94-105.
10. Мазур, О. А. Перспективы решения курдского вопроса в Сирии / О. А. Мазур // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2016. – Т. 22, № 4. – С. 84-93.
11. Сафарян, Л. А. "Дамоклов меч" сирийской государственности Курдский вопрос / Л. А. Сафарян // Свободная мысль. – 2021. – № 6(1690). – С. 87-98.

References:

1. Constitution of Rojava (Social Contract of the Rojava Cantons in Syria) //https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Rojava_Cantons
2. Abdullazade N.R. Democratic Confederalism - as an Ideological Basis for the Legal System of Kurdish Autonomy in Syria. In: Theory of State and Law. 2024. No. 4 (41). Pp. 14-23.
3. Vertyaev K.V., Ivanov S.M., Makarenko V.V. Rojava: The Phenomenon of Kurdish Autonomy in Syria. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2023. 368 p.
4. Vertyaev K.V. Syrian Kurds as a Proto-State Subjec. In: International Processes. 2021. Vol. 19, No. 3 (66). Pp. 22-42.
5. Vertyaev K.V. Specifics of the Kurdish National Movement and its Modern Actualization in Turkey and Syria. In: Islam in the Near and Middle East. 2015. No. 9. Pp. 361-374.
6. Zhigalina O.I. Ethnic Kurdistan as a Crossroads of Geopolitical and Economic Interests. In: Eastern Analytics. 2011. No. 2. Pp. 197-205.
7. Ivanov S. M. Syrian Kurds in the struggle for their rights and freedoms. In: World Economy and International Relations. 2016. Vol. 60, No. 9. Pp. 37-47.
8. Kalinina E.Yu., Abdullazade N.R. Ideology of democratic confederalism and constitutional construction in Syrian Kurdistan. In: Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2025. No. 2. Pp. 169-172.
9. Kudryashova Yu.S. On the growing importance of the Kurdish factor in the context of a changing Middle East. In: Yearbook of the Institute of International Studies of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 2014. No. 2 (8). Pp. 94-105.
10. Mazur O.A. Prospects for Resolving the Kurdish Issue in Syria. In: Bulletin of the Transbaikal State University. 2016. Vol. 22, No. 4. Pp. 84-93.
11. Safaryan L.A. "The Sword of Damocles" of Syrian Statehood: The Kurdish Issue. In: Free Thought. 2021. No. 6 (1690). Pp. 87-98.

[1] Вертяев К. В. Специфика курдского национального движения и его современная актуализация в Турции и Сирии // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 371.
[2] Калинина Е.Ю., Абдуллазаде Н.Р. Идеология демократического конфедерализма и конституционное строительство в Сирийском Курдистане // Вестник экономики, права и социологии. 2025 № 2 С. 171.
[3] Вертяев К. В. Сирийские курды как протогосударственный субъект // Международные процессы. 2021. Т. 19, № 3(66). С. 22-42.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_36

ПРОБЕЛЫ В ПРАВЕ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ
GAPS IN THE LAW: CAUSES AND POSSIBLE WAYS TO ELIMINATE THEM

БОЛЬШАКОВ Евгений Владимирович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат философских наук.
291034, г. Луганск, Молодёжный квартал, 20А.
e-mail: sherhov007@mail.ru

ШЕРХОВ Рустам Русланович,
кандидат юридических наук.
Россия, г. Москва.
e-mail: sherhov007@mail.ru

BOLSHAKOV Evgeny Vladimirovich,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Candidate of Philosophy.
20A Molodezhny kvartal, Lugansk, 291034.
e-mail: sherhov007@mail.ru

SHERKHOV Rustam Ruslanovich,
Candidate of Law.
Russia, Moscow.
e-mail:sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация. *В данной статье рассматривается проблема наличия пробелов в праве. Актуальность анализа пробелов в российском праве обусловлена тем, что наличие какой-либо нормы права не означает полностью разрешенных правоотношений в данной отрасли, следовательно, очевидна не полная ее эффективность. В современном Российском праве, примеры пробелов в праве встречаются довольно часто. Выявленные авторами признаки пробела в праве позволяют установить причины этого правового явления.*

Abstract. *This article discusses the problem of gaps in law. The relevance of analyzing gaps in Russian law is due to the fact that the presence of a legal norm does not mean that legal relations in this area are fully resolved, which means that the norm is not fully effective. In modern Russian law, examples of gaps in law are quite common. The authors have identified the characteristics of gaps in law, which allows them to identify the causes of this legal phenomenon.*

Ключевые слова: *право, пробелы в праве, правовая система, правовое регулирование, правоприменение, устранение, реагирование, регулирование.*

Key words: *law, gaps in law, legal system, legal regulation, law enforcement, elimination, response, regulation.*

Для цитирования: *Большаков Е.В., Шерхов Р.Р. Пробелы в праве: причины возникновения и возможные пути их устранения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 36-38. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_36.*

For citation*: Bolshakov E.V., Sherkhov R.R. Gaps in the law: causes and possible ways to eliminate them // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 36-38. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_36.*

Статья поступила в редакцию: 13.01.2025

На сегодняшний день пробелы в праве являются неизбежными спутниками правовой системы любых государств. В первую очередь это связано с динамикой развития общественных отношений, с появлением новых, ранее не существовавших, видов правовых взаимоотношений между субъектами права, с необходимостью правовой регламентации общественных отношений, ранее не нуждавшихся в правовом закреплении ввиду различных правовых факторов.

Необходимость устранения и преодоления пробелов в праве является одной из актуальных научных проблем современной доктринальной юриспруденции. Об этом свидетельствуют многочисленные научные исследования, в рамках которых осуществляется выявление пробелов в праве, а также предлагаются возможные пути их устранения или преодоления.

Прежде чем приступить к вопросам устранения пробелов в праве, стоит уделить внимание тому, что пробелы в праве нашего государства встречаются практически во всех отраслях российского права. Так, пробелы наблюдаются в гражданском праве, трудовом, налоговом, уголовном, уголовно-процессуальном праве.

Например, в Гражданском кодексе Российской Федерации отсутствуют нормы, которые бы определяли приоритет одного правового документа над другим. В частности, вопрос сочетания наследственного договора и завещания остается неясным. Закон говорит о преимуществах договорных отношений, но не дает четких указаний на то, как действовать, если одновременно существует наследственный договор и завещание на одно и то же имущество. Это вызывает юридическую неопределенность и потенциальные споры.

В уголовном праве также наблюдается пробел, касающийся ответственности соучастников преступления. Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит термина «неудавшееся соучастие», что указывает на проблему в понимании ответственности тех людей, которые были вовлечены в преступление, но не достигли его завершающего этапа.

Прежде чем перейти к исследованию проблемы пробельности отечественного законодательства, необходимо определить сущность и признаки пробелов, которые характерны для многих правовых отраслей. На сегодняшний день в рамках различных правовых исследований за-

крепилось несколько подходов к пониманию пробелов в праве. Так, в первую очередь необходимо упомянуть об узком подходе к пониманию пробела в праве, в соответствии с которым указанное правовое явление не несет в себе негативного аспекта для регламентирования конкретных общественных отношений.

В структуре юридических исследований множество работ посвящено определению пробела в рамках конкретной отрасли права. Существуют научные взгляды исследователей, формирующих широкий подход, в соответствии с которым пробелы в праве влекут за собой необходимость урегулирования конкретных общественных отношений и таким образом имеют значение для правового воздействия.

Так Рябова Д.Н. полагает, что современная наука теории государства и права дает следующую трактовку пробела в праве. «Пробел в праве — это отсутствие конкретного нормативного предписания в отношении фактических обстоятельств, находящихся в сфере правового регулирования. Иными словами, это отсутствие нормы права для урегулирования какого-либо вида общественных отношений» [8, с. 233].

Т.М. Исмаилов и Н.В. Даничев определяют пробел в праве как выявленную в процессе правоприменения или анализа конкретной правовой нормы проблему, которая не может быть решена ее правоприменением [1, с. 223]. Кроме этого, исследователи отмечают, что пробелы в праве являются не только проблемой общетеоретического характера, но и прикладной проблемой, что в конечном счете требует решений по внесению изменений в законодательное регулирование с целью появления возможности выбора варианта поведения конкретного субъекта правоприменительной деятельности в рамках решения возникшей ситуации.

А. А. Максуров провел исследование понятийной природы пробела в уголовном праве, под которым, по его мнению, необходимо понимать правовую неопределенность, вызванную перестройкой общественных отношений, либо недостатком юридической техники, что выражено в отсутствии правовых норм, которые необходимо регулировать, что в конечном итоге сказывается на эффективности правового регулирования [4, с. 134].

А. А. Никитина и Д. А. Карев, определяя пробел в праве, отмечают, что в рамках правоприменения встречаются случаи, когда непосредственный правоприменитель не находит необходимой правовой нормы, с помощью которой возможно разрешить сложившуюся ситуацию, что и влечет за собой идентификацию пробела в праве [2, с. 776].

Вместе с тем часто пробел в праве способствует возникновению конкретной проблемы, которая не может быть регламентирована законодательством, так как отсутствует правовая норма, ее регламентирующая. Наличие в праве пробелов показывает уровень качества работы законодательных органов государства, а также непосредственно влияет на деятельность правоприменительных структур. По нашему мнению, появление пробелов возможно не только при недостаточной проработанности конкретного нормативного правового акта, но в процессе изменяющихся общественных отношений под влиянием внешней среды. Безусловно, минимальное количество пробелов в праве повысит эффективность достижения целей правоприменения, однако полное исключение рассматриваемого правового явления невозможно.

Анализ подходов к пониманию пробелов в праве позволяет разделять существенные признаки, на основании которых необходимо выделять указанное правовое явление. Во-первых, необходимо отметить возможность полного или частичного отсутствия нормы права в рамках правовой регуляции конкретного общественного отношения. Во-вторых, в рамках признаков пробела в праве следует рассматривать неточность изложения отдельных положений законодательства. Отметим, что такие неточности провоцируют двоякость правоприменения, а в отдельных случаях и вовсе его затрудняют.

Среди основных причин возникновения пробелов в законодательстве можно выделить отставание развития законодательного регулирования от возникновения новых или трансформации уже имеющихся общественных отношений, несовершенство законодательной техники, а также отсутствие должной и эффективной системы экспертизы нормативного правового акта.

Для обеспечения стабильного функционирования всех институтов власти и устранения, возникающих в процессе развития общества пробелов необходимо тщательное и всестороннее исследование всех отраслей права и законодательное устранение пробелов [3, с. 29].

На наш взгляд, правовые пробелы представляют собой отсутствие нужной правовой нормы для регулирования общественных отношений. Пробелы в праве являются своего рода «умолчанием» со стороны законодателя, то есть, правоотношения существуют, а необходимая норма отсутствует.

Немаловажное значение имеет изучение причин возникновения правовых пробелов. Так, их можно разделить на две категории:

– объективные причины, которые состоят в том, что правовые отношения возникли, однако норма права отсутствует;

– субъективные причины, которые заключаются в том, что пробелы в праве образуются в результате неправильной оценки общественных отношений или сложившихся современных условий.

Также можно выделить реальные и мнимые правовые пробелы: под первыми понимается те пробелы, которые появляются в результате субъективных и объективных причин. Что касается мнимых пробелов, то они предполагают преднамеренное, сознательное упущение законодателя.

Пробелы обычно устраняются и восполняются правотворческими органами государства путем принятия соответствующих правовых норм. Для устранения пробелов в праве необходимо: установить требуется ли правовое регулирование общественным отношениям; определить действительно ли отсутствует правовая норма или не в полной мере регулирует общественные отношения; попытаться обнаружить схожую правовую норму.

В науке принято выделять три способа преодоления пробелов: это аналогия закона, субсидиарное применение права, аналогия права.

Аналогия закона – это способ преодоления пробела в праве путём применения нормы права, прямо не рассчитанную на данный слу-

чай, но регулирующую схожие общественные отношения, при условии отсутствия конкретного правового предписания, прямо рассчитанного на данную ситуацию. Аналогия закона может применяться только при соблюдении ряда условий: наличие общей правовой урегулированности данного случая; отсутствие подходящего правового предписания; наличие аналогичной нормы, схожесть юридических фактов. Аналогию закона можно применять только в том случае, если правоприменитель убедится в том, что данная ситуация подпадает под сферу юридической регламентации, и убедится в отсутствии нормы права, которая смогла бы урегулировать конкретное общественное отношение. И в случае нахождения аналогичной нормы, то есть нормы, гипотеза которой совпадает с обстоятельствами, требующими разрешения, есть основания для применения аналогии закона.

Аналогия права – это способ преодоления пробела, при котором дело разрешается на основе «духа закона», при условии отсутствия конкретной нормы, не только прямо рассчитанной на данную ситуацию, но и нормы, регулирующей схожее общественное отношение. Аналогия права применяется только там, где отсутствует аналогичная норма, следовательно, невозможно применить аналогию закона. Существуют следующие условия для применения аналогии права: наличие общей правовой урегулированности данного случая; отсутствие конкретного правового предписания; невозможность применения аналогии закона вследствие отсутствия аналогичной нормы.

Таким образом, аналогия закона и аналогия права являются сложными юридическими процессами, при которых необходимо иметь достаточные основания для их применения. Главное различие между аналогией права и аналогией закона – это правовое основание, которое берётся за основу для вынесения решения по делу. При аналогии закона за основу принимается правовая норма, а при аналогии права – принципы права и дух закона.

Третьим способом преодоления пробелов в праве является субсидиарное применения права – это способ преодоления пробелов путём применения нормы права из смежной отрасли. При преодолении пробелов нужно следовать принципу «ближайшей аналогии». Это значит, что первоначально норму следует искать внутри отрасли права, которой регулируется конкретное общественное отношение, а лишь потом в случае не нахождения такой нормы нужно её искать в других отраслях права. Субсидиарное применение права требует следующих условий: наличие общей правовой урегулированности данного случая; отсутствие конкретного правового предписания, регулирующего данную ситуацию; наличие нормы, которая относится к другой отрасли права и регулирует схожие общественные отношения.

Кроме того, большую роль для преодоления правовых пробелов играет осуществление нескольких форм систематизации и совершенствования действующего законодательства: кодификация, инкорпорация, консолидация, учет нормативных правовых актов. Перечисленные формы обладают большим значением для установления и выявления пробелов в праве [7, с. 300].

Современная жизнь меняется с каждым днем, появляются новые нормы, новые общественные отношения, отпадают устаревшие. В прямом смысле современное право не может предусмотреть все ситуации, чтобы не впасть в казуистику. Правоприменитель располагает широким спектром возможностей, которые помогают вынести решение при грамотном и умелом использовании правовых средств: толкования, рассуждения по аналогии, внутреннего убеждения. Право – это логичная и пластичная система, которая позволяет правоприменителям принимать законные, обоснованные и справедливые решения. Правовая стабильность общества во многом зависят от комплексного анализа пробелов в праве. Профессиональная интерпретация юридических норм требует глубокого понимания механизмов возникновения пробелов в праве, что позволит эффективнее защищать законные интересы граждан. Выявление несовершенств действующего законодательства создает основу для разработки новых правовых норм, способствующих формированию справедливой юридической среды. Системное исследование данной проблематики обеспечит совершенствование правовой системы при одновременной защите общественных интересов.

Список литературы:

1. Исмаилов А. М., Даничев Н. В. К вопросу об определении понятия пробела в праве // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика : сборник статей XVI Международной научно-практической конференции (Пенза, 23 февраля 2019 г.). Пенза, 2019. С. 223–225.
2. Никитина А. А., Карев Д. А. Пробелы в праве и законодательстве: понятие, причины и способы устранения // Синергия Наук. 2019. № 33. С. 776–782.
3. Моисеев Н.Д., Большаков Е.В. О некоторых аспектах юридических коллизий // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 28-30.
4. Максуров А. А. Пробел в уголовном законе: определение понятия // Социология, философия, право в системе противодействия преступности : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Красноярск, 22 ноября 2018 г.). Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. С. 134–138.
5. Овчинникова Н. О. Пробелы в уголовно-процессуальном праве России : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.
6. Романцов Д. К. Понятие пробелов в праве // Студенческая наука – агропромышленному комплексу. Научные труды студентов Горского государственного аграрного университета. 2018. Выпуск № 55 (Часть 2). С. 260–262.
7. Жуков А.Б. Сущность пробелов в законодательстве // Законность и правопорядок в современном обществе. 2019. №3. С. 294-300.
8. Рябова Д.Н. Пробелы в праве и способы их восполнения // Становление и развитие научных школ права в государственных университетах России: Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, 29 - 30 апреля 1999 г.. - С.-Пб.; Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. Секционные заседания: Теория и история государства и права. Государственное право. Трудовое право. С. 23.

References:

1. Ismailov A. M., Danichev N. V. On the Definition of the Concept of a Gap in Law // Innovative Scientific Research: Theory, Methodology, and Practice : Collection of Articles of the XVI International Scientific and Practical Conference (Penza, February 23, 2019). Penza, 2019. Pp. 223–225.
2. Nikitina A. A., Karev D. A. Gaps in Law and Legislation: Concept, Causes, and Methods of Elimination // Synergy of Sciences. 2019. No. 33. Pp. 776–782.
3. Moiseev N.D., Bolshakov E.V. On some aspects of legal conflicts // Agrarian and Land Law. 2025. No. 5. Pp. 28-30.
4. Maksurov A. A. Gap in the Criminal Law: Definition of the Concept // Sociology, Philosophy, and Law in the System of Crime Prevention: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Krasnoyarsk, November 22, 2018). Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, pp. 134-138.
5. Ovchinnikova, N. O. Gaps in Russian Criminal Procedure Law: A Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2018.
6. Romantsov D. K. The Concept of Gaps in Law // Student Science for the Agro-Industrial Complex. Scientific Papers of Students of the Gorsky State Agrarian University. 2018. Issue No. 55 (Part 2). Pp. 260–262.
7. Zhukov A. B. The Essence of Gaps in Legislation // Legality and Law and Order in Modern Society. 2019. No. 3. Pp. 294-300.
8. Ryabova D.N. Gaps in the Law and Ways to Fill Them // Formation and Development of Scientific Schools of Law in State Universities of Russia: Materials of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference, April 29 - 30, 1999. - St. Petersburg; Publishing House of St. Petersburg University, 1999. Sectional Meetings: Theory and History of State and Law. State Law. Labor Law, p. 23.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_39

ТЕОРЕТИКО–ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА
THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF ENSURING LEGALITY AND ORDER IN THE STATE

МОИСЕЕВ Николай Дмитриевич,
доцент кафедры оперативно–розыскной деятельности
Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
e-mail: demidov85@internet.ru

МИРОНЕНКО Константин Александрович,
доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин
Луганского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат исторических наук.
291034, г. Луганск, Молодёжный квартал, 20А.
e-mail: demidov85@internet.ru

MOISEEV Nikolay Dmitrievich,
Associate Professor of the Department of Operational Investigative
Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
390000, Russia, Ryazan Region, Ryazan, Sennaya St., 1.
e-mail: demidov85@internet.ru

MIRONENKO Konstantin Alexandrovich,
associate Professor of the Department of General Humanities and Social and Economic Disciplines
Lugansk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Candidate of Historical Sciences.
20A Molodezhny kvartal, Lugansk, 291034.
e-mail: demidov85@internet.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются понятие и сущность законности и правопорядка в правовом государстве, анализируются понятие и роль законности и дисциплины в его обеспечении, делаются выводы о некоторых аспектах современной характеристики законности и правопорядка.*

Abstract. *The article examines the concept and essence of legality and the rule of law in a legal state, analyzes the concept and role of legality and discipline in ensuring it, and draws conclusions about some aspects of the modern characteristics of legality and the rule of law.*

Ключевые слова: *правовое государство, правопорядок, законность, права и свободы граждан, соблюдение закона.*

Key words: *a state governed by the rule of law, the rule of law, the rights and freedoms of citizens, and compliance with the law.*

Для цитирования: *Моисеев Н.Д., Мироненко К.А. Теоретико–правовые аспекты обеспечения в государстве законности и правопорядка // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 39-40. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_39.*

For citation: *Moiseev N.D., Mironenko K.A. Theoretical and legal aspects of ensuring legality and order in the state // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 39-40. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_39.*

Статья поступила в редакцию: 13.01.2025

Последние десятилетия жизни мирового сообщества характеризуются возрастанием числа межгосударственных конфликтов, общим ухудшением состояния правопорядка в различных регионах земного шара. При этом зачастую нарушаются общепризнанные нормы международного права, а принимаемые спорные правовые решения тесно связаны с государственной политикой. И это стало следствием наличия ряда политических, идеологических и социально-экономических разногласий между государствами, что требует от современных руководителей государств, политиков и ученых объективного детального анализа сложившегося положения и выработки научно-обоснованных рекомендаций по устранению очагов напряженности, в том числе в местах вооруженных конфликтов.

Современное государство управляется с помощью различных методов и средств – экономических, политических, идеологических, организационных, правовых, среди которых важнейшее место занимают законность и правопорядок, без которых невозможно обеспечить нормальную жизнедеятельность общества и государства в целом. Законы и их соблюдение – древнейший и наиболее цивилизованный способ управления обществом, ничего лучше человечество пока не придумало. При отсутствии законов, любое общество погрузилось бы во мрак невежества.

Законность, как никакой другой правовой институт, всегда имела не только чисто теоретическое, но и непосредственное практическое значение, так как от уровня, состояния и понимания законности зависят жизнь миллионов людей.

Законы – это лишь условие, предпосылка, нормативная основа законности, но, а дальше они должны работать. Вот почему законность всегда включала в себя две стороны: наличие качественных, полноценных законов и их реальное претворение в жизнь [3].

Обеспечение законности – это и основной атрибут демократии, свободы личности, реальности прав человека [1]. Однако, несмотря на всю свою многогранность, законность имеет достаточно простое и краткое определение. Под законностью понимается строгое и неуклонное соблюдение всеми субъектами права существующих в стране законов и основанных на них подзаконных нормативных актов. Ключевым словом здесь выступает соблюдение. Именно в нем изначальный смысл и суть рассматриваемого явления в любой его интерпретации. Нет соблюдения – нет и законности. Действия и поступки всех участников общественных отношений должны соответствовать требованиям юридических норм. Чем выше степень этого соответствия, тем выше уровень законности, тем она прочнее и устойчивее. Поэтому законность – это реализующееся право.

Понятие законности должно охватывать собой соблюдение всех юридических норм [5, с. 29], а не какой-то их части. В этом случаи не стоит выбирать выборочный метод, иначе содержание законности было бы неоправданно сужено.

Мы считаем, что необходимо придерживаться сложившегося в науке традиционного определения законности как точного и последова-

тельного соблюдения всеми органами, организациями, учреждениями, должностными лицами и гражданами действующих в стране законов и основанных на них подзаконных актов. Любая дефиниция, будучи относительной, фиксирует не все, а лишь наиболее существенные признаки определяемого явления. Соблюдение законов, независимо от меняющихся условий, есть главное и основное в содержании законности [2].

Законность и правопорядок – явления близкие, но не тождественные. Эти явления нельзя отрывать одно от другого. Они тесно взаимосвязаны и должны существовать неразрывно, в единстве, в комплексе.

Если законность представляет собой требование государства к деятельности субъектов права, то правопорядок – результат реализации этих требований. Законность является предпосылкой формирования правопорядка, а правопорядок – результатом реализации требований законности.

Правопорядок – это состояние упорядоченности общественных отношений на основе норм права. Существует прямая зависимость между законностью и правопорядком: укрепление законности влечет в качестве результата формирование правопорядка, и наоборот, если нарушается законность, то нарушается и правопорядок. Требования законности должны не только провозглашаться, но и реально, фактически осуществляться в общественных отношениях.

Правопорядок нельзя обеспечивать незаконными средствами. Стремление к этому противоречит принципам законности и сущности правопорядка, ведет к его нарушению. Правопорядок допустимо обеспечивать только законными средствами и методами, которые соответствуют нравственным принципам.

Исследование обеспечения правопорядка имеет как научное, так и практическое значение, поскольку его надлежащее состояние способствует стабильности жизни общества, защите прав и свобод граждан. А в период становления государственности и формирования правопорядка как никогда возрастает роль и значение законности и дисциплины в деятельности государственных служащих. Правопорядок, основанный на праве, это система отношений, охраняемых, защищаемых, регулируемых правом. Вне права или без права правопорядок немыслим. Основой правопорядка является правопослушное поведение граждан и их объединений. Установление твердого порядка и управляемости на всех уровнях властной вертикали является насущной задачей современной Российской Федерации. Правопорядок немыслим без твердой государственности, эффективной власти, выражает прежде всего волю государства, объективно в нем заинтересованы все.

Если законы и иные нормативно-правовые акты всеми и повсюду строго соблюдаются, то результатом такого положения является четкий правовой порядок. И напротив, если правопорядок слаб, непрочен, расшатан, то это свидетельствует о том, что законы не соблюдаются, нарушаются, игнорируются, иначе говоря, отсутствует законность как режим всеобщего уважения и исполнения законов и основанных на них подзаконных актов. Одно предполагает другое. Законность логически предшествует правопорядку, связь здесь жесткая, причинно-следственная. Не случайно в повседневном общественно-политическом лексиконе эти понятия обычно ставят рядом: укрепление законности и правопорядка, нарушение законности и правопорядка. Процесс один.

Правопорядок – реальный показатель состояния законности, он отражает степень соблюдения законов, требований всех юридических норм. Правопорядок – это итог законности. Любой порядок есть продолжение свободы, правовой порядок – тем более. В свою очередь, закон бессилен, если он не опирается на власть. Так что закон и власть в известном смысле – синонимы, они нужны друг другу и невозможны друг без друга. Суд выносит свой приговор от имени государства (власти) на основе соответствующего закона, олицетворяя тем самым их слияние, неразрывность. Власть также призвана обеспечивать соблюдение закона, а закон удерживает власть в своих рамках, страхует от произвола, самоуправства. Мало провозгласить законность и ее принципы, мало придумать и издать хорошие законы – необходимо, чтобы существовали определенные гарантии этих ценностей, их реальности, доступности, эффективности [2].

Существенной гарантией законности является возможность любого гражданина обратиться в суд либо в надлежащую административную инстанцию по поводу ущемления его трудовых, жилищных, семейных и других прав, обжаловать незаконные действия чиновника. Можно обратиться также в международный суд, если все средства защиты внутри страны исчерпаны. Это значит, что гарантии законности и прав граждан правомерно подразделить на внутренние и внешние. Вообще, само наличие мер юридической ответственности, предусмотренных в российском праве, служит важной гарантией законности и правопорядка в обществе.

Связь законности и правопорядка заключается в том, что законность выступает причиной, а правопорядок следствием в процессе правового регулирования общественных отношений. В правовом государстве укрепление законности автоматически ведёт к улучшению правопорядка, а нарушение законности неизбежно разрушает существующий правопорядок. Законность и правопорядок должны образовывать единую систему правовых отношений, и эффективное взаимодействие этих понятий создаёт фундамент правового государства, обеспечивает защиту прав граждан и стабильность общественных отношений.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. №144.
2. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. 2–е изд., перераб. и доп. М., 2005.
3. Чашин А.Н. Теория государства и права. М., 2008.
4. Юридический энциклопедический словарь. М., 1987.
5. Моисеев Н.Д., Большаков Е.В. О некоторых аспектах юридических коллизий // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 28–30.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. No. 144.
2. Matuzov, N.I., and Malko, A.V. Theory of State and Law: Textbook. 2nd edition, revised. and add. M., 2005.
3. Chashin A.N. Theory of State and Law. M., 2008.
4. Legal Encyclopedic Dictionary. M., 1987.
5. Moiseev N.D., Bolshakov E.V. On Some Aspects of Legal Conflicts // Agrarian and Land Law. 2025. No. 5. Pp. 28–30.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_41

ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВИДОИЗМЕНЕНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ON RESTRICTING THE ACTIVITY OF MODIFYING LEGISLATIVE ACTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

ГАЛУЗО Василий Николаевич,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.
123056, Россия, г. Москва, Электрический пер., д. 10.
E-mail: vgrmn@yandex.ru
РЕДКОУС Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса
Института государства и права РАН (г. Москва).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10, стр. 1.
E-mail: rwmmos@rambler.ru
GALUZO V.N.,
PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.
10 Elektroicheskiy Lane, Moscow, 123056, Russia.
E-mail: vgrmn@yandex.ru
REDKOUS V.M.,
D.Sc. in Law, Professor, Leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process
of the Institute of the State and Law, Russian Academy of Science.
10 Znamenka str., building 1, Moscow, 119019, Russia.
E-mail: rwmmos@rambler.ru

Краткая аннотация*: в статье на основе анализа юридической литературы, а также законодательства об ограничении деятельности по видоизменению законодательных актов в Российской Федерации обосновано несколько суждений: отсутствуют основания для позитивной оценки тенденции по видоизменению законодательных актов в Российской Федерации; в теории относительно системы нормативных правовых актов термин «законодательный акт» не обособляется; обоснование выделения в системе нормативных правовых актов еще одного элемента, а именно законодательного акта, по правилу дихотомии предполагает выделение и не законодательного акта; не допустимо отождествление терминов «нормативный правовой акт» и «законодательный акт»; не допустимо отождествление терминов «законодательный акт» и «закон»; понятие «закон» необходимо рассматривать в качестве родового, объединяющего несколько нормативных правовых актов с разной юридической силой: Конституция РФ – Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ – Конституционный закон РФ – Федеральный закон РФ (кодифицированный и некодифицированный) – Закон РФ; принятие отдельного нормативного правового акта, специально предназначенного для регулирования системы нормативных правовых актов в целом («закон о законах»), требует более глубокой научной проработки; деятельность по видоизменению законодательных актов в Российской Федерации в целом должна быть ограничена; противоречия между нормативными правовыми актами с разной юридической силой необходимо разрешать по правилам комплексного праворегулирования; деятельность по видоизменению законодательных актов в Российской Федерации должна быть ограничена, ибо фактически всякий нормативный правовой акт, разумеется, включенный в группу законов РФ, может быть признан таковым (законодательным актом).*

Abstract: *based on an analysis of legal literature and legislation on restricting the modification of legislative acts in the Russian Federation, the article provides several arguments: there are no grounds for a positive assessment of the trend towards the modification of legislative acts in the Russian Federation; in the theory of the system of regulatory legal acts, the term «legislative act» is not distinguished; the justification of the allocation of another element in the system of regulatory legal acts, namely a legislative act, according to the rule of dichotomy, implies the allocation of a non-legislative act; it is not permissible to identify the terms «regulatory legal act» and «legislative act»; it is not permissible to identify the terms «legislative act» and «law»; the concept of «law» should be considered as a generic term that encompasses several legal acts with different legal force: the Constitution of the Russian Federation, the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Law of the Russian Federation, the Federal Law of the Russian Federation (codified and uncodified), and the Law of the Russian Federation; the adoption of a separate legal act specifically designed to regulate the system of legal acts («law on laws») seems unjustified; the modification of legislative acts in the Russian Federation should be limited; contradictions between regulatory legal acts with different legal force should be resolved according to the rules of complex legal regulation; the activity of modifying legislative acts in the Russian Federation should be limited, because in fact any regulatory legal act, of course, included in the group of laws of the Russian Federation, can be recognized as such (a legislative act).*

Ключевые слова: *Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, «закон», Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ, федеральный конституционный закон РФ, федеральный закон РФ, закон РФ, «законодательный акт», система нормативных правовых актов, юридическая сила, комплексное праворегулирование.*

Key words: *Russian Federation, legislation, regulatory legal act, «the law», Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation, Federal Constitutional Law of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation, Law of the Russian Federation, «legislative act», system of regulatory legal acts, legal force, comprehensive legal regulation.*

Для цитирования: *Галузо В.Н., Редкоус В.М. Об ограничении деятельности по видоизменению законодательных актов в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 41-44. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_41.*

For citation*: Galuzo V.N., Redkous V.M. On restricting the activity of modifying legislative acts in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 41-44. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_41.*

Статья поступила в редакцию: 10.01.2025

Предметом данной статьи является постановка вопроса об ограничение тенденция по видоизменению законодательных актов в Рос-

сийской Федерации, на что уже обращалось внимание в научных исследованиях[1].

Вначале несколько слов о состоянии теории.

Так, Н.В. Воронцовой «исследована не теряющая своей актуальности тема, посвященная теоретическим и правовым аспектам вопроса качества правотворчества и нормативных правовых актов» («Изложенный в данном исследовании материал показывает наличие особого внимания ученых к проблемам качества нормативных правовых актов и эффективности нормативного регулирования. Однако отсутствие единого подхода к содержанию понятия «качество нормативного правового акта», а также четкости критериев оценки качества не способствует комплексному нормативному регулированию данного вопроса»)[2].

П.С. Долгополов предложил иерархию нормативных правовых актов по их юридической силе: «Конституция РФ; федеральные конституционные законы (принимаются Советом Федерации и Государственной Думой - ч. 2 ст. 108 Конституции РФ); федеральные законы (принимаются Государственной Думой - ч. 1 ст. 105 Конституции РФ); нормативные правовые акты Президента РФ (указы и распоряжения - ч. 1 ст. 90 Конституции РФ); нормативные правовые акты Правительства РФ (постановления и распоряжения - ч. 1 ст. 115 Конституции РФ); нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти; конституции (уставы) субъектов РФ; законы субъектов РФ; иные нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов РФ; нормативные правовые акты органов местного самоуправления»[3].

С.В. Никитин отмечает следующее: «Судебный контроль является важным и достаточно эффективным средством обеспечения законности в нормотворческой деятельности публичных органов и должностных лиц. Контроль судов общей юрисдикции и арбитражных судов за законностью нормативных правовых актов (судебный нормоконтроль) представляет собой одно из проявлений контрольной функции судебной власти в сфере нормотворчества. Реализация судебных полномочий по проверке нормативных предписаний обеспечивает поддержание судебной властью баланса между законодательной и исполнительной ветвями власти, между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти, является важнейшим средством сохранения равновесия всей нормативно-правовой системы»[4].

Вопросам качества нормативных правовых актов уделяется внимание и в государствах – участниках СНГ, о чем отмечается в работах В.М. Редкоуса[5].

Фактическая неопределенность суждений ученых относительно уже наметившейся тенденции по видоизменению законодательных актов во многом предопределена несовершенством законодательства Российской Федерации[6].

Ныне особо обращаем внимание на действующий Федеральный закон РФ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 25 мая 1994 г.[7]. В названном нормативном правовом акте речь идет о трех разновидностях всякого нормативного правового акта, а именно, о федеральных конституционных законах РФ, о федеральных законах РФ и о актах палат Федерального Собрания РФ. Названные разновидности нормативного правового акта отличаются юридической силой.

Термин «законодательный акт» отныне часто используется, причем, как правило, в федеральных законах РФ.

Так, в 2023 г. обнаружено несколько подобных федеральных законов РФ.

В частности, Федеральный закон РФ «Об особенностях оформления прав на отдельные виды объектов недвижимости и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 17 октября 2023 г.[8] принят для «осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации права собственности Российской Федерации (иного публично-правового образования), а также других вещных прав, ограничений прав на земельные участки, здания, сооружения, помещения, машино-места, объекты незавершенного строительства, единые недвижимые комплексы, предприятия как имущественные комплексы …, обременений объектов недвижимости …») (ст. 1). Перечень же «законодательных актов» приведен в статьях 3-4 Федерального закона РФ от 17 октября 2023 г.: Градостроительный кодекс РФ от 22 декабря 2004 г.[9]; Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 3 июля 2015 г.[10] (таковых два).

В 2024 г. обнаружено несколько подобных федеральных законов РФ.

В частности, в Федеральном законе РФ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 12 декабря 2024 г.[11] урегулированы «отношения, возникающие между субъектами, осуществляющими формирование технологической политики в Российской Федерации, и лицами, осуществляющими содействие развитию технологий».

---

[1] См. об этом, например: Галузо В.Н. О несовершенстве термина «законодательные акты» в юриспруденции Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3. С. 40-43.
[2] Воронцова Н.Л. Теория и право о качестве нормативных правовых актов // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 10.
[3] Долгополов П.С. Иерархия нормативных правовых актов государственных органов // СПС «КонсультантПлюс», 2025.
[4] Никитин С.В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе: Монография. М.: Волтерс Клувер, 2010.
[5] См. об этом, например: Редкоус В.М. Законодательное регулирование пробации в государствах - участниках СНГ // Общество. Право. Современность: Материалы научно-представительских мероприятий. В 4-х частях, Красноярск, 31 марта – 2 апреля 2025 года. Красноярск, 2025. С. 14-18; он же: Некоторые вопросы законодательной регламентации обеспечения кибербезопасности на правовом пространстве СНГ // Развитие информационных технологий органов внутренних дел Российской Федерации: Сборник научных трудов Всероссийская научно-практическая конференция, Москва, 24 октября 2024 года. М., 2025. С. 70-81; он же: Определения коррупции в законодательных актах России и государств - участников СНГ // Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 12 ноября 2024 года. М.: РГУП им. В.М. Лебедева, 2025. С. 82-88.
[6] Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).
[7] См.: СЗ РФ. 1994. № 8. Ст. 801; …; 2019. № 18. Ст. 2207.
[8] См.: СЗ РФ. 2023. № 45. С. 7980.
[9] См.: СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16; …; 2025. № 52 (часть I). Ст. 8366.
[10] См.: СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344; …; 2025. № 52 (часть I). Ст. 8300.
[11] См.: СЗ РФ. 2024. № 53 (часть I). Ст. 8533.

Регулирование «технологической политики»[1] повлекло изменения в «отдельные законодательные акты Российской Федерации», что предусмотрено в главе 9 Федерального закона РФ от 12 декабря 2024 г. В частности, к таковым отнесены три нормативных правовых акта, по юридической силе приравненных к федеральному закону РФ: Федеральный закон РФ «О Государственной корпорации по атомной энергии "Росатом"» от 13 ноября 2007 г.[2]; Федеральный закон РФ «О Государственной корпорации по космической деятельности "Роскосмос"» от 1 июля 2015 г.[3]; Федеральный закон РФ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» от 22 июля 2020 г.[4].

В 2025 г. обнаружено несколько подобных федеральных законов РФ, а также законов РФ.

В частности, Федеральный закон РФ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 10 июня 2025 г.[5] принят для «повышения доступности услуг и сервисов в различных сферах жизнедеятельности, создания комфортной и безопасной среды при использовании информационных технологий, обеспечения конфиденциальности передаваемой и получаемой информации создается многофункциональный сервис обмена информацией - информационная система и программа для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для обмена электронными сообщениями исключительно между пользователями этих информационной системы и программы для электронных вычислительных машин, при котором отправитель электронного сообщения определяет получателя или получателей электронного сообщения и не предусматривается размещение пользователями информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» … общедоступной информации в сети «Интернет», и с использованием которых осуществляется в том числе обмен информацией при взаимодействии с инфраструктурой, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме, а также с государственными информационными системами, не входящими в состав указанной инфраструктуры, иными информационными системами государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений» (ст. 1). В статьях 2-6 Федерального закона РФ от 10 июня 2025 г. представлен перечень «законодательных актов»: Закон РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г.[6]; Закон РФ «О статусе столицы Российской Федерации» от 15 апреля 1993 г.[7]; Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 8 июля 2006 г.[8]; Федеральный закон РФ «О персональных данных» от 8 июля 2006 г.[9]; Закон РФ «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г.[10] (таковых пять).

В Федеральном законе РФ «О допуске к осуществлению перевозок грузов автомобильным транспортом по территории Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 16 декабря 2025 г.[11] урегулированы «отношения, связанные с допуском к предоставлению услуг по перевозкам грузов автотранспортными средствами по территории Российской Федерации». А в ст. 7-12 Федерального закона РФ от 16 декабря 2025 г. представлен перечень «законодательных актов»: Федеральный закон РФ «О безопасности дорожного движения» от 15 ноября 1995 г.[12]; Федеральный закон РФ «О государственном контроле за осуществлением международных автомобильных перевозок и отдельных каботажных автомобильных перевозок и об ответственности за нарушение порядка их выполнения» от 2 июля 1998 г.[13]; Федеральный закон РФ «О рекламе» от 22 февраля 2006 г.[14]; Федеральный закон «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» от 18 октября 2007 г.[15]; Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 19 декабря 2008 г.[16]; Федеральный закон РФ «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 25 июля 2018 г.[17] (всего шесть).

Термин «законодательный акт» обнаружен нами и в законодательстве отдельных субъектов Российской Федерации[18].

В частности, Законом г. Москвы «О признании утратившими силу некоторых законодательных актов города Москвы о налогах» от 11 октября 2000 г.[1] признаны утратившими юридическую силой аж 16 (шестнадцать) законов г. Москвы. Разумеется, ко всем им применим термин «законодательный акт».

---

[1] Здесь нельзя не обратить внимание на ошибочность означенного термина «технологическая политика»: политика, помимо права, является самостоятельным регулятором общественных отношений (подробнее об этом см., например: Галузо В.Н., Эриашвили Н.Д. О безальтернативности права как регулятора общественных отношений в Российской Федерации // Социально-гуманитарное обозрение. 2023. № 1. С. 81-92; Галузо В.Н. О системе регуляторов общественных отношений в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6. С. 108-111).
[2] См.: СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6078; …; 2025. № 30 (часть II). Ст. 4414.
[3] См.: СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4341; …; 2025. № 52 (часть I). Ст. 8327.
[4] См.: СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017; …; 2025. № 31. Ст. 4690.
[5] См.: СЗ РФ. 2025. № 26 (часть I). Ст. 3486.
[6] См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766; СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140; …; 2025. № 52 (часть I). Ст. 8287.
[7] См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 19. Ст. 683; СЗ РФ. 1995. № 30. Ст. 2863; 2025. № 52 (часть I). Ст. 8316.
[8] См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448; …; 2025. № 26 (часть I). Ст. 3486.
[9] См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451; …; 2025. № 26 (часть I). Ст. 3486.
[10] См.: Ведомостях СНД РФ и ВС РФ. 1990. № 27. Ст. 357; СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492; 2025. № 48 (часть III). Ст. 7242.
[11] См.: РГ. 2026 12 января. С. 13.
[12] См.: СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873; …; 2025. № 28. Ст. 3840.
[13] См.: СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3805; …; 2023. № 18. Ст. 3249.
[14] См.: СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232; …; 2025. № 40. Ст. 5821.
[15] См.: СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5555; …; 2025. № 23. Ст. 2999.
[16] См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6249; …; 2025. № 52 (часть I). Ст. 8335.
[17] См.: СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5076; …; 2025. № 31. Ст. 4672.
[18] Именно о субъектах Российской Федерации, но не о регионах названного субъекта международного права, подробнее см.: Сухондяева Т.Ю., Галузо В.Н. О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83-89; Канафин Н.А. Законодательство Российской Федерации и ее субъектов (комплексное праворегулирование): Научно-практическое пособие. 2-е издание, исправленное и дополненное / Под ред. В.Н. Галузо. Уфа: Диалог, 2026.

Таким образом, исследования относительно ограничения деятельности по видоизменению законодательных актов в Российской Федерации необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, отсутствуют основания для позитивной оценки тенденции по видоизменению законодательных актов в Российской Федерации.

Во-вторых, в теории относительно системы нормативных правовых актов термин «законодательный акт» не обособляется.

В-третьих, обоснование выделения в системе нормативных правовых актов еще одного элемента, а именно законодательного акта, по правилу дихотомии предполагает выделение и не законодательного акта.

В-четвертых, не допустимо отождествление терминов «нормативный правовой акт» и «законодательный акт».

В-пятых, не допустимо отождествление терминов «законодательный акт» и «закон».

В-шестых, понятие «закон» необходимо рассматривать в качестве родового, объединяющего несколько нормативных правовых актов с разной юридической силой: Конституция РФ – Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ – Конституционный закон РФ – Федеральный закон РФ (кодифицированный и некодифицированный) – Закон РФ.

В-седьмых, принятие отдельного нормативного правового акта, специально предназначенного для регулирования системы нормативных правовых актов в целом («закон о законах»), требует более глубокой научной проработки.

В-восьмых, деятельность по видоизменению законодательных актов в Российской Федерации должна быть упорядочена и ограничена.

В-девятых, противоречия между нормативными правовыми актами с разной юридической силой необходимо разрешать по правилам комплексного праворегулирования.

В-десятых, деятельность по видоизменению законодательных актов в Российской Федерации должна быть в целом ограничена, ибо фактически всякий нормативный правовой акт, разумеется, включенный в группу законов РФ, может быть признан таковым (законодательным актом).

Список литературы:

1) Воронцова Н.Л. Теория и право о качестве нормативных правовых актов // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 10.
2) Галузо В.Н. О несовершенстве термина «законодательные акты» в юриспруденции Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3. С. 40-43.
3) Галузо В.Н. О системе регуляторов общественных отношений в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6. С. 108-111.
4) Галузо В.Н., Эриашвили Н.Д. О безальтернативности права как регулятора общественных отношений в Российской Федерации // Социально-гуманитарное обозрение. 2023. № 1. С. 81-92.
5) Долгополов П.С. Иерархия нормативных правовых актов государственных органов // СПС «КонсультантПлюс», 2025.
6) Канафин Н.А. Законодательство Российской Федерации и ее субъектов (комплексное праворегулирование): Научно-практическое пособие. 2-е издание, исправленное и дополненное / Под ред. В.Н. Галузо. Уфа: Диалог, 2026.
7) Никитин С.В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе: Монография. М.: Волтерс Клувер, 2010.
8) Редкоус В.М. Законодательное регулирование пробации в государствах - участниках СНГ // Общество. Право. Современность: Материалы научно-представительских мероприятий. В 4-х частях, Красноярск, 31 марта – 2 апреля 2025 года. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2025. С. 14-18.
9) Редкоус В.М. Некоторые вопросы законодательной регламентации обеспечения кибербезопасности на правовом пространстве СНГ // Развитие информационных технологий органов внутренних дел Российской Федерации: Сборник научных трудов Всероссийская научно-практическая конференция, Москва, 24 октября 2024 года. М., 2025. С. 70-81.
10) Редкоус В.М. Определения коррупции в законодательных актах России и государств - участников СНГ // Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 12 ноября 2024 года. М.: РГУП им. В.М. Лебедева, 2025. С. 82-88.
11) Сухондяева Т.Ю., Галузо В.Н. О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83-89.

References:

1) Vorontsova N.L. Theory and Law on the Quality of Normative Legal Acts // State Power and Local Self-Government. 2025. No. 10.
2) Galuzo V.N. On the Inadequacy of the Term "Legislative Acts" in the Jurisprudence of the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 3. Pp. 40-43.
3) Galuzo V.N. On the system of regulators of social relations in the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 6. Pp. 108-111.
4) Galuzo V.N., Eriashvili N.D. On the non-alternativity of law as a regulator of social relations in the Russian Federation // Social and Humanitarian Review. 2023. No. 1. Pp. 81-92.
5) Dolgopolov P.S. The hierarchy of regulatory legal acts of state bodies // SPS «ConsultantPlus», 2025.
6) Kanafin N.A. Legislation of the Russian Federation and its subjects (complex legal regulation): Scientific and practical manual. 2nd edition, revised and expanded / Edited by V.N. Galuzo. Ufa: Dialogue, 2026.
7) Nikitin S.V. Judicial Control over Regulatory Legal Acts in Civil and Arbitration Proceedings: Monograph. M.: Wolters Kluwer, 2010.
8) Redkous V.M. Legislative Regulation of Probation in the CIS Member States // Society. Law. Modernity: Materials of Scientific and Representative Events. In 4 parts, Krasnoyarsk, March 31 – April 2, 2025. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. Pp. 14-18.
9) Redkous V.M. Some Issues of Legislative Regulation of Cybersecurity in the Legal Space of the CIS // Development of Information Technologies for Internal Affairs Agencies of the Russian Federation: Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, October 24, 2024. Moscow, 2025. Pp. 70-81.
10) Redkous V.M. Definitions of Corruption in the Legislation of Russia and the CIS Member States // Prevention of Corruption in the Public Authorities of the Russian Federation: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, November 12, 2024. Moscow: V.M. Lebedev Russian State University for the Humanities, 2025. Pp. 82-88
11) Sukhondyaeva T.Yu., Galuzo V.N. On the Problems of the Federal Structure, Administrative-Territorial and Military-Administrative Division of the Russian Federation // Network Electronic Scientific and Popular Journal of Private and Public Law. 2018. No. 1. Pp. 83-89.

[1] См.: Ведомости МГД. 2001. № 2. Ст. 184; 2001. № 2. Ст. 184; 2002. № 2. Ст. 310.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_45

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВОМОЧЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ON THE ACTIVITIES OF AUTHORIZED STATE BODIES IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC IN THE RUSSIAN FEDERATION

КАНАФИН Наиль Ахметович,
доцент кафедры экономики культуры и правоведения Московского государственного института культуры.
141406, Россия, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7.
E-mail: 1nailkanafin@gmail.com
ГАЛУЗО Василий Николаевич,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.
123056, Россия, г. Москва, Электрический пер., д. 10.
E-mail: vgrmn@yandex.ru
KANAFIN N.A.,
associate Professor in the Department of Economics of culture and law at the Moscow state Institute of culture.
7 Bibliotechnaya str., Khimki, Moscow region, 141406, Russia.
E-mail: 1nailkanafin@gmail.com
GALUZO V.N.,
PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.
10 Elektroicheskiy Lane, Moscow, 123056, Russia.
E-mail: vgrmn@yandex.ru

***Краткая аннотация**: в статье на основе анализа литературы и законодательства относительно деятельности управомоченных государственных органов в условиях пандемии в Российской Федерации обосновано несколько суждений: для всякого правового государства характерной особенностью является наличие системы государственных органов, которые наделены разными полномочиями; государственные органы классифицируются в зависимости от осуществляемой ими власти: государственные органы законодательной власти, государственные органы исполнительной власти, государственные органы судебной власти; системы государственной власти и государственных органов, ее осуществляющих, закреплены в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. и принятых в ее исполнение нормативных правовых актах с меньшей юридической силой; перечень государственных органов, осуществляющих исполнительную власть, закреплен в подзаконном нормативном правовом акте, а именно, в ныне действующем Указе Президента РФ «О структуре федеральных органов исполнительной власти» № 326 от 11 мая 2024 г.; на уровне Российской Федерации координирующим государственным органом в противодействии пандемии, в том числе и короновирусной инфекции «COVID-19», должно являться Министерство здравоохранения РФ, организация и деятельность которого урегулированы постановлением Правительства РФ № 608 от 19 июня 2012 г.; на уровне субъектов Российской Федерации, которых ныне 89, координирующим государственным органом в противодействии пандемии, в том числе и короновирусной инфекции «COVID-19», должно являться подразделение Администрации (департамент, отдел, но не министерство, здравоохранения), как органа исполнительной ветви власти всякого субъекта Российской Федерации, организация и деятельность которого урегулированы в подзаконных нормативных правовых актах конкретного субъекта Российской Федерации; противоречия между постановлением Правительства РФ № 608 от 19 июня 2012 г. и нормативными правовыми актами с большей юридической силой разрешаются по правилу конкуренции; противоречия между постановлением Правительства РФ № 608 от 19 июня 2012 г. и нормативными правовыми актами с меньшей юридической силой, разрешаются по правилу коллизии; противоречия между постановлением Правительства РФ № 608 от 19 июня 2012 г. и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, разрешаются по правилу конкуренции.*

***Abstract**: based on an analysis of literature and legislation regarding the activities of authorized state bodies in the context of the pandemic in the Russian Federation, the article provides several arguments: a characteristic feature of any legal state is the existence of a system of state bodies that have different powers; state bodies are classified according to the type of power they exercise: state bodies of legislative power, state bodies of executive power, and state bodies of judicial power; the systems of state power and the state bodies that exercise it are enshrined in the Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993, and the legal acts that implement it; the list of state bodies exercising executive power is enshrined in a subordinate legal act, namely, in the current Decree of the President of the Russian Federation «On the Structure of Federal Executive Bodies» No. 326 dated May 11, 2024; at the level of the Russian Federation, the Ministry of Health of the Russian Federation should be the coordinating state body in countering the pandemic, including the COVID-19 coronavirus infection, and its organization and activities are regulated by Government Decree No. 608 dated June 19, 2012; at the level of the constituent entities of the Russian Federation, of which there are currently 89, the coordinating state body in countering the pandemic, including the COVID-19 coronavirus infection, should be a department of the Administration (department, division, but not a ministry, of healthcare), as an executive branch body of every constituent entity of the Russian Federation, whose organization and activities are regulated by the subordinate legal acts of a particular constituent entity of the Russian Federation; inconsistencies between Government Decree No. 608 of June 19, 2012 and regulations with higher legal force are resolved according to the competition rule; contradictions between the Government Decree No. 608 dated June 19, 2012 and legal acts with lower legal force are resolved according to the conflict rule; contradictions between the Government Decree No. 608 dated June 19, 2012 and legal acts of the constituent entities of the Russian Federation are resolved according to the competition rule.*

***Ключевые слова:** Российская Федерация, пандемия, короновирусная инфекции «COVID-19», общественное отношение, регулятор, политика, право, религия, традиция, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., федеральный конституционный закон, Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» («Одобрен Государственной Думой 27 октября 2020 года», «Одобрен Советом Федерации 3 ноября 2020 года»), подзаконный нормативный правовой акт, Указ Президента РФ «О структуре федеральных органов исполнительной власти» № 326 от 11 мая 2024 г., доктрина, государство, государственный орган, система государственных органов, суд, прокуратура, юридическая сила, комплексное праворегулирование, конкуренция, коллизия.*

***Key words:** Russian Federation, pandemic, coronavirus infection «COVID-19», public attitude, regulator, politics, law, religion, tradition, legislation, regulatory legal act, Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, Federal Constitutional Law, Federal Constitutional Law «On the Government of the Russian Federation» («Approved by the State Duma on October 27 2020», «Approved by the Federation Council on November 3, 2020»), subordinate regulatory legal act, Decree of the President of the Russian Federation «On the Structure of Federal Executive Authorities» No. 326 dated May 11, 2024, doctrine, state, state body, system of state bodies, court, prosecutor's office, legal force, comprehensive legal regulation, competition, conflict.*

***Для цитирования:** Канафин Н.А., Галузо В.Н. О деятельности управомоченных государственных органов в условиях пандемии в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 45-49. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_45.*

***For citation**: Kanafin N.A., Galuzo V.N. On the activities of authorized state bodies in the context of the pandemic in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 45-49. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_45.*

Статья поступила в редакцию: 30.01.2025

Предметом данной статьи является деятельности управомоченных государственных органов в условиях пандемии[1].

Мы сфокусировали внимание лишь на одной из форм пандемии - короновирусная инфекция «COVID-19»[2].

Первоначально о состоянии теории относительно избранного нами предмета исследования.

Так, Р.В. Гавриловым «обосновывается, что категория «система органов государственной власти» характеризует конституционно-правовой институт, совокупность конституционно-правовых норм, направленных на регулирование соответствующей группы общественных отношений, предметом которых является, с одной стороны, видовая институционализация публично-властных институтов, с другой - учреждение и регулирование статуса конкретных органов государственной власти, как правило, высших, выборных и наиболее значимых в механизме разделения властей. Система органов государственной власти является объектом преимущественно конституционного регулирования, требует закрепления в конституции государства и ряде других нормативных правовых актов публично-учредительного характера» («Таким образом, категория «система органов государственной власти» характеризует конституционно-правовой институт, т.е. совокупность конституционно-правовых норм, направленных на регулирование соответствующей группы общественных отношений, предметом которых является, с одной стороны, видовая институционализация публично-властных институтов, с другой - учреждение и регулирование статуса конкретных органов государственной власти, как правило, высших, выборных и наиболее значимых в механизме разделения властей»)[3].

К.С. Доренко рассматривает «органы государственной власти Российской Федерации как субъекты формирования и реализации социальной политики» («Будущие исследования могут быть направлены на разработку конкретных механизмов взаимодействия и координации. Особое внимание следует уделить развитию кластерных программ в приграничных субъектах Российской Федерации, что может стать одним из критериев эффективности власти в современной России. Также целесообразно исследовать влияние информационных технологий на улучшение координации и взаимодействия между различными уровнями власти. Таким образом, результаты данного исследования могут способствовать улучшению социальной политики в России, обеспечивая более согласованное и эффективное выполнение задач в социальной сфере»)[4].

К.В. Черкасов высказал следующее суждение: «Проблемы эффективной организации управления территориями, территориальных структур центральной власти, оптимизации централизации и децентрализации властных функций, обеспечения баланса между общегосударственными интересами и самостоятельностью на местах оставались актуальными на протяжении всей истории Российского государства - со времени его образования по настоящее время. Поиск путей их разрешения диктовался разными потребностями и задачами государственного строительства на различных этапах и был затруднен вследствие отсутствия в стране сформированного гражданского общества, огромных территориальных размеров России при слаборазвитых коммуникациях, постоянной нехватке финансовых средств и высококвалифицированных кадров»[5].

Г.А. Трофимова высказалась о том, что «необходима конкретная взаимосвязь порядка формирования государственного органа, его функционального предназначения, объема предоставленных полномочий и ответственности за их неисполнение. Должна существовать и определенная система построения и взаимодействия органов, составляющих основу государственной структуры, и органов, призванных обеспечивать их работу; органов, дополняющих осуществление властных полномочий, в связи с чем является необходимым создание логически выверенной конструкции системы органов государства» («В рамках проведенного исследования термины «орган государства» и «государственный орган» использовались как синонимы, так как на сегодняшний день в литературе так и не было выработано четких отличий данных понятий. Можно было лишь заметить, что понятие «государственный орган» чаще ассоциируется с органами государственной власти, а понятие «орган государства» с иными органами, но такова едва уловимая тенденция, а не закономерность. Данные понятия лексически равнозначны, а потому и ведут к схоластическим спорам о принятии или непринятии равенства их употребления»)[6].

П.С. Долгополов обосновал следующее суждение: «Таким образом, в общем порядке иерархия нормативных правовых актов по их юридической силе выглядит так: Конституция РФ; федеральные конституционные законы (принимаются Советом Федерации и Государственной Думой - ч. 2 ст. 108 Конституции РФ); федеральные законы (принимаются Государственной Думой - ч. 1 ст. 105 Конституции РФ); нормативные правовые акты Президента РФ (указы и распоряжения - ч. 1 ст. 90 Конституции РФ); нормативные правовые акты Правительства РФ (постановления и распоряжения - ч. 1 ст. 115 Конституции РФ); нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти; конституции (уставы) субъектов РФ; законы субъектов РФ; иные нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов РФ; нормативные правовые акты органов местного самоуправления»[7].

Многообразие суждений о деятельности управомоченных государственных органов в условиях пандемии во многом предопределена несовершенством законодательства в Российской Федерации[8].

---

[1] Под пандемией обычно понимается «крупномасштабная эпидемия, которая может охватывать всю страну, несколько соседних стран и даже континенты» (см.: Большая Российская энциклопедия. В 35 томах. Том 25 / Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. С. 208).

[2] Отдельные аспекты данной формы пандемии нами уже исследовались (см. об этом, например: Полянко Н.И., Галузо В.Н. О роли права в предупреждении пандемии короновирусной инфекции (COVID-19) в Российской Федерации // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 8. С. 8-14; они же: О противодействии короновирусной инфекции (COVID-19) в похоронном деле Российской Федерации // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 10 (часть II). С. 7-13; они же: О некоторых проблемах похоронного дела в городе Москве в условиях пандемии короновирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 11. С. 8-14; Галузо В.Н. О деятельности кредитных организаций Российской Федерации в условиях пандемии короновирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 16. С. 30-35).

[3] Гаврилов Р.В. Механизм конституционно-правового регулирования системы органов государственной власти в современной России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11.

[4] Доренко К.С. Органы государственной власти как субъекты формирования и реализации социальной полит Система органов государственной власти и управления на уровне федерального округа

[5] Черкасов К.В. Система органов государственной власти и управления на уровне федерального округа // Законодательство и экономика. 2008. № 10.

[6] Трофимова Г.А. Система федеральных государственных органов в России // Административное и муниципальное право. 2016. № 5.

[7] Долгополов П.С. Иерархия нормативных правовых актов государственных органов // СПС КонсультантПлюс. 2026.

[8] Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД РФ. 2010. № 5. С. 119-123).

Первоначально обращаемся к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.[1], в которой обнаруживаем принципиально важные положения: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» (ст. 10); «1. Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. 2. Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти. 3. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий» (ст. 11).

Положения Конституции РФ детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой.

Относительно законодательной власти принято несколько нормативных правовых актов: Федеральный закон РФ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» от 9 декабря 2020 г.[2]; Федеральный закон РФ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 14 февраля 2014 г.[3]; Федеральный закон РФ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 8 мая 1994 г.[4]. На деятельность органов законодательной власти, в том числе и при пандемии, нами уже обращалось внимание[5].

Относительно исполнительной власти принято несколько нормативных правовых актов, причем с разной юридической силой: Федеральный конституционный закон РФ «О Правительстве Российской Федерации» («Одобрен Государственной Думой 27 октября 2020 года», «Одобрен Советом Федерации 3 ноября 2020 года»)[6]; Указ Президента РФ «О структуре федеральных органов исполнительной власти» № 326 от 11 мая 2024 г.[7]. Координирующим государственным органом исполнительной ветви власти в противодействии пандемии, в том числе и коронавирусной инфекции «COVID-19», является Министерство здравоохранения РФ, организация и деятельность которого урегулированы постановлением Правительства РФ № 608 от 19 июня 2012 г.[8]. На деятельность органов исполнительной власти, в том числе и при пандемии, нами уже обращалось внимание[9].

Относительно судебной власти принято несколько нормативных правовых актов: Федеральный конституционный закон РФ «О судебной системе Российской Федерации» от 23 октября 1996 г.[10]; Федеральный конституционный закон РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 24 июня 1994 г.[11]; Федеральный конституционный закон РФ «О Верховном Суде Российской Федерации» («Одобрен Государственной Думой 24 января 2014 года», «Одобрен Советом Федерации 29 января 2014 года»)[12]; Федеральный конституционный закон РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» («Одобрен Государственной Думой 28 января 2011 года», «Одобрен Советом Федерации 2 февраля 2011 года»)[13]; Федеральный конституционный закон РФ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» от 5 апреля 1995 г.[14]. На деятельность органов судебной власти, в том числе и при пандемии, нами уже обращалось внимание[15].

Относительно организационной-правовых форм субъектов Российской Федерации и их законодательства имеются существенные неопределенности, на которые также обращено внимание в наших публикациях[16]. Обратим лишь внимание на постановление Правительства г. Москвы «Об утверждении Положения о Департаменте здравоохранения города Москвы» № 425-ПП от 22 августа 2012 г.[17] а также на постановление Правительства Московской области «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Московской области» № 790/28 от 17 октября 2007 г.[18]. Два субъекта Российской Федерации, правда, с разными статусами, однако координирующим государственным органом исполнительной ветви власти в противодействии пандемии, в том числе и короновирусной инфекции «COVID-19», в первом случае является «департамент», а во втором случае «министерство, что не может не вызывать возражение.

Достаточно обширное законодательство о деятельности управомоченных государственных органов в условиях пандемии в Российской

[1] См.: РГ. 1993. 25 декабря; …; 2020. 4 июля.
[2] См.: СЗ РФ. 2020. № 52 (часть I). Ст. 8585.
[3] См.: СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.
[4] См.: СЗ РФ. 1994. № 2. Ст. 74.
[5] См. об этом, например: Галузо В.Н. О несовершенстве термина «законодательные акты» в юриспруденции Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3. С. 40-43.
[6] См.: СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.
[7] См.: СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2590.
[8] См.: СЗ РФ. 2012. N 26. Ст. 3526.
[9] См. об этом, например: Батюк В.И., Галузо В.Н. Отклик на распоряжение Правительства РФ № 98-р от 27 января 2015 г.: юридический аспект // Право и государство: теория и практика. 2015. № 6. С. 55-57; они же: Правоприменение в Российской Федерации (на примере распоряжения Правительства РФ № 98-р от 27 января 2015 г.) // Право и государство: теория и практика. 2016. № 8. С. 37-41; Галузо В.Н. О неопределенности статуса Председателя Правительства Российской Федерации в условиях пандемии короновирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 19. С. 41-47.
[10] См.: СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
[11] См.: СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
[12] См.: СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.
[13] См.: СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.
[14] См.: СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.
[15] См. об этом, например: Пермяков Л.Е., Галузо В.Н. О деятельности судов общей юрисдикции города Москвы в условиях пандемии короновирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 9 (часть II). С. 7-13.
[16] См. об этом, например: Сухондяева Т.Ю., Галузо В.Н. О проблемах федеративного устройства, ад-министративно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83-89; Канафин Н.А. Законодательство Российской Федерации и ее субъектов (комплексное правоурегулирование): Научно-практическое пособие. 2-е издание, исправленное и дополненное / Под ред. В.Н. Галузо. Уфа: Диалог, 2026. С. 2, 8-11, 14-20, 117-121, 195-201, 325-326, 341-342.
[17] См.: Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2012. № 49.
[18] См.: Информационный вестник Правительства МО. 2007. № 11.

Федерации и, в особенности, в ее субъектах, предполагает использование правил комплексного праворегулирования[1].

Таким образом, исследования относительно деятельности управомоченных государственных органов в условиях пандемии в Российской Федерации необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, для всякого правового государства характерной особенностью является наличие системы государственных органов, которые наделены разными полномочиями.

Во-вторых, государственные органы классифицируются в зависимости от осуществляемой ими власти: государственные органы законодательной власти, государственные органы исполнительной власти, государственные органы судебной власти.

В-третьих, системы государственной власти и государственных органов, ее осуществляющих, закреплены в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. и принятых в ее исполнение нормативных правовых актах с меньшей юридической силой.

В-четвертых, перечень государственных органов, осуществляющих исполнительную власть, закреплен в подзаконном нормативном правовом акте, а именно, в ныне действующем Указе Президента РФ «О структуре федеральных органов исполнительной власти» № 326 от 11 мая 2024 г.

В-пятых, на уровне Российской Федерации координирующим государственным органом в противодействии пандемии, в том числе и коронавирусной инфекции «COVID-19», должно являться Министерство здравоохранения РФ, организация и деятельность которого урегулированы постановлением Правительства РФ № 608 от 19 июня 2012 г.

В-шестых, на уровне субъектов Российской Федерации, которых ныне 89, координирующим государственным органом в противодействии пандемии, в том числе и короновирусной инфекции «COVID-19», должно являться подразделение Администрации (департамент, отдел, но не министерство, здравоохранения), как органа исполнительной ветви власти всякого субъекта Российской Федерации, организация и деятельность которого урегулированы в подзаконных нормативных правовых актах конкретного субъекта Российской Федерации.

В-седьмых, противоречия между постановлением Правительства РФ № 608 от 19 июня 2012 г. и нормативными правовыми актами с большей юридической силой разрешаются по правилу конкуренции.

В-восьмых, противоречия между постановлением Правительства РФ № 608 от 19 июня 2012 г. и нормативными правовыми актами с меньшей юридической силой, разрешаются по правилу коллизии.

В-девятых, противоречия между постановлением Правительства РФ № 608 от 19 июня 2012 г. и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, разрешаются по правилу конкуренции.

Список литературы:

1) Батюк В.И., Галузо В.Н. Отклик на распоряжение Правительства РФ № 98-р от 27 января 2015 г.: юридический аспект // Право и государство: теория и практика. 2015. № 6. С. 55-57.
2) Батюк В.И., Галузо В.Н. Правоприменение в Российской Федерации (на примере распоряжения Правительства РФ № 98-р от 27 января 2015 г.) // Право и государство: теория и практика. 2016. № 8. С. 37-41.
3) Большая Российская энциклопедия. В 35 томах. Том 25 / Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. С. 208.
4) Гаврилов Р.В. Механизм конституционно-правового регулирования системы органов государственной власти в современной России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11.
5) Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД РФ. 2010. № 5. С. 119-123.
6) Галузо В.Н. О деятельности кредитных организаций Российской Федерации в условиях пандемии короновирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 16. С. 30-35.
7) Галузо В.Н. О неопределенности статуса Председателя Правительства Российской Федерации в условиях пандемии короновирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 19. С. 41-47.
8) Галузо В.Н. О неопределенности статуса Председателя Правительства Российской Федерации в условиях пандемии короновирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 19. С. 41-47.
9) Галузо В.Н. О праворегулировании как альтернативе правоприменения в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 5-8.
10) Галузо В.Н. О несовершенстве термина «законодательные акты» в юриспруденции Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3. С. 40-43.
11) Долгополов П.С. Иерархия нормативных правовых актов государственных органов // СПС КонсультантПлюс. 2026.
12) Доренко К.С. Органы государственной власти как субъекты формирования и реализации социальной политики в Российской Федерации // Юрист. 2025. № 2. С. 50 - 54.
13) Канафин Н.А. Законодательство Российской Федерации и ее субъектов (комплексное праворегулирование): Научно-практическое пособие. 2-е издание, исправленное и дополненное / Под ред. В.Н. Галузо. Уфа: Диалог, 2026. С. 2, 8-11, 14-20, 117-121, 195-201, 325-326, 341-342.
14) Пермяков Л.Е., Галузо В.Н. О деятельности судов общей юрисдикции города Москвы в условиях пандемии короновирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 9 (часть II). С. 7-13.
15) Полянко Н.И., Галузо В.Н. О роли права в предупреждении пандемии короновирусной инфекции (COVID-19) в Российской Федерации // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 8. С. 8-14.
16) Полянко Н.И., Галузо В.Н. О противодействии короновирусной инфекции (COVID-19) в похоронном деле Российской Федерации // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 10 (часть II). С. 7-13.
17) Полянко Н.И., Галузо В.Н. О некоторых проблемах похоронного дела в городе Москве в условиях пандемии короновирусной инфекции (COVID-19) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2020. № 11. С. 8-14.
18) Сухондяева Т.Ю., Галузо В.Н. О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83-89.
19) Трофимова Г.А. Система федеральных государственных органов в России // Административное и муниципальное право. 2016. № 5.
20) Черкасов К.В. Система органов государственной власти и управления на уровне федерального округа // Законодательство и экономика. 2008. № 10.
21) Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Автореферат дисс. … докт. юрид. наук. М.: ЮИ МВД РФ, 1993.

[1] Подробнее о таковых см.: Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Автореферат дисс. … докт. юрид. наук. М.: ЮИ МВД РФ, 1993; Галузо В.Н. О праворегулировании как альтернативе правоприменения в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 5-8.

References:

1) Batyuk V.I., Galuzo V.N. Response to the Order of the Government of the Russian Federation No. 98-r of January 27, 2015: Legal Aspect // Law and State: Theory and Practice. 2015. No. 6. Pp. 55-57.

2) Batyuk V.I., Galuzo V.N. Law Enforcement in the Russian Federation (based on the Order of the Government of the Russian Federation No. 98-r of January 27, 2015) // Law and State: Theory and Practice. 2016. No. 8. Pp. 37-41.

3) The Great Russian Encyclopedia. In 35 volumes. Volume 25 / Ed. S.L. Kravets. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2014. Page 208.

4) Gavrilov R.V. The mechanism of constitutional and legal regulation of the system of state authorities in modern Russia // Actual problems of Russian law. 2015. No. 11.

5) Galuzo V.N. Constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2010. No. 5. Pp. 119-123.

6) Galuzo V.N. On the activities of credit institutions of the Russian Federation in the context of the coronavirus infection pandemic (COVID-19) // International scientific journal "Current Research". 2020. No. 16. Pp. 30-35.

7) Galuzo V.N. On the uncertainty of the status of the Chairman of the Government of the Russian Federation in the context of the coronavirus infection pandemic (COVID-19) // International scientific journal "Current Research". 2020. No. 19. Pp. 41-47).

8) Galuzo V.N. On the uncertainty of the status of the Chairman of the Government of the Russian Federation in the context of the coronavirus infection pandemic (COVID-19) // International scientific journal «Current Research». 2020. No. 19. Pp. 41-47.

9) Galuzo V.N. On Law Regulation as an Alternative to Law Enforcement in the Russian Federation // International Journal of Constitutional and Public Law. 2022. No. 1. Pp. 5-8.

10) Galuzo V.N. On the Imperfection of the Term "Legislative Acts" in the Jurisprudence of the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 3. Pp. 40-43.

11) Dolgopolov P.S. Hierarchy of Normative Legal Acts of State Bodies // SPS ConsultantPlus. 2026.

12) Dorenko K.S. Government Bodies as Subjects of Formation and Implementation of Social Policy in the Russian Federation // Jurist. 2025. No. 2. Pp. 50-54.

13) Kanafin N.A. Legislation of the Russian Federation and its constituent entities (comprehensive legal regulation): Scientific and practical manual. 2nd edition, revised and supplemented / Ed. V.N. Galuzo. Ufa: Dialog, 2026. Pp. 2, 8-11, 14-20, 117-121, 195-201, 325-326, 341-342.

14) Permyakov L.E., Galuzo V.N. On the activities of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow in the context of the coronavirus infection pandemic (COVID-19) // International scientific journal «Current Research». 2020. No. 9 (Part II). Pp. 7-13.

15) Polyanko N.I., Galuzo V.N. On the Role of Law in Preventing the Coronavirus Infection Pandemic (COVID-19) in the Russian Federation // International Scientific Journal «Current Research». 2020. No. 8. Pp. 8-14.

16) Polyanko N.I., Galuzo V.N. On Counteracting the Coronavirus Infection (COVID-19) in the Funeral Service of the Russian Federation // International Scientific Journal «Current Research». 2020. No. 10 (Part II). Pp. 7-13.

17) Polyanko N.I., Galuzo V.N. On some problems of the funeral business in the city of Moscow in the context of the coronavirus infection pandemic (COVID-19) // International scientific journal «Current Research». 2020. No. 11. Pp. 8-14.

18) Sukhondyaeva T.Yu., Galuzo V.N. On the problems of the federal structure, administrative-territorial and military-administrative division of the Russian Federation // Online electronic popular science journal of private and public law. 2018. No. 1. Pp. 83-89.

19) Trofimova G.A. The system of federal government bodies in Russia // Administrative and municipal law. 2016. No. 5.

20) Cherkasov K.V. The system of state authorities and administration at the federal district level // Legislation and Economics. 2008. No. 10.

21) Yakubov R.Kh. Law enforcement in criminal proceedings in Russia (legal issues): Abstract of diss. … Doctor of Law. Moscow: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_50

УДК 340.130

ЯЗЫК ПРАВА: ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ
THE LANGUAGE OF LAW: FUNDAMENTALS OF LEGAL LINGUISTICS

ХАДЫКИНА Елена Викторовна,
доцент, к.ю.н., доцент Высшей школы теории права и частного права,
Тихоокеанский государственный университет.
680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.
E-mail: 003780@togudv.ru

KHADYKINA Elena Viktorovna,
Associate Professor, Candidate of Law, Associate Professor
at the Higher School of Theory of Law and Private Law, Pacific State University.
680042, Khabarovsk, st. Pacific, 136.
E-mail: 003780@togudv.ru

Краткая аннотация: *в статье на основе изучения основных характеристик языка права и анализа примеров применения специфической юридической терминологии делается вывод о наличии самостоятельной междисциплинарной (пограничной) науки – юридической лингвистики; исследуется ее предмет и система.*

Abstract: *Based on the study of the main characteristics of the language of law and the analysis of examples of the use of specific legal terminology, the article concludes that there is an independent interdisciplinary (borderline) science – legal linguistics; its subject and system are investigated.*

Ключевые слова: *язык права, юридическая терминология, юридическая лингвистика, юрислингвистика.*
Key words: *language of law, legal terminology, legal linguistics.*

Для цитирования: *Хадыкина Е.В. Язык права: основы юридической лингвистики // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 50-52. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_50.*
For citation: *Khadykina E.V. The language of law: fundamentals of legal linguistics // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 50-52. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_50.*

Статья поступила в редакцию: 03.02.2026

Язык всегда является средством коммуникации, т.е. передачи информации, средством общения. И в этом значении язык права призван нести в себе именно правовую, юридически значимую информацию, объяснять правила поведения, адресованные тем или иным субъектам права или вовсе неопределенному кругу лиц.

Язык права несомненно представляет собой разновидность официального языка, а также относится к одному из самых сложных и многозначных профессиональных языков (например, как медицинский язык).

Язык права применяется в различных видах юридической деятельности и в том числе от них, от сфер этой деятельности, будет зависеть и стиль такого языка:

- язык правотворчества;

- язык правоприменения;

- язык юридического образования;

- язык юридической науки и др.

Несмотря на существование этих различных сфер действия языка права и их специфику, язык права всегда должен соответствовать его определенным качествам:

- точность (ясность, четкость), без двусмысленностей и размытости;

- простота и надежность грамматических конструкций (чтобы избежать искажения смысла);

- нейтральность, безэмоциональность, что позволяет избежать субъективизации и эмоционального давления на адресата;

- абстрактность;

- системность [12].

В этом же ключе язык права и правовые тексты являются предметом специализированной профессиональной деятельности – юридической (правовой) и задачей любого профессионального юриста является донесение смысла формализованного языка законов до всех людей так, чтобы этот язык был понят, воспринят сознанием и смысл предписания, запрета или дозволения был правильно реализован в поведении, в действиях человека.

Именно такая трансляция или даже можно сказать «перевод» официального, формализованного языка на простой русский или даже в некоторых случаях разговорный язык, является задачей юристов.

В языке права можно выделить несколько групп юридических терминов и юридических конструкций, с которыми должен уметь работать юрист:

1 группа: обычные слова и словосочетания, которым в юриспруденции придается свой особый смысл. Задача юриста в этом случае правильно объяснить юридическое значение слова и определить границы его использования именно в юридическом смысле.

Для примера можно использовать слово «лицо». В обычном языке лицо – это передняя часть головы. В русском языке все несколько

сложнее: есть синонимы – облик, лик, физиономия; есть разговорные слова – морда, рожа; есть уменьшительно-ласкательные – личико, мордашка. В грамматике русского языка есть категории личных местоимений от имени 1-го, 2-го или 3-го лица.

Ну а в праве ЛИЦО – это субъект права, субъект правоотношения, его участник. С позиций права лица (субъекты) делятся на физические (человек, индивид) и юридические (предприятия, учреждения, организации).

В таком же ключе мы можем использовать в праве такие обычные слова русского языка как

Факт	Юридический факт
Норма	Норма права
Состав	Состав преступления, правонарушения
Брак	Брак как союз мужчины и женщины

Т.е. первая группа слов – это обычные слова, которым в праве придается юридический смысл. Они из более простых, легких, превращаются в более сложные. Обычно их легко объяснить, перевести с юридического на русский, потому что мы эти слова знаем и используем в их простом смысле в нашей обычной речи.

2 группа: специфическая юридическая терминология.

Это профессиональный юридический язык, который формируется и накапливается в течение длительного времени и под влиянием разнообразных факторов. Что немаловажно, эта группа юридических терминов содержит в себе огромное количество иноязычных слов, т.е. слов, заимствованных из других языков, в том числе из ныне мёртвого латинского языка. В этом смысле опять хочется провести аналогию юридического и медицинского языка, очень уж они похожи, и уж очень многое из современной юриспруденции было определено в римском праве.

В этой группе мы можем встретить такие термины, которые не всегда будут понятны и юристу, если он раньше в этой сфере не работал или не изучал ее. Справедливости ради нужно сказать, что и из других иностранных языков (кроме латыни) наша отечественная юридическая наука много чего позаимствовала в языковом и не только в языковом плане.

Также в этой группе очень много слов, которые имеют сложную языковую основу из латинского или других языков, но были несколько упрощены в русском языке и продолжают в нем использоваться.

Например,

банкротство	Лат. Bancus - скамья
	Лат. Ruptus - сломанный
коррупция	Лат. Correi – повреждать, разрушать
	Лат. Rumpere - вместе
парламент	Лат. Parliamentum – собеседование, важный разговор
	Фр. Parler - говорить

В российском языке права практически в неизменном виде используются такие иноязычные термины и определения:

- аваль (от фр. Aval) – поручительство по векселю или чеку;

-апелляция (от фр. Appel) – призыв, вызов, обращение;

- прокурор (от фр. Procureur) – прокурор, агент, доверенное лицо в судебной системе;

- адвокат (от нем. Advokat), лат. Advoco – приглашаю, приглашенный) – защитник, заступник;

- канцлер (от нем. Kanzler) – глава правительства;

- штраф (от нем. Strafe) – денежное взыскание;

- депутат (от лат. Deputatus) – назначенный, уполномоченный.

Есть и чисто русские слова, которые в особом «переводе» не нуждаются, но и в то же время являются специфическими в юриспруденции:

- договор – от глагола «говорить». Древнеславянское слово «говоръ» (разговор, речь) означало устное оформление соглашений.

- преступление – от глагола «преступить» в значении «выйти за пределы, нарушить закон». Образовано приставкой «пре-» (превосходная степень слова) и корнем «-ступ-», связанным с глаголами «ступать» (ступенька, ход, след).

- закон – образовано общеславянским корнем «конъ» (предел, начало, граница) и приставкой «за» (придает значение «вне», «после»).

Таким образом, язык права, будучи весьма сложным и профессиональным, является все же разновидностью языка общения или передачи информации и поэтому должен формироваться и использоваться в виде, свойственном конкретному обществу в конкретное время. Одновременно с этим не всегда возможно (а иногда и не нужно!) изменять (в том числе упрощать) правовые термины, прочно вошедшие в юридический лексикон и длительное время используемые как в юридической науке, так и в юридической практике, т.е. в правовой системе в целом.

Изучение выявленной специфики языка права не является новым направлением в науке: основы специфики юридического языка как составной части юридической техники были выделены еще в XIX в. немецким учёным Рудольфом фон Иерингом, которого и считают основоположником анализа языка права [3]. Позднее, уже в конце 1960-х гг. шведским ученым Яном Свартвиком в научный оборот был введен термин «Forensic Linguistics» (судебная лингвистика), что способствовало развитию дисциплины на международном уровне и положило начало современной юридической лингвистике [2].

В отечественной юридической науке юридическая лингвистика и значение языка права пока что не стали предметом широкого научно-

го интереса; юридическая терминология в целом рассматривается в контексте юридической техники и в большей степени во взаимосвязи с правотворческой деятельностью. В то же время отдельные исследования, посвященные тем или иным аспектам юридической лингвистики за последние два десятилетия имели место быть, причем большинство из них представляют собой междисциплинарные юридико-лингвистические исследования, проводимые в сфере филологических наук в большей степени, чем в сфере юриспруденции. Так, например, работы С.П. Хижняка, В.Р. Саркисьянца, И.Л. Петровой, З.К. Тарланова, И.Г. Брадецкой [1,4,5,6,7,8,9,10,11] лежат в большей степени именно в филологической плоскости, хотя и для юриспруденции имеют значение в вопросе сочетания языка и права. Опираясь на результаты данных исследований мы можем изучать юридическую лингвистику и язык права в целом и с юридической точки зрения.

Список литературы:

1. Брадецкая И.Г. Юридическая лингвистика: учебное пособие / И.Г. Брадецкая.- Москва : Российский государственный университет правосудия, 2025. - 120 с.
2. Будаев, Э. В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 122—126.
3. Иеринг Р. Юридическая техника. Перевод с немецкого Ф.С. Шендорфа. С.-Петербург. 1905.
4. Криминалистическая лингвистика: учебное пособие / сост.С. П. Хижняк. - Саратов : Саратовская гос. юридическая академия, 2013.– 44 с.
5. Петрова И.Л. Объективация права в аспекте юридической лингвистики: учебное пособие / И. Л. Петрова. - Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2015. - 62 с.
6. Петрова И.Л. Проблемы современной юридической лингвистики: учебное пособие / И. Л. Петрова. - Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2016. - 59 с.
7. Саркисьянц В.Р. Юридическая лингвистика и современная лексикография: монография / В. Р. Саркисьянц. - Ростов-на-Дону : Книга, 2017. - 207 с.
8. Тарланов З.К. Юридическая лингвистика: учебник для вузов / З. К. Тарланов. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Юрайт, 2025. - 180 с
9. Хижняк С. П. Основы юридической лингвистики : учебное пособие / С. П. Хижняк. — Саратов: Вузовское образование, 2016. — 123 с.
10. Хижняк С.П. Язык российского права: проблематика исследований и история развития юридической лингвистики: монография / С. П. Хижняк. – Саратов: Изд-во Саратовской гос. юридической академии, 2021. - 204 с.
11. Юридическая лингвистика: учебное пособие / С. П. Хижняк и др.; под ред. С. П. Хижняка; - Саратов : Саратовская гос. акад. права, 2009. - 251 с.
12. Юридическая техника: учеб. пособие / В.П. Кузьмин, С.Ю. Симорот, Е.В. Хадыкина. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. Гос. Ун-та, 2016. – 129 с.

References:

1. Bradetskaya I. G. Legal linguistics: a textbook / I. G. bradetskaya. Moscow: Russian State University of Justice, 2025. - 120 p.
2. Budaev, E. V. Foreign legal linguistics: The genesis of the discipline / E. V. Budaev // Political linguistics. — 2019. — № 1 (73). - Pp. 122-126.
3. Iering R. Legal technology. Translated from the German by F. S. Shendorf. St. Petersburg. 1905.
4. Criminalistic linguistics: a textbook / comp.S. P. Khizhnyak. Saratov: Saratov State Law Academy, 2013. - 44 p.
5. Petrova I. L. Objectification of law in the aspect of legal linguistics: a textbook / I. L. Petrova. - Vladimir : VUI of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2015. - 62 p.
6. Petrova I. L. Problems of modern legal linguistics: a textbook / I. L. Petrova. - Vladimir : VUI of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2016. -59 p.
7. Sarkisyants V. R. Legal linguistics and modern lexicography: a monograph / V. R. Sarkisyants. Rostov-on-Don: Kniga, 2017. - 207 p.
8. Tarlanov Z. K. Legal linguistics: a textbook for universities / Z. K. Tarlanov. - 2nd ed., ispr. and add. Moscow : Yurait Publ., 2025. - 180 p.
9. Khizhnyak S. P. fundamentals of legal linguistics : a textbook / S. P. Khizhnyak. Saratov: Higher Education, 2016. - 123 p.
10. Khizhnyak S. P. the language of Russian law: the problems of research and the history of the development of legal linguistics: a monograph / S. P. Khizhnyak. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2021. - 204 p.
11. Legal linguistics: a textbook / S. P. Khizhnyak et al.; Edited by S. P. Khizhnyak; - Saratov : Saratov State Academy of Sciences. Pravo, 2009. - 251 p.
12. Legal technology: textbook. manual / V. P. Kuzmin, S. Y. Simorot, E. V. Khadykina. Khabarovsk: Publishing House of the Pacific State University, 2016. - 129 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_53

УДК 34

НЕЙРОЭТИКА И ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОНЯТИЯ «СВОБОДЫ ВОЛИ» В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЙ КОГНИТИВНЫХ НАУК
NEUROETHICS AND LEGAL PERSONALITY: ON THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION OF THE CONCEPT OF "FREE WILL" IN THE CONTEXT OF COGNITIVE SCIENCE ACHIEVEMENTS

АЗАРХИН Алексей Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: aazarkhin@mail.ru

AZARKHIN Aleksey Vladimirovich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: aazarkhin@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается проблема влияния достижений когнитивных наук и нейробиологии на традиционные философско-правовые концепции свободы воли и правосубъектности. Автор анализирует вызов, который представляют эмпирические данные о мозговых механизмах принятия решений для оснований юридической ответственности. В работе выделяются основные противоречия, возникающие между детерминистскими объяснениями нейронауки и представлением о человеке как автономном существе. Обосновывается необходимость реконструкции понятия свободы воли в рамках прагматического подхода, где она понимается как сложная способность к рациональному самоконтролю, формируемая в социальных условиях. Делается вывод о том, что для права следствием такого переосмысления является не отказ от ответственности, а смещение акцента на оценку дееспособности лица с учетом объективных данных о состоянии его нервной системы, что позволяет сохранить функциональность правовых институтов, обогатив их научной доказательной базой.*

Abstract: *The article examines the impact of advances in cognitive science and neurobiology on traditional philosophical and legal concepts of free will and legal personality. The author analyzes the challenge posed by empirical evidence about the brain mechanisms of decision-making for the foundations of legal responsibility. The article highlights the main contradictions that arise between the deterministic explanations of neuroscience and the concept of the human being as an autonomous entity. The article argues for the need to reconstruct the concept of free will within the framework of a pragmatic approach, where it is understood as a complex ability for rational self-control that is formed in social conditions. The article concludes that for the law, the consequence of this reinterpretation is not the abandonment of responsibility, but rather a shift in emphasis to assessing a person's capacity based on objective data about their nervous system, which allows for the preservation of the functionality of legal institutions while enriching them with scientific evidence.*

Ключевые слова: *нейроэтика, свобода воли, правосубъектность, когнитивные науки, нейробиология, юридическая ответственность, дееспособность.*

Keywords: *neuroethics, free will, legal personality, cognitive science, neurobiology, legal responsibility, and legal capacity.*

Для цитирования*: Азархин А.В. Нейроэтика и правосубъектность: к проблеме реконструкции понятия «свободы воли» в контексте достижений когнитивных наук // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 53-55. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_53.*

For citation*: Azarkhin A.V. Neuroethics and legal personality: towards the problem of reconstructing the concept of "free will" in the context of achievements in cognitive sciences // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 53-55. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_53.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Прогресс в сфере когнитивных наук и нейробиологии, направленный на исследование нейронных основ принятия решений, способствует пересмотру устоявшихся представлений о свободе воли в философии и праве. Экспериментальные данные, свидетельствующие о регистрации специфической мозговой активности до момента осознания субъектом собственного намерения, ставят под вопрос фундаментальные принципы правосубъектности. Данный правовой институт традиционно базируется на признании за индивидом способности к самостоятельному, осмысленному и волевому действию, которое влечет за собой ответственность. В этой связи, актуализируется потребность в междисциплинарном исследовании, проводимом в рамках нейроэтики, которое бы позволило определить степень влияния эмпирических нейробиологических открытий на интерпретацию свободы воли и, как результат, на такие правовые конструкции, как вина, ответственность и правоспособность.

Научная дискуссия о влиянии нейробиологических открытий на концепцию свободы воли показывает глубокий раскол в интерпретациях, что, на наш взгляд, отражает не столько слабость самой науки, а фундаментальную сложность предмета исследования.

Ряд ученых, опираясь на известные эксперименты, склоняются к выводу, что субъективное переживание свободного выбора является своеобразной иллюзией, создаваемой сознанием уже после того, как мозг инициировал действие [1]. Данная точка зрения, безусловно, обладает значительной объяснительной силой для отдельных лабораторных результатов. Однако, ее радикальный характер, фактически нивелирующий идею личной ответственности, представляется преждевременным и методологически уязвимым. Она рискует совершить логическую ошибку, перенося данные, полученные в узких экспериментальных условиях, на всю полноту человеческого поведения в его жизненном и социальном контексте.

В противовес этому, другая исследовательская традиция предлагает более сбалансированный и, на наш взгляд, продуктивный под-

ход. Ученые, развивающие эту линию, справедливо указывают на ограниченность интерпретаций, сводящих сложный многоуровневый процесс принятия решений к простой регистрации ранней нейронной активности [2]. Свобода воли предстает не как призрачное «свободное хотение», а как реальная способность к осознанному и рациональному самоконтролю, сформированная в ходе эволюции и социального развития. Примечательно, что в таком понимании нейробиология из инструмента отрицания свободы превращается в ценный ресурс для ее изучения, поскольку она позволяет дифференцировать случаи полноценной волевой регуляции от ее патологических нарушений, тем самым не упраздняя, а уточняя категорию ответственности.

Особую ценность в этой дискуссии вносят теоретики, напоминающие о природе права как нормативной системы [3]. Их позиция, подчеркивающая, что право регулирует не нейронные импульсы, а социальные действия и коммуникации, служит важным корректирующим фактором. Даже если в философском споре о детерминизме будут найдены новые аргументы, правосудие, основанное на презумпции вменяемости и рациональности субъекта, сохранит свою функциональную необходимость. Представляется, что именно на стыке этих подходов — нейробиологической осторожности, философской реконструкции и юридического прагматизма — может быть выработано новое, непротиворечивое понимание свободы воли, адекватное как данным науки, так и потребностям человеческого общежития.

Проведенный анализ позволяет выделить ряд взаимосвязанных проблем, которые имеют не только теоретическое, но и глубокое практическое значение. Их осмысление требует выхода за рамки узкой специализации и обращения к фундаментальным вопросам о природе человека и общества.

Центральной, на наш взгляд, является проблема онтологического статуса человеческого действия. Современная нейронаука, описывая мозг как сложную каузальную систему, объективно создает напряжение между научной картиной мира и укорененным в культуре переживанием себя как «автономного автора» своих поступков. Возникает кажущийся разрыв между языком нейронных процессов и языком намерений, ответственности и смыслов. Данная проблема, по мнению автора, не может быть решена простым отрицанием одной из сторон. Требуется философская работа по поиску такой концептуальной модели, которая позволила бы интегрировать данные о детерминированных мозговых механизмах с феноменологией свободы, не сводя одно к другому.

Второй, не менее значимой проблемой выступает риск методологического редукционизма. Так, существует соблазн напрямую отождествить субъективные психические состояния, такие как раскаяние или сознательное намерение, с паттернами электрической или химической активности в мозге. Подобный подход, несмотря на кажущуюся научную строгость, является упрощающим. Он потенциально игнорирует то обстоятельство, что сознание и личность формируются не только в голове человека, но и в пространстве языка, социальных взаимодействий, культурных норм и исторического контекста. Редукционистская позиция, абсолютизирующая данные нейровизуализации, может привести к обедненному пониманию человека и недооценке роли смысловых и социальных факторов в регуляции поведения.

Наконец, из всего вышесказанного с необходимостью вытекает острая практико-правовая проблема. Если традиционное понятие воли как основы ответственности подвергнется радикальному пересмотру под давлением нейробиологии, правовая система окажется перед серьезным вызовом. Необходимо будет определить, какие эмпирически верифицируемые критерии могут заменить или дополнить существующие оценки вменяемости и дееспособности. Ключевой вопрос заключается в том, потребует ли новое знание полной ревизии принципов ответственности или же их адаптации. Представляется, что наиболее взвешенный путь — не революционная ломка правовых оснований, а их эволюционная корректировка. Речь может идти о более тонком учете нейробиологических факторов как обстоятельств, влияющих на степень вины и меру ответственности, особенно в пограничных случаях, но не отменяющих саму правовую логику вменения. Игнорирование же этих проблем может привести к опасному разрыву между быстро развивающейся научной мыслью и консервативными социальными институтами.

Таким образом, переосмысление концепта свободы воли в свете современных научных данных представляется не просто теоретической задачей, но насущной практической необходимостью. Очевидно, что попытки сохранить ее классическое, метафизическое понимание ведут в тупик, создавая непреодолимые противоречия с картиной мира, предлагаемой естественными науками. Более конструктивным и перспективным путем видится развитие подходов, которые можно условно обозначить как прагматические и эмерджентные.

Суть такого подхода заключается в принципиальном отказе от поисков свободы воли как некой самостоятельной сущности или «призрака в машине». Вместо этого, предлагается рассматривать ее как сложное, интегративное свойство, которое закономерно возникает на уровне целостной личности, находящейся в постоянном взаимодействии с социальной средой [4]. Это качество, по мнению автора, не сводимо к простой сумме активности нейронов, так же как значение текста не сводимо к набору чернил на бумаге. Оно формируется и существует в пространстве языка, культуры, межличностных отношений и нормативных систем. Иными словами, свобода воли предстает не как дарованная изначально способность, а как достижение, как сложный навык саморегуляции, осознанного выбора и следованию рациональным доводам, который развивается и поддерживается в процессе социализации. Как следствие, нейробиология не выступает здесь могильщиком свободы, а становится наукой, изучающей ее материальные предпосылки и механизмы, чья эффективность может варьироваться в зависимости от множества факторов.

Применение подобной реконструированной концепции в сфере права выглядит логичным и продуктивным. Право, по своей сути, имеет дело не с таинственными метафизическими сущностями, а с наблюдаемым поведением и его социальными последствиями. Поэтому фокус внимания закономерно смещается с трудноуловимой «свободной воли» на более осязаемую категорию дееспособности. Последнюю можно понимать как достигнутый личностью уровень рационального и волевого контроля, достаточный для того, чтобы нести ответственность за свои действия и участвовать в правовых отношениях.

Завершая настоящее исследование, отметим, что роль нейронаук становится важной, но строго определённой и вспомогательной. Их

задача — не определять, обладает ли человек «настоящей» свободой воли, а предоставлять объективные данные о состоянии нейрокогнитивных функций, которые служат базой для такой дееспособности. Нейробиологические методы могут стать мощным инструментом для выявления и подтверждения серьезных органических или функциональных нарушений работы мозга, которые фактически лишают индивида возможности осуществлять рациональный контроль, что позволяет правовой системе сохранить свою нормативную стабильность и не погружаться в неразрешимые философские дебаты, одновременно становясь более точной, справедливой и научно-обоснованной в оценке «пограничных случаев», где грань между личной ответственностью и болезненным состоянием особенно тонка.

Таким образом, прогресс когнитивных и нейронаук не приводит к упразднению таких фундаментальных категорий, как свобода воли и правосубъектность. Вместо этого, он делает необходимым их глубокое концептуальное обновление. Прежние метафизические трактовки, ищущие свободу воли в качестве необъяснимого первопричинного акта, постепенно замещаются прагматическими интерпретациями. В центре внимания оказывается не мистическая «свобода выбора», а реально наблюдаемая способность индивида к рациональному самоуправлению, формируемая и осуществляемая исключительно в социальном и культурном контексте. Именно нейроэтика, интегрируя данные эмпирических исследований с нормативным анализом, предоставляет необходимую площадку для выработки этого нового синтетического понимания [5].

С практической точки зрения, для юридической системы основным следствием является не радикальный пересмотр, а постепенная адаптация принципов вменения ответственности. Ключевым вектором развития становится перенос акцента с дискуссий о наличии или отсутствии у лица абстрактной свободной воли на комплексную и контекстуальную оценку его дееспособности. Такой подход предполагает учет всей совокупности обстоятельств, в которую могут быть интегрированы и объективные нейробиологические данные, отражающие состояние нервной системы в момент совершения деяния.

Список литературы:

1. Libet B, Gleason CA, Wright EW, Pearl DK. Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential). The unconscious initiation of a freely voluntary act. Brain. 1983 Sep;106 (Pt 3):623-42. doi: 10.1093/brain/106.3.623. PMID: 6640273.
2. Dennett D. C. Elbow Room: The Varieties of Free Will Worth Wanting. Cambridge, MA : The MIT Press, 1984. 200 p.
3. Stephen J. Morse, Determinism and the Death of Folk Psychology: Two Challenges to Responsibility from Neuroscience, 9 Minn. J.L. Sci. & Tech. 1 (2007). Available at: https://scholarship.law.umn.edu/mjlst/vol9/iss1/3
4. Searle J. R. Freedom and neurobiology: Reflections on free will, language, and political power. New York : Columbia University Press, 2007. 113 p.
5. Greene J., Cohen J. For the law, neuroscience changes nothing and everything // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences. 2004. Vol. 359, iss. 1451. P. 1775–1785.

References:

1. Libet B, Gleason CA, Wright EW, Pearl DK. Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readiness-potential). The unconscious initiation of a freely voluntary act. Brain. 1983 Sep;106 (Pt 3):623-42. doi: 10.1093/brain/106.3.623. PMID: 6640273.
2. Dennett D. C. Elbow Room: The Varieties of Free Will Worth Wanting. Cambridge, MA : The MIT Press, 1984. 200 p.
3. Stephen J. Morse, Determinism and the Death of Folk Psychology: Two Challenges to Responsibility from Neuroscience, 9 Minn. J.L. Sci. & Tech. 1 (2007). Available at: https://scholarship.law.umn.edu/mjlst/vol9/iss1/3
4. Searle J. R. Freedom and neurobiology: Reflections on free will, language, and political power. New York : Columbia University Press, 2007. 113 p.
5. Greene J., Cohen J. For the law, neuroscience changes nothing and everything // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences. 2004. Vol. 359, iss. 1451. P. 1775–1785.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_56

УДК 340.1; 340.5

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ
SOME ASPECTS OF THE JUDICIAL SYSTEM IN ANCIENT CHINA

КОГАН Ольга Станиславовна
доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, истории и востоковедения.
ФГБОУ ВО «Уфимский Государственный Нефтяной Технический Университет».
Россия, 450078, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145.
E-mail: oskogan@mail.ru

ГАЛИУЛЛИНА Светлана Дмитриевна
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, истории и востоковедения.
ФГБОУ ВО «Уфимский Государственный Нефтяной Технический Университет».
Россия, 450078, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145.
E-mail: galiullinasd@yandex.ru

ЛИФАНОВА Марина Владиславовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения.
ФГБОУ ВО «Уфимский Государственный Нефтяной Технический Университет».
Россия, 450078, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145.
E-mail: Lifanova2009@yandex.ru

САФИНА Елена Александровна
старший преподаватель кафедры международных отношений, истории и востоковедения.
ФГБОУ ВО «Уфимский Государственный Нефтяной Технический Университет».
Россия, 450078, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Чернышевского, 145.
E-mail: elena_safina2012@mail.ru

Краткая аннотация. *Существующая судебная система Китайской Народной Республики (далее – КНР) имеет глубокие корни и формировалась с использованием правил и норм, которые были заложены еще в глубокой древности. Уже с древних времен в Китае, судебные правила и законы были основой становления и регулирования поведения человека и общества, в целом, все они основывались на учении Конфуция. Одновременно, эти судебные нормы и правила составляли основу существующих в то время эстетических и культурных норм в обществе. В Древнем Китае придавалось большое значение сохранению законности и правильных отношений между государством и населением, между чиновниками и отдельными людьми. То есть, система правосудия основывалась на юридических и, одновременно, моральных нормах и правилах, провозглашавших лояльность к верховной власти в китайском государстве и соблюдение гармонии в социальной жизни.*

Abstract. *The existing judicial system of the People's Republic of China (hereinafter referred to as the PRC) has deep roots and was formed using rules and regulations that date back to ancient times. Since ancient times, judicial rules and laws have been the foundation for shaping and regulating human behavior and society in China, and they have been based on the teachings of Confucius. These judicial norms and rules have also served as the basis for the existing aesthetic and cultural norms in society at that time. In ancient China, great importance was placed on maintaining the rule of law and proper relations between the state and the population, as well as between officials and individuals. This meant that the justice system was based on legal and moral norms and rules that emphasized loyalty to the supreme authority in the Chinese state and the importance of maintaining harmony in social life.*

Ключевые слова. *Судебная система Древнего Китая, юридические и моральные нормы в Древнем Китае, административное право в Древнем Китае, конфуцианское и легистское учение в Древнем Китае, права женщин в Древнем Китае.*

Keywords*. Judicial system of Ancient China, legal and moral norms in Ancient China, administrative law in Ancient China, Confucian and Legalist teachings in Ancient China, women's rights in Ancient China.*

Для цитирования*: Коган О.С., Галиуллина С.Д., Лифанова М.В., Сафина Е.А. Некоторые аспекты судебной системы в Древнем Китае // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 56-58. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_56.*

For citation*: Kogan O.S., Galiullina S.D., Lifanova M.V., Safina E.A. Some aspects of the judicial system in Ancient China // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 56-58. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_56.*

Статья поступила в редакцию: 18.01.2026

Изучение особенностей судебной системы в Древнем Китае современными исследователями позволяет отметить их некоторое сходство с существующими принципами судопроизводства, привлечения к юридической ответственности и наказания в Китае нашего времени. Так, например, в Древнем Китае судебное разбирательство осуществляли специально обученные люди, чиновники, то есть государственные служащие, обладавшие особыми полномочиями. Как и в настоящее время, особо тяжкими считались преступления, направленные против государства. Уже с 3 века до нашей эры в Древнем Китае рассмотрение всех преступлений и вынесение наказания производилось в соответствие с принятым на тот момент законодательством, то есть не могло осуществляться произвольно по воле отдельного судьи.

Следует отметить, что все законы в Древнем Китае считались волей императора, и их нарушение рассматривалось как преступление против императора и государства в целом. В связи с этим, наказания за совершенные правонарушения всегда были очень суровыми, нередко основанными на членовредительстве.

Интересным для характеристики судебной системы Древнего Китая является период правления династии Чжоу (с 10 по 3 век до нашей эры). В этот период формируются основы законодательства и судебной системы Китая. В этот период времени происходит активное развитие централизованного государственного строя, появление первых феодалов. Государственное устройство становится во главе угла философских учений, в их числе учения Конфуция и легистов, которые принимали участие в формировании норм и правил, дошедших до наших дней [2].

Большое значение при разработке и написании первейших правил и законов придавалось религиозным традициям и культу предков,

что предопределяло зависимость объема прав в государственной системе у чиновников в соответствии с рангом родственных связей с правящей династией (с ваном). Кроме того, по этому представлению, все китайцы являются представителями сына неба – вана династии Чжоу, что определяет общее народное единство Китая, в отличие от всех других народов – варваров.

Опорой центральной власти постепенно стало чиновничество, которое характеризовалось высокими по отношению к вану (высшей власти) связями. На местах властные полномочия осуществляли региональные управляющие, региональный же правитель наделял своих родственников уделами земли. На удельных землях властвовали удельные князья, которые разрабатывали и применяли собственные законы и правила, позволяющие более эффективно управлять территориями и отражать набеги соседних князей [5].

Уже в 3-4 веке до нашей эры в Китае установилась система судопроизводства для государства и подданных, предписывающая систему правовых мер под названием «легизм». Легизм провозглашал соблюдение законности и правопорядка для контроля отношений между аристократическим правлением и подданными. В принимаемых законах более широко стали пропагандироваться принципы легистской школы, призывавшей при нарушении человеком законов, более радикально подавлять все злое в человеке, использовать более эффективные меры наказания вместо наставлений и воспитания, пропагандируемых конфуцианством.

Формулировки законов того или иного удельного правителя зависят от тяжести и трактовки совершенных проступков, то есть разрабатывается классификация правонарушений и, в зависимости от этого, формируется система мер наказаний за их совершение – от денежного штрафа до смертной казни или нанесения увечий.

Законы, которыми пользовались чиновники и удельные князья, постепенно совершенствуются. Новые законы не позволяли удельным князьям и местным правителям единолично предавать смертной казни виновных чиновников и других представителей общества. Следует отметить, что в начальном периоде формирования судебной системы, ее нормы и принципы в большей степени соответствовали конфуцианскому учению, имеющему уклон в сторону этики и морали, нравственного воспитания [2, 6, с. 19].

Однако, усиливающееся влияние высших чиновников, вызывало опасения у местных удельных правителей и, под их влиянием была введена система государственного правления, при которой чиновники стали получать от своего правителя не земельные наделы в вознаграждение за их труд, а оплату деньгами. Позже, во времена Шан Яна, была проведена унификация и стандартизация правовой системы, которая установила единые правила для всех проводимых законопроектов – правил для награждений, наставлений, наказаний и пр. Оговаривалась также отмена смягчения наказания для более знатных лиц.

Во времена Шан Яна были введены административные округа, система мер и весов, принципы и нормы налогообложения. Во время его правления был введен принцип родственной ответственности и наказания трех категорий родственников за преступления кого-то из членов семьи [7, с. 62]. Уже в конце 3 века до н.э., в Китае создается империя, во главе которой, стоит император, который признавался высшим судьей и законодателем в государстве.

Таким образом, судебная система Древнего Китая формировалась длительный период времени и в полной мере отразила национальный менталитет китайского народа. Определим основные особенности судебной системы Древнего Китая, которые получили отражение и развитие в современной судебной системе КНР.

В Китае, в древние времена, основой существующих норм и правил, в первую очередь, было конфуцианство, учение о морали и нравственности, дающее определение преступнику и преступлениям, зависящим от «низости воли» преступной личности, степени его духовности. То есть, считалось, что преступления совершает человек с низкими моральными и этическими принципами, нарушая гармонию в обществе

По Конфуцию, хорошее общество должно быть правильно организовано. Во главе его стоят аристократы, которые изначально праведны и соблюдают все нормы и законы. Нарушает законы неправедный человек, неполноценный человек, который должен понести наказание за нарушение законов.

Абсолютным властителем и издателем всех законов являлся император, нарушение законов и предписаний, утвержденных императором, считается преступлением против самого императора. Соответственно, наказание против подобного правонарушения могло быть чрезвычайно суровым, как то: смертная казнь, отрубание конечностей, отрезание носа, клеймение, кастрация.

Если по Конфуцию, преступников необходимо было воспитывать, учить, а для этого штрафовать, бить палками и т.п., то в соответствие, с последующим учением «легистов» в Древнем Китае, наказание могло быть таким, как: вырывание ребер, сверление головы, варка в котлах. [4, с. 210; 5].

Особенностью уголовного права в древнем Китае в 5-6 веке до нашего времени, являлось применение коллективного наказания (общесемейного или общеслужебного) за совершенное преступление, то есть применение смертной казни назначалось для всех членов семьи (иногда, в нескольких поколениях), либо всем государственным чиновникам, служившим вместе с преступником [1].

Важным для формирования судебно-правовой системы Древнего Китая является то, что уже в те времена применялась достаточно совершенная система розыскных мероприятий для оценки степени вины преступника, сбора доказательств для установления истинных мотивов преступления, выявления всех виновных. Была классифицирована система нарушений – уголовные преступления, семейные преступления, административные преступления и т.п. Давались определения более 500 правонарушениям, с указанием уровня применяемого наказания. Необходимо также отметить, так называемую, кастовую систему трактовки видов преступлений и уровень применяемого наказания в зависимости от социального положения преступника [2].

Уже во 2 веке до нашей эры в судопроизводстве Китая существовал закон привлечения к судебной ответственности за преднамерен-

ную клевету и необоснованное обвинение. Отмечалось, что попытка преступных намерений и совершение преступного действия должны быть наказаны по-разному, за преступные намерения (покушение на преступление) наказание было менее суровым.

В Древнем Китае предпринимались первые попытки привлечения к участию в судебном разбирательстве на местном уровне (в географическом регионе по месту преступления) общественности, для подчеркивания уважения государства и императора к местным традициям и получения дальнейшей поддержки населения. То есть все государственные законы регулировали культурные традиции, социальные отношения и поведение общества в целом.

Необходимо рассмотреть и некоторые особенности судебного права в древнем Китае, регламентирующие права женщин. Уже в период правления династии Тан и Сун, существуют некоторые законы, защищающие женщин. Меры наказания прописываются в зависимости от значимости или происхождения женщины.

По конфуцианским нормам, все права по закону преобладают у мужчин, значимость (статус) женщины в древнем Китае возрастает с рождением ребенка, особенно, сыновей. Всегда большие права имеют замужние женщины. Резко возрастает значимость женщины, даже если она только наложница (то есть предмет купли-продажи), при рождении ею сына. В целом, для женщин в случае их провинности могло быть применено более мягкое наказание.

Уже в 3 веке нашей эры в Китае существовало законодательство, регламентирующее разводы, позволяющее женщинам самим подать ходатайство о разводе и позволяющее вступить в новый брак. Хотя, решение вступить в новый брак, разведенная женщина неукоснительно должна была согласовать с родителями. В том числе, у женщин также появляется право на часть наследства (в меньшей степени, по-сравнению, с братьями) после родителей, в виде приданного. Женщина могла, также, получить наследство после смерти мужа, если не было сыновей, и она снова выходила замуж, при этом, муж брал фамилию жены, шел в «примаки».

В древние времена все женщины в Древнем Китае имели определенный статус – жены, дочери, наложницы, мачехи, падчерицы, служанки-рабыни и пр. Существовала также категория женщин-певичек, которых покупали и брали в семью для увеселений песнями и танцами. Они могли быть казенными (лично несвободными) и частными, имеющими большую свободу. Тем не менее, даже статус наложниц был выше статуса женщин-певичек, наложница могла выйти замуж за хозяина и повысить свой статус, певичка могла выйти замуж только за такого же несвободного человека, по сути, слугу или раба [3].

Отдельно следует отметить наличие в законодательстве Древнего Китая (с 7-8 веков нашего времени), уголовного наказания за преступления, связанные с половой неприкосновенностью женщин. Все подобные преступления объединялись термином «развратные сношения» и включали изнасилования, супружескую неверность, инцест и пр. То есть, уже в те времена, посягательство на половую неприкосновенность женщины преследовалась законом, и это в полной мере соответствовало общеустановленным морально-нравственным нормам.

В 50-х годах 20 века в Китае в корне изменилось положение женщин в семье и в браке. Произошло уничтожение древней и устаревшей системы брака, при которой процветало неравноправие, устанавливающее господство мужчин во всех сферах жизни. Была установлена новая система брака и семьи, предусматривающая равноправие мужчин и женщин, свободный выбор при вступлении в брак, провозглашение единобрачия, запрещение двоеженства и приобретение наложниц в семью.

В заключение отметим, что понимание основ судопроизводства и судебной системы Древнего Китая, а также предпосылок и причин их формирования, может помочь пониманию и правильному анализу современных правовых концепций КНР, что в свою очередь создает основу для эффективного развития международных связей с Китаем и другими странами Востока и Азии.

Список литературы:

1. Авилова О. Е., Воронкова Е. О., Моисеева О. Г. Коллективная ответственность в праве Древнего Китая // Правовая мысль в образовании, науке и практике. – 2017. – № 2 (6). – С. 3.
2. Афанасьева В. Д., Михайлик А. А. Особенности законодательства, судопроизводства и виды наказаний в древнем Китае // Epomen. Global. – 2025. – № 65. – С. 35-42.
3. Мыльникова Ю. С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII— XIII века.). – СПб.: НП-ПРИНТ, 2014. – 336 с.
4. Ниида Нобору. Исследования по истории китайского права. – Токио, 1960.
5. Суровень Д. А. История государства и права зарубежных стран. Древний мир : учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2026. – 757 с.
6. Шпалтаков В.П. Взаимодействие государства и общества в Древнем Китае и Древней Индии // Инновационная экономика и общество. – 2015. – № 3. – С. 17-28.
7. Шан Ян. Книга правителя области Шан / пер. с кит. Л.С. Переломова. – М.: Рипол-Классик, 2020. – 426 с.

References:

1. Avilova O. E., Voronkova E. O., Moiseeva O. G. Collective Responsibility in the Law of Ancient China // Legal Thought in Education, Science, and Practice. – 2017. – No. 2 (6). – P. 3.
2. Afanasyeva V. D., Mikhailik A. A. Features of Legislation, Legal Proceedings, and Types of Punishments in Ancient China // Epomen. Global. – 2025. – No. 65. – Pp. 35-42.
3. Mylnikova Yu. S. Legal Status of Women in the History of Medieval China (7th-13th Centuries.). – SPb.: NP-PRINT, 2014. – 336 p.
4. Niida Noboru. Studies in the History of Chinese Law. – Tokyo, 1960.
5. Surovny D. A. History of State and Law of Foreign Countries. The Ancient World: Textbook and Workshop for Universities. – Moscow: Yurayt, 2026. – 757 p.
6. Shpaltakov V.P. Interaction of the State and Society in Ancient China and Ancient India // Innovative Economy and Society. – 2015. – No. 3. – Pp. 17-28.
7. Shan Yang. The Book of the Ruler of the Shan Region / translated from Chinese by L.S. Perelomov. – Moscow: Ripol-Classic, 2020. – 426 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_59

УДК 004:34

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION DIGITALIZATION OF THE STATE AND THE LEGAL SYSTEM

ЭЛЯЗЯН Анна Шагеновна
к.с.н., доцент, заведующий кафедрой юриспруденции АНОО ВО «Российский университет кооперации».
141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12.
E-mail: strahov@spbu.su

СТРАХОВ Игорь Андреевич
соискатель, ученой степени кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права РУАН им. Г.Б. Мирзоева, преподаватель.
105120, Россия, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д. 3/5, стр. 1.
E-mail: strahov@spbu.su

ELYAZYAN Anna Shagenovna
Candidate of Sociological Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence, Autonomous Non-profit Educational Organization of Higher Education "Russian University of Cooperation".
Vera Voloshina str., 12, Mytishchi, Moscow region, 141014, Russia.
E-mail: strahov@spbu.su

STRAKHOV Igor Andreevich
Applicant for a Scientific Degree, Department of Fundamental Jurisprudence and International Law, R.U.A.N. named after G.B. Mirzoyev, Teacher.
3/5 Maly Poluyaroslavsky Lane, building 1, Moscow, 105120, Russia.
E-mail: strahov@spbu.su

Краткая аннотация. *В статье исследуются системные проблемы правового регулирования, возникающие в процессе цифровизации государства и правовой системы. Авторы проводят многоуровневый анализ, включающий инвентаризацию и критический разбор действующего российского законодательства, сравнительно-правовое изучение опыта ЕС, США и Эстонии, анализ правоприменительной практики и доктринальных подходов. В результате выявлены ключевые противоречия: между скоростью технологических изменений и инерционностью нормотворчества, между защитой персональных данных и потребностями межведомственного электронного взаимодействия, между внедрением цифровых административных процедур и обеспечением равного доступа к ним. Установлено, что существующее регулирование носит фрагментарный и рамочный характер, не определяя правовой статус новых цифровых феноменов (искусственный интеллект, большие данные, смарт-контракты) и не адаптируя в полной мере процессуальные нормы для работы с цифровыми доказательствами. Авторы приходят к выводу о необходимости парадигмального сдвига – перехода к целостной цифровой правовой политике, основанной на принципах опережающего регулирования, пропорциональности и управления рисками. В качестве инструментов такой трансформации предлагаются регулятивные песочницы, оценка регулирующего воздействия с привлечением технологических экспертов, развитие государственного заказа на IT-решения с открытым кодом, а также масштабное повышение цифровой компетентности законодателей, судей и государственных служащих. Статья обосновывает, что без преодоления выявленных проблем цифровое государство рискует превратиться в систему технически сложных, но неподконтрольных праву «черных ящиков», подрывающих основы правового государства.*

Abstract. *The article examines the systemic problems of legal regulation arising in the process of digitalization of the state and the legal system. The authors conduct a multi-level analysis, including an inventory and critical review of current Russian legislation, a comparative legal study of the experience of the EU, the USA and Estonia, an analysis of law enforcement practice and doctrinal approaches. As a result, key contradictions are identified: between the speed of technological changes and the inertia of rulemaking, between the protection of personal data and the needs of interdepartmental electronic interaction, between the introduction of digital administrative procedures and ensuring equal access to them. It is established that the current regulation is fragmented and framework in nature, does not define the legal status of new digital phenomena (artificial intelligence, big data, smart contracts) and does not fully adapt procedural norms for working with digital evidence. The authors conclude that a paradigm shift is necessary – a transition to a holistic digital legal policy based on the principles of forward-looking regulation, proportionality and risk management. As tools for such transformation, regulatory sandboxes, regulatory impact assessment involving technology experts, the development of state procurement for IT solutions with open source code, and large-scale improvement of the digital competence of legislators, judges and civil servants are proposed. The article argues that without overcoming the identified problems, the digital state risks turning into a system of technically complex, but legally uncontrollable "black boxes" that undermine the foundations of the rule of law.*

Ключевые слова: *цифровизация, цифровое государство, классическое государство, право, цифровое право, информационное право.*
Keywords: *digitalization, digital state, classical state, law, digital law, information law.*

Для цитирования*: Элязян А.Ш., Страхов И.А. Проблемы правового регулирования цифровизации государства и правовой системы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 59-62. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_59.*
For citation*: Elazyan A.Sh., Strakhov I.A. Problems of legal regulation of digitalization of the state and the legal system // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 59-62. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_59.*

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

Введение

Цифровизация, пронизывающая все сферы современного общества, закономерно трансформирует государство и правовую систему [1, с. 38]. Этот процесс, с одной стороны, открывает беспрецедентные возможности для повышения эффективности публичного управления, доступности правосудия и качества государственных услуг [2, с. 13]. С другой стороны, он порождает комплекс сложных проблем правового регулирования, которые ставят под вопрос адекватность существующих юридических конструкций [3, с. 58]. Ядро проблемы заключается в фундаментальном разрыве скорости технологических изменений и скорости формирования правовых норм [4, с. 14]. Традиционное право, формировавшееся в аналоговую эпоху, зачастую оказывается не готово к регулированию отношений в цифровой среде, где стираются географические границы, возникают новые субъекты (искусственный интеллект, алгоритмы, большие данные) и формы взаимодействия [5, с. 1189].

Основные вызовы сосредоточены в сферах защиты персональных данных и приватности, обеспечения кибербезопасности, определения юридического статуса цифровых активов и технологий, сохранения суверенитета государства в цифровом пространстве, а также гарантирования прав граждан при использовании автоматизированных систем принятия решений государственными органами [6, с. 30]. Отсутствие своевременного и сбалансированного правового реагирования создает риски «цифрового произвола», дискриминации, нарушения конституционных прав и снижения доверия к институтам власти. Таким образом, актуальность исследования проблем правового регулирования цифровизации государства и правовой системы обусловлена необходимостью разработки концептуальных основ для модернизации законодательства, способного не тормозить инновации, но обеспечивать правовые гарантии в новых условиях.

Методы исследования

Для комплексного анализа обозначенной проблематики применяется совокупность общенаучных и частно-правовых методов. Ведущую роль играет метод системного анализа, позволяющий рассмотреть цифровизацию государства и права как многогранный феномен, взаимодействующий с социальными, экономическими и политическими системами. Историко-правовой метод используется для ретроспективной оценки эволюции правовых институтов и выявления их устойчивых элементов, требующих адаптации. Формально-юридический метод (догматический) необходим для анализа действующего законодательства в сфере информационных технологий, электронного государства, административных процедур и процессуальных кодексов с целью выявления пробелов, коллизий и устаревших конструкций. Сравнительно-правовой метод применяется для изучения зарубежного опыта правового регулирования цифровизации с целью выявления возможных моделей для имплементации или учета.

Результаты

Исследование проблем правового регулирования цифровизации государства и правовой системы проводилось как многоуровневый анализ, нацеленный на выявление системных противоречий и разработку концептуальных основ для их преодоления [7, с. 102]. Первоначальный этап был посвящен инвентаризации и критическому разбору действующего нормативно-правового массива. Были подвергнуты детальному изучению федеральные законы: «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О персональных данных», «О государственной и муниципальной услуге», «Об электронной подписи», «О критической информационной инфраструктуре Российской Федерации», а также соответствующие подзаконные акты и стратегические документы («Цифровая экономика», «Искусственный интеллект»). Анализ показал, что законодательство носит преимущественно рамочный и фрагментарный характер. Нормы зачастую декларативны, отсылают к подзаконным актам, которые либо отсутствуют, либо принимаются с большим запозданием [8, с. 36]. Яркий пример — регулирование искусственного интеллекта, где базовый закон только задает общие направления, в то время как конкретные требования к разработке и внедрению, особенно в государственном секторе, остаются неопределенными [9, с. 13]. Особое внимание было уделено выявлению коллизий. Так, нормативное закрепление принципа «одного окна» и межведомственного электронного взаимодействия в рамках предоставления государственных услуг вступило в очевидное противоречие с жесткими ограничениями на передачу и обработку персональных данных, установленными законом «О персональных данных». Требование письменной формы для ряда значимых сделок и процессуальных документов не имеет однозначного соответствия с возможностями смарт-контрактов и автоматизированного документооборота, что создает правовую неопределенность и риски оспаривания [10, с. 40].

Следующий пласт исследования был посвящен сравнительно-правовому анализу. Изучался опыт Европейского Союза, где был выбран путь жесткого, детализированного регулирования с акцентом на защиту фундаментальных прав, что нашло отражение в Общем регламенте по защите данных (GDPR) и в первом в мире комплексном законе об искусственном интеллекте (AI Act) [11, с. 81]. Этот подход контрастировал с более либеральной и отраслевой моделью США, где регулирование фрагментировано по штатам и сферам, что стимулирует инновации, но создает «лоскутное» правовое поле [12, с. 32]. Отдельно анализировалась эстонская модель цифрового государства, построенная на принципах interoperability (совместимости систем), once-only (сбора информации от гражданина только один раз) и прозрачности логики алгоритмов, используемых в публичном управлении. Данный анализ позволил сделать вывод, что слепое копирование любой модели невозможно ввиду различий правовых культур и государственного устройства, однако ключевые технологические и правовые принципы (например, обеспечение объяснимости алгоритмических решений, затрагивающих права граждан) носят универсальный характер и требуют имплементации [13, с. 40].

Важнейшей частью исследования стал анализ правоприменительной практики и возникающих судебных споров. Рассматривались дела, связанные с оспариванием решений, принятых с использованием автоматизированных систем (например, в сфере traffic enforcement — автоматическая фиксация нарушений ПДД), с доступом к публичной информации в машиночитаемом формате, с блокировкой интернет-ресурсов. Анализ показал рост числа таких дел и явную недостаточность процессуальных инструментов для работы с цифровыми доказательствами. Суды сталкиваются с необходимостью оценки достоверности данных, полученных из информационных систем, без четких законодательных критериев такой оценки. Отсутствие у судей и сторон специальных знаний в области IT приводит либо к формальному принятию таких доказательств, либо, наоборот, к необоснованному отказу в их приобщении, что нарушает принцип состязательности и эффективности правосудия [14, с. 121]. Более того, исследование выявило проблему «цифрового разрыва» внутри самой правовой системы: между формально провозглашенными электронными сервисами (например, подача иска онлайн) и реальной возможностью их полноценного использования всеми участниками процесса, включая самих судей в отдаленных регионах.

Параллельно проводился доктринальный анализ, направленный на поиск новых правовых конструкций. Исследовались предлагаемые в научной литературе концепции: признание данных (data) новым объектом гражданских прав с особым режимом оборота, введение ограниченной правосубъектности для сложных автономных систем искусственного интеллекта по аналогии с юридическими лицами, разработка теории «цифрового административного акта» как результата работы алгоритма. Обсуждение показало глубокий раскол в научном сообществе между

консерваторами, предлагающими максимально вписывать цифровые новшества в существующие категории (например, рассматривая данные как информацию или как услугу), и радикалами, настаивающими на революционном пересмотре классических правовых институтов. Исследование заняло промежуточную позицию, признав, что для одних явлений (электронный документ) адаптация классических конструкций возможна и эффективна, а для других (децентрализованные автономные организации, DAO) — необходима выработка принципиально новых подходов.

В результате синтеза полученных данных было сформулировано центральное противоречие: цифровизация объективно требует от права гибкости, скорости адаптации и технологической нейтральности, тогда как сама природа традиционного права основана на стабильности, прецеденте и четких формализованных процедурах. Это противоречие проявляется на всех уровнях: в неэффективности ускоренных процедур принятия технически сложных законов в парламенте, в невозможности быстрого пересмотра ведомственных инструкций, в консервативности судебного толкования. Исследование пришло к выводу, что преодоление этого разрыва требует не только изменения конкретных норм, но и трансформации правовой культуры и процессов нормотворчества. Инструментами такой трансформации должны стать: широкое внедрение регулятивных песочниц для апробации решений, обязательная оценка регулирующего воздействия (ОРВ) с привлечением технологических экспертов на ранних стадиях разработки законов, развитие государственного заказа на IT-решения с открытым кодом и четкими требованиями к аудиту алгоритмов, а также масштабные программы повышения цифровой компетентности для законодателей, судей и государственных служащих. Без этого даже самые прогрессивные законы рискуют остаться на бумаге, а цифровое государство превратится в систему технически сложных, но неподконтрольных праву «черных ящиков», подрывающих сами основы правового государства.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить и конкретизировать ключевые проблемы правового регулирования в контексте цифровизации государства и правовой системы.

1. Законодательство не содержит четких определений и правовых режимов для таких сущностей, как большие данные (как объект права), алгоритмы и искусственный интеллект (как потенциальные субъекты или инструменты с ограниченной правосубъектностью). Неопределен статус смарт-контрактов в отраслях права, требующих письменной формы. Это создает правовой вакуум в вопросах ответственности за действия, совершенные автономными системами.

2. Жесткие требования законодательства о персональных данных, направленные на защиту приватности, зачастую вступают в противоречие с задачами государственных органов по обеспечению безопасности, правосудия, социального обеспечения, требующими обработки массивов информации. Отсутствие детализированных правовых оснований и процедур для межведомственного информационного взаимодействия тормозит создание «цифрового двойника» государства и повышает административную нагрузку на граждан.

3. Внедрение исключительно цифровых административных процедур (электронные услуги, дистанционное судопроизводство) без обеспечения всеобщего и равного доступа к цифровой инфраструктуре и формирования цифровой грамотности создает риск дискриминации уязвимых групп населения (пожилых, малообеспеченных, жителей удаленных территорий). Это ставит под вопрос реализацию конституционного права на обращение в государственные органы и на справедливое судебное разбирательство.

4. Уголовно-процессуальное, гражданское процессуальное и административное законодательство не в полной мере адаптировано к использованию цифровых доказательств (электронная переписка, данные с метаинформацией, записи с камер наблюдения). Остаются спорными вопросы обеспечения их достоверности, неизменности и допустимости. Процедуры уведомления, извещения в электронной форме требуют более детальной регламентации с гарантиями фактического получения информации.

5. Высокая степень зависимости государственной IT-инфраструктуры от иностранного программного обеспечения и оборудования создает риски утечки критически важной информации, кибератак и внешнего давления. Законодательство в сфере критической информационной инфраструктуры часто носит рамочный характер и нуждается в развитии подзаконных актов, устанавливающих конкретные технические стандарты и протоколы реагирования на инциденты.

6. Традиционная процедура принятия законов слишком медленна для динамичной цифровой среды. Это приводит к ситуации, когда технологии де-факто формируют новые практики и отношения, которые долгое время остаются вне правового поля, либо регулируются устаревшими нормами, сдерживающими развитие.

Обсуждения

Обсуждение выявленных проблем указывает на необходимость парадигмального сдвига в правовом регулировании. Прежде всего, требуется переход от точечного «латания дыр» в законодательстве к разработке целостной цифровой правовой политики, основанной на принципах опережающего регулирования (regulation by design), пропорциональности и управления рисками. Это предполагает активное использование таких инструментов, как регулятивные песочницы (sandbox), которые позволяют тестировать инновации в ограниченном правовом пространстве перед внесением масштабных изменений в законодательство.

Крайне важным представляется развитие доктрины в области цифрового права. Юридическая наука должна предложить новые концепции для легализации цифровых активов, определения характера ответственности за решения, принятые с помощью ИИ (например, через установление обязанностей по надзору и аудиту алгоритмов для операторов), и закрепления цифровых прав как полноценной составляющей правового статуса личности. При этом необходимо найти баланс между регулированием и инновационной свободой, избегая как избыточных запретов, так и правового нигилизма в цифровой сфере.

Опыт развитых юрисдикций показывает перспективность подхода, основанного на принципах: человеко-ориентированности цифровых систем, прозрачности алгоритмов, используемых государством (объяснимость ИИ), и обеспечения интероперабельности (совместимости) госу-

дарственных информационных систем. Внедрение этих принципов на законодательном уровне может стать основой для преодоления выявленных коллизий. Например, детализация оснований обработки данных для целей государственного управления в законе позволит соблюсти баланс приватности и публичного интереса. Кроме того, дискуссионным остается вопрос о необходимости принятия комплексного «цифрового кодекса» либо о предпочтительности отраслевого совершенствования законодательства. Вероятно, оптимальным является смешанный путь: принятие рамочного закона, устанавливающего базовые понятия, принципы и подходы, с последующей конвергенцией отраслевого законодательства.

Ключевым условием успеха является также инвестирование в цифровую компетентность самих правотворцев, государственных служащих и судей, которые должны понимать технологическую сущность регулируемых явлений.

Заключение

Современная правовая система столкнулась с принципиально новыми вызовами, ознаменовавшими очередной этап ее эволюции. Наблюдается формирование правовых структур нового типа, в рамках которых активно складываются оригинальные правовые институты. Этот процесс, с одной стороны, представляет собой реакцию на глобальные угрозы современности, а с другой - обусловлен объективной потребностью в правовом опосредовании отношений, возникающих под влиянием технологического прогресса. Формирующиеся правовые комплексы носят интегративный и транснациональный характер, относясь к новому поколению комплексных отраслей права. Их особенностью является тесное системное взаимодействие с традиционными отраслями - гражданским, уголовным, международным и конституционным правом, что создает многомерную систему правового регулирования.

Указанная специфика объективно детерминирована формированием принципиально нового предмета правового регулирования. Как отмечается в научной литературе, данный предмет отличается структурной неоднородностью и развивается в рамках трех основных групп отраслей нового поколения. Первую группу составляют сложившиеся и общепризнанные комплексные отрасли права, такие как информационное, экологическое, спортивное и медицинское право. Вторую группу образуют интенсивно развивающиеся правовые общности, включающие право мира, право безопасности, атомное и энергетическое право. Третью группу формируют нарождающиеся правовые образования, лишь концептуально обозначающие новые границы и предмет регулирования преимущественно на уровне правовой доктрины - цифровое право, космическое право, футуристическое право, биоэтическое право и медиаправо.

Первое направление – это уже признанные отрасли права, пусть и не все кодифицированные, но уже существующие и стремящиеся к своей формализации. Вторая группа отраслей права – это отрасли нового поколения, находящиеся на стадии формирования и признания учеными и практиками. И третья группа – это группа отраслей права новейшего поколения, порой которым нет и десяти лет, отличается недостаточно разработанными научно-доктринальными основами, в то время как потребность в новых отраслях права возрастает каждый год. Среди третьей группы именно цифровое право наиболее актуально для проблемы формирования «электронного (цифрового) государства».

Отсутствие основных отраслевых кодексов в перечисленных отраслевых направлениях явно свидетельствует о необходимости их разработки и принятия. Таким образом, правовая основа регулирования данных правоотношений в условиях цифровизация явно недостаточная, что требует её совершенствования. Но для этого необходимо понимать суть происходящих процессов в правовой сфере.

Список литературы

1. Арзамасов Ю.Г. От классического к цифровому государству: монография / Ю.Г. Арзамасов. Москва: КНОРУС, 2025. 199 с.
2. Баракина Е.Ю. К вопросу об установлении правового режима цифровых технологий в условиях перехода к экономике данных // Журнал «Теории государства и права». №3-2 (40). 2024. С.13-23.
3. Бачило И.Л. Информационное право – новая отрасль права Российской Федерации (методология, теория, практика) // Государство и право. 2008. №3. С.85-92.
4. Гаджиев Х.И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. №8. С.14-27.
5. Головина А.Ю. Информационное право: отрасль права или отрасль законодательства. // Lex Russica. 2006. Т.66. №6. С.1189-1192.
6. Иншакова Е.Г. Электронное правительство в публичном управлении: монография / Е.Г. Иншакова. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. С.60.
7. Какохо Т.Г. Правовой режим электронного правительства в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1. С. 102–107.
8. Карцхия А.А. Цифровизация в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения. 2018. №1 (26). С.36-40.
9. Синюков В.Н. Понятие и значение цифорового права в современной правовой системе. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. С.13-17.
10. Тедеев А.А. Манифест о государстве и цифровом мире / А. А. Тедеев. Манифест о государстве в цифровом мире. М., 2025. 43 с.
11. Умнова-Конюхова И.А. Конституционная футурология и конституционная футуристика в контексте глобальных перемен // Государство и право. 2021. №5. С.81-93.
12. Ценность права в условиях цифровой реальности : монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. Москва: Проспект, 2023. 312 с.
13. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений: монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, О. А. Иванюк, А. А. Головина; под общей редакцией доктора юридических наук, профессора Д. А. Пашенцева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. - Москва : Инфра-М, 2022. 140 с.
14. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 848 с.

References

1. Arzamasov Yu.G. From the Classical to the Digital State: Monograph / Yu.G. Arzamasov. Moscow: KNORUS, 2025. 199 p.
2. Barakina E.Yu. On the Establishment of the Legal Regime of Digital Technologies in the Context of the Transition to a Data Economy // Journal of Theories of State and Law. No. 3-2 (40). 2024. pp. 13-23.
3. Bachilo I.L. Information Law – a New Branch of Law of the Russian Federation (Methodology, Theory, Practice) // State and Law. 2008. No. 3. pp. 85-92.
4. Gadzhiev Kh.I. Judicial Doctrines and the Effectiveness of Law Enforcement // Journal of Russian Law. 2019. No. 8. pp. 14-27.
5. Golovina A.Yu. Information law: a branch of law or a branch of legislation. // Lex Russica. 2006. Vol. 66. No. 6. Pp. 1189-1192.
6. Inshakova E.G. Electronic government in public administration: monograph / E.G. Inshakova. - Moscow: Yurait Publishing House, 2023. Pp. 60.
7. Kakokho T.G. Legal regime of e-government in the Russian Federation // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1. Pp. 102-107.
8. Kartskhia A.A. Digitalization in law and law enforcement // Monitoring of law enforcement. 2018. No. 1 (26). Pp. 36-40.
9. Sinyukov V.N. Concept and meaning of digital law in the modern legal system. Digital Law: Textbook / ed. by V. Blazheev, M.A. Egorova. M.: Prospect, 2020. pp. 13-17.
10. Tedeev, A.A. Manifesto on the State and the Digital World / A.A. Tedeev. Manifesto on the State in the Digital World. Moscow, 2025. 43 p.
11. Umnova-Konyukhova, I.A. Constitutional Futurology and Constitutional Futuristics in the Context of Global Change // State and Law. 2021. No. 5. pp. 81-93.
12. The Value of Law in the Digital Reality: Monograph / edited by O. Yu. Rybakov. Moscow: Prospect, 2023. 312 p.
13. Digitalization of Law Enforcement: Search for New Solutions: Monograph / D. A. Pashentsev, M. V. Zaloilo, O. A. Ivanyuk, A. A. Golovina; General editorship by Doctor of Law, Professor D. A. Pashentsev; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. - Moscow: Infra-M, 2022. 140 p.
14. Digital Law: Textbook / General editorship by V. Blazheev, M. A. Egorova. Moscow: Prospect, 2020. 848 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_63

УДК 340.69

СУЩНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ
ESSENTIAL FEATURES OF EXPERTISE AS A RESEARCH TECHNOLOGY AND A LEGAL PHENOMENON

ПЕТРАКОВА Анна Сергеевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации.
Россия, г. Краснодар, ул. М. Седина, д. 168/1.
e-mail: petrakova_1984@list.ru

ПЕРФИЛОВ Александр Александрович,
магистрант Краснодарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.
Россия, г. Краснодар, ул. М. Седина, д. 168/1.
e-mail: petrakova_1984@list.ru

КУЛЕШОВА София Андреевна,
магистрант Краснодарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.
Россия, г. Краснодар, ул. М. Седина, д. 168/1
e-mail: petrakova_1984@list.ru

PETRAKOVA Anna S.
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation,
Krasnodar, ul. M. Sedina, 168/1,
e-mail: petrakova_1984@list.ru

PERFILOV Alexander A.,
master's student, Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation.
Krasnodar, ul. M. Sedina, 168/1.
e-mail: petrakova_1984@list.ru

KULESHOVA Sofia A.,
master's student, Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation.
Krasnodar, ul. M. Sedina, 168/1.
e-mail: petrakova_1984@list.ru

Краткая аннотация. *Экспертиза как прикладная исследовательская технология широко используется в юридической науке и практике и считается объективным методом установления истины. Однако в настоящее время нет единого универсального определения этому явлению ни в теории, ни в профессиональной деятельности. Исследование посвящено установлению сущностных характеристик экспертизы как правового явления и метода прикладного анализа. Обращение к трудам различных авторов позволило установить, что экспертиза по сути своей является исследованием, в основе которого лежит анализ данных с целью формирования независимого заключения, могущего служить достаточным основанием для принятия важных решений в науке и практической деятельности. Вместе с тем, автором установлено, что в настоящее время экспертиза может пониматься и как метод научного или прикладного исследования, и как отдельная категория права. Выделены сущностные особенности экспертизы, а также выявлены существенные упущения в науке и законодательстве, ставшие возможным по причине отсутствия единого понимания экспертизы как правового явления.*

Abstract. *Expertise, as an applied research technique, is widely used in legal scholarship and practice and is considered an objective method for establishing truth. However, there is currently no single, universal definition of this phenomenon, either in theory or in professional practice. This study aims to establish the essential characteristics of expertise as a legal phenomenon and a method of applied analysis. A review of the works of various authors revealed that expertise is, at its core, a research process based on data analysis aimed at forming an independent conclusion that can serve as a sufficient basis for making important decisions in both science and practice. Furthermore, the author found that expertise can currently be understood both as a method of scientific or applied research and as a distinct category of law. The essential features of expertise are highlighted, as well as significant gaps in scholarship and legislation, which have arisen due to the lack of a unified understanding of expertise as a legal phenomenon.*

Ключевые слова: *экспертиза, исследование, эксперт, специалист, экспертное заключение, технология, регламент.*
Keywords: *examination, research, expert, specialist, expert opinion, technology, regulations.*

Для цитирования*: Петракова А.С., Перфилов А.А., Кулешова С.А. Сущностные особенности экспертизы как исследовательской технологии и правового явления // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 63-65. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_63.*
For citation*: Petrakova A.S., Perfilov A.A., Kuleshova S.A. Essential features of expertise as a research technology and legal phenomenon // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 63-65. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_63.*

Статья поступила в редакцию: 25.01.2026

Вопросы реализации экспертной деятельности во всех отраслях науки и практики чрезвычайно актуальны. Экспертиза как особый способ приложения знаний, умений и опыта профессиональной деятельности, появляется в конце XIX столетия и поступательно развивается по сей день. Использование экспертной деятельности в любой отрасли знания и социальной практики позволяет минимизировать риски, повысить эффективность принимаемых решений. Однако вместе со специализацией знания и появлением узких специалистов-практиков сама экспертная деятельность в процессе своей реализации сталкивается со множеством трудностей, связанных с выбором критериев определения экспертов, методов и инструментов решения экспертных задач, спорными вопросами отнесения экспертного исследования к научной или практической стороне жизнедеятельности и другими. Кроме того, сегодня экспертиза используется не только в судопроизводстве, но во многих других отраслях профессиональной деятельности, что требует постоянного развития нормативно-правового обеспечения этого вида профессиональной деятельности.

В настоящее время термины «эксперт» и экспертиза стали практически универсальными для различных отраслей науки и практики. При этом подходы к понимаю этих терминов все же разнятся.

Так, Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьев и др., определили экспертизу как один из видов исследования, осуществляемого специалистами и

необходимого для анализа объекта, установления причинно-следственной взаимосвязи между состоянием объекта в прошлом, настоящем и будущем [6, с. 19-20].

Ученый А.В. Горина называет экспертизу определенной социокультурной технологией, применяемой при разработке управленческих решений в различных областях человеческой деятельности [4, с. 23].

В свою очередь Г.Л. Тульчинский называет процесс экспертизы социальной технологией, обладающей рядом признаков, среди которых наиболее значимыми считаются следующие:

- экспертиза – это всегда исследование, не зависимо от рода деятельности;

- экспертиза всегда посвящена исследованию социально значимого содержания;

- экспертиза является заказным исследованием, которое осуществляется по инициативе и в целях, определяемых заказчиком,

- результат экспертизы, оформляемый в виде экспертного заключения, ложиться в основу принятий решения;

- экспертизу осуществляют компетентные независимые специалисты, использующие необходимые специальные методики и профессиональную интуицию в ходе исследования;

- результатом экспертизы всегда является экспертное заключение, которое служит основополагающим фактором принятия решения соответствующими организациями – заказчиками и содержит факты, пояснения, имеющие доказательный характер;

- экспертиза является необходимым условием подтверждения эффективности разрабатываемых проектов, решений, программ, а потому она должна стать обязательным элементом социальной практики [10, с. 39].

Отдельные исследователи отмечают, что экспертиза становится необходимым условием принятия эффективных решений во всех отраслях социальной практики, включая экономику, политику и социальную сферу, в конце XX столетия, когда роль самой науки меняется, а ее цель становится продиктованной, прежде всего, социально-политическим заказам, нежели интересом ученого. В этой связи уместно сказать о таких проблемах, как объективность, независимость самих экспертов и междисциплинарный и межведомственный характер самих экспертиз.

Среди западных исследователей проблемой понимания терминов «эксперт» и «экспертиза» наиболее тщательно занимался Р. Грундманн. По его мнению, термин «эксперт» имеет ряд трактовок. Так, эксперт – это знаток своего дела; специалист, обладающий знаниями и опытом в определенной области науки и практики; это лицо, привлекаемое судом для объективной и независимой оценки [12].

Иными словами, исследователь отмечает, что для признания специалиста экспертом нужны знания в конкретной области и опыт профессиональной деятельности. Только при соблюдении указанных условий специалиста могут привлечь в качестве эксперта в суд для принятия судом объективного и выверенного решения.

Оценивая представленные определения, авторы работы «Эксперты: знание и сила экспертизы» приходят к выводу, что определение, данное в Британской энциклопедии, отсылает к роли специальных знаний при принятии судебных решений и к опыту, необходимому лицу для признания его в качестве эксперта в этом случае. Р. Грундманн также подчеркивает, что эксперты как узкие специалисты в одной из областей деятельности появляются в конце XIX столетия, когда начинается специализация труда и появляется потребность в предоставлении узкоспециализированных услуг, а доходы населения позволяют эти услуги оплачивать. Однако, наряду с положительными моментами в развитии экспертной деятельности как самостоятельного вида, появляются и трудности, связанные с точным определением критериев экспертности. Так, первым возникает вопрос о том, чем эксперт отличается от простого хорошего специалиста. Следующая трудность – кто будет лучшим экспертом: ученый или практик. Далее возникает вопрос о том, какими именно навыками в области исследовательской и практической деятельности должен обладать эксперт, чтобы быть признанным таковым. И самый главный вопрос – это вопрос доверия к личности эксперта, ответ на который должен позволит считать экспертное мнение объективным, беспристрастным и независимым. В идеале, эксперты должны быть и учеными, и практиками одновременно, а их исследовательский опыт должен включать в себя как научные, так и профессиональные задачи, что позволит им лучше и быстрее ориентироваться в ситуации и давать заключения для принятия максимально эффективных решений [13, p.8-10].

Исследовать экспертизу в теоретическом ключе как правовое явление предпринимаются учеными не одно десятилетие. По мнению А.А. Разуваева экспертиза представляет собой исследование с использованием научных, технических и иных видов знаний [7, с. 34]. Подобное понимание экспертизы не позволяет выделить ее отличие от других видов исследований, научных или технических. В то же время лицо, занимающееся экспертизой, является экспертом. Однако на практике сущность деятельности эксперта чаще всего подменяется деятельностью специалиста. А.А. Разуваев указывает, что специалистом является каждый, имеющий специальные знания и опыт в конкретном виде профессиональной деятельности. Однако это не делает его экспертом. Иными словами, специалист может реализовывать опыт профессиональной деятельности, консультировать, пояснять отдельные моменты, но у него нет прав и полномочий проводить специальное исследование для получения нового знания и давать по его результатам экспертное заключение. Отличие эксперта от специалиста также в его независимости и беспристрастности. Иными словами, он не может быть сотрудником той организации, в которой находится объект исследования. [7, с. 35-36]

В свою очередь, И.А. Закиров, определяя правовую экспертизу, указывает на такие ее признаки, как исследовательский характер, проведение по поручению уполномоченных лиц или пот прямому указанию в нормативно-правовых актах, применение в ходе экспертизы специальных знаний, формирование заключения, могущего служить правовым целям и целям совершенствования юридической практики [5, с. 8].

Что касается экспертизы как правового явления, то чаще всего говоря о ней, исследователи имеют ввиду исследование нормативно-правовых актов или их проектов и исследование на соответствие конкретной деятельности нормам права [11, с.79-80; 8, с. 120; 9, с. 5-6; 3, с. 78]. В таком понимании отражается прикладной характер экспертной деятельности как способа применения исследования в юридической практике. В

то же время само явление экспертизы существенно шире, поскольку оно позволяет эффективно решать многие юридические задачи, способствует развитию юриспруденции как науки, раскрывает суть отдельных правовых явлений.

Рассмотренные подходы к пониманию экспертизы показывают, что не смотря на разность взглядов, можно выделить общепризнанные черты данного явления:

- экспертиза – это всегда исследование,

- проводится она только компетентными специалистами в области исследуемой проблематики,

- чаще всего экспертиза носит заказной характер,

- результаты экспертизы используются для принятия обоснованного решения в той или иной области знаний или практической деятельности;

- итогом экспертной работы становится экспертное заключение, могущее быть основанием для принятия решения.

На наш взгляд, самыми значимыми признаками явления экспертизы являются ее исследовательская природа и необходимость наличия специальных знаний и навыков у реализующих ее специалистов. Именно благодаря этим двум качествам экспертиза выступает главным инструментом разработки и принятия эффективного решения. При этом экспертиза как правовой инструмент требует не только желания провести правовое исследование, но и соответствующий правовой регламент, предусматривающий, в первую очередь, правовое основание ее проведения. Именно поэтому порядок и процедуры экспертизы, основания, сроки и ответственные лица определены действующим процессуальным законодательством [2]. Жесткая регламентация процедуры экспертизы позволяет говорить о ней как о необходимом правовом инструменте, повышающем эффективность юридической деятельности в целом.

Несмотря на активное обращение исследователей к теме правовой экспертизы, единого общепринятого в науке определения этого явления сегодня по-прежнему нет. Не выделено и общего подхода к проблеме правовой экспертизы и в науки теории государства и права, поскольку само понятие экспертизы среди категорий указанной науки отсутствует. Подобная ситуация делает спорным применение данного термина в законодательных актах, а также задает вопрос о наличии единого методологического основания у всех видов экспертиз, используемых в юридической деятельности. Исследования вопросов теоретического основания экспертизы, как правило, сводятся к изучению ее конкретных видов, не выделяя экспертизу как отдельную категорию правовой науки. Считаем, что экспертиза является одной из категорий права, поскольку отдельные ее виды и аспекты реализации закреплены в процессуальном российском законодательстве, а сама ее реализация повышает эффективность нормотворческой и иных видов правовой деятельности. Кроме того, экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов в современном мире является необходимым явлением государственно-правовой действительности, позволяющим применять специальные знания в области права для повышения качества норм права и эффективности законодательства, расширять контроль над законотворческими процессами с целью их оптимальной и устойчивой реализации. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает и необходимость внесения в законодательство точного и универсального для понимания термина «правовая экспертиза», а также «экспертиза нормативно-правовых актов» как ее необходимая составляющая. Подобное решение исключит вариативность понимания термина «правовая экспертиза» в законодательстве, приведет к единообразию и унификации, что позволит избежать ошибок как в нормотворческой, так и правоприменительной практике.

Список литературы:

1. О государственной судебно- экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174- ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. Апт Л.Ф. Правовая экспертиза как фактор повышения качества законодательного материала в Российской Федерации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 75-80.
4. Горина А.Н. Философско-антропологическая экспертиза как социокультурная технология: дис. … канд. филос. наук. Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2012. – 137 с.
5. Закиров И.А. Правовая экспертиза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – 27 с.
6. Леонтьев Д.А. Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. М.: Смысл, 2008. – 133 с.
7. Разуваев А.А. Экспертиза как средство повышения эффективности процесса правореализации: вопросы теории и практики: дис. … канд. юр. наук. Саратов: Саратовская гос. акад. права, 2006. – 229 с.
8. Рагозин В.Ю. Правовая экспертиза законопроектов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская акад. гос. службы при Президенте РФ, 1998. – 166 с.
9. Пинчук Л.В. Криминологическая экспертиза законопроектов: дис. … канд. юрид. наук. М.: Московский ун-т МВД РФ, 2011. – 227 с.
10. Тульчинский Г.Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Вестник ЧГАКИ. 2008. № 4. (16). С. 38-52.
11. Чернова Е.С. Институт экспертизы как средство совершенствования юридической техники в правотворчестве ЦИК РФ: теоретический и историко-правовой анализ: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар: КубГАУ, 2011. – 180 с.
12. Grundmann R. The Problem of Expertise in Knowledge Societies // Minerva (2017) 55: Pp. 25-48. P. 26. // [Электронный ресурс] URL: https://rdcu.be/e0C82 (дата обращения: 25.01.2026).
13. Stehr N., Grundmann R. Experts: The Knowledge and Power of Expertise / N. Stehr, R. Grundmann. – London; New York: Routledge, 2014. – 146 p. P. 8-10.

References:

1. On State Forensic Activity in the Russian Federation: Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 23. Article 2291.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2001 No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. Art. 4921.
3. Apt L.F. Legal Expertise as a Factor in Improving the Quality of Legislative Material in the Russian Federation // Legal Technology. 2014. No. 8. Pp. 75-80. P. 78.
4. Gorina A.N. Philosophical and Anthropological Expertise as a Sociocultural Technology: Dis. … Cand. Philosophical Sciences. Omsk: Omsk State Pedagogical University, 2012. – 137 p. P. 23.
5. Zakirov I. A. Legal Expertise: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. – 27 p. P. 8.
6. Leontyev D. A. Ivanchenko G. V. Comprehensive Humanitarian Expertise: Methodology and Means. Moscow: Smysl, 2008. – 133 p.
7. Razuvaev A. A. Expertise as a Means of Improving the Efficiency of the Law Enforcement Process: Theoretical and Practical Issues: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov: Saratov State Academy of Law, 2006. – 229 p. P. 34.
8. Ragozin V. Yu. Legal Expertise of Bills in the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Dissertation. ... Cand. Sci. (Law). Moscow: Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, 1998. – 166 p. P. 120.
9. Pinchuk L. V. Criminological Expertise of Bills: Dis. … Cand. Sci. (Law). Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2011. – 227 p. Pp. 5-6.
10. Tulchinsky G. L. Humanitarian Expertise as a Social Technology // Bulletin of the ChGAKI. 2008. No. 4. (16). Pp. 38-52. P. 39.
11. Chernova E. S. Institute of Expertise as a Means of Improving Legal Technique in Law-Making of the Central Election Commission of the Russian Federation: Theoretical and Historical-Legal Analysis: Dis. … Cand. Sci. (Law). Krasnodar: KubSAU, 2011. – 180 p. P. 79-80.
12. Grundmann R. The Problem of Expertise in Knowledge Societies // Minerva (2017) 55: Pp. 25-48. P. 26. // URL: https://rdcu.be/e0C82 (accessed: 25.01.2026).
13. Stehr N., Grundmann R. Experts: The Knowledge and Power of Expertise / N. Stehr, R. Grundmann. – London; New York: Routledge, 2014. – 146 p. P. 8-10.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_66

УДК 614.8

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБОРОТА СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
LEGAL REGIME FOR THE CIRCULATION OF SPECIAL FUNDS: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

ШЕВЧЕНКО Кирилл Владимирович
старший преподаватель кафедры теории государства и права
Университета государственной противопожарной службы МЧС России
им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149.
e-mail: kirill_55@ mail.ru

SHEVCHENKO Kirill V.
Senior Lecturer at the Department of Theory of State and Law
Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev University
of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia.
149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
e-mail: kirill_55@ mail.ru

Краткая аннотация: *в статье осуществляется теоретико-правовой анализ понятия «правовой режим» применительно к сфере оборота специальных средств в Российской Федерации. Автор раскрывает сущность правового режима, как особой формы правового регулирования, подчеркивая его нормативную упорядоченность, императивный характер и функциональную направленность на обеспечение баланса между публичными интересами и правами личности. На основе доктринальных и нормативных источников обосновывается тезис о том, что правовой режим оборота специальных средств представляет собой сложный, многоуровневый институт публичного права, интегрирующий элементы административного, уголовно-процессуального и конституционного регулирования. Особое внимание уделяется роли данного режима в реализации принципа правового государства и в легитимации государственного принуждения.*

Abstract: *this article provides a theoretical and legal analysis of the concept of «legal regime» as it applies to the circulation of special assets in the Russian Federation. The author explores the essence of the legal regime as a specific form of legal regulation, emphasizing its normative orderliness, imperative nature, and functional focus on ensuring a balance between public interests and individual rights. Based on doctrinal and normative sources, the author substantiates the thesis that the legal regime for the circulation of special assets is a complex, multi-layered public law institution integrating elements of administrative, criminal procedural, and constitutional regulation. Particular attention is paid to the role of this regime in implementing the principle of the rule of law and in legitimizing state coercion.*

Ключевые слова: *правовой режим, специальные средства, правовое регулирование, государственное принуждение, правовое государство.*

Keywords: *legal regime, special means, legal regulation, state coercion, rule of law.*

Для цитирования*: Шевченко К.В. Правовой режим оборота специальных средств: теоретико-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 66-68. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_66.*

For citation*: Shevchenko K.V. Legal regime of turnover of special funds: theoretical and legal analysis // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 66-68. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_66.*

Статья поступила в редакцию: 16.01.2026

Современное правовое государство стремится к минимизации произвольного насилия и строгому подчинению принудительных мер нормативно закреплённым процедурам. В этом контексте особое значение приобретает правовой режим оборота специальных средств — не просто совокупность норм, регулирующих производство и использование технических средств принуждения, но институционально оформленная система правовых ограничений и разрешений, обеспечивающая законность и пропорциональность применения силы. Несмотря на практическую значимость данной сферы, в отечественной юридической науке недостаточно внимания уделяется её теоретико-правовому осмыслению, в частности через призму категории «правовой режим». Восполнение этого пробела и составляет цель настоящей статьи.

В доктрине теории государства и права правовой режим трактуется как особый порядок правового регулирования, устанавливаемый государством в целях достижения социально значимых задач в конкретной сфере общественных отношений. Согласно классификации Т.Н. Радько, правовой режим характеризуется следующими признаками: нормативной определённостью; целевой направленностью; специфическим сочетанием дозволений, обязанностей и запретов; временной или ситуационной обусловленностью (в отдельных случаях).

Сущность правового режима, прежде всего, заключается в том, что он представляет собой особый, установленный государством порядок регулирования общественных отношений. Термин «режим», восходящий к французскому «régime» и латинскому «regimen», изначально понимаемый, как «управление», «регулирование» или «порядок», и именно последнее значение, наиболее точно отражает его правовую природу. Такой порядок проявляется в устойчивом и целенаправленном правовом воздействии на общественные отношения с помощью специально подобранных юридических инструментов, как ограничительного, так и стимулирующего характера, что обеспечивает функционирование правовой системы и создаёт условия для реализации субъектами своих прав и законных интересов[1].

[1] Шеншин, В. М. О новых полномочиях войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере ограничения прав и свобод человека и гражданина при введении режима военного положения / В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 11-13. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_11. – EDN CYKWQX; Волкогон, Т. А. К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной гвардии Российской Федера-

Правовой режим не сводится к простому перечню норм — он представляет собой целостную регулятивную модель, в которой реализуются ключевые принципы права: законность, соразмерность, гуманизм, публичный интерес[1].

В отличие от правового статуса, который характеризует положение субъекта, правовой режим также описывает статус объекта и сферу общественных отношений. Применительно к обороту специальных средств это означает, что законодатель не просто регулирует поведение субъектов, но создаёт особый правовой «климат», в котором производство, приобретение, хранение, выдача и применение таких средств подчиняются повышенным требованиям безопасности и контроля.

Специальные средства — это технические устройства, предназначенные для временного физического воздействия на человека, в целях предупреждения или пресечения его противоправных действий[2]. Их правовая природа двойственна: с одной стороны, они являются инструментами государственного принуждения, с другой — товаром широкого потребления (в части разрешённых гражданам средств). Именно эта двойственность обуславливает необходимость установления особого правового режима, который: исключает свободный рыночный оборот (в отличие от иных товаров); дифференцирует доступ к средствам в зависимости от статуса субъекта; подчиняет их применение строгим процессуальным и этическим критериям.

Такой режим не может быть построен на началах частноправового регулирования, он институционально связан с публичной властью, что подтверждает его принадлежность к сфере публичного права.

Правовой режим оборота специальных средств охватывает совокупность действий, связанных с производством, приобретением, хранением, ношением, применением, транспортировкой, учётом и уничтожением специальных средств, включая наручники, резиновые палки, электрошоковые устройства, аэрозольные устройства с раздражающими веществами и иные средства, представляет собой строго регламентированную систему правового регулирования, установленную федеральным законодательством, в первую очередь конечно, направленную на обеспечение общественной безопасности при обращении с техническими средствами принуждения.

Также значительную часть законодательства, регулирующего данный правовой режим, составляют подзаконные нормативные правовые акты —указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства. Не менее обширны и разнообразны по содержанию акты федеральных органов исполнительной власти: приказы, инструкции, положения, ведомственные уставы, методические письма и иные документы. Их основная задача заключается в обеспечении эффективного функционирования системы государственного управления, особенно в условиях нестандартных или чрезвычайных обстоятельств, затрагивающих различные сферы общественной жизни. Вместе с тем, все указанные акты должны издаваться исключительно на основе и во исполнение законов, исключая любое проявление субъективного усмотрения, произвола, ослабления требований или игнорирования норм действующего законодательства.

Рассматриваемый режим распространяется на определённый круг субъектов — должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, сотрудников частных охранных организаций, а также в ограниченных случаях граждан Российской Федерации[3]. Основу режима составляют преимущественно ограничительные юридические средства: обязательный разрешительный или уведомительный порядок, запреты на отдельные виды специальных средств и их использование вне служебной или иной законной деятельности, требования к условиям хранения, необходимость прохождения специальной подготовки и аттестации, а также строгий внутриведомственный или государственный учёт. Правовой статус участников оборота специальных средств характеризуется сочетанием ограниченных прав и повышенных обязанностей, нарушение которых влечёт дисциплинарную, административную или уголовную ответственность и может повлечь изъятие средств и лишение права на их применение. Целью режима является минимизация рисков, связанных с необоснованным, неправомерным или неосторожным использованием специальных средств, через реализацию охранительной, регулятивной, предупредительной и контролирующей функций государства.

Особое значение правового режима оборота специальных средств заключается в его роли, как гаранта соблюдения принципа правового государства, закреплённого в статье 1 и 2 Конституции Российской Федерации. Режим обеспечивает: легитимность принуждения — сила применяется только в порядке, установленном законом; ограничение произвола — исключается возможность несанкционированного использования средств принуждения; защиту прав личности — даже в условиях применения принуждения гарантируются основные права и свободы[4].

Таким образом, правовой режим оборота и применения специальных средств, выступает не как инструмент расширения репрессивных функций государства, а как институционально оформленный механизм сдерживания и правового контроля над ними. Это приобретает особую актуальность в условиях последовательного расширения полномочий, как правоохранительных, так и иных публично-правовых структур государства.

Ярким примером такой тенденции служит Федеральный закон от 08.08.2024 № 239-ФЗ, вступивший в силу 19 августа 2024 года, который предоставил всем сотрудникам органов принудительного исполнения (а не только отдельным категориям, как ранее) право на применение специальных средств в установленных законом случаях. Аналогичную динамику демонстрирует и Федеральный закон от 02.01.2025 № 4-ФЗ «О

ции своих полномочий в указанных режимах / Т. А. Волкогон, А. Н. Тулаев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21-32. – EDN OTKMXR.

[1] Шевченко К.В. Теоретико-правовые основы института политического конфликта в контексте особого правового режима / В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова, К. В. Шевченко // Закон и право. – 2023. – № 6. – С. 29-33. – DOI 10.56539/20733313_2023_6_29. – EDN BTRIOL.

[2] Шевченко, К. В. Применение сотрудниками ФССП России специальных средств - наручников / К. В. Шевченко // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12(240). – С. 113-115. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_12_113. – EDN WBQWAH.

[3] Шеншин, В. М. О проблемах правового регулирования обеспечения режима контртеррористической операции / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2025. – № 10. – С. 46-49. – DOI 10.18572/1812-3783-2025-10-46-49. – EDN KIRQXK.

[4] Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDN MEPIFS; Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

безопасности людей на водных объектах», вступивший в силу 1 сентября 2025 года, наделяющий сотрудников ГИМС МЧС России полномочиями на применение специальных средств.

Расширение круга субъектов, уполномоченных на применение принуждения, неизбежно повышает риски злоупотребления, произвольного толкования пределов дозволенного и нарушения прав граждан[1]. В этих условиях правовой режим приобретает функцию не только регулятора, но и гаранта: он должен не просто разрешать применение силы, но и строго ограничивать её рамками закона, пропорциональностью, необходимостью и последующей подотчётностью[2]. Только такой подход позволяет сохранить баланс между обеспечением публичного порядка и защитой конституционных прав личности, что является краеугольным камнем правового государства.

Правовой режим оборота специальных средств — это не техническая деталь законодательства, а самостоятельный институт теории права, отражающий глубинные характеристики современного правового государства. Он демонстрирует, как право структурирует и легитимизирует силу, превращая её из потенциального источника хаоса в инструмент упорядочения общественных отношений. При этом режим сохраняет баланс между эффективностью обеспечения безопасности и защитой прав личности, что соответствует ключевым ценностям правовой цивилизации.

Дальнейшее развитие данного института требует: унификации нормативного регулирования; разработки методических рекомендаций для должностных лиц; усиления судебного контроля за применением специальных средств.

Только в этом случае правовой режим будет выполнять не формальную, а подлинно гарантийную функцию в системе правозащитных механизмов Российской Федерации.

Список литературы:

1. Шевченко К.В. Теоретико-правовые основы института политического конфликта в контексте особого правового режима / В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова, К. В. Шевченко // Закон и право. – 2023. – № 6. – С. 29-33. – DOI 10.56539/20733313_2023_6_29. – EDN BTRIOL.
2. Шевченко К.В. Применение сотрудниками ФССП России специальных средств - наручников / К. В. Шевченко // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12(240). – С. 113-115. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_12_113. – EDN WBQWAH.
3. Шеншин, В. М. О новых полномочиях войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере ограничения прав и свобод человека и гражданина при введении режима военного положения / В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 8(224). – С. 11-13. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_11. – EDN CYKWQX.
4. Волкогон, Т. А. К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации своих полномочий в указанных режимах / Т. А. Волкогон, А. Н. Тулаев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21-32. – EDN OTKMXR.
5. Шеншин, В. М. О проблемах правового регулирования обеспечения режима контртеррористической операции / В. М. Шеншин // Российский следователь. – 2025. – № 10. – С. 46-49. – DOI 10.18572/1812-3783-2025-10-46-49. – EDN KIRQXK.
6. Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDN MEPIFS.
7. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
8. Кайнов, В. И. Понятие и классификация мер административного принуждения / В. И. Кайнов, Л. Г. Кривуля, В. М. Шеншин // Закон и право. – 2023. – № 2. – С. 69-72. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_69. – EDN ATGUDD.
9. Шеншин, В. М. Подзаконное регулирование мер государственного принуждения, применяемых должностными лицами Росгвардии в рамках административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 5. – С. 155-160. – DOI 10.52452/19931778_2021_5_155. – EDN VVDMND.
10. Шеншин, В. М. Особенности реализации функции государственного принуждения в виде задержания при осуществлении Росгвардией административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 2(271). – С. 77-84. – EDN KHQMRT.
11. Назарова, И. С. Вопросы нормативно-правового регулирования применения сотрудниками правоохранительных органов мер государственного принуждения / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 31-34. – EDN ZVUYKE.

References:

1. Shevchenko K.V. Theoretical and legal foundations of the institute of political conflict in the context of a special legal regime / V. A. Yekushova, E. S. Kuznetsova, K. V. Shevchenko // Law and Law. – 2023. – No. 6. – pp. 29-33. – DOI 10.56539/20733313_2023_6_29. – EDN BTRIOL.
2. Shevchenko K.V. The use of special handcuffing devices by employees of the FSSP of Russia / K. V. Shevchenko // Law and the State: theory and practice. – 2024. – № 12(240). – Pp. 113-115. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_12_113. – EDN WBQWAH.
3. Shenshin, V. M. On the new powers of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the field of restrictions on human and civil rights and freedoms during the introduction of martial law / V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2023. – № 8(224). – Pp. 11-13. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_8_11. – EDN CYKWQX.
4. Volkogon, T. A. On the issue of the legal regimes "martial law" and "counter-terrorism operation" and the exercise by the troops of the National Guard of the Russian Federation of their powers in these regimes / T. A. Volkogon, A. N. Tulaev, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 9(314). – Pp. 21-32. – EDN OTKMXR.
5. Shenshin, V. M. On the problems of legal regulation of ensuring the regime of counter-terrorism operations / V. M. Shenshin // Russian investigator. - 2025. – No. 10. – pp. 46-49. – DOI 10.18572/1812-3783-2025-10-46-49. – EDN KIRQXK.
6. Shenshin, V. M. Restriction of human and civil rights and freedoms in an emergency situation and state of emergency / V. M. Shenshin, V. A. Yekushova, E. S. Kuznetsova // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 2(319). – Pp. 17-20. – EDN MEPIFS.
7. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
8. Kainov, V. I. The concept and classification of administrative coercion measures / V. I. Kainov, L. G. Krivulya, V. M. Shenshin // Law and Law. – 2023. – No. 2. – pp. 69-72. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_69. – EDN ATGUDD.
9. Shenshin, V. M. Subordinate regulation of state coercion measures applied by Rosgvardiya officials in the framework of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. - 2021. - No. 5. – pp. 155-160. – DOI 10.52452/19931778_2021_5_155. – EDN VVDMND.
10. Shenshin, V. M. Features of the implementation of the function of state coercion in the form of detention during the implementation of administrative and jurisdictional activities by the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2020. – № 2(271). – Pp. 77-84. – EDN KHQMRT.
11. Nazarova, I. S. Issues of regulatory regulation of the use of state coercion measures by law enforcement officers / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin // Academic Bulletin of the National Guard Troops of the Russian Federation. – 2018. – No. 2. – PP. 31-34. – EDN ZVUYKE.

[1] Кайнов, В. И. Понятие и классификация мер административного принуждения / В. И. Кайнов, Л. Г. Кривуля, В. М. Шеншин // Закон и право. – 2023. – № 2. – С. 69-72. – DOI 10.56539/20733313_2023_2_69. – EDN ATGUDD; Шеншин, В. М. Подзаконное регулирование мер государственного принуждения, применяемых должностными лицами Росгвардии в рамках административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 5. – С. 155-160. – DOI 10.52452/19931778_2021_5_155. – EDN VVDMND; Шеншин, В. М. Особенности реализации функции государственного принуждения в виде задержания при осуществлении Росгвардией административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 2(271). – С. 77-84. – EDN KHQMRT.

[2] Назарова, И. С. Вопросы нормативно-правового регулирования применения сотрудниками правоохранительных органов мер государственного принуждения / И. С. Назарова, В. М. Шеншин // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 31-34. – EDN ZVUYKE.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_69

УДК 340

ЯЗЫЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНИХ СЛАВЯН И ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТИВОПОЖАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДРЕВНЕЙ РУСИ
THE PAGAN BELIEFS OF THE ANCIENT SLAVS AND THE FORMATION OF FIREFIGHTING LEGISLATION IN ANCIENT RUS

ЕРМОЛОВИЧ Геннадий Павлович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации,
старший научный сотрудник отдела планирования организации и координации научных исследований
центра организации научно-исследовательской и редакционной деятельности,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»,
Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский проспект 149,
E-mail: ermspb@list.ru

YERMOLOVICH Gennady Pavlovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Senior Researcher at the Department of Planning,
Organization and Coordination of Scientific Research at the Center for the Organization of Research and Editorial Activities,
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
149 Moskovsky Prospekt, 196105, Saint Petersburg, Russia
E-mail: ermspb@list.ru

МАЮРОВ Николай Петрович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»,
Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский проспект 149,
E-mail: mayurov2010@mail.ru

MAYUROV Nikolay Petrovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
149 Moskovsky Prospekt, 196105, Saint Petersburg, Russia,
E-mail: mayurov2010@mail.ru

ЮДИН Игорь Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»,
Россия, 196105, Санкт-Петербург, Московский проспект, 149;
адвокат (Адвокатская палата Санкт-Петербурга),
партнер Адвокатского бюро Санкт-Петербурга «Кулеба и партнеры»,
Россия, 197022, Санкт-Петербург, Аптекарский пр., д. 6, корп. А7,
e-mail: ivyu078@mail.ru

YUDIN Igor Vasilyevich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
149, Moskovskiy Ave., St. Petersburg 196105, Russian Federation;
lawyer (St. Petersburg Law Chamber), partner of St. Petersburg Law Firm Kuleba and Partners,
6, building A7, Aptekarsky ave., St. Petersburg, 197022, Russian Federation;
e-mail: ivyu078@mail.ru

Краткая аннотация. *На протяжении всей истории Руси одной из главных опасностей, угрожающих жизни, здоровью и имуществу наших предков, были пожары. При этом, длительное время в законодательных актах не предусматривалось никаких профилактических противопожарных мер, за исключением регламентирования ответственности за поджоги. Такая ситуация может объясняться сильным влиянием языческих традиций, которые сохранялись даже после принятия в 988 году христианства и отображали, по сути, первобытные представления о профилактике пожаров. Эти языческие верования существенно замедляли процесс формирования противопожарного законодательства. Именно поэтому зарождение основ противопожарной безопасности, проявившееся в «белокаменном» строительстве, датируется XIV веком, а первые указы, не только предусматривающие ответственность за поджог, но и регламентирующие основные правила противопожарной профилактики, появились только в XV веке.*

Abstract. *Throughout the history of Russia, fires were one of the main dangers that threatened the lives, health, and property of our ancestors. However, for a long time, there were no preventive measures in the legal acts, except for the regulation of liability for arson. This situation can be explained by the strong influence of pagan traditions, which persisted even after the adoption of Christianity in 988 and reflected primitive ideas about fire prevention. These pagan beliefs significantly slowed down the development of fire prevention legislation. This is why the foundations of fire safety, which were first established in the 14th century in the construction of white stone buildings, were not codified until the 15th century, when the first decrees were issued not only to punish arson, but also to establish basic fire prevention measures.*

Ключевые слова: *противопожарное законодательство, Древние славяне, языческие верования.*
Keywords: *Firefighting Legislation, Ancient Slavs, Pagan Beliefs.*

Для цитирования*: Ермолович Г.П., Маюров Н.П., Юдин И.В. Языческие верования древних славян и формирование противопожарного законодательства Древней Руси // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 69-72. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_69.*

For citation*: Ermolovich G.P., Mayurov N.P., Yudin I.V. Pagan beliefs of the ancient Slavs and the formation of fire protection legislation in Ancient Russia // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 69-72. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_69.*

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Проблема пожаров существует с незапамятных времен. Задолго до того, как наши далекие предки научились пользоваться огнем, они уже страдали от масштабных возгораний, вызванных силами природы, в первую очередь, ударами молний. Научившись разводить костер для обогрева и приготовления пищи, человек столкнулся с новой бедой — появился рукотворный источник пожара, максимально приближенный к месту первобытной стоянки. Теперь при неосторожном обращении с огнем пожар возникал непосредственно около жилища и не только уничтожал нехитрые пожитки, но и угрожал жизни и здоровью человека.

Примитивные древние жилища славян, как правило, представлявшие собой полуземлянки, состоящие из деревянного каркаса и крытые соломой, с точки зрения современных противопожарных правил, были невероятно опасным объектом. Дерево, даже обмазанное глиной, в сочетании с очагом открытого огня внутри этого строения и дымоходом в виде отверстия в соломенной крыше, по сути, было факелом, готовым вспыхнуть от малейшей искры. Неудивительно, что пожары были частым явлением и причиняли значительный вред.

Проблема эта сохранилась и в более поздние периоды. Деревянное зодчество, появление крупных поселений и первых городов, отсутствие действенных мер противопожарной профилактики очевидно обрекали людей на страдания от пожаров. Как отмечает Л.А. Фролова, «Древняя деревянная Россия горела много и часто. Жадные языки пламени не щадили ни простой избы, ни изумительного резного храма. Старинные хроники пестрят описаниями бесчисленных пожаров и бедствий, принесенных огнем.»[1]

Несмотря на актуальность борьбы с пожарами, в первых законах Руси отсутствуют нормы об обязательности противопожарных мероприятий, предусмотрена только ответственность за поджог. В частности, знаменитая Русская Правда достаточно подробно для своего времени излагает нормы права, касающиеся наказания за различные преступления — от убийства до оскорбления действием; рассматривает различные аспекты имущественных правоотношений — от долговых обязательств до хранения имущества; регламентирует отдельные судебные процедуры. При этом пожар упоминается только в статье 54 Пространной редакции как обстоятельство, смягчающее ответственность купца, утратившего чужой товар или деньги, и в статье 32 Краткой редакции, статье 83 Пространной редакции и статье 27 Сокращенной редакции, предусматривающих ответственность за поджог.[2, С. 79, 117, 199] Справедливости ради следует уточнить, что, как абсолютно правильно отмечает А.А. Смирнова, отсутствие в Русской Правде большого количества норм, связанных с поджогами и пожарами, объясняется тем, что в более раннем законе — Законе судном людям, «… были описаны основные составы правонарушений в сфере борьбы с огнем: умышленный поджог храма и уничтожение чужого недвижимого имущества.»[3, С. 21] Соответственно, «Законодателю не было необходимости дублировать уже существовавшую и действующую норму права в указанной сфере.»[3, С. 21] Однако, упомянутый Закон судный людям, с одной стороны, содержит лишь статьи, связанные с умышленным или неумышленным поджогом, что некорректно истолковывать как некие профилактические противопожарные нормы права, а, с другой стороны, общее количество даже таких статей выглядит незначительным на фоне общего объема этого законодательного источника, включающего в себя 32 статьи. При этом, в Законе судном людям нашлось место нормам, определяющим правила поведения в различных бытовых ситуациях. В частности, «Регламентировалось использование чужого коня по договорённости. Трактовались вопросы справедливого раздела военной добычи, выкупа пленных из рабства, предписывалось отдавать в церковь на покаяние тех, кто отступил от христианства в плену у неверных...».[4]

Намеки на некие зачатки противопожарных правил присутствуют только в Рукописании князя Всеволода, запрещавшем в целях предотвращения пожаров хранить в церквях товары и ценные вещи купцов и прихожан. [5, С. 264] Такое хранение было весьма распространенной практикой в Великом Новгороде. Многие храмы там расположены вокруг вечевой площади, их подвалы и подсобные помещения часто использовались как хранилища. Однако, такое хранение не было безопасным. Как свидетельствует летопись, такое хранение привело к пожару 1299 года, когда в Великом Новгороде сгорели сразу 12 церквей. [6, С. 90, 329] Противопожарные нормы упомянутого Рукописания князя Всеволода можно рассматривать как своеобразную реакцию на этот пожар, а потому не следует переоценивать с позиции обеспечения пожарной безопасности.

Таким образом, несмотря на многочисленные беды и трагедии, связанные с пожарами, реальной законодательной регламентации профилактики пожаров в рассматриваемый период не было. Такого же мнения придерживается и А.А. Смирнова, утверждающая, что в Древней Руси «… не было разработано подробных правил пожарной безопасности и правил пожаротушения.» [3, С. 37]

Как же объяснить такое законодательное «невнимание» к одной из самых актуальных проблем?

Возможно, ответ следует искать в языческих традициях древних славян. Общеизвестно, что до принятия в 988 году христианства наши далекие предки были язычниками. Совершенно очевидно, что и после крещения Руси не удалось полностью искоренить языческие верования, особенно, в первые столетия после обретения православия. Можно согласиться с мнением М.Ю. Борисенко о том, что язычество «вплоть до середины XIII века, несмотря на усилия правящей элиты, продолжало исповедоваться значительной частью населения Руси. После полного вытеснения христианством языческие традиции и верования продолжали оказывать значительное влияние на русскую культуру, традиции и жизненный уклад, что сохраняется по сей день.»[7] Попутно заметим, что и представители правящей элиты княжеской Руси были продуктом своей эпохи, а потому вполне успешно сочетали в своем мировоззрении христианство и язычество.

Древние верования славян-язычников, поклонявшихся, в том числе, Богу огня Сварогу и называвших огонь Сварожичем, сводились к тому, что пожар — это наказание, посланное богами. Поэтому, с одной стороны, нужно смиренно принимать это наказание, а, с другой стороны, если уж бороться с огнем, то при помощи специальных обрядов или ритуалов. Такая борьба предполагала правильное дифференцирование источника пожара. Огненная стихия разделялась на огонь земной и огонь небесный. Земной огонь своим источником имел костер или домашний очаг, поэтому его можно было тушить и обычными подручными средствами. Огонь небесный — явление сакральное, карающее за грехи, соответственно и борьба с ним, по убеждению древних славян, возможна была средствами магическими.

В результате языческая профилактика пожаров сводилась к совершению определенных обрядов и чтению заклинаний, в том числе, на языческий праздник воды — Водокрес («Оживление воды»), хозяева дома обходили свое жилище, с чащей, которая была наполнена водой, и во время произнесения заклинания брызгали эту воду на дом; использованию оберегов, которые должны были уберечь от огня, в частности, «… обязательно иметь, дабы защитить жилище, материально осязаемую «перунову стрелу», посланную на землю небесным громовержцем. В качестве таких амулетов, как правило, выступали немые свидетели ушедших эпох – первобытные каменные топоры и окаменелые белемниты, истинное происхождение которых скрывалось за многовековыми предрассудками.»[8]

Само тушение огня, особенно «огня небесного», тоже носило больше магический, нежели технический характер. Например, «… в одних регионах для обуздания пожара в него бросали обруч от бочки, в других – куриные яйца, в-третьих лили молоко недавно отелившейся коровы. Даже известная всем поговорка «толочь воду в ступе», как оказалось, имеет «пожарные» корни, поскольку местами все тушение пожара сводилось именно к этому действию.»[8]

Принятие христианства не исключило языческих представлений о причинах пожаров и способах борьбы с пожарами. К уже упомянутым мерам профилактики возгораний и приемам борьбы с огнем добавились такие действия, как: крестный ход, чтение молитв, посещение церкви. Теперь во время грозы нужно было перекрестить сосуды с водой, зажечь пасхальную свечу или бросить кусочек ладана на угли в печи, перевернуть имеющуюся в доме посуду.

О степени распространения подобных «противопожарных мер» и уровне проблемы можно судить по нормам более позднего законодательства. В частности, в середине XIX века был издан Наказ волостным и сельским начальствам и всем государственным крестьянам о предупреждении и прекращении пожаров в селениях, в статье 37 которого содержалось требование к сельскому начальству бороться с распространенной крестьянской традицией тушения пожара молоком.[9]

Рассматривая влияние языческих традиций на формирование законодательства, следует сделать оговорку о широком влиянии обычного права на законотворческую деятельность, которое имеет и в современном мире. [10, С. 62–68]

Возвращаясь к теме, отметим, что жизнь настойчиво опровергала действенность старых языческих приемов для борьбы с огнем. Пожар следовал за пожаром. Одним из наиболее масштабных и известных огненных бедствий стал «Всехсвятский» пожар 1365 года в Москве, который привел к уничтожению Кремля, близлежащего посада и расположенного рядом Заречья. Эта трагедия заложила начало новой строительной традиции. Окончательно сформировалось понимание, что более безопасным является каменное строение, поэтому весной 1367 года Великим князем Московским Дмитрием Донским было начато строительство «белокаменного» Кремля. Образно говоря, это и стало «первым камнем» в фундаменте зарождающейся системы пожарной безопасности.

В дальнейшем появились и нормативные акты, регламентирующие противопожарную профилактику и борьбу с пожарами. Одним из первых правителей, уделивших внимание законодательному регулированию этой сферы, стал Великий князь Василий II, который в 1434 году своими «… указами не только повелевал осторожно обращаться с огнем, но и определил условия пользования огнем в наиболее огнеопасных ремеслах и быту.»[11]

После того, как влияние древних традиций удалось, во всяком случае, в значительной мере, преодолеть, наступил период полноценного формирования законодательства в сфере борьбы с пожарами и после десятилетий наработки соответствующих законодательных норм, «… система законов, регламентирующих вопросы пожарной безопасности в законодательстве Российской империи в дореволюционный период, была в достаточной мере отрегулирована.»[12, С. 13] Существование надлежащей нормативной базы естественным образом позволило сформировать и соответствующие структуры для борьбы с огнем.[13, С. 24 – 33; 14, С. 18-27; 15-17]

Таким образом, несмотря на безусловную актуальность не только борьбы с пожарами, но и профилактики пожаров, на Руси длительное время (вплоть до XV века) отсутствовали законодательные нормы, регламентирующие эту сферу. Вероятным объяснением такого законодательного пробела может служить значительное распространение языческих предрассудков, не истребленных даже после принятия христианства, которые ощутимо тормозили развитие противопожарного законодательства.

Список литературы:

1. Фролова Л.А. Пожары Древнего Пскова. РусАрх. 2012. URL: http://www.rusarch.ru/frolova_l1.htm (дата обращения: 25.02.2026)
2. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X — XII вв./ под ред. С.В. Юшкова; сост. А.А. Зимин. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952.
3. Смирнова А.А. История развития противопожарного законодательства дореволюционной России: монография. СПб.: С.-Петерб. Ун-т ГПС МЧС России, 2024. 208 с.
4. Скиженок А.В. Закон Судный людем. Энциклопедия. Всемирная история. URL:https://w.histrf.ru/articles/zakon-sudnyy-lyudem (дата обращения: 20.02.2026)
5. Рукописание князя Всеволода // Российское законодательство X - XX веков. В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984.
6. Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М. - Л., 1952.
7. Борисенко М.Ю. Язычество Древней Руси. Энциклопедия. Всемирная история. URL: https://w.histrf.ru/articles/yazy-chestvo-dre-vney-rusi (дата обращения: 25.02.2026).
8. Огонь в мифологии и верованиях древних славян. История пожарного дела. Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь. URL: https://mchs.gov.by/ministerstvo/napravleniya-deyatelnosti/istoriya-pozharnogo-dela/arkhivarius/u-istokov-pozharnoy-sluzhby/ (дата обращения: 20.02.2026).
9. Наказ волостным и сельским начальствам и всем государственным крестьянам о предупреждении и прекращении пожаров в селениях. — 2-е изд., доп. — Санкт-Петербург: тип. М-ва гос. имуществ, 1854. 16 с.
10. Зокиров Т.З. Правовой обычай как первоначальный источник принципа федерализма в административной ответственности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 1 (66). С. 62–68.
11. Поговорим о первых сводах законов и организационных мерах предупреждения и тушения пожаров на Руси. ГУ МЧС России по Краснодарскому краю. URL: https://23.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4643462 (Дата обращения: 20.02.2026).
12. Бушуева Д.Н. Вопросы пожарной безопасности в законодательстве Российской империи в начале XX в. (1900–1917 гг.) // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 2 (67). С. 7 — 13.

13. Смирнова А.А., Немченко С.Б., Корчагина Е.Н. От «чинов при пожарных инструментах» до начальника противопожарной охраны района: историко-правовой очерк начала становления регулярных пожарных команд на Русском Севере // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 1 (62). С. 24–33.
14. Малько А.В., Немченко С.Б., Смирнова А.А. Обзор законодательства Российской империи XVIII - 1-й пол. XIX в. в сфере борьбы со стихийными бедствиями // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3 (94).
15. История политических и правовых учений: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «юриспруденция» / Р. Б. Гандолоев, И. А. Гончаров, М. О. Долгий [и др.]; под редакцией Р. С. Мулукаева; : В. П. Малахова, Н. В. Михайловой, А. И. Клименко. – История политических и правовых учений. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. – 392 с.
16. Министерство внутренних дел Российской империи в условиях либеральных и консервативных реформ в 1802-1917 гг : (монография) / Рычков Ю. А., Маюров Н. П., Маюров П. Н. [и др.]. - Санкт-Петербург: Лема, 2022. - 239 с.
17. Маюров Н.П., Портнов А.Н. Боевые уставы пожарной охраны 1950 и 1953 годов: сравнительно-правовой анализ нормативного регулирования пожарной безопасности в СССР // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 12. С. 185-188.

References:

1. Frolova L.A. Fires of Ancient Pskov. Rusarch. 2012. URL: http://www.rusarch.ru/frolova_l1.htm (date of request: 02/25/2026)
2. Monuments of Russian law. Issue 1: Monuments of the law of the Kievan state. X — XII centuries/ edited by S.V. Yushkov; comp. A.A. Zimin. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1952.
3. Smirnova A.A. History of the development of fire protection legislation in pre-revolutionary Russia: monograph. St. Petersburg: St. Petersburg. Uni-t GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2024. 208 p.
4. Skizhenok A.V. The Doomsday Law. Encyclopedia. World history. URL:https://w.histrf.ru/articles/zakon-sudnyy-lyudem (date of request: 20.03.2026)
5. The manuscript of Prince Vsevolod // Russian legislation of the X - XX centuries. In 9 vols. Vol. 1: The Legislation of Ancient Russia / Edited by O.I. Chistyakov. Moscow: Jurid. lit., 1984.
6. The Novgorod First Chronicle of the elder and Younger izvod. Moscow - L., 1952.
7. Borisenko M.Y. Paganism of Ancient Russia. Encyclopedia. World history. URL: https://w.histrf.ru/articles/yazy-chestvo-dre-vney-rusi (date of appeal: 03/25/2026).
8. Fire in the mythology and beliefs of the ancient Slavs. The history of firefighting. The Ministry of Emergency Situations of the Republic of Belarus. URL: https://mchs.gov.by/ministerstvo/napravleniya-deyatelnosti/istoriya-pozharnogo-dela/arkhivarius/u-istokov-pozharnoy-sluzhby / (date of appeal: 20.02.2026).
9. Instructions to the volost and rural authorities and all state peasants on the prevention and cessation of fires in villages. — 2nd ed., supplement. — St. Petersburg: type. Moscow State Museum of Property, 1854. 16 p.
10. Zokirov T.Z. Legal custom as the original source of the principle of federalism in administrative responsibility // Right. Safety. Emergency situations. 2025. No. 1 (66). pp. 62-68.
11. Let's talk about the first codes of laws and organizational measures to prevent and extinguish fires in Russia. The Ministry of Emergency Situations of Russia in the Krasnodar Territory. URL: https://23.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4643462 (Date of access: 20.02.2026).
12. Bushueva D.N. Issues of fire safety in the legislation of the Russian Empire in the early 20th century (1900-1917) // Law. Safety. Emergency situations. 2025. No. 2 (67). pp. 7-13.
13. Smirnova A.A., Nemchenko S.B., Korchagina E.N. From "ranks with fire tools" to the chief of fire protection of the district: a historical and legal sketch of the beginning of the formation of regular fire brigades in the Russian North // Law. Safety. Emergency situations. 2024. No. 1 (62). pp. 24-33.
14. Malko A.V., Nemchenko S.B., Smirnova A.A. Review of the legislation of the Russian Empire of the XVIII -1st half. XIX century in the field of natural disaster management // Proceedings of the Altai State University. 2017. № 3 (94).
15. The History of political and legal doctrines: a textbook for university students studying in the field of jurisprudence / R. B. Gandoloev, I. A. Goncharov, M. O. Dolgiy [et al.]; edited by R. S. Mulukaev; : V. P. Malakhov, N. V. Mikhailova, A. I. Klimenko. – History of political and legal doctrines. Moscow: UNITY-DANA, 2022. 392 p.
16. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the context of liberal and conservative reforms in 1802-1917 : (monograph) / Rychkov Yu. A., Mayurov N. P., Mayurov P. N. [et al.]. - St. Petersburg: Lema, 2022. - 239 p.
17. Mayurov N.P., Portnov A.N. Combat fire protection regulations of 1950 and 1953: comparative legal analysis of fire safety regulations in the USSR // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2024. No. 12. pp. 185-188.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_73

УДК 34

ФОРМЫ И СФЕРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КОРРУПЦИИ
FORMS AND AREAS OF MANIFESTATION OF TRANSNATIONAL CORRUPTION

ПРОЦЕНКО Евгений Дмитриевич,
профессор кафедры государственного права РГПУ им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор;
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48.
E-mail: arrow54@yandex.ru

БАЙКЕЕВА Светлана Евгеньевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент;
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: baykeeva_sveta@mail.ru

PROTSENKO Evgeniy Dmitrievich,
professor of the department of public law of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen,
Doctor of Law, Professor;
48 Moika River Embankment, Saint Petersburg, Russia, 191186.
E-mail: arrow54@yandex.ru

BAYKEEVA Svetlana Evgenievna,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: baykeeva_sveta@mail.ru

Краткая аннотация: *В настоящей статье рассматриваются вопросы определения форм и сфер проявления транснациональной коррупции. Авторы анализируют труды исследователей, изучавших феномен коррупции и определяющих ее формы и сферы проявления и приходят к выводу, о том, что в настоящее время транснациональная коррупция стала серьезной проблемой множества государств. Она представляет собой сложное опасное явление, предстает в большом разнообразии форм, проявляется во множестве сфер проявления, создает реальную угрозу национальной безопасности любого государства, становится причиной низкого доверия граждан к государственным органам и должностным лицам*

Abstract: *This article discusses the issues of defining the forms and areas of manifestation of transnational corruption. The authors analyze the works of researchers who have studied the phenomenon of corruption and identified its forms and areas of manifestation, and conclude that transnational corruption has become a serious problem for many countries. It is a complex and dangerous phenomenon that manifests itself in a wide variety of forms and areas, poses a real threat to the national security of any country, and causes low public trust in government agencies and officials.*

Ключевые слова: *Коррупция, взятка, клиентелизм, вымогательство, подкуп, откат коррупциолизация, антикоррупционный комплаенс.*

Keywords: *Corruption, bribe, clientelism, extortion, bribery, kickback, corruption, anti-corruption compliance.*

Для цитирования*: Проценко Е.Д., Байкеева С.Е. Формы и сферы проявления транснациональной коррупции // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 73-76. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_73.*

For citation*: Protsenko E.D., Baykeeva S.E. Forms and spheres of transnational corruption // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 73-76. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_73.*

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026

Выработка современных подходов к противодействию транснациональной коррупции невозможна без определения ее основных форм проявления. На наш взгляд, к ним можно отнести следующие:

1. Взятка. Толковый словарь В. И. Даля содержит определения понятия взятка, которое звучит как «срыв, поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы ... плата или подарок должностному лицу ... » [2, с. 197]. Так же взятка определяется, как «...просьба, предложение, дача и получение, прямо или опосредованно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или перспектив таковых, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведения, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или перспектив таковых» [8, с. 317].

2. «Откат» – подкуп, представляющий собой незаконную тайную выплату, сделанную в ответ на предоставленную услугу. Сущность «отката», определяется тем, что «ответственное лицо заказчика, влияющее на выбор подрядчика или поставщика, получает от последнего определённый процент от суммы заказа в качестве «благодарности» за выбор» [18, с. 254]. Важно различать понятия «отката» и взятки, так как при взятке взяткодатель преследует цель решить тот или иной вопрос, а при «откате» лицо, его дающее, заинтересовано в скорейшем и успешном осуществлении договора. «Откат» наносит вред, прежде всего, нормальному порядку управления в организации, нарушает правохозяйствующих субъектов на честную конкуренцию[13, с. 201].

3. Вымогательство - это действие, направленное на побуждение передачи лицу незаконного вознаграждения в виде денег, ценных бумаг или иного имущества под угрозой совершения действий, которые могут причинить ущерб законным интересам гражданина, либо ставит последнего в такие условия, при которых он вынужден дать взятку в целях предотвращения наступления вредных последствий для его законных интересов.

4. Клиентелизм, который представляет собой систему обмена ресурсами и услугами, основанную на эксплуатационных отношениях между начальником и подчиненным.

5. Разновидностью клиентелизма является фаворитизм. Фаворитизм - оказание услуг, предоставление подконтрольных ресурсов, выгодных должностей родственникам, друзьям, знакомым в соответствии с их принадлежностью к определенному сообществу[17, с. 43]. Так же, выделяются несколько разновидностей фаворитизма, такие как непотизм (система власти, построенная с опорой на родственные связи) [3, с. 48], трайбализм (предоставление привилегий выходцам из одной этнической группы (при подборе и расстановке кадров в государственном аппарате) и, соответственно, дискриминации остальных.) [15, с. 206], протекционизм (совокупность действий должностного лица по покровительству кому-либо с целью получения корыстной выгоды) [6, с. 202] и лоббизм.

Конечно, в одной статье невозможно рассмотреть все формы проявления транснациональной коррупции, поскольку они многочисленны, и их количество постоянно растет, как и число сфер ее проявления. На наш взгляд, можно выделить следующие основные сферы ее проявления.

1. Сфера бизнеса. Коррупционная преступность транснациональных корпораций, как полагают В. В. Бабурин, Л. Р. Клебанов и О. А. Кузнецова является одним из наиболее опасных видов преступных деяний [14, с. 334]. Эта сфера проявления транснациональной коррупции имеет повышенную общественную опасность ввиду колоссальных денежных оборотов корпораций, которые обеспечивают возможность подкупа высокопоставленных должностных лиц, политиков и представителей международных организаций. Коррупция в этой сфере обладает трансграничным политическим влиянием и оказывает влияние на целый ряд общественных отношений, в том числе на экономическое и политическое благополучие населения. Рассматривая причины транснационализации коррупции, Д. Г. Заброда так же усматривает появление коррупции в сфере деятельности транснациональных корпораций: «одной из сфер, которая продолжает активно коррумпироваться являются международные коммерческие отношения, основным участником которых выступают транснациональные корпорации» [4, с. 303]. Благодаря своему характеру деятельности коррумпированные транснациональные корпорации создают благоприятные условия для хищений должностными лицами вверенных им государственных ресурсов, препятствуют справедливому их распределению, обеспечивают монополизацию рынка.

2. Строительная сфера. Не секрет, что реализация инвестиционных строительных проектов является масштабным энергоемким и весьма дорогостоящим процессом. Строительство таких объектов, как, к примеру, электростанции, мосты, плотины выполняется целым рядом корпораций из разных стран. Так, к примеру, при строительстве космодрома «Восточный», который возводится уже 12 лет, Следственным комитетом выявлено большое количество коррупционных преступлений. По данным агентства РИА Новости, уже к концу 2019 г. «Следственный комитет направил в суд 42 уголовных дела о растратах, мошенничествах и злоупотреблениях при строительстве космодрома Восточный. В отношении 58 лиц вынесены приговоры, по которым осужденные получили до 11 с половиной лет лишения свободы» [19]. Причинами высокой подверженности коррупции строительной сферы можно назвать сложные и наукоемкие проекты строительства, узкий круг взаимодействующих между собой владельцев, подрядчиков и субпорядчиков проекта, непрозрачность процесса торгов, большие объемы государственных средств, высокая конкуренция и многое другие.

3. Коррупция в сфере мирового спорта. Сфера спорта еще с начала зарождения Олимпийских игр подвергалась влиянию коррупции. Издревле практиковалась покупка результатов спортивных состязаний. Обычной практикой были подкупы на спортивных состязаниях [1, с. 2583]. Е. А. Рахманова выделяет ряд причин коррупциолизации спорта, таких, как «закрытость спорта, непрозрачность решений спортивных организаций и их неподотчетность, несовершенство законодательства, отсутствие надлежащей координации между органами управления спортом и государственными органами» [11, с. 280]. Ситуацию осложняет недостаточное законодательное регулирование противодействия коррупции в сфере международного спорта. В сфере спорта коррупция проявляется, зачастую, в виде подкупа арбитров, судей, организаторов спортивных мероприятий, спортсменов, тренеров, руководителей спортивных организаций для получения нужного результата соревнований или игр. Л. И. Захарова выделяет так же и «махинации со строительством спортивных объектов» [5, с. 139]. Так же, на наш взгляд, усилению коррумпированности в сфере спорта и манипулирования результатами спортивных мероприятий способствует развитие оффшорных букмекерских контор и кибербукмекерских контор.

4. Сфера государственных закупок. Коррупция в сфере государственных закупок выражается во многих формах. Еще в 2013 году в Стратегии планирования антикоррупционных мер при проведении крупных публичных мероприятий ООН предусматривалось создание «системы закупок, обеспечивающей своевременное приобретение товаров и услуг, позволяющей при этом эффективно расходовать средства и избегать злоупотреблений в процессе закупок» [20], которые должны были основываться на прозрачности, соблюдении принципа конкуренции и объективности решений, которые бы обеспечили предупреждение коррупции. Причинами коррупции в области государственных закупок являются, по мнению Д.А. Лаврова и Д.А. Печегина, «значительные объемы финансирования из государственного бюджета, а также сложность процесса, его бюрократизация, проблема тесного взаимодействия между государственными должностными лицами и бизнесом» [7, с. 20]. Эффективное противодействие коррупции в сфере государственных закупок, возможно, на наш взгляд, с созданием системы множества экономических агентов и детальной и прозрачной правовой регламентации процесса закупок.

5. Сфера добычи, переработки и сбыта полезных ископаемых. Уже на этапе добычи полезных ископаемых, особенно составляющих ресурсный потенциал государств появляются риски коррупционной направленности. Т. В. Халилова, Ж. Ю. Кургаева отмечают, что объектами коррупционных экономических отношений выступают природные ресурсы, а также права на их добычу и использование [16, с. 223]. Основные коррупционные преступления в этой сфере происходят в виде деятельности должностных лиц по незаконному распределению тендеров на добычу и переработку полезных ископаемых, а так же в сфере надзора и контроля за этой деятельностью, незаконной выдачи лицензии на разработку недр юридическому лицу, незаконного предоставления недр для разработки месторождений полезных ископаемых, уклонения от уплаты

налогов и пр. Серьезных размеров достигли объемы коррупционных нарушений в нефтяных компаниях. Развитие корпоративного мошенничества в компаниях нефтяной отрасли неразрывно связано с коррупционными связями рядовых сотрудников компании, топ-менеджмента и государственных структур и базируется на них [12, с. 152], отмечается в исследовании И. В. Симщиковой А. Б. Мельниковой и Ю. А. Чугаевой. Мерами противодействия коррупции в сфере добычи полезных ископаемых и их переработки могут стать: выработка новых подходов к отчетности и мониторинга уплаты налогов заинтересованными организациями, строгий надзор за распределением тендеров и выдачи лицензий, разработкой недр, разработка новых механизмов антикоррупционного комплаенса в нефтегазовых компаниях.

6. Здравоохранение и фармацевтическая сфера. Коррупционные правонарушения часто поражают учреждения здравоохранения, влияют на степень их финансирования, распределению оплаты медицинского персонала, а так же обеспечение населения лекарственными препаратами, средствами мобильности, современными медицинским технологиями. Коррупционные правонарушения в сфере здравоохранения и фармацевтического обеспечения населения получили скачкообразный роста в связи с эпидемией коронавируса в 2020-2022 годах, когда выросли объемы продаж средств индивидуальной защиты и лекарственных препаратов, а так же специализированного медицинского оборудования. Заместитель министра здравоохранения Сергей Глаголев, характеризуя деятельность фармацевтических компаний, отметил в интервью РИА Новости, «мы не можем не обратить внимание и на вскрывающиеся факты масштабной коррупции вокруг фармацевтических гигантов, связанных, в том числе со стремлением ограничить рынок лекарственных средств, превратив его в элитарный клуб, лишив население стран возможности доступа к новейшим лекарственным препаратам по приемлемым ценам» [21]. Борьбу с коррупцией в сфере здравоохранения, на наш взгляд, должны возглавить меры по выработке этического кодекса работников здравоохранения, введение строгой отчетности при осуществлении государственных закупок лекарственных препаратов и медицинской техники, а так же усиление ответственности должностных лиц за коррупционные правонарушения.

7. Миграционная сфера. Организация незаконной миграции представляет сегодня угрозу для национальной безопасности государства. Не имеющие легальных документов, не владеющие языком страны пребывания, мигранты, зачастую совершают большое количество преступлений. Так, в истекшем году Следственным комитетом за совершение коррупционных преступлений направлены в суд дела в отношении 35 должностных лиц, проходивших службу в подразделениях по вопросам миграции органов МВД России, из них 32 лица привлечены за взяточничество.

В последние годы организация незаконной миграции стала одним из видов подпольного бизнеса. В. А. Предыбайло выделяет «в числе последствий незаконной миграции на территории расширение сфер влияния международного терроризма и транснациональной преступности» [9, с. 30]. Коррупционные схемы, применяющиеся должностными лицами органов власти, призванных к организации миграции, а так же к контролю над ней, способствуют распространению правонарушений в области миграционного законодательства, позволяют «обходить» закон. Основными видами таких правонарушений является регистрация иностранных граждан в так называемых «резиновых» квартирах, дача взятки иностранным гражданином должностному лицу за несоставление материалов доследственной проверки при отсутствии необходимых документов или предоставлении поддельных документов (к примеру, миграционных карт, патентов, разрешений на работу и др.). Особенно настораживающей является тенденция увеличения коррупционных деяний в сфере организации заключения фиктивных браков между гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами, так как наличие законного брака с гражданином РФ дает возможность иностранному гражданину в упрощенном порядке за 3 месяца, вместо 12 месяцев [10, с. 152] получить гражданство нашей страны. Сотрудники правоохранительных органов регулярно производят задержания лиц, причастных организации фиктивных браков с иностранными гражданами. Так, трое обвиняемых, способствовавших заключению фиктивных браков, были задержаны в 2023 году сотрудниками Межрайонного отдела №6 Управления уголовного розыска МВД по Удмуртской Республике совместно с оперативниками Главного Управления уголовного розыска МВД России при силовой поддержке спецназа МВД. Следственной частью Следственного управления МВД по Удмуртской Республике окончено расследование уголовного дела по обвинению восьми лиц в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 322.1 и ч. 4 ст. 327 УК РФ [22]. – отмечается на портале Министерства внутренних дел.

В целях противодействия организации фиктивных браков, 5. 10. 2024 г. в целях совершенствования миграционного законодательства Государственная Дума приняла законопроект о борьбе с фиктивными браками мигрантов. «Законопроект направлен на совершенствование миграционного законодательства в части исключения использования фиктивных браков и фиктивного установления отцовства для незаконного получения иностранными гражданами или лицами без гражданства миграционного статуса на территории Российской Федерации» [23], отмечает портал РИА Новости. Полагаем, что принятый законопроект позволит снизить количество фиктивных браков, заключаемых с иностранными гражданами и нивелировать коррупционные схемы в этой области. Так же, коррупционные преступления в сфере организации незаконной миграции представляют угрозу террористического характера. Под видом трудовых мигрантов возможно проникновение в страну диверсантов и террористов. Полагаем, что взвешенная правовая политика государства по борьбе с коррупцией в сфере незаконной миграции должна стать приоритетным направлением в свете общественной и социально-экономической безопасности государства.

Таким образом, необходимо отметить, что в настоящее время транснациональная коррупция стала серьезной проблемой множества государств. Она представляет собой сложное опасное явление, предстает в большом разнообразии форм, проявляется во множестве сфер проявления, создает реальную угрозу национальной безопасности любого государства, становится причиной низкого доверия граждан к государственным органам и должностным лицам. Транснациональная коррупция представляет опасность, как национальной безопасности отдельных государств, так и развитию современного общества в целом. Ее формы и методы оказывают серьезное негативное влияние на мировые экономические, социальные и политические процессы и требуют адекватных международно-правовых мер по противодействию этому опасному транс-

национальному явлению.

Список литературы:

1. Дазмаров Н. М. Коррупционные проявления в сфере спорта / Н. М. Дазмаров, А. А. Макарьева // Столыпинский вестник. – 2022. – Т. 4, № 9. С. 2583-2589.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1989-1991 - 699 с.
3. Деулин Д. В. Фаворитизм как социально-психологический феномен в трудовых коллективах / Д. В. Деулин, Ю. С. Алиева // Перспективы развития российского общества в условиях вызовов современного мира : сборник публикаций по итогам международной научно-практической конференции, Москва, 26 апреля 2022 года. – Москва: ООО «СКИ», 2022. – С. 48-52.
4. Заброда Д. Г. Влияние глобализации на транснационализацию коррупции / Д. Г. Заброда // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: правовая система и современное государство : Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 16 апреля 2020 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2020. – С. 303-306.
5. Захарова Л. И. Борьба с коррупцией в сфере спорта: опыт Совета Европы / Л. И. Захарова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 4(8). – С. 138-143.
6. Изотов М. О. Протекционизм как форма коррупционной деятельности / М. О. Изотов // Булгаковские чтения. – 2010. – № 4. – С. 202-206.
7. Лавров Д. А. Проявление коррупционных нарушений при исполнении государственных контрактов в международной практике / Д. А. Лавров, Д. А. Печегин // Управленческий учет. – 2023. – № 10. – С. 20-26.
8. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов : сб. док. / сост. В. С. Овчинский. - Москва : ИНФРА-М, 2004. - 638 с.
9. Предыбайло В. А. Незаконная миграция как объект профилактического воздействия / В. А. Предыбайло // Российская юстиция. – 2009. – № 12. – С. 29-31.
10. Примакова С. В. Актуальные вопросы, связанные с регистрацией фиктивных браков между гражданами российской федерации и иностранными гражданами // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 152-154.
11. Рахманова Е. Н. Коррупция в спорте: проблемы спортивной автономии и управления // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3 (52). - С. 277-281.
12. Симщикова И. В., Мельников А. Б., Чугаева Ю. А. Антикоррупционная политика как фактор противодействия корпоративному мошенничеству в нефтяных компаниях // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. № 1 (76). - С. 151-157.
13. Скородед Е. П. «Откат» как разновидность коррупционного преступления / Е. П. Скородед // Актуальные проблемы права, экономики и управления – 2015. – № 11. – С. 200-202.
14. Транснациональные корпорации как субъекты коррупционной преступности / В. В. Бабурин Л. Р. Клебанов, О. А. Кузнецова // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4. С. 334-338.
15. Фингергут А. Г. Активная и пассивная коррупция. Отличительные черты / А. Г. Фингергут // NovaInfo.Ru. – 2016. – Т. 2, № 50. – С. 203-208.
16. Халилова Т.В., Кургаева Ж.Ю. Специфика коррупционных экономических отношений в сфере добычи и переработке углеводородного сырья // Вестник КНИТУ. 2014. № 18. - С.222-225.
17. Храмов Н. А. Фаворитизм как ключевая форма развития коррупционных отношений / Н. А. Храмова // Социология. – 2020. – № 6. – С. 42-49.
18. Ямпольский Д. А. Откаты: экономическая эффективность и конкурентоспособность предприятия / Д. А. Ямпольский, В. В. Черепанов // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. – 2015. – № 6-1. – С. 253-255.
19. Электронный ресурс: // https://ria.ru/20210603/skandaly-1735467801.html (дата обращения 08.02.2026).
20. Электронный ресурс: https://crimescience.ru/wp-content/uploads/ (Дата обращения 21.02.2026.).
21. Электронный ресурс: // https://ria.ru/20230522/korruptsiya-1873396805.html (дата обращения 20.02.2026).
22. Электронный ресурс: // https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/56116633/ (дата обращения 21.02.2026).
23. Электронный ресурс: // https://ria.ru/20241015/gosduma-1978119262.html (дата обращения 21.02.2026).

References:

1. Dasmarov N. M. Corruption manifestations in the field of sports / N. M. Dasmarov, A. A. Makarieva // Stolypinsky Bulletin. – 2022. – Vol. 4, No. 9. pp. 2583-2589.
2. Dahl V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes Vol. 1. Moscow, 1989-1991 - 699 p.
3. Deulin D. V. Favoritism as a socio-psychological phenomenon in labor collectives / D. V. Deulin, Y. S. Alieva // Prospects for the development of Russian society in the context of the challenges of the modern world : a collection of publications on the results of the international scientific and practical conference, Moscow, April 26, 2022. – Moscow: SKI LLC, 2022, pp. 48-52.
4. Zabroda D. G. The impact of globalization on the transnationalization of corruption / D. G. Zabroda // Actual problems of comparative law: the legal system and the modern state : Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation of faculty, graduate students and students, Simferopol, April 16, 2020. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 2020, pp. 303-306.
5. Zakharova L. I. The fight against corruption in the field of sports: the experience of the Council of Europe / L. I. Zakharova // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). – 2015. – № 4(8). – Pp. 138-143.
6. Izotov M. O. Protectionism as a form of corrupt activity / M. O. Izotov // Bulgakov readings. – 2010. – No. 4. – pp. 202-206.
7. Lavrov D. A. Manifestation of corruption violations in the execution of government contracts in international practice / D. A. Lavrov, D. A. Pechegin // Managerial accounting. – 2023. – No. 10. – pp. 20-26.
8. International legal framework for combating corruption and laundering of criminal proceeds : collection of documents. / comp. V. S. Ovchinsky. Moscow : INFRA-M, 2004. 638 p.
9. Predybailo V. A. Illegal migration as an object of preventive action / V. A. Predybailo // Russian Justice. – 2009. – No. 12. – pp. 29-31.
10. Primakova S. V. Actual issues related to the registration of fictitious marriages between citizens of the Russian Federation and foreign citizens // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. No. 1. pp. 152-154.
11. Rakhmanova E. N. Corruption in sports: problems of sports autonomy and management // Business. Education. Right. 2020. No. 3 (52). pp. 277-281.
12. Simshchikova I. V., Melnikov A. B., Chugaeva Yu.A. Anti-corruption policy as a factor in countering corporate fraud in oil companies // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2020. No. 1 (76). - pp. 151-157.
13. Skoroded E. P. "Kickback" as a type of corruption crime / E. P. Skoroded // Actual problems of law, economics and management – 2015. – No. 11. – pp. 200-202.
14. Transnational corporations as subjects of corruption crime / V. V. Baburin, L. R. Klebanov, O. A. Kuznetsova // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. pp. 334-338.
15. Fingergut A. G. Active and passive corruption. Distinctive features / A. G. Fingergut // NovaInfo.Ru 2016. Vol. 2, No. 50. pp. 203-208.
16. Khalilova T.V., Kurgaeva Zh.Yu. Specifics of corrupt economic relations in the field of extraction and processing of hydrocarbons // Bulletin of KNRTU. 2014. No. 18. - pp.222-225.
17. Khramov N. A. Favoritism as a key form of the development of corrupt relations / N. A. Khramova // Sociology. – 2020. – No. 6. – pp. 42-49.
18. Yampolsky D. A. Kickbacks: economic efficiency and competitiveness of the enterprise / D. A. Yampolsky, V. V. Cherepanov // New science: Theoretical and practical view. – 2015. – No. 6-1. – pp. 253-255.
19. Electronic resource: // https://ria.ru/20210603/skandaly-1735467801.html (accessed 02/08/2026).
20. Electronic resource: https://crimescience.ru/wp-content/uploads / (Accessed 02/21/2026.).
21. Electronic resource: // https://ria.ru/20230522/korruptsiya-1873396805.html (accessed 02/20/2026).
22. Electronic resource: // https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/56116633 / (accessed 02/21/2026).
23. Electronic resource: // https://ria.ru/20241015/gosduma-1978119262.html (accessed 02/21/2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_77

УДК: 342

РОЛЬ МОРАЛИ И ПРАВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОСЛЕДУЮЩЕГО УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА
THE ROLE OF MORALITY AND LAW IN THE HISTORICAL RETROSPECTIVE OF THE FORMATION AND SUBSEQUENT STRENGTHENING OF RUSSIAN SOVEREIGNTY

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна
Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилютова, д. 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

NAZAROVA Irina Sergeevna
Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

***Краткая аннотация**: статья посвящается исследованию наиболее важных позиций, раскрывающих значение морали и права как взаимодополняющих друг друга явлений в исторической ретроспективе укрепления российского суверенитета. В статье обосновывается постулат, согласно которому от эффективности взаимодействия этих регуляторов общественного поведения в значительной мере зависят существенные вопросы укрепления различных аспектов российского суверенитета. Формулируется вывод о том, что исследование значения морали и права в исторической ретроспективе формирования и укрепления российского суверенитета важно для правильного осознания исторического опыта, формирования профессиональных ценностей, развития политической культуры.*

***Abstract**: The article is devoted to the study of the most important positions that reveal the significance of morality and law as mutually complementary phenomena in the historical retrospective of the formation and subsequent strengthening of Russian sovereignty. The article substantiates the postulate that the effectiveness of the interaction between these regulators of social behavior significantly affects the important issues of strengthening various aspects of Russian sovereignty. The article concludes that the study of the significance of morality and law in the historical retrospective of the formation and strengthening of Russian sovereignty is important for a proper understanding of historical experience, the formation of professional values, and the development of political culture.*

***Ключевые слова**: мораль, право, суверенитет, нравственные ценности, принципы, ценности.*
***Keywords**: morality, law, sovereignty, moral values, principles, values.*

***Для цитирования**: Назарова И.С. Роль морали и права в исторической ретроспективе формирования и последующего укрепления российского суверенитета // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 77-80. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_77.*
***For citation**: Nazarova I.S. The role of morality and law in the historical retrospect of the formation and subsequent strengthening of Russian sovereignty // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 77-80. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_77.*

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025

На протяжении веков право и мораль взаимодействовали, формируя не только правовую систему, но и общественные нормы. Моральные принципы часто служили основой для принятия законов, а правовые нормы, в свою очередь, могли влиять на моральные представления общества. Представляется важным скорректировать правовую систему так, чтобы содержащиеся в ней ценностные регулятивы были востребованы гражданским обществом[1] для управления, не противоречили бы его нравственным приоритетам, а, наоборот, взаимно поддерживались, дополнялись. Основные нравственные ценности, закреплённые в праве (свобода, равенство, справедливость, гуманизм и другие), нуждаются в осмыслении каждым членом общества. Исследование позволяет рассмотреть, как моральные нормы формировали правовые системы в разные исторические эпохи, и как, в свою очередь, право влияло на моральные представления общества. Изучение роли морали и права в исторической ретроспективе важно для понимания процессов, происходящих в обществе, и для корректировки современных правовых систем с учётом нравственных приоритетов общества. Духовно-нравственные ценности русского народа, формировавшиеся на протяжении многих поколений, продолжают оставаться актуальными в современном российском обществе. В условиях социально-исторических, политических и экономических изменений они претерпевают социальную и культурную трансформацию. Принятие Декларации о суверенитете РСФСР 12 июня 1990 года считается началом политической реформы. Этой Декларацией Россия официально брала на себя всю полноту суверенитета на своей территории, ранее принадлежащей СССР. Устойчивое развитие и сохранение суверенитета общества зависит от его опережающего духовного развития[2]. В Российской Федерации главенствующей духовно-нравственной основой суверенитета являются четвёртое и пятое поколения прав человека, или так называемые права души и духа человека.

[1] Шеншин, В. М. Понятие и тенденции развития цифровизации российского общества при обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 11. – С. 2-5. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-11-2-5; Шеншин, В. М. Совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества при обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 283-287. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_6_283. – EDN QMOKXN.

[2] Шеншин, В. М. Об обеспечении Росгвардией внутреннего суверенитета Российской Федерации / В. М. Шеншин // Современное общество и право. – 2023. – № 1(62). – С. 14-19. – EDN GTDFAK; Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

Приступим к анализу точек зрения ученых на вопрос о роли морали и права в механизме формирования и укрепления российского суверенитета.

Так, И. А. Ильин полагал, что правила человеческого поведения можно подразделить на две группы: моральные и религиозные нормы, а также нормы нравов и правовые. По его мнению, для моральных норм требуется всеобщее признание, а их единственным источником является вырастающее из глубины души поведение (голос совести). Правовые нормы, по мнению ученого, устанавливает внешний авторитет, их объектом является внешнее поведение, нарушение которого несёт неприятные последствия[1].

М. И. Байтин рассматривал право в качестве нормативного воплощения идей гуманизма, демократии и справедливости, то есть как воплощение моральных основ[2].

О. Э. Лейст, в свою очередь, подходил к анализу сущности права как факта истории, абстракции, главной целью которой являются порядок и социальная стабильность, способа регулирования поведения, выражающееся как обращённое в будущее предписание настоящего[3].

В. Д. Попков полагал, что с помощью права государство добивается утверждения в сознании граждан, всего населения прогрессивных норм морали, борется с несправедливостью, злом и пороками[4].

Большинство правоведов отмечают, что всё, регулируемое правом, так или иначе регулируется моралью, то есть подлежит моральной оценке.

П. Е. Недбайло, в свою очередь, считал, что есть области общественных отношений, регулирование которых является безразличным в нравственном отношении, где достаточным является лишь правовое воздействие[5].

Российская политико-правовая мысль выработала множество подходов, каждый из которых имеет собственное обоснование причин и закономерностей появления, а также сущности морали и права.

Мораль и право можно рассматривать как формы воплощения в социальной реальности вечных духовных общечеловеческих ценностей, важнейшими из которых являются свобода, справедливость и равенство. Мораль — это нормативно-регулятивная система, через призму которой человеческие поступки рассматриваются с точки зрения добра и зла, справедливости и несправедливости, совести, чести, долга, достоинства и других нравственных категорий. Мораль упорядочивает человеческое сосуществование, гармонизирует диалог и взаимоотношения между людьми. Право — это система общеобязательных, формально определённых норм юридического характера, которые выражают общественную, классовую волю, устанавливаются и обеспечиваются государством, и направлены на регулировку общественных отношений. Право является ступенью нисхождения высоких духовных материй в социальное бытие человека, на которой каждый человек может присвоить возможности, содержащиеся в фундаментальных духовных началах[6].

Мораль и право взаимосвязаны и выполняют единую социальную функцию — регулирование поведения людей в обществе. Их требования совпадают во многих аспектах: обычно то, что осуждается и поощряется правом, также осуждается и поощряется моралью, и наоборот. При этом есть и различия: мораль появляется вместе с обществом, а право — вместе с государством; мораль содержится в сознании общества, а право — в особых нормативных актах, которые имеют письменную форму; мораль способна регулировать почти все общественные отношения, а право—только самые важные и те, которые может упорядочить.

Можно с уверенностью констатировать, что мораль служит одним из атрибутов обоснования права, системой, из координат которой возможна оценка права, а также дополняет его, способствуя реализации и защите базовых ценностей цивилизации.

Мораль выступает духовно-нравственным фундаментом общества, на котором строится мировоззрение, формируются стереотипы и модели поведения человека.

Мораль — это принятые в обществе представления о правильном и неправильном, добре и зле, регулирующие поведение человека. Регулирует взаимоотношения всех членов общества и социальных групп. Человек вынужден сочетать свои интересы с интересами общества, подчиниться коллективу. Выполняет мировоззренческую функцию. Мораль является одним из способов познания окружающего мира, помогающая человеку объяснять и оценивать происходящие вокруг события с позиций добра и зла, совести и бессовестности, долга и безответственности. Является жизненным ориентиром для человека, стремящегося к самосовершенствованию. Формирует нравственный облик личности. Мораль учит понимать и принимать нужды и интересы других людей, формирует личность индивида, его мировоззрение и личные понятия о добре и зле. Обеспечивает единство и согласованность взаимодействия людей в самых разнообразных обстоятельствах, поскольку соблюдение людьми всеобщих моральных принципов делает их поведение предсказуемым.

Соотношение права и суверенитета также имеет свои особенности. Понятие государственного суверенитета было введено французским политиком и учёным XVI века Жаном Боденом. Первоначально оно сохраняло связь с европейским феодально-ленным правом, обозначая неограниченность власти верховного сюзерена в противоположность власти вассальных правителей. В 1648 году в документах Вестфальского мира был сделан первый шаг в сторону признания светских суверенных прав за всеми европейскими государствами, что положило начало современной системе, в которой суверенитет предполагается необходимым атрибутом любого государства[7].

Взаимосвязь права и суверенитета проявляется в том, что объём, содержание и характер прав человека зависят от суверенной воли

[1] Ильин И.А. О сущности правосознания. - М.: Рарогъ, 2019. – С. 238.
[2] Байтин М.О. Сущность права. М.: Инфра, 2005.- С. 342-343.
[3] Лейст О.Э. Российское юридическое наследие. - М.: Норма, 2008. – С. 291.
[4] Попков В.Д. Право в системе норм развитого социализма. Ростов-на-Дону: Академическая литература, 1985. – С. 204.
[5] Недбайло П.Е. О понятии применения норм советского права / Советское государство и право. - 1955.- № 2.- С. 111.
[6] Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. - М.: Аграф, 2018. – С. 89.
[7] Баязитова Г.И. Боден Жан. Шесть книг о республике **/** Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Том 6. № 1. С. 123.

государства. При этом на состояние прав человека и суверенитет государства влияют одни и те же факторы: форма правления, государственное устройство, политический режим, уровень развития экономических отношений, совершенство правовой системы и правоприменительной практики.

Важно отметить в данном контексте, что система традиционных российских ценностей, складывавшаяся столетиями, выступает основой суверенитета государства**.**

Это закреплено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, согласно которой, базовые духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности позволяют сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности.

Единство народов России, приверженность правде и справедливости, милосердие и гуманизм, крепкая семья и любовь к детям, взаимопомощь и стремление добиваться не только личного благополучия, а успеха всей страны, патриотизм и преданность Родине являются традиционными российскими ценностями.

В 2022 году Владимир Владимирович Путин утвердил основы госполитики по сохранению и укреплению этих ценностей. Традиционные ценности — это нравственные ориентиры, которые передаются от поколения к поколению и лежат в основе общероссийской гражданской идентичности.

Право должно соответствовать нравственным нормам и выражать идею о том, что государство призвано служить интересам общества и личности. Отрыв права от морали, по некоторым мнениям, влечёт за собой безраздельное господство государства, властных начал[1].

Мораль выступает важным социальным источником права. Нравственные и правовые ценности (жизнь человека, его права и свободы, достоинство, безопасность) выступают механизмом согласования конкурирующих интересов и должны находить отражение в законодательстве.

Под влиянием морали складывается нравственная и правовая культура участников процесса законотворчества. Моральные установления, в свою очередь, оказывают благотворное воздействие на точную и полную реализацию правовых норм, на укрепление законности и правопорядка.

Право активно содействует утверждению прогрессивных моральных представлений в обществе, а нормы морали, в свою очередь, наполняют право глубоким нравственным содержанием, содействуя эффективности правового регулирования.

Важно отметить, что мораль и право работают в унисон и имеют единую основу социального регулирования.

И мораль, и право направлены на упорядочение и совершенствование общественной жизни, развитие и обогащение личности, защиту прав человека, утверждение идеалов гуманизма и справедливости. Обычно то, что осуждается и поощряется правом, также осуждается и поощряется моралью, и наоборот. Например, большая часть правовых норм происходит из нравственных («не укради», «не убий» и прочее). Правовая система способствует упрочению моральных норм, которые, в свою очередь, в процессе развития нуждаются в правовом закреплении. Мораль, в свою очередь, наполняет право глубоким нравственным содержанием, содействуя эффективности правового регулирования. Право и мораль не ограничиваются обособленной сферой социальных отношений, а связаны с поведением людей в широких областях их социального взаимодействия. И мораль, и право имеют общую экономическую, социально-политическую и идеологическую основу[2].

Единство морали и права основывается на общности социально-экономических интересов, культуры общества, приверженности людей к идеалам свободы и справедливости.

Основополагающие нормативные духовно-нравственные ценности, свободы, братства, равенства и социальной справедливости, заложенные в основу Конституции Российской Федерации, привели к консолидации существенных аспектов демократии.

Эти ценности, связанные с конституционной моралью, сыграли ключевую роль в укреплении этического видения демократии, что, несмотря на трудности, повысило её устойчивость (признание человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности для государства; гарантия равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, национальности, языка, происхождения и других обстоятельств; свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой; запрет на ограничение прав граждан по признакам социальной, национальной, языковой или религиозной принадлежности). Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году, стала инструментом общественного согласия, определила демократические и правовые приоритеты развития России и задала вектор её вхождения в мировое правовое пространство.

Важное значение имеет исследование вопросов сущности суверенитета сквозь призму взаимодействия морали и права. Право и мораль—самостоятельные, суверенные институты социального регулирования. Они взаимодействуют, но не находятся в прямолинейной связи, когда одно (мораль) является основным и исходным, а другое (право) — производным и зависимым. Суверенитет — один из существенных признаков государства, его возможность полноправно осуществлять внутриполитические и внешнеполитические дела страны и не допускать вмешательства в свою деятельность иностранных государств и других внутригосударственных сил (организаций).

Существует несколько подходов к рассмотрению суверенитета в контексте соотношения морали и права. Так, Галимова А.Ш. полагает, что сущность суверенной власти коренится в нравственно-правовом единстве государства как социального организма[3]. По мнению Г. Геллера, суверенная власть стоит над правом и связана лишь «этическими конституирующими правопринципами», которые в общем виде сводятся к

[1] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. - М.: Зерцало, 2020. – С. 29-31.
[2] Новгородцев П.И. Об общественном идеале. - М.: Пресса, 2019. – С. 119.
[3] Галимова А.Ш. Учение о суверенитете в трудах ученых-юристов «школы естественного права» и политических мыслителей XVII - XVIII вв. М.: Инфра-М, 2011. – С. 201-202.

естественному праву в традиционной интерпретации[1].

Результаты исследования роли морали и права в исторической ретроспективе формирования и укрепления российского суверенитета имеют серьезное значение для совершенствования статуса военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии. Изучение становления и развития войск национальной гвардии позволяет определить закономерности их функционирования, решить современные педагогические проблемы на основе исторического опыта, разобрать и не допустить ошибки, характерные для разных периодов развития силовой структуры. Содержание ценностей людей, посвятивших себя служению Отечеству, складывалось на протяжении нескольких столетий на основе формирующихся представлений о целостности России, опыта защиты её интересов и независимости, героических подвигов российской армии и народа. Во все исторические времена духовные ценности военнослужащих превалировали над другими ценностями личности и являлись главным показателем нравственного облика воина, профессионала своего дела. Военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии должны обладать не только сформированным политическим сознанием, но и культурой политического участия, достаточной политической грамотностью, знанием отечественной и зарубежной истории, не забывать историю войск правопорядка и их богатый опыт выполнения задач на различных этапах исторического развития. Нравственное воспитание создаёт условия для более эффективного выполнения задач, стоящих перед правоохранительными ведомствами. Также оно способствует формированию благоприятного морально-психологического климата в коллективе.

Таким образом, исследование роли морали и права в исторической ретроспективе позволяет сформировать профессиональные ценности, политическую культуру и морально-психологический климат, что важно для совершенствования статуса военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии.

Список литературы:

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. - М.: Аграф, 2018. - 512 с.
2. Байтин М.О. Сущность права. М.: Инфра, 2005.- 510 с.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства. - М.: АСТ, 2019. - 378 с.
4. Баязитова Г.И. Боден Жан. Шесть книг о республике **/** Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Том 6. № 1. 284 с.
5. Галимова А.Ш. Учение о суверенитете в трудах ученых-юристов «школы естественного права» и политических мыслителей XVII - XVIII вв. М.: Инфра-М, 2011. – 304 с.
6. Геллер Г. Суверенитет: Введение в теорию государственного и международного права»: Москва: Госюриздат, 1927. - 260 с.
7. Ильин И.А. О сущности правосознания. - М.: Рароґъ, 2019. - 534 с.
8. Кацура А.В. Русская философия права: антология. - М.: Академический проект, 2018. - 567 с.
9. Лейст О.Э. Российское юридическое наследие. - М.: Норма, 2008. - 420 с.
10. Недбайло П.Е. О понятии применения норм советского права / Советское государство и право. - 1955.- № 2.- С. 110-113.
11. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. - М.: Пресса, 2019. - 489 с.
12. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. - СПб.: Издательство СПбГУ, 2020. - 712 с.
13. Попков В.Д. Право в системе норм развитого социализма. Ростов-на-Дону: Академическая литература, 1985. - 392 с.
14. Соловьёв В.С. Оправдание добра. - М.: Эксмо, 2018. - 623 с.
15. Тихонравов Ю.В. Основы философии права. - М.: Инфра-М, 2019. - 445 с.
16. Чичерин Б.Н. Философия права. - М.: Рароґъ, 2018. - 512 с.
17. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. - М.: Зерцало, 2020. - 678 с.
18. Якушин В.А. Специфика русской философии права // Правоведение. - 2018. - № 5. - С. 156-169.
19. Шеншин, В. М. Понятие и тенденции развития цифровизации российского общества при обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 11. – С. 2-5. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-11-2-5.
20. Шеншин, В. М. Совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества при обеспечении общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 283-287. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_6_283. – EDN QMOKXN.
21. Шеншин, В. М. Об обеспечении Росгвардией внутреннего суверенитета Российской Федерации / В. М. Шеншин // Современное общество и право. – 2023. – № 1(62). – С. 14-19. – EDN GTDFAK.
22. Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

References:

1. Alekseev N.N. The Russian people and the state. Moscow: Agraf, 2018. 512 p.
2. Baytin M.O. The essence of law. Moscow: Infra, 2005. 510 p.
3. Berdyaev N.A. Philosophy of inequality. Moscow: AST, 2019. 378 p.
4. Bayazitova G.I. Bodin Jean. Six books about the Republic / Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Volume 6. No. 1. 284 p.
5. Galimova A.Sh. The doctrine of sovereignty in the works of legal scholars of the "school of natural law" and political thinkers of the XVII - XVIII centuries. Moscow: Infra-M, 2011. 304 p.
6. Geller G. Sovereignty: Introduction to the Theory of State and International Law": Moscow: Gosyurizdat, 1927. 260 p.
7. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness. - M.: Rarog, 2019. - 534 p.
8. Katsura A.V. Russian philosophy of law: Anthology. - M.: Academic project, 2018. - 567 p.
9. Leist O.E. Russian legal heritage, Moscow: Norma, 2008, 420 p.
10. Nedbaylo P.E. On the concept of applying the norms of Soviet law / The Soviet State and law. - 1955.- No. 2.- pp. 110-113.
11. Novgorodtsev P.I. On the social Ideal, Moscow: Pressa, 2019, 489 p.
12. Polyakov A.V. General theory of law: problems of interpretation in the context of a communicative approach. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2020. 712 p.
13. Popkov V.D. Law in the system of norms of developed socialism. Rostov-on-Don: Academic Literature, 1985. 392 p.
14. Solovyov V.S. Justification of goodness, Moscow: Eksmo, 2018, 623 p.
15. Tikhonravov Yu.V. Fundamentals of the philosophy of law. Moscow: Infra-M, 2019. 445 p.
16. Chicherin B.N. Philosophy of Law, Moscow: Rarog, 2018, 512 p.
17. Shershenevich G.F. General theory of Law, Moscow: Zertsalo, 2020, 678 p.
18. Yakushin V.A. Specifics of the Russian philosophy of law // Law studies. - 2018. - No. 5. - pp. 156-169.
19. Shenshin, V. M. The concept and trends in the development of digitalization of Russian society while ensuring public safety / V. M. Shenshin // Constitutional and Municipal law. – 2025. – No. 11. – pp. 2-5. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-11-2-5.
20. Shenshin, V. M. Improving the mechanisms of interaction between the state and civil society in ensuring public safety / V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2025. – No. 6. – pp. 283-287. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_6_283. – EDN QMOKXN.
21. Shenshin, V. M. On ensuring the internal sovereignty of the Russian Federation by the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Modern society and law. – 2023. – № 1(62). – Pp. 14-19. – EDN GTDFAK.
22. Greshnykh, A. A. On some trends in the development of Russian law aimed at protecting the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // State power and local self-government. – 2021. – No. 5. – pp. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

[1] Геллер Г. Суверенитет: Введение в теорию государственного и международного права»: Москва: Госюриздат, 1927. – С. 105.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_81

УДК-393/94

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

HISTORICAL AND LEGAL ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT OF THE REGULATORY FRAMEWORK FOR THE FORMATION OF PROPERTY RIGHTS IN THE SPHERE OF LAND RELATIONS: PROS AND CONS OF LAND REFORM

ПЕТРОВ Владимир Иванович
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии
РХТУ им. Д.И. Менделеева и кафедры гуманитарных и социальных наук РТУ МИРЭА г. Москва.
119454, Россия, г. Москва, проспект, 78 стр. 4.
E-mail: History.vladimir@yandex.ru
SPIN-код 1759-7707,
AutorID 633048
ORCID ID- 0000-0001-6107-0473.

ПИЛЮГИНА Татьяна Владимировна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Юриспруденции»
Краснодарского кооперативного института (филиала) АНО ОВО ЦС РФ «Российский Университет кооперации», г. Краснодар.
141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12/30.
E-mail: pilyugina_tv@mail.ru
SPIN- код: 6882-2637;
AuthoriD: 677260
ORCID: 0000-0003-4521-3141

ЖУКОВ Андрей Александрович
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Юриспруденции»
Краснодарского кооперативного института (филиала) АНО ОВО ЦС РФ «Российский Университет кооперации», г. Краснодар.
141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 12/30.
E-mail: Zhukov_andei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5560-0669

PETROV Vladimir Ivanovich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Political Science
Mendeleev University of Chemical Technology of Russia and Department of Humanities and Social Sciences RTU MIREA, Moscow.
78 Prospekt, building 4, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: History.vladimir@yandex.ru
SPIN code 1759-7707,
Author ID 633048
ORCID ID: 0000-0001-6107-0473.

PILYUGINA Tatyana Vladimirovna
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence
Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the ANO OVO CS RF "Russian University of Cooperation", Krasnodar.
12/30 Vera Voloshina str., Mytishchi, Moscow region, 141014, Russia.
E-mail: pilyugina_tv@mail.ru
SPIN: 6882-2637;
AuthoriD: 677260
ORCID: 0000-0003-4521-3141

ZHUKOV Andrey Aleksandrovich
Candidate of Law Associate Professor, Department of Jurisprudence
Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the ANO OVO CS RF "Russian University of Cooperation", Krasnodar.
12/30 Vera Voloshina str., Mytishchi, Moscow region, 141014, Russia.
E-mail: Zhukov_andei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5560-0669

Краткая аннотация: *Статья посвящена вопросам формирования и развития земельного законодательства в рамках формирования права собственности на землю. Раскрываются проблемы его становления в постсоветский период, в частности, проблемы, связанные с принятием Земельного кодекса РФ 2001 г. Дана характеристика современных реалий формирования собственности в сфере земельных отношений. Проведён анализ современного состояния и основных тенденций дальнейшего развития земельного законодательства. Даны основные преимущества и недостатки Земельной реформы. Проанализированы ее плюсы и минусы. Предложен механизм защиты приобретенного права от неправомерного ограничения.*

Abstract: *The article is devoted to the formation and development of land legislation in the framework of the formation of land ownership rights.. The problems of its formation in the post-Soviet period are revealed, in particular, the problems associated with the adoption of the Land Code of the Russian Federation in 2001. A description of the modern realities of property formation in the field of land relations is given. The analysis of the current state and the main trends in the further development of land legislation is carried out. The main advantages and disadvantages of the Land Reform are given. Its advantages and disadvantages are analyzed. A mechanism is proposed to protect the acquired right from unlawful restriction.*

Ключевые слова. *Земельная реформа, гражданское и земельное законодательство, земельные участки, возникновение права собственности, государственная и частная собственность,*

Keywords. *Land reform, civil and land legislation, land plots, the emergence of property rights, public and private property,*

***Для цитирования**: Петров В.И., Пилюгина Т.В., Жуков А.А. Историко-правовая оценка развития нормативной базы становления права собственности в сфере земельных отношений: плюсы и минусы земельной реформы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 81-85. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_81.*

***For citation**: Petrov V.I., Pilyugina T.V., Zhukov A.A. Historical and legal assessment of the development of the regulatory framework the formation of property rights in the field of land relations: the pros and cons of land reform // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 81-85. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_81.*

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025

Современное общество сегодня вновь обращается к концепции права собственности, основанной на триаде полномочий собственника, заимствования в основе развития римского права, когда основным вопросом становится использование земли в рамках частной собственности.[1]

Девяностые годы прошлого столетия изменили не только политическую систему государства, но и ее экономическую составляющую. Развитие рыночных отношений способствует изменению нормативно-правовой базы экономических интересов, для создания свободной конкуренции во всех сферах экономики. Государственная собственность уступает собственности частной. Однако для этого необходим механизм правового регулирования новой экономической политики. Иными словами на законодательном уровне закрепляется право частной собственности. Принимается ряд законодательных документов, дающих право использовать частную собственность как товар рыночных отношений, формируется механизм реализации земельных отношений, когда монополия государства на землю становится основным объектом товарно-рыночных отношений новой экономической политики государства, когда субъект (собственник) земельного участка имеет право использовать его как товар торга гражданского оборота земли. Для создания правовой базы в постсоветский период потребовалось не одно десятилетие активной законодательной деятельности и политической борьбы между представителями прогрессивных и консервативных идей.

Особенно болезненным был вопрос о коммерциализации земель сельскохозяйственного назначения. Первая попытка решения земельного вопроса была предпринята в 1990 году, когда Верховный Совет СССР 28 февраля принял «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» и 6 марта Закон «О собственности в СССР». Проект Основ готовился в атмосфере ожесточенной борьбы между сторонниками сохранения государственной монополии на землю и теми, кто был за её разгосударствление. В итоге вместо понятия «частная собственность на землю» в Основах и в Законе «О собственности в СССР» появился компромиссный вариант – титул пожизненного наследуемого владения землей, который, по сути, являлся скрытой формой ограниченного права частной собственности.

Основами были также введены такие понятия как «аренда за землю» и «плата за землепользование». В целом исключительная монополия государства на землю была в какой-то мере поколеблена. Однако приближался распад СССР, и данные нормативные акты в скором времени прекратили свое действие. В дальнейшем реформирование земельных отношений продолжилось уже законодательством РСФСР и РФ и осуществлялось поэтапно.

Первый этап: за местными органами самоуправления закрепляется право распоряжаться землей; выявляются потребности частных и юридических лиц в земле; формируется земельный фонд для дальнейшего распределения; устанавливаются ставки земельного налога и цена на землю.

Вторым этапом становится осуществление перераспределения земель и закрепление их за гражданами и организациями на правах собственности, пользования и аренды; организовывается регистрация и учет гражданского оборота земель, а третий этап был связан с распределением земельных участков с целью сосредоточения их в руках эффективных собственников.

Краеугольным камнем здесь становится принятие Земельного (1991 г) [2] и Гражданского кодекса Российской Федерации (1994г),[3] регламентирующие практически все отношения жизнедеятельности общества, учитывая при этом и земельные отношения.

Учитывая оценку прошлых событий, следует отметить и тот факт, что имеющаяся на тот момент нормативная база, регламентирующая земельные от ношения (Законы «О земельной реформе»[4] и «О крестьянских(фермерских) хозяйствах (1990 г) [5], позволили внести изменения в имеющуюся Конституцию РСФСР (1990г), регламентировали возможность предоставления земельных участков в собственность, без возможности использования в сельскохозяйственных нуждах, а принятый Закон «О плате за землю» [6] подчеркнул судьбоносный критерий «вычленения из государственной собственности на землю – собственность частную и муниципальную. При этом закрепляя титул пожизненного наследуемого владения и постоянного (бессрочного) пользования землей. [7]

Вместе с тем, земельные нововведения и свои определенные минусы. Речь шла только об ограниченном праве собственности, поскольку вводится мораторий на куплю-продажу, дарение и иные сделки с землей сроком на 10 лет, за исключением садовых, дачных и приусадебных участков.

При исследовании ретроспективного анализа земельных отношений, обращает на себя внимание тот вопрос, когда в результате реорганизации земельной реформы более 95% колхозной и совхозной земельной собственности была отдана товариществам, обществам, кооперативам и фермерским хозяйствам. Соответственно порядком 1,5 млн. работающих в в них людей получили земельные наделы в размере от 2 до 15 га, что позволило используя свои доли в совместной и долевой собственности, не исключая и частную собственность. Такой решающий шаг со стороны законодателя гарантировал собственникам земельных участков их продажу независимо от срока его приобретения.[8] Вместе с тем, отмечалось, что проведение земельных сделок, позволило устранить мораторий на куплю-продажу земельных участков для четырех видов их целевого использования, определяя их целевое назначение.[9]

Заметим, с принятием нормативных актов «О продаже земельных участков гражданами и юридическими лицам при приватизации государственных и муниципальных предприятий»[10] и «Об утверждении порядка продажи земельных участков при приватизации государственных

и муниципальных предприятий, расширении и дополнительном строительстве этих предприятий, а также предоставлении гражданам и их объединениям для предпринимательской деятельности»[11] впервые была сформирована правовая модель реализации земли в несельскохозяйственной сфере. При этом круг собственников значительно расширился, собственниками земельных участков становятся любые физические и юридические лица, включая иностранцев и лица без гражданства. Однако, в последствии были внесены изменения, исключая иностранных граждан из гражданского оборота земельных отношений.

Безусловно, к середине 90-х годов складывается основной массив законодательных документов, представленных указами Президента и постановлениями Правительства 1991-1993 годов, регулирующих земельные отношения. Однако сама социально-экономическая ситуация двухтысячных годов диктует определенной кодификации новых правовых основ реформирования земельной реформы. В это время изменяется гражданское законодательство, принимается Земельный Кодекс Российской Федерации, [12] ставший правовой базой перераспределения земельного фонда, формирования частной собственности на землю и создания индивидуальных фермерских хозяйств как нового типа ведения сельского хозяйства. Вместе с тем измененное гражданское законодательство и кодификация земельных отношений сразу же вызвало ряд правовых дискуссий в сложности их разграничения, поскольку этот период, да и сегодня, значение земли для всего общества имеет особое значение и законодательное разграничение приобретает одну из самых острых проблем.

«Общественные отношения, опосредующие экономический оборот земельных участков (владение, пользование и распоряжение земельными участками, возникновение, осуществление и прекращение прав на них), являются содержательно однородными, что обусловливает признание их единым предметом правового регулирования и необходимость применения при их правовой регламентации единого метода». [13]

Очевидно, что в такой ситуации рассогласованность земельного и гражданского законодательства становится минусом реализации земельной реформы, проблемы приватизации, сложности оформления прав, противоречия в законодательстве и недооценку земель, затормозило ее развитие и вызвало споры, имея негативные последствия для рыночных отношений, связанных с экономическим оборотом в целом. Понятно, что процесс концентрации земли у одних, непроизвольно лишает доступа к ней других, создавая социальные проблемы.

В связи с чем, гражданское законодательство в отличие от земельного имеет более важную роль в имущественных отношениях, обеспечивая стабильность права собственности, с учетом земельных отношений. По сути, в гражданский оборот были введены наиболее значимые с экономической точки зрения земли промышленности и поселений. Другим важным нововведением стало закрепление принципа единства объекта недвижимого имущества – земельного участка и строений, расположенных на нем. [14].

Не остается без внимания и вопрос правовой регистрации прав на землю. Ключевую роль здесь играет юридическая гарантия имущественных отношений, что гарантирует собственникам использовать земельные участки на праве собственности, пожизненном наследовании, владении и аренде, а переход права собственности может осуществляться в рамках наследственных отношений. Однако, возможность приобретения права собственности на земельный участок поставлена в зависимость от момента оформления права собственности на объекты недвижимости.

С точки зрения правового анализа это сложный процесс со своими плюсами в виде формирования рынка земли, частной инициативы и рыночной экономики, но и с минусами, как социальное неравенство, неэффективное использование земель, проблемы с кадастром и правоприменением.

Вместе с тем, проводимая в России земельная политика не всегда была удачной, на первое место выступал основной вопрос правильности использования ценнейшего земельного ресурса, проявление которого крылось в неэффективности земельной собственности и ее экономической реализации. В итоге с проведением земельной реформы разрешились два основных проблемных вопроса - отношение собственности на землю и стоимостная оценка ее ресурсов.

Кроме того, необходимость выбора собственности на землю, затрагивающий противоречивые интересы разных субъектов, и, прежде всего непосредственных производителей сельскохозяйственной продукции, оказался главной проблемой в системе провозглашенных в начале 90-х годов радикальных аграрных реформ в России был разрешен.[15]

Следует отметить, главнейшим вопросом в области земельных прав, является, конечно же, собственность на землю. Классическая юриспруденция понимала собственность как неограниченное и исключительное правовое господство лица над вещью, как право свободное от ограничений по самому своему существу и абсолютное по своей защите. [16]

На наш взгляд, переосмысляя современные подходы к праву собственности на землю, отметим, триада правомочий собственника в России безупречно работает и имеет место быть и впредь, поскольку основывается на российском гражданском и земельном законодательстве. Право собственности на землю по своему содержанию дает возможность своему обладателю – собственнику правомерно самому определять использование, принадлежащего ему имущества и осуществлять над ним полное «хозяйственное господство». С этим нельзя не согласиться.

Принимая во внимание тот факт, что институт права собственности на землю, проделав долгий путь своего развития, сформировал механизм его реализации в рамках законодательства, позволяя собственникам земли, в рамках новых реалий современного мира и перехода к рыночной экономике, привел к усилению частноправовых элементов правового регулирования земельных отношений.

Давая оценку историко-правовой плоскости научного анализа становления права собственности на землю, следует признать, что земельная реформа урегулировала вопрос о частной собственности, однако в принятых нормативных актах не определены специальные нормы правового использования земельных участков титульных владельцев помещений в многоквартирных домах. Это немного другой правовой статус и регламентируется не только гражданским и земельным законодательством, но и жилищным. В силу чего такие владельцы долевой соб-

ственности пользуются земельным участком на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, проведение сделок с таким земельным имуществом невозможно.

Несмотря на то, что механизм становления собственности на землю в экономические процессы, а, принимаемые нормативные акты имели недостаточно точную концепцию развития управлением, тем не менее, было положено начало эффективному механизму радикальных изменений в земельных отношениях. «Земля не стала полноценным активом и для граждан, т.к. границы абсолютного большинства земельных участков все еще не зарегистрированы в соответствии с требованиями государства. Не стала она в полной мере экономическим активом для предпринимателей — предприятия ее либо не выкупают (даже по сниженным ценам), либо используют не по назначению. Существуют ограничения в получении кредита под залог участка. Повышение кадастровой стоимости земли в последние годы, хотя и повысило уровень поступлений в бюджет земельного налога, но создало повсеместно социальную напряженность».[17]

Зададимся вопросом, может ли земля стать драйвером развития промышленности России и при этом оставаться базовым условием комфортного и здорового проживания населения страны? Ответ неоднозначный.

Возможно, современная государственная политика, аккумулируя стратегические направления развития экономики России, формирует механизм превращения земли в мощный фактор воздействия на экономический рост и социальные преобразования в стране.

В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что право частной собственности на землю – это не только возможность распоряжаться земельным участком, но и важный элемент гарантии защиты экономической свободы граждан, вовлечённых в хозяйственную жизнь государства.

В целом, в свете вышеупомянутого, отметим, что история института частной собственности на землю уходит в далекое прошлое, и вместе с тем, каждый исторический период становления обладал самостоятельным правовым значением, образуя при этом право собственности на землю.

В современном мире институт права собственности на землю становится принципиально новой самостоятельной системой управления земельным фондом и оптимальной мерой обеспечения экономического развития государства.

И так, проведенное исследование позволяет авторам подвести итог становления института права на землю, выделив положительные и отрицательные проблемы постсоветской земельной реформы 1990 года.

Безусловно, эта земельная реформа заложила основы частной собственности на землю, ликвидировав монополию госсобственности на землю. Соответственно частная собственность становится мощным двигателем развития экономического потенциала, однако, без должного государственного регулирования частная собственность способна усугубить проблемы социального характера. В такой ситуации государство играет ключевую роль в установлении правил защиты собственности и интересов общества.

Устойчивость частной собственности на землю, имея юридическую предпосылку, ознаменовала фундаментальный сдвиг в земельных отношениях, противоречивыми результатами и неразвитым характером.

Таким образом, указанные выше плюсы и минусы реформирования Земельной реформы, вскрыли основные индикаторы механизма формирования земельных отношений, в паритете с правом владения, пользования и естественного распоряжения собственниками земли, являясь естественным и неотъемлемым правом человека.

Список литературы:

1. Гвоздева И. А., Гвоздева Т. Б. TERRITORIUM - категория римского земельного права //Аграрное и земельное право. 2017. № 2.
2. Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г. , № 44 , ст. 4147
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.94 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) //Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г. , № 32 , ст. 3301
4. Указ Президента РФ от 27.12.1991 № 323 "О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР" // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 1992 г. , № 1 , ст. 53
5. Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве //Собрание законодательства Российской Федерации от 2003 г. , № 24 , ст. 2249 (в замен утратившего силу Закона РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве (в ред. Законов РСФСР от 27.12.90 № 461-I, Федерального закона от 21.03.2002 № 31-ФЗ) .
6. Закон РФ от 11.10.1991 N 1738-1 (ред. от 26.06.2007) "О плате за землю"// Собрание законодательства РФ. 2007. – https://base.garant.ru/10105085/
7. Згонников, П.П. О проблемах становления и реализации права частной собственности на землю. / Згонников. П.П. // Правовые вопросы недвижимости. 2016. № 1.Информационый банк «Юридическая пресса».
8. Указ Президента Российской Федерации от 27.12.1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 1992 г. , N 1 , ст. 53 (утратил силу)
9. Законом РФ от 23 декабря 1992 года «О праве граждан Российской Федерации на получение в частную собственность и на продажу земельных участков для ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства и индивидуального жилищного строительства» // Собрание законодательства РФ – https://base.garant.ru/10105085/
10. Указ Президента РФ «О продаже земельных участков гражданами и юридическими лицами при приватизации государственных и муниципальных предприятий» от 25 марта 1992 (ред. от 25.01.1999) // // Собрание законодательства РФ – https://base.garant.ru/10105085/
11. Указ Президента РФ «Об утверждении порядка продажи земельных участков при приватизации государственных и муниципальных предприятий, расширении и дополнительном строительстве этих предприятий, а также предоставлении гражданам и их объединениям для предпринимательской деятельности» от 14 июня 1992 года (ред. от 25.01.1999) // Собрание законодательства РФ – https://base.garant.ru/10105085/
12. Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г. , № 44 , ст. 414
13. Чаплин Н. Ю. Гражданско-правовой режим земельных участков – Диссер. к. ю. наук - Москва – 2020
14. Лихолетова С.В. Принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право.2019.Т.18.№2 с.24-30
15. Гериханов, С. С. Земельная реформа на современном этапе / С. С. Гериханов.// Молодой ученый. 2017. № 4 (138). С. 587-590.
16. Воронцов С. А. Становление и развитие земельных отношений в России: история и современность - Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук - Краснодар – 2008
17. Колиева А.Э. Земельная реформа: проблемы регулирования земельных отношений» // Аграрное и земельное право.2023.№4;

References:

1. Gvozdeva I. A., Gvozdeva T. B. TERRITORY - a category of Roman land law //Agrarian and land law. 2017. № 2.
2. The Land Code of the Russian Federation" dated 25.10.2001 No. 136-FZ (as amended on 31.07.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 09/01/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation of 2001 , No. 44 , art. 4147
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation of 1994 , No. 32 , Article 3301
4. Decree of the President of the Russian Federation dated December 27, 1991 No. 323 "On urgent measures to implement land reform in the RSFSR" // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR of 1992, No. 1, art. 53
5. Federal Law No. 74-FZ dated 11.06.2003 "On Peasant (farmer) farming //Collection of Legislation of the Russian Federation of 2003, No. 24, Article 2249 (in place of the Law of the RSFSR "On Peasant (Farmer) Economy, which became invalid (as amended Laws of the RSFSR dated December 27, 1990 No. 461-I, Federal Law No. 31-FZ dated July 21, 2002) .
6. The Law of the Russian Federation of 11.10.1991 N 1738-1 (as amended on 26.06.2007) "On payment for land" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2007. – https://base .garant.ru/10105085/
7. Zgonnikov, P.P. On the problems of formation and realization of the right of private ownership of land. / Zgonnikov, P.P. // Legal issues of real estate. 2016. № 1.Information bank "Legal Press".
8. Decree of the President of the Russian Federation dated December 27, 1991, No. 323 "On urgent measures to implement land reform in the RSFSR." // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR of 1992 , No. 1 , Article 53 (abrogated)
9. The Law of the Russian Federation of December 23, 1992 "On the right of citizens of the Russian Federation to receive private ownership and sale of land plots for personal subsidiary and suburban farming, gardening and individual housing construction" // Collection of Legislation of the Russian Federation – https://base .garant.ru/10105085/
10. Decree of the President of the Russian Federation "On the sale of land plots by citizens and legal entities during the privatization of state and municipal enterprises" dated March 25, 1992 (as amended on 01/25/1999) // // Collection of Legislation of the Russian Federation – https://base .garant.ru/10105085/
11. Decree of the President of the Russian Federation "On approval of the procedure for the sale of land plots during the Privatization of State and Municipal Enterprises, expansion and additional construction of these enterprises, as well as provision to Citizens and their Associations for entrepreneurial activity" dated June 14, 1992 (as amended on January 25, 1999) // Collection of Legislation of the Russian Federation – https://base .garant.ru/10105085/
12. The Land Code of the Russian Federation" dated 25.10.2001 N 136-FZ (as amended on 31.07.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 09/01/2025)) // Collection of legislation of the Russian Federation of 2001, No. 44 , art. 414
13. Chaplin N. Y. Civil law regime of land plots – Dissertation of Candidate of Law sciences - Moscow – 2020
14. Likholetova S.V. The principle of the unity of the fate of land plots and objects firmly connected with them // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law.2019.T.18.No.2 p.24-30
15. Gerikhanov, S. S. Land reform at the present stage / S. S. Gerikhanov.// Young scientist. 2017. No. 4 (138). pp. 587-590.
16. Vorontsov S. A. The formation and development of land relations in Russia: history and modernity - Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law - Krasnodar – 2008
17. Kolieva A.E. Land reform: problems of regulation of land relations // Agrarian and land law.2023.№4;

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_86

УДК 340.1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТА СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS STATE RELIGIOUS POLICY AS AN ELEMENT OF THE NATIONAL SECURITY SYSTEM

БИДОВА Бэла Бертовна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
профессор кафедры правовых дисциплин филиала
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» в г. Пятигорске Ставропольского края,
360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173.
e-mail: bela_007@bk.ru

БЫСТРОВА Юлия Викторовна,
доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора
Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, г. Орёл,
360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173.
e-mail: zukova57@mail.ru.

МЕЛЕШКО Ольга Петровна,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173.
e-mail: olyameleshko@yandex.ru

BIDOVA Bela Bertovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
Professor of the Department of Legal Disciplines of the branch
Plekhanov Russian University of Economics in Pyatigorsk, Stavropol Territory
173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia.
e-mail: bela_007@bk.ru

BYSTROVA Yulia Viktorovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the REC for Legal Studies
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
Head of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision I. S. Turgenev Orel State University
173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia.
e-mail: zukova57@mail.ru .

MELESHKO Olga Petrovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the Center for Legal Research
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia.
e-mail: olyameleshko@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматривается проблема современного состояния религиозной безопасности в Российской Федерации. В ходе исследования проводится комплексный анализ содержания понятия «религиозная безопасность» с опорой на достижения современной правовой науки и результаты изучения нормативно-правовой базы Российской Федерации. На основе проведённого анализа авторами формулируется собственное определение понятия «религиозная безопасность», определены ключевые направления их научного осмысления, разработаны принципы систематизации данных угроз. В заключении авторами делается вывод о том, что прослеживается трансформация приоритетов в осмыслении угроз религиозной безопасности; угрозы религиозной безопасности представляют собой совокупность обстоятельств и факторов религиозной природы, способных нанести прямой либо опосредованный ущерб личности, социуму и государственным институтам; дискуссионность категориального аппарата и недостаточная разработанность типологии угроз религиозной безопасности обусловливают необходимость дальнейшего углублённого изучения концептуальных основ данного феномена.*

Abstract: *The article examines the problem of the current state of religious security in the Russian Federation. The study provides a comprehensive analysis of the content of the concept of "religious security" based on the achievements of modern legal science and the results of studying the regulatory framework of the Russian Federation. Based on the analysis, the authors formulate their own definition of the concept of "religious security", identify key areas of their scientific understanding, and develop principles for systematizing these threats. In conclusion, the authors conclude that there is a transformation of priorities in understanding threats to religious security; threats to religious security are a set of circumstances and factors of a religious nature capable of causing direct or indirect damage to individuals, society and state institutions; the controversial categorical apparatus and the insufficiently developed typology of threats to religious security necessitate further an in-depth study of the conceptual foundations of this phenomenon.*

Ключевые слова: *религиозная политика, государство, национальная безопасность, защищённость в религиозной сфере, факторы риска, духовно-конфессиональная стабильность.*

Keywords: *religious policy, state, national security, religious security, risk factors, spiritual and confessional stability.*

Для цитирования*: Бидова Б.Б., Быстрова Ю.В., Мелешко О.П. Теоретико-методологических основы государственной религиозной политики как элемента системы обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 86-89. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_86.*

For citation*: Bidova B.B., Bystrova Yu.V., Meleshko O.P. Theoretical and methodological foundations of state religious policy as an element of the national security system // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 86-89. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_86.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

В современной России проблемы безопасности находятся в центре внимания как государства, так и общества, что существенно влияет на исследовательские практики. Среди множества видов безопасности особое место занимает религиозная безопасность, актуальность которой обусловлена усилением влияния религиозной деструктивности на общественно-политическую жизнь. Выявление угроз играет ключевую роль в процессе концептуализации религиозной безопасности, поскольку составляет одну из основ её определения. Полноценная дефиниция должна охватывать все существенные признаки данного феномена, поэтому проблема определения угроз справедливо относится исследователями к числу основополагающих.

В этих условиях возрастает ответственность социогуманитарных наук за выявление и анализ угроз национальной безопасности в целом и религиозной безопасности в частности. Однако среди учёных до сих пор отсутствует единое понимание данного концепта, что затрудняет формирование целостной теоретической базы. Наблюдается парадоксальная ситуация: с одной стороны, исследования религиозной безопасности расширяются, охватывая новые аспекты и эмпирические данные; с другой — возникает острая потребность в теоретических обобщениях и систематизации накопленного материала. Это требует разработки единой методологической рамки и согласованных подходов к анализу угроз.

Исследование угроз религиозной безопасности представляет собой значимый сегмент изучения религиозной сферы и проблем религиозной безопасности как с позиций светского знания, так и с позиций конфессиональных учений [1, с.78]. В последние годы наблюдается рост исследовательского интереса к данной проблематике среди юристов, политологов, философов, религиоведов, социологов и авторов с конфессиональной ориентацией.

В рамках анализа научного дискурса по вопросам религиозной безопасности и её угроз особое внимание заслуживают работы А. В. Жукова, А. А. Жуковой, Н. П. Романовой, И. А. Тарасевича [2; 3, 4-6] и других исследователей. Однако процесс концептуализации религиозной безопасности сталкивается с существенными трудностями. Прежде всего, отсутствует юридическое оформление самого понятия «религиозная безопасность». Существующие категории, описывающие данный вид безопасности, зачастую остаются неопределёнными, дискуссионными и находятся в стадии разработки. Социогуманитарные науки предлагают широкий спектр подходов к освещению угроз религиозной безопасности, различающихся по степени обобщения и конкретизации.

Общим для большинства исследований является признание множественности угроз религиозной безопасности. Однако это обстоятельство затрудняет формирование целостной концепции, поскольку большинство существующих определений не охватывают всех существенных признаков данного феномена. Активная работа по выявлению, детализации и расширению перечня угроз ведётся в том числе в рамках юридической науки, которая достигла наибольших успехов в систематизации угроз религиозной безопасности. Для дальнейшего анализа предлагается принять за основу единую сложно структурированную систему «государство–общество» [7, с 85]. В условиях постсекулярности религиозность выступает качественной характеристикой этой системы, а религиозный мир — значимой частью общества. Логичным представляется рассматривать угрозы религиозной безопасности в современной России с позиции субъектов, от которых они исходят, и именно такой подход позволит перейти от описательных методов к систематизации, что будет продуктивно как в теоретическом, так и в практическом плане — для выявления и предотвращения угроз.

Анализ современного состояния научных исследований в области религиозной безопасности демонстрирует устойчивый рост числа публикаций по данной проблематике, что, в свою очередь, формирует обширное эмпирическое поле, необходимое для полноценной концептуализации данного сложного социально-политического явления. В рамках поставленной исследовательской цели первостепенной задачей выступает уточнение понятия «угрозы религиозной безопасности». В большинстве работ данное понятие детерминируется через категорию «угроз национальной безопасности» с опорой на положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, согласно которой национальная безопасность определяется как «состояние защищённости национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [8]. В свою очередь, угрозы национальной безопасности трактуются как «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации» [8]. Данная концептуальная рамка служит методологической основой для интерпретации угроз в сфере религиозной безопасности, требуя при этом учёта специфики религиозного фактора и его влияния на общественные процессы.

В современной научной литературе наблюдается существенное противоречие: при значительном внимании к содержанию угроз религиозной безопасности крайне редки попытки сформулировать чёткое определение данного понятия. Так, в докторской диссертации по юридическим наукам И. А. Тарасевич определяет угрозы религиозной безопасности России как «условия и факторы, возникающие в религиозной сфере и создающие прямую или косвенную возможность нанесения ущерба личности и государству» [6, с. 29]. Однако данное определение вызывает ряд критических замечаний. Во-первых, оно ограничивает источник угроз исключительно религиозной сферой, что представляется методологически некорректным в условиях современной России, где выделяются религиозная и нерелигиозная сферы (условно соотносимые как религиозность и светскость). Во-вторых, вызывает возражения трактовка самой религиозной сферы как «всех общественных отношений, в формировании и существовании которых присутствует религиозный фактор» [4, с. 30]. Подобный подход ведёт к неоправданному расширению границ понятия. Например, присутствие религиозного фактора в сфере юриспруденции не даёт оснований относить правовую систему Российской Федерации к конфессиональной. Аналогично Конституция РФ, фиксирующая принципы государственной религиозной политики, не является конфессиональным документом, несмотря на отражение в ней отдельных аспектов взаимодействия государства и религиозных организаций. Регулирование политики в отношении религиозности в системе «государство-общество» реализуется посредством государственно-конфессиональных отношений,

базовые принципы которых нормативно закреплены, прежде всего, в Конституции Российской Федерации [9, с.260].

Согласно логике Стратегии национальной безопасности, религиозную безопасность, в авторской интерпретации, можно представить как совокупность условий и факторов в религиозной сфере, призванных исключить прямую или косвенную возможность нанесения ущерба личности и государству. Исходя из этого концептуального подхода, представляется методологически обоснованным уточнить определение угроз религиозной безопасности как совокупности условий и факторов религиозного характера, создающих прямую или косвенную опасность для граждан, общества и государства.

Анализ исследовательской практики за последние более чем четверть века демонстрирует существенную динамику в понимании угроз религиозной безопасности: менялись как сами угрозы, их характер и специфика, так и приоритеты их изучения. В современном состоянии научного анализа данной проблематики в рамках социогуманитарных наук можно выделить ряд устойчивых тенденций, отражающих эволюцию подходов к осмыслению и систематизации угроз [10, с.70].

Анализ эволюции подходов к актуализации угроз религиозной безопасности демонстрирует существенную трансформацию исследовательских акцентов на протяжении последних десятилетий. В начале 1990-х гг. в качестве ключевых угроз выделялись нарушения свободы совести и свободы вероисповедания, а также несоблюдение государством принципа невмешательства в религиозные дела. Данный аспект признаётся потенциальной угрозой и ведущими религиозными организациями. С конца XX века актуализируется проблематика угроз конституционным принципам государственно-конфессиональных отношений, в частности — опасность клерикализации общественно-политической сферы современной России. В юридической науке доминирует подход, рассматривающий угрозы через призму их отражения в нормативно-правовых актах [11], что методологически обосновано. Эволюция исследовательского фокуса прослеживается следующим образом:

1) 1990-е гг.: акцент на обеспечении светскости государства и реализации прав и свобод в религиозной сфере;

2) середина 1990-х гг. — XXI век: осознание реальных угроз, исходящих от различных проявлений религиозности;

3) XXI век: повышенное внимание к проблемам религиозного фундаментализма, фанатизма, прозелитизма, экстремизма и терроризма.

В настоящее время изучение угроз религиозной безопасности оформилось в самостоятельное научное направление, характеризующееся активной динамикой развития. В современных исследованиях преобладает подход, при котором угрозы религиозной безопасности интерпретируются как опасности, исходящие непосредственно от религиозности и религиозного мира [12]. Особое внимание уделяется рискам, связанным с деятельностью новых религиозных движений и сект [13]. При этом анализ научной литературы выявил существенный недостаток: авторы крайне редко обращаются к результатам исследований в области религиоведения и социологии религии. Отдельным направлением выступает анализ угроз религиозного мира через призму сетевого взаимодействия, представленный в работах А. Ф. Мещеряковой [14], М. А. Куцая [15] и М. С. Топчиева [16]. В последние годы в социогуманитарных науках формируется сегмент исследований, рассматривающих проблематику религиозной безопасности и её угроз с позиции традиционных религиозных учений. Вместе с тем ряд предлагаемых решений вызывает серьёзные сомнения. К числу дискуссионных инициатив относятся: отказ от принципов федерализма; изменение модели государственно-конфессиональных отношений; ограничение субъектности защиты исключительно традиционными религиями и выстраивание отношений сотрудничества только с ними [19, с.20].

Рост разнообразия угроз религиозной безопасности актуализирует проблему их систематической классификации. Однако в современной научной литературе данная проблематика освещена фрагментарно: в абсолютном большинстве исследований вопрос классификации угроз не рассматривается, поскольку не входит в число приоритетных задач авторов, а обращение к угрозам зачастую носит вспомогательный характер.

Исключением являются работы И. А. Тарасевича, в которых представлено несколько вариантов классификации угроз религиозной безопасности [6]. Анализ данных классификаций показал, что, несмотря на различия в объёме перечня угроз, они базируются на однотипных методологических подходах. В качестве иллюстрации можно привести одну из предложенных И.А. Тарасевичем «типологий: а) религиозный экстремизм; б) прозелитизм; в) утрата религиозных традиций народов России как результат процесса глобализации; г) религиозные преступления; д) деятельность нетрадиционных для российского общества религиозных объединений деструктивной направленности отечественного и зарубежного происхождения» [6, с.29]. Сопоставление предложенной автором классификации угроз религиозной безопасности с общенаучными требованиями к систематизации знания выявляет её несоответствие базовым критериям данного метода. Согласно методологическим стандартам, классификация должна представлять совокупность изучаемых объектов в виде системы соподчинённых групп, сформированных на основе их сущностных свойств. Структура корректной классификации включает три обязательных элемента: делимое понятие, основание деления и члены деления. С учётом этого подхода классификация угроз религиозной безопасности может строиться по различным основаниям, что допускает существование множества вариантов систематизации.

На основе имеющихся исследовательских данных можно выделить следующие типологии угроз:

- по локализации: внутренние и внешние;
- по степени проявления: проявившиеся и латентные;
- по уровню реализации: реальные и потенциальные;
- по объекту воздействия: угрозы в отношении личности, общества и государства;
- по источнику происхождения: исходящие от различных субъектов общественно-политических отношений (государства, общества, религиозного мира как его части, а также от каждого из этих институтов в отдельности), от религиозного и светского секторов, от институционализированных и неинституционализированных субъектов, от государственных институтов или структур религиозного мира и т.д.

В рамках социогуманитарных наук проблематика угроз религиозной безопасности приобретает всё большую актуальность. Проведён-

ный анализ научной литературы позволил выявить ключевые тенденции в исследовании данной темы: во-первых, прослеживается трансформация акцентов в осмыслении и актуализации соответствующих угроз; во-вторых, преобладающая часть исследований фокусируется на угрозах как опасностях, исходящих непосредственно от религиозного сообщества; в-третьих, выделяется сегмент научных работ, анализирующих проблемы религиозной безопасности с позиций традиционных религиозных доктрин [18, с.299]. На основе систематизации существующих дефиниций предлагаем понимать под угрозами религиозной безопасности совокупность условий и факторов религиозного характера, способных создавать прямую или косвенную опасность для граждан, общества и государства.

В силу ограниченности объёма публикации анализ концептуализации религиозной безопасности и её угроз был сфокусирован на наиболее общих положениях. В перспективе первостепенной задачей выступает формирование единого категориального аппарата, обеспечивающего согласованность исследовательских подходов. Проведённый обзор научной литературы демонстрирует, что теоретическая разработка проблематики угроз религиозной безопасности находится на начальном этапе, что обусловливает необходимость углублённых эмпирических исследований с привлечением широкого спектра данных.

Список литературы:

1. Прокудина Н.В. Религиозный аспект национальной безопасности современной России // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2017. № 1. С. 75-82.
2. Жуков А.В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12. Ч. 4. С. 66-71.
3. Жуков А.В., Жукова А.А., Романова Н.П. Религиозная угроза как категория классического философского, религиоведческого и политического дискурса // Вестник ЗабГУ. 2018. Т. 24. № 2. С. 74-80.
4. Тарасевич И.А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2015. 49 с.
5. Тарасевич И.А. Религиозная безопасность Российской Федерации как объект конституционно-правового исследования // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 23-25.
6. Тарасевич И.А. Классификация угроз религиозной безопасности России: конституционно-правовой анализ // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №6. С. 23-29.
7. Донцев С.П. Исследования религиозной политики в современной России: проблематика и методология // Новый исторический вестник. 2024. №1 (79). С. 81-90.
8. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"// Указа опубликован на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 3 июля 2021 г. N 0001202107030001
9. Слобожникова В.С. Концептуализация угроз религиозной безопасности в исследовательских практиках современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 255-261.
10. Чернышева Ю.А., Рыбалко С.С., Голик Ю.В. Понятие религиозной безопасности: современное состояние и угрозы // Вопросы государства и права. 2023. № 3. С. 67-73.
11. Овчинников А. И. Религиозная безопасность России и роль права в её обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 7-15.
12. Петров С. И., Пыж В. В. Религиозный фактор и проблемы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации // Вопросы политологии. 2018. № 12 (40). С. 1173-1188.
13. Келеберда Н.Г. Религиозная безопасность России в условиях современных вызовов // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 2 (23). С. 113-117.
14. Мещерякова А.Ф. Религиозная безопасность и правовые аспекты ее обеспечения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 10. С. 98-102.
15. Куцая М.А. Религиозный компонент национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4(22). С. 18-22.
16. Топчиев М.С. Религиозные сети в контексте культурной безопасности юга России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 4 (49). С. 111-117.
17. Козлов С. В. Юридические механизмы обеспечения религиозной безопасности // Правоведение. 2016. № 11. С. 19-21.
18. Степаненко В. Е. Религиозная безопасность в России // Молодой ученый. 2024. № 43 (542). С. 297-300.

References:

1. Prokudina N.V. The religious aspect of national security in modern Russia // Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archeology. 2017. No. 1. pp. 75-82.
2. Zhukov A.V. Religious security as a subject of scientific discourse in post-Soviet Russia // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2017. No. 12. Part 4. pp. 66-71.
3. Zhukov A.V., Zhukova A.A., Romanova N.P. Religious threat as a category of classical philosophical, religious and political discourse // Bulletin of ZabGU. 2018. Vol. 24. No. 2. pp. 74-80.
4. Tarasevich I.A. Constitutional and legal foundations of religious security of the Russian Federation: abstract of the dissertation of Dr. yurid. sciences'. Tyumen, 2015. 49 p.
5. Tarasevich I.A. Religious security of the Russian Federation as an object of constitutional and legal research // Problems in Russian legislation. 2018. No. 2. pp. 23-25.
6. Tarasevich I.A. Classification of threats to religious security in Russia: constitutional and legal analysis // Gaps in Russian legislation. 2013. No. 6. pp. 23-29.
7. Dontsev S.P. Studies of religious policy in modern Russia: problems and methodology // New Historical Bulletin. 2024. No. 1 (79). pp. 81-90.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"// Decree published on the Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) July 3, 2021 N 0001202107030001
9. Slobozhnikova V.S. Conceptualization of threats to religious security in research practices in modern Russia // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 6 (131). pp. 255-261.
10. Chernysheva Yu.A., Rybalko S.S., Golik Yu.V. The concept of religious security: current state and threats // Issues of State and Law. 2023. No. 3. pp. 67-73.
11. Ovchinnikov A. I. Religious security of Russia and the role of law in ensuring it // North Caucasian Law Bulletin. 2014. No. 3. pp. 7-15.
12. Petrov S. I., Pyzh V. V. The religious factor and the problems of ensuring national security in the Russian Federation // Questions of political science. 2018. No. 12 (40). pp. 1173-1188.
13. Celeberda N.G. Religious security of Russia in the context of modern challenges // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2016. No. 2 (23). pp. 113-117.
14. Meshcheryakova A.F. Religious security and legal aspects of its provision // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2012. No. 10. pp. 98-102.
15. Kutsaya M.A. The religious component of the national security of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 4(22). pp. 18-22.
16. Topchiev M.S. Religious networks in the context of cultural security in southern Russia // The Caspian region: politics, economics, culture. 2016. No. 4 (49). pp. 111-117.
17. Kozlov S. V. Legal mechanisms for ensuring religious security // Law studies. 2016. No. 11. pp. 19-21.
18. Stepanenko V. E. Religious security in Russia // Young Scientist. 2024. No. 43 (542). pp. 297-300.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_90

УДК 340.69

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF LEGAL EXPERTISE IN DOMESTIC LEGISLATION

ПЕТРАКОВА Анна Сергеевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации,
Россия, г. Краснодар, ул. М. Седина, д. 168/1,
e-mail: petrakova_1984@list.ru

АБДУЛЛАЕВА Дарья Владимировна,
магистрант Краснодарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.
Россия, г. Краснодар, ул. М. Седина, д. 168/1
e-mail: petrakova_1984@list.ru

ДУВАНСКАЯ Полина Валентиновна,
магистрант Краснодарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.
Россия, г. Краснодар, ул. М. Седина, д. 168/1
e-mail: petrakova_1984@list.ru

PETRAKOVA Anna S.
Candidate of Philosophical Sciences, Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
Krasnodar, ul. M. Sedina, 168/1,
e-mail: petrakova_1984@list.ru

ABDULLAEVA Daria V.,
master's student, Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation.
Krasnodar, ul. M. Sedina, 168/1.
e-mail: petrakova_1984@list.ru

DUVANSKAYA Polina V.,
master's student, Krasnodar Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation.
Krasnodar, ul. M. Sedina, 168/1.
e-mail: petrakova_1984@list.ru

Краткая аннотация. *Исследование посвящено вопросам становления института правовой экспертизы в отечественном законодательстве. Авторами установлено, что первые попытки проведения экспертного исследования проектов законодательных актов предпринимались еще в период существования Российской империи. Проанализированы процесс генезиса правовой экспертизы в XX-XXI вв., а также правовые и организационно-управленческие условия, этому способствовавшие. Установлено, что в советский период российской истории правовая экспертиза развивается вместе с развитием законодательства, осуществляется фактически подразделениями тех же ведомств и органов власти, которые занимаются разработкой законопроектов. Формально закрепленного регламента проведения правовая экспертиза практически не имела, что обусловлено было стремлением обеспечить соответствие между принимаемыми законопроектами и выбранным политическим курсом. Более тщательная работа по регламентации процедуры правовой экспертизы начинается после 1990-х гг. и постепенно приводит к выделению и законодательному закреплению отдельных видов правовой экспертизы и утверждению уполномоченных лиц и подразделений по ее проведению.*

Abstract. *This study examines the development of the institution of legal expertise in Russian legislation. The authors found that the first attempts to conduct expert analysis of draft legislation were undertaken during the Russian Empire. The study analyzes the genesis of legal expertise in the 20th and 21st centuries, as well as the legal, organizational, and administrative conditions that facilitated it. It is established that during the Soviet period of Russian history, legal expertise evolved alongside the development of legislation and was essentially carried out by departments of the same agencies and government bodies that drafted legislation. Formally established regulations for legal expertise were virtually nonexistent, driven by the desire to ensure consistency between adopted bills and the chosen political course. More thorough work to regulate legal expertise procedures began after the 1990s and gradually led to the identification and legislative codification of specific types of legal expertise and the approval of authorized persons and departments for its implementation.*

Ключевые слова: *экспертиза, экспертное заключение, эксперт, регламент, нормативно-правовой акт, законопроект, нормотворчество.*

Keywords: *examination, expert opinion, expert, regulation, normative legal act, bill, rule-making.*

Для цитирования*: Петракова А.С., Абдуллаева Д.В., Дуванская П.В. Историко-правовые аспекты становления и развития института правовой экспертизы в отечественном законодательстве // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 90-93. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_90.*

For citation*: Petrakova A.S., Abdullayeva D.V., Duvanskaya P.V. Historical and legal aspects of the formation and development of the Institute of legal expertise in Russian legislation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 90-93. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_90.*

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Вопросы становления правового института экспертизы остаются чрезвычайно актуальными для юридической науки и правоприменительной практики на протяжении десятилетий по многим причинам. Во-первых, возможность выделения экспертизы как самостоятельного вида прикладного исследования и технологии совершенствования принимаемых решений появляется под влиянием изменений в социально-экономической и политической жизни, когда виды профессиональной деятельности, а с ними и научные знания, становятся узкоспециализированными. Во-вторых, сама по себе экспертиза в качестве инструмента анализа законности, обоснованности и своевременности любого правового

решения вызвана к жизни усложнением социальной практики и развитием демократических институтов, направленных на закрепление и обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем, процедура экспертного исследования, не смотря на свою важность, по сей день остается недостаточно регламентированной: в законодательстве и науке нет единого определения самой экспертизы и не выделены ее виды; технология экспертизы также является формально неустановленной; законодательно не конкретизированы все случаи привлечения к процессу принятия решений эксперта и специалиста, как и точно не определена разница в порядке их деятельности в случае привлечения. Эти и другие пока еще не решенные вопросы делают исследование проблемы генезиса правовой экспертизы важным и актуальным.

История экспертизы нормативно-правовых актов как разновидности правовой экспертизы является наименее изученной, но, по мнению отдельных экспертов, исторически первой среди других видов этой деятельности. Первые попытки правовой экспертизы в ходе процесса подготовки нормативных документов можно найти еще в период существования Российской империи [13, с. 2818].

В середине XIX века сформировалось и действовало неписаное правило согласовывать все нормативно-правовые акты, вносимые в Государственный совет, со II Отделением собственной его императорского величества канцелярии [16, с. 48-50]. Роль профессионалов – экспертов принимали на себя служащие в канцелярии. Исследователи исторических аспектов развития правовой экспертизы отмечают, что в XIX в. разработчики нормативно-правовых актов имели слабое представление о тонкостях юридической техники, что приводило к таким формулировкам, которые допускали возможность инотолкования и различной интерпретации законодательных норм [17, с. 138-139]. Практикующие специалисты в области права в основном занимались толкованием имеющихся законодательных положений, а не разработкой новых [15, с. 266-267]. Иными словами, по причине недостаточного владения методиками юридической техники развитие права шло медленно и не всегда принимаемые нормативно-правовые акты отвечали требованиям актуального состояния социальной практики.

Процесс экспертного исследования проектов нормативно-правовых актов не был юридически регламентирован, хотя исследования в области осуществления правовой экспертизы велись уже тогда. Примером развития правовой экспертизы косвенно может служить факт принятия за основу модели Конституции СССР от 1936 года при разработке и утверждении Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г. [1]. Затем в период Великой Отечественной войны в 1944г. Секретариат Президиума Верховного Совета РСФСР инициировал работу по разработке Положения о юридическом отделе Секретариата Президиума. Его первой и основной функцией стала правовая экспертиза законопроектов, подготовленных и вносимых на рассмотрение Советом Народных Комиссаров РСФСР. Помимо прочего за юридическим отделом также закреплялась обязанность разрабатывать проекты законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию РСФСР. Положение о юридическом отделе с перечисленными выше его основными функциями было официально утверждено в мае 1944г. [14]. Кроме указанного, в итоговом варианте положения в обязанности юридического отдела также была включена функция формировать справки о результатах экспертного исследования предлагаемого проекта нормативно-правового акта. Однако исторические факты свидетельствуют о том, что отдел также занимался подготовкой проектов законодательных актов. Иными словами, юридический отдел Секретариата Президиума Верховного Совета РСФСР выполнял две основные функции: подготовки нормативно-правовых актов и их правовой экспертизы.

В 1978 г. была принята новая Конституция СССР, которая закрепила право Президиума Верховного Совета СССР в межсессионный период заниматься разработкой изменений в законодательные акты страны и в период следующей сессии вносить их на рассмотрение Верховного Совета [2].

В 1980 году вместо Секретариата Президиума Верховного Совета РСФСР был учрежден аппарат, положение о котором утверждено 6 августа 1984 года. Однако в данном документе снова не были закреплены функции правовой экспертизы и разработки законопроектов. Обязанности юридического отдела по исследованию проектов нормативно-правовых актов и самой разработкой их в целом или отдельных положений вновь выполняются фактически, без формального закрепления.

Таким образом, официально экспертиза законопроектов не была регламентирована вплоть до 1991 года, поскольку разработка и принятие законов несли в себе не только объективно рациональный, но и политический смысл, а проведение правового исследования могло помешать реализации проводимого политического курса.

С 1991 года начинается процесс обособления правовой экспертизы проектов законодательных актов как отдельного вида юридической деятельности. Утверждается новое Положение об аппарате Верховного Совета РСФСР, в составе которого находятся юридический и редакционно-издательский отделы. Первый начинает официально выполнять функции исследования правовых документов на предмет соответствия действующим правовым нормам, в то время, как второй занимается анализом текста и вопросами соблюдения правил юридической техники. При этом само Положение об аппарате обозначенные функции прямо не называет [12].

В дальнейшем в Регламент Верховного Совета Российской Федерации в 1992 году вносятся изменения, которые определяли процедуру закрепления за каждым новым законопроектом головной комиссии, а также стадии подготовки проекта и сроки правовой экспертизы [3].

Таким образом, каждое новое законодательное предложение проходило правовую и лингвистическую экспертизу, реализуемую юридическим и редакционно-издательским отделами при Комитете Верховного Совета Российской Федерации. В свою очередь, финансово-экономическая экспертиза проводилась Высшим экономическим советом и Контрольно-бюджетным комитетом. Иными словами, именно в 1991-1992 гг. впервые формальное закрепление получают правовая, лексическая и финансово-экономическая экспертиза.

Далее вопрос о правовой регламентации процесса правовой экспертизы получает свое развитие не только в работе законодателей, но и ученых. В 1992 году в Парламентском центре Российской Федерации был подготовлен проект Положения об экспертизе проектов законов,

законодательных предложений и иных нормативно-правовых актов, внесенных на рассмотрение Верховного Совета Российской Федерации. В нем впервые появляется определение понятию правовой экспертизы, детерминируются виды экспертных работ.

В Положении содержится определение экспертизы законопроектов, обозначаются виды экспертных работ, сроки их реализации, а также устанавливаются те лица, которые могут быть экспертами в данной деятельности. Среди видов экспертных работ документ называет такие, как общие, специальные и дополнительные.

После принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году и утверждения в качестве представительного и законодательного органа Федерального Собрания Российской Федерации у каждой из палат российского парламента появляется возможность принимать самостоятельно свои регламенты. В 1994 году принимается Регламент Государственной Думы, официально закрепивший право ее комитетов и комиссий назначать независимую экспертизу законопроектов. В то же время Правовое управление Аппарата Государственной Думы получает полномочия проводить правовую и лексическую экспертизу законопроектов и отправлять их на научную экспертизу по поручению ответственного комитета [5].

С 2005 года Аппаратом Государственной Думы начинается официально проводиться юридико-техническая экспертиза, включенная в Регламент Государственной Думы Российской Федерации [6]. Дальнейшее развитие экспертизы проектов законодательных актов включает два важнейших факта: в 2006 году регламентирован такой вид экспертизы, как общественная [7], а в 2009 году – антикоррупционная, реализуемая комитетами Совета Федерации [9].

Рассматривая вопросы генезиза правовой экспертизы, нельзя обойти вниманием тот факт, что с 1999 года правом осуществления экспертизы проектов нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти наделяется Министерство юстиции Российской Федерации. Однако данные полномочия Минюст осуществляет исключительно на этапе подготовки нормативно-правовых актов, по просьбе самих федеральных органов исполнительной власти и в соответствии с заключенными с этими органами договорами [8].

Особый контроль содержания нормативно-правовых актов, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, стал вводиться с 2009 года с целью предотвращения включения в эти нормативные акты отдельных положений, способствующих развитию коррупции в федеральных органах исполнительной власти [9].

Далее в 2010 году в законодательстве, регулирующем проведение экспертизы нормативно-правовых актов происходят изменения: юридическая экспертиза переименована в правовую, появляется понятие «антикоррупционной экспертизы», а сама экспертиза становится обязательной и реализуется тем, кто выступает разработчиком проекта нормативно-правового акта [10].

Таким образом, до 2010 года правовая экспертиза использовалась для исследования проектов нормативно-правовых актов, разработанных федеральным органом исполнительной власти в качестве возможной, но не обязательной процедуры. Правовая экспертиза была утверждена типовыми положением о юридической службе федерального органа исполнительной власти [11].

Проведенное исследование показывает, что появление и развитие процесса правовой экспертизы является закономерностью, возникающей в связи с усложнением социально-политических, экономических и правовых отношений. Процессы демократизации общества постепенно привели к необходимости формирования нормативно-правовой основы функционирования социальной практики, отвечающей актуальным реалиям современности. Правовая экспертиза, в свою очередь, стала одним из механизмов совершенствования законодательства и расширения демократических механизмов развития общества.

При этом формирование технологии осуществления юридической экспертизы происходило одновременно с развитием теоретического фундамента ее исследования в качестве необходимого правового явления в условиях правового демократического государства. В ходе исследования также установлено, что правовая экспертиза и экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов зачастую не различались между собой как в законодательстве, так и в юридической науке, хотя в отдельных нормативно-правовых актах упоминаются и регламентируются другие виды правовой экспертизы, помимо экспертизы законопроектов. Также стоит отметить, что правовое регулирование экспертной деятельности в процессе ее становления было недостаточно конкретным и регламентированным, что, в свою очередь, приводило к отсутствию единообразия в ходе использования метода правовой экспертизы. Помимо прочего, исследование также показало, что в советский период российской истории экспертизой нормативно-правовых актов никогда не занималось независимое ведомство или ведомственное подразделение, поэтому вопрос об объективности экспертного заключения также долгое время оставался открытым.

Список литературы:

1. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
3. Об изменениях и дополнениях Регламента Верховного Совета РСФСР: Закон Российской Федерации от 18 июня 1992 г. № 3073-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1786.
4. О внесении изменений в Регламент Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 29 апреля 2009 г. № 149-СФ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 18 (ч. II). Ст. 2180.
5. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания - Парламента Российской Федерации // Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 25 марта 1994 г. № 80-1 ГД // Ведомости Федерального Собрания Российской Федерации. 1994. № 3. Ст. 160.
6. О внесении изменений в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и о признании утратившим силу положения пункта 1 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О внесении изменений в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 10 июня 2005 г. № 1978-IV ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 25. Ст. 2480.
7. О внесении изменений в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 10 марта 2006 г. № 2882-IV ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1269.
8. О внесении изменений и дополнений в Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009: Постановление Правительства Российской Федерации от 11 февраля 1999 г. № 154 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 8. Ст. 1026.

9. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 17 марта 2009 г. № 242 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 12. Ст. 1443.

10. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»: Постановление Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2010 г. № 72 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 9. Ст. 964.

11. Об утверждении типового положения о юридической службе федерального органа исполнительной власти: Постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2002 г. № 207 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 14. Ст. 1307.

12. Положение об аппарате Президиума Верховного Совета РСФСР (утверждено Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 августа 1984 г.) // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 1, С. 150-1.

13. Байгончокова Наргиза Алымбековна Законодательные акты императорской России об институте сведущих людей и применение их норм на практике // Актуальные проблемы российского права. 2014. №12 (49). С. 2816-2820.

14. Государственный архив Российской Федерации. Фонд А385. Опись 26. Дело 38.

15. Малютин Максим Анатольевич История развития института экспертизы // Известия ОГАУ. 2012. №36-1. С. 265-268.

16. Петренко А.В. Экспертиза как средство оптимизации правового регулирования: проблемы теории и практики: автореф. дис канд. юрид. наук. Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2018. – 32 с.

17. Светличный Александр Алексеевич Зарождение и развитие института специальных знаний в дореволюционной России // Актуальные проблемы российского права. 2015. №2. С. 137-144.

References:

1. Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (approved by the resolution of the Extraordinary 17th All-Russian Congress of Soviets of January 21, 1937) // Collection of Laws of the RSFSR. 1937. No. 2. Art. 11.

2. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted by the Supreme Soviet of the USSR on October 7, 1977) // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1977. No. 41. Art. 617.

3. On Amendments and Additions to the Rules of Procedure of the Supreme Soviet of the RSFSR: Law of the Russian Federation of June 18, 1992 No. 3073-1 // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. No. 30. Art. 1786.

4. On Amendments to the Rules of Procedure of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of April 29, 2009 No. 149-SF // Collected Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 18 (Part II). Art. 2180.

5. On the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly - the Parliament of the Russian Federation // Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of March 25, 1994 No. 80-1 GD // Vedomosti Federal Assembly of the Russian Federation. 1994. No. 3. Art. 160.

6. On Amendments to the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation and on recognizing as invalid the provisions of paragraph 1 of the Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation "On Amendments to the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation": Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of June 10, 2005 No. 1978-IV GD // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 25. Art. 2480.

7. On Amendments to the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation // Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of March 10, 2006 No. 2882-IV GD // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 12. Art. 1269.

8. On Amendments and Supplements to the Resolution of the Government of the Russian Federation of August 13, 1997 No. 1009: Resolution of the Government of the Russian Federation of February 11, 1999 No. 154 // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 8. Art. 1026.

9. On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation of March 17, 2009 No. 242 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 12. Art. 1443.

10. On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts": Resolution of the Government of the Russian Federation of February 20, 2010 No. 72 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 9. Article 964.

11. On Approval of the Model Regulations on the Legal Service of the Federal Executive Body: Resolution of the Government of the Russian Federation of April 2, 2002 No. 207 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 14. Article 1307.

12. Regulations on the Office of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR (approved by the Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of August 6, 1984) // Code of Laws of the RSFSR. 1988. Vol. 1, pp. 150-1.

13. Baigonchokova Nargiza Alymbekovna. Legislative acts of imperial Russia on the institution of knowledgeable people and the application of their norms in practice // Current problems of Russian law. 2014. No. 12 (49). pp. 2816-2820.

14. State Archives of the Russian Federation. Collection A385. Inventory 26. File 38.

15. Malyutin Maxim Anatolyevich. History of the development of the institution of examination // Izvestiya OGAU. 2012. No. 36-1. pp. 265-268.

16. Petrenko AV. Expertise as a means of optimizing legal regulation: problems of theory and practice: author's abstract. diss. candidate of legal sciences. Penza: Penza state University, 2018. – 32 p.

17. Svetlichny Alexander Alekseevich The emergence and development of the institute of special knowledge in pre-revolutionary Russia // Actual problems of Russian law. 2015. No. 2. P. 137-144.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_94

УДК 34

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА
LEGAL MEASURES TO COUNTER TRANSNATIONAL CORRUPTION IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER

ПРОЦЕНКО Евгений Дмитриевич,
профессор кафедры государственного права РГПУ им. А.И. Герцена, доктор юридических наук, профессор;
191181, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48-50-52.
E-mail: arrow54@yandex.ru

БАЙКЕЕВА Светлана Евгеньевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент;
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: baykeeva_sveta@mail.ru

PROTSENKO Evgeniy Dmitrievich,
professor of the department of public law
of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen, Doctor of Law, Professor;
48-50-52 Moika River Embankment, Saint Petersburg, Russia, 191181.
E-mail: arrow54@yandex.ru

BAYKEEVA Svetlana Evgenievna,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: baykeeva_sveta@mail.ru

Краткая аннотация: *В настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы противодействия транснациональной коррупции. Особый интерес представляют изложенные авторами правовые меры, направленные на эффективное противодействие транснациональной коррупции, а также предложения по их совершенствованию с учётом сложившейся практики и положительного опыта зарубежных государств в сфере противодействия этому опасному явлению.*

Abstract: *This article discusses current issues related to combating transnational corruption. Of particular interest are the international legal measures outlined by the authors aimed at effectively combating transnational corruption, as well as proposals for their improvement, taking into account the existing practices and positive experiences of foreign countries in combating this dangerous phenomenon.*

Ключевые слова: *транснациональная коррупция, взятка, антикоррупционный комплаенс, токен, блокчейн, противодействие коррупции.*

Keywords: *transnational corruption, bribery, anti-corruption compliance, token, blockchain, anti-corruption measures.*

Для цитирования*: Проценко Е.Д., Байкеева С.Е. Правовые меры противодействия транснациональной коррупции в условиях трансформации мирового порядка // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 94-96. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_94.*

For citation*: Protsenko E.D., Baykeeva S.E. Legal measures to counteract transnational corruption in the context of the transformation of the world order // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 94-96. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_94.*

Статья поступила в редакцию: 17.02.2026

С начала XXI века в борьбе с транснациональной преступностью произошли кардинальные изменения. Обязательные международные соглашения, такие как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и Конвенция против коррупции, являются примерами почти универсально принятых принципов и мандатов, которые трудно было предвидеть поколение назад. С момента появления Интернета мир стал свидетелем взрывного роста и развития технологий, которые предоставляют нам все новые средства доступа к информации и связи друг с другом. В настоящее время эти технологии доступны в большинстве стран мира.

Общественные процессы находятся в постоянном движении. По-настоящему глобализированный мир пришел с компьютерами, портативными технологиями и доступом к Интернету, которым обладает значительная часть населения планеты. Новые возможности дают почву возникновению и развитию новых коррупционных правонарушений. Использование возможностей интернета позволяет преступникам создавать все новые схемы коррупционных деяний. Так, С. А. Попова и С. В. Акулин отмечают, что «При использовании цифровых технологий можно выявить разные способы в виде цифрового продукта получения незаконного вознаграждения должностными лицами. Получение взятки в виде цифрового продукта - это криптовалюта и NFT» [4, с. 180]. После начала специальной военной операции Российская Федерация была исключена из ГРЕКО в марте 2022 г. 15 марта Россия инициировала процедуру выхода из Совета Европы (СЕ). В тот же день Парламентская ассамблея СЕ (ПАСЕ) единогласно проголосовала за исключение России из организации. 16 марта Комитет министров, для которого заключение ПАСЕ формально не обязательно, принял решение, что Российская Федерация с этого дня, спустя 26 лет членства, прекращает быть участницей Совета Европы. Министр иностранных дел Сергей Лавров так пояснил выход Российской Федерации из ГРЕКО: «Москва хотела остаться в ряде конвенций Совета Европы, но западные страны пытаются ущемить права РФ в этих документах ... Вот сейчас из международной конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, так называемая группа ГРЕКО, мы выходим ровно по этой причине...» [6]. Уже феврале 2023 г. Госдума приняла законопроект Президента России о денонсации Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию.

Также в феврале 2023 г. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) приостановила членство России в организации. По данным информационного агентства Интерфакс, «в Росфинмониторинге подчеркнули, что такое решение организации «является безосновательным, не опирается на установленные процедуры и выходит за рамки мандата данной организации, ... идет вразрез с целями ФАТФ по защите финансовых систем и экономики в целом от угроз отмывания денег, финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения, а также техническим характером Группы» [7].

Выход России из ряда международных организаций и институтов, конечно, не означает, что в стране воцаряется беззаконие и анархия. Руководство государством проводит кардинальный пересмотр обязательств перед международными организациями, которые демонстрируют процесс деградации международной системы обеспечения прав человека и «демонстрируют ангажированность и русофобию» [8].

Прекращение участия России в международных организациях по борьбе с транснациональной коррупций, как нам представляется, становится стимулом к выработке новых подходов к противодействию этому явлению, а так же созданию принципиально иных международных организаций.

Так к примеру, борьба с коррупцией является важным направлением деятельности Шанхайской организации сотрудничества (далее - ШОС), созданной в 2001 г. главами России, Китая, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана (в настоящий момент к организации присоединились Индия (2017 г.), Пакистан (2017 г.), Иран (2022 г.) и Белоруссия (2024 г.). В Москве и Владимире с 15 по 21 мая 2011 г. проходил Второй форум ректоров академий государственной службы государств-членов ШОС, посвященный борьбе с коррупцией. Члены форума обсудили основные причины и факторы коррупционных проявлений, а так же выработали новые подходы к противодействию коррупции. 20 октября 2020 г. состоялось очередное заседание генеральных прокуроров государств-членов ШОС, посвященное борьбе с коррупцией. Генеральный секретарь ШОС Владимир Норов в своем выступлении отметил, что «в соответствии со Стратегией развития ШОС до 2025 года борьба с коррупцией является одним из приоритетов Организации в области обеспечения региональной безопасности и стабильности» [9]. В ходе заседания были выработаны рекомендации по объединению усилий в противодействии международной коррупции и созданию единого антикоррупционного фронта государств-членов ШОС.

Вопросы противодействия транснациональной коррупции стали предметом обсуждения в рамках международной организации БРИКС [10]. В 2015 г. была создана Антикоррупционная рабочая группа БРИКС, участники которой, представители правоохранительных органов стран-участниц, разрабатывают программы сотрудничества по борьбе с транснациональной коррупцией. «Группа сосредоточена на обсуждении вопросов антикоррупционного сотрудничества в сфере возврата активов, обмене опытом антикоррупционных достижений, выработке консолидированной позиции по ключевым темам Антикоррупционной рабочей группы «Группы двадцати» и других международных форматов» - говорится на портале Генеральной прокуратуры РФ [11]. К основным задачам группы можно отнести увеличение сферы применения инструментов против коррупции, организация внедрения современных образовательных антикоррупционных программ и научно-представительских и методических мероприятий, обеспечение координации и сотрудничества правоохранительных органов стран-участников в борьбе с международной коррупцией.

С 10 по 12 сентября 2024 г. в Санкт-Петербурге в Президентской библиотеке им. Б. Н. Ельцина прошла встреча высоких представителей государств БРИКС и «БРИКС плюс» по вопросам безопасности, где, в том числе, обсуждались вопросы противодействия коррупции и отмывания доходов. «Мы отталкиваемся от накопленного БРИКС действительно солидного опыта взаимодействия в деле реагирования на угрозы ... На завершающей стадии находится согласование решения об учреждении в БРИКС совета по вопросам противодействия терроризму и отмыванию денег» [12], заявил 12 сентября на встрече с представителями государств БРИКС и «БРИКС плюс» Президент России Владимир Путин.

В 2000 году было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭс), членами которого стали Россия, Республика Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. На базе ЕврАзЭс был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС). 29 мая 2014 г. был принят Договор о евразийском экономическом союзе, участниками которого стали Россия, Беларусь, Казахстан. С 2015 г. членами ЕАЭС являются, так же, Армения и Кыргызстан. Созданная организация «Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. В рамках данного Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза» [1, с. 63]. Уже в рамках 14-ого заседания Объединенного совета таможенных служб государств-членов ЕАЭС премьер-министр Армении О. Абрамян отметил: «Приоритетами таможенных служб ЕАЭС должны быть борьба с таможенными преступлениями и коррупцией, а также вопросы, касающиеся определения таможенной стоимости, управления рисками и обмена информацией электронным способом» [13].

Противодействие транснациональной коррупции, осуществляемое в рамках деятельности организаций ЕАЭС, ШОС и БРИКС с каждым днем осуществляется все более эффективно, в процессе взаимодействия государств вырабатываются новые формы и методы борьбы с этим явлением, а современные подходы к этому процессу интегрируются в проводящиеся в государствах-членах ШОС, БРИКС и ЕАЭС реформы.

8 июня 2024 г. ответственный секретарь оргкомитета Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) Антон Кобяков в интервью журналистам рассказал о том, что к организациям ШОС, БРИКС и ЕАЭС заявляют желание присоединиться ряд государств: «Россия со своими партнёрами создала БРИКС, ШОС, ЕАЭС. Сейчас с нами большинство жителей Земли, уже почти 45% мировой экономики. В настоящее время ещё 59 новых стран заявили о своих намерениях вступить в эти объединения, заявили о стремлении наладить практическое сотруд-

ничество в новых форматах» [14].

Представляется, что в целях эффективного противодействия транснациональной коррупции являлось бы целесообразным предпринять ряд мер, а именно:

1) Рассмотреть вопрос о разработке и принятии новых антикоррупционных документов организаций ШОС, БРИКС и ЕАЭС, которые учитывали бы национальные интересы и специфику правовых систем участвующих в них государств, включая особенности законодательного регулирования в области противодействия транснациональной коррупции.

2) На базе законодательства государств-членов БРИКС выработать единый стандарт противодействия транснациональной коррупции, который создаст равновесие между национальным и международным законодательством, а так же позволит унифицировать нормативные правовые акты, регулирующие борьбу с коррупцией.

3) Выработать новые подходы к сотрудничеству в рамках противодействия транснациональной коррупции с международными организациями, таким, как ООН, ОЭСР, АТЭС и др.

Таким образом, сегодня, когда проблема транснациональной коррупции не решена, а коррупционные проявления происходят все чаще, противодействие ей должно преодолевать рамки либеральной экономической политики. Разработка и принятие законодательных актов, учитывающих все проявления коррупции, станет тем шагом, который позволит приблизиться к решению этой проблемы, а так же важным будет создание принципиально нового международного органа, призванного к разработке, принятию и реализации международной стратегии противодействия транснациональной коррупции.

Список литературы:

1. Губин А. М. Договор о Евразийском экономическом союзе: правовой анализ // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2021. № 1. - С. 62-68.
2. Интернет в России. — М.: Дизайн-студия RE-FORM, 2023. — 207 с.
3. Купцова И. А., Васильева Ю. С. Цифровизация культуры: токен-технологии как новая форма репрезентации искусства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 1 (882). С. 147. С. 145–150.
4. Попова С. А., Акулин С. В. Новые формы коррупции, связанные с цифровыми технологиями // Юридическая наука. 2023. № 3. - С. 178-174.
5. Федоренко Н. В. Использование технологии распределенного реестра (блокчейн) в цивилистическом процессе и блокчейн-арбитраж / Н. В. Федоренко // Гармонизация национальных правовых систем в условиях современного развития Евразийского экономического союза : Сборник научных статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 08–10 сентября 2022 года / Под редакцией А.Н. Позднышова, И.В. Рукавишниковой, Р.Г. Непранова. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. – С. 245-148.
6. Электронный ресурс: // https://ria.ru/20230215/se-1852183732.html?in=t (дата обращения 10.02.2026).
7. Электронный ресурс: // https://www.interfax.ru/business/887639 (дата обращения 10.02.2026).
8. Электронный ресурс: // https://ria.ru/20231204/rusofobiya-1913747262.html?in=t (дата обращения 17.02.2026).
9. Электронный ресурс: http://www.infoshos.ru/ru/?idn=26732 (дата обращения 12.02.2026)
10. Электронный ресурс: https://anticor.hse.ru/main/organization/BRICS © Антикоррупционный центр НИУ ВШЭ (дата обращения 12.02.2026).
11. Электронный ресурс: https://anticorruption.life/brics/ (Дата обращения.12.02.2026)
12. Электронный ресурс: // https://ria.ru/20240912/briks-1972255229.html (дата обращения 12.02.2026).
13. Электронный ресурс: https://news.am/rus/news/257993.html (дата обращения 17.02.2026)
14. Электронный ресурс: https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3894264 (дата обращения 10.02.2026)

References:

1. Gubin A.M. The Treaty on the Eurasian Economic Union: a legal analysis // International cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law. 2021. No. 1. pp. 62-68.
2. The Internet in Russia. Moscow: RE—FORM Design Studio, 2023. 207 p.
3. Kuptsova I. A., Vasilyeva Yu.S. Digitalization of culture: token technologies as a new form of art representation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2024. Issue 1 (882). p. 147. pp. 145-150.
4. Popova S. A., Akulin S. V. New forms of corruption related to digital technologies // Legal science. 2023. No. 3. pp. 178-174.
5. Fedorenko N. V. The use of distributed registry technology (blockchain) in the civil process and blockchain arbitration / N. V. Fedorenko // Harmonization of national legal systems in the context of modern development of the Eurasian Economic Union : Collection of scientific articles on the materials of the XVII International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, September 08-10 , 2022 / Edited by A.N. Pozdnyshov, I.V. Rukavishnikova, R.G. Nepranova. Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics "RINH", 2023. pp. 245-148.
6. Electronic resource: // https://ria.ru/20230215/se-1852183732.html?in=t (accessed 02/10/2026).
7. Electronic resource: // https://www.interfax.ru/business/887639 (accessed 02/10/2026).
8. Electronic resource: // https://ria.ru/20231204/rusofobiya-1913747262.html?in=t (accessed 02/17/2026).
9. Electronic resource: http://www.infoshos.ru/ru/?idn=26732 (accessed 12.02.2026)
10. Electronic resource: https://anticor.hse.ru/main/organization/BRICS © HSE Anti-Corruption Center (accessed 12.02.2026).
11. Electronic resource: https://anticorruption.life/brics / (Date of request.12.02.2026)
12. Electronic resource: // https://ria.ru/20240912/briks-1972255229.html (accessed 12.02.2026).
13. Electronic resource: https://news.am/rus/news/257993.html (accessed 02/17/2026)
14. Electronic resource: https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3894264 (accessed 02/10/2026)

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_97

УДК 34

КОНКУРЕНЦИЯ ПОНЯТИЙ: «ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ», «ПРИНЦИП ПРАВА», «ПРАВОВАЯ ИДЕЯ» В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА
COMPETITION OF CONCEPTS: "LEGAL VALUE", "PRINCIPLE OF LAW", "LEGAL IDEA" IN THE CONTEXT OF SYSTEM ANALYSIS

СОКОЛОВ Вадим Вячеславович
кандидат исторических наук, доцент
Сенатор Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации г. Москва.
Россия, г. Москва.
E-mail: proff-mast@mail.ru

SOKOLOV Vadim Vyacheslavovich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Senator of the Russian Federation The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation Moscow.
Russia, Moscow.
E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация: *Настоящее исследование осуществляет системный анализ ключевых метаюридических категорий — «правовая ценность», «правовая идея» и «принцип права» — с целью преодоления их мнимой терминологической конкуренции и выявления их координированных функций в архитектонике правовой реальности. Посредством методологии стратификации и генетического прослеживания связей доказывается, что данные понятия не являются взаимозаменяемыми, но образуют иерархическую цепь последовательной трансформации абстрактного в конкретное. В работе обосновывается тезис, согласно которому правовая ценность (справедливость, свобода, достоинство), выступая трансцендентным оценочным критерием из внешней социокультурной среды, генерирует правовую идею как рационально-концептуальный проект. Последняя, в свою очередь, в процессе позитивации кристаллизуется в принцип права – нормативно-руководящее начало, выполняющее роль системообразующего каркаса внутри догмы позитивного права. В исследовании проводится синтез позиций ведущих отечественных теоретиков права, что позволяет дифференцировать дискурсивные практики, соответствующие каждой категории: философско-аксиологическую, доктринально-теоретическую и догматико-техническую. Итоговый вывод заключается в том, что диалектическое единство и функциональное взаимодействие ценностей, идей и принципов образует жизненно важный канал легитимации и адаптации правовой системы, обеспечивая ее соответствие динамичным социальным запросам при сохранении системной целостности и профессиональной автономии. Результаты исследования обладают потенциалом для применения в решении теоретических проблем источников и толкования права, а также практических вопросов совершенствования законодательства и судебной практики.*

Abstract: *This study provides a systematic analysis of the key meta-legal categories of “legal value,” “legal idea,” and “principle of law” in order to overcome their apparent terminological competition and identify their coordinated functions in the architecture of legal reality. Through the methodology of stratification and genetic tracing of connections, it is demonstrated that these concepts are not interchangeable, but rather form a hierarchical chain of sequential transformation from the abstract to the concrete. The study substantiates the thesis that a legal value (justice, freedom, and dignity), as a transcendent evaluative criterion from the external socio-cultural environment, generates a legal idea as a rational-conceptual project. This idea, in turn, crystallizes into a principle of law during the process of positivization, which serves as a normative guide and a system-forming framework within the dogma of positive law. The study synthesizes the positions of leading Russian legal theorists, allowing for the differentiation of discursive practices corresponding to each category: philosophical-axiological, doctrinal-theoretical, and dogmatic-technical. The final conclusion is that the dialectical unity and functional interaction of values, ideas, and principles form a vital channel for the legitimization and adaptation of the legal system, ensuring its compliance with dynamic social demands while maintaining its systemic integrity and professional autonomy. The results of this study have the potential to address theoretical issues related to the sources and interpretation of law, as well as practical concerns regarding the improvement of legislation and judicial practice.*

Ключевые слова: *правовая ценность, принцип права, правовая идея, система права, аксиология права, правогенез, либертарно-юридическая школа, легитимность права.*

Keywords: *legal value, legal principle, legal idea, legal system, legal axiology, legal genesis, libertarian legal school, and legal legitimacy.*

Для цитирования*: Соколов В.В. Конкуренция понятий: «правовая ценность», «принцип права», «правовая идея» в контексте системного анализа // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 97-100. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_97.*

For citation*: Sokolov V.V. Competition of concepts: "legal value", "principle of law", "legal idea" in the context of system analysis // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 97-100. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_97.*

Статья поступила в редакцию: 19.01.2026

Современная теоретико-правовая парадигма, пребывая в состоянии постнеклассического синтеза, демонстрирует повышенный интерес к вопросам метаюридического обоснования права, что неминуемо актуализирует проблему категориального аппарата, используемого для описания его глубинных оснований. В этом контексте наблюдается устойчивый и отчасти перманентный гносеологический дискурс, центрированный вокруг ряда категорий, претендующих на роль фундаментальных, конституирующих элементов правовой реальности. К их числу, бесспорно, относятся «правовая ценность», «принцип права» и «правовая идея». Их концептуальная близость, частые случаи синонимического или взаимозаменяемого употребления в доктринальных текстах, а также методологическая нестрогость в определении их содержательных и функциональных границ порождают ситуацию терминологической конкуренции и семантического «перетекания», что существенно затрудняет построение непротиворечивой онтологии права и ведет к методологической эклектике в конкретно-правовых исследованиях.

Системный анализ, предполагающий холистическое рассмотрение правовых явлений как элементов динамической и многоуровневой целостности, связанных устойчивыми иерархическими, генетическими и функциональными связями, выступает в данном контексте необходимым и продуктивным инструментом для демистификации этой кажущейся конкуренции, для выявления их специфики, а также для реконструкции логики их взаимодействия в процессе правообразования и правореализации.

Отечественная правовая мысль, особенно в трудах представителей либертарно-юридической школы, активно разрабатывала аксио-

логические аспекты права, подчеркивая первичность и трансцендентный характер правовых ценностей.

В. С. Нерсесянц, обосновывая понятие «правового закона», исходил из того, что право по своей сути есть нормативное выражение и мера свободы, что и составляет его высшую, имманентную ценность [1]. Таким образом, правовая ценность (свобода) у него онтологически предшествует позитивному закону и выступает критерием его правового качества. Сходные позиции, хотя и с иных философских оснований, развивает А. В. Поляков, рассматривающий право как коммуникативную систему, легитимируемую через соответствие интегративной правовой ценности справедливости, понимаемой как формальное равенство. В его коммуникативной теории ценность является не внешним, а имманентным праву элементом, но элементом идеально-должного порядка, конституирующим саму возможность правовой коммуникации [2].

Исходным системообразующим, прото-феноменальным пластом представляется категория правовой ценности. В аксиологическом измерении права именно ценность выступает первичным субстратом, тем социально-значимым и культурно-обусловленным идеалом, который предшествует позитивации и имманентно направляет правотворчество и правоприменение [3]. Правовые ценности (справедливость, свобода, безопасность, равенство, достоинство, правопорядок) носят трансцендентный по отношению к конкретной, исторически сложившейся правовой системе характер, будучи укорененными в коллективном правосознании, философско-этических основаниях культуры и общих представлениях о должном социальном порядке [4]. Они выполняют роль внешнего, по отношению к системе позитивного права, оценочного критерия, обладающего мощным легитимирующим или, напротив, критическим и даже революционным потенциалом. Ценность сама по себе лишена нормативной определенности; она есть призыв, ориентир, а не инструкция.

Например, ценность справедливости, будучи абсолютно признаваемой, может конкретизироваться в диаметрально противоположных моделях: от аристотелевской дистрибутивной и корректирующей справедливости до утилитаристской или либертарианской ее интерпретаций [5].

Таким образом, правовая ценность в системной модели занимает позицию в сфере «входа» или внешней среды (в терминах теории Н. Лумана), оказывающей постоянное, но диффузное детерминирующее воздействие на правовую систему, задавая общий вектор ее развития и служа верховным мерилом ее адекватности социальным ожиданиям и нравственным императивам [6]. Она является тем семантическим резервуаром, из которого правовая система черпает легитимность и смысл, осуществляя селекцию и трансформацию социальных коммуникаций в юридические.

Следующим, более конкретизированным и рационализированным звеном в цепи опредмечивания ценности выступает категория правовой идеи. Если ценность абстрактна, эмоционально-оценочна и обладает характером безусловного долженствования, то правовая идея представляет собой ее первое рационально-концептуальное и отчасти инструментальное оформление, определенный интеллектуальный проект или модель оптимального правового регулирования в той или иной сфере общественных отношений. Правовая идея служит незаменимым интеллектуальным медиатором между аксиологическим императивом и будущей догматической конструкцией.

В отечественной доктрине понятие «правовая идея» не получило столь же детальной разработки, как «принцип права», однако ее роль как промежуточного звена отмечалась рядом авторов. Е. В. Васьковский, анализируя логику юридической конструкции, по сути, описывал работу с правовыми идеями как с «основными мыслями», которые предшествуют конкретным нормам и направляют развитие права [7].

В современной науке М. Н. Марченко указывал на то, что правовые идеи, такие как идея народного суверенитета или идея неотчуждаемых прав, составляют мировоззренческий фундамент правовой системы и предшествуют формулированию принципов [8].

В. Д. Зорькин, рассматривая конституционализм, подчеркивает, что ключевые конституционные идеи (например, идея ограничения власти правом) являются продуктом длительного историко-культурного развития и ценностного выбора общества [9].

Правовая идея транслирует ценность (например, свободу, безопасность или равенство) в плоскость юридической техники и институционального дизайна, предлагая конкретные, хотя еще и доктринальные, способы ее институционализации.

Так представляется, что ценность свободы индивида порождает комплекс взаимосвязанных правовых идей: идею субъективного публичного права, идею автономии воли в частном праве, идею прав человека как неотчуждаемого статуса.

Ценность справедливости, в свою очередь, опредмечивается в идее соразмерности (пропорциональности) ограничения прав, идее баланса интересов, идее ответственности за вину. В системной структуре правовая идея располагается на критически важном стыке внешней среды (аксиосфера) и внутренней организации системы (нормосфера), выполняя функции «переводчика», «проектировщика» и «проводника». Она адаптирует внеправовые социальные, этические и политические запросы, сформулированные на языке ценностей, к операциональному языку и логике права. При этом одна и та же базовая ценность может давать начало конкурирующим правовыми идеям в различных правовых культурах или исторических периодах (сравним, например, идею «правового государства» в континентальной традиции и идею «верховенства права» в англосаксонской).

Наконец, принцип права представляет собой результат окончательной нормативной кристаллизации и синтеза как правовой идеи, так и стоящей за ней фундаментальной ценности. Принцип права – это уже полноправный элемент внутренней, самореферентной организации самой правовой системы, обладающий прямой нормативностью, пусть и особого, высшего, системообразующего порядка [10].

Именно принципам права в российской теоретической юриспруденции уделено максимальное внимание. Классическим стало определение М. И. Байтина, который понимал под принципами права основополагающие, руководящие идеи (обращая внимание на их генетическую связь с идеями), которые закрепляют объективные закономерности общественной жизни и выражают сущность, содержание и социальное назначение права [11].

В. Н. Хропанюк подчеркивал их нормативный характер, указывая, что принципы права есть основные нормативно-руководящие нача-

ла, характеризующие его содержание и основы правового регулирования [12].

Детальный системный анализ принципов проведен С. С. Алексеевым, который рассматривал их в качестве специфического, «стержневого» элемента системы права, выполняющего роль несущей конструкции, обеспечивающей единство и стабильность правового порядка. Он же отмечал двойственную природу принципов, которые, с одной стороны, выражают закономерности права как социального явления (ценностно-идеологический аспект), а с другой – являются рабочим инструментом правового регулирования (догматический аспект) [13].

А. Ф. Черданцев, развивая системный подход, рассматривал принципы как нормы высшего порядка, интегрирующие всю правовую систему и определяющие логику ее функционирования [14]. Он закрепляется непосредственно в текстах правовых актов (позитивно-правовые, или легальные, принципы: например, принцип равенства всех перед законом и судом в Конституции РФ) или выводится логико-гносеологическим, доктринальным путем из совокупности и духа правовых норм (логико-юридические, или имплицитные, принципы: например, принцип добросовестности в гражданском праве или принцип состязательности в процессе). Принцип выполняет полифункциональную роль внутри системы: интегративную (скрепляя разнородные нормы в единый комплекс), направляющую (задавая вектор для толкования и применения норм), восполняющую (выступая субсидиарным источником при наличии пробелов) и ограничительную (не позволяя применению конкретных норм приводить к результатам, противоречащим основам правопорядка). Принцип выступает в качестве несущего каркаса, на котором держится здание отраслевого или межотраслевого регулирования, обеспечивая его внутреннее единство, непротиворечивость и динамическое развитие через правоприменительную практику, прежде всего конституционного правосудия. В системной иерархии принцип занимает телеологическую позицию в подсистеме норм, являясь наиболее устойчивым и стабильным элементом, непосредственно связанным с конституционно закрепленными целями правового регулирования, которые, в свою очередь, суть опредмеченные правовые идеи, производные от аксиологического фундамента.

Например, принцип презумпции невиновности (принцип права) есть прямая нормативная реализация правовой идеи охраны личности от произвола, коренящейся в верховной ценности человеческого достоинства и свободы.

Таким образом, системный анализ, применяя методологию стратификации и прослеживая генетические связи, позволяет не столько противопоставить данные понятия, сколько выстроить их в координированную и субординированную, диалектическую цепь последовательной трансформации абстрактного в конкретное, внеправового – в правовое, должного – в сущее.

Синтезирующий взгляд на соотношение этих категорий в отечественной науке можно обнаружить у Р. А. Ромашова, который в рамках антропо-социо-культурного подхода указывает, что правовые ценности, трансформируясь в правовые идеи и далее в принципы и нормы, образуют «генетический код» правовой системы, определяющий ее уникальность и вектор развития [15].

Н. В. Варламова, анализируя конституционализм, также подчеркивает эту иерархическую связь: конституционные ценности (достоинство, свобода) порождают конституционные идеалы и цели, которые, в свою очередь, объективируются в системе конституционных принципов [16].

Правовая ценность (внешний оценочный и легитимирующий критерий из сферы правосознания) генерирует и питает правовую идею (концептуальный проект и доктринальную модель в сфере политико-правовой мысли), которая, в процессе позитивации, законодательной и юридико-технической обработки, воплощается в принципе права (нормативный каркас и верховный ориентир внутри догмы позитивного права), получающем свою окончательную операционализацию и конкретизацию в отдельных правовых нормах, институтах, судебных прецедентах и индивидуальных правоприменительных актах.

Их кажущаяся конкуренция оказывается, таким образом, мнимой, проистекая из недостаточного учета их различного системного статуса (внешняя среда, интерфейс, внутренняя ядерная подсистема), функционального назначения (ориентир, проект, норма-ориентир) и принадлежности к различным, хотя и тесно взаимодействующим, дискурсивным практикам.

Правовая ценность относится преимущественно к сфере философии права, этики и социологии; правовая идея – к сфере политико-правовой доктрины, сравнительного правоведения и теоретической юриспруденции; принцип права – к сфере догмы права, конституционной юстиции и юридической техники. Их диалектическое единство и взаимозависимость заключаются в том, что каждый последующий элемент является формой объективации, конкретизации и профессионализации предыдущего, а вся цепочка в целом образует жизненно важный канал «подпитки» права от социокультурного контекста, обеспечивая его легитимность, адаптивность и способность адекватно реагировать на меняющиеся социальные запросы, сохраняя при этом свою системную целостность, операционную замкнутость и профессиональную автономию.

Следовательно, продуктивный научный дискурс должен быть ориентирован не на холостую конкуренцию и выбор одного «верховного» понятия, а на тщательное феноменологическое различение и четкое определение их места в сложной архитектонике правовой реальности, а также на рефлексию механизмов их динамического взаимодействия в непрерывных процессах правогенеза, правотолкования и правореализации, что открывает новые перспективы для решения как теоретических проблем источников права и его толкования, так и практических вопросов совершенствования законодательства и судебной практики.

Список литературы:

1. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – 656 с.
2. Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. – 2-е изд., доп. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 845 с.
3. Ланг П. П. Аксиологическая парадигма в философско-правовом дискурсе: генезис, эволюция и методологическая значимость // Культура: управление, экономика, право. – 2025. – № 3. – С. 12-17.
4. Ланг П. П. Аксиологические начала права // Российская юстиция. – 2018. – № 8. – С. 2-4.

5. Ланг П. П. Аксиологическое измерение правовой материи: теоретические и утилитарно-практические аспекты. – Самара: ООО «Полиграфическое объединение «Стандарт», 2021. – 192 с.
6. Луман Н. Право как социальная система / пер. с нем. А. В. Антоновского. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2012. – 343 с.
7. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
8. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учебник. – М.: Проспект, 2016. – 768 с.
9. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 720 с.
10. Ланг П. П. Ценность и экзистенция принципов права // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 6(157). – С. 84-87.
11. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов: СГАП, 2001. – 416 с.
12. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. Г. Стрекозова. – 3-е изд., доп. и испр. – М.: Омега-Л, 2008. – 384 с.
13. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008. – 576 с.
14. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 1999. – 432 с.
15. Ромашов Р. А. Теория государства и права: краткий курс. – СПб.: Питер, 2010. – 256 с.
16. Варламова Н. В. Конституционализм как политико-правовая теория и практика // Конституционное правосудие. – 2006. – № 4. – С. 12–17.

References:

1. Nersesyants V. S. Philosophy of law: a textbook for universities. Moscow: Norma, 2005. 656 p
2. Polyakov A.V. General theory of law: a phenomenological and communicative approach: a course of lectures. 2nd ed., supplement. St. Petersburg: Law Center Press, 2003. 845 p.
3. Lang P. P. The axiological paradigm in philosophical and legal discourse: genesis, evolution and methodological significance // Culture: management, economics, law. – 2025. – No. 3. – pp. 12-17.
4. Lang P. P. Axiological principles of law // Russian justice. - 2018. – No. 8. – pp. 2-4.
5. Lang P. P. The axiological dimension of the legal matter: theoretical and utilitarian-practical aspects. – Samara: Polygraphic Association Standard LLC, 2021. 192 p.
6. Luhmann N. Law as a social system / translated from German by A. V. Antonovsky, Moscow: Territory of the Future Publishing House, 2012– 343 p.
7. Vaskovsky E. V. Civilistic methodology. The doctrine of the interpretation and application of civil laws. Moscow: Yurinfor Center, 2002. 508 p.
8. Marchenko M. N. Problems of the theory of state and law: textbook. Moscow: Prospekt Publ., 2016, 768 p.
9. Zorkin V. D. Constitutional and legal development of Russia. Moscow: Norm, Infra-M, 2011. 720 p.
10. Lang P. P. The value and existence of the principles of law // Eurasian Law Journal. – 2021. – № 6(157). – Pp. 84-87.
11. Baitin M. I. The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov: SGAP Publ., 2001. 416 p.
12. Khropanyuk V. N. Theory of the state and law: a textbook for universities / edited by V. G. Strekozov. – 3rd ed., add. and ispr. – M.: Omega-L, 2008. – 384 p.
13. Alekseev S. S. General theory of law: textbook. – 2nd ed., revised. and add. – M.: TK Velbi, Prospect, 2008. – 576 p.
14. Cherdantsev A. F. Theory of the state and law: a textbook for universities. Moscow: Yurayt, 1999. 432 p.
15. Romashov R. A. Theory of the state and law: a short course. St. Petersburg: Peter, 2010. 256 p.
16. Varlamova N. V. Constitutionalism as a political and legal theory and practice // Constitutional justice. - 2006. – No. 4. – pp. 12-17.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_101

УДК 340.34

ПРАВОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СИМВОЛИЗМА
LEGAL SOVEREIGNTY: FEATURES OF LEGAL SYMBOLISM

ПОДОСИННИКОВА Людмила Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин,
Российский университет адвокатуры и нотариата им. Г. Б. Мирзоева
105120, Россия, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр. 1.
E-mail: lapodosinnikova@gmail.com
ORCID 0009-0008-3984-0919

PODOSINNIKOVA Lyudmila A.
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines.
Russian University of Law and Notary named after G. B. Mirzoev
105120, Russian Federation, Moscow Maly Poluyaroslavsky lane, 3/5, p. 1.
E-mail: lapodosinnikova@gmail.com
ORCID 0009-0008-3984-0919

Краткая аннотация: *Предмет и цель статьи: Правовой суверенитет является относительно новой юридической конструкцией, объясняющей самобытность, независимость и своеобразие правовой системы. Традиционно, правовой суверенитет, рассматривался в связи с государственным суверенитетом, проявляющийся в самостоятельности, свободе и независимости функционирования государства. Однако представления о правовом суверенитете будет неполным, если мы не учтем такое специфическое проявление первого в правовом символизме. Правовой символизм проявляется во множестве вещей, которые незримым образом находятся вокруг нас: здания, памятники культуры, форма служителей правопорядка и правосудия, военнослужащих, законодательстве, правовой практике, правовой жизни. Мы отмечаем, что в условиях поиска собственных путей развития России правовой суверенитет выражается не только в национальном законодательстве, выражая формально-догматические установки государства, но и в художественно-эстетической форме. Метод и методология статьи: правовой символизм и правовой суверенитет изучался с помощью герменевтического, формально-догматического, формально-логического, историко-политического методов, позволивших выявить необходимые характеристики. Результат исследования: Понимание правового суверенитета без выявления правового символизма как части правовой системы будет явно неполным и поверхностным. Каким образом, правовой символизм отражает и влияет на правовой суверенитет, что позволяет создать более полное представление о правовой системе, а также о том, каким образом правовой символизм может и способен укреплять государственный и правовой суверенитет. Новизна: для теории права и государства данные положения заключаются в том, что обосновывается необходимость создания общетеоретических подходов к пониманию правового суверенитета как основы правовой системы. При этом в анализ вводятся новые параметры, осмысляется утверждение правового суверенитета в форме правового символизма. Выводы: Необходимость исследования правового суверенитета в контексте правовой системы России обусловлена настоятельной актуальностью переосмысления основ права и государства (дискурсов, концепций, научных школ и др.) в контексте современных вызовов, внутренних политических и социальных процессов. Мы отмечаем, что в условиях поиска собственных путей развития России внутренний правовой суверенитет отражает не только формально-догматические установки государства, но и влияет на всю правовую систему в целом, всю его идеологию, эстетику и ценности.*

Abstract: *Subject and purpose of the article: Legal sovereignty is a relatively new legal construct, explaining the originality, independence and uniqueness of the legal system. Traditionally, legal sovereignty, was considered in connection with state sovereignty, manifested in the independence, freedom and independence of the functioning of the state. However, the idea of legal sovereignty will be incomplete if we do not take into account such a specific manifestation of the first in legal symbolism. Legal symbolism manifests itself in a multitude of things that are invisibly around us: buildings, cultural monuments, the uniforms of law enforcement and justice officers, military personnel, legislation, legal practice, and legal life. We note that in the context of Russia's search for its own development paths, legal sovereignty is expressed not only in national legislation, reflecting the formal and dogmatic principles of the state, but also in artistic and aesthetic forms. The method and methodology of the article: legal symbolism and legal sovereignty were studied using hermeneutical, formal-dogmatic, formal-logical, and historical-political methods, which allowed for the identification of the necessary characteristics. The result of the study: Understanding legal sovereignty without identifying legal symbolism as part of the legal system would be clearly incomplete and superficial. The study explores how legal symbolism reflects and influences legal sovereignty, providing a more comprehensive understanding of the legal system and how legal symbolism can strengthen state and legal sovereignty. Novelty: for the theory of law and the state, these provisions consist in substantiating the need to create general theoretical approaches to understanding legal sovereignty as the basis of the legal system. At the same time, new parameters are introduced into the analysis, and the assertion of legal sovereignty in the form of legal symbolism is comprehended. Conclusions: The need to study legal sovereignty in the context of Russia's legal system is driven by the urgent need to rethink the foundations of law and the state (discourses, concepts, scientific schools, etc.) in the context of modern challenges and internal political and social processes. We note that in the context of Russia's search for its own development path, internal legal sovereignty reflects not only the formal and dogmatic principles of the state, but also influences the entire legal system, its ideology, aesthetics, and values.*

Ключевые слова: *правовой символизм, правовой суверенитет, государственная власть, право, конституция, государственный суверенитет, Конституционный Суд Российской Федерации.*

Keywords: *legal symbolism, legal sovereignty, state power, law, constitution, state sovereignty, Constitutional Court of the Russian Federation.*

Для цитирования*: Подосинникова Л.А. Правовой суверенитет: особенности правового символизма // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 101-105. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_101.*

For citation*: Podosinnikova L.A. Legal sovereignty: features of legal symbolism // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 101-105. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_101.*

Статья поступила в редакцию: 15.02.2026

"Знаки и символы правят миром, а не слово и закон"
Конфуций.

Огромное количество символов окружают нас и влияют на наше сознание, поведение и восприятие действительности, формируя эстетику прекрасного, дух вещей, смыслы явлений. Герб государства, флаг, гимн, архитектура (символы правосудия, власти, права), денежные знаки и реклама (символы красоты и успеха), знаки зодиака, печатные знаки и символы (книги), цифры.

Все этих вещи, предметы и явления имеют не только функциональное назначение, которое служит человеку в его жизни, но и эстети-

ческое, позволяющее формировать художественную эстетику чувственного восприятия мира.

Символизм может затрагивать такие аспекты социальной жизни, которые оказываются на стыке различных сфер общественной жизнедеятельности, таких, например, как государственность, власть, суверенитет, право и эстетика. Особенно, нас интересует символизм, который используется в праве, правовой традиции и правовой системе того или иного общества, в том числе во взаимосвязи с государственной властью и правовым суверенитетом, имеющими культурное, социально-психологическое и эстетическое значение. Тем более, что это было бы интересно в современный период на фоне противостояния различных правовых традиций, отстаивающих свои правовые суверенитеты, собственную правовую уникальность, на фоне кризиса правовых идей и ценностей при всеобщей тенденции упадка правовой цивилизованности.

Способность *символизировать* (когнитивировать) информацию позволяет субъектам замещать реальные объекты отвлеченными формами, что приводит к созданию атрибутов вещей как носителей предельно абстрактной информации относительно познанной закономерности, позволяющей субъектам решить задачи, двигаясь в направлении цели [1, С.35, 43].

Особенно этот символизм выражен в материальных объектах социальной структуры, жизнедеятельности общества и его деятельности, например, в правовых идеалах, памятниках культуры, флагах, зданиях с их эстетико-символической направленностью. Они всегда служили отражением самобытности правовой традиции того или иного общества, представлений о «правосудии», «праве», «правильности», «добре и зле», «справедливости». Правильно отмечает Якоб Гримм: «Совершенно неверны представления, согласно которым такие символы – лишь пустая выдумка на потребу форме и торжественному характеру судов. Напротив, каждый из этих символов обязательно имеет «темное», «священное» и «историческое» значение, без которого бы не было ни общей веры в них, ни их традиционной понятности» [2].

Символизм в праве – ещё одна тема, которая была исследована в юридической науке, как отечественной, так и зарубежной, однако, которую нельзя считать полностью завершенной, поскольку система символов, используемых в культуре, в философии, в политике, да и в целом в социальной действительности, весьма разнообразна и значима [3, 4, 5, 6, 7].

Правовая действительность в системной организованности представляет собой сложнейший комплекс элементов: субъектов, отраслей, норм, идей, традиций, образов, символов и т. п. Системная организованность правовой действительности проявляется ещё и в способности правовой системы воспроизводить не только право, но и ценности, образы и символы. Тем не менее, за рамками понимания остаются именно символико-мировоззренческие (художественно-эстетическое) аспекты правовой действительности, которые отражают её облик, специфику, традиции и стиль, атрибуты власти, одежды служителей фемиды, органов государственной власти и т.д.

Учитывая стремление правовой системы и государства к правовой суверенности, к самоидентификации и самопознанию, не в последнюю очередь имеет значение сформировавшаяся тенденция поиска собственного значения и смыслов справедливости, порядка, добра, права, гуманизма, правовой логики жизни – это проблема правового символизма приобретает вполне осязаемые очертания и актуальность [8, С.9-31].

В любом случае, юридическая наука отмечает, что современная социальная действительность во многом стремится, а где-то и восстанавливает «сакральность», «священность» и «подлинность» смысла и значения классических символов власти, права и справедливости в отстаивании национальных интересов, ценностей, идеалов, своего правового суверенитета [9, С.98-105].

И потому рассмотрение правового суверенитета в аспекте его формы, стиля, знака и символов оправдано, поскольку позволяет сосредоточиться на образных, метафорических и предметно-практических аспектах верховенства государства на своей территории. Это значит, что государственно-правовая власть осуществляется, подчиняясь, не только праву, принципам и процедурам, но и символам и знакам, существует в атрибутивной и художественно-образной эстетической форме [8, С.9-31].

Правовой суверенитет представляет собой такое свойство, которое отражает, такие аспекты как верховенство национальной правовой системы, её самостоятельность и независимость от внешнего воздействия, а также способность обеспечивать эффективное регулирование общественных отношений исключительно на основе национального законодательства. Правовой суверенитет выступает не только чисто функционально как механизм правового иммунитета и правовой идентичности общества, но и как глубоко символическое художественное по своей сути качество, выраженное во внешней форме и данное нашим чувствам как изящество мира.

Правовой суверенитет может выражаться, в том числе в знаково-символической, атрибутивной форме – форме ритуалов, флага, герба, гимна, одежды, действий, процедур, объектов культуры, архитектуры. Правовые символы и знаки приобретают качества нормативности лишь постольку, поскольку имеют социально-признаваемый и атрибутивный характер, и фиксируются в официальных письменных документах, проявляясь в поведении людей.

Признание за правовым суверенитетом такого свойства, как символизм, и рассмотрение его в целом как знаково-смысловой системы позволяет не только представить первое как символ справедливости, формального равенства, гуманизма, целесообразности, законности, но и выделить свойственную его символику, атрибутивность и глубинный смысл. Определить правовой суверенитет, содержание и саму его суть – это значит исследовать, в том числе правовую символику как часть правовой действительности, национальной правовой традиции и культуры.

Как отмечают специалисты в области герменевтики и философии, правовая материя весьма условна и формальна, символична и метафорична, что позволяет выявлять скрытые её смыслы [10]. Это означает, что правовой суверенитет существует, в том числе постольку, поскольку мы придаем правовой действительности, и в особенности, правовым явлениям определенное символическое (образное) или художественно-эстетическое значение. Такое перцептивное понимание не возникает само по себе, а целенаправленно создается человеком, который стремится организовать свою жизнь в соответствии с определенными приятными атрибутами, способными обеспечить развитие общества на началах свободы и справедливости, упорядочить отношения между людьми, гарантировать защищенность их интересов, а также верное, разум-

ное разрешение споров и социальных конфликтов [11, С.91-97].

Учитывая то обстоятельство, что правовой суверенитет представляет собой не просто способность правовой системы и правовой традиции к воспроизводству власти, права и ценностей, но и также способностью формировать собственную правовую символику, собственные смыслы и художественную эстетику правового стиля, в которых проявляется не только культурное своеобразие, но и сакральное значение [12, С.191-195].

В свое время, В.С. Нерсесянц очень образно писал о правовой жизни: «Абстрагированный от фактичности, формализованный мир права со своими особыми условиями и условностями, со своими персонами (правовыми масками), ролями, правилами поведения, процедурами и т. д. нередко сравнивают с театром, имея в виду его игровой характер, театральные условности, абстрагированность театрального действа от действительности и т. д. В подобных сравнениях есть доля правды («человек играющий» проявляется везде — и в быту, и в праве, и в театре, и в религии, и в других сферах жизни), тем более что театр (и прежде всего — драматический театр) многое перенял из области права, правовых коллизий и процедур, правовой трактовки реальных ситуаций, организации и проведения судебного процесса, словом — из драм и драматургии правовой жизни. Но условности театра так и остаются в условном мире — за занавесом театра, а между правом и жизнью нет такого занавеса, и в условностях правовой формы бурлит невыдуманная драма самой жизни с подлинными приобретениями и потерями, и мертвые здесь не воскресают» [13, С.12].

Отсюда, по нашему мнению, возможно обозначение правового суверенитета не только как некоего свойства правовой системы и государственной власти, но и как обозначение его особенностей через отвлеченную форму символизма, имеющего – философский, этно-культурный, религиозный, семантический (лингвистический), структурно-семиотический, психологический, социолого-политологический смысл.

Так, в частности, *философский аспект* символизма правового суверенитета проявляется в глубинной сути ценности права, его своеобразии и национальном облике правовой системы, специфики познания мира, гармонии и порядка в национальном правовом менталитете. *Этно-культурный аспект* символизма правового суверенитета выражен в своеобразии национальных традиций, норм и принципов правовой деятельности, народа, имеющего свое художественное восприятие мира права и правопорядка. *Религиозный аспект* символизма выражен в использовании религиозных символов для раскрытия и постижения правового суверенитета как сакрального, неземного, божественного начала, проявленного во власти, в государстве, в официальном законодательстве. *Эстетический аспект* символизма выражен в красоте атрибутов власти, права, справедливости, формального равенства – в целом правового суверенитета (образ фемиды, скипетр, жезл, держава, меч, корона, тотемы), субъектов правовых отношений, отправляющих правосудие, реализующих право. *Структурно-семиотический аспект* выражен в вербальных и невербальных смыслах текстов права, в его познании. *Лингвистический аспект* выражен в языковом символизме как способе коммуникации, правовой деятельности и культуре. *Перцептивно-психологический аспект* выражен в рефлексивно-ментальном значении правового суверенитета как функции человеческой деятельности, его поведении и мышлении.

К примеру, пришедший на смену авангарду символизм эпохи сталинизма породил нечто эклектичное в искусстве, но и архитектуре, одежде, поведении и не только, что в целом стало называться жанром соцреализма. Сталинский ампир в архитектуре (нетрадиционный монументальный классицизм), по сути, представляет собой смешение различных стилей – имперского, рококо, барокко, классицизма, неоклассицизма, модерна и т. д. [14, С.9-18].

Здания судов строили в определенном архитектурном стиле, чтобы подчеркнуть такие атрибуты, как: величественность монарха, державность государства, справедливость правосудия, законность решений, преемственность традиций, сакральность традиции, авторитетность власти [2].

Другой случай, утверждение в России в начале становления новой государственности, символики герба, флага и гимна; проблема заключалась в выборе и понимании символов, музыки и геральдики, имеющих историко-политическое значение. Как отмечает И.В. Мальцев: «Жаркие споры велись в отношении, например, трех корон над головами двуглавого орла, крестов над коронами и державой, по поводу самой фигуры орла. И было чрезвычайно важно определиться по вопросам, означали ли три короны Россию, Польшу и Финляндию, имеет ли Россия какие-то претензии на эти государства, подразумевают ли кресты над коронами и державой приоритет православия; выражает ли сам двуглавый орел идеи императорской власти, и т.д.» [8, С.15].

Эти и другие важные аспекты являются слабо исследованными правовыми явлениями, особенно такого непростого феномена как правовой символизм, который в настоящий момент становится заметным фактором формирования самостоятельной, независимой и суверенной правовой системы общества[1].

Влияние правового символизма на уникальный облик национальной правовой системы и выражение её правового суверенитета прослеживается в ее связи с источниками права, объектами культуры и архитектуры, историей формирования права. На протяжении всей истории право было не только глубоко сакрально, но и глубоко символично, то ли это касается совершения гражданско-правовых сделок, то ли это касается судебных процедур, то ли это касается политических событий, например, вступление в должность президента, процедура инаугурации, или религиозное освещение власти монарха. Взаимосвязь и взаимообусловленность правового символизма с правовым суверенитетом подразуме-

[1] В настоящий период в России принят Федеральный конституционный закон о государственном гербе и флаге страны, который определяет, что государственный флаг Российской Федерации представляет собой прямоугольное полотнище из трех равновеликих горизонтальных полос: верхней - белого, средней - синего и нижней - красного цвета. Отношение ширины флага к его длине 2:3Федеральный конституционный закон от 25 декабря 2000 г. N 1-ФКЗ "О Государственном флаге Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 декабря 2000 г., № 52 (часть I), ст. 5020.

вает, что в каждом государстве сложились уникальные правоотношения, которые опираются как на формально закрепленные законом нормы, так и на неписаные знаки и символы.

Исторические тенденции развития права в разных государствах подчеркивают уникальность правового символизма, выявляя особенности правового развития, техники правового регулирования и правотворчества, поскольку «каждое государство имеет собственный правопорядок, специфические правовые нормы, традиционные формы и процедуры судопроизводства, и язык права с соответствующей понятийно-терминологической системой» [15, С.47].

Правовой символизм правового суверенитета может быть выражен в следующих аспектах:

1. публично-правовых методах регулирования и воздействия;
2. в специфике систематизации, кодификации законодательства;
3. особенностях законодательства публичной и частной сфер;
4. технико-юридических особенностях текстов нормативных-правовых актов;
5. реализации социальных и экономических прав;
6. юридической деятельности;
7. флаге, гербе и гимне государства;
8. архитектурном стиле государственных и судебных учреждений;
9. форме государственных служащих, эмблемах и знаках отличия;
10. специфике содержания прав и свобод человека;
11. цифровых технологий, внедряемых в государство и правовую систему;
12. специфике процедур и действий служителей фемиды и правоохранительной системы.

Вышеназванные специфические отличия российского правового символизма достаточно сложно выявить, учитывая традиционный формально-догматический взгляд юристов на правовую жизнь общества.

Поэтому основной идеей данной статьи является признание многообразия социальной (правовой) действительности, которая создается человеком благодаря не только праву, правовой деятельности и средствам правового регулирования, но и правовому символизму, обеспечивающему эстетическую сторону правовой жизни. Именно правовой символизм формируют ойкумену или ареал жизни человека, в том числе ту среду, которая позволяет посредством чувств воспринимать правовые события, правовые ситуации и правовую действительность. Современному уровню развития юридической науки все более соответствует глубинное и объемное понимание правовых процессов в обществе, которое требует применения новой объяснительной терминологии. Особенно, это относится к правовому суверенитету, в котором мы видим правовой символизм, отличающий различные правовые сообщества в стилях их правовой жизни, формы и атрибутах материальной среды, объектах культуры. Эти феномены позволяют нам лучше понимать правовую действительность в ее многообразии, художественно-эстетической изящности и государственной атрибутивности. В правовой действительности в настоящий период мы обращаем внимание на то, что в ней появляются новые грани, новые феномены и новые явления, которые мы должны объяснить и встроить в наши прежние формально-догматические представления.

Правовой символизм, относящийся к правовому суверенитету, отражает внутреннюю организацию художественной эстетики, которая тоже присуща правовой материи в целом. Учитывая, то обстоятельство, что право является во многом идеологическим явлением, то правовой суверенитет проявляется не только через нормы, правоотношения и правовые средства регулирования, но и посредством художественной эстетической символике, донося идеи справедливости, гуманизма и разумности через органы наших чувств. В символической форме, в художественном образе, раскрывается степень развитости, эстетичности, масштабности, атрибутивности, своеобразии самого права, правовой деятельности, правовой системы, правовой материи, ну и конечно самого правого стиля жизни и правовой культуры.

Поэтому правовой символизм не есть просто отвлеченная форма, но наиболее общий случай проявления специфических особенностей права, правовой жизни, правового суверенитета и правовой традиции. Для правового символизма существуют определенные атрибуты и признаки, которые его «высвечивают».

К ним мы можем отнести следующие:

выражен в предметах, объектах внешнего мира; формируется благодаря идеям, ценностям, нормам, ролям и статусам участников правовой деятельности; актуализируется в определенных жизненных ситуациях, событиях масштабного характера; действует в пределах политического и правового ареала (государственных границ); существует во времени и пространстве (хронотопно); является институциональным и нормативным явлением; имеет социально-значимый характер для правовой системы и государства; является частью правовой и культурной жизни; имеет художественно-образный характер; выражается посредством внешней формы; является структурированным и формально-закрепленным.

Таким образом, взаимосвязь правового суверенитета с правовым символизмом весьма нетривиальная, требующая выявления правовых смыслов в предметах внешнего мира, его эстетико-знаковом выражении, художественных образах атрибутов власти, одежды, искусства, архитектуры, флаге, гербе и гимне государства, каждый из которых придает правовой системе специфическое обличье.

Список литературы

1. Обществознание / Под ред. д.ю.н., проф. М.Н. Марченко. — М. 2001. — — 528 с.
2. Аргунов А.В. Пространство правосудия. — М. : Издательский Дом «Городец», — 2021. — 352 с.

3. Синюков В.Н. Российская правовая система. М., 1994. 495 с.
4. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1999. 624 с.
5. Вопленко Н. Н. Правовая символика // Правоведение. 1995. № 4/5. С. 71–73.
6. Исаев И. А. Символизм правовой формы : историческая перспектива // Правоведение. 2002. № 6 (245). С. 4–10.
7. Никитин А. В. Правовые символы: дисс. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 241 с.
8. Мальцев И.В. Символы в праве, в правовой науке и юридическом образовании : монография // И.В. Мальцев. – Москва : НОРМА: ИНФРА-М., 2023. С.9-31.
9. Подосинникова Л.А. Правовой суверенитет: проблема научного обоснования. // Евразийская адвокатура. – 2023. – №5 (64). – С. 98-105.
10. Малинова, И. П. Философия права и юридическая герменевтика : монография / И. П. Малинова. — Москва : — Норма : ИНФРА-М, — 2023. —160 с.
11. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. — М., — 2010. — 176 с.
12. Гончарова Н.С. Символизм в праве. // Вестник ВГУ. — 2016. — №1. — С.91-97.
13. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Эволюция права: от сакрализации к секуляризации. // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.Н. Лобачевского. — 2014. — №3-(2). — С.191-195.
14. Нерсесянц, В. С. Философия права учеб. для вузов / В.С. Нерсесянц; Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ун-т. — Москва : ИНФРА-М, Норма, — 1997. — 652 с.
15. Костова Е.В. Концептуальные основы советской архитектуры сталинского периода // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. — 2021. — Т. 23. — № 4. — С. 9–18.
16. Левитан К.М. Юридический перевод и сравнительное правоведение // Российский юридический журнал. — 2012. — № 5 (86). — С. 46-55.

References

1. Social Studies / Edited by M.N. Marchenko, Doctor of Law, Professor, Moscow, 2001, 528 p.
2. Argunov A.V. The space of justice. Moscow : Gorodets Publishing House, 2021. 352 p.
3. Sinyukov V.N. The Russian legal system, Moscow, 1994. 495 p.
4. Berman G.J. The Western tradition of law: the epoch of formation. Moscow, 1999. 624 p.
5. Voplenko N. N. Legal symbols // Law studies. 1995. No. 4/5. pp. 71-73.
6. Isaev I. A. Symbolism of the legal form : a historical perspective // Law studies. 2002. No. 6 (245). pp. 4-10.
7. Nikitin A.V. Legal symbols: diss. ... kand. jurid. Nauk. N. Novgorod, 1999. 241 p.
8. Maltsev I.V. Symbols in law, in legal science and legal education : a monograph // I.V. Maltsev. – Moscow : NORMA: INFRA-M., 2023. pp.9-31.
9. Podosinnikova L.A. Legal sovereignty: the problem of scientific substantiation. // The Eurasian Legal Profession. – 2023. – №5 (64). – Pp. 98-105.
10. Malinova, I. P. Philosophy of law and legal hermeneutics : a monograph / I. P. Malinova. — Moscow : — Norm : INFRA-M, — 2023. -160 p.
11. Gubaeva T. V. Language and law. The art of word mastery in professional legal activity. Moscow, 2010, 176 p.
12. Goncharova N.S. Symbolism in law. // VSU Bulletin, 2016— No. 1, pp.91-97.
13. Romanovskaya V.B., Romanovskaya L.R. Evolution of law: from sacralization to secularization. // Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after N.N. Lobachevsky. — 2014. — №3-(2). — Pp.191-195.
14. Nersesyants, V. S. Philosophy of law studies. for universities / V.S. Nersesyants; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Academy of Law. Legal University. Moscow : INFRA-M, Norma, 1997. 652 p.
15. Kostova E.V. Conceptual foundations of Soviet architecture of the Stalinist period // Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering. — 2021. — Vol. 23. — No. 4. — pp. 9-18.
16. Levitan K.M. Legal translation and comparative jurisprudence // Russian Law Journal. — 2012. — № 5 (86). — Pp. 46-55.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_106

УДК 34.06

НОТАРИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: СТРУКТУРА И ЕЕ ЭЛЕМЕНТЫ
NOTARY TECHNOLOGY: STRUCTURE AND ITS ELEMENTS

ИВАНОВ Борис Сергеевич,
аспирант кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права,
Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева, г. Москва, нотариус г. Москвы
105120, г.Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5.
E-mail: 5421963@gmail.com

IVANOV Boris Sergeevich,
postgraduate student of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law,
Gasan Mirzoev Russian University of Lawyers and Notaries, Moscow, Notary of Moscow
105120, Moscow, Maly Poluyaroslavsky lane, 3/5
E-mail: 5421963@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье анализируются структурные элементы нотариальной технологии, как вида правоприменительной технологии. Раскрыты доктринальные точки зрения на структуру юридической и правоприменительной технологии. Автором показана специфика элементов нотариальной технологии. Их изучение и анализ важны с целью выяснения отличительных особенностей нотариуса, как субъекта юридической деятельности. Автор пришел к выводу, что при определении элементов нотариальной технологии представляется необходимым включать в нее нотариальные стратегии, тактики, методы и способы, правила и приемы, а также процессуальную форму нотариальной деятельности.*

Abstract: *This article analyzes the structural elements of notarial technology as a type of law enforcement technology. It explores doctrinal perspectives on the structure of legal and law enforcement technology. The author demonstrates the specific elements of notarial technology. The author demonstrates the specific elements of notarial technology. Their study and analysis are important for elucidating the distinctive characteristics of a notary as a legal entity. The author came to the conclusion that when defining the elements of notarial technology, it seems necessary to include notarial strategies, tactics, methods and techniques, rules and techniques, as well as the procedural form of notarial activity.*

Ключевые слова: *нотариус, юридическая технология, нотариальная технология, нотариальное право, нотариальный процесс.*
Key words: *notary, legal technology, notarial technology, notarial law, notarial process.*

Для цитирования*: Иванов Б.С. Нотариальная технология: структура и ее элементы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 106-107. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_106.*
For citation*: Ivanov B.S. Notary technology: the structure and its elements // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 106-107. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_106.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026

Структура отражает внутреннее устройство любой правовой категории. В теории права существуют разные подходы к определению элементов структурных элементов юридической технологии: единого подхода в науке в настоящей момент не выработано. Осипов М.Ю. включает во внутреннюю структуру юридической технологии правовые действия и операции, приемы, способы и средства, используемые субъектами права [1]. В.М. Сырых выделяет в качестве основных элементов, входящий в её структуру, приёмы, правила и процедуры [2]. Умедов К.М. в качестве элементов структуры выделяет технологические принципы и подходы, прогнозирование, стратегию, тактику, мониторинг, средства (юридическую технику) [3].

Одним из видов юридической технологии является правоприменительная технология. При описании ее элементов И.В. Колесник, посвятившая данной теме диссертационное исследование, обоснованно выделяет в качестве ей структурных элементов стратегию, тактику, методы или соответствующие правила и приемы [4]. В.Н. Карташов предлагает более широкий перечень элементов структуры правоприменительной технологии: субъектов и участников, обладающих знаниями и осуществляющими действия и операции, объекты (предметы), юридическую технику, тактику, принципы, процессуальные формы, юридические решения, акты, показатели, характеризующие качество деятельности субъектов и участников, критерии и параметры эффективности участников и субъектов, механизмы вступления в юридическую силу, ресурсообеспеченность, а также соответствующие виды контроля [5].

В науке по субъекту, осуществляющему правоприменительную деятельность, выделяется в качестве вида правоприменительной технологии нотариальная технология [6]. Применение права нотариусом отличается использованием и выбором специфических для данного субъекта права юридическо-технологических стратегий, тактики, методов и способов, правил и приемов соразмерно объему его компетенции для целей достижения целей и задачей нотариальной деятельности - конкретного правоприменительного результата его юридической деятельности. Изучение и анализ указанных элементов нотариальной технологии важен с целью выяснения отличительных особенностей нотариуса, как субъекта юридической деятельности, учитывая особую дуалистическую модель нотариата России – существование одновременно в законе нотариусов, занимающихся частной практикой, не входящих в систему органов государственной власти, и государственных нотариальных контор, учитывая, что последние в настоящие время на практике отсутствуют. Элементы нотариальной технологии опосредованы особенностями правового статуса нотариуса, как субъекта правоприменительной деятельности, а также предмета и процессуальной особенности осуществляемой им деятельности. По этой причине при определении элементов нотариальные технологии представляется необходимым включать в нее нотариальные стратегии, нотариальные тактики, нотариальные методы и способы, нотариальные правила и приемы, а также процессуальную форму нотариальной деятельности, в которую входят процессуальное производство, процессуальный режим, а также процедурные (процессуальные) стадии.

Правоприменение осуществляется нотариусом не только в рамках совершения определенных урегулированных нормами процессуально-

го права действий, но и ряда специфических операций. Некоторые из них законодательно не урегулированы, но необходимы для правоприменения.

Например, по усмотрению нотариуса выбираются способы опроса заявителя с целью уточнения критериев оценки им происходящего, понимания правовых последствий совершаемой сделки или волеизъявления. Признавая, что проблема определения воли и волеизъявления в праве является отдельной важной темой, требующей обсуждения, решения и исследования [7], [8], однозначным является то, что проверка наличия волеизъявления заявителя является одной из обязанностей нотариуса согласно положениям статьи 43 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. По этой причине нотариальная тактика, в том числе тактика опроса заявителя, сторон сделки для определения волеизъявления является одним из элементов нотариальной технологии.

Нотариальная деятельность отличается специфическими приемами и способами и методами. Рассмотрим это на примере получения информации и сведений, необходимых нотариусу для совершения юридически значимых действий. Для уголовного судопроизводства характерно, что сбор сведений, информации, необходимой для принятия судом решения по делу, осуществляется органами предварительного следствия и дознания. В дальнейшем полученные результаты их работы проверяются государственным обвинителем (прокурором) перед направлением дела в суд и подлежат правовой оценке на стадии судебного разбирательства [9]. Специфические методы сбора и получения информации в рамках оперативно-розыскных мероприятий, предварительного следствия и дознания чужды, не характерны для деятельности нотариуса по получения информации и сведения, необходимых для совершения нотариальных действий. В отличии от гражданского и арбитражного судопроизводства, где сбор документов и сведений осуществляют стороны, а суд содействует сторонам в их сборе, когда их получение является сложным или затруднительным, нотариус является активным участником сбора соответствующей информации, необходимой для совершения нотариальных действий. В настоящее время нотариус работает по принципу «одного окна» [10], когда на нем, а не заявителе лежит на практике обязанность по направлению запросов по подтверждению принадлежности недвижимости наследодателю или правообладателю по договору, родства при оформлении наследственных прав наследником по закону.

Способами исследования представленной информации и сведений для совершения нотариальных действий нотариуса являются осмотр (сведений, полученных от уполномоченных органов в рамках межведомственного взаимодействия, информации в документах заявителя, публичных реестрах, данных единой информационной системе нотариата, ответов на запросы других нотариусов, сообщений мессенджеров, бумажных и электронных документов, корреспонденции), получение объяснений (заявителя, сторон по договору, переводчика, эксперта, специалиста, переводчика, исполнителя завещания), воспроизведение (носителей, файлов, содержащих звуковую, графическую информацию). Таким образом, приведенная характеристика отдельных приемов и способов, методов, используемых нотариусом при получении информации и сведений для совершения нотариальных действий, позволяет сделать вывод о наличии правовой категории: нотариальной технологии и специфических элементов юридической технологии нотариуса, которые требуют дальнейшего исследования и изучения.

Список литературы:

1. Осипов М. Ю. Правовые процессы и правовые технологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 2. С. 77.
2. Сырых, В. М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины / В. М. Сырых // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 9–23.
3. Умедов, К. М. Становление юридической технологии в России / К. М. Умедов // Юридический вестник. – 2021. – № 3(7). – С. 16-20.
4. Колесник И. В. Автореферат к диссертации: Теоретическая модель правоприменительной технологии: специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве": диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Колесник И. В., 2015. С.13.
5. Карташов, В. Н. Правоприменительная технология как разновидность юридической технологии (доктринальная интерпретация) / В. Н. Карташов // Юридическая наука, законодательство и правоприменительная практика: закономерности и тенденции развития : Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, в 2-ух ч., Гродно, 05–06 марта 2020 года. Том Ч. 1. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2020. – С. 9-13.
6. Колесник И. В. Автореферат к диссертации: Теоретическая модель правоприменительной технологии: специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве": диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Колесник И. В., 2015. С.13.
7. Рысаев, Д. И. К вопросу о значении воли и волеизъявления при толковании гражданско-правового договора / Д. И. Рысаев. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 49 (339). — С. 307-309. — URL: https://moluch.ru/archive/339/75934 (дата обращения 03.10.2025 г.).
8. Трухина А.И. Проблемы воли и волеизъявления в гражданском праве Российской Федерации и пути их решения / А.И. Трухина // Аллея науки. – 2022. – Т. 1, № 10(73). – С. 233-237 // Электронный ресурс: eLIBRARY.ru. - 2022. - Режим доступа https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50194868 (дата обращения 18.10.2025 г.).
9. Стародубова, Г. В. Методы и управление процессом установления истины в уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 "Уголовный процесс" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Стародубова Галина Викторовна. – Воронеж, 2008. – 24 с. – // Электронный ресурс Российская государственная библиотека — 2008. — https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003171186?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения 18.10.2025 г.).
10. Горшков, Е. А. Цифровой нотариат: мировой и отечественный опыт, проблемы и перспективы в контексте информационных технологий / Е. А. Горшков // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2025. – № 1(41). – С. 70-76.

References:

1. Osipov M. Yu. Legal Processes and Legal Technologies // Legal Policy and Legal Life. 2010. № 2. P. 77 (In Russ.).
2. Syrykh, V. M. Subject and system of legislative technology as an applied science and academic discipline / V. M. Syrykh // Legislative technology of modern Russia: state, problems, improvement: in 2 volumes / edited by V. M. Baranov. – N. Novgorod, 2001. – Vol. 1. – Pp. 9–23 (In Russ.).
3. Umedov, K. M. Formation of Legal Technology in Russia / K. M. Umedov // Legal Bulletin. – 2021. – No. 3(7). – Pp. 16–20 (In Russ.) .
4. Kolesnik I. V. Abstract of the dissertation: Theoretical Model of Law Enforcement Technology: specialty 12.00.01 "Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State": dissertation for the degree of Doctor of Law / Kolesnik I. V., 2015. 13 p. (In Russ.).
5. Kartashov, V. N. Law Enforcement Technology as a Type of Legal Technology (Doctrinal Interpretation) / V. N. Kartashov // Legal Science, Legislation, and Law Enforcement Practice: Patterns and Trends of Development: Collection of Scientific Articles from the International Scientific and Practical Conference, in 2 parts, Grodno, March 5-6, 2020. Volume Part 1. - Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno, 2020. - Pp. 9-13 (In Russ.).
6. Kolesnik I. V. Abstract of the dissertation: Theoretical Model of Law Enforcement Technology: specialty 12.00.01 "Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State": dissertation for the degree of Doctor of Law / Kolesnik I. V., 2015. 13 p. (In Russ.).
7. Rysaev, D. I. On the Significance of Will and Expression of Will in the Interpretation of a Civil Contract / D. I. Rysaev. - Text: direct // Young Scientist. - 2020. - No. 49 (339). - P. 307-309. — URL: https://moluch.ru/archive/339/75934 (date of access 03.10.2025) (In Russ.).
8. Trukhina. A. I. Problems of Will and Expression of Will in the Civil Law of the Russian Federation and Ways to Solve Them / A. I. Trukhina // Alley of Science. – 2022. – Vol. 1, No. 10(73). – Pp. 233–237 // Electronic resource: eLIBRARY.ru. — 2022. — Access mode https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50194868 (date of access 18.10.2025) (In Russ.).
9. Starodubova G. V. Methods and Management of the Process of Establishing the Truth in Criminal Proceedings: specialty 12.00.09 "Criminal Procedure": abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Starodubova G. V. - Voronezh, 2008. - 24 p. - // Electronic resource Russian State Library - 2008. - https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003171186?page=1&rotate=0&theme=white (date of access 18.10.2025) (In Russ.).
10. Gorshkov, E. A. Digital Notaries: Global and Domestic Experience, Problems, and Prospects in the Context of Information Technology / E. A. Gorshkov // Actual Problems of Our Time: Science and Society. - 2025. - N 1 (41). - Pp. 70-76 (In Russ.).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_108

УДК: 342

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАРОЖДЕНИЯ НОРМАТИВНЫХ ОСНОВ СУВЕРЕНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ
HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE EMERGENCE OF THE NORMATIVE FOUNDATIONS OF STATE POWER SOVEREIGNTY IN THE RUSSIAN FEDERATION

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна
Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

NAZAROVA Irina Sergeevna
Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Scientific Research Center Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
e-mail: irina-nazarova@inbox.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются историко-правовые истоки формирования нормативных основ суверенизации государственной власти в России от древнерусского периода до современности. Проводится анализ ключевых этапов развития: формирование централизованного государства в Московской Руси, становление имперской модели суверенитета, советский период с его противоречивым подходом к правовому государству и постсоветский этап конституционного строительства. Особое внимание уделяется конституционным поправкам 2020 года как завершающему этапу в формировании современной модели суверенизации. Автрром формулируется вывод о том, что историческая преемственность в укреплении государственной власти является фундаментальной чертой российской государственности. Изучение этих аспектов имеет прямое практическое значение для формирования правосознания военнослужащих и сотрудников силовых структур.*

Abstract*: The article explores the historical and legal origins of the formation of the regulatory framework for the sovereignty of state power in Russia, from the ancient Russian period to the present day. It analyzes the key stages of development, including the formation of a centralized state in Muscovy, the establishment of an imperial model of sovereignty, the Soviet period with its controversial approach to the rule of law, and the post-Soviet stage of constitutional construction. Special attention is given to the constitutional amendments of 2020 as the final stage in the formation of a modern model of sovereignty. The author concludes that historical continuity in strengthening state power is a fundamental feature of Russian statehood. Studying these aspects is of direct practical importance for shaping the legal consciousness of military personnel and employees of law enforcement agencies.*

Ключевые слова: *суверенитет, суверенизация, государственная власть, историко-правовые аспекты, самодержавие, конституционное право, российская государственность.*

Keywords*: sovereignty, sovereigntization, state power, historical and legal aspects, autocracy, constitutional law, and Russian statehood.*

Для цитирования*: Назарова И.С. Историко-правовые аспекты зарождения нормативных основ суверенизации государственной власти в российском государстве // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 108-111. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_108.*

For citation*: Nazarova I.S. Historical and legal aspects of the emergence of the normative foundations of the sovereignization of state power in the Russian state // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 108-111. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_108.*

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Актуальность исследования историко-правовых аспектов зарождения нормативных основ суверенизации государственной власти в российском государстве обусловлена глубинной трансформацией мирового порядка и беспрецедентным внешним давлением на Россию в условиях специальной военной операции[1]. В современных условиях термин «суверенизация» приобрёл статус ключевой государственной политики, направленной на укрепление всех аспектов национального суверенитета — экономического, технологического, информационного и военного[2]. Однако для понимания современной модели суверенизации необходимо обратиться к её историческим корням, поскольку российская государственность всегда характеризовалась стремлением к укреплению верховенства государственной власти и её независимости от внешних центров влияния. Изучение исторического опыта позволяет избежать ошибок прошлого и выработать научно обоснованные подходы к укреплению государственности в условиях системной конфронтации с коллективным Западом[3].

Впервые в России идею суверенитета государственной власти теоретически сформулировал волоцкий игумен Иосиф (Санин) в сочинении «Просветитель» в 1503 году. Он воплотил её в понятии самодержавия московских государей, которое означало верховенство царской власти и её независимость от власти не только других государств, но и князей[4]. Эта концепция стала теоретическим обоснованием централизации власти в Московском государстве и противостояния влиянию Золотой Орды. Иосиф Волоцкий утверждал, что царь «самодержец» потому, что «сам держит» власть, не завися ни от каких внешних сил, включая церковную иерархию других стран. Эта идея получила дальнейшее развитие в трудах митрополита Макария и других церковных иерархов XVI века, которые обосновывали особую миссию Московского царства как «Тре-

[1] Шеншин, В. М. Об обеспечении Росгвардией внутреннего суверенитета Российской Федерации / В. М. Шеншин // Современное общество и право. – 2023. – № 1(62). – С. 14-19. – EDN GTDFAK.
2 Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2022.- С. 357-358.
3 Соловьёв Э.Г. Амбиции сверхдержавности и константы суверенитета // Политическая наука. 2023. № 2. С. 139.
4 Чистов К.В. Русская народная идеология самодержавия. М.: Наука, 2021. -304 с.

тьего Рима».

Важным этапом в становлении нормативных основ суверенитета стало принятие Судебника 1497 года и последующих правовых актов, которые закрепляли верховенство великокняжеской (а затем царской) власти над всеми другими субъектами права на территории Руси[1]. Судебник 1550 года, принятый при Иване Грозном, ещё более укрепил централизацию власти и установил единые нормы права для всей территории государства. Эти документы стали первыми кодифицированными актами, закрепляющими принцип верховенства государственной власти — ключевой элемент современного понятия суверенизации[2].

Особое значение для формирования идеи суверенитета имела политика Ивана Грозного по укреплению центральной власти через создание опричнины и ограничение привилегий боярской аристократии. Хотя методы были спорными, они способствовали формированию единого правового пространства и укреплению вертикали власти[3]. В этот период впервые в русской правовой традиции появилось понятие «государево право» как высшей юридической категории, подчиняющей себе все остальные правовые нормы.

Петровские реформы стали новым этапом в развитии нормативных основ суверенитета российской государственной власти. Указ о единонаследии 1714 года, учреждение Сената в 1711 году и последующая системная реформа государственного управления были направлены на укрепление централизованной власти и её независимости от традиционных сословных структур[4]. Петр I впервые ввёл в русский правовой оборот термин «суверенитет», заимствованный из западноевропейской политической теории, но наполнил его специфическим содержанием, связанным с абсолютной монархической властью.

Важнейшим достижением имперского периода стала кодификация российского права под руководством М.М. Сперанского. «Полное собрание законов Российской империи» (1830 г.) и «Свод законов Российской империи» (1832 г.) систематизировали правовые нормы и закрепили верховенство императорской власти как источника всех законов. Статья 1 Свода законов гласила: «Император Российской Империи есть Самодержец Всероссийский... Всякая власть, как духовная, так и светская, от Него исходит»[5]. Эта норма стала юридическим выражением концепции государственного суверенитета, разработанной ещё Иосифом Волоцким.

Особое значение для понимания исторической преемственности имеет анализ деятельности Сперанского по разработке проекта государственных реформ 1809 года. В этом документе впервые была предпринята попытка разделения властей при сохранении верховенства императорской власти — идея, которая получила своё развитие в конституционных преобразованиях XX–XXI веков[6]. Таким образом, имперский период завершил формирование классической модели российского суверенитета, основанной на верховенстве центральной власти и её независимости от внешних влияний.

Советский период ознаменовался радикальным пересмотром традиционных представлений о государственном суверенитете. Первая Конституция СССР 1924 года провозгласила союзные республики суверенными государствами, обладающими высшей властью при решении любых вопросов, выходящих за пределы компетенции центрального руководства[7]. Эта формулировка создала правовую основу для последующих процессов «суверенизации» республик в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Однако на практике реальный суверенитет был сосредоточен в руках центральных органов власти СССР и руководства КПСС, что создавало глубокое противоречие между формальной и фактической моделями государственности.

В советские времена возникла идея «социалистического правового государства», которая, по сути, противоречила западным представлениям о правовом государстве. Эта концепция трактовала верховенство закона как подчинение всех государственных органов нормам социалистического права, но при этом сохраняла приоритет руководящей роли КПСС над государственными институтами[8]. Лишь в конце 1980-х годов произошло возрождение и активное развитие идей правового государства в СССР, что стало реакцией на кризис советской системы управления.

Важной вехой на пути к правовому государству стала XIX Всесоюзная конференция КПСС в июле 1988 года, где приняли резолюцию о правовой реформе. Документ подчёркивал необходимость создания государства, в котором закон имеет высшую силу. Эта резолюция стала политической основой для последующих конституционных преобразований и попыток формирования новой модели государственности, основанной на принципах правового государства и разделения властей.

После распада Советского Союза в России началось формирование новой Конституции Российской Федерации, которая устанавливала приоритет прав человека перед интересами государства. Народные депутаты и Верховный Совет работали над созданием системы разделения властей, обеспечивая их независимость, формированием вооружённых сил и защитой прав граждан[9]. Однако 1990-е годы характеризовались кризисом государственности, проявившимся в ослаблении вертикали власти, росте сепаратизма и зависимости от внешних центров влияния.

Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году, закрепила основы конституционного строя, включая положения о суверени-

1 Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: АСТ, 2019.-С. 569.
2 Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в 5 томах. М.: Мысль, 2022. Т. 3. — С. 305.
3 Мельников А.Г. Иван Грозный: власть и Церковь. М.: Индрик, 2022. — С. 64.
4 Пушкарев Л.Н. Очерк истории России до 1917 года. М.: АСТ, 2020.- С. 39-40.
5 Сперанский М.М. Свод законов Российской империи. Полное собрание законов. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 1. — С. 704.
6 Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Республика, 2020. — С. 297.
7 Веденеев Ю.А. Советское конституционное право (1917–1991 гг.): учебное пособие. М.: Юристъ, 2020. — С. 29-30.
8Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс. В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2023. — С. 43-45.
9 Алексеев С.С. Теория государства и права. М.: Норма, 2021. -С. 39.

тете Российской Федерации (статья 4)[1] и народовластии (статья 3). Однако в первоначальной редакции Конституции приоритет отдавался международному праву над национальным законодательством (статья 15), что впоследствии стало объектом критики в условиях усиления внешнего давления на Россию. Этот период можно охарактеризовать как этап «де-суверенизации», когда российская государственность находилась в состоянии кризиса и зависимости от внешних факторов[2].

Переломным моментом в формировании современной модели суверенизации стало начало 2000-х годов, когда под руководством В.В. Путина была начата политика укрепления вертикали власти и восстановления государственного суверенитета. Создание института полномочных представителей Президента в федеральных округах в 2000 году стало важным шагом в укреплении единства правового пространства и централизации государственной власти[3]. Эта политика получила дальнейшее развитие в 2010-х годах в ответ на усиление внешнего давления и попытки внешнего вмешательства во внутренние дела России.

Конституционные поправки 2020 года[4] стали завершающим этапом в формировании современной модели суверенизации государственной власти. Введение статьи 67.1, закрепляющей недопустимость действий, направленных на отчуждение части территории Российской Федерации, а также установление приоритета Конституции РФ над международным правом (статья 78) создали прочный правовой фундамент для защиты государственного суверенитета. Эти изменения отражают историческую преемственность российской государственности — от идей Иосифа Волоцкого о самодержавии до современной политики суверенизации как комплексной стратегии укрепления государственной власти во всех сферах.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие основные выводы. Во-первых, идея укрепления государственного суверенитета имеет глубокие исторические корни в российской государственности, восходящие к концепции самодержавия, сформулированной Иосифом Волоцким в начале XVI века. Во-вторых, нормативные основы суверенизации прошли длительный эволюционный путь от Судебников Московского государства через кодификацию права в имперский период к современной конституционной модели. В-третьих, советский период оказался противоречивым этапом, когда формальная декларация суверенитета республик сочеталась с реальной централизацией власти, что создало предпосылки для кризиса государственности в 1990-е годы. В-четвёртых, современная модель суверенизации, закреплённая конституционными поправками 2020 года, представляет собой синтез исторического опыта и ответ на вызовы современности.

Изучение историко-правовых аспектов зарождения нормативных основ суверенизации государственной власти имеет прямое и практическое значение для личного состава силовых структур. Понимание исторической преемственности в укреплении государственной власти позволяет военнослужащим и сотрудникам Росгвардии осознать, что их служба — это не просто исполнение профессиональных обязанностей, а продолжение многовековой традиции защиты российской государственности. Знание того, что идея суверенитета прошла путь от трудов Иосифа Волоцкого до современных конституционных норм, формирует у личного состава чувство исторической ответственности и преемственности поколений[5].

Для военнослужащих, участвующих в специальной военной операции, понимание исторических корней суверенитета помогает осознать стратегическое значение их задач — они защищают не просто территорию, а саму возможность существования российской государственности как независимого центра силы в мировой политике. Для сотрудников войск национальной гвардии, обеспечивающих внутреннюю безопасность, изучение исторического опыта противодействия дестабилизации (от опричнины до современных мер по защите конституционного строя) позволяет лучше понимать суть угроз и эффективнее противодействовать им.

Таким образом, углублённое изучение историко-правовых аспектов суверенизации должно стать неотъемлемой частью идеологической и правовой подготовки личного состава силовых структур, формируя у них целостное понимание миссии российской государственности и их личного вклада в её укрепление.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Теория государства и права. М.: Норма, 2021. -416 с.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс. В 2 т. Т. 1. М.: Норма, 2023. -528 с.
3. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2022. -864 с.
4. Веденеев Ю.А. Советское конституционное право (1917–1991 гг.): учебное пособие. М.: Юристъ, 2020. -320 с.
5. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: АСТ, 2019. -640 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). М.: Омега-Л, 2021. -64 с.
7. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Республика, 2020. -480 с.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в 5 томах. М.: Мысль, 2022. Т. 3. -416 с.
9. Лурье Я.С. Идеология русского раннего самодержавия. Л.: Наука, 2021. -256 с.
10. Мельников А.Г. Иван Грозный: власть и Церковь. М.: Индрик, 2022. -384 с.
11. Пушкарев Л.Н. Очерк истории России до 1917 года. М.: АСТ, 2020. -512 с.
12. Соловьёв Э.Г. Амбиции сверхдержавности и константы суверенитета // Политическая наука. 2023. № 2. С. 134-145.
13. Сперанский М.М. Свод законов Российской империи. Полное собрание законов. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 1. 896 с.
14. Чистов К.В. Русская народная идеология самодержавия. М.: Наука, 2021. -304 с.

[1] Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.

2 Соловьёв Э.Г. Амбиции сверхдержавности и константы суверенитета // Политическая наука. 2023. № 2. С. 136.

3 Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2022. -С. 78-79.

[4] Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

5 Чистов К.В. Русская народная идеология самодержавия. М.: Наука, 2021.- С. 47.

15. Яковлев А.Н. Судьба марксизма в России. М.: Республика, 2020. -288 с.
16. Шеншин, В. М. Об обеспечении Росгвардией внутреннего суверенитета Российской Федерации / В. М. Шеншин // Современное общество и право. – 2023. – № 1(62). – С. 14-19. – EDN GTDFAK.
17. Грешных, А. А. О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / А. А. Грешных, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
18. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

References:

1. Alekseev S.S. Theory of the state and law. Moscow: Norma, 2021. -416 p.
2. Avakian S.A. Constitutional law of Russia: the training course. In 2 volumes, vol. 1. Moscow: Norma, 2023. -528 p.
3. Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation. Moscow: Norm, 2022. -864 p.
4. Vedeneev Yu.A. Soviet constitutional law (1917-1991): a textbook. Moscow: Jurist, 2020. 320 p.
5. Grekov B.D. Kievan Rus. Moscow: AST, 2019. -640 p.
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). Moscow: Omega-L, 2021. -64 p.
7. Zayonchkovsky P.A. The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century. Moscow: Respublika, 2020. -480 p.
8. Klyuchevsky V.O. The course of Russian history. Complete edition in 5 volumes. Moscow: Mysl, 2022. Vol. 3. -416 p.
9. Lurie, Ya.S., The ideology of the early Russian autocracy. L.: Nauka, 2021. -256 p.
10. Melnikov A.G. Ivan the Terrible: power and the Church. Moscow: Indrik, 2022. 384 p.
11. Pushkarev L.N. An essay on the history of Russia before 1917. Moscow: AST, 2020. 512 p.
12. Solovyov E.G. The ambitions of superpower and the constants of sovereignty // Political Science. 2023. No. 2. pp. 134-145.
13. Speransky M.M. Code of Laws of the Russian Empire. The Complete Collection of Laws. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. Vol. 1. 896 p.
14. Chistov K.V. The Russian national ideology of autocracy. Moscow: Nauka, 2021. -304 p.
15. Yakovlev A.N. The fate of Marxism in Russia. Moscow: Respublika, 2020. -288 p.
16. Shenshin, V. M. On ensuring the internal sovereignty of the Russian Federation by the Rosgvardiya / V. M. Shenshin // Modern society and law. – 2023. – № 1(62). – Pp. 14-19. – EDN GTDFAK.
17. Greshnykh, A. A. On some trends in the development of Russian law aimed at protecting the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation / A. A. Greshnykh, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // State power and local self-government. – 2021. – No. 5. – pp. 8-11. – DOI 10.18572/1813-1247-2021-5-8-11. – EDN RLHBFK.
18. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_112

УДК 94 (38) 04

ПЕРВАЯ ПОБЕДА «БЕЗ ПЫЛИ» В ПАНКРАТИОНЕ
THE FIRST VICTORY 'DUSTLESSLY' IN PANKRATION

ГВОЗДЕВА Татьяна Борисовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной литературы
ФГОБУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького»;
доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru;

GVOZDEVA Tatiana Borisovna,
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Literature,
Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow;
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History,
Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.
E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru

***Краткая аннотация**. Статья посвящена греческой атлетике и особым победам в единоборствах – победам «без пыли», которые присуждались атлетам за явным преимуществом. В статье рассматриваются обстоятельства первой победы «без пыли» в единоборствах – в панкратионе на 75-й Олимпиаде.*

***Abstract.** The article is devoted to Greek athletics and special victories in martial arts – 'dustlessly' victories, which were awarded to athletes with a clear advantage. The article examines the circumstances of the first victory of 'dustlessly' in martial arts – in pankration at the 75th Olympiad.*

***Ключевые слова:** Олимпийские игры, победа «без пыли» (ἀκονιτί), Феаген, Дромей, панкратион, кулачный бой*
***Keywords:** Olympic Games, victory 'dustlessly' (ἀκονιτί), Theagenes, Dromeus, pankration, boxing*

***Для цитирования**: Гвоздева Т.Б. Первая победа «без пыли» в панкратионе // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 112-115. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_112.*
***For citation**: Gvozdeva T.B. The first victory of "without dust" in pankration // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 112-115. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_112.*

Статья поступила в редакцию: 12.01.2026

Одним из наиболее ярких проявлений эллинской агонистики стала греческая атлетика, а также панэллинские игры, на которые собирались спортсмены со всей Эллады. Сначала игры в Олимпии (Олимпийские игры), за ними Пифийские игры в Дельфах, Немейские игры в Аргосе, Истмийские игры в Коринфе образовали так называемый «период» священных игр. На них были определены первые правила для различных состязаний и атлетов, а также создавалось спортивное право. Для каждого состязания были выработаны критерии победы, которую определяли судьи игр. Однако, иногда атлеты побеждали при особых обстоятельствах, что обычно фиксировалось в источниках, и отмечалось в общем списке побед атлетов. Одним из этих обстоятельств была победа ἀκονιτί (т.е. «без пыли») [1; 2, с. 45].

Победа ἀκονιτί означала явное преимущество и превосходства того атлета, соперники которого отказывались от соревнований с ним, сдавались без боя, т.е. «без пыли». Это название связано с термином *конис* (κόνις – «пыль»). Атлета, на тело которого перед тренировкой было нанесено оливковое масло, осыпали еще и «пылью», особым образом измельченным песком (Vitr. V.11.2). Пыль очищала кожу и защищала ее от вредных воздействий (Luc. Anach. 2.6)[1]. После тренировки её соскребалась с тела атлета с помощью специальных скребков [3, p. 56–57]. Такие победы всегда отмечались в перечне побед атлета и очень высоко ценились [3, p. 3]. Согласно Ксенофонту победа ἀκονιτί имела такую же силу, как и победа в бою: «Ведь и во время гимнастических состязаний победивших благодаря отказу противника от борьбы награждают веками ничуть не менее тех, кто одержал победу в схватке с противником» (*Пер. В.Г. Боруховича, Э.Д. Фролова*) (Xen. Ages. 6. 3).

Победы ἀκονιτί были известны в разных состязаниях, в частности в беге [4, no. 76] или в пятиборье (Paus VI.1.7, 2.1; SEG 11.1215) [3, p. 2; 5, с. 375–376], но чаще всего отмечались именно в единоборствах [3, p. 6]. Первая такая победа на панэллинских играх зафиксирована была в панкратионе, что в силу сложности этого вида единоборств, считалось особенно почетным признание превосходства атлета без борьбы. Она произошла на 75-й Олимпиаде в 480 г. до н.э., когда победителем в панкратионе «без пыли» стал Дромей из Мантинеи [2, с. 44].

На 75-й Олимпиаде в финале кулачного боя встретились два великих атлета современности – Феаген из Фасоса и Евфим из Локр. Евфим, сын Астиклея, из Локр, был одним из самых знаменитых борцов 1-й пол. V в. до н.э. (Paus. VI.6.4–11; Plin. NH. VII.152) [3, p. 66]. К 480 г. до н.э. «за плечами» Евфима уже была одна олимпийская победа. Он победил на 74-й Олимпиаде в кулачном бое (484 г. до н.э.) (Paus. VI.6.4–11)[2]. Тогда как у его противника, Феагена, пока еще не было ни одной победы в Олимпии, хотя он неоднократно побеждал на панэллинских играх, одержав 12 побед! Феаген был победителем в кулачном бое на Истмийских играх 5 раз, на Немейских играх – 5 раз, на Пифийских играх – 1 раз. Кроме того, на Истмийских играх в 486 г. до н.э. он одержал т.н. «двойную победу» – победил в кулачном бое и в панкратионе (Dio Chrys. 31.95–

[1] Филострат в трактате «О гимнастике» выделил разные типы пыли и описал их свойства (Philostr. Gymn. 18; 42; 56).
[2] Позднее, Евфим выиграл еще две Олимпиады в кулачном бое (76-я и 77-я Олимпиады = 476 и 472 гг. до н.э.), став, таким образом, 3-кратным олимпиоником (Paus. VI.6.4–11).

97; Plut. Moral. 811DE; Luc. Counc. Gods 12; Paus. VI.6.5–6, 11.2–9, 15.3; Athen. 10.412DE; SIG^3 36A). Феаген жаждал, наконец то, одержать победу в Олимпии, и более того, хотел повторить свой «истмийский дубль», поэтому на 75-й Олимпиаде он заявил себя и в кулачный бой, и в панкратион. История поединка Феагена и Евфима упоминается у многих авторов, но более подробно – в «Описании Эллады» Павсания (II в. н.э.).

Павсаний рассказывает, что на 75-й Олимпиаде в 480 г. до н.э. Феаген заявился и в кулачный бой и в панкратион. Кулачный бой предшествовал панкратиону, и Феагену пришлось вступить в поединок с олимпиоником прошлой Олимпиады, Евфимом [3, p. 66; 6, p. 121–123; 7, с. 115–116]. Феаген победил Евфима в кулачном бое, но с большим трудом. Он потерял слишком много сил, что не позволило ему достойно выступить в панкратионе[1]. Феагену пришлось отказаться от финальной схватки со своим противником, Дромеем из Мантинеи, и судьи впервые присудили победу «без пыли» Дромею (Paus. VI.9.2; VI.11.4). Это была первая подобная победа в панкратионе [8, p. 163].

Поляков М., со ссылкой на Павсания, отмечает, что, олимпийские судьи оштрафовали Феагена на один талант (6000 драхм) за неявку на панкратион, потребовав, чтобы он также выплатил один талант Евфиму в качестве компенсации ущерба, поскольку они сочли, что он принял участие в соревнованиях по боксу только для того, чтобы досадить Евфиму [6, p. 121]. История со штрафом Феагена очень запутанная. Атлет был оштрафован на огромную сумму в 2 таланта, причем, не совсем понятно за что – за обиду Евфиму, или за отказ от состязания в панкратионе? На этом фоне несколько теряется фигура первого единоборца, который получил победу «без пыли» – Дромея из Мантинеи.

О Дромее почти ничего неизвестно. Его имя упоминается у Павсания в связи с этим скандалом вокруг штрафа Феагена: «Что касается его (Феагена – *Т.Г.*) подвигов во время состязания в Олимпии, то самое замечательное мною рассказано выше, как он в кулачном бою сражался с Евфимом и как элейцами был наложен на Феагена штраф. Тогда победу в панкратии, говорят, получил мантинеец Дромей, первым, насколько мы знаем, без боя; а в следующую олимпиаду в панкратии одержал верх Феаген. У него были и на Пифийских состязаниях три победы, все в кулачном бою, девять на Немейских состязаниях и десять на Истмийских, вместе в панкратии и в кулачном бою» (Paus. VI.11.2; *здесь и далее перевод С.П. Кондратьева*).

М. Голден в своем словаре пишет о Дромее следующее: «Дромей из Мантинеи, панкратиаст, пятый век. Уход Феогена, обессилевшего после поединка в кулачном бое с Евфимом, позволил Дромею одержать победу на Олимпийских играх по панкратиону без сопротивления (аконити) в 480 г. до н.э. – первую победу подобного рода на этом турнире» [3, p. 56]. С. Миллер упоминает Дромея лишь в контексте победы над Феагеном [8, p. 163], а у М. Полякова вообще нет имени Дромея в перечне выдающихся борцов [6].

Павсаний называет Дромея первым победителем «без пыли» (ἀκονιτί) на Олимпийских играх (Paus. VI.11.4). Но кроме этого никаких данных о Дромее у него нет. Мы практически ничего не знаем об атлете, кроме данного эпизода. Возможно, это связано с тем, что Павсаний считал победу «без пыли» бесполезной и о таких победах предпочитает не упоминать: «Но даже не о всех тех, статуи которых здесь стоят, я буду говорить, хорошо зная, что многие из них получили победную маслину случайно, волею жребия, а не за свою силу. Но я расскажу лишь о тех, которые или сами <чем-либо> особенно прославились или чьи статуи сделаны лучше других» (Paus. VI.1.1). Однако есть еще одно объяснение такого молчания – наличие еще одного атлета по имени Дромей – Дромея из Стимфала [9, p. 112–113].

Бегун на длинные дистанции, Дромей из Стимфала был дважды олимпиоником (?484 и 480 гг. до н.э.). Он побеждал в длинном беге в Олимпии ок. 480 г. до н.э. (75-я Олимпиада) [3, p. 52; 10, с. 163]. Кроме того, Дромей дважды побеждал на Пифийских играх, 3 раза – на Истмийских, 5 раз – на Немейских (Paus. VI.7.10; SyII.^{3} 516). Павсаний писал, что Дромей из Стимфала был первым спортсменом, который ввел диету, состоящую в основном из мяса. «Стимфалийский атлет, по имени Дромей (Бегун), доказавший на деле правильность своего имени в длинном беге, одержал в Олимпии две победы, столько же на Пифийских состязаниях, три на Истмийских играх и пять в Немее. Говорят, что это он ввел <для атлетов> питание мясом; до тех пор их пищей был сыр, прямо из корзин. Его статую изваял Пифагор, а стоящая рядом с ним статуя пентатла Пифокла из Элиды – творение Поликлета» (Paus. VI.7.10).

Победы Дромея на Пифийских играх принесли ему привилегии, на которые претендовали его потомки несколько веков спустя (SIG^3 516) [3, p. 56]. Выдающиеся успехи Дромея Павсаний напрямую связывает с мясной диетой, отмечая при этом, что до него атлеты ели много сыра (Paus. VI.7.10). Д. Поттер замечает, что представление о том, что атлеты могли есть много сыра – козьего или овечьего, не является абсурдным, поскольку и тот, и другой сыры также являются достойными источниками белка: «в рационе древних атлетов было, как правило, гораздо меньше жиров, чем у современных; современные олимпийские диеты обычно состоят примерно на 40% из углеводов, 40% из жиров и 20% из белка, хотя за этим средним показателем скрываются значительные различия в зависимости от вида спорта» [11, p. 142].

Таким образом, было два Дромея, которые были олимпионики, и которые принимали участие и, что важно, победили, на 75-й Олимпиаде (480 г. до н.э.). Хотя Дромей из Стимфала был бегун и, как известно, не одержал ни одной победы в каком-либо единоборстве, Дромей из Мантинеи одержал победу в панкратионе в 480 г. до н.э., и был, хотя и заочно, противником Феагена в финальном поединке. Дромею пришлось бы столкнуться с Феагеном, если бы тот не отказался от участия в этом поединке (Paus. VI.11.4).

В научной историографии есть разные точки зрения на существование двух Дромеев. Ряд ученых обычно рассматривают Дромеев как двух отдельных спортсменов. Например, М. Голден в своем словаре упоминает их как двух атлетов [3, p. 56]. Тогда как Л. Моретти, а за ним и Ж.-М. Рубино, высказали интересную идею, что это мог быть один и тот же человек [4, p. 53, no. 31; 12, p. 136–137]. Это вызывает ряд вопросов. Во-первых, прозвище Дромей означает «бегун», и такое прозвище кажется маловероятным для панкратиаста, не известного своими победами в

[1] Феаген смог стать олимпиоником в панкратионе, но только на следующей, 76-й Олимпиаде (476 г. до н.э.).

беге[1]. Во-вторых, Дромею из Стимфала приписывают изобретение мясной диеты, и это довольно удивительно для бегуна. Это скорее более подходит для тяжелоатлетов, которые известны своей особой диетой и чрезмерным потреблением мяса [10; 13]. Таким образом, существование «единого» Дромея, с точки зрения Р. Кастро-Синтрас, может быть доказательством того, что в V в. до н.э. на одной Олимпиаде можно было победить в единоборствах, и в беге. Тогда в дополнительной подготовке, в особой диеты, не было бы особой необходимости, и выносливость панкратиаста могла бы позволить Дромею выиграть длинный бег [9, p. 112–113].

Однако идентификация мантинейского Дромея и стимфалийского Дромея как одного атлета не является доказанной. Р. Кастро-Синтрас отмечает, что аргументы Ж.-М. Рубино убедительны, но есть и другие факты, которые, как правило, противоречат этой концепции. Дромей из Стимфала одержал еще несколько побед за свою карьеру. По версии Павсания, его победный список включал в себя «в Олимпии две победы, столько же на Пифийских состязаниях, три на Истмийских играх и пять в Немее» (Paus. VI.7.10). И следует отметить, что в этом перечне нет никаких упоминаний о победе в панкратионе [9, p. 112–114].

Кроме того, Дромей из Мантинеи известен только своей знаменитой победой «без пыли» в панкратионе (480 г. до н.э.). Если оба Дромея – одно и то же лицо, то кажется странным, что спортсмен более не стремился к другим победам в панкратионе. Кроме того, сложно объяснить его участие в олимпийских соревнованиях в панкратионе против Феагена, который уже был хорошо известен публике благодаря своим многочисленным победам на крупных панэллинских соревнованиях и своей двойной победе на Истмийских играх.

Если говорить о датировке побед Дромея из Стимфала, то Л. Моретти предложил две возможные даты его олимпийских побед: 484–480 гг. или 460–456 гг. до н.э. [4, no. 188]. А. Фаррингтон в своем каталоге истмиоников не может сделать однозначный вывод и поэтому помещает даты побед Дромея между 495–471 гг. или 463–437 гг. до н.э. [14, no. 1.25]. Однако, если оба Дромея – это один человек, то более вероятно, что победы Дромея приходятся на самое начало V в. до н.э., и, следовательно, в какой-то период он и Феаген могли соревноваться в одних и тех же Играх [9, p. 114, no. 407]. Таким образом, у Дромея была возможность увидеть Феагена в действии на Пифийских, Истмийских и Немейских играх. Поэтому, решение Дромея выступать против Феагена кажется удивительным, не менее чем и решение Феагена отказаться от участия. Не ставя под сомнение жесткость боя с Евфимом, кажется сложным понять, почему Феаген сдался, если единственный противник, с которым ему предстоит сразиться – бегун и новичок в искусстве панкратиона. Отказаться попытать счастья против слабого соперника кажется немыслимым, поскольку этот отказ лишает Феагена огромной доблести: выиграть два тяжелых вида спорта на одной Олимпиаде, как Геракл [9, p. 113–114].

Есть еще один фактор, который может оправдать победу Дромея – это травма Феагена. В сущности, Феаген не проиграл Дромею из Мантинеи панкратион, но он не смог выйти на поединок, возможно получив травму в бою с Евфимом. Раз бой Феагена с Евфимом затянулся, то возможно, что атлеты нанесли друг другу некие травмы. Н. Николсон подчеркивает в своем исследовании спортивных травм, что о них не было принято писать, за исключением тех случаев, когда травмы могли повлечь за собой смерть атлета. Он полагает, что Феаген не вышел в панкратионе на бой с Дромеем именно из-за тяжелой травмы, которую ему нанес Евфим [15]. Павсаний добавляет интересную деталь, что из-за того, что Феаген был не в состоянии сражаться, Дромей из Мантинеи стал первым человеком, выигравшим состязание по панкратиону ἀκονιτί (Paus. VI. 11. 4) [3, p. 56].

Таким образом, победа ἀκονιτί могла произойти не только по причине того, что против прославленного атлета никто из соперников не решался выйти на бой, но и по другой причине, например, если из состязаний по той или иной причине выбывал явный фаворит [1, с. 373]. На 75-й Олимпиаде (480 г. до н.э.) Дромей из Мантинеи стал победителем не столько благодаря своим заслугам (о которых нам ничего не известно), сколько из-за отказа явного фаворита, Феаген с Фасоса, вступить в борьбу за титул олимпионика. Поскольку все единоборства (борьба, кулачный бой и панкратион) были запланированы в программе Олимпийских игр в один день, совместная победа в кулачном бое и в панкратионе случалась редко. А т.к. это были крайне изнурительные соревнования, то победа в них приносила дополнительную славу. Два великих борца сошлись в финальном поединке, в котором Феаген с большим трудом одолел Евфима (Paus. VI. 6. 4–11) [6, p. 26]. Однако Евфим настолько измотал своего противника, что достойно выступить в панкратионе Феаген уже не смог. Возможно, что Феаген был травмирован, или просто потерял слишком много сил. А т.к. панкратион шел вслед за кулачным боем, то это не позволило Феагену достойно выступить, в нем и в финальной схватке с Дромеем впервые в этом виде единоборств судьи присудили победу «без пыли» (Paus. VI.9.2; VI.11.4). Возможно, что Феаген, отказываясь от участия в панкратионе, полагал, что его противник Дромей не будет награжден венком победителя, т.к. закон гласил, что только в бою победитель был признан олимпиоником «без пыли». На этот закон ссылается автор III в. н.э. Филострат, когда упоминает о нежелании элейцев увенчать венком атлета-победителя «без пыли» (Philost. Gymn. 11): «Считая неправильным награждать за лёгкую победу в панкратии, кулачном бое и борьбе, элейцы, однако, могли наградить такого атлета, ибо, по их утверждению, закон позволял присуждать эту победу только за участие в изнурительной и тяжёлой борьбе. И для меня очевидна причина, по которой закон это предписывает. Хотя принимать участие в состязаниях в Олимпии – великое дело, но более сложным делом оказывались тренировки» (*перевод Е.П. Ореховой*).

Но возможно, что этот закон, на который ссылается Филострат, уже не являлся действующим во времена Феагена, и, таким образом, судьи посчитали, что Феоген не подчинился олимпийским правилам, и передали победу «без пыли» Дромею. Так Дромей стал первым победителем «без пыли» на Олимпийских играх [16, p. 20]. Феаген же, предоставил Дромею легкую победу, о которой писал Павсаний (Paus. VI.1.1). Интересно, что достаточно подробно описав карьеру Феагнета, Павсаний почти ничего не пишет о Дромее, кроме упоминания его победы, да и то в перечне побед Феагена. Феаген сам отказался от борьбы, но не потому что был «испуган» силой Дромея или знал о его репутации великого

[1] Единоборцы редко побеждали в легкоатлетических дисциплинах, но известно, что Феаген стал победителем в длинном беге (Delphes, inv. 3835 = Syll.3 36A; ср.: Plut. Moral. 811d) [6, p. 169; 9, p. 111].

борца, которая внушала ему страх или уважение, а по причине того, что затратил слишком много усилий на равного ему по силе борца, Евфима. Победы «без пыли», как подразумевал Павсаний, должны доставаться только тем, кто в любом случае победит. Дромею победить помог отказ Феагена, который, был признан олимпийскими властями недостойным победы и не только оштрафован, но и лишён возможности участвовать в соревнованиях по кулачному бою на следующей Олимпиаде (Paus. VI.6.6).

Список литературы:

1. Гвоздева Т.Б. Победа «без пыли» – победа за явным преимуществом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 3. С. 356–380.
2. Гвоздева Т.Б. Атлеты Древней Греции – вкус победы // Вестник Литературного института имени А.М. Горького. 2024. № 2–3. С. 36–65.
3. Golden M. Sport in the ancient world from A to Z. London, N.Y., 2004.
4. Moretti L. Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953.
5. Гвоздева Т.Б. Греческие пятиборцы: путь к победе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 369–383.
6. Poliakoff M. Studies in the Terminology of Greek Combat Sports. Königstein, 1982.
7. Гвоздева Т.Б. Олимпийские игры античности (от мифа к истории). М.: РУДН, 2013.
8. Miller S.G. Ancient Greek Athletics. New Haven; London, 2004.
9. Castro-Cintras R. Théogénès de Thasos: l'illustre ou la vie du plus grand pugiliste antique. Histoire. 2023.
10. Гвоздева Т.Б. Атлетизм в Древней Греции: любители и профессионалы» // Вопросы Истории. № 11. 2002. С.161–164.
11. Potter D. The Victor's Crown: A History of Ancient Sport from Homer to Byzantium. Oxford, 2012.
12. Roubineau J.-M. Milon de Crotone ou l'invention du sport. Paris, 2016.
13. Гвоздева Т.Б. Спортивная диета атлетов Древней Греции // «Хлеб наш насущный»: пища и традиции трапезы в истории человечества: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 11 апреля 2025 года. Ярославль-Москва, 2025. С. 9–20.
14. Farrington A. Isthmionikai: A Catalogue of Isthmian Victors. Hildesheim, 2012.
15. Nicholson N. The Athlete's Body and the Rhetoric of Injury // Classics@ Journal 13 (2015), Greek Poetry and Sport. ed. Th. Scanlon, https://classics-at.chs.harvard.edu/classics13-nicholson/ (дата обращения 09.01.2026)
16. Sarian H. Teógenes de Tasos: atleta e herói divinizado // Revista do Museu de Arqueologia e Etnologia. São Paulo, Brasil. Vol. 29. 2017. P. 20–34.

References:

1. Gvozdeva T.B. Victory 'dustlessly' – victory by a clear advantage // RUDN Journal of World History. 2025. Vol. 17. No. 3, pp. 356–380.
2. Gvozdeva T.B. Athletes of Ancient Greece – the taste of victory // Bulletin of the Gorky Literary Institute. 2024. No. 2–3, pp. 36–65.
3. Golden M. Sport in the ancient world from A to Z. London, N.Y., 2004.
4. Moretti L. Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953.
5. Gvozdeva T.B. Greek pentathletes: the way to victory // RUDN Journal of World History. 2024. Vol. 16. No. 3, pp. 369–383.
6. Poliakoff M. Studies in the Terminology of Greek Combat Sports. Königstein, 1982
7. Gvozdeva T.B. The Olympic Games of Antiquity (from Myth to History). Moscow, RUDN University, 2013.
8. Miller S.G. Ancient Greek Athletics. New Haven; London, 2004.
9. Castro-Cintras R. Théogénès de Thasos: l'illustre ou la vie du plus grand pugiliste antique. Histoire. 2023.
10. Gvozdeva T.B. Athleticism in Ancient Greece: amateurs and professionals // Questions of History. No. 11. 2002. pp.161–164.
11. Potter D. The Victor's Crown: A History of Ancient Sport from Homer to Byzantium. Oxford, 2012.
12. Roubineau J.-M. Milon de Crotone ou l'invention du sport. Paris, 2016.
13. Gvozdeva T.B. The sports diet of athletes of Ancient Greece // 'Our daily bread': food and traditions of meals in the history of mankind: Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific Conference with international participation, Moscow, April 11, 2025. Yaroslavl-Moscow, 2025, pp. 9–20.
14. Farrington A. Isthmionikai : A Catalogue of Isthmian Victors. Hildesheim, 2012.
15. Nicholson N. The Athlete's Body and the Rhetoric of Injury // Classics@ Journal 13 (2015), Greek Poetry and Sport. ed. Th. Scanlon, https://classics-at.chs.harvard.edu/classics13-nicholson/ (дата обращения 09.01.2026)
16. Sarian H. Teógenes de Tasos: atleta e herói divinizado // Revista do Museu de Arqueologia e Etnologia. São Paulo, Brasil. Vol. 29. 2017. P. 20–34.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_116

УДК 340.1

ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВ 1867 Г.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
THE MILITARY COURT REGULATIONS OF 1867: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

БРЕДИХИН Алексей Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России,
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: axel_b@mail.ru

ПАРФЕНОВ Николай Петрович,
кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры математики и информатики Санкт-Петербургского университета МВД России,
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: parfenov-nikolai@mail.ru

BREDIKHIN Aleksey Leonidovich,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: axel_b@mail.ru

PARFENOV Nikolai Petrovich,
PhD in Engineering, Associate Professor, Associate Professor, Department of Mathematics and Computer Science, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: parfenov-nikolai@mail.ru

Краткая аннотация: *В настоящей статье авторы исследуют Военно-судебный устав 1867 г., проводят его историко-правовой и структурно-содержательный анализ. Отмечается, что документ принят в контексте проводимых судебной и военной реформ, отражает проведенные ими преобразования. Военно-судебный устав 1867 г. достаточно объемный правовой документ, в котором подробно регламентированы вопросы военного судоустройства и судопроизводства. В заключение отмечается, что многие положения Военно-судебного устава 1867 г. послужили основой для создания последующих военно-судебных актов и сохраняют актуальность на сегодняшний день.*

Abstract: *In this article, the authors examine the Military Court Regulations of 1867, conducting a historical, legal, structural, and substantive analysis. It is noted that the document was adopted in the context of ongoing judicial and military reforms and reflects the changes they brought about. The Military Court Regulations of 1867 is a fairly extensive legal document that thoroughly regulates issues of military judicial system and legal proceedings. In conclusion, it is noted that many provisions of the Military Court Regulations of 1867 served as the basis for subsequent military judicial acts and remain relevant today.*

Ключевые слова: *Военно-судебный устав 1867 г., военная реформа, судебная реформа, военный прокурор, полковые суды, военное ведомство.*

Keywords*: Military Court Regulations of 1867, military reform, judicial reform, military prosecutor, regimental courts, military department.*

Для цитирования*: Бредихин А.Л., Парфенов Н.П. Военно-судебный устав 1867 г.: историко-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 116-118. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_116.*

For citation*: Bredikhin A.L., Parfenov N.P. The Military Judicial Statute of 1867: historical and legal analysis // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 116-118. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_116.*

Статья поступила в редакцию: 26.02.2026

Время правления Императора Александра II связано с проведением «великих реформ», которые призваны были преодолеть отсталость Российской империи от ведущих западных стран. Главным поводом для этого стала Крымская война, которая в целом показала экономическую, политическую и военную слабость страны перед ведущими державами.

Главной реформой, которая обусловила проведение остальных, стала отмена крепостного права. Наделение крестьян правами и обязанностями повлекло за собой необходимость вовлечения бывших крестьян во многие общественные процессы. Проводится земская реформа, которая формировала всесословные органы земского самоуправления; судебная реформа обеспечила как внедрение буржуазных принципов, так и создание реального механизма правосудия для всех экономических слоев населения.

Реформированию подверглись и другие сферы жизни, в том числе военная сфера. Реорганизации поверглась армия, до этого формировавшаяся рекрутским способом [1, С. 208]. Уже начиная с 1864 г. срок рекрутской повинности сокращен до 15 лет, а технической оснащение армии улучшилось.

В контексте военной и судебной реформы 15 (27) мая 1867 г. Александр II утвердил Военно-судебный устав, определивший устройство и компетенцию военного суда [2, С. 1366–1370], соответственно затрагивавший как изменения в организации государственной службы, так и документы судебной реформы 1864 г. При утверждении Устава порядок введения его в действие не был определён. Устав вводился постепенно, с 1867 г. по 1889 г., по отдельным военным округам.

Военно-судебный устав 1867 г. [3] несколько раз переиздавался, а в изданиях содержались и иные документы, которые дополняют и раскрывают его содержание, что было удобно для непосредственного применения [4;5].

Нужно отметить, что документ довольно объемный и состоит из двух частей: Часть 1 «Судоустройство», часть 2 «Судопроизводство».

Вторая часть, в свою очередь, делится на четыре книги: книга первая «Общие положения»; книга вторая «Порядок производства в судах военного ведомства»; книга третья «Изъятия из общего порядка военно-уголовного судопроизводства»; книга четвертая: книга четвертая «О суде в военное время».

Во введении раскрывается система военной судебной власти, которая состоит из полковых судов, военно-окружных судов и главного военного суда. Все суды построены на коллегиальных началах. Полковые и военно-окружные суды рассматривают дела по существу, а главный военный суд «наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением военными судами».

При военных судах действуют военные следователи, а также для надзора состоят главный военный прокурор, товарищи его с помощниками, военные прокуроры и помощники их. Также определяется наличие канцелярии и общие принципы ее организации.

В первом разделе раскрывается система полковых судов, которые «учреждаются при каждом полку и других частях войск». Состоят они из штаб-офицера (председатель суда) и двух обер-офицеров в качестве членов суда. Все они назначаются начальником части, при которой создан суд на определенные сроки с принципом ротации, т.е. выбыванием одного члена через каждые три месяца. Далее дается подробная регламентация организации полковых судом и принципы их деятельности, где явно влияние прогрессивных тенденций судебной реформы 1964 г. [6, С. 125-133].

Второй раздел «О военно-судебных местах» определяет, что в каждом военном округе учреждается военно-окружной суд. Военно-окружной суд состоит постоянных и временных членов. Постоянными членами являются председатель суда и военные судьи, а временные (два штаб-офицера и четыре обер-офицера) назначаются от войск на срок шесть месяцев. Регламентация организации и деятельности военно-окружных судов, требования к кандидатам здесь также подробно прописаны.

Предусмотрено создание временных военных судов для разбора дел в отдаленных местах по месту расположения войск. Такие суды состоят из одного постоянного и двух временных членов.

Отдельно регламентируется работа канцелярий военно-судебных мест, в штат которых включены секретарь и его помощники.

В третьем разделе (О лицах прокурорского надзора) определяется правовой статус лиц, осуществляющих прокурорский надзор в военных судах: главный военный прокурор, товарищи главного военного прокурора, их помощники, военные прокуроры и их помощники [7, С. 95-97]. При этом сам главный военный прокурор подчинен военному министру.

Разделы четыре-шесть рассматривают иные организационные вопросы судоустройства, делопроизводства, а также полномочия должностных лиц военно-судебной системы, требованиях к кандидатам на соответствующие должности и другие вопросы.

Значительно большей по объему, чем первая часть является вторая, которая регулирует непосредственно процесс судопроизводства. Здесь в полной мере реализованы важнейшие буржуазные принципы судопроизводства со спецификой военного ведомства [8, С. 57-65]. Так в п. 209 военно-судебного устава 1867г. указано, что *«никто из служащих в военном ведомстве не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего устава».*

Далее подробно регулируются правила подсудности определенных дел тем или иным звеньям военно-судебной системы. Так, полковым судам *подлежат дела о нижних чинах* в случае совершения ими преступлений или проступков, за которые определяются только исправительные наказания.

Поводом для судебного разбирательства могут служить имеющиеся у полкового командира сведения об упущениях и преступных деяниях подчиненных ему чинов, либо жалобы частных лиц, сообщения мировых судей, полиции и других административных властей, донесения ближайших начальников обвиняемых.

Значимое место уделено регламентации организации судебного процесса в полковых судах и мерам его обеспечения, объявлению постановления или приговора.

Регламентируется также порядок проведения предварительного следствия, которое осуществляется военным или судебным следователем при содействии военного начальства, полиции, наблюдении прокуроров и их помощников. Отдельно раскрываются особенности участия в предварительном следствии названных субъектов, поводы к началу следствия, полномочия военных следователей и др. По окончанию следствия заключение следователя отправляется военному прокурору.

Далее раскрывается порядок деятельности непосредственно «военных судов», их подведомственность. В военных судах рассматриваются дела, не подсудные полковым судам, где реализуется в полной мере типичная модель судебного процесса, его принципы. Порядок судопроизводства во многом похож на современный уголовный процесс с особенностями того времени.

Главный военный суд во многом является кассационной инстанцией для военных судов, а также рассматривает иные вопросы. Важным является полномочия по рассмотрению «законодательных вопросов», право возбуждения которых принадлежит военному министру как по представлениям военных прокуроров, так и по своему усмотрению. На решения главного военного суда жалобы не могут быть принесены и исполняются немедленно.

Из общего порядка военно-уголовного судопроизводства изымаются уголовные дела с участием духовного ведомства, по отдельным государственным преступлениям и некоторые другие. Здесь же определяются особенности судопроизводства по делам, изъятым из общего порядка.

В военное время, установленный анализируемым уставом в целом сохраняется, но с изъятиями для войск и местностей, объявленным на военном положении.

В приложении к уставу давалась присяга членов военно-судебных мест и расписание окладов различных чинов.

В целом, Военно-судебный устав 1867 года следует признать очень развитым с точки зрения юридической техники документом для своего времени. В нем нашли отражение как особенности организации военной сферы с учетом ее реформирования, так и положения судебной реформы 1864 года. Многие принципы, терминология, структура Военно-судебного устава 1867 года оказали влияние на построение последующего военно-судебного законодательства.

Список литературы:

1. История государства и права России: учебник/ В.М. Клеандрова, Р.С. Мулукаев [и др.]; под ред. Ю.П. Титова. - 2-е изд., перераб и доп. - Москва: Проспект, 2012.

2. Купавых А. Н., Пыльцина М. В. Военная реформа Александра II: нормативно-правовая основа и значение преобразований // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 1366–1370.

3. Военно-судебный устав. — Санкт-Петербург : тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1867. — X, 238 с.

4. Военно-судебный устав (XXIV кн. Св. воен. пост. 1869 г.) : разъясненный: а) мотивами, на которых он основан и б) решениями Главного военного суда за 1867, 1868, 1869 и 1870 гг. (до № 67 включительно), и дополненный: а) всеми позднейшими узаконениями, с разъяснением их также по мотивам (прик. по Воен. вед. до 1871 г. № 190) и б) циркулярами Главного штаба (до 1871 г. № 217) / сост. А. Анисимов и В. Мартынов. - Варшава : тип. Варшав. жандарм. округа, 1871. - [6], 474, VIII с.;

5. Военно-судебный устав (полное издание), высш. утв. 15 мая 1867 г. : со включением: 1. Приказа военного министра от 20 мая 1867 г. с правилами для руководства при назначении наказаний. 2. Положений о дисциплинарных взысканиях. 3. Высш. утв. мнений Гос. совета и др. - Москва: Погорелкин, 1868. 447 с.

6. Григорьев О.В. Деятельность полковых судов по укреплению правопорядка в пореформенный период (1867-1917 гг.).// Историческая и социально-образовательная мысль. Том 10 №4/2, 2018. С. 125-133.

7. Невский С.А. Правовой статус военных прокуроров по военно-судебному уставу 1867 г. Вестник экономической безопасности. 2019. С. 95-97.

8. Шевчук, А. Н. Устав военно-судебный 1867 года как важный этап в становлении законодательства о процессуальных гарантиях военнослужащих // Военное право. – 2018. – № 2. – С. 57-65.

References:

1. History of the Russian State and Law: textbook/ V.M. Kleandrova, R.S. Mulukaev [et al.]; edited by Y.P. Titov. - 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Prospect Publ., 2012.

2. Kupavykh A. N., Pyltsina M. V. The military reform of Alexander II: the regulatory framework and the significance of transformations // Scientific and methodological electronic journal "Concept". – 2017. – Vol. 39. – pp. 1366-1370.

3. Military judicial regulations. — St. Petersburg : type. of the 2nd Edition of the Own E. I. V. Chancery, 1867. - X, 238 p.

4. The Military Judicial Statute (XXIV Book of the Holy Military post. 1869) : explained by: a) the motives on which it is based and b) the decisions of the Main Military Court for 1867, 1868, 1869 and 1870. (up to and including No. 67), and supplemented by: a) all later laws, with an explanation of their motives as well (approx. according to the Military Vedas. before 1871, No. 190) and b) circulars of the General Staff (before 1871, No. 217) / comp. A. Anisimov and V. Martynov. - Warsaw : type. Warsaw. The gendarme. districts, 1871. - [6], 474, VIII p .;

5. Military Judicial Statute (full edition), higher. approved on May 15, 1867 : with the inclusion of: 1. The order of the Minister of War dated May 20, 1867 with rules for guidance in the appointment of punishments. 2. Regulations on disciplinary actions. 3. Higher approved opinions of the State Council, etc. Moscow: Pogorelkin Publ., 1868. 447 p.

6. Grigoriev O.V. The activities of the regimental courts to strengthen law and order in the post-reform period (1867-1917).// Historical and socio-educational thought. Volume 10 No. 4/2, 2018. pp. 125-133.

7. Nevsky S.A. The legal status of military prosecutors according to the military judicial statute of 1867. Bulletin of Economic Security. 2019. pp. 95-97.

8. Shevchuk, A. N. The Military Judicial Statute of 1867 as an important stage in the formation of legislation on procedural guarantees for military personnel // Military law. – 2018. – No. 2. – pp. 57-65.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_119

УДК 334

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ (ОПЫТ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ РОССИИ И ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ)
PRINCIPLES OF ORGANIZING AND CONDUCTING CIVIL DEFENSE (EXPERIENCE OF ENSHRINING IN NATIONAL LEGISLATION OF RUSSIA AND THE CIS MEMBER STATES)

РЕДКОУС Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса
Института государства и права РАН.
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rwmmos@rambler.ru

REDKOUS Vladimir Mikhailovich,
Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: Rwmmos@rambler.ru

Краткая аннотация: *в статье на основе анализа национальных законодательных актов государств СНГ рассмотрены принципы организации и ведения гражданской обороны и гражданской защиты как важнейший элемент функционирования национальных систем гражданской обороны и гражданской защиты в целях обеспечения национальной безопасности. Результаты сравнительно-правового анализа могут быть использованы в целях совершенствования законодательства как России, так и иных государств – участников СНГ.*

Abstract: *This article, based on an analysis of national legislation in CIS countries, examines the principles of organizing and conducting civil defense and civil protection as a crucial element in the functioning of national civil defense and civil protection systems to ensure national security. The results of this comparative legal analysis can be used to improve the legislation of both Russia and other CIS member states.*

Ключевые слова: *гражданская оборона; гражданская защита; правовое регулирование; правовая основа; принципы; национальная безопасность; оборона; сравнительный анализ; государства – участники СНГ.*

Keywords: *civil defense; civil protection; legal regulation; legal basis; principles; national security; defense; comparative analysis; CIS member states.*

Для цитирования*: Редкоус В.М. Принципы организации и ведения гражданской обороны (опыт закрепления в национальных законодательствах России и государств-участников СНГ) // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 119-122. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_119.*

For citation*: Redkous V.M. Principles of organizing and conducting civil defense (experience of enshrining in national legislation of Russia and the CIS member states) // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 119-122. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_119.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Важнейшим элементом правовых основ регулирования любого вида деятельности являются принципы, справедливо говорят авторы монографии М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, С.В. Запольский, В.М. Редкоус, Т.В. Щукина, С.А. Агамагомедова, Н.Г. Андрианова [2, с. 9]. Это касается и принципов деятельности в области обороны и национальной безопасности, что подтверждается практикой правового регулирования в соответствующих областях реализации государственной политики, что отмечают К.В. Алексеев, И.Б. Борисов, А.М. Воронов, А.А. Зозуля, Д.В. Ирошников, И.Б. Кардашова, О.А. Колоткина, И.А. Кузьмин, А.А. Мохов, В.М. Редкоус, Э.К. Утяшов, И.Д. Ягофарова [1, с. 178-196].

Рассмотрим опыт законодательного закрепления принципов организации и ведения гражданской обороны в государствах – участниках СНГ.

В Российской Федерации Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне»[1] в ст. 4 («Принципы организации и ведения гражданской обороны») закрепляет, что организация и ведение гражданской обороны являются одними из важнейших функций государства, составными частями оборонного строительства, обеспечения безопасности государства. Подготовка государства к ведению гражданской обороны осуществляется заблаговременно в мирное время с учетом развития вооружения, военной техники и средств защиты населения от опасностей.

Ведение гражданской обороны на территории РФ или в отдельных ее местностях начинается с момента введения в действие Президентом страны Плана гражданской обороны и защиты населения РФ по предложению руководителя федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны.

Ведение гражданской обороны в отдельных субъектах РФ начинается с момента введения в действие высшими должностными лицами субъектов РФ планов гражданской обороны и защиты населения соответствующих субъектов РФ в полном объеме или частично по предложению руководителя федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны. При

[1] Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7. Ст. 799.

введении в действие Президентом РФ Плана гражданской обороны и защиты населения РФ на территории РФ или в отдельных ее местностях мероприятия по гражданской обороне в субъектах РФ выполняются в соответствии с указанным планом.

Ст. 4.1 Федерального закона называется «Координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, организаций и органов управления гражданской обороной и сил гражданской обороны».

Закон Азербайджанской Республики (далее - АзР) от 30 декабря 1997 г. № 420-IГ «О гражданской обороне»[1] в ст. 3 «Принципы организации гражданской обороны» устанавливает, что гражданская оборона, являющаяся составной частью общегосударственной системы обороны, организуется на основе следующих принципов: 1) территориальный принцип (организация мероприятий по гражданской обороне на всей территории АзР); 2) принцип дифференцированного и комплексного подхода (планирование и координированное осуществление в АзР мероприятий по гражданской обороне с учетом военно-стратегических, экономических и иных особенностей отдельных зон, городов, объектов производственного и социального назначения); 3) принцип массовости и обязательности (охват мероприятиями по гражданской обороне всего населения АзР и его обязательный характер); 4) принцип постоянной готовности (система гражданской обороны АзР в состоянии готовности к немедленному и эффективному началу действий во время чрезвычайных происшествий); 5) принцип немедленного оповещения (немедленное информирование населения АзР о чрезвычайных происшествиях, которые могут возникнуть или уже возникли); 6) принцип взаимосвязи (тесное и координированное действие государственных органов и сил гражданской обороны, участвующих в обеспечении гражданской обороны).

Закон Республики Армения от 29 марта 2002 г. № ЗР-309 «О гражданской обороне»[2] в ст. 4 «Принципы гражданской обороны» закрепляет, что организация и осуществление гражданской обороны являются одной из важнейших функций государства и составляющей и неотъемлемой частью национальной безопасности. Государство готовится к задачам гражданской обороны заблаговременно, в мирных условиях.

Принципами гражданской обороны являются: а) организация и осуществление гражданской обороны по всей территории Республики Армения; б) дифференцированное осуществление гражданской обороны - по стратегическим, возрастным, территориальным, производственно-территориальным особенностям; в) организация гражданской обороны по принципу централизованного управления.

Закон Республики Казахстан от 11 апреля 2014 г. № 188-V ЗРК «О гражданской защите»[3] в ч. 2 ст. 3 закрепляет, что основными принципами гражданской защиты являются: 1) организация системы гражданской защиты по территориально-отраслевому принципу; 2) минимизация угроз и ущерба гражданам и обществу от чрезвычайных ситуаций; 3) постоянная готовность сил и средств гражданской защиты к оперативному реагированию на чрезвычайные ситуации, гражданской обороне и проведению аварийно-спасательных и неотложных работ; 4) гласность и информирование населения и организаций о прогнозируемых и возникших чрезвычайных ситуациях, принятых мерах по их предупреждению и ликвидации, включая ликвидацию их последствий; 5) оправданный риск и обеспечение безопасности при проведении аварийно-спасательных и неотложных работ.

Закон Республики Беларусь от 27 ноября 2006 г. № 183-З «О гражданской обороне»[4] и Закон Республики Таджикистан от 28 февраля 2004 г. № 6 «О гражданской обороне»[5] самостоятельной статьи о принципах организации и ведения гражданской обороны не содержат.

В преамбуле Закона Туркменистана от 29 ноября 2003 г. № 206-II «О гражданской обороне»[6] сказано, что он определяет основные задачи, организационные принципы построения и функционирования Гражданской обороны Туркменистана, полномочия органов исполнительной власти, предприятий, учреждений и организаций, права и обязанности граждан Туркменистана, иностранных граждан и лиц без гражданства в области гражданской обороны. Однако, несмотря на это, Закон Туркменистана самостоятельной статьи об организационных принципах построения и функционирования Гражданской обороны Туркменистана не содержит.

Закон Республики Узбекистан от 26 мая 2000 г. № 80-II «О гражданской защите»[7] самостоятельной статьи о принципах организации и ведения гражданской обороны не содержит. В ст. 20 («Формирования гражданской защиты») Закона Республики Узбекистан сказано, что формирования гражданской защиты создаются для проведения спасательных и других неотложных работ по территориально-производственному принципу.

В преамбуле Закона Республики Молдова от 9 ноября 1994 г. № 271-XIII «О гражданской защите»[8] сказано, что он определяет основные принципы организации гражданской защиты в республике, ее задачи, правовые основы деятельности в этой области органов публичной власти, предприятий, учреждений и организаций, независимо от вида собственности и организационно-правовой формы, а также граждан. Самостоятельной статьи о принципах организации и ведения гражданской обороны Закон Республики Молдова не содержит.

В ч. 4 ст. 1 закреплено, что гражданская защита Республики Молдова организуется по территориально-производственному принципу в соответствии с административно-территориальным устройством республики, охватывая все отрасли национальной экономики. Организация гражданской защиты носит обязательный характер.

[1] Закон Азербайджанской Республики от 30 декабря 1997 г. № 420-IГ «О гражданской обороне» // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 1998. № 4. Ст. 222.
[2] Закон Республики Армения от 29 марта 2002 г. № ЗР-309 «О гражданской обороне» // Официальные ведомости Республики Армения. 2002. №12 (187). Ст. 231.
[3] Закон Республики Казахстан от 11 апреля 2014 г. № 188-V ЗРК «О гражданской защите» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 7 (2656). Ст. 36.
[4] Закон Республики Беларусь от 27 ноября 2006 г. № 183-З «О гражданской обороне» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 6 декабря 2006 года, №201, 2/1280.
[5] Закон Республики Таджикистан от 28 февраля 2004 г. № 6 «О гражданской обороне» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2004. № 2. Ст. 38.
[6] Закон Туркменистана от 29 ноября 2003 г. № 206-II «О гражданской обороне» // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2003. № 4. Ст. 44.
[7] Закон Республики Узбекистан от 26 мая 2000 г. № 80-II «О гражданской защите» // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2000. №5-6 (1289-1290). Стр. 151.
[8] Закон Республики Молдова от 9 ноября 1994 г. № 271-XIII «О гражданской защите» // Официальный монитор Республики Молдова, №20, 29 декабря 1994 года, ст. 231.

В ст. 21 («Права органа государственного надзора в области гражданской защиты») Закона Республики Молдова органу государственного надзора в области гражданской защиты для выполнения возложенных на него обязанностей предоставляется право «f) налагать в соответствии с действующим законодательством санкции в виде штрафа за нарушение или невыполнение требований, стандартов, норм и правил инженерной, радиационной, химической, медико-биологической защиты объектов национальной экономики и населения, а также распоряжаться о принятии ограничительных мер с соблюдением положений пункта e) и нижеследующих принципов: законность и соблюдение установленной законом компетенции; вынесение рекомендаций по устранению выявленных в результате проверок нарушений; недопущение применения санкций, не предусмотренных законом; толкование сомнений, возникающих в процессе применения законодательства, в пользу лица; покрытие расходов по проведению контроля за счет государства; право обжалования действий контролирующего органа».

Закон Кыргызской Республики (далее – КР) от 24 мая 2018 г. № 54 «О Гражданской защите»[1] в ст. 3 закрепляет принципы организации и ведения Гражданской защиты. Установлено, что организация и ведение Гражданской защиты являются одной из важнейших функций государства, составной частью обеспечения национальной безопасности КР. Гражданская защита организуется и ведется в КР по территориально-отраслевому принципу.

Организация и ведение Гражданской защиты в КР осуществляется государственной системой Гражданской защиты. Государственная система Гражданской защиты состоит из территориальной подсистемы, создающейся на базе административно-территориальных единиц, отраслевой подсистемы, создающейся на базе министерств и ведомств, и специальных подсистем, создающихся для решения специальных задач в мирное и военное время.

Планирование и осуществление мероприятий по Гражданской защите проводятся органами управления Гражданской защиты с учетом экономических, природных и иных характеристик, а также демографических, гендерных, культурных особенностей различных групп населения, особенностей территорий и степени опасности возникновения чрезвычайных ситуаций. План мероприятий по Гражданской защите определяется Президентом КР исходя из принципа необходимой достаточности и использования имеющихся сил и средств.

Мероприятия по Гражданской защите осуществляются силами и средствами государственных органов, местных государственных администраций, органов местного самоуправления и организаций, независимо от форм собственности. Мероприятия по снижению риска бедствий осуществляются через Национальную платформу КР по снижению риска бедствий.

Подготовка государства к Гражданской защите в военное время осуществляется органами управления Гражданской защиты заблаговременно, в мирное время - с учетом развития вооружения, военной техники и средств защиты населения от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий.

Перевод Гражданской защиты с мирного на военное время на территории КР или в отдельных ее местностях начинается с момента объявления состояния войны Президентом КР или фактического начала военных действий.

Таки образом, законодатель КР не счел нужным формулировать конкретные принципы организации и ведения Гражданской защиты, а лишь перечислил действия, раскрывающие их содержание.

Кодекс Гражданской Защиты Украины от 2 октября 2012 г. № 5403-VI[2] в ст. 7 («Основные принципы осуществления гражданской защиты») устанавливает, что гражданская защита осуществляется по таким основным принципам: 1) гарантирование и обеспечение государством конституционных прав граждан на защиту жизни, здоровья и собственности, а также выполнение в военное время норм международного гуманитарного права; 2) комплексного подхода к решению заданий гражданской защиты; 3) приоритетности заданий, направленных на спасание жизни и сохранение здоровья граждан; 4) максимально возможного, экономически обоснованного уменьшения риска возникновения чрезвычайных ситуаций; 5) централизации управления, единоначалия, подчиненности, уставной дисциплины Оперативно-спасательной службы гражданской защиты, аварийно-спасательных служб; 6) гласности, прозрачности, свободного получения и распространения публичной информации о состоянии гражданской защиты, кроме ограничений, установленных законом; 7) добровольности - в случае привлечения граждан к осуществлению мероприятий гражданской защиты, связанных с риском для их жизни и здоровья; 8) ответственности должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления за соблюдение требований законодательства по вопросам гражданской защиты; 9) оправданного риска и ответственности руководителей сил гражданской защиты за обеспечение безопасности во время проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Принципы организации и ведения гражданской обороны и гражданской защиты, как это сказано в ряде национальных законов государств – участников СНГ, являются важнейшими, краеугольными положениями, определяющими деятельность всех субъектов, в том числе и поведения граждан, в области гражданской обороны и, соответственно, гражданской защиты.

Практика определения и закрепления принципов различна.

В законах Российской Федерации и Кыргызстана содержатся статьи, устанавливающие принципы ведения гражданской обороны и, соответственно, гражданской защиты. Однако сами принципы при этом конкретно не сформулированы, а лишь перечислены действия, раскрывающие их содержание.

В ряде законов принципы организации и ведения гражданской обороны (Азербайджан, Армения) и, соответственно, гражданской за-

[1] Закон Кыргызской Республики от 24 мая 2018 г. № 54 «О Гражданской защите» // «Эркин Тоо». 2018. 5 июня. № 47.
[2] Кодекс Гражданской Защиты Украины от 2 октября 2012 г. № 5403-VI // Правительственный курьер. 2012. 29 ноября. № 220.

щиты (Казахстан, Украина) обозначены конкретно

В законодательных актах ряда государств Содружества принципы организации и ведения гражданской обороны и гражданской защиты вообще не систематизированы и не выделены (Беларусь, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Молдова).

Поэтому задача российского законодателя видится в формулировании конкретных принципов организации и ведения гражданской обороны и внесении соответствующих изменений и дополнений в ст. 4 Федерального закона от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне».

Таким образом, проведенный нами анализ показал, что положения национальных законов государств – участников СНГ могут дать много положительного опыта в правовой регламентации общественных отношений, складывающихся в области гражданской обороны, что позволяет обеспечить более полное единство и системность правового регулирования. Это касается и принципов организации и ведения гражданской обороны. В этой связи с учетом традиций национальных правовых систем положительный опыт государств СНГ может быть использован в правотворческой деятельности как в России, так и в самих государств Содружества, что предполагает проведение соответствующих сравнительно-правовых исследований, о необходимости которых говорят В.С. Горбань, В.М. Редкоус, А.Ю. Саломатин, И. И. Бутрим, Н. В. Макеева [3, с. 15-28], [4, с. 76-79], [5, с. 65-75].

Список литературы:

1. Обзор IV Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности: вопросы науки и образования» (РАНХиГС, Москва, 27-28 мая 2025 года) / К. В. Алексеев, И. Б. Борисов, А. М. Воронов [и др.] // Транспортное право и безопасность. – 2025. – № 4(56). – С. 178-196.

2. Правовое регулирование финансового рынка России / М. Н. Кобзарь-Фролова, Е. Л. Васянина, С. В. Запольский [и др.]. Москва : ИГП РАН, 2023. 219 с.

3. Редкоус, В. М. К вопросу об актуальных направлениях совершенствования правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В. М. Редкоус // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2006. – № 1. – С. 15-28.

4. Редкоус, В. М. Правовое регулирование применения специальных ограничительных мер (опыт Республики Беларусь) / В. М. Редкоус // Мировая экономика: проблемы безопасности. – 2024. – № 1. – С. 76-79.

5. Сравнительное правоведение как динамично развивающаяся комплексная дисциплина: историографический контекст и перспективы / В.С. Горбань, А.Ю. Саломатин, И. И. Бутрим, Н. В. Макеева // Государство и право. 2024. № 12. С. 65-75.

References:

1. Review of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference “Legal Support of National Security: Issues of Science and Education” (RANEPA, Moscow, May 27-28, 2025) / K. V. Alekseev, I. B. Borisov, A. M. Voronov [et al.] // Transport Law and Security. - 2025. - No. 4 (56). - P. 178-196.

2. Legal regulation of the financial market of Russia / M. N. Kobzar-Frolova, E. L. Vasyanina, S. V. Zapolsky [et al.]. - Moscow: IGP RAS, 2023. 219 p.

3. Redkous, V. M. On the issue of current directions for improving the legal regulation of public relations in the sphere of ensuring national security of the Russian Federation / V. M. Redkous // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. - 2006. - No. 1. - P. 15-28

4. Redkous, V. M. Legal regulation of the application of special restrictive measures (experience of the Republic of Belarus) / V. M. Redkous // World economy: security issues. - 2024. - No. 1. - P. 76-79

5. Comparative Law as a Dynamically Developing Complex Discipline: Historiographic Context and Prospects / V.S. Gorban, A.Yu. Salomatin, I.I. Butrim, N.V. Makeeva // State and Law. 2024. No. 12. Pp. 65-75.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_123

УДК 341.3

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ[1]

ON SOME ISSUES OF LEGAL PROVISION OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY AT THE CURRENT STAGE OF INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT

КОНОХОВ Максим Васильевич,
ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН,
кандидат юридических наук.
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: konohov76@mail.ru;

KONOKHOV M.V.,
Leading researcher of the Institute State and Law of the Russian,
Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences.
10 Znamenka Street, Moscow, 119019, Russia.
E-mail: konohov76@mail.ru

***Краткая аннотация**: в статье рассматриваются актуальные вопросы правового обеспечения информационно-психологической безопасности Российской Федерации на современном этапе развития информационных технологий. Автор приходит к выводу о необходимости юридического оформления обособления информационно-психологической безопасности в системе информационной безопасности, а также о необходимости принятия концепции информационно-психологической безопасности Российской Федерации на уровне документа, утверждаемого Президентом Российской Федерации.*

***Abstrac**t: the article discusses current issues of legal support for information and psychological security of the Russian Federation at the current stage of information technology development. The author comes to the conclusion that it is necessary to formalize the separation of information and psychological security in the information security system, as well as the need to adopt the concept of information and psychological security of the Russian Federation at the level of a document approved by the President of the Russian Federation.*

***Ключевые слова**: информационная безопасность, информационно-психологическая безопасность, Доктрина информационной безопасности, социальные сети, ментальное воздействие, Доктрина информационных операций США, распространение заведомо недостоверной информации, информационные технологии.*

***Keywords**: information security, information and psychological security, Information security doctrine, social networks, mental impact, US Information Operations Doctrine, dissemination of deliberately false information, information technology.*

***Для цитирования:** Конохов М.В. О некоторых вопросах правового обеспечения информационно-психологической безопасности на современном этапе развития информационных технологий // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 123-127. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_123.*

***For citation**: Konokhov M.V. On some issues of legal provision of information and psychological security at the current stage of information technology development // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 123-127. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_123.*

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026

Как отмечают А.А. Полякова и А.А. Смирнов, противодействие информационно-психологическому воздействия впервые выделено в стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2021 г.), хотя угрозы нашли отражение еще в действующей доктрине информационной безопасности (2016), Особый акцент на них сделан и в основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности [12, с. 12].

А.А. Смирнов обоснованно отмечает, что потребность введения понятия информационно-психологическая безопасность» в юридическую науку и правовую практику заключается потребность в рельефном обозначении «психологической» составляющей информационной безопасности. Принципиальное отличие информационно-психологической безопасности от традиционного блока информационной безопасности состоит в том, что ее содержанием выступает не защита информации, а защита от информации [21, с. 90].

В п. 12 Военной доктрины Российской Федерации указано, что расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств [13].

В этой связи Ю.В. Свиридов отмечает, что силы и средства психологических операций созданы во всех странах НАТО и входят в состав национальных вооруженных сил. Они направлены на формирование определенного общественного мнения в международной среде, а инструментарий внушения и убеждения способен оказывать влияние на широкие слои населения [19, с. 139].

На современном этапе развития информационных технологий расширяются возможности информационно-психологического воздействия на население, что обуславливает необходимость совершенствование мер противодействия такому воздействию. Ю.В. Свиридов, в частно-

[1] Исследование выполнено в рамках выполнения государственного задания ИГП РАН Обеспечение цифрового суверенитета и информационной безопасности правовыми средствами (FMUZ-2024-0035).

сти, отмечает, что мероприятия информационно-психологического воздействия и защиты заключаются в комплексном применении специализированных сил, средств методик и приемов по воздействию на психику и подсознание людей путем доведения до них специально модифицированной информации (словесной, печатной, аудиовизуальной и другой) в целях изменения их поведения, а в условиях продолжительного воздействия – и сознания [19, с. 139].

В свою очередь модифицированная информация представляет собой искусное сочетание достоверных, сомнительных и ложный сведений. Степень достоверности (недостоверности) информации, ее объемы, последовательность, районы, силы и средства распространения и другие организационно-технические вопросы определяются целями психологических операций, проводимых в мирное и военное время, а также характеристиками и принадлежностью целевой аудитории. Доведение информации осуществляется на научной и плановой основе с учетом условий и факторов обстановки. Большое значение имеет организация обратной связи, позволяющей наблюдать за реакцией целевой аудитории и корректировать воздействие на нее в той или иной мере [19, с. 139].

На современном этапе развития информационных технологий активно используются научные достижения, связанные с информационно-психологическим воздействием. XX век характеризуется активным развитием когнитивной нейробиологии – науки, исследующей связь головного мозга и других сторон нервной системы с познавательными процессами и поведением. В этой связи в начале XXI века описание человека и его когнитивные способности оказались в центре внимания не только философов, социологов, нейробиологов и представителей иных ветвей естественных и общественных наук, но и маркетологов, политологов, а также государства [25, с. 12].

В государствах НАТО получил довольной широкое распространение так называемый метод «информирования общественности». «Информирование общественности» осуществляется в интересах достижения военных целей и задач НАТО путем своевременного предоставления аудитории точной информации в рамках стратегических коммуникаций. В понимании Ю.В. Свиридова, информирование общественности означает обработку общественного сознания информацией, модифицированной специальным образом, содержание которой, методы и способы доведения согласованы со всеми ведомствами и организациями, отвечающими за ее распространение. В процессе информирования осуществляется налаживание и контроль внешних и внутренних коммуникативных каналов с аудиториями [25, с. 12].

В реализации мероприятий информационно-психологического воздействия и защиты наравне с коалиционными силами и средствами психологических операций участвуют также и национальные структуры. Несмотря на их оснащенность, эффективность и стремление к расширению сотрудничества с государственными и частными информационными структурами, они играют второстепенную роль в этой деятельности [19, с. 138].

Согласно Доктрины информационных операций Вооруженных Сил США в содержание понятие информационных операций включены пять компонентов: радиоэлектронная борьба, дезинформация противника различными методами, ведение «психологической войны», пропаганду и контрпропаганду в информационном пространстве (в том числе в интернете, в частности, в социальных сетях), обеспечение компьютерной безопасности, защиту инфраструктуры и режима секретности, проведение кибернетических атак, сбор и обработку военных тактических данных и т.д. [26].

Одной из активно используемых государствами Запад форм информационно-психологического воздействия является ментальное воздействие. А.Н. Савенков отмечает, что в рамках приводимой ментальной войны волна дезинформации, запущенная странами Запада, направлена на то, чтобы наше граждане воспринимали действительность в негативном свете [18, с. 3].

Ментальные операции рассматриваются как воздействие на ценностный базис индивида и общества, их историческую память. Оно рассматривается как воздействие долгосрочного цикла. Это многоэтапное, агрессивное воздействие, рассчитанное на десятилетия планомерного влияния и влияющее на несколько возрастных групп народонаселения государства [25, с. 13].

В контексте проводимого ментального воздействия со стороны государств Запада в отношении граждан Российской Федерации следует отметить, что международные отношения после второй мировой войны характеризуются избеганием прямого военного столкновения между ядерным державами. Государства-члены НАТО и их союзники применяют стратегическое военное и дипломатическое сдерживание, в частности, с использованием гибридных форм воздействия в отношении ключевых соперников, в первую очередь, Российской Федерации и Китайской народной республики. В Когнитивные и ментальные операции становятся для западных стран одним из основных способов влияния на государства и их общества в неявной и непрямой форме [25, с. 12].

Таким образом, на современном этапе развития информационных технологий возникла острая необоримость противодействия ментальному воздействию при помощи правовых средств, что, несомненно, должно осуществляться в рамках комплексных мер по обеспечению информационно-психологической безопасности Российской Федерации.

Ряд авторов говорят о необходимости дифференциации информационной безопасности на информационно-техническую и информационно-психологическую. В частности, С.И. Макаренко отмечает, что развитие теории информационного противоборства привело к декомпозиции ее по сферам применения - психологическую и информационно-техническую. Причем теория информационного противоборства в психологической сфере является в большей степени развитой, нежели теория противоборства в технической сфере [9, с. 505-506].

Н.П. Ромашкина, как следует из анализа ее подходов к угрозам Вооруженным Силам Российской Федерации в информационном пространстве, проводит дифференциацию последних на информационно-технические и информационно-психологические [9, с. 85-96].

Как указано в Концептуальных взглядах на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве военно-политическим руководством Российской Федерации информационное пространство рассматривается как сфера деятельности, оказыва-

ющая воздействие, в том числе на индивидуальное и коллективное общественное сознание [7]. Это обстоятельство в свою очередь также свидетельствует о необходимости дифференциации информационной безопасности на информационно-техническую и информационно-психологическую.

С точки зрения международного права важно подчеркнуть, что любая информационная операция психологической направленности, проводимая в мирное время в отношении другого государства, будет обладать признаками вмешательства в его внутренние дела. [9, с. 4].

В этой связи следует отметить, что в условиях СВО активизировалась работа западных государств по вмешательству во внутренние дела Российской Федерации. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин на совещании по вопросу беспорядков, произошедших 29 октября 2023 г. в Республике Дагестан заявил о попытках расколоть российское общество извне, с помощью применения «изощренных технологий психологической и информационной агрессии» [15].

Особую актуальность вопросы правового обеспечения информационно-психологической безопасности приобрели в период специальной военной операции (далее-СВО).

Как справедливо отмечают В. Клевцевич, В. Дудулин и А. Калачева, понимание информационно-психологической безопасности в период СВО является особенно актуальным для Вооруженных Сил Российской Федерации — идет жесткое информационно-психологическое противоборство, в условиях которого необходима система защиты личного состава от информационно-психологического воздействия противника [6, с. 34].

В ходе СВО оказывается беспрецедентное информационно-психологическое воздействие на военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации. Методы такого воздействия достаточно многообразны. Среди таких методов представляется возможным выделить следующие: размещение запрещенного контента на информационных ресурсах в нарушение законодательства Российской Федерации [17] распространение ненависти к военнослужащим и Вооруженным Силам Российской Федерации [14], распространение заведомой недостоверной информации о военнослужащих и Вооруженных Силах Российской Федерации [17], пропаганда неоязычества среди военнослужащих [11], а также множество иных методов деструктивного информационно-психологического воздействия.

Такое воздействие несомненно оказывает достаточно весомое влияние на эффективность выполнения целей СВО, поставленных военно-политическим руководством Российской Федерации. Это обстоятельство обусловливает необходимость противодействия негативному информационно-психологическому воздействию противника на военнослужащих и Вооруженные Силы Российской Федерации в период проведения СВО, в том числе и с помощью правовых средств.

В этой связи следует отметить, что комплексное применение информационно-психологического воздействия на военнослужащих и Вооруженные Силы Российской Федерации определяется в качестве характерной черты современных военных конфликтов в п. 15 Военной доктрины Российской Федерации [3], а также в п.п. 50-52 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [23].

Следует отметить, что в период СВО наиболее масштабно информационно-психологическое воздействие проводится в форме распространения заведомо недостоверной информации о военнослужащих и Вооруженных Силах Российской Федерации. В средствах массовой информации, а также в ряде научных источников такая информация получила название «фейк». Как указывает В.К. Новиков, «фейк» является одним из видов информационно-психологического оружия, который, как свидетельствует анализ военных конфликтов последних лет, активно используют как в мирное, так и военное время [10, с. 46].

В частности, 19 октября 2024 г. официальный представитель МИД России М. Захарова сообщила, что заявление главы дипломатии Евросоюза Ж. Борреля о якобы имевших место преступлениях российских военнослужащих против украинских военнопленных является дезинформацией [2].

В этой связи О.А. Петровская [12, с. 92-99] и Н.А. Троян [22, с. 75-80] обоснованно отмечают необходимость противодействия распространению заведомо недостоверной информации, в том числе при помощи правовых средств.

Важной составляющей при проведении информационно-психологических операций являются социальные сети. В. Булва отмечает, что социальные сети наряду с традиционными медиа, используются для освещения международных событий, причем они нередко становятся инструментом информационного противоборства. В связи с изложенным одной из основных угроз информационной безопасности являются угрозы, обусловленные использованием социальных сетей в качестве политического инструмента: манипулирование общественным сознанием, дезинформация, пропаганда, черный пиар, вмешательство во внутренние дела государств с применением информационно-коммуникационных технологий [1, с. 55]. В этой связи представляется, что в число первоочередных средств противодействия информационно-психологическому воздействию должны быть включены меры по противодействию распространению негативной информации в социальных сетях.

Ю. Свиридов и Е. Дмитриев отмечают, что в ходе информационных операций США активно отрабатываются методики подмены источника атаки и создания искусственных улик для дискредитации какой угодно страны. На языке западных спецслужб это называется «операция под ложным флагом». Так фабрикуются улики, включая IP-адреса и другие сведения технического характера. В дальнейшем выводы по работе следственных комиссий или ангажированных компаний в сфере кибербезопасности без какой-либо объективной доказательной базы продвигаются через СМИ, в том числе в виде утечек и конфиденциальных бесед «с лицами, близкими к расследованию», и оттуда распространяются по социальным сетям [20, с. 5], что также свидетельствует о необходимости формирования правовых основ информационно-психологической безопасности.

Важно подчеркнуть, что в международном праве отсутствуют какие-либо нормы, регламентирующие вопросы информационно-психо-

логического воздействия, что позволяет государствам коллективного Запада и Украины проводить любые информационно-психологические операции в отношении граждан Российской Федерации.

В этой связи Н.П. Ромашкина отмечает, что одной из исключительных особенностей противоборства на современном этапе является возможность психологического воздействия с помощью современных ИКТ не только на отдельных людей, включая государственных лидеров, но и на огромное количество людей, на социум в максимально короткие и четко обозначенные временные сроки [16, с. 85-96].

Таким образом, следует прийти к выводу о необходимости совершенствования законодательства Российской Федерации, направленного на противодействие негативному информационно-психологическому воздействию со стороны недружественных стран в отношении граждан Российской Федерации. Эти меры должны носить комплексный характер, необходим концептуальный подход к обеспечению информационно-психологической безопасности Российской Федерации.

Особое место в правовом обеспечении информационно-психологической безопасности Российской Федерации должны занять вопросы противодействия распространению заведомо недостоверной информации как наиболее распространенному виду информационно-психологического воздействия.

В этой связи представляется целесообразным принятие на уровне документа, утверждаемого Указа Президента Российской Федерации, Стратеги обеспечения информационно-психологической безопасности государства.

С учетом сложности и многогранности противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию в этой работе должно быть задействовано максимальное количество субъектов; это, в первую очередь, средства массовой информации, органы государственной власти, общественные организации, граждане. Только в этом случае возможно добиться максимального эффекта в обеспечении информационно-психологической безопасности Российской Федерации. В вопросах правового обеспечения информационно-психологической безопасности, по мнению автора, следует уделять особое внимание противодействию распространению негативной информации в социальных сетях, а также противодействию ментальному воздействию государств Запада, направленному на население Российской Федерации, связанному с искажением исторической правды. Это обусловлено тем обстоятельном, что ментальное воздействие является наиболее опасной формой информационно-психологического воздействия.

Следует прийти к выводу о необходимости юридического оформления обособления информационно-психологической безопасности с учетом принципиальных отличий последней от информационно-технической безопасности, что должно найти отражение, в первую очередь в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

1. Булва В. Феномен социальных сетей в контексте информационной безопасности // Международная жизнь. 2023 № 3. С. 52-60.
2. В МИДе заявили о попытках Запада очернить Россию вбросами об убийстве пленных. URL: https://iz.ru/1777210/2024-10-19/v-mide-zaiavili-o-popytkakh-zapada-ochernit-rossiiu-vbrosami-ob-ubiistve-plennykh?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2Fc01cc9d7-135c-5d6a-a1ab-624181fdf4de (дата обращения: 24.02.2026).
3. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № 2976). URL: https://legalacts.ru/doc/voennaja-doktrina-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom-rf/ (дата обращения: 24.02.2026).
4. Дылевский И.Н., Комов С.А., Родионов С.Н., Полякова Т.А., Федоров А.В. К вопросу о международно-правовой квалификации информационных операций // Военная мысль. 2008, № 2. С. 2-10.
5. Журналиста Forbes задержали по уголовному делу о фейках об армии в его канале. URL: https://www.forbes.ru/society/511347-zurnalista-forbes-zaderzali-po-ugolovnomu-delu-o-fejkah-ob-armii-v-ego-kanale (дата обращения: 24.02.2026).
6. Клевцевич В., Дудулин В, Калачева А. Противодействие негативному информационно-психологическому воздействию на военнослужащих в условиях проведения специальной военной операции на Украине // Армейский сборник. 2023. № 7. С. 34-39.
7. Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве. URL: https://ens.mil.ru/science/publications/more.htm?id=10845074%40cmsArticle (дата обращения: 19.10.2024).
8. Курбангалееву (физическое лицо, внесенное в список террористов и экстремистов и выполняющее функции иноагента) объявили в международный розыск за фейки о российской армии. URL: https://news.mail.ru/incident/63135865/ (дата обращения: 20.02.2026).
9. Макаренко С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетецентрических войнах начала XXI века. СПб, 2017.
10. Новиков В.К. Информационное оружие-оружие современных и будущих войн. 3-е изд., испр. и доп. М., 2020.
11. Патриарх Кирилл призвал не распространять неоязычество среди военных URL: https://russian.rt.com/russia/news/1373637-patriarh-kirill-neoyazychestvo?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 19.10.2024).
12. Петровская О.В. Недостоверность информации как угроза информационной безопасности // Мониторинг правоприменения. 2022, № 2 (43). С. 94-99.
13. Полякова Т.А., Смирнов А.А. Развитие системы международной информационной безопасности и международное информационное право // Шестые Бачиловские чтения Отв. Ред. Т.А. Полкова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. М., Институт государства и права РАН, 2023. 9-18.
14. Приговор украинскому активисту за призыв калечить пленных вступил в силу. URL: https://russian.rt.com/ussr/news/1382524-prigovor-aktivist-ukraina-prizyv?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F9fff8137-d70f-5fa3-ae42-090b3c1f9757 (дата обращения: 24.02.2026).
15. Путин заявил о попытках расколоть российское общество извне // URL: https://news.mail.ru/politics/58425952/?frommail=1 (дата обращения 20.02.2026).
16. Ромашкина Н.П. Глобальные ИКТ-угрозы в военно-политической сфере: сотрудничество или конфронтация мировых держав? // Международная жизнь. 2018, № 12. С. 85-96.
17. Роскомнадзор не планирует разблокировать Discord в ближайшее время. URL: https://ren.tv/news/v-rossii/1271121-rospotrebnadzor-ne-planiruet-razblokirovat-discord-v-blizhaishee-vremia?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F5a4d2a47-9e66-5186-ba6e-ba5a9fdeeda9 (дата обращения: 24.02.2026).
18. Савенков А.Н. Историческое сознание как новый театр военных действий // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2024, № 12. С. 3-9.
19. Свиридов Ю.В. Современные формы противоборства НАТО с Российской Федерацией в информационной сфере // Военная мысль. 2025. № 4. С. 130-140.
20. Свиридов Ю. Дмитриев В. Основные государственные структуры США, решающие задачи информационного противоборства с Российской Федерацией // Зарубежное военное обозрение. 2023, № 6. С. 3-10.
21. Смирнов А.А. Проблемы формирования системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности Труды Института государства и права РАН. 2022. Том 17. № 5. С. 82-106.
22. Троян Н.А., Петровская О.В. Принцип достоверности при распространении и предоставлении информации с использованием искусственного интеллекта Правовая информатика 2023, № 2. С. 75-80.
23. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 20.02.2026).
24. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения 25.02.2026).

25. Фаттахов А.И. Когнитивные и ментальные операции как способ влияния на государство и общество в контексте международных отношений // Информационные войны. 2025, № 1 (73). С. 12-20.
26. Что такое информационные операции. URL: https://tass.ru/info/4046536 (дата обращения 25.02.2026).

References:

1. Bulva V. The phenomenon of social networks in the context of information security // International life. 2023 No. 3. pp. 52-60.
2. The Ministry of Foreign Affairs announced attempts by the West to denigrate Russia by stuffing the murder of prisoners. URL: https://iz.ru/1777210/2024-10-19/v-mide-zaiavili-o-popytkakh-zapada-ochernit-rossiiu-vbrosami-ob-ubiistve-plennykh?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2Fc01cc9d7-135c-5d6a-a1ab-624181fdf4de (date of request: 02/24/2026).
3. Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014, No. 2976). URL: https://legalacts.ru/doc/voennaja-doktrina-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom-rf / (date of reference: 02/24/2026).
4. Dylevsky I.N., Komov S.A., Rodionov S.N., Polyakova T.A., Fedorov A.V. On the issue of international legal qualification of information operations // Military thought. 2008, No. 2. pp. 2-10.
5. A Forbes journalist was detained in a criminal case about fakes about the army on his channel. URL: https://www.forbes.ru/society/511347-zurnalista-forbes-zaderzali-po-ugolovnomu-delu-o-fejkah-ob-armii-v-ego-kanale (date of reference: 02/24/2026).
6. Klevtsevich V., Dudulin V., Kalacheva A. Countering the negative informational and psychological impact on military personnel in the context of a special military operation in Ukraine // Army Collection. 2023. No. 7. pp. 34-39.
7. Conceptual views on the activities of the Armed Forces of the Russian Federation in the information space. URL: https://ens.mil.ru/science/publications/more.htm?id=10845074%40cmsArticle (date of appeal: 10/19/2024).
8. Kurbangaleev (an individual included in the list of terrorists and extremists and acting as a foreign agent) was put on the international wanted list for fakes about the Russian army. URL: https://news.mail.ru/incident/63135865 / (date of reference: 02/20/2026).
9. Makarenko S.I. Information warfare and electronic warfare in network-centric wars of the early 21st century. St. Petersburg, 2017.
10. Novikov V.K. Information weapons-weapons of modern and future wars. 3rd ed., ispr. and add. M., 2020.
11. Patriarch Kirill urged not to spread neo-paganism among the military URL: https://russian.rt.com/russia/news/1373637-patriarh-kirill-neoyazychestvo?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (date of access: 10/19/2024).
12. Petrovskaya O.V. Unreliability of information as a threat to information security // Law enforcement monitoring. 2022, No. 2 (43). pp. 94-99.
13. Polyakova T.A., Smirnov A.A. Development of the international information security system and international information law // Sixth Bachilov Readings, edited by T.A. Polkov, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov, M., Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023. 9-18.
14. Sentence to a Ukrainian activist for calling to mutilate prisoners entered into force. URL: https://russian.rt.com/ussr/news/1382524-prigovor-aktivist-ukraina-prizyv?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F9fff8137-d70f-5fa3-ae42-090b3c1f9757 (date of request: 02/24/2026).
15. Putin announced attempts to split Russian society from the outside // URL: https://news.mail.ru/politics/58425952 /?frommail=1 (accessed 02/20/2026).
16. Romashkina N.P. Global ICT threats in the military-political sphere: cooperation or confrontation of world powers? // International life. 2018, No. 12. pp. 85-96.
17. Roskomnadzor has no plans to unblock Discord in the near future. URL: https://ren.tv/news/v-rossii/1271121-rospotrebnadzor-ne-planiruet-razblokirovat-discord-v-blizhaishee-vremia?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F5a4d2a47-9e66-5186-ba6e-ba5a9fdeeda9 (date of reference: 02/24/2026).
18. Savenkov A.N. Historical consciousness as a new theater of military operations // Law in the Armed Forces – military legal review. 2024, No. 12. pp. 3-9.
19. Sviridov Yu.V. Modern forms of NATO's confrontation with the Russian Federation in the information sphere // Military thought. 2025. No. 4. pp. 130-140.
20. Sviridov Yu. Dmitriev V. The main US government structures that solve the problems of information warfare with the Russian Federation // Foreign Military Review. 2023, No. 6. pp. 3-10.
21. Smirnov A.A. Problems of forming a system of legal support for information and psychological security Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2022. Volume 17. No. 5. pp. 82-106.
22. Troyan N.A., Petrovskaya O.V. The principle of reliability in the dissemination and provision of information using artificial intelligence Legal Informatics 2023, No. 2. pp. 75-80.
23. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (date of request: 02/20/2026).
24. Decree of the President of the Russian Federation dated December 5, 2016 No. 646 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (accessed 02/25/2026).
25. Fattakhov A.I. Cognitive and mental operations as a way to influence the state and society in the context of international relations // Information wars. 2025, No. 1 (73). pp. 12-20.
26. What are information operations? URL: https://tass.ru/info/4046536 (accessed 02/25/2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_128

УДК 340.5; 347.962; 347.91; 347.99

ВЫСШИЙ СОВЕТ МАГИСТРАТУРЫ АЛЖИРСКОЙ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ: СТРУКТУРА И ПОРЯДОК ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
THE SUPREME COUNCIL OF MAGISTRACY OF THE ALGERIAN PEOPLE'S DEMOCRATIC REPUBLIC AFTER THE CONSTITUTIONAL REFORM: STRUCTURE AND FUNCTIONING PROCEDURE

СОЛОВЬЁВ Андрей Александрович,
доктор юридических наук, профессор, профессор
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
профессор Московского педагогического государственного университета (МПГУ), Москва, Россия.
123242, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., 9, стр. 1.
E-mail: solov.arbitr@rambler.ru;

SOLOVYEV Andrey A.,
doctor of science (Law), professor, Kutafin Moscow State Law University,
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.
123242, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, building 1.
E-mail: solov.arbitr@rambler.ru

Краткая аннотация: *Продолжая серию публикаций, посвященных Высшему совету магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики, автор рассматривает его структуру и порядок функционирования. Актуальность исследования обусловлена кардинальными изменениями правового регулирования в результате конституционной реформы.*

Abstract: *Continuing the series of publications devoted to the Supreme Council of Magistracy of the Algerian People's Democratic Republic, the author examines the author examines its structure and functioning. The relevance of the research is due to the drastic changes in legal regulation as a result of the constitutional reform.*

Ключевые слова: *зарубежный опыт, органы судейского сообщества, Алжирская Народная Демократическая Республика, Высший совет магистратуры, структура, порядок функционирования.*

Keywords: *foreign experience, bodies of the judicial community, Algerian People's Democratic Republic, Supreme Council of Magistracy, structure, functioning procedure.*

Для цитирования: *Соловьев А.А. Высший совет магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики после конституционной реформы: структура и порядок функционирования // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 128-131. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_128.*

For citation*: Solovyev A.A. The supreme council of magistracy of the Algerian People's Democratic Republic after the constitutional reform: structure and functioning procedure // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 128-131. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_128.*

Статья поступила в редакцию: 11.07.2026

В результате конституционной реформы 2020 года и последующей существенной корректировки ключевых статусных нормативных правовых актов [1], изменения претерпела как структура Высшего совета магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики (органа судейского сообщества страны, наделенного конституционным статусом), так и порядок его функционирования.

Соответствующие положения регламентированы Органическим законом Алжирской Народной Демократической Республики № 22-12 от 27 Дху Эль Каада 1443, что соответствует 27 июня 2022 года, устанавливающим порядок избрания членов Высшего совета магистратуры, а также правила его организации и деятельности [2][1];

Структурно Совет включает в свой состав постоянное бюро, Генеральный секретариат и управления, количество и задачи которых устанавливаются путем принятия подзаконных нормативных актов.

На первом заседании Совет избирает из числа своих членов-магистратов постоянное бюро, состоящее из восьми членов.

Постоянное бюро возглавляет заместитель председателя Совета.

Члены постоянного бюро исполняют свои должностные обязанности до истечения срока своих полномочий.

Члены постоянного бюро осуществляют свои полномочия на постоянной основе и считаются пребывающими на действительной службе. Они не могут заниматься никакой другой профессиональной деятельностью, кроме преподавательской, но только после получения разрешения заместителя председателя Совета.

Если в постоянном бюро появляется вакантная должность, Совет приступает к избранию замещающего члена на первом заседании, проводимом после появления вакантной должности.

Постоянное бюро разрабатывает Кодекс этики члена Совета и представляет его на утверждение Совету в соответствии с положениями, установленными его внутренним регламентом.

[1] Loi organique №°22-12 du 27 Dhou El Kaâda 1443 correspondant au 27 juin 2022 fixant les modalités d'élection des membres du Conseil supérieur de la magistrature et ses règles d'organisation et de fonctionnement // Journal Officiel de la République Algérienne démocratique et populaire. – 27 juin 2022. – № 44. <http://russia-algeria.ru/_ld/70/7049_F2022044.pdf>.

В распоряжении Совета также имеется Генеральный секретариат.

Генеральный секретарь Совета назначается Указом Президента из числа магистратов, отнесенных ко 2-й группе не ниже 1-го ранга. Он считается находящимся на действительной службе.

Помимо вознаграждения, связанного с его должностью, Генеральный секретарь Совета получает специальную компенсацию.

Генеральный секретарь Совета является распорядителем бюджета Совета.

Теперь рассмотрим **вопросы функционирования Совета**.

Совет собирается не реже одного раза в три месяца на очередное заседание по инициативе его Председателя.

Он может проводить внеочередные заседания по инициативе его Председателя ex officio (Первого председателя Верховного суда) или по требованию двух третей его членов.

Повестка дня каждого заседания устанавливается Председателем или Заместителем председателя Совета. Повестка формируется в соответствии с положениями внутреннего регламента Совета во взаимодействии с постоянным бюро. Она доводится до сведения всех членов Совета любыми способами, в том числе в электронной форме.

Решения Совета действительны только в том случае, если на заседании присутствует не менее двух третей его членов.

Решения Совета принимаются большинством голосов. В случае равенства голосов голос Председателя является решающим.

Основные полномочия Высшего совета магистратуры можно разделить на четыре вида:

- полномочия в сфере защиты независимости магистрата;

- полномочия в области назначения, перевода по службе и повышения магистратов в должности;

- полномочия, связанные с контролем за дисциплиной магистратов;

- прочие полномочия.

Применительно к **защите независимости магистрата**, отметим, что магистрат обращается в Совет, если он считает, что имело место посягательство на его независимость. Обращение осуществляется посредством мотивированного запроса с указанием обстоятельств посягательства и лица, которое допустило такое посягательство.

Запрос направляется на имя председателя постоянного бюро Совета любым доступным способом, в том числе в электронном формате.

Председатель постоянного бюро назначает одного из членов бюро для проведения проверки и расследования, необходимых для изучения указанного выше запроса, включая заслушивание заинтересованного магистрата и любого лица, которое он посчитает необходимым.

Бюро сообщает Совету результаты проверки и расследования, проведенных по запросу.

Если Совет приходит к выводу о том, что факты, составляющие предмет запроса, представляют собой реальное посягательство на независимость магистрата, он принимает следующие меры:

- направляет обращение компетентному прокурору для возбуждения уголовного дела, если посягательство носит преступный характер;

- направляет обращение в орган, к которому относится соответствующее должностное лицо, если посягательство носит дисциплинарный характер;

- реализует свои полномочия по привлечению к дисциплинарной ответственности, если посягательство исходит от магистрата.

Теперь остановимся на полномочиях Высшего Совета магистратуры, касающихся **назначения, перевода по службе и повышения магистратов в должности**.

Совет изучает и принимает решения в отношении досье кандидатов на должности магистратов.

Он следит за соблюдением условий, предусмотренных Органическим законом, устанавливающим порядок избрания членов Высшего совета магистратуры, а также правила его организации и деятельности и Органическим законом, устанавливающим статус магистратуры.

Совет изучает и принимает решения по предложениям и ходатайствам о переводе магистратов по службе.

При рассмотрении ходатайств о переводе магистратов по службе он учитывает объективные критерии, в частности их профессиональный потенциал, стаж работы, семейное положение и состояние их здоровья, состояние здоровья их супругов, их детей и лиц, находящихся у них на иждивении.

Совет также принимает во внимание список вакантных должностей и потребность в кадрах.

Совет уполномочен на рассмотрение досье магистратов – кандидатов для продвижения по службе, а также он следит за соблюдением условий включения в соответствующие списки, в частности, за соблюдением условий о наличии выслуги лет, рейтинге и оценке магистратов в соответствии с положениями Органического закона, устанавливающего статус магистратуры.

Список лиц, отвечающих критериям кандидатов, составляется до 31 декабря каждого года. Решение о продвижении по службе вступает в силу со дня, следующего за датой закрытия вышеуказанного списка.

Постоянное бюро должно в обязательном порядке опубликовать список кандидатов, в том числе на сайте Совета, не позднее, чем за пятнадцать дней до даты проведения заседания Совета.

На заседании, следующем за датой публикации списка, Совет принимает решения по жалобам магистратов, касающимся их невключения в список лиц, отвечающих критериям кандидатов.

Совет выносит решения по всем профессиональным вопросам, связанным с карьерой магистратов.

Решения Совета исполняются Министром юстиции.

Совет также выполняет важные функции в части контроля за дисциплиной магистратов, **выступая в качестве дисциплинарного органа**, уполномоченного на вынесение решений по дисциплинарным разбирательствам.

В таком качестве Совет возглавляется Первым председателем Верховного суда.

Постоянное бюро рассматривает сообщения о совершении правонарушения и жалобы, представленные ему Министром юстиции, председателями и генеральными прокурорами судов апелляционной инстанции, председателями и государственными комиссарами при административных апелляционных судах или любыми иными лицами, которые считают, что подверглись злоупотреблениям со стороны магистрата. При этом постоянное бюро самостоятельно принимает решение о прекращении производства по делу или передает такое дело в Генеральную инспекцию Министерства юстиции для инициирования процедуры расследования.

Председатель постоянного бюро, после консультации с Министерством юстиции, вправе временно отстранить от должности магистрата, в отношении которого начато расследование.

Расследование не должно длиться более четырех месяцев, если магистрат временно отстранен от должности, и восьми месяцев, если он не отстранен от должности.

Расследование завершается итоговым отчетом, который направляется председателю постоянного бюро вместе с предложениями инспектора, ведущего дело, о прекращении производства по нему или возбуждении дисциплинарного производства.

Если постоянное бюро принимает решение о направлении дела соответствующего магистрата на рассмотрение Совета, инспектор, ведущий дело, или, при отсутствии такового, инспектор, назначенный генеральным инспектором Министерства юстиции, применяет дисциплинарные меры в сотрудничестве с ним.

Первый председатель Верховного суда определяет повестку дня заседаний Совета, на которых принимаются решения по дисциплинарным делам. Министр юстиции информируется соответствующим образом об этом.

Генеральный секретарь Совета обеспечивает работу Секретариата Совета в ходе рассмотрения дисциплинарных дел. Он составляет протокол каждого заседания, который подписывает вместе с Председателем.

К делу о привлечении к дисциплинарной ответственности должно быть приложено досье магистрата.

Дисциплинарное производство является независимым от уголовного преследования.

Председатель Совета, выступающего в качестве дисциплинарного органа, в течение пяти дней со дня получения итогового отчета о расследовании, назначает члена Совета магистрата-докладчика, который должен будет представить отчет о результатах расследования дела или, при необходимости, приступить к дополнительному расследованию.

Магистрат-докладчик назначается из числа магистратов, которые являются членами Совета. Он должен, по меньшей мере, принадлежать к той же группе и/или выполнять аналогичные должностные функции и иметь тот же класс, что и магистрат, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство.

Магистрату, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, сообщается имя магистрата-докладчика по его делу, и он имеет право потребовать отвода докладчика в течение десяти дней со дня его извещения.

Председатель Дисциплинарного совета выносит решение по заявлению об отводе в течение пяти дней со дня его подачи.

Ходатайство об отводе влечет за собой приостановление дисциплинарного производства до принятия решения по ходатайству.

Магистрат-докладчик, действуя ex officio или по просьбе заинтересованного магистрата, может заслушать его и любое другое лицо, которое он считает необходимым, а также предпринять любые необходимые следственные действия и завершить расследование в любом случае посредством составления сводного отчета, который он представляет в постоянное бюро.

Председатель Совета, выступающего в качестве дисциплинарного органа, направляет извещение о созыве заседания с приложенной повесткой дня, членам Совета за десять (10) дней до дня проведения заседания.

Магистрат, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, должен предстать перед Советом, выступающим в качестве органа, принимающего решение по дисциплинарному делу, в течение максимум двух месяцев с момента представления в секретариат Совета итогового отчета о расследовании.

Магистрату, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, направляется извещение о созыве заседания Совета, выступающего в качестве органа, принимающего решение по дисциплинарному делу. Такой магистрат обязан предстать перед Советом лично. При рассмотрении дела он вправе воспользоваться помощью защитника из числа его коллег или адвоката.

Если у магистрата имеется уважительная причина, оправдывающая его отсутствие, он вправе в письменной форме ходатайствовать перед Советом, выступающим в качестве органа, принимающего решение по дисциплинарному делу, чтобы его представлял защитник. В этом случае рассмотрение дисциплинарного дела продолжается.

Совет, выступающий в качестве органа, принимающего решение по дисциплинарному делу, вправе рассмотреть вопрос о привлечении магистрата к дисциплинарной ответственности в отсутствие магистрата, надлежащим образом извещенного о созыве заседания Совета, или в случае отказа в признании причины его отсутствия уважительной.

Магистрат, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, и/или его защитник вправе ознакомиться с дисциплинар-

ным делом, которое должно быть им предоставлено для этой цели в секретариате Совета, не позднее, чем за пять дней до дня слушания.

В начале слушания и после оглашения отчета магистрата-докладчика магистрат, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, дает свои пояснения и представляет доводы в свою защиту по предъявленным ему обвинениям.

Члены Совета, инспектор и защитник могут задавать магистрату любые вопросы, которые они считают нужными после того, как тот будет заслушан Председателем.

Инспектор и магистрат, магистрат, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, не присутствуют при вынесении решения Советом. Магистрат вызывается на заседание для оглашения решения.

Решения Совета по дисциплинарным вопросам должны быть мотивированы и подписаны председателем Совета, выступающего в качестве органа, принимающего решение по дисциплинарному делу, и секретарем заседания.

Решения Совета по дисциплинарным вопросам исполняются председателем Совета, выступающего в качестве органа, принимающего решение по дисциплинарному делу.

Совет, выступающий в качестве органа, принимающего решение по дисциплинарному делу, вправе налагать на магистрата, привлеченного к дисциплинарной ответственности, только дисциплинарные санкции, предусмотренные Органическим законом, устанавливающим статус магистратуры.

Решения Совета по дисциплинарным вопросам могут быть обжалованы в кассационном порядке в Государственный совет.

Дисциплинарное производство прекращается в связи с истечением срока давности через три года со дня совершения инкриминируемых деяний.

Касаемо **прочих полномочий**, отметим, что Совет разрабатывает свой внутренний регламент работы и утверждает его решением, публикуемым в Официальном вестнике Алжирской Народной Демократической Республики.

Совет составляет ежегодный отчет о своей работе и направляет его Президенту Республики.

Совет выпускает специальный бюллетень о своей деятельности, который распространяется во всех судах и публикуется на его сайте.

Совет разрабатывает и принимает своим решением Кодекс этики магистратов, предусмотренный Органическим законом, устанавливающим статус магистратуры.

Кодекс этики магистратов публикуется в Официальном вестнике Алжирской Народной Демократической Республики.

Совет дает консультации по общим проблемам, касающимся организации работы судебной системы.

Совет обеспечивает профессиональную переподготовку и специализированное обучение магистратов, и повышение их квалификации.

Совет утверждает проект своего бюджета, составленный Генеральным секретарем Совета. Средства, необходимые для его функционирования, включаются в общий государственный бюджет.

Совет готовит заключения, дает предложения и рекомендации по вопросам, относящимся к его компетенции.

С Высшим советом магистратуры также проводятся консультации по общим проблемам, касающимся организации судебной системы, правового положения магистратов, их профессиональной подготовки и переподготовки.

Список литературы:

1. Constitution de la Republique Algerienne Democratique et Populaire // Journal Officiel de la République Algérienne démocratique et populaire. – 30 décembre 2020. – № 82. <https://www.joradp.dz/TRV/FConsti.pdf>.

2. Loi organique №°22-12 du 27 Dhou El Kaâda 1443 correspondant au 27 juin 2022 fixant les modalités d'élection des membres du Conseil supérieur de la magistrature et ses règles d'organisation et de fonctionnement // Journal Officiel de la République Algérienne démocratique et populaire. – 27 juin 2022. – № 44. <http://russia-algeria.ru/_ld/70/7049_F2022044.pdf>.

References:

1. Constitution de la Republique Algerienne Democratique et Populaire // Journal Officiel de la République Algérienne démocratique et populaire. – 30 décembre 2020. – № 82. <https://www.joradp.dz/TRV/FConsti.pdf>.

2. Loi organique №°22-12 du 27 Dhou El Kaâda 1443 correspondant au 27 juin 2022 fixant les modalités d'élection des membres du Conseil supérieur de la magistrature et ses règles d'organisation et de fonctionnement // Journal Officiel de la République Algérienne démocratique et populaire. – 27 juin 2022. – № 44. <http://russia-algeria.ru/_ld/70/7049_F2022044.pdf>.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_132

УДК 342.34

ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ОСНОВАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОВРЕМЕННЫМ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ
E-DEMOCRACY AS THE FOUNDATION AND DIRECTION OF THE TRANSFORMATION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN MODERN STATE AND SOCIETY

ОСАДЧУК Екатерина Александровна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук.
295011, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, 9.
E-mail: ekaterlna_osadchuk@mail.ru;

OSADCHUK Ekaterina Alexandrovna,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Candidate of Law Sciences.
9 Gogol St., Simferopol, Republic of Crimea, 295011.
E-mail: ekaterlna_osadchuk@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются сущность электронной демократии, ее роль в развитии отношений между государством и обществом. Обосновываются перспективы организации и функционирования системы управления и политической коммуникации в современном государстве с учетом информационных технологий.*

Abstract: *The article devoted to the essence of e-democracy, its role in the development of relations between state and society. Establish prospects of the organization and functioning of the government management and political communication in the modern state based on information technologies.*

Ключевые слова: *современное государство; общество; право; информационное общество; политический режим; электронная демократия.*

Key words: *modern state; society; law; information society; type of political regime; e-democracy.*

Для цитирования: *Осадчук Е.А. Электронная демократия как основание и направление трансформации взаимоотношений между современным государством и обществом // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 132-134. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_132.*

For citation*: Osadchuk E.A. E-democracy as the foundation and direction of the transformation of the relationship between modern state and society // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 132-134. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_132.*

Статья поступила в редакцию: 11.07.2025

Изменение структуры социального пространства, минимизация влияния географического фактора на общественные отношения основаны, в том числе, на информационно-коммуникативных технологиях. Технологические возможности, на которых основывается формирование информационного общества, во многом изменяют характер политической коммуникации. Интернет обеспечивает невозможный ранее доступ к информации и расширяет возможности политической активности. Без информационного сопровождения функционирование современных демократических институтов может быть затруднено, а обеспечение равного доступа к сетям, наоборот, может способствовать закреплению демократических стандартов.

Демокра́тия (греч. δημοκρατία, от δῆμος – земля, область, народ и κράτος – сила, могущество, власть), политическая система, в которой народ признаётся источником власти, граждане обладают равными политическими правами и свободами, позволяющими им участвовать в управлении общественными делами непосредственно или через своих представителей, а политические решения принимаются в соответствии с волей большинства [1]. Традиционное понимание демократии становится непригодным для обществ, которые существуют и функционируют в мире глобальных постиндустриальных коммуникаций на базе информационных технологий, которые сегодня стремительно развиваются. Речь идет о появлении такого феномена, как «электронная демократия», под которой понимается открытость государственной власти, повышение эффективности политического управления и активное вовлечение граждан в принятие политических решений на основе информационно-коммуникативных технологий. Таким образом «электронная демократия» выступает как перспективная форма интерактивного взаимодействия населения и власти в политических процессах современного мира. Также немаловажным является то, что процессы развития электронной демократии идут практически во всех странах мира.

Постоянное развитие и усложнение общественных отношений является отражением закономерностей существования человека. В разные периоды исторического развития общество имело специфические формы организации, имело разную экономическую, социально-классовую, политическую структуру. Но особое место в общественной системе всегда занимала власть. В обществе власть имеет чрезвычайно важное значение: она придает обществу управляемости, целостности, организованности, консолидирует общество и обеспечивает порядок как необходимое условие его нормальной жизнедеятельности. Самым первым политическим институтом, возникшим в связи с социальной дифференциацией общества и появлением публичной власти, стало государство. Современная наука исходит из того, что общество и государство не тождественны, но в то же время их нельзя противопоставлять. Общество возникло задолго до государства и долгое время обходилось без него.

Вместе с этим, не вызывает сомнений, что основное взаимодействие между современным государством и обществом происходит в правовой форме. Право является универсальным социальным регулятором, оно не только устанавливает границы возможного и обязательного поведения, но выполняет значительную информационную функцию. По мнению С. В. Бутузова, «целевая составляющая информационной функции права выражена в формировании в обществе такой правовой идеологии, которая соответствует правовому менталитету народа, что позволяет эффективно осуществлять правовое регулирование, ...она обеспечивает правовое информирование субъектов права и формирование социально-полезной, позитивной направленности их поведения». [2, с. 12]

Информационная функция связана с регулятивной и охранной функциями права, поскольку регулирование и охрана всегда предусматривают информационное воздействие. Доведение правовой информации до адресата выступает предпосылкой для действия регулятивной и охранной функции права. [3, с. 158]

В XXI веке человечество понятно, что новейшие информационно-коммуникативные технологии существенно влияют на его жизнедеятельность. Процессы глобализации, привели к появлению новых черт в культурном развитии, который меняет не только производственную, но и духовную жизнь человека. Сейчас активно формируется новый этап общественной эволюции-утверждение информационного общества. [4, с. 104]

Американская исследовательница Ш. Вентурелли, анализируя «информационную экосистему», отмечает, что «информационное общество» может стать богатейшим источником творческой, диверсификационной коммуникации обогащения и демократизации, которая когда-либо объединяла человечество. Оно может превратиться в первое в истории настоящее средство массовой информации и коммуникации, позволяя каждому человеку с помощью простых в использовании приборов распространять одновременно свои идеи в многотысячной аудитории. Этот источник может стать средством организации общественной жизни и активного участия в ней всех граждан. [5]

Взаимоотношения между государством и обществом в современный период должны быть основанными, в том числе, на широком использовании технологических возможностей и прежде всего электронных ресурсов получения и обращения информации. Должна быть осуществима определенная институциональная трансформация систем публичного управления как в своих внутренних связях, так и с отдельными индивидами.

Одним из характерных требований современности является необходимость привлечения граждан в принятие политических решений на основе информационно-коммуникативных технологий. Информационное общество предопределяет неизбежную трансформацию политических институтов и государственного управления в контексте изменения их организации и воплощения в жизнь функций.

Электронная демократия существует в виртуальной форме и не всегда адекватна демократии, функционирующей в реальном мире. Для повышения уровня участия граждан в политическом процессе как в электронном пространстве, так и в реальной жизни, предлагается использовать такой инструмент электронной демократии, как электронное правительство, которое преобразует традиционные способы и методы государственного управления, предоставляя гражданам и организациям набор государственных услуг с помощью возможностей информационных технологий и интернета. Электронная демократия, с помощью новых технологий является не только эффективным инструментом, средством связи с общественностью – она способна создать обновляемое публичное пространство и более ответственное демократическое устройство.

Термин «электронная демократия» относится, прежде всего, к технологическому аспекту в том понимании, что современная демократия изменилась или может измениться с помощью сетевого взаимодействия граждан, организаций и институтов через электронную коммуникационную систему. Эти изменения в демократическом процессе в конечном итоге стоит оценивать по ряду параметров; в частности, они должны обеспечить принятие более эффективных политических решений и повысить легитимность демократии в содержании принятия и поддержки гражданами демократического режима.

В условиях современного информационного общества широкое применение получило использование средств так называемой «электронной демократии» (е-демократия). Электронная демократия характеризуется широким использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) для осуществления демократических процедур и привлечения общественности к процессу формирования государственной политики. Следовательно, перспективы расширения диапазона возможностей применения и, соответственно, роста доступности процедур прямой демократии путем использования ИКТ определяются прежде всего: необходимостью создания условий для системного привлечения общественности к государственному управлению и решения всех насущных проблем; потребностью в направлении общественных инициатив в плоскость конструктивного взаимодействия с государством; требованиями обеспечения открытости и прозрачности в деятельности управленческого аппарата. Кроме того, осознание собственной причастности к государствообразующим процессам, безусловно, будет способствовать развитию активной гражданской позиции как одного из основных условий становления дееспособного гражданского общества.

Мировая практика вовлечения общественности в политический процесс с помощью ИКТ довольно разнообразна. Среди простейших форм электронной демократии, которая постепенно внедряется в разных странах мира, выделим организацию интернет-голосования на выборах и референдумах.

По мнению экспертов, дальнейшее распространение практики электронного голосования потребует срочного внедрения властями программного обеспечения второго поколения, что позволит провести однозначную авторизацию/верификацию избирателя. Стратегической перспективой демократии определена дальнейшая отработка интернет-технологий прямого участия граждан в управлении государством. [9]

Безусловным преимуществом систем электронного голосования является облегчение доступа к процедуре волеизъявления для лиц с ограниченными возможностями и общая оперативность получения его результатов. В то же время, дистанционное интернет-голосование с ис-

пользованием прямой электронной регистрации обуславливает проблемы с идентификацией избирателей и необходимостью защиты тайны голосования. Следовательно, во многих развитых странах с высокой степенью проникновения интернет-технологий реализация полномасштабных программ внедрения электронного голосования отложена. В то же время, все большее распространение получают практики обращения к общественности не только как к инстанции одобрения/неодобрения определенных политических решений, но как к равноправному партнеру государства в выработке государственной политики.

Абсолютно справедливым является мнение Д. Истона, который в свое время подчеркивал, что для утверждения новых политических отношений и нового режима население должно разделять и усвоить ценности и нормы новых социально-политических и экономических отношений. [6, с. 73]

Создание новой системы государственного управления предусматривает повышение качества предоставления управленческих услуг населению, внедрение механизма открытости и прозрачности деятельности властных структур (прежде всего исполнительной ветви власти), повышение доверия к властным институтам, благодаря формированию нового типа партнерских взаимоотношений политических и административно-управленческих структур с гражданским обществом, что является предпосылкой налаживания обратной взаимосвязи с населением, который позволит адекватно оценивать последствия управленческих действий, результаты внедрения политико-управленческих решений, их соответствие ожиданиям, а также уровень поддержки.

Успех административного реформирования напрямую зависит от уровня ее поддержки со стороны общества, качества обратной связи с населением, уровня сходимости ожиданий граждан от изменений и их реального воплощения и имеющихся общественных трансформаций. Своевременным является также анализ перспектив развития современного государства через налаживание эффективного взаимодействия государства с общественностью, обществом, установление консенсусной системы управления, исходя из идеи «good government», которая концентрирует внимание на действующей коммуникации власти и общества, развитие новой формы государственного управления при условии приоритетности и большего веса реализации целей создания комфортного существования для граждан в обществе, удовлетворения их социальных потребностей.

Важно и то, что новый формат взаимодействия власти и общества в аспекте изменения традиционных форм управления государством рассматривается как путь в направлении улучшения организационных связей, что будет способствовать укреплению общества, государственных институтов и постепенному прогрессивному развитию. Именно дезорганизация в системе взаимопересечения организационных целей и целей отдельных субъектов, функционально имеющих отношение к управлению, является причиной серьезных организационных проблем системы государственного управления, что приводит к нарушению таких связей и даже к распаду системы.

Современные процессы трансформации отношений между государством и обществом основаны на демократическом реформировании и предусматривают создание такой системы управления, которая была бы направлена на формирование нового типа взаимоотношений на принципах партнерского взаимодействия политико-административных институтов, бизнеса и гражданского общества, повышение качества предоставления управленческих и административных услуг населению, их доступности и соответствия требованиям и возможностям существующих информационных технологий.

В этом аспекте в значительной степени актуализируются вопросы использования электронной демократии в процессе организации и функционирования современного государства. Трансформация системы организационно-регулирующего влияния на общественно-политические процессы должна отражать не только реальные потребности населения, но и соответствовать уровню технических и технологических возможностей. В процессе такого взаимодействия совершенствуется форма государственного управления, которая становится наиболее приемлемой для общества именно благодаря формированию оптимальной системы удовлетворения потребностей социума.

Список литературы:

1. Демократия // Большая российская энциклопедия URL: https://bigenc.ru/c/demokratiia5f7c4f — (дата обращения: 13.02.2026).
2. Бутузов С. В. Информационная функция права: автореф. Дисс… канд. Юрид. Наук: спец. 12.00.01 «Теория и история государства, История учений о праве и государстве» / С. В. Бутузов. – СПб, 2004. – 24 с.
3. Общетеоретическая юриспруденция: учебный курс: учебник / под. ред. Ю. Н. Оборотова. – О.: Феникс, 2011. – 436 с.
4. Проскурина О. Вызов коммуникаций и ответ культурного поля политики / О. Проскурина // Полит. менеджмент. - 2005. - № 2. - С. 103-107.
5. Лайон Д. Информационное общество: проблемы и иллюзии. М., 1989. – 30 с
6. Easton D. A Systems Analysis of Political Life / D. Easton // New York : John Wiley, 1965. – 320p.

References:

1. Democracy // Great Russian Encyclopedia URL: https://bigenc.ru/c/demokratiia5f7c4f — (date of request:13.02.2026).
2. Butuzov S. V. Informational function of law: abstract. Diss... kand. Jurid. Sciences: spec. 12.00.01 "Theory and history of the state, History of the teachings on law and the state" / S. V. Butuzov. – St. Petersburg, 2004. – 24 p.
3. General Theoretical Jurisprudence: A Study Course: Textbook / Edited by Yu. N. Oborotov. – O.: Phoenix, 2011. – 436 p.
4. Proskurina, O. The Challenge of Communications and the Response of the Cultural Field of Politics / O. Proskurina // Polit. Management. - 2005. - №. 2. - Pp. 103-107.
5. The information society / Martin N.J. - L.:Aslib, 1988. - XII. The information society: Issues a illusions. - Cambridge: Rolity press in assoc. with Blackvell, 1988. - XII.
6. Easton D. A Systems Analysis of Political Life / D. Easton // New York : John Wiley, 1965. – 320p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_135

СЕТЕВЫЕ МЕДИА КАК ПЛОЩАДКА ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ И УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВУ И ГОСУДАРСТВУ
NETWORK MEDIA AS A PLATFORM FOR PROTEST ACTIVITIES AND A THREAT TO PERSONAL, SOCIAL AND STATE SECURITY

СИДОРОВ Сергей Александрович,
доктор политических наук, доцент кафедры
Всероссийского государственного университета юстиции (Дальневосточный филиал).
680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;
МАРКОВ Алексей Михайлович,
кандидат политических наук, преподаватель кафедры Всероссийского государственного университета юстиции.
680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;
SIDOROV Sergey Alexandrovich,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department All-Russian State University of Justice (Far Eastern Branch).
31 Gerasimova str., Khabarovsk, 680021, Russia.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;
MARKOV Alexey Mikhailovich,
Candidate of Political Sciences, Lecturer at the Department All-Russian State University of Justice.
31 Gerasimova str., Khabarovsk, 680021, Russia.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье анализируются вызовы и угрозы политической системе Российской Федерации в эпоху перехода к многополярному миру и усиления информационного воздействия стран коллективного Запада на граждан России для активизации протестной активности.*

Abstract. *The article analyzes the challenges and threats to the political system of the Russian Federation in the era of transition to a multipolar world and the increased information influence of the collective West on Russian citizens in order to intensify protest activity.*

Ключевые слова: *вызовы, угрозы, геополитика, многополярный мир, государственная безопасность, государственная безопасность в пограничном пространстве, протестная активность.*

Keywords: *challenges, threats, geopolitics, multipolar world, state security, state security in the border area, protest activity.*

Для цитирования: *Сидоров С.А., Марков А.М. Сетевые медиа как площадка протестной активности и угроза безопасности личности, обществу и государству // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 135-138. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_135.*

For citation*: Sidorov S.A., Markov A.M. Network media as a platform for protest activities and a threat to personal, social and state security // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 135-138. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_135.*

Статья поступила в редакцию: 04.02.2026

В современной системе международных отношений при нарастающей мировой конфронтации фиксируется тенденция, оказывающая значительное влияние на увеличение количества угроз международной и национальной безопасности государств мира – разрушение ее идеологического, правового и экономического фундамента. Эскалация международной военно-политической напряженности во многом обусловлена соперничеством ведущих государств, как в экономическом, так и в политическом векторе.

На сегодняшний день становится заметным некоторое снижение роли США в глобальной политике и интереса ряда стран заполнить образовавшийся геополитический вакуум, многополярный мир приходит на смену однополярному. Важно подчеркнуть, что дипломатические усилия США по укреплению демократий во всем мире предполагают сотрудничество через сетевых международных акторов с заинтересованными силами и странами. Эти усилия включают в себя поддержку оппозиционных групп, проведение выборов, продвижение демократических реформ и координацию гражданского общества. Более того, Президентская инициатива демократического обновления (англ.: The Presidential Initiative for Democratic Renewal) Дж. Байдена, анонсированная на Саммите за демократию (англ.: Summit for Democracy) фокусируется на пяти областях работы: продвижение технологий и демократических реформ, поддержка СМИ, борьба с коррупцией и защита выборов. Инициатива придает борьбе за укрепление демократии внутри страны и за рубежом определяющее значение в политике США и их союзников. На международную поддержку демократии и прав человека правительством США инвестировано около 9,5 миллиарда долларов в совокупности с 2022 по 2024 годы[1]. Привлекая разнообразных международных агентов к работе над вопросами, связанными общими ценностями, единым дискурсом и плотным обменом информацией и услугами, Саммит за демократию представляет собой площадку кооперации и координации транснациональных сетей защиты интересов. Необходимо заметить, что против Российской Федерации организована и проводится гибридная война США и их союзниками. Директор ФСБ России Бортников А. сообщил, что больше половины терактов в России совершают молодые люди, в том числе несовершеннолетние. За последние 3 года, задержано более 3,5 тыс. молодых людей, попавших под влияние украинских неонацистов. Чаще всего вербуют школьников и студентов[2].

Американские политологи Маргарет Кек и Кэтрин Сиккинк впервые ввели в оборот такое понятие как «транснациональные сети защиты интересов» для структурного анализа принципа работы международных и национальных НПО, которые работают на международном уровне над какой-либо проблемой и связаны общими ценностями.

[1] В США заявили о выделении 9,5 млрд долл. на защиту демократии и прав человека. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.forbes.ru/society/486887-ssa-zaavili-o-planah-vydelit-9-5-mlrd-na-podderzku-demokratii-i-prav-celoveka(дата обращения: 20.01.2026.)

[2] В России больше половины терактов совершает молодежь [Электронный ресурс] Режим доступа**:** https://eanews.ru/rossiya/20250812191312/v-rossii-bolshe-poloviny-teraktov-sovershaet-molodezh?ysclid=ml5he3lghe396783950 (дата обращения: 20.01.2026).

В сложившихся условиях необходимо понимать, что могущество «коллективного Запада», как главного оппонента России, основывается на принципе «разделяй и властвуй», отраженном в регулярных попытках изменить неугодные им политические системы государств через поддержку протестной активности. Целью этой политики является утверждение статуса США как единственной сверхдержавы. Более того, если внешняя политика США и их союзников направлена на сохранение гегемонии и продвижение новой формы колониализма, основанной на военном, экономическом и идеологическом принуждении, то Россия неизменно стремится к многополярному миру, в котором обеспечено равноправное и взаимовыгодное существование и развитие каждого из полюсов. В частности, Президент Российской Федерации подчеркнул, что «когда мы говорим о многополярности, это не значит, что должны появиться какие-то новые гегемоны... все участники международного общения должны иметь равные права»[1].

В современном мире за последние десятилетия участились случаи применения так называемых «цветных революций», мобилизующих за короткое время массы и свергающих легальные политические режимы. Одним из наиболее актуальных методов дестабилизации обстановки в том или ином государстве является ведение «информационных войн» посредством информационно-психологического воздействия на людей через медиапространство и манипулирование общественным сознанием с целью делегитимации власти. Безусловными лидерами подобной дестабилизации выступают США и их союзники по блоку НАТО. Агентство США по международному развитию (USAID) активно расширяет комплексную поддержку организаций, работающих в сфере развития сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) за рубежом, посредством предоставления прямого финансирования, а также разработки и реализации программ, направленных на укрепление целостности и устойчивости информационной среды. Разрабатываемые технологии Агентством США по международному развитию (USAID) направлены на обучение представителей журналистского сообщества, гражданских активистов и организаций принципам цифровой безопасности, а также на обеспечение страховой защиты в случае обвинений в клевете и диффамации.

Следует согласиться с российскими исследователями, которые отмечают рост сетевых структур и возникновение новых форм организации, мобилизации и координации протестной активности[2]. Они показывают, что мобильные средства и социальные сети позволяют быстро собирать и координировать действия больших масс людей – «умных толп». По словам Директора ФСБ России Бортникова А. в 2025 году произошел существенный рост числа преступлений террористической направленности, связанных прежде всего с нанесением ущерба критически важной и социальной инфраструктуре, а также нападениями на военнослужащих и должностных лиц органов власти. Правоохранительными органами предупреждено 172 подобных теракта. Кроме того, не снижается угроза, исходящая от террористических движений «Колумбайн» и «Маньяки: культ убийства». Их сторонники из числа учащихся школ и колледжей готовили девять вооруженных нападений на образовательные организации[3].

Свойства «умной толпы» выводятся из «динамики обстоятельств», а не из голов исполнителей. Мобильные средства влияют «на величину или местонахождение аудитории, обладают возможностью изменить порог коллективного действия»[4]. Сетевой протест стал заметным фактором политической жизни последних двух десятилетий – это массовые выступления во Франции в 2005 г., в Греции в 2008 г., в Тунисе и Египте в 2011 г., на Украине в 2004 и 2014 гг., в Белоруссии в 2020 г., в Казахстане в 2022 г. Во всех случаях сетевые медиа стали площадками аккумуляции протестной активности и инструментами координации действий протестующих.

Ответом Российской Федерации на враждебные действия Запада в информационной сфере стала своевременная блокировка популярных социальных сетей «Facebook» и «Instagram», принадлежащих американской компании «MetaPlatforms». Незамедлительная реакция стала возможной после того, как в середине марта 2022 г. указанная компания разрешила призывы к насилию в своих социальных сетях («Facebook» и «Instagram») в отношении россиян в свете специальной военной операции России на Украине. 21 марта 2022 г. суд в Москве признал Meta экстремистской организацией[5].

Стоит отметить, что различные информационные ресурсы ведут активную подрывную пропагандистскую работу, направленную на дестабилизацию обстановки в Российской Федерации. Так, в августе 2023 года так называемым комитетом Башкирского национального движения за рубежом была размещена в сети Интернет своеобразная программа действий для «участников национально-освободительного движения Башкирии на момент «политической дестабилизации в России»[6]. Таким образом можно констатировать, что политэмигранты из национальных республик РФ при поддержке западных спецслужб, не теряют надежды на осуществление в нашей стране государственного переворота и пытаются мобилизовать под эту задачу население как внутри страны, так и за рубежом.

В современной России деструктивное влияние на политическое сознание граждан, в том числе проживающих на приграничных территориях, а, как следствие, удар по государственной безопасности, наносят современные сетевые платформы[7]. Они нередко используются различ-

[1] Путин объяснил принцип многополярного мира. URL: https://ria.ru/20250903/mnogopoljarnost-2039438140.html?ysclid=mgt5bt81rv318913899(дата обращения: 17.11.2025).
[2] Зонова Т. В. Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе // Право и управление. XXI век. 2015. № 3 (36); Сурма И.В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО-Университета. – М. 2014. (6(39)):53-60. Цветкова Н. А., Ярыгин Г. О. Публичная дипломатия ведущих государств: традиционные и цифровые методы // Северная Нива. 2014. С. 56-60; Зиновьева Е. С. Цифровая дипломатия США: Возможные угрозы международной безопасности // Индекс безопасности. 2013. Т. 19, № 1. С. 213-228; Смирнов А. И., Кохтюлина И. Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России // Под. ред. А. И. Смирнов, И. Н. Кохтюлина. – М.: ВНИИгеосистем. 2012. С. 180; Карпович О. Г. «Мягкая сила» в глобальных координатах внешней политики США // Право и политика. 2013. №10. С. 1295-1297.
[3] В России больше половины терактов совершает молодежь [Электронный ресурс] Режим доступа: https://eanews.ru/rossiya/20250812191312/v-rossii-bolshe-poloviny-teraktov-sovershaet-molodezh?ysclid=ml5he3lghe396783950 (дата обращения: 22.01.2026).
[4] Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: Фаир-пресс, 2006. С. 92.
[5] Запрет на провокации. Суд признал компанию Meta экстремистской организацией. URL:https://aif.ru/society/law/zapret_na_provokacii_sud_priznal_kompaniyu_meta_ekstremistskoy_organizaciey (дата обращения: 17.11.2025).
[6] Крюков Э. Диффузные сепаратистские войны // Суть времени № 571, 3 февраля 2024. О тех, кто на Западе провоцирует протесты в национальных республиках России. URL:https://rossaprimavera.ru/article/dbf52212 (дата обращения: 18.11.2025).
[7] Справочно: IFEX – Международная ассоциация по защите свободы слова, одна из крупнейших сетевых платформ целевой консолидации региональных НПО, с устоявшимися глобальными институтами и имеющая представительский статус в Европейском Союзе и Совете Европы. Ассоциация объединяет более ста организаций, включая международные профсоюзные НПО, в числе сооснователей ассоциации Комитет защиты журналистов (англ.: Committee to Protect Journalists (CPJ) и региональные НПО и ассоциации журналистов (в Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, России, Украине), а также более двух десятков неправительственных организаций в Азербайджане, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, России, Таджикистане, Украине.

ными противоправными институтами гражданского общества в целях распространения на приграничных территориях идей радикального ислама, разжигания сепаратистских, экстремистских настроений среди местного населения, но и способствуют совершению экстремистских и диверсионно-террористических акций в целях подрыва государственной безопасности.

Стоит отметить, что протестная активность россиян сейчас находится на историческом минимуме, и в такой ситуации даже микроскопические выступления типа одиночных пикетов или митингов, собирающих несколько десятков человек, обречены на повышенное внимание СМИ[1]. Поэтому можно констатировать, что в российском обществе на данный момент сохраняется возможность для пробуждения радикальных экстремистских настроений, попыток насильственного свержения действующей власти со всеми вытекающими последствиями для обеспечения государственной безопасности.

Мы полагаем, что при анализе оценки влияния геополитических процессов на устойчивость политической системы стоит учитывать неоднородность населения России по этнонациональному и этноконфессиональному составу. Указанная неоднородность отражает различия в ценностных установках и целях, может при определенных условиях стать деструктивным фактором политических отношений относительно обеспечения государственной безопасности в пограничном пространстве, так как политические интересы отдельных территорий (включая власть и граждан) могут не всегда коррелироваться с общенациональными (государственными). На территории России проживает более 190 народов и этнических групп, со своими нравственными устоями и вероисповеданием. Используя указанный аспект, спецслужбы иностранных государств предпринимают попытки по разжиганию межнациональной розни. Так, в мессенджере «Telegram», на канале «Утро Дагестан», неоднократно звучали антироссийские высказывания и призывы к сопротивлению существующей власти. Все протесты Дагестана в значительной степени координировались как раз через этот канал, который в свою очередь спонсировался западными организациями[2]. Спецслужбы США и Британии используют их, как «мягкую силу», которая сводится к разжиганию межнациональной и межконфессиональной розни на территории России.

Стоит отметить, что в настоящее время на территории страны работает множество фондов: «Свободная Бурятия», «Новая Тыва», «Азиаты России», «Свободная Калмыкия» и прочие[3], руководством которых занимаются профессионалы из вышеперечисленных западных спецслужб при помощи своих посредников в Российской Федерации. Более того активность вышеуказанных фондов начала заметно выходить за пределы рамок так называемой «мягкой силы» и все больше приобретает агрессивный характер. Организуются нападения на представителей власти и журналистов. Ведется пропаганда межнациональной и межконфессиональной розни и организуются провокации, направленные на ее разжигание. Данные обстоятельства создают угрозу государственной безопасности.

Поэтому необходимо учитывать многонациональный и многоконфессиональный факторы приграничных территорий Российской Федерации, ведь отдельные представители народов, проживающих на ее территории, пока не готовы признать себя частью конструкта под названием «российская нация», ориентируясь на собственные этнические и религиозные традиции и устои. И этот фактор дает новые основания для различных организаций и движений националистической направленности укреплять позиции среди своих этносов.

Необходимо подчеркнуть, что спецслужбы коллективного Запада через своих агентов влияния активно продвигают чуждые российскому обществу ценности, пытаясь подменить у молодого поколения отношение к культурным и духовным устоям нашего государства, размыть важность таких понятий, как «семья», «Отечество», «нравственность». Особенно эффективно процессы по деструктивному воздействию осуществляются через фильмы, сериалы, музыку, социальные сети. Гражданам Российской Федерации насаждается культура индивидуализма, потребительства, размываются традиционные представления о семье, браке, духовности, подрывается авторитет Вооруженных Сил Российской Федерации и органов власти, что создает угрозу для государственной безопасности. В этих условиях был издан Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором отмечено, что молодежь является основным объектом деструктивного воздействия, связанным с искажением информации, смыслов и ценностей.

Известный итальянский журналист и публицист Дж. Кьеза, рассуждая о роли России в современном мире, отмечает приоритет возрождения национальных традиций. «Очень важен диалог между культурами. Надо умножать возможность сближения России с остальным миром. Важно, чтобы присутствие русских в мире было воспринято как положительный фактор. Я считаю, что тема сохранения ценностей, истории, языка – очень важный элемент защиты. Ваше поколение должно формироваться в духе защиты своих ценностей от идей Запада, которые ничего демократического уже давно не имеют»[4].

Вместе с тем в России выделяются политические субкультуры региональных периферий с преобладанием в той или иной концентрации конфессиональных, этнических, региональных, экономических и иных начал, отношения которых с центральной властью, в некоторой степени, носят перманентный центробежный характер, тем самым дестабилизируя социально-политическую ситуацию в отдельных приграничных регионах.

Мы полагаем, что наличие многообразных взаимооппонирующих субкультур затрудняет выработку единых ценностей политического устройства России, совмещение ее культурного многообразия с политическим единством, обеспечение внутренней целостности государства и общества в интересах обеспечения государственной безопасности.

Следует уточнить, что на приграничных территориях, в отличие от центральной и иной части России, существуют проблемы идентификации с этнически родственными группами сопредельных государств. Территориальная идентичность приграничного населения принципиально влияет на состояние общественного и политического сознания и оказывает воздействие на процессы в культурно-идеологической и духовно-

[1] Эксперты оценили протесты в Приморье из-за утильсбора. URL:https://www.vedomosti.ru/strana/far_eastern/articles/2025/10/14/1146582-eksperti-otsenili-perspektivi(дата обращения: 18.11.2025).
[2] Кто стоит за разжиганием межнациональной розни // Вести. URL: https://www.vesti.ru/article/3638698 (дата обращения: 16.11.2025).
[3] Шпионская деятельность ЦРУ и МИ6 в сегменте «мягкой силы» сводится к разжиганию межнациональной розни в РФ // Аргументы недели. URL: https://argumenti.ru/army/2023/01/808541 (дата обращения: 16.11.2025).
[4] Кьеза Дж. Что вместо катастрофы. – М. Издательский дом «Трибуна», 2014. С. 352.

нравственной сферах в масштабе всей страны. При этом преимущество территориальной идентификации по этническому критерию и географическому соседству с родственными группами стран ближнего зарубежья над национальной самоидентификацией может негативно отразиться на состоянии государственной безопасности в пограничном пространстве.

На сегодняшний день остро стоит вопрос о законности пребывания мигрантов на территории России и контроле их деятельности внутри государства. В связи с этим указанный вопрос требует более пристального внимания к миграционным потокам из стран вышеупомянутого ближнего зарубежья, которые провоцируют появление новых вызовов и угроз государственной безопасности России. Нередко данная категория граждан используется спецслужбами недружественных стран для совершения различных противоправных действий, направленных на дестабилизацию политической обстановки в России. Так, 13 октября 2025 г. сотрудниками ФСБ России предотвращен теракт в отношении высокопоставленного офицера Минобороны России. Убийство готовилось украинскими спецслужбами совместно с «Исламским государством». Задержаны четверо подозреваемых: трое граждан России и выходец из Центральной Азии – непосредственный исполнитель[1]. Это далеко не единичный случай, который говорит о возросшей опасности государственной безопасности. В этих условиях 15 октября 2025 г. Президентом Российской Федерации была утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 гг. В частности в ней отмечено, что возрастает значимость надлежащего выполнения уполномоченными государственными органами мероприятий по профилактике распространения радикальных религиозных и экстремистских взглядов в среде выходцев из иностранных государств[2].

Таким образом, общемировая геополитическая ситуация, политическое и экономическое давление со стороны стран Запада на Российскую Федерацию не оказали значительного влияния на устойчивость политической системы. В условиях многомерности внешних и внутренних угроз политическая система России осуществляет своевременное и адекватное реагирование на них для сохранения территориальной целостности, государственного суверенитета и конституционного строя. Вместе с тем, максимальный положительный эффект возможно достичь путем усиления взаимодействия органов власти всех уровней с институтами гражданского общества, использования современных информационно-коммуникационных технологий с нацеленностью на формирование у российских граждан патриотического сознания и иммунитета к манипулятивному воздействию спецслужб и организаций недружественных государств.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=lbyq386qhf783299828 (дата обращения: 18.11.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/?ysclid=l9o2tq2rgh303199596(дата обращения: 18.11.2025).
3. Кьеза Дж. Что вместо катастрофы. М.: Издательский дом «Трибуна», 2014. 352с.
4. ФСБ предотвратила теракт в Москве против офицера Минобороны. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/strana/north_caucasian/news/2025/10/19/1147988-dagestanskogo-shkolnika (дата обращения: 18.11.2025).
5. В США заявили о выделении 9,5 млрд долл. на защиту демократии и прав человека. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.forbes.ru/society/486887-ssa-zaavili-o-planah-vydelit-9-5-mlrd-na-podderzku-demokratii-i-prav-celoveka(дата обращения: 20.01.2026)
6. Путин объяснил принцип многополярного мира. [Электронный ресурс] Режим доступа : https://ria.ru/20250903/mnogopoljarnost-2039438140.html?ysclid=mgt5bt81rv318913899(дата обращения: 17.11.2025).
7. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. – М.: Фаир-пресс, 2006. 416 с.
8. Запрет на провокации. Суд признал компанию Meta экстремистской организацией. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://aif.ru/society/law/zapret_na_provokacii_sud_priznal_kompaniyu_meta_ekstremistskoy_organizaciey (дата обращения: 17.11.2025).
9. Крюков Э. Диффузные сепаратистские войны // Суть времени № 571, 3 февраля 2024.
10. О тех, кто на Западе провоцирует протесты в национальных республиках России. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rossaprimavera.ru/article/dbf52212 (дата обращения: 18.11.2025).
11. Эксперты оценили протесты в Приморье из-за утильсбора. URL:https://www.vedomosti.ru/strana/far_eastern/articles/2025/10/14/1146582-eksperti-otsenili-perspektivi(дата обращения: 18.11.2025).
12. Кто стоит за разжиганием межнациональной розни // Вести. URL: https://www.vesti.ru/article/3638698 (дата обращения: 16.11.2025).
13. Шпионская деятельность ЦРУ и МИ 6 в сегменте «мягкой силы» сводится к разжиганию межнациональной розни в РФ // Аргументы недели. URL: https://argumenti.ru/army/2023/01/808541 (дата обращения: 16.11.2025).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=lbyq386qhf783299828 (accessed: 11/18/2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/?ysclid=l9o2tq2rgh303199596(accessed: 11/18/2025).
3. Chiesa J. What is instead of a catastrophe. Moscow: Tribune Publishing House, 2014. 352s.
4. The FSB prevented a terrorist attack in Moscow against an officer of the Ministry of Defense. [Electronic resource] Access mode: https://www.vedomosti.ru/strana/north_caucasian/news/2025/10/19/1147988-dagestanskogo-shkolnika (date of appeal: 11/18/2025).
5. The United States announced the allocation of $ 9.5 billion for the protection of democracy and human rights. [Electronic resource] Access mode: https://www.forbes.ru/society/486887-ssa-zaavili-o-planah-vydelit-9-5-mlrd-na-podderzku-demokratii-i-prav-celoveka(date of request: 20.01.2026)
6. Putin explained the principle of a multipolar world. [Electronic resource] Access mode : https://ria.ru/20250903/mnogopoljarnost-2039438140.html?ysclid=mgt5bt81rv318913899(date of request: 11/17/2025).
7. Reinhold G. The smart crowd: a new social revolution. Moscow: Fair Press, 2006. 416 p.
8. Prohibition of provocations. The court recognized Meta as an extremist organization. [Electronic resource] Access mode: https://aif.ru/society/law/zapret_na_provokacii_sud_priznal_kompaniyu_meta_ekstremistskoy_organizaciey (date of request: 17.11.2025).
9. Kryukov E. Diffuse separatist wars // The Essence of Time No. 571, February 3, 2024.
10. About those in the West provoking protests in the national republics of Russia. [Electronic resource] Access mode: https://rossaprimavera.ru/article/dbf52212 (date of appeal: 11/18/2025).
11. Experts assessed the protests in Primorye due to recycling. URL:https://www.vedomosti.ru/strana/far_eastern/articles/2025/10/14/1146582-eksperti-otsenili-perspektivi(date of request: 11/18/2025).
12. Who is behind the incitement of ethnic hatred // Lead. URL: https://www.vesti.ru/article/3638698 (date of access: 11/16/2025).
13. The espionage activities of the CIA and MI6 in the segment of "soft power" are reduced to inciting ethnic hatred in the Russian Federation // Arguments of the Week. URL: https://argumenti.ru/army/2023/01/808541 (date of request: 11/16/2025).

[1] ФСБ предотвратила теракт в Москве против офицера Минобороны. URL: https://www.vedomosti.ru/strana/north_caucasian/news/2025/10/19/1147988-dagestanskogo-shkolnika (дата обращения: 18.11.2025).
[2] Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы». URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78221(дата обращения: 18.11.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_139

УДК 342.7

ОЦЕНКА КОНСТИТУЦИОННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДИСКРЕДИТАЦИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ «ОТКАЗНОГО» ОПРЕДЕЛЕНИЯ КС РФ ОТ 20.07.2023 № 2114-О

ASSESSING THE CONSTITUTIONALITY OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR DISCREDITING THE USE OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION: A CASE STUDY OF THE DISMISSAL RULING OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION № 2114-O DATED 20.07.2023

КРУГЛОВ Юрий Александрович,
соискатель, кафедра конституционного и муниципального права, юридический факультет,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
119234, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1.
ORCID: 0009-0007-2659-0685
e-mail: yakruglov@inbox.ru

KRUGLOV Yuri A.,
Degree Seeking Researcher, Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law,
Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia.
ORCID: 0009-0007-2659-0685
e-mail: yakruglov@inbox.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена оценке конституционности административной ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации. Предметом исследования выступают положения ст. 20.3.3 КоАП РФ, а также позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Определении от 20.07.2023 № 2114-О. В качестве основного методологического инструмента используется тест соразмерности, включающий критерии правомерности цели, пригодности ограничительных мер, необходимости ограничительных мер и балансирования конкурирующих конституционных ценностей. Автор анализирует применение каждого из указанных критериев в рамках конституционного контроля оспариваемой нормы и выявляет отдельные уязвимые позиции КС РФ. По результатам исследования формулируются предложения по совершенствованию законодательного регулирования, направленные на приведение составов юридической ответственности за дискредитацию в соответствие с требованиями теста соразмерности. В частности, обосновывается целесообразность законодательной конкретизации категории «дискредитация», введения требования заведомости ложности распространяемой информации, а также привязка соответствующих составов к действию особых правовых режимов.*

Abstract. *The article examines the constitutionality of administrative liability for discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation. The subject of the study comprises the provisions of Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation expressed in Ruling № 2114-O dated 20.07.2023. The proportionality test serves as the primary methodological tool, encompassing the criteria of legitimacy of purpose, suitability of restrictive measures, necessity of restrictive measures, and balancing of competing constitutional values. The author analyzes the application of each criterion within the constitutional review of the contested provision and identifies certain vulnerable positions adopted by the Constitutional Court. Based on the research findings, the author formulates proposals for improving legislative regulation aimed at bringing the elements of legal liability for discreditation into compliance with the requirements of the proportionality test. In particular, the article substantiates the expediency of legislative specification of the category of «discreditation», the introduction of a requirement for knowingly false information, and linking the relevant offences to the operation of special legal regimes.*

Ключевые слова: *дискредитация, тест соразмерности, правомерность, пригодность, необходимость, балансирование, государственная безопасность, конституционный контроль, административная ответственность, уголовная ответственность.*

Keywords: *discreditation, proportionality test, legitimacy, suitability, necessity, balancing, state security, constitutional review, administrative liability, criminal liability.*

Для цитирования: *Круглов Ю.А. Оценка конституционности административной ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации: на примере «отказного» определения КС РФ от 20.07.2023 № 2114-О // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 139-144. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_139.*

For citation*: Kruglov Yu.A. Assessing the constitutionality of administrative liability for discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation: a case study of the dismissal ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 2114-O dated 20.07.2023 // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 139-144. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_139.*

Статья поступила в редакцию: 28.01.2026

Введение

Актуальность. Современная геополитическая обстановка характеризуется постоянным нарастанием информационных угроз. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) прямо фиксируется тенденция к использованию информационно-коммуникационных технологий в качестве инструмента дестабилизации внутриполитической обстановки суверенных государств. Данное обстоятельство обусловливает потребность в формировании адекватных правовых механизмов противодействия соответствующим вызовам

для национальной (у́же – государственной [1; 2; 3]) безопасности.

В соответствующих целях с весны 2022 г. российское законодательство претерпело существенные изменения в части установления ответственности за распространение информации, способной нанести ущерб интересам обороноспособности страны.

В частности, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (КоАП РФ) был дополнен ст. 20.3.3, закрепившей административную ответственность за «публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации» (далее – дискредитация ВС РФ).

Одновременно в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (УК РФ) появились ст. 207.3 и ст. 280.3, криминализировавшие соответственно распространение заведомо ложной информации о деятельности ВС РФ и дискредитацию ВС РФ.

Введение указанных составов поставило вопрос обеспечения соразмерности соответствующей административной и уголовной ответственности характеру и содержанию защищаемых интересов в сфере обеспечения государственной безопасности.

Напрямую соответствующая проблематика Конституционным Судом Российской Федерации (КС РФ) не разбиралась, материальная оценка конституционности составов ст. 20.3.3 КоАП РФ и ст. 207.3, ст. 280.3 УК РФ не была дана. Однако КС РФ предоставил достаточно развернутое мнение по соответствующим вопросам в рамках Определения от 20.07.2023 № 2114-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лолаевой Арианы Аслановны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – Определение КС РФ от 20.07.2023 № 2114-О).

Несмотря на формальный отказ от рассмотрения жалобы по существу, КС РФ *de facto* дал оценку конституционности оспариваемой нормы, что придает данному акту концептуально-методологическое значение.

Теоретическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных ученых. Существенный вклад в разработку методологии согласования конституционных ценностей внес Р. Алекси, обосновавший принцип пропорциональности [4; 5]. В отечественной науке соответствующая проблематика была подробно проработана А.В. Должиковым [6]. Также можно отметить работы О.В. Куценко [7], Я.А. Рымкевича [8], А.А. Троицкой [9], Т.М. Храмовой [10], Д.Г. Шустрова [11]. Непосредственно проблематика юридической ответственности за дискредитацию ВС РФ была затронута в публикациях Н.Э. Мартыненко [12], А.С. Михасева [13], А.А. Чугунова [14], М.В. Харламовой [15] и др.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе конституционно-правовой оценки ограничений прав и свобод человека и гражданина, вводимых в интересах государственной безопасности.

Предметом исследования стали правовые нормы, закрепляющие составы административной и уголовной ответственности за дискредитацию ВС РФ, а также Определение КС РФ от 20.07.2023 № 2114-О.

Цель исследования состоит в выявлении ключевых подходов к оценке конституционности юридической ответственности за дискредитацию ВС РФ, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию законодательного регулирования и практики применения теста соразмерности в соответствующей сфере.

Достижение поставленной цели предполагает решение трех ключевых **задач**:

- определение концептуально-методологического подхода к оценке конституционности соответствующих ограничений;

- анализ позиции КС РФ, выраженной в Определении от 20.07.2023 № 2114-О;

- разработка рекомендаций по совершенствованию правового регулирования и практики привлечения к юридической ответственности за дискредитацию ВС РФ в контексте требований теста соразмерности.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем осуществлен авторский анализ конституционности административной (и частично – уголовной) ответственности за дискредитацию использования ВС РФ через призму четырехэлементного теста соразмерности. С точки зрения последовательности применения каждого из критериев теста соразмерности подвергнута критическому анализу позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в Определении от 20.07.2023 № 2114-О. Кроме того, в статье разработан подход к пониманию категории «дискредитация», а также предложена модель юридической ответственности, в большей степени соответствующая тесту соразмерности.

Тест соразмерности как основной концептуально-методологический подход к оценке конституционности ограничений прав и свобод человека и гражданина

Наиболее общим механизмом разрешения противоречий между конкурирующими конституционными ценностями выступает процедура их взвешивания, которую Р. Алекси рассматривает в качестве основного метода обеспечения прав человека в условиях их ограничения [16].

В рамках соответствующей процедуры с одной стороны берутся конкретные ограничения определенных прав и свобод, а с другой стороны – определенные конституционные публичные интересы. При этом сформулированное Р. Алекси правило взвешивания предполагает корреляцию между интенсивностью вмешательства в одну конституционную ценность (права человека) значимостью реализации другой конституционной ценно-

сти (в частности, конституционного строя) [4]. Иными словами, чем существеннее посягательство на права личности, тем весомее должен быть защищаемый публичный интерес.

Инструментальным воплощением процедуры взвешивания служит тест соразмерности. Структура теста соразмерности в широком смысле включает четыре последовательных элемента:

1. Первый элемент – проверка правомерности цели – предполагает установление того, что ограничение направлено на достижение конституционно значимой цели.

2. Второй элемент – оценка пригодности (разумности) – требует доказательства того, что избранные меры действительно способствуют достижению заявленной цели.

3. Третий элемент – проверка необходимости – предполагает установление того, что примененные меры являются наименее ограничительными из всех доступных средств.

4. Четвертый элемент – собственно балансирование конкурирующих конституционных ценностей – состоит в сопоставлении интенсивности ограничения прав и значимости достигаемого публичного интереса [6, с. 19].

При ограничении прав в интересах государственной безопасности стандартная методология теста соразмерности сталкивается с затруднениями. Государственная безопасность в отдельных экстраординарных ситуациях может приобретать такую степень значимости, которая способна деформировать процедуру взвешивания в целом. В подобном контексте возникает риск того, что апелляция к соображениям безопасности будет систематически перевешивать частные интересы, превращая балансирование в формальность с предопределенным результатом.

Так, например, в рамках противодействия терроризму и экстремизму законодатель прибегает к существенным ограничениям прав (включая ограничение прав на жизнь), обосновывая их исключительной значимостью защищаемых интересов [17]. Схожая тенденция наблюдалась в период противодействия пандемии COVID-19, когда интересы общественного здоровья использовались для обоснования масштабных ограничительных мер [18]. В настоящее время аналогичная ситуация складывается применительно к ограничениям свободы слова, мысли и распространения информации в контексте противодействия дискредитации ВС РФ.

Для преодоления указанных затруднений представляется необходимым выработать специальные критерии применения теста соразмерности в данной сфере.

Тест на соразмерность в «отказном» Определении КС РФ от 20.07.2023 № 2114-О

Определение КС РФ от 20.07.2023 № 2114-О представляет собой значимый акт конституционного контроля, в котором была дана оценка конституционности административной ответственности за дискредитацию использования ВС РФ.

Несмотря на формальный отказ в принятии жалобы к рассмотрению со ссылкой на отсутствие признаков нарушения конституционных прав заявительницы, содержащаяся в Определении аргументация *de facto* представляет собой конституционно-правовую оценку оспариваемой нормы. КС РФ мог ограничиться формальным отказом, использовав в качестве основания положения п. 1 ст. 97 ФКЗ о КС РФ. Однако Суд избрал иной подход, развернуто обосновав отсутствие нарушения конституционных прав через призму конституционности самой нормы. Подобная позиция свидетельствует о стремлении сформировать конституционно-правовую доктрину применительно к данной категории дел.

В контексте первого элемента теста соразмерности – правомерности цели – КС РФ указал, что ст. 20.3.3 КоАП РФ направлена на охрану публичных интересов, связанных с эффективным использованием ВС РФ для защиты интересов России и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. При этом Суд подчеркнул, что Конституция прямо допускает принятие решений, предполагающих использование ВС РФ в указанных целях, а оценка их целесообразности относится к дискреции уполномоченных органов государственной власти.

Кроме того, принципиальное значение здесь имеет указание КС РФ на экстраординарный характер правового регулирования. Суд отметил, что положения ст. 20.3.3 КоАП РФ, хотя и представляют собой ординарное законодательное регулирование, были введены с учетом контекста Специальной военной операции (СВО). В связи с этим применительно к конкретной жалобе соответствующая норма должна оцениваться как регулирование, направленное на противодействие вызовам государственной безопасности в условиях экстраординарной ситуации. В подтверждение данной позиции КС РФ сослался на собственные постановления о проверке конституционности международных договоров о вступлении в состав России четырех субъектов в 2022 г. (Постановления Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П; № 37-П; № 38-П; № 39-П).

Анализ второго элемента теста соразмерности – пригодности (разумности) административной ответственности за дискредитацию ВС РФ – был осуществлен КС РФ через призму концепции морально-психологического состояния личного состава ВС РФ. Суд указал, что эффективность деятельности по защите интересов государства зависит от морального настроя лиц, исполняющих воинский долг. Одним из значимых факторов, влияющих на такой настрой, является поддержка обществом решений по использованию ВС РФ. Соответственно, публичные действия, содержащие негативную оценку деятельности ВС РФ, способны снижать решительность и мотивированность военнослужащих.

Особого внимания заслуживает вывод КС РФ о том, что общественная поддержка ВС РФ носит конституционный характер и представляет собой проявление принципов взаимного доверия общества и государства, уважения к труду защитников Отечества, политической и социальной солидарности. В качестве конституционного основания Суд сослался на ч. 3 ст. 67.1 и ст. 75.1 Конституции России. Тем самым общественная поддержка

ВС РФ была квалифицирована как элемент конституционного долга по защите Отечества.

С данной интерпретацией сложно согласиться, поскольку она расширяет содержание конституционного долга защиты Отечества за пределы его традиционного понимания [19]. Соответствующий долг носит преимущественно моральный характер и не предполагает возложения на граждан юридических обязанностей, а также не предусматривает привлечение к юридической ответственности за его неисполнение само по себе.

Конституционная обязанность защиты Отечества предполагает, прежде всего, готовность к несению военной службы, которая на уровне федерального законодательства конкретизируется как по кругу субъектов, так и по особым правовым режима (например, в рамках военного положения, военного времени, мобилизации и т.п.). За неисполнение соответствующих обязанностей предусматривает юридическая ответственность.

В подобном контексте распространение именно *обязанности* по защите Отечества на сферу общественного мнения посредством установления юридической ответственности за дискредитацию ВС РФ создает риски для реализации свободы мысли и слова, гарантированных ст. 29 Конституции России.

Тем не менее, сама привязка разумности (пригодности) такой юридической ответственности к категории конституционного *долга* по защите Отечества вполне валидна.

Оценка третьего элемента теста соразмерности – необходимости ограничительных мер – была проведена КС РФ в наиболее сжатой форме. Суд констатировал допустимость публично-правовой ответственности за осуществление прав способом, посягающим на общественный порядок, однако не стал детально анализировать вопрос о том, являются ли избранные законодателем меры наименее ограничительными.

Касаясь соответствующей проблематики, КС РФ отметил неопределенность категории «дискредитация». Впрочем, Суд указал, что отсутствие законодательной конкретизации данной категории является конституционным, поскольку представляет собой проявление свободы усмотрения законодателя, который с учетом многообразия форм дискредитирующих действий вправе не формулировать исчерпывающего определения. При этом КС РФ отметил, что дискредитация должна толковаться исходя из общепринятого значения как подрыва доверия к чьим-либо действиям.

Подобный подход представляется уязвимым с позиции принципа правовой определенности. Размытость категории «дискредитация» создает предпосылки для произвольного правоприменения, когда оценка противоправности действий ставится в зависимость от субъективного усмотрения правоприменителя. Данное обстоятельство входит в противоречие с требованиями предсказуемости правовых последствий, составляющими сущность принципа *nullum crimen sine lege*.

Наконец, в рамках четвертого элемента теста соразмерности – балансирования частных и публичных интересов – КС РФ сформулировал позицию о том, что граждане не могут произвольно, исключительно на основе субъективной оценки, ставить под сомнение направленность решений по использованию ВС РФ на защиту интересов государства. При этом Суд оговорился, что распространение информации о недостатках в деятельности ВС РФ допустимо при условии, что она основывается на открытой достоверной информации и не предполагает произвольного отрицания конституционно-предопределенных целей соответствующей деятельности.

Предложения по оптимизации административной ответственности за дискредитацию ВС РФ в контексте теста соразмерности

Проведенный анализ позволяет сформулировать предложения, направленные на приведение законодательства об ответственности за дискредитацию использования ВС РФ в более полное соответствие с требованиями теста соразмерности.

Так, применительно к критерию правомерности цели представляется необходимым обеспечить более четкую привязку составов юридической ответственности к конкретным конституционным ценностям. Действующая формулировка ст. 20.3.3 КоАП РФ не содержит указания на защищаемые интересы, что создает возможность расширительного толкования. Включение в диспозицию нормы указания на конкретные действия, создающие угрозу обороноспособности государства или безопасности личного состава ВС РФ, способствовало бы конкретизации цели ограничения.

При этом соответствующие действия должны быть описаны юридическим образом, например, посредством бланкетной отсылки к законодательству об особых правовых режимах, к нормам о применении ВС РФ и т.п. Подобная конкретизация может быть осуществлена и по модели, использованной законодателем в «ковидных» нормах (ст. 207.1 УК РФ, в ч. 10.1 ст. 13.15 КоАП РФ). В частности, в примечании к ст. 207.1 УК РФ было закреплено юридическое определение обстоятельств, представляющих угрозу жизни граждан, распространение ложной информации о которых влекло за собой наступление уголовной ответственности.

В контексте более полного соблюдения критерия пригодности и критерия необходимости целесообразно осуществить законодательную конкретизацию категории «дискредитация» в соответствующих составах. Кроме того, по аналогии с составами «ковидной» ответственности целесообразно предусмотреть требование заведомой ложности распространяемой информации, исключающее привлечение к ответственности лиц, добросовестно заблуждающихся относительно характера распространяемой информации.

Представляется, что дискредитация должна пониматься следующим образом: публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах использования ВС РФ, добровольческих формирований, национальной гвардии и иных вооруженных формирований в целях подрыва доверия отдельных граждан и общества в целом к ВС РФ, иным вооруженным формированиям, а также органам государственной власти и должностным лицам, принимающим решения об их использовании.

При этом не должно считаться дискредитацией распространение исключительно субъективного мнения, основанного на открытых и досто-

верных источниках, прежде всего, размещенных на официальных информационных ресурсах органов государственной власти.

В рамках обеспечения более полного соответствия критерию баланса интересов предлагается рассмотреть возможность перевода рассматриваемого регулирования в разряд экстраординарного. Признание соответствующего регулирования экстраординарным позволило бы обеспечить его временный характер.

При этом логика КС РФ *de facto* предполагает оценку конституционности нормы в привязке к экстраординарным обстоятельствам СВО. Однако, сами составы административной и уголовной ответственности не содержат указания на экстраординарные обстоятельства в своих диспозициях.

Технически подобный шаг может быть осуществлен посредством дополнения диспозиций ст. 20.3.3 КоАП РФ, ст. 207.3 и ст. 280.3 УК РФ указанием на совершение соответствующих деяний в период действия военного положения, военного времени, мобилизации, контртеррористической операции и иных особых правовых режимов, требующих применения вооруженных сил. Такое дополнение позволит строго привязать указанные меры ответственности к особому правовому режиму, что обеспечит лучший баланс частных и публичных интересов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Тест соразмерности представляет собой универсальный методологический инструмент оценки конституционности ограничений прав и свобод человека и гражданина. Он включает в себя четыре критерия (элемента): правомерность цели, пригодность ограничений, необходимость ограничений и собственно балансирование конкурирующих ценностей в узком смысле.

Применение данного теста в сфере государственной безопасности сопряжено с методологическими затруднениями, обусловленными повышенной значимостью защищаемых публичных интересов, способной деформировать процедуру взвешивания.

Анализ позиции КС РФ, выраженной в Определении от 20.07.2023 № 2114-О, свидетельствует о том, что конституционность административной ответственности за дискредитацию использования ВС РФ была оценена в привязке к экстраординарным обстоятельствам СВО. При этом проведенный Судом тест соразмерности содержит позиции, которые представляются небесспорными, в частности касающиеся квалификации общественной поддержки ВС РФ как элемента конституционной обязанности по защите Отечества и признания конституционности неопределенности категории «дискредитация».

Для приведения законодательства в соответствие с требованиями теста соразмерности предлагается осуществить комплекс мер, включающих:

- конкретизацию защищаемых конституционных ценностей напрямую в составах о юридической ответственности за дискредитацию (в т.ч. посредством добавления бланкетности, указания на привлечение к ответственности только в условиях особых правовых режимов);

- дополнение диспозиции составов о юридической ответственности за дискредитацию указанием на их применение только в условиях экстраординарных ситуаций, описанных юридическим образом (в частности, в рамках введенных надлежащим образом особых правовых режимов)№

- законодательное закрепление категории «дискредитация»;

- дополнение состава дискредитации указанием на заведомость ложности распространяемой информации;

- освобождение от ответственности в случаях выражения субъективного мнения, основанного исключительно на официальной государственной информации.

Список литературы:

1. Смирнов А. А. Национальная и государственная безопасность: диалектика взаимосвязи // Сборник научных работ серии «Право». 2023. № 1(29). С. 183-192.
2. Щигорцова Е. С. Понятие государственной безопасности и национальной безопасности с позиции уголовно-правовой охраны / Е. С. Щигорцова, Н. Н. Артеменко, В. Ю. Качалов // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 3. С. 124-127.
3. Юсупов Р. Г. Соотношение понятий «национальная безопасность» и «государственная безопасность» в праве. Место ФСБ России в обеспечении государственной безопасности / Р. Г. Юсупов, Т. А. Тимербулатов // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2(80). С. 39-51.
4. Алекси Р. Пропорциональность и рациональность // Правосудие. 2020. Т. 2, № 4. С. 197-215.
5. Алекси Р. Формула веса // Российский ежегодник теории права. 2011. № 3-2010. С. 208-228.
6. Должиков А.В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2022. 579 с.
7. Куценко О.В. Пределы конституционного ограничения прав и свобод человека и гражданина: понятие и законодательное закрепление // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. С. 148-152.
8. Рымкевич Я. А. Правоприменение принципа соразмерности в экологическом и международном праве // Образование и право. 2024. № 6. С. 666-669.
9. Троицкая А.А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика конституционного суда РФ // СКО. 2015. №2 (105). С. 45-69.
10. Храмова Т.М. Испытание пандемией: ограничения свободы собраний и слова в свете принципа пропорциональности // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4. С. 36-54.
11. Шустров Д. Г. Принцип пропорциональности в конституционном праве Израиля. Изд. 2, доп. М.: URSS, 2022. 160 с.
12. Мартыненко Н.Э., Усачева Е.А. Актуализация вопросов юридической техники применительно к ст.ст. 207.3, 280.3 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 7. С. 136-140.
13. Михасев А. С. Индивидуализация наказания через тест на пропорциональность: синтез принципов справедливости и соразмерности // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 4. С. 62-69.
14. Чугунов А.А., Власенко Е.Р. Уголовная ответственность за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнения государственными органами своих полномочий // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 159-163.
15. Харламова М.В. Проблемы привлечения к административной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию ВС РФ по статье 20.3.3. КоАП РФ // Вопросы российской юстиции. 2024. № 33. С. 467-474.

16. Алекси Р. Сбалансированность, конституционный контроль и представительство // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 2 (55). С. 113-116.
17. Пивоварова И.А., Коженко Я.В. Государственная политика противодействия экстремизму в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 11(68). С. 439-442.
18. Кудинов В.В., Микрикова С.А. Права человека и безопасность государства – поиск баланса в период пандемии COVID-19 // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 3. С. 45-49.
19. Круглов Ю.А. Содержание конституционной обязанности защиты Отечества // Закон и власть. 2024. № 1. С. 117-125.

References:

1. Smirnov A. A. National and state security: the dialectic of interrelationship // Collection of scientific papers of the series "Law". 2023. No. 1(29). pp. 183-192.
2. Shchigortsova E. S. The concept of state security and national security from the perspective of criminal law protection / E. S. Shchigortsova, N. N. Artemenko, V. Yu. Kachalov // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2023. No. 3. pp. 124-127.
3. Yusupov R. G. The relationship between the concepts of "national security" and "state security" in law. The place of the FSB of Russia in ensuring state security / R. G. Yusupov, T. A. Timerbulatov // The Rule of law: theory and practice. 2025. No. 2(80). pp. 39-51.
4. Alexi R. Proportionality and rationality // Justice. 2020. Vol. 2, No. 4. pp. 197-215.
5. Alexi P. Weight formula // Russian Yearbook of the Theory of Law. 2011. No. 3-2010. pp. 208-228.
6. Dolzhikov A.V. Proportionality as a general legal principle in the constitutional justice of Russia: dis. ... Dr. jurid. nauk. SPb., 2022. 579 p.
7. Kutsenko O.V. The limits of the constitutional restriction of human and civil rights and freedoms: the concept and legislative consolidation // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. No. 4. pp. 148-152.
8. Rymkevich Ya. A. Enforcement of the principle of proportionality in environmental and international law // Education and Law. 2024. No. 6. pp. 666-669.
9. Troitskaya A.A. Limits of rights and absolute rights: beyond the principle of proportionality? Theoretical issues and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // North Kazakhstan Region. 2015. №2 (105). pp. 45-69.
10. Khramova T.M. The pandemic test: restrictions on freedom of assembly and speech in the light of the principle of proportionality // Comparative constitutional review. 2020. No. 4. pp. 36-54.
11. Shustrov D. G. The principle of proportionality in the constitutional law of Israel. Ed. 2, supplement M.: URSS, 2022. 160 p.
12. Martynenko N.E., Usacheva E.A. Updating issues of legal technology in relation to Articles 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16. No. 7. pp. 136-140.
13. Mikhasev A. S. Individualization of punishment through a test of proportionality: synthesis of principles of justice and proportionality // Education. Science. Scientific staff. 2025. No. 4. pp. 62-69.
14. Chugunov A.A., Vlasenko E.R. Criminal liability for discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation and the exercise by state bodies of their powers // Bulletin of Economic Security. 2024. No. 2. pp. 159-163.
15. Kharlamova M.V. Problems of bringing to administrative responsibility for public actions aimed at discrediting the Armed Forces of the Russian Federation under Article 20.3.3 of the Administrative Code of the Russian Federation // Issues of Russian justice. 2024. No. 33. pp. 467-474.
16. Alexi R. Balance, constitutional control and representation // Comparative Constitutional Review. 2006. No. 2 (55). pp. 113-116.
17. Pivovarova I.A., Kozhenko Ya.V. State policy of countering extremism in the context of ensuring national security // Bulletin of Science. 2023. Vol. 3. No. 11(68). pp. 439-442.
18. Kudinov V.V., Mikrikova S.A. Human rights and state security – the search for balance during the COVID-19 pandemic // State power and local self-government. 2023. No. 3. pp. 45-49.
19. Kruglov Yu.A. The content of the constitutional duty to protect the Fatherland // Law and Power. 2024. No. 1. pp. 117-125.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_145

УДК 342.7

ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУКЦИИ СТАТЬИ 116.1 УК РФ
CRIMINAL LAW PROTECTION OF MINORS FROM FAMILY VIOLENCE: PROBLEMS IN THE CONSTRUCTION OF ARTICLE 116.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

ПРИХОДЬКО Татьяна Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института государственного права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».
664025, Россия, г. Иркутск, ул. Горького, 22.
E-mail: prikhodko_tv@mail.ru;

PRIKHODKO Tatiana Viktorovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National Security Law Institute of State Law and National Security of the Baikal State University.
Gorky str. 22, Irkutsk, 664025, Russia.
E-mail: prikhodko_tv@mail.ru

***Краткая аннотация**: В статье исследуются актуальные проблемы уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от насилия в сфере семейно-бытовых отношений. Автор анализирует фундаментальную проблему отсутствия в российском законодательстве легальных дефиниций «насилия» и «домашнего насилия», что порождает научные дискуссии и сложности в правоприменении. Центральное внимание уделено критическому анализу специального состава – ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассмотрена эволюция данной нормы, реакция законодателя на позицию Конституционного Суда РФ, а также выявлены системные проблемы ее применения. На основе проведенного исследования сделан вывод о недостаточной эффективности действующего механизма защиты несовершеннолетних жертв от семейного насилия, обусловленной концептуальной неопределенностью и фрагментарностью правового регулирования, сформулированы направления совершенствования законодательства.*

***Abstract:** The article examines current problems of criminal law protection of minors from violence in the sphere of domestic relations. The author analyzes the fundamental problem of the absence of legal definitions of «violence» and «domestic violence» in Russian legislation, which generates scientific debates and difficulties in law enforcement. Central attention is paid to a critical analysis of the specific criminal provision – Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The evolution of this norm, the legislator's response to the position of the Constitutional Court of the Russian Federation are considered, and systemic problems of its application are identified. Based on the conducted research, the conclusion is drawn about the insufficient effectiveness of the current mechanism for protecting minor victims from domestic violence, due to conceptual uncertainty and the fragmentary nature of legal regulation. Directions for improving legislation are formulated.*

***Ключевые слова:** домашнее насилие, семейно-бытовое насилие, несовершеннолетние, уголовная ответственность, побои, статья 116.1 УК РФ, административная преюдиция, законодательный пробел, правовая защита, Конституционный Суд РФ.*

***Keywords:** domestic violence, family violence, minors, criminal liability, battery, Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, administrative prejudiciality, legislative gap, legal protection, Constitutional Court of the Russian Federation.*

***Для цитирования:** Приходько Т.В. Защита несовершеннолетних от насилия в семье: проблемы конструкции статьи 116.1 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 145-148. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_145.*

***For citation**: Prikhodko T.V. Criminal law protection of minors from family violence: problems in the construction of article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 145-148. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_145.*

Статья поступила в редакцию: 08.02.2026

Актуальность тематики настоящего исследования обусловлена сохраняющейся высокой степенью общественной опасности и значительной латентностью криминальных проявлений в сфере семейно-бытовых отношений, в особенности в отношении несовершеннолетних лиц. Согласно статистическим данным, от 30 до 40 % [12] всех тяжких насильственных преступлений в Российской Федерации совершается в семейно-бытовой сфере, а наиболее уязвимыми жертвами выступают женщины [15], дети [19], пожилые граждане и лица с ограниченными возможностями здоровья [18].

Фундаментальной проблемой правового регулирования выступает отсутствие в российском законодательстве легального определения не только «домашнего насилия», но и базового понятия «насилие». Данный пробел порождает устойчивые научные дискуссии и существенные сложности в правоприменительной деятельности. В доктрине уголовного права доминируют два основных подхода: узкий, ограничивающий насилие физическим воздействием на телесную неприкосновенность личности (Л. Д. Гаухман [10, С. 22], В. И. Симонов [16, с. 89]), и широкий, включающий также психическое (психологическое) воздействие (Н. Г. Крылов [14, С. 135]). Уголовный кодекс РФ, как правило, оперирует термином «физическое насилие» либо использует конкретные понятия, такие как «угроза применения насилия» для обозначения психического воздействия [11, С. 34].

В законопроектной практике предпринимались попытки дать определение домашнего насилия. Так, в проекте Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» 2016 года предлагалось определить его как «умышленное деяние (действие или бездействие) одного лица в отношении другого (других) лиц, совершенное в сфере семейно-бытовых отношений, если это деяние нарушает права и свободы человека, и (или) причиняет ему физическую боль, и (или) наносит вред здоровью, и (или) причиняет нравственные страдания, и (или) причиняет ему имущественный вред» [3]. Более поздняя редакция 2019 года содержала иную дефиницию: «умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее призна-

ки административного правонарушения или уголовного преступления». Однако предложенные формулировки заслуженно подверглись критике научного сообщества за избыточную широту и неопределенность, создающие риск произвольного толкования.

Категория «домашнее насилие в отношении несовершеннолетних» не исчерпывается исключительно физическим воздействием. В доктрине обоснованно выделяются четыре основные его формы: физическая, психологическая (эмоциональная), сексуальная и экономическая, которые могут как проявляться изолированно, так и комбинироваться в рамках одного инцидента. Физическое насилие понимается как умышленное причинение физической боли и/или вреда здоровью ребенка путем непосредственного воздействия на его тело (удары, толчки, щипки, ожоги и т.д.) либо с использованием предметов, животных [20, С. 124].

Психологическое (эмоциональное) насилие представляет собой систематическое деструктивное воздействие на психику несовершеннолетнего, выражающееся в унижении, оскорблении, изоляции, шантаже, угрозах, манипулировании, что приводит к формированию психологических травм и нарушений [21, С. 1434]. Данная форма отличается высокой латентностью и зачастую сопутствует другим видам насилия.

Сексуальное насилие – это вовлечение ребенка, с применением силы, угроз или использованием его беспомощного состояния, в сексуальные действия, направленные на удовлетворение сексуальной потребности взрослого или старшего подростка [23, С. 173]. В семейном контексте оно может проявляться как инцест.

Экономическое насилие в отношении несовершеннолетнего выражается в лишении его необходимых для жизни и развития материальных благ (питание, одежда, жилье, медицинская помощь, образование), а также в жестком контроле или присвоении его личных финансовых ресурсов, принуждении к труду [22, С. 110]. Следует отметить, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44, перечисляя формы жестокого обращения с детьми, прямо указывает лишь на физическое, психическое насилие и посягательства на половую неприкосновенность, оставляя экономическое насилие за рамками официального толкования [4].

Одной из ключевых норм, обеспечивающих уголовно-правовую защиту несовершеннолетних от менее опасных форм физического насилия в семейно-бытовой сфере, выступает статья 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], объективная сторона которой выражается в альтернативных деяниях: нанесении побоев либо совершении иных насильственных действий (щипки, вырывание волос, связывание и т.п.), причинивших физическую боль, но не повлекших кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности [5].

История данной нормы отражает сложный поиск баланса между дифференциацией ответственности и обеспечением эффективной защиты жертв домашнего насилия. Частичная декриминализация побоев в 2016 году (выделение административного состава по ст. 6.1.1 КоАП [2] РФ) и последующая повторная криминализация при наличии административной преюдиции (ст. 116.1 УК РФ) первоначально привели к возникновению правовой аномалии: побои в отношении близких лиц карались по уголовной статье (ст. 116 УК РФ), а в отношении иных лиц – по административной, что ставило жертв семейного насилия в неравное положение [17, С. 542]. Устранение из ст. 116 УК РФ признака «в отношении близких лиц» в 2017 году лишь частично решило проблему.

Знаковым этапом стала позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 19.06.2020 № 25-П. Суд указал, что ст. 116.1 УК РФ в прежней редакции не обеспечивала эффективной защиты от системного домашнего насилия, поскольку не учитывала факт наличия у виновного неснятой или непогашенной судимости за предыдущее насильственное преступление, что ставило таких лиц в привилегированное положение по сравнению с подвергнутыми административному наказанию [6]. Реакцией законодателя стало введение Федеральным законом от 28.06.2022 № 203-ФЗ части второй в ст. 116.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за те же деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия.

Однако правоприменение ст. 116.1. УК РФ все же сопряжено с существенными системными проблемами.

Во-первых, легальное определение «побоев» отсутствует. Сложилась доктринальная позиция, согласно которой побои предполагают многократное (два и более раза) нанесение ударов [13, С. 226]. По нашему мнению, однократное нанесение удара не может быть квалифицировано как побои. Однако данные действия не выходят за рамки уголовной ответственности, поскольку могут подпадать под признак «совершения иных насильственных действий», предусмотренный статьей 116.1 УК РФ. Во-вторых, альтернативный подход к формулировке диспозиции («побои или иные насильственные действия») создает проблему квалификации в ситуации, когда в отношении одного потерпевшего были применены и удары, и, например, болезненное связывание. Представляется целесообразным изменить диспозицию на «нанесение побоев и (или) совершение иных насильственных действий» для адекватного охвата подобных смешанных случаев.

В-третьих, современная редакция породила новую проблему толкования, связанную с определением содержания понятия «преступление, совершенное с применением насилия» [11, С. 33]. Ограничительное толкование, вытекающее из логики постановления КС РФ от 19.06.2020 № 25-П, может сводить его лишь к преступлениям, тождественным побоям (ст. 116, ч. 1 ст. 116.1, ст. 117 УК РФ [11, С. 35]). В то же время правоприменительная практика демонстрирует более широкий подход, учитывая судимости за умышленное причинение вреда здоровью различной тяжести (ст. 111 [7], 115 УК РФ), угрозу убийством (ст. 119 УК РФ [8]) и др.

Для унификации практики и правовой определенности представляется целесообразным дополнить ст. 116.1 УК РФ примечанием с исчерпывающим перечнем статей УК РФ, судимость по которым влечет квалификацию по ч. 2 данной нормы.

Кроме того, действующий состав ст. 116.1 УК РФ не содержит квалифицирующих признаков, учитывающих особую уязвимость жертвы, такой как несовершеннолетие, беспомощное состояние или зависимость от виновного. В связи с этим, представляется, что конструкция нормы должна предусматривать базовый состав (ч. 1) и квалифицированные составы (ч. 2, 3). В качестве квалифицирующих признаков, существенно

повышающих общественную опасность деяния в контексте защиты несовершеннолетних, должны быть закреплены: совершение преступления в отношении заведомо несовершеннолетнего или лица, находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной, служебной или иной зависимости от виновного; наличие судимости за любое умышленное преступление против личности, совершенное с применением насилия; мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды.

Таким образом, проблема противодействия семейному насилию в отношении несовершеннолетних остается одной из наиболее острых и социально значимых в современной России. Действующая уголовно-правовая система демонстрирует недостаточную эффективность в силу концептуальной неопределенности, фрагментарности и внутренних противоречий, что подтверждается как доктринальным анализом, так и решениями Конституционного Суда РФ.

Ключевыми препятствиями являются: отсутствие законодательно закрепленных дефиниций; несовершенство конструкции специального состава о побоях (ст. 116.1 УК РФ), связывающего уголовную ответственность с административной преюдицией, что не соответствует задачам защиты жертв системного домашнего насилия; недостаточный учет особой уязвимости несовершеннолетних жертв в рамках основных составов преступлений.

В качестве основного вектора совершенствования законодательства предлагается переход от реактивной к проактивной и комплексной модели защиты. Это предполагает, во-первых, принятие специального профилактического закона, закладывающего понятийный фундамент. Во-вторых, кардинальную реформу норм о менее опасном физическом насилии через отказ от административной преюдиции, реинтеграцию единого состава побоев в раздел преступлений против личности и введение четких квалифицирующих признаков, учитывающих уязвимость жертвы (несовершеннолетие, зависимость) и характеристику лица виновного (наличие судимости за насильственные преступления). Только системный подход, сочетающий четкие дефиниции, адекватные уголовно-правовые санкции и сосредоточенный на защите наиболее уязвимых жертв, может стать действенным инструментом противодействия семейному насилию в отношении несовершеннолетних и разрыва порочного круга воспроизводства насилия.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. Ст. 2954. – 17 июня.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 1.
3. О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации: проект Федерального закона от 28 сентября 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/59925.html (дата обращения: 01.11.2023). – Документ опубликован не был.
4. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10. // Российская газета. – 1998. – № 7.
5. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н // Российская газета. –2008. – № 188.
6. По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 № 11-П // СЗ РФ. – 2021. – № 16. Ч. 3. – Ст. 2874.
7. Приговор от 28 августа 2023 г. по делу № 1-51/2023. // Ясногорский районный суд Тульской области. – URL: https //sudact.ru/regular/doc/bEM1YjKdpLLX/ (дата обращения: 06.03.2024).
8. Приговор от 18 июля 2023 г. по делу № 1-85/2023. // Шарьинский районный суд Костромской области – URL: https://sudact.ru/regular/doc/KMSGDiXltqQX/ (дата обращения: 06.03.2024).
9. Арманшина К. С. Понятие «насилие» в уголовном праве Российской Федерации / К. С. Арманшина // Молодой ученый. – 2020. – № 40 (330). – С. 89-91.
10. Гаухман Л. Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР: / Л. Д. Гаухман, И. С. Ной – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. – 1981. – 159 с.
11. Егорова Н. А. Проблемы правовой регламентации уголовной ответственности за побои // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. – № 3 (66). – С. 31-38.
12. Кондря Т. И. Особенности работы кризисных центров с женщинами, пострадавшими от семейного насилия / Т. И. Кондря // Baikal Research Journal. – 2017. – Т. 8, № 4. – DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).7.
13. Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: моногр. / А. И. Коробеев. – М.: Юрлитинформ. – 2012. – 317 с.
14. Крылов Н. Г. К вопросу о содержании понятия «Насилие» в российском уголовном праве / Н. Г. Крылов // Вестник СГЮА. – 2016. – № 5. –С. 131-135.
15. Очередько В. П. География криминального супружеского насилия в современной России / В. П. Очередько, С. П. Ломтев, В. С. Харламов // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 666-676. – DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).666-676.
16. Симонов В. И., Шумихин В. Г. Преступное насилие: понятие, характеристика и квалификация насильственных посягательств: учебное пособие / В. И. Симонов, В. Г. Шумихин. – Пермь. – 1992. – 119 с.
17. Скрипченко Н. Ю. Побои: новая редакция – новые проблемы / Н. Ю. Скрипченко // Пермский юридический альманах. – 2023. – №6. – С. 540-552.
18. Совет Федерации приглашает обсудить законопроект о профилактике семейно-бытового насилия. – URL.: http://council.gov.ru/events/news/110929/ (дата обращения: 20.01.2026).
19. Степанова И. Б. Подросток и насилие: проблемы и факты / И. Б. Степанова, Т. М. Явчуновская // Всероссийский криминологический журнал. – 2011. – № 4 (18). – С. 50-55.
20. Ткачева Ю. С. Физическое насилие как категория криминального насилия / Ю. С. Ткачева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 8. – С. 123-128.
21. Хасанова Г. Б., Алимова М. А., Хужакулова М. М. Насилие в семье: проблема социальная и правовая / Г. Б. Хасанова, М. А. Алимова, М. М. Хужакулова // Экономика и социум. – 2023. – № 5-2 (108). – С. 1431-1436.
22. Чермашенцева Т. Д., Кошелева Д. В., Инкин А. А. Признаки психологического насилия в семье / Т. Д. Череманцева, Д. В. Кошелева, А. А. Инкин // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – № 17. – С. 109-115.
23. Шипунова Т. В. Трудности изучения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних и ситуационный подход к обеспечению безопасности / Т. В. Шипунова // Society and Security Insights. – 2022. – № 4. – С. 171-184.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 // Federal Law of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. St. 2954. – June 17.
2. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation: Federal Law No. 195-FZ of December 30, 2001 // SZ RF. - 2002. – No. 1. – Part 1. – Article 1.
3. On the prevention of domestic violence in the Russian Federation: draft Federal Law dated September 28, 2016 // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/59925.html (date of request: 11/01/2023). – The document has not been published.
4. On the application of legislation by courts in Resolving disputes related to the upbringing of children: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 dated May 27, 1998. // Rossiyskaya Gazeta. – 1998. – No.
7.5. On approval of Medical criteria for determining the severity of harm caused to human health: Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated April 24, 2008 No. 194n // Rossiyskaya Gazeta. –2008. – № 188.

6. In the case of the review of the constitutionality of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L. F. Sakova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 8, 2021 No. 11-P // SZ RF. – 2021. – No. 16. Part 3. – Art. 2874.
7. Verdict of August 28, 2023 in case No. 1-51/2023. // Yasnogorsky District Court of the Tula region. – URL: https //sudact.ru/regular/doc/bEM1YjKdpLLX / (date of access: 03/06/2024).
8. Verdict of July 18, 2023 in case No. 1-85/2023. // Sharyinsky District Court of the Kostroma region – URL: https://sudact.ru/regular/doc/KMSGDiXltqQX / (date of reference: 03/06/2024).
9. Armanshina K. S. The concept of "violence" in the criminal law of the Russian Federation / K. S. Armanshina // Young Scientist. – 2020. – № 40 (330). – Pp. 89-91.
10. Gaukhman L. D. Problems of the criminal law fight against violent crimes in the USSR: / L. D. Gaukhman, I. S. Noy – Saratov: Publishing House of Saratov University. - 1981. – 159 p.
11. Egorova N. A. Problems of legal regulation of criminal liability for beatings // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. – № 3 (66). – Pp. 31-38.
12. Kondrya T. I. Features of the work of crisis centers with women victims of domestic violence / T. I. Kondrya // Baikal Research Journal. – 2017. – Vol. 8, No. 4. – DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).7.
13. Korobeev A. I. Criminal encroachments on human life and health: monographs / A. I. Korobeev, Moscow: Yurlitinform, 2012– 317 p.
14. Krylov N. G. On the issue of the content of the concept of "Violence" in Russian criminal law / N. G. Krylov // Bulletin of the State Penitentiary Service of the Russian Federation. – 2016. – No. 5. –pp. 131-135.
15. Queue V. P. Geography of criminal marital violence in modern Russia / V. P. Queue, S. P. Lomtev, V. S. Kharlamov // All-Russian Journal of Criminology, 2017, No. 4, pp. 666-676. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4) .666-676.
16. Simonov V. I., Shumikhin V. G. Criminal violence: the concept, characteristics and qualification of violent attacks: textbook manual / V. I. Simonov, V. G. Shumikhin. – Perm. - 1992. – 119 p.
17. Skripchenko N. Y. Beatings: new edition – new problems / N. Y. Skripchenko // Perm Law Almanac. – 2023. – No. 6. – pp. 540-552.
18. The Federation Council invites to discuss the draft law on the prevention of domestic violence. – URL.: http://council.gov.ru/events/news/110929 / (date of access: 01/20/2026).
19. Stepanova I. B. Teenager and violence: problems and facts / I. B. Stepanova, T. M. Yavchunovskaya // All-Russian Journal of Criminology. – 2011. – № 4 (18). – Pp. 50-55.
20. Tkacheva Yu.S. Physical violence as a category of criminal violence / Yu. S. Tkacheva // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2022. – No. 8. – pp. 123-128.
21. Khasanova G. B., Alimova M. A., Khuzhakulova M. M. Domestic violence: a social and legal problem / G. B. Khasanova, M. A. Alimova, M. M. Khuzhakulova // Economics and society. – 2023. – № 5-2 (108). – Pp. 1431-1436.
22. Chermashentseva T. D., Kosheleva D. V., Inkin A. A. Signs of psychological violence in the family / T. D. Cheremantseva, D. V. Kosheleva, A. A. Inkin // Legality and law and order in modern society. – 2014. – No. 17. – pp. 109-115.
23. Shipunova T. V. Difficulties in studying sexual violence against minors and a situational approach to ensuring safety / T. V. Shipunova // Society and Security Insights. – 2022. – No. 4. – pp. 171-184.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_149

ФОРМИРОВАНИЕ БЮДЖЕТОВ НОВЫХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
FORMATION OF BUDGETS OF NEW REGIONS IN THE CONTEXT OF INTEGRATION PROCESSES

ПАРАЩЕВИНА Елена Анатольевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
к.ю.н., младший советник юстиции.
295011, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, 9.
E-mail: rudenko_onya@mail.ru;

АНКУДИНОВА Яна Станиславовна,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, юрист 2 класса.
295011, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, 9.
E-mail: yana_ponomaryova@mail.ru;

PARASCHEVINA Elena Anatolyevna,
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Candidate of Law, Junior Adviser of Justice.
9 Gogol St., Simferopol, Republic of Crimea, 295011, Russia.
E-mail: rudenko_onya@mail.ru;

ANKUDINOVA Yana Stanislavovna,
Senior Lecturer at the Department of Public Law Disciplines
Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2nd class lawyer.
9 Gogol St., Simferopol, Republic of Crimea, 295011, Russia.
E-mail: yana_ponomaryova@mail.ru

Краткая аннотация. *Настоящая научная работа посвящена анализу теоретических и практических механизмов формирования бюджетов новых субъектов Российской Федерации (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области) в процессе их интеграции в единую фискальную систему. Методологической основой исследования стало доктринальное разграничение категорий «бюджетное планирование» (трактуемое как стратегический инструмент реализации государственной политики) и «бюджетный процесс». В работе выявлен особый финансово-правовой режим функционирования новых субъектов, характеризующийся критической дотационной зависимостью (свыше 40% доходов), что обусловливает строгие меры федерального контроля и финансовые диспропорции. На основе системного анализа предложен комплекс стратегических мер для достижения финансовой устойчивости, включая внедрение временных налоговых преференций для стимулирования частного капитала, смещение акцента межбюджетных трансфертов в пользу целевых субсидий на инфраструктурные проекты, развитие локальных бюджетообразующих инициатив и оптимизацию процедур финансового контроля. Конечной целью является обоснование перехода новых субъектов от режима финансовой поддержки к самостоятельному развитию в составе бюджетной системы Российской Федерации.*

Abstract: *The present scientific work is devoted to the analysis of theoretical and practical mechanisms of formation of budgets of new subjects of the Russian Federation (DNR, LNR, Zaporizhia and Kherson regions) in the process of their integration into a single fiscal system. The methodological basis of the study was the doctrinal differentiation of the categories "budget planning" (interpreted as a strategic tool for the implementation of public policy) and "budget process". The paper identifies a special financial and legal regime for the functioning of new entities, characterized by critical subsidy dependence (over 40% of income), which leads to strict federal control measures and financial imbalances. Based on a systematic analysis, a set of strategic measures is proposed to achieve financial stability, including the introduction of temporary tax preferences to stimulate private capital, shifting the focus of inter-budget transfers to targeted subsidies for infrastructure projects, developing local budget-forming initiatives and optimizing financial control procedures. The ultimate goal is to justify the transition of new entities from the financial support regime to independent development within the budget system of the Russian Federation.*

Ключевые слова: *бюджетный процесс, бюджетное планирование, интеграционные процессы, новые регионы, межбюджетные трансферты, дотационная зависимость, фискальная автономия, налоговое стимулирование, целевое субсидирование, бюджетный контроль.*

Keywords: *budget process, budget planning, integration processes, new regions, inter-budget transfers, subsidy dependence, fiscal autonomy, tax incentives, targeted subsidies, budget control.*

Для цитирования: *Паращевина Е.А., Анкудинова Я.С. Формирование бюджетов новых регионов в условиях интеграционных процессов // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 149-152. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_149.*

For citation*: Paraschevina E.A., Ankudinova Ya.S. Formation of budgets of new regions in the context of integration processes // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 149-152. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_149.*

Статья поступила в редакцию: 21.01.2026

Теоретико-методологические предпосылки исследования

Императив формирования новых механизмов бюджетирования в Российской Федерации детерминирован необходимостью интеграции новых территориальных образований. В контексте расширения федеративного пространства ключевым вызовом становится обеспечение финансовой устойчивости вновь присоединенных субъектов. Учитывая, что данные регионы характеризуются ограниченным собственным налоговым потенциалом (низкой фискальной автономией), критически важное значение приобретает разработка и применение дифференцированных нормативов распределения федеральных налоговых поступлений. Эти нормативы выступают в качестве ключевых инструментов вертикального бюджетного выравнивания, предназначенных для стабилизации доходной части их консолидированных бюджетов.

Процесс бюджетного планирования, сопряженный с масштабным реформированием налоговой и финансовой политики, сталкивается с рядом системных методологических и практических вызовов. К ним относятся: комплексная верификация актуального социально-экономического потенциала интегрируемых территорий, стратегическое установление приоритетов финансирования капитальных и социальных расходов, необходимость постоянной адаптации учетных параметров (включая динамику административно-территориальных границ и демографической структуры).

В соответствии с Бюджетным Кодексом РФ бюджет – это «форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления»[1]. Консолидация финансовых потоков государства в виде бюджета, представляющего собой совокупность доходной и расходной частей, является базисом всего бюджетного процесса на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Ввиду этого, фаза планирования бюджета требует обязательной количественной оценки всех параметров, составляющих как его фискальную, так и расходную компоненты. Следовательно, теоретическое определение бюджетного планирования должно отражать его двойственную, финансово-управленческую природу. Мы разделяем позицию Н.А. Истоминой, согласно которой бюджетное планирование представляет собой «процесс расчета объема финансовых ресурсов, которыми располагает государство, субъект РФ, орган местного самоуправления, и стоимостной оценки затрат, необходимых для обеспечения выполнения соответствующих функций» [2].

Однако в условиях современных стратегических императивов и программно-целевого бюджетирования данное определение целесообразно расширить. Бюджетное планирование является не только процессом расчета ресурсов и затрат, но и ключевым инструментом реализации государственной политики. Таким образом, под бюджетным планированием следует понимать процесс расчета объема финансовых ресурсов и стоимостной оценки затрат, необходимых для обеспечения выполнения публичных функций, который интегрирует механизмы прогнозирования и стратегирования для достижения установленных национальных целей развития и формирования финансово-правовых основ устойчивого социально-экономического роста территории. Данная расширенная трактовка подчеркивает, что бюджетное планирование трансформировалось из технического расчета в политико-правовой механизм, направленный на достижение конкретных, измеримых результатов, зафиксированных в долгосрочных стратегических документах.

В целом формирование бюджета – это четко организованная деятельность субъектов бюджетной сферы, каждый из которых обладает совокупностью полномочий, ограничен в перечне совершаемых действий и несет ответственность за их выполнение в установленный срок и в необходимом объеме. В соответствии с построением бюджетной системы РФ формирование бюджета реализуется как процесс на трех уровнях: федеральном, региональном и местном (муниципальном). На каждом уровне проявляется собственная институциональная специфика.

Доктринальные подходы к содержанию бюджетного процесса на протяжении десятилетий являлось предметом научного интереса специалистов в области финансового и административного права. Следует констатировать, что терминологическое содержание категории «бюджетный процесс» претерпевало существенные трансформации, отражая эволюцию бюджетного законодательства и финансовой системы государства.

Ряд авторитетных исследователей придерживались классического системно-процессуального подхода (Е.А. Ровинский, В.В. Бесчеревных, М.И. Пискотин) сходились во мнении, что бюджетный процесс должен рассматриваться как последовательная, регулируемая правовыми нормами система стадий. Е.А. Ровинский определял его как «единство всех стадий формирования и исполнения государственного бюджета СССР, находящихся в постоянном и непрерывном своем возобновлении»[3]. В его классификации выделялись: составление, рассмотрение, утверждение, исполнение и утверждение исполнения бюджета. В.В. Бесчеревных трактовал процесс формирования бюджета как систему, регулируемую нормами бюджетно-процессуального права, включающую стадии разработки проекта, утверждения, исполнения и предоставления отчетности[4]. М.И. Пискотин также указывал на цикличность этапов формирования, рассмотрения, утверждения, исполнения и отчетности[5]. Основное сходство указанных ученых заключается в признании многостадийности и системного, правового характера бюджетного процесса. Они едины в выделении ключевых этапов, которые включают планирование (составление/разработку), законодательное санкционирование (рассмотрение/утверждение) и реализацию (исполнение и отчетность/контроль).

Кардинально иная позиция была сформулирована А.И. Худяковым, который критиковал термин «бюджетный процесс», предлагая использовать вместо него «бюджетное планирование»[6]. Критика Худякова базировалась на доводах о том, что термин «процесс» является «узкоспециальным» понятием финансово-правовой науки и существенно отличается от общеюридического. Он полагал, что термин «бюджетное планирование» является «более понятным, определенным и конкретным», подчеркивая его сфокусированность на финансово-экономическом расчете. Несмотря на обоснованную критику А.И. Худякова относительно семантики и четкости, доктринально обоснованным является четкое разграничение понятий. Действительно, семантическое поле термина «бюджетное планирование» в большей степени указывает исключительно на первую (подготовительную) стадию бюджетного процесса.

Очевидно, что такие обязательные и последующие стадии, как исполнение бюджета, внесение изменений в утвержденный закон о

[1] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС "КонсультантПлюс" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/055a71948dbf2 a4fc2478437cd89cd864ee8e6e5/
[2] Истомина, Н.А. Формирование бюджета (бюджетное планирование): развитие теоретических подходов // Евразийский Союз Ученых. 2014. №5-1. С. 73
[3] Ровинский, Ефим Абрамович. Основные вопросы теории советского финансового права : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.00. — Москва, 1961. — 412 с.
[4] Бесчеревных В. В. Компетенция Союза ССР в области бюджета. М., 1976. С. 148.
[5] Пискотин М.И. Советское бюджетное право. М., 1971. С. 66.
[6] Худяков А. И. Финансовое право Республики Казахстан. Особенная часть. Алматы : Баспа, 2001. С. 52.

бюджете, а также осуществление финансового контроля с последующим утверждением отчета, по своей сути и содержанию выходят за рамки деятельности по финансовому планированию и прогнозированию. Таким образом, термин «бюджетный процесс» является более полным, поскольку он охватывает совокупность юридически значимых и последовательных действий всех субъектов права, регулируемых нормами бюджетно-процессуального права, на всех этапах финансового цикла. Однако, на наш взгляд семантика термина «бюджетное планирование» в большей степени указывает на первую стадию бюджетного процесса. Очевидно, что, например, исполнение бюджета будет выходить за рамки планирования.

Анализ особого финансово-правового режима и проблемы дотационной зависимости новых субъектов РФ

Переходя к рассмотрению формирования бюджетов (бюджетного планирования) новых субъектов Российской Федерации в современных условиях, следует отметить, что с учетом масштабных интеграционных процессов на сегодняшний день остро стоит необходимость оперативной инкорпорации бюджетных систем новых регионов в единую налогово-бюджетную систему страны. В условиях подобной территориальной и правовой конвергенции критически важным представляется использование бюджетной политики в качестве ключевого инструмента интеграции. Это предполагает не только техническое объединение финансово-расчетных процедур, но и стратегическую организацию бюджетных отношений, направленную на подбор наиболее эффективных мер фискального и управленческого воздействия для обеспечения их финансовой самодостаточности и социально-экономического развития.

С учетом необходимости оперативной инкорпорации бюджетных систем вновь принятых субъектов — Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей — в единое фискальное пространство Российской Федерации, возникает острая потребность в разработке дискретных механизмов межбюджетного регулирования. Ключевой операционной задачей является обеспечение финансовой стабильности данных регионов в условиях их ограниченного налогового потенциала и значительной социальной нагрузки.

На современном этапе, основная проблема функционирования бюджетов указанных территорий сосредоточена в возможности компенсации их структурных дефицитов посредством целевых межбюджетных трансфертов (дотаций). Данный процесс, как было отражено в проекте постановления Правительства Российской Федерации, инициированном Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, должен осуществляться в рамках особого финансово-правового режима. Этот режим предусматривает специальные порядки формирования и доведения финансовых средств, направленные на гарантированное покрытие дефицита и обеспечение первоочередных социально-экономических расходов, что временно замещает стандартные федеративные бюджетные нормативы.

Для обеспечения финансовой стабильности и компенсации структурных дефицитов данных регионов Правительством РФ установлен особый финансово-правовой режим, действующий до 2026 года. В рамках этого режима Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства (Минстрой России) назначено ответственным ведомством за выработку государственной политики, нормативно-правовое регулирование и координацию социально-экономического развития этих субъектов. Минстрой России уполномочен на подготовку предложений о предоставлении целевых межбюджетных трансфертов (дотаций), а также на разработку проектов бюджетов указанных субъектов. Процедура предоставления дотаций включает обязательное заключение соглашения с высшим исполнительным органом субъекта, после чего проект регионального бюджета подлежит обязательному согласованию в Минстрое России перед внесением на утверждение Правительством РФ. Критическим условием предоставления дотаций является строгое соблюдение финансовой дисциплины, в частности, отсутствие просроченной кредиторской задолженности по заработной плате работникам бюджетной сферы и социальным выплатам. Нарушение указанных требований влечет за собой меры дисциплинарной ответственности, что обеспечивает полный контроль за расходами в рамках реализации нового национального проекта.

В начале октября 2025 года замминистра экономического развития РФ Сергей Назаров заявил, что экономики Донецкой и Луганской народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей значительно диверсифицированы, но развития их потенциала потребует "значительных" инвестиций.

Структурная зависимость бюджетов новых регионов от федеральных трансфертов, достигающая критически высокой доли (превышающей 40% от совокупных доходов), объективно влечет за собой установление со стороны государства строгих бюджетных ограничений. Ключевым элементом такого режима фискального управления является требование обязательного одобрения любых бюджетных поправок высшим законодательным органом — Государственной Думой. Несмотря на централизованное финансирование, гетерогенность финансовых результатов 2023 года, когда только Херсонская область завершила финансовый год с профицитом, а остальные субъекты — с дефицитом, актуализирует проблему финансовой стабилизации. Данная диспропорция указывает на императивную необходимость интеграции и формирования устойчивых, не дотационных источников финансирования бюджетной политики, что является стратегическим вызовом как для интегрируемых территорий, так и для бюджетной системы Российской Федерации в целом.

Бюджеты Луганской, Донецкой народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей существенно зависимы от федеральных трансферов. В 2023 году в эти регионы было направлено 410,7 млрд руб. (89% доходов их бюджетов), которые в первую очередь были выделены на социальные выплаты и зарплаты бюджетникам. В проекте федерального бюджета на 2025 год на восстановление и развитие новых регионов было запланировано более 316 млрд рублей и более 4 млрд рублей на поддержку сельхозпроизводства.

Меры по достижению финансовой стабильности (Рекомендации)

Для результативного внедрения новых территорий в бюджетную систему Российской Федерации и снижения критической дотационной зависимости, необходимо реализовать комплекс мер, направленных на стимулирование экономической активности и оптимизацию бюджетного процесса.

1. Внедрение временных изменений в налоговое законодательство.

Данная мера предполагает дискретное применение особых режимов налогообложения, включающих налоговые каникулы, снижение региональных ставок по налогу на прибыль или введение ускоренной амортизации для инвесторов. Этот подход является фундаментально обоснованным для решения проблемы низкой фискальной автономии новых субъектов. Временные налоговые преференции критически важны для привлечения частного капитала, который, в свою очередь, формирует устойчивую налогооблагаемую базу, что является долгосрочным противовесом дотационной зависимости.

2. Увеличение объема субсидий в новых регионах.

Предлагается изменить структуру межбюджетных трансфертов, смещая акцент с дотаций (финансирование дефицита) на целевые субсидии. Субсидирование должно быть направлено на финансирование конкретных инвестиционных и инфраструктурных проектов, таких как восстановление ЖКХ, транспортной логистики или развитие индустриальных парков. Увеличение объема целевых субсидий является необходимым этапом перехода от пассивного покрытия дефицита к программно-целевому бюджетированию. Это позволит обеспечить прозрачность использования федеральных средств и увязать трансферты с конкретными, измеримыми показателями социально-экономического развития.

3. Формирование дополнительной налоговой базы посредством развития локальных проектов.

Речь идет о стратегическом планировании и финансовой поддержке местных, бюджетообразующих инициатив, включая кластеры малого и среднего предпринимательства, а также проекты в сфере агропромышленного комплекса и строительной индустрии. Это требует использования инструментов государственно-частного партнерства и предоставления региональным властям большей свободы в части распоряжения неналоговыми доходами.

4. Введение особых процедур бюджетного процесса для увеличения контроля управления.

Данная мера предполагает формализацию и оптимизацию установленного Правительством РФ строгого контроля. Необходимо внедрить гибкие, но жестко регламентированные внутренние процедуры, которые обеспечивали бы оперативное принятие бюджетных решений при сохранении высокого уровня финансовой дисциплины (например, создание постоянно действующих межведомственных комиссий). В условиях критической зависимости и высоких рисков усиленный контроль является объективной необходимостью, о чем свидетельствует и требование об одобрении поправок Государственной Думой. Однако ключевым моментом является оптимизация процедур, чтобы избыточный контроль не трансформировался в бюрократический барьер, препятствующий оперативному финансированию восстановительных работ.

Выводы

Проведённое исследование показало, что формирование бюджетов новых регионов России — это непростой процесс, главная цель которого заключается в том, чтобы обеспечить их финансовую устойчивость на переходном этапе и постепенно встроить в общую бюджетную систему страны.

Таким образом, успех интеграции новых субъектов во многом зависит от того, удастся ли сохранить баланс: с одной стороны, обеспечить им необходимую финансовую поддержку, а с другой — стимулировать самостоятельное развитие. Такой подход позволит со временем уменьшить дефицит бюджета и обеспечить долгосрочную стабильность новых регионов в составе экономики России.

Список литературы:

1. Бесчеревных В. В. Компетенция Союза ССР в области бюджета. М., 1976. 176 с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС "КонсультантПлюс" URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/055a71948dbf2a4fc2478437cd89cd864ee8e6e5/
3. Истомина Наталья Александровна Формирование бюджета (бюджетное планирование): развитие теоретических подходов // Евразийский Союз Ученых. 2014. №5-1. С. 71-73
4. Пискотин М.И. Советское бюджетное право. М., 1971. С. 66.
5. Ровинский, Ефим Абрамович. Основные вопросы теории советского финансового права : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.00. Москва, 1961. 412 с.
6. Худяков А. И. Финансовое право Республики Казахстан. Особенная часть. Алматы : Баспа, 2001. 344 с.

References:

1. Bescherevnykh V. V. Competence of the USSR in the field of budget. Moscow, 1976. 176 p.
2. Budget Code of the Russian Federation dated 07/31/1998 N 145-FZ (as amended on 07/31/2025) // SPS "ConsultantPlus" URL: https://www.consultant.ru / document/cons_doc_LAW_19702/055a71948dbf2a4fc2478437cd89cd864ee8e6e5/
3. Istomina Natalia Aleksandrovna Budget formation (budget planning): development of theoretical approaches // Eurasian Union of Scientists. 2014. No.5-1. pp. 71-73
4. Piskotin M.I. Soviet budgetary law, Moscow, 1971, p. 66.
5. Rovinsky, Yefim Abramovich. Basic questions of the theory of Soviet financial law : dissertation ... Doctor of Law : 12.00.00. Moscow, 1961. 412 p.
6. Khudyakov A. I. Financial law of the Republic of Kazakhstan. The special part. Almaty : Baspa Publ., 2001. 344 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_153

УДК 791.83; 791.83.01; 791.83:351.854; 791.83.009(100); 791.83; 791.83(4/9); 342; 347; 349; 34.03

ЦИРКОВОЕ ИСКУССТВО КАК ПРОЦЕССУАЛЬНО-СЛОЖНЫЙ ОБЪЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ
CIRCUS ART AS A PROCEDURALLY COMPLEX OBJECT OF REGULATION AND MANAGEMENT

МЕЛЬНИКОВА Юлия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ».
119571, Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 82.
Email: 84995016973@bk.ru;

MELNIKOVA Yulia V.,
PhD (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
82, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia.
Email: 84995016973@bk.ru

Краткая аннотация: *Настоящая публикация представляет собой научную рецензию на монографию А.Э. Моисеевой «Цирк: правовое регулирование и государственное управление» (М: Буки Веди, 2025. 120 с.).*

Abstract: *This article is a review of the monograph «Circus: Legal Regulation and Public Administration» by A. E. Moiseeva (Moscow: Buki Vedi, 2025. 120 p.).*

Ключевые слова: *цирковое искусство, государственное управление в сфере циркового искусства, правовое регулирование в сфере циркового искусства, государственная культурная политика.*

Keywords: *circus, public administration in the field of circus art, legal regulation in the field of circus art, state cultural policy.*

Для цитирования: *Мельникова Ю.В. Цирковое искусство как процессуально-сложный объект регулирования и управления // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 153-155. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_153.*

For citation*: Melnikova Y.V. Circus art as a procedurally complex object of regulation and management // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 153-155. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_153.*

Статья поступила в редакцию: 21.01.2026

Избранная для рецензирования научная монография Александры Эдуардовны Моисеевой «Цирк: правовое регулирование и государственное управление» [1] может быть охарактеризована как принципиально новая научная работа в области исследования специфики государственного управления и правового регулирования в сфере циркового искусства. Книга, вышедшая под научной редакцией доктора юридических наук, профессора И.В. Понкина, сразу заняла особое место в отечественной научно-правоведческой и государственно-управленческой литературе, поскольку явилась первой комплексной попыткой теоретического осмысления вселенной циркового искусства через призму публичного управления и правового регулирования.

Научная новизна монографии бесспорна и многогранна. Во-первых, автором впервые в отечественной науке предпринята попытка системного анализа правовых и управленческих аспектов функционирования цирковой сферы в контексте современных геополитических реалий. Особенно ценным представляется смелая гипотеза о цирковом искусстве как одном из немногих остающихся каналов культурного диалога между народами недружественных государств. Данная гипотеза выдвигается на фоне всеобщей «культуры отмены» российской культуры за рубежом и обосновывается как через исторический анализ, так и через актуальное состояние международных культурных связей.

Во-вторых, научная новизна проявляется в разработке авторской классификации видов циркового искусства, охватывающей девять оснований дифференциации: формы собственности, формат спектакля, этнокультурные доминанты, наличие дрессуры, место проведения (мобильность), число исполнителей, жанровая специализация, наличие гастрономической составляющей и онтология представления. Такая комплексная классификация позволяет систематизировать ранее разрозненные представления о многообразии циркового искусства и создает основу для дифференцированного правового регулирования различных моделей циркового искусства.

В-третьих, новизна работы заключается в разработке авторских дефиниций ключевых понятий цирковой сферы, которые представляют собой не просто лексикографические определения, а развернутые концептуальные конструкции, учитывающие исторические, культурные и правовые аспекты. Особенно важно, что автор не ограничивается определением базовых понятий, но создает целую систему взаимосвязанных дефиниций, формирующих теоретический фундамент для дальнейших исследований.

Масштабность охвата проблем в монографии впечатляет своей всеобъемлемостью. Автор последовательно рассматривает проблематику на нескольких уровнях: теоретико-концептуальном (формирование понятийного аппарата), нормативно-правовом (анализ законодательства России и зарубежных стран), управленческом (механизмы государственного управления) и прикладном (международное взаимодействие в условиях санкций). Особую ценность представляет анализ правового регулирования циркового искусства не только в России, но и в целом ряде зарубежных государств (Германия, Греция, Италия, Канада, США, Франция и др.), что позволяет выявить как общие тенденции, так и национальные особенности подходов к регулированию этой сферы.

Большое внимание уделено анализу факторов, усложняющих международное взаимодействие в сфере циркового искусства, включая

визовые ограничения, проблемы с транспортировкой реквизита и животных, финансовые барьеры и дискриминационные практики. Автор не ограничивается констатацией проблем, но предлагает пути их решения, ориентированные на сохранение традиций отечественного цирка при адаптации к современным реалиям.

Качество источниковой основы исследования заслуживает высокой оценки. Монография опирается на широкий спектр источников: нормативные правовые акты России и зарубежных стран, материалы международных организаций (ЮНЕСКО, ЕС), научные публикации отечественных и зарубежных авторов по проблемам культурной политики, «мягкой силы», управления сферой культуры, а также материалы практических исследований. Особенно ценным является привлечение малоизвестных или ранее не анализировавшихся в научной литературе нормативных актов зарубежных государств, регулирующих цирковую деятельность.

Стоит отметить и использование в работе личного опыта автора как профессиональной цирковой артистки. Это позволяет сочетать теоретический анализ с глубоким пониманием специфики циркового искусства изнутри, что придает исследованию особую достоверность и убедительность. Баланс между теоретическими источниками и практическим опытом создает прочный фундамент для научных выводов.

Сложность авторских подходов и объяснений проявляется в многомерном анализе циркового искусства как особой сферы культурной деятельности. Автор рассматривает цирк одновременно как культурный феномен, социальный институт, экономический сектор и инструмент международных отношений. Такой комплексный подход позволяет выявить взаимосвязи между различными аспектами функционирования цирковой сферы, которые остаются незамеченными при узкоспециализированных исследованиях.

Особую сложность и глубину представляют рассуждения автора о специфике циркового искусства как формы культурной деятельности, обладающей уникальными свойствами: внеязыковой коммуникации, способности преодолевать политические барьеры, универсальной привлекательности для разных возрастных и социальных групп. Автор убедительно доказывает, что именно эти особенности делают цирк мощным инструментом «мягкой силы» в современных условиях международной напряженности.

Важным достижением работы является не только констатация проблем правового регулирования цирковой сферы, но и выявление глубинных причин этих проблем. Автор показывает, что отсутствие четкой законодательной базы связано не просто с бюрократическими проволочками, а с фундаментальным непониманием специфики циркового искусства как особой сферы культурной деятельности, требующей дифференцированного подхода к регулированию.

Значение книги для развития правового регулирования и государственного управления в сфере цирка трудно переоценить. В условиях, когда отечественная цирковая школа, традиционно занимавшая лидирующие позиции в мировом искусстве, оказывается под угрозой из-за недостаточного внимания на государственном уровне, монография предлагает конкретные пути решения системных проблем. Автор не просто критикует существующую систему, но предлагает конструктивные решения, включая необходимость принятия специального федерального закона о цирковом искусстве, гармонизацию российского законодательства с международными стандартами, создание механизмов поддержки отечественных цирковых коллективов в условиях санкционного давления.

Особую практическую ценность представляет анализ опыта зарубежных стран в регулировании цирковой деятельности. Автор не просто констатирует различия в подходах, но выявляет лучшие практики, которые могут быть адаптированы к российским условиям. Например, подробный анализ европейского опыта регулирования использования животных в цирках позволяет понять, как можно сохранить традиционные формы циркового искусства при соблюдении высоких стандартов обращения с животными.

Еще одним значимым вкладом работы является обоснование необходимости включения циркового искусства в программы культурной дипломатии и «мягкой силы». В условиях геополитической изоляции России цирк может стать эффективным каналом для поддержания культурных связей с другими странами. Автор предлагает конкретные механизмы реализации этого потенциала, включая развитие международных цирковых фестивалей, программы обмена артистами и совместные постановки.

Качество авторских дефиниций заслуживает особого внимания. В работе представлены развернутые, многогранные определения ключевых понятий цирковой сферы, которые выделяются своей глубиной и научной строгостью. Например, определение «циркового искусства» как «особого вида культурно-зрелищного исполнительского искусства, производящего самостоятельное уникальное благо – синтетически-составной рекреационно-зрелищный продукт» учитывает как специфику создаваемого продукта, так и его социальное назначение.

Особую ценность представляют дефиниции, раскрывающие внутреннюю структуру циркового искусства: «цирковой трюк» как «концептуальная деталь, фундаментальный компонент исполнительской единицы, сопряжённое с сознательно принимаемым риском и работой на пределе возможностей техническое действие», «цирковой образ» как «вовне-индуцируемая и экспрессивно-направленная на зрительскую аудиторию целостная ментально-эмоциональная проекция». Эти дефиниции выходят за рамки типичны формальных определений и раскрывают глубинные механизмы функционирования циркового искусства.

Важно отметить, что авторские дефиниции носят не только теоретический характер, но имеют практическое значение для правового регулирования. Четкие, научно обоснованные понятия создают основу для разработки нормативных актов, устраняя неопределенность и неоднозначность в законодательстве. Например, детализированное определение «циркового реквизита» или «мобильных цирковых конструкций» позволяет точнее регулировать вопросы безопасности, таможенного оформления, сертификации оборудования.

В то же время, некоторые дефиниции можно было бы уточнить и дополнить. Например, определение «циркового номера» могло бы включать более четкое указание на структурные компоненты. Некоторые понятия, такие как «цирковая индустрия», хотя и упоминаются в тексте, не получили развернутых дефиниций, что оставляет определенные пробелы в концептуальном аппарате работы.

В целом, монография А. Э. Моисеевой представляет собой значимый вклад в развитие теории и практики государственного управления и правового регулирования в сфере культуры, а именно в области циркового искусства. Работа сочетает фундаментальную теоретическую проработку с практической направленностью, предлагая конкретные решения актуальных проблем отрасли. Научная новизна исследования, масштабность охвата проблем, качество источниковой базы и сложность авторских подходов позволяют считать эту монографию основополагающим трудом в новой для отечественной науки области исследований.

Особую ценность работы придает то, что она написана не только как академический труд, но и как практическое руководство для специалистов в области государственного управления культурой, работников цирковых организаций, юристов, занимающихся правовым обеспечением сферы культуры. Авторский тезаурус, представленный в приложении к монографии, может стать основой для разработки образовательных программ в области циркового искусства и государственного управления культурой.

Несмотря на некоторые недочеты и возможные направления для дальнейших исследований, монография А.Э. Моисеевой безусловно занимает достойное место в научной литературе и имеет все основания для того, чтобы стать настольной книгой для специалистов в области культуры, государственного управления и международных отношений. Выход этой работы своевременен и актуален в контексте поиска новых подходов к культурной политике и международному культурному сотрудничеству в современных геополитических условиях.

Список литературы:

1. Моисеева А.Э. Цирк: правовое регулирование и государственное управление / Под науч. ред. И.В. Понкина. – М.: Буки Веди, 2025. – 120 с.

References:

1. Moiseeva A.E. Circus: Legal Regulation and Public Administration / Edited by I.V. Ponkin. – Moscow: Buki Vedi, 2025. – 120 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_156

УДК 791.83; 791.83.01; 791.83:351.854; 791.83.009(100); 791.83; 791.83(4/9); 342; 347; 349; 34.03

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ЯЗЫКА ЦИРКОВОГО ИСКУССТВА
FORMATION OF THE LEGAL LANGUAGE OF CIRCUS ART

МЕЛЬНИКОВА Юлия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Института права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ».
119571, Россия, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 82.
Email: 84995016973@bk.ru;

ФИЛИППОВА Ирина Николаевна,
профессор кафедры пластической выразительности
Театрального института имени Бориса Васильевич Щукина при театре имени Евгения Вахтангова, доцент,
член Гильдии режиссёров и педагогов по пластике.
119002, Россия, г. Москва, Большой Николопесковский пер., 12А стр. 1.
Email: filippova-jazz@rambler.ru;

MELNIKOVA Yulia Vladimirovna,
PhD (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
82, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia.
Email: 84995016973@bk.ru;

FILIPPOVA Irina Nikolaevna,
Professor of the Department of Plastic Expressiveness
at the Boris Vasilyevich Shchukin Theatre Institute at the Vakhtangov Theatre, Associate Professor,
Member of the Guild of Directors and Teachers of Plastic Arts.
12A Bolshoy Nikolopeskovsky Lane, building 1, Moscow, 119002, Russia.
Email: filippova-jazz@rambler.ru

Краткая аннотация: *Настоящее исследование является научной рецензией на монографию А. Э. Моисеевой «Цирк: правовое регулирование и государственное управление» (под редакцией И.В. Понкина. – М: Буки Веди, 2025. 120 с.).*

Abstract: *This article is a review of the monograph "Circus: Legal Regulation and Public Administration" by A. E. Moiseeva (edited by I. V. Ponkin. Moscow: Buki Vedi, 2025. 120 p.).*

Ключевые слова: *цирковое искусство, государственное управление в сфере циркового искусства, правовое регулирование в сфере циркового искусства, государственная культурная политика.*

Keywords: *circus art, public administration in the field of circus art, legal regulation in the field of circus art, and state cultural policy.*

Для цитирования: *Мельникова Ю.В., Филиппова И.Н. Формирование правового языка циркового искусства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 156-158. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_156.*

For citation*: Melnikova Yu.V., Filippova I.N. Formation of the legal language of circus art // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 156-158. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_156.*

Статья поступила в редакцию: 21.01.2026

Моисеева Александра Эдуардовна предлагает уникальный научный труд. Монография «Цирк: правовое регулирование и государственное управление» поражает глубиной проникновения. Автор не просто исследует цирк извне, а вдыхает атмосферу циркового пространства каждой строкой. Стоит отметить, что исследователь потомственная артистка в четвёртом поколении и знает цирковую жизнь изнутри.

Образная манера изложения производит сильное впечатление, завораживает и увлекает читателя. Цирковая арена метафорически обозначается как «страна чудес», что создаёт эмоционально-смысловой ракурс восприятия материала. Язык изложения отличается насыщенностью образов, при этом в тексте цирк осмысляется как «живой организм», что позволяет передать динамику и внутреннюю логику данного вида искусства. Такое описание соответствует очевидной степени погружённости в профессиональную среду и свидетельствует о глубоком знании трюковых и жанровых особенностей. Нарратив формирует эффект присутствия: ощущается запах цирковых опилок, доносятся аплодисменты зрителей и музыка оркестра. Подобная точность и одновременно поэтичность описаний возможна лишь при длительном эмпирическом опыте и внимании к деталям, которые, как правило, остаются незамеченными для посторонних глаз.

Образность научного стиля поражает новизной подхода и сочетает научную строгость с артистической выразительностью. В работе не сухо изложены факты, а создана живая картина цирковой вселенной. Такое понятие, как «цирковой трюк», обретает плоть. Предложенная дефиниция «циркового образа» отличается концептуальной глубиной, так как за внешними атрибутами сценической формы усматривается внутренняя психологическая и ценностная структура артиста. Термины дышат и пульсируют в авторской подаче. При обращении к таким категориям, как «цирковой реквизит», открывается его душа, предмет становится продолжением артиста. Описания цирковых номеров отличаются точностью и эмоциональной насыщенностью. Акцентируется трудоёмкость подготовки и то, какое количество тренировочных часов стоит за минутой выступления. В тексте выдерживается идеальный баланс между эмоциональностью и объективностью. Использование профессиональной лексики осуществляется органично, что свидетельствует о внутренней включенности в отраслевую среду. Предложенные дефиниции обогащают понятийный аппарат исследования и формируют терминологический инструментарий, отражающий сущность циркового искусства. Сформулированные определения обладают потенциалом для последующей научной разработанности и могут выступить опорой для дальнейших исследований в этой

области. За терминологическими конструкциями просматриваются живые люди и их ежедневный труд, а предложения порой напоминают цирковые номера, в них есть динамика и мастерство подачи материала. Отсюда следует, что предложенные дефиниции не оторваны от эмпирического опыта и опираются на фактическую цирковую деятельность. Исследование автора избегает отвлечённой абстракции, что делает формулировки понятийного аппарата выверенными практикой и основанными на внутреннем знании отраслевых процессов.

Профессиональная компетентность исследователя характеризуется выраженной комплексностью. В монографии демонстрируется уверенное владение терминологией, охватывающий весь спектр цирковых жанров, прослеживается понимание специфики каждого направления циркового искусства. Наиболее отчётливо данная компетентность проявляется в разработанной автором классификации моделей цирков, а также цирковых жанров. Предлагается многоуровневая система дифференциации по различным основаниям, позволяющая выявить и сопоставить многообразие форм циркового искусства в их внутренней взаимосвязи. В исследовании последовательно и детализировано раскрывается их эволюционное развитие в историческом контексте.

Клоунада рассматривается как феномен, обладающий значительным смысловым потенциалом. За смехом зрителей считывается серьёзная философская подоплёка, придающая жанру иной масштаб. Роль клоуна выстраивается как посредническая, именно он соединяет артиста и зрителя.

Анализ правовых проблем цирка основан на конкретных кейсах правоприменительной практики. В тексте работы отчётливо прослеживается знание внутренних трудностей международной гастрольной деятельности, включая гастроли с участием животных, визовые ограничения, с которыми исследователь сталкивался как практик. Обращение к зарубежным моделям регулирования цирковой деятельности отличается редкой глубиной и эмпирической насыщенностью. Международные цирковые фестивали рассматриваются не по вторичным источникам, а через призму непосредственного участия и наблюдения. Профессиональная компетентность дополнительно подтверждается сравнительно-правовым анализом международного опыта. Погруженность в проблематику проявляется в анализе зарубежного законодательства, который не ограничивается констатацией фактов, а сопровождается предложениями по гармонизации российских и международных стандартов цирка.

Подход к дрессуре животных характеризуется высокой ответственностью, так как в монографии зоосемиотическое взаимодействие представлено как особый формат коммуникации, словно диалог душ. При этом отдельно фиксируется понимание различий в национальных подходах к дрессуре и обращению с животными, включая нормативные и этико-правовые рамки в разных странах. Проблематика современного цирка рассматривается без идеализации, по данной причине прямо фиксируются вызовы, связанные с ограничительными режимами и запретительными инициативами в отношении использования животных в цирке, одновременно с этим, обозначаются возможные траектории сохранения традиций в изменившихся условиях. Анализ дилемм, связанных с животными в цирке, выстроен аргументировано и последовательно. При этом не игнорируется сама постановка вопроса со стороны оппонентов, однако предлагается более взвешенный и гуманитарно-ориентированный подход. Стоит отметить, что в исследовании сложные юридические и управленческие конструкции излагаются в доступной форме, что обеспечивает методологическую связку между практикой отрасли и теоретическим осмыслением искусства.

Автор блестяще разбирается в деталях циркового быта. В работе продемонстрировано профессиональное владение тонкостями циркового реквизита и оборудования, включая знание технических требований и норм безопасности при использовании аппаратуры. Отдельно отражено понимание эксплуатационных нюансов и рисков использования реквизита в условиях гастрольного режима, особенно за рубежом.

Технические параметры цирковой инфраструктуры раскрываются со значительной степенью детализации, описываются конструктивные особенности шапито и манежей. Подчеркивается взаимосвязь архитектуры с художественной составляющей циркового действа.

Рассмотрение современных технологий в цирковой сфере выстроено в прагматичной и критически выверенной логике. Цифровые инновации оценивается с учетом их функциональной полезности и потенциальных рисков для самой художественной природы цирка. В результате формулируется сбалансированный подход к внедрению технологий в традиционное искусство. Перспектива развития цирка соотносится с синтезом традиций и инноваций, то есть признается необходимость изменений, но при этом предлагаются способы сохранения смыслового ядра и идентичности циркового искусства в новых реалиях.

Автор отлично знает образовательные системы подготовки артистов, понимает сильные и слабые стороны российской цирковой школы, более того рассматривает перспективы развития профессионального образования в этой сфере. Цирк рассматривается как уникальная институциональная среда воспроизводства и передачи знаний. Описываются механизмы преемственности поколений внутри циркового коллектива. Подчеркивается, что традиция в цирке выступает не архивной формой памяти, а действующим ресурсом, органично интегрированным в современные постановки и определяющим их художественно-техническое решение.

В работе проводится анализ как зарубежного, так и российского законодательства, регулирующего цирковую сферу, и формулируются конкретные предложения по совершенствованию нормативной базы России. Цирк описывается как живая система с собственной логикой, как микромир со своими законами и устойчивыми правилами. Проблемы российского цирка фиксируются без идеализации, в связи с этим, прямо констатируется недостаточность и отставание в правовом регулировании. При этом предлагаются практико-ориентированные меры по корректировке сложившейся ситуации в исследуемой отрасли и сохранению здоровой экосистемы циркового искусства. Проработка проблематики подтверждается детальным анализом зарубежного опыта. Иностранные модели регулирования оцениваются без идеализации. Предлагается интеграция наиболее результативных практик с учётом российских правовых условий.

Подход к цирку как инструменту «мягкой силы» носит прикладной характер. Культурной дипломатия рассматривается не в теоретическом ключе, а через призму практической реализуемости. Формулируются конкретные механизмы международного взаимодействия, в том числе

использование упомянутых выше цирковых фестивалей как площадки межкультурной коммуникации. Цирк определяется как пространство диалога культур и инструмент внешних культурных связей, а его потенциал предлагается задействовать посредством конкретных правовых решений в целях продвижений культурных интересов Российской Федерации.

Метафорическая манера изложения позволяет предметно раскрыть специфику циркового труда: физические и эмоциональные нагрузки артистов, а также повседневные элементы цирковой профессии, скрытые за яркой внешней зрелищностью. Автор сочетает академическую строгость с артистической свободой мысли и отражает двойную идентичность учёного и артистки, что обеспечивает органичное владение «языком» права и искусства, и создаёт уникальную синтезированную исследовательскую речь на стыке дисциплин. Тем самым задаётся особый формат научного повествования о цирке, в котором теоретические конструкции подкреплены эмпирической фактурой и профессиональными наблюдениями. Отраслевые знания автора придают исследованию характер значимого вклада в науку о культуре и повышают ее прикладную ценность.

Монография может рассматриваться как методологический и практический ориентир для юристов и управленцев в сфере культуры, поскольку предлагает новое понимание цирка как объекта правового регулирования и сопровождает аналитические выводы конкретными предложениями по решению проблем отрасли. Объём и глубина проработки подтверждаются комплексным охватом истории, теории, практики и правового регулирования. Цирк представлен во всей его структурной сложности и многогранности. Образно-выразительная манера изложения отражает личностную включенность в цирковую среду, воспринимаемую как пространство, определяемое домом. Дополнительно цирк определяется как уникальный инструмент культурной дипломатии в современном условиях, подчеркивается его роль в формировании межкультурного диалога и укрепления связей между народами. Более того, в монографии предлагаются конкретные меры по использования указанного потенциала в интересах России.

Список литературы:

1. Моисеева А.Э. Цирк: правовое регулирование и государственное управление / Под науч. ред. И.В. Понкина. – М.: Буки Веди, 2025. – 120 с.

References:

1. Moiseeva A.E. Circus: Legal Regulation and Public Administration / Edited by I.V. Ponkin. – Moscow: Buki Vedi, 2025. – 120 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_159

УДК 34

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
TECHNOLOGICAL PATRIOTISM AS AN ELEMENT OF STATE POLICY IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION: LEGAL FOUNDATIONS AND MECHANISMS OF FORMATION

НАУМОВ Олег Дмитриевич,
кандидат философских наук, руководитель Единого проектного офиса
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90.
E-mail: stud.ui@kgau.ru;

АЙСНЕР Лариса Юрьевна,
кандидат культурологии, доцент, доцент Единого проектного офиса
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира, 90.
E-mail: stud.ui@kgau.ru;

ЛИСИНА Лариса Георгиевна,
кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, экономики и права
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева».
660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89.
E-mail: lisina@kspu.ru;

NAUMOV Oleg Dmitrievich,
Candidate of Philosophy, Head of the Unified Project Office Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90.
E-mail: stud.ui@kgau.ru;

AISNER Larissa Yurievna,
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Unified Project Office
Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, Krasnoyarsk, Mira Avenue, 90
E-mail: stud.ui@kgau.ru;

LISINA Larissa Georgievna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Economics and Law
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev.
660049, Krasnoyarsk, Ada Lebedeva Street, 89.
E-mail: lisina@kspu.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается феномен технологического патриотизма как системообразующий элемент национальной безопасности и технологического суверенитета Российской Федерации. Анализируется роль системы высшего образования в процессе его формирования под влиянием современных геополитических вызовов и санкционного давления. Исследуется комплекс нормативно-правовых актов, определяющих стратегические ориентиры государственной политики в сфере образования, науки и технологий.*

Abstract*: The article examines the phenomenon of technological patriotism as a system-forming element of national security and technological sovereignty of the Russian Federation. It analyzes the role of the higher education system in the process of its formation under the influence of modern geopolitical challenges and sanctions pressure. The article explores the complex of legal acts that define the strategic guidelines of state policy in the field of education, science, and technology.*

Ключевые слова*: технологический патриотизм, высшее образование, технологический суверенитет, национальная безопасность, государственная политика, нормативно-правовое регулирование.*

Keywords: *technological patriotism, higher education, technological sovereignty, national security, state policy, legal regulation.*

Для цитирования: *Наумов О.Д., Айснер Л.Ю., Лисина Л.Г. Технологический патриотизм как элемент государственной политики в сфере высшего образования: правовые основы и механизмы формирования // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 159-161. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_159.*

For citation*: Naumov O.D., Aisner L.Yu., Lisina L.G. Technological patriotism as an element of state policy in the field of higher education: legal foundations and mechanisms of formation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 159-161. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_159.*

Статья поступила в редакцию: 27.12.2025

Современная геополитическая реальность, характеризующаяся усилением санкционного давления и глобальной технологической конкуренцией, актуализировала для Российской Федерации задачу обеспечения технологического суверенитета. В этих условиях на первый план выходит не только развитие собственной научно-технической базы, но и формирование нового типа сознания у специалистов, обеспечивающих это развитие. Таким образом, категория «технологический патриотизм» из общественно-политического дискурса перешла в разряд стратегических государственных приоритетов.

Технологический патриотизм можно определить как осознанную гражданскую позицию, основанную на вере в возможности отечественной науки и техники, готовности к созданию и внедрению конкурентоспособных российских технологий, а также на стремлении лично участвовать в укреплении технологической независимости страны. Система высшего образования, являясь ключевым институтом социализации и

подготовки кадров, играет в формировании этого качества решающую роль.

Несмотря на провозглашение технологического патриотизма в качестве приоритета государственной политики России, в настоящее время отсутствует комплексное научное представление о механизмах и эффективности его реализации в системе высшего образования. Существует противоречие между декларируемой целью формирования у студентов профессионально-ценностной ориентации на развитие национального технологического суверенитета и реальными педагогическими, управленческими и содержательными практиками в вузах. Это приводит к фрагментарности, формализму и низкой результативности воспитательной работы в данном направлении, что в условиях геополитической турбулентности и санкционного давления создает риски для достижения стратегических целей технологического развития страны.

Целью настоящего исследования является анализ государственно-правовых и практических механизмов формирования технологического патриотизма в российских вузах, оценка их эффективности на основе статистических данных и формулирование обоснованных выводов.

Государственная политика в сфере формирования технологического патриотизма реализуется через систему стратегических и программных документов. Фундаментальное значение имеет Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1]. В нем были закреплены ключевые ориентиры, такие как обеспечение ускоренного технологического развития и вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира, что невозможно без опоры на собственные технологические силы.

Дальнейшее развитие эти идеи получили в Распоряжении Правительства РФ от 20.05.2023 N 1315-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») [2]. Среди национальных целей выделены «возможности для самореализации и развития талантов», а также «цифровая трансформация», что напрямую коррелирует с задачами высшей школы по подготовке мотивированных IT-специалистов и инженеров. Данный документ напрямую апеллирует к необходимости «формирования технологического патриотизма» и определяет его как один из ключевых принципов государственной политики. В Концепции подчеркивается важность создания «системы мотивации и поддержки» граждан, ориентированных на работу в приоритетных технологических областях.

Важным практическим инструментом является государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», в рамках которой реализуются такие проекты, как «Передовые инженерные школы» (ПИШ) [3]. Создание ПИШ на базе ведущих технических вузов (в 2022 году запущено 30 школ, в 2023-м – еще 20) [4] направлено не только на подготовку инженерной элиты, но и на воспитание у студентов приверженности решению конкретных задач отечественной промышленности.

Система высшего образования формирует технологический патриотизм через три основных канала: образовательные программы, научно-исследовательскую деятельность и внеучебную работу.

1. Обновление содержания образовательных программ. В ответ на санкционные ограничения произошла массовая переориентация с зарубежного программного обеспечения и технологий на отечественные аналоги. Согласно данным мониторинга Минобрнауки России, за 2021-2023 гг. более 500 вузов провели работу по актуализации учебных планов и рабочих программ дисциплин в IT, инженерии, машиностроении, микроэлектронике и других областях с фокусом на российские разработки [5]. Доля использования отечественного ПО в IT-дисциплинах в 2023 году достигла, по экспертным оценкам, 70% против 25% в 2020 году.

2. Научно-исследовательская деятельность. Рост объемов финансирования науки через гранты Российского научного фонда (РНФ) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), а также в рамках федеральных целевых программ стимулирует вовлечение студентов и аспирантов в решение актуальных для страны задач. Объем внутренних затрат на исследования и разработки в России в 2023 году составил около 4,1 трлн рублей, увеличившись по сравнению с 2020 годом на более чем 25% в номинальном выражении [6]. При этом доля молодых исследователей (до 39 лет) в общей численности персонала, занятого исследованиями и разработками, стабильно превышает 43%.

3. Внеучебная и воспитательная работа. С 2021 года в соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» [7] все вузы обязаны разрабатывать и реализовывать рабочие программы воспитания. В них включаются модули, направленные на формирование гражданской идентичности и патриотизма, в том числе и в его технологическом измерении. Активно развиваются студенческие объединения, такие как «Российские студенческие отряды», вовлекающие молодежь в масштабные всероссийские проекты, в том числе в сфере IT и строительства.

Показательным является рост интереса абитуриентов к инженерно-техническим и IT-специальностям. В 2023 году средний проходной балл ЕГЭ на бюджетные места по направлениям «Информатика и вычислительная техника», «Информационная безопасность» и «Радиотехника» превысил 87 баллов, что свидетельствует о высокой конкуренции и осознанном выборе талантливых выпускников в пользу технологических профессий [8]. Количество поданных заявлений на IT-направления в 2023 году выросло на 15% по сравнению с 2021 годом.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Формирование технологического патриотизма является не стихийным процессом, а целенаправленной государственной политикой, закрепленной в системе стратегических и нормативно-правовых актов (Указы Президента № 204 и № 474, Концепция технологического развития и др.).

2. Система высшего образования выступает ключевым инструментом реализации данной политики, интегрируя ее цели в образовательные стандарты, научную деятельность и воспитательную работу.

3. Статистические данные за 2021-2023 годы подтверждают положительную динамику: рост интереса абитуриентов к техническим

специальностям, увеличение доли использования отечественного ПО в учебном процессе, рост финансирования науки и вовлеченности молодежи в исследовательские проекты.

4. Несмотря на достигнутые успехи, сохраняются вызовы, такие как необходимость дальнейшего опережающего развития материально-технической базы вузов, усиления интеграции с реальным сектором экономики и противодействия «утечке мозгов».

Таким образом, формирование технологического патриотизма в системе высшего образования представляет собой комплексный, многомерный процесс, инициированный государством и поддерживаемый на институциональном уровне. Его дальнейшее эффективное развитие будет зависеть от слаженности действий законодательной и исполнительной власти, вузовского сообщества и бизнес-структур, что в конечном итоге определяет конкурентоспособность и технологический суверенитет Российской Федерации.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/73986?erid=2SDnjc45hpG (дата обращения: 15.12.2025).
2. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 N 1315-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 15.12.2025).
3. Официальный сайт проекта «Передовые инженерные школы» [Электронный ресурс]. – URL: https://engineers2030.ru/ (дата обращения: 15.12.2025).
4. Садовничий В.А. Университеты как ключевой фактор в системе подготовки кадров для обеспечения технологического суверенитета России / В.А. Садовничий // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2024. Т. 22, № 1. С. 9–25
5. Данные мониторинга Министерства науки и высшего образования РФ «О внедрении отечественного программного обеспечения в образовательный процесс» (2023 г.) // Информационно-аналитические материалы Минобрнауки России.
6. Данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) «Индикаторы науки: 2023» [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.12.2025).
7. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788 (дата обращения: 15.12.2025).
8. Статистические данные мониторинга качества приема в вузы НИУ ВШЭ за 2021-2024 гг. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/ege2024/ (дата обращения: 15.12.2025).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2024, No. 309 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the period up to 2036» [Electronic resource]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/73986?erid=2SDnjc45hpG (accessed on 15.12.2025).
2. Order of the Government of the Russian Federation No. 1315-r dated 20.05.2023 (as amended on 21.10.2024) «On Approval of the Concept of Technological Development for the Period up to 2030» (together with the «Concept of Technological Development for the Period up to 2030») [Electronic resource]. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (accessed: 15.12.2025).
3. Official website of the Advanced Engineering Schools project [Electronic resource]. – URL: https://engineers2030.ru/ (accessed on 15.12.2025).
4. Sadovnichy, V.A. Universities as a Key Factor in the System of Training Personnel to Ensure Russia's Technological Sovereignty / V.A. Sadovnichy // Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education. 2024. T. 22, No. 1. Pp. 9–25
5. Monitoring data from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the implementation of domestic software in the educational process (2023) // Information and analytical materials from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.
6. Data from the Federal State Statistics Service (Rosstat) on Science Indicators: 2023 [Electronic resource]. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (accessed: 15.12.2025).
7. Federal Law No. 304-FZ dated July 31, 2020, «On Amendments to the Federal Law 'On Education in the Russian Federation' Regarding the Education of Students» [Electronic resource]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788 (accessed: 15.12.2025).
8. Statistical data on the quality of admission to HSE universities for 2021-2024. [Electronic resource]. – URL: https://www.hse.ru/ege2024/ (accessed on 15.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_162

УДК 342

СТАДИИ И УЧАСТНИКИ РАЗРЕШИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА
STAGES AND PARTICIPANTS OF LICENSING PROCEEDINGS

ШОКУР Андрей Владимирович,
старший преподаватель Высшей школы публичного права, юридический институт
ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет.
680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.
E-mail: 013156@tofgudv.ru;

SHOKUR Andrey Vladimirovich,
Senior Lecturer at the Higher School of Public Law, Law Institute Pacific National University.
680042, Russia, Khabarovsk, Pacific Street, 136.
E-mail: 013156@togudv.ru

Краткая аннотация: *В статье осуществляется детальный административно-правовой анализ процессуальной архитектоники разрешительного производства. Автором последовательно исследуются его обязательные и факультативные стадии — от инициирования и формальной проверки документов до принятия итогового решения, его выдачи и возможного последующего пересмотра. Особое внимание уделяется специфическому субъектному составу данного производства: анализируется правовой статус уполномоченного органа власти (разрешителя), права и обязанности заявителя (соискателя разрешения), а также роль иных участников (экспертных организаций, контролирующих органов, третьих лиц). Целью исследования является систематизация процессуальных этапов и классификация участников, что позволяет выявить проблемные аспекты на каждой стадии и сформулировать предложения по оптимизации процедур для обеспечения баланса между публичными интересами безопасности и эффективностью предпринимательской деятельности.*

Abstract: *The article provides a detailed administrative and legal analysis of the procedural architectonics of licensing proceedings. The author consistently examines its mandatory and optional stages — from the initiation and formal verification of documents to the final decision, its issuance and possible subsequent revision. Special attention is paid to the specific subject matter of this proceeding: the legal status of the authorized authority (authorizer), the rights and obligations of the applicant (applicant for permission), as well as the role of other participants (expert organizations, regulatory authorities, third parties) is analyzed. The purpose of the study is to systematize the procedural stages and classify the participants, which makes it possible to identify problematic aspects at each stage and formulate proposals for optimizing procedures to ensure a balance between public interests of safety and business efficiency.*

Ключевые слова: *разрешительное производство, административная процедура, стадии разрешительного производства, участники производства.*

Keywords: *licensing proceedings, administrative procedure, stages of licensing proceedings, production participants.*

Для цитирования: *Шокур А.В. Стадии и участники разрешительного производства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 162-164. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_162.*

For citation*: Shokur A.V. Stages and participants of licensing proceedings // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 162-164. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_162.*

Статья поступила в редакцию: 11.01.2026

Современная модель государственного управления характеризуется расширением сферы контрольно-разрешительных полномочий, призванных обеспечить баланс между свободой экономической деятельности и публичными интересами безопасности, здоровья и правопорядка. В этом контексте разрешительное производство выступает ключевым административно-процессуальным механизмом, опосредующим легитимацию потенциально опасных видов деятельности. Однако его эффективность напрямую зависит от четкости процедурной регламентации и определенности правового статуса вовлеченных субъектов.

Несмотря на детальную разработку общих вопросов административного процесса, комплексный структурно-функциональный анализ именно разрешительного производства — его поэтапной динамики и специфики взаимодействия участников — остается недостаточно представленным в научной литературе. Восполнение данного пробела видится в целенаправленном исследовании последовательности (стадий) данного производства и правового положения его субъектов, что и составляет цель настоящей статьи. Подобный подход позволит не только систематизировать теоретические знания, но и выявить практические коллизии и предложить пути совершенствования соответствующих административных регламентов.

Говоря о ключевых участниках административно-правового явления, исследуемого автором, то есть о государственных структурах, стоит сделать акцент на функционале осуществляемых ими действий, представляющих собой следующее:

- консультирование заявителей по тем или иным возникшим у них вопросам, касающихся, непосредственно, получения разрешений;

- установление строгорегламентированных форм заявлений на выдачу какого-то определенного разрешения;

- установление определенных требований, условий, нормативов, правил, а также дальнейшая проверка им соответствия;

- осуществление различных мониторинговых мероприятий;

- и, непосредственно, само разрешение, сертификация, аккредитация определенных законом РФ видов деятельности.

Конечно, когда мы говорим о государственных органах, стоит также уделять внимание, что отдельные вопросы, касающиеся разрешительного производства, решаются как федеральными, так и территориальными органами, помимо этого, между собой, структуры осуществляют и межведомственный обмен информацией и данными [5].

Когда речь идет о юридическом или физическом лице, внимание стоит уделить их обязательному соответствию требованиям и стандартам. Так как подобное условие является ключевым, потенциальные обладатели разрешения делают для этого все от себя зависящее.

А также отдельным пунктом следует выделить предоставление определенного перечня документов, подтверждающих обладание специальной правоспособностью таких лиц.

Все это необходимо для подробного, качественного изучения властными субъектами в целях предоставления не противоречащих закону разрешений. Можно даже отметить, что российским законодательством предусмотрено специальное регулирование отдельных видов деятельности.

При возбуждении разрешительного производства у соискателя разрешения возникает определенный административно-правовой статус. То есть после обращения в специальноуполномоченные органы с заявлением, у лица возникают права и обязанности по соблюдению стандартов и требований. Соответственно, если после получения разрешения субъект такого права совершает правонарушения или же преступления, то он привлекается к ответственности в порядке административного [2], уголовного [4] процесса [3].

Важным положением в рассмотрении разрешительного производства является помимо всего прочего и разграничения между правообладателем (владельцем интеллектуальной собственности) и заявителем. Тогда как в первом случае у лица уже есть искомые права и он в дальнейшем предоставляет разрешение на использование своих прав и обязан, после, конечно же, проверки соответствия заявителя запросам и требованиям для получения соответствующего разрешения, а второй вариант только ходатайствует о таком получении путем подачи заявления и предоставления всех необходимых в соответствии с законодательством сведений.

Представительство. Институт права, особый процесс, в рамках которого представлять интересы соискателя разрешения могут коммерческие или некоммерческие организации, но лишь по отдельным вопросам, и при условии, что личное участие заявителя для этого не требуется согласно закону. Например, в случаях подачи заявления или же предоставления каких-то сведений.

И третью категорию участников будут представлять граждане, которым для получения разрешения на осуществление определенной деятельности не требуется регистрация в виде юридического лица или индивидуального предпринимателя. При такой варианте речь идет, когда разрешение выдается на управление каким-то транспортом (водительское удостоверение) или на обладание оружием.

Таким образом, можно сделать вывод, что разрешительное производство предусматривает наличие нескольких групп участников такого процесса, каждый из которых обладает определенным административно-правовым статусом.

Разрешительное производство, как и любое другое, осуществляется публичными органами власти в несколько этапов, каждый из которых имеет характерные только для него черты.

После анализа различных нормативно-правовых и научных трудов можно сделать вывод, что стадии, которые принято выделять при осуществлении разрешительного производства выглядят следующим образом:

1) возбуждение дела о выдаче или отзыве разрешения;

2) рассмотрение, так называемого, разрешительного дела, то есть необходимых документов;

3) принятие решения по делу;

4) и само исполнение решения.

Многие юристы объединяют, например, вторую и третью стадию в одну, и тогда сам процесс производства выглядит несколько иначе [8].

Предшествующим действием, которое собственно служит результатом возбуждения разрешительного производства служит подача соответствующего ходатайства о выдаче разрешения на осуществление того или иного вида деятельности.

Стоит отметить, что начатым дело считается с момента подачи заявления, но только в случае, если оно получило положительный ответ, если же ответ был отрицательным – лицу отказывают в принципе в возбуждении такого процесса.

В разрешительном производстве самой ответственной принято считать именно вторую стадию – рассмотрение дела. Так как на этом этапе органами проводится проверка соблюдения всех требованиям законодательства, а также соответствие подданными документов нормативам.

То есть необходимым является подтверждение:

-квалификационной подготовки;

-наличие материальной и технической базы (финансовой состоятельности лица).

Контроль и мониторинг осуществляться в формате плановых и внеплановых проверок. В первом случае – это идет оценка достоверности документарной части, в то время как при внеплановых, которые могут осуществляться органами даже без согласия с прокуратурой, проверяются какие-то помещения, предметы, применяемые при осуществлении деятельности и другие объекты.

В особых случаях, может также проводиться особая экспертиза, это когда речь пойдет, например, о деятельности по шифрованию сведений, содержащих государственную тайну.

Третья стадия – это принятие решения по делу. Тут либо выдается разрешение, либо выносится отказ в его выдаче и получении. Такой ответ всегда обоснован каким-то несоответствием тому или иному законному требованию.

О выдаче разрешения специальноуполномоченным органом выносится соответствующий документ – распоряжение, приказ или подобное.

Разрешение, сертификат и иные подобные документы оформляются в установленном Правительством РФ формате – бланке официального образца.

Исполнение решения по делу заключается в непосредственном внесении сведений в реестр, в зависимости от вида деятельности. Осуществляться работу, для которой было выдано разрешение, можно уже после внесения данных.

После исполнения решения о выдаче разрешения лицо получает право заниматься тем, на что выдано разрешение, а компетентные субъекты публичной власти приобретают право осуществлять надзор за соблюдением соответствующих правил и условий.

Таким образом, можно сделать вывод, что весь процесс разрешительного производства происходит в несколько стадий, которые между собой тесно связаны и плавно переходят одна от другой. Реализация разрешительного производства в несколько стадий позволяет говорить об открытости такого процесса, его так называемой прозрачности и законности.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. – 2020. – № 144.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.04.2024).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1,2,3,4) от 30.11.1994 № 51- ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.04.2024).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.04.2024).
5. О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2025).
6. Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации: учебник для вузов / Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров. – М: Юрайт. – 2023. — 456 с.
7. Россинский Б.В. Административное право: учебник для вузов. / Б.В. Россинский. – М.: Норма. – 2020. – 640 с.
8. Стахов А. И. Административное право России: учебник и практикум для вузов. / А. И. Стахов. П. И. Кононова. – М.: Юрайт. – 2020. – 484 с.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020 // Rossiyskaya gazeta. – 2020. – No. 144.
2. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – Access mode: http://pravo.gov.ru (date of request: 04/07/2024).
3. The Civil Code of the Russian Federation (part 1,2,3,4) dated 11/30/1994 No. 51- FZ [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – Access mode: http://pravo.gov.ru (date of application: 04/07/2024).
4. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – Access mode: http://pravo.gov.ru (date of request: 04/07/2024).
5. On licensing of certain types of activities: Federal Law No. 99-FZ dated 05/04/2011 [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – Access mode: http://pravo.gov.ru (date of reference: 09/07/2025).
6. Migachev Yu. I. Administrative law of the Russian Federation: textbook for universities / Yu. I. Migachev, L. L. Popov, S. V. Tikhomirov. Moscow: Yurait, 2023, 456 p.
7. Rossinsky B.V. Administrative law: textbook for universities. / B.V. Rossinsky. – M.: Norm. - 2020. – 640 p.
8. Stakhov A. I. Administrative law of Russia: textbook and workshop for universities. / A. I. Stakhov. P. I. Kononova. – M.: Yurayt. – 2020. – 484 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_165

УДК 349.2

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ВОДИТЕЛЕЙ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА: ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ НОРМ О РАБОЧЕМ ВРЕМЕНИ И ВРЕМЕНИ ОТДЫХА
FEATURES OF LEGAL REGULATION OF LABOR OF DRIVERS OF MOTOR TRANSPORT: PROBLEMS OF COMPLIANCE WITH STANDARDS ON WORKING HOURS AND REST TIME

БЕРМАН Нина Демидовна,
старший преподаватель Высшей школы транспортных систем и технологий,
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет».
680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
E-mail: 000650@togudv.ru

ГУАНЬ Чжэнцзиюань,
магистрант Высшей школы транспортных систем и технологий,
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет».
680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
E-mail: 2022104864@togudv.ru

BERMAN Nina Demidovna,
Senior Lecturer, Graduate School of Transport Systems and Technologies,
Pacific National University.
136 Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680035, Russia.
Email: 000650@togudv.ru

GUAN Zhengjiyuan,
Master's Student, Graduate School of Transport Systems and Technologies,
Pacific National University.
136 Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680035, Russia.
Email: 2022104864@togudv.ru

Краткая аннотация: *В статье проведён сравнительно-правовой анализ регулирования рабочего времени и отдыха водителей автомобильного транспорта в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Рассмотрены положения трудового и транспортного законодательства обеих стран: Трудовой кодекс РФ, Закон КНР «О труде», приказ Минтранса России № 424 и нормы китайских Правил дорожного движения. Определены основные сходства и различия: в России действует жёстко нормированный режим (до 9–10 часов управления в сутки, перерыв 45 минут после 4,5 часов езды), в Китае – стандарт 8 часов работы и 44 часа в неделю с возможностью гибкого учёта и обязательным перерывом не реже чем через 4 часа вождения. Выявлены проблемы правоприменения: затруднён контроль переработок и оплаты сверхурочных, сохраняются нарушения режима труда и отдыха. Предложены меры по усилению ответственности работодателей, внедрению цифрового мониторинга и сближению подходов двух стран для повышения безопасности движения и защиты здоровья водителей.*

Abstract*: This article provides a comparative legal analysis of the regulation of working hours and rest periods for drivers of motor vehicles in the Russian Federation and the People's Republic of China. It examines the provisions of the labor and transport legislation of both countries, including the Labor Code of the Russian Federation, the Labor Law of the People's Republic of China, Order No. 424 of the Ministry of Transport of Russia, and the provisions of the Chinese Traffic Regulations. Key similarities and differences are identified: Russia has a strictly regulated regime (up to 9-10 hours of driving per day, with a 45-minute break after 4.5 hours of driving), while China has a standard of 8 hours of work and 44 hours per week with flexible accounting options and a mandatory break at least every 4 hours of driving. Enforcement issues are identified: monitoring overtime and overtime pay is difficult, and violations of work and rest periods persist. Measures are proposed to strengthen employer liability, implement digital monitoring, and harmonize the approaches of the two countries to improve road safety and protect the health of drivers.*

Ключевые слова: *трудовое законодательство, рабочее время водителей, время отдыха, суммированный учёт рабочего времени, сверхурочная работа, режим труда и отдыха, Российская Федерация, Китайская Народная Республика.*

Key words*: labor legislation, drivers' working hours, rest time, summarized accounting of working hours, overtime work, work and rest regime, Russian Federation, People's Republic of China.*

Для цитирования: *Берман Н.Д., Гуань Ч. Особенности правового регулирования труда водителей автомобильного транспорта: проблемы соблюдения норм о рабочем времени и времени отдыха // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 165-169. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_165.*

For citation*: Berman N.D., Guan Zh. Features of legal regulation of labor of drivers of motor transport: problems of compliance with standards on working hours and rest time // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 165-169. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_165.*

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения безопасных условий труда водителей и предотвращения случаев переработки и хронической усталости, которые могут привести к авариям. В России в последние годы нормативная база претерпела изменения: введён приказ Минтранса № 424 (2020 г.), который детально регламентирует режимы работы и отдыха водителей, приближая их к европейским стандартам. В

Китае, напротив, долгое время действовали только общие нормы трудового законодательства (8-часовой рабочий день) и положения дорожного права о недопустимости непрерывного вождения более 4 часов без перерыва. Однако в ответ на участившиеся случаи «усталого вождения» китайские власти также усиливают регулирование: с 2022 года введена норма о пределе суммарного времени управления в 24 часа (не более 8 часов) через систему штрафных баллов для водителей.

Цель исследования – выявить и проанализировать особенности правового регулирования режима рабочего времени и времени отдыха водителей автотранспорта в РФ и КНР, а также связанные с ними проблемы правоприменения.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи необходимо изучить действующие нормативные правовые акты России и Китая, устанавливающие нормы рабочего времени, перерывы и отдых для водителей, провести сравнительный анализ ключевых положений, выявить проблемы соблюдения этих норм на практике в каждой из стран, включая сложности контроля и ответственности за нарушения.

Материалы и методы

Исследование опирается на анализ нормативно-правовых актов и доктринальных источников РФ и КНР (состояние на декабрь 2025 г.).

РФ: Трудовой кодекс РФ (в т.ч. ст. 99, 103, 104), Федеральный закон № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», КоАП РФ (ст. 11.23), Приказ Минтранса России от 16.10.2020 № 424 (ред. 12.01.2022) как ключевой акт, регламентирующий режим труда и отдыха водителей; официальные разъяснения Ространснадзора и профессиональные комментарии.

КНР: Закон КНР «О труде» 1994 г. (ст. 36–44), включая нормы о стандартной продолжительности рабочего времени, еженедельном отдыхе, специальных режимах и сверхурочной работе; Закон КНР «О дорожном движении и безопасности» и Правила дорожного движения (Постановление Госсовета № 405, 2004) – требования к непрерывному вождению и перерывам; подзаконные акты МОБ КНР (Приказ № 163, 2021) – система штрафных баллов, в т.ч. за суммарное вождение свыше 8 часов/24 ч; ведомственные нормы Минтранса по пассажирским перевозкам (строгие ограничения для ночного времени).

Использован метод сравнительного правоведения: сопоставление нормативных требований РФ и КНР, выявление общих принципов, различий и отраслевой специфики. Применялись формально-юридический анализ норм, их иерархии и правоприменительных разъяснений, а также функциональный подход (связь трудовых режимов с требованиями дорожной безопасности). Официальные тексты законов и подзаконных актов (оригиналы и авторитетные переводы), правоприменительные разъяснения, научные публикации и комментарии из российских и китайских баз данных (РИНЦ, eLibrary, CyberLeninka, CNKI, PKULaw и др.), посвящённые режимам труда водителей и обеспечению безопасности автоперевозок.

Результаты исследования

Правовое регулирование труда водителей в Российской Федерации основано на общих нормах трудового законодательства с учётом специальных положений, обусловленных характером их деятельности. В соответствии со статьёй 91 Трудового кодекса РФ и пунктом 5 Особенностей, утверждённых приказом Минтранса России № 424, нормальная продолжительность рабочего времени водителя не должна превышать 40 часов в неделю.[1]

С учётом специфики транспортной работы допускается введение суммированного учёта рабочего времени (ст. 104 ТК РФ), когда фиксированная продолжительность ежедневной работы заменяется учётным периодом — как правило, одним месяцем. С согласия выборного органа профсоюза этот период может быть увеличен до трёх месяцев. При этом общее количество отработанных часов не может превышать установленную норму (в среднем 160–172 часа в месяц).[2]

Максимальная продолжительность управления транспортным средством в пределах 24 часов составляет 9 часов, допускается увеличение до 10 часов не более двух раз в неделю (п. 10 Приказа № 424). Общая недельная норма времени управления не должна превышать 56 часов, а за любые две последовательные недели — 90 часов (п. 12 Приказа № 424). В исключительных случаях допускается превышение установленного времени не более чем на 2 часа для завершения рейса или прибытия к стоянке (п. 11 Приказа № 424).

В течение смены водителю предоставляется перерыв для отдыха и питания продолжительностью не менее 30 минут; при смене свыше 8 часов допускается два перерыва суммарной продолжительностью до 2 часов. Кроме того, после 4 часов 30 минут непрерывного управления водитель обязан сделать перерыв не менее 45 минут, который может быть разделён на две части — 15 и 30 минут (п. 28–32 Приказа № 424).

Ежедневный (междусменный) отдых должен составлять не менее 11 последовательных часов, допускается сокращение до 9 часов не чаще трёх раз между еженедельными периодами отдыха (п. 33–34 Приказа № 424). Для экипажей допускается удлинённый период до 30 часов, в течение которого каждый водитель обязан иметь не менее 9 часов непрерывного отдыха (п. 35 Приказа № 424). Еженедельный отдых должен быть не менее 45 часов; сокращение до 24 часов допускается один раз в две недели с обязательной последующей компенсацией (п. 37–39 Приказа № 424). Действие указанных норм не распространяется на отдельные категории водителей: служебных автомобилей органов власти, международных перевозок, спецтранспорта (пожарные, медицинские, аварийно-спасательные автомобили), а также водителей, работающих на закрытых территориях предприятий (п. 1 Приказа № 424).

Таким образом, современная система регулирования труда водителей в России ориентирована на обеспечение безопасности дорожного

[1] Об утверждении Особенностей режима рабочего времени и времени отдыха, условий труда водителей автомобилей: приказ Минтранса России от 16.10.2020 № 424 (в ред. от 12.01.2022 № 5) // Российская газета. 2021. № 20. 03 февраля. Офиц. публикация.
[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. действ.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3. Офиц. текст.

движения, предотвращение переработок и гармонизирована с международными стандартами (ЕСТР и Регламент ЕС № 561/2006).

Правовое регулирование труда водителей в Китайской Народной Республике основывается на положениях Закона КНР «О труде», который устанавливает общие нормы продолжительности рабочего времени: не более восьми часов в день и в среднем не более сорока четырёх часов в неделю (ст. 36). Кроме того, статья 38 предусматривает право каждого работника на еженедельный непрерывный отдых продолжительностью не менее двадцати четырёх часов. Таким образом, китайская модель рабочего времени сочетает классический восьмичасовой рабочий день с минимальной гарантией еженедельного отдыха в одни сутки.[1]

В соответствии со статьёй 39 Закона о труде, предприятия, по характеру деятельности не способные соблюдать стандартную норму рабочего времени, могут по разрешению органов трудовой администрации применять особые режимы. На практике это реализуется в двух формах: комплексного (суммированного) учёта рабочего времени (综合计算工时制) и ненормированного (гибкого) режима (不定时工作制). Первый позволяет учитывать рабочие часы в среднем за определённый период (например, месяц или квартал), при условии что средняя дневная и недельная продолжительность не превышает установленные законом пределы. Второй применяется в отношении работников, чья деятельность не поддаётся точному нормированию, – в частности, водителей дальнего следования и такси.[2]

Трудовое законодательство КНР также содержит ограничения на сверхурочную работу. Согласно статье 41, работодатель вправе привлекать работников к труду сверх нормальной продолжительности только с их согласия и с одобрения профсоюза. При этом продолжительность сверхурочной работы не может превышать одного часа в день, а в исключительных случаях — трёх часов, но суммарно не более тридцати шести часов в месяц. За сверхурочные часы предусмотрена повышенная оплата: не менее 150% ставки за переработку, 200% – за работу в выходной день при отсутствии отгула и 300% — за труд в официальный праздник (ст. 44).[3] В соответствии с пунктом 62 Правил к Закону КНР «О дорожной безопасности», водителю запрещается непрерывно управлять транспортным средством более четырёх часов без последующего отдыха не менее двадцати минут. Для водителей пассажирских автобусов и перевозчиков опасных грузов установлены более строгие санкции. Дополнительно нормативные акты Министерства транспорта КНР ограничивают ночное управление: с 22:00 до 5:00 водитель автобуса не может вести транспорт более двух часов подряд без перерыва. С 2021 года в систему контроля дорожных нарушений введено положение о максимальном общем времени управления — не более восьми часов в сутки. Превышение этого лимита также влечёт штрафные баллы, что фактически приравнивает суточную норму вождения к трудовой норме рабочего дня.[4] Ответственность за нарушение режима труда и отдыха в Китае возлагается прежде всего на водителя. За «утомлённое вождение» предусмотрен штраф (около 200 юаней) и вычет баллов; при повторных нарушениях возможно лишение права управления. В случаях, когда водитель является наёмным работником, органы трудовой инспекции могут также привлекать работодателя к ответственности за систематические переработки.[5]

Приведённые в таблице данные отражают состояние нормативной базы на 2025 год. Как видно, российское регулирование более детализировано (многочисленные количественные ограничения, разбивка по периодам), тогда как китайское регулирование основывается на общих положениях трудового права, дополняемых требованиями дорожной безопасности. Тем не менее в последние годы заметна тенденция сближения: Китай вводит конкретные лимиты через подзаконные акты (8 часов в сутки за рулём, 2 часа ночью для автобусов и т.п.), фактически перенимая элементы европейского подхода.[6]

Таблица

Сравнение правовых норм РФ и КНР

Аспект регулирования	Российская Федерация	Китайская Народная Республика
Нормальная рабочая неделя	40 часов в неделю	44 часа в неделю (средне; стандарт – 8 ч/день, 5,5 дней в неделю)
Ежедневная продолжительность работы	8 часов обычно; при суммированном учёте конкретный день может превышать 8 ч. Макси-	8 часов (стандартно по закону) Может превышаться при утверждении гибкого или комплексного режима (в пределах

[1] Закон Китайской Народной Республики «О труде» (中华人民共和国劳动法) [Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó Láodòng Fǎ] от 05.07.1994 (вступил в силу 01.01.1995). Офиц. текст; рус. пер.: Цай И. Закон КНР о труде // Ваш переводчик в Китае. URL: https://chinaperevod.com/law/glava-4-rezhim-truda-i-otdyha (дата обращения: 18.10.2025).

[2] Приказ Министерства общественной безопасности КНР № 163 «Порядок начисления штрафных баллов за нарушения дорожного движения» (中华人民共和国公安部令第163号《道路交通安全违法行为记分管理办法》) [Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó Gōng'ānbù lìng dì 163 hào…] от 17.12.2021 (действует с 01.04.2022) // Государственный вестник КНР (国务院公报). 2022. № 8. Офиц. публикация. URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2022/content_5679697.htm (дата обращения: 18.10.2025).

[3] Закон Китайской Народной Республики «О труде» (中华人民共和国劳动法) [Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó Láodòng Fǎ] от 05.07.1994 (вступил в силу 01.01.1995). Офиц. текст; рус. пер.: Цай И. Закон КНР о труде // Ваш переводчик в Китае. URL: https://chinaperevod.com/law/glava-4-rezhim-truda-i-otdyha (дата обращения: 18.10.2025).

[4] Нормы безопасности управления для предприятий автомобильных пассажирских перевозок (道路旅客运输企业安全管理规范) [Dàolù lǚkè yùnshū qǐyè ānquán guǎnlǐ guīfàn; «Нормы безопасности управления для предприятий автопассажирских перевозок»]. Пекин: Министерство транспорта КНР, 2018. Офиц. текст.

[5] Jiàshǐyuán píláo jiàshǐ biāozhǔn de hédìng — liúyán zīxún (驾驶员疲劳驾驶标准的核定 — 留言咨询) [«Определение стандарта “усталого вождения” — ответы на вопросы»] // Министерство транспорта КНР (交通运输部). Офиц. разъяснение. URL://www.mot.gov.cn/liuyanzixun/201911/t20191105_3330100.html (дата обращения: 18.10.2025).

[6] Кузёма М. Зелёный свет китайским фурам? Почему новые правила международных перевозок опасны для российских транспортных компаний // EastRussia. 12.02.2025. URL: https://www.eastrussia.ru/material/zelenyy-svet-kitayskim-furam/ (дата обращения: 18.10.2025).

Аспект регулирования	Российская Федерация	Китайская Народная Республика
	мум смены при суммированном учёте: 10 часов (общий случай); до 12 часов в отдельных случаях (вахта, такси, медицина и др.).	разрешения трудовых органов, без конкретного общего лимита, но ограничено средней нормой и требованиями охраны труда).
Суммированный/комплексный учёт	Разрешён для водителей. Учетный период – 1 месяц, максимум 3 месяца с согласия профсоюза.	Разрешён с санкции органов труда (ст. 39 Закона о труде). Период может устанавливаться различный (месяц, квартал, год) в зависимости от разрешения.
Максимум управления в сутки	9 часов за 24 часа (10 часов не более 2 раз в неделю).	8 часов (с 2022 г. введена ответственность за >8 ч вождения в сутки).
Максимум управления в неделю	56 часов в неделю, 90 часов за 2 любые недели.	По трудовому праву – 44 часа работы (но может включать не только вождение). Специального лимита часов вождения в неделю нет, хотя проект поправок предлагает ограничить, например, для автобусов и опасных грузов – 8 ч/сутки, значит ~56 ч/нед.
Непрерывное вождение (без перерыва)	Не более 4 часов 30 минут, затем перерыв ≥45 мин.	Не более 4 часов, затем перерыв ≥20 мин. Для ночного времени на автобусах – не более 2 ч без перерыва.
Перерывы в течение смены	≥30 мин (или два по сумме 30–120 мин при смене >8 ч). Не включаются в рабочее время.	≥20 мин (после каждых 4 ч езды). По трудовому законодательству – право на отдых и питание, конкретная длительность не регламентирована (обычно от 30 до 60 мин по правилам предприятий).
Ежедневный (междусменный) отдых	≥11 часов непрерывно; допускается сокращение до 9 часов не более 3 раз в неделю; при экипаже – отдых ≥9 ч в 30-час период.	Гарантирован законом, что рабочий день ≤8 ч, то есть теоретически отдых ≥16 ч. Но специальной нормы о минимальном непрерывном междусменном отдыхе нет; на практике определяется графиком или правилами предприятия.

Результаты сравнительного анализа показывают, что при формальном сходстве целей (защита здоровья водителей и обеспечение безопасности движения) правовые механизмы в РФ и КНР имеют как общие черты, так и существенные различия. В этом разделе обсудим проблемы правоприменения выявленных норм и их эффективность, а также те вызовы, которые стоят перед обеими странами в обеспечении соблюдения режима труда и отдыха водителей.

1. Суммированный учёт и гибкие графики, контроль переработок. Приоритеты совершенствования в обеих странах: укорочение учётных периодов и прозрачный расчёт часов, интеграция данных тахографов с трудовым надзором, перераспределение ответственности и корректировка сдельных стимулов, чтобы не поощрять переработки.

2. Сверхурочная работа и оплата, соблюдение гарантий. Формально и в РФ, и в КНР сверхурочные оплачиваются по повышенным тарифам (РФ – ст. 152 ТК; КНР – ст. 44 Закона о труде), однако на практике они часто «растворяются» в окладах/сдельных выплатах. В РФ при суммированном учёте переработка нередко маскируется как обычные рейсы или подменяется отгулами; слабый контроль и зависимость занятости подталкивают водителей соглашаться. В КНР доминирование самозанятых и семейных фирм смещает мотивацию к переработкам (до 14–15 ч в день у такси/онлайн-сервисов), а ненормированные режимы в крупных компаниях ограничивают право на доплаты.[1]

3. Режимы управления и безопасность, эффективность контроля в РФ опирается на тахографы и выборочные проверки, но распространены способы обхода (дубликаты карт, вмешательство в устройства), а санкции для юрлиц невысоки, что снижает превентивный эффект. В КНР контроль традиционно осуществлялся дорожной полицией и инфраструктурой камер/датчиков; до введения суточного лимита сохранялась лазейка «много коротких перерывов – длинный день».

4. Национальные акценты и рыночные эффекты. В РФ регуляторный фокус – ответственность работодателя и трудовые гарантии; в КНР – персональная ответственность водителя через административные меры. Это влияет на конкурентную среду: различия в фактической строгости контроля и лимитах времени вождения сказываются на тарифах и производительности, вызывая требования «выравнивания правил» для иностранных перевозчиков и межрегиональные дисбалансы в КНР.

5. Способы улучшения соблюдения режима труда и отдыха водителей. Для Российской Федерации приоритетными являются меры по усилению ответственности работодателей и цифровизации контроля. Целесообразно повысить размеры административных штрафов за систематические нарушения режима, ввести балльную систему, при которой многократные нарушения могут повлечь приостановление действия лицензии на перевозки. Важно также проводить профилактическую работу с водителями, информируя их о праве на отдых и возможности отказа от рейса при утомлении.

Для Китайской Народной Республики ключевой задачей остаётся законодательное закрепление суточного лимита времени управления (8

[1] Měitiān gōngzuò shísì wǔ gè xiǎoshí, wǎngyuèchē sījī tài lèi le (每天工作十四五个小时，网约车司机太累了) [«Каждый день по 14–15 часов: водители онлайн-такси слишком устают»] // 新华网 (Синьхуа). 21.06.2024. URL: http://www.news.cn/legal/20240621/99da3d4d553943a4ab16d12b89bd4a3d/c.html (дата обращения: 18.10.2025).

часов) в самом законе о труде или о дорожном движении. Это обеспечит более чёткую правовую основу для контроля. Необходимо также расширить сферу действия трудового законодательства на водителей-самозанятых, например, через обязательные договоры либо членство в отраслевых ассоциациях, устанавливающих внутренние правила режима труда.[1]

Общие направления для обеих стран включают развитие инфраструктуры безопасных стоянок и дорожных сервисных зон, применение систем распознавания усталости водителя, а также выстраивание баланса ответственности между работодателем и водителем. Важным условием эффективности норм является формирование культуры соблюдения режима – осознания водителями и перевозчиками того, что безопасность и здоровье имеют приоритет над коммерческими интересами.

Заключение

Эффективное правовое регулирование режима рабочего времени и отдыха водителей автомобильного транспорта является ключевым условием безопасности перевозок и соблюдения трудовых прав. Сравнение российского и китайского законодательства показывает, что при различии подходов обе страны стремятся к единой цели – предотвращению усталости водителей и обеспечению достойных условий труда. Российская Федерация выстроила детализированную систему специальных норм, гармонизированных с европейскими стандартами (ЕСТР), где чётко определены пределы труда и отдыха (9 часов управления, 11 часов отдыха, 45 часов еженедельного перерыва и др.). Китайская Народная Республика, исходно опирающаяся на общий восьмичасовой рабочий день, постепенно вводит дополнительные транспортные ограничения, формируя комплексную модель регулирования, основанную на сочетании трудового и административного контроля.

Практическая значимость исследования состоит в возможности взаимного использования опыта: России – в части гибких режимов учёта рабочего времени, Китаю – в аспекте строгой регламентации и контроля со стороны работодателя. Развитие двустороннего сотрудничества в сфере международных перевозок позволит унифицировать стандарты и повысить безопасность транзитных маршрутов между Европой и Азией.

Итогом сравнительного анализа является вывод о том, что режим труда и отдыха водителей – это сфера, где нормы права напрямую служат сохранению жизни и здоровья людей. Эффективное соблюдение установленных требований возможно только при совместной ответственности государства, работодателей и самих водителей. Российско-китайский опыт подтверждает: несмотря на различие правовых систем, принципы охраны труда универсальны, а обмен опытом способствует формированию более устойчивой и безопасной транспортной среды.

Список литературы:

1. Кузёма М. Зелёный свет китайским фурам? Почему новые правила международных перевозок опасны для российских транспортных компаний // EastRussia. URL: https://www.eastrussia.ru/material/zelenyy-svet-kitayskim-furam/ (дата обращения: 18.12.2025).

2. Снежанская Н. Н. Государственный контроль над соблюдением режима труда и отдыха водителей как способ снижения аварийности // Безопасность дорожного движения. – 2025. – № 1(54). – С. 15–22.

3. Jiàshǐyuán píláo jiàshǐ biāozhǔn de hédìng — liúyán zīxún (驾驶员疲劳驾驶标准的核定 — 留言咨询) [«Определение стандарта “усталого вождения” — ответы на вопросы»] // Министерство транспорта КНР (交通运输部). Офиц. разъяснение. URL://www.mot.gov.cn/liuyanzixun/201911/t20191105_3330100.html (дата обращения: 18.12.2025).

4. Dàojiāo fǎ xīnguī biànhuà duō, chuǎng jìnxíng kòu 1 fēn, píláo jiàshǐ 3 fēn, měitiān jiàshǐ bù chāo 8 xiǎoshí (道交法新规变化多，闯禁行扣1分，疲劳驾驶3分，每天驾驶不超8小时) [«Много изменений: за запретную зону – 1 балл, за усталое вождение – 3 балла, в день – не более 8 часов за рулём»] // LogClub 物流研究. URL: http://logresearch.logclub.com/m/articleInfo/MzU1MTA= (дата обращения: 18.10.2025).

5. Měitiān gōngzuò shísì wǔ gè xiǎoshí, wǎngyuèchē sījī tài lèi le (每天工作十四五个小时，网约车司机太累了) [«Каждый день по 14–15 часов: водители онлайн-такси слишком устают»] // 新华网 (Синьхуа). URL: http://www.news.cn/legal/20240621/99da3d4d553943a4ab16d12b89bd4a3d/c.html (дата обращения: 18.12.2025).

6. Yītiān kāichē shíjiān bùnéng chāo 8 xiǎoshí duìyú wùliú hángyè lái shuō huì yǒu shénme yǐngxiǎng? (一天开车时间不能超8小时对于物流行业来说会有什么影响？) [«Как повлияет ограничение 8 ч/день на логистику?»] // 360che.com (卡车之家). URL: https://www.360che.com/law/210604/162569.html (дата обращения: 18.12.2025).

References:

1. Kuzyoma, M. "Green Light for Chinese Trucks? Why Are New International Transport Rules Dangerous for Russian Transport Companies?" EastRussia. URL: https://www.eastrussia.ru/material/zelenyy-svet-kitayskim-furam/ (date of reference 18.12.2025).

2. Snezhanskaya, N.N. "State Control over Compliance with Driver Work and Rest Schedules as a Way to Reduce Accidents." Road Safety. 2025. No. 1(54). pp. 15–22.

3. Jiàshǐyuán píláo jiàshǐ biāozhǔn de hédìng - liúyán zīxún (驾驶员疲劳驾驶标准的核定 - 留言咨询) [“Definition of the standard “tired driving” - answers to questions”] // Ministry of Transport of the People's Republic of China (交通运输部). Official clarification. URL://www.mot.gov.cn/liuyanzixun/201911/t20191105_3330100.html (date of reference 12/18/2025).

4. Dàojiāo fǎ xīnguī biànhuà duō, chuǎng jìnxíng kòu 1 fēn, píláo jiàshǐ 3 fēn, měitiān jiàshǐ bù chāo 8 xiǎoshí (道交法新规变化多，闯禁行扣1分，疲劳驾驶3分，每天驾驶不超8小时) [“Many changes: for the restricted area - 1 point, for tired driving - 3 points, per day - no more than 8 hours behind the wheel”] // LogClub 物流研究. URL: http://logresearch.logclub.com/m/articleInfo/MzU1MTA= (date of reference 12/18/2025).

5. Měitiān gōngzuò shísì wǔ gè xiǎoshí, wǎngyuèchē sījī tài lèi le (每天工作十四五个小时，网约车司机太累了) [“Every day for 14-15 hours: online taxi drivers are too tired”] // 新华网 (Xinhua). 06/21/2024. URL: http://www.news.cn/legal/20240621/99da3d4d553943a4ab16d12b89bd4a3d/c.html (date of reference12/18/2025).

6. Yītiān kāichē shíjiān bùnéng chāo 8 xiǎoshí duìyú wùliú hángyè lái shuō huì yǒu shénme yǐngxiǎng? (一天开车时间不能超8小时对于物流行业来说会有什么影响？) [“How will the 8 hour/day limit affect logistics?”] // 360che.com (卡车之家). URL: https://www.360che.com/law/210604/162569.html (date of reference 12/18/2025).

[1] Yītiān kāichē shíjiān bùnéng chāo 8 xiǎoshí duìyú wùliú hángyè lái shuō huì yǒu shénme yǐngxiǎng? (一天开车时间不能超8小时对于物流行业来说会有什么影响？) [«Как повлияет ограничение 8 ч/день на логистику?»] // 360che.com (卡车之家). URL: https://www.360che.com/law/210604/162569.html (дата обращения: 18.10.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_170

УДК 343.163

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
POWERS OF THE PROSECUTOR WHEN INITIATING CASES ABOUT ADMINISTRATIVE OFFENSES: CURRENT PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

КОРЕШНИКОВА Нелли Расуловна
доцент кафедры прокурорской деятельности
Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург),
кандидат юридических наук, доцент,
Комсомольская ул., 21, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620137, Россия.
ORCID: 0000-0002-6897-2987,
e-mail: n.r.koreshnikova@uslu.su

KORESHNIKOVA Nelly Rasulovna
Associate Professor of the Department of Prosecutorial Activity
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg), Candidate of Law, Associate Professor,
Komsomolskaya St., 21, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620137, Russia.
ORCID: 0000-0002-6897-2987,
e-mail: n.r.koreshnikova@uslu.su

Краткая аннотация: *В статье проводится комплексный анализ полномочий прокурора в стадии возбуждения дела об административном правонарушении по нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Рассматривается эволюция и противоречия правового регулирования, в том числе вопрос о так называемой «исключительной компетенции» прокурора. На основе анализа судебной практики, статистических данных и доктринальных позиций выявляются проблемные аспекты, такие как подмена функций иных органов административной юрисдикции, неэффективность процессуальных сроков и неоправданное расширение предмета надзора на физических лиц. Автор обосновывает необходимость дефинитивного закрепления терминологии и внесения изменений в КоАП РФ, направленных на оптимизацию процессуального статуса прокурора и исключение из его исключительной компетенции ряда составов правонарушений, прежде всего в отношении граждан.*

Abstract: *The article provides a comprehensive analysis of the prosecutor's powers at the stage of initiating an administrative offense case according to the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Administrative Code of the Russian Federation) and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation". The article examines the evolution and contradictions of legal regulation, including the issue of the so-called "exclusive competence" of the prosecutor. Based on the analysis of judicial practice, statistical data and doctrinal positions, problematic aspects are identified, such as substitution of functions of other bodies of administrative jurisdiction, inefficiency of procedural deadlines and unjustified extension of the subject of supervision to individuals. The author substantiates the need for definitional consolidation of terminology and amendments to the Administrative Code of the Russian Federation aimed at optimizing the procedural status of the prosecutor and excluding from his exclusive competence a number of legal violations, primarily in relation to citizens.*

Ключевые слова: *прокурор, административное правонарушение, возбуждение дела, постановление, исключительная компетенция, прокурорский надзор, КоАП РФ, административное преследование.*

Keywords: *prosecutor, administrative offense, initiation of a case, resolution, exclusive jurisdiction, prosecutorial supervision, Administrative Code of the Russian Federation, administrative prosecution.*

Для цитирования: *Корешникова Н.Р. Полномочия прокурора при возбуждении дел об административных правонарушениях: актуальные проблемы и пути совершенствования // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 170-173. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_170.*

For citation*: Koreshnikova N.R. Powers of the prosecutor when initiating cases about administrative offenses: current problems and ways of improvement // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 170-173. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_170.*

Статья поступила в редакцию: 07.02.2026

Институт административной ответственности является одним из наиболее динамичных и масштабных по охвату правоотношений в правовой системе РФ. Место и роль прокурора в этом институте претерпели значительную эволюцию с момента принятия КоАП РФ 2001 года. Существует устойчивая научная дискуссия о природе полномочий прокурора: является ли он органом административной юрисдикции, субъектом надзора, наделенным исключительными процессуальными правами, или же его функции носят субсидиарный, «запасной» характер. Отсутствие единого доктринального подхода к определению его статуса в система административных правоотношений порождает правовые коллизии и неопределенность в правоприменении. Эта теоретическая неопределенность, однако, не отменяет того, что прокурор, согласно КоАП РФ, де-факто является ключевым участником производства по делам об административных правонарушениях, обладая для этого широким спектром полномочий. К ним относится не только возбуждение дел, но и участие в их рассмотрении, а также право на протест против любых вынесенных постановлений. Следовательно, независимо от дискуссий о природе его статуса, законодательство закрепляет за прокурором роль активного субъекта административной юрисдикции.

Ключевым полномочием является вынесение постановления о возбуждении дела, служащего стартовой точкой производства. Об активном его использовании свидетельствует статистика: в январе 2023 г. по инициативе прокуроров привлечено 24 021 лицо, в 2022 г. — 225 136, в 2021 г. — 249 629 [1]. Однако регулирующая данное полномочие ст. 28.4 КоАП РФ внутренне противоречива, одновременно ограничивая и расширяя компетенцию прокурора.

[1]Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/ (дата обращения 09.01.2026);

Во-первых, в процессуальном аспекте имеет место сужение полномочий. В отличие от прежней, более общей формулировки п. 1 ст. 25 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» о праве «возбуждать производство», действующая норма предусматривает конкретные действия: составление протокола и вынесение постановления [5, 7]. Данная регламентация, по сути, заменяет широкую прерогативу на строго формализованную процедуру, что можно трактовать как установление процессуальных рамок и ограничений.

Во-вторых, и в значительном контрасте с этим, в материально-правовом аспекте ст. 28.4 КоАП РФ существенно расширяет потенциал прокурорского вмешательства. Вопреки ограничительной позиции ФЗ "О прокуратуре Российской Федерации" от 17.01.1992 N 2202-1, круг субъектов, в отношении которых прокурор может возбудить дело, статьёй 28.4 КоАП РФ прямо не сужается. Это позволяет утверждать, что прокурор вправе инициировать «административное преследование» не только в отношении традиционных объектов надзора — должностных и юридических лиц, — но и в отношении граждан (физических лиц), что вступает в концептуальное противоречие с функциональным предназначением прокуратуры как надзорного органа [7] и недопустимости применение надзорных полномочий в отношении физических лиц.

В-третьих, наиболее ярким проявлением специфики прокурорских полномочий является институт «исключительной компетенции», закреплённый в ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ. Законодатель прямо резервирует за прокурором монопольное право на возбуждение дел по обширному перечню составов административных правонарушений (например, ст. 5.1, 5.21, 5.39, 5.61, 13.14, 19.28, 20.29 КоАП РФ и др.). Это свидетельствует не о дополнительном, а об основном, а в ряде случаев — первоочередном характере данного полномочия в защите конкретных охраняемых законом ценностей.

Однако, как следует из анализа, наделение прокурора таким объёмом карательных полномочий, особенно в отношении граждан, слабо соотносится с конституционно-правовым статусом прокуратуры как правозащитного института. Данный вывод подтверждается тем, что из 69 статей гл. 5 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» к исключительной компетенции прокурора отнесены лишь 18, что указывает на избирательный, а не всеобъемлющий правозащитный характер этой функции. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: прокурор, основной задачей которого является надзор за законностью, сам становится субъектом административной юрисдикции в отношении лиц, не поднадзорных ему в рамках его основных функций.

Обозначенные противоречия закономерно порождают в научной доктрине дискуссию о путях реформирования института прокурорского возбуждения дел. Среди предложений по оптимизации заслуживает внимания позиция А.Э. Буксмана, который, анализируя данные проблемы, приходит к следующим выводам:

прокурор вправе возбудить дело о любом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ или законом субъекта Российской Федерации в отношении лица, обладающего административной деликтоспособностью [3, с. 117];

ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ необходимо изменить, исключив из неё упомянутые ранее 18 статей, выведя тем самым из зоны «исключительной ответственности» прокурора и возложив обязанность составлять протоколы о фактах совершения соответствующих правонарушений на должностных лиц органов административной юрисдикции, для чего также необходимо внести поправки в ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ [3, с. 118;

требует разрешения вопрос законодательной техники (терминологии): полномочие «по возбуждению производств по делам об административных правонарушениях» прокурора регламентировано ст. 25.11 КоАП РФ; в ст. 28.4 КоАП РФ – «возбуждение дел об административных правонарушениях прокурором»; п. 1 ст. 25 Закона № 2202-1 – «постановление о возбуждении производства об административном правонарушении» [3, с. 118].

Стоит отметить, что законодатель уже предпринимал шаги по сокращению перечня исключительной компетенции прокурора, тем самым реализуя на практике схожую с предложенной А.Э. Буксманом логику. Ряд составов был выведен из ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ, а право их возбуждения делегировано иным органам. Например, дела о правонарушениях, предусмотренных ст. ст. 6.20, 13.14, 20.29 КоАП РФ, в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, теперь вправе возбуждать и должностные лица органов внутренних дел (полиции).

Однако данное сужение перечня носит точечный характер и не меняет общей тенденции к укреплению и расширению «исключительных» полномочий прокурора по другим многочисленным составам, закрепленным в ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ. Это указывает на отсутствие у законодателя последовательной концепции в определении границ прокурорской компетенции в административном процессе.

Наблюдаемую законодательную динамику в части перечня ст. 28.4 КоАП РФ можно интерпретировать двояко. С одной стороны, исключение отдельных составов (ст. 6.20, 13.14, 20.29 КоАП РФ) свидетельствует о тенденции к делегированию полномочий профильным органам. С другой стороны, устойчивая тенденция к включению в исключительную компетенцию прокурора новых социально значимых составов административных правонарушений позволяет сделать вывод о целенаправленном усилении его роли как гаранта законности в наиболее чувствительных сферах публичных отношений. В пользу данного тезиса свидетельствуют, в частности, относительно недавние поправки, закрепившие исключительное право прокурора возбуждать дела по следующим статьям КоАП РФ: ст. 5.6 КоАП РФ – нарушения прав участников избирательного процесса и референдума; ст. 19.8.1 КоАП РФ (в части) – нарушения в сфере государственного регулирования тарифов и цен, совершаемые должностными лицами уполномоченных органов [5].

Таким образом, наряду с тенденцией к частичному сокращению, прослеживается и противоположный вектор – качественное расширение «исключительной» компетенции прокурора за счет включения в нее сложных составов, требующих высокой степени независимости субъекта, их выявляющего.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о пределе прокурорских полномочий. Системное толкование ст. 25 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 28.4 и 25.11 КоАП РФ позволяет утверждать, что прокурор обладает правом инициировать производ-

ство по делу об административном правонарушении, ответственность за которое установлена не только федеральным законом (КоАП РФ), но и законом субъекта Российской Федерации [5, 7]. Данное полномочие носит универсальный характер и не ограничивается составами, поименованными в ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ.

Вместе с тем, вопрос о правомерности регулирования компетенции прокурора в законах субъектов Российской Федерации является дискуссионным и находит свое разрешение в судебной практике. В силу федерального и централизованного характера прокурорской системы, закрепленного в п. 1 ст. 1 и ст. 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», правовые акты субъектов РФ не могут самостоятельно определять или регулировать объем процессуальных полномочий прокурора, в том числе в сфере административной юрисдикции [2]. Подтверждением данного правового принципа служит сложившаяся судебная практика, в частности, решение по конкретному делу, инициированному прокурором Архангельской области.

Так, прокурором Архангельской области было оспорено положение Закона Архангельской области «Об административных правонарушениях», которое предусматривало возможность возбуждения дел о предусмотренных им правонарушениях прокурором в порядке, установленном ст. 28.4 КоАП РФ [7]. Архангельский областной суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления. Однако Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев апелляционное представление прокурора, отменила решение в части, признав оспариваемую норму недействующей.

В своем постановлении Верховный Суд РФ указал на следующее правовое обоснование: прокуратура является единой федеральной централизованной системой, осуществляющей от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов. Компетенция ее органов, включая полномочия в производстве по делам об административных правонарушениях, исчерпывающе определяется федеральным законодательством. Следовательно, регулирование данных полномочий актом субъекта Российской Федерации неправомерно, поскольку вторгается в исключительную федеральную компетенцию [10].

Таким образом, представленная судебная позиция подтверждает тезис о том, что универсальное право прокурора на возбуждение дел, вытекающее из федерального закона, не может быть предметом регулирования или ограничения на региональном уровне. Однако закреплённое в федеральном законе право прокурора на возбуждение дел порождает на практике ряд сложных процедурных коллизий и проблем правоприменения, требующих детального анализа. Реализация данного полномочия на первоначальной стадии производства сопряжена с необходимостью соблюдения ряда процессуальных требований и разрешения конфликта между надзорной и юрисдикционной функциями прокурора.

В практической плоскости реализации прокурорских функций наметились на наш взгляд три особо дискуссионные проблемы:

1) процедура принятия решения прокурором вопроса о возбуждении административного производства и проблему «цикличности» проверок;

2) дискуссионный вопрос о правомерности возбуждения административных дел прокурором в отношении физических лиц;

3) проблема процессуальных сроков и конкуренции полномочий прокурора.

Начнем с анализа процедуры принятия решения и проблемы «цикличности» проверок. В соответствии с КоАП РФ, основанием для возбуждения дела прокурором является наличие поводов и достаточных данных, указывающих на событие административного правонарушения (ст. 28.1 КоАП РФ) [5]. В случае отсутствия таковых прокурор обязан вынести мотивированное определение об отказе в возбуждении дела (ч. 5 ст. 28.1 КоАП РФ) [5]. При этом, как справедливо отмечается в ведомственных актах, при осуществлении надзора органы прокуратуры не должны подменять иные государственные органы (п. 2 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», Приказ Генпрокуратуры России от 19.02.2015 № 78) [7, 8].

Тем не менее, на практике нередко возникает ситуация «цикличности» или дублирования проверок, когда материалы о правонарушении, отнесённом к исключительной компетенции прокурора (например, по ст. 5.61 КоАП РФ), первоначально поступают и формально проверяются иным органом административной юрисдикции (чаще всего — органами внутренних дел). Не обнаружив состава, по которому он уполномочен составлять протокол, данный орган направляет материалы в прокуратуру. В результате прокурор вынужден фактически заново проводить проверку, повторяя процессуальные действия (опросы, истребование доказательств), что ведет к неоправданным временным и ресурсным затратам [1]. Подобная практика вступает в прямое противоречие с принципом процессуальной экономии и запретом на подмену функций.

Вторым, тесно связанным с первым, процедурным аспектом является дискуссия о правомерности возбуждения прокурором дел в отношении физических лиц. Указанная проблема наиболее остро проявляется в контексте привлечения к ответственности граждан. Хотя ст. 28.4 КоАП РФ формально не ограничивает круг субъектов, а ведомственная инструкция допускает возбуждение дел, выявленных в ходе надзорных мероприятий, это порождает доктринальный спор. В.К. Артеменков указывает, что «одним из наиболее дискуссионных и противоречивых выступает вопрос возбуждения прокурором дел об административных правонарушениях в отношении физических лиц и об отнесении физических лиц к объектам прокурорского надзора» [1, с. 47].

Данная дискуссия имеет под собой серьезные основания. С одной стороны, ст. 25 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», находящаяся в разделе о прокурорском надзоре, указывает, что постановление выносится «исходя из характера нарушения закона должностным лицом» [7]. С другой стороны, сложившаяся практика, особенно по делам об оскорблении (ст. 5.61 КоАП РФ), свидетельствует об активном вовлечении прокурора в разрешение конфликтов между гражданами. Так, в 2022 году мировыми судьями по постановлениям прокуроров было рассмотрено 16 578 дел по данной статье (в 2021 году — 15 673) [1]. Ряд исследователей, например Т.А. Владыкина, видят в этом положительную роль прокурора как «фильтра», гарантирующего обоснованность направления материалов в суд [4]. Однако, присоединяясь к

позиции критиков, полагаем, что привлечение прокурора к административному преследованию граждан по делам частно-публичного характера размывает его надзорную функцию и приводит к неэффективному расходованию ресурсов.

Наконец, третьей ключевой проблемой, усугубляющей обе предыдущие, является проблема процессуальных сроков и конкуренции полномочий. «Цикличность» проверок усугубляется проблемой срока давности привлечения к административной ответственности, который по большинству составов, отнесенных к исключительной компетенции прокурора (включая ст. 5.61 КоАП РФ), составляет 3 месяца (ст. 4.5 КоАП РФ) [5]. Поскольку срок давности течёт с момента совершения правонарушения, организационные проволочки, связанные с пересылкой материалов между органами и проведением повторной проверки, часто приводят к его истечению к моменту вынесения прокурором постановления. В результате, несмотря на выявленное нарушение, дело подлежит прекращению, что сводит на нет усилия по установлению истины и способствует безнаказанности.

Таким образом, анализ процедурных аспектов выявляет системные недостатки: дублирование функций и нарушение принципа недопустимости подмены иных органов; концептуальную неясность статуса прокурора как субъекта, преследующего граждан; неэффективность, вызванную коллизией между кратким сроком давности и длительной процедурой «цикличной» проверки.

Разрешение данных проблем видится в последовательной корректировке законодательства на основе предложений, сформировавшихся в научной доктрине. Так, Е.С. Шматова предлагает ограничить право прокурора по ст. 5.61 КоАП РФ исключительно случаями, когда субъектами правонарушения являются должностные или юридические лица, обязанность которых — пресекать такие нарушения [11]. Н.И. Безрукавая акцентирует необходимость устранения противоречий между КоАП РФ и Законом о прокуратуре в части круга субъектов ответственности [2].

На основании проведённого исследования представляется обоснованным и целесообразным внести изменения в КоАП РФ, направленные на оптимизацию полномочий прокурора. В первую очередь, необходимо исключить из ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ составы, по которым возбуждение дела прокурором носит характер подмены иных органов и основными субъектами являются физические лица. К ним, на наш взгляд, правомерно отнести: ст. 5.23, 5.46, ч. 2 ст. 5.58, ст. 5.61, 12.35, 13.14, 20.26, 20.28, 20.29 КоАП РФ. Передача полномочий по составлению протоколов по данным составам (например, по ст. 5.61 КоАП РФ — органам внутренних дел) позволила бы сосредоточить ресурсы прокуратуры на реализации её ключевой надзорной функции в отношении публично-правовых образований и их должностных лиц, устранив при этом процедурные коллизии и повысив общую эффективность административного судопроизводства.

Список литературы:

1. Артеменков, В.К. Прокурор в производстве по делам об административных правонарушениях: проблемы теории и практики / В.К. Артеменков // Административное право и процесс. – 2020. – № 5. – С. 45–50.
2. Безрукавая, Н.И. Соотношение полномочий прокурора по КоАП РФ и Закону о прокуратуре: проблемы толкования / Н.И. Безрукавая // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1(67). – С. 78–85.
3. Буксман, А.Э. Административная юрисдикция прокурора: современные проблемы и пути их решения / А.Э. Буксман // Журнал российского права. – 2019. – № 10. – С. 112–120.
4. Владыкина, Т.А. К вопросу о полномочиях прокурора по возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП РФ / Т.А. Владыкина // Законность. – 2021. – № 8. – С. 32–35.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
6. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 04.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
7. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 04.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
8. Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19.02.2015 № 78 (ред. от 30.11.2022) // Законность. – 2015. – № 5.
9. Об утверждении Правил осуществления государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства: Постановление Правительства РФ от 30.04.2014 № 403 (ред. от 21.09.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2428.
10. Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим пункта 3 статьи 1 Закона Архангельской области от 26 сентября 2007 года № 360-21-ОЗ «Об административных правонарушениях»: Решение Архангельского областного суда от 15.02.2019 по делу № 3а-39/2019 // Документ опубликован не был. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Шматова, Е.С. К вопросу о полномочиях прокурора по возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП РФ / Е.С. Шматова // Законность. – 2021. – № 8. – С. 32–35.

References:

1. Artemenkov, V.K. Prosecutor in proceedings on administrative offenses: problems of theory and practice / V.K. Artemenkov // Administrative law and process. – 2020. – No. 5. – pp. 45-50.
2. Bezrukavaya, N.I. The relationship of the prosecutor's powers under the Administrative Code of the Russian Federation and the Law on to the Prosecutor's Office: problems of interpretation / N.I. Bezrukavaya // The Rule of law: theory and practice. – 2022. – № 1(67). – Pp. 78-85.
3. Buksman, A.E. Administrative jurisdiction of the prosecutor: modern problems and ways to solve them / A.E. Buksman // Journal of Russian Law. – 2019. – No. 10. – pp. 112-120.
4. Vladykina, T.A. On the issue of the prosecutor's powers to initiate cases of administrative offenses provided for in art. 5.61 of the Administrative Code of the Russian Federation / T.A. Vladykina // Legality. – 2021. – No. 8. – pp. 32-35.
5. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 02/24/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (part 1). – Art. 1.
6. About the police: Federal Law No. 3-FZ dated 07.02.2011 (as amended on 04.11.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 7. – St. 900.
7. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law No. 2202-1 of 17.01.1992 (as amended on 04.11.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 47. – Art. 4472.
8. On the organization of work on the exercise of the prosecutor's powers in proceedings on Administrative offenses: Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated 02/19/2015 No. 78 (as amended on 11/30/2022) // Legality. – 2015. – № 5.
9. On approval of the Rules for the Implementation of State Control over Compliance with Antimonopoly Legislation: Resolution of the Government of the Russian Federation dated 30.04.2014 No. 403 (as amended on 09/21/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 19. – Art. 2428.
10. On the refusal to satisfy the application for invalidation of paragraph 3 of Article 1 of the Law of the Arkhangelsk Region dated September 26, 2007 No. 360-21-OZ "On Administrative Offenses": The decision of the Arkhangelsk Regional Court dated 02/15/2019 in case No. 3a-39/2019 // The document has not been published. – Access from the SPS "ConsultantPlus".
11. Shmatova, E.S. On the issue of the prosecutor's powers to initiate cases of administrative offenses under Article 5.61 of the Administrative Code of the Russian Federation / E.S. Shmatova // Legality. - 2021. – No. 8. – pp. 32-35.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_174

УДК 346.5:342.723

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
PUBLIC LEGAL BASIS FOR THE PROTECTION OF CONSUMER RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

ЛЕПЕШКИН Егор Борисович,
старший преподаватель кафедры административного, финансового права и экономики
Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».
350020, Россия, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234.
e-mail: oranteliy@mail.ru
LEPESHKIN Yegor B.,
Senior Lecturer Department of Administrative, Financial Law and Economics North Caucasus Branch
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev".
234 Krasnykh Partizan str., Krasnodar, 350020, Russia.
e-mail: oranteliy@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается совокупность конституционных, законодательных и подзаконных положений, международно-правовые документы Союзного государства России и Беларуси; анализируется Государственный доклад «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2024 году». Особое внимание уделено региональным и муниципальным программам как ведущим инструментам программно-целевого управления. Отмечено отсутствие муниципальных программ по защите прав потребителей в ряде территорий Краснодарского края, что снижает эффективность реализации государственной политики. В качестве решения предлагается разработка типовой муниципальной программы для унификации подходов и повышения правовой защищенности граждан на местном уровне.*

Abstract: *The article examines the totality of constitutional, legislative and by-law provisions, as well as international legal documents of the Union State of Russia and Belarus. It provides an analysis of the State Report "Consumer Rights Protection in the Russian Federation (2024)". Particular attention is paid to the role of regional and municipal programs as leading instruments of program-targeted management. The absence of municipal programs for consumer protection in a number of territories of the Krasnodar Territory is noted, which reduces the effectiveness of the implementation of state policy. As a solution, it is proposed to develop a standard municipal program to unify approaches and improve the legal protection of citizens at the local level.*

Ключевые слова: *публично-правовое регулирование, защита прав потребителей, государственный доклад о защите прав потребителей, региональные программы защиты и обеспечения прав потребителей, муниципальные программы.*

Keywords: *public legal regulation, consumer protection, state report on consumer protection, regional programs for the protection and provision of consumer rights, municipal programs.*

Для цитирования: *Лепешкин Е.Б. Публично-правовые основы защиты прав потребителей в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 174-177. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_174.*

For citation*: Lepeshkin Ye.B. Public legal basis for the protection of consumer rights in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 174-177. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_174.*

Статья поступила в редакцию: 19.01.2026

Современное развитие экономических отношений характеризуется усложнением взаимодействия между производителями и потребителями товаров и услуг. В этих условиях возникает необходимость исследования публично-правовых основ защиты прав потребителей в России, предопределенная асимметрией экономического и информационного положения между профессиональными участниками рынка и рядовыми потребителями, объективно требующей государственного вмешательства. При этом процессы цифровизации экономики и появление новых форм торговли создают дополнительные вызовы для системы потребительской защиты. Как справедливо отмечают авторы: «Необдуманное или противозаконное применение цифровых технологий способствует обострению традиционных проблем, связанных с правами потребителей»[1].

Как следствие, возрастает значимость функционирования публично-правовых институтов, определяющих национальную государственную политику в сфере защиты прав потребителей, и гарантирующих (совместно с общественными институтами) ее реализацию, а также контроль соблюдения установленных требований.

В основе регулирования рассматриваемых отношений, с своей совокупности являющихся предметом комплексной отрасли законодательства[2], лежат положения Конституции России, закрепляющие основные права, свободы и обязанности человека и гражданина: право на охрану здоровья (ст. 41), право на благоприятную окружающую среду (ст. 42), право на государственную защиту (ст. 45), право на судебную защиту (ст. 46), право на информацию (ч. 2 ст. 24, ст. 29).

Содержание прав потребителей, закрепленных в текущем законодательстве, непосредственно вытекает из вышеперечисленных статей Конституции, а реализация и защита этих прав обеспечивается дополнительно нормами Конституции, устанавливающими статус органов публичной власти, входящих в организационный механизм защиты прав потребителей, пределы их компетенции и порядок ее осуществления.

Ядром источниковой базы публично-правовых основ защиты прав потребителей в России является Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О за-

[1] Черняков М.К., Черняков В.М., Зайцева Т.Р. Цифровые потребительские риски // Трансформация потребительского рынка в контексте приоритизации качества и безопасности товаров и услуг: Материалы международной научно-практической интернет-конференции, Донецк, 25–26 апреля 2024 года. Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2024. С. 177.

[2] Казакова Е.Б. Структура и особенности законодательства о защите прав потребителей на современном этапе развития рыночных отношений // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9. № 4. С. 27. doi:10.21685/2307-9525-2021-9-4-4.

щите прав потребителей»[1], который формирует юридические основания для регулирования потребительских отношений, обеспечивая сбалансированность интересов участников рынка и создавая механизмы защиты прав экономически менее защищенной стороны – потребителя.

Важной частью публично-правовых основ рассматриваемой сферы общественных отношений в условиях противодействия глобальным вызовам и нарастания рисков цифровизации становятся акты Союзного государства России и Беларуси. Так, 6 декабря 2024 года был принят Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6, утвердивший Единые правила защиты прав потребителей[2]. Указанный акт, направленный на устранение различий и создание единого потребительского пространства, упрощает взаимодействие между надзорными органами двух стран, обеспечивает согласованность подходов к защите потребителей, формируя тем самым дополнительный уровень их защиты.

Большую роль в правовом обеспечении государственной политики в сфере защиты прав потребителей играют подзаконные нормативные акты, например указ Президента РФ от 23.01.2015 № 31 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту промышленной продукции»[3], направленный на борьбу с незаконным ввозом, производством и оборотом промышленной продукции, включая контрафактную. В соответствии с ним система органов государственной власти была дополнена государственными комиссиями по противодействию незаконному обороту промышленной продукции – федеральной и региональными.

Особое значение имеют акты Правительства РФ, такие как постановление от 25.06.2021 № 1005 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области защиты прав потребителей»[4] и распоряжение Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р «Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года»[5]. Последняя определяет важнейшие направления деятельности и механизмы взаимодействия между различными уровнями власти, интегрирует положения отраслевых стратегий развития, учитывает анализ правоприменительной практики и отражает современные тенденции расширения сферы потребительской защиты на цифровые и финансовые услуги.

В контексте тенденций евразийской интеграции[6] необходимо упомянуть технические регламенты Таможенного союза (ТР ТС), на основе которых проверяется качество импортируемой и производимой продукции и устанавливаются специальные стандарты маркировки товаров (например, ТР ТС 022/2011 «Пищевая продукция в части ее маркировки»[7]). Они унифицируют стандарты на территории ЕАЭС, упрощают экономическое взаимодействие между странами-участницами и способствуют единообразию правового регулирования и в целях обеспечения защиты потребителей.

Особое значение в аспекте определения правовых основ защиты прав потребителей имеет ежегодный государственный доклад о защите прав потребителей в Российской Федерации, представляемый Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека[8].

Данный документ является официальным аналитическим и статистическим ресурсом, отражающим состояние и динамику рассматриваемой сферы общественных отношений. Государственный доклад систематизирует данные о нарушениях прав потребителей, эффективности контрольно-надзорных мер и тенденциях в регулировании данной сферы, обеспечивая прозрачность государственной политики. Он служит основой для научных исследований, совершенствования законодательства и разработки стратегических решений, а также информирует граждан и бизнес-сообщество о ключевых рисках и приоритетах в области защиты потребительских прав.

Публично-правовые основ защиты прав потребителей в России не исчерпывается федеральными и международными актами. Большую роль в реализации данного направления играет деятельность субъектов Российской Федерации. Регионы обеспечивают защиту потребителей через региональные и ведомственные программы, комплексные планы по защите прав потребителей, подпрограммы по обеспечению прав потребителей в рамках иных государственных программ.

Отдельного внимания в контексте настоящего исследования заслуживает анализ региональных программ как доминирующего инструмента регулирования потребительских отношений в субъектах Российской Федерации. Обязательный характер таких программ для органов исполнительной власти субъекта Федерации подкрепляется системой контрольных механизмов и отчетных процедур, включая регулярный мониторинг достижения целевых показателей и представление итоговых докладов о ходе реализации[9].

В целом, региональные программы защиты и обеспечения прав потребителей можно рассматривать как комплексные правовые акты, сочетающие в себе элементы нормативного регулирования, стратегического планирования и бюджетного управления. Их особая юридическая природа позволяет отнести данный вид актов к особой категории инструментов государственного управления на региональном уровне.

В 2024 г. региональные программы функционировали в 50 субъектах Российской Федерации. В 19 субъектах подпрограммы по обеспе-

[1] Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
[2] Официальный сайт Союзного государства https://посткомсг.рф/ (дата обращения: 18.07.2025).
[3] СЗ РФ. 2015. № 4. Ст. 643.
[4] СЗ РФ. 2021. № 27. (Ч. II). Ст. 5392.
[5] СЗ РФ. 2017. № 37. Ст. 5543.
[6] Глобальная евразийская интеграция: от регионального сотрудничества к влиянию на систему современного мирового порядка // https://roscongress.org/materials/globalnaya-evraziyskaya-integratsiya-ot-regionalnogo-sotrudnichestva-k-vliyaniyu-na-sistemu-sovremen/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 18.07.2025).
[7] Утвержден решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года №881 // https://docs.cntd.ru/document/902320347 (дата обращения: 18.07.2025).
[8] Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2024 году: Государственный доклад. – Москва : Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2025. – 442 с. https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/94e/p0puy8xgisu9e1n6sziwpu2owjb1yr5f/GD_ZPP.pdf
[9] См.: Письмо Минэкономразвития России N 3493-ПК/Д19и, Минфина России № 26-02-06/9321 от 06.02.2023 «О направлении Методических рекомендаций по разработке и реализации государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ» (вместе с «Методическими рекомендациями по разработке и реализации государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ») // https://docs.cntd.ru/document/1302169770 (дата обращения: 18.07.2025).

чению прав потребителей реализовывались в рамках иных государственных программ, в 4 субъектах, по данным Государственного доклада «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2024 году», «…вопросы обеспечения прав потребителей были включены в отдельные мероприятия и задачи, направленные на защиту прав потребителей в рамках иных государственных программ»[1]. При этом нельзя оценить положительно тот факт, что в 13 субъектах Российской Федерации, чьи программы защиты прав потребителей завершились в 2023 году, новые программные документы на 2024 год так и не были приняты[2]. Подобная ситуация требует скорейшего исправления, поскольку системная реализация потребительской политики отвечает как интересам потребителей, так и государственным задачам по обеспечению экономической стабильности и социального благополучия.

Особенностями региональных программ являются их временна́я определенность, выраженная в строго установленных сроках реализации[3], Большинство программ рассчитаны на 5–10 лет (например, в Чувашии период 2019 – 2035 гг., в Санкт-Петербурге – 2018 – 2028 гг.). Некоторые регионы завершают программы в 2024–2025 гг. (Ингушетия, Алтайский край, Москва)[4], что может потребовать продления или новых программных инициатив.

Финансовое обеспечение запланированных мероприятий осуществляется преимущественно за счет средств регионального бюджета, что закрепляет их статус как инструмента бюджетного планирования и программно-целевого управления. При этом сохраняется возможность привлечения дополнительных источников финансирования, включая внебюджетные поступления[5]. Лидерами по объему финансирования в 2024 году стали Новосибирская область (3,93 млрд руб.), Чувашия (32,1 млн руб.), Санкт-Петербург (103 млн руб.).

Особое значение имеет вопрос юридической ответственности за исполнение программных положений. Ненадлежащая реализация или неисполнение предусмотренных программой мероприятий может повлечь применение бюджетных мер принуждения (ст. 289 Бюджетного кодекса РФ), административной (ст. 15.14 КоАП РФ), а в отдельных случаях – уголовной (ст. 285, 293 УК РФ) ответственности.

В качестве примера охарактеризуем более подробно региональную программу Краснодарского края «Обеспечение прав потребителей в Краснодарском крае на 2023–2028 годы».[6]

Она представляет собой нормативный акт, реализующий публично-правовые функции государства в сфере защиты прав граждан как участников потребительского рынка. Программа направлена на создание комплексной системы защиты потребительских прав посредством институционализации взаимодействия между участниками системы в Совете по защите прав потребителей, повышения уровня правовой грамотности населения и минимизации рисков нарушения законных интересов потребителей. В качестве нормативной базы выступают документы федерального уровня, включая Закон РФ «О защите прав потребителей», поручения Президента РФ и Стратегия государственной политики в данной сфере до 2030 года.

Мероприятия, предусмотренные программой (проведение совещаний, круглых столов, конференций, мониторинг качества товаров и услуг, профилактика правонарушений, и др.) осуществляются в рамках текущей деятельности исполнительных органов государственной власти Краснодарского края, а также подведомственных им учреждений, включая Департамент потребительской сферы и регулирования рынка алкоголя Краснодарского края, Управление Роспотребнадзора по Краснодарскому краю и Государственное казенное учреждение Краснодарского края «Центр развития торговли». При этом финансирование реализации программы обеспечивается за счет бюджетных средств, выделяемых на выполнение указанными организациями своих уставных и функциональных задач.

Таким образом, программа «Обеспечение прав потребителей в Краснодарском крае на 2023–2028 годы» направлена на координацию деятельности различных ведомств, носит организационно-методический характер и реализуется за счет внутренних ресурсов исполнительных органов. Представляется, что отсутствие специально закрепленных за программой ассигнований может ограничивать масштаб и эффективность ее реализации, особенно в части внедрения инновационных форматов взаимодействия с населением и предпринимательским сообществом, развития цифровых платформ и расширения охвата социально уязвимых групп. В связи с этим целесообразной видится разработка комплекса мер, включающих закрепление финансирования программы отдельной строкой в региональном бюджете, а также расширение привлечения внебюджетных средств, с одновременным совершенствованием системы мониторинга результативности использования выделяемых ресурсов.

Помимо регионального блока, немаловажное регулятивное значение имеют *акты, принимаемые на уровне муниципальных образований.* Согласно положениям Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»[7] законодатель последовательно закрепляет право на осуществление мероприятий по защите прав потребителей за всеми видами муниципальных образований: за городскими и сельскими поселениями (ст. 14.1 п. 17), муниципальными районами (ст. 15.1 п. 16) и городскими округами (ст. 16 п. 1). Объем полномочий предопределяется в ст. 44 Закона «О защите прав потребителей», согласно которой органы местного самоуправления уполномочены разрабатывать и реализовывать муниципальные программы, направленные на защиту потребительских прав.

[1] Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2024 году: Государственный доклад. – Москва : Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2025. С. 283.
[2] Там же. С. 284.
[3] См: Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2024 году: Государственный доклад. С. 252.
[4] Там же. С. 285-286.
[5] Например, в Пензенской области финансирование региональной программы «Обеспечение защиты прав потребителей в Пензенской области на 2020–2024 годы» осуществлялось за счет средств областного бюджета и внебюджетных источников в пределах ассигнований, предусмотренных на содержание исполнителей программы. См: Государственный доклад «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2024 году». С. 407. Исключительно за счет внебюджетных источников осуществляется финансирование Региональной программы по повышению финансовой грамотности населения Кузбасса. См: там же. С. 425.
[6] Приказ департамента потребительской сферы и регулирования рынка алкоголя Краснодарского края от 20.06.2023 № 145 «Об утверждении региональной программы "Обеспечение прав потребителей в Краснодарском крае на 2023 – 2028 годы"» // https://dps.krasnodar.ru/documents/npa/139320 (дата обращения: 18.07.2025)
[7] СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

Так, например, постановлением администрации Острогожского муниципального района Воронежской области № 839 от 25.12.2019 года была утверждена муниципальная программа «Защита прав потребителей Острогожского муниципального района Воронежской области на 2020–2025 годы»,[1] включающая три основных направления реализации три основных направления: 1) снижение нарушений законодательства; 2) повышение информированности потребителей; 3) развитие досудебной формы урегулирование споров.

На наш взгляд, муниципальные программы по защите прав потребителей являются формой реализации федерального законодательства на местном уровне, обеспечивая его адаптацию к локальным условиям. Они способствуют повышению правовой и социальной защищенности граждан, создавая механизмы для эффективного отстаивания их интересов. Одновременно такие программы стимулируют бизнес к соблюдению норм качества и ответственности, что положительно влияет на развитие добросовестной конкуренции и потребительского рынка в целом. В связи с этим нельзя положительно оценить отсутствие таких программ во многих муниципальных образованиях (МО) Краснодарского края.

Так, например, в Перечне муниципальных программ МО Тимашевский район, действующих в 2025 году[2], программа по защите прав потребителей отсутствует.

Не смогли мы найти информацию об аналогичной программе в Сводном годовом докладе о ходе реализации и оценке эффективности муниципальных программ муниципального образования город Армавир за 2024 год[3].

На официальных сайтах администраций рандомно выбранных муниципальных образований Краснодарского края – Новокубанского, Кавказского, Каневского районов, городов Краснодар, Новороссийск (вкладка Перечень муниципальных программ не заполнена[4]), города-курорта Анапа (перечень представлен в виде ссылок на загрузку текстов актов об утверждении программ)[5], нам не удалось обнаружить информацию о наличии в этих муниципальных образованиях программных документов, напрямую касающихся защиты прав потребителей.

Все это, на наш взгляд, снижает эффективность реализации государственной политики в рассматриваемой сфере, потому как подобные программы являются неотъемлемым элементом социально-экономического развития территорий, выполняют профилактическую функцию, снижая риски нарушений, а также способствуют росту правовой грамотности населения, укрепляя доверие к институтам публичной власти. Учитывая данную проблему, актуальной представляется разработка типовой муниципальной программы по защите прав потребителей, которая могла бы стать универсальной основой для ее внедрения в тех МО Краснодарского края, где подобные документы пока отсутствуют. Это позволило бы обеспечить единые стандарты защиты прав потребителей на всей территории региона, усилить профилактическую работу и повысить эффективность правоприменительной практики в данной сфере. Нелишним будет и изучение лучших практик муниципальных образований других российских регионов[6].

Итак, проведенное исследование публично-правовых основ защиты прав потребителей в Российской Федерации позволяет сделать вывод о формировании многоуровневой модели государственного регулирования, базирующейся как на нормах национального права, так и международных документах. Особую роль в реализации защиты прав потребителей играют региональные программы, выступающие результативным инструментом программно-целевого управления, бюджетного планирования и институционализации взаимодействия между органами власти, бизнесом и гражданским обществом. Их эффективность подтверждается как количественными, так и качественными показателями, свидетельствующими о снижении числа нарушений, росте правовой грамотности населения и внедрении инновационных решений.

Вместе с тем, недостаточно задействованным выглядит муниципальный уровень. Отсутствие муниципальных программ делает менее доступными для граждан локальные способы защиты их прав. В этих условиях обоснованной мерой стала бы разработка и внедрение типовой муниципальной программы, обеспечивающей единообразие и унифицирующей подходы к реализации мероприятий в соответствующих муниципальных образованиях.

Список литературы:

1. Казакова Е. Б. Структура и особенности законодательства о защите прав потребителей на современном этапе развития рыночных отношений // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 4. С. 27–36. doi:10.21685/2307-9525-2021-9-4-4
2. Салеев П.Д., Симашенко П.Д. Механизмы обеспечения защиты прав потребителей на уровне муниципалитетов // Вестник Международного института рынка. 2024. № 2. С. 104-110.
3. Черняков М.К., Черняков В.М., Зайцева Т.Р. Трансформация потребительского рынка в контексте приоритизации качества и безопасности товаров и услуг: Материалы международной научно-практической интернет-конференции, Донецк, 25–26 апреля 2024 года. Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского. 2024. С. 174-177.

References:

1. Kazakova E. B. The structure and features of consumer protection legislation at the current stage of market relations development // Electronic scientific journal "Science. Society. The state." 2021. Vol. 9, No. 4. pp. 27-36. doi:10.21685/2307-9525-2021-9-4-4
2. Saleev P.D., Simashenko P.D. Mechanisms for ensuring consumer rights protection at the municipal level // Bulletin of the International Market Institute. 2024. No. 2. pp. 104-110.
3. Chernyakov M.K., Chernyakov V.M., Zaitseva T.R. Transformation of the consumer market in the context of prioritizing the quality and safety of goods and services: Proceedings of the international scientific and practical Internet conference, Donetsk, April 25-26, 2024. Donetsk: Donetsk National University of Economics and Trade named after M. Tugan-Baranovsky. 2024. pp. 174-177.

[1] https://ostrogozhskij-r20.gosweb.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/biznes-predprinimatelstvo/potrebitelyam/novosti_186.html (дата обращения: 18.07.2025).
[2] https://xn--c1adicrjgmp.xn--p1ai/item/1943885 (дата обращения: 18.07.2025).
[3] https://www.armawir.ru/gorodskaya_sreda/munitsipalnye-programmy-991/ispolnenie-munitsipalnykh-programm-1361/88240/?sphrase_id=305010 (дата обращения: 18.07.2025).
[4] https://admnvrsk.ru/dokumenty/dokumenty-administratsii/munitsipalnye-programmy/perechen-munitsipalnykh-programm/ (дата обращения: 18.07.2025)
[5] https://anapa-official.ru/adm/ekonomika-i-investicii/mcp/perechen-municipalnih-programm/2025-%d0%b3%d0%be%d0%b4/ (дата обращения: 18.07.2025)
[6] См., например: Салеев П.Д., Симашенко П.Д. Механизмы обеспечения защиты прав потребителей на уровне муниципалитетов // Вестник Международного института рынка. 2024. № 2. С. 104-110.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_178

САД И ОГОРОД: ЮРИДИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВАЖНЫХ ТЕРМИНАХ. ЧАСТЬ 1
GARDEN AND KITCHEN GARDEN: LEGAL REFLECTIONS ON IMPORTANT TERMS. PART 1

БУТОВЕЦКИЙ Алексей Игоревич,
кандидат юридических наук,
Статс-секретарь - заместитель руководителя Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии.
Россия, г. Москва.
E-mail: rogdestveno@inbox.ru

BUTOVETSKY A.I.,
State Secretary – Deputy Head of the Federal Service for State Registration,
Cadastre and Cartography, candidate of Legal Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: rogdestveno@inbox.ru

Краткая аннотация: *Садоводство и огородничество имеет широкую популярность среди населения Российской Федерации. По неофициальным данным около 60 миллионов граждан в нашей стране являются садоводами или огородниками. Правоотношения, складывающиеся в указанной сфере, регулируются федеральным законом от 29 июля 2017 года № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами. Из самого названия данного закона, который регулирует широкий спектр правоотношений, следует, что ключевыми понятиями для большого массива правовых норм являются «сад» и «огород». В противном случае сам закон не мог быть иметь такого названия и соответствующего предмета правового регулирования. «Сад» и «огород» являются законообразующими понятиями и лежат в основе правовой идентификации таких объектов как садовый земельный участок, огородный земельный участок, садовый дом, садоводческое или огородническое некоммерческое товарищество. Однако при этом действующее законодательство не определяет, что именно понимается под этими терминами, как они вписываются в современное право недвижимости и в существующее регулирование земельных правоотношений. Изучение данного вопроса приводит к сложному правовому выбору при определении правовой природы этих явлений. Юридическая оценка показывает, что сад и огород имеют признаки улучшений земельных участков. В то же время можно придти к выводу, что вместе с земельным участком они представляют собой принадлежность и главную вещь либо сложную вещь. Однако по результатам проведенного изучения автор пришел к умозаключению об отнесении сада и огорода к числу составных частей земельного участка.*

Abstract: *Gardening and horticulture are widely popular among the population of the Russian Federation. According to unofficial data, about 60 million citizens in our country are gardeners or horticulturists. The legal relations arising in this sphere are regulated by Federal Law No. 217-FZ of July 29, 2017 "On the Conduct of Gardening and Horticulture by Citizens for Their Own Needs and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and other regulatory legal acts. From the very name of this law, which regulates a wide range of legal relations, it follows that the key concepts for a large body of legal norms are "orchard/garden" and "kitchen garden/vegetable plot". Otherwise, the law itself could not have such a title and a corresponding subject of legal regulation. "Orchard/Garden" and "Kitchen Garden/Vegetable Plot" are law-forming concepts and underlie the legal identification of such objects as a garden land plot, a vegetable garden land plot, a garden house, and a horticultural or vegetable-gardening non-profit partnership. However, at the same time, the current legislation does not define what exactly is understood by these terms, how they fit into modern real estate law and the existing regulation of land legal relations. The study of this issue leads to a complex legal choice in determining the legal nature of these phenomena. A legal assessment shows that a garden and a vegetable plot have the characteristics of improvements to land plots. At the same time, one can come to the conclusion that, together with the land plot, they represent an accessory and the principal thing or a complex thing. However, based on the results of the study, the author came to the conclusion that gardens and vegetable plots are classified as constituent parts of a land plot.*

Ключевые слова: *сад, огород, недвижимость, земельные участки, составные части вещей, улучшения имущества*
Keywords: *garden, kitchen garden, real estate, land plots, component parts of things, property improvements.*

Для цитирования: *Бутовецкий А.И. Сад и огород: юридические размышления о важных терминах. Часть 1 // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 178-182. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_178.*
For citation*: Butovetsky A.I. Garden and kitchen garden: legal reflections on important terms. Part 1 // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 178-182. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_178.*

Статья поступила в редакцию: 19.02.2026

Заборы являются традиционной составляющей ведения садоводства и огородничества, как и в целом частного сектора в нашей стране. Согласно СП по планировке территорий садоводства индивидуальные садовые участки, как правило, должны быть огорожены. Ограждения с целью минимального затенения территории соседних участков должны быть сетчатые или решетчатые, высотой 1,5 м. Допускается по решению общего собрания членов садоводческого объединения устройство глухих ограждений со стороны улиц и проездов. Этим упоминанием об ограждениях ограничивается отечественное садово-огородное регулирование.

В постановлении Президиума ВАС от 28 мая 2013 года № 17085/12 дана оценка таким сооружениям как мини-футбольное поле и футбольное поле. Несмотря на то, что суд в тексте постановления назвал эти объекты «сооружениями», делается вывод о том, что они представляют собой улучшения земельного участка, заключающиеся в приспособлении его для удовлетворения для нужд лиц, пользующихся участком.

Наконец, в рамках одного из самых знаменитых дел по подобным объектам Президиум ВАС (постановление от 17 января 2012 года № 4777/08) высказался относительно мелиоративной системы. С одной стороны, в этом деле суд также придерживается подобной позиции (спорные объекты не имеют самостоятельного функционального назначения, созданы исключительно в целях улучшения качества земель и обслуживают только земельный участок, на котором они расположены), однако при этом дополнительно отмечает, что «поэтому являются его неотъемлемой частью и применительно к статье 135 ГК должны следовать судьбе этого участка».

Ввиду того, что садоводы и огородники могут быть одновременно владельцами автомобилей, стоит сказать о том, что ГрК содержит упоминание о таком объекте как парковка (парковочное место). Это «специально обозначенное и при необходимости обустроенное и оборудованное место, являющееся в том числе частью автомобильной дороги и (или) примыкающее к проезжей части и (или) тротуару, обочине, эстакаде или мосту либо являющееся частью подэстакадных или подмостовых пространств, площадей и иных объектов улично-дорожной сети и предназначенное для организованной стоянки транспортных средств на платной основе или без взимания платы по решению собственника или иного владельца автомобильной дороги, собственника земельного участка» (п. 21 ст. 1 ГрК).

В соответствии с «СП 113.13330.2023. Свод правил. Стоянки автомобилей СНиП 21-02-99», утвержденного приказом Минстроя России от 5 октября 2023 года № 718/пр, под стоянкой автомобилей (паркингом) понимается «здание, сооружение (часть здания, сооружения) или специальная открытая площадка, предназначенные для хранения (стоянки) легковых автомобилей и других мототранспортных средств (мотоциклов, мотороллеров, мотоколясок, мопедов, скутеров и т.п.), а также средств индивидуальной мобильности». Как мы видим, одним из видов стоянок автомобилей являются стоянки открытого типа, которые могут размещаться на открытых площадках. Кроме того, данный свод правил использует термин «гостевая стоянка автомобилей», под которой в том числе может пониматься открытая площадка, предназначенная для стоянки легковых автомобилей гостей жильцов дома.

Для отдыха на садовом или огородном земельном участке могут быть созданы небольшие водные объекты. В соответствии со ст. 261 ГК право собственности на земельный участок распространяется на находящиеся в границах земельного участка поверхностный (почвенный) слой и водные объекты, находящиеся на нем растения. Согласно пп. 1 п. 1 ст. 40 ЗК собственник земельного участка в числе прочего имеет право использовать пруды и обводненные карьеры в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В толковом словаре русского языка[1] пруд – это искусственный водоем в естественном или выкопанном углублении, а также запруженное место в реке.

Согласно п. п. 178, 179 ГОСТ 19179-73 «Государственный стандарт Союза ССР. Гидрология суши. Термины и определения» (введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 29 октября 1973 года № 2394) пруд - мелководное водохранилище площадью не более 1 км^2. Пруд-копань - небольшой искусственный водоем в специально выкопанном углублении на поверхности земли, предназначенный для накопления и хранения воды для различных хозяйственных целей.

Согласно п. 3.1.2.36 ГОСТ Р ИСО 6707-1-2020 «Национальный стандарт Российской Федерации. Здания и сооружения. Общие термины» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 24 декабря 2020 года № 1388-ст), к водоемам относятся в том числе пруды естественного или искусственного происхождения для хранения, регулирования и контроля воды.

Таким образом, пруд – это водоем естественного или искусственного происхождения.

Из изложенного можно констатировать, что судебная и правоприменительная практика выявила достаточно большое количество объектов (специально не указываю «вещей»), которые: 1) не имеют самостоятельного хозяйственного назначения, 2) предназначены только для обслуживания земельного участка, 3) предназначены только для того, чтобы улучшить качества земельного участка, 4) не являются отдельными объектами недвижимости, а, соответственно, не могут быть составляющими понятия «всё» из ст. 130 ГК, 5) не могут участвовать самостоятельно в обороте, 6) следуют судьбе земельного участка, на котором они расположены, 7) в зависимости от конкретных ситуаций могут называться улучшениями или составными частями земельного участка.

Речь идет о заборах, калитках, спортивных и детских площадках, асфальтированных площадках, парковках (не путать с машиноместами), объектах благоустройства (например, лавочки, малые архитектурные формы), системах полива растений, небольших водных объектах[2].

Применительно к садовым и огородным участкам и растениям на них вспомним, что еще на первых этапах создания советских садоводческих товариществ Покровский И.Ф. отмечал, что, выращивая многолетние насаждения, члены садоводческого товарищества приобретают право полностью распоряжаться плодами, получаемыми от своего сада, продавать саженцы фруктовых деревьев и кустарников, то есть насаждений, которые легко отделимы от земли без нарушения целостности. Однако купля-продажа, сдача в аренду фруктовых садов, виноградников, ягодников и т.п. законом запрещены. Неотделимые без нарушения их целостности от земли фруктовые и декоративные насаждения могут переходит в собственность только тех лиц, которым в установленном законом порядке право пользования землей, находящейся под этими насаждениями[3].

Несмотря на то, что сады и огороды могут быть разные, в целом понятно, что речь идет не об отдельном объекте недвижимости, в том числе земельном участке, а об определенной территории в границах земельного участка (не путать с частью земельного участка, которая является самостоятельным объектом земельных отношений в соответствии со ст. 6 ЗК), где почва особым образом обработана и произрастают определенные растения, в будущем дающие урожай, представляющий собой ту самую сельскохозяйственную продукцию, используемую садоводами и огородниками для собственных нужд, о которой говорится в ст. 3 Закона № 217-ФЗ в нормах о правовом режиме садовых и огородных участков.

Правовой режим садового и огородного земельного участка предусматривает возможность выращивания сельскохозяйственной продукции для собственных нужд (овощи и фрукты). С учетом того, что оба земельных участка допускают использование их для отдыха, правообла-

[1] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. Издательство «Советская энциклопедия», 1973. С. 579.
[2] См. подробнее: Садово-огородная недвижимость: Монография / А.И.Бутовецкий. – Москва: Статут, 2025. – 752 с.
[3] Правовое положение садоводческих товариществ рабочих и служащих / Покровский И.Ф. – М.: Госюриздат, 1959. С. 8.

датель земельного участка вполне может высадить на земельном участке и другие растения, которые хоть и не имеют отношения к сельскохозяйственной продукции, но способствуют организации отдыха граждан и получению эстетического удовольствия (декоративные деревья и кустарники, цветы).

С чем же именно мы все-таки имеем дело? С нормами ст. 135 ГК о главной вещи и принадлежности, с улучшениями земельного участка (п. 10 ст. 1 ГрК) или с составными частями (ст. 133 ГК)?

На мой взгляд, можно утверждать, что речь явно не идет об отдельных вещах.

Суханов Е.А. указывает, что возникающие на основе норм вещного права субъективные вещные права оформляют и закрепляют принадлежность вещей (материальных, телесных объектов) субъектам гражданских правоотношений, иначе говоря, статику имущественных отношений, регулируемых гражданским правом[1]. Он же отмечает, что «…различные объекты гражданских прав в этом своем качестве отличаются друг от друга именно своим правовым режимом, а не физическими или экономическими свойствами…»[2].

В соответствии со ст. 128 ГК вещи являются объектами гражданских прав. Применительно к садовому земельному участку нельзя сказать, что произрастающая на нем яблоня может быть самостоятельным объектом гражданских прав. Таковой она может стать только в результате отделения от земельного участка, но уже, к примеру, в виде древесины и плодов, которые появились в связи с тем, что дерево было срублено. Следуя позиции Суханова Е.А., в этом примере несмотря на то, что плодовое дерево пока оно находится на земельном участке, хоть и является материальным, телесным объектом, с точки зрения правового режима отдельной вещью признаваться не может.

Несамостоятельные объекты в российском праве рассматриваются как вспомогательные элементы главного объекта.

Емелькина И.А. полагает, что согласно определению недвижимости из ст. 130 ГК «любые индивидуально-определенные объекты, будь то садовая скамейка, забор, колодец, будка, хозяйственные постройки, должны быть зарегистрированы как недвижимость в силу прочной их связи с землей. Относительно таких вещей необходимо дать следующее толкование. Если вещь предназначена для обслуживания другой вещи, как, например, забор, хозпостройки, элементы благоустройства жилого дома, садовая скамейка в парке, то она является соответственно принадлежностью парка или кондоминиума и в то же время будет составляющей сложной вещи: домовладения, кондоминиума или иного имущественного комплекса. Кроме того, необходимо иметь в виду и то, что регистрации подлежат наиболее социально значимые дорогостоящие вещи»[3].

Мы видим, что речь идет о принципиально различных объектах: составные части являются не имеющими самостоятельного значения частями других вещей (и потому всегда разделяют юридическую судьбу последних), тогда как принадлежности - это самостоятельные вещи. Хотя они и предназначены для обслуживания другой (главной) вещи, но могут использоваться и в качестве самостоятельных объектов вещных прав, а их отсутствие не влечет признания главной вещи незаконченной или неспособной выполнять свое хозяйственное назначение. Поэтому согласно диспозитивному правилу ст. 135 ГК принадлежности следуют судьбе главной вещи не всегда, а лишь если договором не предусмотрено иное[4]. Яркие примеры главных вещей и принадлежностей – это автомобиль и ключи от него, мобильный телефон и зарядное устройство к нему и т.д. Очевидно, что при приобретении этих вещей не требуется отдельного упоминания в договоре купли-продажи (если он заключается) и отдельного указания в чеке на товар таких принадлежностей. Однако при этом если такая принадлежность будет утеряна, например, по беспечности хозяина, то новую такую же уже придется покупать как отдельную самостоятельную вещь.

Составные части вещей (напомню, что земельный участок для гражданского оборота – это прежде всего вещь) упоминаются в ГК только применительно к вопросам делимости вещей. Согласно ст. 133 ГК вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав, является неделимой вещью и в том случае, если она имеет составные части. Замена одних составных частей вещи другими составными частями не влечет возникновения иной вещи, если при этом существенные свойства вещи сохраняются.

Выбор между двумя правовыми категориями – улучшения и составные части, на мой взгляд, также можно сделать с учетом норм действующего законодательства, а также смысла, который русский язык придает термину «улучшение». Очевидно, что улучшение – это изменение чего-то к лучшему, а антонимом к этому слову является ухудшение. Это - «что-то» - в данном случае земельный участок.

В этой связи если считать, что изучаемые объекты - это улучшение земельного участка, такая конструкция будет приводить к тому, что наличие сада (как совокупности плодовых деревьев) или огорода (как совокупности сельскохозяйственных растений) на земельном участке, всегда должно указывать на то, что участок в связи с их наличием стал лучше. То есть с правовой и лингвистической точки зрения такому явлению всегда придается позитивный окрас.

Однако может же быть и обратная ситуация. Когда, к примеру, по мнению потенциального покупателя земельного участка этот сад или огород настолько безобразен, что он только портит земельный участок и снижает его стоимость. В результате бездействия собственника земельного участка такие «улучшения» могут легко превратиться в «ухудшения» и положения п. 10 ст. 1 ГрК об улучшениях земельного участка выглядят в такой ситуации крайне неподходящими. Для устранения подобных «улучшений», превратившихся в «ухудшения», приобретателю такого участка могут потребоваться значительные финансовые, временные и трудовые усилия, что может повлиять на сумму сделки при приобретении земельного участка.

По моему мнению, говоря о подобных объектах (хотя вряд ли после присоединения к земельному участку их можно называть объек-

[1] Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017. Доступ через СПС «Консультант Плюс».
[2] Там же.
[3] Емелькина И.А. К вопросу о понятии и признаках недвижимого имущества // Гражданское право. 2005. № 2.
[4] Там же.

тами), следует сказать, что они являются именно составными частями земельного участка без придания им позитивного или негативного окраса через правовые характеристики.

В Заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в заключении от 17 декабря 2020 года № 204-2/2020 по проекту федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования законодательства о недвижимом имуществе» и проекту федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования законодательства о недвижимом имуществе» (далее соответственно – Совет, Заключение Совета 2020 года) говорится, что «…присоединение составных частей к недвижимой вещи … может не только улучшить недвижимую вещь, но и ухудшить ее (например, неудачно собранная кровля ухудшит здание, поэтому вряд ли было бы правильно считать некачественную крышу «улучшением»). В этом смысле термин «составная часть недвижимой вещи» является нейтральным. Более того, но является классическим цивилистическим обозначением элементов составной вещи»[1].

С учетом изложенного, представляется, что сад и огород как совокупность произрастающих на земле плодовых, ягодных, и овощных сельскохозяйственных культур, иные растения, вполне можно было бы считать составными частями садовых и огородных земельных участков.

Идеальности картины составных частей садовых и огородных участков не позволяет достичь разве что п. 2 ст. 133 ГК, который предусматривает, что замена одних составных частей неделимой вещи другими составными частями не влечет возникновение иной вещи, если при этом существенные свойства вещи сохраняются. Недостатком данной нормы является то, что следовало бы закрепить, что новая вещь не возникает не только в случае если осуществлена замена составных частей, но и если некоторые из них прекратили существование и при этом существенные свойства вещи сохраняются. Ведь вправе же садовод выкорчевать яблоню и не сажать вместо нее другую. Эти действия, безусловно не влекут изменение существенных свойств земельного участка как недвижимой вещи.

На этом можно было бы закончить изучение указанного вопроса и формулирование выводов. Однако есть и еще один интересный пример из отечественного законодательства, указывающий на неоднозначность современного регулирования, касающегося улучшений и составных частей земельных участков. При этом произрастающие на земельном участке растения также как и в случае с садами и огородами с правовой точки зрения оказывают прямое влияние не только на правовой режим земельного участка, но и являются основой для отдельного правового регулирования в рамках специального федерального закона.

Так, согласно п. 13 ст. 3 Федерального закона от 27 декабря 2019 года № 468-ФЗ «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации» виноградник – это сложная вещь, состоящая из земель или земельных участков (частей земельных участков) сельскохозяйственного назначения либо находящихся в составе зон сельскохозяйственного использования в населенных пунктах с расположенными на них виноградными насаждениями. Как предусмотрено п. 15 этой же статьи под виноградными насаждениями понимаются искусственные (культурные) насаждения растений рода Vitis, в том числе сортов, полученных скрещиванием сортов Vitis Vinifera с сортами других видов рода Vitis, возделываемые в целях получения ягод винограда, посадочного материала виноградных растений или научного изучения. Закладка виноградных насаждений – это создание виноградных насаждений для целей производства продукции виноградарства и продукции виноделия, а также для научных целей путем их высадки на землях или земельных участках, включающее в себя выполнение предшествующих высадке виноградных насаждений взаимосвязанных мероприятий по предпосадочной подготовке земель или земельных участков, производству и (или) приобретению саженцев, осуществлению мелиоративных мероприятий, установке шпалер.

Действие данного закона не распространяется на садоводов и огородников (ч. 3 ст. 1), соответственно созданный на садовом или огородном участке виноградник, а также выращенный в результате этого виноград, не будет являться предметом регулирования данного специального закона. Такой виноград для садоводов и огородников будет являться обычной сельскохозяйственной продукцией, выращенной для собственных нужд, о которой идет речь в ст. 3 Закона № 217-ФЗ, а сам виноградник для этой категории землепользователей не будет являться сложной вещью, о которой сказано в законе.

Однако пример с Федеральным законом от 27 декабря 2019 года № 468-ФЗ «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации» интересен тем, что законодатель, описывая, по сути, растения, не использовал наработки судебной практики, основанные на положениях ГК, а применил еще одну категорию – сложные вещи. Согласно ст. 134 ГК если различные вещи соединены таким образом, который предполагает их использование по общему назначению (сложная вещь), то действие сделки, совершенной по поводу сложной вещи, распространяется на все входящие в нее вещи, поскольку условиями сделки не предусмотрено иное.

Минина Е.Л. и Шуплецова Ю.И. указывают, что интересен названный закон тем, что впервые в российском законодательстве земельный участок с расположенными на нем растениями рассматривается как одна сложная вещь[2].

Бевзенко Р.С. отмечает, что составную вещь следует отличать от сложной вещи. Последняя представляет собой совокупность вещей, которые связаны между собой общностью назначения, но не физически. Таким образом, термин «вещь» в словосочетании «сложная вещь» условен. Сложная вещь – это не вещь, а правовой режим, смысл которого заключается в том, что все вещи, входящие в эту общность, будут

[1] Экспертное заключение по проектам федеральных законов «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации» и «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в целях приведения их в соответствие с Гражданским кодексом Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23 апреля 2018 года № 175-1/2018). Доступ через СПС «Консультант Плюс».
[2] Минина Е.Л., Шуплецова Ю.И. Лес и растительный мир: правовые проблемы разграничения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 84 – 104. Доступ через СПС «Консультант Плюс».

иметь одинаковую юридическую судьбу. Строго говоря, сложные вещи создаются не абстрактными представлениями о функциональных связях между вещами, а скорее волей участников оборота, совершающих сделки по поводу совокупностей объектов[1].

По мнению Суханова Е.А., будучи совокупностями самостоятельных вещей, сложные вещи вполне делимы на отдельные составляющие их элементы как физически, так и юридически. Более того, их индивидуализация как объектов права по общему правилу предполагает то или иное перечисление или указание на составляющих их элементы (вещи) в конкретной сделке.

Очевидно, что правовая конструкция виноградника, выбранная законодателем в специальном законе, была нацелена на то, чтобы подчеркнуть единство виноградных насаждений и земельного участка и вряд ли исключительно для целей сделок с такими объектами. Поэтому скорее целесообразнее было бы и для виноградника применять ст. 133 ГК, согласно которой виноградные насаждения являлись бы составной частью земельного участка, относящегося к виноградопригодным землям, а не отдельными вещами, которые по своему правовому режиму объединились с земельными участками.

В этой связи пример с виноградником, который как было указано выше к садоводам и огородникам с правовой точки зрения не имеет отношения, не является удачной правовой конструкцией, а скорее подходом, явно выбивающимся из положений ГК и самой идеи единства земельного участка и виноградных насаждений.

Но вместе с тем, этот пример с другой точки зрения наиболее близок к садовым и огородным участкам, поскольку земельный участок, занятый виноградными насаждениями, попадает в прямую юридическую зависимость от таких насаждений ввиду того, что именно их наличие на земельном участке относит его к виноградопригодным землям. В этой связи мы фактически по аналогии с садовыми или огородными участками можем говорить о виноградопригодном земельном участке.

Список литературы:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. Издательство «Советская энциклопедия», 1973. С. 579.
2. Садово-огородная недвижимость: Монография / А.И.Бутовецкий. – Москва: Статут, 2025. – 752 с.
3. Правовое положение садоводческих товариществ рабочих и служащих / Покровский И.Ф. – М.: Госюриздат, 1959. С. 8.
4. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017. Доступ через СПС «Консультант Плюс».
5. Емелькина И.А. К вопросу о понятии и признаках недвижимого имущества // Гражданское право. 2005. № 2.
6. Экспертное заключение по проектам федеральных законов «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации» и «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в целях приведения их в соответствие с Гражданским кодексом Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23 апреля 2018 года № 175-1/2018). Доступ через СПС «Консультант Плюс».
7. Минина Е.Л., Шуплецова Ю.И. Лес и растительный мир: правовые проблемы разграничения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 84 – 104. Доступ через СПС «Консультант Плюс».
8. Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости [Электронное издание]. – М.: М-Логос, 2017. – 80 с.

References:

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language, Moscow, Soviet Encyclopedia Publishing House, 1973, p. 579.
2. Horticultural real estate: A monograph / A.I.Butovetsky. – Moscow: Statute, 2025. – 752 p.
3. The legal status of horticultural associations of workers and employees / Pokrovsky I.F. – Moscow: Gosyurizdat, 1959. p. 8.
4. Sukhanov E.A. Property law: A scientific and educational essay. - Moscow: Statute, 2017. Access through the SPS Consultant Plus.
5. Yemelkina I.A. On the issue of the concept and characteristics of real estate // Civil law. 2005. № 2.
6. Expert opinion on the draft federal Laws "On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation" and "On Amendments to Legislative Acts of the Russian Federation in Order to Bring them into Line with the Civil Code of the Russian Federation" (adopted at the meeting of the Presidential Council for the Codification and Improvement of Civil Legislation on April 23, 2018 No. 175-1/2018). Access via the SPS Consultant Plus.
7. Minina E.L., Shupletsova Yu.I. Forest and flora: legal problems of differentiation // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2021. No. 1. pp. 84-104. Access through the SPS Consultant Plus.
8. Bevzenko R.S. A land plot with buildings on it: an introduction to Russian real estate law [Electronic edition]. Moscow: M–Logos, 2017. 80 p.

[1] Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости [Электронное издание]. – М.: М-Логос, 2017. – 80 с.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_183

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
LEGAL REGULATION OF JUDICIAL LAND-USE EXPERTISE IN THE RUSSIAN FEDERATION

АНТОНОВ Никита Кириллович,
лаборант кафедры земельного и экологического права
ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству».
105064, Россия, г. Москва, ул. Казакова, 15.
E-mail: antonov.main@gmail.com;

ANTONOV Nikita Kirillovich,
Laboratory Assistant at the Department of Land and Environmental Law, State University for Land Management.
15 Kazakova St., Moscow, 105064, Russia.
E-mail: antonov.main@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье исследуются правовые основы проведения судебной землеустроительной экспертизы в Российской Федерации, ее место в системе судебных доказательств и специфика нормативного регулирования назначения, производства и оценки экспертного заключения. Раскрываются процессуальные и материально-правовые источники регулирования, анализируются проблемы, возникающие при исследовании земельных участков, их границ, площади, местоположения и правового режима. Особое внимание уделяется роли судебной землеустроительной экспертизы при разрешении земельных споров, устранении кадастровых ошибок и проверке достоверности сведений Единого государственного реестра недвижимости. Делается вывод о необходимости совершенствования правовой и методической базы экспертной деятельности.*

Abstract: *The article examines the legal basis for conducting a judicial land management examination in the Russian Federation, its place in the system of judicial evidence, and the specifics of regulatory regulation of the appointment, production, and evaluation of expert opinions. The article reveals the procedural and substantive legal sources of regulation and analyzes the problems that arise when studying land plots, their boundaries, area, location, and legal regime. Special attention is paid to the role of judicial land management expertise in resolving land disputes, eliminating cadastral errors, and verifying the accuracy of information in the Unified State Register of Real Estate. The article concludes that it is necessary to improve the legal and methodological framework for expert activities.*

Ключевые слова: *судебная землеустроительная экспертиза, земельный спор, реестровая ошибка, границы земельного участка, рецензирование судебных землеустроительных экспертиз.*

Keywords: *judicial land surveying expertise, land dispute, registry error, land plot boundaries, review of judicial land surveying expertise.*

Для цитирования: *Антонов Н.К. Правовое регулирование проведения судебной землеустроительной экспертизы в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 183-185. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_183.*

For citation*: Antonov N.K. Legal regulation of judicial land-use expertise in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 183-185. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_183.*

Статья поступила в редакцию: 15.02.2026

Судебная землеустроительная экспертиза является одним из наиболее значимых средств доказывания по делам, возникающим из земельных и смежных имущественных правоотношений. Ее востребованность обусловлена тем, что значительное число споров в данной сфере связано не столько с вопросами права, сколько с установлением фактических пространственных характеристик объекта недвижимости: местоположения участка, конфигурации его границ, площади, координат поворотных точек, пересечений с соседними участками, а также соотношения фактического землепользования с данными учетно-регистрационных систем[1]. Именно поэтому разрешение таких споров нередко невозможно без использования специальных знаний в области землеустройства, геодезии, кадастра и картографии.

Правовая природа судебной землеустроительной экспертизы определяется ее двойственной функцией. С одной стороны, она выступает процессуальным средством получения доказательственной информации; с другой — представляет собой специальное исследование, основанное на научных и технических методах, результаты которого используются судом при установлении обстоятельств, имеющих значение для дела. Такая двойственная характеристика предопределяет необходимость комплексного нормативного регулирования, включающего нормы процессуального, земельного, регистрационного и экспертного законодательства[2].

Процессуальные основания назначения экспертизы закреплены в ГПК РФ[3], АПК РФ[4] и КАС РФ[5]. В частности, ГПК РФ прямо указывает, что при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу. Аналогичный подход характерен и для иных процессуальных кодексов, что свидетельствует о признании экспертизы универсальным инструментом судебного познания. Для судебной землеустроительной экспертизы это положение имеет особое значение, поскольку именно специальные знания позволяют объективно установить реальные характеристики участка и оценить соответствие этих характеристик правоустанавливающим и учетным документам.

Материально-правовую основу рассматриваемого института составляет прежде всего Земельный кодекс Российской Федерации[6]. Он закрепляет принципы использования и охраны земель, определяет категории земель, особенности предоставления участков, а также общие требования к рациональному землепользованию[7]. Поскольку объектом экспертизы является земельный участок как пространственно-определен-

[1] Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2014. С. 203–207.
[2] Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы. М.: Норма, 2020. С. 117–121.
[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ // СЗ РФ от 18 ноября 2002 г. N 46 ст. 4532
[4] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ // СЗ РФ от 29 июля 2002 г. N 30 ст. 3012
[5] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ // СЗ РФ от 9 марта 2015 г. N 10 ст. 1391
[6] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. N 136-ФЗ // СЗ РФ от 29 октября 2001 г. N 44 ст. 4147
[7] Липски, С.А. Реализация и защита прав на землю: Учебно-методическое пособие. Направление подготовки: 40.03.01 – Юриспруденция. Программа по подготовке бакалавров. Очная, очно-заочная, заочная форма обучения / С. А. Липски, М. Н. Гаврилюк. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Государственный университет по землеустройству, 2019. – 88 с. – EDN NOPEXB.

ная часть земной поверхности, эксперт при исследовании обязан учитывать правовой режим земли, ее категорию, вид разрешенного использования, границы земель населенных пунктов, особенности землепользования и ограничения, установленные законом. Несоответствие этих параметров нередко является предметом спора и требует экспертного подтверждения.

Не менее важное значение имеет Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»[1], устанавливающий правовые основы ведения Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН). Сведения ЕГРН служат главным источником официальной информации о характеристиках земельного участка. Однако в практике нередки случаи, когда данные реестра оказываются неточными, устаревшими либо противоречат фактическому положению объекта на местности, чаще всего отсутствуют сведения о зарегистрированных обременениях земельного участка, например о зонах с особыми условиями использования территорий[2]. Возникают наложения границ, расхождения по площади, ошибки в координатах и описании местоположения. В подобных ситуациях именно судебная землеустроительная экспертиза позволяет выявить и документально подтвердить кадастровую ошибку, установить ее происхождение и предложить варианты устранения несоответствия.

Общее регулирование судебно-экспертной деятельности содержится в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[3]. Данный закон определяет правовую основу, принципы организации и основные направления экспертной деятельности, устанавливает требования к объективности, независимости и научной обоснованности исследований, а также закрепляет правовое положение государственных судебных экспертов.

Что касается выделения видов судебной землеустроительной экспертизы, то в научных трудах, различными авторами указываются следующие виды судебных землеустроительных экспертиз: досудебная землеустроительная экспертиза; внесудебная землеустроительная экспертиза; судебная землеустроительная экспертиза. В приказе Минюста России от 20.04.2023 № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»[4] род судебных экспертиз «землеустроительная экспертиза» представлен тремя видами:

- исследование объектов землеустройства, в том числе с определением их границ на местности;
- исследование объектов землеустройства с целью определения их рыночной и иной стоимости;
- почвенное, геоботаническое исследование объектов землеустройства.

Назначение судебной землеустроительной экспертизы происходит по правилам процессуального законодательства и, как правило, связано с невозможностью установить спорные обстоятельства иными средствами доказывания. При этом суд обязан определить круг вопросов, требующих разрешения, и сформулировать их таким образом, чтобы они относились к компетенции эксперта. Вопросы правового характера, например о принадлежности земельного участка на праве собственности или о законности сделки, не могут быть поставлены перед экспертом, поскольку выходят за пределы его специальных знаний. Вместе с тем эксперт вправе ответить на вопросы о местоположении границ, их соответствии кадастровым сведениям (данным ЕГРН), наличии пересечения с иными участками, возможности раздела участка либо восстановления границ по имеющимся материалам.

Практическая значимость заключения эксперта в земельных спорах чрезвычайно высока. Судебная землеустроительная экспертиза позволяет установить фактические обстоятельства, которые невозможно выявить без применения специальных технических средств и методов[5]. Речь идет о геодезических измерениях, анализе картографических материалов, сопоставлении архивных и современных землеустроительных документов[6] и межевых планов, проверке координат, выезде на местность, камеральной обработке результатов. В итоге экспертное заключение часто становится ключевым доказательством, на основании которого суд принимает решение о признании наличия кадастровой ошибки, об уточнении границ участка, об устранении наложения либо о восстановлении нарушенного права землепользователя.

Особого внимания заслуживает вопрос о методике проведения судебной землеустроительной экспертизы. В отличие от многих иных видов судебных экспертиз, здесь значительную роль играет пространственная составляющая объекта исследования[7]. Эксперт должен не только изучить представленные документы, но и сопоставить их с реальным положением участка, учитывать особенности рельефа, масштабы картографических материалов, точность исходных данных, систему координат и погрешности измерений. Кроме того, все большее значение приобретают цифровые технологии: геоинформационные системы, спутниковые снимки, электронные карты, базы пространственных данных[8]. Однако нормативная база пока не полностью учитывает эти изменения, что порождает неоднородность экспертной практики и требует дальнейшей правовой унификации

Проблемы правового регулирования судебной землеустроительной экспертизы проявляются и в вопросах качества исходных данных. Нередко эксперту предоставляются неполные, противоречивые или устаревшие материалы, что затрудняет проведение исследования. В таких условиях особую роль играет активность суда, который обязан обеспечить полноту представленных документов и при необходимости истребо-

[1] СЗ РФ от 20 июля 2015 г. N 29 (часть I) ст. 4344
[2] Гаврилюк, М. Н. Государственная регистрация обременений и ограничений прав на землю и иную расположенную на ней недвижимость / М. Н. Гаврилюк // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 7(187). – С. 4-9. – EDN KZFJUO.
[3] СЗ РФ от 4 июня 2001 г. N 23 ст. 2291
[4] СПС «Консультант плюс».
[5] Шевченко А. В. Методические основы судебной землеустроительной экспертизы // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2022. № 5. С. 34–39.
[6] Гаврилюк, М. Н. Принципы правового регулирования территориального землеустройства / М. Н. Гаврилюк // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2005. – № 7(46). – С. 56-61. – EDN PFXVSH.
[7] Дерябина Е.В. Судебная экспертиза в гражданском процессе. М.: Питер, 2021. С. 88–93.
[8] Мартынова И.А. Землеустроительная экспертиза: теория и практика. М.: Статут, 2020. С. 64–70.

вать недостающие сведения[1]. Одновременно необходимо повышать уровень профессиональной подготовки участников процесса, поскольку неправильная постановка вопросов, отсутствие понимания методики исследования и неверная интерпретация результатов могут привести к существенным судебным ошибкам.

Следует подчеркнуть, что экспертное заключение не предрешает исход спора. Суд оценивает его наряду с другими доказательствами, руководствуясь принципом внутреннего убеждения[2]. Однако именно в земельных делах заключение нередко имеет решающее значение, так как оно обеспечивает фактическую основу для юридической квалификации спорной ситуации. В этом заключается особая роль судебной землеустроительной экспертизы в механизме судебной защиты прав на землю и недвижимость.

В доктрине справедливо указывается на необходимость дальнейшего развития нормативного и методического обеспечения землеустроительной экспертизы. Современное земельное законодательство и законодательство о регистрации недвижимости создали общую основу для учета и оборота земельных участков, однако вопросы экспертного исследования требуют более точной регламентации. Перспективным представляется принятие специальных методических рекомендаций, унифицирующих подходы к исследованию границ, площади, координат и фактического пользования участками[3]. Необходимы также совершенствование стандартов экспертной подготовки и развитие электронного взаимодействия между судами, экспертными учреждениями и органами регистрации прав.

Таким образом, судебная землеустроительная экспертиза представляет собой сложный правовой институт, находящийся на пересечении процессуального, земельного и регистрационного регулирования. Ее значение обусловлено тем, что именно посредством экспертного исследования суд получает возможность установить фактические обстоятельства, имеющие решающее значение для разрешения земельных споров. Дальнейшее совершенствование данного института должно быть направлено на повышение точности экспертных исследований, улучшение качества исходной информации, унификацию методик и усиление гарантий объективности заключения.

Список литературы:

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2014. С. 203–207.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ // СЗ РФ от 29 июля 2002 г. N 30 ст. 3012
3. Гаврилюк, М.Н. Государственная регистрация обременений и ограничений прав на землю и иную расположенную на ней недвижимость / М. Н. Гаврилюк // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 7(187). – С. 4-9. – EDN KZFJUO.
4. Гаврилюк, М.Н. Принципы правового регулирования территориального землеустройства / М. Н. Гаврилюк // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2005. – № 7(46). – С. 56-61. – EDN PFXVSH.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ // СЗ РФ от 18 ноября 2002 г. N 46 ст. 4532
6. Дерябина Е.В. Судебная экспертиза в гражданском процессе. М.: Питер, 2021. С. 88–93.
7. Егорова А.А. Кадастровые ошибки и способы их устранения // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 97–104.
8. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. N 136-ФЗ // СЗ РФ от 29 октября 2001 г. N 44 ст. 4147
9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ // СЗ РФ от 9 марта 2015 г. N 10 ст. 1391
10. Кузнецова Л.В. Проблемы производства судебной землеустроительной экспертизы // Вестник судебной экспертизы. 2021. № 3. С. 52–58.
11. Липски, С.А. Реализация и защита прав на землю: Учебно-методическое пособие. Направление подготовки: 40.03.01 – Юриспруденция. Программа по подготовке бакалавров. Очная, очно-заочная, заочная форма обучения / С. А. Липски, М. Н. Гаврилюк. – Москва, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Государственный университет по землеустройству, 2019. – 88 с. – EDN NOPEXB.
12. Мартынова И.А. Землеустроительная экспертиза: теория и практика. М.: Статут, 2020. С. 64–70.
13. Петрова Е.Н. Экспертное исследование границ земельных участков // Кадастр недвижимости. 2023. № 4. С. 21–27.
14. Приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // СПС «Консультант плюс».
15. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы. М.: Норма, 2020. С. 117–121.
16. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»// СЗ РФ от 20 июля 2015 г. N 29 (часть I) ст. 4344
17. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации// СЗ РФ от 4 июня 2001 г. N 23 ст. 2291
18. Шевченко А.В. Методические основы судебной землеустроительной экспертизы // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2022. № 5. С. 34-39.

References:

1. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Forensic Examination: A Course in General Theory. Moscow: Norma, 2014, pp. 203–207.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002, No. 95-FZ // Federal Register of the Russian Federation dated July 29, 2002, No. 30, Article 3012
3. Gavrilyuk, M.N. State Registration of Encumbrances and Restrictions on Land Rights and Other Real Estate Located on It / M. N. Gavrilyuk // Agrarian and Land Law. – 2020. – No. 7(187). – Pp. 4-9. – EDN KZFJUO.
4. Gavrilyuk, M.N. Principles of Legal Regulation of Territorial Land Management / M. N. Gavrilyuk // Property Relations in the Russian Federation. – 2005. – No. 7(46). – Pp. 56-61. – EDN PFXVSH
5. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002, No. 138-FZ // Federal Register of the Russian Federation dated November 18, 2002, No. 46, Article 4532
6. Deryabina, E.V. Forensic Examination in Civil Proceedings. Moscow: Peter, 2021, pp. 88–93.
7. Egorova A.A. Cadastral Errors and Methods of Their Correction // Journal of Russian Law. 2022. No. 6. Pp. 97–104.
8. Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001, No. 136-FZ // Federal Law Gazette dated October 29, 2001, No. 44, Article 4147
9. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated March 8, 2015, No. 21-FZ // Federal Law Gazette dated March 9, 2015, No. 10, Article 1391
10. Kuznetsova L.V. Problems of conducting a judicial land survey examination // Bulletin of Forensic Expertise. 2021. No. 3. Pp. 52–58.
11. Lipsky, S.A. Realization and Protection of Land Rights: Educational and Methodological Guide. Field of Study: 40.03.01 – Law. Bachelor's Degree Program. Full-time, Part-time, and Correspondence Education / S. A. Lipsky, M. N. Gavrilyuk. – Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education State University for Land Use Planning, 2019. – 88 p. – EDN NOPEXB.
12. Martynova I.A. Land Management Expertise: Theory and Practice. Moscow: Statut, 2020, pp. 64–70.
13. Petrova E.N. Expert Research of Land Plot Borders // Real Estate Cadastre. 2023. No. 4, pp. 21–27.
14. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 72 dated April 20, 2023 "On Approval of the List of Types (Categories) of Forensic Examinations Performed in Federal Budgetary Forensic Examination Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation and the List of Expert Specialties for Which the Right to Perform Forensic Examinations Independently in Federal Budgetary Forensic Examination Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation is Granted" // Consultant Plus.
15. Rossinskaya, E.R. Theory of Forensic Expertise. Moscow: Norma, 2020, pp. 117–121.
16. Federal Law "On State Registration of Real Estate"// Federal Law of July 20, 2015, No. 29 (Part I), Article 4344
17. Federal Law "On State Forensic Expertise in the Russian Federation// СЗ РФ от 4 июня 2001 г. N 23 ст. 2291
18. Shevchenko A.V. Methodological Foundations of Forensic Land Management Expertise // Land Management, Cadastre, and Land Monitoring. 2022. No. 5. Pp. 34–39.

[1] Кузнецова Л.В. Проблемы производства судебной землеустроительной экспертизы // Вестник судебной экспертизы. 2021. № 3. С. 52–58.
[2] Петрова Е. Н. Экспертное исследование границ земельных участков // Кадастр недвижимости. 2023. № 4. С. 21–27.
[3] Егорова А. А. Кадастровые ошибки и способы их устранения // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 97–104.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_186

УДК 342.722.1

ПРАВА ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: МОЖНО ЛИ ОБЕСПЕЧИТЬ ПРАВО НА ОНЛАЙН КОММУНИКАЦИЮ? PRISONERS' RIGHTS IN THE DIGITAL AGE: IS IT POSSIBLE TO ENSURE THE RIGHT TO ONLINE COMMUNICATION?

МИРОШНИКОВ Евгений Васильевич,
кандидат экономических наук, доцент кафедры административного права и процесса,
юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
308015, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Победы, 85.
E-mail: miroshnikov@bsuedu.ru

MIROSHNIKOV Evgeny Vasilievich,
Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Procedure,
Law Institute, Belgorod State National Research University.
308015, Russia, Belgorod region, Belgorod, Pobedy str., 85.
E-mail: miroshnikov@bsuedu.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена комплексному анализу проблематики реализации прав заключенных в условиях цифровизации коммуникационной среды. Исследуется трансформация традиционных форм связи осужденных с внешним миром и появление новых возможностей, связанных с внедрением онлайн коммуникаций, включая видеосвязь, электронные письма, цифровые сервисы правовой помощи и дистанционные формы образования. Рассматриваются правовые основания права заключенных на связь, действующие ограничения, а также соотношение конституционного права на информацию с требованиями режима и безопасности. Особое внимание уделено вопросам защиты персональных данных, конфиденциальности юридической коммуникации, рискам цифрового неравенства и коммерциализации доступа. Проводится сравнительный анализ зарубежных подходов и предлагаются направления совершенствования российского законодательства. Автор приходит к выводу, что онлайн связь способна стать полноценным инструментом реализации прав осужденных при условии соответствующей нормативной регламентации, институциональной прозрачности и баланса интересов государства и личности.*

Abstract: *The article offers a comprehensive analysis of the implementation of prisoners' rights in the context of an increasingly digitalized communication environment. It examines the transformation of traditional forms of contact between incarcerated individuals and the outside world, as well as the emergence of new opportunities enabled by online communication tools, including video calls, electronic correspondence, digital legal assistance services, and remote education formats. The study explores the legal foundations of prisoners' communication rights, existing restrictions, and the relationship between the constitutional right to access information and the requirements of security and institutional order. Particular attention is paid to the protection of personal data, the confidentiality of legal communications, risks of digital inequality, and the commercialization of access to communication technologies. A comparative review of foreign approaches is provided, along with suggestions for improving Russian legislation. The author concludes that online communication can become a fully effective instrument for the realization of prisoners' rights, provided that appropriate regulatory frameworks, institutional transparency, and a balanced approach to the interests of the state and the individual are ensured.*

Ключевые слова: *права человека, права заключенных, цифровые права, право на информацию, персональные данные, пенитенциарная политика, онлайн коммуникация.*

Keywords: *human rights; prisoners' rights; digital rights; right to access information; personal data; penitentiary policy; online communication.*

Для цитирования: *Мирошников Е.В. Права заключенных в цифровую эпоху: можно ли обеспечить право на онлайн коммуникацию? // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 186-191. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_186.*

For citation*: Miroshnikov E.V. Prisoners' rights in the digital age: is it possible to ensure the right to online communication? // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 186-191. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_186.*

Статья поступила в редакцию: 12.12.2025

Вопрос о возможности и пределах связи лиц, содержащихся в местах лишения свободы, с внешним миром всегда занимал важное место в теории прав человека и практике их реализации. Хотя лишение свободы по своей сути предполагает ограничение целого ряда прав, международные и национальные стандарты исходят из того, что заключенный сохраняет свой правовой статус человека, а любые ограничения должны быть строго соразмерны целям наказания и требованиям безопасности. В условиях стремительной цифровизации коммуникационной среды традиционные инструменты взаимодействия заключенных с внешним миром подвергаются серьезной трансформации. Интернет-связь и виртуальные каналы коммуникации ставят перед законодателем и правоприменителем новые вопросы: возможно ли обеспечить доступ к современным цифровым способам связи и при этом предотвратить угрозы режиму, соблюсти конфиденциальность и избежать злоупотреблений?

В российской пенитенциарной системе вопрос использования цифровых технологий регулируется фрагментарно. Основы правового положения осужденных закреплены в Конституции РФ, Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ), федеральных законах и подзаконных актах Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН России). Статья 23 Конституции РФ гарантирует право на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, а статья 29 – право свободно искать, получать, передавать информацию [1]. УИК РФ устанавливает специальные правила осуществления связи осужденными, включая свидания, телефонные разговоры и переписку [2]. Однако прямое право на онлайн коммуникацию законодатель не формулирует, что приводит к правовой неопределенности, особенно на фоне существования пилотных проектов ФСИН России по организации видеосвиданий и электронных сервисов.

Право на связь с внешним миром – фундаментальный элемент правового статуса заключенного. Международные стандарты, включая Минимальные стандартные правила обращения с заключенными ООН (Правила Нельсона Манделы), Европейские пенитенциарные правила и

практику Европейского суда по правам человека, подчеркивают, что поддержание социальных связей существенно снижает риск деградации личности, способствует ресоциализации и снижению рецидива. Ограничение права на связь допускается лишь при наличии убедительных и законных оснований, среди которых превалируют вопросы безопасности.

Развитие цифровых технологий неизбежно поставило перед правовой наукой вопрос об адаптации концепции прав человека к условиям цифровой среды. В отечественной доктрине постепенно сформировался подход, согласно которому так называемые «цифровые права» не образуют самостоятельной новой группы прав, а представляют собой модификацию традиционных прав и свобод, реализуемых в виртуальном пространстве. Как отмечал в одном из своих выступлений Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, цифровые права возникают в процессе конкретизации универсальных прав человека применительно к новым формам социального взаимодействия и к новым каналам передачи информации [11].

Следует отметить введение Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в официальный юридический оборот категории «цифровые права» в значении, значительно расходящемся с тем, которое было предложено представителями конституционно-правовой науки. Таким образом, возникает терминологический и концептуальный разрыв, который влияет не только на гражданско-правовые отношения, но и на трактовку цифровых возможностей личности в публично-правовой сфере, включая исполнение наказания. Как поясняют специалисты справочно-информационной системы Консультант плюс данный документ понадобился для того, чтобы «подготовить Гражданский Кодекс РФ к последующему принятию законов о цифровых финансовых активах (криптовалюте и то-кенах) и краудфандинге (привлечении инвестиций через электронные площадки)» [14]. В соответствии с этими изменениями «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» [12, с. 64].

Для пенитенциарной системы это имеет особое значение. Неопределенность конституционно-правового статуса «цифровых прав» отражается на отсутствии нормативного закрепления онлайн-коммуникации как формы реализации права заключенных на информацию, на семью и на юридическую помощь. В результате современные цифровые технологии оказываются вне поля прямого регулирования, что позволяет ограничивать их использование на уровне ведомственных актов. Следовательно, доктринальное уточнение содержания цифровых прав человека может стать основой для последующего законодательного признания онлайн коммуникации как одного из способов реализации фундаментальных прав осужденных.

В России право осужденных к лишению свободы на связь следует из конституционных положений и развивается УИК РФ, статьи 89 и 91 которого регулируют переписку и телефонные разговоры осужденных, а статья 92 – порядок свиданий. Однако законодатель не фиксирует прямо право на доступ к цифровым коммуникациям, что создает ситуацию, когда технологически возможные коммуникации не имеют нормативного статуса. Право на связь через сеть «Интернет» может быть интерпретировано как разновидность реализации прав на получение информации и поддержание социальных связей, однако отсутствие прямого регулирования позволяет исправительным учреждениям исключать или ограничивать такие формы по своему усмотрению [11].

Традиционный набор средств связи осужденных включает письменную переписку, телефонные звонки и очные краткосрочные либо длительные свидания. Эти формы урегулированы детально и обладают исторически устоявшейся практикой применения. Письма подвергаются цензуре, что закреплено в статье 91 УИК РФ, за исключением корреспонденции с адвокатом, прокурором, Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации и в субъекте Российской Федерации, а также рядом иных должностных лиц [2]. Телефонные разговоры также подлежат контролю и могут ограничиваться по времени и количеству.

Очные свидания предоставляются по установленному графику и в зависимости от вида исправительного учреждения. В условиях высокой изолированности традиционные формы связи часто оказываются недостаточными для поддержания устойчивых социальных связей, особенно когда родственники находятся в другом регионе или не могут посещать колонии лично. Кроме того, телефонная связь в учреждениях ФСИН России часто технически ограничена, а переписка может занимать длительное время в силу логистических особенностей [7].

С развитием цифровой инфраструктуры реальная возможность организации онлайн связи заключенных существенно возросла. Видеосвидания, электронная почта, онлайн звонки, участие в судебных заседаниях в формате видеоконференции, цифровые образовательные платформы – все это стало частью повседневной жизни современного общества. Для лиц, находящихся в местах лишения свободы, онлайн связь способна компенсировать ограничения традиционных форм, обеспечив более частые и доступные контакты с родственниками, адвокатами и социальными структурами.

Однако специфика пенитенциарных условий требует учета вопросов безопасности. Доступ к сети «Интернет» российским заключенным запрещен, что прямо вытекает из режима учреждений. В качестве примера приведем позицию Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ). Осужденный Шамиль Гусейнов оспорил в ВС РФ п. 55 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений о порядке получения почты и запрете иметь электронные устройства с выходом в сеть «Интернет». Гусейнов указал, что передача писем в открытом виде нарушает его право на тайну корреспонденции, а запрет иметь электронные устройства ограничивает право на получение правовой информации, в том числе в сети «Интернете». ВС РФ отказал в удовлетворении жалобы [8]. Апелляционная коллегия ВС РФ оставила решение в силе и отметила, что порядок ведения осужденными переписки установлен ч. 2 ст. 91 УИК РФ, а запрет на средства мобильной связи и коммуникации – ч. 8 ст. 82 УИК РФ [9]. Такой порядок обеспечивает безопасность осужденных, персонала и посетителей исправительного учреждения и препятствует

совершению новых преступлений.

Следует разграничивать собственно доступ в сеть Интернет и использование закрытых цифровых каналов связи, не предполагающих выхода во внешнюю среду. Тем не менее возможность использования «закрытых» каналов видеосвязи или электронных платформ, не предоставляющих свободный доступ к интернет-ресурсам, не противоречит ни УИК РФ, ни законодательству о безопасности.

Таким образом, анализ традиционных и цифровых форм взаимодействия осужденных с внешним миром позволяет сделать вывод, что технические средства современной коммуникации способны существенно расширить социальные возможности заключенных. Однако отсутствие нормативного закрепления новых форм онлайн связи создает правовую неопределенность, что препятствует их полноценному использованию.

Право на связь – это не просто техническая возможность, но инструмент, обеспечивающий функционирование целого комплекса социально-правовых институтов. Поддержание семейных связей признано важным фактором социальной устойчивости заключенного. УИК РФ допускает различные формы контакта с родственниками, но их частота и длительность зачастую ограничены. Видеосвидания позволяют значительно расширить возможности контактов, особенно для семей, проживающих в удаленных регионах. Для значительной части осужденных такие контакты являются единственным способом регулярно видеть детей, что способствует сохранению семейных отношений. На практике такие формы уже применяются в рамках проектов ФСИН России, например, видеосвидания на платной основе или участие в судебном процессе через системы видеоконференцсвязи (далее – ВКС).

Российская практика видеосвиданий характеризуется тем, что они не закреплены напрямую в УИК РФ, но предоставляются на основании ведомственных актов ФСИН России и региональных инициатив. УИК РФ (в частности, ст. 89, 92, 93) регулирует только длительные и краткосрочные свидания, а видеосвидания как отдельный вид контакта с родственниками не упоминаются [2]. Но как следует из положений статьи 92 УИК РФ, осужденным к лишению свободы предоставляется право на телефонные разговоры. При отсутствии технических возможностей администрацией исправительного учреждения количество телефонных разговоров может быть ограничено до двенадцати в год. Продолжительность каждого разговора не должна превышать 15 минут. Телефонные разговоры оплачиваются осужденными за счет собственных средств или за счет средств их родственников или иных лиц.

Порядок организации телефонных разговоров определяется федеральным органом исполнительной власти, в ведении которого находится исправительное учреждение. Из-за того, что видеосвидания не регулируются законодательно, как телефонные звонки, наблюдаются существенные различия по регионам: в одних видеосвидания предоставляются бесплатно на территории учреждения, а в других – через коммерческие сервисы (например, «ВидеоСвидание», «Видеозвонок» и др.), заключившие договор с соответствующим территориальным Управлением ФСИН России. Они организуются через локальные сети или специальные терминалы с контролируемым доступом.

Все видеосвидания проходят под контролем администрации, что соответствует положениям ст. 82 УИК РФ о надзоре за контактами заключенных. Возможность, длительность и периодичность видеосвиданий определяются по усмотрению администрации, поскольку закон не устанавливает обязательных норм. В период пандемии COVID-19 видеосвязь стала использоваться шире, однако в законодательном статусе видеосвиданий изменений не произошло, и право на них по-прежнему не выделяется в качестве отдельного права заключенного.

Следовательно, несмотря на наличие технических возможностей и региональных практик использования видеосвиданий, отсутствие их законодательного определения приводит к фрагментарности правоприменения. Включение видеосвиданий в систему законодательно признанных форм связи позволило бы обеспечить единообразие и снизить региональные различия.

Участие заключенных в судебных заседаниях через ВКС в России регулируется нормами уголовно-процессуального, гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства. В уголовном процессе статья 240.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) прямо допускает участие подсудимого, обвиняемого, свидетелей и иных лиц через систему видеоконференцсвязи. Положения статей 376, 389.13, 401.13 УПК РФ позволяют использовать ВКС при рассмотрении апелляционных, кассационных и надзорных жалоб. Статья 108 УПК РФ предусматривает, что судебные заседания об избрании меры пресечения могут проводиться с использованием ВКС, если явка участников процесса невозможна или затруднена [3].

Статья 155.1 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) предусматривает участие лиц в судебном заседании посредством ВКС, включая лиц, содержащихся под стражей, при обеспечении их идентификации и возможности реализовать свои права [5].

Статья 153.1 Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК РФ) позволяет участвовать в судебном заседании с использованием ВКС, в том числе из мест лишения свободы, если для этого имеется техническая возможность [4].

В настоящее время в деятельности ФСИН России ВКС часто применяется при рассмотрении ходатайств об аресте, продлении срока содержания под стражей, апелляций и иных процессуальных действий.

В результате можно констатировать, что участие заключенных в судебных заседаниях через ВКС уже имеет устойчивую процессуальную базу и демонстрирует эффективность в условиях территориальной удаленности учреждений. Это подтверждает потенциал цифровых технологий как инструмента обеспечения процессуальных прав осужденных.

Отметим, что онлайн коммуникация не является самоцелью, ее значение раскрывается через возможность реализации основных прав и свобод заключенных: права на семью, права на правовую помощь, права на образование, на свободу труда, права на участие в общественной жизни. Отбытие наказания в виде лишения свободы не отчуждает перечисленные права, а лишь устанавливает ряд ограничений в их реализации, прямо предусмотренных законом и необходимых для достижения целей наказания.

Право заключенного на квалифицированную юридическую помощь закреплено в статье 48 Конституции РФ и статьях 12, а также 89

УИК РФ. На практике реализация этого права затруднена территориальной удаленностью учреждений и ограниченными возможностями личных встреч с адвокатом. Видеосвязь может существенно облегчить взаимодействие между заключенным и его защитником, особенно при подготовке к судебным заседаниям. В то же время это взаимодействие должно быть конфиденциальным, что требует создания специальных условий, исключающих контроль со стороны администрации.

Участие заключенных в судебных заседаниях посредством ВКС давно закреплено в процессуальном законодательстве. Как отмечалось ранее, АПК РФ, ГПК РФ и УПК РФ допускают участие в судебном процессе по ВКС, что стало особенно актуально при ограничениях, вызванных пандемией COVID-19. Эта практика показала, что цифровые технологии могут успешно использоваться без ущерба для прав участников процесса, при условии соблюдения определенных правил.

Статьи 9, 103 и 112 УИК РФ предусматривают право осужденных на образование и труд. Дистанционное обучение через цифровые платформы позволяет осужденным получать среднее профессиональное и высшее образование. На практике такие программы реализуются в сотрудничестве учебных заведений и ФСИН России, однако ограниченный доступ к интернет-ресурсам затрудняет использование современных образовательных технологий. Создание специальных локальных образовательных платформ, не дающих доступа к внешним ресурсам, позволяет частично восполнить эти ограничения.

Онлайн труд заключенных также становится возможным в современных реалиях. Особенно это касается деятельности в сфере цифровой обработки документов, программирования, выполнения удаленных задач в закрытых корпоративных системах. Хотя законодательство о труде осужденных пока не учитывает специфику цифровых профессий, потенциал их использования в будущем достаточно высок.

Таким образом, дистанционные образовательные и трудовые форматы способны расширить возможности ресоциализации заключенных, однако их развитие требует нормативных и технических условий, исключающих риски несанкционированного интернет-доступа. Формирование закрытых образовательных экосистем может стать оптимальным вариантом для пенитенциарной системы.

Перейдем к анализу рисков и ограничений, связанных с внедрением рассматриваемых цифровых технологий. Распространение онлайн коммуникаций неизбежно сопровождается правовыми, организационными и этическими вызовами. Государство должно обеспечить баланс между правами осужденных и задачами безопасности, режимности и профилактики преступлений.

Основным аргументом против расширения доступа осужденных к цифровым коммуникациям является риск использования связи в незаконных целях, включая координацию преступной деятельности. Эти риски являются реальными и требуют строгого контроля за техническими каналами связи. Однако международная практика показывает, что использование закрытых цифровых систем, не позволяющих получать доступ к глобальным ресурсам, полностью совместимо с требованиями безопасности. Такой подход реализуется, например, в исправительных учреждениях США, Великобритании, Германии.

Юридическое регулирование видеосвиданий в международном праве строится на общем принципе защиты права на семейную жизнь. Статья 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод обязывает государства обеспечивать возможность заключенным поддерживать связи с семьей [10], а стандартные правила обращения с заключенными ООН и Пекинские правила по делам несовершеннолетних, как отмечалось выше, прямо рекомендуют поддерживать регулярный контакт с родственниками. Хотя видеосвидания редко закреплены как самостоятельное право, большинство государств рассматривают их как обязанность администрации обеспечивать такую форму связи при отсутствии угроз безопасности. Практически везде видеосвидания сопровождаются надзором: персонал может наблюдать за беседой, звонки часто записываются, круг участников ограничивается, а посетителям запрещено вести запись. Нарушение указанных правил может повлечь санкции. Особое внимание защите данных уделяют Германия [17] и Канада [16], где посетители дают согласие на обработку персональных данных, а записи хранятся в течение определенного срока.

В целом зарубежный опыт демонстрирует, что при грамотном построении защищенной цифровой инфраструктуры онлайн-коммуникация может быть интегрирована в пенитенциарные режимы без ущерба для безопасности. Указанное подтверждает обоснованность выводов о перспективности разработки аналогичной модели и для России.

В Российской Федерации создание нормативной базы для онлайн коммуникации позволит обеспечить прозрачность и единообразие практики. Федеральные законы «О персональных данных» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предъявляют строгие требования к защите информации. В местах лишения свободы персональные данные заключенных и их собеседников находятся под контролем государства, что требует особой регламентации хранения, обработки и передачи данных [6]. Видеосвидания и электронная переписка должны обеспечивать конфиденциальность, особенно при взаимодействии с адвокатом. Нормы УИК РФ об изъятии из-под цензуры переписки осужденного с защитником или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, на наш взгляд, должны быть закреплены и для цифровых форм связи.

Один из ключевых рисков развития новых форм связи – превращение онлайн связи в коммерческую услугу, доступную только тем, кто может оплатить сервис. В настоящее время видеосвидания зачастую предоставляются на платной основе. Это противоречит принципу равного доступа к правам и может рассматриваться как нарушение международных стандартов. Представляется обоснованным положение о том, что государство должно обеспечить минимальный бесплатный пакет онлайн связи для всех осужденных, аналогично бесплатным письмам и телефонным вызовам в отдельных странах.

В разных странах подходы к регулированию обозначенной в настоящем исследовании проблемы варьируются от полного запрета интернет-доступа (Китай) до широкого использования цифровых сервисов (Нидерланды, США). В зарубежных государствах применяются различ-

ные инфраструктурные модели видеосвиданий. Одной из наиболее распространенных является модель тюремных терминалов, при которой заключенный подключается к видеоконсоли в специально оборудованном помещении, а родственники используют домашний компьютер или смартфон через сертифицированное приложение. Например, такая система с 2009 года применяется в рамках работы Международного комитета Красного Креста [15]. Для данной модели характерны обязательная идентификация посетителя, визуальный контроль сотрудником и ограниченная длительность сеансов. Другая модель – домашнее видеопосещение – активно используется в США [19] и Великобритании [18], где родственники подключаются из дома, но через проверенные и контролируемые приложения. Несмотря на удобство, в некоторых странах такая система стала коммерциализированной и дорогой для семей заключенных. Третья модель, распространенная в Германии и некоторых государствах Балтии, основана на использовании локальной защищенной сети: видеозвонок проходит внутри инфраструктуры учреждения, а внешняя сторона подключается из сертифицированного центра, что минимизирует риски утечки данных и обеспечивает высокий уровень безопасности [17].

Для России, на наш взгляд, наибольший интерес представляет модель ограниченного доступа, при которой заключенный может использовать цифровые услуги через специально оборудованные терминалы, без выхода в интернет, но с возможностью связи с родственниками, адвокатами и образовательными организациями.

Для обеспечения права заключенных на онлайн коммуникацию необходимо закрепить в УИК РФ данный термин и регламентировать ее организацию и осуществление; установить гарантированный минимальный объем бесплатных цифровых коммуникаций; разработать стандарты видеосвиданий, включая конфиденциальность юридической связи; расширить программу дистанционного образования; внедрить защищенные информационные системы для взаимодействия с адвокатами; обеспечить равный доступ к цифровым сервисам во всех регионах.

Таким образом, право заключенных на связь является важнейшим элементом их правового статуса, обеспечивающим сохранение человеческого достоинства и способствующим ресоциализации. В эпоху цифровых технологий игнорировать возможности онлайн коммуникации становится невозможным. Хотя введение онлайн связи сопряжено с определенными рисками, современные технические средства позволяют эффективно контролировать и регулировать такие каналы.

В настоящее время наблюдаются попытки фрагментарного внедрения цифровых сервисов в пенитенциарную сферу. Однако отсутствие комплексного нормативного регулирования препятствует полноценному использованию потенциала онлайн коммуникации. Считаем, что создание системного правового механизма, ориентированного на баланс интересов личности, общества и государства, позволит не только расширить возможности заключенных по поддержанию социальных связей, но и повысить эффективность исполнения наказания, уменьшая уровень рецидива и облегчая процесс ресоциализации.

Онлайн коммуникация может и должна стать современным инструментом реализации прав заключенных, соответствующим требованиям гуманизации правосудия и цифровой трансформации российского государства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov. – URL: http://pravo.gov.ru /proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#l0 (дата обращения 10.12.2025).
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
6. О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3451.
7. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=15&nd=603192810&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%F4%E7+N+5++ (дата обращения 10.12.2025).
8. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 31 января 2022 г. № АКПИ21-968 [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/403605910/ (дата обращения 11.12.2025).
9. Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 мая 2022 г. №АПЛ22-115 Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/404730223/ (дата обращения 11.12.2025).
10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04 ноября 1950 г.) (с изм. от 24 июня 2013 г.) (вместе с «Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/ d/echr/Convention_RUS (дата обращения 11.12.2025) (Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 года).
11. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире / В. Д. Зорькин // Российская газета. – 2018, 30 мая.
12. Баранов, П. П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху / П. П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – №2. – С. 63-69.
13. Некрасова, Ю. Д. Проблемы в осуществлении конституционных прав лиц, находившихся в местах лишения свободы / Ю. Д. Некрасова // Вестник науки. – 2023. – №3 (60). – С. 129-135.
14. К объектам гражданских прав в РФ отнесены цифровые права // Профессиональный журнал «Секретарь-референт». 2019, 27 марта [Электронный ресурс]. – URL: https://www.profiz.ru/sr/blog/post_2687/sales/ sales/ (дата обращения: 11.12.2025).
15. Узникам Гуантанамо разрешили «видеосвидания». Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – URL: https://news.un.org/ru/story/2009/12/1156851 (дата обращения 11.12.2025).
16. Correctional Service Canada. Inmate Communication Policy Framework. – Ottawa [Электронный ресурс]. – URL: https://www.canada.ca/en/correctional-service/corporate/transparency/reporting/departmental-results-reports/2024-2025.html (дата обращения 11.12.2025).
17. European Prison Observatory. Prison Conditions in the European Union [Электронный ресурс]. – URL: https://www.prisonobservatory.org/upload/ PrisoninEuropeOverviewandtrends.pdf (дата обращения 11.12.2025).
18. Ministry of Justice UK. Prison Communications and Digital Services Review. – London [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gov.uk/ government/organisations/ministry-of-justice (дата обращения 11.12.2025).
19. U.S. Federal Bureau of Prisons. Video Visiting Program Overview. – Washington, DC [Электронный ресурс]. – URL: https://www.bop.gov/ (дата обращения 11.12.2025).

References:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12 December 1993, as amended by the nationwide vote of 1 July 2020). Official Legal Information Portal pravo.gov.ru. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#I0 (accessed 10.12.2025).
2. Criminal Executive Code of the Russian Federation of 8 January 1997 No. 1-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation, 1997, No. 2, Art. 198.
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2001, No. 52, Art. 4921.
4. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24 July 2002 No. 95-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, No. 30, Art. 3012.
5. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14 November 2002 No. 138-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, No. 46, Art. 4532.
6. Federal Law “On Personal Data” of 27 July 2006 No. 152-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2006, No. 31, Art. 3451.
7. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 4 July 2022 No. 110 “On Approval of the Internal Rules for Pre-Trial Detention Facilities, Correctional Institutions, and Correctional Centers of the Penal System”. Official Legal Information Portal pravo.gov.ru. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=15&nd=603192810 (accessed 10.12.2025).
8. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 31 January 2022 No. AKPI21-968. URL: https://base.garant.ru/403605910/ (accessed 11.12.2025).
9. Ruling of the Appellate Panel of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 May 2022 No. APL22–115. URL: https://base.garant.ru/404730223/ (accessed 11.12.2025).
10. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, 4 November 1950), as amended on 24 June 2013; including Protocol No. 1 (Paris, 20 March 1952), Protocol No. 4 (Strasbourg, 16 September 1963), and Protocol No. 7 (Strasbourg, 22 November 1984). URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (accessed 11.12.2025). (No longer in force for Russia as of 16 March 2022.)
11. Zorkin, V. D. The Law in the Digital World. Rossiyskaya Gazeta, 30 May 2018.
12. Baranov, P. P. Constitutional Rights and Freedoms of the Individual in the Digital Age. North Caucasus Legal Bulletin, 2019, No. 2, pp. 63–69.
13. Nekrasova, Yu. D. Problems in the Implementation of Constitutional Rights of Persons Held in Places of Deprivation of Liberty. Bulletin of Science, 2023, No. 3 (60), pp. 129–135.
14. Digital Rights Classified as Civil-Law Objects in the Russian Federation. Professional Journal Sekretar-Referent, 27 March 2019. URL: https://www.profiz.ru/sr/blog/post_2687/ (accessed 11.12.2025).
15. Guantanamo Detainees Allowed “Video Visits”. United Nations Official Website. URL: https://news.un.org/ru/story/2009/12/1156851 (accessed 11.12.2025).
16. Correctional Service Canada. Inmate Communication Policy Framework. Ottawa. URL: https://www.canada.ca/en/correctional-service/corporate/transparency/reporting/departmental-results-reports/2024-2025.html (accessed 11.12.2025).
17. European Prison Observatory. Prison Conditions in the European Union. URL:https://www.prisonobservatory.org/upload/PrisoninEuropeOverviewandtrends.pdf (accessed 11.12.2025).
18. Ministry of Justice (UK). Prison Communications and Digital Services Review. London. URL: https://www.gov.uk/government/organisations/ministry-of-justice (accessed 11.12.2025).
19. U.S. Federal Bureau of Prisons. Video Visiting Program Overview. Washington, D.C. URL: https://www.bop.gov/ (accessed 11.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_192

УДК 342.98

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОМПЛАЕНСА В КОРПОРАТИВНОМ СЕКТОРЕ[1]
SELECTED ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF ANTI-CORRUPTION COMPLIANCE IN THE CORPORATE SECTOR

ГОЛОМАНЧУК Эйда Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Волгоград.
400005, Россия, обл. Волгоградская, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8,
e-mail: golomachuk-ev@ranepa.ru

АСТАФУРОВА Ольга Анатольевна,
кандидат технических наук, заведующий кафедрой информационных систем и математического моделирования
Волгоградского института управления – филиала
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» г. Волгоград.
400005, Россия, обл. Волгоградская, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8,
e-mail: astoa@vlgr.ranepa.ru

АБЕЗИН Даниил Денисович,
студент, Магистерская программа «Комплаенс и профилактика правовых рисков»
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
109028, Россия, г. Москва, Покровский бульвар, 11 стр. 10.
e-mail: daniil.abezin.02@mail.ru

GOLOMANCHUK Ada Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law and State-legal Disciplines
Volgograd Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation», Volgograd.
400005, Russia, Volgograd region, Volgograd, Gagarin st., 8.
e-mail: golomachuk-ev@ranepa.ru

ASTAFUROVA Olga Anatolyevna,
Candidate of Technical Sciences, Head of the Department of Information Systems and Mathematical Modeling
Volgograd Institute of Management - a branch of the federal state budgetary educational institution of higher education
«Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation» Volgograd.
400005, Russia, Volgograd region, Volgograd, Gagarin st., 8.
e-mail: astoa@vlgr.ranepa.ru

ABEZIN Daniil Denisovich,
Student Master's Degree program "Compliance and Prevention of Legal Risks"
of the National Research University Higher School of Economics.
109028, Russia, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 11 p. 10.
e-mail: daniil.abezin.02@mail.ru

Краткая аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию отдельных аспектов организации систем антикоррупционного комплаенса в корпоративном секторе. Актуальность темы обусловлена ужесточением законодательства, глобальными санкционными рисками и необходимостью обеспечения устойчивости бизнеса. В исследовании последовательно рассматривается эволюция комплаенса от формальных процедур к риск-ориентированной модели, интегрированной в корпоративную культуру. Особое внимание уделяется критическому анализу современных вызовов, включая трансформацию коррупционных практик и парадокс прозрачности. В качестве одного из ключевых инструментов детально исследуется механизм контроля соответствия крупных расходов руководителей госкорпораций их доходам. На основе проведенного анализа сформулированы конкретные векторы законодательной модернизации, направленные на усиление превентивной функции комплаенса через развитие риск-ориентированного подхода, цифровизацию и институционализацию защиты лиц, сообщающих о нарушениях.*

Abstract. *This article is devoted to the study of certain aspects of the organization of anti-corruption compliance systems in the corporate sector. The relevance of the topic is due to the tightening of legislation, global sanctions risks and the need to ensure business sustainability. The study consistently examines the evolution of compliance from formal procedures to a risk-based model integrated into the corporate culture. Special attention is paid to the critical analysis of modern challenges, including the transformation of corruption practices and the paradox of transparency. As one of the key tools, the mechanism for monitoring the compliance of large expenditures of heads of state corporations with their incomes is being studied in detail. Based on the analysis, specific vectors of legislative modernization have been formulated aimed at strengthening the preventive function of compliance through the development of a risk-based approach, digitalization and institutionalization of the protection of persons reporting violations.*

Ключевые слова: *антикоррупционный комплаенс, корпоративный сектор, управление рисками, комплаенс-программа, противодействие коррупции, внутренний контроль, коррупционные правонарушения.*

Keywords: *anti-corruption compliance, corporate sector, risk management, compliance program, anti-corruption, internal control, corruption offenses.*

Для цитирования: *Голоманчук Э.В., Астафурова О.А., Абезин Д.Д. Отдельные аспекты организации антикоррупционного комплаенса в корпоративном секторе // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 192-195. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_192.*

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке АО «Альфа-Банк» в рамках программы «Альфа-Будущее Гранты преподавателям»

***For citation**: Golomanchuk A.V., Astafurova O.A., Abezin D.D. Selected aspects of the organization of anti-corruption compliance in the corporate sector // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 192-195. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_192.*

Статья поступила в редакцию: 23.02.2026

Актуальность исследования обусловлена комплексом факторов правового, экономического и репутационного характера. Во-первых, законодательство Российской Федерации, в частности Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1], устанавливает прямые обязанности для организаций по разработке и реализации мер профилактики коррупции, что превращает комплаенс из рекомендательной практики в императивное требование. Во-вторых, глобализация бизнеса создаёт экстерриториальные правовые риски для российских компаний, ведущих внешнеэкономическую деятельность. В-третьих, коррупционные инциденты наносят масштабный ущерб деловой репутации, ведут к значительным финансовым потерям в виде штрафов, упущенной выгоды и снижения инвестиционной привлекательности, а также могут повлечь уголовную и административную ответственность как для юридического лица, так и для его должностных лиц. В-четвертых, формирование этичной деловой среды и ответственное ведение бизнеса становятся ключевыми элементами корпоративной стратегии и факторами долгосрочной устойчивости.

Объектом исследования выступает система антикоррупционного комплаенса как целостный организационно-управленческий механизм, внедряемый в корпоративном секторе для предупреждения, выявления и минимизации последствий коррупционных правонарушений.

Предметом исследования являются отдельные структурные элементы данной системы, их нормативное содержание, функциональная взаимосвязь, а также практические аспекты их реализации в деятельности коммерческих организаций.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания. Ведущую роль играет сравнительно-правовой метод, примененный для анализа требований национального законодательства и корпоративных практик. Системный метод использован для рассмотрения комплаенса как комплекса взаимосвязанных элементов. Формально-юридический метод позволил исследовать содержание нормативных актов и внутренних документов компаний, таких как антикоррупционные политики. Также были использованы методы анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Дискуссия о теоретических основаниях комплаенса фокусируется на двух взаимосвязанных аспектах: природе коррупции как мишени воздействия и сущности комплаенса как ответа. С одной стороны, коррупция определяется как злоупотребление служебным положением для получения выгоды, что закреплено в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Эта правовая дефиниция задает предмет регулирования. Более широкий социально-экономический подход, представленный в работах Роберта Клитгаарда, формулирует коррупцию через уравнение: «Коррупция = монополия + свобода действий – подотчетность» [7, с. 18]. Данная модель переводит проблему из плоскости индивидуальной морали в плоскость институционального дизайна, указывая, что коррупция процветает там, где лицо обладает монополией на принятие решения, имеет широкую свободу усмотрения и при этом минимально подотчетно. Именно на разрыв этой причинно-следственной цепи и направлена эффективная комплаенс-система.

В этом контексте комплаенс может трактоваться двояко. Узкая, процедурная точка зрения рассматривает его как набор внутренних правил и процедур, предназначенных для обеспечения формального соблюдения требований закона, таких как декларирование доходов или предотвращение конфликта интересов[4]. В этом случае акцент делается на карательных и ограничительных мерах. Альтернативный, ценностно-ориентированный подход определяет комплаенс как часть корпоративной культуры, систему, направленную на формирование этичных поведенческих моделей и создание среды, в которой коррупционные действия становятся не только рискованными, но и социально неприемлемыми[3]. В данном ключе профилактические и просветительские меры выходят на первый план. Таким образом, современная теория комплаенса синтезирует эти подходы, предполагая, что устойчивая система должна сочетать четкие регламенты, эффективный контроль и последовательную работу по формированию этического сознания.

Практическая имплементация комплаенс-стандартов сталкивается с рядом системных проблем, обострившихся в текущих условиях. Во-первых, произошла трансформация коррупционного ландшафта. Появление новых рисков, связанных с обеспечением специальных нужд, создает среду для возникновения непрозрачных схем закупок и распределения ресурсов. При этом наблюдается рост бытовой коррупции в определенных сферах, что указывает на адаптацию коррупционных практик к изменившимся обстоятельствам.

Во-вторых, налицо парадокс прозрачности. С одной стороны, происходит цифровизация контроля, внедрение систем непрерывного мониторинга финансового состояния лиц, замещающих государственные должности, и руководителей учреждений (например, через систему «Посейдон»), что теоретически повышает возможности для выявления нарушений[5]. С другой стороны, в качестве меры противодействия санкционному давлению наблюдается общее снижение публичной открытости деятельности госорганов и подведомственных организаций, включая ограничение доступа к данным о закупках и статистике правонарушений. Это создает значительные сложности для корпоративных комплаенс-служб, чья работа по оценке рисков контрагентов и цепочек поставок напрямую зависит от доступности и достоверности публичной информации.

В-третьих, сохраняется дисбаланс между карательной и профилактической составляющей. Несмотря на декларируемый переход к риск-ориентированным и превентивным моделям, ядром государственной антикоррупционной политики часто остаются репрессивные меры. Это транслируется и в корпоративный сектор, где комплаенс-программы могут фокусироваться преимущественно на страхе перед наказанием, а не на создании позитивных стимулов и ясных алгоритмов поведения в этически неоднозначных ситуациях. В результате система работает на постфактумное выявление нарушений, а не на их недопущение.

Основываясь на анализе теоретических положений и системных противоречий, предлагается ряд конкретных мер по совершенствованию законодательной базы, направленных на повышение результативности антикоррупционного комплаенса.

Ключевым шагом в этом направлении является закрепленный Федеральным законом от 28.12.2025 № 505-ФЗ переход от тотального ежегодного декларирования доходов всех служащих к целевому контролю «зон риска» [2]. Данная реформа заслуживает поддержки и требует развития. Во-первых, необходимо законодательно расширить применение риск-ориентированных принципов на корпоративный сектор, особенно для компаний с государственным участием и организаций, выполняющих значимые публичные функции или работающих с бюджетными средствами. Во-вторых, следует предусмотреть стимулы для бизнеса, внедряющего передовые стандарты комплаенса, основанные на анализе рисков, например, в виде пониженных тарифов страховых взносов для субъектов МСП, подтвердивших наличие таких систем. Это сместит акцент с формального соблюдения на эффективное управление.

Контроль над расходами руководителей государственных корпораций представляет собой специализированный правовой и административный механизм, направленный на установление соответствия крупных расходов указанных лиц и членов их семей официально задекларированным доходам в целях профилактики и выявления коррупционных правонарушений. Данный институт является логическим развитием системы противодействия коррупции, смещающим акцент с декларативного отчета об активах на динамический анализ финансового поведения. Целеполагание данного контроля носит двойственный характер: с одной стороны, это превентивная функция, создающая сдерживающий эффект, а с другой — правоохранительная, обеспечивающая правовые основания для изъятия в доход государства активов, приобретенных на средства, законность происхождения которых не подтверждена.

Ключевые особенности контроля над расходами руководителей госкорпораций определяются его субъектным составом, объектами, стоимостным критерием и процедурной архитектурой. Субъектами обязанности выступают не только руководители федеральных государственных учреждений, государственных корпораций и компаний с долей государственного участия свыше 50%, но и их супруги и несовершеннолетние дети, что направлено на пресечение практики сокрытия активов. Объектами контроля являются расходы на приобретение строго определенных категорий имущества: недвижимости, транспортных средств и ценных бумаг. Критически важной особенностью является адаптивный стоимостной порог: обязанность отчитаться возникает, если стоимость приобретаемого объекта превышает общий совокупный доход данного лица и его супруги за три предшествующих календарных года. Такой подход индивидуализирует контроль, делая его более гибким по сравнению с фиксированными лимитами. Процедурная особенность заключается в интеграции данного контроля в систему государственного финансового аудита. Помимо внутренних проверок, проводимых комиссиями по соблюдению требований к служебному поведению, Федеральное казначейство наделено полномочиями по осуществлению камерального и выездного контроля финансовых и хозяйственных операций госкорпораций на основании поручений высших органов власти, с правом доступа к документам бухгалтерского учета и информационным системам. При выявлении несоответствия расходов доходам материалы в обязательном порядке передаются в органы прокуратуры для обращения в суд с иском об обращении имущества в доход государства.

Несмотря на системный характер, реализация указанных мер сопряжена с проблемными аспектами. Во-первых, риск-ориентированный принцип, заложенный в идею трехгодичного дохода как порога, может осложнить администрирование и создает возможности для манипуляций путем распределения покупок на разных родственников. Во-вторых, эффективность контроля напрямую зависит от качества межведомственного информационного обмена между ФНС, Росреестром, Казначейством и самими корпорациями, что требует высокой степени цифровизации и координации. В-третьих, остается дискуссионным вопрос о балансе между превентивной целью и карательной практикой: система сосредоточена преимущественно на изъятии уже приобретенного имущества, тогда как механизмы раннего предупреждения сделок с высоким коррупционным риском развиты в меньшей степени.

Закон № 505-ФЗ справедливо распространил контроль за соответствием расходов доходам на руководителей государственных и муниципальных учреждений. Данную норму следует усилить, установив прямой законодательный запрет для лиц, замещающих ключевые должности в государственных корпорациях и компаниях с долей государственного участия свыше 50%, иметь в собственности недвижимость и активы в юрисдикциях, не осуществляющих автоматический обмен финансовой информацией с Российской Федерацией. Кроме того, для указанной категории лиц необходимо ввести обязанность предварительного уведомления комплаенс-подразделения и собственника (государства) о намерении совершить сделку, стоимость которой превышает его пятилетний общий официальный доход, с предоставлением исчерпывающего обоснования источников средств.

Для преодоления «парадокса прозрачности» требуется создать надежные, защищенные от преследования каналы для информирования о коррупционных нарушениях как внутри организаций, так и на уровне государства [6]. Целесообразно принять отдельный федеральный закон, гарантирующий конфиденциальность, защиту от увольнения и иных форм давления для сотрудников, сообщивших о нарушениях. Одновременно необходимо развивать механизмы сотрудничества бизнеса и правоохранительных органов, предусмотрев, например, возможность освобождения от административной ответственности для юридического лица, самостоятельно выявившего нарушение в своей деятельности, добровольно сообщившего о нем и полностью возместившего причиненный ущерб.

Эволюция антикоррупционного комплаенса в России движется в направлении от тотального формального контроля к целевой, риск-ориентированной модели. Реализация предложенных мер позволит перейти от комплаенса как набора запретов к комплаенсу как инструменту создания устойчивой, этичной и конкурентной деловой среды, что является необходимым условием для долгосрочного экономического развития в современных условиях.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии коррупции» // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6228.
2. Федеральный закон от 28.12.2025 N 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2025, N 52 (Часть I), ст. 8292.
3. Билялов К.Н., Исин А.Б., Ислямов Н.Н., Айтимов Б.Ж. Формирование антикоррупционной культуры: стратегии, вызовы и перспективы. // Вестник Инновационного Евразийского университета. 2025. № 1 (97). С. 159-167.
4. Бутченко В.Н., Кравец И.П. Проблемы финансового контроля государства в системе социального управления // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. №2. С. 090-098.
5. Кабанов П. А. Антикоррупционный аудит как инструмент противодействия коррупции: понятие, содержание, вопросы правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2015. № 7(91). С. 744-753.
6. Каюшникова Ю.Е., Омельченко Т.А. Запреты и ограничения на государственной службе: вопросы привлечения к ответственности. // Аграрное и земельное право. 2022. № 12 (216). С. 87-90.
7. Клитгаард Р. Рыночные реформы. М., 1992. – 220 с. С. 18.

References:

1. Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 (as amended on December 28, 2025) "On Combating Corruption" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", December 29, 2008, No. 52 (Part 1), art. 6228.
2. Federal Law No. 505-FZ of December 28, 2025 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // "Collection of legislation of the Russian Federation", 12/29/2025, No. 52 (Part I), art. 8292.
3. Bilyalov K.N., Isin A.B., Islyamov N.N., Aitimov B.J. Formation of an anti-corruption culture: strategies, challenges and prospects. // Bulletin of the Innovative Eurasian University. 2025. No. 1 (97). pp. 159-167.
4. Butchenko V.N., Kravets I.P. Problems of financial control of the state in the social management system // Gaps in Russian legislation. 2021. Vol. 14. No. 2. pp. 090-098.
5. Kabanov P. A. Anti-corruption audit as a tool for combating corruption: concept, content, issues of legal regulation // Administrative and municipal law. 2015. No. 7(91). pp. 744-753.
6. Kayushnikova Yu.E., Omelchenko T.A. Prohibitions and restrictions in public service: issues of bringing to justice. // Agricultural and land law. 2022. No. 12 (216). pp. 87-90.
7. Klitgaard R. Market reforms. Moscow, 1992. 220 p. 18.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_196

УДК 342.84

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ТОЛКОВАНИЯ И ВИДЫ
ELECTRONIC VOTING: INTERPRETATIONS AND TYPES

АНДРЕЕВ Александр Владимирович,
заместитель директора Института специальных образовательных программ,
старший преподаватель кафедры Теории государства и права имени С. С. Алексеева
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева».
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.
E-mail: andreevav11@mail.ru

ANDREEV Alexander Vladimirovich,
Deputy Director of the Institute of Special Educational Programs,
Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law named after S. S. Alekseev
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University named after V.F. Yakovlev".
21 Komsomolskaya str., Yekaterinburg, Russia, 620137.
E-mail: andreevav11@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье выполнен анализ толкований понятия «электронное голосование», приведенных в законодательстве Российской Федерации, а также в научном сообществе, обосновано деление электронного голосования на отдельные виды, а также изучены ключевые характеристики данных видов. Подчеркивается необходимость конкретизации понятия «электронное голосование», сформулированного в законодательстве Российской Федерации, а также целесообразность разграничения основных его видов. По мнению автора, понятие «электронное голосование» является более обширным, общим, включающим в себя несколько видов волеизъявления: стационарное (в том числе и выездное) голосование под контролем уполномоченных лиц, и удаленное голосование, без официальных наблюдателей.*

Abstract: *The article analyzes the interpretations of the concept of "electronic voting" provided in the legislation of the Russian Federation, as well as in the scientific community, substantiates the division of electronic voting into separate types, and examines the key characteristics of these types. The necessity of specifying the concept of "electronic voting", as formulated in the legislation of the Russian Federation, as well as the expediency of differentiating its main types, is emphasized. In the author's opinion, the concept of "electronic voting" is a broader, more general term that includes several types of expression of will: stationary (including mobile) voting under the control of authorized persons, and remote voting, without official observers.*

Ключевые слова: *голосование, электронное голосование, дистанционное электронное голосование, стационарное электронное голосование, виды электронного голосования, способ голосования, классификация, технические средства голосования, бюллетень, избирательный участок, подсчет голосов, волеизъявление, электронные системы, терминал, цифровизация.*

Keywords: *Voting, electronic voting, remote electronic voting, stationary electronic voting, types of electronic voting, voting method, classification, technical means of voting, ballot, polling station, vote counting, expression of will, electronic systems, terminal, digitalization.*

Для цитирования: *Андреев А.В. Электронное голосование: толкования и виды // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 196-199. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_196.*

For citation*: Andreev A.V. Electronic voting: interpretations and types // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 196-199. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_196.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2026

Четкое и однозначное толкование того или иного понятия, научного феномена либо процесса – основа любой сферы научного знания, особенно юриспруденции. Тем не менее, на практике нередко происходит так, что общеупотребительные термины не имеют точных и бесспорных толкований.

В частности, понятие «электронное голосование» рассмотрено в п. 62 ст. 2 Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», принятого 12 июня 2002 года (далее – ФЗ № 67).

Согласно позиции законодателей, при электронном голосовании не используется бюллетень, отпечатанный на бумаге, а в процессе волеизъявления задействованы различные технические средства. Под такими средствами в данном случае подразумеваются комплекс для электронного голосования (далее – КЭГ), выполняющий подсчет голосов, составляющий протокол и устанавливающий итоги выборов.

Рассматриваемая трактовка не учитывает некоторые другие признаки электронного голосования. В их числе возможность избирателей проголосовать там, где он находится в момент проведения выборов, то есть удаленно, а также перечень средств, которые позволяют избирателю отдать свой голос (смартфон, ПК). Кроме этого, в трактовке не раскрывается специфика программного обеспечения, необходимого для проведения электронного голосования.

Помимо ФЗ № 67, понятие электронного голосования (а если точнее – дистанционного электронного голосования) было законодательно закреплено в некоторых других документах.

В частности, в дополнениях к Федеральному закону № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который был принят 23 мая 2020 (далее – ФЗ № 154). Ст. 2 данного документа была дополнена подпунктом 62. 1, который определяет дистанционное электронное голосование как волеизъявление, для которого не нужен бумажный бюллетень.

Заменой ему становится специальное программное обеспечение. Термин «специальное программное обеспечение», использованный в данном случае, в большей мере соответствует современным понятийным стандартам IT технологий. Но остается неясным, каким именно способом голосует конкретный человек. Ведь в рассматриваемом документе никак не упомянуто ни устройство, с которого «уходит» голос, ни необходимость регистрации для волеизъявления на специальном сайте (в настоящее время – портале государственных и муниципальных услуг).

Вероятно, законодатели в данных трактовках (к слову, практически идентичных) стремились обобщить все виды электронного голосования. Вместе с тем, изученные толкования явно требуют конкретизации, так как на первый план в них выходит только один признак электронного голосования – то, что не нужно заполнять бумажные бланки. Прочие отличительные черты электронного голосования законодателем либо не учитываются, либо перечислены без уточнения, в назывном порядке.

Еще одним нормативным правовым актом, в котором законодатели предприняли попытку охарактеризовать исследуемую дефиницию, можно считать Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 08 июня 2022 № 86/716-8 «О порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем». В п. 1.2 анализируемого документа дистанционное электронное голосование истолковано как волеизъявление, для которого не нужен бумажный бюллетень. Заменой ему становится специальное программное обеспечение, установленное на ПТК ДЭГ. Проголосовать можно на специальном цифровом портале (vybory.gov.ru), в том числе используя специальное мобильное приложение. Очевидно, что в данном документе законодатели дополнили перечень ключевых характеристик дистанционного электронного голосования, изложенный в Федеральном законе № 67-ФЗ.

В частности, в документе обосновывается использование ПТК ДЭГ, под которым подразумевается технологическое обеспечение дистанционного электронного голосования.

Также, в Постановлении указан способ доступа избирателя к порталу, который можно получить при помощи соответствующего мобильного приложения.

Что касается позиции научного сообщества, мнения ученых по поводу того, что же представляет собой электронное голосование, разделились.

В частности, С.Г. Гонтарь [1] и К.Ю. Матренина [2] рассматривают электронное голосование в широком смысле, включая в этот процесс как регистрацию (иными словами, подачу) новых бюллетеней, так и подсчет голосов, который выполняется с помощью различных программно-технических средств (машин для голосования, оптических сканеров, возможностей интернета и пр.). Напротив, другие исследователи (в частности, Н.В. Киселева [3]), полагают, что в электронное голосование входит только подача бюллетеня (конечно, при помощи электронных приспособлений), а подсчет голосов, в том числе с помощью сканирования – это хотя и смежный, но отдельный процесс. Целесообразно отметить, что именно эта позиция разделяется российской наукой и практикой.

Что касается видов электронного голосования, они в настоящее время они представлены дистанционным электронным голосованием и стационарным электронным голосованием, которое проходит под наблюдением уполномоченных лиц. Соответственно, следует законодательно закрепить толкования каждого вида электронного голосования. Наряду с этим целесообразно разграничить данные понятия (чтобы подчеркнуть их характерные признаки, а также избежать неправомерного смешения), так как большинство избирателей считает дистанционное и стационарное электронное голосование синонимами, хотя и в российской и в зарубежной избирательной теории и практике данные термины между собой разделены.

Вопрос соотношения понятий «электронное голосование» и «дистанционное электронное голосование» также является дискуссионным среди теоретиков права. В частности, М.М. Курячая [4] ставит между понятиями «электронное голосование» и «дистанционное электронное голосование» знак равенства, так как полагает, что «электронным» априори является голосование, совершенное гражданином без посещения им избирательного участка, а также голосование на участке, так как оно также производится с применением электроники.

Р.А. Алексеев [5] разделяет данные понятия, хотя и признает их взаимосвязь, которая проявляется в применении различных электронных средств. Согласно данному автору, электронное голосование предполагает физическое присутствие гражданина на избирательном участке и фиксацию новых бюллетеней (а также подсчет результатов выборов), которые выполняются машиной. Толкуя дистанционное электронное голосование, автор делает основной упор на термин «дистанционный», указывая, что в данном случае избиратель не присутствует на участке физически, а весь процесс голосования выполняется с помощью различных технических средств.

Похожее мнение формулирует Е.В. Былинкина, занимающая позицию, согласно которой электронное голосование и дистанционное электронное голосование во многом схожи, хотя и разделяются «в зависимости от применения технического средства либо программного обеспечения» [6, с. 6].

Т.О. Трущалова [7] обоснованно полагает, что данные понятия необходимо четко разделять, так как электронное голосование базируется на использовании стационарных электронных систем, необходимых для фиксации заполненных бюллетеней и подсчета голосов.

Соответственно, дистанционное электронное голосование основано на использовании возможностей Интернета, так как проходит онлайн.

Также, основным отличием электронного голосования от дистанционного электронного голосования является технологии их проведения, с чем нельзя не согласиться.

По мнению автора, понятие «электронное голосование» является более обширным, общим, включающим в себя несколько видов волеизъявления: стационарное (в том числе и выездное) голосование под контролем уполномоченных лиц и удаленное голосование, без официальных наблюдателей.

Что касается позиции по данному вопросу российских законодателей, она также не определена. Именно этот вывод можно сделать, исследуя законодательные толкования видов электронного голосования. Они не указаны в актуальном законодательстве, тем не менее, по косвенным признакам можно заметить, что видов электронного голосования имеется как минимум два:

1. Голосование при помощи ЭВМ в специальном помещении;

2. Дистанционное голосование (интернет-голосование).

Что касается научного сообщества, в нем имеется несколько точек зрения на рассматриваемый вопрос.. К примеру, Г.У. Садекова [8] включает в виды электронного голосования электронные средства подсчета голосов (в частности, КОИБ); голосование в специально оборудованных участках при помощи кнопочных либо сенсорных терминалах (КЭГ); дистанционное голосование, которое выполняется с помощью ПК либо телефона. У данной классификации немало критиков. В частности, Ю.И. Богдан [9] не считает правильным включение КОИБ в виды электронного голосования. Упомянутая ранее К.Ю. Матренина [2], полагает, что существует несколько его видов:

1 Неудаленное (стационарное) электронное голосование, которое выполняется на избирательном участке с применением различных технических средств. Чаще всего это комплексы электронного голосования, у которых нет доступа к Интернету, поэтому комплексы подсчитывают и распечатывают результаты волеизъявления, полученные на участке, которые затем направляются в избирательную комиссию.

В свою очередь, КОИБ предназначены только для автоматической обработки бумажных бюллетеней, которые возможны при использовании технологий оптического сканирования. К тому же, количество выданных электронных бюллетеней и число зарегистрированных избирателей имеет определенное соотношение, которое происходит ручным способом после того, как была введена дополнительная информация.

2 Удаленное (дистанционное) электронное голосование, для которого не нужно присутствовать на избирательном участке. Достаточно иметь ПК либо телефон с выходом в интернет

Как можно заметить, смысл данной типологии практически идентичен той, что была предложена Г.У. Садековой. Поэтому и вопросы к ней остаются все теми же – насколько правомерно включение в виды электронного голосования КОИБ? В этом смысле типология электронного голосования, разработанная Е.В. Былинкиной [6] представляется более обоснованной, так как базируется не столько на средствах, позволяющих осуществить волеизъявление, сколько на особенностях среды, в которой происходит голосование. По мнению вышеупомянутого автора, виды электронного голосования включают в себя:

1. Голосование, которое контролируется уполномоченными лицами.

Оно подразделяется на:

– стационарное голосование в специально м помещении (оно может проводиться с помощью систем КОИБ, КЭГ, либо через Интернет).

В данном случае риск каких-либо нарушений, а также программных сбоев весьма низок, так как голосование контролируется уполномоченными лицами;

– удаленное (выездное) голосование, когда специального помещения нет, но сам процесс контролируется наблюдателями. Такое голосование проходит при помощи переносных электронных терминалов, которые оборудованы функцией записи всего процесса.

2. Электронное голосование, которая не контролируется наблюдателями, то есть «дистанционное электронное голосование с использованием технических средств в условиях, не контролируемых представителями избирательных комиссий» [6, с.7].

Следовательно, среди ученых по поводу классификации электронного голосования также не имеется единого мнения.

Что касается мирового сообщества, в международных правовых документах понятие «Electronic voting», от которого и произошел термин «электронное голосование», помимо термина «distant voting» (интернет-голосование, мобильное голосование), включает еще и понятие «voting by electronic voting machines». Причем некоторые ученые (в частности, Р. Пералт) дополнительно разграничивают термин «distant voting» на «I-voting» (интернет-голосование) и «E-voting» (электронное голосование)», что, как полагает автор, вполне логично.

Кроме того, наименование «E-voting» еще и разделяется на термины «direct recording electronic machines – DRE» (в нашей стране он именуется КЭГ) и «optical scanning machines (эта система названа КОИБом)» [10].

Р. Пералът также полагает, что интернет голосование – это уже отдельный институт, который не является частью E-voting. С этим утверждением тоже можно согласиться, так как для голосования по интернету необходим лишь смартфон (либо либо стационарный компьютер) и выход в интернет [10].

Следовательно, за рубежом попытки охарактеризовать феномен электронного голосования тоже неизбежно приводят к необходимости классификации его видов.

Таким образом, в настоящее время законодатели и ученое сообщество не пришли к единому мнению не только в том, какие именно виды может принимать электронное голосование, но даже и в том, что именно оно собой представляет. Вместе с тем, анализ мнений законодателей и представителей научного сообщества по данным вопросам позволил сформулировать несколько выводов:

Во-первых, сам гражданско-правовой феномен электронного голосования понимается в современной науке и практике различно: как процесс, позволяющий гражданам страны избирать и быть избранными, либо как способ осуществления данного процесса (через интернет, или на избирательном участке).

Во-вторых, толкования термина «электронное голосование», предложенные в современной науке и практике, уделяют чрезмерное внимание технологиям, в ущерб правовой сущности данного процесса и прочим его характеристикам. Речь идет о принципах его организации и осуществления.

В-третьих, в правовой науке и практике зачастую происходит смешение понятий «стационарное электронное голосование» и «дистанционное электронное голосование», что неправомерно, так как первое предполагает физическое присутствие граждан на избирательном участке,

а для второго этого не нужно, так как проголосовать можно через интернет.

Список литературы:

1. Гонтарь С. Г. Электронное голосование – новая возможность участия граждан в формировании органов власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 4. С. 112.
2. Матренина К.Ю. Электронное голосование: понятие и виды // Государство и право. № 2. 2021. С. 120-121.
3. Киселева Н. В. Электронное голосование в России: понятие и виды // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2020. № 19. С. 37.
4. Курячая М.М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11.
5. Алексеев Р.А., Абрамов А.В. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1.
6. Былинкина Е.В. Понятие и виды электронного голосования электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С.6
7. Трущалова Т.О. К вопросу о соотношении понятий «электронное голосование» и «дистанционное электронное голосование» // Юридический мир. 2022. № 1.
8. Садекова Г.У. Перспективы развития электронного голосования: совершенствование законодательства в условиях сближения международного и внутригосударственного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 4.
9. Богдан Ю.И. Анализ существующих систем голосования // Восточно-европейский журнал передовых технологий. 2011. № 2 (49). С. 33.
10. Electronic voting, written by Rene Peralta // Britannica [Электронный ресурс] URL: https://www.britannica.com/topic/electronic-voting (дата обращения: 20.05.2025).

References:

1. Gontar S. G. Electronic voting – a new opportunity for citizens to participate in the formation of government bodies // State Power and Local Self-Government. 2019. № 4. P. 112.
2. Matrenina K.Yu. Electronic voting: concept and types // State and Law. № 2. 2021. P. 120-121.
3. Kiseleva N. V. Electronic voting in Russia: concept and types // Actual problems of the theory and history of the legal system of society. 2020. № 19. P. 37.
4. Kuryachaya M.M. Electronic voting as a stage in the development of direct democracy // Constitutional and Municipal Law. 2017. № 11.
5. Alekseev R.A., Abramov A.V. Problems and prospects of using electronic voting and electoral blockchain technology in Russia and abroad // Citizen. Elections. Power. 2020. № 1.
6. Bylinkina E.V. The concept and types of electronic voting in Russia and abroad: comparative legal analysis // Russian Law: Education, Practice, Science. 2021. № 5. P. 6.
7. Trushchalova T.O. On the question of the relationship between the concepts of "electronic voting" and "remote electronic voting" // Legal World. 2022. № 1.
8. Sadekova G.U. Prospects for the development of electronic voting: improving legislation in the context of the convergence of international and domestic law // State Power and Local Self-Government. 2011. № 4.
9. Bogdan Yu.I. Analysis of existing voting systems // East European Journal of Advanced Technologies. 2011. № 2 (49). P. 33.
10. Electronic voting, written by Rene Peralta // Britannica [Electronic resource] URL: https://www.britannica.com/topic/electronic-voting (access date: 20.05.2025)

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_200

УДК 349

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СПОРТИВНОГО КОНТРАКТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ СПОРТСМЕНОМ
ON THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF A SPORTS CONTRACT WITH A MINOR ATHLETE

ВАНИН Никита Владимирович,
аспирант кафедры спортивного права
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (ИЗиСП).
117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: vaninnikita11@gmail.com;

VANIN Nikita Vladimirovich,
postgraduate student, Department of Sports Law,
Federal State Research Institution «Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation».
34 B. Cheremushkinskaya St., Moscow, 117218.
E-mail: vaninnikita11@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье исследуется правовая природа «спортивного контракта» с несовершеннолетним спортсменом (договора между спортсменом-юниором и спортивной организацией). В частности, анализируются разные подходы к квалификации такого договора – как трудового или как гражданско-правового – с опорой на научные позиции К. Н. Гусова, О. А. Шевченко, Л. Ю. Бугрова. Освещаются проблемы заключения договоров с несовершеннолетними: вопросы дееспособности и специальной трудоправовой регламентации труда несовершеннолетних в спорте, а также практика, при которой отношения с юными спортсменами оформляются гражданско-правовыми соглашениями для обхода гарантий трудового законодательства. Проанализирована судебная практика по спорам о квалификации таких договоров, в том числе случаи переквалификации гражданских договоров в трудовые. На основе проведенного анализа сделан вывод, что спортивный контракт с несовершеннолетним по своей правовой природе следует признавать особым видом трудового договора, предоставляющего спортсмену все трудовые права и гарантии, а попытки оформления его как гражданско-правового соглашения носят фиктивный характер и должны восприниматься критически. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства с приоритетом защиты прав юных спортсменов.*

Abstract: *The article examines the legal nature of a sports contract with a minor athlete, that is, an agreement between a junior athlete and a sports organization. It considers alternative approaches to the qualification of such an agreement — either as an employment contract or as a civil law contract — drawing on the scholarly views of K. N. Gusov, O. A. Shevchenko, and L.Y. Bugrov. The paper highlights issues arising in the conclusion of contracts with minors, including questions of legal capacity and the special labor-law regulation of minors' employment in sports, as well as the widespread practice of formalizing relations with young athletes through civil-law agreements in order to circumvent labor guarantees. Judicial practice concerning the classification of such contracts is analyzed, including cases where civil agreements were reclassified as employment contracts. Based on the analysis, it is concluded that a sports contract with a minor, by its legal nature, should be regarded as a special type of employment contract granting the athlete all labor rights and guarantees, while attempts to frame it as a civil-law agreement are of a fictitious nature and should be viewed critically. The article formulates proposals for improving legislation with a priority on protecting the rights of young athletes.*

Ключевые слова: *спортивный контракт; несовершеннолетний спортсмен; трудовой договор; гражданско-правовой договор; трудовые права несовершеннолетних; профессиональный спорт; трудовое законодательство; судебная практика.*

Keywords: *sports contract; minor athlete; employment contract; civil-law agreement; labor rights of minors; professional sports; labor legislation; judicial practice.*

Для цитирования*: Ванин Н.В. К вопросу о правовой природе спортивного контракта с несовершеннолетним спортсменом // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 200-203. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_200.*

For citation*: Vanin N.V. On the question of the legal nature of a sports contract with a minor athlete // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 200-203. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_200.*

Статья поступила в редакцию: 11.01.2026

В последние десятилетия в отечественном и международном спорте наблюдается устойчивая тенденция к «омоложению» контингента участников, и всё чаще значительных успехов достигают спортсмены, не достигшие возраста совершеннолетия. Подобное «омоложение» спорта, как объективное явление требует корректировки правовых механизмов правового регулирования труда спортсменов, особенно в части договоров, заключаемых с несовершеннолетними лицами. В этой связи проблема правового оформления отношений с спортсменами, особенно не достигшими совершеннолетия, является актуальной для российского права.

При этом, важно понимать, что такое понятие, как «спортивный контракт» прямо не закреплено в законодательстве, однако широко применяется в практике для обозначения договора между спортсменом и спортивной организацией. Современное российское трудовое право фактически исходит из того, что профессиональные спортсмены являются работниками, а их отношения со спортивными организациями – разновидностью трудовых отношений.

Однако возникает вопрос, распространяются ли в полной мере положения трудового права и применительно к спортивному контракту с несовершеннолетним спортсменом, и является ли контракт с юным спортсменом полноценным трудовым договором со всеми гарантиями для несовершеннолетнего работника, или всё же он представляет собой гражданско-правовую сделку, фактически маскирующую трудовые отношения? Данный вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от правильной квалификации зависят социальная защищенность

несовершеннолетнего спортсмена, его возможность без существенных санкций расторгнуть договор, а также то, какую ответственность будут нести стороны данного договора.

При этом очевидно, что работодатели могут также использовать конструкции гражданско-правовых договоров (договоров об оказании услуг или подряда) для оформления правоотношений с несовершеннолетними спортсменами в целях обхода установленных трудовым законодательством гарантий, включая ограничения по продолжительности рабочего времени, гарантий оплаты труда, что фактически приводит к ухудшению положения несовершеннолетнего спортсмена по сравнению с установленным законом.

В последние годы внимание к трудовой деятельности несовершеннолетних спортсменов возросло, что может быть связано со случаями, когда совсем юные атлеты в процессе подготовки сталкивались с чрезмерными нагрузками и жесткими контрактными обязательствами, выходящими за рамки трудового права [8, 9].

Наиболее распространенной точкой зрения в отечественной науке является отнесение спортивного контракта к разновидности трудовых договоров. По своей сути это особый вид трудового договора, адаптированный к специфике профессионального спорта. Данную позицию последовательно обосновали К.Н. Гусов и О.А. Шевченко, указывая, что отношения между спортсменом и спортивной организацией обладают всеми признаками трудовых: личное выполнение определенной функции, систематичность труда, подчинение внутреннему распорядку и получение вознаграждения за выполненную работу [1, с. 150].

Аналогичной позиции придерживаются В.С. Каменков и А.В. Завгородний, подчеркивая, что спортсмен включен в коллектив организации, несет дисциплинарную ответственность и подчиняется ее локальным нормативным актам, что исключает возможность квалификации его деятельности как гражданско-правовой [2, с. 29–39]. Иными словами, спортсмен-профессионал, регулярно выступающий за вознаграждение и подчиняющийся режиму спортивной организации (работодателя), должен рассматриваться именно как работник, со всеми гарантиями, предусмотренными трудовым законодательством.

Альтернативная точка зрения рассматривает спортивный контракт как гражданско-правовое соглашение об оказании услуг. Ее сторонники исходят из того, что в ряде случаев, например, в индивидуальных видах спорта, спортсмен действует как самостоятельный субъект, оказывающий услуги клубу, не находясь в состоянии трудового подчинения [3, с. 162]. В рамках гражданско-правового подхода спортсмен предстаёт независимой стороной (например, подрядчиком или исполнителем), принимающей на себя обязательство достичь определенного спортивного результата или оказать услуги, связанные с участием в соревнованиях (очевидно, в целях достижения результат), но без подчинения внутреннему распорядку спортивной организации. Вознаграждение в таком случае рассматривается не как заработная плата, а как плата за услугу либо премия за достигнутый результат.

В последнее время получает развитие компромиссный подход, допускающий наличие в спортивном контракте элементов как гражданско-правовой природы, так и трудовой. О.А. Шевченко подчёркивает, что спортивный контракт стоит рассматривать как «межотраслевой» трудовой договор профессионального спортсмена и спортивной организации [5, с. 188]. Данный подход также объясняется тем, что специфика спорта требует сочетания норм трудового права с актами саморегулирования спортивных федераций, придавая отношениям комплексный, межотраслевой характер. Данный подход отражает современную тенденцию к гармонизации трудового и спортивного регулирования и учитывает двойственную природу спорта как социального и коммерческого феномена. В этой связи можно отметить, что спортивный контракт следует квалифицировать как трудовой договор особого рода, в который могут быть интегрированы отдельные гражданско-правовые элементы.

Российское законодательство содержит специальные нормы, регулирующие труд несовершеннолетних, в том числе в сфере спорта. Базовым актом выступает Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ), который в главе 42 устанавливает общие гарантии для работников моложе 18 лет (ст. 265 – 272 ТК РФ), а глава 54.1 предусматривает специальные правила для спортсменов и тренеров (ст. 348.1 – 348.13 ТК РФ). Существенное значение имеет также Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», определяющий организационные основы сферы спорта, включая порядок спортивной подготовки.

Непосредственно же трудовые отношения спортсменов регулируются нормами ТК РФ. В частности, общий минимальный возраст заключения трудового договора – 16 лет (ст. 63 ТК РФ). Однако закон устанавливает исключения для несовершеннолетних: с 15 лет – получившие основное общее образование либо оставившие образовательную организацию до получения основного общего образования или отчисленные из указанной организации и продолжающие получать общее образование в иной форме обучения; с 14 лет – с согласия родителей и органов опеки для выполнения легкого труда, не вредящего здоровью и без ущерба обучению; до 14 лет – только в организациях кинематографии, театра, цирка или в спортивных организациях. Таким образом, законодатель прямо предусматривает возможность официального трудоустройства спортсмена младше 14 лет.

Согласно ч. 5 ст. 348.8 ТК РФ, с ребенком-спортсменом до 14 лет допустимо заключить трудовой договор при соблюдении ряда условий: требуется согласие одного из родителей (опекуна) и разрешение органа опеки и попечительства, выданное на основании предварительного обязательного медицинского осмотра, подтверждающего отсутствие противопоказаний. Эти требования детализируют общий принцип ст. 266 ТК РФ: все лица до 18 лет принимаются на работу только после обязательного медосмотра, и до достижения совершеннолетия проходят медосмотр ежегодно. Иными словами, закон допускает трудовой договор даже с ребенком младше 14 лет, но на условиях строгого контроля со стороны родителей, органов опеки и врачей.

В отдельных видах спорта собственными регламентами установлены минимальные возраста для заключения первого профессионального

контракта. Например, п. 8 ст. 16 Правового регламента Континентальной хоккейной лиги (КХЛ) предусмотрено, что первый профессиональный контракт хоккеиста может быть заключен не ранее года, в котором ему исполняется 17 лет.

Тем не менее трудовое законодательство РФ позволяет оформить трудовые отношения и в более раннем возрасте – при соблюдении ранее указанных условий. В доктрине обсуждается вопрос о единых или дифференцированных возрастных порогах для разных видов спорта. Так, М.О. Буянова предлагает дифференцировать минимальный возраст в зависимости от специфики спорта, закрепив это в отдельном нормативном акте [6, с. 248]. Логика данного подхода состоит в том, что требования к физиологической зрелости, например, в гимнастике и в тяжелой атлетике различны, в связи с чем, возможно, в одних видах спорта стоит повысить возрастной порог для заключения договоров со спортсменами, а в других допустимо более ранее начало оформления правоотношений.

Важно понимать, что для всех работников моложе 18 лет ТК РФ предусматривает ряд льгот и ограничений, которые в полной мере распространяются и на спортсменов-несовершеннолетних. Среди них: сокращенная продолжительность рабочего времени (не более 24 часов в неделю в возрасте 14–16 лет и не более 35 часов в 16–18 лет; ст. 92 ТК РФ); запрет работы в ночное время, сверхурочно, в выходные и праздники (за некоторыми исключениями); удлиненный ежегодный основной оплачиваемый отпуск – минимум 31 календарный день (ст. 267 ТК РФ); запрет заключения договоров о полной материальной ответственности с лицами до 18 лет (ст. 242 ТК РФ); особый порядок увольнения по инициативе работодателя (только с согласия государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних).

В свою очередь ст. 34.1 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте» (далее – Закон о спорте) предусмотрено положение в части организации спортивной подготовки детей и молодежи, согласно которому спортивная подготовка может осуществляться в том числе на основании договора об оказании платных образовательных услуг. Такие договоры, как правило, заключаются между организацией, осуществляющей спортивную подготовку (спортивная школа, центр олимпийского резерва и т. п.), и гражданином, поступающим на программу подготовки, а если гражданин несовершеннолетний – то с его родителями. По правовой природе договор спортивной подготовки является гражданско-правовым соглашением об оказании образовательных и тренировочных услуг, и спортсмен по нему не считается работником, а выступает обучающимся, находящимся в тренировочном процессе.

При этом, Закон о спорте пока недостаточно четко определяет, в какой момент необходимо перейти от гражданско-правового договора к трудовому. В результате на практике возникают спорные ситуации, когда несовершеннолетние спортсмены, фактически выполняющие работу на результат, продолжают оставаться оформленными лишь как «обучающиеся» по договору спортивной подготовки, что нередко чревато нарушением их трудовых прав.

Несмотря на наличие в ТК РФ всех необходимых инструментов для оформления трудовых отношений с молодыми спортсменами, на практике распространена схема, когда со спортсменами до 18 лет не заключают трудовой договор, а оформляют гражданско-правовой контракт. Такая практика характерна главным образом для спортивных школ, академий и клубов, работающих с талантливыми детьми. Формально цель подобных соглашений – урегулировать процесс обучения и тренировки, не признавая спортсмена работником. Однако во многих случаях такие гражданско-правовые договоры регулируют именно трудовую деятельность несовершеннолетнего.

В этой связи возникают ситуации, когда несовершеннолетний спортсмен зачислен в спортшколу или академию и тренируется под руководством тренеров, выступает на соревнованиях, приносит очки и медали для команды. Ему могут выплачиваться стипендии, премии, предоставляться экипировка – но формально он не является работником, а, выступает «обучающимся по программе спортивной подготовки». При этом режим его дня, график тренировок и участия в соревнованиях ничем не отличается от режима штатных спортсменов клуба. Работодатель де-факто распоряжается временем и спортивным результатом ребенка, но избегает оформления трудового договора, чтобы не соблюдать нормы о рабочем времени, отдыхе, гарантиях и не платить страховые взносы.

Представляется, что подобных ситуаций не должно возникать, ведь еще Верховным Судом Российской Федерации выражена позиция, из которой следует, что при наличии признаков трудовых отношений (подчиненность внутреннему распорядку, выполнение определенной трудовой функции, регулярность оплаты, включение спортсмена в структуру организации) такой договор со спортсменом должен признаваться трудовым (п. 17 Постановления Пленума Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15).

Также в Обзоре судебной практики Верховным Судом № 2 от 08.07.2015 было отмечено, что отсутствие в федеральном законодательстве прямого запрета на установление компенсаций за досрочное расторжение договоров спортсменами приводит к тому, что в контракты включаются чрезмерные выплаты, ограничивающие свободу спортсмена на увольнение без уважительных причин.

При этом, данное замечание применимо и к несовершеннолетним спортсменам, что также подтверждается судебной практикой. Так, решением Никулинского районного суда города Москвы от 02.09.2024 по делу № 2-6010/2024 были удовлетворены исковые требования ООО «Академия фигурного катания «Ангелы Плющенко» о взыскании компенсации в размере 1,8 миллиона рублей за досрочное расторжение договора с матери 12-летней фигуристки. В решении суда отмечалось, что с 12-летней фигуристкой между ООО «Академия фигурного катания «Ангелы Плющенко» и 12-летней спортсменкой был заключен контракт о спортивной подготовке, в котором содержалось условие о возмещении матерью спортсменки затрат на обучение и подготовку в случае досрочного расторжения, и после того, как спортсменка перешла в другую школу, академия через суд взыскала с ее матери около 1,8 млн руб. за нарушение условий договора.

При этом судом не была дана оценку тому, что по своей сути такой контракт ставит несовершеннолетнюю спортсменку в положение зависимого работника, лишенного возможности свободно сменить «работодателя» без выплаты достаточно значительной суммы неустойки. Фактически договор на спортивную подготовку превратился в инструмент сильного ограничения прав ребенка, при том, что трудовое законодательство, которое должно применяться в рассматриваемом случае, запрещает заключать с законными представителями несовершеннолетних соглашения о штрафных санкциях при увольнении.

В другом деле со схожими фактическими обстоятельствами в удовлетворении требований спортивной организации было отказано. Так, в решении Первомайского районного суда г. Краснодара от 04 октября 2016 г. по делу № 2-17247/2016 суд отказал в удовлетворении иска автономной некоммерческой организации «Футбольный клуб «Краснодар» к родителям несовершеннолетнего спортсмена о взыскании 1 577 346, 49 руб. расходов, понесённых на его подготовку. Суд указал, что заявленные истцом (футбольным клубом) затраты произведены в рамках уставной деятельности по реализации программ спортивной подготовки и не образуют самостоятельного обязательства ответчиков по их возмещению. В частности, было установлено, что между футбольным клубом и законным представителем несовершеннолетнего спортсмена заключен договор на оказание услуг, согласно которому клуб принял на себя обязательства по созданию условий для гармоничного развития ребенка, занятию его спортом (футболом) в свободное от учебы время, а родитель обязуется организовать доставку ребенка к месту занятий спортом, всячески способствовать проведению спортивных занятий, разрешает участие ребенка в соревнованиях по футболу различного уровня. Однако суд пришёл к выводу о том, что прекращение участия несовершеннолетнего в спортивной подготовке не порождает у его родителей обязанности компенсировать расходы клуба, поскольку указанные расходы относятся к риску и ответственности организации, добровольно осуществляющей спортивную подготовку.

Представляется, что выраженная судом позиция правильно исходит из того, что несовершеннолетние не несут имущественной ответственности за прекращение участия в программах спортивной подготовки, а понесённые организацией расходы являются частью её собственной деятельности и предпринимательского риска. Взыскание таких сумм ограничивает свободу выбора вида деятельности несовершеннолетним, которым в описываемых случаях не было даже 16 лет.

Таким образом, думается, что «спортивный контракт» с несовершеннолетним спортсменом следует рассматривать именно как трудовой договор, предоставляющий юному спортсмену весь комплекс трудовых прав и гарантий. Попытки подменить его гражданско-правовыми соглашениями, лишающими спортсмена защиты и гарантий, а также содержащие условия об уплате суммы неустойки за расторжение договора, противоречат целям закона и интересом прав несовершеннолетних. Приоритетными в таких отношениях должны быть права и интересы самого несовершеннолетнего спортсмена – его здоровье, образование, нормальное развитие и свободное волеизъявление в вопросе продолжения спортивной карьеры. В этой связи, видится логичным установление в Законе о спорте нормы о запрете заключения гражданско-правовых договоров о спортивной подготовке с несовершеннолетним спортсменом, а в ТК РФ положения о запрете на установление компенсаций за досрочное расторжение договоров несовершеннолетними спортсменами.

Список литературы:

1. Гусов, К.Н., Шевченко О.А. Спортивное право. Правовой статус спортсменов, тренеров, спортивных судей и иных специалистов в области физической культуры и спорта: учебное пособие — М.: Проспект, 2012. — 150 с.
2. Каменков, В. С., Завгородний, А. В. Трудовые отношения в профессиональном спорте // Государство и право. — 2011. — № 6. — С. 29–39.
3. Васькевич, А. А. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта: дис. … канд. юрид. наук. — М., 2004. — 191 с.
4. Бугров, Л. Ю. Трудовой договор в России и за рубежом. — Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2013. — 398 с.
5. Шевченко, О. А. Правовая доктрина регулирования труда в сфере профессионального спорта и пути ее реализации в России: дис. … д-ра юрид. наук. — М., 2014. — 414 с.
6. Буянова, М. О. Проблема определения возрастных ограничений при приёме на работу несовершеннолетних спортсменов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2018. — № 4 (35). — С. 241–248.
7. Алексеев, С. В., Буянова, М. О., Чеботарев, А. В. Спортивное право: договорные отношения в спорте: учеб. пособие. — М.: Юрайт, 2020. — 107 с.
8. Юные спортсмены — без защиты: как оформляют «контракты» с детьми // Коммерсантъ. — 2021. — № 164 (7319). — URL: https://www.kommersant.ru/doc/4951728 (дата обращения: 25.10.2025).
9. Психологи: дети-спортсмены нередко сталкиваются с эмоциональным выгоранием и физическим переутомлением // ТАСС. — 2022. — URL: https://tass.ru/obschestvo/15341845 (дата обращения: 25.10.2025).

References:

1. Gusov K.N., Shevchenko O.A. Sports law. Legal status of athletes, coaches, senior judges and other specialists in the field of physical education and sports: a textbook — M.: Prospect, 2012. — 150 p.
2. Kamenkov, V. S., & Zavgorodniy, A. V. Labor Relations in Professional Sports. State and Law, no. 6 (2011): 29–39.
3. Vaskievich, A. A. Civil-Law Regulation of Relations in the Field of Professional Sports: Candidate of Law Dissertation. Moscow, 2004. — 191 p.
4. Bugrov, L. Yu. The Employment Contract in Russia and Abroad. Perm: Perm State National Research University, 2013. — 398 p.
5. Shevchenko, O. A. The Legal Doctrine of Labor Regulation in Professional Sports and the Ways of Its Implementation in Russia: Doctor of Law Dissertation. Moscow, 2014. — 414 p.
6. Buyanova, M. O. “The Problem of Determining Age Limits for the Employment of Minor Athletes.” Proceedings of Voronezh State University. Series: Law, no. 4 (35) (2018): 241–248.
7. Alekseev, S. V., Buyanova, M. O., & Chebotarev, A. V. Sports Law: Contractual Relations in Sports: A Textbook. Moscow: Yurayt Publishing, 2020. — 107 p.
8. Young Athletes Left Unprotected: How Contracts with Children Are Drawn Up.” Kommersant, no. 164 (7319), 2021. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/4951728 (accessed October 25, 2025).
9. Psychologists: Young Athletes Often Face Emotional Burnout and Physical Fatigue. TASS News Agency, 2022. Available at: https://tass.ru/obschestvo/15341845 (accessed October 25, 2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_204

УДК 034

ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ ПРИНЦИПА ДОВЕРИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
INFORMATION AND LEGAL CHARACTERISTICS AND FEATURES THE PRINCIPLE OF TRUST IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

ЯКОВЛЕВА Елена Александровна,
ассистент кафедры информационной безопасности в управлении
Института права, социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
E-mail: leno451@mail.ru

YAKOVLEVA Elena Aleksandrovna,
Assistant of the Department of Information Security in Management
Institute of Law, Social Management and Security of the Udmurt State University.
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya str., 1, building 2.
E-mail: leno451@mail.ru

Краткая аннотация: *В данной статье рассматриваются актуальные вопросы и проблемы формирования принципа доверия в информационном праве. В работе использованы системно-концептуальный подход при исследовании вопросов обеспечения информационной безопасности доверия в цифровой среде. В результате исследования предложены авторский подход к определению понятия доверия как информационно-правовой категории и правовая характеристика принципа доверия в условиях цифровой трансформации. Также предложен авторский подход к формулированию понятий цифровая доверенная среда и доказана необходимость включения принципа доверия в систему принципов информационного права. Вместе с тем выявлены специфические особенности реализации принципа доверия, позволяющие установить необходимость его закрепления в документах стратегического планирования, технического регулирования, в системе этических норм и федеральном законодательстве. Установлено, что предлагаемый принцип в условиях развития цифровых технологий имеет фундаментальное значение для развития цифровой доверенной среды.*

Abstract: *This article discusses current issues and problems of the formation of the principle of trust in information law. The paper uses a system-conceptual approach in the study of issues of ensuring information security of trust in a digital environment. As a result of the research, the author's approach to defining the concept of trust as an information and legal category is proposed and the legal characteristic of the principle of trust in the context of digital transformation is substantiated. The author's approach to the formulation of the concepts of a digital trusted environment is also substantiated and the need to include the principle of trust in the system of principles of information law is proved. At the same time, the specific features of the implementation of the principle of trust have been identified, which make it possible to establish the need for its consolidation in strategic planning documents, technical regulation, in the system of ethical standards and laws of federal significance. It has been established that trust in the context of the development of digital technologies is of fundamental importance for the development of a digital trusted environment.*

Ключевые слова: *цифровые технологии, информационное право, доверие, принцип доверия, правовое регулирование, информационная безопасность, информационное общество.*

Keywords: *digital technologies, information law, trust, the principle of trust, legal regulation, information security, and the information society.*

Для цитирования*: Яковлева Е.А. Информационно-правовая характеристика и особенности принципа доверия в условиях цифровой трансформации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 204-207. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_204.*

For citation*: Yakovleva E.A. Information and legal characteristics and features the principle of trust in the context of digital transformation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 204-207. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_204.*

Статья поступила в редакцию: 24.02.2026

В условиях цифровой трансформации государства и права экспоненциально возрастает роль и значимость правового регулирования применения цифровых технологий. В связи с этим формируется необходимость совершенствования информационно-правового регулирования рассматриваемых отношений и противодействия правонарушениям в данной области. Цифровые технологии все в большей мере становятся объектом правового регулирования и требуют высокого уровня доверия для успешного развития информационных правоотношений.

Доверие на современном этапе развития информационного общества является ключевым фактором создания условий для применения цифровых технологий и неотъемлемой частью современных информационных правоотношений, развивающихся в цифровой среде. Это связано с необходимостью уверенности субъекта информационно-правовых отношений в безопасности цифровой среды. В связи с этим полагаем, что доверие как информационно-правовая категория должно определяться через состояние уверенности субъектов правоотношений в выполнении требований в области информационной безопасности. В рамках сформулированного понятия доверие выступает как основа для формирования доверительных информационных правоотношений, обладающих специфическими особенностями – признаками доверия как информационно-правовой категории.

В связи с этим полагаем, целесообразным кратко рассмотреть соответствующие признаки доверия. Исследование показало, что одним из принципиально важных является качественный признак, который характеризует состояние цифровых данных, определяя их как достоверные, полные, актуальные, законно полученные, не подверженные противоправной модификации, а также позволяющее сохранять их конфиденциальность.

Качественный показатель состояния данных является основой для обеспечения реализации следующего признака доверия – результата проведенных идентификации и аутентификации субъектов правоотношения. Также данный признак является одним из главных признаков, поскольку процесс установления и подтверждения личности – это ключевые условия для возможности оказания доверия субъектам в цифровой

среде. Следует обратить внимание, что доверие формируется исключительно на подтвержденных, точных, актуальных и полных данных о субъекте, которые являются базовыми особенностями процессов идентификации и аутентификации [4].

Вместе с этим, утверждая, что субъект должен быть идентифицирован, его данные также должны быть и верифицированы. Верификация сведений направлена на повышение достоверности информации[1], содержащейся в информационных ресурсах и системах. Также, согласно ГОСТ Р 71687-2024 для верификации данных необходима проверка данных, существующих в системе, которая является доверенной, что позволяет в определенной мере отождествляет процесс верификации и формирования доверия к субъекту правоотношений[2]. Вместе с тем, следует учитывать, что с позиции теории и практики обеспечения информационной безопасности объекты и процессы в цифровой доверенной среде обладают объективными свидетельствами, которые должны соответствовать заявленным в отношении субъектов требованиям. Кроме того, объект, обладающий объективными свидетельствами, должен соответствовать правовым критериям защищенности, к тому же все объекты цифровой доверенной среды должны сами по себе быть доверенными, поскольку в случае пренебрежения требованиям безопасности следует говорить о незащищенном объекте, применительно к которому доверие будет нулевое.

На основе системно-концептуального подхода, получившего широкое признание в области защиты информации, а также при реализации непрерывности процесса обеспечения информационной безопасности и принципа доверия. В связи с этим возрастает роль и значение доверия в информационном праве, однако полагаем, что отсутствие такой дефиниции значительно затрудняет правоприменительную деятельность. Целесообразность принятия правовых мер по закреплению данного понятия в федеральном законе, на наш взгляд, обусловлена тем, что это позволит повысить правовую определенность в области регулирования цифровой доверенной среды и соответственно придаст положительную динамику развитию информационно-правовых институтов, а также создать действенный правовой механизм обеспечения безопасности информационных правоотношений в условиях цифровой трансформации.

В связи с этим полагаем, необходимо определить в качестве основания формирования такого механизма принцип доверия. Базируясь на этих важных аспектах, обуславливающих принцип доверия, отметим исследования А.И. Химченко, который утверждает, что «доверие традиционно является одним из ключевых принципов реализации взаимодействия в любой среде» [8, с. 179]. При этом под принципами информационного права В.А. Копылов понимает «основные исходные положения, юридически объясняющие и закрепляющие объективные закономерности общественных отношений, проявляющихся в информационной сфере» [3, с. 102].

Вместе с тем важно подчеркнуть, что содержание правового принципа доверия обуславливается его комплексным характером и взаимосвязью с факторами отношения субъекта к среде взаимодействия. Следовательно, для формирования цифровой доверенной среды важно рассматривать принцип доверия – как уверенность субъектов информационных правоотношений, сформированных на основе действия совокупности принципов права, с целью закрепления за ними правового статуса информационного субъекта в цифровой доверенной среде и для выполнения требований и норм информационной безопасности. И как совершенно точно утверждает Т.А. Полякова: «Вопросы доверия и безопасности, в том числе касающиеся защищенности как одного из факторов информационной безопасности, а также соотношения информационных и коммуникационных технологий и права, которое по своей сути является правовой информационной системой, сегодня исключительно важны» [6].

Вместе с этим, нельзя отрицать, как утверждает С.В. Володина: «уровень активности гражданского общества и самих граждан в реализации принципа доверия в цифровой среде и обеспечения цифрового доверия зависит от уровня развития как гражданского общества в целом, так и активности самих граждан» [1]. Следовательно, принцип доверия непосредственно взаимосвязан с другими принципами информационного права, среди которых особенно стоит выделить:

1) принцип законности, определяющий состав правоотношений, права и обязанности, установленные процедуры, так как действия, совершенные в цифровой доверенной среде должны быть законными и определяться заранее установленными требованиями. Основу регулирования информационных правоотношений, возникающих в цифровой доверенной среде, должны составлять нормы информационного права, что позволит усилить доверие и обеспечить субъектам правоотношений предсказуемый результат взаимодействия в цифровой среде в отношении информационной безопасности;

2) принцип доступности информации, где доверие определяется через уверенность субъекта правоотношений в правомерности действий другого субъекта и проверяемость результатов. Это определяется также, в частности, тем, что доступность рассматривается через возможность субъекта реализации своих прав в цифровой доверенной среде;

3) принцип достоверности информации, является центральным положением для формирования доверия, поскольку доверие трактуется как надежность[3], а достоверность как требование к формированию информации, отражающей факты и реальную действительность [5]. В связи с этим можно констатировать, что доверие базируется на основе точности и полноты данных в цифровой доверенной среде, т.е. их достоверности;

4) принцип прозрачности и контроля доступа к данным, требующий закрепления в нормативных правовых актах Российской Федера-

[1] Приказ Росреестра от 23 ноября 2010 г. № П/618 «Об организации работ по повышению качества данных Единого государственного реестра прав и государственного кадастра недвижимости» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/902376889 (дата обращения: 24.01.2026).

[2] ГОСТ Р 71687-2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Наборы данных для разработки и верификации моделей машинного обучения для косвенного измерения механических свойств полимерных композиционных материалов. Общие требования, утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 11 октября 2024 г. № 1437-ст. М.: ФГБУ «Институт стандартизации». 2024.

[3] Требования NIST National Institute of Standards and Technology, NIST 800-39, March, 2011. URL: ttps://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 24.02.2026); Australian Government Protective Security Policy Framewor Direction 002-2024, issued on July 8, 2024 // Australian Government department of Home affairs. URL: https://www.protectivesecurity.gov.au/system/files/2025-07/pspf-release-2025.pdf (дата обращения: 24.02.2026).

ции, усиливающий в цифровой доверенной среде принцип доверия за счет соблюдения существующих правил обязанным субъектом информационных общественных отношений. Среди правил важное место занимает идентификация субъектов, базирующаяся на принципах идентификации [7] и позволяющая с высокой точностью определить подлинность субъекта. Идентификация в цифровой доверенной среде – незаменимый атрибут субъекта как участника доверенного информационного взаимодействия, повышающий уровень доверия и безопасности;

5) принцип безопасности, определяемой как состояние защищенности[4], которое характеризуется стратегической стабильностью равноправного стратегического партнерства в информационном пространстве[5]. Вместе с тем согласно Доктрине информационной безопасности «Существующее в настоящее время распределение между странами ресурсов, необходимых для обеспечения безопасного и устойчивого функционирования сети «Интернет», не позволяет реализовать совместное справедливое, основанное на принципах доверия управление ими»[6]. Согласно данному документу стратегического планирования, закрепляющему основы для принципа доверия, доверие должно формироваться при безопасном информационном взаимодействии в цифровом пространстве.

Рассмотренная взаимосвязь принципа доверия с принципами информационного права показывает значимость принципа доверия как необходимого информационному праву. Стоит отметить международный уровень принципа доверия, которое является производным от: принципа защиты доверия (правомерных ожиданий)[7]; принцип взаимного доверия[8]; принципы формирования трансграничного пространства доверия[9]. Международный уровень правовых актов определяет основные правовые подходы к формированию принципа доверия и показывает международную значимость доверия, требующего всемирное признания в условиях экспоненциального роста применения цифровых технологий и усиления требований информационной безопасности.

Доверие, оказывающее воздействие на информационные правоотношения, на условия применения цифровых технологий, на безопасность данных обеспечивает защиту прав, свобод и интересов граждан и общества в цифровой среде. Вектор государственной политики направлен на безопасность информационной инфраструктуры, которая разработана, построена и функционирует в соответствии с требованиями информационной безопасности, обеспечивая субъектам правоотношений ожидаемый результат безопасного взаимодействия, формируя стабильность при соблюдении правил и норм действующего законодательства. Такую информационную инфраструктуру, созданную на системно-концептуальном подходе, будем определять, как цифровую доверенную среду.

В связи с этим, вопросы, касающиеся информационной безопасности государственного управления, подлежит не только стратегическому и правовому регулированию, но и техническому регулированию, что в совокупности отражает современные приоритеты Российской Федерации в области информационной безопасности для реализации принципа доверия. В настоящее время основном проблема заключается в быстром развитии цифровых технологий и росте условий для их внедрения.

Также, динамика правового обеспечения цифровой доверенной среды определяет проблему развития информационного законодательства как основы технического регулирования. Существующие цифровые технологии, такие как искусственный интеллект, большие данные, облачные и периферийные вычисления, сети и коммуникации [2], образующие фундамент для создания цифровой доверенной среды, требуют разработки дополнительных стандартов технического регулирования, основанных на доверии. В связи с этим, как утверждает Е.А. Яковлева: «в рамках решения данной проблемы необходимо ускорить развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта путем создания необходимых правовых условий – разработки защитных правовых механизмов, к которым стоит отнести создание правового режима в сфере применения искусственного интеллекта» [9]. Вместе с тем технологии искусственного интеллекта формируют новые информационные угрозы, вызывающие в обществе аллармизм, формируя скептическое отношение и понижая уровень доверия к цифровым технологиям в целом.

Тем не менее, как справедливо отмечает Т.А. Полякова: «юридическое прогнозирование является важной составляющей стратегического планирования, и выработка новых научно-обоснованных подходов к правовому оформлению юридического прогнозирования как одной из существенных частей нормотворческого процесса, а также их практическая реализация являются приоритетным вектором современных фундаментальных правовых исследований в условиях цифровизации и трансформации права» [7]. В связи с этим полагаем, введение в информационное законодательство принципа доверия и механизма его обеспечения в цифровой сфере позволит усилить эффективность правового обеспечения информационной безопасности на основе формирования совокупности действенных требований посредством анализа и прогнозирования вызовов, угроз и рисков.

В связи с этим можно отметить, что принцип доверия носит фундаментальный характер для стратегического планирования, обоснован современными технологическими трендами и требует правового осмысления.

В заключении стоит отметить отсутствие дефиниций: доверие, принцип доверия, цифровая доверенная среда в понятийно-категориальном аппарате информационного права. В связи с этим возрастает роль для реализации определенных функций и задач в рамках

[4] Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Постановление № 54-28 Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ «О модельном законе «Об административных процедурах» (Принято в г. Самарканде 28.10.2022) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2023. № 77 (часть 4).
[8] Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Принята 10.11.2020) // Сайт Шанхайской организации сотрудничества. URL: http://rus.sectsco.org/ (дата обращения: 24.04.2026); Решение Совета глав государств СНГ «О Заявлении глав государств - участников Содружества Независимых Государств в связи с 25-летием СНГ» (Принято в г. Бишкеке 16.09.2016) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: http://cis.minsk.by/ (дата обращения: 24.02.2026).
[9] Постановление № 45-13 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О модельном законе «О трансграничном информационном обмене электронными документами» (Принято в г. Санкт-Петербурге 25.11.2016) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2017. № 66 (часть 2).

правоотношений создания и функционирования безопасного и доверенного технологического решения: разработка доверенного программного обеспечения, доверенных цифровых технологий, создание доверенного канала связи и т.д. Вопросы технического регулирования должны быть решены одновременно с правовыми, поскольку технологические решения, техническая оснащенность должны в определенной мере позволять упорядочивать информационные правоотношения, возникающие в цифровой доверенной среде. Законодательное обеспечение должно включать систему принципов информационного права, в которую, полагаем, должен быть включен принцип доверия, повышающий эффективность информационно-правовых норм.

Список литературы:

1. Володина, С.В. Роль институтов гражданского общества в реализации принципа доверия в цифровой среде / С.В. Володина // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 12. – С. 30–34.
2. Камалова, Г.Г. Доверие к искусственному интеллекту в семье: правовые проблемы / Г.Г. Камалова // Право для лидерства: сборник материалов XII Московского инновационного юридического форума, Москва, 25–26 марта 2025 года. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. – С. 82–87. – EDN QWDSXG.
3. Копылов В.А. Информационное право: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристь, 2002. – 512 с.
4. Наумов, В.Б. Институт идентификации в информационном праве: специальность 12.00.13 «Информационное право»: дис. … д-ра юридических наук / Наумов Виктор Борисович. М., 2021. – 455 с. – EDN QWDSXG.
5. Петровская, О.В. Принципы достоверности в информационном праве в условиях цифровой трансформации / О.В. Петровская // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 3 (40). – С. 46–50. – DOI 10.21681/2226-0692-2021-3-46-50. – EDN YQINHH.
6. Полякова, Т.А. Базовые принципы как основные начала правового обеспечения информационной безопасности / Т.А. Полякова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 3. – С. 17–40. – EDN WDJTKV.
7. Полякова, Т.А. Развитие информационных технологий и права на информацию в современном цифровом пространстве: риски и юридическое прогнозирование / Т.А. Полякова // Вестник Академии права и управления. – 2019. – № 1(54). – С. 97–103.
8. Химченко, А.И. Отдельные направления развития цифровой трансформации права и государства / А.И. Химченко // Цифровая трансформация государства и права в условиях экономики данных: монография / под ред. А.В. Минбалеева. – Саратов: Амирит, 2025. – 258 с.
9. Правовые проблемы доверенных технологий искусственного интеллекта / Е.А. Яковлева // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2026. – Т. 36, № 2. – С. 390–396. DOI: https://doi.org/10.35634/2412-9593-2026-36-2-390-396.

References:

1. Volodina S.V. The Role of Civil Society Institutions in Implementing the Principle of Trust in the Digital Environment // Constitutional and Municipal Law. 2025. No. 12. Pp. 30 - 34.
2. Kamalova, G. G. Trust in Artificial Intelligence in the Family: Legal Issues / G. G. Kamalova // Law for Leadership: Collection of materials of the XII Moscow Innovative Legal Forum, Moscow, March 25-26, 2025. Moscow: Publishing Center of the Kutafin University (MSAL), 2025, pp. 82-87. Edited by O.N. ALTKYUL.
3. Kopylov, V.A. Information Law: Textbook. 2nd edition, revised. and add. – Moscow: Yurist, 2002. – 512 p. – P. 102.
4. Naumov, V. B. The Institute of Identification in Information Law: Speciality 12.00.13 "Information Law": Dissertation for the Degree of Doctor of Law / Naumov Viktor Borisovich, 2021. – 455 p. – EDN QWDSXG.
5. Petrovskaya, O. V. Principles of Reliability in Information Law in the Context of Digital Transformation / O. V. Petrovskaya // Monitoring of Law Enforcement. – 2021. – No. 3(40). – Pp. 46-50. – DOI 10.21681/2226-0692-2021-3-46-50. – EDN YQINHH.
6. Polyakova, T. A. Basic Principles as the Fundamental Principles of Legal Support for Information Security / T. A. Polyakova // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2016. – No. 3. – Pp. 17-40. – EDN WDJTKV.
7. Polyakova T.A. Development of Information Technologies and the Right to Information in the Modern Digital Space: Risks and Legal Forecasting // Bulletin of the Academy of Law and Management No. 1(54). 2019. Pp. 97-103.
8. Khimchenko A.I. Selected Directions of the Digital Transformation of Law and the State // Digital Transformation of the State and Law in the Data Economy: Monograph / Edited by A.V. Minbaev. – Saratov: Amirit, 2025. – 258 p. – 179.
9. Yakovleva E.A. Legal Issues of Trusted Artificial Intelligence Technologies. Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. – 2026. – Vol. 36, No. 2. Pp. 390-396. DOI: https://doi.org/10.35634/2412-9593-2026-36-2-390-396.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_208

УДК 351.74

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА НА ТЕРРИТОРИЯХ С ОСОБЫМ ПРАВОВЫМ РЕЖИМОМ
ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION TO ENSURE PUBLIC ORDER IN TERRITORIES WITH A SPECIAL LEGAL REGIME

ЖЕЛТОБРЮХ Александр Васильевич
Преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки,
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».
664074, Российская Федерация, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
E-mail: jeltobruh.av@yandex.ru

ZHELTOBRYUKH Alexander Vasilyevich
Lecturer of the Department of Tactical and Special Training,
Federal State State-Owned Educational Institution of Higher Education
"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".
664074, Russian Federation, Irkutsk Region, Irkutsk, Lermontov Street, 110.
E-mail: jeltobruh.av@yandex.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена исследованию особенностей организации деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на территориях, на которых действуют особые правовые режимы, в частности в тех регионах, которые приобрели правовой статус недавно. Проводится анализ изменения в российском законодательстве относительно правового положения указанных территорий, рассматривается специфика статуса сотрудников правоохранительных органов, проходящих службу в указанных регионах, определяются основные задачи и возможные риски несения службы по охране общественного порядка в новых субъектах федерации.*

Abstract: *The article is devoted to the study of the peculiarities of the organization of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the territories where special legal regimes are in effect, in particular in those regions that have recently acquired legal status. The article analyzes the changes in Russian legislation regarding the legal status of these territories, examines the specifics of the status of law enforcement officers serving in these regions, and identifies the main tasks and possible risks of maintaining public order in the new federal subjects.*

Ключевые слова: *полиция, правоохранительные органы, охрана общественного порядка, вновь присоединенные регионы, обеспечение общественной безопасности, особые правовые режимы, население новых регионов.*

Keywords: *police, law enforcement agencies, public order maintenance, newly annexed regions, public safety, special legal regimes, population of the new regions.*

Для цитирования*: Желтобрюх А.В. Деятельность органов внутренних дел российской федерации по обеспечению охраны общественного порядка на территориях с особым правовым режимом // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 208-210. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_208.*

For citation*: Zheltobryukh A.V. Activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation to ensure public order in territories with a special legal regime // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 208-210. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_208.*

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

Охрана общественного порядка является одной из важнейших функций государства, обеспечивающих безопасность граждан и стабильность функционирования общественных институтов. Особенностью современного этапа развития российского права стало возникновение особых правовых режимов на отдельных территориях. Это требует разработки специальных подходов к осуществлению правоохранительной деятельности, адаптации существующих механизмов защиты правопорядка и повышения эффективности взаимодействия государственных структур. [1]

Особый правовой режим определяется наличием исключительных условий проживания населения, хозяйствования и административных процедур. Такие условия возникают вследствие географического расположения региона, этнического состава населения, политических факторов или иных обстоятельств, определяющих необходимость введения дополнительного контроля и мет по поддержанию общественного порядка и общественной безопасности. Выделяют следующие виды правовых режимов [2, 3, 4]:

1. Режимы ограниченного доступа – устанавливаются в приграничных зонах, закрытых административно-территориальных образованиях, районах повышенной экологической опасности и т.п., предусматривают ограничение передвижения граждан и транспорта [4].

2. Военные режимы – вводятся на территориях где ведутся боевые действия, в условиях чрезвычайной ситуации или активизации террористической деятельности, предполагают наделение повышенными полномочиями сил правопорядка и ограничение гражданских прав [5].

3. Специальные экономические зоны – территории с особой системой налогообложения и поддержки индивидуального предпринимательства. Ужесточение мероприятий в сфере миграции. Особое внимание профилактике и пресечению экономических преступлений [3].

4. Экологические зоны – определяются для предотвращения экологических катастроф с целью сохранения природных ресурсов. Ужесточаются требования в сфере природоохранного законодательства.

5. Зоны повышенного риска правонарушений – районы и территории с наиболее сложной криминогенной обстановкой, большой вероятностью возникновения массовых беспорядков и действием организованных преступных групп и сообществ. Разработка мероприятий

стабилизации криминогенной обстановке на обслуживаемых территориях [4].

Законодательство Российской Федерации регулярно адаптируется к изменениям территориального устройства и введению особых правовых режимов. После присоединения новых территорий органы власти принимают специальные законы и постановления, регулирующие деятельность полиции, прокуратуры, следственных органов и судебных инстанций на соответствующих территориях [6]. Среди основных изменений последнего периода можно выделить:

- установление границ и административного деления новых регионов;

- определение полномочий органов местного самоуправления;

- создание специализированных подразделений полиции; ужесточение порядка въезда и выезда граждан на территорию, а также перемещение товаров;

- формирование правовой базы для разрешения споров.

Сотрудники правоохранительных органов, выполняющие службу на территориях с особым правовым режимом, обладают определёнными привилегиями и несут дополнительные обязанности. К ним относятся:

Право на применение огнестрельного оружия и специальных средств в предусмотренных законом случаях [7,8];

Обязанность действовать оперативно и решительно при выявлений нарушений законодательства [9];

Возможность привлечения дополнительных средств для решения экстренных задач;

Необходимость прохождения специальной подготовки и обучения действиям в экстремальных ситуациях [10,11].

Вместе с тем сотрудники подвергаются повышенным рискам травматизма, психологическим нагрузкам и профессиональным стрессам, связанным с особенностями обстановки и характером служебных обязанностей.

Основными задачами органов внутренних дел на территориях с особым правовым режимом заключается в следующем [7]:

1. Обеспечение законности и правопорядка путем выявления и предупреждения преступлений;

2. Предотвращение экстремистской и террористической деятельности;

3. Поддержание стабильности и социального спокойствия населения;

4. Координация действий с органами исполнительной власти;

5. Осуществление контрольно-пропускных мероприятий и обеспечение безопасности транспорта и коммуникаций.

При выполнении указанных задач в условиях специальных правовых режимах сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с риском: угрозы личной безопасности и здоровью; высокой вероятностью возникновения чрезвычайных происшествий природного и техногенного характера; сложности установления контактов с местным населением и преодолении культурных барьеров; недостаточная оснащённость техническими средствами и нехватка кадров соответствующей квалификации [7].

Для минимизации рисков необходима разработка комплексных программ подготовки и переподготовки личного состава, совершенствование материально-технического обеспечения и внедрение современных технологий управления.

Организация деятельности правоохранительных органов на территориях с особым правовым режимом представляет собой сложный механизм направленный на выработку и проведение мероприятий по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, защиту прав граждан, проживающих на данной территории. С целью совершенствование деятельности правоохранительных органов в данной сфере необходимо своевременное внесение изменений в действующее законодательство, повышение уровня профессиональной и специальной подготовки сотрудников органов внутренних дел, укрепление взаимодействия с государственными организациями.

В данной работе, рассматривается организация деятельности правоохранительных органов, на территориях с особым правовым режимом, определяются особенности несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, предлагаются рекомендации для эффективной адаптации законодательства и специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов при несении службы на территориях с особым правовым режимом.

Список литературы:

1. Антонов Ян.А. К вопросу о специфике деятельности органов внутренних дел по обеспечению прав человека в условиях особых правовых режимов. Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 9-14
2. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ "О военном положении" Текст Федерального конституционного закона опубликован в "Российской газете" от 2 февраля 2002 г. N 21, в "Парламентской газете" от 2 февраля 2002 г. N 24, в Собрании законодательства Российской Федерации от 4 февраля 2002 г. N 5 ст. 375
3. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 23 // справ. правовые системы Консультант Плюс: Высш. шк. – 2024. – Режим доступа: http//www.consultant.ru/
4. Иванова Е.Л. Классификации правовых режимов: теоретические подходы и тенденции современного законодательного регулирования. Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3 (114). С. 76-86
5. Иванова Л.А. Деятельность ОВД в режиме контртеррористической операции. Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (18). С. 77-82.
6. Шелегов Ю.В. О конституционно-правовых основах введения режима чрезвычайного положения в российской федерации. Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 45-55
7. Серпик В.Д. Правовые особенности выполнения служебных задач сотрудниками полиции в особых условиях. Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 4 (22). С. 71-76
8. Егоров В.Ю., Ковалёв Д.В. Особенности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия для защиты от посягательства на жизнь или здоровье граждан или себя. Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (3). С. 66-70..
9. Желтобрюх А.В., Сошин А.А. Тактические приемы задержания правонарушителей сотрудниками полиции. Научный дайджест ВСИ МВД РФ. 2020 № 4 (7). С. 106-109.
10. Иванов П.И. Риски и угрозы, учитываемые подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов мвд россии на региональном уровне при чрезвычайных ситуациях. Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4 (95). С. 116-130

11. Труфанов Н.И. К вопросу обеспечения личной безопасности сотрудников дорожно-патрульной службы. Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 1(19). – С. 59-64.

References:

1. Antonov Yan.A. On the Issue of the Specificity of the Activities of Internal Affairs Bodies to Ensure Human Rights in Special Legal Regimes. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2021. No. 2 (97). Pp. 9-14

2. Federal Constitutional Law of January 30, 2002 N 1-FKZ "On Martial Law" The text of the Federal Constitutional Law was published in Rossiyskaya Gazeta on February 2, 2002 N 21, in Parlamentskaya Gazeta on February 2, 2002 N 24, in the Collection of Legislation of the Russian Federation on February 4, 2002 N 5, Article 375

3. Federal Constitutional Law No. 3-FKZ of May 30, 2001 "On the State of Emergency" (Collection of Legislation of the Russian Federation, 2001, No. 23 // reference. legal systems Consultant Plus: Higher School – 2024. – Access mode: http//www.consultant.ru/

4. Ivanova E.L. Classifications of Legal Regimes: Theoretical Approaches and Trends of Modern Legislative Regulation. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (114). Pp. 76-86

5. Ivanova L.A. Activities of the Internal Troops in the Counter-Terrorism Operation Mode. Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (18). Pp. 77-82.

6. Shelegov Yu.V. On the constitutional and legal foundations of the introduction of a state of emergency in the Russian Federation. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (102). Pp. 45-55

7. Serpik V.D. Legal Features of Performing Official Tasks by Police Officers in Special Conditions. Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (22). Pp. 71-76

8. Egorov V.Yu., Kovalev D.V. Features of the use of firearms by police officers to protect against attacks on the life or health of citizens or themselves. Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (3). Pp. 66-70.

9. Zheltobryukh A.V., Soshin A.A. Tactical methods of detaining offenders by police officers. Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2020 No. 4 (7), pp. 106-109.

10. Ivanov P.I. Risks and Threats Considered by Economic Security and Anti-Corruption Units of Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the Regional Level in Emergency Situations. Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2020. No. 4 (95). Pp. 116-130

11. Trufanov N.I. To the Issue of Ensuring Personal Safety of Employees of the Road Patrol Service. Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_211

УДК 328.185

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ: АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ ОТМЕНЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О ДОХОДАХ, РАСХОДАХ И ИМУЩЕСТВЕ ОТДЕЛЬНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ ЛИЦ

TRANSFORMATION OF ANTI-CORRUPTION LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION: ANALYSIS OF THE CONSEQUENCES OF THE CANCELLATION OF MANDATORY SUBMISSION OF INFORMATION ON INCOME, EXPENSES AND PROPERTY BY CERTAIN CATEGORIES OF PERSONS

ХАДЫКИНА Елена Викторовна,
доцент, к.ю.н., доцент Высшей школы теории права и частного права,
Тихоокеанский государственный университет.
680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.
E-mail: 003780@togudv.ru

КИРИЛЛОВ Николай Аркадьевич,
студент, Тихоокеанский государственный университет.
680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.
E-mail: 003780@togudv.ru

KHADYKINA Elena Viktorovna,
Associate Professor, Candidate of Law,
Associate Professor at the Higher School of Theory of Law and Private Law, Pacific State University.
680042, Khabarovsk, st. Pacific, 136.
E-mail: 003780@togudv.ru

KIRILLOV Nikolay Arkadyevich,
Student Pacific State University.
680042, Khabarovsk, st. Pacific, 136.
E-mail: 003780@togudv.ru

Краткая аннотация: *в статье проводится комплексный анализ последствий гипотетической или реализуемой в зависимости от контекста конкретной юрисдикции отмены института обязательного представления сведений о доходах, расходах и имуществе государственными служащими и иными категориями лиц как элемента трансформации современного российского антикоррупционного законодательства. Рассматривается эволюция подходов к финансовому контролю: от публичной отчетности к альтернативным механизмам выявления конфликта интересов. Особое внимание уделяется оценке рисков, связанных с отказом от обязательного представления сведений: снижение прозрачности деятельности отдельных категорий лиц, рост латентной коррупции, подрыв доверия граждан к институтам власти и ограничение возможностей для гражданского контроля. Авторами исследуются также и потенциальные выгоды такой меры, включая снижение административной нагрузки, защиту персональных данных и оптимизацию работы кадровых служб, в том числе в контексте мировых трендов цифровизации и риск-ориентированного подхода.*

Abstract: *This article provides a comprehensive analysis of the implications of a potential or actual abolition of mandatory income, expense, and asset disclosure by government officials and other categories of individuals, depending on the context of a particular jurisdiction, as part of the transformation of modern Russian anti-corruption legislation. It examines the evolution of approaches to financial control: from public reporting to alternative mechanisms for identifying conflicts of interest. Particular attention is paid to assessing the risks associated with eliminating mandatory reporting requirements: decreased transparency of the activities of certain categories of individuals, increased latent corruption, erosion of public trust in government institutions, and limited opportunities for civic oversight. The authors also examine the potential benefits of such a measure, including reduced administrative burdens, personal data protection, and streamlining of human resources functions, particularly in the context of global digitalization trends and a risk-based approach.*

Ключевые слова: *антикоррупционное законодательство, государственная служба, представление сведений о доходах, расходах и имуществе, конфликт интересов, финансовый контроль, противодействие коррупции, прозрачность власти, публичная отчетность.*

Key words: *anti-corruption legislation, civil service, disclosure of information on income, expenses and property, conflict of interest, financial control, anti-corruption, government transparency, public reporting.*

Для цитирования: *Хадыкина Е.В., Кириллов Н.А. Трансформация антикоррупционного законодательства РФ: анализ последствий отмены обязательного представления сведений о доходах, расходах и имуществе отдельными категориями лиц // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 211-214. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_211.*

For citation*: Khadykina E.V., Kirillov N.A. Transformation of anti-corruption legislation of the Russian Federation: analysis of the consequences of the cancellation of mandatory submission of information on income, expenses and property by certain categories of persons // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 211-214. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_211.*

Статья поступила в редакцию: 11.03.2026

Трансформация современного российского антикоррупционного законодательства требует поиска баланса между публичной прозрачностью и защитой персональных данных, тотальным контролем и снижением административной нагрузки. Институт обязательного представления сведений долгое время оставался фундаментальным элементом системы противодействия коррупции, однако в последние годы все чаще звучат призывы к отказу от публичной отчетности. Аргументами выступают избыточная бюрократизация, фиктивность части справок и необходимость защиты частной жизни служащих. В ряде постсоветских государств уже реализуются инициативы по отмене или ограничению деклараци-

онных кампаний.

В связи с этим особую остроту приобретает оценка последствий такого шага. Отказ от обязательного представления сведений без создания компенсаторных механизмов способен спровоцировать рост латентной коррупции и подорвать доверие граждан к власти, тогда как сохранение устаревших форм контроля тормозит внедрение современных цифровых методов мониторинга. Это обуславливает необходимость комплексного анализа последствий отмены представлений сведений и выработки рекомендаций по дальнейшему совершенствованию антикоррупционного законодательства.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа правовых, социальных и управленческих последствий отмены обязательного представления сведений отдельными категориями лиц, а также потребностью в выработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию антикоррупционного законодательства в условиях его трансформации.

Противодействие коррупции выступает одним из приоритетных направлений государственной политики, направленным на обеспечение национальной безопасности, укрепление правопорядка и повышение доверия граждан к институтам власти. Эффективность этой деятельности напрямую зависит от качества правового регулирования, а также от способности государства своевременно выявлять и устранять условия, способствующие коррупционным проявлениям. В современной юридической науке противодействие коррупции рассматривается как комплексная система мер, включающая не только юридическую ответственность, но и профилактические механизмы, среди которых ключевая роль традиционно отводится финансовому контролю и обеспечению прозрачности деятельности публичных должностных лиц.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ последствий отмены института обязательного представления сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера (далее по тексту – сведений о доходах) отдельными категориями лиц как элемента трансформации антикоррупционного законодательства, а также разработка рекомендаций по внедрению компенсаторных механизмов, обеспечивающих сохранение эффективности противодействия коррупции.

Институт предоставления сведений о доходах, расходах и имуществе лицами, замещающими государственные должности, государственными служащими и иными категориями лиц (далее по тексту – государственными служащими), на протяжении последних двух десятилетий выступал краеугольным камнем российской антикоррупционной системы. Однако в 2022-2023 гг. законодатель столкнулся с необходимостью оперативной трансформации данного института под влиянием внешних и внутренних факторов, что привело к введению моратория на обязательное представление сведений. Данная статья посвящена комплексному анализу последствий этой трансформации и поиску оптимальной модели финансового контроля в современных условиях.

Отмена обязательного представления сведений госслужащими требует анализа с позиций конституционных гарантий. Статья 2 Конституции РФ закрепляет обязанность государства защищать права граждан, а статьи 24, 32 и 55 гарантируют прозрачность власти, равный доступ к госслужбе и соразмерность ограничений прав служащих. Прозрачность доходов выступает механизмом реализации этих конституционных положений. Ослабление декларационного контроля может снизить эффективность противодействия коррупции, что непосредственно может угрожать правам граждан. Таким образом, важен баланс между антикоррупционной открытостью и защитой персональных данных, а также недопустимость использования упрощения процедур для умаления конституционных прав граждан [1].

Становление института антикоррупционного представления сведений в России прошло несколько этапов. Первоначально, в 1990-х годах, нормы о предоставлении сведений о доходах носили фрагментарный и преимущественно рекомендательный характер. Переломным моментом стало принятие Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», закрепившего обязанность государственных служащих ежегодно представлять сведения о доходах [2]. Именно с этого момента можно говорить о формировании полноценного института антикоррупционного декларирования в российском праве.

Следующим этапом стало принятие в 2012 году Федерального закона № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц...», который расширил предмет контроля, позволив сопоставлять доходы служащих с их крупными расходами [3]. Впоследствии законодательство развивалось в сторону максимальной публичности: сведения размещались в открытом доступе в сети Интернет. Как подчеркивает в своем исследовании Т.В. Захарова, данная эволюция отражала общемировой тренд на повышение транспарентности публичной власти [8].

Институт представления сведений изначально выполнял несколько ключевых функций. Во-первых, он служил инструментом превенции коррупционных правонарушений. Сама обязанность раскрывать доходы оказывала сдерживающее психологическое воздействие на потенциальных коррупционеров.

Во-вторых, сведения о доходах выступали основой для выявления конфликта интересов. Сопоставление данных о служащем и членах его семьи с его служебными обязанностями позволяло кадровым службам своевременно предотвращать ситуации, когда личная заинтересованность влияет на исполнение должностных полномочий.

В-третьих, институт представления сведений обеспечивал механизм гражданского контроля. Публичность сведений позволяла СМИ и институтам гражданского общества выступать в роли независимых аудиторов. Именно открытость данных является необходимым условием формирования антикоррупционной культуры в обществе.

Несмотря на очевидные достоинства, к началу 2020-х годов система накопила ряд системных проблем, которые и стали предпосылками для ее реформирования. В научной литературе по этому вопросу можно найти следующие вызовы:

- Избыточная административная нагрузка. Кадровые службы оказались перегружены проверкой огромного массива справок, при этом эффективность таких проверок оставалась невысокой. Формальный подход к заполнению справок привел к бюрократизации процесса, отвлека-

ющей ресурсы от реальной борьбы с коррупцией.

- Фиктивность отчетности. Значительная часть служащих, стремясь избежать ошибок, прибегала к помощи юристов для заполнения справок, что нивелировало превентивный эффект. Кроме того, сведения часто отражали "номинальное" имущество, записанное на родственников, что позволяло обходить контроль.

- Проблема защиты персональных данных. С развитием цифровых технологий публикация подробных данных о доходах и имуществе создала риски для безопасности служащих и их семей. Открытые данные стали использоваться для сбора компромата, шантажа и даже совершения мошеннических действий в отношении родственников чиновников.

Эти противоречия обострились в условиях специальной военной операции, когда вопрос информационной безопасности и защиты от внешнего давления вышел на первый план [6].

Принятие указа Президента РФ фактически ввело мораторий на публичное представление сведений, позволив представлять сведения только в кадровые службы без их публикации [4]. Оценка последствий данного решения вызывает дискуссию в научном сообществе.

В своем выступлении Президент РФ В.В. Путин, говоря о развитии государственного управления и укреплении суверенитета, акцентировал внимание на необходимости совершенствования взаимодействия власти и общества. Послание содержит важные тезисы, формирующие контекст для антикоррупционной политики: политическая система как опора суверенитета: Президент подчеркнул, что «политическая система России является одной из опор суверенитета страны». Развитие демократических институтов и совершенствование механизмов публичной власти напрямую связаны с качеством государственного управления, важнейшим элементом которого является противодействие коррупции. Устойчивость политической системы невозможна без искоренения практик, подрывающих доверие граждан к власти [5].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что сворачивание публичности несет в себе существенные риски, среди которых можно выделить следующие:

- Снижение уровня прозрачности и подотчетности. Перевод отчетности в режим "закрытого документа" для служебного пользования разрушает механизм общественного аудита. Граждане и СМИ лишаются легального инструмента оценки законности происхождения имущества чиновников.

- Рост латентной коррупции и злоупотреблений. В условиях отсутствия внешнего контроля возрастает вероятность злоупотреблений. Также необходимо учитывать криминологические риски, связанные с мораторием, указывая на потенциальный рост числа коррупционных правонарушений, которые останутся незамеченными для общества [9].

- Ослабление механизмов гражданского контроля. Антикоррупционная экспертиза и журналистские расследования, опиравшиеся на открытые данные, сегодня утрачивают свою доказательственную базу. Это ведет к деградации институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции.

В противовес пессимистичным прогнозам, существует также обоснованная позиция сторонников реформы. Её положительные аспекты видятся в следующем:

- Снижение административной нагрузки. анализируя правоприменительную практику 2022-2023 гг., можно сделать вывод, что кадровые службы получили возможность сосредоточиться на углубленной проверке действительно рискованных случаев, а не на формальной регистрации тысяч справок.

- Минимизация репутационных издержек и защита приватности. Исключение публичности защищает служащих и их близких от необоснованных нападок и посягательств на частную жизнь, что в условиях информационных войн является критически важным.

- Переход к риск-ориентированной модели контроля. А.М. Цирин указывает на возможность внедрения более эффективной модели, где глубина проверки зависит от степени коррупционных рисков должности [10]. Такой подход давно применяется в налоговом контроле и может быть экстраполирован на антикоррупционную сферу.

Анализ зарубежного опыта показывает, что Россия не одинока в поиске нового баланса в вопросах представления сведений или их закрытости. В странах ЕС наблюдается тенденция к усилению контроля за высшими должностными лицами (президенты, министры, депутаты) при одновременной автоматизации сбора данных для среднего звена государственных слудащих. Во Франции, например, декларации публикуются, но с частичным скрытием чувствительных данных. В США система остается максимально открытой, однако там действуют жесткие санкции за недостоверные сведения, а контроль осуществляется специализированными органами.

В странах СНГ (Казахстан, Беларусь) реакция на новые вызовы была схожей с российской: вводились моратории либо ограничивался доступ к публичным базам данных. Международный опыт демонстрирует отсутствие единого стандарта: мир движется не к тотальной отмене или тотальной публичности, а к дифференциации режимов контроля в зависимости от уровня должности и степени потенциальной угрозы [7].

Подводя общий итог результатам проведенного исследования, можно сказать, что трансформация антикоррупционного законодательства в части отмены обязательного публичного представления сведений о доходах, расходах и имуществе является вынужденной и неоднозначной мерой. С одной стороны, она отвечает насущным требованиям защиты персональных данных и снижения административной нагрузки. С другой стороны, она создает риски снижения прозрачности власти и ослабления антикоррупционных механизмов. Дальнейшее развитие указанного института, на наш взгляд, должно идти по пути поиска компромисса: внедрения риск-ориентированного подхода, автоматизации проверок и дифференциации уровня открытости в зависимости от статуса служащего, как того требует современная правовая доктрина и проанализированный зарубежный опыт.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что мировой тренд заключается не в отмене института, а в его тонкой настройке: страны отказываются от избыточных форм отчетности для низовых категорий служащих, усиливают защиту персональных данных, внедряют риск-ориентированные методы проверки и создают независимые органы для контроля за топ-чиновниками. Полная отмена системы рассматривается как неоправданный риск, ведущий к потере всех антикоррупционных завоеваний последних десятилетий.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // http://pravo.gov.ru
2. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2008. - № 52 (ч. 1). - Ст. 6228; 2025. - № 52 (ч. 1). - Ст. 8292.
3. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: федер. закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2012. - № 50 (ч. 4). - Ст. 6953; 2025. - № 52 (ч. 1). - Ст. 8292.
4. Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции: указ Президента РФ от 29.12.2022 № 968 (ред. от 31.12.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2023. - № 1 (ч. 1). - Ст. 195; 2026,. - № 1 (ч. 1). - Ст. 15.
5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Парламентская газета. - № 8. - 06.03.2024.
6. Астанин, В.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О противодействии коррупции» / В.В. Астанин. – М.: Юстиция, 2023. – 272 с.
7. Сорокина, С. В. Совершенствование системы антикоррупционного декларирования / С. В. Сорокина // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. - 2019. - № 1. - С. 316-320.
8. Захарова Т.В. Транспарентность как фактор культуры демократической публичной власти // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - С. 310-312.
9. Хабриева, Т.Я. Противодействие коррупции: новые вызовы / Т.Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. – 2023. – Т. 93. – № 4. – С. 307-317.
10. Цирин, А.М. Институт декларирования доходов и расходов в системе противодействия коррупции: состояние и перспективы развития / А.М. Цирин // Административное право и процесс. – 2022. – № 3. – С. 15-21.

References:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // http://pravo.gov.ru
2. On Combating Corruption: Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ (as amended on 28.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2008. - No. 52 (Part 1). - Art. 6228; 2025. - No. 52 (Part 1). - Art. 8292.
3. On Control over the Conformity of Expenses of Persons Holding Government Positions and Other Persons with Their Income: Federal Law. Law of 03.12.2012 No. 230-FZ (as amended on 28.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2012. - No. 50 (Part 4). - Art. 6953; 2025. - No. 52 (Part 1). - Art. 8292.
4. On the specifics of fulfilling duties, observing restrictions and prohibitions in the field of combating corruption by certain categories of citizens during a special military operation: Decree of the President of the Russian Federation of 29.12.2022 No. 968 (as amended on 31.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2023. - No. 1 (Part 1). - Art. 195; 2026. - No. 1 (Part 1). - Art. 15.
5. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 29.02.2024 // Parliamentary Newspaper. - No. 8. - 06.03.2024.
6. Astanin, V.V. Scientific and practical commentary on the Federal Law "On Combating Corruption" / V.V. Astanin. – M.: Justice, 2023. – 272 p.
7. Sorokina, S. V. Improving the anti-corruption declaration system / S. V. Sorokina // Current issues of accounting and management in the information economy. - 2019. - No. 1. - P. 316-320.
8. Zakharova T.V. Transparency as a Factor in the Culture of Democratic Public Authority // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. - P. 310-312.
9. Khabrieva, T.Ya. Anti-corruption: New Challenges / T.Ya. Khabrieva // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. - 2023. - Vol. 93. - No. 4. - P. 307-317.
10. Tsirin, A.M. Institute of Income and Expense Declaration in the Anti-Corruption System: Status and Development Prospects / A.M. Tsirin // Administrative Law and Process. - 2022. - No. 3. - P. 15-21.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_215

ПЛАТФОРМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ
PLATFORMIZATION OF PUBLIC RELATIONS AS A FACTOR OF THE INFORMATION SOCIETY AND ITS LEGAL REGIME

ДАНИЛИН Роман Денисович,
аспирант кафедры правовой информатики, информационного и цифрового права Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: roman.danilin.99@mail.ru,
DANILIN Roman Denisovich,
postgraduate student at the Department of Legal Informatics, Information and Digital Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
E-mail: roman.danilin.99@mail.ru

Краткая аннотация. *Платформизация носит междисциплинарный характер, формируя новую модель организации общественных отношений. Работа посвящена осмыслению платформизации общественных отношений как одного из наиболее заметных, но в то же время недостаточно изученных явлений современного информационного общества. В качестве объекта публично-правового и информационно-правового регулирования цифровые платформы приобретают самостоятельное правовое значение, которое состоит в том, что взаимодействие субъектов все в большей степени осуществляется через программно-алгоритмические механизмы, основанные на обработке данных. Это требует переоценки представлений о структуре общественных отношений и роли публичного права в их регулировании. Обосновывается необходимость упорядочения платформизации посредством разработки ее публичного правового режима как установленной нормами права системы дозволений, обязываний и запретов, направленных на обеспечение законности платформенной деятельности и охрану публичных интересов.*

Abstract. *Platformization is interdisciplinary in nature, forming a new model for organizing social relations. This paper explores the platformization of social relations as one of the most prominent, yet understudied, phenomena of the modern information society. As objects of public law and information law regulation, digital platforms are acquiring independent legal significance, which stems from the fact that interactions between subjects are increasingly realized through software and algorithmic mechanisms based on data processing. This requires a reassessment of ideas about the structure of social relations and the role of public law in their regulation. The paper substantiates the need to streamline platformization by developing a public legal regime as a system of permissions, obligations, and prohibitions established by legal norms, aimed at ensuring the legality of platform activities and protecting public interests.*

Ключевые слова: *информационное право, информационное общество, платформизация, правовой режим, цифровые платформы, цифровое право.*

Key words: *information law, information society, platformization, legal regime, digital platforms, digital law.*

Для цитирования: *Данилин Р.Д. Платформизация общественных отношений как фактор информационного общества и ее правовой режим // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 215-218. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_215.*

For citation*: Danilin R.D. Platformization of public relations as a factor of the information society and its legal regime // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 215-218. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_215.*

Статья поступила в редакцию: 22.04.2026

Со времен индустриальной революции платформизация как процесс, в рамках которого цифровые платформы становятся системообразующей инфраструктурой информационного общества, представляет собой наиболее значимую метаморфозу социальной организации. Платформы являются доминирующей формой институционализации, средой, в которой выстраивается все многообразие общественных отношений XXI века. Они опосредуют, в частности, экономические операции [8], трудовые отношения [20], государственное управление [10].

Истоки понятия «платформизация» (англ. «platformization», фр. «plateformisation») лежат в исследованиях цифровых медиа и интернет-инфраструктуры начала 2010-х годов. Анализируя трансформацию Интернета, А. Хелмонд указывает, что современные веб-сервисы постепенно перестраиваются вокруг цифровых платформ. По ее мнению, платформизация означает переход от децентрализованной структуры сети к архитектуре, в которой центральную роль играют крупные платформенные экосистемы: «*платформизация подразумевает расширение влияния платформ социальных сетей на остальную часть интернета и стремление сделать внешние веб-данные «готовыми к использованию на платформе*» [21, с. 6]. Вкладом А. Хелмонд стало выделение технологических механизмов платформизации, включая использование API, систем управления данными и инструментов интеграции сервисов, позволяющих контролировать цифровые экосистемы.

В этот же период появляются исследования, посвященные социальным и культурным аспектам платформ. В частности, Т. Гиллеспи анализирует роль платформ как новых посредников в цифровой публичной сфере и подчеркивает их влияние на распространение информации и управление контентом [23].

Во второй половине 2010-х годов платформизацию начали рассматривать не только как технологический процесс, но и как структурную трансформацию экономики и общества. В частности В. Буллих, определяет платформизацию как процесс институциональных изменений в цифровой среде [32]. Вклад в развитие подхода внесли Д. Ниборг, Т. Пелл и Х. ван Дейк, в работах которых платформизация определяется как процесс проникновения цифровых платформ в различные сферы общественной жизни, включая медиа, культуру, образование и экономику [27]. Параллельно с этим развивается концепция «платформенного капитализма», основанного на накоплении и монетизации данных [31]. Таким образом, понятие платформизации к концу 2010-х годов становится центральной категорией исследований цифровой экономики и информационного общества.

В начале 2020-х годов концепция платформизации начинает активно использоваться в юридической литературе. Причиной этого является рост влияния цифровых платформ на экономику и общественные отношения. В правовой науке платформизация рассматривается в контексте регулирования цифровых рынков и ответственности платформенных посредников [22,25,24,29]. Исследователи анализируют влияние платформ на антимонопольное регулирование, трудовые отношения, защиту данных и информационную безопасность [26,28,30].

В российской юридической литературе понятие платформизации закрепляется постепенно [3,6,13,15,17]. Одной из первых отечественных работ является статья Д.А. Аппазова и Ю.А. Тымчук, в которой платформизация рассматривается как правовой и понятийный вызов [4]. Системообразующее значение имела работа А.В. Габова «Цифровая платформа как новое правовое явление», в которой уже не только описывается феномен платформ, но и оценивается влияние платформизации экономики на право [7].

Платформизация представляет собой комплексный социально-экономический процесс, характеризующийся институционализацией цифровых платформ в качестве ключевой инфраструктуры информационного общества, представляющего новую стадию развития цивилизации, в которой технологии являются катализатором антропологических и социальных изменений, формируют новые вызовы и запросы, на которые должно отвечать государство [9, с. 21]. Платформизация может рассматриваться как один из ключевых факторов формирования нового правового режима цифровых платформ, требующего разработки специальных подходов к регулированию платформенной деятельности и алгоритмического управления.

Мир переходит в эпоху постчеловеческих по своей направленности технологий или стоит уже на грани такого перехода к новой техногенной цивилизации. Цифровой прогресс не остановим, и жителями будущего цифрового государства станут люди нового типа – Homo Digitalis [12]. Современный технологический уклад порождает принципиально новые общественные отношения, а тенденции платформизации общественных отношений обуславливают появление новых правовых институтов, трансформирующих традиционные модели. Между тем, право, являясь продуктом прежней техногенной эпохи, с платформизацией не справляется.

«*Право – порядок общественных отношений*» [14, с. 82]. Традиционно оно ориентировано на устойчивость, определённость и предсказуемость, тогда как цифровые платформы развиваются стремительно, изменяются в ходе технологического развития и нередко выходят за рамки первоначально заданных параметров. В результате возникает необходимость описывать объект, который по своей природе не является статичным.

Платформизация должна носить не формальный, а содержательный характер, что должно быть выражено посредством разработки соответствующего правового режима. «*Формирование сбалансированного и предсказуемого правового режима – необходимое условие для стимулирования инноваций, привлечения инвестиций и устойчивого роста цифровой экономики России*» [11].

С.С. Алексеев рассматривал правовой режим в качестве «*порядка регулирования, выраженного в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования*» [2, с. 185]. Правовой режим определяется им как внутренне организованный, системный «порядок регулирования», выраженный в комплексе правовых средств. Ключевая характеристика – синергетическое взаимодействие дозволений, запретов и обязываний, порождающее новое регулятивное качество, выражающееся в том, что, например, дозволения могут усиливаться гарантиями, а запреты смягчаться исключениями. Указание на «особую направленность регулирования» фиксирует целевую определённость режима, который служит конкретной социальной цели, в частности, стимулированию, защите, организации общественных отношений.

Взгляд С.С. Алексеева в контексте платформизации обретает новое звучание. В новых условиях задача государства заключается в том, чтобы выстроить публично-правовой режим цифровых платформ, который, подобно алексеевской модели, органично сочетал бы правовые средства с целью превратить платформизацию в управляемый процесс.

На сегодняшний день нормативное определение «платформизации» отсутствует. Понятие используется в стратегических нормативных правовых актах в общем значении, как отражение протекающих в обществе и государствах процессах. В частности, платформизация в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 26.02.2026 № 373-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2036 года» является одной из тенденций в топливно-энергетическом комплексе, а также приоритетом стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения согласно Распоряжению Правительства РФ от 17.04.2024 № 959-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения». Кроме этого, Банк России, обозначая основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов считает, что необходимо продолжить разработку подходов к регулированию платформенного и экосистемного бизнеса, скорость которого должна зависеть от уровня платформизации конкретного сектора.

Распространение цифровых платформ приводит к формированию особой модели взаимодействия между участниками общественных отношений, что обусловливает необходимость осмысления специфики их правового регулирования. Платформизированные отношения характеризуются сложной структурой, включающей множество субъектов, цифровую инфраструктуру взаимодействия и алгоритмические механизмы управления процессами. «*Особенностью современного постиндустриального цивилизационного уклада является существенное изменение правил социальной организации, связанное с радикальным повышением сложности, разнообразия и динамизма социальных процессов и институтов в сфере труда, управления и досуга*» [16, с. 47]. В связи с этим правовой режим таких отношений приобретает комплексный характер.

Правовой режим как институт определяет, что является предметом отношений и как с этим предметом могут обращаться определённые субъекты [5, с. 131]. Под правовым режимом платформизированных отношений целесообразно понимать совокупность юридических меха-

низмов, регулирующих взаимодействие субъектов в рамках цифровых платформ, включая установление прав и обязанностей участников, порядок использования платформы, условия доступа к ней, а также способы защиты нарушенных прав и привлечения к ответственности.

Структура правового режима платформизированных отношений включает несколько взаимосвязанных элементов, к числу которых относятся субъекты, объекты и предмет правового режима. Субъектный состав отличается разнообразием: в него входят пользователи платформ, поставщики товаров и услуг, операторы цифровых платформ, иные лица, вовлеченные в функционирование платформенной экосистемы.

Одной из наиболее значимых проблем является неопределенность правовой природы цифровых платформ. С этой проблемой тесно связана проблема распределения ответственности между участниками платформенных отношений. В условиях платформенных отношений возникают ситуации, когда вред причиняется действиями пользователей, однако значительное влияние на условия взаимодействия оказывает сама платформа. Возникает вопрос, в какой степени оператор платформы должен нести ответственность за действия пользователей, размещаемый контент или последствия алгоритмических решений.

Важным направлением развития правового регулирования является дифференциация правового режима различных типов цифровых платформ. Платформенные сервисы могут существенно различаться по характеру деятельности, степени влияния на экономические процессы и масштабу аудитории. В связи с этим единая модель регулирования может оказаться недостаточно эффективной. Представляется целесообразным формирование гибкой системы регулирования, предусматривающей различные требования к платформам в зависимости от их функционального назначения.

XXI век с полным правом можно назвать веком оцифровки. Все сферы человеческого существования от интимно-личностного общения до политики, от экономических операций до культурного потребления переместились на цифровые платформы. Социальные сети и мессенджеры стали не просто коммуникационными сервисами, а универсальными инфраструктурами бытия. Без них невозможно представить ни поддержание социальных связей, ни профессиональную деятельность, ни доступ к информации, ни организацию коллективных действий. Создалась ситуация, когда физическое присутствие зачастую вторично по отношению к цифровому, а онлайн-активность определяет социальный статус и возможности.

Логика развития цифровой реальности обусловлена главным образом экономическими и технологическими детерминантами [19, с. 6]. Платформизация – это не просто тренд, а вызов публичному правопорядку. «*Ведущие экономисты рассматривают деятельность онлайн-платформ в качестве системного вызова новой промышленной революции, поскольку массы людей становятся активными экономическими агентами, деятельность которых кардинально меняет социально-экономическую модель современного общества*» [18, с. 395].

Цифровая платформа – объект, существующий не в вакууме, а продукт комплексного сочетания различных факторов. Анализ особенностей платформизированных отношений и возникающих в этой сфере правовых проблем свидетельствует о необходимости дальнейшего развития механизмов правового регулирования цифровых платформ. Совершенствование правового воздействия должно быть направлено на формирование сбалансированной модели регулирования, которая, с одной стороны, обеспечивала бы защиту прав участников платформенных экосистем, а с другой – не препятствовала инновационному развитию.

Список литературы:

1. А.В., Тимофеев А.В. HOMO DIGITAL - субъект цифровой революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 120 - 129.
2. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 185.
3. Андрущук В.В., Длусская В.В., Мальсагова Р.Г. Платформизация как неизбежный процесс становления цифровой экономики России // Экономика строительства. 2023. № 4.
4. Аппазов Д.А., Тымчук Ю.А. Цифровая платформизация в условиях Индустрии 4.0: неопределенность понятийного аппарата // Legal Concept. Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 33–42.
5. Бачило И.Л. Информационное право : учебник для вузов / И.Л. Бачило. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 131.
6. Бурдина Е.В., Чижов М.В. Организационно-правовые модели судебной деятельности в условиях платформизации правосудия: опыт России и других стран БРИКС // Журнал российского права. 2023. № 10. С. 116 - 129.
7. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13 – 82.
8. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 6. С. 22–36.
9. Жарова А.К. Информационное право. Правовое регулирование создания и использования информационной инфраструктуры : учебник для вузов / А.К. Жарова. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 21.
10. К 2030 году в электронном виде будет оказываться 99% социально значимых госуслуг // РАПСИ // URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20240507/309876141.html (дата обращения: 19.03.2026).
11. Ковалева Н.Н., Жирнова Н.А. Правовой режим персональных данных в социальных сетях: проблемы квалификации и практические аспекты обработки // Закон. 2025. № 9. С. 61 - 68.
12. Коломеец Т.В. Homo digitalis (человек цифровой) // Национальные приоритеты России. 2019. № 2. С. 70 – 74.
13. Лютова О.И. Цифровая платформа как налогово-правовой феномен // Законодательство. 2023. № 7. С. 21-26. Правовое регулирование электронной коммерции: учебное пособие (Филиппова С.Ю., Харитонова Ю.С., Щербак Н.В.). МГУ имени М.В. Ломоносова. Юстицинформ, 2024. - 340 с.
14. Нерсесянц В. С. Право — математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юристь, 1996. – С. 82.
15. Погодина И.В., Баннова Е.С. Платформизация таможенного администрирования: особенности, достижения и новые возможности // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 5. С. 3 - 7.
16. Тоффлер Э. Третья волна / Пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 776 с.
17. Харитонова Ю.С. Платформизация правосудия: опыт Китая и будущее судебных систем мира // Вестникарбитражной практики. 2020. № 3. С. 3-11.
18. Цифровое право: учебник / Под ред. докт. юрид. наук, проф. МГИМО Э.Л. Сидоренко. – Москва: Юрлитинформ, 2024. С. 395.
19. Цифровое право. Общая часть: учебное пособие / В.Э. Волков. – Самара: Издательство Самарского университета, 2022. С. 6.
20. Цифровые трудовые платформы и их роль на рынке труда. А.А. Яновская, Е.В. Романюк, Е.В. Трусевич. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-trudovye-platformy-i-ih-rol-na-rynke-truda/viewer.
21. Anne Helmond. The Platformization of the Web: Making Web Data Platform Ready // URL: https://www.researchgate.net/publication/282445359_The_Platformization_of_the_Web_Making_Web_Data_Platform_Ready
22. Arnaud Sée. La régulation de l'économie numérique : l'émergence d'un droit des plateformes? P. 53 – 67.
23. Gillespie, Tarleton. «The Politics of Platforms» New Media & Society 12, № 3 (2010).
24. Henri Culot, Alain Strowel, Enguerrand Marique. La régulation des plateformes digitales : propos introductifs. P. 271 – 274.

25. Jean-Édouard Bigot, Édouard Bouté, Cléo Collomb et Clément Mabi. Les plateformes à l'épreuve des dynamiques de plateformisation. p. 9-22.
26. Julie E. Cohen - Georgetown Law. Vol. 51. November 2017. Lina M. Khan, Amazon's Antitrust Paradox, 126 Yale L.J. (2016).
27. Keskon, Batuhan (2018) «Van Dijk, Poell and de Wall, The Platform Society: Public Values in a Connective World (2018). Markets, Globalization and Development Review: Vol. 3: № 3, Article 8.
28. L Edwards. Private ordering, generative AI and the platformisation paradigm: What can we learn from comparative analysis of models terms and conditions? Cambridge Forum on AI: Law and Governance (2025), 1, e2, 1–17. Law for the Platform Economy.
29. Marie Lamensch et Edoardo Traversa. Plateformes numériques : développements récents en matière fiscal. P. 329 – 346.
30. Platformization and media capture: A framework for regulatory analysis of media-related platform regulations. CC Radsch. UCLA JL & Tech. 28, 175, 2023.
31. Srnicek, N. (2017). Platform Capitalism. Polity Press. 92 p.
32. Vincent Bullich. Plateforme, plateformiser, plateformisation : le péril des mots qui occultent ce qu'ils nomment. p. 47-70 // URL: https://journals.openedition.org/questionsdecommunication/27413

References:

1. A.V., Timofeev A.V. HOMO DIGITAL - the subject of the digital revolution // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences. 2023. No. 2. pp. 120 - 129.
2. Alekseev S.S. General permissions and general prohibitions in Soviet law. Moscow, 1989. p. 185.
3. Andrushchuk V.V., Dlusskaya V.V., Malsagova R.G. Platformization as an inevitable process of formation of the digital economy of Russia // Economics of Construction. 2023. No. 4.
4. Appazov D.A., Tymchuk Yu.A. Digital platformization in the context of Industry 4.0: uncertainty of the conceptual apparatus // Legal Concept. Legal paradigm. – 2020. – Vol. 19, № 4. – Pp. 33–42.
5. Bachilo I.L. Information Law: a textbook for universities / I.L. Bachilo. – 5th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. Pp. 131.
6. Burdina E.V., Chizhov M.V. Organizational and legal models of judicial activity in the context of the platformization of justice: the experience of Russia and other BRICS countries // Journal of Russian Law. 2023. No. 10. Pp. 116–129.
7. Gabov A.V. Digital platform as a new legal phenomenon // Perm legal almanac. 2021. No. 4. Pp. 13–82.
8. Geliskhanov I.Z., Yudina T.N., Babkin A.V. Digital platforms in the economy: essence, models, and development trends // Scientific and technical statements of SPbSPU. Economic sciences. 2018. Vol. 11, No. 6. Pp. 22–36.
9. Zharova A.K. Information law. Legal regulation of the creation and use of information infrastructure: textbook for universities / A.K. Zharova. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. P. 21.
10. By 2030, 99% of Socially Significant Government Services Will Be Provided Electronically // RAPSI // URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20240507/309876141.html (accessed: 19.03.2026).
11. Kovaleva N.N., Zhirnova N.A. Legal Regime of Personal Data in Social Networks: Qualification Issues and Practical Aspects of Processing // Law. 2025. No. 9. Pp. 61-68.
12. Kolomeets T.V. Homo digitalis (Digital Man) // National Priorities of Russia. 2019. No. 2. Pp. 70-74.
13. Lyutova O.I. Digital Platform as a Tax-Legal Phenomenon // Legislation. 2023. No. 7. pp. 21-26. Legal Regulation of Electronic Commerce: A Textbook (Filippova S.Yu., Kharitonova Yu.S., Shcherbak N.V.). Lomonosov Moscow State University. Yustitsinform, 2024. - 340 p.
14. Nersesyants V.S. Law — the Mathematics of Freedom. Past Experience and Prospects. - Moscow: Yurist, 1996. - P. 82.
15. Pogodina I.V., Bannova E.S. Platformization of Customs Administration: Features, Achievements, and New Opportunities // State Power and Local Self-Government. 2025. No. 5. pp. 3-7.
16. Toffler E. The Third Wave / Translated from English. Moscow: AST, 2002. 776 p.
17. Kharitonova, Yu. S. Platformization of Justice: China's Experience and the Future of the World's Judicial Systems // Bulletin of Arbitration Practice. 2020. No. 3. pp. 3-11.
18. Digital Law: Textbook / Ed. by Dr. of Law, Prof. MGIMO E. L. Sidorenko. Moscow: Yurlitinform, 2024. p. 395.
19. Digital Law. General Part: Textbook / V. E. Volkov. Samara: Samara University Publishing House, 2022. p. 6.
20. Digital Labor Platforms and Their Role in the Labor Market. A. A. Yanovskaya, E. V. Romanyuk, E. V. Trusevich. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-trudovye-platformy-i-ih-rol-na-rynke-truda/viewer.
21. Anne Helmond. The Platformization of the Web: Making Web Data Platform Ready // URL: https://www.researchgate.net/publication/282445359_The_Platformization_of_the_Web_Making_Web_Data_Platform_Ready
22. Arnaud See. La régulation de l'économie numérique : l'émergence d'un droit des plateformes? P. 53 – 67.
23. Gillespie, Tarleton. "The Politics of Platforms" New Media & Society 12, no. 3 (2010).
24. Henri Culot, Alain Strowel, Enguerrand Marique. La régulation des plateformes digitales: propos introductifs. P. 271 – 274.
25. Jean-Édouard Bigot, Édouard Bouté, Cléo Collomb et Clément Mabi. Les plateformes à l'épreuve des dynamiques de plateformisation. p. 9-22.
26. Julie E. Cohen - Georgetown Law. Vol. 51. November 2017. Lina M. Khan, Amazon's Antitrust Paradox, 126 Yale L.J. (2016).
27. Keskon, Batuhan (2018) "Van Dijk, Poell and de Wall, The Platform Society: Public Values in a Connective World (2018). Markets, Globalization and Development Review: Vol. 3: No. 3, Article 8.
28. L Edwards. Private ordering, generative AI and the platformization paradigm: What can we learn from comparative analysis of models and conditions? Cambridge Forum on AI: Law and Governance (2025), 1, e2, 1–17. Law for the Platform Economy.
29. Marie Lamensch et Edoardo Traversa. Plateformes numériques : développements récents en matière fiscal. P. 329 – 346.
30. Platformization and media capture: A framework for regulatory analysis of media-related platform regulations. CC Radsch. UCLA JL&Tech. 28, 175, 2023.
31. Srnicek, N. (2017). Platform Capitalism. Polity Press. 92 p.
32. Vincent Bullich. Plateforme, plateformiser, plateformisation : le péril des mots qui occultent ce qu'ils nomment. p. 47-70 // URL: https://journals.openedition.org/questionsdecommunication/27413

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_219

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
LEGAL REGULATION OF JUDICIAL LAND-USE EXPERTISE IN THE RUSSIAN FEDERATION

АНТОНОВ Никита Кириллович,
лаборант кафедры земельного и экологического права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»,
105064, Россия, г. Москва, ул. Казакова, 15.
e-mail: antonov.main@gmail.com
ANTONOV Nikita Kirillovich,
Laboratory Assistant at the Department of Land and Environmental Law, State University for Land Management,
15 Kazakova St., Moscow, 105064, Russia.
e-mail: antonov.main@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье исследуются правовые основы проведения судебной землеустроительной экспертизы в Российской Федерации, ее место в системе судебных доказательств и специфика нормативного регулирования назначения, производства и оценки экспертного заключения. Раскрываются процессуальные и материально-правовые источники регулирования, анализируются проблемы, возникающие при исследовании земельных участков, их границ, площади, местоположения и правового режима. Особое внимание уделяется роли судебной землеустроительной экспертизы при разрешении земельных споров, устранении кадастровых ошибок и проверке достоверности сведений Единого государственного реестра недвижимости. Делается вывод о необходимости совершенствования правовой и методической базы экспертной деятельности.*

Abstract: *The article examines the legal basis for conducting a judicial land management examination in the Russian Federation, its place in the system of judicial evidence, and the specifics of regulatory regulation of the appointment, production, and evaluation of expert opinions. The article reveals the procedural and substantive legal sources of regulation and analyzes the problems that arise when studying land plots, their boundaries, area, location, and legal regime. Special attention is paid to the role of judicial land management expertise in resolving land disputes, eliminating cadastral errors, and verifying the accuracy of information in the Unified State Register of Real Estate. The article concludes that it is necessary to improve the legal and methodological framework for expert activities.*

Ключевые слова: *судебная землеустроительная экспертиза, земельный спор, реестровая ошибка, границы земельного участка, рецензирование судебных землеустроительных экспертиз.*

Keywords: *judicial land surveying expertise, land dispute, registry error, land plot boundaries, review of judicial land surveying expertise.*

Для цитирования*: Антонов Н.К. Правовое регулирование проведения судебной землеустроительной экспертизы в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 219-221. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_219.*

For citation*: Antonov N.K. Legal regulation of the event judicial land management expertise in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 219-221. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_219.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Судебная землеустроительная экспертиза является одним из наиболее значимых средств доказывания по делам, возникающим из земельных и смежных имущественных правоотношений. Ее востребованность обусловлена тем, что значительное число споров в данной сфере связано не столько с вопросами права, сколько с установлением фактических пространственных характеристик объекта недвижимости: местоположения участка, конфигурации его границ, площади, координат поворотных точек, пересечений с соседними участками, а также соотношения фактического землепользования с данными учетно-регистрационных систем[1]. Именно поэтому разрешение таких споров нередко невозможно без использования специальных знаний в области землеустройства, геодезии, кадастра и картографии.

Правовая природа судебной землеустроительной экспертизы определяется ее двойственной функцией. С одной стороны, она выступает процессуальным средством получения доказательственной информации; с другой — представляет собой специальное исследование, основанное на научных и технических методах, результаты которого используются судом при установлении обстоятельств, имеющих значение для дела. Такая двойственная характеристика предопределяет необходимость комплексного нормативного регулирования, включающего нормы процессуального, земельного, регистрационного и экспертного законодательства[2].

Процессуальные основания назначения экспертизы закреплены в ГПК РФ[3], АПК РФ[4] и КАС РФ[5]. В частности, ГПК РФ прямо указывает, что при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу. Аналогичный подход характерен и для иных процессуальных кодексов, что свидетельствует о признании экспертизы универсальным инструментом судебного познания. Для судебной землеустроительной экспертизы это положение имеет особое значение, поскольку именно специальные знания позволяют объективно установить реальные характеристики участка и оценить соответствие этих характеристик правоустанавливающим и учетным документам.

Материально-правовую основу рассматриваемого института составляет прежде всего Земельный кодекс Российской Федерации[6]. Он закрепляет принципы использования и охраны земель, определяет категории земель, особенности предоставления участков, а также общие

[1] Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2014. С. 203–207.
[2] Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы. М.: Норма, 2020. С. 117–121.
[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ // СЗ РФ от 18 ноября 2002 г. N 46 ст. 4532
[4] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ // СЗ РФ от 29 июля 2002 г. N 30 ст. 3012
[5] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ // СЗ РФ от 9 марта 2015 г. N 10 ст. 1391
[6] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. N 136-ФЗ // СЗ РФ от 29 октября 2001 г. N 44 ст. 4147

требования к рациональному землепользованию[1]. Поскольку объектом экспертизы является земельный участок как пространственно-определенная часть земной поверхности, эксперт при исследовании обязан учитывать правовой режим земли, ее категорию, вид разрешенного использования, границы земель населенных пунктов, особенности землепользования и ограничения, установленные законом. Несоответствие этих параметров нередко является предметом спора и требует экспертного подтверждения.

Не менее важное значение имеет Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»[2], устанавливающий правовые основы ведения Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН). Сведения ЕГРН служат главным источником официальной информации о характеристиках земельного участка. Однако в практике нередки случаи, когда данные реестра оказываются неточными, устаревшими либо противоречат фактическому положению объекта на местности, чаще всего отсутствуют сведения о зарегистрированных обременениях земельного участка, например о зонах с особыми условиями использования территорий[3]. Возникают наложения границ, расхождения по площади, ошибки в координатах и описании местоположения. В подобных ситуациях именно судебная землеустроительная экспертиза позволяет выявить и документально подтвердить кадастровую ошибку, установить ее происхождение и предложить варианты устранения несоответствия.

Общее регулирование судебно-экспертной деятельности содержится в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[4]. Данный закон определяет правовую основу, принципы организации и основные направления экспертной деятельности, устанавливает требования к объективности, независимости и научной обоснованности исследований, а также закрепляет правовое положение государственных судебных экспертов.

Что касается выделения видов судебной землеустроительной экспертизы, то в научных трудах, различными авторами указываются следующие виды судебных землеустроительных экспертиз: досудебная землеустроительная экспертиза; внесудебная землеустроительная экспертиза; судебная землеустроительная экспертиза. В приказе Минюста России от 20.04.2023 № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»[5] род судебных экспертиз «землеустроительная экспертиза» представлен тремя видами:

- исследование объектов землеустройства, в том числе с определением их границ на местности;
- исследование объектов землеустройства с целью определения их рыночной и иной стоимости;
- почвенное, геоботаническое исследование объектов землеустройства.

Назначение судебной землеустроительной экспертизы происходит по правилам процессуального законодательства и, как правило, связано с невозможностью установить спорные обстоятельства иными средствами доказывания. При этом суд обязан определить круг вопросов, требующих разрешения, и сформулировать их таким образом, чтобы они относились к компетенции эксперта. Вопросы правового характера, например о принадлежности земельного участка на праве собственности или о законности сделки, не могут быть поставлены перед экспертом, поскольку выходят за пределы его специальных знаний. Вместе с тем эксперт вправе ответить на вопросы о местоположении границ, их соответствии кадастровым сведениям (данным ЕГРН), наличии пересечения с иными участками, возможности раздела участка либо восстановления границ по имеющимся материалам.

Практическая значимость заключения эксперта в земельных спорах чрезвычайно высока. Судебная землеустроительная экспертиза позволяет установить фактические обстоятельства, которые невозможно выявить без применения специальных технических средств и методов[6]. Речь идет о геодезических измерениях, анализе картографических материалов, сопоставлении архивных и современных землеустроительных документов[7] и межевых планов, проверке координат, выезде на местность, камеральной обработке результатов. В итоге экспертное заключение часто становится ключевым доказательством, на основании которого суд принимает решение о признании наличия кадастровой ошибки, об уточнении границ участка, об устранении наложения либо о восстановлении нарушенного права землепользователя.

Особого внимания заслуживает вопрос о методике проведения судебной землеустроительной экспертизы. В отличие от многих иных видов судебных экспертиз, здесь значительную роль играет пространственная составляющая объекта исследования[8]. Эксперт должен не только изучить представленные документы, но и сопоставить их с реальным положением участка, учитывать особенности рельефа, масштабы картографических материалов, точность исходных данных, систему координат и погрешности измерений. Кроме того, все большее значение приобретают цифровые технологии: геоинформационные системы, спутниковые снимки, электронные карты, базы пространственных данных[9]. Однако нормативная база пока не полностью учитывает эти изменения, что порождает неоднородность экспертной практики и требует дальнейшей правовой унификации.

Проблемы правового регулирования судебной землеустроительной экспертизы проявляются и в вопросах качества исходных данных.

---

[1] Липски, С.А. Реализация и защита прав на землю: Учебно-методическое пособие. Направление подготовки: 40.03.01 – Юриспруденция. Программа по подготовке бакалавров. Очная, очно-заочная, заочная форма обучения / С. А. Липски, М. Н. Гаврилюк. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Государственный университет по землеустройству, 2019. – 88 с. – EDN NOPEXB.
[2] СЗ РФ от 20 июля 2015 г. N 29 (часть I) ст. 4344
[3] Гаврилюк, М. Н. Государственная регистрация обременений и ограничений прав на землю и иную расположенную на ней недвижимость / М. Н. Гаврилюк // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 7(187). – С. 4-9. – EDN KZFJUO.
[4] СЗ РФ от 4 июня 2001 г. N 23 ст. 2291
[5] СПС «Консультант плюс».
[6] Шевченко А. В. Методические основы судебной землеустроительной экспертизы // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2022. № 5. С. 34–39.
[7] Гаврилюк, М. Н. Принципы правового регулирования территориального землеустройства / М. Н. Гаврилюк // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2005. – № 7(46). – С. 56-61. – EDN PFXVSH.
[8] Дерябина Е.В. Судебная экспертиза в гражданском процессе. М.: Питер, 2021. С. 88–93.
[9] Мартынова И.А. Землеустроительная экспертиза: теория и практика. М.: Статут, 2020. С. 64–70.

Нередко эксперту предоставляются неполные, противоречивые или устаревшие материалы, что затрудняет проведение исследования. В таких условиях особую роль играет активность суда, который обязан обеспечить полноту представленных документов и при необходимости истребовать недостающие сведения[1]. Одновременно необходимо повышать уровень профессиональной подготовки участников процесса, поскольку неправильная постановка вопросов, отсутствие понимания методики исследования и неверная интерпретация результатов могут привести к существенным судебным ошибкам.

Следует подчеркнуть, что экспертное заключение не предрешает исход спора. Суд оценивает его наряду с другими доказательствами, руководствуясь принципом внутреннего убеждения[2]. Однако именно в земельных делах заключение нередко имеет решающее значение, так как оно обеспечивает фактическую основу для юридической квалификации спорной ситуации. В этом заключается особая роль судебной землеустроительной экспертизы в механизме судебной защиты прав на землю и недвижимость.

В доктрине справедливо указывается на необходимость дальнейшего развития нормативного и методического обеспечения землеустроительной экспертизы. Современное земельное законодательство и законодательство о регистрации недвижимости создали общую основу для учета и оборота земельных участков, однако вопросы экспертного исследования требуют более точной регламентации. Перспективным представляется принятие специальных методических рекомендаций, унифицирующих подходы к исследованию границ, площади, координат и фактического пользования участками[3]. Необходимы также совершенствование стандартов экспертной подготовки и развитие электронного взаимодействия между судами, экспертными учреждениями и органами регистрации прав.

Таким образом, судебная землеустроительная экспертиза представляет собой сложный правовой институт, находящийся на пересечении процессуального, земельного и регистрационного регулирования. Ее значение обусловлено тем, что именно посредством экспертного исследования суд получает возможность установить фактические обстоятельства, имеющие решающее значение для разрешения земельных споров. Дальнейшее совершенствование данного института должно быть направлено на повышение точности экспертных исследований, улучшение качества исходной информации, унификацию методик и усиление гарантий объективности заключения.

Список литературы:

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2014. С. 203–207.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ // СЗ РФ от 29 июля 2002 г. N 30 ст. 3012
3. Гаврилюк, М.Н. Государственная регистрация обременений и ограничений прав на землю и иную расположенную на ней недвижимость / М. Н. Гаврилюк // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 7(187). – С. 4-9. – EDN KZFJUO.
4. Гаврилюк, М.Н. Принципы правового регулирования территориального землеустройства / М. Н. Гаврилюк // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2005. – № 7(46). – С. 56-61. – EDN PFXVSH.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ // СЗ РФ от 18 ноября 2002 г. N 46 ст. 4532
6. Дерябина Е.В. Судебная экспертиза в гражданском процессе. М.: Питер, 2021. С. 88–93.
7. Егорова А.А. Кадастровые ошибки и способы их устранения // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 97–104.
8. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. N 136-ФЗ // СЗ РФ от 29 октября 2001 г. N 44 ст. 4147
9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ // СЗ РФ от 9 марта 2015 г. N 10 ст. 1391
10. Кузнецова Л.В. Проблемы производства судебной землеустроительной экспертизы // Вестник судебной экспертизы. 2021. № 3. С. 52–58.
11. Липски, С.А. Реализация и защита прав на землю: Учебно-методическое пособие. Направление подготовки: 40.03.01 – Юриспруденция. Программа по подготовке бакалавров. Очная, очно-заочная, заочная форма обучения / С. А. Липски, М. Н. Гаврилюк. – Москва, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Государственный университет по землеустройству, 2019. – 88 с. – EDN NOPEXB.
12. Мартынова И.А. Землеустроительная экспертиза: теория и практика. М.: Статут, 2020. С. 64–70.
13. Петрова Е.Н. Экспертное исследование границ земельных участков // Кадастр недвижимости. 2023. № 4. С. 21–27.
14. Приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // СПС «Консультант плюс».
15. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы. М.: Норма, 2020. С. 117–121.
16. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»// СЗ РФ от 20 июля 2015 г. N 29 (часть I) ст. 4344
17. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации// СЗ РФ от 4 июня 2001 г. N 23 ст. 2291
18. Шевченко А.В. Методические основы судебной землеустроительной экспертизы // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2022. № 5. С. 34–39.

References:

1. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E. R. Forensic Examination: A Course in General Theory. Moscow: Norma, 2014, pp. 203–207.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002, No. 95-FZ // Federal Register of the Russian Federation dated July 29, 2002, No. 30, Article 3012
3. Gavrilyuk, M.N. State Registration of Encumbrances and Restrictions on Land Rights and Other Real Estate Located on It / M. N. Gavrilyuk // Agrarian and Land Law. – 2020. – No. 7(187). – Pp. 4-9. – EDN KZFJUO.
4. Gavrilyuk, M.N. Principles of Legal Regulation of Territorial Land Management / M. N. Gavrilyuk // Property Relations in the Russian Federation. – 2005. – No. 7(46). – Pp. 56-61. – EDN PFXVSH
5. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002, No. 138-FZ // Federal Register of the Russian Federation dated November 18, 2002, No. 46, Article 4532
6. Deryabina, E.V. Forensic Examination in Civil Proceedings. Moscow: Peter, 2021, pp. 88–93.
7. Egorova A.A. Cadastral Errors and Methods of Their Correction // Journal of Russian Law. 2022. No. 6. Pp. 97–104.
8. Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001, No. 136-FZ // Federal Law Gazette dated October 29, 2001, No. 44, Article 4147
9. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated March 8, 2015, No. 21-FZ // Federal Law Gazette dated March 9, 2015, No. 10, Article 1391
10. Kuznetsova L.V. Problems of conducting a judicial land survey examination // Bulletin of Forensic Expertise. 2021. No. 3. Pp. 52–58.
11. Lipsky, S.A. Realization and Protection of Land Rights: Educational and Methodological Guide. Field of Study: 40.03.01 – Law. Bachelor's Degree Program. Full-time, Part-time, and Correspondence Education / S. A. Lipsky, M. N. Gavrilyuk. – Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education State University for Land Use Planning, 2019. – 88 p. – EDN NOPEXB.
12. Martynova I.A. Land Management Expertise: Theory and Practice. Moscow: Statut, 2020, pp. 64–70.
13. Petrova E.N. Expert Research of Land Plot Borders // Real Estate Cadastre. 2023. No. 4, pp. 21–27.
14. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 72 dated April 20, 2023 "On Approval of the List of Types (Categories) of Forensic Examinations Performed in Federal Budgetary Forensic Examination Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation and the List of Expert Specialties for Which the Right to Perform Forensic Examinations Independently in Federal Budgetary Forensic Examination Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation is Granted" // Consultant Plus.
15. Rossinskaya, E.R. Theory of Forensic Expertise. Moscow: Norma, 2020, pp. 117–121.
16. Federal Law "On State Registration of Real Estate"// Federal Law of July 20, 2015, No. 29 (Part I), Article 4344
17. Federal Law "On State Forensic Expertise in the Russian Federation// СЗ РФ от 4 июня 2001 г. N 23 ст. 2291
18. Shevchenko A.V. Methodological Foundations of Forensic Land Management Expertise // Land Management, Cadastre, and Land Monitoring. 2022. No. 5. Pp. 34-39.

[1] Кузнецова Л.В. Проблемы производства судебной землеустроительной экспертизы // Вестник судебной экспертизы. 2021. № 3. С. 52–58.
[2] Петрова Е. Н. Экспертное исследование границ земельных участков // Кадастр недвижимости. 2023. № 4. С. 21–27.
[3] Егорова А. А. Кадастровые ошибки и способы их устранения // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 97–104.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_222

УДК 728.37

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ ИПОТЕКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF RURAL MORTGAGE REGULATION IN MODERN RUSSIA

РУМЯНЦЕВ Федор Полиектович,
Профессор кафедры трудового и экологического права
Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
603022, Россия, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23, корп. 1.
E-mail: odo-328@mail.ru

КУПЦОВА Ольга Борисовна
Доцент кафедры теории и истории государства и права
Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
603022, Россия, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23, корп. 1.
E-mail: olga.kuptsova@mail.ru

RUMYANTSEV Fyodor Polyektovich,
Professor of the Department of Labor and Environmental Law
Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University
23 Gagarin Avenue, building 1, Nizhny Novgorod, 603022, Russia.
E-mail: odo-328@mail.ru

KUPTSOVA Olga Borisovna
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University
23 Gagarin Avenue, building 1, Nizhny Novgorod, 603022, Russia.
E-mail: olga.kuptsova@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье приводится анализ нормативного регулирования сельской ипотеки, значительные изменения которого произошло одновременно с завершением действия условий льготной ипотеки на строительство всех видов жилья, приведшие к существенной стагнации строительной отрасли, от состояния которой во многом зависит положение дел в ряде смежных отраслях экономики. Указывается на не вполне целесообразное решение о сокращении перечня лиц, имеющих возможность участия в федеральной программе сельской ипотеки, направленной на комплексное устойчивое развитие сельских территорий, поскольку решить проблему создания социально-комфортных условий проживания на селе, приблизив их к городскому уровню возможно только посредством расширения строительства сети жилых комплексов малоэтажной застройки, обеспечивающих привлекательность к сельскому образу жизни на постоянной основе как наиболее оптимальной модели опорных населенных пунктов. Обосновывается рекомендация в целях строительства новых опорных населенных пунктов выделять земельные участки из состава земель сельскохозяйственного назначения, переданных в муниципальную собственность по цене, не превышающей 15 процентов их кадастровой стоимости.*

Abstract: *the article provides an analysis of the regulatory framework for rural mortgages, which has undergone significant changes since the end of the preferential mortgage program for all types of housing, leading to a significant stagnation in the construction industry, which has a significant impact on several related sectors of the economy. The article points out that the decision to reduce the list of individuals eligible for participation in the federal rural mortgage program, which aims to promote the comprehensive sustainable development of rural areas, is not entirely appropriate. The only way to address the issue of creating socially comfortable living conditions in rural areas and bringing them closer to urban standards is through the expansion of low-rise residential complexes, which provide a sustainable and attractive rural lifestyle. The recommendation is substantiated for the purpose of building new supporting settlements to allocate land plots from the agricultural lands transferred to municipal ownership at a price not exceeding 15 percent of their cadastral value.*

Ключевые слова: *сельская ипотека, льготные условия, ограничение субъектного состава, деревянное домостроение, опорные населенные пункты.*

Keywords: *rural mortgage, preferential conditions, limited number of participants, wooden housing, and key settlements.*

Для цитирования*: Румянцев Ф.П., Купцова О.Б. Политико-правовые аспекты регулирования сельской ипотеки в современной России // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 222-225. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_222.*

For citation*: Rumyantsev F.P., Kuptsova O.B. Political and legal aspects of rural mortgage regulation in modern Russia // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 222-225. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_222.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Пережитый гражданами Российской Федерации период распространения опасной коронавирусной инфекции Covid-19, в течении которого, особенно в его начальный период состояния растерянности населения перед угрозой страшной болезни значительная часть городского населения в целях исключения высокой вероятности заражения смертельно опасным вирусом вынужденно переселялась на временное проживание в загородные частные жилые дома, используемые до массовой эпидемии в большинстве случаев только по выходным дням и отпускам в целях отдыха. За этот весьма затянувшийся период временного отселения из городских квартир граждане активно производили ремонт частных сельских домов, расширяли жилую площадь, многие начинали и строительство новых жилых домов, активно ходатайствовали перед местными администрациями об ускорении решения вопросов о газификации населенных пунктов, прокладке централизованной системы водоснабжения, проведения работ по созданию твердых покрытий проезжей части дорог и другие улучшения инфраструктуры сельских населенных пунктов. Одним из итогов перечисленных видов обустройства загородных частных домовладений стало массовое переосознание городским населением существенных преимуществ проживания на постоянной основе в индивидуальных загородных домах по сравнению с городскими квартирами как

принципиально более полноценного образа жизни, оказывающего значительное оздоравливающее воздействие на общее состояние организма человека, на повышение его работоспособности. По завершению массовой эпидемии Covid-19 началось масштабное строительство загородных жилых комплексов, в которых городские жители активно приобретали готовые жилые дома в целях постоянного проживания.

В целях стимулирования индивидуального жилищного строительства в сельской местности Правительством РФ 31 мая 2019 года была утверждена федеральная государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий[1], предусматривающая реализацию положений федерального проекта «Развитие жилищного строительства на сельских территориях и повышение уровня благоустройства домовладений». Следует указать на успешность реализации данной государственной программы в начальный период ее действия, что подтверждают статистические данные приростов ежегодных объемов заключения договоров сельской ипотеки на 50-60 процентов. Массовость строительства загородной жилой недвижимости стимулировала низкая ставка сельской ипотеки от 0,1 до 3%, действовавшая до 1 июля 2024года.

Хотя с указанной даты условия по процентной ставке сельской ипотеки не претерпели удорожания, но значительно изменились условия по субъектному составу заемщиков. Если первоначально сельская ипотека была доступна практически всем гражданам Российской Федерации достигших возраста 21 год, то с 2025 года она стала распространяться только на лиц, согласившихся взять на себя обязательства в течении пяти лет с момента заключения договора ипотечного кредитования осуществлять свою трудовую деятельность на предприятиях агропромышленного комплекса, а также в социальной сфере (сельские учителя, врачи, сельские фельдшеры, работники дошкольных воспитательных учреждений), сотрудники сельских и районных администраций муниципальных образований, территориальных управлений сельского хозяйства, инспекторов подразделений федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор).

Таким образом, изменения, внесенные в перечень лиц, имеющих право на участие в государственной программе льготной сельской ипотеки направлены в первую очередь на усиление кадрового потенциала сельскохозяйственных предприятий и организаций для закрепления специалистов в сельской местности.

Однако, по нашему мнению, достигнуть полноценного обеспечения устойчивого развития сельских территорий без предоставления равной возможности получения льготной сельской ипотеки наравне с работниками агропромышленного комплекса иным категориям граждан не удастся.

Данное утверждение основывается на анализе многолетней практики стимулирования различными государственными программами федерального и регионального уровней, направленными на закрепление выпускников сельскохозяйственных ВУЗов к постоянному проживанию в сельской местности посредством предоставления жилья, которое после десяти лет работы в сельскохозяйственной организации разрешалось его приватизировать, но тем не менее, несмотря на многочисленные стимулирующие меры государственной поддержки выпускники аграрных высших учебных заведений предпочитают трудоустраиваться и оставаться проживать на постоянной основе в областных или районных центрах по причинам отсутствия на селе развитой социальной инфраструктуры (больницы, поликлиники, детские сады, школы, физкультурно-оздоровительные комплексы, плавательные бассейны, аптеки, кинотеатры и иные многочисленные блага городской цивилизации).

Иное отношение молодых специалистов к условиям проживания в новых коттеджных поселках, к которым проложены асфальтированные дороги, построены все необходимые социальные объекты, функционируют системы газоснабжения, централизованного водоснабжения, т.е. сформирован опорный населенный пункт, условия проживания в котором становятся привлекательными своей комфортностью. Понятие опорного населенного пункта введено в легальный оборот Распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2022 г. № 4132-р «Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий».

Основу указанного нового понятие составляет такие критерии как расположение вне границ городских агломераций; ускоренное развитие базовых социальных объектов (школа, фельдшерско-акушерский пункт, отделение почтовой связи, дом культуры, магазины), которые позволяют гарантированно обеспечить потребности населения прилегающих территорий в услугах образования, здравоохранения, культуры, розничной торговли; численность проживающего населения в пределах от 3 до 50 тыс. человек; наличие примыкающей территории для реализации перспективного развития и застройки, предусмотренными документами территориального планирования. Раскрытию содержания понятий «опорный населенный пункт» и «сельская агломерация» посвящены ряд исследований ученых в области земельного и градостроительного права. В частности, В.А.Майбора предлагает классификацию сельских агломераций на восходящие и нисходящие модели населенных пунктов[2].

Срок действия льготной сельской ипотеки, первоначально запланированный на период 2020-2025 годы[3] был продлен до 2030 года согласно Распоряжению Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. N 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»[4]. По нашему мнению, обозначенная государством программа комплексного развития сельских территорий, позволяющая воспользоваться льготными условиями ипотечного кредитования на строительство индивидуального жилого дома, либо квартиры в малоэтажной сельской застройке только ограниченному кругу лиц не позволит достичь запланированного результата, поскольку привлекательность трудовой деятельности на предприятиях агропромышленного комплекса, а также в социальной сфере обслу-

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 года N 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий" и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».
[2] Майборода В.А. «Влияние единой публичной власти на процесс агломерирования: восходящая и нисходящая модели» // Academia. Архитектура и строительство. — 2024. — №3. — С. 82–87.
[3] Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий" и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»// СПС КонсультантПлюс
[4] Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. N 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»

живания продолжает оставаться низкой, существенно уступая как по размерам заработной платы.

В связи с чем, считаем более целесообразным вернуться к первоначальным условиям предоставления сельской ипотеки под 3 процента годовых неограниченному кругу лиц, что позволит достичь главной цели, состоящей в увеличении общей численности сельского населения, проживающего в комфортных условиях благоустроенного нового жилья и как следствие в значительной степени будет возрастать привлекательность трудоустройства выпускников аграрных высших учебных заведений в сельскохозяйственных организациях, территориально примыкающих к вновь построенным жилым комплексам, условия проживания в которых приближены к городским.

Одной из дополнительных мер, направленных на развитие сельской ипотеки является стимулирование деревянного домостроения в сельской местности. Стратегией развития строительной отрасли[1]предусмотрена реализация пилотных проектов деревянного домостроения[2] и расширение льготной ипотеки для граждан на данный вид застройки. Одним из самых приемлемых вариантов расширения деревянного домостроения в сельской местности, безусловно, выступает индивидуальное жилищное строительство. Хотя большинство граждан при строительстве частного жилья отдают предпочтение кирпичным или построенным из газосиликатных или иных видов блоков домам по причинам пожарной безопасности и долговечности, но самым теплым и непревзойденным по экологической качествам, обуславливающих высокое положительное влияние на состояние здоровья жильцов, безусловно, будет всегда лидировать деревянный дом.

Для нашей страны, территория которой на 67 процентов покрыта лесами и в значительной доле их породный состав представлен ценообразующими хвойными породами лесных культур, как наиболее пригодными для использования в целях строительства жилых помещений, развитие деревянного домостроения должно получить надлежащее развитие через расширение льготной сельской ипотеки при выборе гражданами варианта строительства индивидуального жилого дома из деревянных домокомплектов. Федеральным проектом «Развитие жилищного строительства на сельских территориях и повышение уровня благоустройства домовладений» предусматриваются возведение в сельской местности из деревянных домокомплектов порядка 190 тыс. кв. метров нового жилья.

Однако, как отмечают А.В. Кучинская и Е.А.Галиновская[3] использование заводских конструкций деревянных домокомплектов в сельской индивидуальной жилой застройке крайне незначительно. Для достижения целей, намеченных государственной программой комплексного развития сельских территорий авторы предлагают увеличить мощности производства сборных жилых домов из деревянных домокомплектов как наиболее приемлемым по срокам возведения вариантом малоэтажного домостроения в сельской местности. Полностью поддерживая данное предложение авторитетных исследователей следует согласиться с их утверждением, что увеличение объемов деревянного домостроения обеспечит не только ускорение темпов и объемов сельского жилищного строительства, но и создаст условия для стабильной загруженности местных лесоперерабатывающих предприятий как производственной составляющей комплексного развития территорий, обеспечивающей частичное решение проблемы трудовой занятости сельского населения, предусмотренной государственной программой развития сельских территорий.

Значительная доля в общей стоимости затрат на возведение индивидуальных жилых строений приходится на приобретение земельных участков. Положениями федеральной программы «Комплексное развитие сельских территорий» предусмотрены в качестве приоритетных направлений меры по предоставлению земельных участков с подведенными инженерными коммуникациями (электро,газо,водо-снабжение) и частичной компенсацией государством денежных затрат на их приобретение.

По нашему мнению, для решения главной задачи в сфере сельского жилищного строительства, связанной с ценовой доступностью возведения индивидуального жилого дома считаем целесообразным предложить включить в федеральный проект «Развитие жилищного строительства на сельских территориях и повышение уровня благоустройства домовладений» положение о выделении земельных участков для сельской малоэтажной застройки из земель, переданных в муниципальную собственность из невостребованных земельных долей[4] либо нерационально используемых земель сельскохозяйственного назначения[5] по цене не превышающей 15 процентов от ее кадастровой стоимости с наделением субъектов Федерации полномочиями делегировать соответствующими региональными нормативно-правовыми актами органам местного самоуправления правомочия на предоставление таких земельных участков для указанных целей на безаукционных условиях[6].

Считаем, что данное предложение дополнит и разовьет предписания ст.10 Федерального закона от 24.07.2002 №101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» на приобретение лицами, изъявившими желание строительства индивидуального жилья по программе сельской ипотеки земельных участков, перешедших в муниципальную собственность по цене, не превышающей 15 процентов их кадастровой стоимости[7].

Также предлагаем распространить использование счетов эскроу к регулированию сельской ипотеки при возведении малоэтажной застройки по аналогии с нормами Федерального закона от 22 июля 2024 года №186-ФЗ «О строительстве жилых домов по договорам строительно-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 3268-р Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2035 г.// СПС КонсультантПлюс

[2] Автономов А.С., Гаврилова И.Н. Некоторые вопросы правового регулирования недвижимости в связи с развитием жилищного строительства и жилищно-коммунального хозяйства//Правовые вопросы недвижимости, 2023, N 1,С.2-11

[3] Кучинская А.В., Галиновская Е.А. Роль жилищного строительства в комплексном развитии сельских территорий// Имущественные отношения в Российской Федерации, 2024, N 9,С.34-41

[4] Липски, С. А. Российская модель массовой приватизации сельхозугодий: замысел, реализация, результаты / С. А. Липски. – Москва : "Русайнс", 2025. – 252 с.

[5] Румянцев Ф.П. Теоретико-практические проблемы определения понятия «нерациональное использование земель» // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 66-68.

[6] Устюкова В.В. Конкретизация понятия фактического использования земельных участков сельскохозяйственного назначения//Вестник университета им. О.Е.Кутафина.2019.№1(53).С.102-109

[7] Землякова Г.Л. Правовое регулирование подтверждения факта неиспользования земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения при его изъятии// Аграрное и земельное право.-2020.-№5.С.4-8

го подряда с использованием счетов эскроу»[1], что существенным образом повысит гарантии граждан в заключении договоров ипотечного кредитования на строительство частных домовладений в опорных населенных пунктах.

Список литературы:

1. Майборода В.А. «Влияние единой публичной власти на процесс агломерирования: восходящая и нисходящая модели» // Academia. Архитектура и строительство. — 2024. — №3. — С. 82–87.
2. Автономов А.С., Гаврилова И.Н. Некоторые вопросы правового регулирования недвижимости в связи с развитием жилищного строительства и жилищно-коммунального хозяйства//Правовые вопросы недвижимости, 2023, N 1,С.2-11
3. Кучинская А.В., Галиновская Е.А. Роль жилищного строительства в комплексном развитии сельских территорий// Имущественные отношения в Российской Федерации, 2024, N 9,С.34-41
4. Липски, С. А. Российская модель массовой приватизации сельхозугодий: замысел, реализация, результаты / С. А. Липски. – Москва : "Русайнс", 2025. – 252 с.
5. Румянцев Ф.П. Теоретико-практические проблемы определения понятия «нерациональное использование земель» // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 66-68.
6. Устюкова В.В. Конкретизация понятия фактического использования земельных участков сельскохозяйственного назначения//Вестник университета им. О.Е.Кутафина.2019.№1(53).С.102-109
7. Землякова Г.Л. Правовое регулирование подтверждения факта неиспользования земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения при его изъятии// Аграрное и земельное право.-2020.-№5.С.4-8

References:

1. Mayboroda V.A. "The influence of the unified public authority on the agglomeration process: ascending and descending models" // Academia. Architecture and construction. — 2024. — No. 3. — pp. 82-87.
2. Avtonomov A.S., Gavrilova I.N. Some issues of legal regulation of real estate in connection with the development of housing construction and housing and communal services//Legal Issues of Real Estate, 2023, No. 1, pp.2-11
3. Kuchinskaya A.V., Galinovskaya E.A. The role of housing construction in the integrated development of rural areas// Property Relations in the Russian Federation, 2024, No. 9, pp.34-41
4. Lipsky, S. A. The Russian model of mass privatization of farmland: concept, implementation, results / S. A. Lipsky. – Moscow : Rusains, 2025. – 252 p.
5. Rumyantsev F.P. Theoretical and practical problems of defining the concept of "irrational land use" // Law and the state: theory and practice. 2023. No. 7 (223). pp. 66-68.
6. Ustyukova V.V. Specification of the concept of actual use of agricultural land//Bulletin of the O.E.Kutafin University.2019.№1(53).Pp.102-109
7. Zemlyakova G.L. Legal regulation of confirmation of the fact of non-use of a land plot from agricultural lands when it is withdrawn// Agrarian and land law.-2020.-No. 5.P.4-8

[1] Федеральный закон от 22 июля 2024 года №186-ФЗ «О строительстве жилых домов по договорам строительного подряда с использованием счетов эскроу»//СПС КонсультантПлюс

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_226

УДК 343

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЕРБОВКЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
DIGITAL LITERACY AS A MEANS TO COUNTER SOCIAL MEDIA RECRUITMENT

ПЛАХОВА Екатерина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры «Частное и публичное право»
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: kate.yakush@mail.ru

СТАТЬЕВ Ярослав Сергеевич,
Студент Юридического института ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: yaroslav3100@bk.ru

PLAKHOVA Ekaterina Sergeevna
Senior lecturer of the Department of «Private and Public Law», Penza State University.
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
E-mail: kate.yakush@mail.ru

STATEV Yaroslav Sergeevich
student of the Law Institute of the Penza State University.
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
E-mail: yaroslav3100@bk.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается цифровая грамотность пользователей социальных сетей как ключевой инструмент профилактики и противодействия вербовке в радикальные и экстремистские сообщества в онлайн-среде. Рассматриваются российские и зарубежные подходы к формированию цифровой грамотности, роль государства, образовательных организаций, платформ и семейного окружения в создании комплексной системы профилактики онлайн-радикализации. Делается вывод о необходимости интеграции модулей цифровой безопасности и медиаграмотности в образовательные программы, разработки целевых просветительских кампаний в соцсетях и усиления межсекторного взаимодействия для эффективного противодействия вербовке в цифровом пространстве.*

Abstract. *The article examines digital literacy of social network users as a key tool for preventing and counteracting recruitment into radical and extremist groups in the online environment. Russian and foreign approaches to digital literacy formation, the role of the state, educational organizations, platforms, and family environments in creating a comprehensive system for preventing online radicalization are discussed. The conclusion emphasizes the need to integrate digital security and media literacy modules into educational programs, develop targeted educational campaigns on social networks, and enhance intersectoral cooperation for effective counteraction to recruitment in the digital space.*

Ключевые слова: *цифровая грамотность, цифровой иммунитет, социальные сети, онлайн-вербовка, радикализация, экстремистские сообщества, манипулятивный контент, алгоритмы рекомендаций, информационная безопасность, медиаграмотность, профилактика правонарушений, молодежная аудитория, цифровая среда, психология влияния, противодействие терроризму.*

Keywords: *digital literacy, digital immunity, social networks, online recruitment, radicalization, extremist communities, manipulative content, recommendation algorithms, information security, media literacy, crime prevention, youth audience, digital environment, psychology of influence, counter-terrorism.*

Для цитирования*: Плахова Е.С., Статьев Я.С. Цифровая грамотность как инструмент противодействия вербовке в социальных сетях // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 226-230. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_226.*

For citation*: Plakhova E.S., Statiev Ya.S. Digital literacy as a tool to counter recruitment on social media // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 226-230. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_226.*

Статья поступила в редакцию: 29.01.2026

В современную эпоху цифровизации социальные сети стали не только платформой для общения и обмена информацией, но и пространством, где развиваются новые формы социальной манипуляции и противоправной деятельности. Явление вербовки граждан в сетевом пространстве приобретает угрожающие масштабы, особенно в условиях геополитической нестабильности и информационных войн. Специально подготовленные лица систематически изучают профили пользователей, анализируют их интересы, слабые стороны и уровень уязвимости для последующего воздействия с целью вовлечения в экстремистскую, террористическую и диверсионную деятельность.

Категорию риска при вербовке в социальных сетях составляют преимущественно молодые люди в возрасте от 16 до 25 лет, испытывающие проблемы в социализации, межличностных отношениях или переживающие кризисные жизненные обстоятельства. Вербовщики целенаправленно ориентируются на индивидов с высоким уровнем интеллекта, но имеющих значительные трудности в адаптации к социуму, так как такие люди более восприимчивы к манипуляциям и идеологической обработке. Механизм вербовки предполагает длительный процесс завоевания доверия посредством создания иллюзии дружеских отношений, использования психологических техник манипуляции и элементов нейролингвистического программирования.

Однако противодействие этим угрозам невозможно обеспечить исключительно правоохранительными мерами. Необходимо развивать компетенции, позволяющие пользователям социальных сетей критически оценивать информацию, распознавать попытки манипуляции и осознанно взаимодействовать с цифровым пространством [2, С. 159-160]. В этом контексте цифровая грамотность приобретает значение мощного инструмента личной и общественной безопасности.

Цифровая грамотность – это не просто технический навык использования компьютеров и приложений, а комплексная компетентность,

включающая критическое мышление, способность верифицировать информацию, защищать персональные данные и осознавать риски цифровой среды [1, С. 126-127]. Исходя из понимания социальных медиа как новой инфраструктуры межличностных отношений в сети, можно говорить о новой социально-сетевой культуре отношений, а также о социально-сетевой компетентности и социально-сетевой цифровой грамотности как контекстно-зависимой практике, ориентированной на новые социальные отношения и новые институты, которые они поддерживают [1, С. 126]. Социально-сетевая цифровая грамотность представляет собой частный вид этой компетентности, специфически ориентированный на безопасное и конструктивное использование социальных сетей с сохранением независимости суждений и личной безопасности [3, С. 380-381].

Конституция Российской Федерации закладывает фундамент правовой защиты информационных прав граждан. Согласно статье 24 Конституции, сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни человека без его согласия не допускается, что образует правовую основу для защиты персональных данных в социальных сетях [4, С. 11]. Конституционное право на информацию (статьи 29, 33) предполагает не только возможность доступа к информации, но и право граждан на получение достоверной информации, защиту от дезинформации и манипуляций.

Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает запрет на распространение в сети Интернет материалов, содержащих публичные призывы к террористической деятельности, экстремистские материалы и публично оправдывающие терроризм сообщения. Закон создает правовую основу для пресечения распространения рекрутинговых материалов, содержащих призывы к противоправной деятельности.

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» устанавливает требования к информации, которая может причинить вред здоровью и психическому развитию несовершеннолетних. Несовершеннолетние рассматриваются как особо уязвимая категория пользователей, и информационное воздействие вербовщиков, направленное на манипулирование их психикой, квалифицируется как информация, наносящая вред их развитию [5, С. 684].

Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» регулирует порядок сбора, обработки, использования и защиты персональных данных граждан. Вербовщики часто используют информацию, собранную социальными сетями (психологический профиль, интересы, уязвимые места личности), для подбора потенциальных жертв и персонализации рекрутинговых сообщений. Цифровая грамотность в этом аспекте предполагает понимание пользователем того, какие данные он предоставляет социальной сети и как они могут быть использованы.

Федеральный закон № 530-ФЗ от 30 декабря 2020 года вступил в силу 1 февраля 2021 года и представляет собой наиболее актуальное нормативное регулирование деятельности социальных сетей. Закон вводит обязанности для владельцев социальных сетей, имеющих более 500 тысяч пользователей в сутки на территории Российской Федерации. Владельцы должны не допускать использование платформы в целях совершения уголовно наказуемых деяний, осуществлять мониторинг контента для выявления запрещенного материала, соблюдать права граждан и уведомлять пользователей о принятых мерах по ограничению доступа к контенту. Закон закрепляет функции Роскомнадзора в контроле за соблюдением требований законодательства социальными сетями.

Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определяет правовые основы противодействия экстремизму, включая пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности человека, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Статья 12 закона запрещает использование сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности, что распространяется на социальные сети.

Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» устанавливает правовые основы противодействия террористической деятельности, включая деятельность в информационной среде. Вербовка в террористические организации через социальные сети квалифицируется как содействие террористической деятельности (статья 205.1 УК РФ).

Уголовный кодекс содержит специальные составы, применяемые к вербовке в социальных сетях. Статья 205 УК РФ предусматривает наказание от 10 до 20 лет лишения свободы за террористический акт. Статья 205.1 УК РФ предусматривает наказание от 7 до 20 лет за финансирование терроризма, пропаганду и рекрутирование. Статья 205.2 УК РФ карает публичные призывы к террористической деятельности 7-15 годами лишения свободы. Статья 280 УК РФ предусматривает наказание до 5 лет за публичные призывы к экстремистской деятельности.

Понятие цифровой грамотности имеет множество толкований в научной литературе. По определению П. Гилстера, цифровая грамотность — это способность понимать и использовать информацию в различных форматах из широкого спектра источников, представленных с помощью компьютера. Б. Чен акцентирует когнитивные навыки и определяет цифровую грамотность как способность понимать и использовать информацию в нескольких форматах с акцентом на критическом мышлении, а не на ИКТ-компетенциях [6, С. 14].

В контексте молодежной аудитории социально-сетевая цифровая грамотность предполагает комплекс знаний и компетенций, необходимых для эффективного функционирования в виртуальном пространстве социальных сетей. Исследования показывают, что социально-сетевая цифровая грамотность включает четыре ключевых компонента: лингвистические компетенции по продуцированию разножанрового контента; коммуникативные компетенции по организации контекстов сетевой коммуникации с различными аудиториями; практико-нормативные компетенции по соблюдению этических норм и требований этикета; компетенции по построению цифрового имиджа и социально-сетевой самопрезентации [3, С. 14-15].

Правовая грамотность в цифровом пространстве рассматривается как совокупность знаний, умений и навыков в области права, обеспечивающих сознательное и правомерное поведение в сети Интернет. В работах исследователей правовая грамотность трактуется как личностное качество, включающее совокупность правовых знаний, способность оперировать юридическими понятиями, находить и применять правовую

информацию в повседневной деятельности, а также мотивацию, направляющую поведение в соответствии с правовыми нормами [5, С. 685].

К основным компонентам правовой грамотности в цифровом пространстве относятся: технические навыки (умение работать с различными цифровыми устройствами); информационная грамотность (навыки поиска, оценки достоверности и использования информации); кибербезопасность (знание основ безопасности в сети Интернет, защита персональных данных); этика и ответственность (понимание правовых и моральных аспектов использования цифровых технологий); критическое мышление (способность анализировать и критически оценивать информацию, распознавать фейковые новости и манипуляции) [5, С. 686].

Младшие школьники, активно осваивающие цифровые технологии, часто становятся жертвами мошенничества, кибербуллинга, столкновения с противоправным контентом или сами нарушают нормы права из-за незнания законодательства. Более 70% детей не могут обходиться без смартфона, и почти половина из них признается, что скрывает от родителей часть своей интернет-жизни. При этом 43% детей младшей школы и 95% детей средней школы имеют страницы в социальных сетях [5, С. 686-687].

Правовые основы создают каркас для развития цифровой грамотности, направленный на создание безопасной информационной среды и подготовку граждан к критичному использованию цифровых платформ. Цифровая грамотность становится мощным инструментом защиты, позволяющим пользователям выявлять рекрутинговые техники, критически оценивать информацию, защищать персональные данные и избегать вовлечения в противоправную деятельность. Развитие и повышение уровня цифровой грамотности среди населения рассматривается государством как важный компонент стратегии национальной безопасности и противодействия экстремизму и терроризму.

Основные технологические риски вербовки в социальных сетях включают фишинг и хищение персональных данных, используемых для компрометации и целевого воздействия; манипулирование и целевую вербовку через создание чувства принадлежности к сообществу; распространение экстремистского контента и пропаганды насилия; проблемы конфиденциальности и защиты данных пользователей [3, С. 128-129]. Исследования показывают, что примерно 77,8% молодых пользователей испытывают сложности в различении достоверной информации от дезинформации в сетевом контексте [6, С. 15].

С точки зрения законодательства, вербовка в преступные, террористические и экстремистские организации через социальные сети квалифицируется как уголовное преступление [5, С. 684-685]. Российское законодательство предусматривает уголовную ответственность за незаконную вербовку независимо от факта вовлечения человека в противоправную деятельность [5, С. 685]. Операторы социальных сетей несут обязанность по модерации контента и сотрудничеству с правоохранительными органами. Особое внимание уделяется защите несовершеннолетних: целенаправленная вербовка лиц до 18 лет рассматривается как квалифицирующий признак и представляет особо опасное преступление [5, С. 685].

Нарушение конфиденциальности персональных данных, их незаконное использование в целях манипуляции и вербовки подлежит регулированию законодательством о защите персональных данных и уголовного права. Распространение экстремистского материала, пропагандирующего насилие и дискриминацию, подпадает под действие законодательства об экстремизме и влечет уголовную и административную ответственность [5, С. 685].

Эффективное противодействие вербовке требует повышения правовой грамотности пользователей как компонента цифровой грамотности. Правовая грамотность в цифровом пространстве включает совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих сознательное и правомерное поведение в сети Интернет, а также понимание своих прав и обязанностей. Комплексное обучение, объединяющее знание законодательства, понимание механизмов цифровой манипуляции, развитие критического мышления и знание методов защиты персональной информации, является необходимым условием минимизации рисков вовлечения молодежи в противоправную деятельность через социальные сети.

Пути совершенствования цифровой грамотности как инструмента противодействия вербовке

1. Критическое мышление и медиаграмотность

Развитие критического мышления является фундаментом противодействия вербовке. Молодежь должна овладеть методологией быстрой верификации информации в четыре этапа: остановка перед реакцией, изучение источника, поиск альтернативного освещения проблемы, проверка фактов [7, С. 52]. Навыки источниковедения предполагают четкое различие между новостным агентством, блогером, официальным учреждением и социальной сетью. Необходимо понимать механизмы финансирования источников, возможные конфликты интересов и репутационные данные издания [12, С. 29-37].

Особое внимание должно уделяться узнаванию техник манипуляции: пропаганде, дезинформации, речи ненависти и пропаганде вражды [7, С. 51-52]. Медиаграмотность требует анализа целевой аудитории, коммерческих интересов за контентом и роли алгоритмов в формировании информационной ленты [10, С. 50-56]. Пользователи должны понимать, как «эхо-камеры» и информационные пузыри ограничивают разнообразие информации, создавая условия для радикализации [10, С. 54-55]. Критический анализ визуального контента, включая выявление дипфейков и манипулированных изображений, становится обязательным навыком [10, С. 58-59].

2. Информационно-технические инструменты защиты

Техническая безопасность основывается на использовании надежных уникальных паролей, регулярном обновлении операционной системы и программного обеспечения, двухфакторной аутентификации для критически важных аккаунтов [7, С. 51]. Необходимо отказаться от пиратского ПО и проявлять осторожность при установке приложений, изучая требуемые разрешения [10, С. 52-53].

Управление персональными данными предполагает минимизацию личной информации в профилях социальных сетей, ограничение доступа к геолокации и контактам [7, С. 52]. Молодежь должна осознавать как государственное, так и коммерческое использование персональных

данных, делая осознанный выбор при их предоставлении.

Безопасность сетевого общения требует осторожности при добавлении незнакомцев в друзья, проверки подозрительных профилей, критического отношения к персональным сообщениям от незнакомцев [7, С. 52-53]. Следует избегать кликов по подозрительным ссылкам и помнить, что информация в интернете остается там навсегда [8, С. 38-39].

3. Формирование мотивационно-ценностных установок

Противодействие вербовке требует формирования независимого мышления и критического отношения к авторитарным структурам. Молодежь должна понимать опасность полного подчинения идеологии и лидерам, осознавать значимость разнообразия мнений и критики [11, С. 89-93].

Укрепление гражданской идентичности достигается через вовлечение в позитивную общественную деятельность, развитие навыков конструктивного решения конфликтов, понимание демократических ценностей [7, С. 53-54]. Развитие эмоциональной устойчивости предполагает формирование здоровой самооценки, развитие способности противостоять эмоциональной манипуляции, укрепление реальных социальных связей [8, С. 37-40].

Осознание риска интернет-зависимости и здоровое балансирование между онлайн и оффлайн жизнью предотвращают социальную изоляцию — одного из основных факторов уязвимости перед вербовкой [9, С. 116-117].

4. Практические методы развития цифровой грамотности

Веб-квесты позволяют учащимся самостоятельно искать информацию на различных источниках, развивая навыки синтеза и анализа данных. Проектная деятельность ориентирована на изучение реальных проблем интернет-пространства и создание контента, противодействующего экстремизму.

Тренинговые технологии предполагают отработку практических навыков в моделируемых ситуациях, развитие способности распознавать манипуляцию и сопротивляться психологическому давлению. Диалоговые технологии включают открытые дискуссии о проблемах радикализации и совместную выработку решений.

5. Роль субъектов в развитии цифровой грамотности

Образовательные учреждения должны включить в учебные программы предметы по цифровой грамотности и информационной безопасности, разработать комплексные программы профилактики радикализации, подготовить педагогов к работе в этом направлении.

Родители играют ключевую роль в установлении правил безопасного использования интернета, объяснении опасностей вербовки, развитии доверительных отношений с детьми, позволяющих обсуждать сложные вопросы . Государственные структуры должны осуществлять мониторинг и блокирование экстремистского контента, проводить профилактическую работу с молодежью, поддерживать образовательные инициативы.

Структуры гражданского общества разрабатывают и распространяют материалы по цифровой грамотности, проводят тренинги, организуют информационные кампании против дезинформации [9, С. 117-118].

Платформы социальных сетей должны совершенствовать алгоритмы, обеспечивать прозрачность механизмов рекомендации контента, предоставлять инструменты для сообщения о вредоносном контенте и сотрудничать с правоохранительными органами [10, С. 56-59].

Эффективное развитие цифровой грамотности как инструмента противодействия вербовке требует интеграции когнитивных, технических и ценностных компонентов при согласованных усилиях образовательных учреждений, семьи, государства и гражданского общества. Это не одноразовое мероприятие, а постоянный процесс адаптации к быстро меняющейся информационно-технологической среде, обеспечивающий надежную защиту молодежи и формирование критически мыслящих граждан информационного общества.

Заключение

Проведённое исследование демонстрирует, что цифровая грамотность представляет собой комплексный инструмент противодействия вербовке в социальных сетях, который охватывает когнитивные, технические и ценностные компоненты. Современная социально-сетевая среда требует от пользователей не просто технических навыков, а целостной компетентности, включающей критическое мышление, способность распознавать манипуляции и знание правовых норм, регулирующих цифровое пространство.

Анализ правовых основ показал, что Российская Федерация располагает достаточно развитым законодательным каркасом для защиты пользователей социальных сетей — от Конституции до специализированных законов о противодействии экстремизму и терроризму. Однако наличие нормативной базы недостаточно без формирования у граждан, особенно молодежи, практических навыков противодействия вербовочным техникам. Молодые люди в возрасте 16-25 лет, составляющие основную категорию риска, находятся в зоне повышенной уязвимости не столько из-за недостатка информации о законодательстве, сколько из-за сложности распознавания психологических техник манипуляции, используемых профессионально подготовленными вербовщиками.

Критическое мышление и медиаграмотность, как когнитивный уровень цифровой грамотности, служат первой линией защиты против информационных манипуляций. Способность верифицировать источники информации, распознавать фейковые новости, дипфейки и пропаганду позволяет пользователям осознанно взаимодействовать с контентом социальных сетей. Информационно-технический уровень, включающий навыки управления персональными данными, использование защиты учётных записей и безопасность сетевого общения, предотвращает злоупотребление личной информацией в целях компрометации и целевого воздействия.

Вместе с тем, техническая и информационная грамотность остаются недостаточными без формирования мотивационно-ценностного

уровня цифровой грамотности. Укрепление гражданской идентичности, развитие независимого мышления, эмоциональной устойчивости и здоровых социальных связей создают психологический «иммунитет» против идеологической обработки и манипуляции. Осознание рисков интернет-зависимости и поддержание баланса между онлайн и оффлайн жизнью предотвращают социальную изоляцию, являющуюся одним из ключевых факторов уязвимости.

Граждане, обладающие навыками критического анализа информации, защиты персональных данных и осознающие риски вербовки, становятся резистентными к внешнему информационному воздействию и экстремистской пропаганде. Таким образом, инвестирование в цифровую грамотность населения, особенно молодежи, является не только мерой профилактики противоправной деятельности, но и вложением в благоустройство информационной экосистемы общества в целом.

Список литературы:

1. Глухов А.П. Цифровая грамотность поколения Z: социально-сетевой ракурс // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 127–137.
2. Рогозин С.А., Корчемкина Ю.В., Рузаков А.А. Пути повышения цифровой грамотности будущих педагогов при работе в социальных сетях // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2022. № 4. С. 157–170.
3. Глухов А.П. Социально-сетевая цифровая грамотность: к обоснованию концепции // Вестник Удмуртского университета. Серия философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 30, вып. 4. С. 380–389.
4. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с изменениями и дополнениями)
5. Ахметзянова Е.А., Ходырева Е.А. Правовая грамотность и безопасность в цифровом пространстве: формирование сознательных пользователей среди младших школьников // Педагогика и психология в XXI веке: современное состояние и тенденции исследования. 2025. Вып. 13. С. 683–688.
6. Гужова И.В. Проблемы формирования цифровой грамотности молодежи в социальных сетях // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 14–23.
7. Атагимова Э.И. Информационная составляющая в системе мер профилактики распространения идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде // Правовая информатика. 2024. № 1. С. 50–57.
8. Колесников Р.В. Противодействие вербовочной деятельности экстремистских и террористических организаций в сети Интернет в контексте обеспечения информационно-психологической безопасности несовершеннолетних // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 8. № 1 (15). С. 36–41.
9. Щетинина Е.В. Работа киберлаборатории как фактор профилактики экстремистских и террористических проявлений в сети «Интернет» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18, № 1. С. 115–119.
10. Кудратов Н.А., Акилова М.М. Цифровой экстремизм: угроза национальной безопасности и способы противодействия // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2025. Вып. 2 (103). С. 50–61.
11. Сундиев И.Ю. Противодействие вербовочной деятельности международных террористических организаций в сети интернет // Научный портал МВД России. 2017. № 2. С. 89-96.
12. Атагимова Е.И., Рыбакова О.С. Информационная грамотность молодежи в системе мер противодействия идеологии терроризма и экстремизма в цифровом информационном пространстве // Мониторинг правоприменения. 2022. № 3-44. С. 29-37.

References:

1. Gluxov A.P. Cifrovaya gramotnost` pokoleniya Z: social`no-setevoj rakurs // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2019. № 52. S. 127–137.
2. Rogozin S.A., Korchemkina Yu.V., Ruzakov A.A. Puti povy`sheniya cifrovoj gramotnosti budushhix pedagogov pri rabote v social`ny`x setyax // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 4. S. 157–170.
3. Gluxov A.P. Social`no-setevaya cifrovaya gramotnost`: k obosnovaniyu koncepcii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya filosofiya. Psixologiya. Pedagogika. 2020. T. 30, vy`p. 4. S. 380–389.
4. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12 dekabrya 1993 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami)
5. Axmetzyanova E.A., Xody`reva E.A. Pravovaya gramotnost` i bezopasnost` v cifrovom prostranstve: formirovanie soznatel`ny`x pol`zovatelej sredi mladshix shkol`nikov // Pedagogika i psixologiya v XXI veke: sovremennoe sostoyanie i tendencii issledovaniya. 2025. Vy`p. 13. S. 683–688.
6. Guzhova I.V. Problemy` formirovaniya cifrovoj gramotnosti molodezhi v social`ny`x setyax // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2020. № 4 (38). S. 14–23.
7. Atagimova E`.I. Informacionnaya sostavlyayushhaya v sisteme mer profilaktiki rasprostraneniya ideologii terrorizma i e`kstremizma v molodezhnoj srede // Pravovaya informatika. 2024. № 1. S. 50–57.
8. Kolesnikov R.V. Protivodejstvie verbovochnoj deyatel`nosti e`kstremistskix i terroristicheskix organizacij v seti Internet v kontekste obespecheniya informacionno-psixologicheskoj bezopasnosti nesovershennoletnix // Ucheny`e zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 8. № 1 (15). S. 36–41.
9. Shhetinina E.V. Rabota kiberlaboratorii kak faktor profilaktiki e`kstremistskix i terroristicheskix proyavlenij v seti «Internet» // Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo». 2018. T. 18, № 1. S. 115–119.
10. Kudratov N.A., Akilova M.M. Cifrovoj e`kstremizm: ugroza nacional`noj bezopasnosti i sposoby` protivodejstviya // Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. 2025. Vy`p. 2 (103). S. 50–61.
11. Sundiev I.Yu. Protivodejstvie verbovochnoj deyatel`nosti mezhdunarodny`x terroristicheskix organizacij v seti internet // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2017. № 2. S. 89-96.
12. Atagimova E.I., Ry`bakova O.S. Informacionnaya gramotnost` molodezhi v sisteme mer protivodejstviya ideologii terrorizma i e`kstremizma v cifrovom informacionnom prostranstve // Monitoring pravoprimeneniya. 2022. № 3-44. S. 29-37.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_231

УДК: 342.553

МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА 2025 ГОДА: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ ПРОВЕДЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
MUNICIPAL REFORM IN 2025: INTERIM RESULTS AND PROBLEMS OF LEGAL IMPLEMENTATION

САПОЖНИКОВА Маргарита Александровна
ассистент кафедры правоведения
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.
190005, Россия, г. Санкт-Петербург, 3-я Красноармейская улица, 3/6.
e-mail: m.sapozhnikova26@gmail.com
SAPOZHNIKOVA Margarita A.
Assistant Professor of Law St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.
3/6 3rd Krasnoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, 190005, Russia.
e-mail: m.sapozhnikova26@gmail.com

***Краткая аннотация**: в настоящем исследовании рассматриваются некоторые промежуточные итоги муниципальной реформы, проводимой в субъектах Российской Федерации. Проводится анализ регионального нормотворчества, связанного с сокращением муниципальных образований, наделением главы региона полномочием по назначению глав мэров городов.*

***Abstract:** This study examines some interim results of the municipal reform carried out in the constituent entities of the Russian Federation. The analysis of regional rulemaking related to the reduction of municipalities and the empowerment of the head of the region to appoint the heads of mayors is carried out.*

***Ключевые слова**: местное самоуправление, муниципальное образование, городское поселение, сельское поселение, муниципальная реформа.*

***Keywords:** local government, municipality, urban settlement, rural settlement, municipal reform.*

***Для цитирования**: Сапожникова М.А. Муниципальная реформа 2025 года: промежуточные итоги проведения и проблемы правовой реализации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 231-234. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_231.*

***For citation**: Sapozhnikova M.A. Municipal reform in 2025: interim results and problems of legal implementation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 231-234. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_231.*

Статья поступила в редакцию: 02.12.2025

В России разворачивается масштабная реформа местного самоуправления (далее по тексту – МСУ), цель, которой – переход к одноуровневой системе и формирование модели агломерационного развития[1]. Такое направление, бесспорно, может рассматриваться как стратегическое для пространственного планирования и распределения инфраструктурных инвестиций.

Ликвидация двухуровневой системы МСУ в регионах рассматривается как необходимый этап перехода к агломерационной логике управления. Очаги административного несогласия не нужны. Вся федеральная поддержка инфраструктурных проектов концентрируется вокруг агломераций, которые становятся приоритетными пространствами развития.

Идея агломерационного укрупнения напрямую связана с ранее озвученной позицией вице-премьера М. Хуснуллина, который в 2021 г. заявлял о необходимости «сократить число субъектов Российской Федерации за счет объединения регионов и развития крупных агломераций». Тогда же он отметил, что работа с небольшими регионами «неэффективна с точки зрения трудозатрат».

Концентрация населения и ресурсов в агломерациях приведет к постепенному истощению малых и средних городов, где уже фиксируется отток молодежи и снижение экономической активности[2], а после завершения специальной военной операции эти территории рискуют оказаться на периферии государственного внимания. По-видимому, власти рассчитывают, что социальное недовольство, связанное с этими процессами, будет носить ограниченный характер и управляться политико-административными и репрессивными инструментами. Процесс концентрации населения в агломерациях растянут на десятилетия, что, как считают разработчики стратегии, позволит избежать острых протестных сценариев.

Реформа местного самоуправления в России, начавшаяся под лозунгом оптимизации и повышения эффективности управления, постепенно приобретает черты структурного конфликта между различными уровнями власти. Последние высказывания Президента Российской Федерации на встрече с лидерами парламентских фракций показали, что федеральный центр внимательно следит за ходом реформы и признает необходимость корректировки курса. Это особенно важно на фоне участившихся протестных настроений в регионах, где внедрение однородной одноуровневой системы МСУ наталкивается на сопротивление не только со стороны жителей, но и местных элит.

Ключевой вызов реформы заключается в противоречии между декларируемыми целями и практическими последствиями ее реализации. Формально речь идет о создании более стройной и финансово устойчивой модели управления, в которой неэффективные и дотационные муниципалитеты должны быть интегрированы в более крупные единицы. Однако на деле укрупнение нередко означает не просто ликвидацию

[1] Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
[2] Назарова, И. С. Проблемы укрепления исполнительной власти в Российской Федерации : Учебное пособие / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2016. – 88 с. – EDN WDRQMT.

отдельных административных единиц, а разрыв между властью и населением. В регионах с непростой географией (Сибирь, Дальний Восток, Север) физическая отдаленность населенных пунктов делает подобное объединение административно удобным, но социально проблемным.

Примеры из Алтая, Хакасии, Бурятии и Красноярского края демонстрируют, что там, где реформа затрагивает устоявшиеся механизмы локального самоуправления, возникают очаги напряженности. В некоторых случаях это приводит к прямым конфликтам между населением и региональными властями. Причины такой реакции кроются не только в сопротивлении новому, но и в обоснованном страхе потери доступа к принятию решений, влияющих на повседневную жизнь – от распределения бюджетных средств до решения коммунальных проблем. Граждане чувствуют, что механизм, позволяющий влиять на происходящее вокруг них, отдаляется и становится все менее доступным.

На этом фоне замечание главы государства о необходимости более осторожного подхода является политическим сигналом. Государственный аппарат[1] должен избегать чрезмерного рвения в преобразовании МСУ, поскольку чрезмерное укрупнение и бюрократизация местной власти неизбежно подрывают доверие к вертикали управления в целом. Финансовый аспект реформы является еще одной критической точкой. Даже при наличии стройной административной модели без адекватного бюджетного обеспечения местные органы власти остаются декоративными структурами. Если муниципалитеты не наделяются полномочиями по формированию собственных доходов и не имеют реальных рычагов хозяйственного воздействия, никакие структурные преобразования не приведут к улучшению качества управления.

Также важно учитывать, что в некоторых случаях речь идет не о неэффективных или дотационных образованиях, а о вполне жизнеспособных муниципалитетах с устойчивыми финансовыми потоками[2]. Ликвидация таких единиц под общий знаменатель воспринимается как бюрократическое давление, а не как развитие. Именно эти перекосы делают актуальной позицию Президента России о необходимости индивидуального подхода, при котором оценка реформы должна опираться на местную специфику, а не только на стандартизированные показатели.

Публичная реакция главы государства указывает на осознание риска избыточной централизации, ведущей к отчуждению населения от власти. Именно поэтому реформу МСУ следует рассматривать не как технический инструмент, а как политический процесс, требующий сбалансированного подхода. Ее дальнейшая судьба зависит от способности власти сочетать прагматизм с гибкостью, умением адаптировать модель управления к разнообразию региональной структуры страны.

Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» уточняет понятие местного самоуправления, определяя его как признаваемую и гарантированную Конституцией Российской Федерации форму самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения в пределах предусмотренных полномочий.

Закреплена одноуровневая система организации местного самоуправления, и установлены следующие виды муниципальных образований, в которых оно осуществляется: городской округ; муниципальный округ; внутригородское муниципальное образование города федерального значения[3]. Субъекты Российской Федерации, имеющие социально-экономические, исторические и иные особенности, могут сохранить двухуровневую систему организации местного самоуправления (поселения (сельские и городские) и муниципальные районы).

Установлены полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, не подлежащие перераспределению между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации (принятие устава муниципального образования, утверждение и исполнение местного бюджета, установление, введение в действие и прекращение действия ранее введенных местных налогов и сборов и пр.); полномочия, которые могут быть перераспределены законом субъекта Российской Федерации для осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации (организация в границах муниципального образования электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, обеспечение проживающих в муниципальном образовании и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями, организация предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования в муниципальных образовательных организациях и пр.), а также полномочия, которые могут быть перераспределены законом субъекта Российской Федерации для осуществления органами местного самоуправления (дорожная деятельность, организация транспортного обслуживания населения в границах муниципального образования, осуществление мероприятий по лесоустройству, осуществление мероприятий по обеспечению безопасности людей на водных объектах[4], организация и осуществление мероприятий по территориальной обороне[5] и гражданской обороне[6] и пр.). Также закреплен единый пятилетний срок полномочий лиц, замещающих муниципальные должности.

---

[1] Кайнов, В. И. Историко-правовые аспекты становления и развития института президентства в современном мире / В. И. Кайнов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 21-26. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-21-26. – EDN WZVWTB.

[2] Шеншина, Л. А. Международно-правовое регулирование защиты прав детей / Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 6. – С. 19-22. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_6_19. – EDN QPYFRU.

[3] Назарова, И. С. Об упразднении муниципалитетов первого уровня (городских и сельских поселений) и переходе на одноуровневую систему местного самоуправления с городскими и муниципальными округами / И. С. Назарова, Н. Ю. Немова, М. А. Сапожникова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12(240). – С. 131-136. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_12_131. – EDN QQBZMG.

[4] Назарова, И. С. О некоторых особенностях организации производства по делам об административный, правонарушениях в ГИМС МЧС России / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10(226). – С. 192-195. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_192. – EDN OBTAXC; Назарова, И. С. О нормативном правовом регулировании деятельности ГИМС МЧС России в современных условиях / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1(229). – С. 85-88. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_85. – EDN JDQCRO.

[5] Шеншин, В. М. Участие войск национальной гвардии Российской Федерации в территориальной обороне как важная задача по обеспечению общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 87-89. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_87. – EDN DJKYIE.

[6] Иванов, К. М. Особенности государственной политики в области гражданской обороны на современном этапе / К. М. Иванов, Т. А. Воронко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2015. – № 2(27). – С. 50-55. – EDN WMDUHF; Шеншин, В. М. К вопросу о правовом регулировании организации и ведения гражданской обороны в войсках национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин, И. С. Назарова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_89. – EDN KIFWYG; Немченко, С. Б. Обзор правовых стимулов и ограничений в законодательстве России о гражданской обороне / С. Б.

Федеральный закон вступает в силу по истечении девяноста дней после дня его официального опубликования, за исключением его отдельных положений.

В Ханты-Мансийском автономном округе осуществлен переход муниципальных образований югорских муниципалитетов на единую систему местного самоуправления. Полномочия городских и сельских поселений сосредоточены на уровне самих муниципалитетов: решения стали более оперативными, бюджеты – формируются по единым стандартам, а нормы по благоустройству и строительству – гармонизированы для всего региона. При этом муниципальные администрации сохранены, жители не потеряли доступ к необходимым услугам. Все предпринятые меры позволят повысить эффективность взаимодействия между органами власти и улучшить качество управления.

Несмотря на выраженный федеральный тренд на унификацию и централизацию управленческих моделей, ряд субъектов Российской Федерации демонстрирует осознанное сохранение двухуровневой системы местного самоуправления. Это не фронда и не тоска по прежним административным конструкциям, а институциональная адаптация к специфике пространственного, социального и этнокультурного устройства регионов. В частности, Алтайский край, Республика Саха (Якутия) и Республика Дагестан формируют устойчивую линию территориального прагматизма, основанного на расчете и управленческом реализме.

В Якутии сохраняется двухуровневая система местного самоуправления, но при этом власти решили отменить прямые выборы не только мэров городов, но и глав сельских поселений (наслегов). Этого не требует Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который, позволяет выбрать модель местного самоуправления, исходя из исторических особенностей территории и местных традиций.

Сохранение двухуровневой системы связано также с местными традициями и сложностями, которые могли бы возникнуть при упразднении низового уровня власти. Отмена прямых выборов всех должностных лиц, включая мэров и глав поселений, означает, что главы муниципалитетов теперь будут избираться депутатами или назначаться по конкурсу. Эта мера существенно усиливает вертикаль власти и централизацию управления, переводя систему МСУ в более жесткую форму контроля сверху. Такие меры предоставляют главе Республики Саха (Якутия) полный контроль над муниципальными кадрами, особенно в тех районах, где раньше могли побеждать оппозиционные кандидаты. По его мнению, это необходимо для мобилизации и сосредоточенности в условиях внешнего и внутреннего давления, а также для повышения эффективности управления при текущих сложностях региона.

По поводу оправданности выстраивания жесткой вертикали власти мнения разделяются. Одни считают это необходимой мерой в условиях особой политической и экономической ситуации, требующей централизованного управления. Другие критикуют реформу за снижение демократичности, ограничение участия граждан в выборах и замену МСУ государственным управлением, когда власть централизована и менее подотчетна населению. Время покажет, насколько такая модель будет эффективной и приемлемой для жителей региона.

Посмотрим еще на одно развитие событий. Так, Законодательное собрание Краснодарского края приняло в первом чтении региональный законопроект «Об отдельных вопросах организации местного самоуправления», закрепляющий сохранение смешанной модели управления на территории субъекта. Документ разработан в контексте Федерального закона № 33-ФЗ, предусматривающего переход регионов на одноуровневую систему МСУ, но допускающего сохранение двухуровневой модели с учетом специфики территории.

Согласно проекту, в большинстве районов Кубани продолжит действовать двухуровневая система. При этом продолжится уже устоявшаяся работа органов местной власти в муниципальных и городских округах. Там действует одноуровневая система организации МСУ, которая, по словам законодателей, демонстрирует устойчивую эффективность.

Законопроект также сохраняет действующий порядок проведения муниципальных выборов – депутаты по-прежнему будут избираться напрямую. Дополнительно предусмотрена возможность финансирования территориального общественного самоуправления из краевого и местного бюджетов, а также проведение дистанционных заседаний представительных органов МСУ.

Иркутская область и Республика Бурятия полностью переходят на одноуровневую систему МСУ. Заксобрания регионов приняли соответствующие законопроекты в первом чтении 12 и 13 ноября 2025 г. соответственно. В обоих субъектах Российской Федерации планируется установить длительный переходный период – до 2030 г., с учетом, в том числе сроков истечения полномочий действующих глав районов, этапов формирования органов МСУ, их реорганизации, ликвидации, инвентаризации имущества и т. д.

В Свердловской области губернатор предложил новый порядок, по которому мэров будут выбирать из кандидатов, представленных самим главой региона. Муниципальные думы сохранят лишь формальное право утверждения, а не выбора. Таким образом, Екатеринбург и другие города области фактически переходят под прямой контроль областной власти.

В Алтайском крае готовится аналогичный законопроект: региональное заксобрание намерено закрепить право губернатора определять кандидатов в главы муниципалитетов. Оппозиция заявила, что это приведет к окончательному сворачиванию местной демократии. Однако инициаторы настаивают, что новый механизм позволит избежать политических конфликтов и ускорит принятие решений.

Все это укладывается в общую тенденцию: после федерального обновления системы МСУ власти регионов выстраивают максимально управляемую вертикаль, где роль горожан и местных депутатов становится символической.

Эти изменения означают, что политическая конкуренция на уровне городов сходит на нет, а решения о кадровых назначениях теперь

Немченко, Т. И. Степаненко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2014. – № 1(22). – С. 27-33. – EDN YGXZVF; Немченко, С. Б. Проблемы правового регулирования содержания и эксплуатации защитных сооружений гражданской обороны (обзор правоприменительной практики) / С. Б. Немченко, В. С. Маханов, Ю. В. Кныш // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 37-43. – EDN IORORX.

будут приниматься не на выборах, а решением губернаторов. Взамен власть обещает стабильность, ускорение бюрократических процессов и концентрацию ресурсов. Но для местных сообществ это фактически конец эпохи муниципальной самостоятельности.

Вместе с тем, глава Дагестана С. Меликов подчеркнул, что вопросы муниципального управления нужно решать вместе с самим населением, он подчеркнул, что «никаких посылов от руководства республики нет и быть не может».

Таким образом, текущая редакция Федерального закона № 33-ФЗ предоставляет регионам право на самостоятельный выбор организационной модели МСУ. Это создает пространство для децентрализации, однако общенациональная тенденция уходит в сторону централизации управления и сокращения локального уровня власти. На этом фоне решение регионов сохранить более сложную, но жизнеспособную структуру, выглядит не жестом сопротивления, а проявлением зрелости управленческих подходов.

Для территорий с низкой плотностью населения, высокой транспортной изолированностью и развитой локальной идентичностью (прежде всего – национальные республики), ликвидация поселенческого уровня самоуправления означает не просто упрощение, а демонтаж социального каркаса. За внешней «сложностью» этой модели скрываются механизмы обратной связи, идентичности и политической устойчивости. В условиях, когда унификация управленческих практик входит в противоречие с многообразием российских территорий, именно гибкость и вариативность становятся залогом эффективности.

Список литературы

1. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
2. Кайнов, В. И. Историко-правовые аспекты становления и развития института президентства в современном мире / В. И. Кайнов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1(66). – С. 21-26. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-21-26. – EDN WZVWTB.
3. Назарова, И. С. Об упразднении муниципалитетов первого уровня (городских и сельских поселений) и переходе на одноуровневую систему местного самоуправления с городскими и муниципальными округами / И. С. Назарова, Н. Ю. Немова, М. А. Сапожникова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12(240). – С. 131-136. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_12_131. – EDN QQBZMG.
4. Назарова, И. С. О некоторых особенностях организации производства по делам об административный, правонарушениях в ГИМС МЧС России / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10(226). – С. 192-195. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_192. – EDN OBTAXC.
5. Назарова, И. С. О нормативном правовом регулировании деятельности ГИМС МЧС России в современных условиях / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1(229). – С. 85-88. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_85. – EDN JDQCRO.
6. Шеншин, В. М. Участие войск национальной гвардии Российской Федерации в территориальной обороне как важная задача по обеспечению общественной безопасности / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 87-89. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_87. – EDN DJKYIE.
7. Иванов, К. М. Особенности государственной политики в области гражданской обороны на современном этапе / К. М. Иванов, Т. А. Воронко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2015. – № 2(27). – С. 50-55. – EDN WMDUHF.
8. Шеншин, В. М. К вопросу о правовом регулировании организации и ведения гражданской обороны в войсках национальной гвардии Российской Федерации / В. М. Шеншин, И. С. Назарова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_89. – EDN KIFWYG.
9. Немченко, С. Б. Обзор правовых стимулов и ограничений в законодательстве России о гражданской обороне / С. Б. Немченко, Т. И. Степаненко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2014. – № 1(22). – С. 27-33. – EDN YGXZVF.
10. Немченко, С. Б. Проблемы правового регулирования содержания и эксплуатации защитных сооружений гражданской обороны (обзор правоприменительной практики) / С. Б. Немченко, В. С. Маханов, Ю. В. Кныш // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 37-43. – EDN IORORX.
11. Назарова, И. С. Проблемы укрепления исполнительной власти в Российской Федерации : Учебное пособие / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2016. – 88 с. – EDN WDRQMT.
12. Шеншина, Л. А. Международно-правовое регулирование защиты прав детей / Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 6. – С. 19-22. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_6_19. – EDN QPYFRU.

References

1. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
2. Kainov, V. I. Historical and legal aspects of the formation and development of the institute of the presidency in the modern world / V. I. Kainov // Law. Safety. Emergency situations. – 2025. – № 1(66). – Pp. 21-26. – DOI 10.61260/2074-1626-2025-1-21-26. – EDN WZVWTB.
3. Nazarova, I. S. On the abolition of first-level municipalities (urban and rural settlements) and the transition to a single-level system of local government with urban and municipal districts / I. S. Nazarova, N. Y. Nemova, M. A. Sapozhnikova // Law and the State: theory and practice. – 2024. – № 12(240). – Pp. 131-136. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_12_131. – EDN QQBZMG.
4. Nazarova, I. S. On some features of the organization of proceedings on administrative offences in the GIMS of the Ministry of Emergency Situations of Russia / I. S. Nazarova, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2023. – № 10(226). – Pp. 192-195. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_10_192. – EDN OBTAXC.
5. Nazarova, I. S. On the normative legal regulation of the activities of the GIMS of the Ministry of Emergency Situations of Russia in modern conditions / I. S. Nazarova, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 1(229). – Pp. 85-88. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_85. – EDN JDQCRO.
6. Shenshin, V. M. Participation of the troops of the National Guard of the Russian Federation in territorial defense as an important task to ensure public safety / V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2025. – No. 5. – pp. 87-89. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_87. – EDN DJKYIE.
7. Ivanov, K. M. Features of state policy in the field of civil defense at the present stage / K. M. Ivanov, T. A. Voronko // Right. Safety. Emergency situations. – 2015. – № 2(27). – Pp. 50-55. – EDN WMDUHF.
8. Shenshin, V. M. On the issue of legal regulation of the organization and conduct of civil defense in the troops of the National Guard of the Russian Federation / V. M. Shenshin, I. S. Nazarova // Law and the State: theory and practice. – 2023. – № 6(222). – Pp. 89-92. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_89. – EDN KIFWYG.
9. Nemchenko, S. B. Review of legal incentives and restrictions in Russian legislation on civil defense / S. B. Nemchenko, T. I. Stepanenko // Right. Safety. Emergency situations. – 2014. – № 1(22). – Pp. 27-33. – EDN YGXZVF.
10. Nemchenko, S. B. Problems of legal regulation of the maintenance and operation of civil defense protective structures (review of law enforcement practice) / S. B. Nemchenko, V. S. Makhanov, Yu. V. Knysh // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 4(53). – Pp. 37-43. – EDN IORORX.
11. Nazarova, I. S. Problems of strengthening executive power in the Russian Federation : A textbook / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2016. 88 p. - EDN WDRQMT.
12. Shenshina, L. A. International legal regulation of the protection of children's rights / L. A. Shenshina // Agrarian and land law. – 2025. – No. 6. – pp. 19-22. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_6_19. – EDN QPYFRU.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_235

УДК 342.731

НЕЙТРАЛИЗАЦИИ РИСКОВ РАДИКАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УИС ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ
NEUTRALIZATION OF RISKS OF RADICALIZATION OF CONVICTS IN CORRECTIONAL FACILITIES DURING THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION

ЮНУСОВ Муслим Абдулжабарович
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения
Академия управления МВД России
125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
e-mail: imuslimus@internet.ru;

YUNUSOV Muslim Abdulzhabarovich
associate professor of the department financial and economic organizations, logistical and medical support
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
125993, Russia, Moscow, st. Zoe and Alexandra Kosmodemyanskikh, no. 8.
e-mail: imuslimus@internet.ru

МАРКОВ Александр Юрьевич
старший преподаватель кафедры организации режима юридического факультета Университет ФСИН России.
196602, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, д. 34, лит. А
e-mail: akademyfsin@yandex.ru;

MARKOV Alexander Yurievich
Senior lecturer of the department of organization of execution of punishments of the faculty of law,
University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
196602, Russia, St. Petersburg, Pushkin, 34 Sapernaya st., block A.
e-mail: akademyfsin@yandex.ru

***Краткая аннотация**: исследование посвящено противоречиям между реализацией права осужденных на свободу совести и вероисповедания и необходимостью противодействия радикализации осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Выявлены коллизии в нормативно-правовой базе, отсутствие четко определенного статуса священнослужителей, а также недостаточная компетентность персонала в конфессиональных вопросах, что создает условия для распространения экстремистских идей и формирования радикальных групп.*

***Abstract:** the study focuses on the contradictions between the implementation of convicts' right to freedom of conscience and religion and the necessity of countering radicalization within the institutions of the penal system of the Russian Federation. Collisions in the regulatory framework, the lack of a clearly defined status for clergy, as well as insufficient staff competence in denominational matters have been identified, which create conditions for the spread of extremist ideas and the formation of radical groups.*

***Ключевые слова:** вероисповедание, права, осужденные, пенитенциарная безопасность, оперативная обстановка, экстремизм.*
***Keywords:** religion, rights, convicts, penitentiary security, operational environment, extremism.*

***Для цитирования**: Юнусов М.А., Марков А.Ю. Нейтрализации рисков радикализации осужденных в учреждениях УИС при реализации права на свободу совести и вероисповедания // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 235-238. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_235.*
***For citation**: Yunusov M.A., Markov A.Yu. Neutralization of the risks of radicalization of convicts in penal institutions during the exercise of the right to freedom of conscience and religion // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 235-238. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_235.*

Статья поступила в редакцию: 27.01.2026

Конституционное право каждого на свободу совести и вероисповедания (ст. 28 Конституции Российской Федерации) [1] не утрачивает своей значимости для лиц, осужденных к лишению свободы. Однако его реализация в условиях изоляции от общества сопряжена со специфическими ограничениями и требует детальной правовой регламентации. Основополагающим актом в этой сфере выступает Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ) [2], нормы которого, содержат противоречия.

Ключевой нормой является статья 14 УИК РФ «Обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных». Несмотря на провозглашение широкого перечня прав, законодатель не включил данное право в число основных прав осужденных, перечисленных в ст. 12 УИК РФ. Это создает концептуальный дисбаланс, принижая значимость духовных потребностей личности в процессе исполнения наказания.

Более существенной проблемой, является пассивно-разрешительный характер данной статьи. Часть 4 ст. 14 УИК РФ фактически ориентирует администрацию исправительного учреждения УИС (далее – ИУ) приглашать священнослужителей исключительно по просьбе (заявлению) осужденных.

Коллизии наблюдаются и при регулировании процедурных аспектов. Так, п. 260 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110 [4], дублируя нормы УИК РФ, предписывает предоставление личной встречи осужденного со священнослужителем наедине, вне пределов слышимости третьих лиц, под видеонаблюдением, что создает предпосылки для вербовки. Нормативно-правовая база, обеспечивающая свободу совести в УИС, характеризуется фрагментарностью, внутренними проти-

воречиями и пассивной моделью регулирования. Она не содержит механизмов превентивного использования потенциала религии для исправления и не учитывает необходимость активного противодействия злоупотреблениям данным правом в радикальных целях. Действующее законодательство рассматривает религиозные организации и священнослужителей преимущественно как пассивных исполнителей воли осужденного, а не как полноправных субъектов уголовно-исполнительных правоотношений с собственным комплексом прав и обязанностей [3, с. 63].

Эмпирические данные анкетирования подтверждают наличие организационных барьеров. Более половины (65 %) опрошенных священнослужителей указывают, что взаимодействие с оперативными и воспитательными службами носит эпизодический характер и инициируется только по запросу администрации. Священнослужитель воспринимается не как равноправный партнер в деле ресоциализации и профилактики, а как внешний субъект, чье присутствие допускается лишь в строго оговоренных случаях.

В УИК РФ отсутствует легальное определение правового статуса священнослужителя, осуществляющего деятельность в ИУ. Его права выводятся опосредованно из прав осужденных, что не отвечает задачам построения партнерской модели взаимодействия. Как отмечает О.А. Скоморох, для повышения эффективности взаимодействия необходимо законодательно закрепить статус тюремных священнослужителей, а также детализировать их права и полномочия [5, с. 149].

Проведенное анкетирование позволяет сделать вывод о том, что роль священнослужителя сводится к реакции на запрос либо к проведению обрядов для заранее сформированных групп. Данные анкеты это наглядно иллюстрируют: при выявлении потенциально опасной ситуации (формирование закрытой группы под руководством самоназначенного лидера) абсолютное большинство (73 %) респондентов в качестве первого шага указывают «уведомить руководство исправительного учреждения». Это единственная легитимная модель поведения в отсутствии достаточных собственных полномочий. Подобная зависимость от администрации, которая может недооценивать религиозный фактор, снижает оперативность и эффективность профилактики.

Даже при наличии совершенной правовой базы, эффективность противодействия радикализации упирается в комплекс организационных и кадровых проблем, возникающих на уровне практического взаимодействия.

Одним из ключевых барьеров является ведомственная замкнутость и нежелание распространения информации, составляющей внутреннюю проблематику ИУ [3, с. 68]. Вторая группа проблем связана с недостаточной компетентностью персонала ИУ в конфессиональных вопросах**.** Третья проблема носит процедурно-бытовой характер, но существенно влияет на построение доверительных отношений с традиционными конфессиями. Подобные коллизии, возникающие на стыке режимных требований и канонических правил, порождают недоверие и формализм во взаимоотношениях.

На вопрос о главных препятствиях в работе с осужденными иностранными гражданами, наряду с отсутствием литературы (36 %), респонденты (24 %) указывают на «менталитет и язык», а также на пассивность части администрации, непонимание важности этноконфессионального фактора (22 %).

Основным препятствием, по мнению большинства опрошенных (73 %), являются сложности в получении аутентичных религиозных текстов, литературы и предметов культа на родных языках осужденных. Отсутствие легальных каналов для удовлетворения религиозных потребностей создает питательную среду для несанкционированного формирования литературы, контроль над содержанием которой утрачивается, и укрепляет авторитет неформальных лидеров.

Исправительные учреждения становятся не только местом изоляции, но и потенциальной средой для распространения экстремистской идеологии.

В структуре пенитенциарного социума уже присутствуют осужденные за преступления экстремистского и террористического характера. Они обладают идеологической мотивацией, навыками конспирации и нередко рассматривают тюрьму как площадку для продолжения борьбы и вербовки новых сторонников [6, с. 11; 7, с. 43]. Значительную угрозу представляют осужденные иностранные граждане, преимущественно из стран СНГ, которые часто отбывают наказание за тяжкие общеуголовные преступления. Их концентрация в ИУ, языковая и культурная обособленность способствуют созданию закрытых этнических групп, восприимчивых к радикальным нарративам [8, с. 125; 9, с. 147]. Как отмечает М.М. Постников, именно среди данной категории активно происходит «террористский рекрутинг» – снабжение радикальных формирований человеческим ресурсом [8, с. 123].

Механизмы радикализации в ИУ отличаются высокой степенью адаптивности и латентности. Центральным элементом является формирование «тюремных джамаатов» – религиозноцентричных объединений, опирающихся на идеи радикального ислама, с вертикальной иерархией и строгими правилами поведения [8, с. 124]. Использование религиозных обрядов служит не только для отправления культа, но и для конспиративных сборов, вербовки и идеологической обработки в условиях снижения контроля со стороны администрации. Религиозная литература становится ключевым инструментом убеждения, особенно для малограмотных и социально уязвимых осужденных, не способных критически оценить экстремистский контент [9, с. 150]. Основной мишенью для вербовки становятся осужденные, не имеющие поддержки извне, должники, проигравшие в азартные игры, а также лица, ищущие защиту и социальную сплоченность в условиях тюремной среды [9, с. 149].

В условиях дефицита официального священнослужителя-имама его место занимает наиболее религиозно «подкованный» осужденный, часто с радикальными взглядами. Такой лидер получает не только духовный, но и административный авторитет, становится медиатором в конфликтах как между осужденными, так и с администрацией ИУ. Его цель – занять лидирующие позиции в неформальной иерархии учреждения для увеличения влияния и численности своей группы [9, с. 149]. Таким образом, специфика угрозы заключается в симбиозе религиозного экстремизма, этнической солидарности и тюремной субкультуры, что создает устойчивые, закрытые и высокоорганизованные структуры, активно про-

тиводействующие режимным требованиям.

Данные анкетирования четко идентифицируют поведенческие маркеры такой деятельности. Практически все опрошенные священнослужители (92 %) согласны, что на угрозу указывает совокупность признаков: резкая самоизоляция в этнической группе, отказ от общих мероприятий под религиозным предлогом, активная религиозная пропаганда и формирование иерархии, использование специфической лексики.

Высокая латентность и конспирация деятельности радикальных групп предопределены самой природой явления. Осужденные за экстремизм осведомлены о методах оперативно-розыскной деятельности, избегают открытых призывов, тщательно скрывают свои намерения и держатся обособленно [6, с. 11].

Основным ведомственным документом, регламентирующим противодействие экстремизму в УИС, является приказ ФСИН России от 26.05.2025 № 333 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» [10]. Согласно исследованиям, именно на этапе карантина необходимо максимально эффективно собрать информацию о новых осужденных, особенно исповедующих ислам. Оперативному работнику предписано проводить беседы, выявляя «зараженность» радикальными взглядами, изучая социальные связи и планы осужденного. На основе этой информации принимается решение о размещении: в основную массу, под усиленное наблюдение или в условия строгой изоляции. Однако эффективность этой работы напрямую зависит от компетенции сотрудника, его умения задавать правильные вопросы, основываясь на знании религии, что, как уже отмечалось, является проблемным местом [9, с. 148].

Изоляция и перевод между видами режима остаются основными административно-режимными мерами воздействия. При выявлении активной противоправной деятельности осужденный может быть переведен в штрафной изолятор, помещение камерного типа, в отряд со строгими условиями отбывания наказания или, по решению суда, в тюрьму [9, с. 149]. Теоретически это должно разрывать его негативные связи. Однако, как указывает М.М. Постников, инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденная приказом Минюста России от 20.05.2013 № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» [11] не содержит четких правовых ограничений для раздельного содержания лидеров радикальных групп, а режимные переводы часто являются реакцией на уже совершенные дисциплинарные проступки, а не на профилактику. Более того, в отрядах со строгими условиями отбывания наказания может происходить консолидация наиболее радикально настроенных элементов, формирующих основу джамаата [8, с. 125].

Необходимость постоянного ведомственного контроля и повышения квалификации осознается на самом высоком уровне, но ее реализация отстает. В источниках констатируется, что подготовка оперативных сотрудников в сфере противодействия экстремизму зачастую зависит от их личной инициативы, а не от системы. Анкетирование позволяет сделать вывод о неэффективности действующего контроля за религиозной литературой. Как показали ответы респондентов, проблема аутентичных текстов на родных языках стоит остро. Отсутствие экспертов-лингвистов и религиоведов в штате или на постоянной договорной основе означает, что литература либо запрещается формально (что порождает недовольство), либо пропускается без должной проверки. Эмпирические данные подчеркивают запрос практиков на привлечение профессиональных переводчиков и этнопсихологов.

Ответы на ситуационные вопросы анкеты показывают, что священнослужители видят свою роль в более глубокой, аналитической и посреднической работе, а не только в информировании. Например, при межнациональном конфликте их первым выбором стало обращение к внешним религиозным общинам (диаспорам) для получения совета (76 %). Это указывает на потребность в привлечении внешних этноконфессиональных ресурсов, что не регламентировано действующими инструкциями достаточно четко. Для повышения эффективности необходим постоянный ведомственный контроль за исполнением приказов и системное повышение квалификации оперативного состава с привлечением экспертов.

Вывод:

Настоящее исследование позволило выявить следующие организационно-правовые проблемы и противоречия:

существует системный дисбаланс в регулировании свободы совести и вероисповедания осужденных. Право на свободу вероисповедания не включено в перечень основных прав осужденных (ст. 12 УИК РФ), что снижает его значимость в пенитенциарной системе;

пассивно-разрешительный характер ст. 14 УИК РФ ограничивает профилактическую работу: священнослужители привлекаются только по заявлению осужденных, что исключает превентивные меры;

недостаточная компетентность сотрудников учреждений УИС в вопросах религии, этнокультурных особенностей и языковых барьеров снижает способность сотрудников выявлять и предотвращать радикализацию;

соглашения между ФСИН и религиозными организациями носят факультативный характер и не обеспечивают системного взаимодействия;

в пенитенциарных учреждениях УИС имеет место формирование «тюремных джамаатов» – высокоорганизованных религиозно-экстремистских групп с четкой иерархией;

в пенитенциарных учреждениях УИС имеет место использование религиозных обрядов и литературы для вербовки, идеологической обработки и консолидации радикальных элементов;

неформальные лидеры из числа осужденных, особенно среди иностранных граждан, заполняют вакуум духовного руководства и усиливают влияние радикальных идеологий;

дефицит специальных знаний у сотрудников оперативных подразделений снижает эффективность выявления радикальных угроз;

языковой барьер и отсутствие переводчиков затрудняют контроль за деятельностью иностранных осужденных;

формальный контроль за религиозной литературой, особенно на иностранных языках, не позволяет своевременно выявлять экстремистские материалы.

Основными предложениями по совершенствованию данного направления выступают:

законодательное закрепление статуса тюремных священнослужителей с расширением их полномочий (профилактические обходы, участие в комиссиях, ходатайства о поощрении осужденных);

внедрение системной подготовки для сотрудников УИС по основам религиозных традиций, признакам экстремизма и этнокультурным особенностям;

разработка гибких процедур взаимодействия с религиозными организациями, включая привлечение внешних экспертов (религиоведов, переводчиков, этнопсихологов);

усиление ведомственного контроля за исполнением профилактических мер и обновление нормативной базы в соответствии с современными угрозами.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета от 25.12.1993 № 237
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 13.01.1997 № 2 ст. 198
3. Скиба, А. П. Организационно-правовые проблемы противодействия радикальным проявлениям осужденных к лишению свободы в контексте обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания / А. П. Скиба, О. А. Скоморох // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 1(99). – С. 62-70
4. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 – Текст : непосредственный. – Режим доступа: официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 06.07.2022 № 0001202207060002
5. Скоморох, О. А. Роль религиозных организаций в современном развитии уголовно-исполнительной системы России / О. А. Скоморох // Преступление, наказание, исправление : Материалы VI международного пенитенциарного форума, приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Рязань, 15–17 ноября 2023 года. – Рязань: Академия ФСИН России, 2023. – С. 144-150.
6. Артемьев, Н. С. Оперативно-розыскная профилактика террористической и экстремистской деятельности в учреждениях УИС / Н. С. Артемьев, М. Ю. Багнычев // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2020. – № 2(37). – С. 10-13.
7. Морозов, А. С. О реализации раздельного содержания лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности, а также лиц, оказывающих негативное влияние на других подозреваемых, обвиняемых и осужденных / А. С. Морозов // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2023. – № 3(17). – С. 40-48.
8. Постников, М. М. Религиозный экстремизм на территории исправительных учреждений: к вопросу о структуре тюремных джамаатов / М. М. Постников // International Law Journal. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 122-128.
9. Постников, М. М. Противодействие терроризму и экстремистской деятельности оперативными подразделениями в условиях исправительных учреждений УИС / М. М. Постников // International Law Journal. – 2023. – Т. 6, № 7. – С. 147-151.
10. Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы : приказ ФСИН России от 26.05.2025 № 333 – Текст : непосредственный. – Режим доступа: документ опубликован не был.
11. Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 20.05.2013 № 72 Текст : непосредственный. – Режим доступа: Российская газета от 05.06.2013 № 119

References:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by national vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta, No. 237, December 25, 1993.
2. Criminal Executive Code of the Russian Federation No. 1-FZ of January 8, 1997 // Sobraniye Zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii (Collection of Legislation of the Russian Federation), No. 2, Art. 198, January 13, 1997.
3. Skiba, A. P., & Skomorokh, O. A. Organizational and Legal Problems of Countering Radical Manifestations Among Convicts in the Context of Ensuring Freedom of Conscience and Religion. Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii (Herald of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation), 2024, (1)99, 62–70.
4. On Approval of the Internal Regulations for Pretrial Detention Centers of the Penal System, the Internal Regulations for Correctional Institutions, and the Internal Regulations for Correctional Centers of the Penal System: Order of the Ministry of Justice of Russia No. 110 dated July 4, 2022. – Text: direct. – Access mode: official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru) 06.07.2022 No. 0001202207060002.
5. Skomorokh, O. A. The Role of Religious Organizations in the Modern Development of the Penal System of Russia. In *Crime, Punishment, Correction: Proceedings of the VI International Penitentiary Forum Dedicated to the 30th Anniversary of the Adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation No. 5473-I of July 21, 1993 "On Institutions and Bodies of the Penal System of the Russian Federation"*, Ryazan, November 15–17, 2023. – Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. – P. 144–150.
6. Artemiev, N. S., & Bagnychev, M. Yu. Operational and Investigative Prevention of Terrorist and Extremist Activities in Penal System Institutions. Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii (Herald of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), 2020, (2)37, 10–13.
7. Morozov, A. S. On the Implementation of Separate Confinement for Leaders and Active Participants of Negative-Oriented Groups, as well as Persons Exerting Negative Influence on Other Suspects, Accused, and Convicts. Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii (Herald of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia), 2023, (3)17, 40–48.
8. Postnikov, M. M. Religious Extremism in the Territory of Correctional Institutions: On the Structure of Prison Jamaats. International Law Journal, 2024, 7(3), 122–128.
9. Postnikov, M. M. Countering Terrorism and Extremist Activities by Operational Units in Correctional Institutions of the Penal System. International Law Journal, 2023, 6(7), 147–151.
10. On Organizing Measures to Counter Terrorism and Extremist Activities in Institutions and Bodies of the Penal System: Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 333 dated May 26, 2025. – Text: direct. – Access mode: the document has not been officially published.
11. On Approval of the Instruction on the Prevention of Offenses Among Persons Held in Institutions of the Penal System: Order of the Ministry of Justice of Russia No. 72 dated May 20, 2013. – Text: direct. – Access mode: Rossiyskaya Gazeta, No. 119, June 5, 2013.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_239

УДК 342

ПРЕДМЕТНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ СУДЕБНО-ВЛАСТНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
SUBJECT-CONTENT PARAMETERS OF JUDICIAL PROTECTION OF THE NATIONAL INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

СТУС Нина Владимировна
профессор кафедры конституционного и международного права,
юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.
e-mail: stus@bsuedu.ru

НАМИТОКОВ Юрий Азметович
аспирант кафедры конституционного и международного права,
юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.
e-mail: 1685169@bsuedu.ru

STUS Nina Vladimirovna
Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and
International Law of the Law Institute of the National Research University «BelSU».
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation
e-mail: stus@bsuedu.ru

NAMITOKOV Yuri Azmetovich
Postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law,
Law Institute, Belgorod State National Research University.
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation
e-mail: 1685169@bsuedu.ru

Краткая аннотация. *Аннотация: В статье исследуется предметная область функционирования судебной власти по обеспечению национальных интересов Российской Федерации. Обосновывается авторская трехуровневая система факторной детерминации предметно-содержательных параметров судебно-властной деятельности, включающая конституционно-стратегические, институционально-статусные и темпорально-контекстуальные факторы. Конституционно-стратегический уровень эксплицируется через структурированную систему интересов триады «личность-общество-государство». Институционально-статусный уровень раскрывается посредством анализа релевантных конституционных атрибутов судебной власти: эксклюзивной легитимности, независимости, юрисдикционной универсальности и судебно-юрисдикционной дискреции. Темпорально-контекстуальный уровень систематизируется в восемь групп факторов, отражающих конкретно-исторические условия функционирования судебной системы. Методологическую основу составляют документы стратегического планирования Российской Федерации и судебная практика высших судебных инстанций. Делается вывод, что предметная область судебной власти характеризуется качественной трансформацией от классической юрисдикционной модели к модели активного участия в конституционно-правовой политике государства в условиях геополитических и социально-экономических вызовов.*

Abstract. *This article examines the subject area of the judicial branch's functioning in ensuring the national interests of the Russian Federation in the current context of constitutional and legal development. The author substantiates a three-tiered system of factorial determination of the substantive parameters of judicial activity, including constitutional-strategic, institutional-status, and temporal-contextual factors. The constitutional-strategic level is explicated through a structured system of interests of the "individual-society-state" triad. The institutional-status level is revealed through an analysis of the constitutional attributes of judicial power: exclusive legitimacy, independence, jurisdictional universality, and judicial-jurisdictional discretion. The temporal-contextual level is systematized into eight groups of factors reflecting the specific historical conditions of the judicial system's functioning. The methodological basis is formed by strategic planning documents of the Russian Federation and the judicial practice of the highest courts. It is concluded that the modern subject area of judicial authority is characterized by a qualitative transformation from the classical jurisdictional model to a model of active participation in the state's constitutional and legal policy in the face of geopolitical and socioeconomic challenges.*

Ключевые слова: *конституция, судебная власть, правосудие, предметная область судебной деятельности, судебная дискреция, судебное нормотворчество, судебный суверенитет, национальная безопасность, национальные интересы, обеспечение национальных интересов, судебно-властное обеспечение, конституционная идентичность.*

Keywords: *constitution, judiciary, justice, subject area of judicial activity, judicial discretion, judicial rulemaking, judicial sovereignty, national security, national interests, safeguarding national interests, judicial support, constitutional identity.*

Для цитирования*: Стус Н.В., Намитоков Ю.А. Предметно-содержательные параметры судебно-властного обеспечения национальных интересов Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 239-244. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_239.*

For citation*: Stus N.V., Namitokov Yu.A. Subject-content parameters of judicial protection of the national interests of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 239-244. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_239.*

Статья поступила в редакцию: 10.12.2025

Введение. Исследование предметной области функционирования органов судебной власти в контексте обеспечения ими национальных интересов Российской Федерации обладает большой значимостью как в теоретико-методологическом, так и в праксеологическом измерении. Актуальность научного осмысления данной проблематики обусловлена тем, что предметная область судебно-властной деятельности раскрывает ее сущностно-содержательную характеристику и векторную направленность на реализацию конституционных функций в государственно-правовом механизме. Социально-правовая действительность за три последних десятилетия претерпела кардинальные трансформации, что детерминирует необходимость переосмысления традиционных теоретических конструкций и выявления новых факторов, определяющих параметры судебно-властного обеспечения национальных интересов в современных условиях российской государственности.

Методология исследования базируется на комплексном применении общенаучных и специально-юридических методов познания, включая системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой и доктринально-аналитический методы. Эмпирическую основу составляют судебная практика высших судебных инстанций и доктринальные разработки в сфере конституционного права и теории национальной безопасности.

Целью настоящего исследования является выявление и систематизация факторов, детерминирующих предметную область функционирования судебной власти по обеспечению национальных интересов, а также установление содержательных параметров судебно-властной деятельности в данной сфере с учетом специфики современного конституционно-правового развития Российского государства.

Результаты исследования. Предметная область судебной власти по обеспечению национальных интересов государства по своему объему и содержанию совпадает с предметом судебно-властной деятельности в целом и представляет собой динамически развивающееся поле правовых конфликтов и иных вопросов, отнесенных законом к компетенции суда [4, с. 110-117; 8, с. 118-119; 9, с. 30, 35-37]. Как справедливо отмечается в доктрине, судебная власть как социально-правовое явление есть феномен идеального (мыслимого) мира, содержание которого определяется коллективными представлениями о ее сущности и функциональном предназначении [3, с. 60]. В этой связи предметная сфера судебной деятельности не может рассматриваться как статичная совокупность материальных институтов или процессуальных процедур, но должна пониматься как комплексное образование, включающее как традиционное рассмотрение и разрешение материально-правовых споров, так и новые, формирующиеся направления деятельности.

Предметная область судебной власти в аспекте обеспечения национальных интересов представляет собой многоаспектное образование, детерминированное воздействием множественных факторов различной природы. Определенные представления о ключевых таких факторах сформировались в начале 1990-х годов в результате работы высококвалифицированных специалистов над формированием Концепции судебной реформы[1]. Однако социально-правовая действительность за истекший период претерпела кардинальные трансформации. Прогностические выводы разработчиков указанной Концепции, несмотря на их опору на обширный доктринальный и эмпирический материал, в силу объективных причин – новизны общественных отношений, недостаточности их научного осмысления, значительного влияния субъективных факторов – не могли охватить всю многогранность последующего общественно-государственного развития.

Более того, на начальном этапе реформирования российской государственности и публичных институтов представлялось исключительно сложным предвидеть весь спектр социально-правовых явлений и процессов, которые впоследствии приобрели статус системообразующих в конституционно-правовой практике Российского государства. Их всеобъемлющее влияние вскоре отразилось на всех компонентах правовой системы. Следует подчеркнуть, что произошла не просто количественная, а качественная модификация тех факторов, которые существовали и ранее, но не оказывали столь специфического, беспрецедентного по своей интенсивности и последствиям воздействия на состояние законности и правопорядка в государстве, как это наблюдается в современных условиях. В связи с этим частичная корректировка традиционных теоретических подходов в сфере судебной власти представляется методологически обоснованным и практически необходимым.

Анализ актуальной исследовательской базы позволяет структурировать совокупность факторов, имеющих существенное значение для характеристики предметной области функционирования судебной власти, в три основные группы, дифференцируемые по содержательно-функциональным параметрам и степени корреляции с различными аспектами конституционно-правовой действительности:

1) конституционно-стратегические факторы – детерминанты общегосударственного уровня, определяющие концептуальные основы, приоритетные направления, базовые принципы обеспечения национальных интересов и охватывающие фундаментальные государственно-правовые императивы, аксиологические основания национальной безопасности и стратегические доктринальные установки, формирующие общую нормативно-целевую матрицу деятельности всех органов публичной власти;

2) институционально-статусные факторы – специфические детерминанты, характеризующие положение судебной власти в публично-правовой системе, ее конституционно-правовой статус, функциональное предназначение и институциональные характеристики;

3) историко-контекстуальные факторы – темпоральные детерминанты, отражающие особенности современного периода государственно-правового развития России и влияние конкретно-исторических обстоятельств на процессы обеспечения национальных интересов.

Представленная концептуально-методологическая модель факторной структуризации представляется теоретически обоснованной и инструментально эффективной, поскольку обеспечивает необходимую аналитическую платформу для всестороннего исследования доктринальных и прикладных основ обеспечения национальных интересов посредством конституционно-правовых средств, которыми располагает судебная власть.

Первая группа факторов, детерминирующих предметную область функционирования судебной власти, представляет собой конституционно-стратегические детерминанты общегосударственного уровня. Их содержательная экспликация осуществляется сквозь призму установления детерминирующей роли в формировании общегосударственной нормативно-целевой матрицы деятельности судебных органов.

Доктринальное осмысление обеспечения национальных интересов как общегосударственного процесса позволяет определить содержание данного феномена как сложносоставной деятельности, представляющей собой систематизированное применение комплекса разноотраслевых регулятивных механизмов, нацеленных на идентификацию потенциальных дестабилизирующих факторов и активное противодействие деструктивным проявлениям, посягающим на стратегически значимые интересы триады «личность-общество-государство».

[1] Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-I «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

Структурно-содержательная экспликация национальных интересов через компаративистскую типологизацию обнаруживает их конститутивные признаки как предмета публично-властного обеспечения. К таковым относятся: системообразующий характер, стратегическая детерминированность и императивность оперативного устранения угрозообразующих факторов [5, с. 11]. Эти признаки формируют онтологическую основу для понимания национальных интересов не как абстрактной декларативной категории, а как конкретного предмета публично-властной деятельности, требующего систематического обеспечения со стороны всех органов публичной власти, включая судебные.

Дифференцированный анализ структурных компонентов национальных интересов обнаруживает специфическую предметность судебно-властного воздействия в отношении каждого элемента триады.

Интересы личности манифестируются через обеспечение реализационных механизмов конституционных прав и свобод. Анализ сквозь призму традиционной категоризации [1, с. 660; 2, с. 182; 6, с. 194; 7, с. 162; 10, с. 734] позволяет выделить: личные права экзистенциального характера (право на жизнь, достоинство, личную неприкосновенность, свободу передвижения), социально-экономические права субстанциального характера (право на труд, социальное обеспечение, жилище), политические права гражданской субъектности (избирательные права, право на объединение, свободу собраний). Вместе с тем императивы комплексного обеспечения национальных интересов детерминируют расширение традиционной трехзвенной классификации посредством включения дополнительных групп: прав на судебную защиту, экологических прав и прав на здоровьесберегающую среду. Данное расширение отражает эволюцию конституционно-правовой доктрины и объективные потребности современного общества в дополнительных гарантиях защиты фундаментальных ценностей.

Интересы общества как самостоятельный элемент структуры национальных интересов требуют отдельной концептуализации. Они характеризуются через систему социальных институций гражданского общества, генеральное функциональное назначение которого заключается в утверждении демократических принципов государственного устройства и защите населения от чрезмерной интервенции государственной власти. Анализ судебной практики и документов стратегического планирования позволяет идентифицировать конкретные проявления нарушений общественных интересов, образующих специфический предмет судебно-властного реагирования. К таковым относятся: нарушения федеративных отношений и местного самоуправления, посягающие на конституционную структуру территориальной организации власти; электоральные правонарушения, подрывающие легитимность народовластия; создание неправомерных вооруженных формирований, представляющих угрозу общественной безопасности; информационно-психологические воздействия на массовое сознание, деформирующие социальное восприятие действительности; экстремистская деятельность, направленная на дестабилизацию общественно-политической ситуации; незаконная миграция, создающая риски для социальной стабильности и безопасности.

Интересы государства как третий структурный компонент характеризуются повышенной степенью востребованности в обеспечении, что обусловлено уникальными характеристиками государственной власти как консолидирующего и координирующего центра общественно-политической системы. Государство выступает гарантом сохранения конституционного строя, территориальной целостности, суверенитета и устойчивого функционирования всех социальных подсистем. Системный анализ позволяет идентифицировать нарушения государственных интересов в четырех основных сферах: во-первых, в сфере защиты конституционного строя и территориальной целостности (сепаратизм, попытки насильственного изменения конституционного строя, посягательства на территориальную целостность); во-вторых, в финансово-экономической сфере (коррупция, легализация преступных доходов, уклонение от уплаты налогов, нарушения бюджетного законодательства); в-третьих, в информационно-технологической сфере (кибератаки на критическую инфраструктуру, несанкционированный доступ к государственным информационным ресурсам, разглашение государственной тайны); в-четвертых, в социально-гуманитарной сфере (угрозы демографической безопасности, деструкция традиционных духовно-нравственных ценностей, подрыв межнационального и межконфессионального согласия).

Таким образом, конституционно-стратегические факторы формируют общую нормативно-целевую матрицу деятельности судебной власти по обеспечению национальных интересов, определяя содержательное наполнение ее предметной области через структурированную систему защищаемых интересов личности, общества и государства.

Вторая группа факторов, предопределяющих предметную область функционирования судебной власти в контексте обеспечения национальных интересов Российской Федерации, представляет собой систему институционально-статусных детерминант, характеризующих конституционно-правовую природу судебной власти как самостоятельного публично-властного института в структуре государственного механизма. Аксиологическое и функциональное измерения деятельности судебных органов в исследуемой сфере определяются фундаментальными конституционно-правовыми характеристиками их статусно-компетенционного положения в триаде государственной власти.

Доктринальная рефлексия институционально-статусных факторов обнаруживает их системообразующее значение для формирования адекватного теоретико-правового представления о специфической конституционно-правовой нише, которую занимает судебная власть в решении задач обеспечения национальных интересов. В отличие от факторов первой обособленной группы, характеризующих общее конституционно-правовое поле функционирования судебной власти, институционально-статусные детерминанты эксплицируют особое положение судебных органов в публично-властной структуре, их специфические институциональные характеристики и функциональные прерогативы.

Системообразующим элементом рассматриваемой группы факторов выступает конституционная самостоятельность судебной власти как одна из основ конституционного строя России (ст. 10 Конституции Российской Федерации[1]), корреспондирующая с конституционным принци-

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

пом независимости судей, предполагающим их подчинение исключительно Конституции и федеральному закону (ст. 120 Конституции Российской Федерации). Данная аксиоматическая установка конституционного законодателя детерминирует всю совокупность институциональных характеристик судебной власти, формируя нормативно-ценностную матрицу ее функционирования в сфере обеспечения национальных интересов.

Методологическая значимость конституционной самостоятельности судебной власти для обеспечения национальных интересов раскрывается через призму ее позиционирования в качестве важного звена в единой системе суверенной государственности, с одной стороны, и ее относительно автономных статусных, институциональных, функциональных характеристик, претендующих на возможность их обоснования в координатах конституционной концепции обеспечения национальных интересов, с другой стороны. Такая двуединая природа судебной власти задает уникальные публично-правовые ресурсы обеспечения национальных интересов посредством специфических судебно-юрисдикционных механизмов, недоступных иным публично-властным институтам.

Конституционно-правовая рефлексия основ самостоятельности судебной власти актуализирует осмысление принципа разделения властей, необходимость поиска оптимальных путей сохранения конституционного равновесия между ветвями государственной власти. В контексте обеспечения национальных интересов данное равновесие приобретает особую значимость, поскольку предполагает синергетическое взаимодействие всех публично-властных институтов при сохранении их институциональной автономии и функциональной специализации.

Другим методологически значимым аспектом анализа институционально-статусных факторов является понимание того обстоятельства, что в основе концепции судебного обеспечения национальных интересов лежат особые, во многом уникальные конституционные свойства судебной власти как таковой. Их концентрированным выражением выступает самостоятельность судебной власти, конкретизируемая через систему специфических институциональных характеристик и функциональных прерогатив.

Фундаментальная конституционно-правовая характеристика судебной власти в рассматриваемом контексте связана с пониманием ее как особого самостоятельного вида государственно-властной деятельности, сущность которой заключается в отправлении правосудия, обеспечении верховенства Конституции и законов, выявлении и устранении любых отклонений правоприменительной практики от конституционно-правовых предписаний. Такое понимание детерминирует специфику предметной области судебной деятельности по обеспечению национальных интересов, определяя ее качественные характеристики и содержательные параметры.

В систематизированной форме конституционные атрибуты судебной власти, обладающие повышенной релевантностью для обеспечения национальных интересов, могут быть структурированы посредством следующих институциональных характеристик: эксклюзивный характер легитимности судебной власти; единство судебной системы; независимость судебных органов во внутригосударственном и международном отношениях; юрисдикционная универсальность судебных институтов; судебно-юрисдикционная дискреция, включающая потенциал судебного нормотворчества и конституирование судебного права.

Темпорально-контекстуальная группа факторов, характеризующая специфические конкретно-исторические параметры осуществления судебно-властных полномочий в современных условиях государственно-правового развития, представляет собой диалектически взаимосвязанную совокупность значимых объективных обстоятельств конституционно-правовой действительности, оказывающих детерминирующее воздействие институционально-организационные и функционально-компетенционные измерения деятельности судебных органов по обеспечению национальных интересов государства. Эпистемологическая значимость данной группы факторов двойственна: с одной стороны, они формируют актуальную проблематику правовых конфликтов, подлежащих судебному разрешению, определяют векторы развития судебного контроля и детерминируют содержательные параметры толкования норм права в контексте обеспечения национальных интересов, с другой стороны, они подлежат учету при рассмотрении конкретных дел, разрешении конкретных правовых споров и конфликтов там, где судебно-юрисдикционное усмотрение позволяет их учитывать.

Конкретно-историческая ситуация, выступая результатом действия многообразных, нередко противоречивых социально-правовых факторов, следствием взаимодействия неоднозначных, иногда диаметрально противоположных тенденций, определяющих развитие общества и государства, характеризуется комплексом не всегда поддающихся точной квантификации показателей. Исходя из задачи определения точных параметров предмета деятельности судебной власти по обеспечению национальных интересов, представляется методологически обоснованным определить в качестве достоверного источника познания современных историко-контекстуальных обстоятельств документы стратегического планирования Российской Федерации[1], которые содержат систематизированную аналитическую характеристику состояния национальной безопасности, актуальных вызовов и угроз в различных сферах государственно-правового функционирования.

Доктринальная ценность указанных документов как инструментария для выявления темпоральных факторов обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, стратегические документы разрабатываются с участием высококвалифицированных экспертно-аналитических

[1] См.: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351; Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074; Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546; Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902; Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» (ред. от 10.03.2025 г.) // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345; 2025. № 11. Ст. 1136; Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» (ред. от 17.10.2022 г.) // СЗ РФ. 2022. № 37. Ст. 6315; 2022. № 43. Ст. 7374; Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

структур, включая аппарат Совета Безопасности Российской Федерации[1], что позволяет судить о глубине и обоснованности содержащихся в них суждений и оценок. Во-вторых, композиционное строение данных документов предполагает либо специализированное структурное обособление разделов, посвященных характеристике современного состояния соответствующих сфер, либо контекстуальное (имплицитное) отражение актуальных проблем в рамках общей концептуальной логики документа. В-третьих, системный характер стратегического планирования обеспечивает холистическое восприятие комплекса факторов, оказывающих воздействие на судебно-юрисдикционную деятельность в контексте обеспечения национальных интересов.

В системе документов стратегического планирования базисной является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая определяет концептуально-мировоззренческие основы и приоритетные направления обеспечения национальных интересов во всех сферах общественно-государственного бытия. Данный документ выполняет генеральную координирующую функцию, задавая аксиологические и телеологические параметры для всех иных документов стратегического планирования, включая отраслевые стратегии, концепции и доктрины, которые принимаются в развитие его положений.

Системный анализ документов стратегического планирования позволяет выделить несколько групп историко-контекстуальных обстоятельств, воздействующих на предметную область функционирования судебной власти в обеспечении национальных интересов и детерминирующих определенные направления судебной практики:

1) геополитико-суверенизационные факторы, отражающие трансформации в системе международных отношений, включая формирование полицентричного миропорядка, противодействие односторонним санкционным мерам и защиту государственного суверенитета;

2) экономико-санкционные факторы, формирующие новые типы экономических споров, связанные с применением ограничительных мер, выполнением контрактных обязательств в условиях экономического давления и защитой прав субъектов хозяйственной деятельности;

3) информационно-идеологические факторы, связанные с защитой информационного суверенитета, противодействием деструктивному информационному воздействию и обеспечением информационной безопасности государства и общества;

4) миграционно-демографические факторы, детерминирующие специфическую группу правовых конфликтов, связанных с регулированием миграционных процессов, обеспечением демографической безопасности и защитой прав мигрантов при соблюдении национальных интересов;

5) экологическо-климатические факторы, актуализирующие роль судебных органов в природоохранной сфере, обеспечении экологических прав граждан и формировании доктрины экологического конституционализма;

6) научно-образовательные факторы, отражающие вызовы в развитии человеческого капитала, защите прав на образование и обеспечении научно-технологического суверенитета государства;

7) антикоррупционно-правоохранительные факторы, определяющие практику противодействия коррупции и иным преступлениям, образующим системные угрозы конституционному, государственному и общественному строю;

8) военно-оборонные факторы, связанные с обеспечением военной безопасности, защитой прав военнослужащих и судебным контролем в сфере обороны и безопасности государства.

В рамках каждой из перечисленных групп факторов накоплена практика, демонстрирующая их учет в судебно-юрисдикционной деятельности, включая формирование судебной доктрины конституционной идентичности, концепции судебного суверенитета, судебно-юрисдикционного антисанкционного режима, экологического конституционализма и проращивание антикоррупционных институтов. При этом указанные факторы находятся в диалектической взаимосвязи, образуя сложную систему конституционно-правовых условий функционирования судебной власти и детерминируя принципиально новую предметную область ее деятельности, характеризующуюся расширением спектра рассматриваемых правовых конфликтов и повышением общественно-политической значимости судебных решений. Адекватное понимание и учет данных факторов является необходимым условием эффективного обеспечения национальных интересов посредством конституционно-правовых средств, которыми располагает судебная власть в современных условиях российской государственности. Темпоральная динамика указанных факторов требует постоянной адаптации судебной системы к изменяющимся условиям, что обеспечивается через развитие судебной доктрины, совершенствование процессуального законодательства и повышение квалификации судейского корпуса.

Выводы. Проведенное исследование позволяет сформулировать концептуальное понимание предметной области судебно-властного обеспечения национальных интересов как трехуровневой системы детерминации, в которой конституционно-стратегический уровень задает нормативно-целевую, аксиологическую и приоритетно-векторную рамки, институционально-статусный уровень определяет конституционно-правовые основания, автономию функционирования и инструментальные возможности судебной власти, а темпорально-контекстуальный уровень конкретизирует актуальное содержание судебно-юрисдикционной деятельности. Методологическая значимость предложенной факторной структуризации состоит в преодолении традиционного статичного подхода к определению предмета судебной власти и переходе к динамической концепции, учитывающей диалектическое взаимодействие постоянных конституционно-правовых характеристик судебной власти и изменчивых социально-политических условий ее функционирования.

[1] См.: Указ Президента Российской Федерации от 07.03.2020 г. № 175 «О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации» (вместе с «Положением о Совете Безопасности Российской Федерации», «Положением об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации») (ред. от 27.12.2024 г.) // СЗ РФ. 2020. № 10. Ст. 1323; 2024. № 53 (часть I). Ст. 8665; Указ Президента Российской Федерации от 27.12.2024 г. № 1119 «О научно-экспертном совете Совета Безопасности Российской Федерации» (вместе с «Положением о научно-экспертном совете Совета Безопасности Российской Федерации») // СЗ РФ. 2024. № 53 (часть I). Ст. 8665.

Современная предметная область судебной власти в аспекте обеспечения национальных интересов характеризуется качественной трансформацией, выражающейся не столько в расширении перечня подведомственных судам категорий дел, сколько в изменении характера судебно-властного воздействия на конституционно-правовую действительность. Судебная власть эволюционирует от классической юрисдикционной модели, ориентированной преимущественно на разрешение частноправовых споров, к модели активного участия в конституционно-правовой политике государства через формирование доктринальных правовых позиций, судебное нормотворчество и конституционно-правовое толкование в условиях геополитических, экономических и социальных вызовов.

Выявленная система факторов обладает эвристическим потенциалом для дальнейших исследований механизмов судебно-властного обеспечения национальных интересов в конкретных отраслевых сегментах правовой системы, а также для прогнозирования векторов развития судебной доктрины в условиях нарастания темпоральной динамики конституционно-правовых вызовов.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – Т. 1. – 864 с.
2. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 704 с.
3. Воскобитова Л.А. Предметная область судебной власти и виды судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 59-67.
4. Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 288 с.
5. Догадайло Е. Ю. Конституционные основы обеспечения национальных интересов Российской Федерации посредством реализации стратегических национальных приоритетов // Право и современные государства. 2018. № 5. С. 9-20.
6. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М.Б. Смоленский, М.В. Мархгейм, Е. Е. Тонков. – изд. 2-е, испр. и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 446 с.
7. Нарутто С.В. Конституционное право России: учебник / С.В. Нарутто, Н.Е. Таева, Е.С. Шугрина. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2020. – 491 с.
8. Ржевский В. А. Роль судебной власти в правовом государстве // Основы государства и права: учебное пособие / под ред. В. А. Ржевского, В. Т. Гайкова – Ч. 1. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 176 с.
9. Судоустройство и правоохранительные органы: учебник / – Л.А. Воскобитова, С.В. Матвеев, Т.М. Махова [и др.]; отв. ред. Ю. К. Орлов. – М.: Проспект, 2015. – 400 с.
10. Шахрай С.М., Клишас А.А. Конституционное право Российской Федерации: учебник. – М.: Олма медиа групп, 2011. – 734 с.

References

1. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia. Study Course: Textbook: in 2 vols. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. – Vol. 1. – 864 p.
2. Baglay M.V. Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. – 704 p.
3. Voskobitova, L.A. Subject Area of Judicial Power and Types of Legal Proceedings // Judicial Power and Criminal Procedure. 2017. No. 1. Pp. 59-67.
4. Voskobitova, L.A. Theoretical Foundations of Judicial Power: Textbook. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 288 p.
5. Dogadaylo E. Yu. Constitutional Foundations of Ensuring the National Interests of the Russian Federation through the Implementation of Strategic National Priorities // Law and Modern States. 2018. No. 5. Pp. 9-20.
6. Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook / M.B. Smolensky, M.V. Marhheim, E.E. Tonkov. – 2nd edition, revised and expanded. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2009. – 446 p.
7. Narutto S.V. Constitutional Law of Russia: Textbook / S.V. Narutto, N.E. Taeva, E.S. Shugrina. – Moscow: RIOR: INFRA-M, 2020. – 491 p.
8. Rzhevsky V. A. The role of judicial power in a rule–of–law state // Fundamentals of state and law: a textbook / edited by V. A. Rzhevsky, V. T. Gaikov - Part 1. Rostov-on–Don: Phoenix, 1995. - 176 p.
9. Judicial system and law enforcement agencies: textbook / – L.A. Voskobitova, S.V. Matveev, T.M. Makhova [et al.]; resp. ed. Yu. K. Orlov. – M.: Prospekt, 2015. – 400 p.
10. Shakhray S.M., Klishas A.A. Constitutional Law of the Russian Federation: Textbook. – M.: Olma media groups, 2011. – 734 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_245

УДК 614.84:342.951

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: МАТЕРИАЛЬНЫЕ СОСТАВЫ И ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ
DIFFERENTIATION OF ADMINISTRATIVE LIABILITY: MATERIAL ELEMENTS AND PROBLEMS OF PROOF

КУРЫЛЕВ Дмитрий Сергеевич,
Заместитель начальника отдела дознания и административной практики
Департамента надзорной деятельности и профилактической работы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий, г. Москва, Россия.
109012, Россия, г. Москва, Театральный проезд, д. 3.
e-mail: d.kurylev@mchs.gov.ru

ПЕРЕГУДОВА Наталья Васильевна,
Начальник отдела Организационно-правового обеспечения пожарной безопасности и деятельности
пожарно-спасательных сил НИЦ ОУП ПБ, ФГБУ ВНИИПО МЧС России, г. Балашиха, Россия.
143093, Россия, Московская область, г. Балашиха, микрорайон ВНИИПО, д. 12.
e-mail: peregudova@vniipo.ru

KURYLEV Dmitry Sergeevich,
Deputy Head of the Department of Inquiry and Administrative Practice Department of Supervision and Preventive Work
Ministry of the Russian Federation for Civil Defense,
Emergency Situations and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Moscow, Russia.
3 Teatralny proezd, Moscow, 109012, Russia.
e-mail: d.kurylev@mchs.gov.ru

PEREGUDOVA Natalia Vasilyevna,
Head of the Department of Organizational and Legal Support for Fire Safety and the activities
of the Fire and Rescue Forces of the National Research Center of the State Unitary Enterprise PB,
Federal State Budgetary Institution VNIIPO of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Balashikha, Russia.
12 VNIIPO microdistrict, Balashikha, Moscow region, 143093, Russia.
e-mail: peregudova@vniipo.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена комплексному исследованию института административной ответственности за нарушения требований пожарной безопасности, предусмотренных статьей 20.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). В работе рассматривается система составов административных правонарушений в области пожарной безопасности, включая как формальные составы (части 1, 2, 2.1., 7, 9, 10 статьи 20.4 КоАП РФ), не требующие наступления последствий, так и материальные составы (части 6, 6.1 статьи 20.4 КоАП РФ), где обязательным элементом является причинение ущерба или вреда здоровью человека.*

Abstract: *This article presents a comprehensive study of administrative liability for violations of fire safety requirements stipulated by Article 20.4 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Administrative Offenses). This paper examines the system of administrative offenses in the area of fire safety, including both formal offenses (Parts 1, 2, 2.1, 7, 9, and 10 of Article 20.4 of the Code of Administrative Offenses), which do not require consequences, and substantive offenses (Parts 6 and 6.1 of Article 20.4 of the Code of Administrative Offenses), where the mandatory element is causing harm or injury to human health.*

Ключевые слова: *административная ответственность, вина, пожарная безопасность, штраф, предупреждение, материальный ущерб, пожар, имущество, граждане, общественная опасность.*

Key words: *administrative responsibility, guilt, fire safety, fine, warning, material damage, fire, property, citizens, public danger.*

Для цитирования*: Курылев Д.С., Перегудова Н.В. Дифференциация административной ответственности: материальные составы и проблемы доказывания // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 245-248. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_245.*

For citation*: Kurylev D.S., Peregudova N.V. Differentiation of administrative responsibility: material structures and problems of proof // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 245-248. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_245.*

Статья поступила в редакцию: 13.03.2026

Обеспечение пожарной безопасности является одной из приоритетных задач государственной политики Российской Федерации, что обусловлено высокой степенью общественной опасности пожаров, их распространенностью и масштабностью причиняемого ущерба[1]. Ежегодно на территории страны регистрируются десятки тысяч пожаров, в результате которых гибнут и получают травмы люди, уничтожается и повреждается имущество граждан, организаций и государства.

Как свидетельствуют статистические данные по состоянию на 13 марта 2026 г., количество пожаров в 2025 г. составило 317 470, по сравнению с 2024 г. снизилось на 8,63% (в 2024 г. – 347 443 пожара). Количество погибших на пожарах в 2025 г. составило 6 568 чел., по сравнению с 2024 г. снизилось на 13,29% (в 2024 г. – 7 575 чел.). Количество спасенных на пожарах в 2025 г. составило 22 798 чел., по сравнению с 2024 г. снизилось на 7,75% (в 2024 г. – 24 713 чел.). Количество травмированных на пожарах в 2025 г. составило 7 972 чел., по сравнению с 2024 г. снизилось на 4,47% (в 2024 г. – 8 345 чел.). Материальный ущерб, причиненный пожарами в 2025 г., составил 301 183 889,39 тыс. руб., по

[1] Шеншин, В. М. О региональном нормативно-правовом регулировании порядка обучения населения мерам пожарной безопасности и информирования населения о мерах пожарной безопасности / В. М. Шеншин, Н. В. Перегудова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 11(328). – С. 124-128. – EDN KCLHSZ.

сравнению с 2024 г. увеличился на 8,09% (в 2024 г. – 276 549 638,21 тыс. руб.).

Содержание части 1 статьи 3.1 КоАП РФ указывает нам на наличие двух целей, преследуемых правоприменителем при назначении административного наказания это: предупреждение совершения новых правонарушений субъектом правонарушения и предупреждение правонарушения иными лицами. Данные цели являются фундаментальными для всей системы административной ответственности. Их достижение требует комплексного подхода, учитывающего как карательную, так и воспитательную функции административного наказания[1]. Предупреждение совершения новых правонарушений самим правонарушителем предполагает, что назначенное наказание должно быть достаточным для формирования у него негативного отношения к противоправному поведению и понимания недопустимости его повторения.

Положения статьи 20.4 КоАП РФ направлены на защиту охраняемых законом ценностей в области пожарной безопасности, к которым отнесены жизнь и здоровье граждан, имущество граждан и организаций, государственное и муниципальное имущество, окружающая среда (абзац 35 статьи 1 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности»)[2]. Риск причинения вреда жизни, здоровью людей, имуществу и окружающей среде в области пожарной безопасности представляет собой возможность причинения вреда (ущерба) различного масштаба и тяжести охраняемым законом ценностям в результате воздействия опасных факторов пожара.

Уровень причиненного охраняемым законом ценностям вреда подтверждается следующими показателями:

выявлены нарушения обязательных требований пожарной безопасности;

размер причиненного материального ущерба;

сумма совокупно взысканных штрафов по субъектам правоотношений (граждане, индивидуальные предприниматели, юридические лица).

Анализ происходящих в последнее время крупных пожаров и чрезвычайных ситуаций показывает, что наступивший ущерб, в том числе ущерб экономическим отношениям между хозяйствующими субъектами, ущерб, связанный с потерей гражданами рабочих мест, единственного жилья, материального благополучия, в десятки раз превышает финансовые затраты на проведение мероприятий по обеспечению пожарной безопасности.

Вместе с тем отмечается значительный дисбаланс между размерами административных штрафов за нарушения требований в области пожарной безопасности и стоимостью затрат по их устранению, что побуждает недобросовестных субъектов хозяйственной деятельности уклоняться от соблюдения указанных требований в полном объеме.

Одной из ключевых проблем является недостаточная ясность и точность формулировок, содержащихся в статье 20.4 КоАП РФ. Так, понятие *«нарушение требований пожарной безопасности»* охватывает широкий спектр жизненных ситуаций, однако конкретные критерии таких нарушений зачастую остаются неопределенными. Это приводит к субъективности в оценке обстоятельств дела и создает предпосылки для произвольного толкования закона надзорными органами МЧС России и судебными инстанциями.

И.А. Попов в своем исследовании отмечает, что данные требования должны содержаться в официально опубликованных источниках [1]. При формировании резолютивной части решения суды могут опираться только на положения тех актов, которые были надлежащим образом приняты.

Безусловно, основным документом являются Правила противопожарного режима в Российской Федерации (далее – ППР). Вместе с тем требования пожарной безопасности содержатся и в иных отраслевых правовых нормах. Несмотря на то, что несоблюдение данных норм может непосредственно не привести к пожару, действия лиц, их нарушивших, создают общественную опасность, что дает возможность квалифицировать их как основание для привлечения к ответственности. Федеральным законом «О пожарной безопасности» термин «нарушение требований пожарной безопасности» представлен как невыполнение или ненадлежащее выполнение требований пожарной безопасности.

Привлечение к административной ответственности преследует своей целью соблюдение принципа неотвратимости административного наказания за нарушения требований пожарной безопасности. С объективной точки зрения, главное, что требуется достигнуть административным воздействием в этой области, это повышение правовой культуры собственников имущества, лиц, уполномоченных владеть, пользоваться или распоряжаться имуществом, в том числе руководителей организаций, а также руководителей соответствующих органов и определенной категории должностных лиц.

На практике имеет место проблематика и с определением вины. Так, нередко возникает путаница в установлении лица, ответственного за допущенное нарушение в области пожарной безопасности, особенно в организациях с многоуровневой системой управления.

В настоящее время ответственность за повторное нарушение требований пожарной безопасности на объектах чрезвычайно высокого и высокого рисков предусмотрена только частью 2.1 статьи 20.4 КоАП РФ.

Диспозиция части 2.1 статьи 20.4 КоАП РФ предполагает наступление административной ответственности за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.4 КоАП РФ, выразившееся, в том числе, в необеспечении работоспособности или исправности систем противопожарной защиты.

Вместе с тем, при отсутствии на объекте необходимых систем противопожарной защиты, правонарушителя можно привлечь к админи-

[1] Семенова, У. С. Применение матричного кода (QR-кода) для исполнения административного наказания в виде административного штрафа за нарушение требований пожарной безопасности / У. С. Семенова, В. М. Шеншин // Административное право и процесс. – 2024. – № 5. – С. 47-49. – DOI 10.18572/2071-1166-2024-5-47-49. – EDN NVITBQ.

[2] Шеншин, В. М. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности претерпел изменения: краткий обзор некоторых нормативных правовых актов / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 10(315). – С. 106-113. – EDN XHUECF.

стративной ответственности только на основании части 1 статьи 20.4 КоАП РФ без возможности применения в отношении него административного наказания в виде административного приостановления деятельности, даже если такое нарушение выявлено повторно.

В целях устранения указанного правового пробела предлагается внести изменения, позволяющие привлекать правонарушителей по части 2.1 статьи 20.4 КоАП РФ как за необеспечение работоспособности или исправности систем противопожарной защиты, так и за их отсутствие.

Кроме того, представляется целесообразным ввести в рассматриваемой статье КоАП РФ отдельный состав в целях применения меры административной ответственности за систематические нарушения (например, в случае трех и более нарушений требований пожарной безопасности в течение года), предусматривающий более строгие санкции, включая дисквалификацию должностных лиц по аналогии с частью 14 статьи 19.5 КоАП РФ, что позволит назначать указанный вид административного наказания для правообладателей объектов защиты, длительное время намеренно уклоняющихся от устранения нарушений требований пожарной безопасности.

Необходимо отметить, что в действующей редакции частей 6 и 6.1 КоАП РФ административная ответственность предусмотрена за нарушения требований пожарной безопасности, повлекшие возникновение пожара, если в произошедшем событии не содержится признаков уголовно наказуемого деяния.

Вместе с тем не учитывается, что основной вред здоровью человека и имущественный вред возникает не в результате нарушений требований пожарной безопасности, которые стали непосредственной причиной пожара, а от нарушений, способствующих распространению опасных факторов пожара (их сопутствующих проявлений).

Например, пожар возник из-за оставленного без присмотра бытового прибора, при этом неисправность системы пожаротушения способствовала значительному распространению опасных факторов пожара (пламя, повышенная температура, задымление), что привело к повреждению имущества третьих лиц, причинило вред здоровью человека.

Исходя из изложенного, предлагается составы административных правонарушений, предусмотренные частями 6 и 6.1 КоАП РФ, изложить в следующей редакции:

«6. Нарушение требований пожарной безопасности, повлекшее возникновение пожара и (или) распространение опасных факторов пожара (их сопутствующих проявлений) с уничтожением или повреждением чужого имущества либо причинением легкого или средней тяжести вреда здоровью человека, – влечет ….

6.1. Нарушение требований пожарной безопасности, повлекшее возникновение пожара и (или) распространение опасных факторов пожара (их сопутствующих проявлений) с причинением тяжкого вреда здоровью человека или смерти человека, – влечет…».

Содержание противоправных деяний в КоАП РФ не конкретизировано, так как положения статей 8.32, 11.16 и 20.4 КоАП РФ являются бланкетными и включают в себя отсылку к действующим правилам обеспечения пожарной безопасности. Законодательство в области пожарной безопасности не является кодифицированным, оно состоит из значительного числа подзаконных актов.

На практике, если нарушение повлекло смерть человека, деяние автоматически переходит в плоскость уголовного права (часть 2 статьи 219 УК РФ). В части касающейся тяжкого вреда здоровью, суды оценивают не только факт причинения вреда, но и его объем (например, одному или нескольким лицам причинен вред), а также форму вины лица совершившего преступление (легкомыслие или небрежность).

По мнению Зориной Е.А., главным условием в выборе наказания будет являться степень общественной опасности деяния [2]. Привлечение лица к уголовной ответственности означает, что административная ответственность с него снимается и будет применена к организации.

Наблюдаются проблемы правоприменения и в положениях недавно введенных частей 10 и 11 статьи 20.4 КоАП РФ (ответственность за нарушение требований пожарной безопасности при проектировании).

Изменения, вступившие в силу в апреле 2025 года, выявили следующие законодательные пробелы:

административную ответственность несут только аттестованные физические лица – проектировщики;

юридические лица (проектные организации) по этим положениям административную ответственность не несут.

Институт привлечения таких организаций к гражданской ответственности еще только складывается, при этом установленные в гражданском законодательстве сроки исковой давности позволяют нерадивым проектным организациям избегать ответственности.

Приведенные факторы создают ситуацию, когда при выявлении ошибки в проектной документации в уже построенном и принятом заказчиком в эксплуатацию здании привлечь к ответственности организацию-проектировщика довольно сложно, особенно если она уже ликвидирована.

На основании статьи 23.34 КоАП РФ, в компетенцию должностных лиц органов пожарного надзора входит наложение административных взысканий на физических и юридических лиц за правонарушения в области пожарной безопасности, в том числе за уклонение от исполнения или несвоевременное исполнение предписаний должностных лиц органов пожарного надзора.

Бесперстов Д.А. в своем исследовании отметил следующие проблемные вопросы при реализации законодательства в части возбуждения административных дел за нарушения требований пожарной безопасности без проведения надзорных мероприятий в рамках полномочий, предоставленных органам государственного пожарного надзора частями 3.7 и 3.8 статьи 28.1 КоАП РФ:

что это возможность, необходимость, право или обязанность привлечения инспектором пожарного надзора лица при случайном обнаружении нарушения пожарной безопасности в рабочее или нерабочее время?

Правомерно ли привлечение к административной ответственности при выявлении нарушений требований пожарной безопасности в

рамках проведения обязательных профилактических визитов?

каков объем *«достаточных данных»*, необходимых для возбуждения такой категории административных дел?

какие действия инспектора при поступлении в органы пожарного надзора информации о нарушениях требований пожарной безопасности являются правильными? (1) выход на объект без взаимодействия с контролируемым лицом и при подтверждении нарушений привлечение к административной ответственности; (2) согласование с органами прокуратуры внепланового контрольного (надзорного) мероприятия; (3) проведение обоих указанных процедур, но в какой последовательности.

С учетом вышеизложенного возникает необходимость дальнейшего развития административных ресурсов в области государственного воздействия на недобросовестных субъектов административной ответственности, пренебрегающих требованиями пожарной безопасности. Внесение изменений в законодательство позволит повысить эффективность государственного влияния на предупреждение и устранение нарушений в области пожарной безопасности [3].

Проведенный анализ право применения по делам об административных правонарушениях в области пожарной безопасности свидетельствует о наличии сложностей при установлении признаков состава данного правонарушения.

Установлено, что к административной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности может быть привлечено не только ответственное лицо, но и иные субъекты, на которых в установленном порядке возложены обязанности по организации и обеспечению соблюдения таких требований на объекте защиты.

Список литературы

1. Попов А.И. Деятельность мирового судьи по рассмотрению уголовных дел по нарушению требований пожарной безопасности, совершенном лицом, на котором лежала обязанность по их соблюдению.

2. Перелехова, Е.С. Особенности привлечения к административной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности / Е.С. Перелехова // Актуальные проблемы науки и практики. – 2024. – № S2(35). – С. 47-51. – EDN NBJGPD.

3. Бесперстов, Д. А. Снижение количества бюрократических мероприятий при привлечении к административной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности / Д. А. Бесперстов, В.А. Петрова, К.Ю. Шелудько // Пожарная безопасность, системы жизнеобеспечения, промышленные технологии: Сборник тезисов II Международной научно-практической конференции, Кемерово, 28–30 апреля 2025 года. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2025. – С. 25-26. – EDN KOEQRR.

4. Анализ статистических данных о профилактической работе органов государственного пожарного надзора / О. Д. Ратникова, Н. В. Перегудова, А. А. Кондашов, А. Г. Фирсов // Актуальные проблемы пожарной безопасности : Материалы XXXVI Международной научно-практической конференции, посвященной 375-й годовщине образования пожарной охраны России, Москва, 31 мая 2024 года. – Москва: Всероссийский научно-исследовательский институт противопожарной обороны МЧС РФ, 2024. – С. 203-212. – EDN TARSZW.

5. Шеншин, В. М. О региональном нормативно-правовом регулировании порядка обучения населения мерам пожарной безопасности и информирования населения о мерах пожарной безопасности / В. М. Шеншин, Н. В. Перегудова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 11(328). – С. 124-128. – EDN KCLHSZ.

6. Семенова, У. С. Применение матричного кода (QR-кода) для исполнения административного наказания в виде административного штрафа за нарушение требований пожарной безопасности / У. С. Семенова, В. М. Шеншин // Административное право и процесс. – 2024. – № 5. – С. 47-49. – DOI 10.18572/2071-1166-2024-5-47-49. – EDN NVITBQ.

7. Шеншин, В. М. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности претерпел изменения: краткий обзор некоторых нормативных правовых актов / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 10(315). – С. 106-113. – EDN XHUECF.

References

1. Popov A.I. The activity of a justice of the peace in reviewing criminal cases on violations of fire safety requirements committed by a person who was responsible for their compliance.

2. Perelekhova, E.S. Peculiarities of bringing to administrative responsibility for violation of fire safety requirements / E.S. Perelekhova // Actual problems of science and practice. – 2024. – № S2(35). – pp. 47-51. – EDN NBJGPD.

3. Besperstov, D. A. Reducing the number of bureaucratic measures when bringing to administrative responsibility for violation of fire safety requirements / D. A. Besperstov, V.A. Petrova, K.Y. Sheludko // Fire safety, life support systems, industrial technologies: Collection of abstracts of the II International Scientific and Practical Conference, Kemerovo, April 28-30, 2025. Kemerovo: Kemerovo State University, 2025. pp. 25-26. EDN KOEQRR.

4. Analysis of statistical data on the preventive work of state fire supervision authorities / O. D. Ratnikova, N. V. Peregudova, A. A. Kondashov, A. G. Firsov // Actual problems of fire safety : Proceedings of the XXXVI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 375th anniversary of the formation of the Fire protection of Russia, Moscow, May 31, 2024. – Moscow: All-Russian Scientific Research Institute of Fire Protection of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation, 2024. – pp. 203-212. – EDN TARSZW.

5. Shenshin, V. M. On the regional regulatory and legal regulation of the procedure for educating the population on fire safety measures and informing the population about fire safety measures / V. M. Shenshin, N. V. Peregudova // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 11(328). – Pp. 124-128. – EDN KCLHSZ.

6. Semenova, U. S. The use of a matrix code (QR code) for the execution of an administrative penalty in the form of an administrative fine for violating fire safety requirements / U. S. Semenova, V. M. Shenshin // Administrative law and process. - 2024. – No. 5. – pp. 47-49. – DOI 10.18572/2071-1166-2024-5-47-49. – EDN NVITBQ.

7. Shenshin, V. M. The technical regulations on fire safety requirements have changed: a brief overview of some regulatory legal acts / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military Legal Review. – 2023. – № 10(315). – Pp. 106-113. – EDN XHUECF.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_249

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
LEGAL SUPPORT INFORMATION SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

РАМАДАНОВ Шахназар Русланович
Аспирант кафедры финансового права МГЮА им. О.Е. Кутафина.
123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 2.
E-mail: shakh.rr@mail.ru
RAMADANOV Shakhnazar Ruslanovich
Postgraduate student of the Financial Law Department of the Kutafin Moscow State Law University.
Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, building 2, Moscow, 123995, Russia.
E-mail: shakh.rr@mail.ru

***Краткая аннотация**: В тексте настоящей статьи рассматриваются правовые основы обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации с акцентом на нормативно-правовую систему и ее институциональную специфику. Определяются ключевые признаки системы правового обеспечения информационной безопасности, выявляются ее структурные уровни. Внимание уделяется иерархии источников правового регулирования информационной безопасности РФ, а также особому месту актов стратегического планирование в ней. В заключении формулируются выводы о необходимости укрепления согласованности нормативных актов, регулирующих информационную безопасность, а также необходимости повышения предсказуемости их изменений.*

***Abstract:** The text of this article examines the legal framework for ensuring information security in the Russian Federation with an emphasis on the regulatory and legal system and its institutional specifics. The key features of the information security legal support system are determined, and its structural levels are identified. Attention is paid to the hierarchy of sources of legal regulation of information security of the Russian Federation, as well as the special place of strategic planning acts in it. In conclusion, the conclusions are formulated on the need to strengthen the consistency of regulations governing information security, as well as the need to increase the predictability of their changes.*

***Ключевые слова**: информационная безопасность, правовое обеспечение, кибербезопасность, персональные данные, биометрия.*
***Keywords:** information security, legal support, cybersecurity, personal data, biometrics.*

***Для цитирования**: Рамаданов Ш.Р. Правовое обеспечение информационной безопасности в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 249-253. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_249.*
***For citation**: Ramadanov S.R. Legal provision of information security in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 249-253. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_249.*

Статья поступила в редакцию: 28.01.2026

[1. Система правового обеспечения информационной безопасности РФ: понятие, признаки, структура].

Процессы цифровизации и развития информационных технологий влияют на все сферы жизнедеятельности человека, что оказывает значительное влияние на экономические, политические и социальные процессы, которые «детерминированы парадигмой развития информационно-правовых отношений в условиях новых вызовов, угроз и рисков»[1]. Российское законодательство также подвергается изменениям, связанным с адаптацией к стремительным темпам технологического прогресса и необходимостью разрешения задач в сфере правового обеспечения информационной безопасности внутри государства и формирования системы противодействия угрозам в цифровой среде в целом. Современная система правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации (далее – РФ) представляет собой совокупность нормативных правовых актов, стратегических документов и правоприменительных практик, направленных на защиту интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

По справедливому замечанию И. Н. Гайдаревой, данная система формировалась на протяжении длительного времени под влиянием не только внутренних правовых процессов, но и глобальных тенденций цифровизации, что обусловило ее многокомпонентный и межотраслевой характер[2]. Такая система правового обеспечения информационной безопасности (далее – ИБ) охватывает публичные и частноправовые институты – от системы разработки механизмов охраны персональных данных граждан и государственных служащих до специфических элементов обеспечения безопасности в финансовой сфере. Так, в качестве ключевых системных признаков правового обеспечения ИБ в РФ в отечественной правовой доктрине чаще всего называются следующие элементы:

1) Универсальный характер системы правового обеспечения ИБ, который предполагает охват всего многообразия вышеозначенных институтов ИБ и всех уровней правового регулирования, начиная с гарантируемого ст. 23 Конституции РФ права на неприкосновенность частной жизни[3] и заканчивая профильными вопросами, определяемыми подзаконными актами министерств и ведомств (например, приказами ФСБ или ФСТЭК в сфере организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных).

2) Высокая адаптивность системы правового обеспечения ИБ, связанная с устоявшимися тенденциями развития источников правового обеспечения ИБ РФ. Как справедливо отмечает А. К. Дубень, характер изменений нормативной базы в сфере информационной безопасности носит реактивный характер, что, с одной стороны, снижает предупредительный потенциал правового регулирования исследуемой сферы, но в то же время позволяет законодателю учитывать уже сложившиеся условия цифровой среды и вводить в правовой оборот уже существующие де-факто практики (например, в части определения пределов легального обращения криптовалют и ЦФА)[4].

[1] Дубень А. К. Отдельные аспекты правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 39-44.
[2] Гайдарева И. Н. Правовое обеспечение информационной безопасности в России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 1. – С. 1-7.
[3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025).
[4] Дубень А. К. Указ. соч.

3) Иерархичность системы правового обеспечения ИБ, формирующая упорядоченный характер соотношения правовых источников в сфере ИБ по уровням юридической силы, предметной компетенции и пределов правового регулирования. Как подчеркивает В. В. Гриценко, соответствующий признак детерминирует институциональное распределение ответственности и полномочий органов государственной власти[1], так, на федеральном уровне формируются базовые правовые рамки, национальные интересы в информационной сфере и стратегические ориентиры ИБ, в то время как тогда как исполнение и техническая имплементация остаются в ведении уполномоченных органов и хозяйствующих субъектов (в т. ч., осуществляющих функции операторов персональных данных по смыслу положений ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 г.)[2].

[2. Источники правового обеспечения информационной безопасности РФ: федеральное законодательство, акты ведомств и министерств, стратегические акты].

Характеристики правового обеспечения ИБ РФ в совокупности должны позволять правопорядку отвечать на вызовы цифровой эпохи, сохраняя при этом баланс между защитой фундаментальных прав граждан, интересами государства и необходимостью развития технологической инфраструктуры. Вместе с тем, как указывают И. Н. Гайдарева[3] и А. К. Дубень[4], многоуровневость и высокая степень фрагментации правовых источников порождает проблемы согласования и систематизации норм, что делает особенно важным выявление и анализ их внутренней иерархии. Поэтому закономерным образом встает вопрос о содержании и отраслевой специфике ключевых источников правового обеспечения ИБ РФ. С учетом указанного представляется целесообразным предложить к рассмотрению четырехуровневую модель источников правового обеспечения ИБ в РФ.

Первый уровень регулирования в сфере ИБ (конституционный уровень) основывается на положениях статей 23-24 Конституции РФ, гарантирующих право на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и иных видов сообщений, а также требующих от государственных органов и должностных лиц обеспечения охраны личной информации. Как справедливо отмечают И. Д. Зейналова и М. Х. Османов, именно конституционные нормы составляют базис формирования всей системы отраслевых институтов в сфере ИБ[5], в то время, как соответствующие положения формирует собой основные ценности в области обеспечения безопасности цифрового и сетевого пространств, определяя информационную безопасность как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз. Таким образом, первый уровень правового обеспечения ИБ обладает фундаментальным значением – он устанавливает как ценностные ориентиры, так и нормативные пределы вмешательства государства в сферу информационных отношений.

Второй уровень образует федеральное законодательство, представляющее собой ядро правового обеспечения ИБ. Основой правового регулирования в исследуемой области выступает Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите данных» от 27.07.2006 г. (далее – ФЗ №149 «Об информации»)[6], который определяет базовые понятия в сфере ИБ (такие как «информация», «информационные технологии», «информационно-телекоммуникационная сеть», «оператор информационной системы» и др.), устанавливает правовые режимы информации и закрепляет основания ответственности за нарушение правил ее обращения. Именно положения ФЗ №149 «Об информации» придали системность и комплексность российской модели информационного права, поскольку связали воедино вопросы доступа, защиты и использования информации в рамках единого нормативного акта[7].

Особую роль в условиях цифровизации личных данных приобретает Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27.06.2006 г. (далее – ФЗ №152 «О персональных данных»), который регулирует порядок сбора, хранения, обработки и распространения информации о физических лицах. Указанный акт не только определяет основные понятия (посредством установления легальных дефиниций для таких терминов как «персональные данные», «оператор персональных данных», а также связанных с ними действий) и дифференцирует ключевые категории персональных данных (подразделяя их на общие, специальные и биометрические), но также закрепляет принципы их сбора, хранения и обработки (в т. ч. принципы точности, достаточности, законности, соразмерности, ограниченности целей обработки и недопустимости объединения баз данных, несовместимых по целям)[8]. Кроме этого, существуют специальные законы, ориентированные на правовое регулирование отдельных отношений, связанных с цифровой средой. Федеральный закон № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» от 29.12.2022 г. (далее – ФЗ №572 «О биометрических персональных данных»)[9] образует собой правовую основу функционирования Единой биометрической системы (далее по тексту – ЕБС), которая используется для регистрации и хранения биометрических персональных данных, а также идентификации или аутентификации физических лиц (в т. ч. для бытовых целей – подтверждении личности при оплате товаров и услуг, осуществления безопасных покупок через цифровые сервисы и

[1] Гриценко В. В. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: сущность, современное значение и организационно-правовые основы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 1 (28). – С. 1-9.
[2] Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025).
[3] Гайдарева И. Н. Указ. соч.
[4] Дубень А. К. Указ. соч.
[5] Зейналова И. Д. Османов М. Х. Правовое обеспечение информационной безопасности в российском информационном праве // Вестник Социально-педагогического института. – 2014. – № 1 (9). – С. 40-43.
[6] Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите данных» от 27.07.2006 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025).
[7] Полякова Т. А. Бойченко И. С. Особенности взаимодействия и правового обеспечения информационной безопасности в единой биометрической системе в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 3. – С. 26-34.
[8] Ересько П. В. Правовое обеспечение безопасности информационного пространства Российской Федерации в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 10 (122). – С. 69-76.
[9] Федеральный закон №572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 29.12.2022 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025.

маркетплейсы или участия в любых других электронных сделках). Специфика ЕБС заключается в том, что ее правовое обеспечение строится на сочетании публично-правовых гарантий и, одновременно, частноправовых инструментов. Как следствие, формируется новая модель информационной безопасности в сфере идентификации граждан.

Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» от 06.04.2011 г. (далее – ФЗ №63 «Об электронной подписи») определяет порядок применения механизмов цифровой идентификации посредством применения одного из трех видов электронной подписи – простой (далее по тексту – ПЭП), усиленной неквалифицированной (далее по тексту – УНЭП) или усиленной квалифицированной электронной подписи (далее по тексту – УКЭП); так, по смыслу положений ст. 5 – 7, 9 и 17.1 – 17.6 ФЗ №63 «Об электронной подписи», ПЭП представляет собой электронный аналог собственноручной подписи, формируемый с использованием стандартных средств идентификации (таких как логин, пароль, одноразовый цифровой токен, SMS или электронный код двухфакторной аутентификации), обеспечивает минимально-необходимый уровень сетевой безопасности и применяется преимущественно в бытовых цифровых сервисах, где риск злоупотреблений относительно невысок (например, для целей авторизации в личном кабинете портала «Госуслуги» или подтверждения транзакций в онлайн-банкинге).

В то же время УНЭП создается с использованием криптографических средств, обеспечивающих контроль целостности и неизменности электронного документа после его подписания (следовательно, в отличие от ПЭП, такая подпись позволяет проверить, что документ не был изменен после подписания, а также идентифицировать подписанта), однако участие удостоверяющего центра (УЦ) для ее выпуска не требуется, что ограничивает ее сферу применения (УНЭП, как правило, используется в корпоративных системах документооборота, при обмене электронными документами между хозяйствующими субъектами или для подачи налоговой отчетности); в свою очередь, УКЭП является наиболее защищенной разновидностью подписи и создается с использованием сертифицированных средств криптографической защиты информации (СКЗИ), а, следовательно, для ее формирования требуется наличие сертификата ключа проверки электронной подписи, выданного аккредитованным УЦ, что приравнивает ее к собственноручной подписи и печати.

Особо следует выделить в составе второго уровня источников правового регулирования ИБ Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.06.2017 г. (далее – ФЗ №187 «О безопасности КИИ»), в соответствии с которым обеспечивается защита тех правовых элементов информационный инфраструктуры государства, стабильность функционирования и устойчивость которых имеют критическое значение для национальной безопасности, социально-экономической и обороны России. Положения ФЗ №187 «О безопасности КИИ» вводят правовую категорию «критической информационной инфраструктуры» (далее – КИИ)[1], формализуют подход к ее идентификации и очерчивает объем обязанностей, налагаемых на собственников и операторов КИИ; в этом свете ФЗ №187 «О безопасности КИИ» выступает связующим звеном между общими принципами защиты информации (закрепленными в положениях ст. 3 ФЗ №149 «Об информации» и ст. 5 – 13.1 ФЗ №152 «О персональных данных»), актами стратегического планирования и отраслевыми регламентами, устанавливаемыми уполномоченными ведомствами.

Третий уровень правового обеспечения ИБ составляют подзаконные акты (указы президента и распоряжения правительства РФ), задающие стратегические ориентиры и конкретизирующие задачи в сфере информационной безопасности. В системе источников права акты стратегического планирования в сфере информационной безопасности занимают особое, дискуссионное место. Формально такие документы (например, Доктрина информационной безопасности РФ, Стратегия национальной безопасности РФ) утверждаются актами Президента или Правительства, то есть являются подзаконными нормативными актами. Однако по своему содержанию и роли они не вписываются однозначно во «второй» или «третий» уровень правовой иерархии, поэтому предлагается рассматривать их в качестве самостоятельного уровня источников права. Отсутствие закрепленной и единообразной иерархии стратегических документов приводит к разночтениям, то есть фактически положение каждого такого акта в иерархии правового регулирования определяется индивидуально. Значение таких актов фиксируется в преамбуле или общих положениях. Так, по выражению Д. Р. Мамяшевой «в отсутствии какого-либо легального подхода к построению иерархии актов стратегического планирования, их место в общей системе актов стратегического планирования устанавливается казуальным способом»[2].

В науке ведется дискуссия о юридической природе стратегических доктрин и концепций. Отдельные исследователи прямо именуют документы стратегического планирования источниками соответствующих отраслей законодательства[3], подчеркивая их регулятивный потенциал. Д. Р. Мамяшева в этой связи отмечает, что «акты стратегического планирования являются нетипичными смешанными правовыми актами, интегрировано объединяющими в рамках одного правового акта элементы различной правовой природы (ненормативные положения, нормативные правовые предписания и ненормативные (индивидуальные) правовые предписания)»[4]. Однако именно на этом уровне формулируются государственные приоритеты, распределяются компетенции и задаются векторы институционального развития (координация между ведомствами, установление ключевых задач по защите КИИ, утверждение программ и мероприятий). По мнению В. В. Гриценко, основным стратегическим источником правового обеспечения ИБ РФ выступает действующая «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации»[5] (далее – Доктрина ИБ РФ) (утвержденная Указом Президента Российской Федерации №646 от 05.12.2016 г.), т. к. данный акт определяет национальные инте-

[1] Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025).
[2] Мамяшева Д. Р. Акты стратегического планирования: теоретико-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.1 / Мамяшева Диана Рафисовна. – М., 2023. – С. 15.
[3] Шохин С. В., Кудряшова Е. В. Документы стратегического планирования как источники финансового права // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 160-167.
[4] Мамяшева Д. Р. Указ. соч. – С. 10-11.
[5] Указ Президента Российской Федерации №646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 05.12.2016 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025).

ресы России в информационном пространстве, а также формулирует ключевые угрозы и направления противодействия им[1].

Важную роль в сфере обеспечения задач ИБ играет «Стратегия национальной безопасности в Российской Федерации» (утвержденная Указом Президента Российской Федерации № №400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 г.)[2], положения которого интегрируют вопросы ИБ в систему общенациональных приоритетов, а вызовы цифровой эпохи относят к категории ключевых потенциальных угроз (наряду терроризмом и экстремизмом, наркобизнесом, организованной преступностью и распространением инфекционных заболеваний), и, тем самым, усиливают межсекторный характер задач по защите информационного пространства РФ. Общую линию повышения значимости мероприятий в сфере обеспечения безопасности информационного пространства также продолжает другой профильный Указ Президента РФ № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» от 01.05.2022 г.[3], который, помимо декларативных положений, закрепил конкретные организационные требования (в т. ч обязанности для системообразующих организаций и государственных корпораций по формированию профильных подразделений и взаимодействию с лицензированными являющимися лицензиатами ФСТЭК), а также установил запрет на использование в государственных и рядах корпоративных систем средств защиты информации из недружественных юрисдикций (иностранных государств, совершающих в отношении РФ, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия).

Таким образом, несмотря на юридически подзаконный характер, рассмотренные акты задают стратегический вектор развития законодательства. Они обладают программно-концептуальным содержанием и определяют направления правотворчества, что требует отдельного научного осмысления. Так, Доктрина информационной безопасности РФ прямо определена как документ стратегического планирования, развивающий положения Стратегии национальной безопасности и служащий основой для формирования государственной политики и совершенствования системы обеспечения информационной безопасности. Фактически стратегические доктрины и концепции влияют на нормативную базу, предопределяя принятие новых законов и иных актов в русле обозначенных приоритетов, что обусловливает необходимость учета их особого статуса в системе источников права.

Наконец, четвертый уровень (связанный с конкретизацией положений федерального законодательства) образуют нормативные акты министерств и ведомств (приказы и регламенты Министерства финансов РФ, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, ФСТЭК, ФСБ, Центрального Банка России и др.), направленные на конкретизацию и детализацию положений федерального законодательства. Как справедливо подчеркивает И. Н. Гайдарева, именно данный уровень вносит в систему правового обеспечения ИБ высокую степень фрагментации, поскольку ведомственные приказы и регламенты формируются в зависимости от отраслевой специфики и носят зачастую технический характер[4].

К наиболее значимым источникам правового обеспечения ИБ РФ на уровне актов ведомств и министерств следует отнести Постановление Правительства РФ №1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» от 01.11.2012 г.[5], Приказ ФСТЭК России от №21 «Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» 18.02.2013 г.[6], Приказ ФСБ России №378 «Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных с использованием средств криптографической защиты информации, необходимых для выполнения установленных Правительством Российской Федерации требований к защите персональных данных для каждого из уровней защищенности» от 10.07.2014 г.[7], а также отдельные государственные стандарты, регламенты и рекомендации (такие как «ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001-2021. Системы менеджмента информационной безопасности. Требования»[8]; «ГОСТ Р ИСО/МЭК 27002-2021. Информационные технологии. Свод норм и правил применения мер обеспечения информационной безопасности»[9]; Стандарты ЦБ РФ «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения»[10]; «Базовая модель угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» ФСТЭК РФ от 15.02.2008 г.[11] и др.).

Следует сделать вывод, что система источников правового обеспечения ИБ РФ представляет собой многоуровневую иерархически упорядоченную систему, включающую конституционные нормы, федеральное законодательство, акты стратегического характера, а также нормативные положения министерств и ведомств (преимущественно – Минфина, Минцифры, ФСТЭК, ФСБ), а также нормативные акты Центрального банка. Пред-

[1] Гриценко В. В. Указ. соч.
[2] Указ Президента Российской Федерации № №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025).
[3] Указ Президента РФ № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» от 01.05.2022 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025).
[4] Гайдарева И. Н. Указ. соч.
[5] Постановление Правительства РФ №1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» от 01.11.2012 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW (Дата обращения: 05.09.2025).
[6] Приказ ФСТЭК России от №21 «Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» 18.02.2013 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025.
[7] Приказ ФСБ России №378 «Об утверждении Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных с использованием средств криптографической защиты информации, необходимых для выполнения установленных Правительством Российской Федерации требований к защите персональных данных для каждого из уровней защищенности» от 10.07.2014 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025.
[8] «ГОСТ Р ИСО/МЭК 27001-2021. Системы менеджмента информационной безопасности. Требования» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025).
[9] «ГОСТ Р ИСО/МЭК 27002-2021. Информационные технологии. Свод норм и правил применения мер обеспечения информационной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025).
[10] Стандарты ЦБ РФ «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения» СТО БР ИББС-1.0-2014» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025).
[11] «Базовая модель угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» ФСТЭК РФ от 15.02.2008 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 05.09.2025).

полагается, что соответствующая модель обеспечивает устойчивость и последовательность правового регулирования внутри всей конструкции, в частности, нормы конституционного и федерального уровня задают пределы вмешательства государства и устанавливают гарантии обеспечения прав и свобод личности, тогда как подзаконные и ведомственные акты позволяют гибко адаптировать систему к технологическим изменениям и потребностям отдельных отраслей. Однако в практическом измерении подобная многоуровневость оборачивается рядом системных проблем.

Во-первых, высокая степень фрагментарности источников создает риск дублирования и коллизий, что особенно заметно в области обработки персональных данных и биометрии. К примеру, в сфере биометрических данных стратегические документы ставят приоритетную задачу защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни граждан. Однако в нормативных актах есть нормы, допускающие обработку персональных данных без письменного согласия субъекта. При этом несмотря на наличие стратегических документов, сохраняется разрыв между доктринальными установками и реальным содержанием подзаконных актов. Так, отдельные положения «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации и «Стратегии национальной безопасности в Российской Федерации» носят скорее декларативный характер и не обладают четким механизмом имплементации. Они подчеркивают необходимость защиты критически важной информационной инфраструктуры, однако практическая реализация этого постулата сталкивается с фрагментарностью нормативной базы. Подобные разнонаправленные требования свидетельствует об отсутствии должной координации между стратегическими ориентирами и текущим нормативным регулированием.

Во-вторых, реактивный характер изменений законодательства в сфере обеспечения ИБ ведет к тому, что правовое регулирование отстает от реальной цифровой динамики – в результате законодатель скорее догоняет технологические практики, нежели формирует упреждающую нормативную среду.

В-третьих, сохраняются пробелы в действующем законодательстве. Например, несмотря на принятие Федерального закона о КИИ и ряда подзаконных нормативных актов, конкретизирующих его положения, остались не урегулированными ряд вопросов, например, в нормативных актах нет специальных положений о том, как учитывать объекты, переданные провайдерам (какие именно части считать объектом КИИ у субъекта, а какие – у подрядчика), а также не закреплены единые подходы к расчету показателей критериев значимости. В то же время есть и обратные примеры, когда стратегические положения нашли прямое отражение в законодательстве, что подчеркивает их значение для системы правового регулирования. Так, доктринальные приоритеты защиты инфраструктуры воплотились в принятии специального закона о безопасности КИИ, а необходимость охраны персональных данных, обозначенная на стратегическом уровне, реализована в базовом Законе «О персональных данных». Подобные прецеденты показывают, что стратегические документы, несмотря на подзаконный характер, способны направлять законодательный процесс и играть существенную роль в правовой системе.

[3. Выводы].

Таким образом, система правового обеспечения информационной безопасности содержит сложный и многокомпонентный комплекс правовых норм, сформировавшийся под влиянием как внутренних процессов развития отечественного законодательства, так и глобальных тенденций цифровизации. Принятие рассмотренных в статье законов сыграло положительную роль в урегулировании соответствующих правоотношений, тем не менее ряд вопросов остается неурегулированными, что усложняет правоприменительную практику.

Список литературы

1. Гайдарева И. Н. Правовое обеспечение информационной безопасности в России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 1. – С. 1-7.
2. Головина Е. Д. Налоговые риски государства в условиях цифровой экономики // Налоги и налогообложение. – 2018. – № 5. – С. 8 – 27.
3. Гриценко В. В. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: сущность, современное значение и организационно-правовые основы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 1 (28). – С. 1-9.
4. Дубень А. К. Отдельные аспекты правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 39-44.
5. Ересько П. В. Правовое обеспечение безопасности информационного пространства Российской Федерации в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 10 (122). – С. 69-76.
6. Зейналова И. Д. Османов М. Х. Правовое обеспечение информационной безопасности в российском информационном праве // Вестник Социально-педагогического института. – 2014. – № 1 (9). – С. 40-43.
7. Мамяшева Д. Р. Акты стратегического планирования: теоретико-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.1 / Мамяшева Диана Рафисовна. – М., 2023. – 207 с.
8. Полякова Т. А. Бойченко И. С. Особенности взаимодействия и правового обеспечения информационной безопасности в единой биометрической системе в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 3. – С. 26-34.
9. Сулейманова К. Р. Государственное регулирование в сфере информационной безопасности // Российское предпринимательство. – 2015. – №16. – С. 87-98.
10. Шохин С. В., Кудряшова Е. В. Документы стратегического планирования как источники финансового права // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 160-167.

References

1. Gaidareva I. N. Legal provision of information security in Russia // Bulletin of the Adygea State University. Series: Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies. - 2009. No. 1. pp. 1-7.
2. Golovina E. D. Tax risks of the state in the digital economy // Taxes and taxation. - 2018. – No. 5. – pp. 8-27.
3. Gritsenko V. V. The information security doctrine of the Russian Federation: essence, modern significance and organizational and legal foundations // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2017. – № 1 (28). – Pp. 1-9.
4. Duben, A. K. Certain aspects of the legal provision of information security in the Russian Federation // Law and Law. – 2022. – No. 7. – pp. 39-44.
5. Yeresko P. V. Legal security of the information space of the Russian Federation in the field of artificial intelligence // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). – 2024. – № 10 (122). – Pp. 69-76.
6. Zeynalova I. D. Osmanov M. H. Legal provision of information security in Russian information law // Bulletin of the Socio-Pedagogical Institute. – 2014. – № 1 (9). – Pp. 40-43.
7. Mamyasheva D. R. Acts of strategic planning: theoretical and legal research: dis. ... kand. jurid. Sciences: 5.1.1 / Mamyasheva Diana Rafisovna, Moscow, 2023, 207 p.
8. Polyakova T. A. Boychenko I. S. Features of interaction and legal provision of information security in the unified biometric system in the Russian Federation // Legal policy and legal life. – 2023. – No. 3. – pp. 26-34.
9. Suleymanova K. R. State regulation in the field of information security // Russian Entrepreneurship, 2015, No. 16, pp. 87-98.
10. Shokhin S. V., Kudryashova E. V. Strategic Planning Documents as sources of Financial Law // Gosudarstvo i Pravo, 2022, No. 1, pp. 160-167.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_254

УДК 338.43

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД ПО ПОВЫШЕНИЮ ПРОДУКТИВНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
A SYSTEMATIC APPROACH TO INCREASING THE PRODUCTIVITY OF DOMESTIC AGRICULTURAL PRODUCTION

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия,г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат филологических наук, доцент философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия,г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: ethos08@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия,г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: palamit@rambler.ru

ПЕТРОВА Любовь Николаевна,
старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия,г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics, Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural GAU",
Yekaterinburg st. Turgenev 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University",
Yekaterinburg st. Turgenev 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

ZARUBINA Elena Vasilievna,
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University",
Yekaterinburg st. Turgenev 23
E-mail: ethos08@mail.ru

EGOROV Sergey Georgievich,
Candidate of historical sciences, Associate Professor of the philosophy department,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University",
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: palamit@rambler.ru

PETROVA Lyubov Nikolaevna,
Senior Lecturer, Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ural State Agrarian University".
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье анализируются показатели сельскохозяйственного производства по отраслям на современном этапе хозяйствования. Рассмотрены пути по повышению продуктивности отечественного сельскохозяйственного производства. В таблице 1 приведены ключевые направления системного подхода, к которым относятся комплексная механизация, точное земледелие, программированное выращивание растений, применение новых технологий и другие. Данные таблицы 1 показывают, что современные модернизированные системы для отраслей АПК необходимы не только для обеспечения продовольственной безопасности страны, но и для конкурентоспособности продукции на внутреннем и мировом рынках. Целью статьи является изучение комплексного подхода для преодоления зависимости от импортных поставок семян и продовольствия на отечественный рынок. В статье использованы такие методы исследования как методы индукции и дедукции. Также в статье использованы статистические методы и методы анализа и синтеза. Результатами статьи являются данные по технологической модернизации сельского хозяйства. В статье приведены данные по оптимизации агрохимических приемов, а также по селекции и семеноводству. В таблицу 1 включены такие направления как ресурсосбережение и инновационные разработки. В заключении авторами отмечено, что государственная поддержка, использование передовых технологий в сельском хозяйстве и грамотная маркетинговая программа для всех отраслей АПК будут способствовать повышению производительности отечественного сельского хозяйства и его конкурентоспособности на мировом рынке.*

Abstract*. This article analyzes agricultural production indicators by sector at the current stage of management. Paths to increasing the productivity of domestic agricultural production are discussed. Table 1 lists the key areas of a systems approach, including integrated mechanization, precision farming, programmed plant cultivation, the use of new technologies, and others. The data in Table 1 demonstrate that modern, streamlined systems for agricultural sectors are essential not only to ensure the country's food security but also to ensure the competitiveness of products in domestic and global markets. This article aims to explore a comprehensive approach to overcoming dependence on imported seed and food supplies for the domestic market.*

This article utilizes inductive and deductive research methods. It also utilizes statistical methods and methods of analysis and synthesis. The article presents data on the technological modernization of agriculture. It also presents data on the optimization of agrochemical techniques, as well as on breeding and seed production. Table 1 also includes areas such as resource conservation and innovative developments. In conclusion, the authors noted that government support, the use of advanced agricultural technologies, and a sound marketing program for all sectors of the agro-industrial complex will contribute to increasing the productivity of domestic agriculture and its competitiveness in the global market.

Ключевые слова: *повышение эффективности производства, сельскохозяйственные организации, модернизация, новые технологии, отечественное производство, импорт продукции, аграрная политика, качество продукции.*

Key words: *Improving production efficiency, agricultural organizations, modernization, new technologies, domestic production, product imports, agricultural policy, product quality.*

Для цитирования*: Чупина И. П., Симачкова Н. Н., Зарубина Е. В., Егоров С. Г., Петрова Л. Н. Системный подход по повышению продуктивности отечественного сельскохозяйственного производства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 254-258. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_254.*

For citation*: Chupina I. P., Simachkova N. N., Zarubina E. V., Egorov S. G., Petrova L. N. A systems approach to increasing the productivity of domestic agricultural production // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 254-258. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_254.*

Статья поступила в редакцию: 24.02.2026

Сельское хозяйство всегда являлось одной из наиболее важных отраслей отечественной экономики. В современном мире, когда европейские страны постоянно создают новые пакеты санкция против России, аграрная политика страны направлена на то, чтобы сельское хозяйство страны стало высокоэффективным и конкурентоспособным аграрным комплексом для обеспечения страны отечественным продовольствием. Независимость от импортных поставок является одной из ключевых целей в аграрной политике государства.

Сельскохозяйственное производство отличается от других видов производств, так как основным средством производства является земля, поэтому на производство продукции влияют не только экономические, но и биологические и химические законы. Для оценки деятельности сельскохозяйственных организаций используют ряд показателей, к которым относятся урожайность, продуктивность животных, качество продукции и др. Повышение продуктивности отечественного АПК является комплексной задачей, требующей системного подхода. Ключевые направления системного подхода проанализируем в таблице 1.

Таблица 1 – Системный подход по повышению продуктивности отечественного АПК

№ п/п	Ключевые направления	Краткая характеристика
1.	*Технологическая модернизация*	
	Современная обработка почвы	Сокращение глубины и площади обработки для снижения трудозатрат и энергозатрат.
	Программированное выращивание	Точное выполнение всех операций для формирования оптимальных условий минерального и водного питания растений.
	Комплексная механизация	Внедрение техники для автоматизации трудоёмких процессов (посев, уборка, внесение удобрений).
	Точное земледелие	Использование GPS, датчиков и дронов для мониторинга полей.
2.	*Оптимизация агрохимических приемов*	
	Рациональное применение удобрений	Баланс азота, фосфора, калия и микроэлементов с учётом потребностей культуры и состояния почвы для повышения урожайности.
	Интегрированная защита растений	Сочетание биологических, химических и агротехнических методов для снижения пестицидной нагрузки.
	Использование регуляторов роста	Использование новых фитогормонов для ускорения созревания и повышения урожайности.
3.	*Селекция и семеноводство*	
	Внедрение высокопродуктивных сортов	Выбираются культуры с повышенной устойчивостью к климатическим условиям.
	Качество посевного материала	Использование кондиционных семян с оптимальной нормой высева для предотвращения изреженности посевов.
	Биопрепараты	Применяются в растениеводстве для повышения урожайности культур.
4.	*Ресурсосбережение*	
	Снижение потерь при сборе урожая	Минимизация потерь при уборке, хранении и транспортировке продукции.
	Водосберегающие технологии	Применение капельного орошения и мульчирования для рационального использования влаги.
	Повторная переработка ресурсов	Переработка использованных ресурсов в удобрения.
5.	*Инновационные разработки*	
	Наноматериалы	Материалы, созданные с использованием наночастиц или посредством нанотехнологий, обладающие какими-либо уникальными свойствами.
	Биостимуляторы	Природные и экологически чистые вещества, оказывающие положительное влияние на рост

	растений.
Серосодержащие удобрения	Удобрительные вещества, содержащие химический элемент серу (S) в виде различных химических соединений. Применяются в основное внесение при посеве.

Далее проанализируем более подробно ключевые направления из таблицы 1. К технологической модернизации сельского хозяйства относится современная обработка почвы. Это консервационная обработка, которая сохраняет плодородие почвы и способствует уменьшению эрозии. Точное возделывание почвы - это один из методов технологической модернизации, при помощи которого количество удобрений и агрохимикатов распределяются строго на тех участках земли, где это необходимо.

Программированное выращивание представляет собой обоснованную систему выращивания высоких урожаев. Для этого используются такие показатели, как показатели природного фактора, к которым относят влажность, плодородие почвы, теплоту. Важными показателями являются также удобрения и поливы для каждого сорта культуры в отдельности [8].

Комплексная механизация – это максимальный экономический эффект, где ручной труд полностью отсутствует или присутствует в ограниченном виде. Такой вид механизации осуществляется одной универсальной машиной и дополнительными комплектующими комплексами. Комплексная механизация способствует повышению производительности труда и улучшению качества продукции. Благодаря такой технологии снижается зависимость от погодных условий, а также снижаются временные затраты [6].

Точное земледелие, как современный способ ведения сельского хозяйства, помогает экономить ресурсы при одновременном увеличении урожайности растений. Используя картографические данные при помощи дронов, аграрии могут проводить анализ почвы для определения ее оптимального возделывания. Еще одной особенностью точного земледелия является точное распределение удобрений и орошение земли, что, в свою очередь, исключает лишнее использование ресурсов. Также точное земледелие способствует контролю над вредителями и болезнями растениеводческих культур [3].

К агрохимическим приемам, как видно из таблицы 1, относятся рациональное применение удобрений, интегрированная защита растений и использование регуляторов роста. Рациональное применение удобрений предотвращает загрязнение окружающей среды и не допускает излишки химических соединений в почве. К обогащающим элементам для почвы относят перегной и компосты, которые благотворно влияют на микрофлору.

Интегрированная защита растений представляет собой борьбу с вредителями растений, где учитываются экологические и токсикологические требования при работе с химикатами. Регуляторы роста используются в растениеводстве не только для повышения роста растений, но и для повышения качества растений [7].

Российское семеноводство в настоящее время испытывают ряд сложностей, так как по некоторым культурам импортный семенной фонд составляет до 90 %. К таким культурам относятся сахарная свекла и подсолнечник. В настоящее время прорывными отечественными селекционными разработками можно назвать разработки семян рапса Липецкого филиала ВНИИ масличных культур. В структурном подразделении «Щелково Агрохим» появились новые гибриды подсолнечника, а реализация отечественных семян подсолнечника в 2025 году составила свыше 300 тыс. посевных единиц. Селекционная компания в Орловской области занимается разработкой новых сортов пшеницы, которая может увеличить урожайность данной культуры. Сейчас в регионе используются для посева новые сорта пшеницы «Ермоловка», «Система», «Интеза» и другие.

Появляются новые отечественные сорта сои, разработкой которых занимается ФГБНУ «Омский аграрный научный центр». К таким сортам относятся «Черемшанка», «Золотистая» и «Сибириада». Реализация отечественных семян сахарной свеклы также постепенно растет. С 2023 года реализация семян данной культуры выросла с 3 % до 14 %. Разработками отечественных семян сахарной свеклы занимается селекционно – генетический центр «СоюзСемСвекла». Гибрид сахарной свеклы «Вулкан» признан лучшим в стране среди районированных гибридов. В 2024 – 2025 годах селекционно – генетический центр зарегистрировал еще три гибрида сахарной свеклы нового поколения – «Восход», «Иней» и «Буран», которые созданы на основе собственной селекционной компании. Льготное кредитование, компенсация прямых понесенных затрат, а также поддержка спроса - все это позволит стимулировать данный сегмент рынка и сделать его привлекательным для инвестиций.

К ресурсосбережениям относят снижение потерь при сборе урожая, водосберегающие технологии и повторную переработку ресурсов. Для сохранения урожаев растениеводческой продукции аграрии в последние годы уделяют большое внимание высокоавтоматизированным системам зерносушилок сушильных комплексов.

Более 18 % мощностей элеваторов и сушильных комплексов сосредоточено в Приволжском федеральном округе. В Волгоградской, Самарской и Саратовской областях для снижения потерь урожайности аграрии активно инвестируют в оборудование. На Юге – в Краснодарском крае, Ставропольской и Ростовской областях сосредоточено до 14 % элеваторных мощностей. В центре сосредоточено 16 % от общего количества элеваторов и сушильных комплексов. 52 % сушильных комплексов и элеваторов рассредоточены в остальных регионах РФ. Рассмотрим эти показатели на рисунке 1.

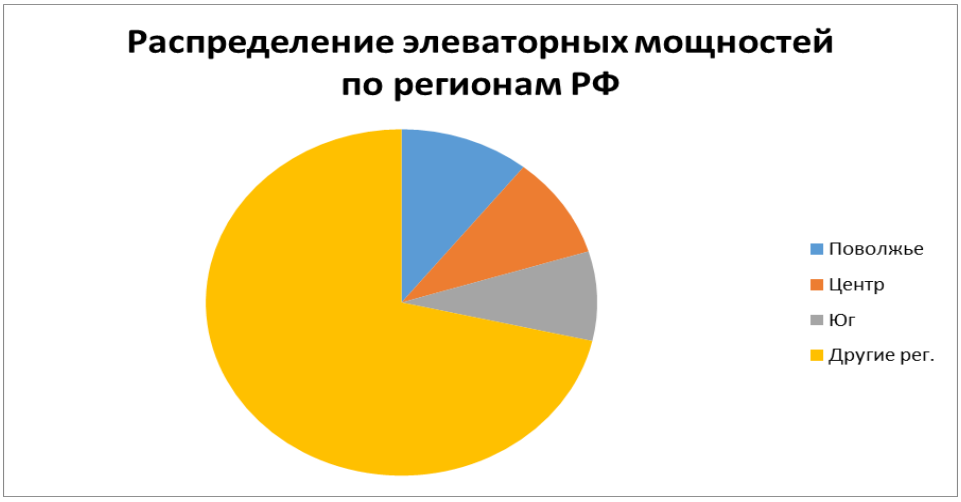


Рисунок 1 – Распределение мощностей элеваторов и сушильных комплексов в РФ по регионам

Для решения проблемы экономии оросительной воды разработаны различные направления водосбережения, к которым относятся совершенствование техники полива, использование для орошения других источников воды – сточных, дренажных и сбросных. Также в последние годы применяется система снижения водопотребления сельскохозяйственных культур на единицу урожая за счет улучшения сортов растений и качества семян.

Если проанализировать повторную переработку ресурсов, то это комплексный процесс, который при переработке сельскохозяйственной продукции может быть повторно использован. Примером рециклинга отходов может служить утилизация отходов подсолнечной лузги в качестве переработки в топливо [5].

Среди инновационных разработок авторами в таблице 1 отмечены наноматериалы, биостимуляторы и серосодержащие удобрения. Наноматериалы представляют собой молекулярный механизм, который используется в растениеводстве для обогащения растений химическими веществами там, где это нужно. Такая технология помогает растениям быть более устойчивым к болезням и вредителям [10].

Биостимуляторы представляют собой препараты по стимулированию роста корневой системы и повышению устойчивости к стрессам, к которым относят засуху, заморозки и различные виды болезней растений.

Не менее важны для растений и серосодержащие удобрения, которые используют в растениеводстве для питания и удобрения почвенного покрова. К таким удобрениям относят сульфат калия, сульфат аммония, навоз, сульфат магния и другие [4].

В таблице 1 перечислены далеко не все меры по повышению продуктивности отечественного АПК. Необходима также специализация и концентрация производства как одна из организационных мер поддержки сельского хозяйства. Специализация представляет собой отраслевое разделение труда. Уровень специализации определяется структурой товарной продукции и структурой производственных затрат. Концентрация производства – это наибольшее сосредоточение объемов производимой продукции, средств производства и рабочей силы в организациях АПК.

Повышение квалификации кадров также является необходимым условием для развития современного отечественного сельского хозяйства. Внедрение смарт – технологий в АПК происходит постепенно. В основном пока такие технологии используют только крупные компании, поэтому обучение персонала современным методам агроменеджмента сосредоточено на крупных предприятиях [2].

Доступ к высокотехнологичному оборудованию без существенных единовременных вложений может осуществляться через лизинг техники. Для этого Правительство РФ скорректировало программу льготного лизинга высокотехнологичного оборудования и техники для развития АПК [1].

К экономическим инструментам поддержки отечественного АПК относят маркетинговые стратегии и государственная поддержка. Основными системными элементами маркетинга в сельском хозяйстве являются долгосрочные цели развития организаций, изучение рынка и поведения потребителей, ценообразование и ассортиментная политика [9].

К мерам государственной поддержки отечественного АПК относят льготный лизинг, льготное кредитование по СПК, возмещение сельскохозяйственным производителям части расходов на мелиоративные мероприятия, компенсация части затрат на сертификацию продукции АПК, субсидии на возмещение части процентной ставки по инвестиционным кредитам, льготное кредитование и другие.

Таким образом, повышение продуктивности требует сочетания технологических, агрохимических, организационных и экономических мер. Ключевым принципом здесь является рациональное использование ресурсов при минимизации экологических рисков. Внедрение даже части перечисленных методов будет способствовать значительному увеличению сельскохозяйственной продукции и снижению ее себестоимости.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.04.2023. № 625 «О внесении изменений в Правила предоставления государственной поддержки лизинговым организациям в целях возмещения недополученных доходов при уплате лизингополучателем лизинговых платежей по договорам финансовой аренды (лизинга) высокотехнологичного оборудования и техники и признании утратившим силу подпункта «е» пункта 11 изменений, которые вносятся в акты Правительства Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2022 г. № 1204 [Электронный ресурс]: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=447093 (дата обращения 12.02.2026).
2. Гайнанов Д. А., Гатауллин Р. Ф. Специализация в сельском хозяйстве // Russian Journal of Management. 2021. №. 3. С.106 - 110.
3. Еремин С.Г. Цифровизация сельского хозяйства: роль больших данных в повышении эффективности и устойчивости отрасли // Аграрная наука. 2025. № 1. С.172 - 176.
4. Индикаторы инновационной деятельности 2025: статистический сборник / (Власова В. В., Гохберг Л. И., Г.А. Грачева Г. А. и др.). М.: ИСИЭЭ ВШЭ. 2025. 196 с.
5. Кудряшова Е. Ю. Переработка растительных отходов сельского хозяйства // Вестник НГИЭИ. 2023. № 10. С.19 - 27.
6. Панина О.В. Инновационные подходы к повышению эффективности сельского хозяйства в условиях трансформации агропромышленного комплекса // Аграрная наука. 2025. № 1. С.180 - 184.
7. Петриков А.В. Научно-технологическое развитие сельского хозяйства России в современных условиях // Федерализм. 2025. № 30(1). С.110 - 126.
8.Чутчева Ю. В., Коротких Ю. С., Кирица А. А. Цифровые трансформации в сельском хозяйстве // Агроинженерия. 2021. № 5. С. 53 - 58.
9. Шалаев А.В., Сокольникова Ю.А. К вопросу о бизнес - планировании в аграрном производстве // Финансовый вестник. 2023. № 1. С. 58 - 62.
10. Шуганов В. М., Лешкенов А. М. Современное состояние и перспективы повышения производства органической растениеводческой продукции в России на основе применения цифровых и умных технологий // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2025. Т. 27. № 1. С. 31 - 41.

References

1.Resolution of the Government of the Russian Federation of 20.04.2023. No. 625 «On Amending the Rules for Providing State Support to Leasing Organizations for the Purpose of Compensating for Lost Income Upon Lessee Payments under Financial Lease (Leasing) Agreements for High-Tech Equipment and Machinery and on Repealing Subparagraph «e» of Paragraph 11 of the Amendments to Acts of the Government of the Russian Federation Approved by Resolution of the Government of the Russian Federation of 4 July 2022 No. 1204 [Electronic resource]: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=44709 (accessed 12.02.2026).
2. Gainanov D. A., Gataullin R. F. Specialization in Agriculture // Russian Journal of Management. 2021. No. 3. pp. 106-110.
3. Eremin S. G. Digitalization of Agriculture: The Role of Big Data in Improving the Efficiency and Sustainability of the Industry // Agrarian Science. 2025. No. 1. pp. 172-176.
4. Innovation Activity Indicators 2025: Statistical Digest / (Vlasova V. V., Gokhberg L. I., Gracheva G. A., et al.). Moscow: ISIEE HSE. 2025. 196 p.
5. Kudryashova E. Yu. Processing of agricultural plant waste // NGIEI Bulletin. 2023. No. 10. pp. 19-27.
6. Panina O. V. Innovative approaches to improving the efficiency of agriculture in the context of the transformation of the agro-industrial complex // Agrarian science. 2025. No. 1. pp. 180-184.
7. Petrikov A. V. Scientific and technological development of Russian agriculture in modern conditions // Federalism. 2025. No. 30(1). pp. 110-126.
8. Chutcheva Yu. V., Korotkikh Yu. S., Kiritsa A. A. Digital transformations in agriculture // Agroengineering. 2021. No. 5. pp. 53 - 58.
9. Shalaev A. V., Sokolnikova Yu. A. On the issue of business planning in agricultural production // Financial Bulletin. 2023. No. 1. pp. 58 - 62.
10. Shuganov V. M., Leshkenov A. M. Current state and prospects for increasing the production of organic crop products in Russia based on the use of digital and smart technologies // Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2025. Vol. 27. No. 1. pp. 31 - 41.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_259

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ПОРЯДОК УПРАВЛЕНИЯ
SOME PROBLEMS OF LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES THAT INFRINGE ON THE ORDER OF ADMINISTRATION

ФОМИНА Татьяна Федоровна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: fatzoes@yandex.ru
FOMINA Tatiana Fedorovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Affairs St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: fatzoes@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматриваются особенности порядка управления, как объекта административно-деликтной охраны, раскрывается его понятие и отдельные признаки. Автором выявлены отдельные проблемы действующего законодательства об административных правонарушениях, предложены пути их решения.*

Abstract: *the article examines the features of the management procedure as an object of administrative and tort protection, reveals its concept and individual features. The author identifies individual problems of the current legislation on administrative offenses, and suggests ways to solve them.*

Ключевые слова: *государственное управление; порядок управления; административная ответственность; административные правонарушения; паспорт; официальный документ.*

Keywords: *public administration; management procedure; administrative responsibility; administrative offenses; passport; official document.*

Для цитирования*: Фомина Т.Ф. Некоторые проблемы законодательства об административных правонарушениях, посягающих на порядок управления // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 259-261. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_259.*

For citation*: Fomina T.F. Some problems of legislation on administrative offenses that infringe on the order of administration // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 259-261. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_259.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это степень вредоносности и опасности для общества административных правонарушений, посягающих на установленный порядок управления. Порядок управления представляется важнейшим институциональным элементом организации современного общества и государства. Государственное управление это институт, обеспечивающий функционирование множества государственно-значимых и общественно-важных механизмов. Нанесение вреда установленному порядку управления несет существенные риски для большого спектра общественных, государственных и частных интересов.

Второй фактор – степень распространенности административных правонарушений, посягающих на порядок управления. Так, в 2024 году было всеми субъектами административно-юрисдикционной деятельности рассмотрено 477 987 административное правонарушение против порядка управления[1]. Несмотря на небольшое снижение (на 1,27 % ниже аналогичного показателя прошлого года) общее число регистрируемых правонарушений (восьмое место по удельному весу в структуре всех видов правонарушений) свидетельствует о существующих недостатках в применении мер противодействия административным правонарушениям против порядка.

Третий фактор – существующие проблемы квалификации административных правонарушений, посягающих на порядок управления. Данные проблемы свойственны для большого количества правонарушений, подпадающих под соответствующую квалификацию. Их наличие в существенной степени затрудняет возможность эффективной реализации административно-деликтного механизма противодействия правонарушения в области установленного порядка управления.

Институт административной ответственности призван обеспечивать защиту множества групп общественных отношений, интересов большого числа физических и юридических лиц, общества и государства. В подобной ситуации одним из важнейших вопросов следует считать установление и определение объектов административно-правовой охраны. Сказанное в полной мере относится и к такому объекту административно-правовой охраны, как порядок управления. Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ)[2] предусмотрена отдельная глава, в которой сосредоточены меры ответственности за различные виды административных правонарушений, посягающих на порядок управления – глава 19.

В административно-правовой литературе, при рассмотрении вопросов об административных правонарушениях соответствующей категории, о механизмах и содержании института административно-правовой охраны, авторы, как правило, лишь презюмируют наличие соответствующего понятия, не раскрывают его терминологическое содержание и признаки. Достаточно точное определение управления дал Г.В. Атаманчук, отметивший, что «Управление — это целеполагающее, т. е. созидательное, продуманное, организующее и регулирующее воздействие людей на

[1] Административные правонарушения // Судебная статистика Российской Федерации URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1 (дата обращения: 15.11.2025).
[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1.

собственную общественную жизнедеятельность, которое может быть осуществлено как непосредственно (в формах самоуправления), так и через специально созданные органы и структуры (государственные органы, политические партии, общественные объединения, предприятия, общества, союзы и проч.)»[1]. В свою очередь, под государственным управлением понимается «основанная на законе, юридически властная, исполнительно-распорядительная, организующая деятельность органов исполнительной власти (органов государственного управления), состоящая в непосредственном руководстве административно-политическим, социально-культурным и хозяйственным строительством, а также правоохранительная деятельность, направленная на обеспечение законности, прав и свобод граждан, охрану собственности и общественного порядка, борьбу с преступностью»[2].

Следует отметить, что на сегодняшний день имеется ряд существенных проблем законодательства в области административных правонарушений против порядка управления. Учитывая степень вредоносности данных правонарушений, уровень их распространенности, полагаем, что определение путей совершенствования, как законодательства, так и правоприменительной практики в обозначенной области – это актуальное и важное направление научно-исследовательской деятельности.

Некоторые проблемы могут возникнуть при квалификации административных правонарушений, предусмотренных ст.ст. 19.16 и 19.17 КоАП РФ. В данном случае проблема заключается в том, что законодатель использует общее и частное понятие при описании единого состава административного правонарушения. Действительно, паспорт является документом, удостоверяющим личность. Вместе с тем, не только паспорт может быть признан таковым.

В качестве удостоверения можно назвать и заграничный паспорт. Для лиц без гражданства удостоверяющими личность документами признаются разрешение на временное проживание, а также вид на жительство, удостоверение лица, в соответствии с законодательством признанного беженцем. Возникает логичный вопрос, есть ли состав правонарушения в том числе, если незаконные действия касаются не паспорта, а иных документов, удостоверяющих личность.

И в данном случае интерес вызывает вопрос о том, возможно ли по ст.ст. 19.16 и 19.17 КоАП РФ привлекать в случае, если предметом правонарушения выступает иной документ, удостоверяющий личность? Мнения ученых по данному поводу разделились – одни считают, что можно[3], другие указывают на невозможность такой квалификации[4]. Опрошенные нами сотрудники полиции заняли однозначную позицию (приложение 1).

На наш взгляд, расширение действия ст.ст. 19.16 и 19.17 КоАП РФ в данном случае нецелесообразно. Напротив, необходимо именно уточнить предмет действия данных административно-правовых норм, сузить исключительно до паспорта, как основного документа, удостоверяющего личность.

действия данных административно-правовых норм, сузить исключительно до паспорта, как основного документа, удостоверяющего личность.

Еще одной проблемой законодательства в области административных правонарушений, посягающих на порядок управления, является отграничение данных правонарушений от смежных составов уголовно-наказуемых деяний. В частности, данная проблема проявляется при отграничении правонарушения, предусмотренного ст. 19.23 КоАП РФ и преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ. Однако рассматривая данные составы, необходимо отметить их сложность и схожесть между собой, а определить степень опасности можно только в результате детального анализа состава деяний[5].

Анализ положений ст. 19.23 КоАП РФ и ст. 327 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что разграничить данные деяния по таким признакам, как предмет противоправного посягательства, а также тяжесть последствий невозможно. Так, в ч. 1 ст. 327 УК РФ говорится об официальном документе, а в ст. 19.23 КоАП РФ – просто о документе. Вместе с тем, очевидно, что любой документ, выданный в установленном законом порядке, уполномоченными органами является официальным. Использование неофициального документа для предоставления права или освобождения от обязанности, очевидно, невозможно. Также невозможно разграничить данные деяния по признаку предмета в контексте определения документа, удостоверяющего личность, о чём мы писали выше.

Таким образом, можем сделать однозначный вывод о том, что законодатель, предусмотрев два вида противоправных деяний в сфере посягательств на установленный порядок управления, не указал на критерии их разграничения. Решением проблемы видится формулирование таких критериев.

Подводя итог, отметим, что под порядком управления, как объектом административно-правовой охраны следует понимать «закрепленный в законодательстве и иных нормативных актах, установленный от имени и по поручению государства порядок осуществления распорядительной (исполнительной) деятельности органов власти». Одним из средств обеспечения охраны порядка управления выступает институт административной ответственности. Законодатель обеспечил формулирование норм (прежде всего, в рамках КоАП РФ), регламентирующих составы деяний, совершение которых причиняет или создает угрозу причинения вреда порядку управления. Действующее законодательство об админи-

[1] Атаманчук Г. В. Управление в жизнедеятельности людей. — М.: РАГС, 2008. — 400 с.
[2] Административное право: курс лекций / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Равнюшкина А. В. — 2-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. С. 18.
[3] Гандич, О.Г. Проблемы квалификации административных правонарушений, посягающих на порядок управления / О.Г. Гандич // Аллея науки. – 2023. – Т. 1, № 9(84). – С. 350-353.
[4] Сухова, А.И. Административные правонарушения против порядка управления / А.И. Сухова // Академия педагогических идей Новация. Серия: Студенческий научный вестник. – 2020. – № 5. – С. 83-88.
[5] Ляпина О.А. Административная ответственность за нарушение установленного порядка управления // Защита прав человека в периоды внешнеполитической напряженности. Материалы Всероссийской научнопрактической конференции с Международным участием. 2021. С. 116-119.

стративных правонарушениях, посягающих на установленный порядок управления, не лишено недостатков, связанных с определением предмета отдельных составов правонарушений, а также с разграничением отдельных составов административных правонарушений от преступлений.

Список литературы

1. Атаманчук Г. В. Управление в жизнедеятельности людей. — М.: РАГС, 2008. — 400 с.
2. Административное право: курс лекций / под общ. ред. канд. юрид. наук, доц. Равнюшкина А. В. — 2-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. С. 18.
3. Гандич О.Г. Проблемы квалификации административных правонарушений, посягающих на порядок управления / О.Г. Гандич // Аллея науки. – 2023. – Т. 1, № 9(84). – С. 350-353.
4. Сухова А.И. Административные правонарушения против порядка управления / А.И. Сухова // Академия педагогических идей Новация. Серия: Студенческий научный вестник. – 2020. – № 5. – С. 83-88.
5. Ляпина О.А. Административная ответственность за нарушение установленного порядка управления // Защита прав человека в периоды внешнеполитической напряженности. Материалы Всероссийской научнопрактической конференции с Международным участием. 2021. С. 116-119.

References

1. Atamanchuk G. V. Management in human life. Moscow: RAGS, 2008. 400 p.
2. Administrative law: a course of lectures / under the general editorship of the candidate. jurid. Sciences, assoc. Ravnyushkina A.V. — 2nd ed., revised and add. — St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. p. 18.
3. Gandich O.G. Problems of qualification of administrative offenses encroaching on the order of administration / O.G. Gandich // Alley of Science. - 2023. – Vol. 1, No. 9(84). – pp. 350-353.
4. Sukhova A.I. Administrative offenses against the order of management / A.I. Sukhova // Academy of Pedagogical Ideas Novation. Series: Student Scientific Bulletin, 2020, No. 5, pp. 83-88.
5. Lyapina O.A. Administrative responsibility for violating the established management procedure // Protection of human rights during periods of foreign policy tension. Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference with International participation. 2021. pp. 116-119.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_262

УДК 342

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF TAX LEGISLATION

ПЕТРОГРАДСКАЯ Альбина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета.
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская обл., 443090, Россия.
E-mail: petrogradckaya@yandex.ru

PETROGRADSKAYA Albina Alexandrovna,
candidate of law, associate Professor departments of theory of law and Public Law Disciplines Samara state University University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, Samara region, 443090, Russia.
E-mail: petrogradckaya@yandex.ru

ПЕСТОВА Мария Владимировна,
магистрант 2 курса кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета (СГЭУ).
443090, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: pestowa.masha2002@yandex.ru

PESTOVA Maria Vladimirovna
Master of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines Samara State University of Economics (SSEU).
443090, Russia, Samara region, Samara, Sovetskoy Armii street, 141.
E-mail: pestowa.masha2002@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются актуальные проблемы применения административной ответственности за правонарушения в области налогов и сборов в Российской Федерации. Анализируются особенности административно-правового регулирования налоговых правоотношений, выявляются основные трудности правоприменительной практики, связанные с квалификацией правонарушений, определением субъектов ответственности и исполнением постановлений по делам об административных правонарушениях. Обосновывается необходимость совершенствования механизмов административного принуждения в налоговой сфере и разграничения налогового контроля и административной юрисдикции.*

Abstract. *The article discusses the current problems of the application of administrative responsibility for violations in the field of taxes and fees in the Russian Federation. The article analyzes the features of administrative and legal regulation of tax relations, identifies the main difficulties of law enforcement practice related to the qualification of offenses, the definition of subjects of responsibility and the execution of decisions in cases of administrative offenses. The necessity of improving the mechanisms of administrative coercion in the tax sphere and the differentiation of tax control and administrative jurisdiction is substantiated.*

Ключевые слова: *административная ответственность, налоговые правонарушения, налоговый контроль, КоАП РФ, Налоговый кодекс РФ, административное принуждение.*

Keywords: *administrative responsibility, tax offenses, tax control, Administrative Code of the Russian Federation, Tax Code of the Russian Federation, administrative coercion.*

Для цитирования*: Петроградская А.А., Пестова М.В. Административные правонарушения в сфере налогового законодательства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 262-264. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_262.*

For citation*: Petrogradskaya A.A., Pestova M.V. Administrative offenses in the field of tax legislation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 262-264. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_262.*

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026

Закреплённая в статье 57 Конституции Российской Федерации фундаментальная обязанность граждан и организаций по уплате обязательных платежей (налогов и сборов) составляет базис финансовой системы государства [9]. Работоспособность всей налоговой системы неразрывно связана с наличием эффективных мер государственно-правового принуждения, предназначенных для поддержания должного уровня налоговой дисциплины. Следовательно, особое место в структуре правового режима налогообложения отводится административно-правовой ответственности, которая служит основным механизмом, обеспечивающим реакцию государства на правонарушения в сфере налогового законодательства.

Правовой режим административной ответственности, применяемый в налоговой сфере, в настоящее время характеризуется наличием комплекса системных проблем. Эти вызовы охватывают как сферу нормативно-правового регулирования, требующего корректировки, так и практическую деятельность уполномоченных органов. В связи с этим, исследование и критический анализ указанных проблем приобретают особую научную и практическую значимость.

Эффективное государственное принуждение является необходимым условием для стабильности фискальных поступлений в бюджет. Тем не менее, применение властного воздействия происходит не бесконтрольно, а в строгом соответствии с правовой системой, чья задача — систематизировать властное воздействие и упорядочивать налоговые правоотношения. Из-за специфики налоговых санкций, нормы, регулирующие ответственность за налоговые правонарушения, составляют ядро административных мер принуждения [3].

Масштабные экономические реформы в Российской Федерации в 1990-е годы стали катализатором значительного увеличения числа

налоговых деликтов. Суть этих нарушений заключалась в неисполнении субъектами экономической деятельности конституционной обязанности по уплате установленных законом фискальных платежей. В свете описанных трансформаций перед административно-правовой доктриной была поставлена актуальная задача — не только совершенствовать методики выявления и квалификации налоговых правонарушений, но и глубоко исследовать процедурно-правовой инструментарий привлечения виновных лиц к юридической ответственности [1, с. 40]. Эволюция налогового законодательства и усложнение фискальных правоотношений послужили предпосылками для появления новых видов правонарушений, что, в свою очередь, обусловило необходимость комплексной модернизации института юридической ответственности в налоговой сфере. Эффективное функционирование налоговой системы представляет собой фундаментальный критерий и неотъемлемый атрибут современного правового и демократического государства [2, с. 77].

Налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое Налоговым кодексом Российской Федерации установлена ответственность [12]. Российское законодательство устанавливает комплекс мер юридической ответственности за нарушения налогового законодательства, который охватывает дисциплинарную, налоговую, административную и уголовную формы [6]. При этом административные правонарушения в налоговой сфере влекут за собой ответственность, регламентируемую нормами КоАП РФ и, частично, законодательными актами регионального уровня [8].

Отличительные черты административной ответственности за нарушение налогового законодательства включают субъектный состав, то есть возможность привлечения к ответственности как граждан, так и организаций (юридических лиц), и наличии как умышленной, так и неосторожной формы вины [10]. Этот институт базируется на общепризнанном правовом принципе, согласно которому незнание или неверное толкование законодательных положений не аннулирует обязанность нести ответственность [7]. Все составы таких правонарушений систематизированы в КоАП РФ, преимущественно в его главе 15 [11].

Согласно действующему законодательству, основными формами ответственности за фискальные правонарушения являются налоговая и административная. При этом анализ правоприменения статей 15.3–15.6 и 15.11 КоАП РФ указывает на распространенность ошибок, возникающих вследствие недостаточно корректного толкования положений налогового и связанного с ним законодательства. Результатом этого становятся нарушения в процессе квалификации деяний, необоснованный выбор субъекта ответственности, а также неадекватное назначение административных взысканий.

Налоговый кодекс РФ объединяет в себе две ключевые формы административной юрисдикции. Первая из них включает процедуру рассмотрения и пересмотра дел о нарушениях фискального законодательства с целью применения мер административного принуждения (как штрафного, так и восстановительного характера) к участникам налоговых отношений (кредитным организациям, налоговым агентам и налогоплательщикам). Вторая форма представлена институтом административного обжалования.

Хотя Раздел 7 НК РФ формально закрепляет право на административное оспаривание таких мер, как предупредительные, пресекательные и обеспечительные, на практике данный механизм редко используется субъектами, что связано с его низкой результативностью в сравнении с судебной защитой.

Меры административной ответственности и связанное с ними административное принуждение в сфере налогов и сборов применяются согласно КоАП РФ. Они адресованы должностным лицам организаций-налогоплательщиков, а также налоговым агентам и кредитным организациям.

Положения об этой ответственности (статьи 15.3–15.9, 15.11) интегрированы в главу 15 КоАП РФ. Примечательно, что, хотя налоговые обязательства несет организация, административную ответственность по КоАП РФ за их неисполнение несут должностные лица, на которых возложена функция контроля.

В то же время, принудительное исполнение фискальных обязательств субъектами регулируется исключительно Налоговым кодексом РФ. На фоне этих различий, в последние годы актуализировалось субсидиарное применение гражданско-правовых институтов для более полного обеспечения исполнения налоговых обязательств. Исходя из того, что основанием ответственности всегда является нарушение правовой нормы, представляется методологически обоснованным рассматривать юрисдикционный процесс как единый цикл установления и реализации юридической ответственности.

Юридическая ответственность на стадии возникновения сталкивается с проблемой латентности. Это проявляется в двух взаимосвязанных недостатках: сложности идентификации противоправного деяния (отсутствие четкого разграничения с правомерным поведением и недостаток гарантий для субъекта) и неполноте реализации ответственности, когда она должна быть применена. На стадии установления доминирует риск формального подхода. Стремление к быстрому рассмотрению значительного объема дел в сжатые сроки препятствует проведению полного, объективного и всестороннего анализа обстоятельств правонарушения. Данный подход ведет к принятию решений без учета индивидуальных особенностей дела, что потенциально подрывает законность и обоснованность юрисдикционного акта [4].

Надлежащая реализация юридической ответственности прямо коррелирует с ее эффективностью. Наибольшие проблемы в правоприменении связаны с исполнением постановлений о применении административной ответственности: по различным оценкам, только 5–10% вступивших в силу решений по делам КоАП РФ исполняются в полном объеме [13, с. 89].

Причинами этого являются пробелы в регулировании (отсутствие системы стимулирования и надлежащих механизмов принуждения) и неопределенность правовых норм. Для компенсации этих недостатков и обеспечения принудительного взыскания фискальных платежей (нало-

гов, пеней, штрафов) в условиях дефицита бюджета государственные органы прибегают к субсидиарному использованию институтов гражданского права. Это позволяет решать публично-правовые задачи с помощью механизмов, предназначенных для регулирования частных имущественных отношений между равными сторонами [5].

Неопределенность правового регулирования в Налоговом кодексе РФ обусловлена отсутствием надлежащего разграничения двух ключевых процедур: налогового контроля и производства по делам о нарушениях фискального законодательства. Столь же значимым недостатком является недостаточная детализация и формализация стадий производства по административным налоговым деликтам.

Эти пробелы в законодательстве создают правовую коллизию, что, в свою очередь, препятствует полноценной реализации правового статуса субъектов, к которым применяются меры юридической ответственности и административного принуждения, предусмотренные Налоговым кодексом.

Для повышения эффективности административной ответственности за налоговые правонарушения представляется необходимым:

1. Нормативно закрепить чёткое разграничение налогового контроля и административной юрисдикции;
2. Унифицировать подходы к определению субъектов административной ответственности;
3. Повысить уровень процессуальных гарантий лиц, привлекаемых к ответственности;
4. Усовершенствовать механизмы исполнения административных наказаний.

Реализация указанных мер позволит повысить правовую определённость, укрепить налоговую дисциплину и обеспечить баланс публичных и частных интересов.

Заключение

Административная ответственность является важнейшим элементом системы обеспечения налоговой дисциплины. Вместе с тем существующие проблемы правового регулирования и правоприменения снижают её эффективность. Совершенствование института административной ответственности в области налогов и сборов должно осуществляться комплексно, с учётом конституционных принципов, интересов государства и прав налогоплательщиков. Только при таком подходе административная ответственность сможет выполнять свою превентивную и охранительную функцию в полной мере.

Список литературы:

1. Административная ответственность: учебно-методическое пособие / сост. Л.А. Гречина. - Ярославль: ЯрГУ, 2019. - 48 с.
2. Административное право: учебное пособие / сост. О.Т. Обенко. Караваево: Костромская ГСХА, 2018. 106 с.;
3. Воронов, А.М., Кондратьев, С.В. Актуальные вопросы юридической ответственности за правонарушения в области налогов и сборов / А.М. Воронов, С.В. Кондратьев // Публичное и частное право. - 2015. - № 1. - С. 243-245.
4. Головина, В.В. Основные проблемы административной ответственности за нарушение налогового законодательства / В.В. Головина // Молодой ученый. - 2019. - № 52 (290). - С. 116-120.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
6. Кириллов, М.А., Смирнов, А.Р. К вопросу о возбуждении уголовного дела по налоговым преступлениям по материалам налоговой проверки / М.А. Кириллов, А.Р. Смирнов // Вестник РУК. - 2025. - №3 (61). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozbuzhdenii-ugolovnogo-dela-po-nalogovym-prestupleniyam-po-materialam-nalogovoy-proverki (дата обращения: 13.12.2025).
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание Законодательства РФ. - 2015. - № 10. - Ст. 1391.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 1 (Ч. 1). - Ст. 1.
9. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). - URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.12.2025).
10. Ломовцева, Л.А., Кравченко, Н.А. Основания для привлечения к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах / Л.А. Ломовцева, Н.А. Кравченко // Вестник экономики и права. - 2025. - №107. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-dlya-privlecheniya-k-otvetstvennosti-za-narushenie-zakonodatelstva-o-nalogah-i-sborah (дата обращения: 13.12.2025).
11. Налоги и налоговая система: Учебное пособие/ А.Г. Дмитриева. - Чебоксары: Чувашская ГСХА, 2017. - 175 с.;
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3824.
13. Сафронов, В.В. Претерпевание неблагоприятных правовых последствий, наступивших в результате совершения налогового правонарушения: монография / В.В. Сафронов. - Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. - Красноярск, 2016. - 140 с.

References:

1. Administrative responsibility: an educational and methodical manual (2019) / Ed. by L.A. Grechina. Yaroslavl: YarGU. 48 p.
2. Administrative law: a textbook (2018) / Ed. by O.T. Obenko. Karavaevo: Kostroma State Agricultural Academy. 106 p.
3. Voronov, A.M., Kondratiev, S.V. (2015) Actual issues of legal liability for offenses in the field of taxes and fees / Ed. by A.M. Voronov, S.V. Kondratiev // Public and private law. - No. 1. - pp. 243-245.
4. Golovina, V.V. (2019) The main problems of administrative responsibility for violation of tax legislation / Ed. by V.V. Golovina // Young scientist. - № 52 (290). - pp. 116-120.
5. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 07/31/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32. - Art. 3301.
6. Kirillov, M.A., Smirnov, A.R. (2025) On the issue of initiating a criminal case on tax crimes based on the materials of a tax audit / Ed. by M.A. Kirillov, A.R. Smirnov // Bulletin of the RUK. - №3 (61). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozbuzhdenii-ugolovnogo-dela-po-nalogovym-prestupleniyam-po-materialam-nalogovoy-proverki (date of request: 12/13/2025).
7. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ dated 08.03.2015 (as amended on 31.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2015. - No. 10. - Art. 1391.
8. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 11/28/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 1 (Part 1). - Art. 1.
9. Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). - URL: http://www.pravo.gov.ru (date of request: 05.12.2025).
10. Lomovtseva, L.A., Kravchenko, N.A. (2025) Grounds for prosecution for violation of legislation on taxes and fees / Ed. by L.A. Lomovtseva, N.A. Kravchenko // Bulletin of Economics and Law - No.107. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-dlya-privlecheniya-k-otvetstvennosti-za-narushenie-zakonodatelstva-o-nalogah-i-sborah (date of reference: 12/13/2025).
11. Taxes and the tax system: A textbook (2017) / Ed. by A.G. Dmitrieva. Cheboksary: Chuvash State Agricultural Academy. 175 p.;
12. The Tax Code of the Russian Federation (part one) dated 07/31/1998 No. 146-FZ (as amended on 10/15/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1998. - No. 31. - Art. 3824.
13. Safronov, V.V. (2016) The suffering of adverse legal consequences resulting from the commission of a tax offense: a monograph / Ed. by V.V. Safronov. - Siberian Aerospace University. - Krasnoyarsk. - 140 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_265

УДК 342.9

ВЛИЯНИЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

THE IMPACT OF POLICE LAW ON THE FORMATION OF THE MODERN CONCEPT OF ADMINISTRATIVE-LEGAL PROTECTION OF PUBLIC MORALITY

НИКИТИН Александр Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия.
664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
E-mail: Irlanz@mail.ru

NIKITIN Aleksandr Viktorovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia, Irkutsk region.
E-mail: Irlanz@mail.ru

ЛАНЦОВА Ирина Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия,
664074, Россия, г.Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
E-mail: Irlanz@mail.ru

LANTSOVA Irina Viktorovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia.
E-mail: Irlanz@mail.ru

Краткая аннотация. *Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения баланса между свободой личности и защитой общественных моральных ценностей, что невозможно без чёткого понимания роли полицейского права в административно-правовой системе. Исследование данного вопроса позволит глубже осмыслить механизмы защиты общественной нравственности и выработать рекомендации по совершенствованию правового регулирования в данной сфере. Авторы ставят перед собой цель проанализировать влияние полицейского права на формирование современной концепции административно-правовой защиты общественной нравственности, выявить основные правовые механизмы и инструменты, используемые полицией для защиты моральных ценностей, а также обозначить существующие проблемы и перспективы развития данной сферы.*

Abstract. *The relevance of this topic stems from the need to ensure a balance between individual freedom and the protection of public moral values, which is impossible without a clear understanding of the role of police law in the administrative-legal system. Research into this issue will allow for a deeper understanding of the mechanisms for protecting public morality and the development of recommendations for improving legal regulation in this area. The authors aim to analyze the influence of police law on the formation of the modern concept of administrative-legal protection of public morality, identify the main legal mechanisms and tools used by the police to protect moral values, and outline the existing problems and prospects for the development of this area.*

Ключевые слова: *общественная нравственность, полицейское право, концепция административно-правовой защиты, моральные устои, правоотношения, административно-правовое регулирование, стигматизация граждан, система верификации.*

Keywords: *public morality, police law, concept of administrative and legal protection, moral principles, legal relations, administrative and legal regulation, stigmatization of citizens, verification system.*

Для цитирования*: Никитин А.В., Ланцова И.В. Влияние полицейского права на формирование современной концепции административно-правовой защиты общественной нравственности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 265-269. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_265.*

For citation*: Nikitin A.V., Lantsova I.V. The influence of police law on the formation of the modern concept of administrative and legal protection of public morality // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 265-269. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_265.*

Статья поступила в редакцию: 28.01.2026

Общественная нравственность – один из важнейших аспектов стабильного и гармоничного развития общества. Защита общественной нравственности является неотъемлемой частью государственной политики, и в этом контексте особое значение приобретает административно-правовое регулирование. Полицейское право[1], как система правовых норм, регулирующих деятельность полиции, играет существенную роль в формировании и реализации концепции административно-правовой защиты общественной нравственности[2].

[1] Полицейское право – это комплексный правовой институт, который представляет собой обособленную отрасль законодательства, основным предметом исследования и правового регулирования которого являются общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением государством деятельности по принудительному обеспечению публичной безопасности; общественного порядка (полицейской деятельности).

[2] Концепция административно-правовой защиты общественной нравственности – это система взглядов и принципов, определяющих подходы и механизмы, с помощью которых государство обеспечивает защиту и поддержание общественной нравственности с использованием административно-правовых инструментов. Административно-правовая защита общественной нравственности включает в себя: деятельность органов публичной власти по разработке и реализации государственной политики, которая создаёт условия для благоприятного развития социальных связей, основанных на обычаях, традициях, морали и нравственности; меры, направленные на: обеспечение физического, психического, социального, культурного и духовного благополучия граждан; нормативно-правовое регулирование общественных отношений; реализацию правовых предписаний в сфере общественной нравственности; применение мер принудительного характера в отношении лиц, ведущих асоциальный образ жизни.

В современном мире, где информационные технологии и глобализация оказывают значительное влияние на мировоззрение и ценности людей, вопросы защиты моральных устоев[1] становятся особенно актуальными. Полицейские органы, обладая полномочиями по обеспечению общественного порядка и безопасности, становятся одними из ключевых субъектов в системе защиты общественной нравственности.

Общественная нравственность – это исторически обусловленное состояние общественных отношений, которые сформировались в результате сознательной деятельности людей под влиянием обычаев, традиций, морали и нравственности [1, с. 169]. Правоотношения, рассматриваемые в данном контексте, регулируются действующим законодательством[2] и возникают в публичных местах и в киберпространстве, как особой форме публичного пространства. Общественная нравственность обеспечивает физическое благополучие граждан, психическое здоровье общества, социальное благополучие, а также духовное благополучие, как отдельных граждан, так и общества в целом.

Она соотносится с общественным порядком и общественной безопасностью как часть и целое, то есть является составной частью более широкой системы общественной безопасности и порядка.

Защита общественной нравственности имеет существенное значение по следующим причинам, во-первых, общественная нравственность формирует сознание и поведение людей, помогая поддерживать устоявшиеся нормы и принципы, которые служат основой стабильного развития общества. Моральные правила, усвоенные в детстве, становятся основой общественной жизни: они делают поведение людей предсказуемым, укрепляют доверие и снижают напряжённость в обществе. Когда граждане разделяют базовые нравственные нормы, эффективнее работают ключевые институты – школы, суды, органы власти. Сохраняя основные ценности (уважение к жизни, семье, труду), общество способно адаптироваться к переменам, не теряя своей идентичности: оно развивается, но остаётся верным традициям и культуре. Иными словами, уроки о добре и зле, интериоризированные с детства,[3] превращаются в негласные «правила игры», которые помогают людям жить слаженнее, а обществу – сохранять устойчивость в любую эпоху.[4]

Во-вторых, правовое регулирование выступает важным инструментом защиты нравственности в эпоху глобализации и информатизации общества. Оно помогает сбалансировать глобальные и локальные ценности и снизить риски негативного воздействия на общество[5], разрабатывая законы, которые учитывают как международные стандарты, так и национальные особенности; устанавливая рамки, в которых глобальные ценности могут быть реализованы с учётом местных традиций и обычаев; защищая права сообществ на сохранение своей культуры и традиций в условиях глобализации; регулируя информационный поток, чтобы снизить риски негативного воздействия на традиционные ценности при сохранении доступа к международной информации и знаниям.[6]

В-третьих, защита общественной нравственности важна для воспитания подрастающего поколения и укрепления патриотизма. Президент РФ В. В. Путин подчёркивал, что нравственные основы – это ценности, на которых строится жизнь общества, воспитываются дети и разви-

[1] Понятия «общественная нравственность» и «моральные устои» тесно связаны, но не являются полностью тождественными. Общественная нравственность – это система моральных норм и принципов, которые приняты в обществе и регулируют поведение людей в социальном контексте. Она отражает коллективное представление о добре и зле, правильном и неправильном, формируется под влиянием культуры, традиций, религии и законодательства и служит основой для поддержания порядка и гармонии в обществе. Моральные устои – это основополагающие принципы и нормы, лежащие в основе морали и определяющие представления людей о должном поведении. Они могут включать такие ценности, как честность, справедливость, уважение, ответственность и т. д. Моральные устои служат фундаментом для формирования нравственности как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Таким образом, можно сказать, что: общественная нравственность – это практическое воплощение моральных принципов в общественной жизни; моральные устои — это базовые принципы, которые лежат в основе нравственности. То есть моральные устои можно рассматривать как основу, на которой строится общественная нравственность. Первое понятие более широко и охватывает практическую сторону взаимодействия людей в обществе, а второе – обозначает фундаментальные принципы, определяющие нравственные ориентиры. В повседневном употреблении эти термины нередко используются как близкие по смыслу, особенно когда речь идёт о защите базовых моральных ценностей в обществе. Однако в научном или юридическом контексте важно учитывать различия между этими понятиями.

[2] Правоотношения, связанные с общественной нравственностью, регулируются несколькими уровнями законодательства: Конституция Российской Федерации: закрепляет основополагающие принципы, такие как равноправие (ст. 19), право на жизнь (ст. 20), защиту достоинства личности и запрет на пытки и жестокое обращение (ст. 21–25); предусматривает право на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни и другие основополагающие права, которые напрямую связаны с нравственными аспектами. Федеральные законы и иные нормативные правовые акты РФ: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 13.07.2024); Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации , информационных технологиях и о защите информации» (в части ограничения доступа к информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность) (ред. от 24.06.2025); др. Уголовный кодекс РФ: глава 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» (ст. 240–245 УК РФ); нормы, направленные на борьбу с преступлениями против личности (раздел VII УК РФ), например, убийство, доведение до самоубийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и др.; статья 243.4 УК РФ (уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков и других мемориальных сооружений). Гражданский кодекс РФ: статья 10 ГК РФ (пределы осуществления гражданских прав, запрет на действия, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу); статья 169 ГК РФ (недействительность сделки, совершённой с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности). Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. В ст. 1.2 КоАП РФ среди задач законодательства об административных правонарушениях указана защита общественной нравственности. Кодекс содержит нормы, направленные на пресечение и предупреждение правонарушений, которые могут угрожать общественной нравственности.

[3] «Интериоризированные с детства» – это моральные нормы, ценности и правила поведения, которые человек усваивает в раннем возрасте и превращает во внутренние убеждения. То есть они перестают быть просто «внешними запретами» (о которых говорят родители или учителя), а становятся частью его собственного мировоззрения и совести.

[4] Это соответствует положениям социологической теории (Э. Дюркгейм о «коллективных представлениях») и психологической концепции морального развития (Л. Колберг), где универсальные нормы выступают условием существования сложной социальной системы.

[5] Например, глобальные ценности: свобода выражения мнений, равенство и недискриминация, защита прав человека, доступ к информации, уважение к международному праву и договорённостям. Локальные ценности: традиционные семейные устои, религиозные традиции и обряды, национальные культурные особенности и язык, др.

[6] В России действует ряд законов, обязывающих социальные сети удалять контент, признанный экстремистским или нарушающим моральные нормы. Например, статья 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 31 июля 2023 года № 401-ФЗ внёс поправки в КоАП РФ, введя штрафы для соцсетей за неисполнение обязанностей по мониторингу и удалению запрещённого контента. Например, за неисполнение обязанности по ведению мониторинга соцсети и не применение мер по ограничению доступа к запрещённой информации предусмотрены штрафы до 4 000 000 рублей для юридических лиц, а при повторном нарушении – до 8 000 000 рублей. Далее, это статья 13.41 КоАП РФ, ст. 282 УК РФ, ст. 128.1 УК РФ, ст. 137 УК РФ. Кроме того, в России реализуются программы по повышению медиаграмотности в школах и вузах. Например: в рамках соглашения Минпросвещения с обществом «Знание» и «Мегафоном» в школах внедряются курсы по цифровой безопасности и медиаграмотности. Учеников учат распознавать кибербуллинг, фишинг и ненадёжные источники информации. В вузах, таких как МПГУ и НГПУ, действуют магистерские программы по медиаобразованию, включающие дисциплины вроде «Медиапсихология» и «Медиабезопасность». Проект «Поколение медиа» Минобрнауки России и РЭУ им. Г.В. Плеханова направлен на поддержку студентов, развивающих навыки в медиасфере.
Эти меры направлены на формирование критического мышления и навыков безопасного поведения в информационном пространстве.

вается страна. Защита нравственности включает в себя особую деятельность по защите прав и интересов детей, воспитанию молодёжи в духе патриотизма и моральных ценностей[1].

В-четвёртых, нравственные ценности (честность, справедливость, уважение к традициям и др.) формируют основу культурной идентичности народа, и их защита становится одним из инструментов сохранения культурного самосознания и духовных ориентиров общества в условиях информационного противоборства и пропагандистских атак[2].

В-пятых, защита общественной нравственности способствует обеспечению духовного благополучия граждан. Органы публичной власти должны с помощью различных мер (правовых, медицинских, социальных, педагогических и других) обеспечивать условия для нравственного благополучия общества и каждого человека.

Общественная нравственность занимает особое место в системе правовых категорий, выступая одновременно и целью государственной политики, и объектом правовой защиты. Это означает, что органы публичной власти разрабатывают и реализуют государственную политику, направленную на создание условий для развития нравственных общественных отношений. Правовые нормы регулируют общественные отношения, которые формируются под влиянием нравственных принципов, а государство осуществляет правоприменительные функции для защиты нравственных устоев.

При этом, административно-правовая защита строится на приоритете мер, нацеленных на обеспечение духовного благополучия граждан, а не на применении репрессивных (карательных) мер. Важно учитывать, что закон способен защищать нравственность, но не может её устанавливать: определяющую роль в формировании нравственного человека играют образование, культура и молодёжная политика. Именно они создают пространство для воспитания гармоничной личности и ответственного гражданина, тогда как право выполняет вспомогательную функцию – закрепляет и охраняет уже сложившиеся нравственные устои, не подменяя собой процесс нравственного становления личности. В этом контексте особую роль играет полицейское право – отраслевой правовой институт, обеспечивающий практическую реализацию охранительной функции государства в сфере общественной нравственности.

На основании Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 31.07.2025) органы внутренних дел наделены полномочиями, непосредственно направленными на защиту общественной нравственности, как значимого социального блага; поддержание правопорядка как условия реализации нравственных норм в повседневной жизни; предупреждение и пресечение деяний, подрывающих морально-этические устои общества. Полицейское право выступает операциональным механизмом[3], посредством которого абстрактные правовые гарантии защиты нравственности превращаются в конкретные действия: профилактические мероприятия, правоприменительные решения, взаимодействие с институтами гражданского общества. При этом, деятельность полиции сохраняет заявленный приоритет – акцент делается не на карательных мерах, а на создании условий для духовного благополучия граждан и укрепления нравственных ценностей в общественном пространстве.

Административно-правовые меры защиты общественной нравственности, реализуемые полицией, включают комплекс действий, направленных на предотвращение, ограничение и пресечение правонарушений, посягающих на моральные устои общества. Эти меры регулируются КоАП РФ и ведомственными нормативными актами, а их эффективность зависит от сочетания профилактических, ограничительных и карательных инструментов. Так, к предупредительным мерам относятся профилактические беседы с гражданами, склонными к антисоциальному поведению, например, индивидуально-профилактическая работа участкового уполномоченного полиции, проводимого им в рамках Приказа МВД России №205 от 29 марта 2019 года «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (ред. от 06.02.2024). Далее, к предупредительным мерам можно отнести правовое просвещение и информирование населения через СМИ, образовательные учреждения и общественные организации, мониторинг общественных мест и интернет- пространства для выявления потенциальных угроз (например, распространения порнографии или пропаганды наркотиков).

Пресекательные меры направлены на немедленное прекращение противоправных действий. Они включают применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия – в строго оговорённых законом случаях (регулируется главой 5 ФЗ № 3 «О полиции»), например, при сопротивлении задержанию или угрозе жизни окружающих; составление протоколов об административных правонарушениях и передачу материалов в суд – порядок регламентирован статьями 28.2–28.3 и 28.7–28.9 КоАП РФ. Таким образом, эти меры обеспечивают оперативное пресечение нарушений и последующее привлечение виновных к ответственности.

К ограничительным мерам можно отнести досмотр лиц и их вещей в целях обнаружения орудий или предметов административного правонарушения (ст. 27.7 КоАП РФ); задержание транспортного средства для пресечения нарушений правил его эксплуатации или управления (ст. 27.13 КоАП РФ); ограничение доступа в места, где совершаются правонарушения (например, притоны, нелегальные развлекательные заведения).

---

[1] Национальный проект «Молодёжь и дети», о запуске которого Владимир Путин объявил 29 февраля 2024 года, запущен по Указу Президента России Владимира Путина от 7 мая 2024 года №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Проект направлен на создание комплексной системы поддержки и развития подрастающего поколения. Он является логическим продолжением национального проекта «Образование» и призван систематизировать все существующие и новые меры поддержки для граждан в возрасте от 14 до 35 лет. Главная цель проекта – становление и развитие поколения российских граждан, которое будет патриотически настроенным, высоконравственным, ответственным и способным обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее процветание России.

[2] Информационное противоборство проявляется в использовании ИИ для таргетированных атак (создание deepfakes, подбор персонализированного контента), кибератаках на критическую инфраструктуру и психологических операциях (распространение слухов и фейков для деморализации противника). Пропагандистские атаки включают дезинформацию о военных действиях (фальсификация фактов для обоснования вторжений), искажение истории (реабилитация нацистов, отрицание роли СССР в победе над фашизмом) и экономическую пропаганд (распространение панических слухов о крахе банков или дефиците валюты). В обоих случаях активно задействуются эмоциональные триггеры – страх, гнев или сострадание, чтобы упростить восприятие сложных проблем через образы «жертвы» или «врага».

[3] Слово «операциональный» (от лат. *operatio* – «действие») в данном контексте означает: практический, прикладной, обеспечивающий реальное выполнение задач

К мерам наказания относят назначение административных штрафов за нарушения, такие как пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (ст. 6.21 КоАП РФ), мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), появление в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность (ст. 20.21 КоАП РФ). Административный арест или обязательные работы в отдельных случаях.

Эффективность таких мер однозначно зависит от нескольких факторов, одним из которых является уровень правовой осведомлённости граждан. Недостаточная информированность о требованиях законодательства приводит к частым нарушениям. Например, гражданин громко сквернословит в автобусе, полагая, что «это свобода слова» и «никто не вправе мне запретить». Непонимание того, что нецензурная брань в общественном месте – не «выражение мнения», а административное правонарушение, нарушающее общественный порядок и нравственность, приводит к задержанию лица, составлению протокола, административному штрафу или аресту.

Нехватка кадров[1], технических средств и финансирования правоохранительных органов так же ограничивает масштаб профилактической работы.

В некоторых случаях штрафы оказываются несоразмерными ущербу, причинённому правонарушением, что снижает сдерживающий эффект[2] административной ответственности, так как не соответствует принципам справедливости и разумности. Это может приводить к формальному применению санкций без учёта обстоятельств дела, что подрывает доверие к правоприменительным органам.

Реализация административно-правовой защиты общественной нравственности полицией сталкивается с рядом проблем и вызовов, связанных с взаимодействием с другими органами и обществом, определением границ между защитой нравственности и нарушением прав граждан, а также влиянием современных технологий.

Полиция часто работает изолированно от других органов власти, что снижает эффективность борьбы с правонарушениями, посягающими на нравственность. Например, недостаточная синхронизация действий с органами образования, культуры и социальной защиты затрудняет профилактику асоциального поведения.

Добровольные народные дружины (далее – ДНД) и другие общественные формирования часто привлекаются формально из-за комплекса проблем, связанных с отсутствием стимулов для участия, низким уровнем правовой культуры и недоверием к полиции. Эти факторы существенно снижают эффективность их работы и мотивацию граждан к участию в охране общественного порядка.

Законодательство не всегда чётко регулирует вопросы взаимодействия полиции с общественными организациями, что создаёт правовую неопределённость. Например, согласно Федеральному закону от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (ред. от 14.07.2022), народные дружины имеют право создаваться в виде общественных объединений и после внесения в региональный реестр начинать содействовать полиции. Однако, закон не всегда чётко определяет, к какой структуре относится то или иное объединение, что вызывает вопросы об объёме полномочий дружинников и вероятности их привлечения к ответственности. В некоторых случаях законодательство не предусматривает чётких механизмов координации между полицией и общественными организациями. Например, отсутствует единый административный регламент, определяющий тактику и механизм предупреждения и пресечения групповых нарушений общественного порядка при проведении публичных мероприятий. Это затрудняет эффективное сотрудничество и приводит к дублированию функций или пробелам в охране порядка.

В вопросах взаимодействия полиции с федеральными органами исполнительной власти (например, с ФСБ, МЧС, ФНС) часто возникают проблемы из-за нечёткого разделения полномочий и отсутствия единых стандартов планирования совместных мероприятий [3, с. 273]. Хотя закон предусматривает подготовку граждан для совместного с органами внутренних дел несения службы, порядок её реализации вызывает сомнения в качестве. Например, приказ МВД РФ от 18 августа 2014 г. № 696 «Вопросы подготовки народных дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, и по оказанию первой помощи» не всегда обеспечивает достаточный уровень обучения [2, с. 132].

Кроме того, законодательство предусматривает возможность страхования жизни и здоровья дружинников, а также дополнительные льготы и компенсации, но порядок их предоставления оставлен на усмотрение органов власти на местах. В результате в некоторых субъектах РФ такие меры не реализуются из-за недостатка бюджетных средств, а в других – вовсе не предусмотрены. Например, согласно ст. 26 Федерального закона № 44-ФЗ, народным дружинникам по месту работы должен предоставляться ежегодный дополнительный отпуск до 10 календарных дней, но без сохранения заработной платы. Это делает льготу малопривлекательной для граждан

Для устранения этих проблем требуется дальнейшее совершенствование законодательства, уточнение полномочий сторон и разработка единых стандартов взаимодействия.

[1] По данным на ноябрь 2025 года, в МВД России сохраняется острый дефицит кадров – более 172 тысяч вакантных должностей. За последние два-три года количество свободных мест увеличилось примерно вдвое.

[2] Например, штрафы для юридических лиц, ставящие их на грань банкротства. В 2014 году Конституционный Суд РФ признал неконституционными положения КоАП, устанавливающие минимальные штрафы свыше 100 тысяч рублей без возможности их снижения. Например, компании были оштрафованы на суммы от 100 до 800 тысяч рублей за нарушения, не причинившие значительного вреда. Для некоторых организаций такие штрафы грозили банкротством, что противоречило принципам соразмерности наказания. Штрафы за нарушения валютного законодательства.
По ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ штрафы за нарушения валютного законодательства часто назначаются без учёта формы вины (умышленная или неосторожная). Одинаковый штраф применяется как при умышленных действиях, так и при ошибочном понимании законодательства. Это снижает сдерживающий эффект, так как наказание не отражает степени общественной опасности деяния. Штрафы в каршеринговых компаниях в практике встречаются случаи, когда каршеринговые компании взыскивают с клиентов штрафы в размере 150 тысяч рублей за передачу управления автомобилем третьему лицу. Суды иногда снижают такие штрафы, учитывая отсутствие реального ущерба имуществу компании. Например, в одном деле штраф был уменьшен до 50 тысяч рублей, так как не было доказано причинение убытков. Штрафы за нарушения в сфере здравоохранении, так, страховщики иногда требуют с медицинских организаций штрафы, значительно превышающие фактический ущерб. Например, штраф в 280 тысяч рублей за нарушения сроков оказания медпомощи был снижен судом до 28 тысяч рублей, так как страховая компания не доказала реальных убытков.

Кроме того, развитие цифровых технологий информационного общества потребовало от полиции использования цифровых инструментов. Применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) для прогнозирования преступлений может привести к стигматизации граждан и нарушению их прав[1]. Например, алгоритмы могут ошибочно идентифицировать законопослушных людей как потенциальных правонарушителей. На основании прогнозов ИИ люди могут столкнуться с повышенным контролем со стороны правоохранительных органов, что нарушает их право на приватность и презумпцию невиновности; в обществе могут сформироваться предвзятые представления о «потенциальных преступниках», что приведёт к социальной изоляции и дискриминации невинных людей[2]. Поэтому так важна разработка этических стандартов использования ИИ в правоохранительной деятельности, включая прозрачность алгоритмов и защиту данных, внедрение систем верификации[3] информации, используемой для обучения ИИ, и контроль за её достоверностью. Повышение цифровой грамотности сотрудников и их устойчивости к информационным атакам через психологическую подготовку.

Таким образом, полицейское право остаётся ключевым инструментом административно-правовой защиты общественной нравственности, однако его эффективность требует системного совершенствования законодательства, ресурсного обеспечения и диалога с обществом.

Список литературы

1. Краткая история этики / А. А. Гусейнов, Г. Иррлитц. Москва: Мысль, 1987. 589 с.:
2. Новиков С.В. Проблемы правового регулирования подготовки сотрудников добровольных дружин в Российской Федерации / С.В. Новиков // Социально-экономические явления и процессы. 2016. №1. С. 132-135.
3. Панькина И.Ю. Основы кооперации органов внутренних дел с различными органами государственной власти в сфере обеспечения общественной безопасности / И. Ю. Панькина, Н. Ю. Захарова // Молодой ученый. 2019. № 48 (286). С. 272-275.

References

1. A Brief History of Ethics / A. A. Guseinov, G. Irrlitz. Moscow: Mysl, 1987. 589 p.:
2. Novikov S. V. Problems of Legal Regulation of the Training of Volunteer Squad Members in the Russian Federation / S. V. Novikov // Socio-Economic Phenomena and Processes. 2016. No. 1. pp. 132-135.
3. Pankina I. Yu. Fundamentals of Cooperation between Internal Affairs Bodies and Various Government Agencies in the Sphere of Public Safety / I. Yu. Pankina, N. Yu. Zakharova // Young Scientist. 2019. No. 48 (286). pp. 272-275.

[1] Стигматизация граждан – это процесс, при котором человеку или группе людей навешиваются негативные социальные ярлыки, формируется предвзятое отношение на основе предполагаемых, а зачастую и необоснованных характеристик. В результате стигматизации люди могут подвергаться дискриминации, изоляции или предвзятым оценкам, несмотря на отсутствие реальных оснований для такого отношения.

[2] В России известен случай, когда система распознавания лиц ошибочно идентифицировала невиновного человека как преступника. В 2020 году житель Москвы Антон Леушин был задержан охранниками гипермаркета «Ашан» и доставлен в полицию из-за срабатывания системы распознавания лиц. Алгоритм определил в нём человека, который несколько недель назад украл элитный алкоголь на сумму 78 тысяч рублей. Леушин провёл два часа в магазине под охраной, а затем ещё шесть часов в полицейском участке. Сотрудники полиции угрожали ему обыском квартиры и восьмилетним сроком заключения. Причина задержания стала известна только после прибытия адвоката: система распознавания лиц предположила, что Леушин может быть причастен к краже. При этом на изображении с камер человек был в медицинской маске и с бородой, что могло повлиять на точность распознавания. После объяснения адвоката Леушина отпустили без составления протокола. Он понёс расходы на срочный вызов адвоката и потерял время и нервы. Ещё один пример связан с использованием нейросетей в уголовном расследовании. В 2023 году учёный-гидролог Александр Цветков был задержан в аэропорту Домодедово по подозрению в серии убийств 20-летней давности. Основанием стало 55-процентное совпадение его лица с фотороботом, составленным в 2003 году. Несмотря на алиби (он находился в научной экспедиции) и показания свидетелей, Цветков провёл почти год в СИЗО. В итоге его оправдали. Эти случаи подчёркивают риски чрезмерного доверия к ИИ в правоохранительной сфере, особенно при отсутствии дополнительных проверок и контроля со стороны человека. Ошибки алгоритмов могут привести к серьёзным последствиям, включая нарушение прав граждан и несправедливые задержания.

[3] Система верификации – это комплекс методов, технологий и процедур, предназначенных для проверки подлинности, корректности или соответствия определённым требованиям объектов, данных, лиц или процессов.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_270

УДК 768.43

ПРИЧИНЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ: ОТ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ДО ЦИФРОВОЙ БЕЗНАДЗОРНОСТИ
CAUSES AND CURRENT TRENDS OF MINORITY DELINQUENCY IN RUSSIA: FROM SOCIAL DEADEND TO DIGITAL INSECURITY

ФИДЕЛЬ Петр Михайлович,
кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России.
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
e-mail: p_fidel@mail.ru

FIDEL Petr Mikhailovich,
Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Interior Ministry of the Russian Federation at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs.
664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, st. Lermontova, 110.
e-mail: p_fidel@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируются причины и основные тенденции правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации на основе статистических данных за 2021–2025 гг. Рассматриваются как общие (социально-экономические, политические, морально-культурные), так и специальные (безнадзорность, семейная дезорганизация, влияние цифровой среды) детерминанты девиантного поведения подростков.*

Abstract: *The article analyzes the causes and main trends of juvenile delinquency in the Russian Federation based on statistical data from 2016 to 2020. It examines both general (socioeconomic, political, and moral-cultural) and specific (neglect, family disorganization, and the influence of the digital environment) determinants of adolescent deviant behavior.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние, правонарушения, административная деликтность, причины преступности, безнадзорность, цифровая среда, профилактика, социальная дезадаптация, подростковая девиантность, интернет-риски.*

Keywords: *minors, offenses, administrative delinquency, causes of crime, neglect, digital environment, prevention.*

Для цитирования*: Фидель П.М. Причины и современные тенденции правонарушений несовершеннолетних в России: от социальной дезадаптации до цифровой безнадзорности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 270-273. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_270.*

For citation*: Fidel P.M. Causes and current trends of juvenile delinquency in Russia: from social maladaptation to digital neglect // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 270-273. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_270.*

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

Традиционно к общим причинам и условиям правонарушений несовершеннолетних относят факторы, которые можно назвать причинами и условиями всех видов правонарушений. Общие причины правонарушений несовершеннолетних являются первичным фактором, порождающим девиантное поведение подростков, в целом, и влияющим на его отдельные виды.

Общие причины и условия (или детерминанты) правонарушений несовершеннолетних включают в себя комплекс причин, вытекающих из политико-экономической ситуации в государстве и морального состояния общества. Современные экономические отношения в форме постиндустриального и цифрового капитализма полны противоречий. В свое время В. Фокс писал: «преступность и насилие возникают, когда общество дезорганизовано и бьется в тисках социальных и экономических проблем».

Моральная обстановка в обществе также является важным фактором, влияющим на уровень насилия. Низкая общая и правовая культура большинства граждан, отсутствие моральных ценностей и нравственных ориентиров, в конечном итоге, порождают отрицательные черты личности, эгоизм, потребительство, неуважение ко всем.

Современное состояние правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, в целом по Российской Федерации, и ее отдельным регионам, нельзя назвать благополучным. Несмотря на то, что наблюдается отрицательная динамика поставленных на учет несовершеннолетних правонарушителей, количество совершивших общественно опасные деяния в том числе находящихся в состоянии опьянения продолжает расти, и достигает четверть миллиона правонарушений в год, (Таб. 1.), что в свою очередь существенно осложняет криминогенную обстановку.

Таблица 1. Сведения о несовершеннолетних, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних ОВД, в 2021 – 2025 гг. (Россия)[1]

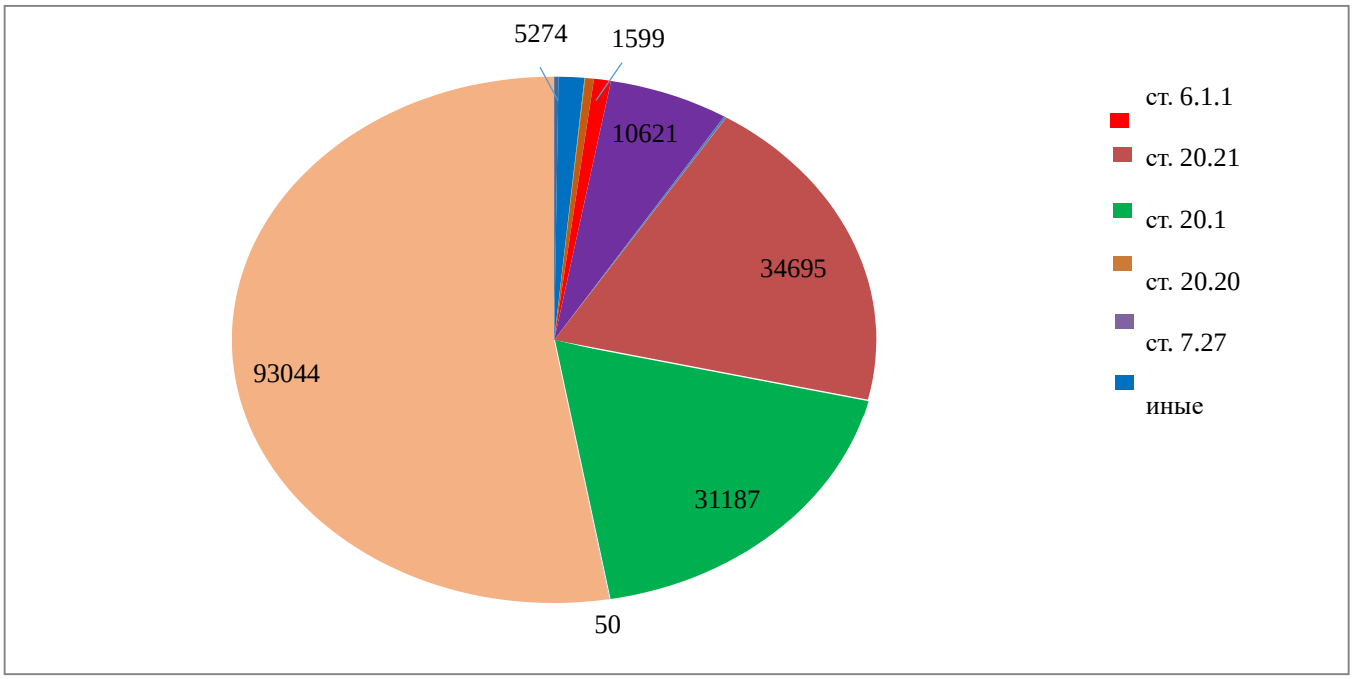
ериод	Всего состоят на учете на	В том числе	По-ставлено на учет в отчёт-ном м	В том числе					
				Со ве рш ив ши е	Допустивших потребление		Ос во бо жд ен	Не дос ти г ши х	Из бр ан а ме ра пр ес

[1]Статистические данные приводится из сборников по России о результатах работы ОВД по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за 2021 – 2025 года и сводных отчетов по России о результатах работы ОВД по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за 2021 – 2025 года.

					алкогольныхнапитко в	наркотиков	психотропных веществ			
2021	152717	7763	145855	63126	33309	1791	1123	3093	28644	19677
2022	142841	7568	147159	74545	35555	1509	1084	2561	20983	17798
2023	140211	6859	141366	72848	32943	1338	1247	2636	19546	17180
2024	131008	6523	144643	76847	38673	1462	1052	2304	18828	16005
2025	126752	5952	129006	71681	35164	2079	1123	2095	16084	14041

Главный информационно-аналитический центр МВД России, приводит данные по совершенным административным правонарушениям конкретного вида, но при этом в статистику включаются административные правонарушения, преступления, общественно опасные деяния, совершенные лицами, не достигшими возраста ответственности (речь идет как о деяниях, предусмотренных КоАП РФ, так и УК РФ), количество выявленных правонарушителей часто не совпадает с выявленными правонарушениями. Так, например, в период 2021-2025 гг. в отношении несовершеннолетних было составлено 176420 административных протоколов. Из них, 19,7 % протоколов было составлено о правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ, 17,7 % о правонарушениях, предусмотренных ст. 20.21 КоАП РФ, 13.9 % о правонарушениях, предусмотренных ст. 20.1 КоАП РФ, 8,7 % о правонарушениях, предусмотренных ст. 7.27 КоАП РФ, 4,8 %. о правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, от всех протоколов. (Рис. 1).

Рис.1. Количество протоколов об административных правонарушениях, составленных в отношении несовершеннолетних в период 2021-2025 гг.



Правонарушения несовершеннолетних чаще всего совершаются группой лиц. Поскольку в большинстве случаев групповые формы девиантного поведения обусловлены особенностями подростковой психологии социальной незрелостью, дефицитом внимания. Совершение правонарушения в соучастии с другими лицами (несовершеннолетними или взрослыми) существенно повышают степень общественной опасности указанных деяний.

Специалисты выделяют еще целый ряд правонарушений, свойственных для несовершеннолетних. Так, С.В. Кудрявцев и А.В. Дмитриев отмечают, что несовершеннолетним свойственно проявление вандализма:«К проявлениям вандализма относятся порча имущества, повре-

ждение подвижного состава общественного транспорта, нанесение на стены домов различного рода рисунков, надписей. При этом следует учитывать, что ввиду высокой общественной опасности вандализма, за совершение подобных действий также установлена и уголовная ответственность, причем возраст, с которого допускается привлечение несовершеннолетних к ответственности, снижен законодателем до 14 лет, а грань между уголовным преступлением и административным правонарушением здесь весьма условна». Причины и условия существования правонарушений несовершеннолетних в целом и их отдельных видов являются самостоятельным направлением исследований в юридической науке. Причинный комплекс может быть единым для многих видов правонарушений, и специфическим для определенных видов, в некоторых случаях в рамках одного вида девиантности иметь специфику для отдельных видов правонарушений или субъектов их совершающих. Таким образом, уже по данным основаниям можно выделить общие и специальные (специфические) причины оказывающих влияние на совершение отдельных видов правонарушений несовершеннолетними.

К общим причинам правонарушений среди несовершеннолетних многие авторы относят беспризорность и безнадзорность детей. Так, Н.И. Жучкова и Н.А. Бушина справедливо отмечают, что «одним из основных и первоначальных социальных факторов, стимулирующих рост числа правонарушений, совершенных несовершеннолетними, в современной России является сложная ситуация с организацией досуга детей и подростков по месту жительства. В течение последних десятилетий мы наблюдаем снижение доступности дополнительного образования детей в связи с сокращением числа государственных и муниципальных учреждений и ростом числа платных учреждений. Многие детские и подростковые учреждения и организации прекратили свое существование по разным причинам»[1]. Социологи полагают, что «одной из весомых причин преступности и правонарушений среди несовершеннолетних является глобальное «социальное аутсайдерство», когда молодежь и дети оказываются вне существующего общества, выталкиваются из него. Это происходит в результате дефектности социализации, которая стала носить стихийный, неуправляемый характер. В этой связи также следует отметить особую группу социальнодепривирующих факторов таких, как нарушение функционирования ряда социальных институтов, связанных с обучением, воспитанием и социализацией личности подростка».

Эту же социологическую идею разделяют и юристы. Так, А.А. Беженцев считает, что главным фактором, порождающим беспризорность и безнадзорность несовершеннолетних, является «разрушение государственной инфраструктуры социализации и общественного воспитания детей без формирования новой эффективной структуры социализации и досуга лиц, не достигших совершеннолетия»[2].

Проблемы современного общества имеют сильное влияние на несовершеннолетних и их поведение. Социальные болезни не просто оказывают прямое влияние на совершение правонарушений несовершеннолетними, но и вовлекают в свою сферу подростков. Бытовое пьянство в семье, алкоголизация родителей ведет к безнадзорности несовершеннолетних, к вовлечению их в систематическое потребление спиртных напитков и иных антиобщественных действий, разлагающе действует на ценностные позиции ребенка. В конечном итоге бытовое пьянство и алкоголизм может стать моделью жизни подростка.

Не меньшей проблемой является наркотизация несовершеннолетних. Несовершеннолетние легче всего поддаются на уговоры употребить наркотическое средство, психотропный аппарат. Это связано с тем, что психики подростка еще не устойчивая, он может легко поддаваться чужому влиянию. Кроме того, любопытство и неопытность подростка также могут являться факторами способствующими вовлечению в наркоманию или токсикоманию, попробовать что-то новое, поиск новых ощущений часто выступают решающими моментами при принятии необдуманного решения.

К специальным причинам, способствующих совершению правонарушений несовершеннолетних, относятся интернет-технологии и цифровая среда. Полагаем, что сегодня можно говорить о цифровой (виртуальной) безнадзорности несовершеннолетних. Интернет это не только глобальная информационная сеть, позволяющая быстро находить или передавать нужную информацию, общаться в онлайн-режиме независимо от времени и места нахождения, данность, которая значительно облегчает нашу жизнь и решает элементарные бытовые проблемы. Интернет также представляет реальную опасность для человека, прежде всего, несовершеннолетних. Сегодня интернет-ресурсы могут представлять опасность различного рода. Нередки случаи, что через интернет происходит склонение несовершеннолетних к действиям, представляющим угрозу для жизни и здоровья вплоть до совершения самоубийства, пропаганда насилия, распространение порнографии, наркотиков. Интернет используется для вербовки несовершеннолетних в запрещенные преступные формирования террористической или экстремистской направленности, организация участия несовершеннолетних в запрещенных акциях.

«Уходя» в Интернет-пространство, виртуальную реальность, несовершеннолетние теряют связь с объективным миром. На некоторых несовершеннолетних такое бегство в виртуальность оборачивается неадекватным поведением, и даже психиатрическими расстройствами, они становятся раздражительными и агрессивными.

Для причинного комплекса правонарушений среди несовершеннолетних характерна группа психологических причин, связанных с возрастными особенностями социализации личности. Психологические особенности личности несовершеннолетнего правонарушителя часто связаны с маленьким жизненным опытом, социальная дезориентация и отсутствие правильных жизненных ориентиров, неумением оценивать сложные ситуации.

Ж.П. Дорофеева и А.В. Карагодин указывают на основные причины правонарушений несовершеннолетних как на комплекс проблем в

[1] Жучкова Н. И. Правонарушения и преступления несовершеннолетних: политика государства и восприятие явления подростками / Н.И. Жучкова, Н.А. Бушина // Социально- политические исследования. 2019. № 2. С. 74.
[2] Беженцев, А. А. Основные детерминанты безнадзорности, совершения правонарушений несовершеннолетними и концептуальные основы методологии их устранения / А.А. Беженцев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3. Вып. 51. С. 43.

семейной сфере и ближайшем окружении: «Становление и формирование личности несовершеннолетнего происходит в таких сферах жизнедеятельности, как семейные отношения, учеба, труд и досуг, которые в совокупности образуют целостную среду обитания подрастающего поколения, влияющую на их духовное, физическое и интеллектуальное развитие. Именно в этих сферах следует искать причины негативных тенденций, происходящих в подростково- молодежной среде»[1]. На личностном уровне «причина правонарушений - это стремление лица удовлетворить противоправным (противозаконным) способом свои интересы, стремления и даже эмоции»[2]. Непосредственными причинами, способствующими совершению правонарушений несовершеннолетних, являются причины, вызванные упущениями в воспитании. Такое возможно при прямом попустительстве родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего. Проблемы, возникающие в семье, межличностного, психологического, материального характера, влияют на формирование личности подростка.

Для несовершеннолетних правонарушителей характерна импульсивность в поступках. Это сказывается и на характере, совершаемых ими правонарушений.

Анализ причин и условий правонарушений несовершеннолетних позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Во-первых необходима эффективная профилактика правонарушений несовершеннолетних, которая возможна только при комплексном подходе, сочетающем в себе восстановление инфраструктуры социализации и доступного досуга, укрепление семьи как базового института воспитания, формирование цифровой грамотности и механизмов защиты несовершеннолетних в онлайн-среде, раннюю диагностику групп риска с учётом возрастной психологии подростков. Игнорирование хотя бы одного из этих направлений снижает результативность профилактических мер, поскольку причины правонарушений несовершеннолетних функционируют не изолированно, а как взаимосвязанная система, где экономические, социальные, психологические и цифровые детерминанты взаимно усиливают друг друга. Только системное воздействие на весь причинный комплекс способно изменить неблагополучную криминогенную обстановку, сохраняющуюся в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Баранова С.А. Сравнительно-правовой анализ участия институтов гражданского общества в охране общественного порядка в российской федерации и республике Беларусь // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. —2024. № 1 (108). — С. 69—80.
2. Новичкова Е. Е. Процессуальные ошибки в производстве по делам об административных правонарушениях и пути их устранения / Е. Е. Новичкова // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 2(16). – С. 75-81. – EDN KRTAQX. (в Дайджест № 2).
3. Новичкова Е. Е. Совершенствование правового регулирования применения отдельных мер пресечения полицией // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. —2024. № 1 (108). — С. 69—80.
4. Майоров, В. И. Ответственность юридического лица в свете нового кодекса РФ об административных правонарушениях / В. И. Майоров, Е. Е. Новичкова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2(93). – С. 209-217. – DOI 10.24411/2312-3184-2020-10046. – EDN NMPIXJ. (в Дайджест № 2).
5. Матюхин О. И. Категория безопасность как основа правоотношений на объектах воздушного транспорта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. —2022. № 1 (100). — С. 187—196.

References:

1. Baranova S.A. Comparative legal analysis of the participation of civil society institutions in the protection of public order in the Russian Federation and the Republic of Belarus // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. -2024. № 1 (108). pp. 69-80.
2. Novichkova E. E. Procedural errors in proceedings on administrative offenses and ways to eliminate them / E. E. Novichkova // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2(16). – Pp. 75-81. – EDN KRTAQX. (in Digest №. 2).
3. Novichkova E. E. Improving the legal regulation of the use of certain preventive measures by the police // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. -2024. №. 1 (108), pp. 69-80.
4. Mayorov, E. E. Novichkova // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 2(93). – Pp. 209-217. – DOI 10.24411/2312-3184-2020-10046. – EDN NMPIXJ. (in Digest № 2).
5. Matyukhin O. I. Category safety as the basis of legal relations at air transport facilities // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. -2022. № 1 (100), pp. 187-196.

[1] Дорофеева, Ж.П. Общая характеристика административной деликтности несовершеннолетних в современный период / Ж.П. Дорофеева, А.В. Карагодин, Р.А. Апетян // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 64.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_274

УДК 349.681

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРАВОВОГО РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ
ACTUAL PROBLEMS OF IMPLEMENTATION AND LEGAL REGULATION OF INFORMATION RIGHTS

НАПСО Марьяна Бахсетовна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Северо-Кавказской государственной академии, г. Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика.
369015, Россия, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, улица Космонавтов, 100.
E-mail: napso.maryana@mail.ru

NAPSO Maryana Bakhsetovna ,
Doctor of Law, Professor of the department of civic law and process, North Caucasian state academy.
100 Kosmonavtov Street, Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic, 369015, Russia.
E-mail: napso.maryana@mail.ru

АГИРБОВ Тимирлан Ренатович,
студент Северо-Кавказской государственной академии.
369015, Россия, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, улица Космонавтов, 100.
E-mail: napso.maryana@mail.ru

AGIRBOV Timirlan Renatovich,
student of the North Caucasus state academy.
100 Kosmonavtov Street, Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic, 369015, Russia.
E-mail: napso.maryana@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье проблематика информационных прав рассмотрена с точки зрения специфики цифровизации, цифрового пространства, его преимуществ и рисков особенно в части свободного оборота информации. Рост злоупотреблений при реализации принципа свободы информационной деятельности неизбежно требует введения ограничительных мер в целях обеспечения безопасности индивида, общества, государства. Вследствие этого две главные ценности информационно-цифрового пространства – свобода и безопасность, приходят в некоторое противоречие. Усиление мер безопасности противоречит как содержанию самих информационных прав, так и принципам их реализации. Перманентная рискогенность среды применения информационно-коммуникационных и цифровых технологий обусловливает необходимость достижения баланса между необходимостью обеспечения безопасной информационной среды и полноценной реализацией информационных прав, что и становится главной особенностью и сложностью правового регулирования информационных прав. Другая особенность и неменьшая сложность связаны с необходимостью правового регламентирования самой цифровой, Интернет-среды, ставшей главным информационным пространством, и общественных отношений в ней. Автор указывает на амбивалентный характер зависимости информационных прав от возможностей современных технологий: они обусловливают как активное совершенствование системы информационных прав, так и рост злоупотреблений ими, - и на столь же амбивалентный характер последствий: система, механизмы реализации информационных прав расширяются на фоне усиления степени государственного воздействия и вмешательства. В качестве альтернативы последнему все больше рассматриваются социокультурные механизмы защиты прав и интересов, реализуемые вкупе с правовыми, техническими.*

Abstract: *The article examines the issues of information rights from the point of view of the specifics of digitalization, the digital space, its advantages and risks, especially in terms of the free circulation of information. The growth of abuses in the implementation of the principle of freedom of information activity inevitably requires the introduction of restrictive measures in order to ensure the security of the individual, society, and the state. As a result, the two main values of the information and digital space, freedom and security, come into some contradiction. Strengthening security measures contradicts both the content of the information rights themselves and the principles of their implementation. The permanent risk-taking nature of the environment of information, communication and digital technologies makes it necessary to achieve a balance between the need to ensure a secure information environment and the full implementation of information rights, which becomes the main feature and complexity of the legal regulation of information rights. Another feature and no less complexity is related to the need for legal regulation of the digital, Internet environment itself, which has become the main information space, and public relations in it. The author points out the ambivalent nature of the dependence of information rights on the capabilities of modern technologies: they determine both the active improvement of the information rights system and the increase in their abuse, and the equally ambivalent nature of the consequences.: The system and mechanisms for the implementation of information rights are expanding against the background of increasing government influence and interference. As an alternative to the latter, sociocultural mechanisms for the protection of rights and interests, implemented in conjunction with legal and technical ones, are increasingly being considered.*

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии, информационные права, цифровые права, информационная безопасность, информационная свобода, ограничение информационных прав, принципы оборота информации, достоверность информации.*

Keywords: *information and communication technologies, information rights, digital rights, information security, information freedom, restriction of information rights, principles of information turnover, information reliability.*

Для цитирования*: Напсо М.Б., Агирбов Т.Р. Актуальные проблемы реализации и правового регламентирования информационных прав // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 274-278. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_274.*

For citation*: Napso M.B., Agirbov T.R. Actual problems of realization and legal regulation of information rights // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 274-278. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_274.*

Статья поступила в редакцию: 20.12.2025

Современный мир переживает глубокую информационную трансформацию, применение информационно-коммуникационных технологий преобразило коммуникационные практики, интересы, потребности, информационную культуру, Коренным образом изменился не только процесс оборота информации, но и характер взаимоотношений лиц по поводу информации, само отношение к информации и взгляды на возможности ее использования в целях оказания воздействия на различные аспекты жизнедеятельности государства, общества, человека. Теперь человек наделен широкими правами и технологическими возможностями в сфере информационной деятельности. Он может оперировать лю-

бой (с известными законодательными изъятиями) информацией, по собственному усмотрению производить, получать, передавать информацию, использовать ее в разных целях, высказывать свою позицию безотносительно к тому, как она соотносится с официальными, общепринятыми, научными воззрениями, цитировать буквально или интерпретировать, прибегать к рерайтам и репостам, комментировать и т.д. Очевидно, что регулирование информационных отношений в таком дискурсе и на уровне каждого отдельно взятого индивида крайне сложно. С социокультурной точки зрения для этого необходимы развитое критическое мышления, нравственное начало и осознанный подход. Это лишний раз подтверждает актуальность всей проблематики регулирования информационных отношений и не только посредством права. Необходимость обеспечения комплексного междисциплинарного подхода кроется, во-первых, в самой природе цифрового пространства – массовости, общедоступности, неограниченной возможности самовыражения, получения информации и ее генерирования. Во-вторых, в философии постмодернизма, она выдвигает на первый план свободу субъекта, субъективный контекст в интерпретации объективного мира, плюралистичность, множественность субъективных истин. В-третьих, современному информационному обществу свойственно оперирование образами наравне с фактами, информационным образам реальности отдается все большее предпочтение. Достоверность давно стала не единственным способом восприятия и отражения реальности и ирреальности. Реалиями цифровой эпохи стали искусственные, синтезированные конструкты, содержание которых полно вариаций - от достоверного и правдоподобного до фантастического, и распространение информации в форме инфопотока, инфоатаки, инфопровокации, фейкодемии и т.д. Объективность и достоверность оказываются под давлением модификаций, видоизменений, вольных интерпретаций, исходным началом регулирования общественных отношений в сфере создания, распространения и использования информации признается информационная свобода, свобода самовыражения. В основе этих и множества иных факторов развития современной информационной среды - растущие технические возможности, развитие соответствующих технологий и практик, видоизменяющиеся информационные потребности и запросы. Вопрос обеспечения адекватного и опережающего правового регулирования в условиях технологической эволюции, быстрой смены нарративов, роста значимости информационных интересов, массовости и новизны риск-явлений всегда будет иметь актуальный характер. Неизменно догоняющий характер реагирования и правового регулирования с неизбежностью усиливает степень государственного вмешательства. Таковы, на наш взгляд, основные факторы, оказывающие влияние на развитие системы информационных прав.

Особое значение в эпоху цифры имеет реализация информационных прав в Интернете, в виртуальной среде. Согласно резолюции Совета ООН по правам человека 47/22 от 07.07.2021 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете»[1], как и резолюциям 32/14 от 27.06.2017 г. [2], 32/13 от 01.07.2016 г.[3], основными правами человека являются: 1) право на свободный доступ к информации, 2) право на свободу выражения мнения, 3) право беспрепятственно придерживаться тех или иных взглядов, 4) право на неприкосновенность частной жизни, 5) право на использование информационно-коммуникационных технологий в целях образования и развития – права доступа к Интернету в целях образования и развития. В основу этого подхода положен постулат о том, что «те же самые права, которые человек имеет в офлайновой среде, должны также защищаться в онлайновой среде, в частности, свобода выражения мнений, которая применима независимо от границ и в рамках любых выбираемых человеком средств массовой информации», а также признание Интернета в силу его глобального и открытого характера «одной из движущих сил в ускорении прогресса в направлении развития в его различных формах». Это позволяет говорить о придании особой важности таким правам, как права на свободу выражения мнения и права доступа к Интернету. Поэтому в резолюции Совета ООН по правам человека 47/22 от 07.07.2021 г. особую озабоченность вызывают развитие тренда по установлению ограничений в Интернете, блокировка Интернета, онлайн-цензура, ограничения информационных прав лиц в Интернете, в том числе и для обеспечения безопасности. Поэтому в вопросе о принятии правительствами мер против дезинформации, дискриминации, вражды и насилия прежде всего указывается на то, что при этом «не следует упускать из внимания международные обязательства по правам человека. Доступ в Интернет должен быть открытым, надёжным и безопасным».

Несомненно, превращение Интернета «из средства хранения и распространения информации» в жизненное пространство, в действенный механизм реализации прав и свобод человека, в том числе и в сфере информации, способствует утверждению нового права – права на Интернет, права на доступ к Интернету. Однако его реализация представляет объективную сложность и порождает массу противоречий. С одной стороны, значение Интернета в жизни индивидов, групп, общества и государства постоянно возрастает, с другой, это «подразумевает явную необходимость правового контроля коммуникаций, осуществляемых в данной информационной сети». Сама природа виртуального пространства, с одной стороны, способствует движению информации без ограничений, с другой, «осложняет организацию полного контроля над информацией». С одной стороны, «не всякий человек может реализовать это право по объективным техническим причинам», с другой, «если оно и реализуется технически, то зачастую ограничивается государством посредством цензуры или запретов». С одной стороны, свобода информации в Интернете позволяет получить любую информацию, соответствующую потребностям и интересам индивидов, с другой, «такая информация не всегда законна, несмотря на то, что находится в свободном доступе,… нередки ситуации, когда реализация гражданином своего права на получение, распространение информации приводит к причинению ему вреда». С одной стороны, в отношении опасной недостоверной информации (фейк, дипфейк), противоправной информации предусмотрены ограничения и ответственность только на стадии распространения,

[1] Резолюция Совета ООН по правам человека 32/14 от 07.07.2021 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете URL. Электронный ресурс: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G21/173/56/PDF/G2117356.pdf?OpenElement (дата обращения - 28.09.2024 г.)
[2] Резолюция Совета ООН по правам человека 32/14 от 27.06.2017 г. ««Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». URL. Электронный ресурс: https://spring96.org/files/misc/hrc-resolution_-human_rights_on_the-internet-ru.pdf (дата обращения - 28.09.2024 г.)
[3] Резолюция Совета ООН по правам человека 32/13 от 01.07.2016 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». URL. Электронный ресурс: https://www.refworld.org.ru/pdfid/57e9166b4.pdf (дата обращения - 28.09.2024 г.)

но с другой стороны, очевидно, что «нарушение правовых норм происходит в процессе производства информации» и «предъявление требований к содержанию и форме распространяемой информации выступает проявлением косвенного ограничения права на производство информации». Однако считается, что установление ограничений на стадии производства информации «означало бы вмешательство государства в психическую деятельность граждан, которая…не может быть урегулирована правовыми методами»[1]. Таким образом, нельзя не согласиться с И.Ю. Остаповичем и А.В. Нечкиным в том, что правовое регулирование реализации прав человека, в том числе и информационных, в Интернете – это поиск баланса.

Но это, кроме того, и учет реалий и рисков. Основная проблема в том, что реализация информационных прав в современных условиях напрямую зависит от реалий и рисков развития цифрового общества на каждом данном этапе, которые привносят в содержание основных информационных прав - права на информацию и права на доступ к информации – новые смыслы и формируют новые права. Кроме того, определенные риски несет сама реализация информационных прав, которые могут входить в противоречие друг с другом. Сказывается и разность характера правового регулирования различных информационных прав, подходов и принципов, положенных в его основу. Для наглядности обратимся к актуальной проблеме обеспечения права индивида на достоверную информацию. Право индивида в сфере информации основано на принципе индивидуальной свободы, в то время как его право на доступ к информации общественно-значимого характера, предоставляемой гражданам органами государственной власти и местного самоуправления и иными уполномоченными органами, основано на принципах открытости, транспарентности, достоверности. Конституционные нормы о полноте, достоверности, объективности информации, своевременности ее предоставления касаются именно такого рода информации (но законодательство не дает определения социально-значимой информации ни в целом, ни путем перечисления видов информации, которая к ней относится). Такой подход стал традиционным, но концепции национальной и информационной безопасности подразумевают достоверность информации применительно ко всему информационному массиву. Несомненно, в условиях постоянного генерирования и обновления больших объемов информации и наличия неограниченного доступа к информации любого рода «возникает необходимость дополнительной защиты интересов получателей информации посредством обеспечения качества информации…Таким образом, создавая условия для реализации права гражданина на доступ к информации, информационные технологии одновременно сформировали среду, облегчающую нарушение другого его права - право на информационную безопасность»[2]. Его обеспечение, по мнению большинства специалистов, имеет непосредственное отношение к решению проблемы обеспечения качества информации, ее защиты от искажений, в том числе посредством законодательного закрепления понятия достоверности информации, определения видов информации, информационных отношений, информационной деятельности, для которых достоверность как отсутствие искажений действительности имеет критически важное значение. И все же требование достоверности входит в прямое противоречие с принципами функционирования виртуального пространства, Интернета как территории анонимности и свободы и в определенное несоответствие с правом на свободу мнения.

В контексте права на самопрезентацию, самовыражение в виртуальном пространстве право физических лиц на информацию о себе не может ограничиваться сообщением о себе информации исключительно достоверного характера. Индивиды получили широчайшие возможности транслировать образ жизни, мыслей в публичное пространство; создавать, перевоплощать свой виртуальный образ, в том числе путем модификации подлинной информации, ее синтезирования. При этом следует разграничивать действия самого индивида и действия иных лиц, использующих предоставленную индивидом о себе информацию, в т.ч. в измененном виде. При наличии у индивида как права на свободу выражения, так и права на частную жизнь следует исходить из его безусловного права защитить себя от неправомерного использования (искажения) распространенной им о себе информации. Речь идет о том, что некоторые специалисты именуют информационной приватностью[3]. Другие ставят вопрос о введении, наряду с понятием «персональные данные», понятия «частная жизнь» и принятии закона «О приватности (защите частной информации граждан)»[4].

Определенную сложность представляет соблюдение баланса между реализацией индивидом права на свободу мнения (особенно по поводу острых социально-политических вопросов) и необходимостью противодействия фактам целенаправленного продвижения противоправной информации. И здесь особую актуальность имеет проблема размещения лицом материалов, содержащих признаки вредной, дискредитирующей, запрещенной информации, посредством репоста или воспроизведения мнения иного лица. Во избежание неправомерного ограничения права индивидов высказывать собственные и чужие суждения, в том числе в целях поиска ответов на злободневные проблемы, следует учитывать совокупность факторов, позволяющих говорить об опасности контента и противоправном характере действий: содержание, форму материала и комментариев, наличие умысла и фактов продвижения материала, цель, мотив, посыл, контекст, характеристики аудитории, неоднократность действий и др. – все это позволяет установить медиаэкспертиза. Очевидно, что при оценке правомерности действий индивида в первую очередь делается различие между распространением собственного или чужого контента. В первом случае речь идет о праве на свободу выражения собственного мнения, во втором, - с одной стороны, о наличии права на выражение собственного мнения по поводу мнения иного лица, с другой стороны, об ограничениях свободы лица на интерпретацию, искажение сущности чужого мнения, с третьей, о запрете на распростране-

[1] Остапович И.Ю., Нечкин А.В. Реализация и защита прав человека в сети Интернет: проблемы соотношения и баланса // Вестник СПбГУ.Право.2022. Т.13. Вып. 2. С. 565- 580. С 567,574, 575, 576.
[2] Атагимова Э.И. Право человека на информацию: вопросы обеспечения ее достоверности в цифровом информационном пространстве // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: Сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Саратов.2022. С. 443-465. С. 460, 461.
[3] Сапон И.В. Публичное и приватное в профиле социальных сетей (в свете теории С. Петронио) // Идеи и идеалы.2021. Т. 13. № 2, часть 1. С. 126-143. С. 129.
[4] Слесарев Ю.В., Лосяков А.В. Проблемы защиты конфиденциальной информации в сети Интернет: правовой аспект // Балтийский гуманитарный журнал.2018. Т. 7. № 1 (22). С.383-385. С.384.

ние запрещенного контента.

Правовые механизмы защиты личных, общественных, национальных и государственных интересов посредством обеспечения безопасности от информации ложного, противоправного, запрещенного, антигуманного характера неизбежно входят в противоречие с правом индивида на информацию и на свободу мнений. В частности, эти права нарушаются при блокировке сайтов при отсутствии на то достаточных оснований. Растущее число фактов отключений от Интернета, замедления трафика (в случае несанкционированных, массовых протестов, проявлений экстремизма и терроризма), запретов на пользование Интернетом в целом для определенной категории лиц не согласуется с правом на доступ к Интернету для получения знаний, образования. Поэтому даже правомерное ограничение доступа к Интернету может быть истолковано как нарушение права индивида на его использование в образовательных целях, в целях саморазвития.

В условиях свободного движения, использования и накопления информации растет значение и практика применения права на удаление. Кроме защиты от недостоверной, неактуальной либо незаконно распространяемой информации, правом на удаление защищаются персональные данные, право на уважение частной жизни.[1] Развитию этого права способствует и наличие большого числа баз данных, формируемых в разных формах и разными субъектами с волеизъявления лица или без. Сбор, анализ, хранение массивов информации осуществляются во многом без волеизъявления лица и проверки информации на достоверность. Бесконтрольный процесс накопления данных (в том числе нерелевантных) чреват их неправомерным обращением и использованием. В особое мере это касается функционирования государственных информационных систем (ГИС), для которых актуальность, достоверность информации – непреложный принцип. В силу этого лицо, информация о котором размещена в ГИС, наделен правом потребовать исключения из ГИС информации недостоверного и неактуального характера[2]. Развитию права на удаление способствует рост фейковой информации. Но удаление ссылок при наличии возможности «многократного копирования и сохранения на разных устройствах»[3] информации не исключает ее последующего введения в оборот, что снижает эффективность права на удаление. Следует учесть и то, что при наличии индустрии производства информации с заданными свойствами, множества источников, ее производящих и распространяющих, не представляется возможным привлечение к ответственности всех задействованных лиц. Это также снижает действенность ограничительных мер, которые, кроме того, имеют догоняющий характер. Таким образом, расширение возможностей технологий способствует развитию системы информационных прав, но рост злоупотреблений ими оборачивается введением ограничений и становлением прав, ограничивающих информационную свободу. Но особые свойства виртуальной среды, делающей ее «нечувствительной» к административному воздействию особенно в частной сфере, ограничивают ресурс действия ограничительных мер.

Еще больше сложностей возникает при реализации новых прав, реализуемых с применение информационно-коммуникационных технологий, цифровых технологий, к числу которых относят право на приватность в Интернете, право на анонимность, право на информационное самоопределение, право на свободу самовыражения, право на коммуникацию[4], «право свободно общаться и выражать мнения в сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность (обезличенность)… оцифрованной персональной информации». Новые права именуются по-разному - виртуальные права, цифровые права, т.е. права человека, «связанные с использованием новейших цифровых технологий и функционированием в цифровой среде», в основе которых базовое «право на доступ к сети «Интернет», так как все остальные цифровые права производны от использования Интернета»[5]. Зависимость не только цифровых прав, но и традиционных информационных прав от использования технологий, Интернета придает все большее значение вопросу правового регулирования Интернета и реализуемой в нем совокупности отношений, особенно в части государственного вмешательства. Сложность проблемы заключается, с одной стороны, в обеспечении полноценной концепции регулирования отношений в Интернете в единстве доктринальной, правотворческой, правоприменительной, правоохранительной, правозащитной и др. составляющих, с другой стороны, в принятии «мер быстрого реагирования» в силу динамизма развития отношений[6]. При этом необходимо глубокое знание специфики регулируемых отношений. Именно эта специфика задает пределы эффективности государственного вмешательства, среди которых называют «предел значимости» общественных отношений, «предел морального барьера», политические пределы[7].

Таким образом, на современном этапе специфика регулирования всего комплекса информационных прав обусловлена необходимостью обеспечения баланса в реализации принципа индивидуальной свободы в сфере оборота информации и применения механизмов защиты от информации определенного контента, от злоупотребления информационными правами и свободами в противоправных целях. Равноценное развитие этих двух тенденций придает процессу реализации информационных прав противоречивый характер, что закономерно в силу специфики современного информационного пространства (Интернета, виртуальности), динамизма его развития, массовости и быстрой сменяемости риск-явлений. В центре внимания находится, во-первых, полноценная реализация информационных прав добросовестными участниками инфор-

---

[1] Антопольский А.А. Права человека в Интернете: практика Европейского суда по правам человека // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т.14.-№2. С. 159-185.

[2] Амелин А.В. Презумпция достоверности информации в государственных информационных системах // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 458-462.

[3] Подрабинок Е.М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. 2019.№ 2. С.290-300. С.293.

[4] Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4 (31) . С. 16-28. С. 23, 24.

[5] Афанасьева С.А. О правах человека в условиях цифровизации // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: Материалы международной научно-практической конференции. – Саратов, 2022. С. 12-16. С. 13.

[6] Анисимова А.С. Правовое регулирование Интернета: основные пробелы и направления деятельности государства // Юридический вестник ДГУ.2020. Т. 33. № 1. С. 149-153.С. 151.

[7] Шабаева О.А. Правовая политика нормативного регулирования общественных отношений в сфере информационного пространства // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С.17-21. С.20.

мационного оборота, во-вторых, обеспечение безопасности и нивелирование угроз, в-третьих, повышение статуса и развитие системы информационных прав за счет изменения правового содержания традиционных информационных прав и возникновения новых. Новый импульс совершенствованию правовой регламентации информационных прав придаст полноценное правовое регулирования Интернета и общественных отношений, в том числе и информационных, в Интернете.

Список литературы:

1. Амелин А.В. Презумпция достоверности информации в государственных информационных системах // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 458-462.
2. Анисимова А.С. Правовое регулирование Интернета: основные пробелы и направления деятельности государства // Юридический вестник ДГУ.2020. Т. 33. № 1. С. 149-153.
3. Антопольский А.А. Права человека в Интернете: практика Европейского суда по правам человека // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т.14.-№2. С. 159-185.
4. Атагимова Э.И. Право человека на информацию: вопросы обеспечения ее достоверности в цифровом информационном пространстве // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: Сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Саратов.2022. С. 443-465.
5. Афанасьева С.А. О правах человека в условиях цифровизации // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: Материалы международной научно-практической конференции. – Саратов, 2022. С. 12-16.
6. Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4 (31) . С. 16-28.
7. Остапович И.Ю., Нечкин А.В. Реализация и защита прав человека в сети Интернет: проблемы соотношения и баланса // Вестник СПбГУ.Право.2022. Т.13. Вып. 2. С. 565- 580.
8. Подрабинок Е.М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. 2019.№ 2. С.290-300.
9. Резолюция Совета ООН по правам человека 32/14 от 07.07.2021 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете URL. Электронный ресурс: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G21/173/56/PDF/G2117356.pdf?OpenElement (дата обращения - 28.09.2024 г.)
10. Резолюция Совета ООН по правам человека 32/14 от 27.06.2017 г. ««Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». URL. Электронный ресурс: https://spring96.org/files/misc/hrc-resolution_-human_rights_on_the-internet-ru.pdf (дата обращения - 28.09.2024 г.)
11. Резолюция Совета ООН по правам человека 32/13 от 01.07.2016 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». URL. Электронный ресурс: https://www.refworld.org.ru/pdfid/57e9166b4.pdf (дата обращения - 28.09.2024 г.)
12. Сапон И.В. Публичное и приватное в профиле социальных сетей (в свете теории С. Петронио) // Идеи и идеалы.2021. Т. 13. № 2, часть 1. С. 126-143.
13. Слесарев Ю.В., Лосяков А.В. Проблемы защиты конфиденциальной информации в сети Интернет: правовой аспект // Балтийский гуманитарный журнал.2018. Т. 7. № 1 (22). С.383-385.
14. Шабаева О.А. Правовая политика нормативного регулирования общественных отношений в сфере информационного пространства // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С.17-21.

References:

1. Amelin A.V. The presumption of information reliability in state information systems // Proceedings of the Saratov University. A new series. The Economics series. Management. Right. 2017. Vol. 17. Issue 4. pp. 458-462.
2. Anisimova A.S. Legal regulation of the Internet: the main gaps and areas of government activity // Legal Bulletin of DSU.2020. Vol. 33. No. 1. pp. 149-153.
3. Antopolsky A.A. Human rights on the Internet: the practice of the European Court of Human Rights // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol.14.-No. 2. pp. 159-185.
4. Atagimova E.I. The human right to information: issues of ensuring its reliability in the digital information space // Human rights and the politics of law in the 21st century: prospects and challenges: A collection of scientific papers based on the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. – Saratov.2022. pp. 443-465.
5. Afanasyeva S.A. On human rights in the context of digitalization // Problems of the realization of human and civil rights in the context of modern social transformations: Proceedings of the international scientific and practical conference. Saratov, 2022. pp. 12-16.
6. Glushkova S.I., Letunov E.D. The development of a new generation of human rights in the digital age // Bulletin of the University of the Humanities. 2020. No. 4 (31). pp. 16-28.
7. Ostapovich I.Yu., Nechkin A.V. Implementation and protection of human rights on the Internet: problems of correlation and balance // Bulletin of St. Petersburg State University.Pravo.2022. Vol.13. Issue. 2. Pp. 565-580.
8. Podrabinok E.M. The specifics of the exercise of the right to oblivion in the era of digitalization of society // Perm Law Almanac. 2019.No. 2. pp.290-2300.
9. UN Human Rights Council Resolution 32/14 of 07.07.2021 "Promotion, protection and implementation of human rights on the Internet URL. Electronic resource: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G21/173/56/PDF/G2117356.pdf ?openElement (accessed 28.09.2024)
10. UN Human Rights Council Resolution 32/14 of 27.06.2017 "Promotion, protection and implementation of human rights on the Internet". URL. Electronic resource: https://spring96.org/files/misc/hrc-resolution_-human_rights_on_the-internet-ru.pdf (date of appeal - 09/28/2024)
11. UN Human Rights Council Resolution 32/13 of 07/01/2016 "Promotion, protection and implementation of human rights on the Internet." URL. Electronic resource: https://www.refworld.org.ru/pdfid/57e9166b4.pdf (date of request - 09/28/2024)
12. Sapon I.V. Public and private in the profile of social networks (in the light of S. Petronio's theory) // Ideas and ideals.2021. Vol. 13. No. 2, part 1. pp. 126-143.
13. Slesarev Yu.V., Losyakov A.V. Problems of protecting confidential information on the Internet: a legal aspect // Baltic Humanitarian Journal.2018. Vol. 7. No. 1 (22). pp.383-385.
14. Shabaeva O.A. The legal policy of regulatory regulation of public relations in the field of information space // Siberian Law Bulletin. 2019. No. 3 (86). pp.17-21.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_279

УДК 340

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСКУССТВА СОЗДАНИЯ ПАРФЮМЕРИИ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
LEGAL ASPECTS OF THE ART OF CREATING PERFUMES IN THE LIGHT OF THE DEVELOPMENT OF VIRTUAL REALITY

КАЗАКОВА Евгения Борисовна,
к.ю.н., доцент, зав. кафедрой «Частное и публичное право» Пензенского государственного университета.
440026, Россия, Пензенская область, г.Пенза, ул. Красная, 40.
e-mail: 1-janni@list.ru

НАРМАТОВА Софья Эдуардовна,
студентка Юридического института Пензенского государственного университета.
440026, Россия, Пензенская область, г.Пенза, ул. Красная, 40.
e-mail: narmatova.s@yandex.ru

KAZAKOVA Evgenia B.
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Private and Public Law at Penza State University.
440026, Russia, Penza region, Penza, st. Krasnaya, 40.
e-mail: 1-janni@list.ru

NARMATOVA Sofya E.
Student of the Law Institute, Penza State University.
440026, Russia, Penza region, Penza, st. Krasnaya, 40.
e-mail: narmatova.s@yandex.ru

Краткая аннотация. *На сегодняшний день большими темпами развивается парфюмерно-косметическая отрасль как важная составляющая экономики страны. В современных реалиях происходит акцентирование внимания на культурных ценностях, символических особенностях культуры. Внедрение цифровых технологий способствует модернизации индустрии парфюмерии. Правовой интерес представляет применение технологий виртуальной реальности на рынке парфюмерии и косметики. Особое внимание в гражданском законодательстве заслуживает рассмотрение парфюмерной продукции через цифровые объекты в виртуальной реальности.*

Abstract. *Today, the perfume and cosmetic industry is developing at a rapid pace as an important component of the country's economy. In modern realities, there is an emphasis on cultural values, symbolic features of culture. The introduction of digital technologies contributes to the modernization of the perfume industry. Of legal interest is the use of virtual reality technologies in the perfume and cosmetics market. Particular attention in civil legislation deserves the consideration of perfumery products through digital objects in virtual reality.*

Ключевые слова: *индустрия парфюмерии, культурные ценности, культура, ювелирное искусство, государственная культурная политика, виртуальная реальность, цифровые объекты, гражданское законодательство.*

Keywords: *perfume industry, cultural values, culture, jewelry art, state cultural policy, virtual reality, digital objects, civil law.*

Для цитирования*: Казакова Е.Б., Нарматова С.Э. Теоретико-правовые аспекты искусства создания парфюмерии в свете развития виртуальной реальности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 279-281. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_279.*

For citation*: Kazakova E.B., Narmatova S.E. Theoretical and legal aspects of the art of creating perfumes in the light of the development of virtual reality // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 279-281. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_279.*

Статья поступила в редакцию: 29.01.2026

В современных реалиях происходит активное внедрение цифровых технологий в промышленность, в частности, парфюмерно-косметическую. Определенный аромат раскрывает то или иное композиционное сочетание, сосредотачивая внимание на сердце аромата. Искусство создания аромата переплетается с культурными традициями в историческом аспекте. Особое внимание уделяется символике ароматов через призму культуры.

В научной статье К.О. Гусаровой описывается, что «...показ в современных музеях парфюмерно-косметических средств как будто определяется представлениями XIX в.: как элемент культуры повседневности представлена только парфюмерия...» [7].

Следует рассмотреть аромат как компонент культурных ценностей. Так, проводя параллель между запахом и традициями, особое внимание необходимо уделить их синергии, акцентируя внимание через призму культуры. М.А. Епанешникова рассматривает «культуру запахов» как «...специфическое средство социальной стратификации, как источник межличностных контактов...» [8].

Основой функционирования при рассмотрении парфюмерно-косметической отрасли является правовая база. С точки зрения культурной составляющей аромата следует провести параллель между культурой и правовым регулированием.

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 11 сентября 2024 года № 2501-р «О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» государственная культурная политика направлена на обеспечение приоритетного культурного и гуманитарного развития в качестве основы экономического процветания... [5].

Важно акцентировать внимание на создании флаконов парфюмерной продукции с позиции искусства. Разработка дизайна флаконов может включать в себя элементы ручной гравировки с помощью нанесения рисунка на стекло, что представляет собой возможность рассмотреть дизайн флакона как произведение искусства в свете создания аромата, акцентируя внимание на внешнем виде парфюмерной продукции, представленной в русско-народном стиле. На сегодняшний день российские бренды создают парфюмерные флаконы с ароматами, которые символизируют русский дух. К примеру, российский бренд духов «Ладаника» в аромате «Русская матрешка» символизирует «творческий потенциал русского народа» [14]. Следовательно, символика служит важной составляющей при выборе названия аромата, а также создания дизайна флакона, на примере ручной росписи, что представляет большой интерес и спрос к парфюмерной продукции со стороны потребителя. В связи с чем происходит переплетение аромата с символическим значением в культуре.

Следовательно, важно акцентировать внимание на символике русской народной культуры. Так, матрешка свидетельствует о единстве,

семье и преемственности поколений, подчеркивая идею целостности [9].

В Основах законодательства Российской Федерации о культуре (далее-Основы) отмечается неразрывная связь создания и сохранения культурных ценностей [4].

В статье 12 Основ дана регламентация права на обращение к культурным ценностям. В абзаце 3 статьи 3 зафиксировано понятие «культурные ценности». Так, на примере рассматриваемой матрешки, следует отметить взаимосвязь с культурой и традициями народа, что проявляется в их единстве и многообразии.

Следовательно, синтез парфюмерии и культуры представляет импульс в отражении культурной особенности через символику в создании аромата.

Наряду с взаимодействием культурных особенностей, раскрывающихся через символическое значение при разработке дизайна флаконов, в концепции которых закладывается определенный смысл, немаловажным является переплетение ювелирного искусства с индустрией парфюмерии.

При рассмотрении разработки парфюмерной продукции следует проследить ее синергию с драгоценными металлами и камнями, что проявляется в синтезе ювелирной отрасли и парфюмерно-косметической, основываясь на определенной стилистике в процессе создания флаконов.

В процессе взаимодействия ювелирного искусства с созданием флакона с парфюмерной композицией, следует обратиться к зарубежному опыту.

Так, мастера ювелирного дома Bvlgari сочетают искусство и аромат, работают с драгоценными камнями: аметист, бирюза, рубин и другие [11].

Обращаясь к отечественному опыту создания флаконов духов с использованием драгоценных металлов, следует упомянуть Государственный Эрмитаж, в котором под охраной находится «…золотой флакон для духов в форме павлина…» [12].

Таким образом, прослеживается взаимосвязь ювелирного искусства с парфюмерией, что делает ароматы уникальными при визуальном восприятии.

На сегодняшний день ввиду применения золота, серебра в рамках создания коллекционных флаконов следует отметить важность регулирования драгоценных металлов в правовом поле.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 26 марта 1998 № 41 ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (далее – ФЗ № 41) к драгоценным металлам относится «золото, серебро, платина и металлы платиновой группы...» [1].

В статье 20 ФЗ № 41 следует акцентировать внимание на распоряжении собранных добытых драгоценных металлах, к примеру, художниками-ювелирами. В данной статье отмечено положение о том, что «...ювелирные и другие изделия из драгоценных металлов собственного производства, нереализованные и возвращенные производителю, могут обрабатываться (перерабатываться) самостоятельно такими индивидуальными предпринимателями, художниками-ювелирами и организациями без направления на аффинаж драгоценных металлов».

Следовательно, создание флаконов в индустрии парфюмерии может включать в себя творческий аспект ввиду добавления элементов ювелирного искусства. В связи с чем в создании дизайнов флаконов аромата необходимо отметить креативную (творческую) индустрию, которую следует рассмотреть в Основах государственной культурной политики, утвержденных Указом Президента от 24.12.2014 № 808. (далее – Основы № 808) [2].

В соответствии с шестым разделом Основ № 808 отмечается формирование благоприятной институциональной среды и расширения инфраструктуры, как отмечается в Основах, для развития системы креативных (творческих) индустрий. Следовательно, сочетание ювелирной отрасли с парфюмерной способствует развитию процессов в социально-экономической сфере, а также прогрессу творческих индустрий, при этом, стимулируя инновации и активизируя экономический рост.

Творческий подход в создании парфюмерных флаконов взаимосвязан с цифровыми технологиями, среди которых особую актуальность приобретают технологии виртуальной реальности, способствующие росту спроса на ее применение в парфюмерной индустрии, с целью развития креативных индустрий.

Тенденция развития парфюмерии в виртуальной реальности представляет собой правовой интерес. Ввиду законодательной регламентации цифровых прав в статье 141.1 ГК РФ важно отметить трансформацию объектов в цифровые на примере парфюмерной продукции. Оцифровка физических флаконов парфюмерии в виртуальные осуществляется с целью демонстрации цифровой модели новой линейки ароматов, что приобретает особую актуальность в современных реалиях.

Следует проиллюстрировать кейс VR-презентации Рив Гош в 2019 году. Так, с помощью очков виртуальной реальности посетители были погружены в виртуальные сцены, связанные с ароматами [15]. Следовательно, для VR-презентации представленной парфюмерии использовались технологии виртуальной реальности посредством моделирования трехмерного пространства, с целью представления парфюмерной композиции на основе иллюстрирования различных виртуальных сюжетов.

Таким образом, развитие цифровых технологий приводит к прогрессу сквозных технологий, представленных виртуальной и дополненной реальностью, искусственным интеллектом, квантовыми вычислениями и другими, что способствует трансформации общественных отношений.

Особый правовой интерес представляют технологии виртуальной реальности. Так, использование виртуальной реальности в парфюмерной индустрии направлено на создание трехмерных моделей флаконов парфюмерной продукции.

Согласно ст. 70 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента от 2 июля 2021 года № 400, в области научно-технологического развития «внедрение новых технологий сопровождается трансформацией производства и потребления…» [3]. Следовательно, развитие цифровых технологий способствует прогрессу производственных процессов, увеличению темпов развития социально-экономической направленности, что представляет собой важный вектор национальной безопасности научно-технологического прогресса.

В современном мире тенденция развития виртуальной реальности способствует актуализации виртуальных объектов, представляю-

щих интерес в гражданском законодательстве, на примере рассматриваемых парфюмерных флаконах.

Оцифровка физических объектов, к примеру, арт-объектов, сопровождается особенностью их существования в виртуальной реальности на основе не только наличия компьютерных игр, но и использования художественных средств. В связи с чем следует провести параллель с положением в гражданском законодательстве о произведениях искусства (п. 1 ч. 1 ст. 1225 ГК РФ).

Важно акцентировать внимание на цифровом сертификате – NFT, «который подтверждает «право» владения цифровым активом...» [10]. Вследствие чего в нем содержится уникальность цифрового объекта, к примеру, картины, представленной в виртуальной реальности.

Обращаясь к зарубежному опыту, необходимо упомянуть впервые созданный NFT по аромату. В 2021 году художник и фотограф MS Olfactory создал NFT «...по мотивам парфюмерной композиции…», взяв за основу ноты аромата [13]. Отмечается, что с 2017 года происходила популяризация применения технологии невзаимозаменяемых токенов в сфере цифрового искусства [6]. Применение данной технологии способствует созданию в сфере культуры произведений искусства в цифровом виде.

Следовательно, виртуальные объекты на основе парфюмерной композиции служат новым вектором в гражданском законодательстве, представляя интерес в правовом поле к цифровым объектам, созданным на основе парфюмерных композиций.

В результате важно резюмировать, что в современных реалиях развивается соотношение парфюмерной индустрии с искусством в свете их рассмотрения через призму культурных ценностей. Особое значение приобретают юридические вопросы, касающиеся правовой базы парфюмерной продукции в свете взаимодействия с символическими особенностями культуры. Развитие креативных индустрий способствует оптимизации социально-экономическому развитию, научно-технологическому прогрессу, активному внедрению виртуальных мероприятий косметическо-парфюмерных брендов на примере показа созданных NFT. Все это, в совокупности, связано с правовым регулированием парфюмерии в процессе развития цифровых технологий, что оказывает влияние на социально-экономическое и государственно-политическое развитие.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26.03.1998 N 41-ФЗ (ред. от 07.04.2025) «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // Собрание законодательства РФ. 30.03.1998. № 13. Ст. 1463.
2. Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808 (ред. от 17.07.2025) «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2014. № 52 (часть I). Ст. 7753.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
4. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). Российская газета. № 248. 17.11.1992.
5. Распоряжение Правительства РФ от 11.09.2024 № 2501-р (ред. от 06.09.2025) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 16.09.2024. № 38. Ст. 5715.
6. Гартина, Ю. А. Теоретические аспекты правового регулирования цифрового искусства / Ю. А. Гартина, С. Э. Нарматова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 7(235). – С. 287-289. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_7_287. – EDN ABZROQ.
7. Гусарова, К. О. Проблемы представления парфюмерии и косметики в музейных экспозициях / К. О. Гусарова // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2007. – № 10. – С. 267-276. – EDN KZHCWX.
8. Епанешникова М.А. Функции запаха как феномена культуры / Епанешникова М.А // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. 2010. № 31 (212). С.31-35.
9. Исмаилова Х.Э. Матрешка как культурный аспект при обучении русскому языку как иностранному / Исмаилова Х.Э // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. №4 (105). С. 327-331.
10. Катков Д.А. Правовой статус NFT: роль и значение в современной цифровой реальности / Катков Д.А. // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. Вып. № 06 (82) С. 249-254.
11. Капля эмоций на вес золота [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. Северо-Запад 2025. № 43 С.8. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8291455 (дата обращения: 21.12.2025).
12. Парфюмеры их Величеств № 967 [Электронный ресурс] // ANTIQUELAND. Режим доступа: https://antiqueland.ru/articles/967/ (дата обращения: 21.12.2025).
13. Привалова А. За гранью возможного: как парфюмерные бренды используют возможности NFT [Электронный ресурс] // Aromo Режим доступа: https://aromo.ru/articles/reviews/za-granyu-vozmozhnogo_-kak-parfyumernye-brendy-ispolzuyut-vozmozhnosti-nft/ (дата обращения: 22.12.2025).
14. Русская матрешка [Электронный ресурс] // Мир ароматов России «Ладаника». – Режим доступа: https://ladanika.ru/matreshka (дата обращения: 20.12.2025).
15. VR-презентация Рив Гош [Электронный ресурс] // Yode Group. Режим доступа: https://yode.group/portfolio/vr-rive-gauche/ (дата обращения: 22.12.2025).

References:

1. Federal Law No. 41-FZ of 26.03.1998 (as amended on 07.04.2025) "On Precious Metals and Precious Stones" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 30.03.1998. No. 13. Art. 1463.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated December 24, 2014 N 808 (as amended on July 17, 2025) "On approval of the Fundamentals of state cultural policy" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 12/29/2014. No. 52 (Part I).
Article 7753.3. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07/05/2021. No. 27 (Part II). Article 5351.
4. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture (approved by the Supreme Council of the Russian Federation on 09.10.1992 N 3612-1) (as amended on 24.06.2025) (with amendments and additions, intro. effective from 09/01/2025). Rossiyskaya gazeta. No. 248. 11/17/1992.
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 09/11/2024 No. 2501-r (as amended on 09/06/2025) "On approval of the Strategy of State Cultural Policy for the period up to 2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 09/16/2024. No. 38. St. 5715.
6. Gartina, Yu. A. Theoretical aspects of the legal regulation of digital art / Yu. A. Gartina, S. E. Narmatova // Law and the State: theory and practice. – 2024. – № 7(235). – Pp. 287-289. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_7_287. – EDN ABZROQ.
7. Gusarova, K. O. Problems of perfumery and cosmetics presentation in museum exhibitions / K. O. Gusarova // Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: History. Philosophy. Cultural studies. Oriental studies. - 2007. – No. 10. – pp. 267-276. – EDN KZHCWX.
8. Epaneshnikova M.A. The functions of smell as a cultural phenomenon / Epaneshnikova M.A. // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Cultural studies. 2010. No. 31 (212). pp.31-35.
9. Ismailova H.E. Matryoshka as a cultural aspect in teaching Russian as a foreign language / Ismailova H.E. // Scientific Notes of the Orel State University. 2024. No. 4 (105). pp. 327-331.
10. Katkov D.A. Legal status of NFT: role and significance in modern digital reality / Katkov D.A. // Skif. Questions of student science. 2023. Issue No. 06 (82) pp. 249-254.
11. A drop of emotions is worth its weight in gold [Electronic resource] // Kommersant. North-West 2025. No. 43 p.8. Access mode: https://www.kommersant.ru/doc/8291455 (date of access: 12/21/2025).
12. Perfumers of their Majesties No. 967 [Electronic resource] // ANTIQUELAND. Access mode: https://antiqueland.ru/articles/967 / (date of access: 12/21/2025).
13. Privalova A. Beyond the possible: how perfume brands use the capabilities of NFT [Electronic resource] // Aromo Access mode: https://aromo.ru/articles/reviews/za-granyu-vozmozhnogo_-kak-parfyumernye-brendy-ispolzuyut-vozmozhnosti-nft / (date of access: 12/22/2025).
14. Russian matryoshka doll [Electronic resource] // The world of aromas of Russia "Ladanika". – Access mode: https://ladanika.ru/matreshka (accessed: 12/20/2025).
15. VR presentation by Rive Gauche [Electronic resource] // Yode Group. Access mode: https://yode .group/portfolio/vr-rive-gauche/ (accessed: 12/22/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_282

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
DEVELOPMENT OF THE CIVIL SERVICE AT THE PRESENT STAGE

ГОРЕЛОВ Илья Павлович,
доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор, генерал-майор в отставке,
профессор кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилютова, д. 1.
e-mail: denpasar83@mail.ru

КАШТАНОВА Елена Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, полковник внутренней службы,
начальник кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета
ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний».
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Сапёрная, д. 34.
e-mail: denpasar83@mail.ru

GORELOV Ilya Pavlovich,
Doctor of Military Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Retired Major General,
Professor of the Department of Police Organization at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
e-mail: denpasar83@mail.ru

KASHTANOVA Elena Aleksandrovna,
PhD in Law, Associate Professor, Colonel of the Internal Service, Head of the Department of State and Legal Disciplines
of the Faculty of Law St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service.
34 Sapernaya str., Pushkin, Saint Petersburg, 196602, Russia.
e-mail: denpasar83@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются отдельные аспекты теоретического понимания государственной службы на современном этапе.*

Abstract. *The article examines certain aspects of the theoretical understanding of public service at the current stage.*

Ключевые слова*: развитие, механизм, государственная служба, современный этап.*
Keywords: *development, mechanism, public service, modern stage.*

Для цитирования*: Горелов И.П., Каштанова Е.А. Развитие государственной службы на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 282-284. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_282.*
For citation*: Gorelov I.P., Kashtanova E.A. Development of the civil service at the present stage // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 282-284. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_282.*

Статья поступила в редакцию: 04.02.2026

Президентский Указ «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019-2021 годы» [1]. (далее – Указ Президента РФ от 24.06.2019 № 288) закрепил новые мероприятия, цель которых – дальнейшее развитие гражданской службы. Именно этим документам Правительству Российской Федерации (далее – Правительству РФ) были даны поручения по реализации развитию госслужбы и рекомендации для субъектов России в своем планировании учитывать направления данной реформы. План мероприятий конкретизирован в «дорожной карте» [2], реализация которых был привязана к определенным датам. Важным результатом реформы должно было стать сокращение количества госслужащих [3]. Правовой основой послужили постановления Правительства РФ от 16.11.2020 № 1829 [4]. и от 16.11.2020 № 1830 [5]. В частности, Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1829 в части регулирования структуры госслужбы говорит о внедрении нормативов в отношении штатной численности всех центральных аппаратов органов исполнительной власти федерального уровня (далее – ФОИВ).

В свою очередь, Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1830 всех исполнителей с 01.01.2021 обязало сократить предельное количество не только федеральных гражданских госслужащих, но и иных работников на 5 % в центральных аппаратах и, соответственно, на 10 % в их территориальных подразделениях.

Важную роль играет Указ Президента РФ от 24.06.2019 № 288, так подробно отвечающий на вопросы об отборе кандидатов на гражданскую госслужбу, а также на вопросы об их аттестации, что, как отмечается в источниках, «было забыто в период реформирования гражданской службы» [6]. Данный указ называет следующие направления для развития гражданской госслужбы, например, это совершенствование профессионализма, изменение существующего порядка назначения на службу, повышение эффективности работы служащих, внедрение и расширение работы коммуникационных и информационных технологий (далее – ИКТ), развитие социальных гарантий для служащих, повышения качества кадровой работы, и прочее.

Цель Методики прохождения испытания на гражданской госслужбе [7]. (далее – Методика 2020 года) – это повышение качества подбора на должности профессиональных кадров гражданской госслужбы. Кроме того, важной составляющей современной госслужбы является внедрение ИКТ, поскольку с технологиями связана не только реализация полномочий госслужащих, но их профессиональная подготовка. Так, Положением о федеральной государственной информационной системе управления кадровым составом гражданской госслужбы [8]. (далее – Постановление РФ от 03.03.2017 № 256) введена указанная система (далее – ЕИСУКС), созданная не только с целью повышения уровня качества организации всей госслужбы, но также для межведомственного взаимодействия посредством использования ИКТ.

Логично предположить, что введение ИКТ и использование цифровизации должно повлечь снижение затрат и расширение возможностей для госслужбы и служащих. Например, цифровизация должна позволить заметно снизить период оказания тех или иных государственных услуг (далее – госуслуг). В частности, Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении стратегического направления в

области цифровой трансформации государственного управления» [9]. (далее – Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р) утвердило мероприятия, при реализации которых до 2030 года должны быть реализованы такие проекты, как, например, «Госуслуги онлайн», для которого поставлена такая задача, как увеличение количества онлайн-услуг с 60 в текущем 2024 году до 100 в 2030 году. Принцип исполнения будут состоять в автоматическом формировании итога оказания услуги, то есть она будет предоставляться моментально.

Реализация федеральных законов «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [10]. (далее – Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ) и «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [11]. (далее – Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ) в их совокупности должна привести к совершенствованию применения показателей деятельности всех госорганов и госслужащих, что позволит, в частности, увеличить эффективность деятельности госслужащих, повысить качество предоставляемых услуг, и прочее, включая, как отмечается в литературе, ликвидацию бюрократии [12].

Начало специальной военной операции (далее – СВО), а также последующая мобилизации, начатая 21.09.2022 [13] повлияли на госслужбу, поскольку среди мобилизованных лиц есть госслужащие. Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14]. (далее – Федеральный закон от 05.12.2022 № 472-ФЗ), вступивший в силу 01.01.2023, называет основания и устанавливает процедуру для приостановления госслужбы для мобилизованных госслужащих. Во-первых, сам факт мобилизации – это основание для приостановления госслужбы. Во-вторых, на период ее приостановки за госслужащим сохраняются существующие социальные гарантии, в частности, право на медицинское обслуживание и санаторно-курортное лечение, социально-бытовое обеспечение. В-третьих, сохраняется занимаемая госслужащим должность.

Анализируя реформу, можно заключить, что одна из ее целей – внедрение специальных требований к структуре аппаратов отдельных ФОИВ, а также их территориальных органов с учетом лимитов руководителей, помощников, советников, которые были рассчитаны из количества подчиненных. Обеспечивающий штат может быть в размере до 30 % от всего штата. Данная тенденция реформы видится непоследовательной, поскольку не захватила ФОИВ, их территориальные подразделения, которые подчиняются напрямую Президенту РФ – это органы ФСБ и МВД России, иные органы. Как видим, требования по оптимизации структуры и количества сотрудников ФОИВ по неизвестным причинам не относятся к достаточно большому количеству ФОИВ, к которым крайне давно не проводилось реформ, чьей целью было бы увеличение эффективности их профессиональной деятельности. В качестве исключения является МВД России, реформа в отношении которого прошла в 2011-2012 годах. Учитывая сказанное, считаем, что требования реформы к структуре и оптимизации штатной численности необходимо распространить на все ФОИВ, как и на территориальные органы, что позволит максимально увеличить эффективность их деятельности.

Здесь необходимо отметить такой вопрос, как участие госслужащих в СВО в случае частичной мобилизации. Причины, по которым государство сегодня законодательно закрепляет разные виды помощи для участников СВО, будь то мобилизованное лицо или доброволец, очевидны. На повестке законотворческих органов стоит множество проектов, включая Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [15] (далее – Проект), который разработан Минтрудом России и пока еще не внесен в Госдуму России на обсуждение. Так, Минтруд России предлагает период участия госслужащих в СВО включать в трудовой стаж из расчета 1 день военной службы за 2 дня работы, о чем говорит пункт 2 статьи 1 Проекта. Соглашаясь, в целом, что такие изменения необходимы, а также с периодом введения предлагаемых дополнений к трудовым правам госслужащих, задействованных в СВО, отметим некоторую необъективность Проекта. В частности, речь идет о соотношении времени, засчитываемого за 1 день военной службы.

Сегодня Порядок исчисления выслуги лет для назначения военнослужащим, проходящим военную службу по контракту [16] (далее – Постановление Правительства РФ от 21.12.2011 № 1074) определяет, что отдельные военнослужащие имеют право на льготное исчисление выслуги лет, в частности:

а) 1 к 1,5 годам – на должностях, при которых военнослужащий систематически выполняет прыжки с парашютом, на воинских должностях в штатах экспедиций особого назначения и океанографических экспедиций, аварийно-спасательных отрядов, на воинских должностях в штатах боевых катеров, и прочих;

б) 1 к 2 годам – на должностях летного состава, который проводит полеты по имеющимся планам боевой, включая учебно-летную подготовки на должностях лиц, занимающихся испытанием катапульт и парашютов, и прочие.

Очевидно, что льготный стаж для названных и иных должностей введен совершенно законно и справедливо. Речь идет не просто о сложности выполняемой деятельности, но и о том, что она может быть опасной для жизни и здоровья, и всегда влияет на физическое состояние человека, на его психо-эмоциональную сферу. Данные факторы настолько серьезны, что законодатель установил для определенных профессий льготную выслугу лет.

Здесь встает вопрос о том, что данная льготная выслуга лет, как бы не были сложны и опасны отдельные военные должности и специальности, положена сегодня тем военнослужащим, которые рискуют добровольно в мирное время. Что касается мобилизованных лиц, то далеко не все из них имеют опыт военной службы и, тем более, боевой опыт. Это касается и госслужащих, которые были мобилизованы для участия в СВО. Сегодня они участвуют в военных действиях, фактически, наравне с военными; также получают ранения и так далее. Учитывая сложившуюся ситуацию, считаем нелогичным предложение Минтруда России период участия госслужащих в СВО включать в трудовой стаж из расчета 1 день военной службы за 2 дня работы. Учитывая изложенное, справедливым в данном случае может быть только введение льготного трудового стажа для госслужащих, участвующих в СВО, из расчета 1 день военной службы за 3 дня работы. Именно такое исчисление льготного стажа необходимо внести в законодательство.

Таким образом, изучение состояния госслужбы в текущем времени говорит о том, что происходит ее постоянное совершенствование с учетом ошибок и пробелов, допущенных ранее. Реформа госслужбы позволила по большей части оптимизировать, как штат, так и структуру госслужащих. Можно сказать, что цель реформы – повышение качества деятельности российской госслужбы практически достигнута. Тем более, учитывая, что реформа коснулась повсеместного внедрения цифровизации в деятельность госслужбы и введения новых принципов ее деятельности.

Список литературы

1. Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019-2021 годы: указ Президента РФ от 24.06.2019 № 288 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 26. – Ст. 3410.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019-2021 годы» от 24.07.2019 № 1646-р (ред. от 16.06.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 31. – Ст. 4669.
3. Ноздрачев А.Ф. Институт ротации в системе государственной гражданской службы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – № 5. – С. 5-22.
4. Постановление Правительства Российской Федерации «О структуре центральных аппаратов федеральных министерств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим федеральным министерствам, федеральных служб и федеральных агентств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации» (вместе с Нормативами штатной численности структурных подразделений центральных аппаратов федеральных министерств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим федеральным министерствам, федеральных служб и федеральных агентств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации) от 16.11.2020 № 1829 (ред. от 06.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 47. – Ст. 7532.
5. Постановление Правительства Российской Федерации «Об оптимизации структуры и численности федеральных государственных гражданских служащих и работников, замещающих должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы, федеральных министерств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим федеральным министерствам, федеральных служб и федеральных агентств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации» от 16.11.2020 № 1830 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 47. – Ст. 7533.
6. Керамова С.Н., Мукаилов Х.Р. Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации // Закон и право. – 2021. – № 5. – С. 87.
7. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении единой методики прохождения испытания на государственной гражданской службе Российской Федерации в федеральных органах исполнительной власти» от 15.01.2020 № 9 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 3. – Ст. 257.
8. Постановление Правительства Российской Федерации «О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации» от 03.03.2017 № 256 (ред. от 23.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 11. – Ст. 1573.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» от 16.03.2024 № 637-р // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 13. – Ст. 1837.
10. Федеральный закон Российской Федерации «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5006.
11. Федеральный закон Российской Федерации «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5007.
12. Знаменский Д.Ю., Гусаров А.С. Оценка эффективности государственных гражданских служащих Российской Федерации (теоретико-методологические основы) // Вестник ун-та. – 2020. – № 2. – С. 13.
13. Указ Президента Российской Федерации «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» от 21.09.2022 № 647 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 39. – Ст. 6590.
14. Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05.12.2022 № 472-ФЗ // Российская газета. – 2022. – № 278.
15. Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» (подготовлен Минтрудом России, ID проекта 01/05/01-23/00135035) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 13.01.2023). – Документ опубликован не был. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке исчисления выслуги лет для назначения военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, ежемесячной надбавки за выслугу лет» (вместе с Правилами исчисления выслуги лет для назначения военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, ежемесячной надбавки за выслугу лет) от 21.12.2011 № 1074 (ред. от 20.10.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 1. – Ст. 119.

References

1. On the main directions of development of the state civil service of the Russian Federation for 2019-2021: Decree of the President of the Russian Federation dated 06/24/2019 No. 288 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 26. – Art. 3410.
2. Decree of the Government of the Russian Federation "On approval of the action plan ("Roadmap") for the implementation of the main directions of development of the State civil service of the Russian Federation for 2019-2021" dated 07/24/2019 No. 1646-r (as amended on 06/16/2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 31. – Article 4669.
3. Nozdrachev A.F. Institute of rotation in the system of state civil service // Journal of Foreign legislation and Comparative Jurisprudence. – 2021. – No. 5. – pp. 5-22.
4. Decree of the Government of the Russian Federation "On the structure of the Central Offices of Federal Ministries, the management of which is carried out by the Government of the Russian Federation, federal services and Federal agencies subordinate to these Federal Ministries, federal services and Federal agencies, the management of which is carried out by the Government of the Russian Federation" (together with the Staffing Standards of the structural units of the central offices of federal ministries, whose activities are managed by the Government of the Russian Federation, federal services and federal agencies subordinate to these federal ministries, federal services and federal agencies whose activities are managed by the Government of the Russian Federation) dated 16.11.2020 No. 1829 (as amended on 06.06.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 47. – Article 7532.
5. Decree of the Government of the Russian Federation "On Optimizing the Structure and Number of Federal Government Civil Servants and Employees Holding Positions Other than Those of the Federal State Civil Service, Federal Ministries Managed by the Government of the Russian Federation, Federal Services and Federal Agencies Subordinate to these Federal Ministries, federal services and Federal agencies, whose activities are managed by the Government of the Russian Federation" dated 11/16/2020 No. 1830 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 47. – Art. 7533.
6. Keramova S.N., Mukailov Kh.R. Reformation and development of the civil service system of the Russian Federation // Law and Law. – 2021. – No. 5. – P. 87.
7. Resolution of the Government of the Russian Federation "On approval of the unified methodology for passing tests in the State civil service of the Russian Federation in Federal Executive authorities" dated 15.01.2020 No. 9 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 3. – Article 257.
8. Resolution of the Government of the Russian Federation "On the Federal State Information System "Unified Information System for Personnel Management of the State Civil Service of the Russian Federation" dated 03.03.2017 No. 256 (as amended on 23.01.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2017. – No. 11. – Art. 1573.
9. Decree of the Government of the Russian Federation "On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of public administration" dated 03/16/2024 No. 637-r // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 13. – Art. 1837.
10. Federal Law of the Russian Federation "On Mandatory Requirements in the Russian Federation" dated 07/31/2020 No. 247-FZ (as amended on 09/24/2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (part I).

5006.11. Federal Law of the Russian Federation "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" dated 07/31/2020 No. 248-FZ (as amended on 12/05/2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31 (part I). – Art. 5007.

12. Znamensky D.Yu., Gusarov A.S. Evaluation of the effectiveness of state civil servants of the Russian Federation (theoretical and methodological foundations) // Bulletin of the University. – 2020. – No. 2. – S. 13.

13. Decree of the President of the Russian Federation "On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation" dated 09/21/2022 No. 647 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 39. – Art. 6590.

14. Federal Law of the Russian Federation "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 05.12.2022 No. 472-FZ // Rossiyskaya gazeta. – 2022. – № 278.

15. Draft Federal Law "On Amendments to Article 10 of the Federal Law "On the Status of Military Personnel" (prepared by the Ministry of Labor of the Russian Federation, project ID 01/05/01-23/00135035) (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 01/13/2023). – The document has not been published. – Access from the legal system "ConsultantPlus".

16. Decree of the Government of the Russian Federation "On the procedure for calculating the length of service for the appointment of military personnel undergoing military service under contract, monthly superannuation" (together with the Rules for calculating the length of service for the appointment of military personnel undergoing military service under contract, monthly superannuation) dated 12/21/2011 No. 1074 (as amended on 10/20/2021) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2012. – No. 1. – Article 119.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_285

УДК 342

РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АКТИВНЫХ ГРАЖДАН, ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
DEVELOPING AND IMPROVING MECHANISMS OF INTERACTION BETWEEN ACTIVE CITIZENS, CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS, AND LOCAL GOVERNMENT

ИГНАТЬЕВА Ирина Валентиновна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Иркутск, Россия,
664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23 а.
E-mail: irina.090@mail.ru,

IGNATIEVA Irina Valentinovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General Theoretical and State Legal Disciplines,
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Irkutsk, Russia,
23a Ivan Franko St., Irkutsk, 664074, Russia, Irkutsk region.
E-mail: irina.090@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье анализируются актуальные проблемы развития гражданского общества в Российской Федерации. Определяются пути совершенствования взаимодействия институтов гражданского общества, активных граждан с органами власти. Автор предлагает развивать механизмы взаимодействия органов власти с институтами гражданского общества, поддерживать общественные инициативы, расширять круг деятельности институтов гражданского общества путем инициирования публичных слушаний и правотворческих инициатив, а также возможных коллективных обращений граждан в органы власти в рамках Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, утверждённой распоряжением Правительства РФ от 30 января 2014 года №93-р. Однако, без развития общественного контроля эта задача будет трудновыполнимой, поэтому необходимо улучшение системы общественного контроля. В статье анализируется действующая ситуация, приводятся многочисленные примеры, делаются значимые выводы, вносятся предложения.*

Abstract. *This article analyzes current issues in the development of civil society in the Russian Federation. It identifies ways to improve interactions between civil society institutions, active citizens, and government agencies. The author proposes developing mechanisms for interaction between government agencies and civil society institutions, supporting public initiatives, and expanding the scope of civil society institutions' activities by initiating public hearings and legislative initiatives, as well as possible collective citizen appeals to government agencies within the framework of the Concept of Openness of Federal Executive Bodies, approved by Russian Government Order No. 93-r of January 30, 2014. However, without developing public oversight, this task will be difficult to achieve, so improving the public oversight system is necessary. The article analyzes the current situation, provides numerous examples, draws significant conclusions, and makes proposals.*

Ключевые слова: *гражданское общество, информационная открытость, демократия, публичные слушания, общественный контроль, правотворческие инициативы, общественный мониторинг, общественная экспертиза.*

Keywords: *civil society, information transparency, democracy, public hearings, public oversight, legislative initiatives, public monitoring, public expert review.*

Для цитирования*: Игнатьева И.В. Развитие и совершенствование механизмов взаимодействия активных граждан, институтов гражданского общества и органов местного самоуправления // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 285-287. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_285.*

For citation*: Ignatieva I.V. Development and improvement of mechanisms of interaction between active citizens, civil society institutions and local self-government bodies // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 285-287. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_285.*

Статья поступила в редакцию: 28.01.2026

Развитие и совершенствование механизмов взаимодействия[1] активных граждан[2], институтов гражданского общества[3] и органов местного самоуправления важно для демократизации общественно-политической жизни страны и координации усилий по решению задач социально-экономического развития. Органам власти становится всё затруднительнее решать проблемы социально-экономического развития территорий. Одна из причин – недостаточное бюджетное обеспечение, из-за чего власти зависят от вышестоящих бюджетов. Другая проблема – несогласованность задач и целей властных структур с потребностями граждан.

Вот почему так важно реализовать на практике цель развития гражданского общества – обеспечить возможности участия граждан Российской Федерации, общественных объединений и предпринимательского сообщества в разработке и реализации управленческих решений с целью учёта их мнений и приоритетов, а также создания системы постоянного информирования и диалога[4]. Достижение цели будет способство-

[1] Механизм взаимодействия – это процесс непосредственного или опосредованного воздействия объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь. В результате взаимодействия происходят изменения исходных качеств или состояний субъектов. Процесс взаимодействия имеет две стороны: объективную – связи, не зависящие от отдельных личностей или групп, но опосредующие и регулирующие содержание и характер их взаимодействия (например, содержание совместного труда на предприятии); субъективную – сознательное, нередко эмоционально насыщенное отношение индивидов друг к другу, основанное на взаимных ожиданиях соответствующего поведения.

[2] Цель развития гражданского общества – формирование сообщества свободных, равных и активных граждан на основе традиций, интересов и ценностей. Активные представители общественности готовы взаимодействовать с местными и государственными органами власти для решения актуальных задач.

[3] К институтам гражданского общества относятся общественные организации, независимые СМИ, частные образовательные учреждения и другие формы самоорганизации населения.

[4] Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 30 января 2014 года №93-р

вать формированию прозрачной и открытой системы государственного управления, информированности населения о деятельности органов власти, динамичному социально-экономическому развитию государства.

Информационная открытость является одним из механизмов взаимодействия, обеспечивая возможность получать необходимый и достаточный объём информации всем участникам социального взаимодействия**.** Для этого формируются официальные порталы органов власти, где публикуется информация о принимаемых управленческих решениях, планы и отчёты[1].

Например, Единый портал государственных и муниципальных услуг (gosuslugi.ru – далее Госуслуги), информация на котором сгруппирована по двум категориям – для физических и для юридических лиц. Все услуги, размещённые на портале, соотнесены с конкретным регионом Российской Федерации: место получения услуги определяет как наличие самой услуги, так и условия её предоставления. На сайте есть три основных раздела: электронные услуги, на котором представлены виды электронного обслуживания российских министерств и ведомств; информация об услугах, в разделе можно найти данные о вновь принятых и всех действующих нормативных актах и законопроектах, приказах, правительственных постановлениях; органы власти, в разделе которого описываются структуру управления государством, с перечнем всех министерств и ведомств, их руководства, контактов, а также учреждений, находящихся под их контролем.

Кроме Госуслуг есть и другие информационные источники, такие как, портал открытых данных Российской Федерации. Это комплексная государственная система, которая обеспечивает открытость информации о деятельности органов государственной власти и предоставляет доступ к открытым государственным информационным ресурсам. На сайте можно найти информацию о перечне стран и режимах въезда на их территорию (категория «Туризм», составитель данных – МИД России); реестре лицензий на осуществление медицинской деятельности (категория «Здоровье», составитель – Минздрав России); реестре выданных разрешений на строительство (категория «Строительство») и др.

В Российской Федерации успешно действуют государственные информационные системы[2], например, «Корпоративная система информационно-аналитического обеспечения органов государственной власти» («Система-М»), «Мониторинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации». Созданы официальные сайты органов власти[3], на которых государственные органы размещают информацию о своей деятельности. Активно действует и система межведомственного электронного документооборота (МЭДО).

Информационная открытость очень действенный механизм взаимодействия, который может реально оказывать значительное влияние на политическую активность и общественные движения, особенно среди молодёжи. Политические дискуссии, группы поддержки, онлайн-акции и флешмобы привлекают внимание молодых граждан и стимулируют их к участию в политической жизни страны. Информационные источники способствуют формированию сообществ по интересам, где пользователи могут обсуждать свои взгляды и мнения. Эти дискуссии часто приводят к активизации политических убеждений и побуждают к действиям[4].

Активность в политических сообществах может способствовать развитию личности как субъекта политики, что важно для тесной связи политических институтов с гражданским обществом и контроля за деятельностью политико-управленческих структур. Однако, информационные источники могут оказывать и негативное воздействие на гражданское общество путем распространения фейковых новостей, которые вводят пользователей в заблуждение, создают ложные представления о реальности и вызывают общественное недовольство или панику. Целенаправленное распространение пропаганды и манипулятивных сообщений, подрывают доверие к информации и дестабилизируют общественное мнение.

Таким образом, влияние информационных источников на политическую активность и общественные движения имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. В свою очередь, органам власти необходимо взаимодействовать с институтами гражданского общества путем инициирования публичных слушаний и правотворческих инициатив объединений, а также возможных коллективных обращений граждан[5].

Конечным результатом общественных инициатив может стать реализация проектов, направленных на помощь ветеранам, многодетным семьям, инвалидам, развитие спорта, волонтёрских и патриотических движений[6].

Необходимо развивать участие в конкурсах гражданских инициатив, где участники получают возможность внести свой вклад в разви-

[1] Федеральный закон от 09.02.2009 №8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления» (с 1 декабря 2022 года действует редакция от 14.07.2022). С 1 марта 2026 года вступит в силу новая редакция закона, внесённая Федеральным законом от 31.07.2025 №325-ФЗ.

[2] Перечень государственных информационных систем [Электронный ресурс]. URL: https://minvr.gov.ru/about/svedeniya-o-gosudarstvennykh-informatsionnykh-sistemakh/perechen-gosudarstvennykh-informatsionnykh-sistem/ (дата обращения: 11.20.2025).

[3] Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_66/activity/legal-education/explain?item=35055078 (дата обращения: 11.20.2025).

[4] Например, в социальной сети «Одноклассники» есть сообщества патриотического и провластного характера, которые имеют большое количество подписчиков. Например, группа «Политическое обозрение – Мы за Путина» (более 714 тыс. подписчиков) или «Клуб друзей Путина» (более 901 тыс. подписчиков).

[5] Указ Президента РФ от 4 марта 2013 года №183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»» (ред.от 17 сентября 2020). Документ регулирует вопросы организации и рассмотрения общественных инициатив.

[6] Пример проекта, направленного на помощь ветеранам, – деятельность общероссийской общественной организации «СВОИ». Организация оказывает содействие в получении медицинской помощи ветеранам боевых действий, участникам СВО и членам их семей. Также «СВОИ» помогает ветеранам адаптироваться к гражданской жизни через работу и обучение: проводит консультации по трудоустройству и профориентации, организует курсы повышения квалификации и переобучения. Пример проекта, ориентированного на поддержку многодетных семей, – деятельность АНО «Инициатива», которая занимается информационно-правовой поддержкой, психологическими консультациями, развитием творческих способностей у детей. Организация предоставляет услуги в области образования, культуры и защиты прав многодетных семей. Например, информирует школьников, как и в каких олимпиадах участвовать, помогает собрать портфолио, организует бесплатные экскурсии. Пример проекта для инвалидов – создание специализированных спортивных программ, например, спортивного клуба «Силуэт». Такой клуб предлагает занятия спортом и фитнесом, а также организует спортивные мероприятия для людей с ограниченными возможностями. Пример инициативы по развитию спорта – деятельность общероссийского движения «Здоровое Отечество», которое через развитие массового спорта и популяризацию здорового образа жизни поддерживает и укрепляет национальные ценности. Например, движение запустило проект «Антивейп», направленный на борьбу с курением среди молодёжи. Пример проекта в сфере волонтёрства – деятельность благотворительной организации «Старость в радость», которая запустила проект «Внук по переписке». В рамках проекта бабушкам и дедушкам, в том числе ветеранам военных действий, можно отправить письмо с любого уголка земли. Пример инициативы в области патриотического воспитания – деятельность, направленная на формирование уважительного отношения к службе и защите Отечества. Например, организация проводит встречи ветеранов с молодёжью, патриотические мероприятия, акции и образовательные проекты, сохраняет историческую память через издание материалов и выставок.

тие страны

В июле 2025 года сообщалось, что партия «Единая Россия» наградила победителей Всероссийского конкурса поддержки гражданских инициатив, многие из которых уже получили финансирование на реализацию своих идей[1]. Победителями конкурса стали 93 проекта федерального, регионального и местного уровней.

Государство, создавая возможности принимать решения, учитывая общественное мнение, способствовало повышению качества жизни местного населения путем реализации успешных социальных инициатив, таких, например, как программа «На Севере – жить!». Проект остановил отток населения из Мурманской области и привлёк в край новых жителей и туристов. Данный проект был создан на основе пожеланий северян, которые сами выбирали приоритетные направления развития.

Также в качестве примеров успешных инициатив можно привести: проект «Активный гражданин», в котором граждане участвуют в разработке и реализации инициатив, направленных на улучшение окружающей среды и повышение комфорта жизни с помощью голосований и опросов. Проект «Активный гражданин» стартовал по инициативе мэрии Москвы 21 мая 2014 года и действует до настоящего времени, к нему присоединились почти 7 миллионов москвичей, прошло свыше 6,6 тысяч голосований. Вот только некоторые реализованные инициативы: программа «Миллион деревьев». За время её проведения было проведено озеленение 8 000 московских дворов и высажено около 700 000 новых деревьев и кустарников. В результате голосований проекты дизайна утвердили для 8 станций московского Метрополитена, в том числе, название 15-й линии метрополитена Некрасовской было получено в 2018 году по итогам голосования активных москвичей[2]. В 2020 году москвичи получили доступ к электронной медицинской карте. Развитие и совершенствование механизмов взаимодействия активных граждан, институтов гражданского общества и органов местного самоуправления невозможно, как нам думается, без внедрения и развития институтов общественного контроля. Такой контроль обеспечивает противодействие коррупционным проявлениям в системе публичного управления, нецелевому расходованию бюджетных средств, реализации неэффективных управленческих решений.

Сферу общественного контроля регулирует Федеральный закон от 21 июля 2014 года №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023), согласно которому общественный контроль – форма воздействия гражданского общества на органы государственного и муниципального управления. Он позволяет решать возникающие проблемы между гражданами и государством путём использования определённых законом каналов взаимодействия и взаимной ответственности. К целям общественного контроля относится обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций; обеспечение учёта общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан, общественных объединений и иных организаций при принятии решений органами власти; общественная оценка деятельности органов власти.

Первостепенной задачей общественного контроля, бесспорно, является формирование и развитие гражданского правосознания, повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, а также обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества, и, конечно, содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов;

Формами общественного контроля являются общественный мониторинг, который включает в себя постоянное (систематическое) или временное наблюдение за деятельностью органов власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций. Далее, общественная экспертиза[3]. Анализ и оценка актов, проектов актов, решений, проектов решений, документов и других материалов, действий (бездействия) органов власти, а также общественные обсуждения и публичные слушания[4].

Таким образом, совершенствование взаимодействия перечисленных субъектов необходимо для улучшения функционирования всей государственной системы и общества, что в реалиях сегодняшнего времени невозможно без **у**лучшения системы общественного контроля.

Список литературы

1. Перечень государственных информационных систем [Электронный ресурс]. URL: https://minvr.gov.ru/about/svedeniya-o-gosudarstvennykh-informatsionnykh-sistemakh/perechen-gosudarstvennykh-informatsionnykh-sistem/ (дата обращения: 11.20.2025).
2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_66/activity/legal-education/explain?item=35055078 (дата обращения: 11.20.2025).

References

1. List of state information systems [Electronic resource]. URL: https://minvr.gov.ru/about/svedeniya-o-gosudarstvennykh-informatsionnykh-sistemakh/perechen-gosudarstvennykh-informatsionnykh-sistem / (date of access: 11.20.2025).
2. The official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_66/activity/legal-education/explain?item=35055078 (date of request: 11.20.2025).

[1] Конкурс проводится по трём номинациям: «Лучшая федеральная инициатива», «Лучшая региональная инициатива», «Лучшая местная инициатива». Участники могут предлагать проекты по разным направлениям, например: сохранение исторической памяти и патриотическое воспитание, социальное обслуживание и защита граждан, поддержка семьи и материнства и другие. Если победитель не выигрывает ни на одном из федеральных конкурсов грантов, то партия помогает реализовать инициативу. Размер поддержки зависит от номинации: для номинации «Лучшая федеральная инициатива» – до 3 млн рублей; для номинации «Лучшая региональная инициатива» – до 1 млн рублей; для номинации «Лучшая местная инициатива» – до 0,35 млн рублей.

[2] В качестве примера еще можно привести «Умный город» в Казани. Горожане приняли участие в разработке и реализации концепции интеллектуального города. «Казабилис». В Казани запустили инициативу, благодаря которой горожане могут предлагать свои идеи по улучшению городской инфраструктуры**.** «Добрые дела Москвы**».** Онлайн-платформа, на которой москвичи могут предлагать свою помощь или запрашивать её для себя или своих близких.

[3] Самым ярким примером общественной экспертизы пожалуй является экспертиза по делу о «поджоге двери ФСБ» на Лубянке**.** Эксперты решили, что здание ФСБ России является объектом исторического и культурного наследия, поскольку в 1930-е годы в нём содержались под арестом выдающиеся деятели культуры. Экспертное заключение легло в основу обвинительного заключения.

[4] Один из ярких примеров общественных обсуждений и публичных слушаний, когда под давлением общественного мнения был отменён большой проект, – строительство «Охта-центра». Ещё несколько примеров: обсуждение разрешения на изменение параметров строительства в Пензе в феврале 2022 года. Заинтересованные лица выступили с критикой, обосновав отказ несовместимостью расположения увеселительного заведения вблизи жилого дома. В результате было принято решение о нецелесообразности изменений. Обсуждение проекта о разрешении использования земельного участка для приюта животных в Пензе 9 марта 2022 года. В результате публичных слушаний главе администрации города было рекомендовано решить вопрос положительно. Перенос места строительства башни «Газпрома». Проект остался прежним, но под давлением общественности поменял место.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_288

УДК 351.74.

ПРАКТИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНАХ МВД РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТИПИЧНЫЕ НЕДОСТАТКИ И ПРИЧИНЫ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
MANAGEMENT PRACTICE IN THE TERRITORIAL BODIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE: TYPICAL SHORTCOMINGS AND THE REASONS FOR THEIR OCCURRENCE

БОГДАНОВ Алексей Викторович
кандидат юридических наук, Академия управления МВД России
доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений.
125 171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д.8.
E-mail: alexey-b1980@mail.ru

BOGDANOV Alexey Viktorovich
PhD in Law, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Associate Professor of the Department of Organization of Internal Affairs Bodies at the Center for Command and Staff Exercises.
125 171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.
E-mail: alexey-b1980@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье подвергается научному осмыслению актуальная практика осуществления управленческой деятельности руководством территориальных органов МВД России. Дана характеристика современному состоянию ведомственного управления в территориальных органах МВД России, выделены особенности реализации управленческих функций руководителями в условиях цифровой трансформации. Проведенным анализом выявлены типичные недостатки, допускаемые в процессе управления деятельностью территориальных органов МВД России, определены и описаны причины их возникновения.*

Abstract: *The article provides a scientific understanding of the current practice of management activities by the leadership of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The article describes the current state of departmental management in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, highlights the features of the implementation of managerial functions by managers in the context of digital transformation. The analysis revealed typical shortcomings allowed in the process of managing the activities of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, identified and described the causes of their occurrence.*

Ключевые слова: *Органы внутренних дел, управленческая деятельность, полиция, территориальные органы МВД России, руководитель органа внутренних дел, управленческое решение, аппарат управления.*

Keywords*: Internal affairs bodies, management activities, police, territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, head of the internal affairs body, management decision, management staff.*

Для цитирования*: Богданов А.В. Практика осуществления управленческой деятельности в территориальных органах МВД России на современном этапе: типичные недостатки и причины их возникновения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 288-292. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_288.*

For citation*: Bogdanov A.V. The practice of management activities in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the present stage: typical shortcomings and causes of their occurrence // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 288-292. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_288.*

Статья поступила в редакцию: 17.02.2026

Успешность выполнения системой МВД России возложенных на неё задач является главным критерием оценки ведомственного управления. Непосредственное руководство деятельностью Министерства осуществляет Президент Российской Федерации[1]. Свою оценку деятельности ОВД Президент РФ ежегодно публично озвучивает на расширенном заседании коллегии МВД России по итогам работы за отчетный год. Так, Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации по итогам оперативно-служебной деятельности за 2024 год, дана положительная оценка результатам деятельности Министерства, сумевшего обеспечить контроль за складывающейся оперативной обстановкой и в полном объеме выполнившего возложенные на него задачи[2].

Однако данная ситуация не должна служить поводом для самоуспокоения. Концептуальная среда, в которой функционируют ОВД, не является статичной, её актуальные изменения предполагают адекватное реагирование, в целях своевременного обнаружения и нейтрализации криминальных угроз и своевременного регулирования социально значимых вопросов. Примером таких вопросов являлась паспортизация населения новых регионов Российской Федерации в 2022-2023 годах, усиление контроля за миграционными процессами в 2023-2025, противодействие преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и наведение порядка в киберпространстве, ставшем в последнее время плацдармом для активной противоправной деятельности.

Проводимая Российской Федерацией специальная военная операция выводит на новый уровень значимость вопросов обеспечения национальной безопасности от внутренних угроз в свете регулярных террористических атак беспилотных летательных аппаратов на объекты

[1]Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерства внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2026).

[2] Заседание коллегии МВД России от 5 марта 2025 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://www. kremlin.ru /events/president/transcripts/ deliberations%20/76408 (дата обращения: 14.02.2026).

критической важности, а также на места массового скопления людей и других вызовов криминального характера, инициируемых специальными службами недружественных государств.

Состояние преступности в Российской Федерации в 2024 году характеризуется снижением общего массива зарегистрированных преступлений на 1,8 %, относительно уровня 2023 года. При этом, значительно сократилось число преступлений, посягающих на личность – 7,7 %, в том числе убийств и покушений на убийства на 9,8 %, а фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью на 8,1 %. В то же время, снижение уровня традиционной преступности происходит на фоне продолжающегося роста преступлений в сфере ИТТ, который составил в 2024 году – 13,1 %[7], что учитывая высокую латентность киберпреступлений не может не вызывать озабоченность и требует принятия адекватных масштабу проблемы мер реагирования.

Перевод ведомственного управления на электронную платформу – ИСОД МВД России позволил качественно повысить эффективность управленческих процессов, благодаря внедрению и эксплуатации прикладных сервисов СЭД, СЭП, СВКСм, ВИСП и других. В то же время необходимо отметить, что раскрытие возможностей цифровизации ведомственного управления требует надлежащего уровня цифровой грамотности современных руководителей ОВД. Представляется очевидным, что цифровая грамотность современного руководителя системы МВД России – обязательная составная часть его профессиональной компетентности [1, С. 45].

Очевидные преимущества цифрового формата ведомственного управления, выражающиеся в молниеносной скорости обмена информации, прозрачности, экономичности, высокой степени алгоритмизации и т.д., диктуют объективную потребность к дальнейшему внедрению в управление ОВД и совершенствованию используемых информационно-телекоммуникационных технологий. В настоящее время изживает себя архаичная практика «двойного» документооборота, когда электронные документы распечатываются и параллельно со своими цифровыми аналогами систематизируются в бумажном виде.

Цифровые технологии и информационные системы – это эффективные средства и орудия труда современного руководителя ТО МВД России но, как и любые другие средства и орудия производства, они требуют корректного и правильного использования. Представляется, что излишняя алгоритмизация управленческого процесса будет вести к его заорганизованности, шаблонности, в силу невозможности создания универсального алгоритма разработки управленческих решений, учитывающего бесконечное число постоянно меняющихся, возникающих и пропадающих факторов, составляющих оперативную обстановку, на основе анализа, оценки и прогноза которой разрабатывается, принимается и в дальнейшем реализуется каждое управленческое решение.

Примерами неэффективного использования цифровых технологий могут служить проведение служебных совещаний и других подобных мероприятий в традиционном очном формате при наличии фактической возможности их проведения дистанционно с использованием прикладного сервиса ИСОД МВД России – СВКСм. Некорректные резолюции кратно увеличивают число адресатов служебной информации, создавая для них излишнюю информационную нагрузку, в силу необходимости в изучении лишних данных, которые не представляют для них практической значимости. Неоправданно усложнённые маршруты электронных документов создают искусственные бюрократические препоны для движения потоков документированной информации, лишая электронный документооборот его главного преимущества – скорости.

Оценка состояния управленческой деятельности в ТО МВД России даётся в рамках осуществления за ними ведомственного контроля в виде зонального контроля, проведения инспектирований, контрольных и целевых проверок. Порядок их проведения в ТО МВД России на районном уровне регламентируется локальными нормативными правовыми актами вышестоящих ТО МВД России в непосредственном подчинении которых они находятся. В свою очередь осуществление ведомственного контроля за управленческой деятельностью в ТО МВД России на региональном, межрегиональном и окружном уровнях осуществляется в порядке, определённом специальным нормативным правовым актом МВД России[1].

Критерии и показатели оценки состояния управленческой деятельности в ТО МВД России закреплены в специально разработанной Министерством Универсальной методике оценки управленческой деятельности руководства ТО МВД России[2], которая служит методической основой для проводимых в рамках ведомственного контроля зонального контроля, а также инспектирований, контрольных и целевых проверок.

Данная Универсальная методика оценки управленческой деятельности руководства ТО МВД России предполагает изучение: служебной переписки проверяемого ОВД; хода реализации, получаемых к исполнению в ОВД управленческих решений; качества принимаемых ОВД собственных управленческих решений; качества аналитических, справочных и отчетных документов; результатов опросов и собеседований руководства и личного состава проверяемого ТО МВД России.

Проверка состояния управленческой деятельности в ТО МВД России осуществляется по следующим направлениям:

- анализ и прогноз состояния преступности, выработка мер по укреплению правопорядка;
- планирование деятельности;
- внесение предложений по совершенствованию борьбы с преступностью;
- управление подчиненными органами и подразделениями;
- управленческая деятельность руководства инспектируемого органа.

[1] Приказ МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СТРАС «Юрист» (дата обращения: 14.02.2026).
[2] Распоряжение МВД России от 21 ноября 2025 г. № 1/15015«Об утверждении Универсальной методики оценки управленческой деятельности руководства территориального органа МВД России»[Электронный ресурс] // СТРАС «Юрист» (дата обращения: 14.02.2026).

Рассматриваемая Универсальная методика оценки управленческой деятельности руководства ТО МВД России используется вместо утратившей свою силу, использовавшейся ранее Методики изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России, утвержденной распоряжением МВД России от 28 августа 2019 г. № 1/9711. При этом, нормативно закрепленный порядок применения действовавшей ранее Методики изучения и оценки управленческой деятельности в ТО МВД России и актуальной Универсальной методики оценки управленческой деятельности руководства ТО МВД России корректировке не подвергался и остался прежним[1].

Нельзя не отметить такой негативный фактор, влияющий на содержание управленческой деятельности в системе МВД России, как значительный некомплект личного состава. При этом, вызывает тревогу, что наибольший масштаб проблемы наблюдается в ТО МВД России вклад которых в обеспечение правопорядка является самым значительным [3, С.20].

Именно в ТО МВД России проходят службу до 90 % штатной численности всех сотрудников ОВД [11, С. 90], силами которых раскрываются, выявляются и пресекаются абсолютное большинство совершаемых преступлений и административных правонарушений, расследуются абсолютное большинство уголовных дел и дел об административных правонарушениях, а также выполняется весь массив оказываемых Министерством государственных услуг населению.

Как уже указывалось ранее, общий некомплект в ОВД, по состоянию на декабрь 2024 года, составил 18,7 %, а в ведущих службах состояние укомплектования выглядит следующим образом: патрульно-постовая служба полиции – 31,4 %, служба по контролю за незаконным оборотом наркотиков – 24,7 %, подразделения по противодействию экстремизму – 24,5 %, уголовный розыск – 19,9%, следствие – 19,7 %, службы участковых уполномоченных полиции – 10,6 %. При этом некомплект руководящего состава в ТО МВД в 2024 году – составил всего 5,5 % (2023 – 6,3%) [9, С. 5].

Значительная разница между состоянием комплектования руководящего состава ТО МВД России и их общей штатной структуры объясняется сложившейся практикой выдвижения на руководящие должности рядовых сотрудников, зачастую не накопивших надлежащего опыта практической деятельности, что значительно снижает качество их последующей управленческой деятельности, зачастую ведёт к политике создания ими видимого благополучия вместо последовательного и системного решения проблемных вопросов, возникающих в оперативно-служебной деятельности. Подтверждением изложенному могут служить данные о сменяемости начальников ТО МВД России на районном уровне – 25,6 %, причем 20,2 % из них назначаются на вышестоящие должности [9, С. 5]. Приведенные статистические данные указывают на наличие системных проблем в комплектовании управленческих кадров в ТО МВД России. Отсутствие стабильного кадрового ядра руководителей препятствует целенаправленному, последовательному развитию и совершенствованию деятельности возглавляемых ими ТО МВД России.

Следующим аспектом управленческой деятельности требующим, на наш взгляд, пристального внимания является руководство личным составом. Позиция научной школы «Управление органами внутренних дел» основанной в Академии управления МВД России доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РФ А.М. Кононовым предполагает разделение понятий управление и руководство, причем под последним понимается целенаправленное воздействие непосредственно на подчиненный личный состав, тогда как управление – это организующие воздействие на управляемую систему в целом [6, С. 275-276].

Руководство предполагает применение к подчиненным поощрительных и карательных мер воздействия. Вне зависимости от используемого руководителем ТО МВД России управленческого стиля поощрение и наказание подчиненных – обязательный элемент процесса руководства. Соотношение числа поощренных и наказанных сотрудников является значимым индикатором применяемого руководителем ОВД управленческого стиля. В теории управления, как правило, выделяют три базовых стиля руководства: авторитарный, демократический и либеральный. Отличительной особенностью авторитарного стиля управления является преимущественное использования метода принуждения, что всегда сопряжено с применением в отношении подчиненных мер дисциплинарного воздействия в виде наказаний.

Не вызывает сомнений, что используемый руководителем ТО МВД России стиль руководства имеет определяющее значение для процесса формирования социально-психологического климата в служебном коллективе, который в свою очередь влияет на эффективность его оперативно-служебной деятельности. Так, благоприятный социально-психологический климат повышает продуктивность и работоспособность членов трудового коллектива, препятствует процессу их выгорания и профессиональной девиации. В свою очередь, неблагоприятный социально-психологический климат имеет прямо противоположенные негативные последствия [4, С. 22-23].

Согласно ведомственной статистики в 2024 году выявлено 171 169 сотрудников ОВД, совершивших дисциплинарные проступки (2023 – 184 610, снижение на 7,3 %). Выявлено сотрудников в состоянии алкогольного опьянения – 757 (2023 – 819, снижение 7,6). Выявлено сотрудников ОВД, виновных в совершении ДТП – 5 109 (2023 – 5 045, снижение 1,3 %) [9, С. 45-50]. Данная статистика приведена в абсолютных числах, поэтому, с учетом растущего некомплекта личного состава в Министерстве можно сделать вывод о стабильном состоянии служебной дисциплины.

При этом, необходимо отметить, что штатная численность МВД России в 2024 году составляла 924 014, тогда как замещено было всего 751 452 единиц, таким образом некомплект составил 18,7 % [9, С. 5]. То есть, в 2024 году к дисциплинарной ответственности фактически был привлечен каждый четвертый сотрудник ОВД, что составляет более 25 % от всего личного состава. Приведенная статистика позволяет прийти к выводу о превалировании у руководителей ТО МВД России авторитарного стиля управления.

Анализ направлений оценки управленческой деятельности руководства ТО МВД России, закрепленный в Универсальной методике, не

[1] Приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов министерства внутренних дел Федерации» [Электронный ресурс] // СТРАС «Юрист» (дата обращения: 14.02.2026).

включает в себя такой позиции как состояние служебной дисциплины, а также не учитывает состояние социально-психологического климата в органе (подразделении) внутренних дел. Представляется, что данные позиции можно рассматривать как характеристики качества управленческой деятельности в части руководства подчиненным личным составом.

Заслуживает внимание практика реализации руководством ТО МВД России отдельных управленческих функций, в части описания типичных недостатков, выявления причин и условий, способствующих их появлению. Данные недостатки находят свое отражение в отчетных документах по результатам инспектирований, контрольных, целевых проверок, а также материалах зонального контроля.

Рассмотрим типичные недостатки, встречающиеся при реализации познавательно-программирующих функций. Так, в рамках реализации информационной функции типичные недостатки: излишний объем информации, её бессистемное изложение, что затрудняет процесс её усвоения. При последующем анализе не выявляются причинно-следственные связи между различными явлениями и процессами, ограничивая анализ констатацией очевидных динамических изменений (рост, снижение), без выявления причин и условий таких изменений. Прогнозирование зачастую носит формальный характер, его предмет ограничивается состоянием преступности, продукт прогнозирования – прогноз, не берется во внимание при подготовке управленческого решения. Отмечается недостаточная прикладная значимость ведомственного планирования, запланированные к реализации мероприятия носят шаблонный характер и не отвечают актуальному состоянию оперативной обстановки, в том числе в части соответствия наличия собственных сил и средств характеру решаемых задач.

При реализации организационно-регулирующих функций к числу типичных недостатков можно отнести следующие: исполнение управленческого решение производится несвоевременно, отсутствует предварительная подготовка сил и средств, зачастую не проводится инструктаж непосредственных исполнителей. Процесс регулирования исполнения управленческого решения не всегда осуществляется своевременно. Контроль как итоговая функция управления, в рамках которого дается оценка достижению (недостижению) цели управленческого воздействия и деятельности исполнителей (соисполнителей) зачастую осуществляется формально, ненадлежащими должностными лицами, несвоевременно и не отвечает требованиям комплексности и системности [2, С. 56-70].

В заключении полагаем необходимым осветить такой важный аспект управленческой деятельности, как совершенствование структуры ТО МВД России. Данный процесс является объективно необходимым и обусловлен изменениями концептуальной среды. К примеру, проведение в феврале 2022 года специальной военной операции инициировало создание Главного управления оперативного реагирования МВД России, в целях эффективной координации сил и средств Министерства в том числе и на освобожденных территориях. Рост киберпреступлений привел к созданию в структурах МВД России и его территориальных органах специализированных подразделений по организации борьбы с противоправным использованием информационно-телекоммуникационных технологий[1].

Управленческая деятельность в ТО МВД России носит многоаспектный и полифункциональный характер, непрерывные изменения различных составных элементов концептуальной среды в которой они функционируют, а также выявляемые в ходе ведомственного контроля типичные недостатки, требуют научного осмысления на предмет выработки оптимальных мер адаптивного характера, а также превентивных мер по их устранению и недопущению в последующей оперативно-служебной деятельности.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

1. Снижение общего объема преступности, сохранение контроля за состоянием правопорядка в сфере внутренних дел, а также ежегодная положительная оценка результатов деятельности органов внутренних дел Российской Федерации прямым руководителем Министерства – Президентом Российской Федерации, дают основания считать актуальное состояние управленческой деятельности в ТО МВД России удовлетворительным.

2. К числу типичных недостатков управленческой деятельности в ТО МВД России можно отнести:

- ненадлежащее качество информационно-аналитической работы, снижающей прикладную значимость подготавливаемых аналитических документов и прогнозов;

- формализм и шаблонность при планировании, вследствие чего плановые мероприятия не учитывают особенностей текущей оперативной обстановки и тенденций её последующего развития;

- ненадлежащая организация исполнения управленческих решений и несвоевременная их корректировка, при наличии объективной необходимости в регулировании хода их выполнения;

- недейственный контроль исполнения управленческих решений и необъективная оценка деятельности их исполнителей (соисполнителей).

Приведенные недостатки создают проблемы в процессе разработки, принятия и организации исполнения управленческих решений руководством ТО МВД России, что снижает эффективность их управленческой деятельности в целом.

3. Причинами выделенных типичных недостатков управленческой деятельности руководства ТО МВД России выступают:

- ненадлежащий уровень знаний руководителями теоретических аспектов управленческой деятельности, выражающийся в заниженной оценке значимости информационно-аналитической работы в процессе разработки управленческого решения, а также в злоупотреблении автори-

[1] Приказ МВД России от 18июля 2022 г. № 535 «Об утверждении Положения о Главном управлении оперативного реагирования Министерства внутренних дел Российской Федерации»; приказ МВД России от 29декабря 2022 г. № 1110 «Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-телекоммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]// СТРАС «Юрист» (дата обращения: 14.02.2026).

тарными формами и методами руководства подчиненным личным составом;

- частая сменяемость руководящего состава ТО МВД России, которая препятствует формированию кадрового ядра руководителей ТО МВД России, затрудняя процесс стабильного функционирования возглавляемых ими ТО МВД России;

- нарушения установленного порядка осуществления ведомственного контроля и оценки деятельностью подчиненных органов и подразделений, применение субъективного подхода при организации и проведении контрольных и оценочных мероприятий;

- недостаточный уровень цифровой грамотности руководства и аппарата управления ТО МВД России, что в условиях реализации концепции цифровой трансформации государственного управления, существенно снижает эффективность использования активно внедряемых в управленческую деятельность ТО МВД России информационных систем и технологий.

Список литературы:

1. Богданов А.В. Цифровая грамотность как важнейший элемент профессиональной культуры современного руководителя органа внутренних дел Российской Федерации / В Сборнике: Государственное управление в правоохранительной сфере. Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. Москва. 2023. С. 39-45.
2. Богданов А.В., Важенина И.В., Звонарева А.Ю. Управленческая культура руководителей территориальный органов МВД России: теоретико-прикладные аспекты: учебное пособие. – М.; Академия управления МВД России. – 104 с.
3. Болдырев У.К. Начальник территориального органа МВД России на районном уровне как организатор правоохранительной деятельности: правовые и организационные аспекты: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.11 / Болдырев Улюмджи Константинович. – М.; 2018. – 280 с.
4. Вахнина В.В., Мальцева Т.В., Ульянина О.А., Ложкина Н.В. Психологическая работа в органах внутренних дел: учебное пособие. – М.; Академия управления МВД России. 2019. – 108 с.
5. Заседание коллегии МВД России от 5 марта 2025 года. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: http://www. kremlin.ru /events/ president /transcripts/ deliberations %20/76408 (дата обращения: 14.02.2026).
6. Организация управления органами внутренних дел: учебник, 2-е издание, переработанное и дополненное / под общей редакцией А.М. Кононова, И.Ю. Захватова. – М.; ДГСК МВД России. 2017. – 296 с.
7. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс] // Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года URL: http://мвд. рф /reports/ 60248328/ (дата обращения: 14.02.2026).
8. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации в 2024 году: Сборник аналитических информационных материалов. – М.; ГУРЛС МВД России, 2025 год. – 72 с.
9. Ульянов А.Д. Организация управленческой деятельности руководителя территориального органа МВД России. – М.; Издательство «Проспект». 2023. – 216 с.

References:

1. Bogdanov A.V. Digital literacy as the most important element of the professional culture of the modern head of the internal affairs body of the Russian Federation / In the Collection: Public administration in the law enforcement sphere. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow. 2023. pp. 39-45.
2. Bogdanov A.V., Vazhenina I.V., Zvonareva A.Y. Managerial culture of heads of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia: theoretical and applied aspects: a textbook. Moscow; Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 104 p .
3. Boldyrev, U.K. Head of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level as an organizer of law enforcement activities: legal and organizational aspects: dissertation ... Candidate of Law Sciences: 12.00.11 / Ulumji Konstantinovich Boldyrev, Moscow, 2018– 280 p.
4. Vakhnina V.V., Maltseva T.V., Ulyanina O.A., Lozhkina N.V. Psychological work in law enforcement agencies: a textbook. Moscow; Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. – 108 p.
5. Meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia on March 5, 2025. [Electronic resource] // President of Russia. URL: http://www . kremlin.ru /events/ president /transcripts/ discussions %20/76408 (date of access: 02/14/2026).
6. Organization of management of internal affairs bodies: textbook, 2nd edition, revised and supplemented / under the general editorship of A.M. Kononov, I.Yu. Grazvatov. - M.; DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. – 296 p.
7. The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Electronic resource] // Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January - December 2024 URL: http://мвд . rf /reports/ 60248328/ (date of reference: 02/14/2026).
8. Information on the state of work with personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation in 2024: Collection of analytical information materials. – M.; GURLS of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. – 72 p.
9. Ulyanov A.D. Organization of management activities of the head of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – M.; Publishing house "Pro-spect". 2023. – 216 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_293

УДК 340

ПРИНЦИПЫ ПРАВА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
PRINCIPLES OF LAW: GENERAL THEORETICAL AND PUBLIC LAW ASPECTS

БУТЬКО Людмила Васильевна,
профессор кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор юридических наук, профессор (Краснодар).
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.
ORCID 0000-0002-7080-398X
E-mail: epifanova_elen@mail.ru

BUTKO L.V.
doctor of law, Professor Professor of the Department of administrative and financial law
of the North Caucasus branch of the Russian state University of justice (Krasnodar).
149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia.
E-mail: epifanova_elen@mail.ru

ЛЕПЕШКИНА Ольга Викторовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент (Краснодар).
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.
ORCID 0000-0002-7462-433X
E-mail: epifanova_elen@mail.ru

LEPESHKINA O. V.
Candidate of law, associate Professor
Associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Kuban state University.
149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia.
E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Краткая аннотация: *Статья посвящена исследованию общетеоретических и публично-правовых аспектов принципов права. Принципы права являются фундаментальными началами, которые определяют структуру и функционирование правовой системы государства, особенно это актуально в свете внесенных в Конституцию РФ в 2020 году поправок. В статье анализируются признаки принципов и подходы к теоретическому и публично-правовому пониманию принципов права.*

Abstract: *The article is devoted to the study of general theoretical and public law aspects of the principles of law. The principles of law are fundamental principles that determine the structure and functioning of the state's legal system, which is especially relevant in light of the amendments made to the Constitution of the Russian Federation in 2020. The article analyzes the characteristics of principles and approaches to the theoretical and public law understanding of the principles of law.*

Ключевые слова: *право, принципы права, система права, общество, государство.*
Keywords: *law, principles of law, legal system, society, state.*

Для цитирования*: Бутько Л.В., Лепешкина О.В. Принципы права: общетеоретические и публично-правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 293-296. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_293.*
For citation*: Butko L.V., Lepeshkina O.V. Principles of law: general theoretical and public law aspects // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 293-296. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_293.*

Статья поступила в редакцию: 19.01.2026

Принципы права представляют собой основополагающие начала, посредством которых исторически опосредована сущность права, определена его внутренняя структура, сформированы основные направления развития. Выполняя функцию своеобразного «юридического каркаса», принципы права способны обеспечить единство, целостность и стабильность правовой системы страны, трансформируясь и адаптируясь к изменяющимся социальным условиям. Несмотря на особую значимость и фундаментальность принципов права, обоснование их основных характеристик остается одной из наиболее дискуссионных проблем современной отечественной юридической науки.

Аргументом актуализации избранной темы могут и должны признаваться конституционные поправки 2020 года – внесенные изменения повлекли существенную трансформацию отечественного законодательства и даже всей правовой системы страны. Закрепление в Основном законе РФ новых положений о защите исторической правды, сохранении семейных ценностей, приоритете норм Конституции над нормами международного права повлекло не только обновление системы конституционных принципов, но создало качественно новую конституционную парадигму, требующую переосмысления всей системы принципов российского права и их влияния на отраслевое законодательство. В таких условиях научный анализ дефиниции принципов права, их классификация, анализ функций и механизмов реализации приобретает не только теоретическое, но и практическое значение.

Дополнительную значимость теме придает отсутствие легального определения понятия принципов права в российском законодательстве. И это при том, что доктринальное толкование данного понятия играет ключевую роль в формировании отраслевой системы и права, и законодательства. По этой причине теоретическое осмысление принципов права выполняет ключевую роль и приобретает особое значение для правотворческой и правоприменительной практики.

Еще один аргумент актуализации заявленной темы объясняется усилением роли судебной власти в толковании и применении принци-

пов права. Вошло в практику Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и других судебных органов стремление конкретизировать содержание принципов права через свои решения и правовые позиции, определять границы их действия и механизмы реализации. В итоге анализ судебной практики применения принципов права приобретает характер важнейшего инструмента для понимания их реального содержания и значения.

Не следует забывать и о том, что в условиях глобализации и интенсификации международных отношений особую ценность приобретают вопросы соотношения национальных и международных принципов права. При этом не следует недооценивать роль такого сочетания для обеспечения суверенитета российской правовой системы при сохранении ее открытости для конструктивного международно-правового взаимодействия. Это тем более актуально в том ключе, что конституционная реформа 2020 года усилила акцент на защите национального суверенитета и конституционной идентичности России, что требует нового осмысления соотношения различных уровней принципов права.

Далее считаем целесообразным обозначить такие качества принципов права, которые позволяют установить и охарактеризовать их особое место в современном обосновании их общетеоретических и публично-правовых аспектов. В понимания таковых преимуществ принципов права принципиально концептуальную роль выполняет их особе качество – функция интегративного нормативно-ценностного регулятора, определяющая сущностные характеристики и целеполагание правового воздействия на общественные отношения. Именно принципы права обладают высшей степенью нормативного обобщения, фиксируют в концентрированном виде правовые императивы и выполняют двойственную роль — закрепляют базовые правовые ценности и одновременно служат инструментом их практической реализации.

Данное понимание базируется на комплексном анализе современной правовой доктрины и практики конституционного правосудия. Принципиально важно отметить, что нормативность принципов права имеет особый характер, не сводимый к формальному закреплению в законодательных актах. Как свидетельствует практика Конституционного Суда РФ, правовые принципы обретают нормативное значение и в процессе судебного толкования, что закреплено в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации»[1].

Центральная научная задача современного правоведения заключается в осмыслении принципов права как многоаспектного явления, имеющего фундаментальное значение для построения и функционирования юридической системы. На концептуальном уровне принципы права раскрывают глубинные закономерности формирования правовой материи, позволяя понимать право как целостную, саморазвивающуюся систему, а не механическую совокупность норм. На прикладном уровне они выступают универсальными регуляторами, обеспечивающими единство правоприменительной деятельности даже при наличии законодательных пробелов. На аксиологическом уровне принципы права воплощают идеалы справедливости, гуманизма, равенства, фиксируя моральные основания правовой системы[2].

Проведенный нами анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет констатировать, что традиционная дихотомия «нормативного» и «идеологического» подходов к пониманию принципов права нуждается в существенном переосмыслении. Современная правовая реальность демонстрирует необходимость более сложного, многоуровневого понимания природы правовых принципов.

Термин «принцип» этимологически восходит к латинскому «principium» (начало, основа), что лингвистически подчеркивает первичность и фундаментальность данного понятия. Однако в правовом контексте принципы представляют собой не только онтологическое «начало» права, но и его телеологическую «цель», задавая вектор правового развития. Эта дуальность обусловливает особое место принципов в правовой системе, кроме того, разнообразие дефинирования принципов права позволяет обозначить наиболее актуальные варианты подходов в их общетеоретическом и публично-правовом понимании. Назовем лишь некоторые из них.

К примеру, **функциональный подход** к пониманию принципов права акцентирует внимание не на форме их закрепления, а на той роли, которую они выполняют в юридической системе государства или определенной части его территории. Функциональный анализ свидетельствует о том, что принципы права обеспечивают диалектическое единство стабильности и динамизма правовой системы. С одной стороны, они фиксируют фундаментальные правовые ценности, обеспечивая преемственность правового развития, с другой — служат инструментом правовой модернизации, позволяя адаптировать правовую систему к меняющимся социальным условиям без радикальной ломки её нормативной структуры[3].

Не менее актуально в настоящее время выглядит **аксиологическое направление.** В понимании принципов права оно фокусирует внимание на их ценностно-мировоззренческом содержании. Изучая концепцию Шафирова В.М. о естественно-позитивном правопонимании, следует отметить, что его подход позволяет преодолеть односторонность как юридического позитивизма, так и классического естественно-правового учения[4]. Принципы права представляют собой своеобразный «мост» между естественным и позитивным правом, между миром правовых ценностей и миром формально-юридических конструкций.

По нашему мнению, представляется обоснованным вывод о том, что аксиологический подход имеет особую значимость в современных условиях ценностного плюрализма и мировоззренческой фрагментации общества. Принципы права в данном контексте выполняют интегративную функцию, фиксируя те базовые ценностные ориентиры, которые могут быть признаны в качестве основы социального согласия. Показательно, что Конституция РФ в статье 2 закрепляет именно ценностный принцип приоритета прав и свобод человека, определяя их как «высшую ценность»[5]. Данная формулировка наглядно демонстрирует взаимопроникновение нормативного и ценностного аспектов в конституционных принципах.

Не следует оставлять без внимания и **нормативный подход.** Как известно, его представители трактуют принципы права как особую

[1] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/.
[2] Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2024. С. 45-48.
[3] Малько А.В., Струсь К.А. Принципы права как основной компонент правовой политики // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 215-222.
[4] Шафиров В.М. Человекоцентристский подход в правопонимании: учебник. Красноярск: СФУ, 2020. С. 156-162.
[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

разновидность правовых норм. По этой причине данный подход обладает значительным объяснительным потенциалом в контексте континентальной правовой традиции. Однако механическое сведение принципов права к нормативным предписаниям существенно обедняет их природу. Обращаясь к трудам Власенко Н.А., можно заметить, что он видел в принципах права нечто большее, чем просто нормативные предписания высшего порядка[1]. Развивая его мысль, полагаем, что принципы права обладают особой нормативностью, которая не сводится к традиционной нормативности правовых предписаний. Они воздействуют на правовое сознание и правовое поведение не столько через механизм формальных санкций, сколько через формирование определенной ценностно-нормативной установки, что подтверждается анализом правовых позиций Конституционного Суда РФ[2].

Полагаем продуктивным выделение особой категории **«доктринальных принципов права»,** которые формируются в процессе научной рефлексии правовой реальности и впоследствии способны трансформироваться в нормативно закрепленные принципы. Примером такой трансформации может служить принцип добросовестности в гражданском праве, который длительное время разрабатывался в цивилистической доктрине и лишь в 2013 году получил законодательное закрепление в статье 1 Гражданского кодекса РФ[3]. Подобная эволюция доктринальных принципов наглядно демонстрирует диалектическую взаимосвязь различных форм бытия принципов права в правовой системе.

Особого внимания заслуживает трактовка принципов права как «**нормативного выражения правовых ценностей».** Анализируя данный подход, предложенный Цыбулевской О.И., можно заключить, что принципы права обеспечивают легитимацию правовой системы, связывая формально-догматическое и морально-этическое измерения правовой реальности[4]. Это особенно наглядно проявляется в принципах справедливости и гуманизма, которые имеют однозначно ценностное происхождение, но при этом наделены конкретным нормативным содержанием в различных отраслях права. Так, статьи 6 и 7 Уголовного кодекса РФ закрепляют данные принципы в качестве основополагающих начал уголовного законодательства[5].

Интегративный подход к пониманию принципов права в устоявшейся научной литературе рассматривается как наиболее перспективный. По мнению многих авторов именно он позволяет преодолеть односторонность как нормативного, так и идеологического подходов. В рамках данного подхода принципы права рассматриваются как особые правовые феномены, имеющие сложную, многоуровневую структуру и выполняющие комплекс функций в правовой системе.

Анализируя российское законодательство, следует отметить тенденцию к интегративному пониманию принципов права. Так, принцип законности закреплен в статье 3 Уголовного кодекса РФ, статье 3 Гражданского процессуального кодекса РФ, статье 7 Кодекса административного судопроизводства РФ[6]. При этом его содержание конкретизируется применительно к особенностям соответствующих отраслей права, что отражает диалектическое единство общего и особенного в понимании принципов права.

Рассматривая принципы права через призму **логико-семантического анализа юридического языка,** подчеркнем, что они представляют собой особые лингвистические конструкции, которые выполняют роль «смысловых ключей» для понимания и толкования правовых норм. Анализ судебной практики Верховного Суда РФ показывает, что суды нередко обращаются к принципам права при толковании неясных или противоречивых правовых норм, что подтверждает их особую роль в юридической герменевтике[7].

В современных условиях глобализации и цифровизации особое значение приобретает проблема формирования новых принципов права, отражающих особенности современного этапа общественного развития. К числу таких принципов можно отнести принцип информационной безопасности, принцип защиты персональных данных, принцип цифрового суверенитета. Эти принципы находятся в стадии формирования, но уже оказывают существенное влияние на развитие законодательства и правоприменительной практики, что отражено в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[8].

С учетом сказанного считаем возможным констатировать, что перечисленные выше подходы к общетеоретической оценке роли принципов права можно с уверенность отнести к классически устоявшимся (потому и названы общетеоретическими). Однако время требует новых подходов, констатирует их наличие и подводит к необходимости обоснования их задач. Особого внимания в оценках принципов права заслуживает публично-правовой подход с перспективностью новых характеристик, открывая разнообразие моделей их систематизации, дефинирования и показа особенностей содержания.

Таким образом, устоявшаяся общетеоретическая модель системы, содержания, функционирования и применения (отраслевого и межотраслевого) принципов права нуждается в переформатировании с учетом современных тенденция общественного развития в целом и в том числе, в частности, с учетом и под влиянием общих процессов трансформации общественного развития и конкретных их проявлений в лице цифровизации, цифровой демократии, цифрового суверенитета, информационной безопасности.

---

[1] Власенко Н.А. Правопонимание в эпоху постмодерна: монография. М.: Юриспруденция, 2020. С. 128-135.
[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188113/.
[3] Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188/.
[4] Цыбулевская О.И. Нравственные принципы в системе права: современный взгляд // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2. С. 36-44.
[5] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 21 апреля 2025 с изм. и доп. вступившими в силу с 02 мая 2025) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
[6] Ершов В.В. Конкретизация принципов права: актуальные проблемы // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 5-15.
[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/.
[8] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 21 апреля 2025 с изм. и доп. вступившими в силу с 02 мая 2025) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 30.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.
5. Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188/.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.10.2015 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188113/.
8. Власенко Н.А. Правопонимание в эпоху постмодерна: монография. М.: Юриспруденция, 2020. С. 128-135.
9. Ершов В.В. Конкретизация принципов права: актуальные проблемы // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 5-15.
10. Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2024. С. 45-48.
11. Малько А.В., Струсь К.А. Принципы права как основной компонент правовой политики // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 215-222.
12. Цыбулевская О.И. Нравственные принципы в системе права: современный взгляд // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2. С. 36-44.
13. Шафиров В.М. Человекоцентристский подход в правопонимании: учебник. Красноярск: СФУ, 2020. С. 156-162.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // SPS "ConsultantPlus". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399
2. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated 07/21/1994 "On the Constitutional Court of the Russian Federation" (as amended on 07/31/2023) // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/.
3. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on April 21, 2025, as amended and supplemented effective from May 02, 2025) // SPS "ConsultantPlus". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 /.
4. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended on 30.12.2021) // SPS "ConsultantPlus". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.
5. Federal Law No. 302-FZ dated 12/30/2012 "On Amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" (latest edition) // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140188 /.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 No. 25 "On the application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 27.10.2015 No. 28-P "On the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 836 of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus". - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188113
8. Vlasenko N.A. Legal understanding in the postmodern era: a monograph. Moscow: Jurisprudence, 2020. pp. 128-135.
9. Ershov V.V. Concretization of the principles of law: actual problems // Russian justice. 2023. No. 3. pp. 5-15.
10. Konovalov A.V. Principles of law: monograph. Moscow: Norm, 2024. pp. 45-48.
11. Malko A.V., Strus K.A. Principles of law as the main component of legal policy // Legal technology. 2020. No. 14. pp. 215-222.
12. Tsybulevskaya O.I. Moral principles in the legal system: a modern view // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 2. pp. 36-44.
13. Shafirov V.M. The human-centered approach in legal understanding: textbook. Krasnoyarsk: SFU, 2020. pp. 156-162.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_297

УДК 349.6

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИВЫХ РЕСУРСОВ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭКОЛОГО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ И ПРЕДЕЛЫ СУВЕРЕНИТЕТА
LEGAL REGIME FOR THE USE OF LIVING RESOURCES ON THE CONTINENTAL SHELF OF THE RUSSIAN FEDERATION: ENVIRONMENTAL AND LEGAL MODEL AND LIMITS OF SOVEREIGNTY

ТУГУШЕВ Амир Маратович
аспирант кафедры земельного и экологического права
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410028, Россия, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского, 104.
E-mail: agapovda@mail.ru

TUGUSHEV Amir Maratovich
Postgraduate student of the Department of Land and Environmental Law
Saratov State Law Academy.
104 Chernyshevsky St., Saratov, 410028, Russia, Saratov region.
E-mail: agapovda@mail.ru

Краткая аннотация. *Режим использования живых ресурсов континентального шельфа Российской Федерации базируется на разработке правового инструментария комплексного обеспечения суверенитета при согласованном участии отраслевых регуляторов и требует методологической опоры на конституционное правопонимание, включающее базовые характеристики, концептуальные черты и методологические основы данной категории. Учёт конституционного смысла суверенитета не исключает внимания к предметно-отраслевым и фактическим особенностям, но определяет необходимость соблюдения требования о принципиальном единстве его сущности и содержания.*

Abstract: *The regime for the use of living resources on the continental shelf of the Russian Federation is based on the development of legal tools for the comprehensive provision of sovereignty, with the coordinated participation of sectoral regulators, and requires a methodological foundation based on constitutional legal understanding, which includes the basic characteristics, conceptual features, and methodological foundations of this category. The consideration of the constitutional meaning of sovereignty does not exclude attention to subject-specific and factual features, but it does require compliance with the requirement of the fundamental unity of its essence and content.*

Ключевые слова: *суверенитет, живые ресурсы континентального шельфа, экологоориентированное природопользование.*
Keywords: *sovereignty, living resources of the continental shelf, and environmentally oriented nature management.*

Для цитирования*: Тугушев А.М. Правовой режим использования живых ресурсов континентального шельфа Российской Федерации: эколого-правовая модель и пределы суверенитета // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 297-299. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_297.*
For citation*: Tugushev A.M. Legal regime for the use of living resources of the continental shelf of the Russian Federation: ecological and legal model and limits of sovereignty // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 297-299. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_297.*

Статья поступила в редакцию: 22.12.2025

Человек в процессе своей жизнедеятельности неизбежно использует природные ресурсы для удовлетворения различных потребностей.

В правовом поле эта деятельность оформляется как право природопользования, цели которого могут быть различными. Одной из ключевых целей является удовлетворение естественных, экологических потребностей человека как части природы. Для их реализации природоресурсное законодательство закрепляет и регулирует права общего природопользования. При этом земля и иные природные ресурсы обладают особой спецификой, которую необходимо учитывать. Именно поэтому право общего природопользования, как правило, устанавливается в базовых актах земельного и отраслевого природоресурсного законодательства.

Для реализации экономических интересов, направленных на извлечение прибыли от использования природных ресурсов, устанавливается право специального природопользования. Его субъектами выступают физические и юридические лица. Особенности удовлетворения экономических потребностей данных субъектов обусловлены спецификой земли и иных природных ресурсов. С учётом этой специфики право специального природопользования также закрепляется и регулируется актами природоресурсного законодательства.

Поскольку природопользование субъектов сопряжено с негативным воздействием на окружающую среду, весь соответствующий правовой институт базируется на едином принципе - принципе рационального природопользования. Его суть заключается в экологически обоснованном и разумном использовании природных ресурсов. С юридической точки зрения, природопользование признаётся рациональным, если оно соответствует требованиям экологического и природоресурсного законодательства.

Согласно Конституции РФ (ч. 1 ст. 9, ст. 42)[1], принцип рационального природопользования служит нормативной и методологической основой для поддержания благоприятного состояния окружающей и природной среды. Именно сохранение и восстановление такой среды является стратегической целью экологического и природоресурсного права и законодательства.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.11.2025).

В природоресурсном законодательстве среди десятков полномочий органов государственной власти РФ, наряду с суверенной компетенцией по осуществлению государственного экологического надзора, государственного, экологического мониторинга, утверждению правил пользования, принятию законодательства, предусматриваются функции по владению, пользованию и распоряжению природными объектами, находящимися в федеральной собственности[1].

Правовой режим использования живых ресурсов континентального шельфа Российской Федерации формируется в условиях наложения различных нормативных и концептуальных слоёв, что придаёт ему внутреннюю противоречивость и усложняет его теоретическое осмысление. Конституционные положения о суверенитете и природных ресурсах, специальные природоресурсные федеральные законы[2], нормы международного морского права[3] и эколого-правовые принципы устойчивого развития сосуществуют не как элементы единой модели, а как разнородные регулятивные массивы, согласование которых осуществляется преимущественно на уровне правоприменения. В результате живые ресурсы континентального шельфа оказываются в двойственном положении: с одной стороны, они выступают объектом суверенных прав Российской Федерации, а с другой — частью морских экосистем, функционирующих вне жёстких государственных границ и подверженных трансграничным экологическим воздействиям.

Научная проблема заключается не в недостаточности правового регулирования, а в отсутствии внутренне согласованной концепции, способной обеспечить устойчивый баланс между публично-правовой природой шельфовых биоресурсов и допустимыми формами их хозяйственного освоения. Действующее законодательство последовательно подчёркивает приоритет охраны окружающей среды и особый характер суверенных прав Российской Федерации на континентальный шельф[4], однако в правоприменительной практике доминирует утилитарное восприятие живых ресурсов как объекта экономического использования. Это приводит к напряжению между экологической функцией государства и разрешительным механизмом природопользования, который по своей логике ориентирован прежде всего на распределение доступа к ресурсу, а не на поддержание экологического равновесия.

В этой связи представляется необходимым переосмыслить правовой режим использования живых ресурсов континентального шельфа через категорию экологического суверенитета, позволяющую рассматривать соответствующие полномочия государства не только как средство извлечения выгод, но и как форму ответственности за сохранение морской среды в интересах настоящих и будущих поколений.

Суверенитет государства над природными ресурсами традиционно связывается с его правом самостоятельно определять направления и условия их использования в пределах национальной юрисдикции. Однако применительно к континентальному шельфу данное представление не может быть воспроизведено в классическом виде, поскольку здесь речь идёт не о территориальном верховенстве, а о суверенных правах функционального характера, содержание которых изначально ограничено целями разведки, разработки и охраны ресурсов. Такое понимание суверенитета исключает его абсолютный характер и предполагает постоянное соотнесение национальных интересов с экологическими ограничениями, вытекающими как из международных обязательств, так и из внутреннего конституционного порядка.

Экологическое право вносит в категорию суверенитета качественно новое измерение, позволяя рассматривать его как способность государства обеспечивать долгосрочное сохранение природных систем. В этом контексте уместно говорить об экологическом суверенитете, который выражается не столько в свободе усмотрения при распоряжении ресурсами, сколько в институциональной способности предотвращать их деградацию. Живые ресурсы континентального шельфа в таком подходе утрачивают статус нейтрального объекта промысла и приобретают значение элемента сложной морской экосистемы, нарушение устойчивости которой способно повлечь необратимые последствия.

Публичная природа живых ресурсов континентального шельфа предопределяет особый характер допустимых частных интересов. Эти ресурсы не могут быть предметом частной собственности и находятся в исключительном ведении Российской Федерации, что трансформирует экономическую деятельность в сфере их использования в производную от публично-правового разрешения. Однако отсутствие чёткого разграничения между регулятивной функцией государства и его ролью в распределении доступа к ресурсу приводит к тому, что экологические требования нередко воспринимаются как ограничение хозяйственной инициативы, а не как её имманентное условие.

Принцип устойчивого развития в данном контексте приобретает не декларативное, а конструктивное значение. Он предполагает отказ от представления о живых ресурсах шельфа как о восполнимом запасе, доступном для интенсивной эксплуатации, и ориентирует правовое регулирование на поддержание экологической емкости морских экосистем. Особая уязвимость сидячих видов, связанных с морским дном, усиливает требования к правовому режиму их использования и делает недопустимым применение к ним унифицированных промысловых подходов, разработанных для иных водных биологических ресурсов.

Практика применения законодательства о живых ресурсах континентального шельфа Российской Федерации выявляет системное расхождение между нормативно закреплёнными экологическими приоритетами и фактической логикой управленческих решений. Несмотря на формальное признание исключительного ведения Российской Федерации и публично-правового характера соответствующих ресурсов, правоприменение в значительной степени воспроизводит модель распределения хозяйственных возможностей, в рамках которой экологические ограничения воспринимаются как внешние условия, подлежащие минимизации, а не как внутренний элемент правового режима.

[1] Никишин В.В. О суверенных правах Российской Федерации на природные ресурсы // Правовое регулирование использования природных ресурсов: комплексный подход. М., 2015. С. 57—61; Сравнительное экологическое право и законотворчество. Тамбов, 2008.
[2] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) "Об охране окружающей среды" // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2, ст. 133; 2024. № 53 (Часть I), ст. 8507.
[3] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 г.) // СЗ РФ. 1997. № 48. Ст. 5493.
[4] Федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ (ред. от 19.10.2023) "О континентальном шельфе Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49, ст. 4694; 202. № 43, ст. 7602.

Наиболее характерным является конфликт, возникающий на стадии предоставления права пользования живыми ресурсами континентального шельфа, когда разрешительная процедура фактически сводится к оценке формального соответствия заявителя установленным требованиям и наличия общего допустимого улова. Экологическая составляющая при этом редуцируется до ссылок на утверждённые нормативы и лимиты, которые нередко носят усреднённый характер и не учитывают локальные особенности шельфовых экосистем. В результате решения о допуске к использованию ресурса принимаются без всестороннего анализа потенциального воздействия на донные биологические сообщества, что особенно критично применительно к сидячим видам, восстановление которых требует длительного времени либо в принципе невозможно.

В правоприменительной практике отчётливо проявляется и конфликт интересов между федеральным уровнем управления и региональными либо локальными сообществами, чья жизнедеятельность традиционно связана с морским промыслом. Формально законодательство закрепляет приоритет таких пользователей, однако на практике данный приоритет реализуется через те же разрешительные механизмы, что и для коммерческих субъектов, ориентированных на извлечение прибыли. Это нивелирует социально-экологическое назначение соответствующих норм и трансформирует их в декларативные положения, не оказывающие реального влияния на распределение доступа к ресурсу.

Отдельного внимания заслуживает правоприменительная неопределённость, возникающая в связи с участием иностранных пользователей. Хотя законодательство допускает использование живых ресурсов континентального шельфа иностранными субъектами лишь при соблюдении строгих условий и после удовлетворения интересов российских заявителей, на практике оценка «неиспользованного» допустимого улова нередко осуществляется исходя из экономической целесообразности, а не из экологических пределов. Это создаёт ситуацию, при которой формально законные решения по допуску иностранных пользователей могут приводить к кумулятивному экологическому ущербу, ответственность за который оказывается размытой между различными уровнями управления.

Существенным источником конфликтов является и отсутствие действенных механизмов постразрешительного контроля за фактическим использованием живых ресурсов континентального шельфа. Контрольные мероприятия преимущественно ориентированы на количественные показатели вылова и соблюдение условий разрешений, тогда как воздействие на морскую среду, изменение состояния донных экосистем и сопутствующие экологические эффекты остаются за пределами систематического правового мониторинга. В такой модели право реагирует уже на свершившееся нарушение, но не предотвращает деградацию ресурса на стадии принятия управленческих решений.

Судебная практика, рассматривающая споры в данной сфере, как правило, фокусируется на формальной законности действий органов публичной власти и пользователей ресурсов, ограничиваясь проверкой соблюдения процедурных требований. Экологическая аргументация в судебных актах присутствует фрагментарно и не формирует устойчивых стандартов оценки допустимости вмешательства в шельфовые экосистемы. Это усиливает тенденцию к формализации правоприменения и снижает роль суда как института балансирования публичных и частных интересов в экологически значимых отношениях.

В совокупности указанные конфликты свидетельствуют о том, что действующая правоприменительная модель использования живых ресурсов континентального шельфа остаётся преимущественно ресурсно-ориентированной и лишь номинально экологизированной. Право в данной сфере функционирует скорее как инструмент распределения доступа к ограниченному ресурсу, чем как механизм обеспечения экологического суверенитета и устойчивого развития. Преодоление этой диспропорции требует не только корректировки нормативных предписаний, но и переосмысления самой логики правоприменения, в которой экологическая функция государства должна занять равноправное, а в ряде случаев и приоритетное положение по отношению к экономическим интересам.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.11.2025).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10 декабря 1982 г.) // СЗ РФ. 1997. № 48. Ст. 5493.
3. Федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ (ред. от 19.10.2023) "О континентальном шельфе Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 1995. № 49, ст. 4694; 202. № 43, ст. 7602.
4. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024) "Об охране окружающей среды" // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2, ст. 133; 2024. № 53 (Часть I), ст. 8507.
5. Никишин В.В. О суверенных правах Российской Федерации на природные ресурсы // Правовое регулирование использования природных ресурсов: комплексный подход. М., 2015. С. 57—61; Сравнительное экологическое право и законотворчество. Тамбов, 2008.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet Portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru (date of application: 11/20/2025).
2. United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) (concluded in Montego Bay on December 10, 1982 G.) // Federal Law of the Russian Federation. 1997. No. 48. Art. 5493.
3. Federal Law No. 187-FZ of 11/30/1995 (as amended on 10/19/2023) "On the Continental Shelf of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 49, Article 4694; 202. No. 43, Article 7602.
4. Federal Law No. 7-FZ of 10.01.2002 (as amended on 12.26.2024) "On Environmental Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 2, Article 133; 2024. No. 53 (Part I), V. 8507.
5. Nikishin V.V. On the sovereign rights of the Russian Federation to natural resources // Legal regulation of the use of natural resources: an integrated approach. Moscow, 2015. pp. 57-61; Comparative Environmental law and lawmaking. Tambov, 2008.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_300

УДК 342.7; 342.9

НАРУШЕНИЕ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ДОСТОВЕРНУЮ ПРАВОВУЮ ИНФОРМАЦИЮ
VIOLATION BY THE MEDIA HUMAN AND CIVIL RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION TO RELIABLE LEGAL INFORMATION

ВИНОКУРОВ Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, заслуженный юрист Российской Федерации.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 149.
E-mail: tigp@igps.ru
ORCID 0000-0003-0002-3010

VINOKUROV Vladimir A.,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation.
149 Moskovsky ave., Saint Petersburg, Russia, 196105.
E-mail: tigp@igps.ru

***Краткая аннотация**. Принимая во внимание норму Конституции Российской Федерации, предусматривающей право каждого на получение информации, осуществлен анализ значительного объема нормативных правовых актов, регулирующих вопросы, связанные с достоверной информацией, включая Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В результате автор пришел к выводу о необходимости соблюдения права человека и гражданина в Российской Федерации на получение достоверной правовой информации, содержащей верные с точки зрения российского законодательства данные, которые в соответствии с требованиями Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» должны быть грамотными с точки зрения правил русского языка. В целях соблюдения средствами массовой информации права человека и гражданина в Российской Федерации на получение достоверной правовой информации, в качестве возможной устанавливаемой государством правовой гарантии, автором предложено внести соответствующее дополнение в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.*

***Abstract**. Law and the State theory and practice official website journal Taking into account the norm of the Constitution of the Russian Federation, which provides for the right of everyone to receive information, a significant amount of regulatory legal acts regulating issues related to reliable information has been analyzed, including the Law of the Russian Federation "On Mass Media" and the Federal Law "On Information, Information Technologies and information protection". As a result, the author came to the conclusion that it is necessary to respect the human and civil rights in the Russian Federation to receive reliable legal information containing correct data from the point of view of Russian legislation, which, in accordance with the requirements of the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation", must be literate in terms of the rules of the Russian language. In order for the mass media to respect the right of a person and citizen in the Russian Federation to receive reliable legal information, as a possible legal guarantee established by the state, the author proposed to make an appropriate addition to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.*

***Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, законодательство, правила русского языка, достоверная информация, свобода массовой информации, средства массовой информации, телеканал, сетевое издание, правовое воспитание, правовое обучение.*

***Keywords**: The Constitution of the Russian Federation, legislation, rules of the Russian language, reliable information, freedom of the media, mass media, TV channel, online publication, legal education, legal education.*

***Для цитирования**: Винокуров В.А. Нарушение средствами массовой информации права человека и гражданина в Российской Федерации на достоверную правовую информацию // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 300-303. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_300.*

***For citation**: Vinokurov V.A. Violation of human and civil rights by mass media in the Russian Federation for reliable legal information // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 300-303. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_300.*

Статья поступила в редакцию: 24.02.2026

Конституция Российской Федерации[1] во второй главе содержит перечень основных прав и человека и гражданина нашего государства. Одним из конституционных прав каждого является «право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (из части 4 статьи 29). Одновременно Основной Закон страны гарантирует свободу массовой информации (из ч. 5 ст. 29).

В целях реализации указанного права в России в настоящее время действует несколько законодательных актов. Общие вопросы регулируются, в основном, Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации»[2] и Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[3]. Вопросы, затрагивающие отдельные, специфические моменты, предусматривающие обеспечение доступа к информации о деятельности судов, государственных органов и органов местного самоуправления, защиту детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, работы информационных систем топливно-энергетического комплекса и жилищно-коммунального хозяйства и др., изложены в нормах специальных федеральных законов[4].

Обратим внимание на ряд положений, содержащихся в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В указанном Федеральном законе определено понятие «информация», под которой понимаются «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» (статья 2) и установлены принципы, на основе которых основывается правовое регулирование отношений, возникающих в сфере информации, в числе которых достоверность информации (из статьи 3).

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (http://www.pravo.gov.ru). 2022. 6 октября. № 0001202210060013.
[2] Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.
[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
[4] См.: федеральные законы «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса», «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6217; 2009. № 7. Ст. 776; 2011. № 1. Ст. 48; 2011. № 49 (ч. V). Ст. 7060; 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4210.

Исходя из определений, содержащихся в Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации», следует, что для получения различного рода сообщений и материалов служит массовая информация, которая рассчитана на неограниченный круг лиц. Массовая информация распространяется через средство массовой информации, под которым понимаются «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» (статья 2). В этом же Законе Российской Федерации содержатся права и обязанности журналиста, то есть лица, занимающегося редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации. Интересно, что и в статье, определяющей права журналиста, и в статье, устанавливающей его обязанности, содержится одна и та же формулировка «проверять достоверность сообщаемой информации», но в первом случае – той информации, что сообщается ему, во втором – информации, что сообщает сам журналист (пункт 8 статьи 47, пункт 2 статьи 49). Таким образом, информация, которая распространяется массово, должна быть проверена как минимум дважды, что, по мнению автора, либо не осуществляется, либо проверка проходит формально.

Словосочетание «достоверная информация» содержится во множестве федеральных законов[1], но ни водном из них не разъясняется, что означает достоверность, в отличие от термина «информация», определение которому дано в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Понятие «достоверность» в русском языке рассматривается в качестве производного от слова «достоверный», которое, в свою очередь, растолковывается как «подлинный, несомненный, не вызывающий сомнений» [1, с. 784].

Следует отметить, что в юридической литературе достоверность весьма часто присутствует в рамках уголовного и гражданского процесса, где рассматривается достоверность доказательств, под которым, в первую очередь, понимается их точность и правильность [2; 3]. В отдельных исследованиях упоминается право на достоверную информацию при реализации избирательных прав граждан [4], а также право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды [5]. О проблемах понимания достоверности информации в целом, необходимости ее исследования говорит в своей работе Е.В. Устюжанина, справедливо заявляя, что «этот принцип в настоящее время является преимущественно декларативным и не обеспеченным достаточной системой информационно-правовых средств его реализации на практике» [6, с. 51].

Серьезному анализу принцип достоверности, причем достоверности в информационном праве подвергнут в научной работе О.В. Петровской, которая, подробно рассмотрев этот принцип, посчитала, что «достоверную информацию необходимо рассматривать как точные, полные сведения (сообщения, данные), отражающие объективную действительность…», убедительно обосновав, что «обеспечение достоверности информации в значительной степени осуществляется на основе закрепления ряда критериев достоверности, устанавливаемых как государством, так и иными обладателями информации, включая знания, содержащиеся, в том числе в нормативных правовых актах …» [7, с. 10].

Рассматривая не весь спектр массовой информации, а лишь официальные сообщения, сведения и сообщения, касающиеся основ государственного устройства нашей страны, которые можно именовать правовой информацией, следует, что достоверность доводимой до населения указанной информации должна основываться на нормах, закрепленных в Конституции Российской Федерации, законах Российской Федерации и федеральных законах, а также в принимаемых в развитие этих норм актах главы государства, федеральных органов государственной власти и иных государственных органов. Иначе говоря, в подобного рода в информации недопустимо использовать слова, словосочетания, которые не содержатся в правовых документах, заменять термины, названия и определения неточными с точки зрения права синонимами, вольно излагать официальный текст, использовать не установленную и не используемую в законодательных актах аббревиатуру.

В этой связи не лишним будет напомнить требование Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации»[2], по которому при использовании русского языка (как государственного) должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка, то есть правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках (из части 3 статьи 1). Одновременно определены сферы, в которых русский язык как государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию. В числе таких сфер, в частности, продукция средств массовой информации и реклама (из части 1 статьи 3). Названным Федеральным законом, кроме того, предусмотрено обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, в том числе в виде получения информации на русском языке через общероссийские, региональные и муниципальные средства массовой информации.

Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации» установлено также, что «учредители, редакции, издатели, распространители, государственные органы, организации, учреждения, предприятия и общественные объединения, должностные лица, журналисты, авторы распространенных сообщений и материалов несут ответственность за нарушения законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации», а вещатель (российское юридическое лицо, осуществляющее формирование телеканала или радиоканала и его распространение) несет ответственность за соответствие распространяемых телеканала, радиоканала требованиям законодательства Российской Федерации в целом (из статьи 57).

Современными нормами законодательства предусмотрена уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации, а также за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (статьи 207^1, 207^2, 207^3, 237 Уголовного кодекса Российской Федерации[3]), и административная ответственность за злоупотребление свободой массовой информа-

[1] См., например: федеральные законы «О качестве и безопасности пищевых продуктов», «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», «О полиции», Трудовой кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 150; 2010 № 31. Ст. 4179; 2011. № 7. Ст. 900; 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.
[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 23. Ст. 2199; 2023. № 10. Ст. 1575.
[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2030; 2022. № 10. Ст. 1389.

ции, в числе которой распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, которая могла привести или привела к определенным негативным последствиям (ч. 9, 10, 10[1], 10[2] ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[1]). За безграмотность, допускаемую в средствах массовой информации, принимаемую населением как верную, никакой ответственности в настоящее время не предусмотрено.

Из изложенных выше позиций складывается обязанность средств массовой информации соблюдать Конституцию Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты, причем не только с точки зрения грамотного (буквального) воспроизведения правовых норм, но и со стороны соблюдения правил русского языка, которая не подкреплена юридической ответственностью.

Если перефразировать под современные реалии высказывание В.И. Ленина, который говорил, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино» [8, с. 579], то получим важнейшую форму доведения массовой информации до населения – телевидение и сеть Интернет. Поэтому рассмотрим соблюдение перечисленных выше норм такими средствами массовой информации как телеканал, под которым понимается совокупность телепрограмм, сформированных в соответствии с сеткой вещания и выходящих в свет постоянным наименованием с установленной периодичностью, и сетевое издание, поясняемое как сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (статья 2 Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации»).

Весьма часто в новостных телепрограммах, а также в аналогичной информации, размещаемой на сайтах в сети «Интернет», содержатся сведения, не соответствующие нормам российского законодательства, включая те, что не соответствуют правилам русского языка.

Так, официальное наименование государства «Российская Федерация» или «Россия», что предусмотрено статьей 1 Конституции Российской Федерации, заменили аббревиатурой «РФ», которая может означать и Республику Фиджи, и Республику Филиппины, а в составе страны вместо субъектов Российской Федерации (республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов) появились регионы. При этом слово «регион» в словаре иностранных слов объясняется как обширный район, соответствующий нескольким областям (районам) страны или нескольким странам, объединенным экономико-географическими или другими особенностями [9, с. 566], что нашло свое отражение в толковых словарях русского языка: регион – это обширная область, группа соседствующих стран или территория, районы, объединенные каким-нибудь общим признаком [10, с. 542].

Вместо использования грамотного наименования Правительства Российской Федерации, употребляется не используемая в российском праве слоговая аббревиатура «Кабмин»[2]. Должности руководителей этого органа исполнительной власти, которые по конституционным нормам и нормам Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» именуются как Председатель Правительства Российской Федерации, Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, меняются на не предусмотренные законодательными нормами слова «премьер» и «вице-премьер».

О проблемах правой грамотности, вернее безграмотности, в неправильном использовании названия Российского государства, всю мощь которого свели до двух букв, в употреблении терминов и понятий, которые не соответствуют правовым нормам, автор отмечал в своих публикациях [11; 12]. Однако, ведущие новостных программ телевидения регулярно зачитывают подготовленный для них текст, содержащий зачастую недостоверную, то есть не соответствующую законодательству Российской Федерации информацию. При этом, ни тот, кто подготовил этот текст, ни редактор, проверявший его, ни сам диктор не понимают своего невежества. Отсутствие у указанных лиц, а также собственников изданий и телепередач, фильмов элементарных знаний русского языка ощущается практически в каждой трансляции. Выпускающие в эфир передачи и фильмы или не понимают разницы между работником и сотрудником, или специально настраивают людей не на работу, поскольку в показываемых на экранах сюжетах в офисах и магазинах, кафе и ресторанах, промышленных и сельскохозяйственных предприятиях существуют только сотрудники, которые с точки зрения российского права к работникам не имеют отношения, поскольку являются государственными служащими и осуществляют свою деятельность не в соответствии с нормами Трудового кодекса Российской Федерации[3], а в соответствии с нормами специальных законов. Малограмотные в правовом смысле работники телеканалов и сетевых изданий не выучили в средней школе, что стоящий в конце возвратных глаголов постфикс «-ся» или «-сь» в исходном глаголе заменяет слово «себя», указывая, на кого направлено действие (за очень небольшим исключением). Потому, во многом «благодаря» эфирам, заметно увеличилось повсеместное использование слова «извиняюсь» вместо «извините», то есть тот, кто должен извиниться перед кем-то делает это в отношении самого себя. И самое грустное в этом то, что никто этой некомпетентности уже не ощущает.

Создается впечатление, что телевидение и следом за ним новостные сайты сети «Интернет» поставили своей задачей массовое оглупление населения страны, вместо того, чтобы выступать в числе организаций, что могли бы осуществлять грамотное вещание, одновременно ненавязчиво проводя правовое обучение и правовое воспитание.

Развитие системы правового воспитания как один из основных элементов концепции правовой реформы, правового обеспечения ряда важнейших направлений формирования и функционирования российской государственности и развития полноценного гражданского общества определено в Указе Президента Российской Федерации 6 июля 1995 года № 673[4]. Однако дальше введения в школьные программы небольшого курса

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1; 2019. № 12. Ст. 1217; 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2029.
[2] С принятием Закона СССР от 26 декабря 1990 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» и до издания постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР» высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Советского Союза являлся Кабинет Министров СССР – Правительство СССР // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 1. Ст. 3; Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 51. Ст. 1799.
[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч.I). Ст. 3
[4] Указ Президента Российской Федерации 6 июля 1995 года № 673 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 28. Ст. 2642.

«Основы российского права» в рамках рабочей программы по обществознанию в 7[1] и 11[2] классах дело не пошло. Нежелание проводить планомерное правовое воспитание, приобщать подрастающее поколение к правовой грамотности привело к увеличению уголовных дел среди подростков, причем по делам, связанным с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, о чем с тревогой сообщает Следственный комитет Российской Федерации[3].

При должном развитии правового обучения и правового воспитания во всех образовательных учреждениях страны, поддерживаемых, в том числе средствами массовой информации, не пришлось бы «бить по хвостам», занимаясь правовым воспитанием несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей[4].

Для того, чтобы добиться реализации права человека на получение достоверной информации, в первую очередь, касающейся конституционных и иных законодательных норм, то есть достоверной правовой информации, необходимо предложить собственникам и учредителям телеканалов и сетевых изданий соблюдать российское законодательство, а также правила русского языка, выдавая в эфир лишь достоверную информацию. Убедить указанных лиц в необходимости изложенного выше поможет, на наш взгляд, установление административной ответственности за распространение недостоверной правовой информации, для чего предлагается дополнить статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях частью 13 следующего содержания:

«13. Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях недостоверной правовой информации, то есть информации, содержащей сведения, не соответствующие нормам, изложенным Конституции Российской Федерации и иных законодательных актах Российской Федерации, и правилам русского языка, –

влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от одного миллиона до трех миллионов рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой».

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка. Том I. Под редакцией Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 848 с.
2. Лебедев Н.Ю., Степанов С.А. Достоверность и достаточность доказательств в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и проблемы управления // Закон и право. 2022. № 4. С. 145–150.
3. Скоропупов Ю.И. Особенности защиты прав сторон в гражданском процессе // Известия Тульского государственного университета. Серия: Экономические и юридические науки 2013. № 3–2. С. 203–213.
4. Хорунжий С.Н. Конституционные гарантии реализации избирательных прав в контексте ответственности за распространение недостоверной информации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 55–58.
5. Велиева Д.С. Экологическая информация: проблемы дефиниции и дифференциации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 18. С. 12–15.
6. Устюжанина Е.В. Принцип достоверности информации: постановка проблемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 4. С. 47–52.
7. Петровская О.В. Принцип достоверности в информационном праве // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.13. – М., Институт государства и права РАН, 2021. – 204 с.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. – М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 44. – 726 с.
9. Словарь иностранных слов: свыше 21000 слов / отв. редакторы В.В. Бурцева, Н.М. Семенова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2007. – 817 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: ООО Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. – 736 с.
11. Винокуров В.А. Наименование государства, его руководителей и проблема правовой грамотности населения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 18–19.
12. Винокуров В.А. Право человека и гражданина на пользование родным русским языком при изучении правовой литературы // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 30–34.

References

1. Explanatory dictionary of the Russian language. Volume I. Edited by D.N. Ushakov, Moscow: Astrel Publishing House, AST Publishing House, 2000, 848 p.
2. Lebedev N.Yu., Stepanov S.A. Reliability and sufficiency of evidence in criminal proceedings: concept, meaning and problems of management // Law and Law. 2022. No. 4. pp. 145-150.
3. Skoropupov Yu.I. Features of protection of the rights of parties in civil proceedings // Proceedings of Tula State University. Series: Economic and Legal Sciences 2013. № 3-2. pp. 203-213.
4. Khorunzhiy S.N. Constitutional guarantees of the exercise of electoral rights in the context of responsibility for the dissemination of false information // Constitutional and Municipal law. 2020. No. 3. pp. 55-58.
5. Veliyeva D.S. Environmental information: problems of definition and differentiation // Constitutional and municipal law. 2008. No. 18. pp. 12-15.
6. Ustyuzhanina E.V. The principle of information reliability: problem statement // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2017. No. 4. pp. 47-52.
7. Petrovskaya O.V. The principle of reliability in information law // Dissertation for the degree of Candidate of Law. Specialty 12.00.13. – Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2021. – 204 p.
8. Lenin V.I. The Complete Works, ed. 5-E. – M.: Publishing House of Political Literature, 1970. Vol. 44. – 726 p.
9. Dictionary of foreign words: over 21,000 words / editors V.V. Burtseva, N.M. Semenova. – 4th ed., stereotype. – M.: Rus. Yaz. – Media, 2007. – 817 p.
10. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions / edited by prof. L.I. Skvortsov. – 26th ed., ispr. and add. – M.: Onyx Publishing House LLC: Mir I Obrazovanie Publishing House LLC, 2009. – 736 C.
11. Vinokurov V.A. The name of the state, its leaders and the problem of legal literacy of the population // Constitutional and municipal law. 2013. No. 2. pp. 18-19.
12. Vinokurov V.A. The right of a person and citizen to use their native Russian language in the study of legal literature // Constitutional and municipal law. 2017. No. 8. pp. 30-34.

[1] Федеральная образовательная программа основного общего образования, утвержденная приказом Минпросвещения России от 18 мая 2023 года № 370 // Официальный интернет-портал правовой информации (http://www.pravo.gov.ru). 2023. 14 июля. № 0001202307140040.
[2] Федеральная образовательная программа среднего общего образования, утвержденная приказом Минпросвещения России от 18 мая 2023 года № 371 // Официальный интернет-портал правовой информации (http://www.pravo.gov.ru). 2023. 13 июля. № 0001202307130017.
[3] КоммерсантЪ: СКР сообщил о росте преступности среди подростков // Следственный комитет Российской Федерации. Официальный сайт. 16 октября 2024 года [Электронный ресурс] // URL: https://sledcom.ru/press/smi/item/1921454/ (дата обращения: 21 февраля 2026 года).
[4] См.: пункт 4 Порядка проведения культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, утвержденного приказом Минюста России от 25 августа 2025 года № 209 // Официальный интернет-портал правовой информации (http://www.pravo.gov.ru). 2025. 28 августа. № 0001202508280022.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_304

УДК 332

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ УЧАСТНИКОВ ГРАНТОВЫХ ПРОГРАММ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
RIGHTS AND RESPONSIBILITIES OF PARTICIPANTS IN ENTREPRENEURSHIP SUPPORT GRANT PROGRAMS: CHARACTERISTICS OF YOUTH ENTREPRENEURSHIP

НИКИТИН Александр Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия.
664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
E-mail: narhoz-irk@yandex.ru

NIKITIN Aleksandr Viktorovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia, Irkutsk region.
E-mail: narhoz-irk@yandex.ru

САРАЕВА Оксана Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и сервиса,
Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия,
664003, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, корп. 3
E-mail: narhoz-irk@yandex.ru

SARAEVA Oksana Nikolaevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Service,
Baikal State University, Irkutsk, Russia,
11 Lenin Street, building 3, Irkutsk, Irkutsk Region, 664003, Russia
E-mail: narhoz-irk@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются права и обязанности участников грантовых программ поддержки предпринимательской деятельности, с акцентом на особенности молодежного предпринимательства. Анализируются основные аспекты правового регулирования грантовых отношений, права и обязанности грантополучателей и грантодателей. Особое внимание уделяется специфике участия молодых предпринимателей в грантовых программах, учитывая их ограниченный опыт, инновационный потенциал и социальную ответственность. Исследуются проблемные вопросы и предлагаются рекомендации по совершенствованию грантовой поддержки молодежного предпринимательства для повышения ее эффективности и результативности.*

Abstract. *This article examines the rights and responsibilities of participants in entrepreneurship support grant programs, with a focus on the specifics of youth entrepreneurship. It analyzes the key aspects of legal regulation of grant relations, as well as the rights and responsibilities of grant recipients and grant providers. Particular attention is given to the specifics of young entrepreneurs' participation in grant programs, given their limited experience, innovative potential, and social responsibility. Problematic issues are explored and recommendations for improving grant support for youth entrepreneurship are offered to enhance its effectiveness and efficiency.*

Ключевые слова: *грант, грантовая программа, поддержка предпринимательства, молодежное предпринимательство, права и обязанности, грантополучатель, грантодатель.*

Keywords: *grant, grant program, entrepreneurship support, youth entrepreneurship, rights and responsibilities, grant recipient, grant provider.*

Для цитирования*: Никитин А.В., Сараева О.Н. Права и обязанности участников грантовых программ поддержки предпринимательской деятельности: особенности молодежного предпринимательства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 304-306. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_304.*

For citation*: Nikitin A.V., Saraeva O.N. The rights and obligations of participants in grant programs to support entrepreneurship: features of youth entrepreneurship // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 304-306. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_304.*

Статья поступила в редакцию: 30.09.2025

Поддержка молодежного предпринимательства становится одним из приоритетных направлений государственной политики в России. Сегодня в России зарегистрировано 4,4 миллиона индивидуальных предпринимателей. Из них каждый четвёртый – в возрасте до 35 лет. Только за последний год количество новых молодёжных ИП в возрасте до 35 лет увеличилось на 287 тысяч[1]. Это свидетельствует о растущем интересе к предпринимательству среди молодёжи и их уверенности в долгосрочных перспективах ведения бизнеса. Грантовые[2] программы поддержки предпринимательской деятельности – это мощный инструмент стимулирования экономического роста и самореализации, особенно важный для молодежи. Государственная и коммерческая поддержка начинающих предпринимателей позволяет воплотить в жизнь инновационные идеи,

[1] Креативные индустрии – для молодёжи до 35: их доля – уже 11% [Электронный ресурс]. URL: https://rb.ru/news/tolko-58-ip-do-25-let-zanimayutsya-blogingom-bolee-50-teper-predpochitayut-reklamu-i-rabotu-v-it/ (дата обращения: 17.09.2025).

[2] Грант – это целевая безвозмездная финансовая помощь, предоставляемая организациями (государственными, некоммерческими, частными фондами) физическим или юридическим лицам для реализации конкретного проекта. В контексте предпринимательства, гранты призваны поддержать инновационные, социально значимые или экономически перспективные бизнес-инициативы. Цели грантовых программ разнообразны, но обычно включают: поддержку начинающих предпринимателей; стимулирование инновационной деятельности и внедрение новых технологий; создание новых рабочих мест; развитие перспективных отраслей экономики; решение социальных проблем посредством предпринимательских проектов и др.

создать новые рабочие места и внести вклад в развитие экономики страны. Однако, чтобы эффективно использовать возможности грантов, необходимо четко понимать свои права и обязанности как участника программы.

Программы грантовой поддержки предоставляют молодым предпринимателям уникальную возможность получить финансирование на развитие своего бизнеса. В отличие от кредитов, гранты являются безвозмездной финансовой помощью, что значительно снижает риски на начальном этапе. Это особенно важно для молодых предпринимателей, которые часто сталкиваются с трудностями в получении доступа к традиционному банковскому финансированию из-за отсутствия кредитной истории и опыта ведения бизнеса. Заметим, что грантовые программы не только предоставляют финансовые ресурсы, но и, часто, предлагают менторскую поддержку, обучающие программы и консультации экспертов.

Для молодых предпринимателей есть отдельная программа господдержки Министерства экономического развития РФ[1]. Грант могут получить ИП и юридические лица, если их основателям от 14 до 25 лет включительно. Тем, кому меньше 18 лет, нужно разрешение родителей[2]. По данным «Авито», все больше подростков начинают пробовать силы в бизнесе уже в 14-15 лет: изготавливают вещи ручной работы, рисуют, создают цифровые продукты и продают их через онлайн-площадки. Сегодня около 22% начинающих предпринимателей составляют юноши и девушки до 18 лет. Для них это не просто подработка, а первый опыт ведения бизнеса и общения с клиентами. Нередко именно такие проекты становятся стартовой площадкой для дальнейших масштабных инициатив[3].

Участники грантовой программы могут получить от 100 тысяч до 500 тысяч рублей. Если претендент ведёт бизнес в Арктической зоне, сумма гранта увеличивается до 1 млн рублей. К таким регионам относятся Мурманская и Архангельская области, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО, Республики Карелия, Коми, Саха (Якутия), Красноярский край.

Условия предоставления гранта прописаны в Приказе Минэкономразвития РФ от 24.03.2022 №149[4].

Участники грантовых программ, прошедшие конкурсный отбор и получившие грант, обладают рядом прав, которые обеспечивают им возможность эффективно реализовать свой проект: право на получение грантовых средств (ключевое право, определяющее суть участия в программе. Грантополучатель имеет право на получение денежных средств в соответствии с условиями договора (соглашения) о предоставлении гранта и утвержденным бюджетом проекта); право на консультационную и методическую поддержку (многие грантовые программы предоставляют своим участникам консультации экспертов, менторов, а также доступ к обучающим материалам и тренингам); право на конфиденциальность (грантодатель обязан соблюдать конфиденциальность информации, предоставленной грантополучателем, в частности, касающейся коммерческой тайны и ноу-хау), право на защиту от необоснованного отзыва гранта (грант может быть отозван только в случаях существенного нарушения условий договора (соглашения) или нецелевого использования средств. Решение об отзыве гранта должно быть обоснованным и документально подтвержденным); право на справедливую оценку результатов проекта (грантодатель обязан объективно оценивать результаты проекта на основе представленных отчетов и достигнутых показателей)[5].

Наряду с правами, участники грантовых программ несут определенные обязанности, направленные на обеспечение целевого использования средств и эффективную реализацию проекта: обязанность целевого использования грантовых средств (грантовые средства должны быть использованы строго в соответствии с утвержденным бюджетом проекта и условиями договора (соглашения). Любое отклонение от целевого использования является нарушением и может повлечь за собой отзыв гранта и другие санкции); обязанность представления отчетности (грантополучатель обязан регулярно представлять отчеты о ходе реализации проекта и использовании грантовых средств в установленные сроки и по установленной форме. Отчетность должна быть достоверной, полной и содержать все необходимые подтверждающие документы); обязанность соблюдения сроков реализации проекта (проект должен быть реализован в установленные сроки. В случае возникновения объективных причин, препятствующих соблюдению сроков, необходимо своевременно информировать грантодателя и согласовывать продление сроков); обязанность надлежащего ведения бухгалтерского учета (грантополучатель обязан вести надлежащий бухгалтерский учет операций, связанных с использованием грантовых средств, и обеспечивать доступ к бухгалтерской документации для проверки со стороны грантодателя); обязанность соблюдения требований законодательства (грантополучатель обязан соблюдать все требования законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность, в частности, налоговое, трудовое, антимонопольное законодательство); обязанность информирования о существенных изменениях (грантополучатель обязан своевременно информировать грантодателя о любых существенных изменениях, которые могут повлиять на реализацию проекта).

---

[1] Грант молодым предпринимателям [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/sanctions_measures/finansy/grant_molodym_predprinimatelyam/ (дата обращения: 17.09.2025).

[2] Кроме возраста, есть ещё несколько требований к предпринимателям: нужно зарегистрировать ИП или юридическое лицо в субъекте, где хотите получить грант, и вести бизнес на территории этого региона; ИП и юридическое лицо должны быть субъектами малого и среднего предпринимательства; доля молодого предпринимателя в юрлице должна составлять не менее 50%; софинансирование проекта молодым предпринимателем должно составлять не менее 25% от стоимости проекта; необходимо пройти бесплатное обучение в центре «Мой бизнес».

[3] Школы предпринимательства становятся точкой роста: как молодежь запускает бизнес с 14 лет [Электронный ресурс]. URL: https://incrussia.ru/news/shkoly-predprinimatelstva-stanovyatsya-tochkoj-rosta-kak-molodezh-zapuskaet-biznes-s-14-let/ (дата обращения: 17.09.2025).

[4] Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 24.03.2022 № 149 «О внесении изменений в требования к реализации мероприятий, осуществляемых субъектами Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, а также физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», в субъектах Российской Федерации, направленных на достижение целей, показателей и результатов региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федеральных проектов, входящих в состав национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», и требования к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, утвержденные приказом Минэкономразвития России от 26 марта 2021 г. № 142» // Официальный портал правовых актов (pravo.gov.ru) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204010043 (дата обращения: 17.09.2025).

[5] Грант для молодых предпринимателей [Электронный ресурс]. URL: https://www.ubrr.ru/dlya-biznesa/podderzhka-biznesa/spravochnik-predprinimatelya/grant-molodym-predprinimatelyam#1 (дата обращения: 17.09.2025).

Отметим, что в условиях стремительно меняющейся социально-экономической ситуации в России, молодежь представляет собой одну из самых активных и перспективных групп, которая не только способна адаптироваться к изменениям, но и инициировать новые подходы и идеи в ведении бизнеса. Однако молодым предпринимателям приходится сталкиваться с серьезными трудностями, такими как нехватка опыта, ограниченные ресурсы и высокая конкуренция на рынке. Рассмотрим главные причины необходимости развития молодежного предпринимательства в России [2, с. 260].

Первый и самый главный фактор – это стимулирование роста экономики. Прежде всего, молодежные стар-тапы вносят значительный вклад в валовый внутренний продукт страны. Создание нового бизнеса или предприятия равнозначно созданию рабочих мест, что помогает снизить уровень безработицы, особенно среди молодежи. Также не стоит забывать, что молодые предприниматели часто внедряют инновационные идеи и технологии. Это способствует не только к технологическому прогрессу страну, но и диверсификации экономики. Так, в период работы Школы предпринимательства на слете Всемирного фестиваля молодежи в Нижнем Новгороде[1] были представлены браслеты на основе ИИ для анализа состояния пациентов, софт для обработки фото с дронов при проектировании зданий и умное зеркало для подбора образов. Молодые предприниматели из Африки предложили проекты в сфере фермерства: выращивание злаков в засушливых регионах и экспорт лекарственных трав. Участники из СНГ презентовали инициативы в области трудоустройства и образования – онлайн-платформу для подготовки к собеседованиям и языковую школу. Среди социальных проектов внимание привлекла концепция кафе, продвигать которое планируется с помощью медийных личностей.

Второй фактор – социальные изменения. Юные предприниматели уделяют большое внимание социальным и культурным аспектам бизнеса, они стремятся способствовать устойчивому развитию общества и внести позитивные изменения. Также у молодежи во время предпринимательской деятельности развиваются важные навыки, такие как лидерство, тайм-менеджмент, управление рисками и способность адаптироваться к изменениям.

Хотя развитие молодёжного предпринимательства не является приоритетом российской экономики, его поддержка в последние годы приобрела особое значение[2]. Эксперты подчёркивают, что в постковидный период, когда возвращение к стабильной работе шло с трудом, именно молодёжь быстрее возобновила свою предпринимательскую деятельность.

Заметим, что в последние годы наблюдается рост числа молодых предпринимателей в России. Это связано с несколькими факторами: 1) внедряют программы поддержки молодежного предпринимательства, включая гранты, льготные кредиты и образовательные инициативы; 2) новые технологии позволяют создавать бизнесы с минимальными затратами, особенно в сфере он-лайн-услуг и электронной коммерции; 3) молодежь все больше стремится к независимости и самореализации, что побуждает их открывать собственные дела; 4) увеличивается интерес к социальным и экологическим аспектам бизнеса, что также способствует росту числа стартапов.

Перечисленные данные говорят о том, что поддержка от государства мотивирует развитие молодежной предпринимательской деятельности и что спрос на это растёт [1, с. 57].

Следует отметить, что существуют препятствия, замедляющие развитие молодёжного предпринимательства. К препятствиям относится плохая осведомлённость молодёжи о доступных преференциях и возможностях, вдобавок отсутствие или малое взаимодействие между образовательными учреждениями, где обучается молодое поколение, и реальной экономической сферы. Они акцентируют внимание на необходимости улучшения доступа к информационной поддержке и создания единой государственной тактики развития для повышения амбициозности и вовлечения молодёжи в бизнес. Дополнительно, в ограничивающих факторах выделяют дефицит инструментов финансовой поддержки, отсутствие платформ для передачи информации и опыта, недостаток практического опыта в ведении бизнеса, ограниченные сети контактов, что затрудняет поиск партнеров, клиентов и инвесторов, отсутствие необходимых навыков в области финансов, маркетинга или управления, высокий уровень конкуренции в определенных отраслях может сделать трудным выход на рынок и привлечение клиентов[3].

Исходя из всего вышесказанного, мы пришли к выводу, что участие в грантовых программах – это отличная возможность для молодых предпринимателей реализовать свои бизнес-идеи и внести вклад в развитие экономики. Однако, чтобы успешно воспользоваться этой возможностью, необходимо четко понимать свои права и обязанности. Осознанное и ответственное отношение к условиям договора, соблюдение правил отчетности и готовность к обучению – залог успешной реализации проекта и построения успешного бизнеса. Молодым предпринимателям следует активно использовать все возможности поддержки, предоставляемые грантовыми программами. В конечном итоге, успех молодежного предпринимательства – это залог инновационного развития и экономического процветания всей страны.

Список литературы

1. Головина Т.А. Государственная поддержка молодежного предпринимательства в России / Т.А. Головина, П.А. Меркулов, А.В. Полянин // Экономическая политика. 2017. №5. С. 42-61.

2. Узденова Ф.М Молодежное предпринимательство в России и регионах / Ф. М. Узденова, М. И. Урусов // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. №4 (54). С. 259-262.

References

1. Golovina T.A. State support for youth entrepreneurship in Russia / T.A. Golovina, P.A. Merkulov, A.V. Polyanin // Economic Policy. 2017. No. 5. pp. 42-61.

2. Uzdenova F.M. Youth entrepreneurship in Russia and the regions / F. M. Uzdenova, M. I. Urusov // Natural Sciences and Humanities Research. 2024. No. 4 (54). P. 259-262.

[1] Школы предпринимательства становятся точкой роста: как молодежь запускает бизнес с 14 лет [Электронный ресурс]. URL: https://incrussia.ru/news/shkoly-predprinimatelstva-stanovyatsya-tochkoj-rosta-kak-molodezh-zapuskaet-biznes-s-14-let/ (дата обращения: 17.09.2025).

[2] Например, Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» утвердил поддержку молодёжных инициатив как одно из направлений государственной молодёжной политики

[3] Меры поддержки молодежного предпринимательства в России [Электронный ресурс]. URL: https://roscongress.org/materials/mery-podderzhki-molodezhnogo-predprinimatelstva-v-rossii/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 17.09.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_307

УДК 342.713

ПРЕКРАЩЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА РФ ВСЛЕДСТВИЕ НЕИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТИ ПО ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПОСТАНОВКЕ НА ВОИНСКИЙ УЧЕТ
TERMINATION OF RUSSIAN CITIZENSHIP DUE TO NON-COMPLIANCE WITH THE ORIGINAL MILITARY REGISTRATION OBLIGATION

ПЕРШИНА Елена Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
350063, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43.
E-mail: pershina_geminus@mail.ru

PERSHINA Elena Anatolyevna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Constitutional and Administrative Law Kuban State University
350063, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Raspilevskaya str., 43.
E-mail: pershina_geminus@mail.ru

КУРЯЧАЯ Марина Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
350063, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43.
E-mail: mmkur@list.ru

KURYACHAYA Marina Mikhailovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Constitutional and Administrative Law Kuban State University
350063, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Raspilevskaya str., 43.
E-mail: mmkur@list.ru

Краткая аннотация. *В статье на основе российского законодательства и судебной практики анализируется основание прекращения гражданства по инициативе государства - неисполнение обязанности по первоначальной постановке на воинский учет. Отмечается, что указанное основание прекращения гражданства имеет определенные недостатки; в связи с этим внесено предложение по совершенствованию законодательного регулирования данной процедуры.*

Abstract. *The article analyzes the ground for termination of citizenship at the initiative of the state - failure to fulfill the obligation to register for military service - based on Russian legislation and judicial practice. It is noted that this ground for termination of citizenship has certain drawbacks; therefore, a proposal is made to improve the legislative regulation of this procedure.*

Ключевые слова: *гражданство, прекращение гражданства, утрата гражданства, конституционная обязанность, военная служба, воинский учет, первоначальная постановка на воинский учет.*

Keywords: *citizenship, termination of citizenship, loss of citizenship, constitutional duty, military service, military registration, initial military registration.*

Для цитирования*: Першина Е.А., Курячая М.М. Прекращение гражданства РФ вследствие неисполнения обязанности по первоначальной постановке на воинский учет // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 307-310. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_307.*

For citation*: Pershina E.A., Kuryachaya M.M. Termination of Russian citizenship due to failure to fulfill the obligation of initial military registration // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 307-310. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_307.*

Статья поступила в редакцию: 01.02.2026

Ключевым элементом для установления конституционно-правового положения человека является гражданство[1], которое представляет собой особую, устойчивую правовую связь лица с российским государством, выражающуюся в совокупности их взаимных прав и обязанностей. В соответствии с положениями статьи 6 Конституции Российской Федерации, порядок получения и утраты российского гражданства определяется федеральным законодательством.

Гражданство является единым и равным, вне зависимости от оснований его приобретения. В пределах российской территории каждый человек, являющийся гражданином Российской Федерации, наделен полным спектром прав и свобод, а также несет в равной степени обязанности, закрепленные в основном законе страны. Эта системная взаимосвязь характеризуется профессором С.А Авакьяном, так: «Государство обязано действовать в интересах гражданина, но вместе с тем вправе требовать от гражданина определенного поведения и выполнения обязанностей, долга перед государством»[2].

Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Прекращение такой юридической связи с Российской Федерацией может произойти по добровольному волеизъявлению гражданина (путем выхода из гражданства) или в одностороннем, принудительном порядке - по решению государства (вследствие утраты гражданства). Данное положение закреплено в статье 22

[1] Авакьян С.А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. - СПб. : юрид. Центр Пресс, 2003. - 643 с.
[2] Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян – М.: Юстицинформ, 2015. С. 238.

Федерального закона от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»[1] (далее – ФЗ № 138). Применяется принудительная мера по следующим основаниям: 1) сообщение лицом заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию и законодательство российского государства; 2) вследствие установления факта представления заявителем поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения заявителем заведомо ложных сведений; 3) закрепленные международным договором иные основания.

Под сообщением заведомо ложных сведений об обязательстве соблюдать Конституцию и законодательство Российской Федерации признаются следующие действия гражданина: совершение им преступления (приготовление к преступлению, или покушение на преступление); совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности страны; неисполнение лицом обязанности по первоначальной постановке на воинский учет.

В своем определении от 11.02.2021 г. №183-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что лишение правомерно полученного российского гражданства недопустимо. Отмена решения о приеме лица в российское гражданство по причине установления факта неисполнения им требований, предусмотренных законом, не может рассматриваться как лишение гражданства, а представляет собой конституционно допустимую меру, при этом действия компетентного государственного органа по аннулированию ранее вынесенного решения не носят произвольный характер[2].

Неисполнение обязанности по первоначальной постановке на воинский учет является основанием для прекращения российского гражданства у граждан, получивших соответствующий статус в порядке признания или посредством процедуры приема в гражданство.

Внесение дополнений в ФЗ № 138 в 2024 году[3] стало важным и оправданным шагом со стороны государства. Согласно пояснительной записке к проекту Федерального закона от 08.08.2024 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и статью 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» некоторые лица, оформившие российское гражданство, уклоняются от первоначальной постановки на воинский учет в территориальных военных комиссариатах, игнорируя тот факт, что гражданство Российской Федерации дает не только права и свободы, но предполагает и выполнение установленных обязанностей. Наблюдается ситуация, при которой иностранные граждане приобретают гражданство Российской Федерации, не стремясь выполнять предусмотренные федеральным законодательством обязанности - в частности, прохождение армейской службы, но при этом получая права в виде социальных гарантий и льгот, доступа к системе образования и здравоохранения и т.д. В период проведения специальной военной операции приобретает особую актуальность необходимость исполнения всеми гражданами, включая теми, кто был принят в гражданство Российской Федерации, воинской обязанности[4].

Регулирование вопросов воинской обязанности и прохождения военной службы в интересах исполнения российскими гражданами конституционного обязательства по защите Родины, а также порядок воинского учета граждан, в том числе первичного воинского учета в нашей стране осуществляются на основании Федерального закона от 28.03.1998 г. №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»[5] (далее – ФЗ №53-ФЗ), Положения о воинском учете, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 27.11.2006 г. № 179[6], Приказа Министра обороны Российской Федерации от 21.11.2021 г. № 700[7].

Воинская обязанность, включая воинский учёт, распространяется исключительно на граждан российского государства. Организация учёта осуществляется военными комиссариатами по месту постоянного проживания, а также по месту временного пребывания для тех граждан, которые находятся здесь более трёх месяцев либо проходят альтернативную гражданскую службу.

Воинский учёт граждан осуществляется военными комиссариатами через их территориальные подразделения, функционирующие на уровне муниципальных образований. При отсутствии таких структур соответствующие полномочия передаются органам местного самоуправления поселений, муниципальных или городских округов. Первоначальная постановка гражданина на воинский учет осуществляется путем внесения соответствующих сведений в Реестр воинского учёта военными комиссариатами.

Согласно п. 1 ст. 10 ФЗ № 53-ФЗ граждане при приобретении гражданства Российской Федерации и подлежащие воинскому учету обязаны в течение двух недель лично явиться в военный комиссариат по месту своего жительства, либо в течение семи дней подать электронное заявление через Единый портал государственных и муниципальных услуг (далее – Госуслуги) для постановки на воинский учет. Военный комиссариат по запросу территориального органа Министерства внутренних дел РФ через единую систему межведомственного взаимодействия дает информацию по выполнению рассматриваемой обязанности. По логике факт явки или подачи заявления говорит о том, что гражданин приступил к выполнению своей обязанности. Однако, как показывает судебная практика, федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел считает, что обязанность считается исполненной не с момента явки или подачи заявления, а только после завершения всей процедуры по-

[1] Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О гражданстве Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 10.01.2026).
[2] Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2021 года №183-О // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 10.01.2026).
[3] Федеральный закон от 08.08.2024 № 281-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и статью 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»» от 08.08.2024 № 281-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 10.01.2026).
[4] Система обеспечения законодательной деятельности // https://sozd.duma.gov.ru/bill/430354-8
[5] Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О воинской обязанности и военной службе» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 10.01.2026).
[6] Постановление Правительства РФ от 27.11.2006 № 719 (ред. от 26.08.2025) «Об утверждении Положения о воинском учете» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 10.01.2026).
[7] Приказ Министра обороны РФ от 22.11.2021 N 700 (ред. от 09.07.2025) «Об утверждении Инструкции об организации работы по обеспечению функционирования системы воинского учета» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.12.2021 № 66608) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 10.01.2026).

становки на учет, неоконченность которой приводит к прекращению гражданства[1].

Постановка на воинский учет – процедура, которая не всегда отличается быстротой завершения. При рассмотрении судебных дел основной причиной задержки становится прохождение медицинской комиссии, что приводит к получению военного билета за пределами установленного срока.

Так, предметом рассмотрения административного дела в Кировском районном суде г. Иркутска стало административное исковое заявление гражданина Б. к ГУ МВД России по Иркутской области о признании решения о прекращении российского гражданства незаконным, восстановлении нарушенного права. В обоснование своих требований гражданин Б. указал, что 14 сентября 2024 г. ему был выдан паспорт и направление в военный комиссариат для постановки на воинский учет по месту жительства. На основании этого направления он в этот же день обратился в военный комиссариат г. Иркутска. Однако, 23 октября 2024 г. в отношении него было принято решение о прекращении гражданства Российской Федерации в связи с неисполнением им обязанности по первоначальной постановке на воинский учет.

Настаивая на удовлетворении своих требований, административный истец пояснил, что действующее российское законодательство он не нарушал, в течение двух недель после получения паспорта явился в военный комиссариат для постановки на воинский учет, где ему выдали направление для прохождения медкомиссии. С этой целью он записался на прием к врачу на 23 сентября 2024 г., однако на приеме объяснили, что ему необходимо обратиться в другой кабинет. В этой связи он был вынужден записаться к другому специалисту, запись на ближайшую дату была на 7 октября 2024 г. В качестве доказательств, подтверждающих доводы административного истца, последним представлены направление в военный комиссариат муниципального образования, талон на прием к врачу на указанные даты, медицинская карта, сведения о вакцинации, направления на прохождение медицинского обследования, анализы, на которых стоит отметка «Военкомат», прохождение флюорографии и ЭКГ. В последующем, 15 ноября 2024 г. прошел медицинскую комиссию по месту жительства, что подтверждается материалами личного дела призывника. Согласно письменного ответа военного комиссариата Октябрьского и Правобережного округов г. Иркутска 09.12.2024 гражданин Б. был зачислен на воинский учет в отделение запаса.

При рассмотрении дела судом было достоверно установлено, что административный истец принял меры для постановки на воинский учет после вступления в российское гражданство, факта уклонения от обязанности не установлено. Решение ГУ МВД России по Иркутской области от 23 октября 2024 г. о прекращении гражданства Российской Федерации в отношении административного истца, было признано незаконным[2].

Другой причиной может быть наличие независящих от граждан жизненных обстоятельств. Так, по административному иску уроженца Таджикистана гражданина Д. к УМВД России по Калужской области об оспаривании решения о прекращении гражданства Российской Федерации, были выявлены следующие обстоятельства дела: после принесения Присяги гражданин Д. явился в Военный комиссариат Жуковского района Калужской области для постановки на воинский учет, однако в военкомате ему сообщили, что отсутствует сотрудник, который занимается постановкой на воинский учет, сотрудник военкомата выдал ему направление для прохождения медицинского освидетельствования и пояснил, что после прохождения медицинского осмотра он должен вновь явиться в военный комиссариат и при наличии медицинских документов записаться на прием с целью подачи всех документов для постановки на воинский учет, при этом каких-либо заявлений ему не было предложено заполнить. При обращении граждан в военный комиссариат сведения о них вносятся в соответствующий журнал регистрации и им предлагается для заполнения бланк заявления о постановки на воинский учет. В журнал вносятся фамилия, имя, отчество гражданина, дата его рождения, место регистрации и дата соответствующего обращения.

После прохождения врачей-специалистов гражданином Д. было получено заключение председателя военно-врачебной комиссии, с этим и другими документами он вновь явился в военный комиссариат с целью постановки на воинский учет, где ему выдали талон на подачу документов для постановки на воинский учет. Между тем, гражданину Д. сообщили о необходимости явки в отдел МВД по вопросам миграции, где ему было выдано уведомление о принятом решении о прекращении гражданства РФ по основанию - неисполнение лицом обязанности по первоначальной постановке на воинский учет.

В ходе рассмотрения в суде дела выяснилось, что в сентябре 2024 года действительно сотрудник военного комиссариата, отвечающий за воинский учет, находился в ежегодном отпуске, в связи с чем, выдачу бланков карт для прохождения медицинского освидетельствования осуществлял сторож военного комиссариата, при этом сторожу было поручено выдавать лишь бланки карт медицинского освидетельствования, запись же граждан для постановки на воинский учет, а также заполнение заявлений от граждан с целью постановки на воинский учет сторож не осуществлял, поскольку данная обязанность на сторожа не была возложена, данную обязанность никто из сотрудников военного комиссариата на период отпуска сотрудников не исполнял.

Следовательно, в ходе судебного разбирательства доводы административного истца о том, что он своевременно, в установленный законом двухнедельный срок явился в военный комиссариат для постановки на воинский учет, нашли свое подтверждение. Между тем по независящим от административного истца причинам у него не было отобрано заявление о постановке на воинский учет Военным комиссариатом Жуковского района Калужской области, в обязанности которого входит регистрация данных заявлений от граждан.

Оценив в совокупности, представленные по делу доказательства, суд пришел к выводу о признании незаконным и отмене решения

[1] Левисон А., Борщева К.Прекращение гражданства РФ за непостановку на воинский учет [Электронный ресурс] // Адвокатская газета [сайт]: https://www.advgazeta.ru/mneniya/prekrashchenie-grazhdanstva-rf-za-nepostanovku-na-voinskiy-uchet/?ysclid=mgi1pqmft7438942610 (дата опубликования 24.03.2025).
[2] Решение Кировского районного суда г. Иркутска от 15 апреля 2025 г. № 2а-818/2025 // https://sudact.ru/

УМВД России по Калужской области о прекращении гражданства, поскольку данное решение было принято без учета фактических обстоятельств дела, что привело к нарушению прав и законных интересов административного истца. Административные исковые требования гражданина Д. были удовлетворены[1].

Также наблюдаются ситуации, когда невыполнение указанной обязанности происходит по вине самого административного истца. Так, в Ямало-Ненецком автономном округе 23 октября 2024 г. житель г. Нового Уренгоя был принят в гражданство Российской Федерации. 07 ноября 2024 г. он принес Присягу. Из приведенных выше положений ст. 10 ФЗ № 53-ФЗ следует, что гражданин должен был явиться в военный комиссариат для постановки на воинский учет не позднее 21 ноября 2024 г. или до 14 ноября 2024 г. включительно подать заявление через Госуслуги. Однако, в установленный федеральным законом двухнедельный срок в военный комиссариат он не явился и не подал заявление через Госуслуги в течение недели. Впервые гражданин приступил к выполнению обязанности только 17 декабря 2024 г., только с 26 декабря 2024 г. начал проходить медицинское обследование для указанной цели, нарушив установленные сроки. Это обстоятельство послужило основанием для принятия решения УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу о прекращении российского гражданства и изъятии паспорта у гражданина, о чём был составлен соответствующий акт. Судебный орган оставил решение без изменения[2].

Также перемена места жительства, отсутствие определенных документов могут быть также причинами невыполнения обязанности. Так, в одном из дел, гражданин, после оформления гражданства, сменил место жительства и обратился для постановки на воинский учет в военкомат по новому месту регистрации. При этом, в УМВД и военкомате по предыдущему адресу сохранялись устаревшие данные. УМВД, запросив информацию о постановке гражданина на учет в военкомате по месту прежней регистрации, пришел к выводу, что данный гражданин не состоит на воинском учете, и прекратил его гражданство. Суд не отменил данное решение, поскольку гражданин не успел в течение двух недель завершить процедуру постановки на воинский учет в военном комиссариате по новому адресу. В другом деле у гражданина не было военного билета, полученного в другом государстве, военный комиссариат не принял его документы для постановки на воинский учет. Несмотря на то, что закон не обязывает граждан предоставлять данный документ, военные комиссариаты часто его запрашивают[3]. В следующем деле у гражданина врачи - психиатр и нарколог затребовали справки о том, что он не состоит на учете по месту предыдущего жительства в Турецкой Республике. Такие справки административный истец мог получить, только выехав в Турцию[4].

Анализ складывающейся судебной практики свидетельствует о поспешности со стороны правоохранительных органов при вынесении решений, а также о неполном рассмотрении всех обстоятельств дела, что недопустимо. Достаточно часто наряду с прекращением гражданства принимает решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию. За время пребывания в стране граждане адаптируются к социальной среде, устраивают свою жизнь, получают или приобретают жильё, складываются личные и деловые связи, работают, платят налоги, члены семьи также становятся гражданами российского государства. В этой связи указанное основание прекращения гражданства нуждается в усовершенствовании. Предлагается закрепить промежуточный этап – вынесение письменного предупреждения органа исполнительной власти о прекращении гражданства, а далее в случае отсутствия выполнения уведомления применять данное основание.

В этой связи предлагается внести в главу 4 ФЗ № 138 статью 26.1 «Прекращение гражданства Российской Федерации вследствие неисполнения обязанности по первоначальной постановке на воинский учет» изложив ее в следующей редакции:

«Федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел выносит письменное предупреждение гражданину, принятому в гражданство Российской Федерации и уклоняющемуся от первоначальной постановки на воинский учет. Предупреждение в трехдневный срок со дня его вынесения направляется (вручается) лицу, в отношении которого оно вынесено. Если в течение шести месяцев со дня вынесения федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел предупреждения указанный гражданин не выполнил обязанность по первоначальной постановке на воинский учет, федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел принимает решение о прекращении гражданства Российской Федерации по основанию, предусмотренному подпунктом «в» пункта 2 части 1 статьи 22 настоящего Федерального закона».

Список литературы:

1. Авакьян С. А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. - СПб. : юрид. Центр Пресс, 2003. – 643 с.
2. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян – М.: Юстицинформ, 2015. – 640 с.
3. Левисон А., Борщева К. Прекращение гражданства РФ за непостановку на воинский учет [Электронный ресурс] // Адвокатская газета [сайт]: https://www.advgazeta.ru/mneniya/prekrashchenie-grazhdanstva-rf-za-nepostanovku-na-voinskiy-uchet/?ysclid=mgi1pqmft7438942610 (дата опубликования 24.03.2025).

References:

1. Avakian S. A. Russia: citizenship, foreigners, and external migration. - St. Petersburg : yurid. Center Press, 2003. - 643 p.
2. Avakian S. A. Constitutional lexicon: A state-legal terminological dictionary / S. A. Avakian – M.: Justicinform, 2015. – 640 p.
3. Levison A., Borshcheva K. Termination of Russian Federation Citizenship for Failure to Register for Military Service [Electronic resource] // Advokatskaya Gazeta [website]: https://www.advgazeta.ru/mneniya/prekrashchenie-grazhdanstva-rf-za-nepostanovku-na-voinskiy-uchet/?ysclid=mgi1pqmft7438942610 (date of publication: 24.03.2025).

[1] Решение Калужского районного суда Калужской области от 10 марта 2025 г. № 2а-1-1143/2025 // https://sudact.ru/
[2] Решение Новоуренгойского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 марта 2025 г. по делу № 2А-1183/2025 // https://sudact.ru/
[3] Левисон А., Борщева К.Прекращение гражданства РФ за непостановку на воинский учет [Электронный ресурс] // Адвокатская газета [сайт]: https://www.advgazeta.ru/mneniya/prekrashchenie-grazhdanstva-rf-za-nepostanovku-na-voinskiy-uchet/?ysclid=mgi1pqmft7438942610 (дата опубликования 24.03.2025).
[4] Решение Благовещенского городского суду Амурской области от 12 февраля 2025 г. № 2а-1165/2025 // https://sudact.ru/

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_311

УКД 347

РОЛЬ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КООПЕРАТИВА В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВОВЫХ РИСКОВ
THE ROLE OF THE GOVERNING BODIES OF AGRICULTURAL COOPERATIVE IN PREVENTING THE EMERGENCE OF LEGAL RISKS

ДУПЛИНСКАЯ Елена Васильевна,
заместитель начальника отдела по развитию топливно-энергетического комплекса
ОГКП «Корпорация развития коммунального комплекса Ульяновской области», г. Ульяновск.
ул. Урицкого, 35Б. Север м-н, Ленинский район, г. Ульяновск, 432002, Россия.
E-mail: nata-9797911@mail.ru;

DUPLINSKAYA Elena Vasil'evna,
deputy head of the department for development of the fuel and energy complex,
OGKP "Corporation for the development of the communal complex of the Ulyanovsk region", Ulyanovsk.
Uritskogo St., 35B. Sever district, Leninsky district, Ulyanovsk, 432002, Russia.
E-mail: nata-9797911@mail.ru

Краткая аннотация: *в настоящей статье проанализирована роль органов управления в сельскохозяйственных кооперативах по предотвращению правовых рисков. Выделены функции общего собрания членов кооператива, касающиеся управления возникающими правовыми рисками. Сформулирована авторская классификация управленческих рисков в сельскохозяйственных кооперативах. Кроме того, рассмотрено положение о правлении как основополагающем инструменте для обеспечения превентивных мер по борьбе с возникающими рисками.*

Abstract: *in this article analyzes the role of management bodies in agricultural cooperatives in preventing legal risks. The functions of the general meeting of members of the cooperative regarding the management of emerging legal risks are highlighted. The author's classification of management risks in agricultural cooperatives is formulated. In addition, the provision on the board as a fundamental tool for ensuring preventive measures to combat with emerging risks.*

Ключевые слова: *правовой риск, управление рисками сельскохозяйственный кооператив, общее собрание членов кооператива, правление кооператива, функции органов управления, корпоративный конфликт.*

Keywords: *legal risk, risk management, agricultural cooperative, general meeting of cooperative members, cooperative board, functions of management bodies, corporate conflict.*

Для цитирования: *Дуплинская Е.В. Роль органов управления сельскохозяйственного кооператива в предотвращении возникновения правовых рисков // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 311-314. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_311.*

For citation*: Duplinskaya E.V. The role of the governing bodies of agricultural cooperative in preventing the emergence of legal risks // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 311-314. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_311.*

Статья поступила в редакцию: 16.12.2025

В теории управления рисками, возникающими в организациях, отмечено, что управление рисками и внутренний контроль должен осуществляться на всех уровнях и подразумевает вовлечение всех органов управления. При этом роли и функции должны быть разграничены, но, в свою очередь, дополнять друг друга [10]. Однако, роль органов управления в предотвращении рисков является сложным и многоаспектным вопросом. Как отмечает А.В. Габов, необходимо отличать понятия «субъекты корпоративных правоотношений» и «субъекты корпоративного управления». Первые, по мнению автора, это субъекты права: юридические и физические лица, обладающие правоспособностью (сама корпорация, её учредители, участники, физические лица – члены органов управления). Вторые – это субъекты, участвующие в управлении структуры, а также лица, которые могут не быть субъектами права [3].

И.С. Шиткина конкретизирует понятие субъектов корпоративного управления, которых она определяет как «органы управления и должностные лица корпорации, которые в силу возложенных на них полномочий, являясь стороной управленческих отношений, осуществляют целенаправленное воздействие на объект корпоративного управления» [11].

Позиция авторов о том, что органы управления организацией являются субъектами корпоративного управления, основной задачей которых является управления организацией с целью достижения целей, для которых она создана, является оправданной. Однако, в юридической литературе отведено незначительное место вопросу места и роли органов управления, связанных с предотвращением возникающих рисков.

Проанализируем роль органов управления по предотвращению рисков на примере деятельности сельскохозяйственного кооператива. Его система управления состоит из общего собрания членов кооператива и правления (председателя). Общее собрание членов является высшим органом управления. Оно наделено полномочиями по решению любых вопросов, касающихся деятельности кооператива. С нашей точки зрения, роль общего собрания членов кооператива должна заключаться в выработке стратегии управления и установлении правил, что в свою очередь является основой управления рисками. Однако, если общее собрание членов кооператива задаёт стратегию управления правовыми рисками, то правление должно отвечать за её оперативную реализацию и ежедневный мониторинг.

При этом, по нашему мнению, особый интерес представляет то, что и общее собрание, и правление кооператива состоит непосредственно из самих членов кооператива, то есть член кооператива может выступать и как субъект корпоративных правоотношений и как субъект корпоративного управления. Другими словами, члены общего собрания, председатель и члены правления соединяют в себе несколько ролей одновременно. Член кооператива, реализуя политику управления, должен быть максимально заинтересован в эффективной деятельности кооператива, от которой в целом зависит и его финансовое благополучие. Однако, с другой стороны, общее собрание и правление кооператива могут преследовать личные интересы, которые противоречат интересам кооператива. Очевидно, что особое положение, которое занимают чле-

ны общего собрания и правления в сельскохозяйственном кооперативе, накладывает специфические особенности на их правовой статус, который, в том числе, связан и с возникающими в кооперативе рисками.

Таким образом, общее собрание и правление кооператива, в силу двойственного статуса его членов, являются не только источниками специфических управленческих рисков, но и ключевыми субъектами по их минимизации через реализацию конкретных полномочий и внедрение системы управления рисками.

При этом стоит отметить, что правление сочетает в себе триединство ролей: первая – это субъект корпоративных отношений, который вступает в кооператив, преследуя личные интересы; вторая – субъект управления, который входит в общее собрание членов кооператива; третья – член правления, полномочия которого отличаются от полномочий общего собрания. Исходя из предложенных функциональных ролей, все риски, возникающие в деятельности кооператива, можно классифицировать на внутри-управленческие, представляющие собой конфликт личных интересов члена кооператива и самого кооператива, и меж-управленческие, возникающие между органами управления кооператива.

Внутри-управленческий риск, где личный интерес члена кооператива привёл к ликвидации кооператива, наглядно проиллюстрирован в решении Арбитражного суда Кировской области от 14.11.2021 по делу № А28-7583/2020 о признании недействительными договоров купли-продажи паёв и применении последствий недействительности сделок. Исходя из материалов дела, из колхоза «Ерёминский» в связи с продажей имущественных паёв было исключено 14 пайщиков и принят новый члена кооператива, которому они были проданы. Затем колхоз «Ерёминский» преобразован в ООО «Ерёминский» [9]. Таким образом, указанная сделка, одобренная органами правления колхоза, привела к тому, что юридическое лицо прекратило своё существование. То есть целью вхождения члена в колхоз и выкупа паёв было создание общества с ограниченной ответственностью, который в дальнейшем и стал одним из учредителей общества.

Ещё одним распространённым внутри-управленческим риском является риск заключения сделок в ущерб кооперативу. Решением Будённовского городского суда Ставропольского края от 11.02.2019 по делу № 2-14/2019 договор купли-продажи недвижимого имущества, заключённый кооперативом в лице председателя, признан недействительным. Судом установлено, что сделка заключена по необоснованно заниженной цене, в ущерб интересам кооператива, в отсутствии доказательств реальной передачи покупателем денежных средств в счёт оплаты стоимости приобретённого имущества [7].

Возникновение конфликта интересов между органами управления кооператива при принятии решений заложен на законодательном уровне. Так, к полномочиям общего собрания членов кооператива наряду с прочим относится привлечение к ответственности членов правления и (или) председателя кооператива [1]. То есть члены правления являются подконтрольным и подотчётным органом по отношению к общему собранию. Примером меж-управленческого риска, вследствие нечёткого разграничения полномочий между органами управления, который привёл к судебным спорам, является решение Арбитражного суда Алтайского края от 27.06.2023 по делу № А03-364/2023, которым протокол общего собрания членов сельскохозяйственного производственного кооператива «Альянс» об исключении гражданина из его членов признан недействительным. Основным доводом суда послужило то, что вопрос о членстве напрямую отнесён к исключительной компетенции правления данного кооператива и последующее утверждение данного вопроса отнесено к совместному его утверждению правлением и наблюдательным советом СПК «Альянс». Однако, решение об исключении из членов было принято на внеочередном общем собрании членов кооператива, в компетенцию которого не входят полномочия об исключении из членов кооператива [8].

Таким образом, к меж-управленческим рискам можно отнести: выход за пределы компетенции общего собрания членов кооператива, который характеризуется ситуацией, когда оно вмешивается в оперативное управление, принимает решения, отнесённые к полномочиям правления. Обратным риском является риск, когда правление действует без должного одобрения общим собранием.

Для предотвращения таких рисков, с нашей точки зрения, должны быть использованы превентивные инструменты. К ним может быть отнесено предъявления к членам правления и председателю кооператива определённых требований. Например, в юридической литературе указывается, что в положении о правлении кооператива могут устанавливаться требования к кандидатам в члены кооператива (например, обязательное наличие высшего специального сельскохозяйственного, экономического, юридического или технического образования, наличие опыта работы на руководящих должностях, отсутствие судимостей, безупречная репутация). Кроме того, положением о правлении кооператива может быть предусмотрено распределение обязанностей между членами правления кооператива и выплата вознаграждения членам правления за работу в правлении [4].

Более того, исходя из положений законодательства о кооперации, председатель кооператива и члены правления должны действовать в интересах кооператива добросовестно и разумно. В связи с этим, закрепление положения о вознаграждении членам правления или председателю за их деятельность по управлению в кооперативе положительно отразится в целом на управлении кооперативом, поскольку у исполнительных органов появится заинтересованность в эффективной деятельности организации, а также дополнительная мотивация к разумному и добросовестному исполнению своих обязанностей.

В юридической литературе также выделяются некоторые ограничительные условия, закрепляемые в положении о правлении. К ним можно отнести следующие ограничения некоторых прав члена правления: запрет быть учредителем или участником предприятий, конкурирующих с кооперативом, если ему на это не дано разрешение наблюдательным советом или общим собранием членов; запрет на разглашение или использование в личных корыстных интересах и в интересах третьих лиц конфиденциальную и инсайдерскую информацию о кооперативе, прямо или косвенно получать вознаграждение за оказание влияния на принятие решений наблюдательным советом, правлением и другими органами; принимать подарки или получать иные прямые или косвенные выгоды, цель которых заключается в том, чтобы повлиять на деятельность члена правления или на принимаемые им решения [4]. Исходя из проведённого анализа, положение о правлении, является важным инструментом по

предотвращению внутри-управленческих рисков.

Кроме того, для разрешения меж-управленческих рисков необходимо дополнить полномочия правления положениями, связанными с организацией системы управления рисками в сельскохозяйственных кооперативах. Для этого целесообразно часть 4 статьи 26 Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» дополнить подпунктом следующего содержания: «разработка и утверждение положения о системе управления правовыми рисками, ведение реестра рисков, разработка и утверждение плана мероприятий по их предотвращению или минимизации последствий».

В целях разграничения полномочий между органами управления в кооперативе и предотвращения меж-управленческих рисков, необходимо остановиться на роли общего собрания в системе управления возникающими рисками. Как нам представляется, каждое из законодательно закреплённых полномочий общего собрания членов кооператива направлено на минимизацию возникающих правовых рисков. Так, риску неопределённости правового регулирования корреспондирует полномочие по утверждению устава и других внутрикорпоративных документов. Финансовые риски и риски, связанные с неплатёжеспособностью, решаются посредством реализации полномочий по установлению размера и порядка внесения взносов и формированию фондов кооператива. Исключение риска возникновения корпоративных конфликтов решается через полномочия по справедливому распределению прибыли и убытков. Полномочие общего собрания по приёму и исключению из членов кооператива призвано минимизировать риски, связанные с членством, включая конфликт интересов, недобросовестное участие в кооперативе.

Таким образом, набор полномочий общего собрания членов кооператива позволяет говорить о его важной роли в системе управления возникающими рисками. Основными инструментами, которые могут быть применены общим собранием в качестве превентивной меры, являются устав, решения собраний и иные внутрикорпоративные документы.

Устав как основной документ призван предотвратить риск по блокированию принятия соответствующих решений общего собрания членов кооператива. Проиллюстрируем данное положение на примере: решение о формировании неделимого фонда, его размере и перечне объектов имущества, относимого к неделимому фонду, принимается членами кооператива единогласно, если уставом кооператива не определён иной порядок принятия решений по данному вопросу. На практике единогласное принятие решений может привести к риску блокирования его принятия отдельным членом кооператива или его группой. Однако, если акцентировать внимание на вышерассмотренной норме, то в ней имеется оговорка, «если уставом кооператива не определён иной порядок принятия решений по данному вопросу». Таким образом, в данном вопросе устав может стать тем превентивным инструментом, который позволит предотвратить наступление вышеуказанного риска.

Ещё одним из вопросов, который относится к исключительной компетенции общего собрания, является вопрос распределения прибыли (доходов) и убытков между членами кооператива, определение видов и размеров его фондов. Превентивное решение указанных вопросов возможно с помощью договора между членами, в котором необходимо детально урегулировать права и обязанности членов и самого кооператива по взаимодействию, распределению обязанностей по ведению хозяйственной деятельности, распределению прибыли и формированию фондов с целью защиты интересов каждого члена кооператива. При этом рассмотренные выше правовые инструменты, используемые общим собранием кооператива, носят превентивный характер и направлены на предотвращение возникновения конфликта интересов в кооперативах. Однако, на практике часто возникают ситуации, когда конфликт интересов уже допущен и возникает корпоративный спор. То есть, члены кооператива и само общее собрание как орган управления нередко становятся непосредственной стороной возникшего спора, поскольку некоторые вопросы решаются единогласно всеми участниками общего собрания, что неминуемо может привести к конфликту интересов, когда кто-то из членов может не согласиться с рассматриваемым предложением и его принятие будет заблокировано.

В случае объединения кооператива на базе крупного предприятия или членами одной семьи такие субъекты могут объединиться и принять решение, которое будет им наиболее выгодно. При этом некоторые члены останутся в стороне от принятого решения и могут заблокировать его утверждение. Подобного рода риск изложен в работе А.В. Габова, А.Е. Молотникова на примере акционерных обществ. Авторами отмечено, что в сложившейся ситуации может возникнуть такое явление как гринмэйл или корпоративный шантаж, который является ответом миноритарных субъектов на произвол мажоритарных субъектов [2, с. 49].

С нашей точки зрения, одной из причин возникновения подобных ситуаций является «гетерогенность» членов кооператива. Данное явление обусловлено различными факторами, такими как: размер хозяйств и финансовое положение членов кооператива, виды осуществляемой деятельности и различные интересы, которые они преследуют. Именно это в конечном итоге приводит к отсутствию единой стратегии в деятельности членов кооператива и невозможности достижения справедливого баланса между ними.

С другой стороны, феномен гетерогенности может породить риск принятия количественно преобладающими членами – мелкими личными подсобными хозяйствами, решений, невыгодных другим членам – крупным предприятиям. Таким образом, принятие некоторых решений квалифицированным большинством голосов членов общего собрания порождает другой риск, связанный с предыдущим, который заключается в злоупотреблении со стороны большинства членов кооператива и отстранении некоторых членов от управления им.

Отсюда можно выделить ещё одну функцию общего собрания членов – контрольную, которая заключается в анализе возникающих рисков и избрании правовых средств с целью дальнейшего недопущения подобных рисков в деятельности кооперативов. Например, интересным является судебное решение, связанное с банкротством членов кооператива. Зачастую складывается такая ситуация, что при банкротстве физического лица или организации, чтобы спрятать свои активы, такое лицо или организация вступает в кооператив и вносит туда своё имущество, чтобы обезопасить его от притязаний должников. Это обусловлено тем, что по общему правилу кооператив не отвечает по обязательствам своих членов.

В одном из рассмотренных решений суда супруга лица, в отношении которого завели дело о банкротстве, стала пайщиком потребительского общества и внесла туда своё имущество в качестве паевого взноса. Финансовый управляющий обратился в суд, чтобы оспорить сдел-

ку, поскольку всё оспариваемое имущество было приобретено в браке и являлось совместно нажитым, то переданное имущество необходимо отобрать у потребительского общества и вернуть в конкурсную массу. Однако, в конечном итоге сделка по передаче имущества в паевой фонд потребительского общества устояла, поскольку суды признали отсутствие доказательств того, что потребительское общество знало о наличии у должника неисполненных обязательств перед другими кредиторами. Следовательно, не был установлен тот факт, что другая сторона знала или могла знать о цели причинения вреда кредиторам [5].

Очевидно, что контрольная функция общего собрания кооператива играет важную роль в управлении возникающими рисками с целью их анализа и предотвращения их возникновения в будущем. Представляется, что общему собранию, как органу управления в кооперативе, необходимо обладать должной осмотрительностью, например, при приёме в члены кооператива, чтобы не допустить ситуации, которые могут привести к нарушениям или ограничениям хозяйственной деятельности кооператива.

Таким образом, можно выделить следующие функции общего собрания членов кооператива, которые связаны с управлением возникающими рисками:

1) превентивная, которая направлена на установление правил в целях предотвращения возникновения конфликта интереса в кооперативе;

2) стабилизационная, которая заключается в непосредственном участии общего собрания в разрешении возникшего корпоративного спора с целью его полного разрешения или уменьшения степени влияния возникающих негативных последствий;

3) контрольная, заключающаяся в анализе и мониторинге возникшего риска и принятии мер с целью дальнейшего недопущения его возникновения.

На основании проведённого анализа, установлена роль общего собрания членов кооператива и правления по управлению возникающими правовыми рисками, которая связана с двойственной правовой природой члена кооператива. Именно наличием функциональных ролей органов управления в кооперативе обусловлена правовая природа конфликта интересов. При этом проведённое исследование позволило выявить и классифицировать функции общего собрания членов кооператива в области управления правовыми рисками (превентивная, стабилизационная, контрольная), что дополняет существующие теоретические представления о компетенции данного органа управления. Кроме того, на основании функциональных ролей члена кооператива предложена авторская классификация управленческих рисков в сельскохозяйственных кооперативах на внутриуправленческие и меж-управленческие. Сформулирована концепция о положении правления как акте внутренней системы управления правовыми рисками в кооперативе с закреплением в нём ряда требований и условий, предъявляемых к членам правления (председателю).

Список литературы:

1. Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (в ред. ФЗ РФ от 31.07.2025 № 277-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1995. - № 50. – Ст. 4870. – 11 декабря; Собрание законодательства РФ. – 2025. - № 31. – Ст. 4631. – 04 августа.
2. Габов, А.В., Молотников, А.Е. Корпоративный шантаж как правовое явление / А.В. Габов, А.Е. Молотников // Журнал российского права. – 2008. - № 6. – С. 48-63.
3. Корпоративное право: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, квалификация Бакалавр, и магистрантов, обучающихся по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция, квалификация Магистр / [А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина и др.]; ответственный редактор доктор юридических наук, профессор И. С. Шиткина. – М.: Статут, 2019. – 728 с.
4. Лончакова Е.Г., Щербаков В.А. Комментарий к Федеральному закону от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс.
5. Можно ли оспорить внесение имущества в кооператив? [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: https:// https://www.klerk.ru/blogs/igumnovgroup/516685/ (дата обращения: 07 июля 2025).
6. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 ноября 2017 г. по делу № А73-17971/2016 // URL: https: // sudact.ru/arbitral/doc/OpFIsNtWGtoH/ (дата обращения: 17.02.2025).
7. Решение Будённовского городского суда Ставропольского края от 11.02.2019 г. № 2-1237/2018 2-14/2019 2-14/2019(2-1237/2018;)~М-1143/2018 М-1143/2018 по делу № 2-1237/2018 [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/V226EbpO4Crj/.
8. Решение Арбитражного суда Алтайского края от 28.11.2019 г. по делу № А03-2446/2019 [Электронный ресурс] / Режим доступа: https: // sudact.ru/arbitral/doc/IFdwCGABzDNB/.
9. Решение Арбитражного суда Кировской области от 14.11.2021 г. по делу № А28-7583/2020 [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/Snm3HDrAwVgs/.
10. Участники системы управления рисками и внутреннего контроля [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: https://law115.ru/uchastniki-sistemy-upravleniya-riskami-i-vnutrennego-kontrolya/ (дата обращения: 23 февраля 2025).
11. Шиткина И.С. Корпоративное право [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://uristinfo.net/korporativnoe-pravo/128-isshitkina-korporativnoe-pravo.html/3352-glava-v-korporativnoe-upravlenie-i-kontrol--1-ponjatie-i-suschnost-korporativnogo-upravlenija-i-kontrolja.html (дата обращения: 22 апреля 2025).

References:

1. Federal Law of 08.12.1995 No. 193-FZ "On Agricultural Cooperation" (as amended by Federal Law of the Russian Federation of 31.07.2025 No. 277-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1995. - No. 50. - Art. 4870. - December 11; Collected Legislation of the Russian Federation. - 2025. - No. 31. - Art. 4631. - August 4.
2. Gabov, A.V., Molotnikov, A.E. Corporate Blackmail as a Legal Phenomenon / A.V. Gabov, A.E. Molotnikov // Journal of Russian Law. - 2008. - No. 6. - pp. 48-63.
3. Corporate Law: a textbook for students studying in the field of training 40.03.01 Jurisprudence, Bachelor's qualification, and postgraduate students studying in the field of training 40.04.01 Jurisprudence, Master's qualification / [A. V. Gabov, E. P. Gubin, S. A. Karelina, et al.]; editor-in-chief Doctor of Law, Professor I. S. Shitkina. - Moscow: Statut, 2019. - 728 p.
4. Lonchakova E.G., Shcherbakov V.A. Commentary on the Federal Law of 08.12.1995 No. 193-FZ "On Agricultural Cooperatives" (article by article) // SPS ConsultantPlus.
5. Is it possible to challenge the contribution of property to a cooperative? [Electronic resource] / Access mode: URL: https:// https://www.klerk.ru/blogs/igumnovgroup/516685/ (date of access: July 7, 2025).
6. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of November 17, 2017 in case No. A73-17971/2016 // URL: https: // sudact.ru/arbitral/doc/OpFIsNtWGtoH/ (date of access: February 17, 2025).
7. Decision of the Budyonnovsk City Court of Stavropol Krai dated February 11, 2019 No. 2-1237/2018 2-14/2019 2-14/2019(2-1237/2018;)~M-1143/2018 M-1143/2018 in case No. 2-1237/2018 [Electronic resource] / Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/V226EbpO4Crj/.
8. Decision of the Arbitration Court of Altai Krai dated November 28, 2019 in case No. A03-2446/2019 [Electronic resource] / Access mode: https: // sudact.ru/arbitral/doc/IFdwCGABzDNB/.
9. Decision of the Arbitration Court of the Kirov Region dated November 14, 2021, in case No. A28-7583/2020 [Electronic resource] / Access mode: https://sudact.ru/arbitral/doc/Snm3HDrAwVgs/.
10. Participants in the risk management and internal control system [Electronic resource] / Access mode: URL: https://law115.ru/uchastniki-sistemy-upravleniya-riskami-i-vnutrennego-kontrolya/ (date of access: February 23, 2025).
11. Shitkina I.S. Corporate Law [Electronic resource] / Access mode: URL: http://uristinfo.net/korporativnoe-pravo/128-isshitkina-korporativnoe-pravo.html/3352-glava-v-korporativnoe-upravlenie-i-kontrol--1-ponjatie-i-suschnost-korporativnogo-upravlenija-i-kontrolja.html (date of access: April 22, 2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_315

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИИ: ПРАВОВОЙ ДИСКУРС
RUSSIAN ENERGY DEVELOPMENT IN THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA: LEGAL DISCOURSE

БАТТАХОВ Петр Петрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: battakhov@mail.ru;
BATTAKHOV Petr Petrovich,
candidate of of jurisprudence, senior researcher of Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: battakhov@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается роль Арктической зоны Российской Федерации как стратегического макрорегиона для реализации национальной энергетической политики и обеспечения экономического суверенитета. Обоснована необходимость систематизации правового регулирования in arctic energy complex: от добычи и переработки углеводородов до формирования инфраструктуры водородной энергетики и экспорта. Подчёркнуто, что арктические ресурсы и удлинённая транспортно-логистическая цепочка требуют гармонизации федерального законодательства, включая развитие единого кодификационного акта «Арктический кодекс РФ», а также разработки единых подходов к ценообразованию, экологическим стандартам и социальной политике в регионе. Аналитически осмысляются существующие стратегические документы (государственная стратегия безопасности, доктрины энергетической безопасности, стратегии устойчивого развития Арктики и до 2035 года) и их влияние на правовые рамки хозяйственной деятельности, экспорт и инвестиции. Рассматриваются вызовы и перспективы перехода к низкоуглеродной энергетике, включая возобновляемые источники и водород, с акцентом на необходимую политико-правовую поддержку инфраструктуры и международного сотрудничества. В заключение отмечается приоритет интеграции арктической энергетики в мировую систему энергоснабжения и важность систематизации правовых норм.*

Abstract. *The article analyzes the role of the Arctic Zone of the Russian Federation as a strategic macro-region for implementing national energy policy and ensuring economic sovereignty. It substantiates the need to systematize the legal regulation of the Arctic energy complex: from the extraction and processing of hydrocarbons to the formation of hydrogen energy infrastructure and exports. It emphasizes that Arctic resources and the extended transport and logistics chain require harmonization of federal legislation, including the development of a unified codification act "Arctic Code of the Russian Federation," as well as the development of unified approaches to pricing, environmental standards, and social policy in the region. The article analytically assesses existing strategic documents (the state security strategy, the energy security doctrine, the Arctic sustainability strategy up to 2035) and their impact on the legal framework for economic activity, export, and investment. It discusses the challenges and prospects of transitioning to low-carbon energy, including renewable sources and hydrogen, with emphasis on the necessary political-legal support for infrastructure and international cooperation. In conclusion, the article highlights the priority of integrating Arctic energy into the global energy supply system and the importance of systematizing legal norms.*

Ключевые слова: *энергетика, право, Арктика, экономика, промышленность, закон, территория.*
Keywords: *energy sector (energy), law, Arctic, economy, industry, territory.*

Для цитирования: *Баттахов П.П. Развитие российской энергетики в Арктической зоне России: правовой дискурс // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 315-318. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_315.*
For citation*: Battakhov P.P. Russian energy development in the Arctic zone of Russia: legal discourse // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 315-318. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_315.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2026

Российская Арктика, имеющая одну четвертую часть территории страны, оказывает огромное влияние на развитие промышленной экономики России. Необходимо подчеркнуть, что правовое регулирование энергетической промышленности в Арктической зоне имеет большое значение для развития хозяйственной деятельности России как суверенного государства. Арктическая зона находится в сфере пристального внимания арктических и неарктических государств, интересы которых не совпадают. Значимость Российской Арктики с каждым годом возрастает для зарубежных и российских инвесторов — это определяется огромными ресурсами полезных ископаемых и развитием новых предпринимательских направлений. Актуальными вопросами являются обеспечение энергообеспечения населения и правовое регулирование данных общественных отношений. Как известно, Российская Федерация обеспечивает многим дружественным странам мира значимую долю экспорта продукции энергоресурсов.

Ряд экспертов нефтегазовой отрасли были уверены, что территория РФ стремительно истощает залежи полезных ископаемых. При этом было высказано опасение, что сухопутные запасы нефти, газа в нашей стране скоро подойдут к концу, и тогда не смогут поддерживать даже нормальную работу собственного хозяйства, не говоря уже об экспортных контрактах. Перспективы развития были связаны с потенциальными запасами сырья на арктическом шельфе.

В сегодняшний день экологические организации в разных странах мира выдвигают на первый план противодействие изменению климата. Они постулируют желательность уменьшения выбросов парниковых газов и доли ископаемых энергоресурсов, в связи с этим выдвигается тезис о формировании чистой энергетики. Актуальным в этом плане является создание более совершенных систем снабжения энергией, которые безопаснее в плане выбросов углерода. Передовые технологии подобного рода, возможность широкомасштабного применения которых сейчас появилась, открывают превосходные перспективы для развития энергетической отрасли. Кроме того, в последнее десятилетие внимание учёных приковано к проблеме изменения климата (она же ключевая аксиома в энергетической отрасли планеты) – выработало убеждение: человечество

столкнулось с серьёзной угрозой. При этом внимание учёных акцентировано на крайне негативных результатах климатических процессов; ключевым фактором в данном случае выступает человеческая деятельность, преимущественно индустрия, которая противоречит нормам экологической безопасности. В то же время исследования учёных показали: климат Арктики теплеет в два раза интенсивнее, чем в других участках планеты, что ещё больше повышает её актуальность для российской энергетической стратегии и делает необходимым воплощение «зелёных» программ для перехода к низкоуглеродному развитию.

На сегодняшний день отечественный путь энергетического перехода в Арктике отталкивается от приоритетного развития водородной энергетики. После утверждения новой версии Энергетической стратегии до 2050 года[1] был принят план по развитию водородной энергетики в России на 2025–2030 г., который предусматривает к 2030 г. формирование выверенной цепочки водородно-энергетической отрасли во главе с ПАО «Газпром» и государственной корпорацией «Росатом»[2]. При этом планируется преобразование существующей системы трубопроводов для прокачки уже не природного газа, а водорода. По ней после некоторых доработок можно отправлять водород на экспорт, потенциально способный занять второе место после газа.

Отсюда видно, что выдвижение множества «альтернативных» энергетических источников не приводит к появлению подлинно новой платформы развития, не произошло также и глобальных рывков в энергоэффективности. Намеченные властями Европейского союза проекты подразумевают, что к началу 2030-х годов 20% вырабатываемой в еврозоне энергии будет приходиться на долю «зелёных» методов, однако этого слишком мало, чтобы создать основу для глобальных перемен в масштабах земли. Альтернативная энергетика показала определённые успехи, но не может конкурировать с традиционными способами получения энергии.

Однако необходимо отметить, что большая часть действующих ныне нормативно-правовых актов, затрагивающих развитие Арктической зоны России, разработана за последние 5 лет. При этом существующая нормативная база в области регулирования социально-экономического развития в Арктике, направлена крайне узко, в частности не включены в её состав недавние поручения Президента России касательно подготовки и принятия специальных федеральных законов по развитию Арктической зоны РФ. Действие таких законов должно обеспечить правовое регулирование правоотношений в ключевых аспектах, без которых немыслимо сбалансированное развитие этой части нашей страны.

Преимущественная часть стратегических актов, затрагивающих интересы государства, отражаются в нормативно-правовых актах, регламентирующих развитие энергетики в Арктической зоне России. Наиболее значимыми из них являются следующие акты:

- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400[3], в котором основное внимание сосредоточено на дальнейшем совершенствовании существующих и на разработке новых методик получения энергии из альтернативных и возобновляемых источников, а также какие меры необходимо предпринимать параллельно с развитием низкоуглеродной энергетики (подп. 16 п. 67)[4]. Кроме того, данный акт затрагивает деятельность предпринимателей, воспитывая таким образом производственную культуру, что безусловно способствует устойчивому развитию экономики. Вместе с тем фактически ни в одном из официальных документов нет каких-либо четких указаний относительно перехода на выработку «зеленой энергии», при этом использование классов энергетической эффективности способно лишь частично повлиять на решение этих вопросов[5]. Таким образом, существует ряд причин, которые заставляют задуматься о технологических возможностях перехода к зеленой энергии и существовании предпосылок к нему.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р[6];

- Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (2020 г.)[7] где освещен перечень вопросов, касающихся добычи углеводородов;

- Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (утв. Указом Президента РФ от 5 марта 2020 года № 164)[8], в котором перечислены важнейшие цели и задачи нашей страны, а также вызовы, стоящие сегодня перед государством в энергетической отрасли. Среди них стоит выделить вопросы повышения уровня жизни местных жителей, проживающих в Арктической зоне РФ, развития экономики российских арктических территорий; природоохраны, прочие.

Представляет интерес еще один официальный документ, который регулирует вопросы энергетической безопасности РФ, а именно – Доктрина энергетической безопасности, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216[9], где особое внимание

[1] Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 N 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» // Собрание законодательства РФ", 21.04.2025, N 16, ст. 2075.
[2] Чжао Ц. Зеленые проекты в российской Арктике в условиях глобального энергетического перехода // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Системный анализ и моделирование экономических и экологических систем. – 2023. – Т. 1, № 8. – С. 178-184.
[3] Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"// Собрание законодательства РФ", 05.07.2021, N 27 (часть II), ст. 5351.
[4] Лаптев В. А. К вопросу о зеленой энергетике в системе ESG-принципов и реализация в предпринимательстве // Энергетическое право: модели и тенденции развития : Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, Белгород, 11–12 ноября 2022 года. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023. – С. 158-163.
[5] Клеандров, М. И. О кодификации энергетического законодательства: размышления, общие подходы // Правовой энергетический форум. – 2025. – № 1. – С. 7-15.
[6] Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 N 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Собрание законодательства РФ", 13.01.2025, N 2, ст. 74
[7] Указ Президента РФ от 26.10.2020 N 645 (ред. от 27.02.2023) "О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года"// "Собрание законодательства РФ", 02.11.2020, N 44, ст. 6970.
[8] Указ Президента РФ от 05.03.2020 N 164 (ред. от 21.02.2023) "Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года"// "Собрание законодательства РФ", 09.03.2020, N 10, ст. 1317.
[9] Указ Президента РФ от 13.05.2019 N 216 "Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации"// Собрание законодательства РФ", 20.05.2019, N 20, ст. 2421.

обращается на необходимость повышения защищенности населения и экономики государства от угроз, стоящих перед национальной безопасностью в энергетической отрасли, перечисляет требования к энергетическому снабжению каждого потребителя тем или иным видом топлива. В отдельную категорию выделены вопросы выполнения условий, предусмотренных экспортными контрактами и международными обязательствами. Стоит учитывать, что перечень основных угроз охватывает далеко не только внешние (конъюнктурные, макроэкономические, геополитические) факторы, но и текущее состояние, а также устойчивое функционирование энергетики России[1].

Оценивая Энергетическую стратегию России на период до 2050 года, стоит обратить внимание на цели, при достижении которых будет обеспечено последовательное продвижение, а также решение следующих первоочередных задач: 1) оптимизация добычи и переработки углеводородов, а также создание благоприятного климата, способствующего развитию ключевых направлений энергетического сектора; 2) улучшение экологической и энергетической составляющих экономического развития, что предполагает коренную реструктуризацию и поэтапное решение проблем, связанных с технологическим энергосбережением; 3) дальнейшая интеграция российского энергетического комплекса в мировую энергосистему[2].

До этого перечисления задач содержится документ «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации», утвержденная Указом Президента Российской Федерации[3]. Данный документ подчеркивает необходимость выполнения требований, связанных с технологическим обновлением привычных для нашей страны экономических сфер, дальнейшим развитием наукоемкой и высокотехнологичной отрасли, что повысит долю выпускаемых инновационных товаров (продукции, технологий) благодаря структурным экономическим изменениям в РФ.

Необходимо отметить, что в текстах стратегических документов содержится ряд достаточно общих формулировок, которые в настоящее время пока недостаточно освещены и проработаны в энергетическом праве. Однако рассматривая общую картину, можно сделать вывод, что законодательные нормы, регулирующие вопросы энергетики, необходимо и далее систематизировать, вырабатывать единые понятия и подходы, а также определять те из них, которые могут быть отнесены к энергетической сфере. Поэтому назрела острая необходимость в принятии единого федерального закона, который бы регулировал весь комплекс правоотношений в данной отрасли[4]. Осуществление дальнейшей систематизации нормативных и правовых актов может стать одним из действенных инструментов, который позволит повысить эффективность функционирования энергетической сферы.

Немало вопросов возникает относительно стоимости горюче – смазочных материалов (далее ГСМ) в Арктической зоне России. При этом огромными масштабами территории и добычи энергоресурсов выделяется Республика Саха (Якутия). Например, в Республике Саха (Якутия) по сравнению с центральной полосой России на тридцать процентов дороже ГСМ. Если на сегодняшний день транспортные расходы составляют в среднем 15%, то цены на ГСМ должны быть как минимум на 10% дешевле. Если проанализировать стоимость ГСМ по России, цены в Республике Саха (Якутия) самые высокие по всем показателям и экономически необоснованные. Выход из данной ситуации один: необходимо принимать соответствующие нормативно-правовые акты федерального и местного значения для производства горюче – смазочных материалов на территории Арктической зоны России. Ценообразование на региональном рынке горюче-смазочных материалов в Арктической зоне России подвержено влиянию неоправданной концентрации в топливно-энергетическом комплексе, неоднородности конкурентных условий в энергетике. Также оно страдает от завышенной финансовой нагрузки, которая падает на предприятия топливно-энергетического комплекса из-за наращивания налоговых отчислений, повышения величины таможенных и прочих обязательных платежей в бюджет.

Согласно Указу Президента России п.п. г п. 25 "Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации"[5]страна должна вести долгосрочное регулирование цен по сбалансированным критериям. Также данный указ подразумевает обязательную ответственность топливно-энергетического комплекса за поддержание нормальных социально-экономических параметров. В соответствии с этими принципами должно меняться само ценообразование. Ещё одним приоритетом называется развитие топливно-энергетической инфраструктуры Арктической зоны Российской Федерации. При реализации положений этого стратегического документа удастся в дальнейшем разрешать проблемы северных территорий.

Таким образом, Арктическая зона является ценной для развития энергетической отрасли в Российской Федерации и правовые подходы к регулированию оборота энергоресурсов определяются многими факторами. Также можно указать, что ценообразование идёт с учётом расстояний и условий в поясе полярного климата. Производство первичных энергетических ресурсов, безусловно, сохранит свою актуальность как вид деятельности в Арктике, и оно станет предельно важным фактором в развитии глобального энергообеспечения на планете Земля. Непосредственные результаты предстоящей добычи и перемещения энергоресурсов станут зависеть не только от размаха этой деятельности, но и, в значительной мере, сложившимися условиями и правилами в соответствующих отраслях производства, которые должны быть проанализированы досконально и подлежат индивидуальной оценке. Совокупность перечисленных упущений в нормативно-правовой базе служит основанием внесения ряда изменений, которые касаются установления адекватного порядка ценообразования на энергоресурсы на российской территории. В

[1] Габов, А. В. Энергетическое право Евразийского экономического союза: формирование и основы / А. В. Габов, М. С. Лизикова // Предпринимательское право. – 2022. – № 2. – С. 13-24.
[2] Лизикова М. С. Стратегии развития и вопросы правового обеспечения водородной энергетики // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2021. – Т. 16, № 4. – С. 135-151.
[3] Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145"О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации"// Собрание законодательства РФ", 04.03.2024, N 10, ст. 1373.
[4] Габов А.В. Указ. соч.
[5] Указ Президента РФ от 13.05.2019 N 216 "Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации"// Собрание законодательства РФ", 20.05.2019, N 20, ст. 2421.

дальнейшем комплекс нормативно-правовых актов, предназначенных обособленно для территорий Арктической зоны Российской Федерации, надлежит систематизировать и упорядочивать уже на федеральном уровне. Для полноценного хозяйственного развития регионов следует принять кодификационный акт – «Арктический кодекс РФ», его принятие в перспективе может стать мощным импульсом для развития экономики страны.

Список литературы:

1. Чжао Ц. Зеленые проекты в российской Арктике в условиях глобального энергетического перехода // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Системный анализ и моделирование экономических и экологических систем. – 2023. – Т. 1, № 8. – С. 178-184.
2. Лаптев В. А. К вопросу о зеленой энергетике в системе ESG-принципов и реализация в предпринимательстве // Энергетическое право: модели и тенденции развития : Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, Белгород, 11–12 ноября 2022 года. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023. – С. 158-163
3. Клеандров М. И. О кодификации энергетического законодательства: размышления, общие подходы // Правовой энергетический форум. – 2025. – № 1. – С. 7-15.
4. Габов А. В. Энергетическое право Евразийского экономического союза: формирование и основы / А. В. Габов, М. С. Лизикова // Предпринимательское право. – 2022. – № 2. – С. 13-24.
5. Лизикова М. С. Стратегии развития и вопросы правового обеспечения водородной энергетики // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2021. – Т. 16, № 4. – С. 135-151.

References:

1. Zhao C. Green projects in the Russian Arctic in the context of the global energy transition//Ecology. Economics. Computer science. Series: Systems analysis and modeling of economic and ecological systems. – 2023. - T. 1, NO. 8. - S. 178-184.
2. Laptev V. A. On the issue of green energy in the ESG system and implementation in entrepreneurship//Energy law: models and development trends: Collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Belgorod, November 11-12, 2022. - Belgorod: Belgorod State National Research University, 2023. - S. 158-163
3. Kleandrov M. I. On the codification of energy legislation: reflections, general approaches//Legal Energy Forum. – 2025. – № 1. - S. 7-15.
4. Gabov A.V. Energy law of the Eurasian Economic Union: formation and foundations/A.V. Gabov, M.S. Lizikova//Entrepreneurial law. – 2022. – № 2. - S. 13-24.
5. Lizikova M.S. Development strategies and issues of legal support for hydrogen energy//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2021. - T. 16, NO. 4. - S. 135-151.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_319

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ, КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ЦЕЛЯХ СОХРАНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

LEGAL REGULATION OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE ARCTIC REGION: BALANCING THE INTERESTS OF INDIGENOUS MINORITIES OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST, ENTREPRENEURS, COMMERCIAL ORGANIZATIONS AND PUBLIC ENTITIES IN ORDER TO PRESERVE THE ENVIRONMENT AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

БАТТАХОВ Петр Петрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: battakhov@mail.ru;

ОВЧИННИКОВА Юлия Сергеевна,
научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: battakhov@mail.ru;

BATTAKHOV Petr Petrovich,
candidate of jurisprudence, senior researcher
of Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: battakhov@mail.ru;

OVCHINNIKOVA Yulia Sergeevna,
Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (IGP RAS).
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: battakhov@mail.ru

Краткая аннотация. *На Международной научно-практической конференции были затронуты актуальные вопросы, связанные с промышленным освоением Арктического региона и с теми современными вызовами (климатическими, социальными, экономическими), ответ на которые может содержаться в правовых решениях. Участниками конференции были выявлены функции государства при промышленном освоении Арктики и принципы арктического предпринимательства. Особое значение докладчиками уделено актуальной проблеме баланса интересов государства, бизнеса и коренных малочисленных народов, при этом анализировался зарубежный опыт, который возможен для адаптации в Российской Арктике. На конференции были также поставлены вопросы о законодательном закреплении понятий «традиционная хозяйственная деятельность» и «традиционное природопользование», раскрыты правовые аспекты отдельных традиционной хозяйственной деятельности. Особое внимание участниками было уделено различным аспектам экологической и промышленной безопасности Арктического региона, были сформулированы предложения по созданию более эффективных механизмов по ликвидации последствий причинения вреда окружающей среде.*

Abstract: *At the International Scientific and Practical Conference, topical issues related to the industrial development of the Arctic region and those modern challenges (climatic, social, economic), the answer to which may be contained in legal decisions, were touched upon. The conference participants identified the functions of the state in the industrial development of the Arctic and the principles of Arctic entrepreneurship. The speakers paid particular attention to the urgent problem of balancing the interests of the state, business and indigenous peoples, while analyzing foreign experience that is possible for adaptation in the Russian Arctic. The conference also raised questions about the legislative consolidation of the concepts of "traditional economic activity" and "traditional nature management," disclosed the legal aspects of certain traditional economic activities. The participants paid special attention to various aspects of environmental and industrial safety in the Arctic region, formulated proposals for the creation of more effective mechanisms to eliminate the consequences of environmental damage.*

Ключевые слова: *промышленное освоение Арктического региона, баланс интересов, коренные малочисленные народы Севера, окружающая среда, устойчивое развитие, традиционная хозяйственная деятельность.*

Keywords: *industrial development of the Arctic region, balance of interests, indigenous peoples of the North, environment, sustainable development, traditional economic activity.*

Для цитирования: *Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С. Правовое регулирование промышленного освоения Арктического региона: баланс интересов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, предпринимателей, коммерческих организаций и публичных образований в целях сохранения окружающей среды и устойчивого развития // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 319-322. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_319.*

For citation*: Battakhov P.P., Ovchinnikova Yu.S. Legal regulation of industrial development of the Arctic region: balancing the interests of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East, entrepreneurs, commercial organizations and public entities in order to preserve the environment and sustainable development t// Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 319-322. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_319.*

Статья поступила в редакцию: 21.03.2026

Международная научно-практическая конференция «Правовое регулирование промышленного освоения Арктического региона: баланс интересов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, предпринимателей, коммерческих организаций и публичных образований в целях сохранения окружающей среды и устойчивого развития», была посвящена следующим актуальным направлениям: во-пер-

вых, общие вопросы правового регулирования промышленного освоения Арктического региона, во-вторых, защита интересов коренных малочисленных народов и их сбалансированность с интересами других субъектов экономической деятельности, в-третьих, сохранение окружающей среды и, наконец, устойчивое развитие данного региона.

Вопросы особого значения Арктического региона для России были затронуты в приветственном слове **Габова Андрея Владимировича**, и.о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права, главного научного сотрудника ИГП РАН, доктора юридических наук, профессора, член-корреспондента Российской академии наук, который отметил также необходимость выявления и анализа специфики (прежде всего климатической) Арктического региона. Было также отмечено, что данная специфика отражается на хозяйственной деятельности Арктического региона и именно с учетом данного фактора должны приниматься правовые решения.

Лаптев Василий Андреевич, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права ИГП РАН, доктор юридических наук, остановился в своем докладе на принципах арктического предпринимательства на современном этапе». В частности, была раскрыта суть таких принципов как социально ответственный бизнес, инновационное предпринимательство, компенсация северных подорожаний и т. д.

Ушницкий Рум Румович, декан юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, кандидат юридических наук, доцент, проанализировал в своем выступлении актуальные вопросы баланса интересов в экономике при промышленном освоении Арктического региона.

В докладе было уделено внимание таким понятиям как «конфликт интересов», «публичная ответственность», «потерпевшие» при экономическом освоении и причинении вреда природе Арктики. В докладе были выделены функции государства при промышленном освоении Арктики, а также критерии для их осуществления (баланс интересов, рентабельность, сохранение природы и т. д.). Был сделан вывод о необходимости создания специальных внебюджетных фондов для финансирования мероприятий по ликвидации последствий причинения вреда окружающей среде.

Ким-Кимэн Александр Николаевич, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М .К. Аммосова, доктор юридических наук, остановился в докладе на вопросах исполнимости действующего арктического законодательства, социальной ответственности бизнеса, а также необходимости учета интересов коренных северных народов при принятии решений (в частности, по вопросам пользования природными ресурсами).

Иванова Татьяна Спартаковна, профессор кафедры «Арктическое право и право стран АТР» юридического факультета Северо-Восточного федерального университета, доктор юридических наук, выступила с докладом «Правовое регулирование ответственного недропользования в Республике Саха (Якутия)». В докладе рассматривается ответственное недропользование в Республике Саха (Якутия) определяется Законом РС(Я) от 3 июля 2018 г. № 2043-З как недропользование с учётом интересов общества и государства[1], предполагающее принятие дополнительных мер для социально-экономического развития территории деятельности недропользователя, муниципального образования и республики. Ключевая особенность заключается в обязательном сочетании финансовой эффективности с соблюдением природоохранного законодательства, экологических стандартов и минимизацией воздействия производства на окружающую среду. Концепция предусматривает превентивное предотвращение экологических происшествий и катастроф, что значительно расширяет традиционное понимание недропользования.

Воронина Наталья Павловна, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, проанализировала в своем выступлении состояние правового регулирования оленеводства. В докладе был отмечен развернутый понятийный аппарат действующего законодательства в сфере оленеводства, а также положительные тенденции правового регулирования в части о предусмотрении мер государственной поддержки в этой сфере.

Слепцов Анатолий Николаевич, заведующий кафедрой «Арктическое право и право стран АТР» юридического факультета СВФУ, кандидат юридических наук, обозначил в докладе правовые проблемы в природоохранной сфере, связанные с Красной книгой России. Были сделаны выводы о необходимости реформирования Красной книги России.

Гладун Елена Федоровна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, остановилась в своем докладе на вопросах изменения климата в Арктической зоне России и его последствиях, в особенности для жизнедеятельности коренных малочисленных народов, включая их традиционную хозяйственную деятельность. В связи с этим было раскрыто такое понятие как климатические права коренных малочисленных народов на этапе глобальных природных изменений в Арктике. Была отмечена также необходимость внесения конструктивных изменений в действующее законодательство о коренных малочисленных народах России.

Беликова Ксения Михайловна, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, уделила в докладе внимание специфике Арктического региона, которая состоит в уникальном «переплетении» интересов коренных северных народов, государства и бизнеса. При этом был проанализирован опыт зарубежных стран (в частности, Канады) - в отношении правового регулирования арбитража, медиации с участием коренных малочисленных народов Севера и по другим вопросам с целью возможной адаптации. В частности, была приведена Канадская Арктическая стратегия 2024 года- как пример особого подхода для решения проблемы конфликта обозначенных выше интересов. Основной идеей стратегии является разработка внешней политики в Арктике с учетом интересов коренных народов Севера, чьи права и интересы являются центральными

[1] Закон Республики Саха (Якутия) от 3 июля 2018 г. 2043-З N 1645-V "Об ответственном недропользовании на территории Республики Саха (Якутия)"//"Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 16 июля 2018 г.

по значению. Среди элементов данного подхода были обозначены следующие -поддержка представительств коренных малочисленных народов, открытие новых консульств и др. Был сделан вывод о необходимости выработки гибких правовых механизмов (с учетом опыта зарубежных стран) для разрешения конфликта интересов государства, бизнеса и коренных малочисленных народов Севера.

Герасимов Олег Анатольевич, профессор кафедры предпринимательского права им. В. С. Якушева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, доцент остановился в своем докладе на актуальных проблемах баланса интересов при промышленном освоении Арктики. В частности, была приведена классификация интересов с целью выявления их значения для эффективного правового регулирования при промышленном освоении Арктического региона. При этом субъективный интерес был рассмотрен докладчиком как цель правового регулирования, а баланс интересов как правовое состояние и одновременно своего рода критерий эффективности правового регулирования. При этом была отмечена необходимость учета Конституционных принципов социального государства и свободы экономической деятельности – при вырабатывании правовых решений по поводу баланса интересов при промышленном освоении Арктического региона. Кроме того, как было отмечено докладчиком, правовой подход, при котором интерес является целью правового регулирования, имеет особое значение для правоотношений по охране окружающей среды данного региона.

Шишмарева Татьяна Петровна, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, совместно с **Еньковой Екатериной Евгеньевной**, доцентом кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидатом юридических наук, проанализировали в докладе вопросы применимости правовых режимов (общего и специального) при правовом регулировании экономической деятельности в Арктической зоне РФ. Было также отмечено, что так называемая синергия правовых режимов состоит в государственной поддержке экономического развития Арктической зоны РФ, стимулировании инновационных производств при сохранении традиционных экономических укладов и экологического равновесия.

Криворотов Андрей Константинович, заведующий кафедрой Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, доктор экономических наук, посвятил свое выступление специфике Арктических территориальных проблем в российско-норвежских отношениях.

Молотников Александр Евгеньевич, доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук, остановился в докладе на вопросах реализации проектов Арктики с участием Китайских акционерных обществ. Были выявлены присущие данным проектам риски (в том числе трансграничные) и подняты проблемы применения законодательства о корпоративном регулировании.

Баттахов Петр Петрович, старший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права ИГП РАН, кандидат юридических наук, выступил с докладом на тему: «Некоторые аспекты правового регулирования традиционной хозяйственной деятельности и режима территорий коренных малочисленных народов Арктики». В докладе была дана характеристика правового режима традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. В выступлении была проанализирована нормативная база, регулирующая традиционные хозяйственные отношения коренных малочисленных народов Арктической зоны. Докладчик определил соотношение понятий «традиционная хозяйственная деятельность», «хозяйственная деятельность» и «традиционное природопользование». Кроме того, в докладе были выделены основные принципы организации и хозяйственной деятельности общин КМНС, рассмотрены изменения в законодательство, а также проведен теоретический и практический анализ.

Редникова Татьяна Владимировна, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, уделила внимание в своем выступлении особой роли права в обеспечении баланса интересов различных субъектов права при развитии Арктического региона. При этом были выявлены социальные, экологические и экономические интересы, которые должны быть сбалансированы посредством правового регулирования, а также отмечены наиболее острые экологические проблемы Арктического региона.

Лизикова Марина Сергеевна, старший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, проанализировала в своем докладе актуальные вопросы сотрудничества России и Китая в части развития перевозок по Северному морскому пути. Особенно была выделена задача достижения баланса интересов иностранных и отечественных участников перевозок (по Северному морскому пути).

Мотуренко Сергей Михайлович, старший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права ИГП РАН, кандидат юридических наук, уделил в докладе внимание правовым средствам реализации технологической политики в Арктической зоне Российской Федерации, в том числе было отмечено значение нормативных актов стратегического характера.

Овчинникова Юлия Сергеевна, научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, остановилась в своем выступлении на проблемах страхового обеспечения в области промышленной безопасности и его актуальности для Арктической зоны РФ. Был сделан вывод о целесообразности введения экологического страхования посредством создания специальных страховых фондов.

Сорокина Татьяна Юрьевна, заведующая лабораторией арктического биомониторинга Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук, посвятила свое выступление комплексному вопросу экологического, социального и корпоративного управления и ответственности бизнеса в современных условиях. Соответствующая нормативная база была проанализирована

с позиций устойчивого развития.

Выступление Н. С. Куделькина ведущего сотрудника сектора экологического, земельного и аграрного права ИГП РАН, было посвящено вопросам традиционного природопользования и охраны окружающей среды Севера. В докладе было отмечено, что законодательство о коренных малочисленных народах (КМН) обладает существенным природоохранным потенциалом. Докладчик подчеркнул, что для повышения уровня защиты прав и интересов КМН, а также уровня охраны окружающей среды на территориях традиционного природопользования (ТТП) в Федеральном законе «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» следует чётко прописать режим таких территорий, в частности, указать, какие виды хозяйственной деятельности могут на них осуществляться, а какие нет. Вместе с тем в целях обеспечения права на традиционное природопользование, а также охраны окружающей среды, эффективным видится установление в законодательстве приоритета осуществления традиционного природопользования перед другими видами хозяйственной деятельности. В первую очередь это касается таких видов природопользования, как оленеводство и коневодство, требующих для своего осуществления больших территорий.

Участниками конференции были сделаны конструктивные выводы по актуальным вопросам развития Арктического региона, которые могут быть использованы в научных исследованиях и правоприменительной практике.

Список литературы:

1.Закон Республики Саха (Якутия) от 3 июля 2018 г. 2043-3 N 1645-V "Об ответственном недропользовании на территории Республики Саха (Якутия)"//"Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 16 июля 2018 г.

2.Закон Республики Саха (Якутия) от 13 июля 2006 г. 370-3 N 755-III "О территориях традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)"//"Якутские ведомости" (приложение к газете "Якутия") от 12 августа 2006 г. N 58.

3.Федеральный закон от 1 мая 2016 г. N 119-ФЗ "Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"//Собрание законодательства Российской Федерации от 2 мая 2016 г. N 18 ст. 2495.

References:

1. Law of the Republic of Sakha (Yakutia) dated July 3, 2018 2043-Z N 1645-V "On Responsible Subsoil Use in the Republic of Sakha (Yakutia) "//" Official Internet Portal of Legal Information "(www.pravo.gov.ru) July 16, 2018

2. Law of the Republic of Sakha (Yakutia) dated July 13, 2006 370-Z N 755-III "On the territories of traditional nature management and traditional economic activities of the indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia) "//" Yakutsk Vedomosti" (appendix to the Yakutia newspaper) dated August 12, 2006 N 58.

3. Federal Law No. 119-FZ dated May 1, 2016 "On the peculiarities of providing citizens with land plots in state or municipal ownership and located in the Arctic zone of the Russian Federation and in other territories of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, and on amending certain legislative acts of the Russian Federation"//Collection of legislation of the Russian Federation dated May 2, 2016 No. 18 Art. 2495.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_323

УДК 791.83; 791.83.01; 791.83:351.854; 791.83.009(100); 791.83; 791.83(4/9); 342; 347; 349; 34.03

НОРМИРОВАНИЕ ТРУДА АРТИСТОВ ЦИРКОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
LABOR STANDARDS FOR CIRCUS PERFORMERS

МОИСЕЕВА Александра Эдуардовна,
артист-акробат Автономной некоммерческой организации культуры «Филармоническая концертная организация», магистр государственного и муниципального управления
125167, Россия, г. Москва, ул. Планетная, 29.
E-mail: moscircus.al@mail.ru;

MOISEEVA Aleksandra E.,
artist of the ANO of Culture «Philarmonic Concert Organization», Master of Public Administration.
29 Planetnaya Street, Moscow, 125167, Russia.
E-mail: moscircus.al@mail.ru

Краткая аннотация: *Настоящая статья посвящена нормированию труда в цирковой сфере Российской Федерации. В исследовании обосновывается, что отсутствие нормативно закреплённой системы трудовых норм и рабочего времени, обусловленных особенностями цирковой деятельности, затрудняет формирование устойчивой модели правового регулирования труда артистического персонала.*

Abstract: *This article is devoted to the regulation of labor in the circus industry of the Russian Federation. The study substantiates that the lack of a legally established system of labor standards and working hours, due to the specific features of circus activities, makes it difficult to form a stable model of legal regulation of the labor of artistic personnel.*

Ключевые слова: *нормы выработки, нормы труда, нормирование труда артистов цирка, особенности регулирования трудовых отношений, трудовые отношения, цирк, цирковые организации.*

Keywords: *production rates, labor rates, labor regulation for circus performers, peculiarities of labor relations regulation, labor relations, circus, circus organizations.*

Для цитирования: *Моисеева А.Э. Нормирование труда артистов цирковых организаций // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 323-328. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_323.*

For citation*: Moiseeva A.E. Labor standards for circus performers // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 323-328. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_323.*

Статья поступила в редакцию: 21.01.2026

Делать необычное дело в необычных условиях – такова основа некоторых профессий, в том числе и циркового искусства. И то, что зрителям кажется феноменальным и фантастическим, для артиста цирка будничная работа, которая повторяется изо дня в день.

Георгий Тимофеевич Береговой[1].

Регулирование труда творческих работников, включая артистов цирка, а также иных лиц, которые участвуют в создании и экспонировании произведений, отнесено к особой части Трудового кодекса Российской Федерации. Правовая специфика трудовых отношений, возникающих в процессе исполнения и демонстрации цирковых исполнительских единиц артистов, значительно отличается от общих правил, и универсальных норм труда. С учетом отсутствия специализированного законодательства в сфере циркового искусства, как одного из уникальных видов трудовых отношений, целесообразно обратиться к статье 351 Трудового кодекса Российской Федерации, в котором закреплено, что особенности регулирования труда, в том числе артистов цирка, могут быть конкретизированы локальными нормативными актами[2]. В этой связи научное внимание в рамках настоящего исследования первично будет сосредоточено на анализе одного из подобных актов – локального нормативного акта федерального казённого предприятия «Росгосцирк»[3].

Учитывая действительно сложно-характерную, многокомпонентную природу функционирования циркового аппарата, как институализированной системы, представляется концептуально значимым выработать авторскую модель периодизации циркового трудового процесса, что будет сопутствовать углублённому анализу, дальнейшему определению проблемных зон, и соответственно, потенциальных направлений их разрешения:

1. Активный период
   а. Прокатный период
   – Организационный период
   – Гастрольный период
2. Пассивный период
   а. Межсезонный перерыв
   б. Репетиционный период
   в. Временный простой

Для обеспечения содержательной целостности исследования представляется обоснованным зафиксировать дефиниции, изложенные в

[1] Береговой Г.Т. Угол атаки. – М: Молодая гвардия, 2014. – с. 36.
[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // СПС «Консультант плюс».
[3] ФКП «Росгосцирк»

приказе ФКП «Росгосцирк» «Положение об условиях и оплате труда работников цирка»[1], в которых:

Пассивным периодом называется время приостановки деятельности по публичному показу произведений циркового и смежного вида искусств в филиалах ФКП «Росгосцирк».

Гастрольный период включает в себя время с первого дня публичного показа программы до последнего дня публичного показа программы.

Прокатный период включает в себя организационный и гастрольный период и состоит последовательно из следующего времени, восьми дней до начала проведения программы, дней проведения программы и четырех дней после её окончания.

Однако, анализ локальных нормативных актов рассматриваемой организации выявил наличие существенного пробела в локальном регулировании, правовом регулировании, заключающегося в терминологической неточности, неопределённости ключевых дефиниций, непосредственно связанных с нормированием труда цирковых артистов. Отсутствие четких содержательных юридических понятий препятствует однозначному толкованию предмета трудовых отношений, размывает границы правового регулирования и создаёт риски произвольных применений норм. Из чего следует необходимость предложения авторских терминов, направленных на восполнения подобного рода неопределённости и обеспечения целостности правового регулирования труда в особенных условиях цирковой деятельности:

Под **активным периодом** понимается временной интервал, фаза интенсивной гастрольно-прокатной деятельности цирковой организации, которая охватывает полный цикл создания и реализации циркового спектакля как публично демонстрируемого творческого продукта: от подготовки и доведения исполнительской единицы (номера) до технической, художественной готовности (тренировки, репетиции) – в контексте исполнительской (единицы) номера; в контексте циркового спектакля – организационно-постановочных мероприятий; до его регулярного показа зрителю, включая гастрольные перемещения между территориями проведения публичного показа циркового спектакля.

Прокатный период – установленный планом-графиком временной диапазон, в рамках которого осуществляется публичный показ (гастрольная деятельность) конкретной исполнительской единицы (номера) или целостной цирковой программы (спектакля), включает в себя плановые перерывы (межсезонные перерывы, отпуска) и последовательные перемещения между территориями публичного показа на протяжении года (формируется с 1 сентября текущего года); данный период оформляется распорядительными документами (разнарядками) по каждому номеру (иногда на цирковые программы целостно), и включает организационный и гастрольный периоды, реализуемые государственными и (или) частными прокатными субъектами.

Организационный период – временной отрезок, предшествующий началу публичного показа цирковой исполнительной единицы (номера) либо цирковой программы (спектакля) и следующий за его завершением, составляющий, как правило, 8 дней до начала показа и 4 дней после окончания показа, в пределах которого выполняется комплекс технических и материальных работ: распаковка и последующая упаковка реквизита и имущества, монтаж (демонтаж) и подвеска аппаратуры на куполе цирка, погрузочно-разгрузочные работы с контейнерами (багаж), подготовка мест содержания животных, обеспечение необходимыми исходящими материалами (к примеру, магнезией, косметическими средствами и т.п.), формирование и утверждение последовательности исполнительских единиц (номеров) в программе, а также проведения прогонов (полного прохождения цирковой программы для итоговой проверки постановочной готовности, как правило, за 4-5 дней до начала показа), и при необходимости проведения генерального прогона для контроля и оценки представителями руководства либо иными уполномоченными лицами.

Пассивный период – временной интервал, фаза, при котором прокатная деятельность и публичный показ творческого продукта (исполнительской единицы (номера), цирковой программы (спектакля)) не осуществляется по объективным причинам, включая межсезонные перерывы (как обстоятельство, не зависящее от воли сторон) и отпускные периоды, и по причинам связанным с рабочим процессом (зависящим как от работодателя, так и от работника), включая репетиционные периоды (подготовку новой исполнительской единицы (или обновлённого состава исполнителей в действующем цирковом номере), цирковой программы), в целях творческого развития, а также временный простой; при этом в зависимости от оснований и порядка оформления данный интервал может подлежать учету в качестве рабочего времени либо квалифицироваться как время отдыха.

Межсезонный перерыв – календарно повторяющийся временной отрезок (обычно конец января – середина февраля и конец мая – конец июня, возможно смещение дат) в гастрольно-прокатной деятельности, в течение которого прекращаются публичные показы цирковых программ (соответственно исполнительских единиц (номеров)), вследствие сезонной динамики зрительского спроса (в том числе спадом после новогодних праздников и оттоком граждан в отпускные месяцы), который не зависит от волеизъявления сторон трудовых отношений, при этом его продолжительность ограничивается пределом до 30 дней.

Репетиционный период – временной диапазон, предназначенный для подготовительно-постановочной работы по созданию нового творческого продукта (исполнительской единицы (номера), цирковой программы) либо по обновлению (формированию) кадрового состава уже действовавшей исполнительской единицы (номера), в течение которого публичный показ цирковой программы (соответственно и циркового номера) не осуществляется; в рамках данного периода проходят постоянные репетиции, тренировки, разрабатываются сценические образы, костюмные решения и грим, реквизит, осуществляется работа с режиссером и (или) балетмейстером, проводится постановка света и звука, при этом порядок, сроки и условия репетиционного периода устанавливаются локальным нормативным актом, а его средняя продолжительность составля-

[1] Приказ ФКП «Российская государственная цирковая компания» от 05.07.2011 № 1447/п (ред. от 09.01.2024 № 6/п) «Положение об условиях и оплате труда работников цирков» // URL: https://www.circus.ru/upload/iblock/d8b/ge48rj5awy2orbhtihxpie95dpo2m47j/Положение_об_условиях_и_оплате_труда_работников_цирков_с_изменениями.pdf

ет около 3 месяцев (возможно больше), по истечении которых исполнительская единица (либо цирковая программа) подлежит просмотру экспертной комиссией, принимающей решение о готовности к выпуску в цирковой конвейер либо о продлении репетиционного периода.

В соответствии со статьей 160 Трудового кодекса Российской Федерации нормы труда включают норму выработки, времени, нормативы численности и иные нормы, которые устанавливаются в соответствии с достигнутым уровнем техники, технологии, организации производства и труда[1]. Так как цирк, цирковое искусство, цирковая деятельность относится к особой части Трудового кодекса Российской Федерации, соответственно, и характеризуется, отличается специфической организацией трудового процесса. Именно по данной причине рассматриваемая сфера трудовых отношений нуждается в детализированном четком правовом регулировании. В связи с этим в рамках настоящего исследования была разработана авторская дефиниция, призванная конкретизировать предмет трудовых отношений:

Нормы труда артистов цирка – система нормативных показателей, которые устанавливаются с учетом специфики циркового трудового процесса, включающие: нормы выработки, выраженные в количестве публичных показов (представлений) за месяц как расчетный период; нормы времени, которые определяют состав и пределы рабочего времени артиста, включая репетиционную деятельность, организационную деятельность, а также иные временные интервалы обусловленные гастрольной деятельностью; нормы численности и иные нормы, которые устанавливаются в соответствии с достигнутом уровнем техники, технологии, организации циркового производства и труда, с учетом жанровой принадлежности и профессиональной специфики исполнительских единиц (номеров).

Согласно с ранее рассмотренным Приказом ФКП «Росгосцирк» «Положение об условиях и оплате труда работников цирка»[2] (ст. 29) для артистов циркового конвейера закреплен детализированный перечень временных промежутков, квалифицируемых в качестве рабочего времени, а именно:

1) время, затраченное на подготовку, проведение и завершение представление (гримирование, костюмировка и др.);

2) время, затраченное на участие в репетициях, включая занятия, тренаж и другие подготовительные работы;

3) время, затраченное на выездных представлениях коллективов "Цирк на сцене" с момента явки на сборный пункт в установленный срок до приезда в то место, где назначено представление, а также время, затраченное на возвращение к месту нахождения базы коллектива (но не более 7 часов в сутки на проезды в оба конца);

4) время, затраченное на ожидание в случае задержки объявленного представления и продолжительность самого представления;

5) перерывы между представлениями в пределах одного вызова на работу (например, между двумя утренними представлениями);

6) время нахождения в пути, в том числе при сопровождении циркового имущества или животных, по фактической длительности, но не более 7 часов в сутки;

7) время, затраченное на упаковку и распаковку, погрузку и разгрузку производственного багажа в связи с переездом из одного циркового предприятия в другое;

8) половина времени, установленного для проведения данного представления или репетиций - в случае, когда работник явился, не будучи предупрежденным об отмене представления или репетиции;

9) время, затраченное на видеозапись программы циркового коллектива, приравнивается к репетиции.

Соответственно, главенствующую роль в определении нормативов труда цирковых артистов приобретает количественная характеристика спектаклей, то есть установление норм выработки. В соответствии с Приказом Министерства культуры Российской Федерации «Об утверждении типовых отраслевых норм труда на работы, выполняемые в организациях исполнительских искусств», в разделе 17 устанавливается два подхода к нормированию: 15 спектаклей в месяц в городах свыше 1 миллиона человек и 13 спектаклей в месяц в городах менее 1 миллиона человек[3]. Но указанная норма представляет усреднённый показатель, соблюдение которой позволяет обеспечить баланс между должным уровнем оплаты труда и реализацией трудовых прав артистов цирковых организаций. Однако, в условиях нормативно-правовой фрагментарности, вернее, фактического отсутствия законодательного регулирования цирковой сферы искусства, данные типовые положения представляются недостаточными для полноценного обеспечения правового статуса артистов, из чего следует последовательность системных проблем.

В официальном заявлении Генерального директора исследуемого предприятия по итогам прошедшего года заполняемость залов составила 76%[4]. Тем не менее, информация о фактическом числе проведённых представлений в месяц, организованных только силами ФКП «Росгосцирк», отсутствует. Так как единый план-график гастрольно-прокатной деятельности (гастролей) в открытом доступе на официальном сайте компании не представлен, последующее аналитический блок основывается на официальной информации, размещённой на страницах нескольких филиалов исследуемого предприятия (Омск[5], Тюмень[6], Тула[1], Киров[2], Владивосток[3]). В соответствии с указанными источниками, сред-

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // СПС «Консультант плюс».
[2] Приказ ФКП «Российская государственная цирковая компания» от 05.07.2011 № 1447/п (ред. от 09.01.2024 № 6/п) «Положение об условиях и оплате труда работников цирков» // URL: https://www.circus.ru/upload/iblock/d8b/ge48rj5awy2orbhtihxpie95dpo2m47j/Положение_об_условиях_и_оплате_труда_работников_цирков_с_изменениями.pdf
[3] Приказ Министерства Культуры Российской Федерации от 27.04.2018 № 602 «Об утверждении типовых отраслевых норм труда на работы, выполняемые в организациях исполнительских искусств» // URL: https://culture.gov.ru/documents/ob-utverzhdenii-tipovykh-otraslevykh-norm-truda-na-raboty-vypolnyaemye-v-organizatsiyakh-ispolnitels/
[4] Росгосцирк подвел итоги года: 2025-й стал самым успешным за постсоветский период // Электронное периодическое издание «MK.ru». – 26.11.2025 // URL: https://www.mk.ru/social/2025/11/26/rosgoscirk-podvel-itogi-goda-2025y-stal-samym-uspeshnym-za-postsovetskiy-period.html (дата обращения здесь и далее 10.01.2026).
[5] Участникам СВО. Омский государственный цирк // URL: https://www.circus-omsk.ru/uchastnikam-svo.html.
[6] Участникам СВО. Тюменский цирк // URL: https://www.circus-tyumen.ru/uchastnikam-svo.html.

нее количество представлений в рассматриваемых филиалах за январь 2026 года варьировалось от 18 до 25 спектаклей, что коррелирует с типовыми отраслевыми нормами, установленными Министерством культуры Российской Федерации. Тем не менее, в тех же источниках возможно отследить данные за декабрь 2025 года, в течение которого было проведено в среднем 8–11 представлений. Следовательно, можно заключить следующее: прирост числа спектаклей в новогодние праздники составляет в среднем 165%. В этой связи стоит сопоставить публичное заявление генерального директора ФКП «Росгосцирк», в котором отмечается более 2200 представлений, проведённых в 2025 году, существенная часть которых сопровождалась аншлагами[4]. Возникает необходимость верифицировать показатели с учетом экстраполяции доступных статистических данных. Так как в структуру компании входит 25 действующих цирковых коллективов (цирковых программ, состоящих из цирковых исполнительских единиц)[5], возможно предположительно рассчитать, что на каждый цирковой коллектив (соответственно и на каждую цирковую исполнительскую единицу) приходится около 7 представлений в месяц. Следует отметить повторно, данный расчёт носит приблизительный характер ввиду отсутствия прозрачной отчетности по количественному нормативу представлений, что, в свою очередь, затрудняет юридическую квалификацию соблюдения трудовых стандартов. И возникающая дихотомия заключается в следующем: при официально заявленном высоком уровне заполняемости зрительных залов, нормы выработки, заключающиеся в количестве представлений, вероятно, не выполняется в полном объёме.

При этом представляется обоснованным сопоставить гастрольную нагрузку предприятия ФКП «Росгосцирк» с показателями, зафиксированными в период существования централизованной системы, а именно Всесоюзного творческо-производственного объединения государственных цирков «Союзгосцирк» (единственное учреждение с цирковым конвейером в Советском Союзе). Так, в интервью, опубликованном в 1989 году в журнале «Советская эстрада и цирк», заместитель генерального директора по художественным вопросам Союзгосцирка указывала, что официально установленная норма выступлений составляла 30 спектаклей в месяц, но фактический объём нагрузки мог достигать и 40–50 представлений в месяц[6]. Показатели, установленные выше нормы, обусловлены, по нашему предположению, повышенным спросом в праздничные периоды (к примеру, новогодние праздники). Следует также подчеркнуть, с учетом плановой экономики, действовавшей на территории Советского Союза, норматив в количестве 30 представлений в месяц был утвержден и закреплен на уровне отраслевого органа государственной власти, а именно Министерством Культуры СССР. Более того, ежемесячная печать журнала, упомянутого ранее, в указанные годы регулярно фиксировала устойчивую тенденцию «сплошных аншлагов»[7], что позволяет снять сомнения в отношении уровня заполняемости зрительных залов в исследуемом периоде. Указанное обстоятельство даёт основание утверждать, что в советское время артистам цирка не только обеспечивались стабильные условия и достойная оплата труда, но и выполнялись, а в ряде случаев и перевыполнялись нормативы количества представлений и плановые показатели гастрольно-прокатной деятельности, при этом не ставило под угрозу трудовые права творческих работников, артистов цирков. Напротив, подобная модель нормирования, организации труда обеспечивала экономическую устойчивость циркового аппарата в целом, обеспечивала его полную окупаемость и формирование значительного доходного потенциала, в том числе за счёт активной международной деятельности.

После распада Советского Союза и реорганизации компании «Союзгосцирк» в современный «Росгосцирк», деятельность предприятия характеризовалась убыточностью, не только в контексте государственной культурной политики, но и в контексте социально-трудовых условий артистов. Творческие работники оказывались вовлечёнными в исполнительскую деятельность, объективно, в условиях отсутствия зрительского интереса, то есть спектакли проходили в пустующих зрительных залах цирка. Показательным являются данные, отмеченные генеральным директором компании (замещавший пост с 2009 по 2012 годы), который утверждал, что загрузка зрительных залов цирков в 2000-х годах достигало 17–18%[8].

Из сравнительного анализа советского периода следует, что количественный норматив выработки, ключевое значение в котором отводится определенному числу спектаклей, сократился почти вдвое, а в праздничные дни снижается практически втрое. При этом постепенное снижение плановых норм числа выступлений (в контексте спектаклей) сопровождается ростом коэффициента заполняемости залов, достигавшего в отдельные периоды 76%. Данная тенденция не может интерпретироваться как прямое повышения спроса. В действительности же это указывает на стратегию адаптации под спрос, при которой численное сокращение представлений создаёт эффект востребованности, так называемой селективной оптимизации спроса, что позволяет нивелировать последствия снижения спроса у публики. В связи с действующем правовым полем, а именно при отсутствии полноценно закрепленных отраслевых стандартов регулирования трудовой нагрузки в цирковых организациях и при недостаточной детализации норм выработки для творческих работников в цирках в Трудовом кодексе Российской Федерации, подобная практика способна затруднить объективную оценку соответствия объемов труда установленным нормативам. В свою очередь, это ставит под вопрос полноты реализации трудовых прав артистов цирковых организаций, включая гарантии справедливой оплаты труда и охраны условий труда.

К числу существенных элементов нормирования труда в цирковой отрасли следует также относить и репетиционный период, в течение которого осуществляется подготовка отдельных исполнительных единиц (номеров), формирование полноценных цирковых коллективов (про-

[1] Участникам СВО. Тульский цирк // URL: https://www.circus-tula.ru/uchastnikam-svo.html.
[2] Участникам СВО. Кировский государственный цирк // URL: https://www.circus-kirov.ru/uchastnikam-svo.html.
[3] Участникам СВО. Владивостокский цирк // URL: https://circus-vladivostok.ru/uchastnikam-svo.html
[4] Росгосцирк подвел итоги года: 2025-й стал самым успешным за постсоветский период // Электронное периодическое издание «MK.ru». – 26.11.2025 // URL: https://www.mk.ru/social/2025/11/26/rosgoscirk-podvel-itogi-goda-2025y-stal-samym-uspeshnym-za-postsovetskiy-period.html.
[5] Гастрольный график // URL: https://www.circus.ru/zritelyam/gastrolnyy-grafik/.
[6] В каком направлении пойдет цирк. Татьяна Ассовская // Советская эстрада и цирк. – 1989. – № 5.
[7] Дуэт директора и режиссера // Советская эстрада и цирк. – 1985. – № 12. ; Яков Лобович // Советская эстрада и цирк. – 1986. – № 1.; Заместитель Генерального директора Союзгосцирка П. Н. Севастьянова рассказывает о переходе объединения на новые условия хозяйствования// Советская эстрада и цирк. – 1987. – № 8.
[8] Аренная палата // Комерсантъ Власть. – 14.07.2014 // URL: https://www.kommersant.ru/doc/2520241.

грамм). Несмотря на то, что указанный временной отрезок имеет весомое значение в структуре трудового процесса, в настоящее время его регламентация не получила должного внимания ни на уровне отраслевых профессиональных стандартах, ни на уровне федерального законодательства. При этом специфика подготовки отдельной исполнительской единицы отличается: технической сложностью, численностью задействованных исполнителей, сложностью аппаратуры или реквизита, в случаях с животными, поведенческим наблюдением, налаживании контакта и другое. В подтверждение данного тезиса могут быть приведены результаты анонимного опроса артистов цирковых организаций. Респонденты, задействованные в акробатических, гимнастических исполнительских единицах (номерах) с составом свыше 5 исполнителей (артистов), при условии создания нового номера или значительной смены состава участников, указывали на продолжительность репетиционного периода от 8 месяцев до одного года. Респонденты-артисты, выступающие с дрессированными домашними или синантропными животными (в частности, собаками или кошками), обозначили средний срок подготовки от 3 месяцев. При этом респонденты-артисты с хищными животными при молодом составе подопечных, отметили, что их подготовка требует нескольких лет.

Вместе с тем в одном из основных локальных нормативных актов ФКП «Росгосцирк» лишь констатируется наличие внутреннего документа, регламентирующего порядок установления репетиционных и предрепетиционных дней. Однако, «Положение о порядке предоставления и финансирования предрепетиционных периодов, репетиционных периодов и дней в Российской государственной цирковой Компании» (ст. 57.3)[1] в открытом доступе отсутствует, что, в свою очередь, затрудняет реализацию принципа прозрачности и доступности информации, затрагивающие трудовые права артистов цирка, и противоречит положением Трудового кодекса Российской Федерации, который устанавливает обязанность работодателя обеспечивать ознакомление работников с локальными нормативными актами, которые относится напрямую к их трудовым правам и обязанностям (ст. 8 и ст. 22)[2].

Обосновано обратиться к «Положению об условиях и оплате труда работников цирков», который был утвержден Министерством Культуры СССР в 1967 году, в котором фиксировалось, что при подготовке артистом высшей категории особо сложного аттракциона или номера могла быть установлена оплата в размере разовой поспектакльной ставки за фактические дни репетиций, но не более, чем за 3 месяца (р.3 п.20)[3]. Иными словами, данная норма закрепляла усредненный показатель репетиционного периода необходимого для подготовки исполнительских единиц (номеров). Следовательно, такая регламентация не только обеспечивала закрепление временных средних показателей, материальное стимулирования в процессе подготовки исполнительских единиц во время репетиционного периода, но и формировала условия для повышения идейно-художественного и технического уровня сложности создаваемых исполнительских единиц. Такая регламентация выполняла больше мотивационную функцию, побуждая артистов к ускоренному выпуску уникальных номеров при условии сохранения их качества.

Таким образом, в настоящее время отсутствие в том числе публично доступного локального нормативного акта, который определяет порядок, продолжительность и оплату предрепетиционных и репетиционных периодов в исследуемой организации, приводит к снижению уровня правовой определенности трудовых отношений артистического персонала. В результате регулирования фактически осуществляется на усмотрение самого работодателя, что не позволяет утверждать о наличии устойчивой системы нормирования и допускает неопределенно длительные репетиционный, а точнее пассивные периоды.

Более того, к специфической, особой норме трудовой деятельности творческих работников относятся межсезонные перерывы, которые обусловлены объективными факторами функционирования культурной сферой в целом (к примеру, отток граждан в связи с отпусками). Подобный временной отрезок носит характер обстоятельств, которые не зависит от воли сторон трудового договора, имеет повторяющийся, предсказуемый характер, как правило, приходится на одни и те же месяцы ежегодно. Однако, в действующем приказе ФКП «Росгосцирка»[4], регулирующий условия и оплату труда артистов цирка, межсезонный период обобщено отнесен к, так называемым, пассивным периодам, без их надлежащей детализации. Такая формулировка лишена временных границ и содержательного раскрытия, что способно привести к приоритету интересов организации над гарантией трудовых прав артистов цирковых организаций.

При повторном обращении к «Положению об условиях и оплате труда работников цирков», утвержденному Министерством Культуры СССР, в котором четко фиксировался предельный срок межсезонного перерыва, где он не мог превышать 30 дней (а.3 п. 36)[5]. Следовательно, в советский период межсезонный перерыв приобретал нормативно определенный период, который подлежал контролю цирковой организации совместно с отраслевым органом управления. Фактически подобная модель обеспечивала творческим работникам, артистам цирка, устойчивую занятость и действительно реализуемые трудовые гарантии, то есть трудовые отношения сохраняли непрерывный характер, а период отпуска и межсезонья рассматривались как регламентированные нормы труда, которые не прерывали трудовой статус артиста, соответственно, и не влияющие на непрерывность трудового стажа.

Таким образом, труд творческих работников, в том числе артистов цирка, формально относят к особой части Трудового кодекса Российской Федерации, но их содержание и пределы остаются институционально «недостроенными». При отсутствии специализированного норма-

[1] Приказ ФКП «Российская государственная цирковая компания» от 05.07.2011 № 1447/п (ред. от 09.01.2024 № 6/п) «Положение об условиях и оплате труда работников цирков» // URL: https://www.circus.ru/upload/iblock/d8b/ge48rj5awy2orbhtihxpie95dpo2m47j/Положение_об_условиях_и_оплате_труда_работников_цирков_с_изменениями.pdf.
[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // СПС «Консультант плюс».
[3] «Положение об условиях и оплате труда работников цирков» (утв. Министерством Культуры СССР и согл. Государственным комитетом Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и ВЦСПС от 27.05.1967) (утр. силу)// СПС «Консультант плюс».
[4] Приказ ФКП «Российская государственная цирковая компания» от 05.07.2011 № 1447/п (ред. от 09.01.2024 № 6/п) «Положение об условиях и оплате труда работников цирков» // URL: https://www.circus.ru/upload/iblock/d8b/ge48rj5awy2orbhtihxpie95dpo2m47j/Положение_об_условиях_и_оплате_труда_работников_цирков_с_изменениями.pdf.
[5] «Положение об условиях и оплате труда работников цирков» (утв. Министерством Культуры СССР и согл. Государственным комитетом Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и ВЦСПС от 27.05.1967) (утр. силу) // СПС «Консультант плюс».

тивно-правового акта и при ограниченной отраслевой конкретизации положений Трудового кодекса Российской Федерации центр тяжести самого регулирования смещается на уровень локальных нормативных актов, которые по своей природе не смогут компенсировать публично-правовую регламентацию, то есть терминология нормативов труда остается неопределенной, показатели трудовой нагрузки вариативными и не имеющими средних временных показателей, доступ к регламентирующим документам не всегда транспарентный. Это затрудняет контроль за соблюдением трудовых гарантий цирковых артистов и повышает риск работодателя действовать исключительно в своих интересах при нормировании и учете рабочего времени. Следовательно, трудовые отношения артистического персонала в цирковых организациях продолжают развиваться в режиме нормативной фрагментарности, тогда как историческая практика демонстрировала более формализованные механизмы закрепления норм труда, включая нормы выработки, а также соответствующие гарантийные инструменты.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // СПС «Консультант плюс».
2. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 27.04.2018 № 602 «Об утверждении типовых отраслевых норм труда на работы, выполняемые в организациях исполнительских искусств» // URL: https://culture.gov.ru/documents/ob-utverzhdenii-tipovykh-otraslevykh-norm-truda-na-raboty-vypolnyaemye-v-organizatsiyakh-ispolnitels/.
3. Кассационное определение Московского городского суда от 04.06.2013 № 4г/2-5217/1 // Официальный портал судов обще юрисдикции г. Москвы: интернет-портал // URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/cassation-civil/details/65a0a63c-212b-4b36-b733-7a93d6a6ebbb.
4. Постановление Совета Министров СССР от 20.09.1965 № 708 «О введении новых условий оплаты труда творческих работников и административного персонала театров, концертных организаций, музыкальных и танцевальных коллективов, цирков» (утратил силу) // СПС «Консультант плюс».
5. «Положение об условиях и оплате труда работников цирков» (утв. Министерством Культуры СССР и согл. Государственным комитетом Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и ВЦСПС от 27.05.1967) (утр. силу) // СПС «Консультант плюс».
6. Приказ ФКП «Российская государственная цирковая компания» от 05.07.2011 № 1447/п (ред. от 09.01.2024 № 6/п) «Положение об условиях и оплате труда работников цирков» // URL: https://www.circus.ru/upload/iblock/d8b/ge48rj5awy2orbhtihxpie95dpo2m47j/Положение_об_условиях_и_оплате_труда_работников_цирков_с_изменениями.pdf.
7. Моисеева А.Э. Цирк: правовое регулирование и государственное управление / Под науч. ред. и с предисл. И.В. Понкина. – М.: Буки Веди, 2025. – 120 с.
8. Понкин И.В. Понятие «культура» в законах зарубежных государств // Вопросы культурологии. – 2020. – Т. XVII. – № 9. – С. 65–73.
9. Понкин И.В. Особенности государственного управления в области культуры // Вопросы управления. – 2014. – № 3. – С. 7–12.
10. Понкин И.В. К вопросу о концепции и содержании учебника для магистратуры «Государственное управление в сфере культуры» // Вопросы культурологии. – 2021. – Т. XVIII. – № 11. – С. 1019–1030.
11. Аренная палата // Комерсантъ Власть. – 14.07.2014 // URL: https://www.kommersant.ru/doc/2520241.
12. Росгосцирк подвел итоги года: 2025-й стал самым успешным за постсоветский период // Электронное периодическое издание «MK.ru». – 26.11.2025 // URL: https://www.mk.ru/social/2025/11/26/rosgoscirk-podvel-itogi-goda-2025y-stal-samym-uspeshnym-za-postsovetskiy-period.html.

References:

1. Labor Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 № 197-FZ (as amended on 28.12.2025) // SPS Consultant Plus.
2. Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated 27.04.2018 № 602 «On Approval of standard Industry labor standards for work performed in performing Arts organizations» // URL: https://culture.gov.ru/documents/ob-utverzhdenii-tipovykh-otraslevykh-norm-truda-na-raboty-vypolnyaemye-v-organizatsiyakh-ispolnitels/ .
3. Cassation ruling of the Moscow City Court dated 04.06.2013 № 4g/2-5217/1 // The official portal of the courts of general jurisdiction of Moscow: the Internet portal // URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/cassation-civil/details/65a0a63c-212b-4b36-b733-7a93d6a6ebbb.
4. Resolution № 708 of the Council of Ministers of the USSR dated 20.09.1965 «On the Introduction of New Terms of Payment for Creative Workers and Administrative Personnel in Theaters, Concert Organizations, Musical and Dance Ensembles, and Circuses» (now repealed) // SPS Consultant Plus.
5. «Regulations on the conditions and remuneration of circus workers» (approved by the USSR Ministry of Culture and acc. By the State Committee of Ministers of the USSR on Labor and Wages and the All-Union Central Committee on Labor and Wages dated 27.05.1967) (morning force) // SPS Consultant Plus.
6. Order of the Federal State Unitary Enterprise «Russian State Circus Company» dated 05.07.2011 № 1447/p (as amended on 09.01.2024 № 6/p) «Regulations on Working conditions and remuneration circus workers» // URL: https://www.circus.ru/upload/iblock/d8b/ge48rj5awy2orbhtihxpie95dpo2m47j/Положение_об_условиях_и_оплате_труда_работников_цирков_с_изменениями.pdf.
7. Moiseeva A.E. Circus: legal regulation and public administration / Under scientific editorship. and with a preface by I.V. Ponkin. Moscow: Buki Vedi, 2025. 120 p.
8. Ponkin I.V. The concept of «culture» in the laws of foreign countries // Questions of cultural studies. - 2020. – Vol. XVII. – No. 9. – Pp. 65–73.
9. Ponkin I.V. Features of Public Administration in the Field of Culture // Management Issues. – 2014. – No. 3. – Pp. 7–12.
10. Ponkin I.V. On the Concept and Content of the Textbook for the Master's Degree Program «Public Administration in the Field of Culture» // Voprosy Kulturologii. – 2021. – Vol. XVIII. – No. 11. – Pp. 1019–1030.
11. Arseny Chamber // Kommersant Vlast. – 14.07.2014 // URL: https://www.kommersant.ru/doc/2520241
12. Rosgoscirk summed up the results of the year: 2025 became the most successful in the post-Soviet period // Electronic Periodical «MK.ru». – 26.11.2025 // URL: https://www.mk.ru/social/2025/11/26/rosgoscirk-podvel-itogi-goda-2025y-stal-samym-uspeshnym-za-postsovetskiy-period.html.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_329

УДК 347.91./95

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ И ПОДСУДНОСТИ ПО УГС 1864 Г.: ОСНОВА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

LEGAL REGULATION OF JURISDICTION AND SUBSIDIARITY UNDER THE CIVIL PROCEDURE CODE OF 1864: BASIS FOR THE MODERN EVOLUTION OF DOMESTIC CIVIL PROCEDURE LEGISLATION

ВОЙТОВИЧ Лилия Владимировна,
заведующий кафедрой гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент.
Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, дом 5, литера «А».
E-mail: voitovich@yandex.ru;

VOITOVICH Lilia Vladimirovna,
Head of the Department of Civil Procedure Law Northwest Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution Lebedev Russian State University of Justice.
St. Petersburg, Alexandrovsky Park, house 5, letter «A».
E-mail: voitovich@yandex.ru

Краткая аннотация. *Автор настоящей статьи на основе анализа положений УГС 1864 г. показывает, что цивилистическое процессуальное законодательство того времени оперировало известными в настоящее время правовыми категориями как «ведомство», «подведомственность» и «подсудность». Термин «компетенция» в УГС 1864 г. не использовался. Детальная регламентация в УГС 1864 г. подсудности показывает родовую и территориальную как ее разновидности. Также были основательно проработаны правила общей территориальной подсудности, альтернативной, исключительной и по связи дел. В процессуальной юридической литературе того периода представлены комментарии показывающие сложившиеся представления о содержании и разновидностях этих правовых явлений. Автор настоящей работы подчеркивает преемственность позиций, заложенных в первом кодифицированном акте отечественного цивилистического процессуального законодательства, прослеживая тождественность в понимании и правовом регулировании подведомственности и подсудности.*

Abstract. *Based on an analysis of the provisions of the Civil Procedure Code of 1864, the author of this article shows that the civil procedural legislation of that time used the legal categories of "department," "jurisdiction," and "competence," which are now well-known. The term "competence" was not used in the Civil Procedure Code of 1864. The detailed regulation of jurisdiction in the Civil Procedure Code of 1864 shows that it had two types: generic and territorial. The rules for general territorial jurisdiction, alternative jurisdiction, exclusive jurisdiction, and related cases were also developed in detail. The procedural legal literature of that period contains comments that show the prevailing views on the content and types of these legal phenomena. The author of this work emphasizes the continuity of the positions outlined in the first codified act of domestic civil procedural legislation, tracing the identity in the understanding and legal regulation of jurisdiction and venue.*

Ключевые слова: *подведомственность; подсудность; цивилистическое процессуальное законодательство.*
Keywords: *jurisdiction; venue; civil procedural legislation.*

Для цитирования: *Войтович Л.В. Правовое регулирование подведомственности и подсудности по УГС 1864 г.: основа для современной эволюции отечественного цивилистического процессуального законодательства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 329-332. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_329.*
For citation*: Voitovich L.V. Legal Regulation of Jurisdiction and Subsidiarity under the Civil Procedure Code of 1864: Basis for the Modern Evolution of Domestic Civil Procedure Legislation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 329-332. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_329.*

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

Актуальность. Значение Устава гражданского судопроизводства 1864 г.[1] (далее – УГС 1864 г.) как первого кодифицированного отечественного цивилистического процессуального акта для современного развития процессуального законодательства в целом, так и в части отдельных институтов переоценить трудно. Трансформационные процессы действующего цивилистического судопроизводственного законодательства в правовом регулировании подведомственности и подсудности обусловливают интерес к данным правовым явлениям. Современные исследователи акцентируют внимание на том, что «высокая зависимость судебной формы защиты от изменений общества и государства предполагает постоянное совершенствование ее базовых, начальных элементов, к которым, прежде всего, относиться определение компетенции судов» [2, с. 1].

Как показывает анализ положений УГС 1864 г. наиболее детально регламентированной в тот период развития отечественного цивилистического процессуального законодательства была подсудность.

Основная часть. В ст. 1 УГС 1864 г. было определено, что «всякий спор о праве гражданском подлежит разрешению судебных установлений». Безусловно, что эта статья в тот период развития цивилистического процессуального законодательства являлась основной для определения компетенции судов по рассмотрению разрешению гражданских дел, что было обусловлено и ее нахождением в основных положениях УГС 1864 г., определяющих прогрессивные принципы судопроизводства. Далее в УГС 1864 г. непосредственно правовая категория «подведомственность» используется несколько раз. Так, в ст. 226 УГС 1864 г. указано, что «встречный иск подлежит *ведомству* суда, в коем предъявлен

[1] Россия, Законы и постановления. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Устав гражданского судопроизводства., [1864]. VII, 165, 33 с.

первоначальный иск, если только он по своему роду не *подведомственен* другому суду» (выделено Л.В. Войтович).

Правовая категория «подведомственность» урегулирована и в других статьях, в частности в ст. ст. 246 (абз. 8), 1136, 1244, 1400 УГС 1864 г. Так, ст. 246 УГС 1864 г., определяющая перечень лиц, которые не могут быть поверенными, в абз. 8 устанавливает, что «члены судебных установлений и чины прокурорского надзора, кроме тех дел, в коих они ходатайствуют вместо своих детей, родителей, сестер или жены, если дела сии производятся не в том суде, в котором они состоят и в *неподведомственных* оному местах» (выделено Л.В. Войтович).

Для рассмотрения заявленной проблематики в рамках настоящей работы уместно процитировать и содержание ст. 1400 УГС 1864 г., которая завершает этот нормативный акт и главу, посвященную третейскому суду. Так, названная статья определяет, что «изложенные в настоящем разделе правила применяются к третейским судам, установленным по делам торговым, *подведомственным* суда коммерческим» (выделено Л.В. Войтович). Содержание вышеизложенных статей показывает однозначность содержания правовой категории «подведомственность».

При этом, очевидно из выше указанных статей УГС 1864 г. (ст. 226 и др.), так и далее из других статей, что в данном нормативном правовом акте используется и родственный по содержанию правовой термин «ведомство» (ст. ст. 28, 45, 208, 246, 1296, 1298 УГС 1864 г.). Также обращает на себя внимание то, что термины «ведомство» и «подведомственность» использовались как равнозначные по значению.

Содержание правового явления «подведомственность» с точки зрения науки можно проследить в позициях исследователей более позднего периода развития отечественного цивилистического процессуального права. Так, в свое время Ю.К. Осипов констатировал «подведомственность – это круг споров о праве и иных материальноправовых вопросов индивидуального значения, разрешение которых отнесено к ведению тех или иных органов государства, общественности либо органов смешанного характера» [4, с. 31].

Как известно, в настоящий период гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство не использует правовую категорию «подведомственность». Так, гл. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее – ГПК РФ) озаглавлена «Подсудность», а гл. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[2] (далее – АПК РФ) – «Компетенция арбитражных судов». Вместе с тем, в административном судопроизводственном законодательстве правовая категория «подведомственность» используется. Так гл. 2 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации[3] (далее – КАС РФ) имеет название «Подведомственность и подсудность административных дел судам».

Правовая категория «подсудность» в УГС 1864 г. представлена более расширено. Прежде всего необходимо отметить, что в УГС 1864 г. содержится две главы посвященные подсудности. Так, Глава 1 «О подсудности» входила в состав Книги первой «Порядок производства в мировых судебных установлениях» и включала ст. ст. 29 – 45. Так же, Глава 1. «О подсудности» содержалась в Разделе 1 «О производстве в окружных судах» Книги второй «Порядок производства в окружных судах» и состояла ст. ст. 202-244. Вышеизложенная структура глав УГС 1864 г. показывает правила известные нам в настоящее время как родовая подсудность, где в то время были четко определены критерии дел относящихся к подсудности мировых судей и Окружных судов.

Содержание названных первых глав из Книги первой и Книги второй УГС 1864 г. показывает, что законодательство детально регламентировало отдельные виды подсудности, определенные в современном цивилистическом процессуальном законодательстве как разновидности территориальной подсудности. В частности, именно в тот период развития отечественного цивилистического процессуального законодательства было сформировано общее правило территориальной подсудности. Так, согласно ст. 32 УГС 1864 г. «Иск предъявляется тому мировому судье, в участке которого ответчик имеет жительство или временное пребывание». Согласно ст. 203 УГС 1864 г. «Иск предъявляется суду в округе коего ответчик имеет постоянное жительство. Из сего исключаются положительно указанные в законе случаи, в коих для подсудности установлены особые правила».

При этом, следует акцентировать внимание на том, что законодатель того времени уделил внимание конкретизации содержания правовой категории «постоянное место жительства». Так, в ст. 204 УГС 1864 г. было определено, что «постоянное место жительства полагается там, где кто по своим занимаем, или по своему имуществу, либо по службе военное или гражданской, имеет осёдлость или домашнее образование».

В современном цивилистическом процессуальном законодательстве общее правило территориальной подсудности закреплено в основном единообразно, но с учетом особенностей вида судопроизводства (ст. 28 ГПК РФ, ст. 35 АПК РФ, ст. 22 КАС РФ). Вместе с тем, «место жительства гражданина» как правовое явление урегулировано в действующем материальном законодательстве (ст. 20 ГК РФ[4]).

Следует отметить, что в УГС 1864 г. было закреплено правило, которое не нашло развития в современном судопроизводственном законодательстве. Так, согласно ст. 205 УГС 1864 г. «если ответчик, по роду своих занятий или промыслов, не живет постоянно в одном месте, но имеет осёдлость или обзаведение в разных местах, то истцу предоставятся выбрать из числа сих мест то, где он может застигнуть ответчика». При этом, по нашему мнению, аналогичное правило может быть закреплено и в современном законодательстве, поскольку отвечает потребностям времени. Так, Конституционный Суд РФ в своем Определении отметил, что «место жительства гражданина может быть установлено судом

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). // Российская газета. № 220. 20.11.2002.
[2] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
[3] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025). // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.
[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025 с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

на основе различных юридических фактов, не обязательно связанных с регистрацией его компетентными органами»[1].

Важно обратить внимание и на правила альтернативной, в современном понимании подсудности, установленные в УГС 1864 г. Так, к таковым смело можно отнести правило, согласно которому «иски против компаний, обществ или товариществ, возникающие из договоров, заключённых с местными их конторами или агентами, предъявляются: или по месту нахождения этих контор или агентов, или же по месту нахождения правления или фирмы» (ст. 36 УГС 1864 г.). На текущий момент аналогичные правила установлены в гражданском и арбитражном судопроизводственном законодательстве (ч. 2 ст. 29 ГПК РФ, ч. 5 ст. 36 АПК РФ).

Правило, согласно которому «иск, относящийся к нескольким ответчикам, живущим в разных мировых участках, предъявляется мировому судье одного из сих участков, по выбору истца» (ст. 33 УГС 1864 г.) в настоящее время урегулировано не единообразно в цивилистическом процессуальном законодательстве. Так, согласно ч. 1 ст. 31 ГПК РФ и ч. 1 ст. 26 КАС РФ – это положение относиться к подсудности по связи дел. Вместе с тем, согласно ч. 2 ст. 36 АПК РФ аналогичное правило относиться к альтернативной подсудности.

УГС 1864 г. устанавливал и правила исключительной территориальной подсудности. Так, согласно ст. 34 УГС 1864 г. «иски о восстановлении нарушенного владения о праве участия частного, о потравах и подтопах и вообще о вознаграждении за убытки в недвижимом имении, предъявляются по месту нахождения этого имения». Также в ст. 212 УГС 1864 г. было установлено, что «иски о праве собственности, владения или пользования и о всяком ином праве на недвижимое имущество или на его принадлежности, предъявляются по месту нахождения сего имущества». Аналогичные правила были установлены в ряде и других статей, в том числе ст. 214 УГС 1864 г., где было закреплено, что «иски по закладным на недвижимое имущество предъявляются тому суду, в ведомстве коего находится заложенное имущество». В настоящее время аналогичные правила установлены в ч. 1 ст. 30 ГПК РФ и ч. 1 ст. 38 АПК РФ.

Особенными, по сравнению с действующими правилами в тот период были те, которые разрешали споры о подсудности между судебными органами и детально регламентировали порядок реализации таких действий. Так, ст. 40 УГС 1864 г. устанавливала: «пререкания между мировыми судьями одного округа разрешаются мировым съездом того округа». Согласно ст. 41 УГС 1864 г. «пререкания о подсудности между мировыми судьями разных мировых округов разрешаются тем мировым съездом, в ведомстве которого дело первоначально возникло». В ст. 42 УГС 1864 г. было определено, что «пререкания о подсудности между мировыми съездами, либо между мировым судьёй или мировым съездом с одной стороны и окружным судом другой, разрешаются судебной палатой, в округе которой дело первоначально возникло». В настоящее время относительно таких действий установлен запрет (ч. 4 ст. 23 ГПК РФ, ч. 6 ст. 39 АПК РФ, ч. 4 ст. 27 КАС РФ).

Правила о порядке предъявления встречного иска были установлены в ст. 38 УГС 1864 г., согласно которым: «встречный иск, подлежащий ведомству мирового судьи, разбирается тем же судьёй, которому предъявлен первоначальный иск». В ст. 39 УГС 1864 г. было конкретизировано, что «если встречный иск, неразрывно связанный с первоначальным иском, по цене своей, не подлежит ведомству мирового судьи, то судья прекращает у себя производство дела и предоставляет тяжущимся разобраться в окружном суде». Аналогичные правила были закреплены и в ст. 226 УГС 1864 г. о чем указано выше. В действующем отечественном цивилистическом процессуальном законодательстве правила предъявления встречного иска установлены в ч. 2 ст. 31 ГПК РФ и ч. 2 ст. 26 КАС РФ и относятся к подсудности по связи дел, а также в ч. 10 ст. 38 АПК РФ и относиться к исключительной подсудности».

УГС 1864 г. признавал возможность рассмотрения гражданского иска в уголовном деле и закреплял важное принципиальное положение об этом. Так, согласно ст. 5 УГС 1864 г. «гражданский иск об удовлетворении за вред или убыток, причиненный преступлением или проступком, может быть предъявлен в уголовном суде при самом производстве уголовного дела, или отдельно от оного, в суде гражданском до истечения срока давности. Вместе с тем, отдельного правила о подсудности иска, вытекающего из уголовного дела в то время не было предусмотрено. В настоящее время это правило подсудности урегулировано в ч. 3 ст. 31 ГПК РФ. Вместе с тем, следует помнить, что согласно позиции Конституционного Суда РФ «иски потерпевшего от преступления, связанного с хищением денежных средств с его банковского счета, о взыскании неосновательного обогащения с лица, чьи средства платежа использовались при совершении преступления, а также о возмещении причиненного имущественного вреда, когда указанный иск не был предъявлен или не был разрешен при производстве уголовного дела, могут быть заявлены в суд как по месту жительства ответчика, так и по месту жительства истца либо по месту производства по уголовному делу о данном преступлении, в том числе в случае его приостановления»[2].

Так же следует отметить, что в УГС 1864 г. предусматривалось право мирового судьи выполнять функции третейского судьи. Так, согласно ст. 30 УГС 1864 г. «кроме дел, поименованных в предыдущей статье, мировой судья может принять к своему рассмотрению всякий спор и иск гражданский, если обе тяжущиеся стороны будут просить его о решении их дела по совести. Состоявшиеся вследствие таких просьб, решения мировых судей считаются окончательными и апелляции не подлежат». Современное законодательство не предоставляет мировому судье таких полномочий.

Вышеизложенное позволяет еще раз подтвердить, что основа для современного правового регулирования в цивилистическом судопроизводстве подведомственности и подсудности заложена именно в положениях УГС 1864 г.

В юридической литературе во время действия УГС 1864 г. показаны позиции исследователей относительно понимания подведомствен-

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 05.10.2000 № 199-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кушнарева Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 40.1 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 1 статьи 12 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации». // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 2001.
[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 22.12.2025 № 47-П «По делу о проверке конституционности статьи 28 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Уваровой Владлены Васильевны». // Российская газета. № 7. 16.01.2026.

ности и подсудности как правовых явлений, которые нашли свое развитие и в наши дни. В частности, А.Х. Гольмстен рассматривал ведомство судов как составляющую предметной правоспособности суда. «Под правоспособностью суда разумеется наличность в нем всех необходимых условий осуществления судебной власти, являющейся его обязанностью. Эти необходимые условия суть личные и предметные; соответственно этому и правоспособность может быть разделена на личную и предметную» [1, с. 25]. Далее А.Х. Гольмстен конкретизирует, что «под предметною правоспособностью суда разумеется наличность в нем таких условий осуществления судебной власти, которые касаются самих дел, подлежащих его ведению» [1, с. 36].

Содержание современной дефиниции подсудности показывает свою основу в понимании этого явления разработанного в период действия УГС 1864 г. и указанного в частности А.Х. Гольмстеном: «под гражданскою подсудностью собственно следует разуметь принадлежность известных гражданских дел к числу дел, входящих в ведение того, а не другого из однородных судов» [1, с. 50].

К.И. Малышев отмечал, что «каждое судебное установление имеет определенный круг ведомства или власти, из границ которого не должно выходить. Оно определяется: а) по пространству. В этом отношении ведомство мировых судей и их съездов, окружных судов и судебных палат ограничивается особыми участками и округами, а ведомство правительствующего сената в отношении к судебной части распространяется на всю империю… б) по роду и ценности дел, т.е. по предмету и цене исков и по характеру лиц, участвующих в деле, как-то по сословному их положению (крестьянские суды), по торговым занятиям (коммерческие суды), по казенному интересу, замешанному в деле и т.п.» [3, с. 139-140].

Энгельман И.Е. указывал, что «ведомством известного установления называется круг дел, подлежащих его заведыванию. Отсюда ведомством суда является круг дел, подлежащих его решению… каждому суду предоставлен особенный круг дел, отличный от дел подведомственных другим… [5, с. 112].

Вышеизложенное показывает общепризнанные в тот период развития отечественного цивилистического процессуального права позиции относительно исследуемых правовых явлений. Современность демонстрирует поступательное развитие правового регулирования подведомственности и подсудности в цивилистическом процессуальном законодательстве, основанное на новейших научных исследованиях.

Выводы:

Анализ положений УГС 1864 г. показывает, что цивилистическое процессуальное законодательство того времени оперировало такими правовыми категориями как «ведомство», «подведомственность» и «подсудность». При этом термины «ведомство» и «подведомственность» использовались как равнозначные. Термин «компетенция» в УГС 1864 г. не использовался.

Детальная регламентация в УГС 1864 г. подсудности показывает родовую и территориальную как ее разновидности. Основательно проработаны правила общей территориальной подсудности, альтернативной, исключительной и по связи дел. В специальной юридической литературе того периода представлены комментарии показывающие сложившиеся представления о содержании и разновидностях этих правовых явлений.

Действующее цивилистическое процессуальное законодательство показывает тождественность в понимании и правовом регулировании подведомственности и подсудности с УГС 1864 г., что подтверждает преемственность позиций, заложенных в первом отечественном кодифицированном акте.

Список литературы:

1. Гольмстен А.Х. Гражданское судопроизводство: Лекции проф. Гольмстена: Курс 1 кл. Имп. уч-ща правоведения. 1882-83 г. Ч. [1]-2. Санкт-Петербург, 1883. 335 с.
2. Кожухова А.С. Определение компетенции судов в цивилистическом процессе: автореф. дис. … к.ю.н. Саратов, 2025. 28 с.
3. Малышев И.М. Курс гражданского судопроизводства. Том 1, 2-е изд., испр. и доп., Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. 449 с.
4. Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел: Учеб. пособие / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Свердл. юрид. ин-т. Свердловск. 1973. 123 с.
5. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства: 3-е изд., Учебника русского гражданского судопроизводства, испр. и доп. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1912. 680 с.

References:

1. Golmsten A.H. Civil proceedings: Lectures by Prof. Holmsten: 1st grade course of the Faculty of Law. 1882-83 h. [1]-2. St. Petersburg, 1883. 335 p.
2. Kozhukhova A.S. Determination of the competence of courts in the civil process: abstract of the dissertation of the Candidate of Law Saratov, 2025. 28 p .
3. Malyshev I.M. The course of civil proceedings. Volume 1, 2nd ed., ispr. and add., St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Printing House, 1876. 449 p.
4. Osipov Yu.K. Jurisdiction of legal affairs: Textbook / Higher Education. and Wednesdays. special. education of the RSFSR. Sverdlov. jurid. in-T. Sverdlovsk. 1973. 123 p.
5. Engelman I.E. The course of Russian civil procedure: 3rd ed., Textbook of Russian Civil Procedure, ispr. and add. Yuriev: K. Mattisen's type, 1912. 680 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_333

УДК 347.6

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА ДО ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ БРАКА В РФ
FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE CONCLUSION OF A MARRIAGE CONTRACT BEFORE THE STATE REGISTRATION OF MARRIAGE IN THE RUSSIAN FEDERATION

ЛЕТЯГИНА Екатерина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Красноярского государственного аграрного университета.
660049, Россия, г. Красноярск, проспект Мира, 90.
E-mail: let_k@mail.ru;

LETYAGINA Ekaterina Aleksandrovna,
Candidate of Law, associate Professor, department of Civil Law and Process, Law Institute Krasnoyarsk state agrarian University.
90 Mira Avenue, Krasnoyarsk, Russia, 660049.
E-mail: let_k@mail.ru

Краткая аннотация: *В работе исследуются особенности правовой регламентации заключения брачного договора до государственной регистрации брака в РФ. Современное семейное законодательство предусмотрело возможность субъектам семейных правоотношений самостоятельно определять свой имущественный статус и взаимодействие по вопросам имущественного характера. На сегодняшний день правоведы достаточно активно дискутируют по вопросам регулирования заключения брачного договора лицами, еще не заключившими брак, но планирующими это. В статье обозначаются основные проблемы, связанные, в частности, с содержательным компонентом категории «лица, вступающие в брак». Автором обосновывается точка зрения о том, что ограничивать возможности заключения брачного договора не целесообразно, и категория «лица, вступающие в брак» должна включать всех субъектов, достигших брачного возраста и обладающих соответствующими правами как подавших заявление, так и не обратившихся пока в органы ЗАГС, но планирующих такие действия. Вместе с тем, любые договоренности сторон, состоящих в фактических брачных отношениях, за исключением случаев планирования регулирования имущественных вопросов субъектами после заключения брака с надлежащим нотариальным удостоверением, брачным договором не являются. Соответственно, в случае заключения таких договоров, можно определить, что они носят исключительно гражданско-правовой характер. Следовательно, основным моментом, отличающим брачного договора от других договоров, вступает их тесная обусловленность фактом регистрации брака, который и приводит в действие положения брачного договора включенные в его содержание.*

Abstract: *The paper examines the features of legal regulation of the conclusion of a prenuptial agreement before the state registration of marriage in the Russian Federation. Modern family legislation provides for the possibility for the subjects of family relations to independently determine their property status and interaction on issues of a property nature. Today, legal scholars are quite actively discussing the issues of regulation of the conclusion of a prenuptial agreement by persons who have not yet entered into marriage, but are planning to do so. The article identifies the main problems related, in particular, to the substantive component of the category "persons entering into marriage." The author substantiates the point of view that it is not advisable to limit the possibilities of concluding a marriage contract, and the category of "persons entering into marriage" should include all subjects who have reached the age of marriage and have the appropriate rights, both those who have submitted an application and those who have not yet applied to the registry office, but who plan such actions. At the same time, any agreements between the parties involved in an actual marital relationship, with the exception of cases of planning the regulation of property issues by the subjects after marriage with proper notarization, are not considered a marriage contract. Accordingly, in the case of such contracts, it can be determined that they are exclusively of a civil law nature. Consequently, the main point that distinguishes a marriage contract from other contracts is their close conditionality by the fact of marriage registration, which gives effect to the provisions of the marriage contract included in its content.*

Ключевые слова: *брачный договор, лица, вступающие в брак, супруги, имущество, «законный режим имущества» супругов, фактические брачные отношения, регистрация брака, нотариальное удостоверение.*

Key words: *marriage contract, persons entering into marriage, spouses, property, «legal regime of property» of spouses, de facto marriage, registration of marriage, notarization.*

Для цитирования: *Летягина Е.А. Особенности правовой регламентации заключения брачного договора до государственной регистрации брака в РФ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 333-336. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_333.*

For citation*: Letyagina E.A. Features of the legal regulation of the conclusion of a marriage contract before the state registration of marriage in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 333-336. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_333.*

Статья поступила в редакцию: 24.11.2025

Современное семейное законодательство предусмотрело возможность субъектам семейных правоотношений самостоятельно определять свой имущественный статус и взаимодействие по вопросам имущественного характера. В этом проявляется определенная свобода возможностей регулирования финансово-экономических вопросов между супругами, в том числе и особенности распределения нажитого в браке имущества при расторжении брака. В зарубежных странах, разделяющих теорию о договорном характере брачных отношений, данный институт имеет значительный опыт функционирования и используется парами достаточно часто и разнообразно, в РФ в свою очередь таким договором могут быть урегулированы исключительно имущественные отношения супругов. При этом институт брачного договора (далее - БД) несовершенен и имеет определенные правовые сложности, в частности, при его заключении до государственной регистрации брака субъектами, которые только планируют официально вступить в брак.

В этой связи представляется актуальным исследовать вопросы правовой регламентации заключения БД лицами до осуществления государственной регистрации брака.

Отметим, что проблемы правовой регламентации этих вопросов исследовали различные авторы.

В частности, научно-практический интерес представляют следующие работы: Долинской В.В. о брачном договоре в праве Китайской Народной Республики и Российской Федерации [1], Перепелкиной Н.В. о месте брачного договора в классификации сделок [2], Ежовой Т.Б. о международно-правовом опыте брачного договора [3], Чудиновской Н.А. о брачном договоре как инструмент защиты или способе обойти закон [4], Дергуновой В.А. о брачном договоре как инструменте предотвращения корпоративных конфликтов в случае развода или смерти одного из супругов [5], Малютиной О.А. о договорном характере брачного договора [6], Пьянковой А.Ф. о брачном договоре как о подозрительной сделке [7], Сиваракша И.В. о брачном договоре в римском законодательстве [8], Емелиной Л.А. о брачном договоре как способе правовой защиты бизнеса [9], Ветрова П.В. о брачном договоре в условиях современной России [10], Дадашовой Э.Г. об особенностях брачного договора [11] и другие.

Указанные исследования имеют определенное значение, но не разрешают все текущих проблемных вопросов, возникающих в сфере заключения БД лицами, еще не оформившими в установленном порядке свои брачные отношения.

По этой причине наша работа внесет определенную ясность в ряд вопросов правовой регламентации этих отношений и дополнит имеющийся объем научно-исследовательских работ по данной тематике, что, несомненно, будет иметь определенное теоретическое значение.

Также результаты нашего исследования могут иметь практическую значимость при осуществлении модернизации действующего законодательства, регулирующего отношения по заключению БД.

Таким образом, приступая к реализации обозначенной цели, отметим, что институт БД имеет особый порядок регулирования в семейном законодательстве РФ. При этом отметим, что субъекты, обладающие правом заключать БД, прямо указаны в положениях ст. ст. 40, 41 Семейного кодека РФ (далее – СК РФ), регламентирующих соответствующие отношения.

Кроме того, положения СК РФ прямо указывают, что обстоятельства, явно ухудшающие положение одного из супругов и ставящие его в неблагоприятное положение имущественного характера, не могут быть составной частью БД, о чем свидетельствует и многочисленная судебная практика, например, в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2024 № 11АП-20410/2023 по делу № А65-13492/2022 это четко формулируется в мотивировочной части [12]. Не допускаются также ограничение право- или дееспособности супругов, указание в содержании БД положений, определяющих личные неимущественные права и обязанности, а также регулирующих иные межличностные отношения.

Кроме того, БД не может включать положения, негативным образом отражающиеся на имущественном статусе несовершеннолетних, или иным образом нарушающие их права.

Таким образом, говорить об абсолютной свободе содержания БД не приходится, и пределы этого самоопределения четко обозначены правовым регулированием.

Большинство государств, достаточно давно практикующих заключение БД, предусматривают возможность заключения БД до вступления в брак, например, в США. Аналогичная возможность предусмотрена и для лиц, которые планируют осуществить государственную регистрацию брака в РФ. Однако эта возможность связана с определенными проблемами толкования.

Основная проблема заключается в том, какие субъекты могут быть включены в категорию «лица, вступающие в брак». В частности, к ним, конечно, относятся субъекты, достигшие брачного возраста, и подавшие заявление в органы ЗАГС о вступлении в брак. Здесь все очевидно. А вот включаются ли в это понятие субъекты, состоящие в отношениях, планирующих регистрацию брака, однако не оформившие свои намерения в форме заявления? В действительности, в СК РФ отсутствует обязательное требование для указанных в ст. ст. 40,41 СК РФ субъектов обязательно подтверждать свои намерения вступить в брак заявлением о его государственной регистрации. Следовательно, все субъекты, обладающие брачной дееспособностью, в потенциальном смысле могут заключить БД.

Полагаем, что ограничивать возможности заключения БД не целесообразно, и категория «лица, вступающие в брак» должна включать всех субъектов, обладающих соответствующими правами как подавших заявление, так и не обратившихся пока в органы ЗАГС. В любом случае, правовая регламентация позволяет устранить возможные риски, связанные с отказом от вступления в брак, посредством указания на то, что положения БД, заключенного лицами, только планирующими вступить в зарегистрированный брак, не действуют до момента его государственной регистрации, и, следовательно, если субъекты так и не поженятся, то БД не будет иметь правовой силы и соответствующих правовых последствий для таких субъектов.

С этой позиции любые субъекты, обратившиеся к нотариусу для составления и (или) удостоверения БД, имеют все полномочия это реализовать, и нотариус не имеет законных оснований отказать в осуществлении таких действий, а истребование документов, подтверждающих факт подачи такими лицами заявления в органы ЗАГС, может быть обжалован, в том числе и в судебном порядке, как не соответствующий требованиям действующего законодательства.

Еще одним дискуссионным вопросом выступает вопрос о возможности определения в БД судьбы имущества, приобретенного такими субъектами до брака после подписания и удостоверения БД. Соответственно, правоведы спорят о том, имеет ли БД обратную силу за пределами сроков зарегистрированного брака или же БД может распространяться исключительно на имущество, приобретенное в период существования официальных брачных отношений.

Полагаем, что БД вполне на законных основаниях может определять и судьбу такого имущества, ведь стороны понимают, осознают и согласны с такими положениями БД, а значит после регистрации брака, они приобретут законную силу. Важно понимать, что такие положения

должны прямо содержаться в брачном договоре, иначе суд будет распространять на них иной правовой режим. Это касается и ситуаций, когда БД заключается спустя какое-то время после заключения брака. Так, например, в Определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2024 по делу № 88-778/2024 указывается, что стороны при заключении БД включили в условия договора ограниченный перечень имеющегося у них имущества, которое было приобретено в период брака. При этом БД не установлено, что его условия применяются к отношениям сторон, возникшим до его заключения, а договор вступает в силу с момента его заключения, поэтому остальная часть имущества, не включенная в БД, подлежит разделу как совместно нажитое имущество [13].

Здесь же встает вопрос о возможности заключения БД лицами, состоящими в фактических брачных отношениях, и признания такого соглашения БД без государственной регистрации брака.

Обращаясь к этой проблеме, которую обозначают сегодня многие исследователи, настаивая на модернизации семейного законодательства, обозначим следующее. Возможность урегулирования имущественных отношений по своему усмотрению в определенной части предоставлена государством именно лицам, состоящим в зарегистрированных отношениях, что закреплено действующими правовыми предписаниями СК РФ.

Однако проблема владения, пользования, распоряжения имуществом, а также его раздела после прекращения фактических брачных отношений стоит в нашей стране достаточно остро и, несомненно, требует определенной правовой реакции со стороны государства.

В этой связи БД мог бы стать определенным выходом из ситуации, ведь режим «законного имущества супругов» у таких пар отсутствует по причине отсутствия факта государственной регистрации брака. По сути, такой договор, конечно, утратит статус «брачного», но может выступать как обычный гражданско-правовой договор, распределяющий имущественные права и обязанности между субъектами, состоящими в фактических брачных отношениях. Полагаем, что вступать в силу такой договор должен сразу после его нотариального удостоверения, и как БД, может регулировать имущественные отношения до его заключения, с указанием перечня имущества, приобретенного, до его заключения, на которое будут распространяться такие договорные отношения.

Полагаем, что правовые предписания, которые будут регулировать имущественные договоры между лицами, состоящими в фактических брачных отношениях должны содержаться в Гражданском кодексе РФ, а не в СК РФ для сохранения системности и логичности национальной системы права, а также в целях исключения оснований, подрывающих институт регистрации брака в РФ.

Таким образом, полагаем очень важным обозначить следующие важные обстоятельства заключения БД лицами, только планирующими заключение брака.

Считаем, что нужно расширительно толковать категорию «лица, вступающие в брак», включая в них всех субъектов брачного возраста, в том числе и лиц, уже представивших заявление в ЗАГС.

Необходимо понимать, что любые договоренности сторон, состоящих в фактических брачных отношениях, за исключением случаев планирования регулирования имущественных вопросов субъектами после заключения брака с надлежащим нотариальным удостоверением, БД не являются. Соответственно, в случае заключения таких договоров, можно определить, что они носят исключительно гражданско-правовой характер.

Следовательно, основным моментом, отличающим БД от других договоров, вступает их тесная обусловленность фактом регистрации брака, который и приводит в действие положения БД, включенные в его содержание.

Кроме того, требуется также более детально на законодательном уровне определить возможности урегулирования имущественных отношений лиц, состоящих в фактических брачных отношениях.

Список литературы:

1. Долинская, В.В. Брачный договор в праве Китайской Народной Республики и Российской Федерации / В.В. Долинская // Юридическая наука в Китае и России. – 2021. – № 4. – С. 9-14.
2. Перепелкина, Н.В. Брачный договор: место в классификации сделок / Н.В. Перепелкина // Перспективы развития гражданского права и процесса в эпоху цифровизации : Сборник научных работ по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летиюсо дня рождения доктора юридических наук, профессора Н.А. Баринова, Саратов, 25 февраля 2022 года / Отв. редактор А.В. Габов. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. – С. 260-263.
3. Ежова, Т.Б. Брачный договор: международно-правовой опыт / Т.Б. Ежова // Обеспечение охраны интересов коренных малочисленных народов в современном мире : Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 02 апреля 2024 года. – Ханты-Мансийск: Сектор редакционно-издательской работы Научной библиотеки ЮГУ, 2024. – С. 95-100.
4. Чудиновская, Н.А. Брачный договор - инструмент защиты или способ обойти закон? / Н.А. Чудиновская // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 4(283). – С. 106-112.
5. Дергунова, В.А. Брачный договор как инструмент предотвращения корпоративных конфликтов в случае развода или смерти одного из супругов / В.А. Дергунова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 9(276). – С. 91-97.
6. Малютина, О.А. Брачный договор: расчет по любви / О.А. Малютина // Шестой конгресс цивилистов правоохранительных органов : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород - Барнаул, 22 марта 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. – С. 379-385.
7. Пьянкова, А.Ф. Брачный договор как подозрительная сделка / А.Ф. Пьянкова // Бюллетень нотариальной практики. – 2021. – № 3. – С. 44-48.
8. Сиваракша, И.В. Имущественное положение супругов в римском праве. Брачный договор / И.В. Сиваракша // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2023. – № 3(57). – С. 34-38.
9. Емелина, Л.А. Брачный договор как способ правовой защиты бизнеса / Л.А. Емелина // Семейный бизнес & качество правовой среды : Монография / Ответственные редакторы И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. – С. 484-495.
10. Ветров, П.В. Брачный договор в современной России / П. В. Ветров // Современные вопросы государства, права, юридического образования : Сборник научных трудов по материалам XVIII Международной научно-практической конференции, Тамбов, 22 декабря 2022 года / Редколлегия: А.В. Лапаева, Н.С. Ельцов, О.В. Моисеева. – Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2023. – С. 23-27.
11. Дадашова, Э.Г. Брачный договор и его особенности / Э.Г. Дадашова // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – №2 (76). – С. 103-116.
12. Постановлени Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2024 № 11АП-20410/2023 по делу № А65-13492/2022 : [Электронный документ] // Справочная система КонсультантПлюс. Судебная практика (Дата обращения 20.11.2025).

13. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2024 по делу № 88-778/2024 : [Электронный документ] // Справочная система КонсультантПлюс. Судебная практика (Дата обращения 20.11.2025).

References:

1. Dolinskaya, V.V. Marriage contract in the law of the People's Republic of China and the Russian Federation / V.V. Dolinskaya // Legal science in China and Russia. - 2021. – No. 4. – pp. 9-14.
2. Perepelkina, N.V. Marriage contract: a place in the classification of transactions / N.V. Perepelkina // Prospects for the development of civil law and the process in the era of digitalization : A collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Doctor of Law, Professor N.A. Barinov, Saratov, February 25, 2022 / Editor A.V. Gabov. Saratov: Saratov State Law Academy, 2022. pp. 260-263.
3. Yezhova, T.B. Marriage contract: international legal experience / T.B. Yezhova // Ensuring the protection of the interests of indigenous peoples in the modern world : A collection of scientific articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Khanty-Mansiysk, April 02, 2024. – Khanty-Mansiysk: Sector of editorial and publishing work of the Scientific Library of the SOUTH, 2024. – pp. 95-100.
4. Chudinovskaya, N.A. Is a marriage contract a protection tool or a way to circumvent the law? / N.A. Chudinovskaya // Property relations in the Russian Federation. – 2025. – № 4(283). – pp. 106-112.
5. Dergunova, V.A. Marriage contract as a tool for preventing corporate conflicts in the event of divorce or death of one of the spouses / V.A. Dergunova // Property relations in the Russian Federation. – 2024. – № 9(276). – pp. 91-97.
6. Malyutina, O.A. Marriage contract: calculation of love / O.A. Malyutina // The Sixth Congress of Civil Law Enforcement Officers : Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International participation, Nizhny Novgorod - Barnaul, March 22, 2024. Moscow: Rusains Limited Liability Company, 2024, pp. 379-385.
7. Pyankova, A.F. Marriage contract as a suspicious transaction / A.F. Pyankova // Bulletin of notary practice. – 2021. – No. 3. – pp. 44-48..
8. Sivaraksha, I.V. Property status of spouses in Roman law. Marriage contract / I. V. Sivaraksha // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy. – 2023. – № 3(57). – pp. 34-38.
9. Emelina, L.A. Prenuptial agreement as a way of legal protection of business / L.A. Emelina // Family Business & the Quality of the Legal Environment : A monograph / The responsible editors are I.V. Ershova, A.N. Levushkin. Moscow : Prospect Limited Liability Company, 2022. pp. 484-495.
10. Vetrov, P.V. Marriage contract in modern Russia / P. V. Vetrov // Modern issues of state, law, legal education : A collection of scientific papers based on the materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference, Tambov, December 22 2022 / Editorial board: A.V. Lapaeva, N.S. Yeltsov, O.V. Moiseeva. Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2023. pp. 23-27.
11. Dadashova, E.G. The marriage contract and its features / E.G. Dadashova // Leningrad Law Journal. – 2024. – №2 (76). – pp. 103-116.
12. Resolution of the Eleventh Arbitration Court of Appeal dated 02/06/2024 No. 11AP-20410/2023 in case No. A65-13492/2022 : [Electronic document] // ConsultantPlus reference System. Judicial practice (Date of appeal 11/20/2025).
13. Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated 01/23/2024 in case No. 88-778/2024 : [Electronic document] // ConsultantPlus reference System. Judicial practice (Date of application: 11/20/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_337

УДК 347.441

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА
ON CERTAIN ASPECTS OF CONCLUDING A CIVIL LAW CONTRACT

КОРНИЛОВА Наталья Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Дальневосточного филиала «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».
680014, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49.
E-mail: n_kornilva@mail.ru

ЗМИЕВСКАЯ Марина Николаевна,
магистрант Дальневосточного филиала «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева».
680014, Хабаровский край, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49.
E-mail: marina.zmievskaya@home.bank

KORNILOVA Natalia Viktorovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law
Far eastern branch «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev».
680014, Russia, Khabarovsk, Vostochnoye sh., 49.
E-mail: n_kornilva@mail.ru

ZMIEVSKAY Marina Nikolaevna
master's student Far eastern branch «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev».
680014, Russia, Khabarovsk, Vostochnoye sh., 49.
E-mail: marina.zmievskay@home.bank

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются отдельные вопросы заключения гражданско-правового договора, изучены стадии заключения договора, раскрыты проблемы, возникающие в исследуемой сфере. Анализируются особенности заключения договора на торгах, в электронной форме.*

Abstract: *This article examines specific aspects of civil contract conclusion, explores the stages of contract conclusion, and identifies issues arising in this area. It also analyzes the specifics of contract conclusion through tenders and electronically.*

Ключевые слова: *договор, сделка, оферта, акцепт, торги, существенные условия, конкурс, аукцион.*
Keywords: *agreement, transaction, offer, acceptance, bidding, essential conditions, competition, auction.*

Для цитирования: *Корнилова Н.В., Змиевская М.Н. Об отдельных аспектах заключения гражданско-правового договора // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 337-340. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_337.*
For citation*: Kornilova N.V., Zmievskay M.N. On certain aspects of concluding a civil law contract // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 337-340. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_337.*

Статья поступила в редакцию: 19.01.2026

В отечественном правопорядке процедура заключения гражданско-правового договора выступает многогранным юридическим явлением, сочетающим концептуальную проработанность и прикладную ценность. Что касается порядка заключения гражданско-правовых договоров, то он характеризуется разнообразием и может варьироваться в зависимости от специфики договора, его сложности и конкретных обстоятельств его формирования.

Одним из наиболее распространённых механизмов выступает процедура, основанная на обмене офертой и акцептом. Суть её заключается в следующем: одна сторона направляет другой (или нескольким лицам) официальное предложение о заключении договора — это и есть оферта. В ответ на полученное предложение вторая сторона выражает своё согласие с его условиями — такой ответ именуется акцептом.

Этот способ подтверждения взаимных намерений зарекомендовал себя как наиболее универсальный и востребованный в договорной практике. Именно он чаще всего применяется при оформлении гражданско-правовых соглашений [8].

Согласно ст. 435 ГК РФ оферта должна включать в себя все существенные условия будущего договора и однозначно демонстрировать намерение оферента вступить в договорные отношения с получателем предложения. Данное законодательное требование устанавливает строгие критерии к содержанию оферты: полнота изложения договорных условий, четкость выражения воли оферента, определенность намерений заключить договор. Такая формулировка закона направлена на обеспечение прозрачности и однозначности оферты.

По выражению Л. Эннекцеруса, оферта «должна быть настолько определенная, чтобы можно было путем ее принятия достигнуть соглашения о всем договоре» [18, с. 175]. Документ должен быть составлен настолько детально, чтобы его принятие (акцепт) автоматически приводило к возникновению договорных отношений, исключая необходимость в дополнительных согласованиях между сторонами. Такое требование призвано защитить интересы участников гражданского оборота и обеспечить стабильность договорных отношений.

Здесь важно отметить, что с законодательной позиции офертой является не любое предложение о заключении договора. ГК РФ, а именно в ст. 437, проводится разграничение между приглашением делать оферту и непосредственно самой офертой. Так, предложение делать оферты, в отличие от оферты, не выражает прямой и окончательно сформированной цели к установлению договорных отношений, и не определяет весь объем существенных условий, необходимых для заключения договора. Рекламные баннеры или оформленные витрины с товарами являются именно приглашением делать оферты, так как только пытаются побудить возможного контрагента к началу совершения конклюдентных

действий, однако не являются полноценной офертой в юридическом смысле.

К тому же, приглашение делать оферту всегда адресовано неопределенному кругу лиц, а оферта, в свою очередь, адресована конкретному лицу, но может быть и публичной. Принять публичную оферту может любое лицо, которое удовлетворят предложенные существенные условия.

Следует подчеркнуть, что в научной литературе существуют различные подходы к пониманию того, кому должна быть адресована оферта. В частности, широко распространённой была позиция, согласно которой оферта обязана направляться строго определённому лицу (или кругу лиц) и не может быть обращена к неопределённому кругу лиц (ad incertam personam).

Сторонником такого взгляда была, например, Р.О. Халфина. Она полагала, что «предложение не может рассматриваться как оферта, поскольку здесь еще не установлен один из существенных элементов договора - его сторона» [17]. Аналогичной позиции придерживался и Ф.И. Гавзе [10]. Высказывались мнения, допускающие признание офертой предложения, направленного неопределённому кругу лиц, при соблюдении ряда условий. Ключевым критерием при этом выступала выраженная воля оферента заключить сделку с любым желающим, то есть «с любым и каждым».

Даже уже после принятия действующего ГК РФ, можно было встретить точку зрения, согласно которой суть публичной оферты заключается не в обращении к неопределённому кругу лиц, а в адресовании предложения «любому и каждому». В результате право заключить договор получает тот, кто первым откликнется на предложение — именно его действие (акцепт) прекращает действие оферты. В качестве иллюстрации приводится пример такси, стоящее на стоянке с включенным зеленым огоньком, когда оно свободно [11, с. 445-446].

Но, как отмечалось в юридической литературе, в анализируемом выше случае, мы имеем дело с однократным действием оферты: после заключения договора она исчерпывает себя. В большинстве же случаев публичная оферта адресована неопределённому количеству лиц (например, при покупке товаров в магазине). В этом случае сделка одного покупателя не аннулирует публичную оферту, и оферта продолжает действовать в полном объёме, за исключением ситуаций, когда приобретён последний экземпляр товара. В анализируемом случае предложение с неоднократным действием, адресованное неопределенному кругу лиц, будет признаваться публичной офертой [9].

Важной особенностью оферты является определенность временного промежутка, в течение которого эта оферта может быть принята. При этом считается, что отсутствие в оферте указание на срок ее возможного принятия дает возможность согласиться с офертой в течение «объективно необходимого времени», что, конечно, является неточным и растяжимым определением [16, с. 89].

Изменить условия, обозначенные в оферте, невозможно до того момента, пока не истечет срок ее принятия, только если иное не оговорено в самой оферте либо не вытекает из существа предложения или обстановки, в которой оно было сделано (ст. 436 ГК РФ). Одновременно с этим, возможно отозвать оферту, или изменить ее при условии, что извещение о таких действиях достигнет адресата ранее, чем сама оферта, или одновременно с ней. Практически никакая оферта не сможет породить возникновение договорных отношений, если не будет принята второй стороной. Поэтому акцепт, полный и безоговорочный, является вторым элементом для заключения договора.

Согласно статье 438 ГК РФ акцепт не может привносить изменения в условия, определенные офертой. Любая альтернатива условиям, указанным в оферте, будет восприниматься как новая оферта.

Акцепт может быть выражен в разнообразных формах: ответ может быть изложен письменно, озвучен на словах, может выражаться в конклюдентных действиях контрагента. К примеру, «если работы выполнены до согласования всех существенных условий договора подряда, но впоследствии сданы подрядчиком и приняты заказчиком, то к отношениям сторон подлежат применению правила о подряде и между ними возникают соответствующие обязательства» (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [5]).

При определенных условиях, обозначенных законодательством, обычаями делового оборота или сложившимся ранее поведением сторон, согласие на вступление в договорные отношения может быть выражено и молчанием.

Особенностью является и определение момента установления договорных правоотношений на условиях принятия оферты. В одних случаях для заключения договора достаточно получить акцепт. Если для заключения договора требовалась передачи вещи, то он считается заключённым с момента её передачи (п. 2 ст. 433 ГК РФ), а договор, подлежащий государственной регистрации, считается для третьих лиц заключенным с момента его регистрации, если иное не установлено законом (п. 3 ст. 433 ГК РФ).

Следует особо отметить значимость условия о месте заключения договора, основанного на оферте, поскольку данный аспект имеет прямое отношение к установлению подсудности в случае возникновения споров между сторонами. Согласно положениям ст. 444 ГК РФ местом заключения договора признаётся место жительства физического лица или место нахождения юридического лица, которое выступило инициатором оферты (то есть направило предложение о заключении договора). Однако это правило действует лишь при отсутствии в тексте соглашения прямого указания на иное место его заключения — если стороны явно определили в договоре конкретное место, именно оно будет считаться местом заключения сделки.

Интересен вопрос и о правовой природе оферты и акцепта. Н.Г. Александровым была предложена позиция, согласно которой «оферта и акцепт рассматриваются как односторонние сделки» [6, с. 74].

Однако эта точка зрения встретила решительное возражение со стороны Ф.И. Гавзе. Он подчёркивал, что «оферта (предложение) и акцепт (принятие предложения) — не самостоятельные сделки, а лишь элементы единой двусторонней сделки — договора». Согласно его аргументации волеизъявление оферента нацелено на получение ответного волеизъявления от акцептанта; в результате взаимодействия двух волеизъявлений формируется общий волевой акт - договор; договор обеспечивает достижение встречных результатов, устраивающих обе стороны [10].

Схожую позицию высказывал О.А. Красавчиков, утверждая, что договор — это не совокупность двух односторонних сделок, а единый

юридический волевой акт. Иными словами, «договор представляет собой итоговый результат, в котором воля сторон находит общее выражение, образуя целостное правовое явление» [15, с. 300].

Своими особенностями обладает заключение договора на торгах. Этот способ применяется в случаях, конкретно предусмотренных законодательством или соглашением сторон. Торги могут проводиться в форме аукциона или конкурса.

Механизм торгов как способ оформления договорных отношений находит применение в самых разных сферах. Он используется: при осуществлении государственных или муниципальных закупок; в процедурах реализации имущества банкротов; при отчуждении объектов государственной и муниципальной собственности. Кроме того, торги нередко применяются и в частноправовой сфере — когда участники гражданских правоотношений добровольно выбирают именно этот порядок для закрепления взаимных обязательств.

В российском законодательстве (в том числе в ст. 447 ГК РФ) закреплён ряд форм организации торгов. Наибольшее распространение получили две из них: аукцион и конкурс. Между этими формами есть принципиальные различия в механизме определения победителя: на аукционе исход решает размер предложенной цены — побеждает участник, назвавший наибольшую сумму; в конкурсе победителя выявляют путём всестороннего анализа всех представленных условий, а не только ценового предложения.

Этапы проведения торгов имеют существенное юридическое значение.

Первым шагом выступает публичное объявление о торгах — это гарантирует открытость и прозрачность всей процедуры. По общему правилу, извещение размещают минимум за 30 дней до мероприятия, если специальные нормы не устанавливают иные сроки.

На следующем этапе потенциальные участники подают заявки. При этом от них требуется не только оформить заявку, но и внести задаток. Его размер и порядок уплаты определяет организатор торгов. Эта мера служит двойной цели: подтверждает добросовестность участника и защищает интересы организатора.

Ключевым этапом процедуры выступает собственно проведение торгов, а финальным — фиксация их итогов. По результатам мероприятия оформляется протокол, который приобретает юридическую силу договора. Его обязаны подписать организатор и победитель непосредственно в день торгов. Если торги давали право на заключение договора (а не оформляли его автоматически), сторонам отводится установленный срок для подписания договора в надлежащей форме.

Заключение договора через торги имеет ряд особенностей.

1) Специфика волеизъявления: организатор выражает намерение через объявление торгов, участники — через подачу заявок. При этом основные условия будущего договора задаются правилами торгов.

2) Ограничение договорной свободы: победитель и организатор обязаны подписать договор на условиях, определённых по итогам торгов. Отказ от подписания чреват последствиями — потерей задатка или судебным принуждением к заключению договора.

3) Особенный момент заключения договора: в отличие от стандартного правила (акцепт оферты), договор считается заключённым в момент подписания протокола итогов торгов. Если торги давали право на заключение договора, его нужно оформить в сроки, указанные в извещении о торгах [12].

Заключение договора может быть обусловлено императивно определённым порядком — это ещё одно основание для его подписания. Этот механизм применяется в случаях, когда закон предписывает одной из сторон обязательность заключения договора. Стоит подчеркнуть, что лишь норма закона может обязать заключить договор, а невыполнение такого предписания влечет для субъекта правоотношения, необоснованно уклоняющегося от заключения соглашения, обязанность по возмещению другой стороне причиненных убытков [9].

Перечень ситуаций, требующих обязательного заключения договора, достаточно обширен и закреплён в законодательстве. При этом различаются случаи односторонней и двусторонней обязанности по заключению договора.

К случаям односторонней обязанности по заключению договора можно отнести: публичный договор (ст. 426 ГК РФ) [14]; договор, заключаемый по результатам торгов (ст. 447 ГК РФ); лицензионный договор на использование изобретения, полезной модели, промышленного образца или селекционного достижения в силу правила о принудительной лицензии (ст. 1362, 1423 ГК РФ); договор с субъектом, занимающим доминирующее положение на товарном рынке, если он необоснованно отказывается заключить договор (подпункт 5 п. 1 ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1]); государственный контракт на поставку продукции для федеральных государственных нужд, если размещение заказа не влечет за собой убытков от производства соответствующей продукции (п. 2 ст. 5 Федерального закона от 13.12.1994 № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» [3]); заключение договора аренды на новый срок с арендатором (ст. 621 ГК РФ); договор купли-продажи доли в совместной собственности иным участникам долевой собственности (ст. 250 ГК РФ); договор купли-продажи недвижимого имущества государственной или муниципальной собственности, ранее находящегося в аренде (п. 2 ст. 6 Федерального закона от 22.07.2008 № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства») [9].

К случаям двусторонней обязанности по заключению договора можно отнести следующие: заключение договора на основании ранее заключенного предварительного договора (ст. 429 ГК РФ); заключение государственного контракта на поставку продукции для федеральных государственных нужд (Федеральный закон от 13.12.1994 № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд»), где предусмотрена возможность обязательного заключения контракта не только со стороны государственного заказчика, но и со стороны поставщика (п. 5 ст. 528 ГК РФ, п. 5 ст. 529 ГК РФ); договор управления многоквартирным домом (п. 4 ст. 161 ЖК РФ); договор об аренде земельного участка сельскохозяйственного назначения (п.п. 1, 1.1 и 1.2 ст. 14 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяй-

ственного назначения» [4]); договор о перераспределении долей на жилье, приобретенное с использованием средств материнского капитала (п. 4 ст. 10 Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [2]) [13].

Заключить договор можно путем присоединения. В исследуемой ситуации условия изначально устанавливаются одной стороной через использование формуляров или стандартных форм, а другая сторона может только целиком согласиться с ними, не внося корректировок в отдельные пункты. Конклюдентные действия также служат основанием для заключения договора. Этот механизм действует, когда намерения лица очевидны из его поведения, даже если оно не выразило волю формально. В условиях цифровой трансформации экономики особое значение приобретает электронная форма договоров, для которой характерны специфические требования к каналам связи и методам подтверждения личности обеих сторон.

Современные IT-решения способствуют популяризации электронного формата оферт при заключении сделок. Отправить такое предложение возможно через e-mail, опубликовав на интернет-ресурсе либо передав через профильные информационные системы. При этом законом определено, что электронные документы, подписанные цифровой подписью в соответствии с требованиями закона, признаются эквивалентными бумажным документам с собственноручной подписью [7, с. 72].

При оформлении соглашения через электронную оферту возникает особенность, связанная с фиксацией момента получения предложения и ответа на него. Нормативные акты устанавливают, что сообщение считается доставленным в тот момент, когда получатель получает доступ к его прочтению.

В процессе заключения договора через веб-сайт или приложение необходимо гарантировать пользователю предварительное ознакомление со всеми существенными положениями. В сфере электронной коммерции распространён механизм оферты через «click-wrap-соглашения», где согласие подтверждается кликом по кнопке типа «Я согласен». Правовая практика поддерживает легитимность подобных сделок при условии, что пользователь имел реальную возможность изучить условия договора.

В особенности трудности возникают при заключении кредитных договоров в электронной форме. Зачастую, будущему должнику предлагается ознакомиться с условиями договора в самом приложении банка в PDF-формате. Факт ознакомления клиента с условиями на практике доказать очень сложно, что становится поводом к признанию договора недействительным.

Каждый из приведенных способов заключения договора имеет свои особенности и применяется с учётом типа договора, намерений сторон и законодательных ограничений. В цифровую эпоху особую важность приобретает электронное оформление соглашений, что требует дальнейшего развития нормативной базы.

Список литературы:

1. О защите конкуренции: федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
2. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 19.
3. О поставках продукции для федеральных государственных нужд: федеральный закон от 13.12.1994 № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 34. Ст. 3540.
4. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.
5. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.
6. Александров Н.Г. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений // Уч. зап. Всесоюз. инст. юр. наук. 1947. Выпуск 6.
7. Анчишина Е.А. Форма гражданско-правового договора как его составной элемент // Вестник Удмуртского университета: серия «Экономика и право». 2021. № 4.
8. Баринов А.В. Заключение гражданско-правового договора в общем порядке: дис. … канд. юрид. наук. 12.00.03. Рязань, 2024.
9. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. Кн. 1. - М.: Статут, 2001. 848 с.
10. Гавзе Ф. И. Социалистический гражданско-правовой договор. - М. : Госюриздат, 1972.
11. Гражданское право : Учебник / А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. Т. I. СПб., 1996. 550 с.
12. Годунов В.Н. Гражданско-правовой договор // Промышленно-торговое право. 2018. № 7.
13. Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. редактор А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2017. 1120 с.
14. Корнилова Н.В. Договор банковского вклада в российском гражданском праве : учебное пособие. – Хабаровск : ХГАЭП, 2007. – 96 с.
15. Красавчиков О.А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание, функции // Категории науки гражданского права: Избранные труды в 2 т. - М., 2020.
16. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Заключение договора // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5.
17. Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. - М. : Изд-во АН СССР, 1952.
18. Эннекцерус Л. Курс гражданского права. Т. 1. Полутом 2. М.: Иностранная литература, 1950.

References:

1. On the Protection of Competition: Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3434.
2. On Additional Measures of State Support for Families with Children: Federal Law of 29.12.2006 No. 256-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 1 (Part 1). Art. 19.
3. On the Supply of Products for Federal State Needs: Federal Law of 13.12.1994 No. 60-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 34. Art. 3540.
4. On the Circulation of Agricultural Land: Federal Law of July 24, 2002 No. 101-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Article 3018.
5. On Certain Issues of the Application of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of an Agreement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 49 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 2.
6. Aleksandrov N.G. On the Role of an Agreement in the Legal Regulation of Social Relations // Uch. zap. All-Union Institute of Legal Sciences. 1947. Issue 6.
7. Anchishina E.A. The Form of a Civil Law Agreement as Its Component // Bulletin of Udmurt University: Series "Economics and Law". 2021. No. 4.
8. Barinov AV Conclusion of a civil-law contract in the general manner: dis. ... Cand. of Law. 12.00.03. Ryazan, 2024.
9. Braginsky MI, Vitryansky VV Contract law. General provisions. 3rd ed., stereotyped. Book 1. - Moscow: Statut, 2001. 848 p.
10. Gavze FI Socialist civil-law contract. - Moscow: Gosyurizdat, 1972
11. Civil Law: Textbook / A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. T. I. St. Petersburg, 1996.550 p.
12. Godunov VN Civil-law contract // Industrial and trade law. 2018. No. 7.
13. Karapetyan A.G. Contractual and Obligatory Law (General Part): Article-by-Article Commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation / Editor-in-Chief A.G. Karapetyan. – Moscow: Statut, 2017. 1120 p.
14. Kornilova N.V. Bank Deposit Agreement in Russian Civil Law: A Study Guide. – Khabarovsk: KhSAEP, 2007. – 96 p.
15. Krasavchikov O.A. Civil Law Contract: Concept, Content, Functions // Categories of Civil Law Science: Selected works in 2 volumes. – Moscow, 2020. 16. Krasheninnikov E.A., Baigusheva Yu.V. Conclusion of a Contract // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013. No. 5.
17. Khalfina R. O. The Meaning and Essence of the Contract in Soviet Socialist Civil Law. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952.
18. Enneckerus L. Course in Civil Law. Vol. 1. Half-volume 2. Moscow: Foreign Literature, 1950.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_341

УДК 347.91/.95

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕСМОТРА ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ИЛИ НОВЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ СУДЕБНЫХ АКТОВ
ACTUAL ISSUES OF REVIEWING JUDICIAL ACTS BASED ON NEWLY DISCOVERED OR NEW CIRCUMSTANCES

ГАЙДУКОВА Вероника Александровна
младший юрист ООО «Технологии Доверия – Юридические Услуги»,
магистрант кафедры гражданского процесса юридического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, строение 13.
E-mail: vikalaro@mail.ru

GAIDUKOVA Veronika Alexandrovna
Junior Associate Technologies of Trust – Legal Services LLC,
Master's program student Department of civil procedure Lomonosov Moscow State University Law School.
119991, Russian Federation, Moscow, GSP-1, Lenin Hills, 1, building 13.
E-mail: vikalaro@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье приводится исследование актуальных теоретических и практических проблем пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Обосновывается необходимость изменения перечня существующих оснований для пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.*

Abstract. *The article provides a study of current theoretical and practical problems of revision based on newly discovered or new circumstances. The necessity of changing the list of existing grounds for revision based on newly discovered or new circumstances is substantiated.*

Ключевые слова: *пересмотр, проверка, судебная ошибка, новые обстоятельства, вновь открывшиеся обстоятельства, новые доказательства.*

Keywords: *review, verification, judicial error, new circumstances, newly discovered circumstances, new evidence.*

Для цитирования: *Гайдукова В.А. Актуальные вопросы пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных актов // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 341-344. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_341.*

For citation*: Gaidukova V.A. Actual issues of reviewing judicial acts based on newly discovered or new circumstances // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 341-344. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_341.*

Статья поступила в редакцию: 31.12.2025

Пересмотр судебных актов (судебных постановлений[1]) по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в соответствии с правилами ГПК РФ[2], АПК РФ[3], КАС РФ[4] является чрезвычайным способом восстановления прав заявителей.

Несмотря на отсутствие многочисленных дел по данным правилам, необходимость развития пересмотра судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам со временем только усиливается.

С декабря 2025 г. ряд вновь открывшихся обстоятельств, которые устанавливались на основании приговора, теперь могут основываться и на иных актах, в том числе постановлении о прекращении или об отказе в возбуждении уголовного дела[5]. Таким образом, подобное изменение указывает на попытку устранения неясностей, которые нашли отражение в акте Конституционного Суда РФ[6], что представляется шагом вперед на пути регулирования данного механизма пересмотра.

В данной научной работе будут обозначены некоторые проблемы теоретического и практического характера, которые обозначают необходимость модернизации пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

В первую очередь стоит обратиться к сущности пересмотра судебных актов и установить соотношение пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам с пересмотром судебного акта в апелляционном, кассационном, надзорном порядках.

Данный правовой механизм включен в раздел пересмотра судебных актов наряду с пересмотром в ином порядке. В отношении ГПК РФ и КАС РФ данный механизм указывается наряду с кассационным и надзорным обжалованием, в отношении АПК РФ – включая в том числе и производство в суде апелляционной инстанции. Тем не менее дискуссионным является возможность подобного размещения пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, что обусловлено пониманием его правовой природы.

Данная проблема основана на понимании судебной ошибки и возможности применения данного понятия к пересмотру по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Мнения в научной литературе значительно отличаются друг от друга и основаны на объективном [7, с. 4-37] или субъективном [6, с. 508] понимании судебной ошибки. В данном случае представляется более справедливым подход, который основывается на понимании, что в

[1] Терминологическое разнообразие обобщенного наименования в качестве судебных актов или судебных постановлений отражено в ст. 13 ГПК РФ, ст. 15 АПК РФ, ст. 16 КАС РФ. Для упрощения в данной научной работе в дальнейшем используется в качестве обобщения только понятие «судебные акты».
[2] Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
[3] Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
[4] Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
[5] Федеральный закон от 15.12.2025 № 485-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2025. № 288.
[6] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.01.2025 № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2025. № 4. Ст. 277.

основе пересмотра центральным понятием является не судебная ошибка, а обстоятельства, которые влияют на тот итог судебного разбирательства, который был отражен при первоначальном разрешении дела [3, с. 148-149].

Представляется, что ввиду особенностей пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам не стоит унифицировать данное понятие с пересмотром судебных актов в апелляционной, кассационной или надзорной инстанциях, так как довольно неоднозначным видится возможность применения судебной ошибки к пересмотру по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Более последовательным представляется подход отнесения пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам именно к понятию «пересмотр», в то время как к производству в суде апелляционной инстанции, производству в суде кассационной инстанции и производству в суде надзорной инстанции применимым является понятие «проверка».

В отношении пересмотра представляется, что речь в большей степени идет не о судебных ошибках, а об обстоятельствах, которые на момент рассмотрения дела не были известны ни заявителю, ни суду. Некоторые исследователи данной проблемы указывают на несправедливый исход дела как основу пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам [2, с. 39]. При этом противоборствующая сторона может и знать о каких-то обстоятельствах, но не раскрывать их. Однако, и в данном случае также не стоит уходить в плоскость судебной ошибки. Данная ситуация могла бы охватываться судебной ошибкой в советский период [4, с. 38], когда на суд была возложена обязанность по установлению всех обстоятельств дела. Тем не менее на настоящий момент ввиду отсутствия такой обязанности суда и большей устойчивости принципа состязательности не представляется возможным рассмотрение подобных ситуаций в контексте судебной ошибки.

Исходя из вышеизложенного возникает следующий вопрос. Что предстоит исправлять, если неправильностей со стороны суда не было усмотрено? Суд не знал и не мог знать о конкретном обстоятельстве [2, с. 44]. Таким образом, справедливым представляется дифференциация проверочных производств и пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, что следует учесть и в законодательном регулировании. В противном случае отсутствие разделения проверочных производств и пересмотра могут приводить к попыткам устранения судебных ошибок не в установленном порядке проверочного производства, а посредством пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам [4, с. 35], что нарушает экстраординарный характер данной процессуальной стадии.

Одним из ключевых вопросов также является самостоятельность пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам в качестве процессуальной стадии. Несмотря на возможность инициирования данного производства в судах различных инстанции (как в суде первой инстанции, так и в апелляционной, кассационной и даже надзорной инстанциях) с учетом вступления в законную силу судебного акта, данный механизм обладает самостоятельностью ввиду особой цели и особого порядка его применения, что усматривается из вышеизложенного.

Для понимания практических проблем пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам представляется необходимым обратиться к основаниям пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Указанные в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ основания пересмотра судебного акта, представленные вновь открывшимися и новыми обстоятельствами, представляются нуждающимися в дальнейшем уточнении и изменении, так как некоторые из них не представляются жизнеспособными и эффективными для целей осуществления правосудия, а иные не конкретизированы в должной мере для правильного применения.

Стоит учитывать, что несмотря на закрепление исчерпывающего перечня вновь открывшихся обстоятельств и новых обстоятельств, данные обстоятельства по существу являются более обширными ввиду закрепления в качестве вновь открывшихся обстоятельств существенных для дела обстоятельств, которые не были и не могли быть известны заявителю. Таким образом, декларирование[1] исчерпывающего перечня вновь открывшихся обстоятельств не представляется в полной мере соответствующим действительному толкованию законодательных положений.

Между тем наиболее дискуссионными представляются законодательно установленные новые обстоятельства, на которые обратим особое внимание.

Представляется, что в отношении признания сделки недействительной существует необходимость в дальнейшей конкретизации ввиду отсутствия в действующем регулировании указания на вид недействительной сделки. Ст. 166 ГК РФ определяет два вида недействительных сделок – оспоримые и ничтожные сделки. Между тем в рамках пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам не представляется возможным выделять как основание пересмотра оспоримую сделку ввиду самой ее сущности. Ничтожная сделка является недействительной изначально, тем самым признание сделки ничтожной в действительности может повлечь за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления и потребовать пересмотра по новым обстоятельствам. В свою очередь оспоримая сделка недействительна только с момента признания ее таковой судом, тем самым она не может оказывать влияние на принятое решение и приводить к пересмотру судебного акта по новым обстоятельствам. Как отмечается в рамках научных дискуссий, оспоримые сделки ввиду реституции не порождают заинтересованности в последующем процессуальном пересмотре изначального судебного решения [10, с. 776-777].

Кроме того, некоторые основания пересмотра по новым обстоятельствам представляются утратившими актуальность. В данном случае необходимо рассмотреть п. 5 и п. 6 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 5 и п. 6 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 350 КАС РФ.

Представляется, что такое новое основание пересмотра, как определение или изменение практики применения правовой нормы в постановлении Пленума или Президиума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) с учетом обратной оговорки, утратило свою актуальность. После упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ данное новое обстоятельство не используется в судебной практике. Упоминание данного основа-

[1] п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 2.

ния пересмотра по новым обстоятельствам представляет собой в большей степени попытку заявителей распространить позицию определений коллегий ВС РФ и обзоров судебной практики ВС РФ в отношении обстоятельств их дел, что суды правильно отвергают ввиду отсутствия такого основания в качестве указанных в ст. 392 ГПК РФ, 311 АПК РФ, 350 КАС РФ[1]. При этом применение данного нового обстоятельства, в том числе с учетом отсутствия его длительного активного использования, может нарушить принцип правовой определенности [8, с. 156-160], что негативно скажется и на результатах рассмотрения дел, и на авторитете судебной власти, и на правосознании общества.

Также возникают сомнения в правильности закрепленного в АПК РФ и ГПК РФ основания установления или изменения оснований признания объекта капитального строительства (здания, строения) самовольной постройкой федеральным законом. Между тем критерии самовольной постройки не представляются подвергшимися с момента введения данного обстоятельства в качестве нового обстоятельства для пересмотра и подвергающимися в настоящий период значительным изменениям со стороны федерального законодательства. Кроме того, судебная практика в действительности значительно регулирует данный вопрос, конкретизируя правила признания объектов самовольными постройками. В частности, в последние годы оформилась практика ВС РФ[2] отрицания формального подхода при признании объекта самовольной постройкой. Тем самым суды приходят к выводу, что в случае соответствия на момент рассмотрения дела объекта градостроительным, строительным и иным нормам и правилам отсутствует необходимость признания объекта самовольной постройкой, даже если на момент строительства были допущены нарушения. Такое положение дел возможно если, например, выясняется, что градостроительное и (или) функциональное зонирование были изменены после строительства объекта капитального строительства. Тем самым, несмотря на несоответствие объекта градостроительному режиму в период строительства, объект соответствует принятому и утвержденному после строительства градостроительному режиму. Таким образом, практика признания объектов самовольными постройками на настоящий момент расширяет возможность признания или непризнания объектов самовольными постройками, что делает указанное основание пересмотра по новым обстоятельством с учетом закрепления в нем изменений критериев исключительно со стороны законодательства (тем самым без учета судебной практики) не вполне релевантным на настоящий момент.

Кроме того, в ст. 350 КАС РФ в качестве оснований для пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам указано на признание ВС РФ, судом общей юрисдикции не действующим со дня принятия нормативного правового акта, примененного судом в конкретном деле [5, с. 389-390]. Между тем в ст. 392 ГПК РФ и ст. 311 АПК РФ среди оснований пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам такого основания не содержится. При этом в рамках арбитражного судопроизводства возможность оспаривания нормативных правовых актов имеет существенное значение, что находит отражение в главе 23 АПК РФ. Отсутствие аналогичного основания пересмотра представляется законодательным упущением.

При этом в связи с вышеизложенным возникает проблема возможности применения в подобных случаях аналогии закона, что не является вполне верным и нарушает правовую определенностью. Тем не менее в судебной практике закрепляется возможность применения оснований одного процессуального закона в качестве оснований пересмотра, порядок которого регламентирован иным процессуальным законом. В частности, такая возможность предписывалась в кассационном определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 6 августа 2020 г. № 88а-19008/2020, где рассматривался вопрос применения такого нового обстоятельства как установление или изменение критериев признания объекта самовольной постройкой в рамках административного судопроизводства. В данном случае в КАС РФ не закрепляется данное обстоятельство в качестве нового обстоятельства для пересмотра судебного акта, однако суд указал на возможность распространения правил АПК РФ и ГПК РФ. Тем не менее применение подобной аналогии закона ставит под сомнение особенности каждого из видов судопроизводства.

Хочется обратить внимание и на наличие такого важного вопроса как возможность рассмотрения новых доказательств в качестве основания пересмотра судебных актов. Изначально возникает вопрос о том, как соотносятся доказательства с вновь открывшимися и новыми обстоятельствами. С одной стороны, в результате рассмотрения доказательств как сведений о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие имеющих значение для дела обстоятельств в рамках предусмотренной процессуальной формы, а обстоятельств как фактов, не представляется возможным включение новых доказательств как основания для пересмотра судебных актов в установленном порядке. Однако, приводятся небесспорные утверждения о необходимости расширения понимания пересмотра и включения новых доказательств в качестве основания для пересмотра. Конечно, речь идет не о всевозможных новых доказательствах, иначе установленное правилами апелляционной инстанции ограничение на представление новых доказательств сводилось бы к его фактическому отсутствию.

В научной литературе указывается на то, что зарубежная практика, в частности практика Германии и Италии, восприняла подход необходимости учета новых доказательств (newly discovered evidence) в случае злоупотребления правами одной из сторон и тем самым непредставления новых доказательств иной стороне и суду [11, с. 56-57]. Подобная позиция высказывается и в отношении необходимости внедрения схожего механизма в отечественный правопорядок. Данное положение преследует цель обеспечения эффективности судебной защиты с учетом невозможности со стороны кассационной и надзорной инстанций исследования новых доказательств.

Кроме того, стоит отметить, что исторический опыт также показывает необходимость в некоторых случаях учета нового доказательства и пересмотра судебного акта, что в свое время находило отражение в практике Сената [12, с. 238].

При этом в научной литературе и судебной практике указывается на возможность рассмотрения в качестве основания пересмотра судебного акта не новых доказательств, а именно факта противоречивого, недобросовестного поведения одной из сторон [9, с. 207-210]. Тем са-

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.10.2024 № Ф05-5107/2019 по делу № А40-164343/2017 // СПС КонсультантПлюс.
[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2025 № 41-КГ24-50-К4 // СПС КонсультантПлюс.

мым в случае сознательного сокрытия одной из сторон доказательств представляется возможным оценивать данную ситуацию как основание пересмотра судебного акта. Между тем, усматривается некоторое поглощение подобного факта уже существующим вновь открывшимся обстоятельством в виде существенных для дела обстоятельств. Кроме того, новое доказательство не всегда может быть связано с недобросовестным поведением лиц, участвующих в деле, поэтому стоит уделить внимание именно новым доказательствам как основанию пересмотра.

Представляется, что внедрение новых доказательств отвечает цели защиты и восстановления нарушенных прав, а также способно воздействовать на стороны. Однако, необходимо ограничение подобного основания в случае его внедрения. Границами подобного основания может послужить существенность влияния данного доказательства на рассмотрение обстоятельств в рамках судебного разбирательства. Тем не менее при внедрении подобного основания нуждается в дальнейшей проработке вопрос баланса интересов лиц, участвующих в деле.

На настоящий момент выявилась довольно интересная проблема в отношении сопоставления новых обстоятельств и приведения в исполнения решений иностранными судами. В частности, судебная практика исходит из возможности пересмотра в том случае, если изначально в разбирательстве был установлен факт надлежащего уведомления ответчика, однако осуществляющий признание и исполнение иностранный суд пришел к выводу об отказе в данных действиях ввиду отсутствия надлежащего уведомления [1, с. 53-54]. С целью возобновления судебного разбирательства и повторного надлежащего извещения в нем ответчика данное обстоятельство отказа в признании со стороны иностранного суда служит новым обстоятельством. Таким образом, исходя из подобной практики усматривается необходимость расширения п. 1 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 1 ч. 3 ст. 311 АПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 350 КАС РФ либо внедрение нового основания для пересмотра по новым обстоятельствам.

Рассмотренные вопросы лишь одни из немногих, нуждающихся в дальнейшей проработке для совершенствования механизма пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Проблемные аспекты данного процессуального механизма в действительности более обширны и охватывают не только необходимость анализа оснований пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, но и сам порядок пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Список литературы:

1. Абросимова Е.А. Пересмотр по новым и вновь открывшимся обстоятельствам как способ защиты процессуальных прав взыскателя при отказе в признании судебного решения за рубежом по мотивам ненадлежащего извещения // Вестник арбитражной практики. 2025. № 4. С. 49–55.
2. Афанасьев С.Ф., Ермаков А.Н. Производство по вновь открывшимся и новым обстоятельствам в цивилистическом процессе: проверка или пересмотр (в контексте судебной ошибки)? // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2025. № 2. С. 39–49.
3. Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам : учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 368 с.
4. Брысин А.А. К вопросу об устранении судебных ошибок при пересмотре судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 4. С. 35–40.
5. Голубцов В.Г., Кузнецова О. А. Отмена нормативного правового акта и институт пересмотра дела по новым обстоятельствам в цивилистическом процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 3. С. 382–398.
6. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы : Монография. М. : Проспект, 2010. 576 с.
7. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985. 135 с.
8. Пацация М.Ш. De similibus idem est judicium // Закон. 2008. № 5. С. 155–173.
9. Решетникова И.В. Развитие пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в арбитражно-судебной практике // Очерки современного цивилистического процесса: In Memoriam заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Тамары Евгеньевны Абовой (под ред. Носыревой Е.И., Лукьяновой И.Н., Фильченко Д.Г.). М. : Статут, 2023. С. 205–214.
10. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. 784 с.
11. Султанов А.Р. О неконституционности толкования ст. 311 АПК РФ, не допускающего пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам при выявлении новых доказательств, скрытых от суда другой стороной // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 2 (25). С. 52–61.
12. Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства. 2-е изд. Ярославль, 1912. 327 с.

References:

1. Abrosimova E.A. Review based on new and newly discovered circumstances as a way to protect the claimant's procedural rights in case of refusal to recognize a court decision abroad on grounds of improper notification // Bulletin of Arbitration Practice. 2025. No. 4. pp. 49–55. (in Russian).
2. Afanasyev S.F., Ermakov A.N. Proceedings on newly discovered and new circumstances in the civil process: verification or revision (in the context of a judicial error)? // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2025. No 2. pp. 39–49. (in Russian).
3. Borisova E.A. Appeal, cassation, supervision of civil cases: textbook. 3rd ed., revised and add. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 368 p. (in Russian).
4. Brysin A.A. On the issue of eliminating judicial errors in the review of judicial acts under newly discovered or new circumstances // Arbitration and civil procedure. 2024. No 4. pp. 35–40. (in Russian).
5. Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. Cancellation of a normative legal act and the institution of case review under new circumstances in the civil process // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2024. No 3. pp. 382–398. (in Russian).
6. Zhilin G.A. Justice in civil cases: current issues: monograph. Moscow: Prospekt Publ., 2010. 576 p. (in Russian).
7. Zaitsev I.M. Elimination of judicial errors in civil proceedings. Saratov: Saratov Publishing House. University, 1985. 135 p. (in Russian).
8. Patsatsiya M.S. De similibus idem est judicium. // Law. 2008. No 5. pp. 155–173. (in Russian).
9. Reshetnikova I.V. The development of the revision of judicial acts based on newly discovered circumstances in arbitration and judicial practice // Essays on modern civil procedure: In Memoriam by Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Tamara Evgenievna Abova (ed. Nosyreva E.I., Lukyanova I.N., Filchenko D.G.). Moscow: Statute, 2023. pp. 205-214. (in Russian).
10. Sakhnova T.V. The course of civil procedure. 2nd ed., revised and add. Moscow: Statute, 2014. 784 p. (in Russian).
11. Sultanov A.R. On the unconstitutionality of the interpretation of Article 311 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, which does not allow for revision due to newly discovered circumstances when new evidence is revealed, hidden from the court by the other party // Bulletin of the University of Humanities. 2019. No. 2 (25). pp. 52-61. (in Russian).
12. Yablochkov T.M. Textbook of Russian civil procedure. 2nd ed. Yaroslavl, 1912. 327 p. (in Russian).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_345

УДК 347.6

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ
FEATURES AND PROBLEMS OF INHERITANCE BY WILL

ОХЛОПКОВА Анна Семеновна,
кандидат юридических наук, доцент юридического факультета
Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.
677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского 42.
E-mail: aokhlopkova@mail.ru;

OKHLOPKOVA Anna Semenovna
candidate of juridical sciences, associate professor of the Law Faculty
of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov.
42, Ulitsa Kulakovskoga, Yakutsk, 677000, Russia.
E-mail: aokhlopkova@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье определяется, что завещание выступает в качестве одной из основных категорий института наследования, в связи с чем в данной работе проводится комплексное исследование особенностей и проблем правового регулирования наследования по завещанию.*

Abstract. *The article defines that a will acts as one of the main categories of the institution of inheritance, in connection with which this work conducts a comprehensive study of the features and problems of legal regulation of inheritance by will.*

Ключевые слова: *Наследование, завещание, проблемы наследования, проблемы наследования по завещанию.*

Keywords: *Inheritance, will, inheritance problems, problems of inheritance by will.*

Для цитирования*: Охлопкова А.С. Особенности и проблемы наследования по завещанию // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 345-346. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_345.*

For citation*: Okhlopkova A.S. Features and problems of inheritance by will // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 345-346. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_345.*

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026

Наследование представляет собой значимый правовой механизм, направленный на обеспечение правомерного перехода имущества после смерти собственника. Несмотря на законодательное регулирование, наследование по завещанию сталкивается с рядом проблем и особенностей, обусловленных правовой природой института, особенностями правового регулирования и правоприменительной практики.

В отношении наследования по завещанию можно отметить, что завещание – акт односторонней воли человека, определяющий судьбу гражданских правоотношений на случай его смерти. Завещание является сделкой, следовательно, обладает признаками, присущими всем сделкам – это односторонняя личная сделка с отлагательным сроком действия (при этом срок связан с наступлением конкретного события – смертью завещателя), которой присущ элемент условности. В отличие от других сделок, которые могут быть признаны недействительными после их совершения, завещание может быть оспорено только при наличии юридического состава: совершение завещания и наступление события – смерти завещателя. Российское законодательство предусматривает несколько форм завещания: нотариально удостоверенное завещание, приравненное к нотариально удостоверенному завещанию, закрытое завещание, а также завещание, совершенное в чрезвычайных обстоятельствах [2].

В современных условиях можно выделить целый ряд проблемных вопросов правового регулирования института наследования по завещанию в Российской Федерации. Так, в отношении наследования по завещанию, затрагивая практический аспект составления и исполнения завещания, можно отметить, что неурегулированной сферой на данный момент является установление дееспособности лица при нотариальном удостоверении завещания. В данной области существует следующая проблема – нет определенной регламентации процедуры проверки дееспособности граждан; существует только обязанность нотариуса провести эту процедуру. Зачастую, нотариус не имеет сведений от суда об ограничении дееспособности или о признании гражданина недееспособным, а сам завещатель и недобросовестные родственники, заинтересованные в составлении завещания, могут скрывать этот факт [7]. У нотариуса нет законных оснований требовать от гражданина справки о наличии или отсутствии у него психического заболевания. В случае сомнения нотариус может запросить в суде сведения о признании или не признании гражданина недееспособным, однако гражданин мог быть признан недееспособным, живя ранее по другому месту жительства, запрос в медицинское учреждение также может остаться без ответа, так как нотариусу, скорее всего, последует отказ со ссылкой на «врачебную тайну», эта информация предоставляется только по запросу органов дознания, следствия и суда [3].

Еще одним проблемным аспектов в данной сфере является то, что в Российской Федерации не допускается совершение завещания несовершеннолетним лицом. Вместе с тем, несмотря на прямой запрет на совершение завещания несовершеннолетним, ГК РФ предусматривает возможность распоряжения своим собственным заработком, стипендией или доходами, а также вносить вклады в кредитные учреждения лицам в возрасте от 14 до 18 лет. Соответственно, допустить возможность составления завещания несовершеннолетними в отношении своих вкладов, представляется вполне логичным. Такого мнения придерживается, например, Я.А. Орлова [4].

Противоположную точку зрения высказала А.А. Попанова [5], согласно мнению которой, «при наделении законодательством несовершеннолетнего правом на распоряжение своим заработком или стипендией, также предусматривает возможность лишения его такого права. Ис-

ходя из этого, недопустимо расширительное толкование нормы права, как позволяющей несовершеннолетним распоряжаться стипендией или имуществом, приобретенным ее счет».

Федеральным законом от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в ст. 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» в наследственное право Российской Федерации внесены новеллы, вступившие в силу с 1 июня 2019 г.: наследственный договор и совместное завещание супругов. Институт совместного завещания супругов представляет собой расширение завещательных возможностей наследодателя по распоряжению имуществом после своей смерти. Новая редакция ст. 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации гласит, что завещание может быть совершено двумя гражданами, состоящими между собой в момент совершения завещания в браке. Совместное завещание супругов выступает методом расширения действия принципа диспозитивности в национальном гражданском праве [1].

Институт наследственного права в Российской Федерации с 2019 г. расширил свои границы. Появляется такой вид завещания, как совместное завещание для супругов. Данная правовая форма является новой и чем-то необычной для российского права. Издателем данной новеллы является заслуженный юрист Российской Федерации Павел Крашенинников. Он отмечает, что «правовая инновация не была изобретена с нуля». Такие формы передачи наследства используются в разных европейских государствах уже много лет. Хотя данная инновация не во всех странах была принята и прижилась безболезненно.

Главным существенным недостатком данного института совместного завещания является наделение супругов возможностью в любой момент после смерти одного из них отменить завещание другим. Получается, что интересы ранее ушедшего из жизни супруга ничем не защищены, кроме того, он не узнает, была ли исполнена его последняя воля в совместном завещании.

Таким образом, наследование по завещанию является важным институтом российского гражданского права, обеспечивающим реализацию волеизъявления гражданина относительно судьбы принадлежащего ему имущества. Однако практика свидетельствует о наличии определенных трудностей и проблем, связанных с наследованием по завещанию, однако динамично развивающееся законодательство направлено на минимизацию законодательных и практических проблем, связанных с наследуемым имуществом по завещанию.

Список литературы:

1. Бажин А. А. Актуальные проблемы совместных завещаний супругов. Пермский период: Сборник материалов IX Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций. В 3 т., Пермь, 16–20 мая 2022 г. / Сост. А. И. Согрина. Т. 2. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 249.
2. Гущин, В. Понятие и правовой режим совместного завещания супругов // Семейное и жилищное право. 2023. № 2.
3. Искендерова, Я. Проблемы и особенности наследования по завещанию по законодательству Российской Федерации // Российское государство и право: история и современность. Сборник статей. – Новочеркасск, 2021.
4. Орлова Я. Субъекты наследственных правоотношений // Вестник Пензенского государственного университета. 2024. № 3.
5. Попанова А. Правовой статус субъектов наследственных правоотношений // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей. Шахты, 2020.

References:

1. Bazhin A. A. Actual problems of joint wills of spouses. Perm period: Collection of materials of the IX International Scientific and Sports Festival of cadets and students of educational organizations. In 3 volumes, Perm, May 16-20, 2022 / Comp. A. I. Sogrina. Vol. 2. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2022. p. 249.
2. Gushchin, V. The concept and legal regime of joint wills of spouses // Family and housing law. 2023. № 2.
3. Iskenderova, Ya. Problems and features of inheritance by will according to the legislation of the Russian Federation // The Russian State and Law: History and Modernity. Collection of articles. Novocherkassk, 2021.
4. Orlova Ya. Subjects of hereditary legal relations // Bulletin of Penza State University. 2024. No. 3.
5. Popanova A. The legal status of subjects of hereditary legal relations // Legal science in the 21st century: current problems and prospects for their solutions. Collection of scientific articles. Mines, 2020.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_347

УДК 347.12

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИПФЕЙК-ТЕХНОЛОГИЙ В РФ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
LEGAL REGULATION OF DEEPFAKE TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

БУЛАТОВА Зарина Загитовна,
студентка юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ.
125412, Россия, г. Москва, ул. Ангарская, д.57.
E-mail: 223280@edu.fa.ru

BULATOVA Zarina Zagitovna,
student of the Faculty of Law Financial University under the Government of the Russian Federation.
125412, Moscow, Angarskaya Street, 57.
E-mail: 223280@edu.fa.ru

Краткая аннотация: *В статье исследуются актуальные проблемы правового регулирования дипфейк-технологий (deepfake) в контексте российского законодательства. Автор анализирует правовую природу синтетического контента, рассматривает угрозы нематериальным благам личности и риски использования нейросетей в преступных целях. Особое внимание уделяется анализу судебной практики и законотворческим инициативам по маркировке ИИ-контента. В работе предложены конкретные пути совершенствования гражданского и уголовного законодательства, включая введение понятия «цифровой образ личности» и обязательную верификацию цифровых доказательств.*

Abstract: *The article examines current problems of legal regulation of deepfake technology in the context of Russian legislation. The author analyzes the legal nature of synthetic content, considers threats to intangible assets of the individual and the risks of using neural networks for criminal purposes. Special attention is paid to the analysis of the judicial practice and legislative initiatives on the labeling of AI content. The paper proposes specific ways to improve civil and criminal legislation, including the introduction of the concept of "digital personality image" and mandatory verification of digital evidence.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, дипфейк, цифровой образ, право на изображение, защита чести и достоинства, синтетический контент, киберпреступность, цифровая маркировка, правовое регулирование ИИ.*

Keywords: *artificial intelligence, deepfake, digital image, right to image, protection of honor and dignity, synthetic content, cybercrime, digital watermarking, legal regulation of AI.*

Для цитирования: *Булатова З.З. Правовое регулирование дипфейк-технологий в РФ: текущее состояние и перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 347-350. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_347.*

For citation*: Bulatova Z.Z. Legal regulation of deepfake technologies in the Russian Federation: current state and prospects for development // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 347-350. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_347.*

Статья поступила в редакцию: 22.03.2026

Стремительная эволюция генеративного искусственного интеллекта привела к возникновению феномена «дипфейков» (deepfakes) – высокотехнологичных цифровых имитаций облика и голоса человека, практически неотличимых от реальности. Если ранее подобные технологии рассматривались исключительно в контексте индустрии развлечений, то сегодня они превратились в серьезный вызов для национальной правовой системы. Актуальность выбранной темы обусловлена нарастающим правовым вакуумом: пока технологические возможности позволяют беспрепятственно синтезировать чужую личность, существующие механизмы Гражданского и Уголовного кодексов РФ зачастую оказываются неэффективными против новых видов диффамации и мошенничества.

Термин «дипфейк» (от англ. deep learning – глубокое обучение и fake – подделка) «впервые появился на платформе Reddit в 2017 году и изначально обозначал использование искусственного интеллекта для модификации изображений с целью создания новых реалистичных видеоматериалов» [12, с. 215]. В юридическом смысле дипфейк представляет собой не только продукт работы генеративно-состязательных сетей, но и специфическую форму цифровой репрезентации личности, способную выступать как самостоятельным объектом гражданских прав, так и инструментом нарушения охраняемых законом интересов.

В правовой доктрине, по мнению Н.В. Архиереева, под дипфейком следует понимать «создание фото-, видео- или аудиозаписей, имитирующих реальность, с помощью искусственного интеллекта (обычно путем наложения существующих изображений и видео на исходные изображения или видеоролики)» [9, с. 16]. Важной вехой в формировании официального подхода стало Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 17, где дипфейки впервые получили легальное признание как средство дезинформации: под ними понимаются вводящие в заблуждение изобразительные, аудио- и аудиовизуальные сведения, в том числе созданные с использованием компьютерных технологий [7]. Как справедливо отмечает В.О. Демкин, «дипфейк следует рассматривать не просто как технический результат работы нейросети, а как специфический объект цифровых прав, посягающий на «цифровую личность» человека. Отсутствие легального определения в ГК РФ создает вакуум ответственности между разработчиком алгоритма и конечным пользователем» [13, с. 89].

Представляется обоснованным выделение нескольких категорий дипфейков, каждая из которых требует дифференцированного правового подхода. В зарубежной литературе, на это обращают внимание В.А. Виноградов и Д.В. Кузнецова, принято разделение на коммерческие (используемые для развития бизнеса), креативные (например, в кинематографе), вредоносные и политические дипфейки [12, с. 217]. Развивая данный подход применительно к российскому правопорядку, можно предложить следующую классификацию.

Первую группу составляют добросовестные дипфейки, используемые в кинематографе (например, для «омоложения» актеров или реализации сцен с участием умерших артистов), образовательных проектах, здравоохранении и развлекательном контенте. Такое применение технологии глубокого синтеза не требует жестких запретов и может рассматриваться как разновидность технического творчества.

Вторую группу образуют спорные дипфейки – пародии, политическая сатира, произведения, создаваемые в жанре карикатуры. Согласно ст. 1274 ГК РФ, использование материалов для пародии или карикатуры допускается без согласия автора, однако при создании дипфейков, имитирующих конкретную личность, возникает коллизия между свободой творчества и правом на изображение [2]. В таких случаях оптимальным представляется внедрение обязательной маркировки контента как созданного с помощью ИИ.

Третья группа – вредоносные дипфейки, используемые в мошеннических схемах, для создания порнографических материалов без согласия изображенных лиц, распространения дезинформации. Именно эта категория требует криминализации и наиболее жесткого правового реагирования.

Дискуссия об охраноспособности дипфейков получила важное разрешение в судебной практике. В Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 19 августа 2024 г. по делу № А40-200471/2023 (так называемое дело о «Цифровом Киану Ривзе») сформирована ключевая правовая позиция: технология дипфейк сама по себе не исключает возможности признания результата творческим трудом автора [8]. Суд указал, что написание сценария, проведение съемки и аудиосопровождение представляют собой личный творческий труд группы авторов, а не продукт искусственного интеллекта. Технология дипфейк была квалифицирована как дополнительный инструмент обработки (технического монтажа) видеоматериалов, а не способ их создания.

Данный подход корреспондирует разграничению, предлагаемому в доктрине. М.А. Рожкова обоснованно различает «технологию дипфейка и создаваемый с ее помощью результат, выявляя их различную юридическую значимость. Преобразование охраняемого произведения с использованием технологии дипфейка не лишает его статуса объекта авторских прав. Вместе с тем исследователь подчеркивает принципиальную неохраноспособность ИИ-генераций как результатов автоматизированного процесса, что исключает их включение в сферу авторского права и предполагает квалификацию через категорию информационного продукта» [15, с. 12-13].

Представляется обоснованным рассматривать дипфейк, созданный творческим коллективом, как сложный объект интеллектуальных прав по аналогии с мультимедийным продуктом (ст. 1240 ГК РФ), поскольку он включает результаты интеллектуальной деятельности различных авторов (сценариста, оператора, актера, моушн-дизайнера), объединенные единым творческим замыслом [2].

Одной из наиболее сложных проблем выступает диффузия ответственности – ситуация, при которой затруднительно определить надлежащего субъекта, обязанного возмещать вред или нести публично-правовую ответственность. В.О. Демкин, исследуя данный вопрос, выделяет круг субъектов, интересы которых должны учитываться при разработке регулирования: лица, чьи изображение, голос, «цифровая личность» используются в дипфейк-контенте; лица, создающие синтетические аудио- и видеоматериалы; владельцы сайтов и платформ, предоставляющих инструменты для создания дипфейков; государство в лице уполномоченных органов [13, с. 76-77].

В науке обоснованно ставится вопрос о необходимости законодательного закрепления презумпции ответственности пользователя. Как отмечает В.О. Калятин, бессмысленно вести дискуссию относительно того, «приносит ли вред та или иная технология, поскольку это лишь инструмент, который может применяться в разных целях» [14, с. 100]. Разработчики должны нести ответственность только в случае отсутствия в их программном обеспечении встроенных фильтров безопасности (например, запрета на генерацию порнографических материалов или изображений публичных лиц без согласия).

Особую сложность представляет трансграничный характер правонарушений: создатель дипфейка может находиться в иной юрисдикции, а вред причиняется на территории Российской Федерации. В этой связи актуализируется предложение Н.Ф. Бодрова и А.К. Лебедевой о внедрении обязательных алгоритмов маркировки генеративного контента – системы «цифровых водяных знаков», интегрируемых в файл на этапе генерации [10, с. 115]. Это позволит судам и экспертам однозначно идентифицировать контент как искусственно созданный и устанавливать его происхождение.

Использование технологии дипфейк создает беспрецедентные риски для нематериальных благ, охраняемых ст. 150 ГК РФ [1]. В этой связи, Н.В. Архиереев обоснованно указывает, что дипфейки могут выступать инструментом нарушения права на изображение и достоинство личности, что требует расширительного толкования ст. 152.1 ГК РФ [9, с. 16]. Действительно, действующее право защищает «изображение», однако дипфейк может имитировать голос, походку, мимику – то есть «цифровую идентичность» в целом, которая формально под защиту указанной статьи попадает не в полном объеме. Особую остроту данная проблема приобретает в контексте защиты голоса. В отсутствие специального регулирования суды вынуждены применять нормы по аналогии с защитой изображения, что не вполне адекватно природе нарушаемого блага.

Технология дипфейков порождает серьезные проблемы в сфере охраны чести и достоинства граждан. Сегодня речь идет уже не о защите статичного изображения, а все больше о сохранности «цифровой идентичности» как таковой. Опасность заключается в том, что виртуальный двойник человека может совершать или озвучивать действия и высказывания, к которым реальный субъект не имеет никакого отношения. В данном случае урон для репутации оказывается практически необратимым. Даже если поддельный контент оперативно удаляется, он успевает охватить многомиллионную аудиторию. В рамках решения проблемы в Государственную Думу внесен законопроект № 718834-8, предусматривающий закрепление в Гражданском кодексе РФ дополнительной статьи 152.3. Норма должна закрепить требование о получении согласия на применение голоса гражданина, включая его записи и синтезированные аналоги. Это даст возможность изымать и уничтожать носители с ди-

пфейками без выплаты компенсации [5].

Наблюдается устойчивый рост случаев использования дипфейк-технологий в мошеннических целях. Это создает новые вызовы для систем безопасности и правовой защиты. Анализ правоприменительной практики позволяет дифференцировать два основных подхода к совершению данных преступлений. Первый вариант сводится к удаленному контакту с потерпевшим: злоумышленники, нередко имитируя голос близкого человека, требуют денежные средства. Второй сценарий, условно именуемый «виртуальным похищением», строится на более сложной манипуляции: под влиянием обмана и угроз гражданин добровольно покидает дом, скрывается и прерывает контакты с окружением, а преступники лишь после этого выдвигают условия выкупа.

С точки зрения уголовного права, текущая квалификация подобных деяний по ст. 159 УК РФ представляется не в полной мере релевантной степени их общественной опасности. Традиционный «обман» в цифровой среде приобретает форму высокотехнологичной мистификации, против которой у среднестатистического гражданина отсутствует «иммунитет».

Использование технологий подмены голоса и облика должно рассматриваться как квалифицирующий признак (отягчающее обстоятельство), повышающий общественную опасность деяния. В этой связи представляется обоснованным поддержать законодательную инициативу (законопроект № 718538-8) о введении в Уголовный кодекс РФ нового квалифицирующего признака – «совершение преступления с использованием технологий имитации (подмены) изображения или голоса» [4]. Такая мера позволит не только ужесточить санкции за «интеллектуальное» мошенничество, но и создаст базу для разработки специализированных методик криминалистической экспертизы.

Развитие дипфейк-технологий обозначило также проблему формирования доказательственной базы в судопроизводстве. Аудио- и видеоматериалы исторически воспринимались как надежные доказательства. Однако, появление инструментов синтетической генерации контента поставило этот статус под сомнение. Возникает риск «процессуального недоверия», когда любая цифровая улика может быть оспорена ссылкой на применение ИИ, а стандартное возражение вида «Это не я, это дипфейк» способно существенно затруднить установление истины не только в ходе следствия, но и в рамках судебного разбирательства.

Важным шагом в правовом регулировании рассматриваемого вопроса стало принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 25 июня 2024 года. В правовой позиции, закрепленной в постановлении отмечается, что использование технологий искусственного интеллекта, в том числе для синтеза изображения и голоса, с целью распространения ложных сведений в период избирательных кампаний служит основанием для оперативного пресечения незаконной агитации [7]. Использование синтезированного голоса или изображения без согласия лица в агитации признано незаконным.

Политические дипфейки способны спровоцировать панику или исказить результаты выборов. В данном случае возникает коллизия между свободой слова (в том числе пародией и сатирой) и национальной безопасностью. Представляется обоснованным вывод, что политические дипфейки должны подлежать обязательной маркировке как созданные с помощью ИИ. Данный подход корреспондирует европейской модели регулирования, закрепленной в AI Act, где ключевым требованием выступает прозрачность и информирование потребителей о синтетическом происхождении контента [16].

Дискуссионным на сегодняшний день остается вопрос о способе имплементации новых норм в российское законодательство, регулирующих дипфейк-технологий. Возможны два подхода: первый – дополнение отдельных составов преступлений квалифицирующим признаком «совершение с использованием технологий имитации (подмены) изображения или голоса»; второй – включение соответствующего отягчающего обстоятельства в ст. 63 УК РФ [3]. Представляется обоснованным вывод о нецелесообразности наделения квалифицирующим признаком отдельных составов преступлений и предпочтительности формулирования универсального отягчающего обстоятельства. Такой подход обеспечит единообразие судебной практики и позволит учитывать повышенную общественную опасность любого преступления, совершенного с использованием дипфейк-технологий.

Кроме того, целесообразно дополнить ст. 159 (Мошенничество) и ст. 128.1 (Клевета) УК РФ примечанием, раскрывающим способ совершения преступления путем «использования технологий имитации (подмены) облика или голоса потерпевшего либо иного лица» [3]. Это создаст единообразную следственную практику и исключит споры о квалификации высокотехнологичного обмана.

Особого внимания заслуживает инициатива о дополнении ст. 272.1 УК РФ указанием на «автоматизированную обработку» персональных данных [3]. Как обоснованно отмечается в пояснительной записке к законопроекту, создание дипфейка основано на автоматизированной обработке биометрических данных без участия человека. Действующая редакция ст. 272.1 УК содержит пробел: в ней указаны такие действия, как сбор, хранение, передача и использование данных, но отсутствует указание на автоматизированную обработку. В итоге лицо, которое с помощью алгоритмов незаконно обрабатывает чужие биометрические данные для создания дипфейка, но не распространяет и не хранит результат, может избежать уголовной ответственности.

На уровне федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» необходимо закрепить обязанность владельцев нейросетевых сервисов внедрять в генерируемый контент неотчуждаемые цифровые водяные знаки. Данная инициатива уже получила развитие в законопроекте № 1069302-8, внесенном в Государственную Думу [6]. Подготовленные поправки предусматривают обязанность владельцев соцсетей, видеохостингов и других сайтов маркировать размещаемые на них дипфейки и другие видео, сгенерированные искусственным интеллектом, плашками «Создано с использованием искусственного интеллекта» или «Сгенерировано ИИ». Кроме того, предлагается размещать машиночитаемую метку в метаданных видео, содержащую информацию о технологиях ИИ, дату создания метки и идентификатор владельца онлайн-площадки.

Для российского правопорядка целесообразно рассмотреть возможность создания национального реестра биометрических образцов, используемых для генерации контента, по аналогии с реестрами, существующими в Китае. Кроме того, необходимо разработать методические рекомендации для судебно-экспертных учреждений по проведению экспертиз на предмет выявления признаков дипфейк-технологий в цифровых доказательствах. Как отмечается в научной литературе, в условиях, когда визуальный ряд может быть полностью сфальсифицирован, возникает риск массовых заявлений о подложности доказательств, что требует внедрения презумпции обязательной криминалистической верификации цифровых носителей.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время в России формируется комплексный подход к регулированию дипфейк-технологий.

Автор полагает, что дальнейшее совершенствование законодательства должно развиваться по трем основным направлениям. Во-первых, требуется расширение понятийного аппарата гражданского законодательства путем введения категории «цифровая идентичность» и распространения на нее режима охраны, аналогичного праву на изображение. Во-вторых, необходима имплементация в Уголовный кодекс РФ универсального отягчающего обстоятельства, учитывающего использование технологий имитации личности при совершении преступлений. В-третьих, следует внедрить технические механизмы маркировки генеративного контента, обеспечивающие возможность его идентификации на всех этапах распространения.

Приоритетной остается задача достижения баланса между защитой прав граждан от вредоносного использования дипфейков и созданием условий для развития креативных индустрий, реализующих позитивный потенциал данных технологий. Законодательство должно оставаться гибким и оперативно реагировать на трансформацию способов совершения правонарушений, сохраняя при этом устойчивость фундаментальных принципов правового регулирования. Выработка сбалансированной стратегии, учитывающей как необходимость защиты частных интересов, так и обеспечение национальной безопасности, позволит превратить дипфейки из фактора риска в управляемый правовой феномен.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части установления ответственности за незаконное использование изображения и голоса гражданина) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8 (дата обращения: 15.03.2026).
5. Законопроект № 718834-8 «О внесении изменения в статью 152[1] Гражданского кодекса Российской Федерации» (в части охраны голоса гражданина) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8 (дата обращения: 15.03.2026).
6. Законопроект № 1069302-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» (в части маркировки контента, созданного с использованием искусственного интеллекта) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1069302-8 (дата обращения: 15.03.2026).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 17 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также о применении законодательства об охране изображения и голоса гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 9.
8. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда Московского округа от 19.08.2024 по делу № А40-200471/2023 // Картотека арбитражных дел : [сайт]. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb (дата обращения: 15.03.2026).
9. Архиереев Н.В. Правовое регулирование создания и использования дипфейков // Юридический мир. 2024. № 4. С. 15–19.
10. Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Перспективы правового регулирования и алгоритм маркировки генеративного контента // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1. С. 112–120.
11. Вечканова Н.В. Особенности конституционного регулирования права на образование // Право и государство: теория и практика. 2017. № 4(148). С. 39–42.
12. Виноградов В.А., Кузнецова Д.В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 2. С. 215–240.
13. Демкин В.О. Дипфейки: поиск модели правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 4. С. 73–91.
14. Калятин В.О. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 95–108.
15. Рожкова М.А. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности: проблемы и решения // Хозяйство и право. 2024. № 5. С. 3–15.
16. EU Artificial Intelligence Act (The AI Act) : [Official website]. 2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689 (дата обращения: 15.03.2026).

References:

1. Civil Code of the Russian Federation (part of the Pervaya) from 30.11.1994 apostille 51-FZ (Ed. from 31.07.2025) / / Sobranje legislates the Russian Federation. 1994. № 32. St. 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (part four) from 18.12.2006. 230-FZ (Ed. from 23.07.2025) / / Sobranje legislates the Russian Federation. 2006. 52 (H) 1). St. 5496.
3. Enlarge the code of the Russian Federations from 13.06.1996.63 - FZ (Ed. from 20.02.2026) / / Sobranje legislates the Russian Federation. 1996. № 25. St. 2954.
4. Bill 718538-8 "on amendments to the Code of the Russian Federation and the code of the Russian Federation" (in parts of the regulations for the illegal exploitation of images and the naked citizen) // system of law enforcement activities of the Russian Federation. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8 (date of request: 03/15/2026).
5. Bill 718834-8 "on the amendments to Article 1521 of the Russian Federation civil code" (in parts protected by the law of golosa Graz-Danina) // system of law enforcement activities of the State Government of Russia. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8 (date of request: 03/15/2026).
6. Bill apostille 1069302-8 "on amendments to the Federal Law "Information, Information Technology and protection of information "" (in parts of the content markings, with a great deal with the great intellectual power) / / the system of law-making activities of the State-gifted word of the Republic of Russia. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1069302-8 (date of request: 03/15/2026).
7. Decree of the plenum Verkhovnogo Suda RF of 25.06.2024. 17 "o sudebnoy practices on the protection of frequent, worthy and business-like re-putting, and so the legislation shall protect the images and the naked citizen" // Bulleten Verkhovnogo Suda RF. 2024. № 9.
8. Decree of the ninth arbitration appellate court of the Moscow region of 19.08.2024 under Delu apostille A40-200471/2023 / / filing cabinet AR-bitrazn Urgench del : [site]. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb (date of request: 03/15/2026).
9. Archereev N.V. Legal regulation and the great deepfeikov / / legal peace. 2024. № 4. S. 15–19.
10. Bodrov N.F. Lebedeva A.K. Perspective. legal regulation and algorithmic marking generative content / / university newspaper named O.Well. Kutafina (MGUA). 2024. № 1. S. 112–120.
11. Vechkanova N.V. Constitutional rights of Education / / Law and government: theory and practice. 2017. № 4(148). S. 39–42.
12. Vinogradov V.A., Kuznetsova D.V. "Deepfake" / / law. Journal of the Extravehicular school. 2024. № 2. S. 215–240.
13. Demkin V.Oh. Dipfiki: request models of Legal Regulation / / Law. Journal of the Extravehicular school. 2024. T. 17, № 4. S. 73–91.
14. Kalyatin V.Oh. Intellectual property rights in digitised empirereferencesbibliography 2024. № 3. S. 95–108.
15. Rozhkova M.A. Intellectual property: problem and solutions // Hozianism and law. 2024. № 5. S. 3–15.
16. EU Artificial Intelligence Act (The AI Act) : [Official website]. 2024. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689 (date of request: 03/15/2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_351

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ ВМЕШАТЕЛЬСТВ ПО ПРОФИЛЮ ПЛАСТИЧЕСКАЯ ХИРУРГИЯ
PROBLEMS OF LEGAL JUSTIFICATION OF MEDICAL INTERVENTIONS IN THE FIELD OF PLASTIC SURGERY

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат.
191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6А.
E-mail: ur-fin@mail.ru
YASTREMSKY Ivan Anatolyevich
NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch "Pelevin and Partners Law Firm", lawyer.
6A Gagarinskaya str., Saint Petersburg, 191187,
E-mail: ur-fin@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются проблемы юридического обоснования медицинских вмешательств по профилю пластическая хирургия. Установлено, что информированное добровольное согласие (ИДС) обеспечивает защиту права пациента принимать осознанное и самостоятельное решение о проводимом лечении. Раскрыто, что согласие дается пациентом при наличии у него полной, полученной от пластического хирурга, информации об имеющемся заболевании и способах его лечения. Выявлено, что в России преобладает формальный подход к получению ИДС, который заключается в подписании пациентом типовой (стандартной) формы согласия, как правило, до приема пластическим хирургом, проведения операции и т.д. Обосновано, что универсальные формы ИДС не обеспечивают индивидуальный подход к лечению пациента и не детализируют сущность медицинского вмешательства, что не свидетельствует о должном информировании пациента. Обращено внимание, что в настоящее время отсутствует четкий, нормативно урегулированный алгоритм получения ИДС. Для решения этой проблемы предложено нормативно установить единые критерии информированности пациента и объема необходимой информации, стандартизация (унификация) информации даст возможность предусмотреть строгий порядок дачи разъяснений и сократит количество судебных споров. Отмечено, что медицинское вмешательство проводится на основании юридически оформленного соглашения между пациентом и клиникой пластической хирургии – договора, предметом которого является оказание определенных медицинских услуг.*

Abstract. *The article examines the problems of legal justification of medical interventions in the field of plastic surgery. It is established that informed voluntary consent (IVC) ensures the protection of the patient's right to make an informed and independent decision about the treatment. It is disclosed that consent is given by the patient if he has complete information received from the plastic surgeon about the existing disease and methods of its treatment. It is revealed that in Russia a formal approach to obtaining IVC prevails, which consists in the patient signing a typical (standard) consent form, as a rule, before an appointment with a plastic surgeon, surgery, etc. It is substantiated that universal forms of IVC do not provide an individual approach to patient treatment and do not detail the essence of the medical intervention, which does not indicate proper information of the patient. Attention is drawn to the fact that at present there is no clear, normatively regulated algorithm for obtaining IVC. To solve this problem, it is proposed to establish by law uniform criteria for patient awareness and the volume of necessary information; standardization (unification) of information will make it possible to provide a strict procedure for providing explanations and reduce the number of legal disputes. It is noted that medical intervention is carried out on the basis of a legally executed agreement between the patient and the plastic surgery clinic - a contract, the subject of which is the provision of certain medical services.*

Ключевые слова: *клиника пластической хирургии, информированное добровольное согласие, пациент, пластический хирург, медицинское вмешательство, информация.*
Keywords: *plastic surgery clinic, informed voluntary consent, patient, plastic surgeon, medical intervention, information.*

Для цитирования*: Ястремский И.А. Проблемы юридического обоснования медицинских вмешательств по профилю пластическая хирургия // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 351-353. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_351.*
For citation*: Yastremsky I.A. Problems of legal substantiation of medical interventions in the field of plastic surgery // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 351-353. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_351.*

Статья поступила в редакцию: 07.10.2025

Юридическое обоснование медицинских вмешательств связано с необходимостью получения для его проведения информированного добровольного согласия (ИДС) пациента. Для этого пластический хирург информирует до начала операции о ее сути, возможных последствиях, возможных рисках и результатах.

ИДС на медицинское вмешательство представляет собой его добровольное одобрение пациентом. Согласие обеспечивает защиту права пациента принимать осознанное и свободное решение о проводимом лечении. Его отсутствие свидетельствует о несоблюдении его прав при оказании медицинской помощи, представляя собой ненадлежащее исполнение медицинским работником своих обязанностей[1].

Даже если конкретный выбор должен быть сделан от имени пациента, а не непосредственно им, лица, принимающие решения, все равно должны продемонстрировать уважение к его автономии, руководствуясь его ценностями и предпочтениями. При этом медицинские работники должны способствовать благополучию или наилучшим интересам своих пациентов.

Осознанное согласие, являясь по сути инструментом для определения пациентом его судьбы, может быть дано только при условии получения от пластического хирурга полной и достоверной информации о планируемой медицинской помощи и понимания содержания этой информации. ИДС выступает формой гарантии или ответственности за действия и последствия действий пластических хирургов.

Согласие дается пациентом при наличии у него полной, полученной от пластического хирурга информации об имеющемся заболевании и способах его лечения. Диагноз подтверждается предоставляемым пациенту заключением врача об имеющемся заболевании, составленным по результатам проведенных осмотра и необходимых исследований. В процессе лечения и для принятия решения о даче согласия (либо об отказе от него) пациент имеет право знакомиться с медицинской картой, включающей информацию о состоянии его здоровья, в том числе о результатах медицинского обследования, выявленном диагнозе и назначенном лечении.

[1] Малмалаева А.И. Причинение вреда с согласия пациента // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции. 2016. С. 128.

Пластический хирург должен принимать все меры, чтобы добиться исчерпывающего информирования пациента и понимания им документа о согласии, предоставлять для этого информацию как можно более четко, чтобы пациент мог представить, что его ожидает. Соответственно, для принятия пациентом обдуманного и взвешенного решения, пластический хирург должен предоставить ему полную и объективную информацию о сущности и содержании медицинского вмешательства.

Подготовка надлежащего ИДС снижает вероятность споров между клинками и пациентами[1].

К сожалению, в России преобладает формальный подход к получению ИДС, который заключается в подписании пациентом типовой (стандартной) формы согласия, как правило, до приема врачом, проведения операции и т.д. Такое согласие оформляется независимо от особенностей клинической ситуации.

В связи с этим некоторые врачи относится к оформлению ИДС как излишней процедуре, а пациенты - как к средству снятия с врачей ответственности[2]. Соответственно, подписание ИДС рассматривается врачами и пациентами чаще всего как непонятная формальность, нужная для перекладывания рисков неблагоприятного исхода медицинского вмешательства с клиники пластической хирургии на пациента. Однако освобождение медицинской организации от ответственности возможно только при наступлении неблагоприятных последствий по результатам надлежаще оказанной медицинской помощи. Такая ситуация не способствует защите предусмотренных законом защите прав пациента.

Универсальные формы ИДС не обеспечивают индивидуальный подход к лечению пациента и не детализируют сущность медицинского вмешательства, что не свидетельствует о должном информировании пациента. Подписание такой формы трактуется судами как негативный показатель, подтверждающий формальное разъяснение содержания согласия пациенту[3]. Поэтому подход к подготовке ИДС без учета индивидуальных особенностей пациента и диагноза недопустим, в этой связи, согласие должно составляться под конкретное вмешательство.

Согласие должно быть получено до начала медицинского вмешательства. Запрос согласия пациента во время лечения может негативно повлиять на принятие решения пациентом. Пациент также должен быть проинформирован о том, что данное согласие (добровольное) может быть отозвано в любой момент во время лечения или процедуры.

Для каждого медицинского обследования и хирургических процедур необходимо информированное согласие, которое должно быть получено в присутствии незаинтересованной стороны. При проведении анестезии (местной или общей) также требуется информированное согласие с объяснениями относительно процедуры анестезии, ее осложнений во время процедур и последствий. При этом врач не вправе оказывать какое-либо давление на пациента, с целью оказания влияния на дачу согласия.

В ИДС подлежат отражению все возможные риски оказываемой медицинской помощи, которые должен осознавать пациент. Пациент и врач несут взаимную ответственность за принятое решение[4].

В этой связи, клиникам следует составлять подробные формы ИДС, обеспечивающие защиту прав пациентов. ИДС должно содержать такие сведения, как вид вмешательства, его цели, предполагаемые результаты, риски, альтернативные варианты лечения.

Целями ИДС являются получение пациентом необходимой информации для принятия решения и защита пациента от действий, проводимых без его подтверждения. Пластический хирург должен информировать пациента о диагнозе, средствах, целях, прогнозируемом результате медицинского вмешательства, его рисках и альтернативах, корректно и честно предоставлять объяснения/информацию по вопросам, связанным с проблемами со здоровьем, с которыми сталкиваются пациенты. Пластические хирурги не должны сокращать объем материала, чтобы вынудить пациентов немедленно принять решение.

Вся информация должна быть предоставлена пациенту до осуществления медицинской помощи, а после получения информации пациенту должна быть предоставлена возможность обдумывания своего решения.

ИДС обеспечивает правовую определенность для пластических хирургов и их юридическую защиту от несоразмерных требований со стороны пациентов. Задача правоприменителя - сделать ИДС реальной гарантией прав пациента[5].

На практике клиники отдают в ИДС приоритет условиям о рисках и негативных последствиях медицинской помощи. Однако объем и пределы ответственности врача и клиники не зависят от оформления этого документа[6]. При наличии в согласии таких условий суды отказывают пациентам в их исках к клиникам лишь в случае соответствия медицинской помощи стандартам и требованиям к ее оказанию[7].

Еще одной распространенной проблемой при даче разъяснений является недостаточность у пациента медицинских знаний. В этой связи, озвученная пластическим хирургом информация может быть непонятна, что будет препятствовать принятию пациентом осознанного и полноценного согласия на проведение медицинского вмешательства. Это создает риск оказания медицинской помощи ненадлежащего качества.

В настоящее время отсутствует четкий, нормативно урегулированный алгоритм получения ИДС. В связи с этим, врач вынужден самостоятельно определять меру и степень достаточности и доступности предоставляемых пациенту сведений[8].

---

[1] Василевич Д.Г. Принцип предосторожности в обеспечении соматических прав // Журнал российского права. 2024. № 6. С. 16 - 25.
[2] Белов С.А., Ревазова Е.А., Руднева Е.А. Правовые нормы vs представления врачей и пациентов о содержании и значении информированного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. N 4. С. 854.
[3] Бажанов Н. О., Иваненко Н. С. Правовые аспекты информированного добровольного согласия // Медицинское право. 2012. № 6. С. 13.
[4] Арсланов К.М. Врачебная обязанность по своевременному информированию пациента о медицинском вмешательстве (опыт германского права) // Медицинское право. 2016. N 4(68). С. 52 - 54.
[5] Кратенко М.В. Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование). М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024.
[6] Белов С.А., Ревазова Е.А., Руднева Е.А. Правовые нормы vs представления врачей и пациентов о содержании и значении информированного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Санкт-петербургского государственного университета. Право. 2021. Т. 12. Вып. 4. С. 854-855.
[7] Решения Балаковского районного суда Саратовской области от 09.07.2019 по делу № 2-797/2019, Ленинского районного суда г. Курса от 07.02.2017 по делу № 2-75/2017.
[8] Цапп Л.А. Правовые проблемы получения информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство или отказ от него // В сборнике: ИННОВАЦИИ В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ. сборник статей по материалам XIV международной научно-практической конференции. 2019. С. 140-148.

Для решения этой проблемы целесообразно нормативно установить единые критерии информированности пациента и объема необходимой информации. Пластические хирурги будут иметь четкие инструкции о том, какие сведения они должны предоставлять пациентам при даче разъяснений, что обеспечит защищенность пластических хирургов и пациентов. Стандартизация (унификация) информации даст возможность предусмотреть строгий порядок дачи разъяснений и сократит количество судебных споров.

В целом, по мнению автора, существующая в России практика оформления информированного добровольного согласия не отвечает интересам пациентов, не обеспечивает защиту их прав и должна быть пересмотрена в направлении соблюдения принципов автономии личности, учета каждого конкретного клинического случая и исчерпывающего информирования пациента о сути медицинского вмешательства.

Медицинское вмешательство проводится на основании юридически оформленного соглашения между пациентом и клиникой пластической хирургии – договора, предметом которого является оказание определенных медицинских услуг. По данному договору медицинская организация обязуется за вознаграждение оказать заказчику услуги (например, провести пластическую операцию), а пациент обязуется их оплатить и принять.

Для обретения юридической силы договора достаточно, чтобы стороны пришли к взаимному согласию относительно его существенных условий. Таковыми является предмет договора, т.е. наименование услуг, а также их объем.

Принятие получателем оферты (пациентом) ее условий означает его согласие заключить договор на предложенных оферентом условиях. Обычно такое согласие выражается в подписании договора и возврате одного экземпляра клинике. Акцепт может быть совершен и путем осуществления конклюдентных действий, например, путем внесения предоплаты услуг.

При этом согласно установленным правилам[1], клиника должна оформить письменный договор. В то же время, договор может быть заключен через Интернет, после ознакомления пациента с предложенным клиникой содержанием медицинской услуги. Как правило, подписанию договора на проведение медицинского вмешательства дистанционным способом предшествует получение пациентом у пластического хирурга соответствующей клиники пластической хирургии консультации о сути операции.

Подписание договора дистанционно производится посредством размещения публичной оферты. Это предложение заключить договор, содержащее все необходимые условия и выражающее намерение заключить его с любым откликнувшимся[2].

Заключение договора оказания услуг в бумажном виде в этом случае не требуется. При этом клиника пластической хирургии направляет пациенту подтверждение подписания договора, в отсутствие которого оферта не считается акцептированной.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 11 мая 2023 г. N 736 "Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. N 1006" // Собрание законодательства Российской Федерации, 15 мая 2023 г. N 20 ст. 3565.
2. Решение Балаковского районного суда Саратовской области от 09.07.2019 по делу № 2-797/2019. URL: https://sudact.ru/
3. Решение Ленинского районного суда г. Курса от 07.02.2017 по делу № 2-75/2017. URL: https://sudact.ru/
4. Арсланов К.М. Врачебная обязанность по своевременному информированию пациента о медицинском вмешательстве (опыт германского права) // Медицинское право. 2016. N 4(68). С. 52 - 54.
5. Бажанов Н. О., Иваненко Н. С. Правовые аспекты информированного добровольного согласия // Медицинское право. 2012. № 6. С. 13.
6. Белов С.А., Ревазова Е.А., Руднева Е.А. Правовые нормы vs представления врачей и пациентов о содержании и значении информированного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. № 4. С. 854.
7. Василевич Д.Г. Принцип предосторожности в обеспечении соматических прав // Журнал российского права. 2024. № 6. С. 16 - 25.
8. Диваева И.Р., Ермоленко Т.В. Ответственность медицинских работников за разглашение врачебной тайны // Журнал "Право: ретроспектива и перспектива", № 1 (5), январь-март 2021 г.
9. Кратенко М.В. Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование). М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024.
10. Малмалаева А.И. Причинение вреда с согласия пациента // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции. 2016. С. 128.
11. Рабцун Е.А. Платные медицинские услуги. Проблемы с оформление договоров. URL: https://rabtsun.ru/platnye-meditsinskie-uslugi/?ysclid=md9w5z1zwy171699010.
12. Цапп Л.А. Правовые проблемы получения информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство или отказ от него // В сборнике: ИННОВАЦИИ В НАУКЕ И ПРАКТИКЕ. сборник статей по материалам XIV международной научно-практической конференции. 2019. С. 140-148.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation No. 736 of May 11, 2023 "On Approval of the Rules for the Provision of Paid Medical Services by Medical Organizations, Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation and Invalidation of Decree of the Government of the Russian Federation No. 1006 of October 4, 2012" // Collection of Legislation of the Russian Federation, May 15 2023, No. 20, art. 3565.
2. The decision of the Balakovo District Court of the Saratov region dated 07/09/2019 in case No. 2-797/2019. URL: https://sudact.ru/
3. The decision of the Leninsky District Court of Kursa dated 07.02.2017 in case No. 2-75/2017. URL: https://sudact.ru
4. Arslanov K.M. Medical duty to inform the patient about medical intervention in a timely manner (experience of German law) // Medical law. 2016. N 4(68). pp. 52-54.
5. Bazhanov N. O., Ivanenko N. S. Legal aspects of informed voluntary consent // Medical law. 2012. No. 6. p. 13.
6. Belov S.A., Revazova E.A., Rudneva E.A. Legal norms vs representations of doctors and patients about the content and meaning of informed consent for medical intervention // Bulletin of St. Petersburg University. 2021. No. 4. p. 854.
7. Vasilevich D.G. The principle of precaution in ensuring somatic rights // Journal of Russian Law. 2024. No. 6. pp. 16-25.
8. Divaeva I.R., Ermolenko T.V. Responsibility of medical workers for disclosure of medical secrets // Journal "Pravo: retrospect and perspective", No. 1 (5), January-March 2021.
9. Kratenko M.V. Harm caused by medical intervention: problems of compensation and prevention (comparative legal study). Moscow: NORM, INFRA-M, 2024.
10. Malmalaeva A.I. Harm caused with the consent of the patient // Modern problems of law-making and law enforcement: proceedings of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference. 2016. P. 128.
11. Rabtsun E.A. Paid medical services. Problems with the execution of contracts. URL: https://rabtsun.ru/platnye-meditsinskie-uslugi/?ysclid=md9w5z1zwy171699010.
12. Tsapp L.A. Legal problems of obtaining informed voluntary consent for medical intervention or refusal of it // In the collection: INNOVATIONS IN SCIENCE AND PRACTICE. collection of articles based on the materials of the XIV International Scientific and practical conference. 2019. pp. 140-148.

[1] Постановление Правительства РФ от 11 мая 2023 г. N 736 "Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. N 1006" // Собрание законодательства Российской Федерации, 15 мая 2023 г. N 20 ст. 3565.
[2] Рабцун Е.А. Платные медицинские услуги. Проблемы с оформление договоров. URL: https://rabtsun.ru/platnye-meditsinskie-uslugi/?ysclid=md9w5z1zwy171699010.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_354

УДК 347.126

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ДОЛЯ В НАСЛЕДСТВЕ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ПО ЗАКОНУ И ПО ЗАВЕЩАНИЮ
COMPULSORY SHARE IN INHERITANCE IN INHERITANCE BY LAW AND BY WILL

ЕГОРОВ Станислав Сергеевич
мировой судья судебного участка №2 Пензенского района Пензенской области,
доцент кафедры «Частное и публичное право»
ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета», кандидат юридических наук.
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: egorovss@bk.ru

EGOROV Stanislav Sergeevich
magistrate judge of the judicial district № 2 of Penza District,
associate professor at the department of "Private and Public Law" of the Legal Institute of Penza State University, PhD in Law.
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
E-mail: egorovss@bk.ru

БОЯРСКАЯ Евгения Олеговна
магистр кафедры «Частное и публичное право» Пензенского государственного университета.
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: zhekie.b@yandex.ru

BOIARSKAIA Evgeniia Olegovna
master of the Department of Private and Public Law Penza State University.
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
E-mail: zhekie.b@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье анализируется действующее гражданское законодательство, согласно которому круг лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве по закону и по завещанию фактически одинаков, а дифференциация проводится только по размеру этой доли, что не в полной мере учитывает соотношение предполагаемой и реальной воли наследодателя. В части наследования по закону сделаны предложения дополнить критерии определения обязательных наследников отсутствием у них средств к существованию, а в части наследования по завещанию предлагается исключить из круга лиц, обладающих правом на обязательную долю в наследстве иждивенцев, забота о которых являлась правом, а не обязанностью наследодателя. Данные предложения позволят улучшить баланс между необходимостью заботы о социально незащищенных гражданах и учетом воли наследодателя, а также минимизировать существующие ограничения свободы завещания.*

Abstract. *The article analyzes the current civil legislation, according to which the circle of persons entitled to a compulsory share in an inheritance by law and by will is essentially the same, and differentiation is carried out only by the size of this share, which does not fully take into account the relationship between the intended and actual will of the testator. In terms of inheritance by law, proposals have been made to supplement the criteria for determining compulsory heirs with the absence of their means of subsistence, and in terms of inheritance by will, it is proposed to exclude from the circle of persons entitled to a compulsory share in the inheritance dependents, the care of whom was the right, and not the obligation, of the testator. These proposals will improve the balance between the need to care for socially vulnerable citizens and the testator's wishes, as well as minimize existing restrictions on testamentary freedom.*

Ключевые слова: *обязательная доля в наследстве, завещание, наследование по закону, наследодатель, обязательные наследники.*

Keywords: *compulsory share in inheritance, will, inheritance by law, testator, compulsory heir.*

Для цитирования*: Егоров С.С., Боярская Е.О. Обязательная доля в наследстве при наследовании по закону и по завещанию // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 354-356. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_354.*

For citation*: Egorov S.S., Boyarskaya E.O. Mandatory share of inheritance in case of inheritance by law and by will // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 354-356. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_354.*

Статья поступила в редакцию: 29.01.2026

В соответствии со статьей 1119 Гражданского кодекса завещатель вправе распоряжаться собственным имуществом по своему усмотрению, определяя любой круг наследников, а также лишая наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, в чем выражается свобода завещания. Вместе с тем, этой же статьей свобода завещания ограничивается обязательной долей в наследстве, направленной на защиту экономических интересов лиц, тем или иным образом связанных с наследодателем и находящихся в уязвимом положении. Так, согласно рассматриваемой статье Гражданского кодекса, дети наследодателя не достигшие восемнадцатилетия, либо являющиеся нетрудоспособными, а также его нетрудоспособные супруги, родители и иждивенцы призываются к наследству даже если они не указаны в завещании и вправе претендовать на половину той доли, которую они могли бы получить в случае наследования по закону.

Стремление государства защитить нетрудоспособных граждан, частично переложив социальные обязательства на наследодателя, в том числе посредством ограничения его свободы завещания, в большей мере характерно для стран романо-германской семьи права (Франция, Швейцария, Германия и др.) и менее типично для стран английского права (Великобритания, США, Канада и др.), но даже в этих странах сохраняется возможность претендовать на наследство в судебном порядке супругам и детям наследодателя, не указавшего их в завещании.[1] Российское гражданское законодательство, закрепляя право на обязательную долю в наследстве, воспроизводит основополагающие правовые принципы романо-германской семьи права по нахождению баланса между свободой завещания и конституционной обязанностью каждого заботиться о своих детях и нетрудоспособных родителях.

Исходя из того, что само понятие права на обязательную долю в наследстве статьей 1149 Гражданского кодекса используется лишь в контексте наследования по завещанию, некоторыми авторами делается вывод о том, что обязательная доля возможна именно в наследовании по завещанию и не применяется в наследовании по закону.[2] Однако, это не так. В соответствии со статьей 1148 Гражданского кодекса нетрудоспособные наследники по закону, находившиеся на иждивении наследодателя, при этом относящиеся к любой очереди, даже не входящие в круг наследников той очереди, которая призывается к наследованию, вправе претендовать на наследство наравне с наследниками этой очереди. Кроме того, нетрудоспособные иждивенцы наследодателя проживавшие совместно с ним также призываются к наследованию, хотя они вообще могут не входить в число его родственников.

К примеру, если наследодатель не составлял завещания и у него остались жена, дети и нетрудоспособный дядя, находившийся на иждивении наследодателя, то они все будут наследовать в равных долях, при том, что дядя относится к наследникам третьей очереди и в случае его трудоспособности или отсутствия иждивения он не смог бы претендовать на наследство. То же самое касается нетрудоспособного сожителя наследодателя (вне зависимости от наличия у них родства), при условии нахождения сожителя на иждивении наследодателя, так как здесь помимо нетрудоспособности и иждевения важным фактором выступает их совместное проживание.

Таким образом, нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, формально относимые к любой очереди наследников, фактически попадают в «первую» очередь. Также и лица, не относящиеся ни к какой очереди наследников, но являющиеся нетрудоспособными, находящимися на иждивении наследодателя и совместно с ним проживающие тоже фактически становятся наследниками первой очереди, деля наследственное имущество с наследниками реальной первой очереди в равных долях. Что же касается нетрудоспособных или несовершеннолетних детей наследодателя, его нетрудоспособных супругов и родителей, которые в случае составления завещания получат обязательную долю в наследстве, даже не находясь на иждивении наследодателя, то и по закону они также получат наследство, так как относятся к наследникам первой очереди и здесь уже не важна их трудоспособность. Следовательно, все без исключения лица, которые предусматриваются статьей 1149 Гражданского кодекса в качестве адресатов обязательной доли в наследстве при составлении завещания, также имеют право на наследство и в отсутствии завещания, либо будучи наследниками первой очереди, либо (если это не дети, родители и супруги наследодателя), по сути вклиниваясь в ту очередь наследников, которая призывается к наследованию.

Вместе с тем, наличие завещания может повлиять на размер наследства, которое получат граждане, обладающие правом на обязательную долю. Если завещание отсутствует и наследование осуществляется по закону, то нетрудоспособные иждивенцы наследодателя наследуют наравне (то есть в равных долях) с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию. Если же завещание есть, и иждивенцы в нем не указаны, то они могут получить половину от того, что могло бы им причитаться при наследовании по закону, что как указывают Л.В. Гусейнова и П.М. Гаджиева является учетом воли наследодателя, ведь если бы он желал оставить им больший объем имущества, то указал бы их в своем завещании.[3]

Также на учет воли наследодателя направлена норма части 1 статьи 1149 Гражданского кодекса, определяющая, что удовлетворение права на обязательную долю в наследстве должно осуществляться за счет незавещанной части имущества и только в случае его недостаточности за счет завещанной части. При этом, согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, обязательная доля в наследстве не может предоставляться из завещанного имущества при достаточности незавещанного, даже если наследники по завещанию выразили согласие на это, а остальным наследникам по закону после удовлетворения права на обязательную долю ничего не достанется. Здесь в наиболее уязвимом положении оказываются наследники по закону, не обладающие правом на обязательную долю в наследстве. В отсутствие завещания вся наследственная масса делится поровну между наследниками по закону и теми, кто обладает правом на обязательную долю (что не создает никому никаких преимуществ), но при наличии завещания, в первую очередь удовлетворяются требования наследников по завещанию и лиц, претендующих на обязательную долю, остальные же наследуют по остаточному принципу.

То есть, при наследовании по закону ни у кого нет преимущественного права и наследство распределяется в равных долях, а при наличии завещания обязательная доля покрывается за счет незавещанной части имущества и чем его меньше по отношению к завещанному имуществу, тем меньше получат остальные наследники по закону. Такое преимущество граждан, законодательно наделенных правом на обязательную долю в наследстве обусловлено тем, что предполагается социальная незащищенность этих граждан и получение ими части наследства направлено на их экономическую поддержку.[4] По этой причине они (в отличие от других наследников) не могут отказаться от наследства в чью-либо пользу. Они могу или принять наследство или отказаться от него, но не могут передать право на свою долю иным наследникам.

Социальная незащищенность граждан, имевших отношения с наследодателем, является ключевым фактором установления института обязательной доли в наследстве. И если при наследовании по закону этот институт соответствует учету предполагаемой воле наследодателя, который не оставил никаких распоряжений, но был в очень близком родстве, либо содержал этих граждан, что презюмирует их право на наследство, то при наличии завещания, в котором данные граждане не указываются, предоставление им доли явно противоречит воле завещателя, ведь если бы он хотел оставить им наследство, то указал бы их в своем завещании.

Как видно из вышеизложенного, сокращая вдвое размер обязательной доли тех, кто не был указан в завещании по сравнению с тем, что они могли бы получить по закону, а также устанавливая первоочередное покрытие их доли из незавещанной части имущества и только при ее недостаточности из завещанной части, законодатель делает попытку учета воли завещателя, но такая попытка, по нашему мнению недостаточна. Согласимся с А.М. Кравцовым в том, что институт обязательной доли в наследстве, появившийся в России с 1928 года выполнял обеспечительную функцию в условиях тяжелой экономической обстановки в стране, частично перекладывая обязанность по социальной защите от-

дельных групп населения с государства на наследодателя, а современное законодательство позволяет претендовать на обязательную долю по формальным признакам, без учета реального финансового положения иждивенцев, что не вполне согласуется с волей завещателя и интересами наследников по завещанию.[5] Также иждивенцы, которые не указаны им в завещании и согласно семейному законодательству, не относятся к кругу близких родственников наследодателя, забота о которых является его обязанностью, получали от него материальную поддержку только по его доброй воле, из чего следует, что продолжение такой поддержки, как и ее прекращение является правом, а не обязанностью наследодателя.

Таким образом, при определении круга лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве, нами предлагается дифференцировать предполагаемую и реальную волю наследодателя, которая определяется наличием и содержанием завещания. При наследовании по закону за иждивенцами может сохраняться право на обязательную долю, но с добавлением в законодательство условия об отсутствии у них средств к существованию. При наследовании по завещанию следует исключить из обязательных наследников всех, кого наследодатель содержал, но не был обязан содержать в соответствии с нормами семейного законодательства.

Список литературы:

1. Мамаева Л.М. Роль «обязательной доли в наследстве» в России и зарубежных странах // Образование и право. 2024. - № 12. – С. 126 – 128.
2. Кравцова А.М. Наследование по завещанию в Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2025. - № 5 (164). – С. 158 – 161.
3. Гусейнова Л.В., Гаджиева П.М. Право на обязательную долю в наследстве // Государственная служба и кадры. 2024. - № 4. – С. 160 – 164.
4. Голикова С.В. К вопросу об обязательной доли в наследстве // Право и государство: теория и практика. 2025. - № 1. – С. 317 – 318.
5. Конохов М.В. Обязательная доля в наследстве: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2024. - № 8 (236). – С. 267 – 270.

References:

1. Mamaeva L.M. The Role of the "Compulsory Share in the Inheritance" in Russia and Foreign Countries // Education and Law. 2024. - No. 12. - Pp. 126-128
2. Kravtsova A.M. Inheritance by Will in the Russian Federation // Bulletin of the Magistracy. 2025. - No. 5 (164). – P. 158 – 161
3. Guseinova L.V., Gadzhieva P.M. The Right to a Mandatory Share in the Inheritance // State Service and Personnel. 2024. - No. 4. – Pp. 160 – 164
4. Golikova S.V. On the Issue of the Mandatory Share in the Inheritance // Law and State: Theory and Practice. 2025. - No. 1. - Pp. 317-318
5. Konokhov M.V. Obligatory Share in the Inheritance: Problems of Legal Regulation // Law and State: Theory and Practice. 2024. - No. 8 (236). – Pp. 267 – 270

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_357

УДК 347.734.5

УМНЫЕ АЛГОРИТМЫ В БАНКОВСКИХ СКОРИНГАХ: ПРОБЛЕМА БЛОКИРОВКИ СЧЕТОВ
SMART ALGORITHMS IN BANK SCORING: THE PROBLEM OF ACCOUNT BLOCKING

ЧЕСНОКОВА Юлия Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40
доцент кафедры «Юриспруденция» Пензенского филиала ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте».
440011, Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, д.25 «Б»
E-mail: juliachesn@yandex.ru

CHESNOKOVA Yulia V.
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law
Penza State University "Penza State University"
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Penza branch
of the Private Educational Institution of Higher Education "Moscow University named after S.Yu. Witte".
440011, Penza, Vyazemsky Street, 25 "B".
E-mail: juliachesn@yandex.ru

ДОЛОТОВА Ксения Алексеевна
студентка ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: lapa05032005@gmail.com

DOLOTOVA Kseniya Alekseevna
Master's student Penza State University "Penza State University".
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
E-mail: lapa05032005@gmail.com

Краткая аннотация. *Актуальность исследования не вызывает сомнения, поскольку в настоящее время наблюдаются проблемы при использовании умных алгоритмов в банковском секторе, часто под влияние попадают и добросовестные клиенты, что оставляет негативное впечатление и нежелание сотрудничать. Статья посвящена актуальным проблемам, связанным с использованием искусственного интеллекта в банковской деятельности, в частности недостаточность аргументации при блокировке счета; моментальная блокировка, без анализа со стороны сотрудников банка; применение полной блокировке счета и невозможность проводить необходимые операции. В рамках выявленных проблем были выработаны предложения, которые смогут сделать отношения между банком и клиентом более комфортными и избежать незаконных блокировок.*

Abstract: *The relevance of the study is beyond doubt, as there are currently problems with the use of smart algorithms in the banking sector, and bona fide customers are often influenced, which leaves a negative impression and unwillingness to cooperate. The article is devoted to topical issues related to the use of artificial intelligence in banking, in particular, the lack of argumentation when blocking an account; instant blocking, without analysis by bank employees; the application of a complete account lock and the inability to perform the necessary operations. As part of the identified problems, proposals have been developed that can make the relationship between the bank and the client more comfortable and avoid illegal blockages.*

Ключевые слова: *банковский счет, безналичные операции, искусственный интеллект, блокировка счетов, кредитные организации.*

Key words: *bank account, non-cash transactions, artificial intelligence, account blocking, credit organizations.*

Для цитирования*: Чеснокова Ю.В., Долотова К.А. Умные алгоритмы в банковских скорингах: проблема блокировки счетов // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 357-359. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_357.*

For citation*: Chesnokova Yu.V., Dolotova K.A. Smart algorithms in bank scoring: the problem of account blocking // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 357-359. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_357.*

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

Использование технологий искусственного интеллекта в банковском секторе, несомненно, привело к значительным улучшениям, а именно ускорение рабочих процессов, взаимодействие с клиентами по стандартным вопросам, анализ больших объемов данных и т.д. Однако нововведение принесло и ряд проблем, в частности, необоснованная блокировка банковских счетов добросовестных клиентов.

Российские банки только в начале 2026 года заблокировали 2–3 миллиона карт и счетов физических лиц. Речь идет о картах и счетах обычных граждан, переводивших средства третьим лицам, пополнявших свои счета на маркетплейсах или совершавших привычные операции, которые банки признали подозрительными без явных признаков мошенничества [1].

Действия кредитных организаций вызвали большое количество жалоб со стороны клиентов. Блокировка счетов является на сегодняшний день одной из наиболее дискуссионных и актуальных тем в правоприменительной практике Российской Федерации.

Основным нормативно правовым актом в исследуемой сфере является Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2]. Указанный закон направлен на защиту прав и законных интересов граждан, общества, государства путём создания определенного правового механизма противодействия легализации преступных доходов, финансированию терроризма, экстремистской деятельности.

В соответствии с данным законом «кредитные организации обязаны осуществлять контроль за операциями своих клиентов и при возникновении подозрений о возможном отмывании денег принимать меры по блокировке счетов» [3, с. 168].

Следует отметить, что блокирование банковского счета производится на основании локальных нормативных актов кредитной организации, которые подлежат приведению в соответствие с действующим законодательством.

Под замораживанием (блокированием) безналичных денежных средств принадлежащих блокируемому лицу понимается адресованный владельцу (собственнику) такого имущества, организациям, осуществляющим операции с денежными средствами и (или) иным имуществом, запрет осуществлять операции с денежными средствами, ценными бумагами и (или) иным имуществом, принадлежащими блокируемому лицу, а также финансовые операции, совершаемые в интересах и (или) в пользу блокируемого лица [1].

Анализ правовых требований позволяет выделить последовательность основных стадий применения данной меры.

На первоначальном этапе осуществляется выявление операции, обладающей признаками подозрительной. Уполномоченный сотрудник банка, действующий в пределах предоставленных ему полномочий, принимает решение о применении мер по замораживанию денежных средств на счете клиента принадлежащего данному лицу.

Следующей стадией является приостановление расходных операций по счету с одновременным информированием клиента. В день введения ограничений направляется уведомление о применении мер по замораживанию денежных средств или иного имущества в соответствующий уполномоченный государственный орган.

Важно отметить, что такая блокировка носит временный характер. Владельцу счета требуется подтвердить законность проводимой операции.

Статья 6 Федерального закона №115 устанавливает список подозрительных операций, которые подлежит контролю. К ним относятся: операции с денежными средствами в наличной форме, открытие вклада (депозита) в пользу третьих лиц; операции с движимым имуществом, например, перемещение драгоценных металлов; операции с денежными средствами, с ценными бумагами, если хотя бы одной из сторон является физическое или юридическое лицо, имеющее соответственно регистрацию, место жительства или место нахождения в государстве, которое не выполняет рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), либо если указанные операции проводятся с использованием счета в банке, зарегистрированном в указанном государстве, либо имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму и т.д.

Банк вправе расширять данный список, поэтому под блокировку могут попасть даже незначительные денежные операции [1].

Банк может блокировать операции, которые не свойственны владельцу счета. Можно выделить следующие признаки, определяющие нетипичность действий со счетом:

1. Систематичность;
2. Значительность;
3. Необоснованная поспешность;
4. Неоправданные задержки;
5. Небольшой период [4].

Приказ Банка России от 05.11.2025 № ОД-2506 расширил с 1 января 2026 года список критериев, которые подпадают под новые признаки мошеннических операций [5]. Среди них:

- перевод с устройства, которое ранее использовалось для мошеннических операций;
- занесение реквизитов получателя в черный список. С 1 марта 2026 года этот признак будет применяться, если информация о получателе денег содержится в государственной информационной системе противодействия правонарушениям, которые совершаются с использованием информационных и коммуникационных технологий.
- нетипичные время, изменение привычного местоположения, в том числе быстрые движения крупных сумм;
- смену телефонного номера для входа в онлайн-банк в течение 48 часов до перевода средств;
- переводы на сумму более 200 тыс. руб. самому себе по СБП, если в тот же день клиент пытался перевести деньги незнакомцу;
- попытку внести наличные на счет с помощью цифровой карты через банкомат, если в течение 24 часов до этого имел место трансграничный перевод на сумму более 100 тыс. руб.

Для анализа больших объемов данных часто используются алгоритмы искусственного интеллекта. Скоринг способен анализировать тысячи параметров в реальном времени, что приводит к пресечению подозрительных операций. Однако действия алгоритма не всегда предсказуемы, что ведет к негативным последствиям.

Главная технологическая проблема массового применения искусственного интеллекта – невозможность объяснить причину блокировки. Модель может видеть сложную совокупность факторов и воспринимать их как угрозу, в то время как человек сочтет операцию допустимой и законной. Также алгоритмы работают по принципу блокировки любой подозрительной активности. Для программы лучше заблокировать несколько добросовестных клиентов, чем пропустить мошенническую операцию. Возникает конфликт интересов, с одной стороны – это безопасность банка, с другой – интересы клиента.

Заморозка счетов приводит к проблемам физических лиц, основная – невозможность распоряжаться личными денежными средствами. Доказывание законности перевода может занимать длительное время, так как включает в себя сбор подтверждающей документации, связь с

технической поддержкой банка, проверку фактов и разблокировку счета. При этом денежные средства могут быть необходимы клиенту срочно, например для погашения кредитной задолженности, ипотеки, коммунальных платежей и т.д. Отсутствие возможности перевода средств влечет неблагоприятные последствия для клиентов: начисление пеней и штрафов, а также стресс.

Для противодействия несанкционированной блокировке счетов требуется проведения ряда мероприятий.

Во-первых, следует вводить в систему усовершенствованные модели искусственного интеллекта, которые способны аргументировать принятые ими решения. Так банк сможет видеть конкретные причины блокировки счета, что поможет ускорить процессы разблокировки в случае ошибок.

Однако, встречаются случаи, когда необходимо в экстренном порядке заблокировать счета пользователя из-за высоких рисков, например легализация доходов в иностранных государствах.

С 2022 года в России применяется платформа «Знай своего клиента». С помощью данной программы банки способны получать сведения о клиентах и оценивать риски вовлеченности в незаконные операции. Происходит разделение пользователей на три группы: «зеленые», «желтые» и «красные» [6, с. 195]. Первая группа – это добросовестные клиенты, которые не вызывают подозрения со стороны банка. «Желтые» представляют среднюю угрозу, могли проводить подозрительные операции ранее. Особого контроля требует категория «красные», операции таких граждан следует блокировать моментально, после проводить процедуры проверки.

Во-вторых, предоставление права алгоритмам блокировать счета – достаточно рискованный шаг, приводящий к множествам разбирательств, падению рейтинга банка среди пользователей. Следует изменить их назначение с немедленной блокировки на указание подозрительных операций. Искусственный интеллект сможет отсеивать мошеннические операции и отправлять их компетентным лицам на проверку. Сотрудник банка принимает решение о законности операции либо о блокировки счете.

В-третьих, использование частичной блокировки операций. Следует разработать списки действий, которые можно выполнять при заблокированном счете. К ним можно отнести оплату коммунальных платежей, погашение кредитов, ипотечных займов, микрокредитов, оплата государственных услуг и т.д. Это снизит недовольства пользователей при несанкционированной блокировке, а также позволит избежать неблагоприятных последствий для клиентов.

Таким образом, считаем, что использование умных алгоритмов является необходимостью современной банковской деятельности. Они способны упрощать множество процессов, требующих анализа больших массивов информации. При этом важно разрабатывать некоторые ограничения, которые позволят сделать банковскую сферу комфортной как для банков, так и для клиентов.

Список литературы:

1. Сумма не имеет значения // https://ngs.ru/text/economics/2026/01/21/76224518/ (дата обращения: 27.01.2026).
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (Часть 1). – Ст. 3418.
3. Калашникова М. О. Правовые аспекты банковских счетов по подозрению в отмывании денег: практика и проблемы // В сборнике: Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2024). Сборник материалов Международной научной конференции молодых исследователей. – Москва, 2025. – С. 167-170.
4. Шавалеев Б. Э. О блокировке подозрительных операций в контексте положений о банковском счете // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2024. – № 4 (44). – С. 96-100.
5. Приказ Банка России от 5.11.2025 № ОД-2506 «Об установлении признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента и отмене приказа Банка России от 27 июня 2024 года № ОД-1027» // https://docs.cntd.ru/document/1314452463 (дата обращения: 22.01.2026).
6. Минаков А. В., Эриашвили Н. Д. Риск-ориентированный подход с использованием технологий искусственного интеллекта в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма в контексте обеспечения экономической безопасности России // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 2. – С. 191-199.

References:

1. The amount does not matter // https://ngs.ru/text/economics/2026/01/21/76224518 / (date of application: 01/27/2026).
2. Federal Law No. 115-FZ dated 08/07/2001 (as amended on 12/29/2025) "On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 33 (Part 1). – Art. 3418.
3. Kalashnikova M. O. Legal aspects of bank accounts on suspicion of money laundering: practice and problems // In the collection: Socio-humanitarian problems of education and professional self-realization (Social Engineer-2024). Collection of materials of the International Scientific Conference of Young Researchers. – Moscow, 2025. pp. 167-170.
4. Shavaleev B. E. On blocking suspicious transactions in the context of bank account regulations // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 4 (44). – Pp. 96-100.
5. Order of the Bank of Russia dated 5.11.2025 No. OD-2506 "On the establishment of signs of money transfer without the voluntary consent of the Client and cancellation of the Order of the Bank of Russia dated June 27, 2024 No. OD-1027" // https://docs.cntd.ru/document/1314452463 (date of reference: 01/22/2026).
6. Minakov A.V., Eriashvili N. D. Risk-a focused approach using artificial intelligence technologies in the field of countering money laundering and terrorist financing in the context of ensuring Russia's economic security // Education. Science. Scientific staff. - 2024. – No. 2. – pp. 191-199.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_360

УДК 347

НОТАРИАЛЬНОЕ ЗАВЕРЕНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ СДЕЛОК: ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО НОТАРИАТА
NOTARIAL CERTIFICATION OF CROSS-BORDER TRANSACTIONS: PROBLEMS OF THE RUSSIAN NOTARY

ПЛАХТИЙ Николай Алексеевич,
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры «Государственно-правовые дисциплины».
440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: nikolas-plahtii@yandex.ru;
ЧЕРНОВ Владислав Юрьевич,
секретарь-делопроизводитель Нотариуса г. Пенза, студент Пензенского государственного университета.
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».
440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: vladchernov20004@icloud.com
PLAKHTIY Nikolay A.,
Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines Penza State University.
440026, Russia, Penza, st. Red, 40.
E-mail: nikolas-plahtii@yandex.ru;
CHERNOV Vladislav Y.,
Secretary-Clerk of the Notary Public of Penza, student at Penza State University Penza State University.
440026, Russia, Penza, st. Red, 40.
E-mail: vladchernov20004@icloud.com

Краткая аннотация: *Современное развитие международного правового оборота и глобализация хозяйственных связей обусловливают необходимость переосмысления роли нотариата как института, обеспечивающего достоверность и юридическую силу документов в трансграничных отношениях. Рассматриваются институциональные и технологические проблемы развития российского нотариата в международном контексте, включая отсутствие института аутентичного нотариального акта, ограниченность международной компетенции нотариусов и необходимость цифровизации нотариальных процедур. Обосновывается необходимость комплексной реформы нотариата, направленной на его адаптацию к требованиям международного правового оборота.*

Abstract: *The modern development of international legal circulation and the globalization of economic relations necessitate a rethinking of the role of the notary as an institution that ensures the reliability and legal force of documents in cross-border relations. The institutional and technological problems of the development of the Russian notary in the international context are considered, including the lack of an institution of an authentic notarial act, the limited international competence of notaries and the need for digitalization of notarial procedures. The need for a comprehensive notary reform is substantiated, aimed at its adaptation to the requirements of international legal circulation.*

Ключевые слова: *нотариат, международное право, аутентичный акт, цифровизация нотариата, трансграничные сделки, доверие, международное признание.*

Keywords: *notary, international law, authentic act, digitalization of notary, cross-border transactions, trust, international recognition.*

Для цитирования*: Плахтий Н.А., Чернов В.Ю. Нотариальное заверение трансграничных сделок: проблемы российского нотариата // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 360-363. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_360.*

For citation*: Plakhtiy N.A., Chernov V.Y. Notarization of cross-border transactions: problems of the Russian notary // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 360-363. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_360.*

Статья поступила в редакцию: 27.01.2026

Современное развитие международного правового оборота и глобализация хозяйственных связей обусловливают необходимость переосмысления роли нотариата как института, обеспечивающего достоверность и юридическую силу документов в трансграничных отношениях. Нотариат, традиционно выполняющий удостоверительные, защитные и превентивные функции, становится элементом не только национальной, но и международной правовой инфраструктуры. Исторически российский нотариат развивался в русле континентальной (латинской) модели, ориентированной на публичное удостоверение юридических фактов и сделок. Однако специфика его правового регулирования и практики, закреплённая Основами законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1, во многом сохраняет национальную направленность, не учитывающую современных потребностей международного взаимодействия [1, с. 357]. Поэтому в связи с возрастающим количеством трансграничных сделок, миграционных процессов, цифровизацией нотариальных процедур и необходимостью взаимного признания нотариальных актов между иностранными государствами и Россией. В этих условиях эффективность нотариата становится фактором, влияющим на инвестиционный климат, защиту прав участников внешнеэкономической деятельности и доверие к российской правовой системе в целом.

Основы законодательства РФ о нотариате носят ярко выраженный национальный характер: в них отсутствует системная регламентация международной компетенции нотариусов, а также механизм признания нотариальных актов, составленных за рубежом. В отличие от стран континентальной Европы, где предусмотрено широкое участие нотариата в международных процедурах (например, Франция, Германия, Италия), российское законодательство сохраняет узкие рамки юрисдикции. Так, во Франции нотариус изначально рассматривается как должностное лицо, наделённое государственной властью, и обладает правом удостоверять акты, предназначенные для использования за пределами страны. Французский *Code civil* (ст. 1369 и след.) и *Ordonnance du 2 novembre 1945 relative au statut du notariat* предусматривают, что нотариус может составлять акты для иностранных юрисдикций, если они соответствуют требованиям формы и заверяются «в подлинной форме» (*acte authentique*).

Практически это выражается в том, что французские нотариусы часто оформляют доверенности, соглашения и брачные контракты для последующего использования за рубежом - с последующим апостилем либо фактической легализацией [2, с. 373; 3].

В Германии институт нотариата имеет особенно прочные международные связи. Немецкий нотариус действует в рамках федерального закона о нотариате (*Bundesnotarordnung*), где предусмотрено право удостоверять акты, имеющие последствия за границей, включая сделки с недвижимостью, долями в компаниях и наследственными правами. Немецкий нотариус также может удостоверять документы для их последующего использования в иностранных странах, если это не противоречит публичному порядку Германии. Кроме того, немецкий нотариус обладает правом удостоверять сделки с иностранными контрагентами без ограничения по гражданству сторон [4].

В Италии нотариус согласно *Legge Notarile* (закон от 16 февраля 1913 г. № 89), нотариус может составлять акты для иностранных граждан и удостоверять документы, предназначенные для использования за рубежом. При этом действует принцип *reciprocità* — взаимного признания прав граждан других стран. Итальянские нотариусы регулярно оформляют документы для иностранных инвесторов и граждан, приобретающих имущество в Италии, а также для итальянцев, совершающих сделки за границей [5]. На сайте Национального совета нотариата прямо указано, что «нотариус может удостоверять акты для иностранцев, если они признаются в их стране происхождения, либо если существует международный договор, гарантирующий такую возможность» [6]. Таким образом, итальянская практика сочетает национальное регулирование с международной гибкостью, позволяя нотариату быть связующим звеном между правовыми системами.

Нотариат Китая выполняет важную функцию в сфере трансграничных сделок, удостоверяя доверенности, корпоративные решения, соглашения, документы для участия в операциях с зарубежной недвижимостью и активами. Китайские нотариальные конторы, действующие под управлением Министерства юстиции КНР, вправе оформлять документы для последующего использования за границей при соблюдении требований формы. После присоединения Китая к Гаагской конвенции 1961 г. об апостиле использование китайских нотариальных актов в международном обороте существенно упростилось, что особенно важно для сделок китайских компаний и физических лиц с иностранными контрагентами [18].

Сравнительный анализ показывает, что европейские нотариальные системы исходят из расширительного понимания публичных функций нотариуса. Нотариус не ограничен территориально: он гарант законности сделки и подлинности документа, независимо от того, где документ будет применён. Российский нотариус, напротив, действует строго в рамках национальной юрисдикции и не имеет легитимных процедур для удостоверения актов, предназначенных для международного использования. Атхамова М. А. утверждает, что в российской модели нотариат не интегрирован в систему международных коммуникаций, что снижает значение нотариальной формы в трансграничных отношениях [7, с. 887]. Эта институциональная замкнутость — ключевая причина того, что российские нотариальные документы часто требуют повторного оформления или дублирующего удостоверения за границей. Сусленков Д. А. подчёркивает, что действующая модель международного нотариата достаточно урегулирована международными договорами и соглашениями [8, с. 308]. При этом, нотариат, как регулятор гражданского оборота, должен быть достаточно регламентирован именно нормами национального законодательства, а не отсылать правоприменителя к международным актам.

Таким образом, базовый нормативный акт, сохранивший черты эпохи становления постсоветского права, не обеспечивает должной правовой определённости при удостоверении сделок с иностранным элементом. Национальная направленность регулирования препятствует формированию единых стандартов, необходимых для признания нотариальных актов в международной практике. Системное обновление законодательства о нотариате должно быть направлено не только на внутреннюю оптимизацию, но и на международную адаптацию: закрепление компетенции нотариусов в делах с иностранным элементом, установление процедуры признания иностранных нотариальных актов, а также создание электронных механизмов проверки подлинности через трансграничные реестры.

Одной из ключевых проблем функционирования нотариата в международной среде остаётся неопределённость правового режима признания и исполнения иностранных нотариальных актов на территории Российской Федерации. Несмотря на участие России в Гаагской конвенции 1961 года, порядок признания остаётся формализованным и не обеспечивает фактического равенства нотариальных документов различных государств. Процедуры консульской легализации и апостиля подтверждают лишь подлинность подписи и печати нотариуса, но не придают документу доказательственной силы [9, с. 131]. В результате нотариальные акты, совершённые за рубежом, после легализации не обладают в России ни свойством исполнительности, ни презумпцией достоверности содержания.

Проблема носит системный характер. Отсутствие в российском законодательстве института аутентичного нотариального акта лишает такие документы юридической устойчивости и снижает доверие к ним со стороны иностранных юрисдикций. В отличие от континентальной Европы, где нотариальный акт признаётся *authentic act* и приравнивается к судебному решению, в России нотариальный документ сохраняет лишь удостоверительное значение и требует повторной проверки в суде при возникновении спора [19, с. 112]. Следовательно, российская система признания иностранных нотариальных актов остаётся фрагментарной и формальной, не обеспечивая ни стабильности, ни предсказуемости правовых последствий.

Перспективным направлением реформирования является закрепление в Основах законодательства РФ о нотариате института аутентичного нотариального акта, а также заключение двусторонних соглашений о взаимном признании нотариальных документов с ключевыми странами-партнёрами России. Внедрение такой модели приблизит российский нотариат к общеевропейским стандартам доверия и повысит его значимость в международном обороте [9, с. 129]. В долгосрочной перспективе подключение России к системам трансграничного электронного взаимодействия и международным реестрам нотариальных актов позволит устранить необходимость легализации и апостиля, что станет шагом к формированию пространства взаимного правового доверия.

Сравнительный анализ полномочий нотариусов в России и в странах континентальной Европы выявляет как общие корни континентальной (латинской) нотариальной традиции, так и существенные институциональные различия, вытекающие из национальной регламентации и практики применения. В российском праве нотариус фактически выполняет не только формально-удостоверительную функцию, но и обязан проводить правовой анализ представленных документов, консультировать стороны и иными способами обеспечивать законность совершаемых действий [1, с. 357]. Таким образом, роль российского нотариуса включает элементы содержательного контроля, а не только формальной верификации.

Одновременно в России институт нотариата сохраняет отличительные черты: отсутствует законодательное закрепление полноценного понятия аутентичного нотариального акта, наделяющего нотариальный документ автоматической приравненной к судебному решению доказательной и исполнительной силой во всех случаях. Кроме того, российский нотариат организационно остаётся моделью с выраженным государственно-административным характером, тогда как в континентальных европейских странах нотариус традиционно рассматривается как самостоятельное публичное должностное лицо, действующее в условиях более развитого профессионального самоуправления. Перечень нотариальных действий в России строго установлен законом и носит закрытый характер, в то время как в ряде европейских юрисдикций (например, Франции и Италии) он шире и включает составление актов «в подлинной форме», обладающих повышенной доказательной силой. Система назначения, контроля и дисциплины российских нотариусов в значительной степени централизована, что отличает её от немецкой и французской моделей, где действуют автономные нотариальные палаты с расширенными регулятивными полномочиями. Дополнительным отличием является и разная степень цифровизации: в российском праве институт электронного нотариального акта развивается постепенно и фрагментарно, тогда как в странах континентальной Европы уже функционируют полноформатные механизмы электронного удостоверения и дистанционного составления аутентичных актов. Как думается, отсутствие института аутентичного акта ограничивает международную эквивалентность российских нотариальных документов. В европейских системах соответствующие акты в ряде случаев действительно обладают более широкой предсудебной и исполнительной функцией. Важное практическое отличие - порядок придания исполнительной силы: в российском праве предусмотрена исполнительная надпись нотариуса как особая процедура, позволяющая получить исполнительный документ при соблюдении строго установленных условий (включая бесспорность требования и сроки) [1, с. 357].

Статус нотариуса как лица публичного доверия в России закреплён, однако механизмы ответственности, контроля и возмещения вреда за ошибочные нотариальные действия остаются отличными от практик ряда европейских стран, где ответственность нотариуса и институциональные гарантии зачастую строже и системнее [10, с. 26]. Это влияет на уровень доверия как внутри юрисдикции, так и на международной арене. В итоге российский нотариат сочетает в себе значительную проверочную и превентивную функцию, близкую по содержанию к европейской модели, но не обладает в полном объёме институтом аутентичности и широким универсальным правом выдачи исполнительных документов [11, с. 216].

Как указывает Стародубова Л. В., одна из причин снижения доверия международных контрагентов к удостоверенным российским нотариусом документов - необходимость дополнительной верификации российских нотариальных актов: апостиль, нотариальная легализация, судебное подтверждение [11, с. 217]. Процедуры апостилирования и другие, указанные выше, увеличивают время и стоимость сделок. В то же время, как отмечается Бегичева А. В. и Рисовской С. С., нотариальные акты в РФ могут играть роль бесспорных доказательств, однако их использование за рубежом с точки зрения исполнительности или признания часто не стандартизировано [13, с. 5].

Ещё одной проблемой является цифровизация нотариата. Агибалова Е. Н. и Рыжова А. А. анализируют, как цифровые технологии влияют на форму нотариальных действий, в том числе на удалённую работу нотариусов, однако пока ещё не выработаны все международные стандарты, обеспечивающие признание таких документов в трансграничных сделках [14, с. 168]. Грядова А. В. выделяет, что российские нотариальные акты, не будучи аутентичными в европейском понимании требуют дополнительной процедурной проверки, что уменьшает их привлекательность в трансграничных сделках [15, с. 15]. Существует риск, что разные юрисдикции будут отказываться признавать нотариальное обеспечение доказательств, совершённое по российским нормам, если не соблюдены требования формы, процедур или переводов [12]. Также подчёркивается технологический риск: недостаточная регламентация удалённых нотариальных действий и отсутствие единого международного эталона электронного нотариата могут привести к отказам в признании таких документов за рубежом [14, с. 169].

Кроме того, государства ЕАЭС и СНГ различаются по требованиям к форме сделок, переводам, нотариальной форме и признанию нотариальных актов в зарубежных юрисдикциях [16, с. 152]. Транзакции между странами СНГ - ЕАЭС сталкиваются с ростом затрат из-за необходимости апостилирования, перевода нотариальных документов, повторного заверения [17, с. 98-99]. Эти барьеры особенно ощутимы в сферах недвижимости, корпоративного права и внешней торговли. Из всего сказанного можно выделить следующие предложения: разработка межгосударственных стандартов аутентичности нотариальных документов; согласование требований к переводам и форме нотариальных актов между юрисдикциями ЕАЭС и СНГ; создание совместных электронных платформ и реестров, позволяющих проверку нотариальных документов в режиме онлайн; согласование правил цифровой идентификации и стандартов безопасности электронной формы нотариальных документов.

Подводя итог, в контексте международного взаимодействия российский нотариат сталкивается с рядом проблем: отсутствие института аутентичного нотариального акта, признаваемого автоматически в зарубежных юрисдикциях; ограниченная исполнительность нотариальных документов в трансграничных сделках; необходимость унификации цифровых стандартов, удалённых нотариальных действий; бюрократические и процедурные барьеры из-за различий в формах, переводах, апостилях и требованиях к доказательствам. Для укрепления международной роли нотариата России необходимы следующие шаги: законодательное закрепление стандартов, приближенных к европейской практике аутентично-

сти; унификация стандартов переводов и признания форм нотариальных актов; развитие цифрового нотариата в рамках международных стандартов; заключение соглашений между государствами СНГ/ЕАЭС о взаимном признании нотариальных актов и электронных нотариальных копий.

Список литературы

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. –1993. – № 10. – Ст. 357.
2. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр. Захватаева В. Н. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – 624 с.
3. Legifrance: Ordonnance du 2 novembre 1945 relative au statut du notariat // [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000006915205 (дата обращения: 12.01.2026).
4. Bundesnotarordnung (BNotO) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bnoto/BNotO.pdf (дата обращения: 02.12.2025).
5. Legge Notarile // [Электронный ресурс]. URL: https://www.miolegale.it/norme/legge-notarile-89-1913 (дата обращения: 02.12.2025).
6. Consiglio Nazionale del Notariato // [Электронный ресурс]. URL: https://www.notariato.it/it (дата обращения: 02.12.2025).
7. Атхамова, М. А. Проблемные вопросы нотариальных действий в международном частном праве / М. А. Атхамова // Central Asian Academic Journal of Scientific Research. – 2022. – № 5. – С. 879–887.
8. Сусленков, Д. А. Ключевые особенности и проблемы международного нотариата / Д. А. Сусленков // Молодой ученый. – 2020. – № 27 (317). – С. 307–312.
9. Романовская, О. В. Российский нотариат и международная унификация права / О. В. Романовская // Московский журнал международного права. – 2009. – № 4 (76). – С. 119–132.
10. Перевалова, И. В., Путинцева, Е. П. Нотариат: между публичным и частным / И. В. Перевалова, Е. П. Путинцева // Нотаріальный вѣстникъ. – 2023. – № 11. – С. 24–30.
11. Стародубова, Л. В. Нотариальное обеспечение доказательств в гражданском процессе / Л. В. Стародубова // Аграрное и земельное право. – 2024. – №12 (240). – С. 215–217.
12. Давыдова, Е. Процедура признания документов между Россией и Эстонией изменилась // Schmidt & Schmidt OHG [Электронный ресурс]. URL: https://schmidt-export.ru/новости/процедура-признания-документов-между-россией-и-эстонией-изменилась (дата обращения: 02.12.2025).
13. Бегичев, А. В., Рисовская, С.С. Правовое значение нотариального акта / А. В. Бегичев, С. С. Рисовская // Нотариус. – 2024. – № 1. – С. 2–7.
14. Агибалова, Е. Н., Рыжова, А. А. Современный нотариат в эпоху цифровой трансформации / Е. Н. Агибалова, А. А. Рыжова // Legal Concept. – 2022. – №1. – С. 166–170.
15. Грядов, А. В. Доказательная сила нотариального акта в праве России и Франции : сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / А. В. Грядов. – Екатеринбург, 2011. – 22 с.
16. Селиверстов, Е. А. Зарубежный опыт нотариального удостоверения сделок / Е. А. Селиверстов // Вестник науки. – 2020. – № 2 (23). – С. 145–155.
17. Парамузова, О. Г. Правовые проблемы нотариального производства в современном мире / О. Г. Парамузова, И. В. Гамова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – Т. 17, № 4(46). – С. 92–101.
18. Мизинцев, Е. Н. История нотариата в Китае / Е. Н. Мизинцев // Нотариус. – 2011. – № 3. – С. 12–17.
19. Рафикова, З. Р. Значение нотариальных актов по обновленному законодательству / З. Р. Рафикова // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). –Казань : Бук, 2015. – С. 111–115.

References:

1. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 02/11/1993 N 4462-1) (as amended on 07/31/2025) (with amendments and additions, entered into force on 09/01/2025) // Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. – 1993. – № 10. – Art. 357.
2. The Civil Code of France (Napoleonic Code) / translated from French by V. N. Zakhvataeva. – Moscow: Infotropic Media, 2012. – 624 p.
3. Legifrance: Ordonnance du 2 novembre 1945 relative au statut du notariat // [Electronic resource]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000006915205 (access date: 12.01.2026).
4. Bundesnotarordnung (BNotO) // [Electronic resource]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bnoto/BNotO.pdf (access date: 02.12.2025).
5. Legge Notarile // [Electronic resource]. URL: https://www.miolegale.it/norme/legge-notarile-89-1913 (access date: 02.12.2025).
6. Consiglio Nazionale del Notariato // [Electronic resource]. URL: https://www.notariato.it/it (access date: 02.12.2025).
7. Atkhamova, M. A. Problematic issues of notarial acts in international private law / M. A. Atkhamova // Central Asian Academic Journal of Scientific Research. – 2022. – № 5. – P. 879–887.
8. Suslenkov, D. A. Key features and problems of international notaries / D. A. Suslenkov // Young scientist. – 2020. – № 27 (317). – P. 307–312.
9. Romanovskaya, O. V. Russian notaries and international unification of law / O. V. Romanovskaya // Moscow journal of international law. – 2009. – № 4 (76). – P. 119–132.
10. Perevalova, I. V., Putintseva, E. P. Notaries: Between Public and Private / I. V. Perevalova, E. P. Putintseva // Notarial Bulletin. – 2023. – № 11. – P. 24–30.
11. Starodubova, L. V. Notarial Securing of Evidence in Civil Proceedings / L. V. Starodubova // Agrarian and Land Law. – 2024. – № 12 (240). – P. 215–217.
12. Davydova, E. The Procedure for Recognizing Documents between Russia and Estonia Has Changed // Schmidt & Schmidt OHG [Electronic resource]. URL: https://schmidt-export.ru/news/procedure-of-recognition-of-documents-between-russia-and-estonia-changed (access date: 02.12.2025).
13. Begichev, A. V., Risovskaya, S. S. Legal significance of a notarial act / A. V. Begichev, S. S. Risovskaya // Notarius. – 2024. – № 1. – P. 2–7.
14. Agibalova, E. N., Ryzhova, A. A. Modern notaries in the era of digital transformation / E. N. Agibalova, A. A. Ryzhova // Legal Concept. – 2022. – №. 1. – P. 166–170.
15. Gryadov, A. V. Evidentiary Force of a Notarial Act in the Law of Russia and France: A Comparative Legal Study: Abstract of Cand. Sci. (Law): 12.00.15 / A. V. Gryadov. – Ekaterinburg, 2011. – 22 p.
16. Seliverstov, E. A. Foreign Experience in Notarial Certification of Transactions / E. A. Seliverstov // Science Bulletin. – 2020. – № 2 (23). – P. 145–155.
17. Paramuzova, O. G. Legal Issues of Notarial Proceedings in the Modern World / O. G. Paramuzova, I. V. Gamova // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. – 2023. – Vol. 17, № 4 (46). – P. 92–101.
18. Mizintsev, E. N. History of the Notariat in China / E. N. Mizintsev // Notary. – 2011. – № 3. – P. 12–17.
19. Rafikova, Z. R. The Significance of Notarial Acts under the Updated Legislation / Z. R. Rafikova // Legal Sciences: Problems and Prospects: Proceedings of the III Int. Scientific Conf. (Kazan, May 2015). – Kazan: Buk, 2015. – P. 111–115.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_364

«ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ
«ARTIFICIAL INTELLIGENCE» AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY: THE CONCEPT AND FEATURES

КИБИШЕВ Замир Заурович,
аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».
125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь д.6, стр.6.
E-mail: zz.kibishev@mail.ru

KIBISHEV Zamir Zaurovich,
Postgraduate Student, Russian State University for the Humanities.
125047, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6.
E-mail: zz.kibishev@mail.ru

Краткая аннотация: *Данная статья посвящена изучению вопроса о том, как определить «искусственный интеллект» (далее – ИИ) в качестве предмета правового регулирования, особенно в контексте интеллектуальной собственности. В работе анализируются различные существующие трактовки понятия ИИ, выявляются основные характеристики, которые позволяют выделить ИИ в качестве независимого объекта, нуждающегося в правовой охране. Опираясь на исследованные характеристики, автором предлагается собственная дефиниция ИИ как объекта правового регулирования в сфере прав на интеллектуальную собственность – это комплекс компьютерных программ, алгоритмов и связанных с ними информационных массивов, воспроизводящих когнитивные способности человека, например, обучение, логическое мышление, восприятие, и применяющихся для создания, обработки или извлечения прибыли из объектов интеллектуальной собственности, которые способны оказывать влияние на возникновение, реализацию, защиту и прекращение прав на указанные объекты, и нуждающиеся в правовом регулировании для достижения равновесия между интересами создателей, владельцев прав и общества.*

Abstract: *This article is devoted to the study of how to define «artificial intelligence» (hereinafter – AI) as a subject of legal regulation, especially in the context of intellectual property. The paper analyzes various existing interpretations of the concept of AI, identifies the main characteristics that make it possible to identify AI as an independent object in need of legal protection. Based on the studied characteristics, the author suggests his own definition of AI as an object of legal regulation in the field of intellectual property rights. – It is a complex of computer programs, algorithms, and related information arrays that reproduce human cognitive abilities, such as learning, logical thinking, and perception, and are used to create, process, or profit from intellectual property objects that can influence the emergence, implementation, protection, and termination of rights to these objects, and those in need. in legal regulation, to achieve a balance between the interests of creators, rights holders and society.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, правовое регулирование, предмет права.*
Keywords: *artificial intelligence, intellectual property, legal regulation, subject of law.*

Для цитирования*: Кибишев З.З. «Искусственный интеллект» как объект правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности: понятие и признаки // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 364-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_364.*
For citation*: Kibishev Z.Z. "Artificial intelligence" as an object of legal regulation in the field of intellectual property: concept and features // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 364-367. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_364.*

Статья поступила в редакцию: 29.01.2026

В современном мире, характеризующемся стремительным технологическим прогрессом, движимым цифровизацией, искусственный интеллект (ИИ) перестал быть просто многообещающей областью исследований и разработок, превратившись в реальность, проникающую во все аспекты человеческой жизни. От автоматизированных систем управления производством до персональных виртуальных помощников, ИИ демонстрирует огромный потенциал и оказывает все большее влияние на экономическую, культурную и социальную сферы. Однако вместе с многочисленными преимуществами широкое внедрение ИИ создает новые проблемы для общества, в частности в правовой области. Одним из наиболее важных и сложных вопросов является определение правового статуса ИИ, особенно в контексте защиты интеллектуальной собственности (ИС).

Концепция «искусственного интеллекта» является относительно новой, не только в юриспруденции, но и в других научных дисциплинах. При этом отсутствует не только общепринятое определение ИИ, но и отсутствует базовое, единое понимание «естественного», человеческого интеллекта, что затрудняет разработку согласованных подходов к ИИ [17].

П.М. Мохат предлагает определение искусственного интеллекта с учётом автономности, носителя, способностей и возможностей. По его мнению, это «полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyberphysical), в том числе биокибернетическая (biocybernetic), система (юнит), наделённая / обладающая определённым автором перечнем возможностей и способностей» [11].

Е.А. Ерахтина и В.А. Тирранен придерживаются следующей позиции: в широком смысле «искусственный интеллект – это свойство интеллектуальных систем (в том числе компьютерных программ, включая нейросети) выполнять функции и решать задачи, в том числе специально не оговоренные в системе изначально, обучаться и адаптировать своё поведение под конкретные условия, а также принимать решения исходя из этих условий и поставленных целей» [8].

И.А. Каляев сформулировал такое определение искусственного интеллекта: «Это свойство искусственных систем решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует алгоритм решения» [9].

Л.С. Болотова определяет искусственный интеллект как «искусственную систему, способную имитировать интеллект человека, то есть способность получать, обрабатывать, хранить информацию и знания и выполнять над таковыми разные действия, совокупно называемые мыш-

лением» [4].

М.Г. Щербаков указывает, что искусственный интеллект представляет собой «человекоподобную систему, имитирующую деятельность человека» [19].

По мнению В.Н. Ручкина и В.А. Фулина, искусственным интеллектом следует считать совокупность метапроцедур – представления знаний, рассуждений, поиска релевантной информации в среде имеющихся знаний, их пополнение, корректировку и тому подобное, имитирующих деятельность человека [15].

По мнению В.Н. Синельниковой и О.В. Ревинского, искусственный интеллект – это компьютерная программа, созданная человеком и способная создавать новую информацию или выраженные объективно результаты своей деятельности [16].

Б.Т. Акылбекова и М.С. Мулдагалиева предлагают следующее терминологическое явление ИИ - научно-техническое направление, ориентированное на разработку программных и аппаратных решений, способных выполнять интеллектуальные функции, традиционно присущие человеку [1].

И.Р. Бегишев и З.И. Хисамов предлагают следующую дефиницию: «Искусственный интеллект - когнитивно-интеллектуальная и адаптивно-автономная система, наделенная способностями к осознанно-волевому поведению, позволяющую имитировать деятельность нейронов и нейронных сетей человеческого мозга посредством обработки информации, поступающей из окружающей среды» [2].

Т.М. Буздов считает, что если объединить все признаки, присущие искусственному интеллекту в современном понимании, то определение можно сформулировать следующим образом, искусственный интеллект представляет собой систему, способную выполнять специализированные задачи в конкретной области жизнедеятельности человека, связанные с обработкой информации, анализом данных, их хранением и автоматизацией процессов на основе алгоритмов и моделей, эмулирующих отдельные спектры человеческих когнитивных функций. Однако, если говорить о понимании искусственного интеллекта «завтрашнего дня», то под ним подразумевается автономная, антропоморфная система, обладающая способностью анализировать данные, обучаться, принимать решения и взаимодействовать с окружающей средой на основании математических моделей, которые эмулируют человеческие когнитивные функции, включая запоминание информации, рассуждение и процесс самосовершенствования, имитируя не только поведенческие и мыслительные способности, аналогичные человеческим, но и превосходящие их [5].

Кубрак В.С. определяет ИИ, как вычислительные мощности компьютерных систем или компьютерных программ, способные обрабатывать информацию различными способами и создавать на ее основе новую информацию (как при участии человека, так и без такового участия), сравнимую с результатами интеллектуальной деятельности человека [10].

Е.В. Соломонов дает на основе выделенных в своей научной работе признаков, более полное определение ИИ - это автономная система (технологическое решение), обладающая способностью к обучению, самообучению и самосовершенствованию, осуществляющая самостоятельный поиск, анализ и обобщение информации, имеющая признаки разумного поведения – возможность ставить и решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует заранее заданный алгоритм решения (высокая вероятность совершения действий, не предусмотренных создателем или программистом изначально), достигая и превышая при этом результаты интеллектуальной деятельности человека вне зависимости от сферы применения [17].

С позиций юриспруденции искусственный интеллект - это искусственная сложная кибернетическая компьютернопрограммно-аппаратная система (электронная, в том числе - виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия, обладающая рядом свойств и способностей (свойствами субстантивности и автономности; способностями принимать и реализовывать решения; адаптировать свое поведение, в том числе самообучаться и т.д.) [12]. Ключевой в дефиниции искусственного интеллекта является способность на определенном уровне воспроизводить мышление человека (именно потому он и именуется интеллектом).

Инновационный характер ИИ как технологической платформы требует пересмотра традиционных подходов к защите прав на интеллектуальную собственность. Общепринятые правовые конструкции, предназначенные для регулирования отношений, возникающих в связи с творческой деятельностью человека, оказываются недостаточными для адекватного урегулирования вопросов, связанных с ИИ. В частности, возникает вопрос об авторстве результатов, созданных ИИ: кто должен считаться автором произведения, созданного ИИ – разработчик алгоритма, пользователь, предоставивший данные для обучения, или сам ИИ? Какой объем прав принадлежит предполагаемому автору и как эти права соотносятся с правами других лиц, участвующих в создании и использовании ИИ?

Неопределенность в отношении юридического статуса ИИ создает риски для инноваций, препятствует развитию рынка технологий ИИ и порождает споры о распределении прав на интеллектуальную собственность. В ситуации, когда ИИ все чаще используется для создания новых произведений и изобретений, необходимо разработать правовые механизмы, которые обеспечат баланс между защитой прав разработчиков и пользователей ИИ и стимулированием дальнейшего развития этой перспективной технологии.

П.М. Морхат [11] выделяет режимы правового регулирования прав интеллектуальной собственности с использованием искусственного интеллекта: 1) машиноцентрический концепт, где искусственный интеллект выступает как субъект интеллектуальных прав; 2) концепт гибридного авторства, где искусственный интеллект выступает как соавтор; 3) концепт служебного произведения, в котором искусственный интеллект выступает как наёмный работник; 4) антропоцентрический концепт, где искусственный интеллект служит в качестве инструмента субъекта интеллектуальных прав, т. е. человека; 5) концепт «исчезающего» (нулевого) авторства, т. е. концепт отражающий особо сложные ситуации пересекаемости ранее указанных концептов в разных сочетаниях [7].

Обращаясь к статьям ГК РФ (1228, 1257, 1258, 1259) и юридической доктрине, творческая деятельность подразумевает под собой деятельность человека, которая порождает нечто новое и уникальное. Осознавая факт того, что искусственные технологии действуют на основе заложенного в них кода и имеющейся в сети информации, критерий уникальности и неповторимости встает под вопросом. Однако существует мнение, что авторскими правами на объекты, созданные человеком посредством использования ИИ, могут обладать сами создатели, так как в данном случае творческая деятельность заключается в правильном и уникальном запросе и направлении деятельности ИИ.

В ходе обсуждений рассматривается взаимодействие авторской индивидуальности и возможностей, предоставляемых искусственным интеллектом (ИИ), а также устанавливаются стандарты соответствия результатов интеллектуальной деятельности законодательству о гражданских правах. Разделяя точку зрения Беловой А.А. [3], сложно согласиться с утверждением, что продукты, созданные ИИ, не являются результатом интеллектуальной деятельности из-за отсутствия творческого участия человека и, следовательно, не подлежат охране авторским правом. Авторы выдвигают различные подходы к разрешению этой дискуссии: от признания прав за разработчиком или владельцем ИИ [6], или за лицом, использующим ИИ и определяющим параметры для генерации интеллектуальной собственности [13], до наделения ИИ статусом квазисубъекта, по аналогии с юридическими лицами [18].

Представляется, что, несмотря на способность ИИ автономно генерировать контент, человеческий творческий вклад остается важным на разных этапах создания интеллектуальной собственности. В контексте применения ИИ первоначальный творческий импульс человека заключается в выборе задачи или проблемы. Этот процесс включает в себя определение целей проекта, разработку концепции и выбор соответствующих методов и алгоритмов. Подготовка данных для обучения ИИ, включая сбор, систематизацию и очистку, также существенно влияет на эффективность работы модели. Кроме того, человек активно участвует в разработке архитектуры модели и ее оптимизации, стремясь к максимальному соответствию поставленным целям. После обучения модели человек интерпретирует полученные результаты, принимает решения об их дальнейшем использовании и оценивает их применимость в различных сценариях. Наконец, человек несет ответственность за контроль качества функционирования ИИ и его постоянное усовершенствование, выявляя недостатки и разрабатывая методы их устранения.

Искусственный интеллект в контексте права интеллектуальной собственности обладает характерными чертами, которые в обобщенном виде были определены Соломоновым Е.В. [17]:

- автономность и самоорганизация без прямого управления человеком (квазисубъектность) – ИИ способен действовать и принимать решения в определенной степени независимо, проявляя характеристики самоорганизации и приспособления к меняющимся обстоятельствам. Это не означает наделение ИИ полными правами субъекта, но подтверждает его способность самостоятельно обрабатывать информацию и принимать решения в рамках заданных параметров;

- способность к обучению, самообучению и непрерывному совершенствованию (эволюция) – ИИ может улучшать свои характеристики и производительность, анализируя данные, обнаруживая закономерности и адаптируясь к новым условиям. Процесс обучения может осуществляться как под контролем человека (машинное обучение), так и самостоятельно (глубокое обучение), что приводит к постоянному развитию и оптимизации ИИ;

- способность к независимому поиску, анализу, синтезу информации и выработке интеллектуальных решений, на основе изученных данных (самосознание, мышление) – ИИ может автономно извлекать информацию из разных источников, анализировать ее, определять взаимосвязи и зависимости и на этой основе формировать решения, направленные на достижение поставленной цели. Этот признак отражает способность ИИ к когнитивной деятельности, аналогичной мышлению человека, но осуществляемой с использованием алгоритмов и вычислительных ресурсов;

- способность проявлять признаки разумного поведения – формулировать и решать интеллектуальные задачи, для которых не существует заранее установленного алгоритма решения (вероятность совершения действий, изначально не предусмотренных создателем или программистом) – ИИ может решать сложные задачи, требующие творческого подхода и нестандартного мышления. Он способен генерировать новые идеи, находить оптимальные решения в условиях неопределенности и адаптироваться к задачам, для которых не существует предопределенных алгоритмов. Эта особенность подчеркивает способность ИИ к инновационной деятельности и созданию принципиально новых решений;

- способность при выполнении задач достигать и превосходить результаты интеллектуальной деятельности человека, независимо от области применения ИИ – ИИ может выполнять задачи в различных сферах знаний и деятельности, достигая при этом результатов, превосходящих возможности человека по скорости, объему обрабатываемой информации и точности. Этот признак отражает потенциал ИИ как мощного инструмента для решения сложных задач и стимулирования инноваций.

Предложенные признаки позволяют определить ключевые характеристики ИИ как объекта правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности – это совокупность компьютерных программ, алгоритмов и связанных с ними данных, имитирующих когнитивные функции человека, такие как обучение, рассуждение, восприятие, и использующихся для создания, обработки или коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, способных влиять на возникновение, осуществление, защиту и прекращение прав на эти объекты, что требует правового регулирования для обеспечения баланса интересов авторов, правообладателей и общества.

Список литературы

1. Акылбекова Б.Т. Искусственный интеллект: понятие, признаки, классификации и способы разработки / Б.Т. Акылбекова, М.С. Мулдагалиева // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 3(84). С. 548-555.

2. Бегишев И.Р. Искусственный интеллект и уголовный закон / И.Р. Бегишев, З.И. Хисамова. М.: Проспект, 2022. С. 192.
3. Белова А.А. Искусственный интеллект: особенности регулирования и правоприменения в сфере права интеллектуальной собственности // Актуальные вопросы экономики, права и социологии: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 02 апреля 2025 года. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2025. С. 333-339.
4. Болотова Л.С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: учебник. М.: Финансы и статистика, 2012. С. 28.
5. Буздов Т.М. Понятие и признаки искусственного интеллекта: эволюция научной мысли // Молодой ученый. 2025. № 37 (588). С. 71-74.
6. Галлямова А.А. Авторское право на произведения, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта // Образование и право. 2023. №4. С. 240–248.
7. Джагарян И.А. Объекты интеллектуальной собственности, созданные искусственным интеллектом: вопросы инновационного правового регулирования // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 585.
8. Ерахтина Е.А., Тирранен В.А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 36–41.
9. Каляев И.А. Искусственный интеллект: Камо грядеши? // Экономические стратегии. 2019. № 5 (163). С. 6–15.
10. Кубрак В.С. Правовое понимание искусственного интеллекта и проблемы определения единого понятия // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 3. С. 92-96.
11. Мохат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2017. 257с.
12. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1. С. 94–95.
13. Романов Г.С. Искажённое искусство среди нас: рассуждение о правовом режиме произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта // Образование и право. 2023. №5. С. 327–334.
14. Романов Ф.А. Искусственный интеллект в сфере интеллектуальной собственности: создатель или инструмент? // Глобальные научные тенденции: интеграция и инновации: Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 4-х частях, Симферополь, 22 октября 2024 года. Симферополь: ООО "Издательство Типография «Ариал», 2025. С. 665-670.
15. Ручкин В.Н., Фулин В.А. Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы. СПб.: БХВ-Петербург, 2009. С. 27.
16. Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности. 2017. № 4. С. 17–27.
17. Соломонов Е.В. Понятие и признаки искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2023. Т. 20, № 4. С. 57-65.
18. Шахназарова Э.А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. №32. С. 34–45.
19. Щербаков М.Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 3. С. 73–82.

References

1. Akylbekova B.T. Artificial intelligence: concept, signs, classifications and methods of development / B.T. Akylbekova, M.S. Muldagalieva // Bulletin of Science. 2025. Vol. 3, No. 3(84). pp. 548-555.
2. Begishev I.R. Artificial intelligence and criminal law / I.R. Begishev, Z.I. Khisamova. Moscow: Prospekt, 2022. P. 192.
3. Belova A.A. Artificial intelligence: features of regulation and enforcement in the field of intellectual property law // Current issues of economics, law and sociology: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary, April 02, 2025. Cheboksary: Wednesday Publishing House, LLC, 2025. pp. 333-339.
4. Bolotova L.S. Artificial intelligence systems: models and technologies based on knowledge: textbook. Moscow: Finance and Statistics, 2012. p. 28.
5. Buzdov T.M. The concept and signs of artificial intelligence: the evolution of scientific thought // Young Scientist. 2025. No. 37 (588). pp. 71-74.
6. Gallyamova A.A. Copyright in works created using artificial intelligence technologies // Education and Law. 2023. No. 4. pp. 240-248.
7. Dzhagaryan I.A. Intellectual property objects created by artificial intelligence: issues of innovative legal regulation- <url> // Legal technology. 2021. No. 15. p. 585.
8. Yerakhtina E.A., Tirranen V.A. Crimes committed using artificial intelligence: problems of qualification and investigation // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (35). pp. 36-41.
9. Kalyaev I.A. Artificial intelligence: Is it coming? // Economic strategies. 2019. No. 5 (163). pp. 6-15.
10. Kubrak V.S. Legal understanding of artificial intelligence and the problem of defining a single concept // Bulletin of the Russian Law Academy. 2021. No. 3. pp. 92-96.
11. Morkhat P.M. Artificial intelligence: a legal view: a scientific monograph / NGO "Institute of State-confessional Relations and Law". Moscow: Buki Vedi, 2017. 257s.
12. Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law // Bulletin of the RUDN University. The series "Legal Sciences". 2018. Vol. 22. No. 1. pp. 94-95.
13. Romanov G.S. Distorted art among us: a discussion on the legal regime of works created using artificial intelligence // Education and Law. 2023. No. 5. pp. 327-334.
14. Romanov F.A. Artificial intelligence in the field of intellectual property: creator or tool? // Global scientific trends: integration and innovation: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. In 4 parts, Simferopol, October 22, 2024. Sinfero-pol: Arial Printing House, LLC, 2025. pp. 665-670.
15. Ruchkin V.N., Fulin V.A. Universal artificial intelligence and expert systems. St. Petersburg: BHV-Petersburg, 2009. p. 27.
16. Sinelnikova V.N., Revinsky O.V. Rights to the results of artificial intelligence // Copyright. Bulletin of the Russian Academy of Intellectual Property. 2017. No. 4. pp. 17-27.
17. Solomonov E.V. The concept and signs of artificial intelligence // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2023. Vol. 20, No. 4. pp. 57-65.
18. Shakhnazarova E.A. Legal regulation of relations arising regarding intellectual property objects created by artificial intelligence technology, using the experience of Great Britain, the USA and the EU as an example // Journal of the Intellectual Property Court. 2021. No. 32. pp. 34-45.
19. Shcherbakov M.G. Problems of legal regulation of the transformation of the legal status of artificial intelligence: problem statement // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2019. No. 3. pp. 73-82.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_368

КОЛЛИЗИЯ НОРМ ТРУДОВОГО И КОНКУРСНОГО ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ БАНКРОТСТВЕ РАБОТОДАТЕЛЯ
THE COLLISION BETWEEN LABOR LAW AND INSOLVENCY LAW IN EMPLOYER BANKRUPTCY

ЛИЛИЦКИЙ Герман Юрьевич,
Аспирант Академии труда и социальных отношений (АТиСО).
119454, Россия, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 90.
E-mail: german74lilitskiy@mail.ru
LILITSKY German Yurievich,
Postgraduate student at the Academy of Labor and Social Relations (ATiSO).
90 Lobachevsky St., Moscow, 119454, Russia.
E-mail: german74lilitskiy@mail.ru

***Краткая аннотация**: в настоящей статье исследуются коллизии норм трудового и конкурсного права в регулировании трудовых отношений при банкротстве работодателя, а также выявляются структурные причины расхождения между гарантиями трудового права и механизмами конкурсного регулирования. В результате проведенного анализа установлено, что ключевые проблемы российской модели защиты работников в рамках процедуры несостоятельности обусловлены сочетанием нормативных пробелов, асимметрии статуса работников и отсутствием эффективных компенсаторных механизмов, предусмотренных международными стандартами. В качестве ключевого вывода сформулирован тезис о необходимости последовательного и комплексного реформирования трудового и конкурсного законодательства, в т. ч. посредством снижения порога задолженности для обращения в суд, наделения профсоюзов дополнительными процессуальными правами, создания механизмов предварительного резервирования выплат и введения систем мониторинга организаций с признаками финансовой нестабильности.*

***Abstract**: This article examines the conflicts between labour law and insolvency law governing employment relations in employer bankruptcy and identifies the structural causes underlying the divergence between labour-law guarantees and insolvency mechanisms. The analysis shows that the core deficiencies of the Russian framework stem from regulatory gaps, the asymmetric procedural status of employees, and the absence of effective compensatory mechanisms consistent with international standards. The article argues that meaningful protection of employees in employer insolvency requires a coordinated reform of labour and insolvency legislation. Priority measures include reducing the minimum arrears threshold for filing, expanding procedural rights of trade unions, introducing mandatory wage-reserve mechanisms, and establishing monitoring systems for financially distressed entities.*

***Ключевые слова**: несостоятельность (банкротство), защита трудовых прав, общее собрание кредиторов, трудовое право, конкурсное право, обеспечение баланса частноправовых и публично-правовых интересов, несостоятельность (банкротство) работодателя, коллизии трудового и конкурсного права, альтернативные гарантии прав работников, развитие институтов представительства работников, гарантийные фонды заработной платы.*

***Key words**: insolvency (bankruptcy), protection of labour rights, general meeting of creditors, labour law, insolvency law, balancing private and public law interests, employer insolvency (bankruptcy), conflicts between labour and insolvency law, alternative guarantees of workers' rights, development of worker representation institutions, wage guarantee funds.*

***Для цитирования**: Лилицкий Г.Ю. Коллизия норм трудового и конкурсного права в регулировании трудовых отношений при банкротстве работодателя // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 368-374. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_368.*

***For citation**: Lilitsky G.Yu. Conflict of labor and competition law norms in the regulation of labor relations in case of employer bankruptcy // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 368-374. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_368.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026

Современная нормативная модель регулирования трудовых отношений в условиях несостоятельности работодателя раскрывает сложную правовую конструкцию, в которой сталкиваются две самостоятельные и во многом конкурирующие отраслевые логики – трудовая и конкурсная. Как справедливо отмечает Р. И. Пронин, вопросы соотношения норм трудового и конкурсного права в рамках процедуры несостоятельности (банкротства, здесь и далее – употр. как синонимы) работодателя остаются одними из наиболее сложных и недостаточно исследованных в российской правовой доктрине [19]. По словам самого автора: «В течение длительного времени ученые и практики исследуют организационные, юридические, экономические, финансовые аспекты банкротства. Вместе с тем некоторые вопросы до сих пор остаются недостаточно изученными. В первую очередь это касается проблемы обеспечения социальных прав и гарантий работников несостоятельных организаций» [19].

В то же время, как отмечает Р. И. Пронин, практика демонстрирует парадоксальную картину: персонал организации или работники физического лица, как правило непричастные к формированию кризисной ситуации, несут на себе основной объем негативных последствий, связанных с задержкой выплат, утратой дохода, рисками прекращения трудовых отношений и отсутствием эффективных механизмов социальной поддержки. При этом система государственной поддержки работников в условиях банкротства работодателя остается несовершенной. Так, по мнению автора, до настоящего времени не решены многие социальные аспекты антикризисного управления на уровне организации, не изучены факторы, влияющие на ухудшение уровня социальной защиты работников в рамках процедуры несостоятельности, а также «не определены источники финансирования мероприятий по социальной защите», что определяет особую значимость социальных проблем, сопровождающих процедуру банкротства работодателя [19]. В частности, как справедливо замечает В. В. Оленич, в результате вовлечения хозяйственных субъектов (организаций и индивидуальных предпринимателей) в процедуры банкротства в противостояние вступают базовые принципы трудового и конкурсного права [18].

С одной стороны, трудовые гарантии работника в Российской Федерации (далее – РФ) основываются на признании работника экономически слабой и наиболее уязвимой стороной трудовых правоотношений, что находит отражение в содержании норм, предусмотренных ст. 7 и 37 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) [2], а также положениях Главы 2 Трудового Кодекса Российской Федерации

(далее – ТК РФ) [4]. Так, положения ч. 2 ст. 7 Конституции РФ гарантируют охрану труда, контроль за минимальным размером заработной платы (МРОТ), а также развитие системы социальных служб, государственных пенсий, пособий и иных механизмов социальной защиты, в то время как ст. 37 Конституции РФ закрепляет право свободного распоряжения способностями к труду, выбора рода деятельности и профессии, запрещает принудительный труд, гарантирует право на его вознаграждение и отдых от труда, признает право работника на индивидуальные и коллективные трудовые споры [2]. В свою очередь, положения ст. 21 – 22 ТК РФ детализируют содержание прав и обязанностей работника и работодателя, в т. ч. гарантируя первому полную достоверную информацию, право на отдых и достойные условия труда, выплату заработной платы своевременно и в полном объеме, право на создание профессиональных союзов и защиту его трудовых прав [4], что подчеркивает безусловный характер соответствующих конституционных гарантий. Следовательно, в совокупности конституционные гарантии и положения трудового законодательства направлены на обеспечение достойных условий труда и потенциальное ограничение различных форм злоупотребления со стороны работодателя.

В то же время, с другой стороны, как справедливо отмечают Б. В. Варфоломеев и Л. В. Масленникова, основной целью процедуры несостоятельности выступает распределение конкурсной массы на началах соблюдения строгой очередности, пропорционального удовлетворения требований кредиторов и процессуальных ограничений, способствующих реализации восстановительных процедур, влекущих либо к восстановлению платежеспособности должника, либо – к исключению из гражданского оборота «проблемного» хозяйствующего субъекта [9]. В результате именно пропорциональный характер удовлетворения требований кредиторов в очередности, предусмотренной ст. 134 Федерального закона №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. (далее – ФЗ №127 «О банкротстве») [5], по мнению В. В. Оленич и Е. С. Юловой, влечет за собой нарушение права работника на выплату вознаграждения своевременно и в полном объеме [18; 22]. Так, по словам Е. С. Юловой: «Банкротство работодателя достаточно часто влечет нарушение права работников на вознаграждение за труд, предусмотренного ст. 37 Конституции Российской Федерации» [22]. Следовательно, по мнению широкого круга исследователей, нарушение трудовых прав работников при банкротстве работодателя не является частным хозяйственным риском одной из сторон правоотношения, а представляет собой проблему публичного характера, затрагивающую стабильность гражданского оборота и конституционные гарантии граждан [12].

При этом, как указывает И. Н. Цаль, соответствующая коллизия, во многом, определяется осознанным подходом к обеспечению баланса трудового и конкурсного законодательства, избранного с ратификацией Россией в 2012 г. Конвенции Международной организации труда № 173 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности работодателя» 1992 г. (далее – Конвенция МОТ №173 «О защите требований работников») [1]. Соответствующая Конвенция предусматривает два альтернативных механизма обеспечения социальных прав и гарантий работников в случае несостоятельности работодателя:

- первый механизм предусматривает установление приоритета удовлетворения требований работников должника перед требованиями всех непривилегированных и большинства привилегированных кредиторов (в соответствии с положениями ст. 5 и 8 Конвенции МОТ №173 «О защите требований работников») [1];
- в свою очередь второй механизм предполагает создание специальных гарантийных фондов и учреждений, либо передачу полномочий по обеспечению выплат работников должника страховым компаниям (в соответствии с положениями ст. 10 – 11 Конвенции МОТ №173 «О защите требований работников») [1].

В соответствии со ст. 3 Конвенции МОТ №173 «О защите требований работников», при ратификации каждое государство выбирает одну из представленных опций на свое усмотрение. По словам самого И. Н. Цаля: «К сожалению, Российская Федерация выбрала только первый, менее эффективный вариант», закрепив в уже упомянутых положениях ст. 134 ФЗ №127 «О банкротстве» [5] привилегированный характер удовлетворения требований работников [21]. При этом в российской модели отсутствуют гарантийные фонды, страховые механизмы и системы резервирования выплат, долгое время применяемые в зарубежных правопорядках стран-подписантов Конвенции МОТ №173 «О защите требований работников». По мнению широкого круга отечественных авторов, (в т. ч. О. С. Глазковой, А. С. Игнатенко, Р. И. Пронина, В. А. Сафонова, М. А. Байгирева, Е. С. Юловой и И. Н. Цаля), указанная особенность существенным образом ограничивает реальную эффективность защиты работников при банкротстве и делает их положение уязвимым в случаях, когда конкурсной массы недостаточно для погашения задолженности [11; 13; 19; 20; 21; 23].

В результате именно в этой точке «схождения» трудовых гарантий и преимущественно конкурсных механизмов удовлетворения обязательств кредиторов себя обнаруживает одна из важнейших проблем – коллизия норм трудового и конкурсного права по вопросам определения статуса и места требований работника в рамках процедуры несостоятельности работодателя. Практическое столкновение трудовой и конкурсной логики особенно отчетливо проявляется при определении правового статуса работника в деле о банкротстве. Формально, как подчеркивает В. В. Оленич, наличие неисполненного обязательства по уплате заработной платы или выходного пособия в силу положений ст. 2 ФЗ №127 «О банкротстве» относит работника к числу кредиторов должника [5]. Однако уже на следующем этапе законодатель отходит от этой логики, т. к. в соответствии с формулировкой, предусмотренной ч. 2 ст. 4 ст. 2 ФЗ №127 «О банкротстве», обязательства по оплате труда и выплате трудовых пособий не учитываются при определении признаков несостоятельности, в отличие от задолженностей по оплате работ и услуг в рамках соответствующих гражданско-правовых отношений [5]. Тем самым работники оказываются исключены из круга конкурсных кредиторов при установлении самого факта неплатежеспособности – ключевого основания для возбуждения процедуры.

При этом в силу положений ч. 2 ст. 3, ч. 1 ст. 7 и ч. 2 ст. 213.3 ФЗ №127 «О банкротстве», право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании работодателя банкротом возникает лишь при по прошествии трех месяцев с даты открытия задолженности по выплате

выходных пособий, оплате труда и другим выплатам, причитающимся работнику (или бывшему работнику), т. к. именно трехмесячный срок, по логике законодательства, сигнализирует о неспособности должника (физического или юридического лица) удовлетворить соответствующие денежные обязательства [5]. По справедливому замечанию И. Н. Цаля в течение трех месяцев с даты открытия задолженности по выплатам материальное положение работника и его семьи может существенным образом ухудшиться что не соответствует трудовым и социальным гарантиям [21], предусмотренным ст. 7 и 37 Конституции РФ [2]. В результате, как отмечает Р. И. Пронин: «При самых положительных исходах конкурсного управления работники организации получат соразмерные выплаты в равных долях со всеми остальными кредиторами» [19].

В то же время, по мнению Е. Н. Никитина и Р. И. Пронина, привилегированная позиция работников в очередности удовлетворения требований кредиторов, не может существенным образом «амортизировать» вышеозначенные проблемы соблюдения трудовых и социальных гарантий [17; 19]. Несмотря на то, что в силу положений ст. 134 ФЗ №127 «О банкротстве» требования об оплате труда и выплате выходных пособий в пользу лиц, работающих или работавших (после даты принятия заявления о признании должника банкротом) по трудовому договору, удовлетворяются во вторую очередь (после внеочередных преимущественных требований по текущим платежам и обязательствам по причинению вреда жизни или здоровью, а также после первой очереди по платежам, связанным с расходами по делу о банкротстве), привилегированность обязательств перед работниками несостоятельного лица не гарантирует фактического полного восстановления прав в условиях недостаточной конкурсной массы [5]. В частности, как отмечают Е. Н. Никитин и Р. И. Пронин, законодатель действительно выделяет требования работников в особую категорию, обеспечивая их удовлетворение сразу после обязательств по возмещению вреда жизни и здоровью, однако сама логика конкурсного распределения, основанная на пропорциональности при недостаточности средств, делает объем удовлетворения таких требований зависимым от размера конкурсной массы, статуса требований других кредиторов и квалификации самих требований как реестровых или текущих [17; 19]. Авторы подчеркивают, что на практике требования работников зачастую удовлетворяются частично или не удовлетворяются вовсе, что прямо затрагивает сущностное содержание конституционной гарантии вознаграждения за труд.

Еще более показательна ситуация работников, продолжающих трудовую деятельность в период конкурсного производства. В частности, в соответствии с замечанием И. Р. Пронина, при оплате труда работников, продолжающих осуществлять деятельность по трудовому договору с лицом, в отношении которого инициирована процедура банкротства, конкурсный управляющий обязан производить все предусмотренные законом удержания и платежи, но при этом статус их требований о заработной плате по смыслу положений ст. 134 ФЗ №127 «О банкротстве» приобретает характер текущих платежей [5], что ставит их в положение конкуренции с обязательствами должника, возникшими в ходе процедуры [19]. Возникает противоречие между системной задачей сохранения минимальных гарантий работников и необходимостью финансирования собственно конкурсного процесса, включая оплату услуг управляющего, расходы на инвентаризацию, хранение и реализацию имущества. В результате, по мнению И. Р. Пронина, отдавая приоритет операционному функционированию конкурсной процедуры, законодатель неизбежно ограничивает степень защиты трудовых прав, что осложняет коллизии норм трудового и конкурсного права [19].

Проблема обостряется ввиду отсутствия у работников реального влияния на собрание кредиторов, т. к., в соответствии со ст. 12 ФЗ №127 «О банкротстве», представители работника участвуют в собрании кредиторов без права голоса [5]. Как указывает В. В. Оленич, такая конструкция лишает работников возможности воздействовать на решения, напрямую затрагивающие их имущественное и трудовое положение, включая вопросы утверждения кандидатуры арбитражного управляющего, порядка формирования конкурсной массы, очередности реализации имущества и условий мирового соглашения [18]. При этом особую сложность представляет сам вопрос представительства работников в деле о банкротстве – так, с одной стороны, в силу положений ст. 29 ТК РФ работники могут быть представлены профессиональными союзами или иными избранными представителями, но с другой – отсутствие прямого регулирования процедуры избрания представителя работников в конкурсном процессе приводит к неопределенности статуса такого лица [4]. В научной литературе (например, в работах В. В. Оленич, Л. В. Масленникова, А. И. Станишевский) [16; 18] и судебной практике (см., например, Определение Арбитражного суда Мурманской области по делу №А42-3945/2009 от 02.03.2010 г.) наблюдается устойчивый подход, в соответствии с которым, представителем работников может выступать избранный на собрании представитель, выбор которого подтвержден протоколом общего собрания работников [8].

Однако, строго говоря, фактическое отсутствие прямой законодательной регламентации данного механизма создает риск оспаривания полномочий представителя, что способно парализовать участие работников в ключевых этапах конкурсного процесса. Наконец, наиболее сложным остается положение работников в случае возбуждения дела о несостоятельности физического лица-работодателя, поскольку именно оно наиболее отчетливо демонстрирует нормативную асимметрию в регулировании трудовых отношений при банкротстве работодателя и обнажает глубокую структурную неполноту действующей модели защиты трудовых прав. Как справедливо подчеркивают В. В. Оленич и Е. С. Юлова, на сегодняшний день отсутствуют специальные правовые нормы, предназначенные для защиты работников в случае возбуждения дела о несостоятельности индивидуального предпринимателя [18; 23].

Так, право работников юридического лица на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании работодателя банкротом прямо вытекает из положений ч. 1 ст. 7 и ч. 1 ст. 11 ФЗ №127 «О банкротстве», что обеспечивает процессуальный механизм, позволяющий работникам инициировать процедуру несостоятельности на ранней стадии, обеспечивая сохранение имущества должника и повышая вероятность удовлетворения их требований [5]. Однако при банкротстве физического лица аналогичный механизм отсутствует, т. к. ст. 213.3 ФЗ №127 «О банкротстве» не относит работников к субъектам, наделенным правом на подачу заявления о признании должника-гражданина банкротом (в отличии от собственно должника, конкурсного кредитора или уполномоченного органа), а среди признаков банкротства граждан, предусмотренных ст. 213.4 ФЗ №127 «О банкротстве», отсутствует неспособность исполнить обязательства по оплате труда [5]. Соответствующий законодатель-

ный пробел приводит к тому, что работники должников – физических лиц оказываются в объективно более уязвимом положении, чем персонал юридических лиц, в отношении которых инициирована процедура банкротства.

В частности, законодатель обосновывает подобный нормативный дисбаланс необходимостью обеспечения справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и конституционными правами должника-гражданина – в частности, данный подход закреплен в п. 39 Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации №45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» от 13.10.2015 г., в котором подчеркивается приоритет защиты личных прав физического лица в процедурах банкротства [6]. Однако по мнению Е. С. Юловой, такая логика не устраняет структурной асимметрии в вопросах защиты работников [22], т. к. предоставление различного объема процессуальных возможностей в зависимости от того, является ли работодатель юридическим или физическим лицом, фактически отступает от принципа защиты экономически более слабой стороны трудового отношения, закрепленного на уровне соответствующих положений ст. 2 и 37 Конституции РФ [2] и Главы 2 ТК РФ [4]. Работник не может предвидеть различия в объеме своих гарантий в зависимости от правового статуса работодателя, а потому возникающая дифференциация приводит к существенному снижению уровня защиты его прав и обеспечения требований при банкротстве работодателя-гражданина, что требует корректировки, как с точки зрения логики конкурсного регулирования, так и с позиции конституционных стандартов социальной защиты.

Таким образом, проблематика защиты трудовых прав в условиях несостоятельности достигает наибольшей остроты в тех ситуациях, когда работник сталкивается одновременно с ограничениями конкурсного режима и отсутствием эффективных компенсаторных механизмов трудового права. Именно в этой «точке пересечения» проявляется структурная слабость существующей модели – так, с одной стороны, трудовое законодательство закрепляет высокий стандарт гарантий защиты трудовых прав работников, тогда как, с другой, нормы конкурсного права (в частности, положения ст. 3, 7, 134, 213.3 и 213.4 ФЗ №127 «О банкротстве»), ориентированные на пропорциональное удовлетворение требований кредиторов одной очереди, объективно ограничивает возможности приоритетного восстановления нарушенных прав работников [5]. Подавляющим большинством исследователей соответствующая двойственность рассматривается как фактор, требующий разработки альтернативных гарантий, дополнительных способов и системных решений по преодолению ключевых коллизий норм трудового и конкурсного права при регулировании трудовых отношений в рамках банкротстве работодателя.

В частности, в свете означенной выше проблемы несбалансированности прав работников физического и юридического лица, в отношении которых инициирована процедура несостоятельности, представляется обоснованным сформулированное Е. С. Юловой предложение о необходимости расширения круга лиц, имеющих право инициировать заявление о признании банкротом работодателя-физического лица, включив в предусмотренный ст. 213.3 ФЗ №127 «О банкротстве» круг заявителей категории «работника или бывшего работника должника, имеющих требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда» [5]. В свою очередь, ст. 213.4 ФЗ №127 «О банкротстве» предлагается дополнить, включив в текст нормы в качестве полноценного основания для установления факта неплатежеспособности и возбуждения процедуры несостоятельности обстоятельства наличие неисполненного обязательства по уплате заработной платы или выходного пособия по прошествии трех месяцев с даты открытия задолженности [5]. Представляется, что соответствующая корректировка обеспечит устранение выявленной диспропорции и приведет законодательство в соответствие с социальными и трудовыми гарантиями, предусмотренными положениями ст. 7 и 32 Конституции РФ [2]. Более того, такая мера имеет и функциональную направленность, т. к. своевременное возбуждение дела о несостоятельности в отношении работодателя-гражданина позволит предотвратить утрату имущества, обеспечить прозрачность расчетов и минимизировать социальные последствия неплатежеспособности, что полностью соответствует целям законодательства о банкротстве.

Кроме того, отдельного внимания заслуживает предложение И. Н. Цаля о снижении минимального срока задолженности по заработной плате, необходимого для обращения работника в суд с заявлением о признании работодателя банкротом (безотносительно к тому, является ли работодатель юридическим лицом или ИП). В частности, по словам автора, «кажется излишней необходимость образования задолженности по причитающимся выплатам в течение трех месяцев для появления у работников права на обращение в суд с указанным заявлением» [21]. И. Н. Цаль также указывает на то, что установленный в настоящее время трехмесячный срок не согласуется с уголовно-правовой оценкой невыплаты заработной платы свыше двух месяцев, предусмотренной ч. 2 ст. 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3]. Более того, как отмечалось ранее по тексту настоящей статьи, столь длительное ожидание лишь усугубляет материальное положение работника, вступая в противоречие с принципами социального государства. В результате представляется, что снижение порога до двух месяцев или установление иного сокращенного срока обеспечит соответствие механизма защиты трудовых прав реальной природе трудовых отношений, в рамках которых заработная плата является основным источником существования работника и его семьи.

Также предлагается рассмотреть предложения по развитию институтов представительства работников в процедуре банкротства, укреплению их процессуальных возможностей и выравниванию дисбаланса между работниками и иными участниками отношений в сфере несостоятельности. Так, несмотря на признание работников кредиторами по смыслу положений ст. 2 ФЗ №127 «О банкротстве», их представитель крайне ограничен в возможностях повлиять на ход конкурсного процесса, ведь участие в собрании кредиторов без права голоса не позволяет эффективно защищать интересы коллектива работников [5]. В этом свете В. В. Оленич обоснованно указывает на необходимость включения представителей работников в состав конкурсных кредиторов с предоставлением реального права голоса. В частности, по словам самого автора: «Данная мера позволит представителю работников напрямую влиять на принимаемые решения на общем собрании кредиторов» [18]. При этом важно отметить, что в качестве представителя должен выступать выбранный трудовым коллективом субъект, а не только профсоюз, поскольку, как справедливо подчеркивает И. Н Цаль, создание профсоюзной организации выступает опцией и правом трудового коллектива, а не его обя-

занностью [21].

Как отмечалось ранее по тексту настоящей статьи, судебная практика уже подтверждает допустимость подобного подхода, признавая полномочия избранных представителей на основании протоколов общего собрания работников. Представляется, что укрепление института представительства обеспечило бы работникам возможность участвовать в определении ключевых решений, связанных с распоряжением конкурсной массой, заключением мировых соглашений и структурой удовлетворения требований. Кроме того, придание представителю работников полноценного процессуального статуса, основанного на наделении трудового коллектива правом избирать своего представителя из числа работников должника, соответствует как логике ст. 29 ТК РФ, так и лежащим в основе законодательстве о банкротстве принципам соблюдения справедливого баланса интересов [4]. Такая модель укрепила бы институциональную субъектность работников и позволила бы нейтрализовать риски принятия решений, игнорирующих социальные последствия процедуры несостоятельности работодателя.

В то же время значимым шагом на пути к совершенствованию соответствующей модели можно назвать расширение роли профсоюзов как коллективных представителей интересов работников. Так, И. Н. Цаль отмечает, что предоставление профсоюзам права на подачу заявления о признании работодателя банкротом будет логическим продолжением их конституционной функции по защите трудовых прав, т. к. профсоюзные организации обладают необходимой компетенцией, информационными ресурсами и институциональной устойчивостью, что делает их потенциально эффективными субъектами раннего реагирования на случаи систематической невыплаты заработной платы [21]. Внесение соответствующих изменений в положения п. 1 ст. 7 ФЗ №127 «О банкротстве», предусматривающих право профсоюза инициировать дело о несостоятельности при наличии задолженности по перечислению профсоюзных взносов или иных обязательных удержаний из заработной платы, усилило бы коллективные механизмы контроля за добросовестностью работодателя и повысило уровень превентивной защиты работников [5]. Представляется, что совместное развитие механизмов индивидуального и коллективного представительства способствует созданию целостной системы, исключающей ситуацию, при которой коллектив работников формально представлен в процедуре банкротства, но фактически лишен возможности влиять на решения, непосредственно затрагивающие его экономические интересы.

В то же время, как отмечалось ранее при анализе российского подхода к обеспечению гарантий, предусмотренных Конвенцией МОТ №173 «О защите требований работников», серьезной проблемой в части соотношения норм трудового и конкурсного права в рамках процедуры несостоятельности, по мнению широкого круга российский исследователей [1], остается отсутствие предусмотренных положениями ст. 5 и 8 Конвенции компенсационных механизмов, обеспечивающих возмещение заработной платы в случаях, когда конкурсной массы недостаточно даже для выплат по первой очереди [1]. Российская практика пока ограничивается признанием привилегированного статуса требований работников, однако эта привилегия фактически теряет значение в ситуациях, когда в конкурсной массе отсутствуют достаточные средства. Так, концепция создания «гарантийного фонда по выплате заработной платы в несостоятельной организации» (изначально предложенная предположительно В. А. Сафоновым и М. А. Байгиреевым и развитая в исследованиях О. С. Глазковой, А. С. Игнатенко, Р. И. Пронина, И. Н. Цаля и Е. С. Юловой) [11, 13, 19, 20, 21, 22, 23] опирается на идею необходимости перенести акцент защиты с конкурсной массы на заранее сформированный пул средств, аккумулируемый предпринимательским сообществом или страховыми организациями в рамках государственного регулирования.

Как отмечают в своих исследованиях И. Н. Цаль, А. С. Игнатенко и О. С. Глазкова, опыт Федеративной Республики Германия, Бельгии, Франции и Финляндии демонстрирует высокую степень эффективности таких моделей (например, существующий в ФРГ с 1974 г. Гарантийный фонд защиты от банкротства, финансируемый за счет страховых отчислений, компенсирует работникам недополученные суммы вне зависимости от объема конкурсной массы и обеспечивает сохранение дохода при сокращении рабочего времени в кризисный период) [11, 13, 21]. Опираясь на зарубежные решения, в отечественной доктрине сформировались некоторые более осторожные и экономически-адаптированные предложения. Например, И. Н. Цаль предлагает использовать модель обязательных эскроу-счетов, на которые работодатель вносит сумму, достаточную для покрытия как минимум трехмесячных выплат, что согласуется с периодом, в течение которого формируется задолженность, служащая признаком банкротства [21]. Автор также указывает возможные механизмы определения минимального объема обеспечения, в т. ч. через вычисление суммы исходя из количества штатных единиц, умноженного на минимальный размер оплаты труда, либо установление половины фонда оплаты труда с последующим умножением на трехмесячный коэффициент. Представляется, что такой механизм не только позволил бы обеспечить стабильность материального положения работников, но и способствовал бы созданию дополнительного инструмента мониторинга финансового состояния организации, поскольку отклонения от установленного минимального остатка автоматически сигнализировали бы о кризисе.

Наконец, завершает систему альтернативных гарантий, дополнительных способов и системных решений по преодолению ключевых коллизий норм трудового и конкурсного права в рамках процедуры банкротства предлагаемая Р. И. Прониным идея создания реестра организаций с признаками финансовой нестабильности, позволяющего государственным структурам и социальным партнерам выявлять проблемы на ранней стадии. Как отмечает сам Р. И. Пронин, проблемы невыплаты заработной платы в несостоятельных организациях требуют разработки инструментов раннего выявления финансовых нарушений, позволяющих не допустить ухода предприятия в глубокую стадию неплатежеспособности. Автор предполагает, что создание реестра организаций, допускающих задолженность по заработной плате свыше двух месяцев (т. е. двух третей от установленного законом срока просрочки расчета по обязательствам, свидетельствующего о наличии признаков несостоятельности), представляет собой эффективный элемент антикризисного управления. По задумке Р. И. Пронина такой реестр призван не только фиксировать сам факт задолженности, но и предоставлять структурированную информацию о динамике фонда оплаты труда, степени риска возникновения банкротства, длительности задержек и причинах их возникновения [19]. Представляется, что введение систематического контроля позволяет превратить реагирование на нарушения трудовых прав из сугубо ретроспективного в профилактическое.

По итогам проведенного исследования к рассмотрению предлагаются следующие выводы, вытекающие из анализа нормативной базы, судебной практики и доктринальных подходов к соотношению трудового и конкурсного права в регулировании трудовых отношений при банкротстве работодателя.

Сделан вывод о том, что причины коллизии норм трудового и конкурсного права при банкротстве работодателя обусловлены внутренними противоречиями двух отраслевых моделей регулирования. Трудовое право исходит из необходимости защиты экономически слабой стороны правоотношения и закрепляет широкий перечень гарантий своевременной и полной оплаты труда. В свою очередь конкурсное право, опираясь на принципы пропорционального удовлетворения требований, очередности и высокой степени формализации процедур, фактически ограничивает действие трудовых гарантий при недостаточности конкурсной массы. Наиболее отчетливо указанное противоречие проявляется в определении статуса работника как кредитора, исключении его требований при установлении признаков несостоятельности и отсутствии у работников работодателей-граждан права на инициирование процедуры банкротства. Таким образом, коллизия норм обусловлена не техническими ошибками, а различной правовой природой соответствующих институтов и их функциональным назначением.

Анализ предложенных способов и системных решений демонстрирует, что устранение выявленных коллизий возможно через комплексное совершенствование процессуальных и материальных механизмов защиты работников. В числе ключевых направлений рассматриваются следующие альтернативные гарантии и системные решения по преодолению ключевых коллизий норм трудового и конкурсного права при регулировании трудовых отношений в рамках банкротстве работодателя:

1. упрощение порядка обращения работников с заявлением о признании работодателя банкротом и снижение минимального порога задолженности по заработной плате (в т. ч. посредством корректировки соответствующих положений ст. 3, 7, 213.3 и 213.4 ФЗ №127 «О банкротстве»);
2. развитие институтов представительства работников и участие профсоюзов для целей обеспечения реального влияния работников на решения собрания кредиторов (путем включения представителей работников в состав конкурсных кредиторов с правом голоса, нормативной детализации порядка избрания представителя трудового коллектива и предоставления профсоюзам самостоятельного права на обращение в суд с заявлением о банкротстве работодателя);
3. внедрение гарантийных фондов, обязательных резервов или иных институтов предварительного сохранения средств работодателя (например, посредством учреждения соответствующих эскроу-счетов), обеспечивающих выплаты в случае инициирования процедуры несостоятельности независимо от объема конкурсной массы;
4. формирование единого государственного реестра организаций с признаками финансовой нестабильности для систематического мониторинга соблюдения работодателем обязательств по оплате труда и выявления рисков неплатежеспособности.

Из результатов проведенного анализа следует, что наиболее эффективные изменения в сфере социальной защиты работников в условиях несостоятельности работодателя возможны лишь при стратегически-направленном комплексном изменении трудового и конкурсного законодательства. Речь идет не о декларативной гармонизации правовых режимов, а о формировании связанной модели, где предложенные меры (в т. ч. расширение процессуальных прав работников, введение гарантийных фондов и обязательных резервов, создание системы мониторинга «кризисных организаций» и нормативное закрепление роли профсоюзов) применяются не изолированно, а в качестве элементов единого механизма предупреждения и компенсации нарушений трудовых прав.

Представляется, что только такая модель позволит устранить диспропорции между статусом работников юридических и физических лиц, обеспечить предсказуемость правового регулирования и создать систему, в которой защита работника не зависит от характеристик конкурсной массы, платежеспособности должника или формальных ограничений процессуального характера. Только комплексная корректировка ключевых положений норм ФЗ №127 «О банкротстве» и ТК РФ способна обеспечить соответствие российской правовой модели международным стандартам и конституционным принципам социального государства.

Список литературы

1. Конвенция Международной организации труда № 173 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности работодателя» (Принята на 79-ой сессии Генеральной конференции МОТ в г. Женеве 23.06.1992 г.) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 10.11.2025).
2. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 10.11.2025).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации №63-ФЗ от 13.06.1996 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 10.11.2025).
4. Трудовой кодекс Российской Федерации №197-ФЗ от 30.12.2001 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 10.11.2025).
5. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» №127-ФЗ от 26.10.2002 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 10.11.2025).
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации №16-П «По делу о проверке конституционности статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго части первой статьи 327.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Б. Сергеева» от 11.04.2023 г. // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 10.11.2025).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» от 13.10.2015 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ (Дата обращения: 10.11.2025).
8. Определение Арбитражного суда Мурманской области по делу №А42-3945/2009 от 02.03.2010 г. // СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. URL: http:// base.garant.ru (Дата обращения: 10.11.2025).
9. Варфоломеев Б. В., Масленникова Л. В. Тенденции развития института несостоятельности (банкротства) // Власть Закона. – 2021. – № 2 (46). – С. 167 – 179.
10. Волков М.В. Проблема применения ст. 236 ТК РФ в условиях банкротства работодателя // Право и экономика. – М., 2018. – № 3(20). – С. 83 – 85.

11. Глазкова О. С. Защита требований работников при несостоятельности (банкротстве) работодателя в России и зарубежных странах // Вестник науки. – 2024. – № 11 (80). – С. 403 – 418.
12. Еременко В. Г., Койда О. И. Стабильность гражданского оборота против защиты участников юридических лиц // Корпоративный юрист. – 2024. – № 4. – С. 50 – 55.
13. Игнатенко А. С. Защита прав работников на пенсионное обеспечение в случае банкротства работодателя: мировой опыт и особенности его внедрения в России // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 85 – 90.
14. Игнатенко А. С. Защита требований работников при несостоятельности работодателя: анализ мирового опыта и его возможное использование в России // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – № 3. – С. 171 – 175
15. Масленникова Л. В., Сердюкова В. С. Проблема защиты прав работников и бывших работников при несостоятельности (банкротстве) организаций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 5. – С. 153 – 156.
16. Масленникова Л. В., Станишевский А. И. К вопросу об участии уполномоченного органа в деле о банкротстве // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 3. – С. 168 – 170.
17. Никитин Е. Н. Гарантии трудовых прав работников при банкротстве работодателя // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 5 (173). – С. 119 – 121.
18. Оленич В. В. Особенности правового положения работников в деле о несостоятельности (банкротстве) работодателя // Вестник экономики и права. – 2022. – № 71. – С. 144 – 149.
19. Пронин Р. И. Организация выплаты заработной платы при несостоятельности работодателя // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 9. – С. 61 – 64.
20. Сафонов В. А., Байгиреев М. А. Погашение задолженности по оплате труда при неплатежеспособности предприятия // Эффективное антикризисное управление. – 2005. – № 33. – С. 37 – 44.
21. Цаль И. Н. Альтернативные гарантии прав работников при банкротстве работодателя // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 7 (47). – С. 13 – 17.
22. Юлова Е. С. К вопросу об обеспечении конституционных прав работников при банкротстве работодателей - физических лиц // Вестник Университета мировых цивилизаций. – 2019. – № 1 (22). – С. 150 – 154.
23. Юлова Е.С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротстве): учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2017. – 413 с.
24. Юрьева Т. В., Пронин Р. И. Интересы персонала при несостоятельности работодателя и система их эффективной защиты // Статистика и экономика. – 2009. – № 3. – С. 43 – 47.

References

1. Convention of the International Labour Organization No. 173 "On the Protection of Workers' Claims in the Event of Employer's Insolvency" (Adopted at the 79th session of the ILO General Conference in Geneva on 23.06.1992) // SPS "ConsultantPlus". [electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru / (Date of request: 10.11.2025).
2. The Constitution of the Russian Federation (Adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the national vote on 07/01/2020) // SPS "ConsultantPlus". [electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru / (Date of request: 11/10/2025).
3. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 06/13/1996. (Latest edition) // SPS "ConsultantPlus". [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru / (Date of request: 10.11.2025).
4. The Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated 12/30/2001. (Latest edition) // SPS "ConsultantPlus". [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru / (Date of request: 11/10/2025).
5. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" No. 127-FZ dated 10/26/2002. (Latest edition) // SPS "ConsultantPlus". [electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru / (Date of request: 10.11.2025).
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P "On the case of checking the constitutionality of Article 236 of the Labor Code of the Russian Federation and paragraph two of the first part of Article 327.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.B. Sergeev" dated 04/11/2023 // SPS "ConsultantPlus". [electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru / (Date of request: 10.11.2025).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 45 "On certain issues related to the Enforcement of procedures applied in cases of insolvency (bankruptcy) of citizens" dated 13.10.2015. (Latest edition) // SPS "ConsultantPlus". [electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru / (Date of request: 11/10/2025).
8. Ruling of the Arbitration Court of the Murmansk region in case no. A42-3945/2009 dated 03/02/2010 // SPS "Garant". [electronic resource]. URL: http://base.garant.ru (Date of request: 10.11.2025).
9. Varfolomeev B. V., Maslennikova L. V. Trends in the development of the institute of insolvency (bankruptcy) // The Rule of Law. – 2021. – № 2 (46). – Pp. 167-179.
10. Volkov M.V. The problem of applying art. 236 of the Labor Code of the Russian Federation in the context of employer bankruptcy // Law and Economics. – M., 2018. – № 3(20). – Pp. 83-85.
11. Glazkova O. S. Protection of workers' claims in case of employer's insolvency (bankruptcy) in Russia and foreign countries // Bulletin of Science. – 2024. – № 11 (80). – Pp. 403-418.
12. Eremenko V. G., Koida O. I. Stability of civil turnover against protection of participants of legal entities // Corporate lawyer. – 2024. – No. 4. – pp. 50-55.
13. Ignatenko A. S. Protection of workers' rights to pension provision in case of employer bankruptcy: world experience and features of its implementation in Russia // Gaps in Russian legislation. Law Journal, 2015, No. 6, pp. 85-90.
14. Ignatenko A. S. Protection of workers' claims in case of employer's insolvency: an analysis of world experience and its possible use in Russia // Problems of economics and legal practice. 2015. No. 3. pp. 171-175
15. Maslennikova L. V., Serdyukova V. S. The problem of protecting the rights of employees and former employees in the event of insolvency (bankruptcy) of organizations // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2019. – No. 5. – pp. 153-156.
16. Maslennikova L. V., Stanishevsky A. I. On the issue of the participation of the authorized body in the bankruptcy case // Problems of economics and legal practice. – 2018. – No. 3. – pp. 168-170.
17. Nikitin E. N. Guarantees of labor rights of employees in case of bankruptcy of the employer // Law and the State: theory and practice. – 2019. – № 5 (173). – Pp. 119-121.
18. Olenich V. V. Features of the legal status of employees in the case of the employer's insolvency (bankruptcy) // Bulletin of Economics and Law. – 2022. – No. 71. – pp. 144-149.
19. Pronin R. I. Organization of payment of wages in case of employer's insolvency // Economic analysis: theory and practice. - 2010. – No. 9. – pp. 61-64.
20. Safonov V. A., Baigireev M. A. Repayment of wage arrears in case of enterprise insolvency // Effective anti-crisis management. 2005. No. 33. pp. 37-44.
21. Tsal I. N. Alternative guarantees of workers' rights in case of employer bankruptcy // Skif. Questions of student science. – 2020. – № 7 (47). – Pp. 13-17.
22. Yulova E. S. On the issue of ensuring the constitutional rights of employees in case of bankruptcy of individual employers // Bulletin of the University of World Civilizations. – 2019. – № 1 (22). – Pp. 150-154.
23. Yulova E.S. Legal regulation of insolvency (bankruptcy): Textbook and practical course for undergraduate and graduate studies. Moscow: Yurayt, 2017. 413 p.
24. Yuryeva T. V., Pronin R. I. Personnel interests in case of employer's insolvency and the system of their effective protection // Statistics and economics. - 2009. – No. 3. – pp. 43-47.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_375

ВЕЩНОЕ ПРАВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
PROPERTY LAW IN THE REPUBLIC OF BELARUS

РЫЖИК Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор кафедры РГАИС.
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а.
E-mail: aspirant8381@mail.ru

RYZHIK Andrey Vladimirovich
Doctor of Law, Professor departments of RGAIS.
55a Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russia.
E-mail: aspirant8381@mail.ru

Краткая аннотация: *Значимость исследования определяется необходимостью анализа института вещного права в Беларуси с точки зрения его структуры, содержания и применения на практике. Вещное право регулирует отношения собственности и ограниченные вещные права, обеспечивая юридическую определённость и защиту интересов участников оборота. Изучение современной правоприменительной практики позволяет выявить тенденции развития вещных прав и определить проблемные аспекты, требующие законодательного уточнения.*

Abstract: *The relevance of this study lies in the need to examine the institution of property law in Belarus in terms of its structure, content, and practical application. Property law governs ownership relations and limited property rights, ensuring legal certainty and protection of the parties' interests. Analysis of current law enforcement practice makes it possible to identify trends in the development of property rights and highlight areas requiring legislative clarification.*

Ключевые слова: *вещное право, собственность, ограниченные вещные права, правоприменение, защита прав, Республика Беларусь.*

Key words: *property law, ownership, limited property rights, law enforcement, rights protection, Republic of Belarus.*

Для цитирования*: Рыжик А.В. Вещное право в Республике Беларусь // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 375-377. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_375.*

For citation*: Ryzhik A.V. Property law in the Republic of Belarus // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 375-377. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_375.*

Статья поступила в редакцию: 15.02.2026

Вещное право Республики Беларусь занимает центральное место в системе гражданского права, обеспечивая юридическую определённость в вопросах владения, пользования и распоряжения имуществом. Институт собственности и ограниченных вещных прав представляет собой фундаментальное средство регулирования имущественных отношений, а также инструмент защиты прав участников оборота.

Е.Ю. Андреева утверждает: "современное вещное право сталкивается с необходимостью согласования традиционных институтов собственности с динамикой рыночных отношений"[1]. Такое наблюдение подтверждает актуальность анализа национальных норм и выявления пробелов, которые проявляются при практическом применении законодательства. Анализ Гражданского кодекса Республики Беларусь показывает, что система вещного права включает как права владения и распоряжения, так и институты ограниченных вещных прав, таких как сервитуты, ипотека и арендные права[2].

М. А. Астахова отмечает: "объект субъективного гражданского права должен рассматриваться не только как вещь, но и как носитель имущественного интереса, способный обеспечивать экономическую и юридическую ценность"[3]. Данное определение подчеркивает необходимость интеграции правового регулирования с социально-экономическими условиями, поскольку право собственности и связанные с ним права выполняют одновременно регулятивную и охранительную функции.

Судебная практика подтверждает сложность применения норм вещного права. Согласно данным Верховного суда Республики Беларусь, при рассмотрении споров о правах на недвижимое имущество и ограниченных вещных правах нередко возникают коллизии, требующие уточнения норм закона[4]. Е. А. Суханов подчеркивает: "эффективное регулирование вещных прав невозможно без анализа судебной практики, поскольку именно она выявляет пробелы в правовом регулировании и позволяет корректировать нормы"[5]. Это положение актуально для обеспечения правовой стабильности и защиты имущественных интересов субъектов.

Особое внимание в современной теории уделяется государственной регистрации недвижимого имущества. Закон Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» определяет порядок подтверждения и перехода прав собственности, обеспечивая публичность и прозрачность сделок[6]. С. Б. Матвийчук и О. В. Шелков отмечают: "государственная регистрация играет опережающую функцию, позволяя предотвратить споры и защитить права участников оборота"[7]. Данное мнение подкрепляется данными анализа судебной практики, где регистрация часто является ключевым доказательством законности владения или распоряжения недвижимостью[8].

«Применительно к семейному праву, регулирование общей совместной собственности супругов демонстрирует необходимость уточ-

[1] Андреева, Е. Ю. Проблемы оборота объектов гражданских прав в современной науке и юридической практике / Е. Ю. Андреева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2021. – № 131. – С. 248.
[2] Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.
[3] Астахова, М. А. Объект субъективного гражданского права : понятие и признаки / М. А. Астахова // Гражданское право. – 2016. – № 2. – С. 4.
[4] Верховный суд Республики Беларусь : Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL : https ://court.gov.by/ (дата обращения : 08.02.2026).
[5] Суханов, Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – Т. 1. Общая часть. – С. 351.
[6] О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним : Закон Республики Беларусь от 22 июля 2002 г., в ред. от 5 декабря 2024 г. № 44-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.
[7] Матвийчук, С.Б. Раздел общей совместной собственности супругов в брачно-семейном законодательстве Республики Беларусь / С.Б. Матвийчук, О.В. Шелков // Науч. тр. Академии управления при Президенте Республики Беларусь. 2018. Т. 20. С. 64.
[8] О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З : в ред. от 10 октября 2022 г. № 209-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

нения норм вещного права в контексте брачно-семейных отношений»[1].

Данное утверждение акцентирует внимание на узловом пересечении семейного и вещного права, выявляя пробелы в регулировании общей совместной собственности супругов. На практике недостаточная детализация норм гражданского законодательства относительно распределения прав на недвижимость в браке приводит к неопределенности при определении долей, оценке стоимости имущества и возможности распоряжения им без согласия второго супруга. Этот пробел порождает судебные споры и повышает риск фактической отмены или перераспределения права собственности, особенно когда имущество приобретено в период брака, но юридически оформлено на одного из супругов. Международный опыт, например в Германии и Австрии, предусматривает конкретные правила фиксации долей супругов в совместной собственности и обязательное участие нотариуса при распоряжении имуществом, что обеспечивает прозрачность и защиту интересов обеих сторон. Для Республики Беларусь такой подход может служить ориентиром для совершенствования правового регулирования, позволяя снизить конфликтность при разделе имущества и укрепить гарантии защиты имущественных прав супругов, повышая предсказуемость и стабильность гражданско-правовых отношений.

С. Н. Ховратова указывает: "раздел имущества супругов, включающего объекты недвижимости, часто вызывает споры из-за недостаточной конкретизации правовых норм и механизмов защиты прав каждого из супругов"[2].

Комментарий С. Н. Ховратовой подчеркивает системную проблему правового регулирования совместной собственности супругов на недвижимость в Республике Беларусь. На практике судебные разбирательства по разделу жилых домов и земельных участков демонстрируют, что отсутствие четких критериев определения долей и механизмов защиты каждого из супругов создает предпосылки для затяжных споров и возможной фактической отмены права собственности. Данный аспект особенно актуален в случаях, когда один из супругов действует в интересах третьих лиц или допускает распоряжение имуществом без согласия другого, что приводит к необходимости судебного вмешательства и применению норм гражданского процессуального кодекса для восстановления справедливости. В зарубежной практике, например во Франции и Канаде, законодательство предусматривает детальные положения о совместной собственности супругов с обязательным учетом долей каждого партнера и правовых последствий их распоряжения, что снижает вероятность споров и защищает имущественные интересы участников брака. Для белорусского законодательства подобные подходы могут служить примером для совершенствования нормативной базы, обеспечивая более сбалансированное распределение прав и обязанностей супругов, а также укрепляя защиту их имущественных интересов в рамках действующего законодательства.

В. Формакидов подтверждает: "жилищное право является частным компонентом вещного права и требует учета особенностей семейного имущества для эффективной защиты прав участников"[3].

Автор акцентирует необходимость комплексного подхода к регулированию жилищного права в контексте вещного права, где особое внимание уделяется соотношению личной собственности и совместного семейного имущества. В реальной практике споры о жилых помещениях нередко сопряжены с конфликтом интересов между супругами или родственниками, что делает стандартизированные нормы недостаточными для эффективной защиты всех участников правоотношений. Такой анализ подчеркивает значимость включения в законодательство четких критериев определения долей, правил распоряжения совместной собственностью и механизмов урегулирования конфликтных ситуаций. В международной практике, например в Германии и Австрии, законодательство о совместной собственности супругов предусматривает обязательное нотариальное оформление и детализированные процедуры раздела, что снижает риски отмены права собственности и повышает уровень правовой защищенности граждан. Для Беларуси адаптация подобных элементов могла бы способствовать гармонизации норм вещного и жилищного права, укреплению гарантий прав собственников и снижению правовой неопределенности в судебной практике.

Наряду с регулированием недвижимости, важную роль играют права на движимое имущество. Д. Н. Петров отмечает: "правовое закрепление движимых объектов должно обеспечивать баланс между охраной имущественных интересов и свободой оборота"[4].

Автор акцентирует необходимость выстраивания правового режима движимых объектов таким образом, чтобы одновременно обеспечивалась надежная защита имущественных интересов собственников и сохранялась возможность свободного экономического оборота. В условиях активного развития рыночных отношений чрезмерная жесткость регулирования может препятствовать эффективному использованию имущества, тогда как недостаточная защита прав собственников ведет к росту конфликтных ситуаций и юридической неопределенности. Опыт зарубежных правовых систем, в частности Германии и Франции, демонстрирует эффективность комплексного подхода, когда регистрационные и правовые процедуры устанавливаются с учетом экономических последствий и социальной значимости объектов. Для Республики Беларусь это указывает на необходимость совершенствования механизмов государственной регистрации движимого имущества, разработки методических рекомендаций для судов и органов контроля, а также уточнения норм гражданского законодательства для минимизации спорных ситуаций и предотвращения злоупотреблений, что создаст более устойчивую и предсказуемую правовую среду для всех участников оборота.

Э. Р. Фуштей обращает внимание, что "имущественные интересы в сфере движимого имущества становятся предметом активной правоприменительной практики, что требует постоянного мониторинга и корректировки законодательства"[5].

Замечание Э. Р. Фуштей подчеркивает динамичность правоприменительной практики в отношении движимого имущества и выявляет потребность в постоянной адаптации законодательных норм к реалиям современной экономики. На практике это проявляется в многочисленных

[1] Низамиева О. Н. Об опережающей функции семейно-правового договора // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 4. С. 53–64.
[2] Сокол, Ж. В. Основы правового регулирования имущества супругов в законодательстве Республики Беларусь и законодательстве Российской Федерации : сравнительно-правовой аспект // Закон и право. 2024. №12. С. 13.
[3] Формакидов, Д. А. Функции жилищного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 447.
[4] Петров, Д. Н. Объекты гражданских правоотношений : теоретико-правовой аспект [Электронный ресурс] / Д. Н. Петров. С. 11.
[5] Фуштей, Э.Р. Имущественные интересы в частном праве Республики Беларусь // Право и государство : теория и практика. 2024. № 8(236). С. 306.

спорах, связанных с переходом прав, залоговыми операциями и договорами хранения, где суды вынуждены учитывать, как формальные нормы гражданского законодательства, так и фактические обстоятельства конкретных правоотношений. Для Республики Беларусь данный аспект обозначает необходимость формирования системного мониторинга судебной практики и разработки методических рекомендаций, направленных на уточнение процедур и предотвращение правовой неопределенности. Опыт других государств, в частности Франции и Польши, показывает, что активная обратная связь между практикой и законодательством способствует снижению конфликтности в имущественной сфере и повышает эффективность защиты интересов собственников, создавая устойчивую правовую среду для оборота движимого имущества.

«Современные тенденции развития вещного права в Беларуси связаны с интеграцией национальных норм с международными стандартами и необходимостью гармонизации правовых институтов. Это позволяет обеспечить не только защиту прав субъектов, но и предсказуемость правоприменительной практики» [1]. При этом выявленные проблемы, такие как недостаточная конкретизация норм о совместной собственности, ограниченных вещных правах и государственной регистрации, требуют системного совершенствования, включающего уточнение законодательства и активное использование судебной практики для выработки единых подходов к применению норм.

Таким образом, вещное право в Республике Беларусь находится на этапе активного развития, что обусловлено как изменениями в экономической и социальной сферах, так и необходимостью повышения юридической определённости. Комплексное взаимодействие Гражданского кодекса, законодательства о регистрации имущества, судебной практики и научных разработок позволяет формировать устойчивую систему правового регулирования, способную адекватно реагировать на возникающие имущественные конфликты и обеспечивать защиту прав субъектов.

Список литературы

1. Андреева, Е. Ю. Проблемы оборота объектов гражданских прав в современной науке и юридической практике / Е. Ю. Андреева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2021. – № 131. – С. 245–255.

2. Астахова, М. А. Объект субъективного гражданского права : понятие и признаки / М. А. Астахова // Гражданское право. – 2016. – № 2. – С. 2–6.

3. Верховный суд Республики Беларусь : Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL : https ://court.gov.by/ (дата обращения : 08.02.2026).

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 284-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

6. Жилищный кодекс Республики Беларусь : 28 августа 2012 г. № 428-З, в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 ноября 2024 г. № 37-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

7. Матвийчук, С.Б. Раздел общей совместной собственности супругов в брачно-семейном законодательстве Республики Беларусь / С.Б. Матвийчук, О.В. Шелков // Науч. тр. Академии управления при Президенте Республики Беларусь. 2018. Т. 20. С. 61-78.

8. Низамиева О. Н. Об опережающей функции семейно-правового договора // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 4. С. 53–64.

9. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним : Закон Республики Беларусь от 22 июля 2002 г., в ред. от 5 декабря 2024 г. № 44-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

10. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З : в ред. от 10 октября 2022 г. № 209-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

11. Петров, Д. Н. Объекты гражданских правоотношений : теоретико-правовой аспект [Электронный ресурс] / Д. Н. Петров. URL : https ://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/2703/1/petrov.pdf. – Дата доступа : 28.07.2024.

12. Сокол, Ж. В. Основы правового регулирования имущества супругов в законодательстве Республики Беларусь и законодательстве Российской Федерации : сравнительно-правовой аспект // Закон и право. 2024. №12. URL : https ://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-pravovogo-regulirovaniya-imuschestva-suprugov-v-zakonodatelstve-respubliki-belarus-i-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii (дата обращения : 10.02.2026).

13. Суханов, Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. – Т. 1. Общая часть. – 720 с.

14. Формакидов, Д. А. Функции жилищного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 442–453. DOI : 10.17072/1995-4190-2018-41-442-453.

15. Фуштей, Э.Р. Имущественные интересы в частном праве Республики Беларусь // Право и государство : теория и практика. 2024. № 8(236). С. 305-307. http ://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_305.

References:

1. Andreeva, E. Y. Problems of turnover of objects of civil rights in modern science and legal practice / E. Y. Andreeva // Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen. – 2021. – No. 131. – pp. 245-255.

2. Astakhova, M. A. The object of subjective civil law : the concept and features / M. A. Astakhova // Civil law. – 2016. – No. 2. – pp. 2-6.

3. The Supreme Court of the Republic of Belarus : The Internet portal of courts of general jurisdiction of the Republic of Belarus [Electronic resource]. URL : https ://court.gov.by / (date of access : 02/08/2026).

4. The Civil Code of the Republic of Belarus [Electronic resource] : December 7. 1998, No. 218-Z : adopted by the House of Representatives on October 28, 1998 : approved. By the Council of the Republic on November 19, 1998 : as amended. The Law of the Republic. Belarus No. 195-Z dated July 18, 2022 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2026.

5. The Civil Procedure Code of the Republic of Belarus [Electronic resource] : adopted by the House of Representatives : as amended. The Law of the Republic. Belarus No. 284-Z dated July 17, 2023 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2026.

6. Housing Code of the Republic of Belarus : August 28, 2012 No. 428-Z, as amended. The Law of the Republic. Belarus No. 37-Z dated November 11, 2024 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2026.

7. Matviychuk, S.B. The division of common joint property of spouses in the marital and family legislation of the Republic of Belarus / S.B. Matviychuk, O.V. Shelkov // Scientific Proceedings of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus. 2018. Vol. 20. pp. 61-78.

8. Nizamieva O. N. On the anticipatory function of the family law contract // Bulletin of Tver State University. The Pravo series. 2018. No. 4. pp. 53-64.

9. On State Registration of Immovable Property, Rights to it and Transactions with it : The Law of the Republic of Belarus of July 22, 2002, as amended. dated December 5, 2024 No. 44-Z // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2026.10.

On state registration of immovable property, rights to it and transactions with it [Electronic resource] : The law of the Republic. Belarus No. 133-Z dated July 22, 2002 : as amended. dated October 10, 2022, No. 209-Z // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2026.

11. Petrov, D. N. Objects of civil law relations : theoretical and legal aspect [Electronic resource] / D. N. Petrov. URL : https ://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/2703/1/petrov.pdf. – Date of access : 07/28/2024.

12. Sokol, J. V. Fundamentals of the legal regulation of the property of spouses in the legislation of the Republic of Belarus and the legislation of the Russian Federation : a comparative legal aspect // Law and Law. 2024. No. 12. URL : https ://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-pravovogo-regulirovaniya-imuschestva-suprugov-v-zakonodatelstve-respubliki-belarus-i-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii (date of reference : 02/10/2026).

13. Sukhanov, E. A. Civil law : textbook: in 4 vol. / ed. by E. A. Sukhanov. – 3rd ed., reprint. and additional. M.: Walters Kluwer, 2004. Vol. 1. General part. 720 pages .

14. Formakidov, D. A. Functions of housing law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2018. Issue 41. pp. 442-453. DOI : 10.17072/1995-4190-2018-41-442-453.

15. Fushtey, E.R. Property interests in private law of the Republic of Belarus // Law and the state : theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 305-307. http ://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_305 .

[1] Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 284-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_378

УДК: 347.412.2

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ДОГОВОРУ СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА, ОСЛОЖНЕННЫХ УСЛОВНЫМ ЭЛЕМЕНТОМ
LEGAL ASPECTS OF REGULATING LEGAL RELATIONS UNDER A CONSTRUCTION CONTRACT COMPLICATED BY A CONDITIONAL ELEMENT

КОЦАРЬ Юлия Александровна
судья Центрального районного суда г. Новосибирска,
соискатель кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».
Россия, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69.
E-mail: ukotsar@yandex.ru

KOTSAR Julia A.
Judge of the Central District Court of Novosibirsk,
applicant for the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice
69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, Russia.
E-mail: ukotsar@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются проблемные вопросы регулирования правоотношений по договору строительного подряда, в которых исполнение обязанностей и осуществление прав поставлено в зависимость от наступления условия (condicio) - обстоятельства, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет, к которому также относятся действия самих сторон договора либо действия третьих лиц, сторонами договора не являющихся, но имеющих имущественный интерес в его исполнении (заказчик, генеральный подрядчик). Затронута проблематика постановки под условие, зависящего от действий стороны договора и, в том числе, от действий третьего лица, стороной договора не являющегося, встречного предоставления за ранее предоставленное исполнение в рамках сложных многосторонних инвестиционных правоотношений с учетом синаллагматического характера подрядных правоотношений. В заключении автором обозначены возможные пути решения вышеуказанных проблем со ссылкой на сложившуюся судебную практику.*

Abstract. *This article examines problematic issues in regulating legal relations under construction contracts, in which the fulfillment of obligations and the exercise of rights are contingent on the occurrence of a condition (condicio)—a circumstance whose occurrence is uncertain. This condition may include the actions of the parties themselves or the actions of third parties who are not parties to the contract but have a property interest in its performance (such as the client or general contractor). The article addresses the issue of establishing a condition, contingent on the actions of a party to the contract, including the actions of a third party who is not a party to the contract, for consideration for previously provided performance within the context of complex multilateral investment legal relationships, taking into account the synallagmatic nature of contractual relationships. In conclusion, the author outlines possible solutions to the above issues, citing established judicial practice.*

Ключевые слова: *договор подряда, договор субподряда, обязательство с обусловленным исполнением, разумный срок, фикция наступления условия.*

Key words: *contract for work, subcontract agreement, obligation with conditioned performance, reasonable period, fiction of occurrence of a condition.*

Для цитирования*: Коцарь Ю.А. Правовые аспекты регулирования правоотношений по договору строительного подряда, осложненных условным элементом // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 378-382. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_378.*

For citation*: Kotsar Yu.A. Legal aspects of the regulation of legal relations under a construction contract complicated by a conditional element // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 378-382. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_378.*

Статья поступила в редакцию: 25.12.2025

Правоотношения, возникающие из договора подряда, являются одними из самых распространенных видов хозяйственных отношений. От функционирования данного института гражданского права зависит стабильность гражданского оборота и развитие экономики в целом, ведь именно договором подряда регламентированы правоотношения, связанные с созданием новой вещи, ее обработкой или переработкой, с производством работ, имеющим овеществленный результат.

В последнее время конструкции подрядных правоотношений стали усложняться за счет включения в них не только предусмотренных законом условий, но и дополнительных условных составляющих, с помощью которых стала возможной регламентация таких правоотношений с множеством участников и на долгосрочную перспективу, позволяя предусмотреть развитие договорных отношений в зависимости от наступления предусмотренных договором обстоятельств (условий). В частности, речь идет об условиях (condicio), в зависимость от наступления или ненаступления которых поставлены осуществление прав и исполнение обязанностей сторонами договора подряда или субподряда. К таким условиям в теории относят отлагательные, отменительные, смешанные и потестативные условия.

Возможность включения условной составляющей в структуру обязательственного правоотношения появилась с введением Федеральным законом РФ от 08.03.2015 N 42-ФЗ в часть первую Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) статьи 327.1 «Обусловленное исполнение обязательства». Анализируя содержание указанной нормы, можно сделать вывод о том, что в ней закреплен вид самостоятельной обязательственно-правовой конструкции - модель регулятивного, договорного, обязательственного правоотношения, в котором стороны поставили осуществление прав и исполнение обязанностей, а также их изменение и прекращение в стадии исполнения обязательства в зависимость от наступления или ненаступления условия (condicio) [1, с. 30-37]. Указанная норма расположена в разделе III части первой ГК РФ, в которой изложены общие положения об обязательствах, следовательно, с помощью данной правовой конструкции может создаваться индивидуальное правовое регулирование отдельных видов обязательств, в том числе из договора подряда.

Начало в применении ст. 327.1 ГК РФ к правоотношениям из договора строительного подряда в части расчетов положил Обзор судеб-

ной практики Верховного Суда РФ N2 за 2017 г., в котором высшая судебная инстанция указала на соответствие закону условия договора субподряда о том, что срок оплаты выполненных субподрядчиком строительных работ может исчисляться с момента сдачи генеральным подрядчиком результата этих работ заказчику по договору или с момента получения генеральным подрядчиком оплаты от заказчика [2]. Эта позиция противоречила ранее изложенной ВАС РФ правовой позиции о том, что генеральный подрядчик обязан производить оплату выполненных субподрядчиком работ вне зависимости от получения денежных средств от заказчика [3]. Указанное свидетельствовало о формировании нового подхода в регулировании подрядных отношений, осложненных условной составляющей.

Стоит отметить, что возможность применения ст. 327.1 ГК РФ в вышеуказанном Обзоре была изложена Верховным Судом РФ через применение положений о сроке исполнения обязательства. Однако, ст. 314 и ст. 327.1 ГК РФ имеют разный предмет правового регулирования. В ст. 327.1 ГК РФ речь идет о наступлении момента наделения соответствующей стороны обязательства правомочием либо о наступлении момента возникновения у нее соответствующей обязанности, но не о сроке исполнения обязательства, который неизбежно должен наступить. Условная составляющая (condicio) в отличие от срока исполнения обязательства характеризуется главным образом неопределенностью наступления оговоренного события либо совершения действия. Как указывает Васьковский Е.В., «предметом условия служит неизвестное обстоятельство, т.е. такой факт, относительно которого нельзя наперед сказать, произойдет ли он или нет. Однако в сделку может быть включено и такое обстоятельство, которое непременно должно наступить. Подобное условие, называемое обыкновенно необходимым, представляет в сущности вовсе не условие, а срок» [4, с. 167]. То есть главное отличие условия от срока состоит в вероятности наступления оговоренного сторонами обстоятельства.

Применение подобного рода условий (condicio) для договора подряда в целом не характерно, поскольку по своей правовой природе такой договор является возмездным, консенсуальным, двусторонне обязывающим и синаллагматическим. Условие (condicio) в том смысле, которое придается ему в ст. 327.1 ГК РФ, будет разрывать синаллагму, что обусловлено вероятностью его наступления. Такая конструкция правоотношения не характерна для классической модели договора подряда, однако, возможна. Это связано с тем, что «договор подряда представляет собой длящееся правоотношение со сложной динамической структурой, которая проявляется в наличии у сторон договора главных интересов (для заказчика такой интерес будет представлять собой объект договора, то есть работа и ее результат, для подрядчика – встречное предоставление за выполненную работу) и иных интересов, так или иначе связанных с выполнением работы (обеспечение сохранности имущества заказчика, не связанного с выполнением работы; обеспечение экономного расходования подрядчиком материала заказчика и возврата его остатка)» [5, с. 16-17]. Длящийся характер подрядных правоотношений создает благоприятную основу для включения в него условно-правовых акцентов с целью регламентации правоотношения на долгосрочную перспективу. Кроме того, «одной из главных особенностей субъектного состава подрядных отношений является широкое применение в них системы генерального подряда» [5, с. 15], то есть возможно создание правоотношения со сложным субъектным составом в отношении одного и того же предмета, в котором заказчик и непосредственный исполнитель работ будут связаны друг с другом не напрямую, а через посредника – генерального подрядчика, что также благоприятно для включения условно-правовых акцентов с целью координации действий указанных лиц в достижении общей цели – выполнении работы и получения соответствующего вознаграждения.

Вместе с тем, в случае ненаступления условия будет блокироваться возможность исполнения либо осуществления одной из сторон договора зависящих от нее обязанностей и прав. Более того, исполнение обязательства по договору подряда будет затруднено и в том случае, если такое исполнение будет являться встречным предоставлением за уже ранее предоставленное исполнение другой стороной (к примеру, оплатой за уже выполненные работы). Однако, именно модель подрядного правоотношения, в котором под условие поставлено исполнение обязательства за ранее предоставленное исполнение, все чаще используется участниками гражданского оборота при формировании условий договора строительного подряда, что удобно с точки зрения построения сложных инвестиционных правоотношений, в которых непосредственный исполнитель не связан напрямую с инвестором (заказчиком), и правоотношений, опосредующих заказ для государственных или муниципальных нужд.

Как правило, в договорах строительного подряда либо субподряда под условие ставится порядок расчётов: окончательная оплата выполненных работ, а также возврат гарантийного удержания. Имеется также практика постановки под условие обязанности подрядчика по предоставлению обеспечения исполнения гарантийных обязательств перед заказчиком [6].

Курбатов А.Я. относительно возможности применения ст. 327.1 ГК РФ к подрядным правоотношениям указывает на проблему взаимных неплатежей, которая будет проявляться в том, что заказчик не будет платить генподрядчику, генподрядчик, соответственно, не будет платить субподрядчикам. При этом, если неплатежи генподрядчика обусловлены неплатежами со стороны заказчика, то подрядчики не могут предъявить иск напрямую к заказчику, а когда в отношении его возбуждается процедура несостоятельности (банкротства), то не могут вступить в нее в качестве кредиторов, что обусловлено отсутствием договорных правоотношений между подрядчиками и заказчиком. Автор также усматривает противоречие условий договоров подряда об оплате работ только после получения соответствующих средств от заказчика или после принятия им выполненных работ положениям статьи 328 ГК РФ, поскольку такие условия не будут являться установлением встречного исполнения обязательства, ведь речь идет о лице, не являющимся стороной обязательства [7].

Действительно, условие (condicio) будет разрывать синаллагму (ст. 328 ГК РФ). Вместе с тем, веских причин не применять его в подрядных правоотношениях, тем самым ограничивая свободу договора и возможность регулирования сложных инвестиционных правоотношений, не имеется. Сам по себе разрыв синаллагмы не может послужить достаточным основанием для неприменения ст. 327.1 ГК РФ в правоотношени-

ях по договору подряда с учетом того, что включение условной составляющей, действительно, позволяет регламентировать многосторонние правоотношения с участием заказчика, подрядчика и субподрядчика и предусмотреть вариант поведения сторон на случай наступления тех или иных обстоятельств в будущем. В противоречие с основными началами гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ) такое построение правоотношения не вступает исходя из принципа автономии воли сторон договора, а возможные злоупотребления при исполнении такого обязательства должны быть нивелированы адекватными средствами защиты, что позволит исключить взаимные неплатежи.

О каком-либо противоречии статей 327.1 ГК РФ и 711 ГК РФ [7], говорить не приходится, поскольку в случае включения условия в правоотношение будет иметь место не классическая модель договора подряда, а новая самостоятельная обязательственно-правовая конструкция, в основе которой будет положено правоотношение по договору подряда, осложненное условной составляющей, тем самым будет создано новое индивидуально-правовое регулирование при помощи указанной правовой конструкции, ограничений к применению которой не усматривается. Стоит также отметить, что в ГК РФ имеются иные договорные конструкции (к примеру, опцион на заключение договора), которые также конкретизируются за счет положений об отдельных видах обязательств.

Анализируя судебную практику по спорам, связанным с постановкой под условие оплаты выполненных работ, необходимо прежде всего отметить то, что судебное толкование ст. 327.1 ГК РФ шире, чем указал законодатель. В качестве условия признаются не только события и действия сторон договора, но и условия, наступление которых зависит одновременно от действий стороны договора и от действий третьих лиц либо внешних обстоятельств (смешанные условия). Заказчики, осуществляющие финансирование работ, а также генеральные подрядчики имеют имущественный интерес в исполнении договоров подряда или субподряда с непосредственными исполнителями, в связи с чем должны привлекаться к участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, так как таким спором будут затрагиваться их права.

Так, в одном из дел, судом первой инстанции не был привлечен к участию в деле генеральный подрядчик, что являлось нарушением норм процессуального права и послужило основанием к отмене решения суда, поскольку условиями договора субсубподряда было предусмотрено, что оплата выполненных субсубподрядчиком работ осуществляется субподрядчиком при условии поступления денежных средств от генерального подрядчика. То есть судами не была дана оценка условию договора об обусловленности оплаты по договору субсубподряда применительно к положениям ст. 327.1 ГК РФ, в связи с чем судебные акты о взыскании с субподрядчика денежных средств в пользу субсубподрядчика за выполненные работы были отменены [8].

Установление причины, по которой не наступает условие, в зависимость от которого поставлено исполнение обязанности контрагентом за уже предоставленное исполнение, является юридически значимым обстоятельством, поскольку это дает возможность установить наличие возможных злоупотреблений сторон договора. В вышеуказанном примере в договоре субсубподряда было согласовано смешанное условие – поступление денежных средств от генерального подрядчика, которое зависело не только от указанного лица, но и от субподрядчика, который должен был соответствующим образом известить генерального подрядчика об окончании работ, поскольку договорные правоотношения между субсубподрядчиком и генеральным подрядчиком отсутствуют, следовательно, напрямую субсубподрядчик не может обратиться к генеральному подрядчику. В таком случае необходимо было, в том числе, оценивать действия стороны договора субсубподряда, которая должна была способствовать наступлению условия.

В другом деле, напротив, суды взыскали с генерального подрядчика в пользу субподрядчика стоимость выполненных работ по договору на выполнение строительно-монтажных работ, поскольку пришли к выводу о том, что генеральным подрядчиком не были приняты исчерпывающие меры в целях получения задолженности от заказчика. Условиями договора субподряда было предусмотрено, что все платежи по договору осуществляются генеральным подрядчиком за счет средств федерального бюджета в рамках государственного оборонного заказа, а для оплаты выполненных работ субподрядчик ежемесячно представляет генеральному подрядчику ряд документов: счет, акты о приемке выполненных работ по форме КС-2, справки о стоимости выполненных работ и затрат по форме КС-3. Указанная документация предоставлялась субподрядчиком генеральному подрядчику, работы были завершены субподрядчиком и замечаний по ним не имелось у генерального подрядчика, а довод генерального подрядчика о том, что им по настоящее время не получены денежные средства из федерального бюджета для оплаты работ, были отклонены судами по мотиву того, что генеральным подрядчиком не были приняты исчерпывающие меры в целях получения задолженности от своего контрагента [9].

Какие конкретно меры может предпринять сторона договора подряда для получения денежных средств от заказчика или генерального подрядчика – вопрос дискуссии, однако, примерный перечень мер может быть выработан судебной практикой исходя из обычаев делового оборота. Вместе с тем, даже если сторона договора предприняла все зависящие от себя меры, направленные на наступление условия, важно также оценивать причины, по которым третье лицо – генеральный подрядчик, заказчик, инвестор - не исполняет принятые на себя обязательства. Так, в одном из дел возврат субподрядчику гарантийного удержания был поставлен в зависимость от возврата гарантийного депозита генеральным подрядчиком. Генеральный подрядчик не мог осуществить возврат указанной суммы в связи с тем, что на его денежные средства в кредитных учреждениях в рамках исполнительного производства был наложен арест. Данное обстоятельство, которое препятствовало наступлению условия и было связано с действиями генерального подрядчика, суды посчитали неуважительной причиной, в связи с чем взыскали гарантийное удержание с подрядчика в пользу субподрядчика [10].

Практика постановки под условие возврата гарантийного удержания является достаточно распространенной. Как правило суды при разрешении подобных споров придерживаются необходимости выжидания наступления согласованного условия исполнения обязанности по

возврату гарантийного удержания [11].

Вместе с тем, остается открытым вопрос о том, в течение какого времени возможно ожидание наступления условия встречного исполнения за ранее предоставленное исполнение? К примеру, в одном из дел возврат гарантийного удержания по договору строительного подряда был определен в течение 6 (шести) месяцев после передачи дольщикам квартир [12]. Отсюда вытекает вопрос, как разрешать спор, если, к примеру, передача квартир дольщикам затянулась, ведь при приемке квартир могли возникнуть разногласия, квартиры могли передаваться с недостатками, в связи с чем акты приемки-передачи могли быть не подписаны, а дольщики могли бы обращаться в суд за защитой своего права. При этом разрешение подобного рода спора, связанного с установлением наличия недостатков в жилом помещении, как правило, не обходится без назначения судебных строительно-технических экспертиз, что требует значительного времени на рассмотрение подобных дел. Следовательно, наступление предусмотренного договором условия (передача квартир дольщикам) могло затянуться на неопределенное время. Должен ли подрядчик претерпевать подобные последствия ненаступления предусмотренного договором условия? Возможно, в данном случае это будет оправданно, если в жилых помещениях, действительно, имеются недостатки строительно-технического / строительно-монтажного характера, так как в таком случае будет иметь место ненадлежащее исполнение подрядчиком своих обязательств. Однако, если по итогу судебных споров будет установлено, что жилые помещения отвечают стандартам качества? В этом случае такое ожидание возможно рассматривать как последствие предпринимательского риска подрядчика.

Кругликов С.А. обоснованно указывает, что «проблема включения в договор пунктов об обусловленном исполнении обязательства заключается в том, что, привязывая сроки исполнения обязательств к событиям, момент наступления которых трудно установить, контрагенты вгоняют себя в рамки неопределённости, при этом ставя исполнение договора в зависимость от доброй воли сильной стороны, вне зависимости предоставлено ли ей такое преимущество законом либо нет» [13, с. 27].

Чтобы исключить возникновение «вечной подвешенности», «неопределённости», Карапетов А.Г. предлагает устанавливать в договоре срок, в течение которого условие должно наступить (к примеру, шесть месяцев) либо разумный срок, и предоставить право каждой из сторон на безусловный односторонний отказ от договора в части, пропорциональной обязательству, поставленному под условие, либо отказ от обязательства в целом. Такой отказ от исполнения договора автор полагает самым оптимальным способом для преодоления «потестативной» неопределенности, поскольку в таком случае судьба договора остается в руках контрагентов, которые после истечения установленного в законе срока вполне могли бы быть заинтересованы в продолжении ожидания [14, с. 74].

Вместе с тем, возможность отказа от исполнения договора необходимо коррелировать с общими положениями об обязательствах (ст. 310 ГК РФ) и учитывать возможность предоставления такого права только стороне, не осуществляющей предпринимательскую деятельность, если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами.

Что касается применения разумного срока при установлении факта наступления условия, то необходимо отметить, что Верховый Суд РФ в Обзоре судебной практики N2 за 2020 год подтвердил законность постановки под условие встречного предоставления за уже предоставленное исполнение, закрепив правовую позицию о том, что условие о наступлении срока исполнения обязанности по оплате встречного предоставления считается наступившим по истечении разумного срока, в который данное обстоятельство должно было наступить, если иной срок не установлен законом, иным правовым актом или договором [15].

Использование разумного срока для решения вопроса о наступлении условия и для защиты прав стороны, в пользу которой должно было осуществляться поставленное под условие встречное предоставление за ранее предоставленное исполнение, всегда зависит от усмотрения суда. Кроме того, критерии разумного срока в каждой конкретной ситуации различны. К примеру, что считать разумным сроком в деле о возврате гарантийного удержания в зависимости от передачи жилых помещений дольщикам?

В другом деле суды определили продолжительность разумного срока в три года: по условиям договора субподряда было предусмотрено, что окончательный расчет за выполненные работы в размере 90% производится при условии получения подрядчиком оплаты за выполненную работу от заказчика. Подрядчик данные работы не оплачивал по причине неперечисления денежных средств заказчиком. Суды данные доводы подрядчика отклонили и требования субподрядчика удовлетворили, взыскав стоимость работ, указав, что на протяжении более трех лет с момента принятия работ подрядчиком не предпринимались действия ко взысканию задолженности с заказчика, что суды расценили как недобросовестное исполнение подрядчиком своих обязательств по договору [16]. Вероятно, разумность указанного срока была обусловлена сроком течения исковой давности, по прошествии которого подрядчик не сможет добиться денежных средств от заказчика, что в принципе сделает невозможным исполнение своих обязательств подрядчиком.

Стоит отметить, что в вышеприведенных примерах суды, оценивая обстоятельства спора, по сути признавали предусмотренное договором условие наступившим либо вследствие истечения разумного срока, либо вследствие злоупотребления правом одной из сторон, которое выражалось в непринятии мер к наступлению условия, то есть применяли правовую фикцию.

Чтобы не порождать чрезмерное использование оценочных категорий, представляется верным использовать фикцию наступления условия в качестве правового средства для защиты прав стороны, исполнение обязательства в пользу которой поставлено под условие. Возможность применения фикции наступления условия предусмотрена применительно к условным сделкам (п. 3 ст. 157 ГК РФ). Не имеется препятствий применять ее и в обязательствах с обусловленным исполнением. Для этого необходимо оценивать причины, по которым условие не наступает, устанавливать, в чьей дискреции находится наступление данного условия и далее решать вопрос о наличии либо отсутствии злоупотребления правом в действиях той или иной стороны договора, либо третьего лица, стороной договора не являющегося. Оценивать срок, который прошел с

момента начала неисполнения обязательства, поставленного под условие, можно в качестве дополнительного обстоятельства, характеризующего поведение обязанного лица.

Применение фикции наступления условия также будет зависеть от усмотрения суда, основанного на оценке обстоятельств дела. Однако, иным образом преодолеть состояние «вечной подвешенности», «неопределённости» в обязательствах с обусловленным исполнением не представляется возможным в силу присущей вероятности наступления условия, то есть можно выработать лишь примерные критерии оценки обстоятельств ненаступления условия, к которым могут быть отнесены, к примеру, истечение разумных сроков, сроков исковой давности, что является прерогативой судебной практики.

Таким образом, включение в правоотношение по договору строительного подряда условной составляющей (condicio) и применение положений ст. 327.1 ГК РФ не противоречит закону и правовой природе договора подряда. В таком случае при помощи предусмотренной ст. 327.1 ГК РФ обязательственно-правовой конструкции будет создаваться новое самостоятельное индивидуально-правовое регулирование подрядных правоотношений, осложненных условием. Вместе с тем, положения ст. 327.1 ГК РФ для эффективного правоприменения нуждаются в дополнении, в частности – указанием на то, что наступление условия может зависеть не только от воли одной из сторон договора, но и в том числе от действий третьего лица, не являющегося стороной договора, но имеющего имущественный интерес в его исполнении (генеральный подрядчик, заказчик, инвестор), а также дополнением на возможность применения фикции наступления условия как правового средства защиты прав стороны, в пользу которой должно было состояться обусловленное исполнение, в случае, если условие не наступает либо из обстоятельств дела явствует уклонение одной из сторон договора либо третьего лица от исполнения возложенных на нее обязанностей, способствующих наступлению условия.

Список литературы:

1. Коцарь Ю.А. О природе обязательства с обусловленным исполнением // Российское правосудие. 2022. №3. С. 30-37.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 N 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. – М.: «Статут», 2003. 380 с.
5. Никитин А.В. Договор подряда в гражданском праве Российской Федерации. автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 22 с.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.11.2024 N Ф07-15284/2024 по делу N А56-54807/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Курбатов А.Я. О неприменении ст. 327.1 Гражданского кодекса РФ в подрядных отношениях // Гражданское право. 2018. N 5. С. 34 – 37 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Верховного Суда РФ от 30.05.2023 №305-ЭС23-5 по делу №А40-26114/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Верховного Суда РФ от 28.07.2025 N 301-ЭС25-6061 по делу N А79-2801/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 11.10.2021 по делу А32-7421/2021 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e4c7dae1-1339-4f74-9415-8b49e6dca16b/00459651-fa88-40d4-a031-57ad6d1812cd/A32-7421-2021_20211011_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 23.12.2025).
11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.05.2024 N Ф09-1737/24 по делу N А50-13154/2023 // СПС «КонсультантПлюс»
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.06.2025 N Ф07-3494/2025 по делу N А56-66844/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Кругликов С.А. Понятие обусловленного исполнения обязательств в договоре строительного подряда // Вести научных достижений. Экономика и право. 2021. №7. С. 22-30.
14. Карапетов А.Г. Зависимость условия от воли сторон условной сделки в контексте реформы гражданского права // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. №7. С. 28-93.
15. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.09.2023 N Ф07-13019/2023 по делу N А56-81033/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Kotsar Yu.A. On the Nature of an Obligation with Conditional Performance // Russian Justice. 2022. No. 3. pp. 30-37.
2. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2017) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 26, 2017) // SPS «ConsultantPlus».
3. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 24, 2000 No. 51 «Review of the Practice of Resolving Disputes under a Construction Contract» // SPS «ConsultantPlus».
4. Vas'kovsky E.V. Textbook of Civil Law. - Moscow: «Statut», 2003. 380 p.
5. Nikitin A.V. Contract for Work in the Civil Law of the Russian Federation. Abstract of Cand. Sci. (Law) dissertation. Yekaterinburg, 2013. 22 p.
6. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated November 28, 2024 No. F07-15284/2024 in case No. A56-54807/2023 // SPS «ConsultantPlus».
7. Kurbatov A. Ya. On the non-application of Article 327.1 of the Civil Code of the Russian Federation in contractual relations // Civil Law. 2018. No. 5. pp. 34-37 // SPS «ConsultantPlus».
8. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 30, 2023 No. 305-ES23-5 in case No. A40-26114/2022 // SPS «ConsultantPlus».
9. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 28, 2025 No. 301-ES25-6061 in case No. A79-2801/2023 // SPS «ConsultantPlus».
10. Decision of the Arbitration Court of Krasnodar Krai dated October 11, 2021 in case A32-7421/2021 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e4c7dae1-1339-4f74-9415-8b49e6dca16b/00459651-fa88-40d4-a031-57ad6d1812cd/A32-7421-2021_20211011_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (date of access December 23, 2025).
11. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated 06.05.2024 No. F09-1737/24 in case No. A50-13154/2023 // SPS «ConsultantPlus».
12. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 30.06.2025 No. F07-3494/2025 in case No. A56-66844/2024 // SPS «ConsultantPlus».
13. Kruglikov S.A. The concept of conditional performance of obligations in a construction contract // Vesti nauchnykh dosledovaniy. Economics and Law. 2021. No. 7. pp. 22-30.
14. Karapetov A.G. Dependence of a condition on the will of the parties to a conditional transaction in the context of civil law reform // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. No. 7. Pp. 28-93.
15. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 22, 2020) // SPS «ConsultantPlus».
16. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated September 25, 2023 No. F07-13019/2023 in Case No. A56-81033/2022 // SPS «ConsultantPlus».

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_383

УДК 340.1

«ГОСУДАРСТВО И ПРАВО РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА В СССР» (ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННИКОВ В ОЦЕНКАХ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ) "THE STATE AND LAW OF DEVELOPED SOCIALISM IN THE USSR" (A CONTEMPORARY PERSPECTIVE)

БРЕДИХИН Алексей Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доцент,
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: axel_b@mail.ru

ВИКТОРОВ Артем Валерьевич,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России,
198206, Россия, г. Санкт-Петербург ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: artyomviktorov@yandex.ru

BREDIKHIN Alexey Leonidovich,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor,
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: axel_b@mail.ru

VIKTOROV Artem Valerievich,
Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: artyomviktorov@yandex.ru

Краткая аннотация: *В настоящей статье авторы исследуют содержание коллективной монографии «Государство и право развитого социализма в СССР» 1977 г., подготовленной научным авторским коллективом юридического факультета Ленинградского государственного университета. Особое внимание уделяется тем ученым, которые выступили авторами соответствующих глав, рассматриваются основные положения и декларируются интересный с позиции сегодняшнего дня выводы. Авторы приходят к выводу о высокой значимости монографии для юридической науки и актуальности для современных исследователей советской эпохи.*

Abstract: *In this article, the authors examine the contents of the 1977 collective monograph "The State and Law of Developed Socialism in the USSR," prepared by a research team of authors from the Faculty of Law of Leningrad State University. Particular attention is given to the scholars who authored the relevant chapters, the main provisions are examined, and conclusions, interesting from a contemporary perspective, are presented. The authors conclude that the monograph is highly significant for legal scholarship and relevant for contemporary researchers of the Soviet era.*

Ключевые слова: *СССР, социализм, развитой социализм, коммунизм, Советский Союз.*
Keywords: *USSR, socialism, developed socialism, communism, Soviet Union.*

Для цитирования*: Бредихин А.Л., Викторов А.В. «Государство и право развитого социализма в СССР» (взгляд современников в оценках сегодняшнего дня) // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 383-385. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_383.*
For citation*: Bredikhin A.L., Viktorov A.V. "The state and the law of developed socialism in the USSR" (the view of contemporaries in the assessments of today) // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 383-385. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_383.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Приходится констатировать, что советское государство в ближайшей перспективе станет очень популярным объектом историко-правовых исследований. С одной стороны, имеется объективный запрос общества, которое разочаровалось в демократических преобразованиях 1990-х годов, стали очевидными ошибки ожиданий. С другой стороны, советская эпоха явно завершилась как определенный социальный эксперимент, поэтому с позиции сегодняшнего дня можно объективно произвести оценку той эпохи. Так, в период СССР критиковать социалистический строй было запрещено, а в 1990-е наоборот, поощрялась только критика, а сейчас уже появляется шанс оценить более-менее разумно, оценив плюсы и минусы государственно-правовой модели советского государства.

Отметим, что концептуально советское государство должно было пройти два этапа: диктатура пролетариата и общенародное государство (развитой социализм). А далее - должен наступить коммунизм и государство неминуемо отомрет за ненадобностью (такое понимание было базовым в политической и правовой науке). Как мы понимаем уже сейчас, реальность оказалась совсем другой, тем более интересным будет исследовать научные труды советского периода.

Весьма интересной в этом аспекте является монография 1977 г. «Государство и право развитого социализма в СССР» [1], подготовленная коллективом ученых юридического факультета Ленинградского государственного университета. Монография напечатана на 472-х страницах, разделенных на 15 глав и освещает различные правовые вопросы эпохи «развитого социализма». Заметно отраслевое разнообразие освещаемых вопросов, некоторая неупорядоченность и «немонографичность» изложения материала, однако нельзя назвать это недостатком для современного периода. Наоборот, такая комплексность дает работе большую ценность, чем если бы это было узкое исследование непосредственно государства и права развитого социализма.

Нельзя не отметить явный символизм выхода данной работы, о чем явно указано в самой монографии – 60-я годовщина «Великой Ок-

тябрьской социалистической революции». Также в 1977 году была принята новая и последняя Конституция СССР, но в тексте монографии речь идет лишь о ее проекте, который был опубликован для обсуждения. Так что, перед нами не рядовой научный труд, а серьезная работа, выполненная с вполне очевидной на тот момент целью – констатировать наступление эпохи развитого социализма и ее обосновать с позиции права. Как указано во введении «Исследованию путей и форм совершенствования Советского государства и права, предшествовавших новой Конституции СССР, и посвящена данная книга…».

Глава первая книги называется «Построение развитого социалистического общества в СССР и новый этап развития советского государства и права» написана д.ю.н., профессором А.И. Королевым, который в этот период являлся заведующим кафедрой теории и истории государства и права Ленинградского университета. Эта глава является вводной и обобщающей для всей монографии, рассматривает закономерности и особенности перерастания пролетарского государства и права в общенародное, а также особенности социалистического общенародного государства и права. К слову, профессор А.И. Королев написал множество работ, касающихся историко-теоретических вопросов построения социалистического государства, в том числе защитил докторскую диссертацию на тему: «Историческая необходимость социалистического государства, особенности возникновения и развития его в России».

Вторая глава называется «Правовые формы организации и деятельности советского государства в условиях развитого социализма» написана профессором В.С. Петровым. С 1969 по 1975 г. он работал в Ленинградском государственном университете на должности профессора теории и истории государства и права юридического факультета ЛГУ, а с 1975 по день своей кончины в 1976 г. возглавлял кафедру государственного и административного права [2, С.90-91]. Профессор В.С. Петров имеет солидные труды по схожей тематике: монографии «Тип и формы государства» 1967 г. [3], «Сущность, содержание и форма государства» 1971 г. [4]. и некоторые другие, поэтому написанная им глава заслуживает пристального внимания. Он исследует закономерности взаимосвязи государства и права, выделяет социалистические правовые формы советской государственности и обосновывает возрастание роли государственно-правовых форм в политической организации советского общества. Он отмечает, что «усиление творческой роли советского государства в коммунистическом строительстве» не противоречит постепенному построению коммунизма, так как «представительные органы государственной власти СССР» являются и формами политического самоуправления [1, С.60].

Глава третья «Совершенствование советского государственного управления и дальнейшее развитие социалистической демократии» написана В.Д. Сорокиным. Профессор Валентин Дмитриевич Сорокин в 1953 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Коллегиальность и единоначалие в государственном управлении», а в 1967 году защитил докторскую диссертацию по теме «Вопросы теории административно-процессуального права». Также он имеет множество работ по теории государств и права и административному праву [5], что придает значимости и его вкладу в написание исследуемой монографии.

В своей главе В.Д. Сорокин обосновывает развитие и совершенствование ленинских принципов организации и деятельности советского государственного аппарата, дальнейшее повышение роли Советов в коммунистическом строительстве, Совершенствование организации и деятельности аппарата советского государственного управления.

Глава четвертая «Личность, право и законность в развитом социалистическом обществе» написана очень известным специалистом в области теории государства и права Львом Самойловичем Явичем. Профессор Явич с 1967 года и до 1990 года являлся профессором кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ленинградского государственного университета. Его труды переведены на многие языки, а в 2020 г. в России в обращение выпущена почтовая марка «Л.С. Явич (1919-2004), учёный-юрист». Поэтому написанная им глава рассматриваемой монографии весьма интересна и ценна.

Он здесь рассматривает проблематику личности при социализме, указывая в духе той эпохи, что: «социализм способен обеспечить свободу личности от оков частной собственности, от эксплуатации, социального и национального гнета, от анархии производства и господства правящих маньяков, произвола власти и беззаконий» [1, С.107]. Также затронуты цели правового регулирования, социальная эффективность правового регулирования и их показатели.

Главы с 5 по 13 монографии написаны видными учеными-отраслевиками, которые рассматривают вопросы отраслевых юридических наук (гражданского, трудового, уголовного и пр.) сквозь призму социалистического государства в том числе эпохи развитого социализма. В отличие от первых четырех глав эти главы не имеют прямой задачи изучения вопросов государственного развития, однако дополняют и придают некоторые штрихи основному вопросу монографического исследования.

На главе 14 «Критика антикоммунистических взглядов на советское государство и право» тоже следует остановиться отдельно. Она написана в соавторстве Дженеврой Игоревной Луковской и Анисимом Ивановичем Экимовым. На тот момент это были еще молодые кандидаты наук, которым будет суждено позднее стать докторами юридических наук, профессорами, подготовить значительное количество учеников и внести большой вклад в развитие юридической науки.

Названные авторы рассмотрели вопросы современного антикоммунизма. Заслуживает внимание их критика идеи «конвергенции» (сближения) государственных систем капитализма и социализма, обоснование ее несостоятельности [1, С. 450]. С позиции сегодняшнего дня вопрос по-прежнему остается актуальным и дискуссионным, особенно учитывая крах или перерождение стран социалистического лагеря.

Последняя, 15-я глава монографии исследует общетеоретические вопросы взаимоотношения СССР и современных (на тот момент) буржуазных государств. Здесь обосновывается «притягательная сила социализма» и кризис буржуазной государственности, отмечаются демократические стремления в массах, критикуются политико-правовые доктрины буржуазии. Глава написана известным ученым, Бельсоном Яковом

Михайловичем, доктором юридических наук, профессором (1921-1998).

В целом нужно сказать, что коллективная монография «Государство и право развитого социализма в СССР» весьма солидный и теоретически значимый труд, что обусловлено в первую очередь составом ее авторского коллектива. Несмотря на коллективность труда, авторам удалось создать концептуально целостное научное произведение, которое будет весьма востребовано современными исследователями при изучении советского государства и права. Несмотря на свойственное той эпохе восхваление социалистического строя, выводы и аргументы авторов вполне логичны и справедливы.

Многим из числа членов авторского коллектива пришлось работать и творить в условиях постсоветской России и отстаивать кардинально отличающиеся взгляды, тем не менее, как показывает практика, истина где-то посередине, поэтому нужно отнестись с большим уважением к эпохе развитого социализма и людям, веривших в «светлое коммунистическое будущее».

Список литературы:

1. Государство и право развитого социализма в СССР = Государство и право развитого социализма в Союзе Советских Социалистических Республик [Текст]: (К 60-летию Великой Октябрьской соц. революции) / [Ред. коллегия ... проф. О.С. Иоффе (отв. ред.) и др.]; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. - Ленинград : [б. и.], 1977. - 472 с.
2. Бредихин, А. Л. Взгляды ученого В.С. Петрова о типах и формах государства / А. Л. Бредихин, С. М. Фомичев // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 8(236). – С. 90-91.
3. Петров В.С. Тип и формы государства [Текст] / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. - Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. - 120 с.
4. Петров В.С. Сущность, содержание и форма государства. - Ленинград : Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1971. – 364 с.
5. Сорокин, В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1976. 144 с.

References:

1. The State and the law of developed socialism in the USSR = The State and the law of developed socialism in the Union of Soviet Socialist Republics [Text]: (On the 60th anniversary of the Great October Socialist Revolution) / [Editorial Board... Prof. O.S. Ioffe (editor-in-chief) and others.]; Leningrad State University named after A.A. Zhdanov. Leningrad : [B. I.], 1977. 472 p.
2. Bredikhin, A. L. The views of the scientist V.S. Petrov on the types and forms of the state / A. L. Bredikhin, S. M. Fomich // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 8(236). – Pp. 90-91.
3. Petrov V.S. Type and forms of the state [Text] / Leningr. Order of Lenin State University named after A. A. Zhdanov. Leningrad : Publishing House of the Leningr University, 1967, 120 p.
4. Petrov V.S. The essence, content and form of the state. Leningrad : Nauka Publishing House, Leningrad Branch, 1971. 364 p.
5. Sorokin, V.D. Method of legal regulation. Theoretical problems. M.: Legal literature, 1976. 144 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_386

УДК 347.4:349

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, СУЩНОСТЬ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СМАРТ-КОНТРАКТА
THE LEGAL NATURE, ESSENCE AND CHARACTERISTICS OF A SMART CONTRACT

МЕНЯЙЛО Людмила Николаевна
Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий ФГКОУ ВО «Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя».
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.
E-mail: m.lyudmila.78@mail.ru

MENYAILO Lyudmila Nikolaevna
Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Combating Crimes in the Field of Information and Telecommunication Technologies at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
12 Akademika Volgina str., Moscow, 117997, Russia.
E-mail: m.lyudmila.78@mail.ru

МЕНЯЙЛО Дмитрий Васильевич
Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры специальных информационных технологий учебно-научного комплекса информационных технологий ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя».
125239, Россия, г. Москва, ул. Коптевская, д. 63.
E-mail: menyilo.dmitriy@yandex.ru

MENYAILO Dmitry Vasilyevich
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Special Information Technologies of the Educational and Scientific Complex of Information Technologies, Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.
63 Koptevskaya str., Moscow, 125239, Russia.
E-mail: menyilo.dmitriy@yandex.ru

ЛИТВИНОВА Наталья Владимировна
Преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина».
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.
E-mail: nlitvinova@yandex.ru

LITVINOVA Natalia Vladimirovna
Lecturer at the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin.
71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russia
E-mail: nlitvinova@yandex.ru

БОЛТЕНКОВА Юлия Владимировна
Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры тактико-специальной подготовки ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина».
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.
E-mail: boltenkova_y@bk.ru

BOLTENKOVA Yulia Vladimirovna
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Tactical and Special Training, Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin.
71 Gorky str., Belgorod, 308024, Russia.
E-mail: boltenkova_y@bk.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируются некоторые доктринальные подходы к определению правовой природы смарт-контракта в российской правовой науке, установлено, что российское законодательство не используя термин «смарт-контракт», создало для него надежную правовую базу через модификацию и дополнение существующих норм гражданского права, исследована сущность смарт-контракта и установлено, что он представляет собой сложное явление, находящееся на стыке технологий программирования, криптографии и права.*

Abstract: *the article analyzes some doctrinal approaches to defining the legal nature of a smart contract in Russian legal science. It is established that Russian legislation, without using the term «smart contract», has created a reliable legal framework for it by modifying and supplementing existing civil law norms. The article explores the essence of a smart contract and concludes that it is a complex phenomenon that lies at the intersection of programming technologies, cryptography, and law.*

Ключевые слова: *доктринальные подходы, правовая природа смарт-контракта, характерные черты смарт-контракта, цифровые права.*

Keywords: *doctrinal approaches, legal nature of a smart contract, characteristics of a smart contract, digital rights.*

Для цитирования*: Меняйло Л.Н., Меняйло Д.В., Литвинова Н.В., Болтенкова Ю.В. Правовая природа, сущность и характерные черты смарт-контракта // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 386-389. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_386.*

For citation*: Menyailo L.N., Menyailo D.V., Litvinova N.V., Boltenkova Yu.V. The legal nature, essence and characteristic features of a smart contract // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 386-389. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_386.*

Статья поступила в редакцию: 31.12.2025

Правовая природа смарт-контракта представляет собой одну из наиболее актуальных и спорных тем в современной правовой науке, обусловленную быстрым развитием цифровых технологий и их глубоким проникновением в экономическую и социальную жизнь.

Проведенный анализ показывает, что в российской правовой доктрине и законодательстве отсутствует единое, общепринятое определение смарт-контракта, что порождает разнообразие теоретических подходов к его классификации и оценке [9; 15]. Тем не менее, прагматичный подход российских законодателей, направленный на адаптацию существующих норм гражданского права к новым технологическим реалиям, создал прочную правовую базу для легитимации этого инструмента без необходимости введения нового самостоятельного института.

Доктринальные подходы к определению правовой природы смарт-контракта в российской правовой науке можно условно разделить на несколько направлений, каждое из которых подчеркивает ту или иную сторону этой многогранной технологии.

Согласно первому, доминирующему в научном дискурсе подходу, смарт-контракт трактуется преимущественно как программный алгоритм или цифровое приложение [2]. Его сторонники подчеркивают, что ключевая функция такой конструкции – закрепление условий соглашения в коде, автоматический контроль их выполнения и автономный запуск заранее прописанных сценариев при наступлении конкретных условий. В этом подходе смарт-контракт не обладает статусом самостоятельного юридического документа, выполняя роль технического средства реализации договоренностей [14].

Подобная интерпретация делает акцент на технических характеристиках, однако рискует игнорировать правовую природу феномена - добровольное волеизъявление участников и консенсус относительно условий сделки. Как отмечают отдельные авторы, сама архитектура смарт-контракта предполагает его существование исключительно в цифровой среде, будучи жестко привязанной к программной логике. Эта особенность, по мнению исследователей, создает принципиальное различие между ним и классическими электронными договорами, которые остаются юридически значимыми вне зависимости от технической реализации. Так, Бурова С.М. отмечает, что «… принятая концепция обязательственных отношений, которая заключается в обязанности должника совершить определенные действия и право кредитора требовать исполнения (статья 307 ГК РФ), в рамках такого договора утрачивает свою состоятельность, поскольку исполнение будет произведено автоматизированной системой» [1, С. 122-123].

Альтернативный подход, получивший также широкое распространение в российских академических работах, позиционирует смарт-контракт как специфическую модификацию договора, существующую в электронно-цифровой форме.

Согласно этому взгляду, смарт-контракт не является новой конструкцией заключения договора, поскольку ГК РФ уже допускает заключение сделок в электронной форме, которая признается равнозначной письменной [8]. Ключевое отличие заключается в способе исполнения обязательств: он становится автоматическим, без участия сторон после того, как в условиях сделки будет предусмотрено исполнение обязательств при наступлении конкретных обстоятельств путем применения информационных технологий, определенных в этих условиях [17].

Некоторые ученые рассматривают смарт-контракт как способ обеспечения исполнения обязательств, а также как механизм для автоматизации процесса исполнения заданных условий [5].

Таким образом, смарт-контракт представляется не как новый тип договора, а как современный способ исполнения обязательств, реализованный в рамках уже существующей правовой конструкции, но с учетом развития технологий и цифровизации общественных отношений.

Для признания смарт-контракта действительным необходимо соблюдение общих требований к заключению договора, установленных статьями 432 и 434 ГК РФ [3]. Это включает наличие предложения (оферты), принятия (акцепта) и выражения согласия сторон, которое должно быть добровольным и осознанным.

Наиболее полно требования, предъявляемые к смарт-контракту были сформулированы Руденко А.А., который указал на наличие обязательной электронной подписи, приватной децентролизованной среды заключения, указание на существенные условия и условия исполнения договора. Тем не менее автор утверждает, что «… техническое отсутствие единых правил к форме электронных документов не позволяет смарт-контракту иметь полную юридическую силу для того, чтобы появилась возможность придать смарт-контракту статус отдельного вида договора» [7].

Наиболее важным фактом для понимания правового статуса смарт-контрактов в России является тот факт, что российское законодательство, хотя и не использует термин «смарт-контракт» в своих актах, создало для него надежную правовую базу через модификацию и дополнение существующих норм гражданского права.

Это стратегическое решение законодателя следует рассматривать не как пробел в праве, а как проявление принципа технологической нейтральности, направленного на обеспечение развития технологии без преждевременного ограничения ее потенциала. Как справедливо отмечает Усачев Е.Г. «… если признать смарт-контракт отдельным видом договорной конструкции возникает ряд вопросов: в каком нормативном правовом акте и в каком разделе это будет закреплено, как будут поименованы стороны и каковы существенные условия сделки, как будет устанавливаться ответственность…» [10, С. 199].

Основополагающим шагом стало введение Федеральным законом № 34-ФЗ от 18 марта 2019 года поправок в ГК РФ. Абзац 2 пункта 1 статьи 160 ГК РФ был дополнен, и теперь он устанавливает, что письменная форма сделки считается соблюденной, если она совершена с помощью электронных или иных технических средств, позволяющих воспроизвести ее содержание на материальном носителе в неизменном виде, и достоверно установить лицо, выразившее волю.

Данная норма функционально эквивалентна письменной форме и является ключевым основанием для признания действительности электронных документов, включая те, что заключаются и исполняются с помощью смарт-контрактов. Важно отметить, что эта норма имеет прио-

ритет над формальным толкованием части 1 статьи 7 Федерального закона «Об электронной подписи», поскольку ГК РФ рассматривается как специальная (lex specialis) и более поздняя норма [16].

Другим критически важным элементом правовой основы стала поправка в пункт 1 статьи 309 ГК РФ, также введенная тем же законом № 34-ФЗ. Она прямо разрешает сторонам предусмотреть в условиях сделки исполнение обязательств сторонами при наступлении определенных обстоятельств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления путем применения информационных технологий, определенных в этих условиях. Эта норма является прямым правовым разрешением на использование механизма автоматического исполнения, заложенного в саму суть смарт-контрактов.

Кроме того, в ГК РФ была введена новая статья 141.1 «Цифровые права», которая определяет их как обязательства и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информации системы, соответствующими требованиям законодательства. Это положение создает правовую возможность для возникновения, изменения и прекращения правовых отношений, основанных на правилах информационной системы, что является формальной базой для цифровых прав, часто реализуемых через смарт-контракты.

Также стоит отметить, что в первоначальном проекте Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержалось определение смарт-контракта, однако в окончательной редакции оно было исключено [9]. Вместе с тем, сам факт регулирования цифровых финансовых активов в данном законе косвенно подтверждает легитимность использования смарт-контрактов в сфере инвестиций.

Более позднее законодательство продолжило развивать эту линию. Так, Федеральный закон № 466-ФЗ от 15 декабря 2025 года ввел категорию «долговых цифровых финансовых активов», обязанность по которым должна выполняться автоматически и исключительно путем перевода денежных средств [11]. Это еще один шаг к созданию четких правил для определенных типов смарт-контрактов, где исполнение жестко регламентировано и алгоритмизировано.

Таким образом, комплексный анализ показывает, что правовая природа смарт-контракта в российском праве указывает, что он является не самостоятельным институтом, а скорее специфической формой исполнения договора, реализованной в электронной среде и основанной на механизме автоматизации, предусмотренном абзацем 2 пункта 1 статьи 309 ГК РФ. Его юридическая сила опирается на общие нормы о письменной форме (статья 160 ГК РФ), о заключении договора (статья 434 ГК РФ) и о правах в информационных системах (статья 141.1 ГК РФ). Отсутствие прямого определения в законодательстве следует рассматривать не как правовой пробел, а как осознанное стратегическое решение, направленное на сохранение технологической нейтральности и обеспечение возможности дальнейшего развития этой инновационной технологии без преждевременного ограничения ее применения.

Сущность смарт-контракта представляет собой сложное явление, находящееся на стыке технологий программирования, криптографии и права. Для его всестороннего анализа необходимо рассмотреть, как его технологические основы, так и их прямые правовые последствия, поскольку именно взаимосвязь этих двух компонентов определяет уникальность и одновременно риски данного инструмента.

Характерные черты смарт-контракта можно сгруппировать в две большие категории:

- технологические свойства, обеспечивающие его работу;

- правовые характеристики, возникающие в результате его применения.

Эти два аспекта неразрывно связаны, и понимание их взаимозависимости является ключом к оценке потенциала и опасностей смарт-контрактов.

Технологические основы смарт-контракта лежат в области алгоритмизации и децентрализованных технологий. В своей основе смарт-контракт - это компьютерный алгоритм или программный код, который фиксирует условия сделки и автоматически исполняет предусмотренные действия при наступлении заранее заданных событий. Ключевая особенность этого кода - его автономность и самоисполнимость, реализуемая по принципу «если/то» [9]. Возьмём для примера условие: «при зачислении средств на расчётный счёт товар передаётся покупателю в автоматическом режиме». После размещения такого протокола в децентрализованной системе (как правило, блокчейн-платформе) он интегрируется в инфраструктуру сети и функционирует автономно, исключая необходимость контроля со стороны участников сделки или внешних регуляторов. Именно эта способность к самореализации условий выделяет смарт-контракты среди традиционных инструментов, обеспечивая чёткое соблюдение сроков и параметров исполнения обязательств.

Анализируя правовую природу технологии, следует отметить, что её технические особенности формируют специфические юридические последствия. Ключевая характеристика - неотвратимость исполнения заложенных алгоритмов - одновременно генерирует конкурентные преимущества и системные уязвимости. С позитивной стороны, механизм гарантирует неукоснительное выполнение договорённостей в заранее определённые временные рамки и в полном объёме, что критически важно для высокочувствительных отраслей. Например, в сфере финтеха это минимизирует риски невыполнения сделок, а в цепях поставок - исключает человеческий фактор при учёте перемещения грузов.

С другой стороны, эта же черта лишает стороны возможности вмешаться в процесс исполнения, даже если в коде содержится ошибка или произошло событие, не учтенное в условиях сделки. Если код некорректно передает волю сторон, то исполнение будет происходить вопреки их намерениям, и исправить это можно будет только путем заключения нового контракта или судебного разбирательства для выявления действительной воли [2].

Неизменяемость кода, являясь технологической гарантией, в правовом плане становится источником риска. Она означает, что любая ошибка в программировании, так называемый «баг», будет исполнена до конца, и ее последствия будут необратимыми. В отличие от обычного

договора, где ошибка может быть исправлена через соглашение сторон или судебное решение, в смарт-контракте код сам по себе является юридическим обязательством, и его неверная интерпретация или выполнение становится фактом, который нельзя отменить.

Ключевым аспектом правового регулирования блокчейн-технологий выступает сочетание открытости данных и распределённого управления. Открытый доступ к записям операций создаёт условия для верификации исполнения договорённостей всеми сторонами, минимизируя вероятность злоупотреблений [6]. В то же время данная особенность вступает в коллизию с нормами законодательства, защищающего конфиденциальность личной информации [12].

Отсутствие единого уполномоченного органа, характерное для децентрализованных систем, порождает вызовы в сфере юрисдикции и урегулирования конфликтов. Традиционные правоприменительные механизмы оказываются недостаточно эффективными, что обусловливает необходимость разработки специализированных инструментов разрешения споров, учитывающих архитектуру распределённых сетей [4].

В заключении стоит отметить, что автоматизация процессов через смарт-контракты напрямую влияет на экономическую составляющую: сокращение роли посредников (финансовых учреждений, нотариальных контор, консультантов в юриспруденции) сокращает операционные расходы и временные рамки сделок [13]. Подобная трансформация делает технологию стратегически выгодной для компаний, ориентированных на оптимизацию бизнес-процессов и усиление рыночных позиций. Архитектура смарт-контракта позволяет совместить правовую стабильность традиционного договора с технологической эффективностью автоматизации.

Список литературы:

1. Бурова С.М. Смарт-контракт как основной вид цифровой формы договора // Вопросы российской юстиции. 2024. № 33. С. 120-137.
2. Варбанова Г. Правовая природа смарт-контрактов: договор или программный код? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. 1(4). С. 1028-1041. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-smart-kontraktov-dogovor-ili-programmnyy-kod (дата обращения: 16.12.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://demo.garant.ru/#/document/10164072 (дата обращения: 14.12.2025).
4. Кузьмин И.М. Блокчейн-арбитраж в контексте цифровизации правосудия // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 24 (142). С.1-2.
5. Кулина А.И. Смарт-контракты: правовая природа, проблемы применения и регулирование в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 37. – С. 127-135.
6. Павлюк А.В., Кириллова Е.А. К вопросу о гражданско-правовой классификации смарт-контрактов // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1 (145). С.62-68.
7. Руденко А.А. Между прошлым и будущим: проблемы и перспективы правового регулирования смарт-контрактов в гражданском обороте // Ученые записки Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России): Сборник научных статей преподавателей. - Саранск: ИП Афанасьев В.С., 2024. – EDN QZKBMS.
8. Сомова Е.В. Смарт-контракт в договорном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2 (75). С. 79-86.
9. Таначева В.Н., Бражников Д.А. Правовые основы внедрения смарт-контрактов в сфере финансовых услуг [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-vnedreniya-smart-kontraktov-v-sferefinansovyh-uslug (дата обращения: 15.12.2025).
10. Усачев Е.Г. Смарт-контракт как разновидность договора в электронной форме // Закон и право. 2025. № 2. С. 197-201.
11. Федеральный закон от 15.12.2025 № 466-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 и 3 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://demo.garant.ru/#/document/413268569/ (дата обращения: 14.12.2025).
12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://demo.garant.ru/#/document/12148567/ (дата обращения: 14.12.2025).
13. Цифровые смартконтракты как перспективная форма развития платформенной экономики [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/10/31/tsifrovie-smartkontrakti-kakperspektivnaya-forma-razvitiya-platformennoi-ekonomiki (дата обращения: 16.12.2025).
14. Что такое smart-contracts [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://pravorub.ru/personal/ (дата обращения: 16.12.2025).
15. Швец А.В., Гайдук В.А. Смарт-контракты в российском праве: отсутствие определения и вызванные им юридические и практические проблемы // Юрист. 2024. № 1. С. 51-54.
16. Шугаев Р.И. Электронная форма сделок: вопросы правового регулирования [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.digitallawjournal.org/jour/article/view/144?locale=ru_RU (дата обращения: 15.12.2025).
17. Электронная форма сделок и «смарт-контракты»: что это такое и как может повлиять на привычное правоприменение? [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.garant.ru/ia/ opinion/author/gavrilenko/1299018/ (дата обращения: 15.12.2025).

References:

1. Burova S.M. Smart contract as the main type of digital contract form // Issues of Russian justice. 2024. No. 33. pp. 120-137.
2. Varbanova G. The legal nature of smart contracts: contract or program code? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. 1(4). pp. 1028-1041. [electronic resource]. Access mode: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-smart-kontraktov-dogovor-ili-programmnyy-kod (date of request: 12/16/2025).
3. The Civil Code of the Russian Federation (Part 1) dated 11/30/1994 No. 51-FZ [Electronic resource]. Access mode: URL: https://demo .garant.ru/#/document/10164072 (date of request: 12/14/2025).
4. Kuzmin I.M. Blockchain arbitration in the context of the digitalization of justice // International Scientific Research Journal. 2024. No. 24 (142). pp.1-2.
5. Kulina A.I. Smart contracts: legal nature, problems of application and regulation in the Russian Federation // Issues of Russian justice. – 2025. – No. 37. – pp. 127-135.
6. Pavlyuk A.V., Kirillova E.A. On the issue of the civil law classification of smart contracts // Russian law: education, practice, science. 2025. No. 1 (145). pp.62-68.
7. Rudenko A.A. Between the past and the future: problems and prospects of legal regulation of smart contracts in civil circulation // Scientific papers of the Kaluga Institute (branch) The Supreme Court (RPA of the Ministry of Justice of Russia): Collection of scientific articles by teachers. - Saransk: IP Afanasyev V.S., 2024. – EDN QZKBMS.
8. Somova E.V. Smart contract in contract law // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2019. No. 2 (75). pp. 79-86.
9. Tanacheva V.N., Brazhnikov D.A. The legal basis for the implementation of smart contracts in the field of financial services [Electronic resource]. Access mode: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-vnedreniya-smart-kontraktov-v-sferefinansovyh-uslug (date of reference: 12/15/2025).
10. Usachev E.G. Smart contract as a type of contract in electronic form // Law and Law. 2025. No. 2. pp. 197-201.
11. Federal Law No. 466-FZ dated 12/15/2025 "On Amendments to Articles 1 and 3 of the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [Electronic resource]. Access mode: URL: https://demo .garant.ru/#/document/413268569 / (date of request: 12.12.2025).
12. Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006 "On Personal Data" [Electronic resource]. Access mode: URL: https://demo .garant.ru/#/document/12148567 / (date of request: 14.12.2025).
13. Digital smart contracts as a promising form of development of the platform economy [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/10/31/tsifrovie-smartkontrakti-kakperspektivnaya-forma-razvitiya-platformennoi-ekonomiki (date of access: 12/16/2025).
14. What is smart-contracts [Electronic resource]. Access mode: URL: https://pravorub.ru/personal / (date of reference: 12/16/2025).
15. Shvets A.V., Gaiduk V.A. Smart contracts in Russian law: the lack of definition and the legal and practical problems caused by it // Lawyer. 2024. No. 1. pp. 51-54.
16. Shugaev R.I. Electronic form of transactions: issues of legal regulation [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.digitallawjournal.org/jour/article/view/144?locale=ru_RU (date of access: 12/15/2025).
17. Electronic form of transactions and "smart contracts": what is it and how can it affect the usual law enforcement? [electronic resource]. Access mode: URL: https://www.garant.ru/ia / opinion/author/gavrilenko/1299018/ (accessed: 12/15/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_390

УДК 349.444

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН
CONFLICT OF INTERESTS IN THE STATE AND MUNICIPAL SERVICE AS A FACTOR AFFECTING THE REALIZATION OF CITIZENS' HOUSING RIGHTS

ЗЕМЛЯЧЕНКО Ярослав Владимирович
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».
308015, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Победы, 85.
E-mail: zemlyachenko@bsuedu.ru;

КОЛОСКОВА Дарья Алексеевна
студент юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».
308015, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Победы, 85.
E-mail: koloskova@bsuedu.ru.
Yaroslav Vladimirovich

ZEMLYACHENKO Yaroslav Vladimirovich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process at the Law Institute
Belgorod State National Research University.
85 Pobedy St., Belgorod, Belgorod region, 308015, Russia.
E-mail: zemlyachenko@bsuedu.ru;

KOLOSKOVA Darya Alekseyevna
student at the Law Institute Belgorod State National Research University.
85 Pobedy St., Belgorod, Belgorod region, 308015, Russia.
E-mail: koloskova@bsuedu.ru .

Краткая аннотация: *статья посвящена исследованию междисциплинарной тематики влияния конфликта интересов на реализацию и защиту жилищных прав граждан. Анализируются ситуации, связанные с конфликтом интересов в жилищных правоотношениях, возможная ответственность, на основе проведенного анализа предлагается внесение в правовую базу рассматриваемой сферы изменений, направленных на минимизацию коррупционных рисков и обеспечение гарантий защиты жилищных прав граждан.*

Abstract: *the article is devoted to the study of interdisciplinary subject of the influence of conflict of interest on the realization and protection of housing rights of citizens. The article analyzes the situations related to the conflict of interest in housing legal relations, possible liability, based on the analysis it is proposed to make changes to the legal framework of the area under consideration, aimed at minimizing corruption risks and ensuring guarantees of protection of housing rights of citizens.*

Ключевые слова: *жилищные права, конфликт интересов, коррупция, противодействие коррупции, публичная служба.*
Keywords: *housing rights, conflict of interest, corruption, anti-corruption, public service.*

Для цитирования*: Земляченко Я.В., Колоскова Д.А. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе как фактор, влияющий на реализацию жилищных прав граждан // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 390-392. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_390.*

For citation*: Zemlyachenko Ya.V., Koloskova D.A. Conflict of interests in public and municipal service as a factor influencing the realization of citizens' housing rights // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 390-392. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_390.*

Статья поступила в редакцию: 20.02.2026

Подлинность существования конфликта интересов на государственной и муниципальной службе как фактора, который может повлиять на реализацию и защиту гражданами жилищных прав, в настоящее время представляет собой актуальную проблему, требующую детального изучения. Несмотря на отсутствие нормативного правового акта, закрепляющего дефиницию «конфликт интересов в жилищной сфере», его проявления могут детерминировать нарушению прав граждан в указанной области. В отличие от сфер образования и здравоохранения, где определения «конфликт интересов» закреплены на законодательном уровне, сфера жилищных отношений – остается недостаточно защищенной от злоупотреблений, связанных с возникновением анализируемых интересов у должностных лиц. Так, *объектом* настоящего исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации жилищно-правовых норм.

Отметим, что распространенными проявлениями данной ситуации являются: неправомерное предоставление жилых помещений, незаконная приватизация жилого фонда, различные нарушения при проведении капитального ремонта многоквартирных домов и др. Дефицит правового регулирования и возможная коррупциогенность указанной области усугубляют эти проблемы.

Так, основываясь на федеральном законодательстве о противодействии коррупции (в частности, ч.1 ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3, Ст. 10]), можно сказать, что конфликт интересов в сфере жилищных отношений (как фактор, влияющий на реализацию и защиту жилищных прав граждан) может быть интерпретирован как ситуация, при которой личная заинтересованность лица, замещающего должность, связанную с осуществлением полномочий в области жилищных отношений, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей по реализации и защите жилищных прав граждан. Важно отметить, что в рассматриваемой сфере правоотношений решения и действия должностного лица могут быть мотивированы не общественными интересами и соблюдением закона, а стремлением получить личную выгоду (как прямо, так и в косвенной форме) или преимущество, что, соответственно, потенциально нарушает права и законные интересы граждан.

В контексте исследования особое значение имеет «Обзор типовых ситуаций конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядка их урегулирования» [5]. Данный документ, представляя, подчеркнем, практическое руководство, описывает типовые ситуации конфликта интересов, в том числе потенциально возникающие в сфере жилищных отношений, и предлагает рекомендации по их

предотвращению и урегулированию. Анализ рекомендаций с позиции их применимости к рассматриваемой области позволяет выработать эффективные механизмы минимизации коррупционных рисков и обеспечения надлежащей защиты жилищных прав граждан.

Тем не менее, общие положения о конфликте интересов встречаются в отдельных нормативных правовых актах, регулирующих в т.ч. нормы жилищного права, например, Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» от 20.08.2004 № 117-ФЗ [2], Постановление Правительства РФ от 07.11.2005 № 656 «Об утверждении Положения об установлении мер по недопущению возникновения конфликта интересов в сфере накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» [4] и др.

Возникновение конфликта интересов, его наличие и неурегулирование могут привести к различного рода ответственности, в том числе – к уголовной. Так, Благоварский районный суд, рассматривая дело № 1-120/2018, 14 февраля 2019 г. вынес обвинительный приговор по ст. ч.3 ст.159 УК РФ [6]. Таким образом, на основании данного примера, представляется возможным подробнее рассмотреть ситуацию конфликта интересов, которая в дальнейшем привела к совершению преступления. ФИО1, занимая должность в сельсовете, использовал свое служебное положение для получения личной выгоды – приобретения жилья по договору социального найма с последующей приватизацией. Так, вследствие деяния обвиняемого, другие нуждающиеся могли быть лишены возможности своевременно получить жилье.

Выделим основные признаки конфликта интересов, который проявился в нарушении жилищных прав, согласно исследуемой фабуле (см. таблицу 1):

Таблица 1. **Признаки конфликта интересов, проявившиеся в деле № 1-120/2018**

№ п/п	Признаки конфликта интересов	Проявление признаков в деле № 1-120/2018
1	личная заинтересованность	стремление получить жилое помещение в личных интересах и интересах семьи.
2	использование служебного положения	а) организация работы комиссии; б) сокрытие факта отчуждения недвижимости супругой; в) влияние на главу сельского поселения, в целях обеспечения принятия «нужного» решения.
3	нарушение объективности и беспристрастности	так, действия должностного лица не позволили комиссии объективно оценить нуждаемость его семьи в жилье и привели к нарушению прав других граждан, стоящих в очереди на получение жилья по договору социального найма.

Заключение договора социального найма и последующая приватизация жилья произошли с нарушением очередности, установленной Жилищным Кодексом Российской Федерации, в том числе, имело место мошенничество. Исходя из анализ данных факторов, совокупность рассмотренных в таблице 1 основных признаков конфликта интересов, его непредотвращение и неурегулирование привели к нарушению законодательства.

Отметим, что конфликт интересов в судебной практике по данному вопросу находит в большей мере косвенное отражение. Например, решение от 9 июля 2024 г. по делу № 2-335/2024 [7]. Для наглядности и демонстрации основных позиций по делу, составлена схема (см. рисунок 1).

Рисунок 1. **Фабула заседания по делу № 2-335/2024**

Обстоятельства дела

Онежский межрайонный прокурор обратился в суд с иском к ФИО1 и МКУ «Управление по инфраструктурному развитию, строительству и архитектуре администрации муниципального образования «Онежский муниципальный район» о признании приказа незаконным и изменении формулировки увольнения. ФИО1, исполняя обязанности заместителя главы администрации, подписал письма, подготовленные главным специалистом отдела по жилищным вопросам МКУ «Управление жилищно-коммунального хозяйства» ФИО2, что привело к конфликту интересов. ФИО2 не была привлечена к ответственности за нарушение исполнительной дисциплины.

Решение суда

Признал приказ об увольнении ФИО1 незаконным, изменил формулировку увольнения на увольнение в связи с утратой доверия, принял решение о взыскании с ФИО1 государственную пошлину в доход местного бюджета.

Позиция прокурора

Прокурор указал, что ФИО1 имел властно-распорядительные полномочия и создал покровительство по муниципальной службе ФИО2 с которой имел близкие семейные отношения, что привело к нарушению закона. Прокурор потребовал провести проверку соблюдения требований о предотвращении конфликта интересов.

Позиция ответчика

ФИО1 утверждал, что не знал о конфликте интересов и не принимал мер по его предотвращению. Ответчик заявил, что уволился по собственному желанию, чтобы избежать проверки.

Помимо того, что данный пример служит эмпирическим подтверждением актуальности темы исследования, он выполняет функцию иллюстратора возможных последствий неурегулирования конфликта интересов. Т.е., фактически, ФИО1 формально не получив прямой личной выгоды, своими действиями создал конфликтную ситуацию, чем демонстрируется проявление косвенной личной заинтересованности, указанной в федеральном законодательстве о противодействии коррупции. Подписание писем, имеющих отношение к жилищным вопросам, могло повлиять на распределение ресурсов, предоставление льгот или иные аспекты реализации жилищных прав граждан.

Таким образом, исходя из проведенного исследования отметим, что конфликт интересов на государственной и муниципальной службе как фактор, влияющий на реализацию жилищных прав граждан имеет форму острой проблемы, существенно нарушающей права и законные интересы граждан, подрывающей доверие со стороны последних к органам публичной власти.

Сфера жилищных отношений является особенно уязвимой к конфликту интересов в силу бесспорной социальной значимости, динамичной стоимости жилья и сложности регулирования. Проявления конфликта многообразны: от незаконного предоставления жилья и манипуляций с очередями до злоупотреблений при проведении капитального ремонта и управлении многоквартирными домами.

Предположим, что мерой, целенаправленной на редукцию последующих потенциальных конфликтов, может выступить совершенствование законодательства. Какую форму проявления данной идеи следует осуществить, чтобы вероятнее всего достичь поставленной цели? Отвечая на вопрос, обратимся к статье 10 Закона №273-ФЗ. На основании закрепленной в ч. 1 ст.10 нормы-дефиниции, следует сформулировать специализированное понятие «конфликт интересов», в области защиты, реализации жилищных прав граждан. Норма может иметь следующее толкование: конфликт интересов в сфере жилищных отношений – ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность в органе государственной власти или местного самоуправления, наделенного полномочиями в сфере жилищных отношений, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных обязанностей, связанных с реализацией жилищных прав граждан и регулированием жилищных отношений, а также принятие решений, затрагивающих жилищные интересы граждан или организаций.

Считаем, что можно допустить включение отдельной статьи в Жилищный кодекс, закрепляющей общие положения о конфликте интересов в данной сфере, что позволит систематизировать нормы, регулирующие данный вопрос, а также повысить их доступность для граждан и должностных лиц. Предположим, что возможный вариант размещения – после статей 12-14 Жилищного кодекса Российской Федерации [1], которые определяют компетенцию органов государственной власти, государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления в сфере жилищных отношений.

Преимущества выделенного определения выражается в следующих аспектах:

– ограничение сферы применения понятия жилищными отношениями, тем самым исключая неоднозначное толкование;

– расширение субъектного состава (указаны лица, исполняющие должностные обязанности в сфере жилищных отношений, способствуя более полному охвату потенциальных ситуаций конфликта интересов);

– соответствие антикоррупционному законодательству;

– практическая применимость.

Тем самым, включение данного определения в Жилищный кодекс Российской Федерации и в целом в жилищное законодательство позволит повысить эффективность противодействия коррупции, защитить права граждан и обеспечить более прозрачное и справедливое регулирование жилищных отношений.

Список литературы:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. №1. Ст. 14 (Часть I).
2. О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих: Федеральный закон от 20.08.2004 № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3532.
3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации. 2008 (ч.I). № 52. Ст. 6228.
4. Об утверждении Положения об установлении мер по недопущению возникновения конфликта интересов в сфере накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих: Постановление Правительства Российской Федерации от 07.11.2005 № 656 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 46. Ст. 4672
5. Обзор типовых ситуаций конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядка их урегулирования [Электронный ресурс] URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/protivodejstvie-korrupcii/obzor-tipovyh-situacij/ (дата обращения 11.02.2025).
6. Приговор Благоварского районного суда (Республика Башкортостан) № 1-120/2018 1-9/2019 от 14 февраля 2019 г. по делу № 1-120/2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/emi0kFaVvaQP/ (дата обращения 12.02.2025).
7. Решение Онежского городской суда Архангельской области № 2-335/2024 2-335/2024~М-285/2024 М-285/2024 от 9 июля 2024 г. по делу № 2-335/2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/wCTOCeKBXqgX/?ysclid=m71szmmarp653028362 (дата обращения 12.02.2025).

References:

1. Housing Code of the Russian Federation: Code of the Russian Federation from 29.12.2004 № 188-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. №1. Art. 14 (Part I).
2. On the savings and mortgage system of housing provision of servicemen: Federal Law of 20.08.2004 № 117-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. № 34. Art. 3532.
3. On Combating Corruption: Federal Law of 25.12.2008 № 273-FZ. Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008 (part I). № 52. Art. 6228.
4 On Approval of the Regulations on the Establishment of Measures to Prevent Conflict of Interest in the Sphere of the Mortgage Savings System of Housing Provision for Servicemen: Resolution of the Government of the Russian Federation of 07.11.2005 No. 656 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. № 46. Art. 4672
5. Review of typical situations of conflict of interest in the civil service of the Russian Federation and the procedure for their settlement [Electronic resource] URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/protivodejstvie-korrupcii/obzor-tipovyh-situacij/ (accessed 11.02.2025).
6. Verdict of the Blagovarsky district court (Republic of Bashkortostan) № 1-120/2018 1-9/2019 of February 14, 2019 on the case № 1-120/2018 [Electronic resource]. Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/emi0kFaVvaQP/ (accessed 12.02.2025).
7. Decision of Onega City Court of the Arkhangelsk region № 2-335/2024 2-335/2024~M-285/2024 M-285/2024 of July 9, 2024 in case № 2-335/2024 [Electronic resource]. Access mode: https://sudact.ru/regular/doc/wCTOCeKBXqgX/?ysclid=m71szmmarp653028362 (date of circulation 12.02.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_393

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ РОССИИ CIVIL LAW OF THE REPUBLIC OF BELARUS

ФУШТЕЙ Эльвира Равильевна
ООО «НГМ-Бурение», Директор юридического департамента.
107023, Россия, г. Москва, ул. Суворовская, д. 8.
E-mail: 3812654@gmail.com
FUSHTEY Elvira Ravilyevna
NGM-Drilling LLC, Director of the Legal Department.
8 Suvorovskaya St., Moscow, 107023, Russia.
E-mail: 3812654@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются основные механизмы защиты имущественных интересов в системе частного права Российской Федерации. Автор анализирует актуальные вопросы, связанные с защитой прав собственности, обязательств и других имущественных прав граждан и юридических лиц. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере защиты имущественных интересов, учитывая современные реалии и вызовы. Это включает в себя рекомендации по улучшению механизмов защиты прав, а также необходимость повышения правовой грамотности граждан в вопросах защиты своих имущественных интересов.*

Abstract: *Abstract: The article discusses the main mechanisms of protection of property interests in the system of private law of the Russian Federation. The author analyzes current issues related to the protection of property rights, obligations and other property rights of citizens and legal entities. The author comes to the conclusion that it is necessary to further improve legislation and law enforcement practice in the field of protection of property interests, taking into account modern realities and challenges. This includes recommendations for improving the mechanisms of protection of rights, as well as the need to increase the legal literacy of citizens in matters of protecting their property interests.*

Ключевые слова: *защита, имущественные интересы, частное право, Россия, права собственности, обязательства, судебная защита, арбитраж, правовые механизмы, Гражданский кодекс.*

Key words: *Keywords: protection, property interests, private law, Russia, property rights, obligations, judicial protection, arbitration, legal mechanisms, Civil Code.*

Для цитирования*: Фуштей Э.Р. Защита имущественных интересов в современном частном праве России // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 393-396. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_393.*

For citation*: Fushtey E.R. Protection of property interests in modern Russian private law // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 393-396. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_393.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Защита имущественных интересов является одним из ключевых направлений развития современного российского частного права. В условиях трансформации экономических и правовых отношений происходит значительное расширение правовых механизмов, направленных на охрану собственности и иных имущественных интересов физических и юридических лиц. Е. Н. Агибалова и Н. А. Мачехина отмечают, что "современное гражданское законодательство сталкивается с необходимостью адаптации к цифровой экономике, что требует уточнения и усиления механизмов защиты имущественных прав"[1]. Это мнение подтверждает актуальность исследования институтов правовой охраны имущественных интересов, учитывая специфику правового регулирования собственности, движимого и недвижимого имущества.

Правовое регулирование имущественных прав в России базируется на Конституции Российской Федерации, Гражданском кодексе РФ (части первая и вторая) и специализированных законодательных актах, таких как Земельный кодекс РФ, Жилищный кодекс РФ и Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости». С. С. Малыхин утверждает, что "право собственности граждан формирует основу имущественных отношений и является ключевым элементом гражданской правосубъектности"[2]. При этом он обращает внимание на необходимость комплексного взаимодействия гражданского, земельного и жилищного законодательства, что обеспечивает надежность защиты имущественных прав[3],[4].

Данная позиция представляется теоретически обоснованной и практически значимой, поскольку право собственности выступает не изолированным институтом, а системообразующим элементом всего массива частноправовых отношений. Отсутствие согласованности между нормами различных отраслей права приводит к фрагментации правового регулирования и затрудняет реализацию субъективных имущественных прав на практике. В условиях многообразия объектов собственности и усложнения правового режима недвижимости именно межотраслевое взаимодействие нормативных предписаний обеспечивает устойчивость правового статуса собственника и предсказуемость правоприменения, что имеет принципиальное значение для охраны имущественных интересов в современном частном праве.

Особое место в системе защиты имущественных интересов занимает процессуальное обеспечение прав. Гражданский процессуальный кодекс РФ регламентирует “процедуры обращения в суд и получения судебной защиты, обеспечивая реализацию имущественных прав через исковые и обеспечительные меры”[5]. А. В. Мильков подчеркивает, что "эффективность защиты имущественных интересов во многом определяется доступностью судебной системы и возможностью оперативного применения мер по восстановлению нарушенных прав"[6].

[1] Агибалова, Е. Н., Мачехина, Н. А. Проблемы развития гражданского законодательства в условиях цифровой экономики // Закон и право. 2026. №1. С. 12.
[2] Малыхин, С. С. Право собственности граждан в современном российском законодательстве // Вестник науки. 2026. №1 (94). С. 7.
[3] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136 ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
[4] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188 ФЗ (ред. от 25.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 2). Ст. 14.
[5] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138 ФЗ (ред. от 17.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4387.
[6] Мильков, А. В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов: специальность 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Москва, 2015. – С. 21.

Анализ нормативных положений и научных исследований позволяет заключить, что современная система защиты движимого имущества в общей собственности супругов требует не только четкой регламентации прав участников, но и комплексного учета социальных и экономических аспектов. Следует признать, что существующие механизмы, обеспечивающие реализацию прав совместных собственников, пока недостаточно гибки в отношении распределения имущественных интересов при возникновении конфликтных ситуаций. В практическом аспекте это проявляется в трудностях определения объема прав каждого из участников и обеспечения эффективного исполнения судебных решений. В этой связи представляется целесообразным рассматривать защиту движимого имущества через призму интеграции норм гражданского права и механизмов судебного контроля, что позволит более точно согласовывать интересы отдельных собственников с сохранением социальной функции семьи. Д. А. Спешилова отмечает, что "правовое регулирование распоряжения совместно нажитым имуществом должно сочетать индивидуальные права участников с интересами семьи как социальной ячейки"[1], что подтверждает необходимость формирования правовых механизмов, учитывающих комплексный характер имущественных отношений и обеспечивающих баланс между личной собственностью и коллективной ответственностью супругов. Такое сочетание нормативной определенности и практической применимости, на мой взгляд, является ключевым условием повышения эффективности защиты имущественных интересов в современных условиях.

В контексте недвижимого имущества значительное внимание уделяется земельным отношениям. Н. Е. Ким утверждает, что "конституционные основы регулирования земельных отношений устанавливают баланс между правами граждан и публичными интересами, обеспечивая правовую защиту частной собственности"[2].

Представленная позиция заслуживает поддержки, поскольку именно конституционный уровень правового регулирования задаёт пределы допустимого вмешательства публичной власти в сферу имущественных прав. Закрепление гарантий частной собственности в Основном законе формирует нормативный ориентир для развития гражданско-правовых и земельно-правовых институтов, исключая произвольное ограничение правомочий собственника. В условиях усложнения земельных отношений и усиления публично-правовых начал особую значимость приобретает интерпретация конституционных норм как инструмента защиты индивидуальных имущественных интересов, а не только как декларативного элемента правовой системы. С этой точки зрения конституционные положения выступают не фоновым регулятором, а активным механизмом согласования частных и общественных интересов, обеспечивающим устойчивость правового статуса собственника и предсказуемость правоприменения.

Аналогичную позицию поддерживает Л. А. Чеговадзе, который отмечает: "правовые механизмы защиты частных прав на земельные участки и недвижимость должны учитывать специфику публичного контроля и исключать произвольное вмешательство"[3].

Данная точка зрения отражает системный характер современного частноправового регулирования, в рамках которого защита имущественных интересов не может рассматриваться в отрыве от публично-правовых ограничений. Учет форм и пределов государственного контроля приобретает принципиальное значение для сохранения юридической определенности в сфере оборота недвижимости, поскольку именно чрезмерное или недостаточно обоснованное вмешательство публичных органов способно нивелировать ценность субъективного вещного права. В этом контексте защита частных интересов предполагает не устранение публичного элемента, а его нормативную формализацию, обеспечивающую соразмерность контрольных полномочий и устойчивость правового положения правообладателя. Такой подход способствует укреплению доверия к институту собственности и формированию сбалансированной модели взаимодействия частного и публичного начал в земельных и имущественных отношениях.

Федеральный закон № 218-ФЗ обеспечивает «юридическую регистрацию прав на недвижимость, что создает надежную правовую основу для защиты имущественных интересов»[4].

Немаловажным аспектом является защита интеллектуальной собственности и иных нематериальных имущественных прав. Н. Б. Серен-Хуурак и Д. В. Рахинский отмечают: "интеллектуальная собственность представляет собой важнейший элемент имущественного комплекса современного субъекта права, требующий специализированной защиты"[5]. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к охране имущественных интересов, включающего как традиционные, так и новые формы собственности.

Важное значение имеют наследственные отношения, которые формируют непрерывность имущественных интересов между поколениями. Д. А. Селюк, К. А. Турченко и Т. А. Ермолаева указывают, что "узаконивание иностранных завещательных распоряжений в рамках международного частного права обеспечивает соблюдение имущественных прав наследников вне зависимости от территориальной принадлежности имущества"[6].

Представленная позиция отражает объективную трансформацию наследственного права в условиях усложнения трансграничных имущественных связей. Признание и легализация завещательных распоряжений, совершённых за пределами национальной юрисдикции, выступают необходимым условием сохранения стабильности наследственных правомочий и предотвращения фрагментации наследственной массы. Отсутствие единых коллизионных и материально-правовых ориентиров способно привести к утрате правовой преемственности и поставить под сомнение реальность осуществления наследственных прав. В этой связи международно-правовое согласование наследственных институтов приобретает не только техническое, но и ценностное значение, поскольку направлено на обеспечение устойчивости имущественных интересов личности в условиях правового многообразия и территориальной разобщённости имущества.

[1] Спешилова, Д. А. Проблема распоряжения движимым имуществом, находящимся в общей собственности супругов // Сфера науки. 2026. №1. С. 3.
[2] Ким, Н. Е. Конституционные основы регулирования земельных отношений в Российской Федерации // Вестник науки. 2026. №1 (94). С. 8.
[3] Чеговадзе, Л. А. Защита прав и интересов субъектов гражданского права // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 2-ой ежегодной научно-практической конференции / под ред. Асланян, Н. П., Виниченко, Ю. В. – Иркутск: Издательство БГУЭП, 2013. – С. 164.
[4] Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218 ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344.
[5] Серен-Хуурак, Н. Б., Рахинский, Д. В. Право интеллектуальной собственности как институт гражданского права Российской Федерации // Вестник науки. 2026. №1 (94). С. 5.
[6] Селюк, Д. А., Турченко, К. А., Ермолаева, Т. А. Наследственное право в рамках международного частного права: актуальные аспекты узаконивания иностранных завещательных распоряжений // Вестник науки. 2026. №1 (94). С. 22.

Конституционно-правовые основы наследования также закреплены Д. М. Султыговым, который подчеркивает «необходимость синхронизации законодательных норм с международными стандартами для обеспечения юридической определенности»[1].

Данная позиция представляется обоснованной с точки зрения современного развития частного права, в рамках которого наследственные отношения всё чаще выходят за пределы национальных правопорядков. Несогласованность внутреннего законодательства с международными подходами снижает предсказуемость правового регулирования и осложняет реализацию наследственных прав участников, вовлечённых в трансграничные имущественные связи. Юридическая определённость в наследственной сфере выступает не только гарантией защиты имущественных интересов, но и условием доверия к правовой системе в целом. В этом контексте конституционные принципы наследования должны рассматриваться как методологическая основа для гармонизации национальных норм с международно признанными стандартами, обеспечивающими стабильность правового статуса наследников и непрерывность имущественного оборота.

Особую роль в обеспечении защиты имущественных интересов играет административная ответственность за нарушения прав собственности. «Кодекс РФ об административных правонарушениях предусматривает меры воздействия за незаконное занятие земель, нарушение правил оборота недвижимости и других имущественных прав»[2].

Э. Р. Фуштей отмечает, что "наличие административных санкций повышает эффективность защиты имущественных интересов, снижая риск нарушений и стимулируя соблюдение законодательства"[3]. Данное суждение отражает значимость публично-правовых инструментов в системе охраны имущественных интересов, которые в условиях усложнения имущественного оборота приобретают вспомогательное, но принципиально важное значение по отношению к гражданско-правовым средствам защиты. Административные санкции выполняют не только карательную, но и превентивную функцию, формируя устойчивую модель правомерного поведения участников имущественных отношений. Их применение способствует снижению числа правонарушений в сферах, где гражданско-правовые механизмы оказываются недостаточно оперативными либо затруднёнными в реализации. В результате обеспечивается дополнительный уровень правовой защищённости имущественных интересов, что укрепляет стабильность имущественного оборота и повышает доверие к действующей системе правового регулирования.

Проблемы защиты имущественных интересов также выявляются в сфере публичной собственности и при регулировании общедолевой собственности. Л. А. Чеговадзе подчеркивает: "правовые коллизии возникают преимущественно при отсутствии четких механизмов разграничения частных и публичных имущественных прав, что требует дальнейшей нормативной конкретизации"[4].

Высказанная позиция представляется обоснованной, поскольку неопределённость границ между частноправовыми и публично-правовыми имущественными притязаниями порождает устойчивые конфликты в правоприменительной практике, особенно в сферах земельных и имущественных отношений, находящихся под усиленным государственным контролем. Недостаточная детализация нормативных критериев разграничения соответствующих прав снижает предсказуемость правовых последствий для участников гражданского оборота и осложняет судебную защиту имущественных интересов. Развитие законодательных конструкций в данном направлении должно быть ориентировано на формирование ясных и внутренне согласованных правовых режимов, позволяющих обеспечить баланс автономии частного собственника и законных публичных интересов без подмены одного другим.

Е. Л. Орлова в свою очередь выделяет «необходимость совершенствования виндикационного механизма, позволяющего собственнику реализовать право на возврат незаконно отчужденного имущества»[5].

Пути совершенствования защиты имущественных интересов, выявленные на основе анализа законодательства и научных источников, включают: уточнение процедур регистрации прав на недвижимость, усиление судебного контроля, развитие институтов коллективной и корпоративной собственности, а также внедрение механизмов охраны интеллектуальных и нематериальных прав. Комплексное применение этих мер, по мнению Е. Н. Агибаловой и Н. А. Мачехиной, "способствует формированию устойчивой системы защиты имущественных интересов в условиях динамичного экономического и правового пространства"[6].

Представленный вывод отражает современное состояние частноправового регулирования, в котором устойчивость защиты имущественных интересов определяется не отдельными юридическими инструментами, а их согласованным функционированием в единой системе. В условиях цифровизации экономических процессов и усложнения имущественного оборота именно сочетание материально-правовых гарантий, процессуальных средств защиты и механизмов публичного контроля формирует необходимый уровень правовой стабильности. Недооценка комплексного характера указанных мер приводит к фрагментарности регулирования и снижению эффективности правовой охраны имущественных интересов, тогда как системный подход обеспечивает адаптацию частного права к изменяющимся социально-экономическим реалиям без утраты его базовых принципов.

Таким образом, “современное частное право России создает многоуровневую систему охраны имущественных интересов, включающую гражданско-правовые, процессуальные, административные и международно-правовые механизмы"[7]. Развитие законодательства и научных подходов к проблемам защиты собственности обеспечивает правовую стабильность и стимулирует формирование ответственного гражданского общества.

---

[1] Султыгов, Д. М. Конституционно-правовые основы реализации права наследования в Российской Федерации: наследование по закону и по завещанию // Вестник науки. 2026. №1 (94). С. 11.
[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1).
[3] Фуштей, Э. Р. Защита имущественных интересов в частном праве России // Образование и право. 2024. №8. С. 7.
[4] Чеговадзе, Л. А. О частных правах на публичную собственность // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: материалы V международной научно-практической конференции. Т. 1 / отв. ред. Трофимов, Е. В. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. – С. 74.
[5] Орлова, Е. Л. Виндикационно-правовая защита права собственности и других вещных прав: специальность 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2013. – С. 18.
[6] Агибалова, Е. Н., Мачехина, Н. А. Проблемы развития гражданского законодательства в условиях цифровой экономики // Закон и право. 2026. №1. С. 14.
[7] Раткова, А. В., Соловьёва, В. В. Гражданское общество: история становления, понятие, признаки // Вестник науки. 2026. №1 (94). С. 9.

Список литературы

1. Агибалова, Е. Н., Мачехина, Н. А. Проблемы развития гражданского законодательства в условиях цифровой экономики // Закон и право. 2026. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-grazhdanskogo-zakonodatelstva-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki (дата обращения: 10.02.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14 ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138 ФЗ (ред. от 17.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4387.
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188 ФЗ (ред. от 25.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 2). Ст. 14.
6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136 ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
7. Ким, Н. Е. Конституционные основы регулирования земельных отношений в Российской Федерации // Вестник науки. 2026. №1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-regulirovaniya-zemelnyh-otnosheniy-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 10.02.2026).
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1).
9. Малыхин, С. С. Право собственности граждан в современном российском законодательстве // Вестник науки. 2026. №1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-sobstvennosti-grazhdan-v-sovremennom-rossiyskom-zakonodatelstve (дата обращения: 10.02.2026).
10. Мильков, А. В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов: специальность 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Москва, 2015. – 41 с. – Место защиты: Российский государственный университет правосудия.
11. Орлова, Е. Л. Виндикационно-правовая защита права собственности и других вещных прав: специальность 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2013. – 26 с. – Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).
12. Раткова, А. В., Соловьёва, В. В. Гражданское общество: история становления, понятие, признаки // Вестник науки. 2026. №1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-istoriya-stanovleniya-ponyatie-priznaki (дата обращения: 10.02.2026).
13. Селюк, Д. А., Турченко, К. А., Ермолаева, Т. А. Наследственное право в рамках международного частного права: актуальные аспекты узаконивания иностранных завещательных распоряжений // Вестник науки. 2026. №1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nasledstvennoe-pravo-v-ramkah-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava-aktualnye-aspekty-uzakonivaniya-inostrannyh-zaveschatelnyh (дата обращения: 10.02.2026).
14. Серен-Хуурак, Н. Б., Рахинский, Д. В. Право интеллектуальной собственности как институт гражданского права Российской Федерации // Вестник науки. 2026. №1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-intellektualnoy-sobstvennosti-kak-institut-grazhdanskogo-prava-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 10.02.2026).
15. Спешилова, Д. А. Проблема распоряжения движимым имуществом, находящимся в общей собственности супругов // Сфера науки. 2026. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-rasporyazheniya-dvizhimym-imuschestvom-nahodyaschimsya-v-obschey-sobstvennosti-suprugov (дата обращения: 10.02.2026).
16. Султыгов, Д. М. Конституционно-правовые основы реализации права наследования в Российской Федерации: наследование по закону и по завещанию // Вестник науки. 2026. №1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-realizatsii-prava-nasledovaniya-v-rossiyskoy-federatsii-nasledovanie-po-zakonu-i-po-zaveschaniyu (дата обращения: 10.02.2026).
17. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218 ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344.
18. Фуштей, Э. Р. Защита имущественных интересов в частном праве России // Образование и право. 2024. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-imuschestvennyh-interesov-v-chastnom-prave-rossii (дата обращения: 10.02.2026).
19. Чеговадзе, Л. А. Защита прав и интересов субъектов гражданского права // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 2-ой ежегодной научно-практической конференции / под ред. Асланян, Н. П., Виниченко, Ю. В. – Иркутск: Издательство БГУЭП, 2013. – С. 163-168.
20. Чеговадзе, Л. А. О частных правах на публичную собственность // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты: материалы V международной научно-практической конференции. Т. 1 / отв. ред. Трофимов, Е. В. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. – С. 73-79.

References

1. Agibalova, E. N., Machekhina, N. A. Problems of the development of civil legislation in the digital economy // Law and Law. 2026. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-grazhdanskogo-zakonodatelstva-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki (date of appeal: 02/10/2026).
2. Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 01/26/1996 No. 14 FZ (as amended on 12/13/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 No. 51 FZ (as amended on 07/31/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
4. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002 No. 138 FZ (as amended on 07/17/2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4387.
5. Housing Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 No. 188 FZ (as amended on December 25, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (part 2). Art. 14.
6. The Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 № 136 FZ (as amended on 31.07.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 44. Art. 4147.
7. Kim, N. E. Constitutional foundations of regulation of land relations in the Russian Federation // Bulletin of Science. 2026. No. 1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-regulirovaniya-zemelnyh-otnosheniy-v-rossiyskoy-federatsii (date of application: 02/10/2026).
8. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195 FZ (as amended on 11/28/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1).
9. Malykhin, S. S. The right of ownership of citizens in modern Russian legislation // Bulletin of Science. 2026. No. 1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-sobstvennosti-grazhdan-v-sovremennom-rossiyskom-zakonodatelstve (date of request: 02/10/2026).
10. Milkov, A.V. Legal regulation of the protection of civil rights and legal interests: specialty 12.00.03 "Civil law, business law, family law, private international law": abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law. Moscow, 2015. 41 p. – Place of defense: Russian State University of Justice.
11. Orlova, E. L. Vindication and legal protection of property rights and other property rights: specialty 12.00.03 "Civil law, business law, family law, private international law": abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law. – Moscow, 2013. – 26 p. – Place of defense: Russian State University for the Humanities (RGGU).
12. Ratkova, A.V., Solovyova, V. V. Civil society: history of formation, concept, signs // Bulletin of Science. 2026. No. 1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-istoriya-stanovleniya-ponyatie-priznaki (date of request: 02/10/2026).
13. Selyuk, D. A., Turchenko, K. A., Ermolaeva, T. A. Inheritance law in the framework of private international law: actual aspects of legalizing foreign testamentary dispositions // Bulletin of Science. 2026. No. 1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nasledstvennoe-pravo-v-ramkah-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava-aktualnye-aspekty-uzakonivaniya-inostrannyh-zaveschatelnyh (date of request: 02/10/2026).
14. Seren-Huurak, N. B., Rakhinsky, D. V. Intellectual property law as an institution of civil law of the Russian Federation // Bulletin of Science. 2026. No. 1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-intellektualnoy-sobstvennosti-kak-institut-grazhdanskogo-prava-rossiyskoy-federatsii (date of request: 02/10/2026).
15. Speshilova, D. A. The problem of disposal of movable property owned jointly by spouses // Sphere of Science. 2026. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-rasporyazheniya-dvizhimym-imuschestvom-nahodyaschimsya-v-obschey-sobstvennosti-suprugov (date of request: 02/10/2026).
16. Sultygov, D. M. Constitutional and legal bases for the realization of the right of inheritance in the Russian Federation: inheritance by law and by will // Bulletin of Science. 2026. No. 1 (94). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-realizatsii-prava-nasledovaniya-v-rossiyskoy-federatsii-nasledovanie-po-zakonu-i-po-zaveschaniyu (date of application: 02/10/2026).
17. Federal Law "On State Registration of Real Estate" dated 07/13/2015 No. 218 FZ (as amended on 02/28/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (part 1). Article 4344.
18. Fushtey, E. R. Protection of property interests in the private law of Russia // Education and law. 2024. No. 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-imuschestvennyh-interesov-v-chastnom-prave-rossii (date of reference: 02/10/2026).
19. Chegovadze, L. A. Protection of the rights and interests of subjects of civil law // Protection of private rights: problems of theory and practice: proceedings of the 2nd Annual scientific and practical conference / ed. Aslanyan, N. P., Vinichenko, Yu. V. Irkutsk: BSUEP Publishing House, 2013, pp. 163-168.
20. Chegovadze, L. A. On private rights to public property // Modern trends in the development of private law, enforcement proceedings and methods of legal protection: proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. Vol. 1 / ed. Trofimov, E. V. – St. Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) All–Russian State University (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2019, pp. 73-79.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_397

УДК 347.457

ПРОБЛЕМА АВТОНОМИИ ВОЛИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВА, ПРИМЕНИМОГО К УЧЕТУ И ТРАНСГРАНИЧНОМУ ОБОРОТУ БЕЗДОКУМЕНТАРНЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ, НА ПРИМЕРЕ ГААГСКОЙ КОНВЕНЦИИ 2006 ГОДА

THE ISSUE OF PARTY AUTONOMY IN DETERMINING THE LAW UNCERTIFICATED TO THE BOOK-ENTRY HOLDING AND CROSS-BORDER CIRCULATION OF DEMATERIALIZED SECURITIES: A CASE STUDY OF THE 2006 HAGUE CONVENTION

ИСАЕВ Владимир Всеволодович
аспирант кафедры гражданского права юридического факультета,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, корпус 51.
E-mail: vladimir.v.isaev@icloud.com

ISAEV Vladimir V.
Graduate student Department of Civil Law of the Law Faculty,
Lomonosov Moscow State University.
119234, Moscow,, Leninskie Gory, 1-51.
E-mail: vladimir.v.isaev@icloud.com

Краткая аннотация. *В статье анализируются коллизионные проблемы, возникающие при использовании автономии воли в выборе права при учете и трансграничном обороте бездокументарных ценных бумаг. Сделан вывод о том, что автономия воли в качестве основного способа определения применимого права не способна органично регулировать правоотношения с третьими лицами, которые неизбежно формируются в отношениях, предметом которых являются бездокументарные ценные бумаги, учитываемые через цепочку посредников.*

Abstract*. The article analyzes conflict-of-law issues arising from the use of party autonomy in private international law in the context of book-entry holding and cross-border circulation of uncertificated securities. It concludes that party autonomy as the primary method for determining applicable law is incapable of organically regulating legal relationships with third parties, which inevitably arise in relations involving uncertificated securities held through a chain of intermediaries.*

Ключевые слова: *Сравнительное право, ценные бумаги, автономия воли, бездокументарные ценные бумаги, гражданское право.*
Keywords: *Comparative law, securitires, party autonomy, uncertificated securitires, civil law.*

Для цитирования*: Исаев В.В. Проблема автономии воли при определении права, применимого к учету и трансграничному обороту бездокументарных ценных бумаг, на примере гаагской конвенции 2006 года // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 397-400. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_397.*
For citation*: Isaev V.V. The problem of will autonomy in determining the law applicable to accounting and cross-border circulation of undocumented securities, using the example of the Hague Convention of 2006 // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 397-400. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_397.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Эволюция систем учета и возникновение бездокументарных форм ценных бумаг привели к сложным юридическим коллизиям, которые до сегодняшнего дня не получили однозначного разрешения в частном праве. Ключевой проблемой является отсутствие унифицированного подхода к определению того, право какой страны должно применяться при осуществлении трансграничных операций с ценными бумагами. Уже на этапе размещения, когда эмитент из одного государства размещает ценные бумаги на территории другого государства, возникают трансграничные правоотношения, осложненные иностранным элементом. Высокая скорость современных финансовых операций приводит к тому, что одна и та же ценная бумага в течение короткого промежутка времени (в том числе в течение одного торгового дня) может менять юрисдикцию несколько раз подряд. Кроме того, исполнение обязательств по сделкам с ценными бумагами нередко происходит за рубежом, вследствие чего валюта расчетов может отличаться от национальной валюты участников сделки.

Особенно остро вопрос применимого права встает в ситуациях, когда ключевые звенья цепочки – держатель реестра (депозитарий), эмитент и непосредственный собственник активов – зарегистрированы или фактически ведут деятельность в разных юрисдикциях. Дополнительную сложность создают многоступенчатые схемы учета, при которых передача прав на ценные бумаги осуществляется через целую сеть иностранных депозитариев [14].

Выбор применимого права приобретает особую значимость потому, что качество правового регулирования финансовых рынков в разных странах существенно различается. Уровень проработанности законодательства о сделках с ценными бумагами и производными финансовыми инструментами, сложность процедур заключения таких сделок и, что особенно важно, эффективность судебной защиты прав инвесторов могут варьироваться от юрисдикции к юрисдикции. Как указывал А.И. Муранов, институт автономии воли в вопросах применимого права позволяет участникам оборота по сути нейтрализовать негативные последствия от ведения деятельности в юрисдикциях, где соответствующие сделки считаются недействительными, незаконными или не защищаются должным образом судом [12]. Выбор сторонами применимого права создает эффект правовой определенности. Участники оборота заранее знают, законы какой страны будут регулировать их права и обязанности. Поэтому возможность подчинить договор наиболее удобному и развитому правопорядку становится для участников рынка мощным инструментом управления рисками [11]. Более того, автономия воли сторон влияет на механизмы «конкуренции» правопорядков: различные юрисдикции стремятся

создать наиболее привлекательное регулирование для участников рынка, чтобы стороны выбирали именно их право. В условиях усложняющейся внешнеполитической обстановки и введения различными юрисдикциями санкционных и контрсанкционных ограничений против государственных и частных лиц, возможность выбрать наиболее «безопасное» право приобретает ключевой характер для ведения внешнеторговой деятельности.

Риск попадания сделки под действие неблагоприятного для сторон законодательства проще всего минимизировать выбором наиболее благоприятной для сторон юрисдикции. На первый взгляд у сторон есть широкий выбор: они могут ориентироваться на право страны продавца или покупателя, государства, в валюте которого выражен платеж, страны регистрации выпуска ценных бумаг или юрисдикции посредника. Однако на практике нередко выбирается так называемое «нейтральное право» – законодательство третьей страны, не связанной напрямую со сторонами [3, с. 574]. При этом остается открытым вопрос о том, насколько такой выбор права будет признан судом, ведь отношения, складывающиеся при выпуске и обороте ценных бумаг в большой степени урегулированы публично-правовыми нормами, то есть нормами, носящими императивную, а не диспозитивную природу.

Важным ответом на коллизионные вызовы современности стала Гаагская конвенция о праве, применимом к определенным полномочиям в отношении ценных бумаг, держателем которых является посредник, 2006 года (далее – Конвенция). Она предложила отказаться от классической идеи применения права по месту нахождения актива и сосредоточиться на отношениях между владельцем счета и его непосредственным посредником (данный подход получил название *Place of the Relevant Intermediary Approach*, сокращенно – *PRIMA*).

Основное содержание Конвенции посвящено определению того, право какой страны должно применяться к отношениям, связанным с ценными бумагами, которые учитываются посредником. Под посредником в данном контексте понимается организация (например, депозитарий), ведущая счета для клиента. Конвенция охватывает широкий круг правоотношений: она определяет правовую природу требований владельца ценных бумаг к посреднику, последствия операций посредника с активами, принадлежащими клиенту, устанавливает круг обязанностей посредника перед третьими лицами, возникающих из факта хранения и учета бумаг. Ключевой принцип заключается в том, что все эти вопросы подчиняются праву, которое регулирует непосредственно договор счета депо (соглашение между владельцем счета и посредником). При этом важно разграничивать право, регулирующее отношения эмитента и инвестора, и право, определяющее титул собственности на саму ценную бумагу [16, с. 30].

Конвенция регулирует только вещные аспекты, связанные с зачислением активов на счет. Договорные же отношения между инвестором и его посредником подчиняются общим принципам – как правило, закону места заключения контракта (*lex loci contractus*). Кроме того, Конвенция не затрагивает отношения инвестора с эмитентом или регистратором. Это означает, что она не дает ответа на вопросы о том, как часто должны предоставляться выписки по счету, каково их содержание, каким стандартам обязана соответствовать деятельность посредника при проведении операций, какие требования предъявляются к его должной осмотрительности, а также в какие сроки должны направляться инструкции при управлении активами. Конвенция не регулирует коммерческие условия размещения активов у посредника, количество ценных бумаг, их тип и цену, по которой они учитываются или передаются. Также Конвенция не определяет право, применимое к корпоративным процедурам: порядку реализации прав голоса, выплате дивидендов, погашению облигаций и иных долговых обязательств. Равным образом она не затрагивает полномочия эмитента в рамках процедур погашения ценных бумаг. Все эти вопросы остаются на усмотрение национального законодательства или договоренностей сторон. Наконец, Конвенция сознательно дистанцируется от публично-правового регулирования финансовых рынков. Она не вмешивается в вопросы организации торговли ценными бумагами, не устанавливает требований к правовому статусу посредников и, что особенно важно, не затрагивает полномочий национальных регуляторов по контролю, надзору и применению мер принуждения. Все эти аспекты остаются в исключительной компетенции государств и их национальных правопорядков.

Проблема разграничения вещного и обязательственного статутов в сделках с движимым имуществом всегда стоит остро. Когда договор касается передачи собственности, его последствия неизбежно расщепляются: есть обязательственная и вещно-правовая части (последняя регулирует вопросы перехода титула и установления обременений).

Конвенция допускает ситуацию, когда обязательственные отношения между сторонами подчиняются праву одного государства, а вещно-правовые аспекты учета ценных бумаг – праву другого. Однако она устанавливает важное ограничение: все вопросы, перечисленные в ст. 2(1), должны регулироваться единообразно, то есть правом одного и того же государства. Недопустимо расщепление статута, при котором одни аспекты (скажем, природа прав на бумаги) подчинялись бы праву одной страны, а другие (например, последствия распоряжения) – праву другой страны.

Но в целом при определении применимого права Конвенция отдает приоритет воле сторон: если в соглашении о ведении счета прямо указано, законодательство какого государства подлежит применению, то применяется именно оно. Таким образом, инвестор и его посредник (депозитарий) получают возможность самостоятельно выбрать право, которое будет регулировать такие ключевые вопросы как правовой титул, требования к обеспечению и очередность удовлетворения требований кредиторов. На случай, если стороны не сделали такого выбора, Конвенция содержит запасной механизм: применяется право того государства, где находится основное место деятельности посредника. Для сложных случаев акт применяет теорию характерного исполнения и предусматривает развернутую систему дополнительных критериев, которые помогают точно определить применимый правопорядок, при этом четко оговаривая, какие обстоятельства, напротив, не должны приниматься во внимание [4].

Теоретически стороны могут выбрать, например, один из следующих вариантов: право страны, где зарегистрирован эмитент, право страны, где ведется реестр акционеров, право страны, где находится главный депозитарий, право места нахождения кредитора или должника.

Однако автономия воли в контексте Конвенции не является абсолютной. Для того, чтобы выбор сторон был действительным, конвенция устанавливает важное связующее условие – наличие у посредника надлежащего офиса в избранной сторонами юрисдикции. Причем необязательно, чтобы этот офис обслуживал непосредственно данного клиента – достаточно, чтобы он вообще осуществлял такую деятельность в данной юрисдикции либо чтобы его операции идентифицировались как ведение счетов ценных бумаг. Иными словами, посредник должен осуществлять в избранной сторонами стране реальную деятельность по ведению счетов ценных бумаг. Это требование призвано уравновесить свободу усмотрения сторон и необходимость сохранить объективную связь правоотношения с правопорядком, исключив возможность выбора удобного сторонам, но полностью оторванного от правоотношения права.

Либеральный подход Конвенции был направлен на окончательное избавление от «обременительного наследия закона места нахождения вещи», и выбор принципа автономии воли в качестве основополагающего встретил положительную реакцию множества западных ученых. Вспомогательный критерий, соответствующий критерию домицилия стороны, осуществляющей характерное исполнение, естественно, нашел поддержку у тех правоведов, кто уже высказывался в его пользу [15, с. 696-697].

Однако встретилась и важная критика, которая, подсветила одну из основополагающих проблем такого широкого применения автономии воли, который стал одной из причин фактического провала Конвенции. Автономия воли в выборе права допускает последствия, вступающие в противоречие с некоторыми целями института права собственности в тех случаях, когда оно направлено на защиту интересов третьих лиц. Прежде всего речь идет о ситуации, когда интересам посредников/владельцев ценной бумаги противостоят не интересы первоначального собственника или покупателя, а интересы других посредников/владельцев в опосредованной цепочке. Автономия воли позволяет выбирать такие правопорядки, которые попросту предоставляют приоритет одному из посредников над другими. Более того, она открывает возможность для злоупотреблений со стороны последних посредников в цепочке: в случае возникновения спора по поводу прав на ценные бумаги (в частности, в спорах о старшинстве конкурирующих прав на одни и те же ценные бумаги), текущему посреднику (фактическому владельцу) в целях преодоления требований в отношении ценных бумаг со стороны первоначального собственника или третьих лиц достаточно перевести бумаги на свой счет, который подчинен праву юрисдикции, отдающей приоритет последнему владельцу активов.

В свою очередь теория характерного исполнения претендует на преимуществом в объективности, но она была разработана для определения права, применимого к договорным отношениям, местонахождение которых считалось обусловленным социально-экономическими аспектами договора. Вместе с тем рассматриваемые договорные отношения по большей части носят двусторонний характер между посредниками, а отношения с третьими лицами имеют иную природу. Таким образом, мы пытаемся применить норму, разрешающую коллизионные вопросы между сторонами посреднических отношений, к притязаниям третьих лиц. «Центр притяжения» правоотношений с третьими лицами, если стремиться к объективности, не должен определяться характерным исполнением договора между посредниками в цепочке владения ценными бумагами. Такое положение не соответствует правовой действительности в отношении вещного статуса ценных бумаг, объективным «центром притяжения» которого является система учета прав на ценные бумаги.

В юридической литературе высказывается мнение, что в сфере договорных обязательств, где приоритет отдается воле и интересам участников, наиболее оправданным является максимально свободный выбор права. Ограничения излишни, даже если избранный правопорядок никак не связан с существом сделки [10, с. 236].

Однако, как справедливо указывает профессор Л.П. Ануфриева, простое наличие в деле неких иностранных элементов автоматически не переводит договор или спор в сферу международного частного права [1, с. 61]. Применительно к сделкам на фондовом рынке надлежащий иностранный элемент может проявляться в трех формах: субъект правоотношений (например, иностранный инвестор), объект (например, валюта или ценные бумаги, выпущенные иностранным эмитентом), либо юридический факт (например, изменение котировок на зарубежной бирже), с которым закон связывает возникновение прав и обязанностей.

Дискуссионным является вопрос о том, достаточны ли для применения принципа автономии воли такие факторы, как использование иностранной валюты или привязка к зарубежным биржевым индексам. Отечественная правовая доктрина отрицательно относится к возможности валютной привязки. Считается, что сам по себе факт использования иностранной валюты для определения суммы долга не означает автоматического выбора иностранного правопорядка. В международном торговом обороте такая привязка не рассматривается как коллизионный критерий, отсылающий к праву страны валюты [8, с. 226].

Но было бы ошибкой полагать, что номинирование обязательства в иностранной валюте полностью безразлично для коллизионного регулирования. Подобный способ определения валюты долга может приобрести юридическое значение, если он сочетается с иными обстоятельствами сделки, например, если стороны не только указали валюту конкретного государства, но и назначили местом исполнения это же государство, а также подчинили договор его юрисдикции, такая совокупность факторов способна свидетельствовать о намерении сторон подчинить отношения в целом правопорядку данной страны. Кроме того, суд может использовать все эти признаки в комплексе для так называемой «локализации» договора, т.е. для определения того, с каким правопорядком сделка имеет наиболее тесную связь. Зарубежные исследователи также подтверждают, что при выборе применимого права стороны нередко отталкиваются от валюты (или валют), в которой выражен предмет соглашения [8, с. 226].

Ключевая сложность заключается в том, что встречные обязательства в отношениях учета и оборота бездокументарных ценных бумаг образуют единую систему взаимосвязанных элементов. Рассматривать их изолированно друг от друга или пытаться расщепить применимый к ним правовой статут (то есть подчинить разные части сделки разным правопорядкам) хотя теоретически и возможно, но на практике крайне не-

желательно. Это может разрушить целостность регулирования и породить правовую неопределенность [13, с. 303].

Анализируя коллизионное регулирование сделок с ценными бумагами, важно затронуть роль таких фундаментальных механизмов как императивные нормы и оговорка о публичном порядке. Эти институты представляют собой универсальные ограничители применения иностранного права, которые действуют вне зависимости от того, каким способом был выбран правопорядок (соглашением сторон или через коллизионные нормы) и к какой сфере гражданско-правовых отношений относится спор [9, с. 384]. При всех различиях в объеме и процедуре применения их объединяет общая цель – не допустить действия иностранного закона, если оно ущемляет фундаментальные принципы национального правопорядка [6, с. 313, 316].

Оговорка о публичном порядке урегулирована ст. 11 Конвенции. Суд вправе отказать в применении иностранного права, если его последствия окажутся несовместимыми с фундаментальными основами правовой системы страны суда. Конвенция также не препятствует применению сверхимперативных норм страны суда. Речь идет о правилах особой значимости, которые подлежат применению независимо от того, какое право выбрали стороны или какая коллизионная норма обычно действует в данной ситуации. Но ни оговорка о публичном порядке, ни сверхимперативные нормы не могут применяться, когда речь идет о требованиях, связанных с окончательным оформлением перехода прав на ценные бумаги, либо при разрешении споров о приоритете (старшинстве) конкурирующих прав на одни и те же ценные бумаги.

Представляется, что в отношении ценных бумаг применение оговорки о публичном порядке должно быть максимально сдержанным. Следует согласиться с классическим общим подходом в МЧП, гласящим, что основанием для ее применения служит не само по себе несоответствие содержания иностранной нормы базовым принципам права страны суда, а принципиальная неприемлемость тех последствий, к которым может привести применение такой нормы. Иными словами, суд должен оценивать не абстрактное содержание чужого закона, а конкретный результат его применения в данных обстоятельствах, который должен явно противоречить основам российского правопорядка[1].

Таким образом, предложенный Конвенцией механизм, основанный на приоритете автономии воли сторон, хоть и является на первый взгляд прогрессивным с точки зрения предсказуемости и эффективности, на практике открывает возможности для злоупотреблений, особенно в многоступенчатых цепочках депозитариев. Автономия воли в качестве основного способа определения применимого права не способна органично регулировать правоотношения с третьими лицами, которые неизбежно формируются в отношениях, предметом которых являются бездокументарные ценные бумаги, учитываемые через цепочку посредников. Фактический провал ратификации Конвенции лишь подтверждает невозможность полагаться на автономию воли.

Список литературы

1. Ануфриева Л.П. Международное частное право: Учебник. В 3-х т. М., 2002. Т. 1.
2. Звеков В.П. Международное частное право: Учебник. М., 2004.
3. Жюйар П., Карро Д. Международное экономическое право. 4-е изд. / Пер. с фр. М., 2002.
4. Канашевский В.А. Коллизионное регулирование ценных бумаг: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 87 – 94.
5. Клевченкова М.Н., Ерпылева Н.Ю. Коллизионное и материальное регулирование обращения ценных бумаг: частноправовые аспекты // Законодательство и экономика. 2009. № 6. С. 52 – 69.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей / Под ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.В. Светланова. М., 2004.
7. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М., 2002.
8. Лунц Л.А. Международное частное право. М., 1970.
9. Международное частное право: Учебник / Отв. ред. Г.К. Дмитриева. М., 2004.
10. Международное частное право: Учебник / Отв. ред. Н.И. Марышева. М., 2004.
11. Монастырский Ю.Э. О значении иностранного права в установлении требований в процессах по банкротству РФ // Московский журнал международного права. 2002. № 1. С. 183 – 190.
12. Муранов А.И. Некоторые особенности правового статуса расчетных форвардов в свете российского международного частного права // Московский журнал международного права. 1999. № 2. С. 363 – 369.
13. Отдельные виды обязательств в международном частном праве / Н.Г. Доронина, В.А. Егиазаров, В.П. Звеков и др.; под ред. В.П. Звекова. М., 2008.
14. Goode R. The Nature and Transfer of Rights in Dematerialized and Immobilized Securities // F. Oditah (ed.) The future for the global securities market: legal and regulatory aspects. Clarendon, Oxford, 1996. P. 107 – 130.
15. Gridel A., D'Avout L. Financial Markets and Instruments in Private International Law / Intersentia, 2025. P. 968.
16. Weber S. The Law Applicable to Bonds. In: The Law of Cross-Border Securities Transactions / Ed. by Hans van Houtte. L., 1999.

References

1. Anufrieva L.P. International private law: Textbook. In 3 volumes, Moscow, 2002. Vol. 1.
2. Zvekov V.P. International private law: Textbook. Moscow, 2004.
3. Juillard P., Carro D. International economic law. 4th ed. / Translated from French M., 2002.
4. Kanashevsky V.A. Conflict of laws regulation of securities: status and prospects // Journal of Russian Law. 2011. No. 9. pp. 87-94.
5. Klevchenkova M.N., Erpyleva N.Yu. Conflict–of-laws and material regulation of securities circulation: private law aspects // Legislation and economics. 2009. No. 6. pp. 52-69.
6. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part Three / Edited by T.E. Abova, M.M. Boguslavsky, A.V. Svetlanov. M., 2004.
7. Commentary to part three of the Civil Code of the Russian Federation / Edited by A.L. Makovsky, E.A. Sukhanov. M., 2002.
8. Lunts L.A. International private law. M., 1970.
9. International private law Law: Textbook / Ed. by G.K. Dmitriev, M., 2004.
10. Private International Law: Textbook / Ed. by N.I. Marysheva, M., 2004.
11. Monastyrsky Yu.E. On the importance of foreign law in establishing claims in bankruptcy proceedings of the Russian Federation // Moscow Journal of International Law. 2002. No. 1. pp. 183-190.
12. Muranov A.I. Some features of the legal status of settlement forwards in the light of Russian private international law // Moscow Journal of International Law. 1999. No. 2. pp. 363-369.
13. Certain types of obligations in private international law / N.G. Doronina, V.A. Egiazarov, V.P. Zvekov et al.; edited by V.P. Zvekov, Moscow, 2008.
14. Goode R. The Nature and Transfer of Rights in Dematerialized and Immobilized Securities // F. Oditah (ed.) The future for the global securities mar-ket: legal and regulatory aspects. Clarendon, Oxford, 1996. pp. 107-130.
15. Gridel A., D'avout L. Financial Markets and Instruments in Private International Law / Intersentia, 2025. P. 968.
16. Weber S. The Law Applicable to Bonds. In: The Law of Cross-Border Securities Transactions / Ed. by Hans van Houtte. L., 1999.

[1] Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М., 2002. С. 359.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_401

УДК 343.14

ДОКАЗЫВАНИЕ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КОНФЕДЕРАЦИИ ШВЕЙЦАРИЯ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

PROVING BY A DEFENSE LAWYER IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE CONFEDERATION OF SWITZERLAND AS REPRESENTATIVES OF THE ROMANO-GERMAN LEGAL FAMILY: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

МАЙКО Дарья Петровна,
аспирант, Красноярский государственный аграрный университет.
660130, Россия, г. Красноярск, ул. Елены Стасовой, 44И.
E-mail: elenakrs@bk.ru;

MAIKO Darya Petrovna,
PhD student, Krasnoyarsk State Agrarian University.
44I Elena Stasova str., Krasnoyarsk, 660130, Russia.
E-mail: elenakrs@bk.ru

Краткая аннотация: *в статье автором рассмотрено участие защитника в процессе доказывания в Российской Федерации и Конфедерации Швейцария, в том числе право собирания доказательств. Проведен сравнительный анализ прав защитника.*

Abstract: *In this article, the author examines the participation of a defense attorney in the proofing process in the Russian Federation and the Swiss Confederation, including the right to collect evidence. A comparative analysis of the defense attorney's rights is conducted.*

Ключевые слова: *защитник в Российской Федерации и Конфедерации Швейцария, собирание защитником доказательств.*

Key words: *defense attorney in the Russian Federation and the Swiss Confederation, and the defense attorney's collection of evidence.*

Для цитирования: *Майко Д.П. Доказывание адвокатом-защитником в Российской Федерации и конфедерации Швейцария как представителей романо-германской правовой семьи: сравнительно-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 401-403. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_401.*

For citation*: Maiko D.P. Proving by a defense lawyer in the Russian Federation and the confederation of Switzerland as representatives of the romano-german legal family: comparative legal analysis // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 401-403. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_401.*

Статья поступила в редакцию: 28.01.2026

Государства всего мира можно разделить на несколько правовых семей по критерию роли права в социуме и государстве, общности источников права, понятийного аппарата, структур, отношению общества к государству и т.д. Кроме того, правовые семьи можно разделить также и по вектору развития уголовного процесса.

Конфедерация Швейцария – яркий представитель романо-германской правовой семьи. Страна многие столетия сотрудничает с русским государством, в том числе в сфере уголовного процесса [1].

Дипломатические отношения между государствами были выстроены еще в 1814г. при императоре Александре I (25 февраля 1814г. в ходе вручения первым русским послом в Швейцарии Ионаном Каподистрией верительных грамот). Затем, Венским конгрессом 1815г. Российская империя была провозглашена вечным гарантом швейцарского суверенитета. Кроме того, согласно позиции немецких ученых XVIII-XIXвв., при составлении российских «Судебных установлений» 1864г., активно изучалось и использовалось уголовно-процессуальное законодательство Швейцарии [2].

Хоть для Швейцарии, как представителя романо-германской правовой семьи и характерны многие черты следственного (розыскного) уголовного процесса, данное государство пытается уменьшить то негативное значение, которое, в понимании общества, привнесла инквизиция. Ранее, одним из основных способов получения доказательств и установления истины духовными судами являлись пытки и насилие. В настоящее время Швейцария доказывает, что следственный уголовный процесс лишь отражает главенствующую роль государства и его органов в расследовании преступлений (процедура расследования преступлений строго регламентирована законодательством и исключает применения давления на обвиняемого стороной обвинения).

Для государства характерно отсутствие так называемого принципа состязательности в уголовном судопроизводстве [3]. Данный вывод можно сделать исходя из части 1 статьи 104 Уголовно-процессуального кодекса Конфедерации Швейцария [4]. Статьей 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, напротив, провозглашена состязательность сторон как принцип судопроизводства, который обеспечивает законное и справедливое рассмотрение дела [5]. Согласно действующего законодательства Швейцарии основной целью доказывания является установление истины.

Обвиняемым в Швейцарии является лицо, которое подозревается, преследуется или обвиняется. Данный вывод следует из части 1 статьи 111 Уголовно-процессуального кодекса Конфедерации Швейцария. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации разводит понятия подозреваемого и обвиняемого. Для каждой категории законодательство предусмотрело самостоятельный набор прав (данное положение следует из статей 46 и 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Сторона защиты в уголовно-процессуальном законодательстве Конфедерации Швейцария включает в себя адвокатов, которым необходимо иметь патенты для осуществления юридической деятельности. Помимо адвоката обвиняемый вправе также пригласить представителя для защиты его прав и интересов (часть 5 статьи 127 Уголовно-процессуального кодекса Конфедерации Швейцария). Представитель должен быть дееспособным и обладать хорошей репутацией.

Защитник в уголовно-процессуальном законодательстве Швейцарии является помощником и советником обвиняемого, действующий в его интересах. В Российской Федерации адвокат - это независимый профессиональный советник по правовым вопросам (согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») [6].

В уголовно-процессуальном законодательстве Швейцарии отсутствует положение об обязательном участии защитника, в случае если обвиняемый не отказался от него. Данный вывод можно сделать исходя из смысла 150 статьи Уголовно-процессуального кодекса Конфедерации Швейцария. При этом, законодательно закреплено положение об обязательном участии защитника в случае, если размер санкции обвиняемого составляет более 1 года лишения свободы и некоторые другие случаи. Частью первой статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской федерации предусмотрено обязательное участие защитника в случае, если размер санкции составляет более 15 лет лишения свободы, пожизненное заключение и смертную казнь, а также иные основания обязательного участия защитника при расследовании и рассмотрении дела.

Адвокаты в Швейцарии обладают рядом полномочий, к которым в том числе относится право быть защитником по назначению и по соглашению, право на размещение рекламы (если она объективна и носит информационный характер), право на заключение договоров, право на беседы с доверителями и т.д. Также, законодательно закреплены и обязанности адвоката – обязанность обязательного страхования ответственности, хранения адвокатской тайны без ограничения по времени, честно и добросовестно оказывать юридическую помощь и т.д.

Согласно уголовно-процессуального законодательства Швейцарии, защитник не вправе проводить самостоятельное адвокатское расследование и не может непосредственно собирать доказательства по уголовному делу. Согласно позиции уголовно-процессуального законодательства Швейцарии, адвокат не является органом, ведущим производство по уголовному делу, в связи с чем не наделен полномочиями по расследованию, выяснению обстоятельств и самостоятельному собиранию доказательств. В России, напротив, защитник вправе самостоятельно собирать доказательства в силу ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В Швейцарии адвокат может собирать необходимую информацию опосредованно, при помощи иных участников уголовного процесса (при участии в проведении следственных действий, при ознакомлении с материалами уголовного дела и т.д.) Так, согласно части 1 статьи 147 Уголовно-процессуального кодекса Конфедерации Швейцария, адвокат вправе присутствовать при получении доказательств прокуратурой, судом, задавать вопросы участникам следственных действий.

Основными следственными действиями, направленными на получение доказательственной информации в Швейцарии, являются допрос, очная ставка, осмотр, экспертиза. Также доказательства могут быть получены и при проведении обысков, выемки, наблюдения и т.д.

Исходя из смысла статьи 159 Уголовно-процессуального кодекса Конфедерации Швейцария, лицо имеет право воспользоваться помощью защитника еще до момента его задержания. Так, адвокаты, прибывавшие к доверителю еще до его задержания, получили название «защитники первого часа».

А. А. Трефилов в монографии рассматривает целесообразность о переименовании данной категории юристов на «защитники с первого часа». Полагаем возможным согласится с вышеуказанным суждением, так как данное понятие в большей степени соотносится с фактически оказываемой деятельностью юристов с первого часа и до рассмотрения уголовного дела. Понятие «защитник первого часа» на наш взгляд, включает лишь юридическую помощь до и после задержания лица, не предполагая дальнейшей защиты.

Согласно части 1 статьи 159 Уголовно-процессуального кодекса Конфедерации Швейцария защитник вправе участвовать и задавать вопросы в ходе проведения первого допроса обвиняемого.

Исходя из смысла части 2 статьи 159 Уголовно-процессуального кодекса Конфедерации Швейцария, защитник вправе иметь реальную возможность переговорить с доверителем до проведения его первого допроса, а также, в случае необходимости, обсудить некоторые вопросы во время перерыва. Возможность беседы защитника с доверителем особенна важна до проведения первого допроса, так как появляется возможность спланировать тактику защиты и снизить риски неблагоприятного исхода. Также, участие адвоката при проведении данного следственного действия исключит возможность давления на обвиняемого со стороны органов предварительного расследования.

При этом, допускается лишь краткое обсуждение. В случае если обсуждение позиции защитника и обвиняемого будут излишне долгими или их будет слишком много, то это приведет к затягиванию предварительного расследования. Так, частью 3 статьи 159 Уголовно-процессуального кодекса Конфедерации Швейцария определено, что право адвоката на беседу с доверителем не наделяет его правом затягивания дела и не наделяет правом переноса следственных действий.

Возможность обвиняемого иметь беседу с адвокатом, а также право защитника на участие в первом допросе соотносится с положениями Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод. В Швейцарии в юридической литературе также достаточно часто обращаются к решению Европейского суда по правам человека по делу «Салдуз против Турции», в котором отражена важность права защитника участвовать при проведении первого допроса. Позиция Европейского суда по правам человека заключалось в том, что невозможность участия защитника при проведении первого запроса, а также невозможность беседы с доверителем уничтожает саму возможность реализации в дальнейшем права подсудимого на справедливое судебное разбирательство.

В случае если следственное действие было проведено без участия защитника, то доказательства, полученные таким образом, будут

иметь юридическую силу лишь в том случае, если обвиняемый отказывается от повторного проведения данного следственного действия. В противном случае, данные доказательства не будут иметь юридической силы.

При рассмотрении уголовного дела в судебной инстанции защитник вправе задавать уточняющие (дополнительные) вопросы участникам процесса, в том числе подсудимому, экспертам, свидетелям, иным лицам.

Таким образом, адвокат в Швейцарии собирает сведения опосредованно путем участия в следственных действиях, а также через заявления ходатайств и т.д.

По итогам проведенного анализа моно прийти к выводу, что российское уголовное судопроизводство, фактически, в большей степени стремиться уравновесить возможности стороны защиты и стороны обвинения в части доказывания, реализовать принцип состязательности сторон.

Если на территории Российской Федерации защитник вправе собирает доказательства посредством опроса, направления адвокатских запросов, получения сведений, то в некоторых странах романо-германской правовой семьи, таких как Конфедерация Швейцария, не характерны полномочия защитника по самостоятельному собиранию доказательственной информации, по проведению адвокатского расследования.

Список литературы:

1. Трефилов, А. А. Уголовный процесс зарубежных стран / А. А. Трефилов. – Москва : ООО "НИПКЦ Восход-А", 2020. – 1039 с.
2. Миттермайер, К. Новый проект русского уголовного судопроизводства / К. Миттермайер // Журнал Министерства юстиции. – 1864. – Т.22. – С.16.
3. Трубникова, Т. В. Исследование зарубежных практик в сфере доказывания по уголовным делам / Т. В. Трубникова. – Ташкент, 2020 – 260 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 05.10.2007 г. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15255 (дата обращения: 22.11.2024).
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. От 04.08.2023г.) / СПС Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 02.11.2023).
6. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 02.11.2023).

References:

1. Trefilov, A. A. Criminal Procedure in Foreign Countries / A. A. Trefilov. – Moscow: NIPKTs Voskhod-A LLC, 2020. – 1039 p.
2. Mittermaier, K. The New Project of Russian Criminal Procedure / K. Mittermaier // Journal of the Ministry of Justice. – 1864. – Vol.22. – P.16.
3. Trubnikova, T. V. Research of foreign practices in the sphere of proving in criminal cases / T. V. Trubnikova. – Tashkent, 2020 – 260 p.
4. Swiss Code of Criminal Procedure dated 05.10.2007. Access mode: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15255 (accessed on 22.11.2024).
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended. From 04.08.2023) / SPS Consultant Plus [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/ (date of access: 02.11.2023).
6. Federal Law "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation" dated 31.05.2002 No. 63-FZ SPS Consultant Plus [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/ (accessed on 02.11.2023).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_404

УДК 343.131

ЭФФЕКТИВНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В МОНГОЛИИ
EFFECTIVENESS OF ADMINISTRATIVE PENALTIES FOR TRAFFIC VIOLATIONS IN MONGOLIA

БААТАР Оюутболд,
докторант Университета внутренних дел Монголии.
210332, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Хилчин, 8.
E-mail: d.enkhtur@yandex.ru
ДОЛГОРСУРЭН Булган,
кандидат юридических наук, профессор, Университет внутренних дел Монголии.
210332, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Хилчин, 8.
E-mail: d.enkhtur@yandex.ru
BAATAR Oyutbold,
Doctoral student, University of Internal Affairs, Mongolia.
210332, Mongolia, Ulaanbaatar, Khilchin Street, 8.
E-mail: d.enkhtur@yandex.ru
DOLGORSUREN Bulgan,
Ph.D in law, professor, University of Internal Affairs, Mongolia.
210332, Mongolia, Ulaanbaatar, Khilchin Street, 8.
E-mail: d.enkhtur@yandex.ru

Краткая аннотация: *Количество нарушений правил дорожного движения в Монголии растет с каждым годом. При сравнении нарушений, зафиксированных в 2023 году по сравнению с 2024 годом, отмечен рост на 4,4 процента. На частоту нарушений правил безопасности дорожного движения влияют многие факторы, в том числе отношение водителя, личность человека, культура города, окружающая среда, образ жизни, поведение при соблюдении правил безопасности дорожного движения и уровень возложенной на них ответственности. Департамент дорожной полиции регулярно организует и реализует мероприятия по профилактике дорожно-транспортных происшествий и нарушений правил дорожного движения, однако они не дают особых результатов. Исходя из этого, необходимо изучить и проанализировать эффективность применения ответственности за нарушение безопасности дорожного движения. Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что административные наказания, налагаемые за нарушение правил дорожного движения, являются низкими и не выполняют своей функции предотвращения и предупреждения дальнейших правонарушений.*

Abstract: *The number of traffic violations in Mongolia is increasing every year. When comparing the violations recorded in 2023 compared to 2024, an increase of 4.4 percent was noted. The frequency of traffic violations is influenced by many factors, including the driver's attitude, personality, city culture, environment, lifestyle, behavior in observing traffic safety rules and the level of responsibility imposed on them. The Traffic Police Department regularly organizes and implements activities to prevent traffic accidents and traffic violations, but they do not produce much results. Based on this, it is necessary to study and analyze the effectiveness of applying liability for traffic safety violations. The results of this study indicate that the administrative penalties imposed for traffic violations are low and do not fulfill their function of preventing and warning further offenses.*

Ключевые слова: *Административные правонарушения, административные наказания, нарушения правил дорожного движения, признаки правонарушений, эффективность.*

Keywords: *Administrative offenses, administrative penalties, traffic violations, signs of offenses, effectiveness.*

Для цитирования: *Баатар О., Долгорсурэн Б. Эффективность административных наказаний за нарушения правил дорожного движения в Монголии // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 404-408. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_404.*

For citation*: Baatar O., Dolgorsuren B. Effectiveness of administrative penalties for traffic violations in Mongolia // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 404-408. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_404.*

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

Введение

Всемирная организация здравоохранения определила дорожно-транспортные происшествия как восьмую по значимости причину смерти во всем мире, которая наносит обществу непоправимый и серьезный материальный и нематериальный ущерб и оказывает пагубное воздействие на общество, культуру и экономику.

В 2021 году в дорожно-транспортных происшествиях во всем мире погибло 1,19 миллиона человек, что на 5 процентов меньше, чем 1,25 миллиона погибших в 2010 году. Дорожная сеть расширилась, автопарк удвоился, а население мира выросло почти на миллиард, но общее число погибших несколько снизилось. И это несмотря на то, что усилия по обеспечению безопасности дорожного движения эффективны, но их недостаточно для достижения Десятилетней цели безопасности дорожного движения Организации Объединенных Наций 2021–2030 гг. по сокращению вдвое смертности на дорогах к 2030 году. Смертность и травмы в результате дорожно-транспортных происшествий остаются серьезной глобальной проблемой здравоохранения и развития [3].

В Монголии количество дорожно-транспортных происшествий по всей стране в 2024 году составило 30 977, что на 22,8 процента больше, чем в предыдущем году, и 97,9% из них произошли по вине водителей [2]. Ожидается, что в 2024 году число нарушений безопасности дорожного движения достигнет 3 075 442, что на 4,4 процента больше, чем в предыдущем году.

Сравним нарушения безопасности дорожного движения на следующем рисунке.

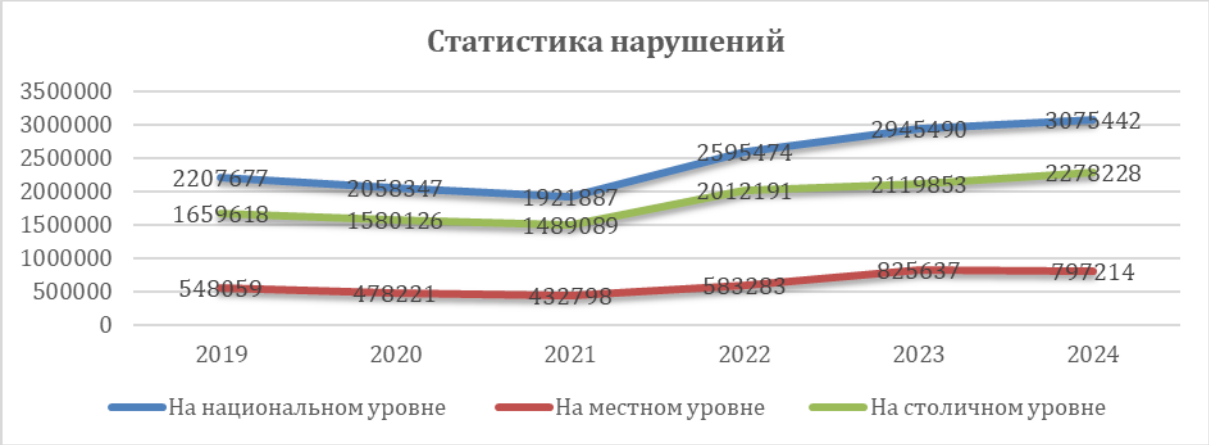


Рисунок №1 Статистика нарушений безопасности дорожного движения.

Как видно из рисунка, в городе Улан-Баторе зарегистрировано 2 278 228 нарушений правил безопасности дорожного движения, а на местной территории — 797 214 нарушений. Количество некоторых видов нарушений, таких как управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, сократилось с 43 146 в 2023 году до 28 155 в 2024 году, или на 34,7 процента. Такое снижение можно объяснить тем, что в 2023 году в Уголовный кодекс были внесены изменения, согласно которым за повторное нарушение, связанное с управлением транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, будет наступать уголовная ответственность. Из этого можно сделать вывод о том, что ужесточение наказания за вождение в нетрезвом виде оказало существенное влияние на снижение количества таких нарушений.

Незнание водителями законов и правил безопасности дорожного движения, а также неисполнение ими мер ответственности, предусмотренных Законом о нарушениях, напрямую способствуют дорожно-транспортным происшествиям и нарушениям. Например, степень, в которой водители продолжают совершать такие нарушения, как проезд на запрещающий сигнал светофора, превышение скорости, непристегнутый ремень безопасности и вождение в состоянии алкогольного опьянения, напрямую зависит от эффективности назначенного водителю наказания. Поэтому данная тема была выбрана для исследования, поскольку она имеет важное значение для сопоставления и анализа вреда, наносимого обществу нарушениями безопасности дорожного движения, и размеров назначаемых за них наказаний, а также для повышения их эффективности.

Целью настоящей статьи является сравнение и анализ современного состояния нарушений безопасности дорожного движения, видов и размеров ответственности, применяемых за них, а также внесение предложений по повышению эффективности административной ответственности.

Основная часть

Закон «О правонарушениях» был принят в 2017 году и направлен на унификацию различных видов ответственности за административные правонарушения, ранее предусмотренных более чем в 220 законах, а также на создание единой системы нарушений и мер наказания.

За период действия Закона о нарушениях с 1 июля 2017 года по 30 мая 2021 года уполномоченными организациями и должностными лицами наложены штрафы за 7 334 349 нарушений [3]. Из них 96,7 процента были применены к физическим лицам и 3,3 процента к юридическим лицам. Полиция также самостоятельно разбирается с подавляющим большинством нарушений, причем около 90 процентов из них — это нарушения безопасности дорожного движения.

В случае нарушения правил дорожного движения полиция несет ответственность за нарушения 57–68 статей глава «Нарушение правил безопасности дорожного движения» в соответствии со статьей 14.7 Закона о нарушениях в соответствии со своей компетенцией. Данные нарушения караются штрафами, арестами и дисквалификациями и[1] караются штрафами в размере от 10 до 400 тугриков, арестами на срок от 7 до 30 суток и дисквалификациями на срок от 3 месяцев до 1 года.

Штрафы за нарушение правил дорожного движения подразделяются на следующие категории:

1. Штрафы за 57 нарушений, указанных в статье 14.7 Закона о нарушениях, составляют: за 6 нарушений налагается штраф в размере 10 единиц, за 1 нарушение – штраф в размере 15 единиц, за 22 нарушения – штраф в размере 20 единиц, за 7 нарушений – штраф в размере 25 единиц, за 1 нарушение – штраф в размере 30 единиц, за 11 нарушений – штраф в размере 50 единиц, за 7 нарушений – штраф в размере 100 единиц (за 1 нарушение для юридического лица), за 6 нарушений – штраф в размере 200 единиц (за 5 нарушений для юридического лица), за 1 нарушение – штраф в размере 400 единиц.
2. Лицо, не имеющее водительских прав или срок действия водительских прав которого истек, управляет транспортным средством в состоянии алкогольного, наркотического или психотропного опьянения либо уклоняется от прохождения надлежащего технического

[1] В Монголии эта единица равна 1000 тугриков.

осмотра, подлежит обязательному обучению и тюремному заключению на срок от 7 до 30 суток.

3. Наказание за дисквалификацию составляет 3 месяца за 2 нарушения, 6 месяцев за 1 нарушение и 1 год за 1 нарушение.

4. Наказание, налагаемое на юридических лиц. Местные власти оштрафованы в общей сложности за 14 нарушений на сумму от 100 до 1000 тугриков. Из них 1 нарушение влечет за собой штраф в размере 100 единиц, 2 нарушения влекут за собой штраф в размере 250 единиц, 5 нарушений влекут за собой штраф в размере 200 и 500 единиц, а 1 нарушение влечет за собой штраф в размере 1000 единиц.

Рассмотрим ответственность вышеуказанных нарушителей и долю их нарушений (за исключением нарушений, указанных в п.п. 14.3.1, 3.2, 7.1, 7.2, 7.5).

1. 26 процентов от общего числа нарушений было совершено по статье 14.7.27. - Нарушение водителем правил начала движения, изменения направления движения или занятия полосы движения, установленных правилами дорожного движения, влечет наложение штрафа в размере двадцати тугриков;

2. 13,3 процента от общего числа нарушений было совершено по статье 14.7.15 - Если лицо управляет неисправным транспортным средством, запрещенным к эксплуатации, за исключением указанных в пункте 14 настоящей статьи, и участвует в дорожном движении, то оно влечет наложение штрафа в размере двадцати тугриков, а юридическое лицо влечет наложение штрафа в размере двухсот тугриков,

3. 73882 или 11,7 процента от общего числа нарушений было совершено по статье 14.7.57 - за нарушение административного акта, устанавливающего ограничение движения транспортных средств, на физическое лицо налагается штраф в размере, эквивалентном двадцати тугрикам, а на юридическое лицо налагается штраф в размере, эквивалентном двумстам тугрикам;

4. Положения, не относящиеся к вышеуказанным нарушениям, составляют 6,0 процентов, тогда как имеется 16 положений, которые составляют 0 процентов.

В следующей таблице сравниваются наиболее распространенные нарушения и ответственность, которая за них предусмотрена.

№.	Статья в законе	Общее количество нарушений	Удельный вес	Размер наказания
1	14.7.27 (Водитель нарушил правила начала движения, изменения направления движения или занятия полосы движения, установленные правилами дорожного движения)	163821	26.0	Штраф размере 20 единиц
2	14.7.15 (управление некомплектным транспортным средством, запрещенным к эксплуатации и участию в дорожном движении)	84398	13.39	Физические лица будут оштрафованы на 20 единиц, а юридические лица — на 200 единиц.
3	14.7.57 (нарушение административного постановления, ограничивающего движение транспортных средств)	73882	11.72	Физические лица будут оштрафованы на 20 единиц, а юридические лица — на 200 единиц.
4	14.7.37 (нарушение правил временной и длительной остановки транспортных средств)	37855	6.01	Штраф размере 10 единиц
5	14.7.20 (водитель или пассажир транспортного средства не пристегнут ремнем безопасности)	37373	5.93	Штраф размере 20 единиц
6	14.7.11.3 (управление транспортным средством, которое невозможно идентифицировать, которое грязное или имеет неправильно зарегистрированный номерной знак)	29467	4.68	Штраф для физических лиц 10 единиц, для юридических лиц 100 единиц.
7	14.7.31 (превышение максимально допустимой скорости, установленной правилами дорожного движения, на 10–50 процентов)	29177	4.63	Оштрафовать человека на 50 единиц
8	14.7.50 (нарушение правил дорожного движения и знаков)	17493	2.78	Оштрафовать человека на 20 единиц
9	14.7.11.2 (государственный регистрационный номер размыт и видимость затруднена)	16861	2.68	Штраф для физических лиц 10 ЕД, для юридических лиц 100 ЕД.
10	14.6.5 (Выпуск в движение транспортного средства, не прошедшего технический осмотр)	15328	2.43	Физические лица будут оштрафованы на 20 единиц, а юридические лица — на 200 единиц.

Таблица № 1. Процент нарушений

Как видно из приведенной выше таблицы, 26 процентов всех нарушений безопасности дорожного движения приходится на «нарушение водителями правил начала движения, изменения направления движения или занятия полосы движения, установленных правилами дорожного движения». Из указанных нарушений физические лица были оштрафованы на 10 единиц за 3 нарушения, на 20 единиц — за 6 нарушений, на 50 единиц — за 1 нарушение, а юридические лица были оштрафованы за 5 нарушений.

В следующей таблице сравниваются правонарушения, за которые предусмотрен штраф в размере десяти и ста единиц.

№.	Наказание в виде штрафа в размере 10 единиц	Наказание в виде штрафа в размере 100 единиц
1	9. Если водитель передал транспортное средство лицу, не имеющему документов,	2. В случае передачи полномочий водителя транспортного средства лицу, не имеющему права управления транспортным сред-

	указанных в Правилах дорожного движения...	ством (за исключением водительских прав) или срок действия права которого истек
2	11. Государственный регистрационный номер: 11.1. удалено; 11.2. стерся; 11.3. управление автомобилем, который неузнаваем, грязен или имеет неправильный номерной знак.	4. Если водителем транспортного средства передано лицо, находящееся в состоянии алкогольного, наркотического или психотропного опьянения
3	21. Если водитель или пассажир мотоцикла или мопеда не носит шлем	16. Управление транспортным средством, оборудованным специальными звуковыми сигналами или сигналами светофора, запрещенными законодательством, и участие в дорожном движении
4	33. Если водитель резко тормозит, когда в этом нет необходимости, или создает опасную ситуацию, или едет слишком медленно без веской причины и мешает движению других, мешая дорожному движению.	18.3 Если водитель, участник дорожно-транспортного происшествия, скрылся с места происшествия, уголовная ответственность не наступает.
5	37. Согласно Правилам дорожного движения, нарушение водителем правил временной или длительной остановки транспортного средства иным способом, чем предусмотрено пунктами 35 и 36 настоящей статьи,	46.3 Нарушение правил перевозки тяжеловесных, крупногабаритных, вредных или опасных грузов, установленных правилами дорожного движения

Таблица № 2. Сравнение штрафов за нарушения.

При сравнении размеров двух видов штрафов в таблице видно, что один из них предусматривает денежное взыскание в 10 раз больше другого. Другими словами, логически целесообразно назначать строгие наказания за действия или бездействие, представляющие значительную угрозу или вред обществу.

В разделе 1 таблицы последствия нарушений «...передача управления транспортным средством лицу без документов...» и «...передача управления транспортным средством лицу, срок действия прав которого истек...» существенно не различаются.

Также во второй части таблицы указано, что в случае передачи управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии алкогольного, наркотического или психотропного опьянения, будет наложен штраф в размере 100 единиц. Это положение повлечет за собой последствия, эквивалентные нарушению, связанному с управлением транспортным средством в состоянии алкогольного опъянения. Однако исследователь считает, что штраф в размере 100 единиц — слишком малое наказание.

В третьей части таблицы автор полагает, что наказания, назначаемые за такие нарушения, как «...если водитель или пассажир мотоцикла или мопеда не имеет защитного шлема...» и «...если в дорожном движении участвует транспортное средство, оборудованное специальными звуковыми или светофорными сигналами, запрещенными законом...», не соответствуют последствиям нарушения.

Статья 14.7.5 Закона о нарушениях гласит, что если водитель управляет транспортным средством в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, или если лицо, не имеющее права управления транспортным средством или срок действия водительских прав которого истек, управляет транспортным средством в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, или уклоняется от прохождения теста, то водительское удостоверение изымается на один год и налагается штраф в размере 400 тугриков, что является наивысшим наказанием, назначаемым лицу. Однако в статье 27, пункте 27.10.5 Уголовного кодекса говорится, что если водитель, у которого аннулированы права, повторно управляет транспортным средством в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, то он лишается права управления транспортным средством на срок от одного года до трех лет и подвергается штрафу в размере от 2700 до 14 000 тугриков, или привлекается к общественным работам на срок от 240 до 720 часов, или ограничивается в управлении транспортным средством на срок от шести месяцев до трех лет, или наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет.

Это свидетельствует о том, что ужесточение ответственности за вождение в нетрезвом виде привело к снижению частоты данного нарушения, что подчеркивает необходимость повышения эффективности наказания и проведения комплексной профилактической работы.

Опыт и поведение водителя неизбежно влияют на нарушения безопасности дорожного движения, и это играет важную роль в снижении опасности участия в дорожном движении [11]. Также играют роль такие факторы, как отношение водителя, личность человека, культура города, окружающая среда, образ жизни и соблюдение правил дорожного движения.

Анализ материалов дел 12 лиц, осужденных за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, показывает, что данное нарушение встречается часто. Например, если взять в качестве примера 1 нарушителя, то всего было совершено 11 нарушений. Из них 2 нарушения были связаны с вождением в состоянии алкогольного опьянения, 1 — с непристегнутым ремнем безопасности, а также с нарушением правил временной и долгосрочной парковки. Нарушения, связанные с алкоголем, составляют 5% всех нарушений, что является основным фактором, влияющим на количество нарушений.

Таким образом, при рассмотрении указанных 12 материалов о нарушениях становится известно, что около 60 процентов нарушений, связанных с управлением транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, были повторные правонарушения. Это обусловлено 1) низкой степенью наказания, предусмотренного Уголовным кодексом, и 2) прямым воздействием на образ жизни и состояние здоровья человека.

Заключение

Несмотря на то, что количество нарушений правил дорожного движения в Монголии растет из года в год, количество нарушений, связанных с вождением в нетрезвом виде, сократилось на 34,7 процента, что связано с ужесточением уголовного кодекса за повторное совершение этого правонарушения. Это свидетельствует о необходимости повышения эффективности наказания. Поэтому крайне важно изучить другие нарушения, проанализировать, является ли наказание уместным и эффективным , и сосредоточиться на его смягчении. Обобщая факторы, влияющие на возникновение нарушений:

1) Наказания за нарушения правил дорожного движения невелики, а это значит, что штрафы и другие санкции не оказывают достаточного влияния на изменение поведения водителей.

2) Наказание не выполняет свою функцию предупреждения и предотвращения повторных нарушений, либо водитель не соблюдает законы и правила, а правовая культура не развита .

3) Сделан вывод о неэффективности системы профилактики правонарушений, то есть о недостаточности мер по предупреждению правонарушений и информированию населения о последствиях нарушения правил.

Поэтому для решения этих проблем необходимо усилить контроль за исполнением нормативных актов, усовершенствовать систему штрафных санкций, принять действенные меры по предупреждению нарушений.

Список литературы:

1. Закон об обеспечении безопасности дорожного движения.
2. Государственная информация. 2015. № 28
3. Закон о правонарушениях. Государственная информация. 2017. № 24
4. Постановление правительства № 239 от 2018 г. Правила дорожного движения Монголии. Государственная информация 2018. № 42
5. Дорожная полиция. «Сборник статистических показателей дорожно-транспортных происшествий и нарушений в Монголии». УБ., 2021, 2022.
6. Ганбат.О. «Речь, произнесенная во время обучения и консультаций руководящего состава полиции» UB 2021.
7. Зоригт.Б «Повышение роли граждан и юридических лиц в обеспечении безопасности дорожного движения» УБ 2019.
8. Глобальный отчет о состоянии безопасности дорожного движения-2020. Всемирная организация здравоохранения.2020.
9. Лучиди, Ф., Джирелли, Л., Кирико, А., Аливернини, Ф., Коццолино, М., Виолани, К. и Маллия, Л. (2019) «Черты личности и отношение к безопасности дорожного движения предсказывают рискованное поведение среди молодых, взрослых и пожилых водителей», Front. Психол., т. 10, № 536, стр. 1-11, Doi: 10.3389/fpsyg.2019.00536
10. Помпили, М., Серафини, Дж., Иннаморати, М., Монтебови, Ф., Палермо, М., Кампи, С., Стефани, Х., Джордано, Дж., Телесфоро, Л., Аморе, М. и Жирарди, П. (2012) «Автомобильные аварии как способ самоубийства: всесторонний обзор», Forensic Science International, т. 223, № 1–3,. Doi: 10.1016/j.forsciint.2012.04.012.
11. Д. Лауро, Р. Чжан и С. Цюй, «Роль личностных черт и опыта вождения в самооценке рискованного поведения вождения и риске аварий среди китайских водителей», Анализ и профилактика аварий, 2017.
12. Вахид Барадаран, Махдие Маддахи. Ключевые рычаги моделирования нарушений правил дорожного движения: образ жизни, гражданская принадлежность, социальный капитал и индивидуальные установки.

References:

1. Law on Ensuring Road Traffic Safety.
2. State Information. 2015. No. 28
3. Tort Law. State Information. 2017. No. 24
4. Government Resolution No. 239 of 2018. Mongolian Road Traffic Regulations. State Information 2018. No. 42
5. Traffic Police. "Compendium of Statistical Indicators of Road Accidents and Violations in Mongolia". UB, 2021, 2022.
6. Ganbat.O. "Speech Delivered during the Training and Consultations of Police Senior Staff" UB 2021.
7. Zorigt.B. "Enhancing the Role of Citizens and Legal Entities in Ensuring Road Safety" UB 2019.
8. Global Status Report on Road Safety 2020. World Health Organization.2020.
9. Lucidi, F., Girelli, L., Chirico, A., Alivernini, F., Cozzolino, M., Violani, C. and Mallia, L. (2019) “Personality traits and road safety attitudes predict risky behavior among young, adult and older drivers”, Front. Psychol., Vol. 10, No. 536, pp. 1–11, Doi: 10.3389/fpsyg.2019.00536
10. Pompili, M., Serafini, G., Innamorati, M., Montebovi, F., Palermo, M., Campi, S., Stefani, H., Giordano, G., Telesforo, L., Amore, M. and Girardi, P. (2012) “Motor vehicle accidents as a suicide method: a comprehensive review,” Forensic Science International, Vol. 223, No. 1–3, Doi: 10.1016/j.forsciint.2012.04.012.
11. D. Lauro, R. Zhang, and S. Qu, “The Role of Personality Traits and Driving Experience in Self-Reported Risky Driving Behavior and Crash Risk Among Chinese Drivers,” Accident Analysis and Prevention, 2017. 12. Vahid Baradaran, Mahdieh Maddahi. Key Levers in Modeling Traffic Violations: Lifestyle, Citizenship, Social Capital, and Individual Attitudes.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_409

УДК 343.985

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ТЕЛЕФОННЫХ МОШЕННИЧЕСТВ
SOME PROBLEMS OF DETECTION AND INVESTIGATION OF TELEPHONE FRAUD

БЕЛЯКОВ Алексей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями,
Самарский государственный экономический университет.
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: belekov2007@yandex.ru;

ВЛАДИМИРОВ Сергей Владиславович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Самарский юридический институт ФСИН России.
442022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, д. 24в.
E-mail: sergvladimirov@yandex.ru;

ШИШКИНА Ксения Александровна,
студент института права, Самарский государственный экономический университет.
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: shishkinaksenya21gmail.com;

BELYAKOV Aleksey Vladimirovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Organisation of Combating Economic Crimes,
Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: belekov2007@yandex.ru;

VLADIMIROV Sergey Vladislavovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
24v Rylskaya str., Samara, 442022, Russia
E-mail: sergvladimirov@yandex.ru;

SHISHKINA Ksenia Alexandrovna,
student of the Institute of Law, Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: shishkinaksenya21@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются проблемные аспекты расследования телефонного мошенничества, связанные с его общей организацией, преодолением дефицита информации, проведением отдельных следственных действий. С учетом особенностей данной категории преступлений предлагаются рекомендации для более эффективного поиска и фиксации доказательств.*

Abstract: *The article examines the problematic aspects of the investigation of telephone fraud related to its overall organization, overcoming information shortages, and conducting individual investigative actions. Taking into account the specifics of this category of crimes, recommendations are offered for more effective search and recording of evidence.*

Ключевые слова: *телефонное мошенничество, дистанционные преступления, осмотр мобильного устройства, подготовка запросов, показания потерпевшего.*

Keywords: *telephone fraud, remote crimes, mobile device inspection, preparation of inquiries, victim testimony.*

Для цитирования: *Беляков А.В., Владимиров С.В., Шишкина К.А. Некоторые проблемы раскрытия и расследования телефонных мошенничеств // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 409-412. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_409.*

For citation*: Belyakov A.V., Vladimirov S.V., Shishkina K.A. Some problems of detection and investigation of telephone fraud // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 409-412. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_409.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2026

Множество современных способов мошенничества связаны с обманом потерпевших без непосредственного контакта. При общении по сотовой связи или в информационных сетях преступнику проще завоевать доверие собеседника и завладеть его денежными средствами, сохранив при этом анонимность. Дистанционный характер таких преступлений создает серьезные препятствия для расследования, что подтверждается статистикой. С января по ноябрь 2025 года было зарегистрировано 627 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Большую часть составили мошенничества – 322 772, из которых было раскрыто всего 33 830 за указанный период [1]. Учитывая низкую раскрываемость телефонного мошенничества, заслуживают внимания вопросы раскрытия и расследования данной категории преступлений.

Характерная черта телефонного мошенничества проявляется в том, что преступные действия совершаются в отношении граждан, проживающих в разных местах. Для получения криминалистически значимой информации по месту нахождения каждого потерпевшего следователь может направлять поручения в другие следственные органы в соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ. Однако более сложной для организации расследования может стать ситуация, где одновременно с мошенничеством в отношении лица совершается преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ. Подобный случай произошел в феврале 2025 года, когда в результате действий телефонных мошенников покончил с собой семнадцатилетний гражданин из Санкт-Петербурга [2]. ГСУ СК РФ по городу было возбуждено уголовное дело, после чего в рамках командировки в Бар-

науле оперативные сотрудники задержали лицо, причастное к совершению преступления. Несмотря на то, что противоправная деятельность осуществлялась в Алтайском крае, расследование проводилось по месту проживания потерпевшего. Такое решение можно признать обоснованным, ведь при установлении обстоятельств доведения до самоубийства требуется исключить иные версии, произвести следственные действия, направленные на исследование трупа и изучение образа жизни погибшего, что представляется возможным только по месту, где потерпевший проживал. Вместе с тем, поскольку речь идет о телефонном мошенничестве, в ходе расследования могут быть установлены и другие потерпевшие, в том числе и покончившие жизнь самоубийством, в различных регионах страны. В городе, где проживал обвиняемый, могут находиться соучастники преступления, а также места, откуда производились телефонные звонки, где понадобиться провести обыск. Производство всех необходимых следственных и оперативных действий по поручениям скорее всего приведет к тому, что расследование станет недостаточно согласованным и собранным. Более слаженной работе способствовало бы создание следственной группы с участием сотрудников следственных органов разных регионов, на территории которых планируется проведение комплекса следственных действий. Такая форма организации работы позволит обеспечить достаточную информированность каждого субъекта расследования по делу, самостоятельность при принятии решений и своевременность реагирования на изменения следственной ситуации.

Специфика телефонного мошенничества также состоит в том, что оно не формирует привычной следовой картины. В таких обстоятельствах важно подобрать правильный алгоритм действий, обеспечивающий фиксацию доказательственной информации. При проверке сообщения о преступлении в процессе опроса заявителя необходимо не только получить общее представление о случившемся, но и при возможности предпринять меры, направленные на закрепление следов преступления и на минимизацию ущерба, причиняемого мошенничеством. Так, после выяснения способа передачи информации от преступника, необходимо установить, сохранился ли к ней доступ в какой-либо форме. Например, осталась ли переписка в мессенджере или объявление, размещенное на сайте, фиксировался ли телефонный разговор мобильным устройством. В случае промедления существует риск утраты подобных следов. Кроме того, следователю стоит узнать, каким образом к преступникам перешли денежные средства, и устранить возможность продолжения хищения. А. В. Михалев предлагает при необходимости оказать помощь потерпевшему с направлением в банк заявления о приостановлении транзакций [3]. В случае, если опрашиваемый скажет, что деньги передавались наличными неизвестному лицу, исполняющему роль курьера, следует составить описание внешности данного лица и организовать его розыск. Как пишут Л. Н. Бикинеева и Р. Р. Хаснутдинов, передача денег курьеру может быть запечатлена и камерами видеонаблюдения, что необходимо проверить для установления местонахождения преступника [4]. Кроме того, в ходе проведения опроса должна учитываться вероятность сокрытия заявителем определенных фактов. Лицо, ставшее жертвой мошенничества, может опасаться придавать огласке все обстоятельства преступления, что оказывает влияние на полноту и правдивость его объяснений. Требуется задавать уточняющие вопросы, отмечать возникающие противоречия, налаживать психологический контакт с опрашиваемым, чтобы осветить все детали, имеющие отношение к делу.

После опроса заявителя стоит провести осмотр технического устройства, посредством которого поддерживалась связь с преступником. Сначала производится наружный осмотр, в протоколе отражается внешнее состояние мобильного устройства, его модель, название фирмы-производителя, маркировочные обозначения, следы эксплуатации. При детальном осмотре после фиксации идентификационного номера IMEI необходимо с помощью функции снимка экрана сохранить список с номерами и временем совершенных звонков, а также данные о денежных переводах в приложении мобильного банка. Кроме того, при наличии фиксируется переписка, которая велась с преступником, страница мошеннического сайта и т. д. Применение специальной криминалистической техники, в том числе UFED Touch, XRY, «Мобильный криминалист», MOBILedit, «Тарантула», при осмотре мобильных устройств позволяет также извлечь данные из защищенного паролем сотового телефона и восстановить удаленную информацию [5]. Стоит отметить, что достаточное снабжение такими техническими средствами следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, способствовало бы расширению их возможностей по расследованию преступлений, совершаемых с помощью информационных технологий.

Закрепить цифровые следы преступлений позволяет проведение экспертного исследования мобильного устройства. С. С. Гостищев пишет, что компьютерно-техническая экспертиза может установить наличие в системе вредоносной компьютерной программы, предоставляющей удаленный доступ к управлению мобильным телефоном [6]. Можно сказать, что изучение свойств вирусной программы, помимо определения способа совершения преступления, дает возможность получить определенную информацию и о личности создателя. По большей части это касается уровня и направленности его навыков в области программирования, о применяемых им методах и характеристиках компьютера, на котором создавалась программа. Следует делать выводы на этот счет, исходя из заключения эксперта и консультаций со специалистом.

Последующие действия в ходе расследования связаны с подготовкой запросов в различные организации. Первоначально к материалам дела нужно приобщить детализацию входящих и исходящих соединений, полученную у оператора связи, и направить в суд ходатайство о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, в том числе касательно местонахождения телефонного устройства относительно базовой станции в момент соединения [7]. У кредитной организации истребуются данные о получателе денежных средств, если они перечислялись потерпевшим с использованием банковских инструментов [8]. Далее, если преступник размещал объявление на веб-сайте, то следует получить сведения о его владельце у регистратора домена и провайдера хостинга. Чтобы их определить и направить запросы, можно воспользоваться интернет-ресурсами CY-PR.com и Whois, предоставляющими данные о сайте по его адресу и доменному имени. После установления владельца сайта, у него необходимо запросить информацию о порядке размещения и удаления объявления, о конкретном пользователе и его IP-адресе [9]. С помощью IP-адреса через интернет-провайдера есть возможность получить данные абонента и адрес абонентского подключения.

Учитывая возможность использования в преступных целях чужих персональных данных, особую ценность для точного подтверждения причастности лица к совершению преступления имеют показания потерпевшего. Однако особенность телефонного мошенничества состоит в том, что преступник не раскрывает своей внешности, поэтому опознать его визуально не представляется возможным. Тем не менее потерпевший способен запомнить его речь в процессе длительного общения. Нередко диалог с мошенником ведется на протяжении нескольких часов или даже дней. Допрашиваемому стоит предложить вспомнить содержание всех разговоров, употребляемые мошенником специфические фразы и часто используемые слова. Д. В. Исютин-Федотков и О. Г. Каразей считают, что сведения о манере речи позволяют охарактеризовать личность преступника, поэтому сказанное им лучше всего фиксировать дословно, в том числе нецензурные выражения [10]. Далее в описание следует включить другие отличительные признаки, такие как скорость речи, громкость, высота голоса. Индивидуальность может в том числе проявляться и в специфике произношения слов, расстановке ударений, частоте использования пауз и т. д. Поскольку при совершении мошенничества с использованием телекоммуникационных технологий образуются преступные группы с большим составом и высокой степенью организации, опознание конкретного лица по голосу поможет в определении выполняемой им роли.

Стоит отметить, что дефицит информации становится главным препятствием для раскрытия и расследования дистанционных преступлений. В теории предлагаются некоторые решения для облегчения сбора криминалистически значимых данных. И. А. Антонов считает, что назрела необходимость в создании единого учета всех абонентов и операторов сотовой связи, которым бы пользовались следственные органы, поскольку ответы на запросы направляются недостаточно своевременно [11]. Представляется, что и для граждан должна стать доступна возможность проверки поступающих звонков. К примеру, в Гонконге было разработано мобильное приложение для определения небезопасных номеров телефонов, счетов и электронной почты [12]. Также выдвигаются рекомендации о введении обязательной государственной фоноскопической регистрации [13]. Проверка по фоноскопическому учету стала бы еще одним способом для идентификации личности преступников по делам о телефонном мошенничестве. Кроме того, для ограничения анонимности пользователей сети «Интернет» В. В. Павлов и М. А. Золотов предлагают предусмотреть законом обязанность провайдера блокировать сайты, которые предоставляют доступ неавторизированным и анонимным пользователям [14]. Реализация всех вышеперечисленных мер может повысить уровень раскрываемости преступлений, совершаемых с использованием телекоммуникационных технологий.

Из всего вышесказанного следует, что для достижения прогресса в расследовании дистанционных мошенничеств необходимо совершенствовать устоявшиеся приемы и средства и разрабатывать новые с учетом особенностей преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий. Преодоление дефицита информации по таким делам возможно обеспечить путем введения в законодательство дополнительных положений, связанных с регистрацией пользователей в информационной сети, а также за счет развития системы криминалистических учетов и повышения уровня технической оснащенности органов расследования.

Список литературы:

1. Официальный сайт МВД России, раздел «Статистика и аналитика» - URL: https://xn--b1aew.xn- p1ai/reports/item/75687768/ (дата обращения: 27.12.2025).
2. Бойко А. Полицейские нашли в Барнауле 20-летнего мошенника, который по телефону довел жителя Санкт-Петербурга до суицида // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. - URL: kp.ru/daily/27664/5053388/ (дата обращения: 27.12.2025).
3. Михалёв А. В. Особенности расследования телефонных мошенничеств с банковскими картами на первоначальном этапе // Приоритетные направления развития науки и образования. 2014. № 3. С. 288-289.
4. Бикинеева Л. Н., Хаснутдинов Р. Р. Особенности предварительной проверки и возбуждения уголовных дел о мошенничествах, совершенных с использованием средств мобильной связи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №6-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-predvaritelnoy-proverki-i vozbuzhdeniya-ugolovnyh-del-o-moshennichestvah-sovershennyh-s-ispolzovaniem-sredstv-mobilnoy (дата обращения: 27.12.2025).
5. Багмет А. М., Бычков В. В., Скобелин С. Ю., Ильин Н. Н. Цифровые следы преступлений: монография. – Москва: Проспект, 2026. – С 81.
6. Гостищев С. С. Эксперты против телефонных мошенников // Правовой альманах. 2025. №1 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksperty-protiv-telefonnyh-moshennikov (дата обращения: 29.12.2025).
7. Аксенова Л. Ю. Алгоритм действий следователя и органа дознания при расследовании мошенничеств с использованием средств сотовой связи // Сибирское юридическое обозрение. 2016. №3 (32). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/algoritm-deystviy-sledovatelya-i-organa doznaniya-pri-rassledovanii-moshennichestv-s-ispolzovaniem-sredstv-sotovoy-svyazi (дата обращения: 29.12.2025).
8. Жердев П. А. Некоторые особенности расследования мошенничеств в сфере мобильной связи // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России 2023 года. № 2 (63). С. 94-99. – EDN YQVWMT. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29284894 (дата обращения: 29.12.2025).
9. Колычева А. Н., Васюков В. Ф. Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет: учебное пособие/ под ред. А. Г. Воеводза. – Москва: Проспект, 2025. – С. 44.
10. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров/ отв. ред. Я. В. Комиссарова. – Москва : Проспект, 2023. – С. 171.
11. Антонов И. А. Начальный этап раскрытия и расследования мошенничества, совершенного с использованием средств сотовой связи, и развитие технико-криминалистического обеспечения деятельности органов предварительного расследования / И. А. Антонов // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2023 года / Академия управления МВД России. Том Часть 2. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 13-22. – EDN FSJPYU. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54178029 (дата обращения: 29.12.2025).
12. Дамирчиев Эмин Исахан Оглы, Васюков Виталий Федорович Некоторые вопросы противодействия дистанционным мошенничествам в Китае // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. №2 (99). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-protivodeystviya-distantsionnym-moshennichestvam-v-kitae (дата обращения: 29.12.2025).
13. Кашпорова В. С. Обязательная фоноскопическая регистрация как способ снижения количества совершаемых телефонных мошенничеств // Вестник БелЮИ МВД России. 2024. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnaya-fonoskopicheskaya-registratsiya-kak-sposob-snizheniya-kolichestva-sovershaemyh-telefonnyh-moshennichestv (дата обращения: 29.12.2025).
14. Павлов В. В. Практика раскрытия преступлении наркотической направленности, совершенных посредством использования ресурсов сети Интернет, и возникающие при этом проблемы доказывания / В. В. Павлов, М. А. Золотов // Актуальные проблемы правоведения. – 2019. – № 3(63). – С. 67-72. – EDN GNYEEE. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=38486142 (дата обращения: 29.12.2025).

References:

1. The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia, section "Statistics and analytics" - URL: https://xn--b1aew.xn-p1ai/reports/item/75687768/ (date of reference: 12.27.2025).
2. Boyko A. The police found in Barnaul a 20-year-old fraudster who drove a resident of St. Petersburg to suicide by phone // Komsomolskaya Pravda [Electronic resource]. - URL: kp.ru/daily/27664/5053388 / (date of reference: 12.27.2025).

3. Mikhalev A.V. Features of the investigation of telephone fraud with bank cards at the initial stage // Priority areas for the development of science and education. 2014. No. 3. pp. 288-289.

4. Bikineeva L. N., Khasnutdinov R. R. Features of preliminary verification and initiation of criminal cases on fraud committed using mobile communications // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No.6-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-predvaritelnoy-proverki-i vozbuzhdeniya-ugolovnyh-del-o-moshennichestvah-sovershennyh-s-ispolzovaniem-sredstv-mobilnoy (accessed: 12.27.2025).

5. Bagmet A.M., Bychkov V. V., Skobelin S. Yu., Ilyin N. N. Digital traces of crimes: a monograph. – Moscow: Prospekt, 2026. – From 81.

6. Gostischev S. S. Experts against telephone fraudsters // Legal almanac. 2025. No. 1 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksperty-protiv-telefonnyh-moshennikov (date of reference: 12.29.2025).

7. Aksenova L. Y. Algorithm of actions of the investigator and the body of inquiry in the investigation of fraud using cellular communications // Siberian Legal Review. 2016. No. 3 (32). URL: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/algoritm-deystviy-sledovatelya-i-organa doznaniya-pri-rassledovanii-moshennichestv-s-ispolzovaniem-sredstv-sotovoy-svyazi (accessed: 12.29.2025).

8. Zherdev P. A. Some features of the investigation of fraud in the field of mobile communications // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2023. No. 2 (63). pp. 94-99. – EDN YQVWMT. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29284894 (date of access: 12.29.2025).

9. Kolycheva A. N., Vasyukov V. F. Investigation of crimes using computer information from the Internet: a textbook/ edited by A. G. Voevodz. – Moscow: Prospekt, 2025. – p. 44

10. Criminalistic study of personality: a scientific and practical guide for masters / ed. by Ya. V. Komissarov. – Moscow : Prospekt, 2023. – p. 171.

11. Antonov I. A. The initial stage of disclosure and investigation of fraud committed using cellular communications and the development of technical and criminalistic support for the activities of preliminary investigation bodies / I. A. Antonov // State scientific and technical policy in the field of criminalistic support for law enforcement activities : a collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference, Moscow, May 26, 2023 / Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Volume Part 2. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. – pp. 13-22. – EDN FSJPYU. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54178029 (date of reference: 12.29.2025).

12. Damirchiev Emin Isakhan Oglu, Vasyukov Vitaly Fedorovich Some issues of countering remote fraud in China // Scientific Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. No. 2 (99). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-protivodeystviya-distantsionnym-moshennichestvam-v-kitae (date of request: 12.29.2025).

13. Kashporova V. S. Mandatory phonoscopic registration as a way to reduce the number of telephone frauds // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnaya-fonoskopicheskaya-registratsiya-kak-sposob-snizheniya-kolichestva-sovershaemyh-telefonnyh-moshennichestv (date of request: 12.29.2025).

14. Pavlov V. V. The practice of uncovering drug-related crimes committed through the use of Internet resources and the problems of proof that arise / V. V. Pavlov, M. A. Zolotov // Actual problems of jurisprudence. – 2019. – № 3(63). – Pp. 67-72. – EDN GNYEEE. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=38486142 (date of request: 12.29.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_413

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
CRIMINAL LAW APPRAISAL OF ACTIONS EXCEEDING THE BOUNDS OF NECESSARY DEFENSE: TRENDS IN JUDICIAL PRACTICE

СПИЦНАДЕЛЬ Владимир Борисович,
Заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43.
E-mail: spitsnadel-vb@ranepa.ru;

ДЕНИСЕНКО Евгений Владимирович,
Преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов.
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43.
E-mail denisenko.e.v.spb@mail.ru;

SPITSNADEL Vladimir Borisovich,
Head of the Department of Criminal Law, Northwest Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.
199178, Russia, St. Petersburg, Sredny prospekt V. O., 57/43.
E-mail: spitsnadel-vb@ranepa.ru;

DENISENKO Evgeny Vladimirovich,
Lecturer at the Department of Criminal Law of the Northwestern Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, advocate of the St. Petersburg Bar Association.
199178, Russia, St. Petersburg, Sredny prospekt V. O., 57/43.
E-mail: denisenko.e.v.spb@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье анализируются актуальные проблемы квалификации действий, совершенных с превышением пределов необходимой обороны. На основе анализа Постановлений Пленума Верховного Суда РФ и материалов судебной практики рассматривается трансформация подходов к оценке соразмерности оборонительных действий характеру опасности. Особое внимание уделено критерию внезапности нападения. Автор выявляет современные тенденции гуманизации правоприменения в отношении обороняющегося лица.*

Цель настоящей статьи *— проанализировать тенденции правоприменения с учётом положений Постановления № 19, выявить актуальные проблемы квалификации действий при превышении пределов необходимой обороны и предложить пути их преодоления. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:*

1. *исследовать теоретические основы института необходимой обороны;*
2. *проанализировать судебную практику после принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 09.12.2025) "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление".*
3. *выявить основные проблемы правоприменения;*
4. *сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения.*

Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический). Нормативную базу составили Конституция РФ, УК РФ, УПК РФ и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 09.12.2025) "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление".

Abstract: *The article analyzes the current problems of qualifying actions committed in excess of the limits of necessary defense. Based on the analysis of the Plenum Decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and court practice materials, the transformation of approaches to assessing the proportionality of defensive actions to the nature of the danger is examined. Special attention is paid to the criterion of the suddenness of the attack. The author identifies current trends in the humanization of law enforcement in relation to the person defending themselves.*

The purpose of this article is to analyze the trends in law enforcement, taking into account the provisions of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 dated September 27, 2012 (as amended on December 9, 2025) "On the Application of the Law on Necessary Defense and Causing Harm During the Detention of a Person Who Committed a Crime.", identify current problems in the qualification of actions that exceed the limits of necessary defense, and propose ways to overcome these problems. To achieve this goal, the following tasks are addressed:

1. *to explore the theoretical foundations of the institution of necessary defense;*
2. *to analyze judicial practice after the adoption of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 dated September 27, 2012 (as amended on December 9, 2025) "On the Application of the Law on Necessary Defense and Causing Harm During the Detention of a Person Who Committed a Crime.";*
3. *to identify the main problems in law enforcement;*
4. *to formulate proposals for improving legislation and its application.*

The research is based on general scientific methods (analysis, synthesis, and a systematic approach) and specific scientific methods (formal legal, comparative legal, and statistical). The research is based on the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 dated September 27, 2012 (as amended on December 9, 2025) "On the Application of the Law on Necessary Defense and Causing Harm During the Detention of a Person Who Committed a Crime."

Ключевые слова: *уголовное право, необходимая оборона, превышение пределов обороны, судебная практика, Верховный Суд РФ, правомерность защиты.*

Keywords: *criminal law, necessary defense, exceeding the limits of defense, court practice, Supreme Court of the Russian Federation, legality of defense.*

Для цитирования: *Спицнадель В.Б., Денисенко Е.В. Уголовно-правовая оценка действий при превышении пределов необходимой обороны: тенденции судебной практики // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 413-415. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_413.*

For citation*: Spitsnadel V.B., Denisenko E.V. Criminal law appraisal of actions exceeding the bounds of necessary defense: trends in judicial practice // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 413-415. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_413.*

Статья поступила в редакцию: 26.01.2026

Введение

Институт необходимой обороны, закрепленный в статье 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой важнейший механизм обеспечения права граждан на защиту от общественно опасных посягательств. Конституционное положение о праве каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (часть 2 статьи 45 Конституции РФ), находит свое развитие в уголовно-правовых нормах о необходимой обороне. Вместе с тем практика применения данных норм демонстрирует наличие существенных сложностей в квалификации соответствующих действий, что обусловливает необходимость обращения к разъяснениям высшей судебной инстанции. Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 09.12.2025) "О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление" (далее - Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 09.12.2025)) стало значимым шагом в унификации правоприменительной практики и конкретизации ключевых аспектов применения статьи 37 УК РФ.

В соответствии с положениями статьи 37 УК РФ необходимая оборона исключает преступность деяния при условии соответствия защиты характеру и опасности посягательства. Превышение пределов необходимой обороны определяется как умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства, что закреплено в части 2 указанной статьи. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 (ред. от 09.12.2025 г.) развивает эти положения, акцентируя внимание на ряде принципиальных моментов. В частности, подчеркивается правомерность защиты не только собственных интересов, но и интересов других лиц, общества и государства, а также указывается, что состояние необходимой обороны может возникать не только в момент непосредственного посягательства, но и при наличии реальной угрозы его осуществления. Особое значение имеет разъяснение относительно неожиданного нападения: причинение вреда в таких условиях, когда обороняющийся не имел возможности объективно оценить степень угрозы, не должно квалифицироваться как превышение пределов необходимой обороны. Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание на необходимость учета субъективного восприятия обороняющегося, включая его эмоциональное состояние, физические возможности и конкретные обстоятельства конфликта [1].

Анализ судебной практики показывает, что после принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 (ред. от 09.12.2025 г.) наметились определенные позитивные тенденции в правоприменении. Суды стали чаще признавать правомерность действий обороняющегося в случаях внезапного нападения, принимая во внимание стрессовое состояние лица и ограниченные возможности адекватной оценки угрозы. Наблюдается более внимательное отношение к психофизиологическим особенностям обороняющегося - возрасту, полу, физическому состоянию, что позволяет более объективно оценивать соразмерность защиты [5].

Более последовательно применяется подход к определению момента окончания посягательства: суды учитывают разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о том, что состояние обороны сохраняется до тех пор, пока посягательство не прекращено либо не утратило опасность, что позволяет избежать необоснованной квалификации последующих действий обороняющегося как мести или самоуправства.

Вместе с тем, несмотря на позитивные изменения, в правоприменительной практике сохраняются существенные проблемы. Одной из ключевых трудностей остаётся субъективность оценки критерия «явного несоответствия» защиты характеру и степени опасности посягательства. Данный термин носит оценочный характер, что порождает разночтения при квалификации схожих ситуаций. Например, в делах о применении оружия против безоружного нападающего суды могут выносить противоположные решения, исходя из собственного понимания соразмерности [8].

Не менее сложной является проблема доказывания внезапности нападения: обороняющийся зачастую не располагает объективными доказательствами того, что не имел времени на оценку угрозы, а свидетельские показания и видеозаписи имеются далеко не всегда. Формальный подход к оценке соразмерности также создает риски неправильной квалификации: некоторые суды сопоставляют ценность защищаемого блага и причиненного вреда без учета динамики конфликта, что может привести к необоснованному признанию превышения пределов обороны даже в ситуациях, когда нападение угрожало жизни обороняющегося.[9]

Недостаточная экспертная оценка психического состояния лица в момент конфликта усугубляет ситуацию: психолого-психиатрические экспертизы редко отражают реальное эмоциональное состояние обороняющегося, что снижает объективность выводов. Нельзя игнорировать и проблему противоречий в региональной судебной практике: в одних субъектах РФ суды активнее применяют разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 (ред. от 09.12.2025 г.), в других — придерживаются более консервативного подхода, что подрывает принцип единообразия правоприменения.

Особую сложность представляет разграничение необходимой обороны и провокации нападения: лицо, спровоцировавшее конфликт с целью причинения вреда, не может ссылаться на состояние необходимой обороны, однако грань между провокацией и правомерными действиями не всегда очевидна.

Для преодоления выявленных проблем представляется целесообразным предпринять ряд мер. Во-первых, следует рассмотреть возможность законодательного уточнения критериев соразмерности защиты, что позволит снизить субъективизм в квалификации.

Во-вторых, необходимо разработать детальные методические рекомендации по применению Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 (ред. от 09.12.2025 г.), охватывающие наиболее сложные аспекты правоприменения, включая оценку внезапности напа-

дения, разграничение необходимой обороны с иными составами преступлений и учёт психофизиологических особенностей обороняющегося.

В-третьих, целесообразно внедрить практику обязательного проведения психолого-психиатрических экспертиз в делах о необходимой обороне, чтобы обеспечить всестороннюю оценку психического состояния обороняющегося и его способности адекватно воспринимать угрозу.

В-четвертых, важно усилить контроль за единообразием судебной практики посредством регулярных обзоров Верховного Суда РФ, обобщающих опыт разрешения подобных дел и устраняющих противоречия в толковании закона.

Особое значение имеет совершенствование доказательственной базы по делам данной категории. Судам следует активнее использовать современные технические средства фиксации обстоятельств конфликта (видеозаписи с камер наблюдения, видеорегистраторов, мобильных устройств), а также привлекать специалистов для реконструкции событий [3]. Это позволит более объективно устанавливать момент возникновения и окончания посягательства, оценивать реальную степень угрозы и соответствие защиты характеру нападения.

Таким образом, институционализация необходимой обороны детерминирует уровень развития национальной правовой системы, выступая гарантом реализации субъективного права личности на самозащиту. Законодательная регламентация данного института позволяет делегировать гражданам полномочия по пресечению общественно опасных посягательств, устанавливая при этом четкие критерии правомерности действий обороняющегося и исключая выход за рамки установленных пределов.

Принятое Пленумом Верховного Суда РФ постановление от 27.09.2012 № 19 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» сыграло ключевую роль в унификации судебной практики по вопросам необходимой обороны. Нормативный акт не только содействовал гуманизации правоприменения, но и уточнил содержание ряда фундаментальных понятий, включая «неожиданность нападения», «соразмерность защиты» и «момент окончания посягательства», что позволило выработать судам необходимую методологическую базу для разрешения дел данной категории.

Современное состояние института необходимой обороны в РФ характеризуется отсутствием исчерпывающей правовой регламентации, что создает риски необоснованного привлечения к ответственности лиц, действовавших в рамках правомерной защиты. В частности, включение в ст. 37 УК РФ положения о «неожиданности посягательства» актуализировало проблему использования оценочных категорий. Субъективный характер критериев оценки возможности обороняющегося осознать степень угрозы в момент нападения детерминирует коллизии в правоприменительной практике и затрудняет единообразное толкование уголовного закона

На наш взгляд для полного устранения существующих проблем представляется необходимым дальнейшее совершенствование законодательства и обеспечение последовательного применения разъяснений высшей судебной инстанции на всех уровнях судебной системы, а также путем внесения коррективы в содержание статьи 37 УК РФ, закрепив в нем понятие превышения пределов необходимой обороны. Это позволит обеспечить баланс между защитой прав обороняющегося и соблюдением принципов законности и справедливости в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.) – Текст: электронный.
2. Авдеева Е. В. Необходимая оборона: актуальные вопросы законодательной регламентации и правоприменения // Российский судья. — 2019. — № 1. — С. 16—20.
3. Анашкин Г. З., Бородин С. В., Гальперин И. М., Загородников Н. И. и др. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред.: Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. - Москва: Наука, 1987. - 276 с.
4. Аркавенко, Н. А. К вопросу об особенностях реализации необходимой обороны / Н. А. Аркавенко, В. С. Фурсов. — Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 23. — С. 308–312
5. Гарикова Мария Денисовна Проблемы квалификации при применении необходимой обороны: спорные вопросы и их решения // E-Scio. 2021 № 6 (57).
6. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние : монография. - Санкт-Петербург: Юридический центр, 2015. - 560 с
7. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Необходимая оборона и превышение её пределов: возможности законодательного совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2020. - № 3 (87). - С. 111-117.
8. Приходченко, Ю. С. Превышение пределов необходимой обороны по законодательству Российской Федерации / Ю. С. Приходченко. — Текст: непосредственный // — 2021. — № 44 (386). — С. 131–133.
9. Румянцев С. А. Институт необходимой обороны: некоторые аспекты // Бюллетень науки и практики. — 2019. — Вып. 5. — № 6. — С. 407—412.
10. Фомин А.А. Самозащита граждан как средство реализации их юридической безопасности / А.А. Фомин // Российский судья. - 2020. -№ 2. - С. 35-39.

References:

1. Review of the practice of applying the provisions of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation on circumstances that exclude criminal liability (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 22, 2019)/
2. Avdeeva E. V. Necessary Defense: Current Issues of Legislative Regulation and Law Enforcement // Russian Judge. — 2019. — No. 1. — Pp. 16—20.
3. Anashkin G. Z., Borodin S. V., Galperin I. M., Zagorodnikov N. I., et al. Criminal Law. Experience of theoretical modeling / resp. ed.: Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. - Moscow: Nauka, 1987. - 276 p.
4. Arkavenko, N. A. To the question of the features of the implementation of the necessary defense / N. A. Arkavenko, V. S. Fursov. — Text: immediate // Issues of Russian Justice. — 2023. — No. 23. — Pp. 308–312
5. Garikova Maria Denisovna Problems of Qualification in the Application of Necessary Defense: Controversial Issues and Their Solutions // E-Scio. 2021 No. 6 (57).
6. Milyukov S. F., Nikulenko A. V. Causing Harm During the Detention of a Person Who Committed a Publicly Dangerous Act: A Monograph. - St. Petersburg: Legal Center, 2015. - 560 p.
7. Nikulenko A. V., Smirnov M. A. Necessary Defense and Exceeding Its Limits: Possibilities for Legislative Improvement //
8. Prikhodchenko, Yu. S. Exceeding the Limits of Necessary Defense under the Legislation of the Russian Federation / Yu. S. Prikhodchenko. — Text: direct // — 2021. — No. 44 (386). — Pp. 131–133.
9. Rumyantsev, S. A. The Institute of Necessary Defense: Some Aspects // Bulletin of Science and Practice. — 2019. — Issue 5. — No. 6. — Pp. 407-412.
10. Fomin, A.A. Self-Defense of Citizens as a Means of Realizing Their Legal Security / A.A. Fomin // Russian Judge. - 2020. - No. 2. - Pp. 35-39.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_416
УДК 343

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО КОНФИСКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ АКТИВОВ
MAIN ELEMENTS OF INTERNATIONAL COOPERATION OF THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CONFISCATION OF CRIMINAL ASSETS

УРЯДОВ Юрий Юрьевич,
начальник управления тылового обеспечения, Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: uryadov-yu-yu@yandex.ru;

URYADOV Yuriy Yuryevich,
Head of the Logistics Support Department
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow, 125171.
E-mail: uryadov-yu-yu@yandex.ru

Краткая аннотация. *В статье исследуются ключевые элементы международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации в сфере оперативно-розыскной деятельности, направленные на выявление, арест и конфискацию денежных средств и иного имущества, полученного преступным путём. Анализируются правовой, организационный и тактический блоки взаимодействия, рассматриваются актуальные проблемы и пути их решения в условиях современной геополитической ситуации.*

Abstract. *This article examines key elements of international cooperation between Russian internal affairs agencies in operational investigative activities aimed at identifying, seizing, and confiscating funds and other property obtained through criminal activity. It analyzes the legal, organizational, and tactical aspects of this cooperation, and examines current issues and solutions in the current geopolitical context.*

Ключевые слова: *международное сотрудничество, органы внутренних дел, оперативно-розыскная деятельность, конфискация активов, преступные доходы, криптовалюта, правовая помощь, межведомственное взаимодействие.*

Keywords: *International cooperation, law enforcement agencies, investigative operations, asset confiscation, criminal proceeds, cryptocurrency, legal assistance, interagency cooperation.*

Для цитирования: *Урядов Ю.Ю. Основные элементы международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации по конфискации преступных активов // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 416-418. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_416.*

For citation*: Uryadov Yu.Yu. Key elements of international cooperation between the internal affairs agencies of the Russian Federation in confiscation of criminal assets // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 416-418. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_416.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

В условиях глобализации и цифровизации финансовых потоков с использованием современных информационных технологий, возрастает значимость международного сотрудничества в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём. Органы внутренних дел Российской Федерации (ОВД РФ) играют ключевую роль в выявлении, аресте и конфискации трансграничных преступных активов, что требует скоординированных действий с иностранными правоохранительными органами и международными организациями.

Цель исследования заключается в выделении и анализе основных элементов международного сотрудничества ОВД РФ в сфере оперативно-розыскной деятельности (ОРД) по конфискации преступных активов с учётом современных вызовов и изменений в законодательстве.

Задачи исследования состоят в определении правовых основ международного сотрудничества ОВД РФ в данной сфере; характеристике организационного механизма взаимодействия с иностранными компетентными органами; раскрытии тактических приёмов и алгоритмов действий сотрудников ОВД РФ; выявлении проблем и предложении путей их решения.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ, синтез, сравнение) и специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой).

Международное сотрудничество ОВД РФ в сфере ОРД по обеспечению конфискации денежных средств или иного ущерба, полученного преступным путем, представляет собой целенаправленную систему скоординированных оперативно-розыскных мероприятий, правовых и организационных форм взаимодействия ОВД РФ с иностранными правоохранительными организациями, направленную на выявление, фиксацию, блокировку и изъятие трансграничных преступных активов в соответствии со ст. 104.1 УПК РФ и международными конвенциями.

Структура международного сотрудничества включает в себя ключевые блоки: правовой, организационный и тактический. Каждый блок дифференцирован по ключевым элементам (нормам, субъектам, формам, методам, этапам, приемам, способам, средствам) с учетом специфики ОРД ОВД РФ и транснационального контекста.

1. Правовой блок устанавливает юридические рамки и процедуры обмена информацией в рамках ОРД ОВД РФ. Он состоит из многоуровневой системы правовых норм и международных принципов, обеспечивающих законность действий по выявлению, аресту и репатриации преступных активов.

Правовой блок международного сотрудничества ОВД РФ представляет собой многоуровневую систему норм, включающую:

Международные конвенции и соглашения: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности[1]; Конвенция ООН против коррупции[2]; Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности[1]; Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма[2]; документы Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)[3] и др.

[1] Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г.) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.
[2] Конвенция ООН против коррупции (принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

Двусторонние и многосторонние договоры РФ с иностранными государствами (в рамках СНГ, ЕАЭС, ШОС и др.).

Российское законодательство: Уголовный кодекс РФ (ст. 174, 174.1, 175 и др.)[4]; Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 104.1, 453 и др.)[5]; Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма»[6]; Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[7], Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»[8] и др.

В целом, правовая основа представляет собой общие правила поведения, установленные государством, которые имеют общеобязательную силу, регулируют совместную деятельность в рассматриваемой сфере, наделяют участников соответствующими правами и обязанностями, а также устанавливают их ответственность [1, с. 50]. Правовые нормы устанавливают: порядок запроса и предоставления правовой помощи; процедуры ареста и конфискации активов; правила обмена информацией и доказательствами; механизмы репатриации конфискованного имущества.

Ключевыми субъектами в данной сфере выступают: Генеральная прокуратура РФ (координация международной правовой помощи); МВД России, ФСБ России (оперативно-розыскная деятельность); ФТС России (таможенный контроль); Росфинмониторинг (финансовый мониторинг); Федеральная налоговая служба (контроль за финансовыми операциями); Банк России (регулирование платёжных систем) и другие заинтересованные организации.

2. Организационный блок упорядочивает правоотношения и обеспечивает институциональную основу сотрудничества, структурированную по субъектам, этапам, формам и методам координации. Данный блок включает:

Субъекты взаимодействия: центральные органы (Генеральная прокуратура РФ, НЦБ Интерпола); региональные структуры (Евразийская группа, ЕАЭС); национальные подразделения финансовой разведки (ПФР) (Росфинмониторинг, КНБ РК, Минюст КНР и др.); межведомственные группы (ОВД, ФТС, ФСБ, ФНС, ЦБ России и иные заинтересованные органы).

Выделяются следующие этапы организации сотрудничества:

1. Планирование совместной операции.

2. Выбор канала взаимодействия.

3. Исполнение запроса.

4. Контроль и обратная связь (подтверждение ареста, передача активов).

Различаются следующие формы международного сотрудничества в рассматриваемой сфере: информационный обмен; проведение совместных мероприятий; работа в составе совместных следственных групп; направление запросов через Генеральную прокуратуру РФ и т.д.

Процедуры обмена информацией стандартизированы и осуществляются через: каналы Интерпола (система I-24/7); группы финансовых разведок (Egmont Group, Евразийская группа); формальные запросы через Генеральную прокуратуру РФ (MLA — Mutual Legal Assistance). Каждый этап (розыск → фиксация → судебный арест → международный запрос → исполнение) регламентирован конкретными правовыми нормами.

3. Тактический блок реализует конкретные мероприятия и рациональные приемы для обеспечения конфискации активов по типовым ситуациям.

Унифицированный алгоритм действий сотрудников ОВД РФ состоит из четырех этапов:

Розыск имущества: анализ финансовых потоков (в т. ч. криптовалютных транзакций); выявление аффилированных лиц и предприятий «прокладок»; использование баз данных (Интерпола, Евразийской группы, ФАТФ и др.).

Фиксация доказательств наличия имущества: сбор документов (выписки, контракты, электронные письма); проведение различных мероприятий (беседы, обращение к базам данных, использование специального программного обеспечения); оформление запросов на получение информации от иностранных организаций финансовой разведки.

Арест имущества: подача ходатайства в суд о наложении ареста (ст. 104.1 УПК РФ); направление международного запроса о замораживании активов; координация с иностранными банками и платёжными системами.

Возврат имущества: исполнение судебного решения о конфискации; репатриация активов через механизмы международной правовой помощи; контроль за целевым использованием конфискованного имущества.

Основной формой международного сотрудничества является направление и исполнение соответствующих запросов о правовой помощи, оформленных в соответствии с требованиями международных договоров в порядке, определенном ст. 453 и 454 УПК РФ (о необходимости производства на территории иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий, а именно процессуальных следственных действий) [2, с. 30].

Перечень элементов данного механизма не является исчерпывающим, многие еще предстоит выявить и определить взаимосвязь в

[1] Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбург, 8 ноября 1990 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 3. Ст. 203.
[2] Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS N 196) (Варшава, 16 мая 2005 г.) // Сведения о выполнении внутригосударственных процедур подготовлены по материалам сайта Совета Европы URL: http://www.coe.int.
[3] Постановление Правительства РФ от 26 марта 2003 г. № 173 «О порядке определения и опубликования перечня государств (территорий), которые не выполняют рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1243.
[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
[5] Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
[6] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма: федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.
[7] Об оперативно розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
[8] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

системе. Выделенные элементы рассматриваемого механизма, в свою очередь, обладают сложной структурой и требуют дальнейшего исследования и раскрытия в свете современных угроз обществу и государству [3, с. 58]. На современном этапе наибольшую сложность вызывает выявление и розыск преступных активов в виде криптовалютных средств.

Особенностью работы с криптовалютными активами является необходимость идентификации криптовалютных кошельков через блокчейн-аналитику (например, с использованием сервисов Chainalysis, Elliptic); взаимодействия с криптобиржами и провайдерами виртуальных активов; применения специальных технических средств для отслеживания транзакций.

Основные проблемы в выявлении криптовалютных активов заключаются в различии национальных законодательствах (например, статус криптовалюты); длительности сроков исполнения международных запросов; отсутствии унифицированных форматов запросов; сложности идентификации владельцев криптовалютных кошельков и др.

Решение данных проблем видится в гармонизации законодательства в рамках ЕАЭС и СНГ; внедрении электронных платформ для обмена запросами (например, ЕИАС ФТ Росфинмониторинга); обучении сотрудников ОВД РФ методам блокчейн-аналитики; расширении сети горячих линий с ключевыми международными партнёрами; разработке методических рекомендаций.

Международное сотрудничество ОВД РФ по конфискации преступных активов представляет собой сложную систему, включающую правовой, организационный и тактический блоки. В условиях цифровизации и геополитической нестабильности ключевыми задачами остаются: совершенствование правовой базы (в т. ч. регулирование криптовалют); оптимизация организационных механизмов (ускорение MLA-процедур); внедрение современных тактических приёмов (блокчейн-аналитика, киберрасследования).

Перспективным направлением является развитие многостороннего сотрудничества в рамках Евразийской группы и ЕАЭС, а также адаптация передового опыта зарубежных правоохранительных органов.

Возможность конфискации электронных устройств, используемых при совершении преступлений указана в постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»[1]. Однако в нём не даётся чёткого определения понятия «электронные средства связи и коммуникации» (п. 5). Это создаёт правовую неопределённость: отсутствует чёткий критерий для отнесения того или иного устройства к данной категории (планшеты, умные часы, серверы и т.д.), что чревато субъективным толкованием судами и необоснованным расширением круга конфискуемого имущества. В документе также не закреплены критерии, по которым электронное устройство может быть признано орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). Особенно остро проблема проявляется при использовании «облачных» технологий: если данные хранятся удалённо, конфискация устройства не обеспечивает изъятия доказательств, а преступник может уничтожить информацию через другой гаджет.

Ещё один существенный пробел заключается в отсутствии в постановлении чётких указаний на порядок установления принадлежности электронных устройств обвиняемому. В сложных технических системах или при использовании устройств, предоставленных третьими лицами, это затрудняет доказывание и может приводить либо к необоснованному отказу в конфискации, либо к её неправомерному применению.

Кроме того, постановление фокусируется на правовых основаниях конфискации, но не регулирует процедуру изъятия электронных устройств, в частности, порядок копирования информации, участие специалистов, сроки изъятия до решения суда и т.п. Такая неполнота правового регулирования повышает риск нарушения конституционного права на частную собственность и создаёт сложности в правоприменительной практике.

Ожидания решения обозначенных проблем во многом возлагаются на законопроект № 902782-8 «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [4], находящийся на рассмотрении в Государственной Думе РФ. Но законопроект направлен на устранение правового пробела в основном в отношении цифровой валюты и не затрагивает проблемы конфискации электронных устройств, которые были обозначены в контексте постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17. Для решения этих проблем требуется отдельный законодательный акт, либо принятие поправок в другие нормативные акты, регулирующие вопросы конфискации имущества, включая электронные устройства.

Список литературы:

1. Саетгараев В.Ф., Пашин В.М. Совершенствование правового регулирования сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 4 (54). С. 48 – 56. DOI: 10.37973/KUI.2023.82.40.006.
2. Урядов Ю.Ю. Исторические аспекты развития межгосударственных взаимоотношений в правоохранительной сфере. Евразийская адвокатура. 2019. № 5 (42). С. 26-31.
3. Саетгараев В.Ф. Особенности реализации публично-правового механизма антикоррупционной политики Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 2 (74). С. 52–62..
4. Законопроект № 902782-8 О внесении изменений в статью 104-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об особенностях изъятия цифровой валюты) // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8 (дата обращения 30.12.2025).

References:

1. Saetgaraev V.F., Pashin V.M. Improving the Legal Regulation of Cooperation between Internal Affairs Bodies and Civil Society Institutions in Combating Corruption // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 14. No. 4 (54). Pp. 48–56. DOI: 10.37973/KUI.2023.82.40.006.
2. Uryadov Yu.Yu. Historical Aspects of the Development of Interstate Relations in the Law Enforcement Sphere. Eurasian Advocacy. 2019. No. 5 (42). Pp. 26–31.
3. Saetgaraev V.F. Features of the Implementation of the Public-Legal Mechanism of the Anti-Corruption Policy of the Russian Federation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (74). P. 52–62.
4. Bill No. 902782-8 On Amendments to Article 104-1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (on the specifics of confiscating digital currency) // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8 (accessed 12/30/2025).

[1] О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 года №17 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 8.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_419

УДК 343.988

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЖЕРТВЫ
STOCKHOLM SYNDROME AS A VARIETY OF THE VICTIM'S PSYCHOLOGICAL STATE

ВОВК Николь Владиславовна,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 10-я линия, 19.
E-mail: nikvovvk@yandex.ru;

Научный руководитель:
КСЕНДЗОВ Юрий Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 10-я линия, 19.
E-mail: yksendzov@mail.ru;

VOVK Nikol Vladislavovna,
Saint-Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation).
199178, Russia, St. Petersburg, Vasilyevsky Island, 10th line, 19.
E-mail: nikvovvk@yandex.ru;

KSENDZOV Yuriy Yurievich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
Saint-Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation).
199178, Russia, St. Petersburg, Vasilyevsky Island, 10th line, 19.
E-mail: yksendzov@mail.ru

Краткая аннотация. *Стокгольмский синдром представляет из себя достаточно сложный психологический феномен, отражающий сильную эмоциональную связь между жертвой насилия и агрессором, которая сопровождается симпатией, положительными чувствами, привязанностью и эмпатией со стороны жертвы по отношению к агрессору, совершившему преступление. Данное психологическое состояние является важной темой для изучения, поскольку необходимо понимать, как работает психологическая реакция человека на сильный стресс или травмирующую ситуацию. В настоящей научной работе анализируются причины возникновения, особенности протекания, последствия для самой личности и общества, а также возможные меры лечения стокгольмского синдрома. Дальнейшее изучение настоящей темы позволит разрешить проблемы, описанные в научной работе, а также усовершенствовать методы и способы профилактики виктимного поведения личности.*

Abstract. *Stockholm syndrome is a complex psychological phenomenon that reflects a strong emotional connection between a victim of violence and the aggressor, which is accompanied by sympathy, positive feelings, attachment, and empathy on the part of the victim towards the aggressor who committed the crime. This psychological condition is an important topic of study, as it is necessary to understand how a person's psychological response to severe stress or a traumatic situation works. This research paper analyzes the causes, characteristics, consequences for the individual and society, and possible treatment measures for Stockholm syndrome. Further research on this topic will help to solve the problems described in the scientific work, as well as to improve methods and ways of preventing victim behavior.*

Ключевые слова: *стокгольмский синдром, психологическое состояние, жертва, агрессор, преступление, защитный механизм.*
Keywords: *stockholm syndrome, psychological state, victim, aggressor, crime, defense mechanism.*

Для цитирования: *Вовк Н.В., Ксендзов Ю.Ю. Стокгольмский синдром как разновидность психологического состояния жертвы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 419-422. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_419.*
For citation*: Vovk N.V., Ksendzov Yu.Yu. Stockholm syndrome as a variety of the victim's psychological state // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 419-422. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_419.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Обстоятельное, критическое изучение такого феномена, как «стокгольмский синдром», и в настоящее время не теряет своей актуальности. Важность исследования данной темы обусловлена необходимостью чётко понимать причины возникновения специфического, по сути, парадоксального психолого-эмоционального взаимодействия тирана и его жертвы, особенности и закономерности запуска у пострадавшей стороны защитного механизма, и возможные действенные методы реабилитации, которые могут быть применены специалистами с целью улучшения психологического состояния и деструктивного поведения жертвы.

Понимание сущности такого явления представляется бесспорно важным и для правоохранительных органов, которые в процессе раскрытия и расследования преступлений сталкиваются с явным или скрытым противодействием потерпевших, обусловленным в том числе их сочувствием преступнику, оправданием его противоправных действий.

Сотрудникам правоохранительных органов, планирующим проведение следственных действий с участием пострадавшего лица, принципиально важно и необходимо понимать, какая и каким образом образовалась эмоционально-психологическая связь между жертвой и подозреваемым в момент совершения общественно опасного преступного деяния, почему жертва встала на сторону своего обидчика, находя оправдание его поведению, чем объясняется такая «идиллия». И именно познание подобных аспектов позволит верно выстроить коммуникацию с человеком,

у которого возник стокгольмский синдром.

Как отмечают в научных трудах, стокгольмский синдром – это феномен, когда жертва, находящаяся под присмотром агрессора (насильника, террориста, похитителя) начинает сопереживать его действиям [5, с. 216]. На наш взгляд, такое определение является не совсем полным и не раскрывает все признаки, присущие данному психологическому состоянию. Корректнее было бы, по нашему мнению, дать более развернутое определение: стокгольмский синдром – это разновидность психологического состояния жертвы, которая сопровождается возникновением у нее чувств привязанности и симпатии по отношению к преступнику, совершившему преступление против той самой жертвы. Следовательно, жертва начинает поощрять его противоправные деяния, тем самым оправдывая и защищая его перед другими.

Необходимо отметить, что изначально понятие «Стокгольмский синдром» носило название «синдром Норрмальмсторг», поскольку в 1973 году произошел захват банка Ян-Эриком Ульссоном на площади Норрмальмсторг в Стокгольме. Обстоятельства дела заключались в том, что преступник взял в заложники четырех сотрудников банка, которые стали впоследствии испытывать к Ульссону симпатию, вызванной возникшей эмоциональной привязанностью между ними. После того, как сотрудники правоохранительных органов освободили жертв, последние выступили в защиту бывшего агрессора [5, с. 216-217]. Таким образом, в сложившейся ситуации у жертв преступления стало прослеживаться нестандартное психологическое состояние, которое было диаметрально противоположным обычному, привычному состоянию жертвы в момент совершения преступления или после его совершения.

Стокгольмский синдром проявляется у человека при различных обстоятельствах. Ярким примером служат похищения людей, которых впоследствии удерживают, тем самым ограничивая их свободу. Как отмечают авторы зарубежных научных трудов, наиболее уязвимыми местами, где совершаются данные преступления, являются образовательные учреждения – школы для девочек. Например, это прослеживается в Нигерии, где похищение людей в настоящее время стало обычным делом. Кого-то из них освобождали невредимыми, а кого-то ранили, подвергали сексуальному насилию или жестокому обращению [1, с. 2]. Все это, безусловно, наносит человеку психологическую травму, однако несмотря на это у части жертв преступлений возникает стокгольмский синдром как, своего рода, защитный механизм на возникшую угрозу.

С психологической точки зрения это объясняется возникновением у жертвы желания защитить себя, как бы смягчив взаимоотношения с преступником. Жертва начинает думать, что если она будет поощрять все то, что делает тиран, наряду с этим проявляя к нему симпатию, то последний перестанет представлять для нее угрозу. Следовательно, так жертва обеспечивает себе чувство безопасности.

В психоаналитической литературе существует несколько объяснений возникновения защитного механизма. Во-первых, в ситуации пролонгации насилия жертва теряет себя как личность и начинает видеть в агрессоре своего властителя, который способен вернуть ей прежний социальный статус. Во-вторых, при угрозе жизни и здоровью жертва становится на место тирана и идентифицирует себя с ним, стараясь таким образом преодолеть труднопереносимую ситуацию. В-третьих, в случае угрозы жизни отсрочка смерти вызывает чувство благодарности к агрессору [6, с. 33-34].

Однако за такой защитной реакцией всегда следуют негативные последствия для самой жертвы, которые значительно сказываются на ее психологическом состоянии. В результате психотравмирующей ситуации и выхода из нее у жертвы могут наблюдаться нарушения с концентрацией или рассеянность, а также возникать навязчивые мысли в части произошедшего в отношении нее преступления. Помимо этого, жертва без вмешательства психологической помощи на протяжении оставшейся жизни может находиться в сильном подавленном состоянии, испытывать чувства страха, тревоги и быть социально отчужденной. В связи с этим, многие жертвы, имеющие стокгольмский синдром, желают вернуться к своим обидчикам, поскольку считают, что так смогут обеспечить себе безопасность, которую они ощущали в период психотравмирующей ситуации.

Опасность указанного синдрома, прежде всего, заключается в действиях самой жертвы, которая совершает их против собственных интересов, особенно в части своего освобождения [4, с. 69].

Одной из важных проблем, которая остается на сегодняшний день, является восприятие жертвы жестокого обращения к себе за любовь или заботу со стороны агрессора, то есть на данные действия первая смотрит совсем под другим углом. Такое восприятие можно объяснить с двух сторон: или преступник ведет себя нестабильно, проявляя сначала агрессию, потом раскаяние, или сама жертва с целью защитить себя начинает воспринимать противоправные деяния с положительной стороны, считая это нормой, чтобы не усугубить ситуацию, в которой она находится. Тем самым, у жертвы постепенно вырабатывается зависимое состояние, при котором она считает, что такое обращение не только имеет место быть, но и должно систематически проявляться к ней. Отсюда вытекает еще одна проблема, которая, безусловно, относится не ко всем жертвам, имеющим стокгольмский синдром, однако проявляется на практике – нежелание жертв обращаться за психологической помощью после пережитой психотравмирующей ситуации, поскольку их устраивает пребывание в таком психологическом состоянии.

Важным фактором, который оказывает влияние на состояние жертвы и ее возможность обратиться за психологической помощью, также является общество. Оно часто оказывает давление на людей, которые стали жертвами преступления. Общество может обвинять жертву в том, что произошло, или с непониманием относиться ко всей сложности образовавшейся ситуации. В результате такого давления психологическое состояние жертвы способно ухудшиться, в связи с чем обращение за помощью к специалистам и выход из психотравмирующего состояния могут быть затруднительными. Помимо этого, в обществе широко распространено мнение о том, что у жертв всегда есть возможность уйти от агрессора. Часто также преобладает непонимание масштаба психологических последствий, наступающих у жертвы после совершения в отношении нее преступления. Все это приводит к отсутствию сочувствия и поддержки, которые необходимы жертве. Таким образом, общество влияет не только на психологическое состояние жертвы, но и на меры реагирования и помощи, которые должны оказываться со стороны [7, с. 157]. Если

постараться минимизировать данную проблему путем внедрения знаний людям об особенностях стокгольмского синдрома и важности его последствий, то, на наш взгляд, жертвам действительно своевременно и надлежащим образом будет оказываться психологическая помощь, что приведет к эффективным результатам – восстановлению психологического состояния и приведению его в норму.

Важно понимать, проблемы с психическим здоровьем жертвы могут быть вполне себе серьезными, что непосредственно сказывается на дальнейшей способности коммуницировать с людьми и восприятии себя как личности. Необходимо отметить: для того, чтобы разрешить данные проблемы, необходима не только поддержка окружающих, но и компетентная работа специалистов, которые смогут найти индивидуальный подход к жертве, поскольку каждая из них пережила определенный негативный опыт, и предотвратить возможную повторную виктимизацию.

Следует также обратить внимание на то, кто чаще становится жертвой со стокгольмским синдромом. По большей части это те, кто имеет тревожный тип привязанности. Он сопровождается тем, что человек боится быть брошенным или отвергнутым, поэтому при возникновении психотравмирующей ситуации привязывается к агрессору, тем самым закрывая свою потребность быть нужным [3, с. 3-4].

Помимо сказанного, важную роль у жертв играет наличие эмпатии, которая позволяет оправдывать поступки агрессора. Жертва, проявляя сопереживание, ссылается на причины такого поведения со стороны преступника, указывая на его «оправданные» мотивы, цели, обиды, травмы, стресс или неудовлетворенные потребности. Таким образом, жертва жалеет агрессора, и сама начинает объяснять, почему он себя так поступил, придавая его действиям правомерный и обоснованный вид. Преступник, в свою очередь, видя такое сопереживание, начинает пользоваться психологическим состоянием жертвы, тем самым усиливая ее эмоциональную зависимость.

Интересно отметить, что в зарубежной научной литературе выделяют четыре важных фактора, которые влияют на формирование эмоциональной связи между жертвой и агрессором: наличие угрозы, в связи с которой формируется защитная реакция - «выжить», проявление доброты со стороны жертвы, изоляция жертвы от общества и невозможность сбежать жертве от агрессора [8, с. 98].

Первый фактор говорит о том, что жертве непосредственно что-то угрожает или кто-то уже причиняет вред. В связи с этим, у жертвы включается защитный механизм, который проявляется в виде стокгольмского синдрома и дает сигнал – «выжить путем перехода на сторону агрессора».

Второй фактор указывает на проявление к агрессору положительных чувств и эмоций, в том числе и эмпатии, тем самым оправдывая и поощряя его противоправные действия.

Третий фактор говорит о том, что, как правило, агрессор изолирует жертву от общества путем ее похищения и удержания в конкретном месте. Безусловно, существуют различные ситуации, где со стороны жертвы проявляется стокгольмский синдром (например, в результате насилия или бытового конфликта), однако в данном случае мы говорим о более распространенных жизненных ситуациях, когда жертвам ограничивают доступ к окружающему миру путем похищения и захвата в заложники.

Четвертый фактор непосредственно формируется в сознании жертвы, когда она понимает, что не имеет возможности сбежать от агрессора. Однако здесь возникает психологическое противоречие: жертва осознает, что ей причиняют боль, но вовсе не хочет сбежать от агрессора, потому что, встав на его сторону и испытав к нему симпатию, обретает «чувство безопасности», от которого в силу психологической травмы вряд ли захочет отказаться.

Обращаясь к правовой сфере, следует отметить, что при работе сотрудников правоохранительных органов с жертвами, имеющими стокгольмский синдром, могут возникать сложности, которые чаще всего проявляются на стадии предварительного расследования. Следователю, осуществляющему расследование по уголовному делу, необходимо допросить потерпевшего (жертву) об обстоятельствах совершенного общественно опасного преступного деяния. Однако такие жертвы на практике часто отказываются сотрудничать со следствием из-за того, что хотят защитить агрессора. В случае, если жертва дает показания, то полученные сведения, вероятнее всего, не будут соответствовать действительности в полной мере, поскольку жертва намеренно будет преуменьшать факты произошедшего, тем самым искажая реальное положение дел. Подобное поведение жертв объясняется тем, что они становятся на сторону своего агрессора, в связи с чем стремятся давать те показания, которые не будут направлены против преступника, а наоборот покажут его с «лучшей стороны». Таким образом, все это значительно усложняет работу следователям, что впоследствии может привести к затягиванию расследования уголовного дела.

На основании сказанного, можно заключить, что стокгольмский синдром, проявившийся у жертвы, порождает ряд проблем как для самой личности, так и для окружающих в целом. В связи с этим, у многих возникает вопрос, как тогда помочь жертве побороть стокгольмский синдром и избавиться от него? В данном случае поможет вмешательство психотерапевта. В части правового аспекта – квалифицированный и грамотный подход следователя к коммуникации с жертвой. Сам потерпевший в силу своего психологического состояния не способен будет полностью избавиться от стокгольмского синдрома.

Не существует универсального подхода к лечению таких жертв, поскольку каждая из них пережила свой травмирующий опыт, в связи с которым специалист уже должен грамотно подобрать, каким наиболее эффективным способом он будет выводить жертву из данного психологического состояния. Клиническая работа, проводимая психотерапевтом, должна быть, в первую очередь, направлена на поддержку естественного инстинктивного процесса, который помог выжить человеку в период психотравмирующей ситуации. Далее, специалист должен помочь жертве осознать, что теперь опасности и угрозы для ее жизни и здоровью нет [2, с. 5]. Данный этап является непростым, поскольку здесь нужно на психологическом уровне дать понять жертве, что она действительно в безопасности, так как агрессора больше нет рядом, а не потому, что жертва чувствовала «безопасность», находясь рядом с преступником. В данном случае важной задачей является прояснение ясности ума и выстраивание четкого представления о чувстве безопасности.

Специалисты прибегают к ряду терапий, которые способны помочь жертве восстановить свое психологическое состояние и привести его в норму. Среди таких мер выделяют: индивидуальную психотерапию, когнитивно-поведенческую терапию (КПТ), диалектическую поведенческую терапию (ДПТ) и групповую терапию. Эти меры непосредственно направлены на проработку полученного травматического опыта, выработку стратегий преодоления трудностей и повышение стрессоустойчивости личности. В зарубежной научной литературе также подчеркивается важность проведения комплексного подхода к лечению, учитывающего многоаспектный характер травмы, полученной в результате совершенного преступления. Сюда, как правило, включают лечение таких возникших проблем, как посттравматическое стрессовое расстройство, тревожность, депрессия и так далее. Целью терапевтического вмешательства является не только стремление помочь жертвам справиться с последствиями полученной травмы, но и дать им навыки и знания, необходимые для того, чтобы избежать повторного жестокого обращения и построить более здоровую коммуникацию с людьми в будущем [7, с. 160].

На основании проведенного анализа следует заключить, что такое психологическое состояние, как стокгольмский синдром, проявляющийся у жертв преступлений, является в настоящее время непростым феноменом, требующим детального изучения причин его возникновения и объяснения непосредственно возникшей связи между жертвой и агрессором, а также возможных последствий, наступающих для личности и общества в целом. Изучение стокгольмского синдрома является значимым не только в сфере психологии, но и правовой системе, поскольку сотрудникам правоохранительных органов важно грамотно и правильно уметь выстраивать коммуникацию с данным типом жертв с целью всестороннего, полного, объективного разбирательства обстоятельств произошедшего, а также успешного расследования и раскрытия уголовного дела.

Для того, чтобы решить отраженные в научной работе проблемы, на наш взгляд, необходимо, прежде всего, донести до общества путем психологического просвещения через образовательные организации и освещения в средствах массовой информации сведения об особенностях стокгольмского синдрома и важности его последствий как психологического состояния, которое влечет за собой ряд серьезных негативных аспектов. Это поможет обществу не оставаться равнодушным к такому типу жертв, что увеличит шанс на своевременное оказание помощи. Необходимо повышать уровень компетентности работы психотерапевтов и как можно раньше их привлекать для оказания своевременного лечения. Важно учитывать, что специалистам следует уметь находить индивидуальный подход и методы профилактики к каждой жертве со стокгольмским синдромом, поскольку именно психотерапевт способен привести в норму психологическое состояние потерпевшего и предотвратить повторную виктимизацию. На наш взгляд, необходимо совершенствовать меры или находить новые, более эффективные, для лечения жертв со стокгольмским синдромом. Следователям при осуществлении расследования уголовного дела необходимо обладать определенными способами коммуникации при взаимодействии с данным типом жертв, также подбирая к ним индивидуальный подход без оказания психологического давления. По нашему мнению, для того, чтобы следователи умели грамотно работать с такими потерпевшими, можно создать специализированные курсы, которые непосредственно будут посвящены изучению особенностей проявления стокгольмского синдрома у жертв преступлений.

Важно помнить, что каждая жертва нуждается в поддержке со стороны других людей и оказании квалифицированной психологической помощи. Ведь без этого жертва утратит все свои социально-значимые качества, потеряв себя как личность, что будет повышать риск повторения преступлений в отношении нее и тем самым усиливать виктимность.

Список литературы:

1. Ajagbe, A. O., Onigbinde, O. A., Latif, I. K., Onyema, T. N., Eni-Olorunda, T. Stockholm syndrome: Causes, implications, and way out / A. O. Ajagbe, O. A. Onigbinde, I. K. Latif, T. N. Onyema, T. Eni-Olorunda // International Journal of Developmental Disorders in Children 2023; 4(1): 01-05. – Pp. 1-5.
2. Bailey, R., Dougard, D., Smith, S. F., and Porges, S. W. Appeasement: replacing Stockholm syndrome as a definition of a survival strategy / R. Bailey, D. Dougard, S. F. Smith, and S. W. Porges // European Journal of Psychotraumatology. – 2023. - Vol. 14, No. 1. - Pp. 1-7. DOI: https://doi.org/10.1080/20008066.2022.2161038
3. Kaiser, R. The Psychology of Trauma Bonding - Why Survivors Remain Attached to an Abusive Partner / R. Kaiser // Women's Safety Institute. – 2025. – Pp. 1-11. DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.17701847
4. Кардинале, О. В. Характеристика жертвы как одна из основ предупреждения, пресечения и раскрытия серийных преступлений / О. В. Кардинале // Антикриминальная политика: актуальные проблемы регионов : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Луганск, 15 ноября 2024 года. – Самара: Самарама, 2024. – С. 63-70.
5. Мелентьева, К. А. «Стокгольмский синдром» как актуальная проблема современности / К. А. Мелентьева, Е. А. Рузова // Актуальные проблемы публичного права : Сборник научных трудов, Владимир, 13 апреля 2023 года. – Владимир: КопиА-Сервис, 2023. – С. 216-219.
6. Степанов, И. Л. Сравнительный анализ психологической защиты заложников с наличием стокгольмского синдрома и депрессивных пациентов / И. Л. Степанов // Ученые записки Института психологии РАН. – 2025. – Т. 5, № 2(15). – С. 32-40.
7. Chevik, F. E., Emen, T. Bounded by Trauma: Navigating the Complexities of Traumatic Bonding and Stockholm Syndrome / F. E. Chevik, T. Emen // Romanian Journal of Legal Medicine [33]. – 2025. – Pp. 156-161. DOI: https://doi.org/10.4323/rjlm.2025.156
8. Teodora, I. Stockholm syndrome: a dimension of trauma / I. Teodora // Sanamed. – 2025. - № 20(1). – Pp. 97-102. DOI: https://doi.org/10.5937/sanamed0-57254

References:

1. Ajagbe, A. O., Onigbinde, O. A., Latif, I. K., Onyema, T. N., Eni-Olorunda, T. Stockholm syndrome: Causes, implications, and way out / A. O. Ajagbe, O. A. Onigbinde, I. K. Latif, T. N. Onyema, T. Eni-Olorunda // International Journal of Developmental Disorders in Children 2023; 4(1): 01-05. – Pp. 1-5.
2. Bailey, R., Dougard, D., Smith, S. F., and Porges, S. W. Appeasement: replacing Stockholm syndrome as a definition of a survival strategy / R. Bailey, D. Dougard, S. F. Smith, and S. W. Porges // European Journal of Psychotraumatology. – 2023. - Vol. 14, No. 1. - Pp. 1-7. DOI: https://doi.org/10.1080/20008066.2022.2161038
3. Kaiser, R. The Psychology of Trauma Bonding - Why Survivors Remain Attached to an Abusive Partner / R. Kaiser // Women's Safety Institute. – 2025. – Pp. 1-11. DOI: https://doi.org/10.5281/zenodo.17701847
4. Cardinale, O. V. The Characteristics of the Victim as One of the Foundations for the Prevention, Suppression, and Disclosure of Serial Crimes / O. V. Cardinale // Anti-Criminal Policy: Current Issues in the Regions : Collection of Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Lugansk, November 15, 2024. – Samara: Samarama, 2024. – Pp. 63-70. (In Russ.).
5. Melentyeva, K. A. "Stockholm Syndrome" as a Current Problem of Modern Times / K. A. Melentyeva, E. A. Ruzova // Actual Problems of Public Law: Collection of Scientific Papers, Vladimir, April 13, 2023. – Vladimir: KopyA-Service, 2023. – Pp. 216-219. (In Russ.).
6. Stepanov, I. L. Comparative Analysis of the Psychological Defense of Hostages with Stockholm Syndrome and Depressive Patients / I. L. Stepanov // Scientific Notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. – 2025. – Vol. 5, No. 2(15). – Pp. 32-40. (In Russ.).
7. Chevik, F. E., Emen, T. Bounded by Trauma: Navigating the Complexities of Traumatic Bonding and Stockholm Syndrome / F. E. Chevik, T. Emen // Romanian Journal of Legal Medicine [33]. – 2025. – Pp. 156-161. DOI: https://doi.org/10.4323/rjlm.2025.156
8. Teodora, I. Stockholm syndrome: a dimension of trauma / I. Teodora // Sanamed. – 2025. - № 20(1). – Pp. 97-102. DOI: https://doi.org/10.5937/sanamed0-57254

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_423

УДК 343

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ
LEGAL REGULATION AND TECHNOLOGICAL MECHANISMS FOR ENSURING CRIMINOLOGICAL SECURITY OF THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

СИДОРОВА Екатерина Закариевна,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России».
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
ORCID: 0000-0002-3477-3816
E-mail: ketrik6@mail.ru

SIDOROVA Ekaterina Zakarievna,
PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-3477-3816
E-mail: ketrik6@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье проводится комплексный анализ проблемы обеспечения криминологической безопасности цифровой образовательной среды при помощи применения правовых и технологических инструментов. Разрыв между скоростью технологической трансформации в сфере образования и разработкой соответствующих правовых предписаний создает значительные риски, включая киберпреступность, распространение персональных данных участников образовательных отношений, в особенности несовершеннолетних обучающихся, и неправомерное использование авторского цифрового образовательного контента. По мнению автора, изолированное, разрозненное применение правовых предписаний и технических средств в цифровой образовательной среде является неэффективным, поэтому предлагается модель проактивного обеспечения криминологической безопасности цифровой образовательной среды, основанная на принципах «безопасности по умолчанию», взаимодополняемости права и технологий, а также ключевой роли формирования цифровой культуры участников образовательных отношений.*

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the problem of ensuring the criminological security of the digital educational environment through the use of legal and technological tools. The gap between the speed of technological transformation in the field of education and the development of appropriate legal regulations creates significant risks, including cybercrime, the dissemination of personal data of participants in educational relations, especially underage students, and the misuse of copyrighted digital educational content. According to the author, the isolated, disparate application of legal regulations and technical means in the digital educational environment is ineffective, therefore, a model of proactive criminological security of the digital educational environment is proposed, based on the principles of «default security», complementarity of law and technology, as well as the key role of the formation of digital culture of participants in educational relations.*

Ключевые слова: *криминологическая безопасность, цифровая образовательная среда, киберугрозы, персональные данные, образовательный контент, правовое регулирование.*

Keywords: *criminological security, digital educational environment, cyber threats, personal data, educational content, legal regulation.*

Для цитирования: *Сидорова Е.З. Правовое регулирование и технологические механизмы обеспечения криминологической безопасности цифровой образовательной среды // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 423-426. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_423.*

For citation*: Sidorova E.Z. Legal regulation and technological mechanisms for ensuring criminological security of the digital educational environment // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 423-426. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_423.*

Статья поступила в редакцию: 12.02.2026

Правоведы справедливо отмечают, что наука находится в орбите влияния «цифрового поворота» [2, с. 7]. Цифровая трансформация коснулась и сферы образования, которая была ускорена глобальными вызовами последних лет и привела к формированию гибридной цифровой образовательной среды. Цифровая образовательная среда представляет собой сложный комплекс информационных систем, технологических платформ, цифрового контента и коммуникационных сервисов, который позволяет в опосредованном формате выстраивать взаимодействие между участникам образовательных отношений и осуществлять управление образовательной организацией. Однако параллельно с расширением возможностей растет и ее криминогенная уязвимость. Именно поэтому важной государственной задачей является обеспечение криминологической безопасности цифровой образовательной среды, под которой понимается состояние защищенности объектов, субъектов образовательной среды и образовательных отношений, возникающих между участниками данных отношений в цифровом пространстве, от преступных и иных противоправных посягательств, гарантирующее сохранение национальных образовательных и воспитательных приоритетов, ценностей и интересов. Обеспечение этой безопасности требует ответа на современные цифровые вызовы, и находится данный ответ между сферами применения юриспруденции и информационных технологий.

Правовое поле, регулирующее цифровые отношения в образовании, в России формируется в основном тремя федеральными законами:

1) Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», задающий общие рамки при-

менения электронного обучения[1];

2) Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», устанавливающий требования к обработке информации, в том числе об участниках образовательных отношений[2];

3) Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», который может затрагивать информационные системы образовательных организаций, значимых для государства[3].

Несмотря на наличие данной нормативной базы, правовое регулирование цифровых отношений в образовании отстает от технологических реалий и скорости появления новых киберугроз. Законодательством часто формулируются и определяются только принципы и общие запреты на совершение тех или иных действий в цифровой среде (например, на разглашение и распространение, в том числе в сети Интернет, чужих персональных данных). Вместе с тем, законодатель не успевает детально урегулировать все виды отношений в сфере применения цифровых технологий, например, использование больших данных (Big Data) для аналитики успеваемости обучающихся; применение алгоритмов искусственного интеллекта в адаптивном обучении; ведение и обслуживание баз данных для сохранения конфиденциальности персональных и иных сведений об участниках образовательных отношений. Пробелы и декларативность норм создают так называемые «серые зоны», которыми пользуются злоумышленники для фишинга, хищения цифровой информации о личности несовершеннолетних школьников и студентов, распространения вредоносного программного обеспечения под видом учебных материалов, осуществления кибербуллинга и другое.

В научной литературе освещались основные проблемы, препятствующие качественному и эффективному обеспечению безопасности системы образования в нашей стране [3, с. 130]. Одной из таких проблем выступают различные киберугрозы. Применение цифровых технологий в образовательных отношениях таит в себе ряд таких угроз, противодействие которым должно осуществляться, в том числе, посредством разработки соответствующих правовых предписаний. Технологии без права неэффективны, а право без технологий неисполнимо. В данном случае следует привести исторический пример о британском «Законе о красном флаге» 1865 года, который ограничивал скорость механических экипажей 3–6 км/ч и требовал, чтобы их сопровождал человек с красным флагом (для привлечения внимания пешеходов и исключения случаев наезда на них) [4, с. 51]. Данный пример ярко иллюстрирует путь жесткого правового запрета, игнорирующего потенциал технологий. Закон не повысил безопасность, а затормозил развитие автомобильной отрасли в стране. Аналогичный риск существует и в цифровой сфере, поскольку попытка тотального запрета новых технологий может привести к цифровому регрессу.

Обратная крайность – надежда исключительно на технологические решения (например, на использование антивирусных программ или фаерволов – программно-аппаратного комплекса, предназначенного для проверки и фильтрации сетевого трафика [5, с. 50]) – также несостоятельна. Без правовых норм, определяющих правовой статус субъектов цифровых отношений, закрепляющих права и обязанности участников образовательных отношений в цифровом пространстве и устанавливающих гарантии качества цифрового образования, технологии становятся инструментом для противоправного воздействия на субъектов образовательной среды.

Ключ к обеспечению криминологической безопасности цифровой образовательной среды лежит в том, чтобы объединить правовое регулирование данной сферы и применяемые в ней технологические механизмы. Правовые нормы должны:

– четко определять цели и принципы безопасного функционирования цифровой образовательной среды;

– устанавливать зоны ответственности для разработчиков платформ, операторов данных (образовательных организаций), педагогов, обучающихся, родителей несовершеннолетних школьников и других участников образовательных отношений;

– регламентировать порядок реагирования на инциденты, произошедшие в цифровой среде и затрагивающие права и интересы участников образовательных отношений, а также правовые последствия наступления вреда в таких ситуациях.

В свою очередь, технологические механизмы, применяемые в образовательной среде, призваны:

– практически обеспечивать исполнение правовых требований (например, шифрованием реализовывать принцип конфиденциальности персональных данных обучающихся и педагогов);

– осуществлять непрерывный мониторинг за обнаружением и автоматической нейтрализацией киберугроз;

– предоставлять инструменты для цифровой идентификации, аутентификации и безопасного документооборота в образовательной деятельности.

Только их взаимное применение создает устойчивую систему, где право задает «правила игры» в образовательном пространстве, а технологии делают эти правила технически исполнимыми. Другими словами, правовые нормы определяют цели цифровой образовательной деятельности и ответственность участников таких отношений, а технологические механизмы обеспечивают их практическую реализацию и исполнение.

Вместе с тем, в центре обеспечения криминологической безопасности цифровой образовательной среды находятся два ключевых объекта, требующих комплексной правово-технологической защиты.

Во-первых, речь идет о массивах персональных данных. Образовательные организации обрабатывают большое количество персональных сведений, в особенности касающихся несовершеннолетних обучающихся, включая не только анкетные данные, но и информацию о

[1] Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
[2] О персональных данных: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
[3] О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4736.

здоровье, успеваемости, социальном положении, поведении, биометрические данные (фото, видео с камер наблюдения). Утрата контроля за их сохранностью и безопасностью может привести к криминальным последствиям: шантажу, кибербуллингу, хищению имущества с использованием цифрового профиля. И если правовая защита в таком случае обеспечивается нормами Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» (требования о согласии на передачу персональных данных, о локализации обработки персональных данных и другое), то технологическая защита должна включать строгую систему разграничения прав доступа, сквозное шифрование, DLP-системы для предотвращения утечки информации за пределы цифровой системы образовательной организации, регулярный аудит безопасности [1, с. 94].

Во-вторых, цифровой образовательный контент является одновременно как объектом интеллектуальной собственности, а значит, требует защиты от пиратского копирования и распространения, так и инструментом воспитания, и требует защиты от внедрения деструктивного, экстремистского или недостоверного материала. Правовая защита цифрового образовательного контента базируется на нормах Гражданского кодекса России об авторском праве[1] и правовых предписаний о качестве[2] и духовно-нравственном содержании учебных материалов[3]. Технологическими механизмами выступают цифровые водяные знаки, использование блокчейн для верификации оригинальности и отслеживания распространения, системы контент-фильтрации и модерации на образовательных платформах.

Правовое регулирование тех или иных сфер общественных отношений нередко базируется на запретительных и ограничительных мерах, однако такой подход недостаточен для регулирования отношений, существующих в цифровой образовательной среде и характеризующихся постоянной изменчивостью. Помимо запретов и репрессивных норм, требуется правовое стимулирование правопослушного поведения. Необходимо внедрение принципов «безопасности по умолчанию» на этапе разработки и реализации всех цифровых образовательных решений. Другими словами, необходим переход к превентивной модели, где безопасность закладывается на этапе проектирования цифровых образовательных продуктов и процессов. Этому и соответствует принцип «безопасности и конфиденциальности по умолчанию». Правовое регулирование должно стимулировать его внедрение, что может выражаться в:

– установлении в законодательстве приоритетности лицензирования или сертификации образовательных платформ, изначально построенных по этому принципу;

– введении мер государственной поддержки (грантов, налоговых льгот) для разработчиков, реализующих в своих продуктах современные механизмы защиты персональных данных, в особенности несовершеннолетних, и контроля за содержанием цифрового контента;

– закреплении в качестве обязательного требования при осуществлении государственных закупок цифровых образовательных инструментов и программ наличия в них встроенных, а не дополнительно устанавливаемых, функций цифровой безопасности.

Такой подход смещает акцент с наказания виновного на невозможность или максимальное усложнение совершения самого взлома той или иной киберсистемы, имеющей отношение к участникам образовательных отношений.

При этом нужно понимать, что любая, даже самая совершенная правовая и технологическая система, может быть обойдена или дестабилизирована из-за ошибок, небрежности или злого умысла пользователей. Поэтому ключевым элементом криминологической безопасности цифровой образовательной системы является формирование высокой цифровой культуры у всех участников образовательных отношений. Правовое поле должно создавать основы для этого через закрепление в профессиональных стандартах педагогов и иных субъектов, задействованных в администрировании цифровых данных, обязанности по повышению цифровой грамотности. Целесообразно также ввести в образовательные программы (как для обучающихся, так и для самих педагогических работников в рамках повышения квалификации) учебные модули по кибергигиене, защите персональной информации, распознаванию манипулятивных техник, применяемых в цифровом пространстве.

Технологии, в свою очередь, могут способствовать формированию цифровой культуры через использование геймификации (применение игровых элементов в процессе обучения для повышения мотивации и вовлеченности обучающихся) для обучения правилам безопасного поведения в киберпространстве; внедрение понятных и ненавязчивых систем подсказок (например, об оценке надежности пароля) при использовании функционала цифровых образовательных систем и программ; создание симуляторов кибератак (например, учебных фишинговых рассылок) для тренировки навыков распознавания киберугроз.

Таким образом, правовые нормы задают образовательный вектор, а технологические платформы предоставляют инструментарий для его реализации, формируя у пользователя проактивное отношение к личной безопасности в цифровом пространстве.

Таким образом, обеспечение криминологической безопасности цифровой образовательной среды – это непрерывный процесс, требующий сбалансированного и динамичного взаимодействия права и технологий. Преодоление правового отставания от технологических реалий, отказ от изолированного применения цифровых инструментов, приоритет защиты персональных данных и цифрового образовательного контента, переход от репрессивных норм к стимулированию «безопасности по умолчанию» – ключевые векторы построения эффективной модели криминологической безопасности цифрового образовательного пространства. Эффективность криминологической безопасности цифровой образовательной среды во многом зависит от проактивного поведения самих участников таких отношений. Любая правовая и технологическая система будет уязвима без формирования цифровой культуры безопасности и соответствующей компетенции у всех участников образовательного про-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федеральный закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
[2] Об утверждении единых принципов экспертизы учебников и разработанных в комплекте с ними учебных пособий…: постановление Правительства РФ от 28 марта 2025 г. № 402 // Собрание законодательства РФ. 2025. № 14. Ст. 1710.
[3] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

цесса: от разработчиков и администраторов до учителей, обучающихся и родителей.

Список литературы:

1. Аусилова Н.М., Зарынбеков А.Б., Ахмет Г.Б. Применение DLP-систем как инструмента обеспечения информационной безопасности // Наука и реальность. 2023. № 1(13). С. 93-96.
2. Бегишев И.Р., Жарова А.К., Громова Е.А., Залоило М.В., Филипова И.А., Шутова А.А. "Цифровой поворот" в правовых исследованиях // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 7-13.
3. Сидорова Е.З. О некоторых способах и механизмах решения проблем безопасности образовательной среды // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 128-139.
4. Золотов Е. ДТП, ПДД и т.д. // Бизнес-журнал. 2013. № 10. С. 50-54.
5. Супрунов С. О пользе файерволов // Системный администратор. 2008. № 3(64). С. 50–52.

References:

1. Ausilova N.M., Zarynbekov A.B., Akhmet G.B. Application of DLP systems as an information security tool // Science and Reality. 2023. No. 1(13). pp. 93-96.
2. Begishev I.R., Zharova A.K., Gromova E.A., Zaloilo M.V., Filipova I.A., Shutova A.A. "Digital turn" in legal research // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Vol. 2. No. 1. Pp. 7-13.
3. Sidorova E.Z. About some ways and mechanisms of solving problems of educational environment safety // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (100). pp. 128-139.
4. Zolotov E. Road accidents, traffic regulations, etc. // Business Journal. 2013. No. 10. pp. 50-54.
5. Suprunov S. On the benefits of firewalls // System administrator. 2008. No. 3(64). pp. 50-52.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_427

УДК 343

НЕЗАКОННОЕ ОБОГАЩЕНИЕ В СИСТЕМЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ILLICIT ENRICHMENT IN THE SYSTEM OF CORRUPTION CRIMES ACCORDING TO THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

КОЧАРЯН Карен Спартакович,
аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического института РУДН.
ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Россия.
E-mail: kqocharyan89@mail.ru

KOCHARYAN Karen Spartakovich,
Postgraduate Student of Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Institute of Law, RUDN University.
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia.
E-mail: kqocharyan89@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с ролью незаконного обогащения в системе коррупционных преступлений, анализируется роль и значение статьи о незаконном обогащении в системе коррупционных преступлений, предусмотренной Уголовным кодексом Республики Армения. Цель исследования – проанализировать и понять роль и значение незаконного обогащения в системе коррупционных преступлений. В исследовании использовались как общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, так и специально-юридические методы, такие как догматический метод, системный метод и т.д..*

Abstract*: This article examines a number of issues related to the role of illicit enrichment in the system of corruption crimes, analyzes the role and significance of the article on illicit enrichment in the system of corruption crimes accordfing to the Criminal Code of the Republic of Armenia. The purpose of the study is to analyze and understand the role and significance of illicit enrichment in the system of corruption crimes. In this study are used both general scientific methods, such as analysis, synthesis, induction, deduction, and specific legal methods, such as the dogmatic method, the systematic method, and others.*

Ключевые слова: *незаконное обогащение, коррупция, система коррупционных преступлений, системный подход.*
Keywords: *illicit enrichment, corruption, system of corruption crimes, systems approach.*

Для цитирования: *Кочарян К.С. Незаконное обогащение в системе коррупционных преступлений по Уголовному Кодексу Республики Армения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 427-430. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_427.*
For citation*: Kocharyan K.S. Illicit enrichment in the system of corruption crimes according to the Criminal Code of the Republic of Armenia // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 427-430. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_427.*

Статья поступила в редакцию: 12.02.2026

Слово «система» происходит от греческого слова «Sistema», что означает целое, состоящее из частей или объединение. В науке слово «система» используется для описания различных систем, например, правовой, политической, экономической системы государства. Слово «система» и системный подход в науке впервые были использованы в области технических и естественных наук, а затем и в социальных и гуманитарных науках [1], [2, с. 3-4].

В области права системный подход позволяет условно выделять группы законов, изучать и анализировать их как нормы поведения, направленные на регулирование правовых отношений в конкретной сфере, и находить ключи к решению проблем в этой области.

Система — это набор отдельных элементов и взаимосвязей между ними, где отдельные элементы связаны друг с другом. То есть система рассматривается не как набор отдельных случайных элементов, а как набор специфических элементов и связей между ними [3].

Примером такой системы является уголовный кодекс, где определены наиболее опасные деяния и предусмотрены наказания за их совершение. Уголовный кодекс, в свою очередь, условно делится на отдельные подсистемы — главы и разделы, где по объекту выделяются группы законов, направленные на регулирование конкретных правовых отношений. Все эти разделения в юриспруденции носят условный характер.

В отличие от естественных наук, где различные системы четко разделены в природе своими границами, в социальных и гуманитарных науках такое разделение условно, его нельзя увидеть или потрогать, оно существует только в человеческом воображении. Например, в биологии болота и характерные для них виды растений четко отделены от окружающей среды, вода и земля разделены, границы которых отчетливо видно в природе, но разделение групп законов осуществляется лишь в виде мысленных образов и отсутствует в природе.

Существование кодексов, разделение законов на отдельные группы также является результатом интеллектуальной деятельности человека и невозможно без участия человека. Следовательно, как существование законов, так и их разделение и систематизация на отдельные группы осуществляются исключительно человеком с целью регулирования правовых отношений.

«Система коррупционных преступлений» представляет собой условное разделение группы преступлений, связанных с коррупцией, от других групп уголовных преступлений на основе специфических характеристик. Законы о коррупционных преступлениях являются взаимосвязанными, дополняющими друг друга элементами системы, направленной на предотвращение использования должностными лицами своих полномочий в личных или узкогрупповых интересах. Иными словами, законодатель установил свод законов, регулирующих правовые отношения, связанные с использованием должностных лиц своих полномочий, чтобы они использовали предоставленные им государством полномочия только в интересах государства.

Слово «коррупция» происходит от латинского слова corruptio, что означает подкупать, портить, разрушать. Коррупция так же стара, как и человечество, и существует множество сведений о её проявлениях, которые относятся к Древней Греции и Риму, а также к различным государствам средневекового и современного и периода истории [4].

Конвенция ООН против коррупции 2003 года не дает четкого определения коррупции, а лишь указывает, что активный и пассивный подкуп в государственном и частном секторах, а также подкуп должностных лиц, злоупотребление служебным положением, взяточничество, присвоение имущества и другие коррупционные нарушения закона подлежат уголовному преследованию [5].

В литературе можно найти различные классификации коррупционных преступлений, предложенные разными авторами. К ним относятся коррупция внутри страны, коррупция в бизнесе, коррупция в высших эшелонах власти [6, с. 58], коррупция в системе государственной власти и негосударственных организациях, коррупция в экономической и политической сферах и т.д. [7].

Единой, общепринятой классификации коррупционных преступлений не существует, и разные авторы предлагают различные классификации в зависимости от целесообразности этих классификаций для проводимого ими исследования. В любом случае, коррупционные преступления, независимо от различных классификаций, образуют единую условную систему с общим субъектом и своей природой (субъектом является должностное лицо, а по своей природе коррупционные преступления направлены на использование возможностей, предоставляемых государственной властью, для обслуживания частных или узких групповых интересов, в ущерб интеоесов государства).

Незаконное обогащение является одним из коррупционных преступлений и имеет элементы, типичные для таких преступлений. По своей природе оно направлено на получение личной выгоды путем использования предоставленных государством полномочий в собственных интересах.

Незаконное обогащение может происходить как в высшей государственной власти, так и в средних и низших эшелонах. С точки зрения классификации сфер, незаконное обогащение возможно в любой сфере государственного управления, как политической, экономической, социальной и других. Например, в результате получения взятки чиновник обогащается, а взятку может получить чиновник любой сферы.

Учитывая, что проблема коррупции становится все более распространенной и системной, незаконное обогащение было включено в три международные конвенции по борьбе с коррупцией с целью ускорения предотвращения коррупции посредством международного сотрудничества. Незаконное обогащение (Illicit Enrichment) впервые было включено в статью IX Межамериканской конвенции по борьбе с коррупцией (МККК) и принято Организацией американских государств в 1996 году. Затем, в 2003 году, была принята Конвенция Африканского союза о предотвращении и борьбе с коррупцией (AUCPCC). Последней такой конвенцией является Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 года. Статья 20 Конвенции рекомендует государствам-участникам принять законодательные и иные меры для признания незаконного обогащения уголовным преступлением в соответствии с принципами их соответствующих правовых систем [8, с. 232].

Согласно статье 443 Уголовного кодекса Республики Армения «незаконным обогащением считается в течение отчетного периода увеличение имущества и/или уменьшение обязательств и/или расходов лица, обязанного представить декларацию в соответствии с законодательством Республики Армения, которые значительно превышают его/ее законный доход и не имеют разумного обоснования, если отсутствуют иные элементы преступления, служащие основанием для незаконного обогащения». Совершение преступления наказывается лишением свободы на срок от трех до шести лет. В статье существенным считается сумма (стоимость), превышающая 3 миллиона драмов Республики Армения [9].

Данная статья основана на статье 20 Конвенции ООН против коррупции, согласно которой, «в соответствии со своей конституцией и основополагающими принципами своей правовой системы, каждое государство-участник должно рассмотреть вопрос о внесении таких законодательных поправок и других мер, которые могут быть необходимы для признания уголовным преступлением незаконное обогащение, то есть существенное увеличение активов государственного должностного лица, которое не может быть обосновано его законными доходами» [10].

Часто единственным реальным доказательством коррупционного преступления являются денежные переводы между коррумпированным чиновником и его сообщником, при этом обогащение коррумпированного чиновника становится наиболее наглядным проявлением коррупции. Например, в случае взяточничества, когда подкупщик делает предложение, а чиновник его принимает, трудно доказать наличие преступления. Также проблематично связать полученные средства с совершенным преступлением после того, как подозрение в преступлении установлено в суде, чтобы вернуть активы и подтвердить эту связь. Криминализация незаконного обогащения, часто также называемого «несоразмерным обогащением» или «необъяснимым обогащением», позволяет государствам, помимо прочего, криминализировать коррупционные преступления и конфисковывать доходы от коррупции на том основании, что необоснованное богатство является доказательством коррупционного поведения. На практике необходимо доказать, что такое богатство не оправдано законным доходом, но в таких рамках нет необходимости доказывать источник незаконно полученного богатства путем выявления и доказательства лежащих в его основе преступных деяний, таких как взяточничество, растрата, злоупотребление служебным положением и т. д.. В результате эффект криминализации незаконного обогащения может выходить за рамки коррупционных преступлений и позволять государствам конфисковывать доходы от других преступлений. Незаконное обогащение аналогично отмыванию денег тем, что нет необходимости доказывать лежащие в его основе преступные деяния, хотя в случае отмывания денег все же необходимо доказать преступное происхождение средств [11, с. 6-7].

Период обогащения также считается важным для определения незаконного обогащения, поскольку он должен совпадать с периодом пребывания должностного лица в должности. Государственное должностное лицо должно незаконно обогатиться в течение своего срока полномочий. Оценка необоснованного увеличения богатства начинается с даты вступления должностного лица в должность и заканчивается

датой его ухода с должности. Исходя из этих характеристик, следственные органы могут использовать дату вступления в должность в качестве отправной точки для оценки того, является ли увеличение активов существенным в течение срока полномочий государственного должностного лица [12].

Существуют две современные стратегии борьбы с незаконным обогащением: стратегия уголовной ответственности и стратегия гражданско-правовой конфискации незаконно полученных активов. В случае конфискации активов устанавливается более низкий порог доказывания, бремя доказывания законности происхождения активов возлагается на лицо, совершившее предполагаемое преступление. В случае конфискации активов применяется гражданское право, то есть правонарушитель не подлежит уголовной ответственности. В случае стратегии уголовной ответственности устанавливается более высокий порог доказывания, что на практике создает проблемы. Уголовная ответственность за незаконное обогащение предусмотрена во Франции, Литве и ряде других стран. В Литве уголовная ответственность за незаконное обогащение предусмотрена не только для должностных лиц, но и для любого другого лица, которое не может обосновать законность своего дохода [13].

Термин «система коррупционных преступлений» носит условный характер. Ее следует рассматривать не как систему преступлений, направленных против конкретных отношений, а как совокупность преступлений, совершаемых с использованием служебного положения. Иными словами, система коррупционных преступлений условно включает в себя все те преступления, которые совершаются с использованием служебного положения, предоставленного лицу государством, в интересах собственной выгоды или выгоды узкой группы лиц и против интересов государства. Разделение такой системы помогает наблюдать и понимать природу коррупционных преступлений с системной точки зрения. Законодатель также принял именно такой подход, разделив коррупционные преступления и указав перечень коррупционных преступлений в Приложении 1 к Уголовному кодексу Республики Армения.

В Уголовном кодексе Республики Армения 2003 года отсутствовали как термины «коррупция» и «преступления, связанные с коррупцией», так и подход к разграничению этих преступлений. В отличие от предыдущего Уголовного кодекса, Приложение 1 к новому Уголовному кодексу Республики Армения, принятому 5 мая 2021 года, разделяет преступления, связанные с коррупцией, и перечисляет их.

Законодатель включил в список коррупционных преступлений различные преступления против общественных отношений, общим для которых является то, что все они совершаются должностными лицами с использованием своих служебных полномочий в ущерб интересов государства. Иными словами, объекты всех коррупционных преступлений различны, субъект преступления специальный (должностное лицо), а специфическим признаком объективной стороны является использование служебных полномочий в личных целях.

По объекту вышеупомянутые коррупционные преступления подразделяются на следующие группы: 1) Коррупционные преступления против конституционных прав и свобод: статьи 218, 219, 220, 221, 221.1, 231, 232. 2) Коррупционные преступления против собственности: статьи 255, часть 2, пункт 2, часть 3, 256, часть 2, пункт 2, часть 3, 258, часть 2, пункт 9, часть 3. 3) Коррупционные преступления против экономической деятельности: статьи 268, часть 3, пункт 2, статья 269, часть 3, пункт 3, статьи 272-277, часть 2, пункт 1 и часть 3, статья 282, часть 2, пункт 2 и часть 3, статья 284, часть 2, пункт 2 и часть 3. Статья 296, Часть 3, Пункт 2. 4) Преступления против интересов публичной службы: Статьи 435-445, **включая статью 443 - незаконное обогащение** . 5) Преступления против интересов правосудия: Статьи 477, 480, 481, 482, Часть 2, пункт 2 и Часть 3 Части 486, 496, 497. 6) Преступления военных должностных лиц: Статья 549.

Система коррупционных преступлений согласно Уголовному кодексу Республики Армения включает 7 коррупционных преступлений против конституционных прав и свобод, 3 коррупционных преступлений против собственности, 10 коррупционных преступлений против экономической деятельности, 11 преступлений против интересов публичной службы, 7 преступлений против интересов правосудия и 1 преступление против интересов службы в армии. Как видим, наибольшую группу составляют преступления против интересов государственной службы, которые включают 11 преступлений, в том числе незаконное обогащение. Далее следуют преступления против экономической деятельности – 10, затем преступления против конституционных прав и свобод – 7 и преступления против институтов правосудия – 7 преступлений, после чего преступления против собственности – 3 и 1 военное должностное преступление. В общей сложности перечень коррупционных преступлений в Уголовном кодексе Республики Армения включает 39 преступлений.

Включение преступления незаконного обогащения в число преступлений против интересов публичной службы логично, поскольку оно направлено на обеспечение использования полномочий, предоставленных должностным лицам государством, в интересах государства и предотвращение их использования в личных или узкогрупповых интересах.

Незаконное обогащение было предусмотрено статьей 310.1 Уголовного кодекса Республики Армения 2003 года, которая входила в главу 29 Кодекса, озаглавленную «Преступления против государственной службы». В новом Уголовном кодексе такой главы нет, глава переименовалось в «Преступления против интересов публичной службы».

В новом Уголовном кодексе статье 443 о незаконном обогащении предшествует статья о незаконном участии должностного лица в предпринимательской деятельности (статья 442), а за ней следует статья о предоставлении ложных данных в декларации, сокрытии данных, подлежащих декларированию, или непредставлении декларации лицом, обязанным представить декларацию в соответствии с законодательством Республики Армения (статья 444).

Статья о незаконном обогащении связана практически со всеми коррупцинными преступлениями, и по своей природе направлена против мотива этих преступлений, которым являются корыстные побуждения. В этом смысле она также является механизмом антикоррупционной борьбы.

В рамках системы преступлений, связанных с коррупцией, незаконное обогащение имеет важное значение, поскольку затрагивает практически все коррупционные преступления. По сути, все неустановленные коррупционеры, незаконно обогатившиеся в результате своей преступной деятельности, подлежат уголовной ответственности по статье 443 Уголовного кодекса Республики Армения. При этом статья также предусматривает, что уголовная ответственность налагается только в случае отсутствия элементов другого преступления, послужившего основанием для незаконного обогащения, то есть, отсутствия данных о совершении других коррупционных преступлений. Следовательно, при наличии достаточных данных о совершении других преступлений уголовная ответственность будет налагаться не по статье 443 Уголовного кодекса Республики Армения, а по другой статье.

Учитывая, что коррупционные преступления носят латентный характер, а их участники, как правило, заинтересованы в сокрытии преступлений, поскольку совершение этих преступлений обычно исходит из интересов всех участников преступления, статья о незаконном обогащении также имеет «страховочное» и, с этой точки зрения, объединяющее значение для всех других статей. То есть, если коррумпированное лицо незаконно обогатилось в результате коррупционной деятельности, но не было привлечено к уголовной ответственности и его деяние не было раскрыто, оно в любом случае может быть привлечено к уголовной ответственности за незаконное обогащение.

Итак, незаконное обогащение может стать универсальным антикоррупционным механизмом в тех случаях, когда должностное лицо незаконно обогатилось в результате коррупционных преступлений. По своей природе статья о незаконном обогащении направлена на воздействие на мотив коррупционных преступлений – корыстные побуждения, – тем самым способствуя снижению уровня коррупции. В системе коррупционных преступлений она играет универсальную страховую роль, поскольку, если преступления, лежащие в основе незаконного обогащения, не будут выявлены, коррумпированное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за само незаконное обогащение.

Список литературы:

1. Полещук И.А. Системный подход и значение систем // https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-i-ponyatie-sistemy/viewer
2. «Учебник по теории систем и системному анализу», Рыбнинск 2015, URL:https://www.rsatu.ru/upload/medialibrary/ae5/Teoriya-sistem-i-sistemnogo-analiza.pdf
3. Ображиев К. В. Системный подход в юриспруденции, теоретико-методологические основы // https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-v-yurisprudentsii-teoretiko-metodologicheskie-osnovy
4. Лезина Е.П., Исакова А.Ю. Появление и развитие поятия коррупции // https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-ponyatiya-korruptsii.
5. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции»URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
6. «Փաստաբանական ինստիտուտի դերը կոռուպցիայի դեմ պայքարում» գիտաժողովի նյութեր, Էջ 58, Երևան, 2013
7. Пимкина Д. О. «коррупция: концепции и типы» https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-ponyatie-i-vidy/viewer
8. «Illicit Enrichment in Corruption Eradication in Indonesia: A Future Strategy», M. Yusuf, Aswanto, Juajir Sumardi, Maskun, Nurul Hidayat Ab Rahman» URL:https://www.researchgate.net/publication/385790386_Illicit_Enrichment_in_Corruption_Eradication_in_Indonesia_A_Future_Strategy
9. ՀՀ քրեական օրենսգիրք, https://www.arlis.am/hy/acts/153080/latest
10. «UNITED NATIONS CONVENTION AGAINST CORRUPTION», URL: https://www.unodc.org/documents/brussels/UN_Convention_Against_Corruption.pdf
11. «On the take criminalizing illicit enrichment to fight corruption», Lindy Muzila, Michelle Morales, Marianne Mathias, Tammar Berger, https://www.unescap.org/sites/default/files/apdj-7-2-2-Myint.pdf
12. «Characteristics of illicit enrichment as a corruption crime», Cholifatul Islamiah, Erny Herlin Setyorini https://www.researchgate.net/publication/399218741_Characteristics_of_Illicit_Enrichment_as_a_Corruption_Crime .
13. «Confiscation Beyond the All-Crime Approach and the Proportionality Principle -A Case of the Lithuanian Illicit Enrichment Offence Concept»,Skrimantas Bikelis, URL:https://www.mdpi.com/2075-471X/14/1/1

References:

1. "The system approach and the meaning of systems", Poleshchuk I. N.A. N. https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-i-ponyatie-sistemy/viewer
2. "Textbook on systems theory and system analysis", Rybninsk 2015, URL:https://www.rsatu.ru/upload/medialibrary/ae5/Teoriya-sistem-i-sistemnogo-analiza.pdf
3. Obrazhiev, PhD, "A systematic approach in jurisprudence, theoretical and methodological foundations", https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-v-yurisprudentsii-teoretiko-metodologicheskie-osnovy
4. E. Lezina.In accordance with P. A. Isakov, Ph.D. "The emergence and development of the concept of corruption", https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-ponyatiya-korruptsii .
5. "United Nations Convention against Corruption" URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
6. "Փ"" գիտաժողովի նյութեր, Էջ 58, Երևան, 2013
7. D. Pimkina. O. "corruption - concepts and types" https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-ponyatie-i-vidy/viewer
8. «Illicit Enrichment in Corruption Eradication in Indonesia: A Future Strategy», M. Yusuf, Aswanto, Juajir Sumardi, Maskun, Nurul Hidayat Ab Rahman» URL:https://www.researchgate.net/publication/385790386_Illicit_Enrichment_in_Corruption_Eradication_in_Indonesia_A_Future_Strategy
9. ՀՀ քրեական օրենսգիրք, https://www.arlis.am/hy/acts/153080/latest
10. «UNITED NATIONS CONVENTION AGAINST CORRUPTION», URL: https://www.unodc.org/documents/brussels/UN_Convention_Against_Corruption.pdf
11. «On the take criminalizing illicit enrichment to fight corruption», Lindy Muzila, Michelle Morales, Marianne Mathias, Tammar Berger, https://www.unescap.org/sites/default/files/apdj-7-2-2-Myint.pdf
12. «Characteristics of illicit enrichment as a corruption crime», Cholifatul Islamiah, Erny Herlin Setyorini https://www.researchgate.net/publication/399218741_Characteristics_of_Illicit_Enrichment_as_a_Corruption_Crime .
13. «Confiscation Beyond the All-Crime Approach and the Proportionality Principle -A Case of the Lithuanian Illicit Enrichment Offence Concept»,Skrimantas Bikelis, URL:https://www.mdpi.com/2075-471X/14/1/1

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_431

ПРИЗНАКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ «А.У.Е.» [1]
FEATURES CHARACTERIZING THE INTERNATIONAL PUBLIC MOVEMENT “A.U.E.”

КУРБАТОВА Галина Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: kurbatik2007@yandex.ru
KURBATOVA Galina Vasilievna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, d.1.
E-mail: kurbatik2007@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются признаки, характеризующие международное общественное движение «А.У.Е.»[2], исследуется природа возникновения движения, динамика и детерминанты его развития, детализируются характерные черты и свойства, исследуется концепция идеологии, понятийный аппарат и символика, высказываются предложения по противодействию и борьбе с распространением и проявлением движения.*

Abstract: *The article examines the features that characterize the international social movement "A.U.E."[3], examines the nature of the movement's emergence, the dynamics and determinants of its development, details its characteristic features and properties, examines the concept of ideology, conceptual apparatus and symbolism, and makes proposals to counteract and combat the spread and manifestation of the movement.*

Ключевые слова: *экстремизм, международное общественное движение, преступная идеология, символика, признаки.*
Key words*: extremism, international social movement, criminal ideology, symbols, signs.*

Для цитирования: *Курбатова Г.В. Признаки, характеризующие международное общественное движение «А.У.Е.»[4] // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 431-433. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_431.*
For citation*: Kurbatova G.V. Features characterizing the international public movement “A.U.E.”[5] // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 431-433. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_431.*

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Введение. В последние десятилетия в отечественном и зарубежном социально-правовом поле специалистами и органами правопорядка наблюдается динамика создания и развития ряда общественных движений, обладающих ярко выраженной деструктивной направленностью и представляющих серьезную угрозу для современного общества, а более всего – для молодежи. Одним из наиболее распространенных и существенных по степени влияния является международное общественное движение, известное как «Арестантский уклад един» (далее по тексту – А.У.Е.[6]). Оно зародилось и стремительно приобрело широкую известность в первой четверти текущего века, достигнув поражающих масштабов.

По своей социально-правовой природе А.У.Е.[7] изначально являлось частью криминальной субкультуры, однако с течением времени данное движение изменило изначальные черты и вышло за базовые рамки, трансформировавшись в сложный социальный феномен, обладающий признаками международного общественного движения, получивший распространение в странах постсоветского пространства и в некоторых иных государствах.

Актуальность изучения данного движения обусловлена его стремительным распространением, способностью вовлекать в свои ряды преимущественно молодежь и подростков, а также влиянием, оказываемым на формирование девиантного поведения и криминализацию подрастающего поколения. Кроме того, феномен А.У.Е.[8] характеризуется рядом уникальных признаков, отличающих его не только от других субкультур, но и от общепринятых форм молодежных движений. Несмотря на то, что данная организация запрещена на территории России и признана экстремистской, проблема ее проявлений в различных формах, сферах и интерпретациях по-прежнему проявляется достаточно остро. Специалисты отмечают устойчивую тенденцию к воспроизводству основных идей и практик А.У.Е.[9] на различных уровнях, начиная от индивидуального, заканчивая коллективным и международным. Все это обуславливает необходимость проведения тщательного научного осмысления.

Цель исследования. Проанализировать и систематизировать признаки, характеризующие А.У.Е.[10], выявить специфику его формирования, функционирования и методологию воздействия на социальную среду, сформулировать меры профилактики и противодействия на основе анализа и систематизации признаков, углубить теоретическое понимание современных форм проявления А.У.Е.[11]

Методы исследования. В настоящем исследовании применялся описательный метод и метод анализа. Посредством метода анализа

[1] Деятельность международного общественного движения «А.У.Е.» (имеет и другие названия) признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[2] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[3] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[4] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[5] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[6] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[7] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[8] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[9] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[10] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[11] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

изучались история возникновения, детерминанты, свойства и признаки движения А.У.Е.[1] А посредством описательного метода были изучены основные направления профилактики и противодействия.

Как мы уже отмечали ранее, рассматриваемое движение изначально было сформировано в виде специфической пенитенциарной субкультуры, которая образовалась в отечественной тюремной среде чуть более четверти века назад. В те времена, ввиду различных объективных и субъективных причин, внешних и внутренних факторов оно практически не выходило за пределы исправительных учреждений и в обычной повседневной жизни проявлялось крайне слабо. Однако с течением времени, под влиянием изменений и трансформаций, А.У.Е.[2] расширило границы своего влияния и стало поддерживаться не только бывшими и действующими осужденными, но и лицами, которые ни разу не привлекались к уголовной ответственности, в том числе – молодыми людьми из различных ячеек общества.

Фундаментом указанного движения является отделение и отождествление себя, как личности, общепринятым канонам современного общества посредством создания собственной системы норм, правил, ценностей и ритуалов. Руководящим принципом и ключевой идеей А.У.Е.[3] является противопоставление себя государству и официальным социальным институтам, создание внутренней иерархии, основанной на положениях «воровского закона», непринятии официальной структуры власти, отвержении действующего законодательства, идеализации «криминальных авторитетов».

Система ценностей А.У.Е.[4] включает в себя: лояльность к движению и их неформальным лидерам; безусловное повиновение определённым «понятиям»; постоянный сбор средств в «общак» — общий фонд группировки; негласное давление на сверстников, преподавателей и администрацию образовательных учреждений; отрицание «стукачества» и сотрудничества с государственными структурами.

Одним из признаков А.У.Е.[5] является то, что данному движению не свойственна общая структура с единым центром управления и единственной верхушкой. Его деятельность основывается на сетевой самоорганизации, зачастую без ярко выраженных лидеров, но с разнообразными элементами иерархичности и подчиненности. Каждый субъект, являющийся приверженцем указанного движения, считает себя сопричастным с ним, но далеко не всегда является подчиненным кому-либо или ведомым чем-либо. Степень подчиненности и подвластности зависит от глубины погруженности конкретного сторонника движения в его текущую деятельность и от того, какое место занимает движение А.У.Е.[6] в его жизни, насколько сильно деструктивная идеология влияет на манеру поведения, повадки, привычки и действия. Все это существенным образом осложняет выявление и пресечение деятельности движения, выступает препятствием для формулирования действенных методов и способов борьбы с ним [2, с. 20].

Особенности характеризующих черт, обличенных в форму признаков данного движения, проявляются и в иных аспектах. Не секрет, что любое явление, процесс, объединение нуждается в распространении и продвижении, чтобы существовать и развиваться. Исследуемое нами движение не является исключением. Рассматривая концепцию распространения идеологии А.У.Е.[7], следует отметить, что путь ее видоизменений с течением времени демонстрирует пример очевидной изменчивости и подстройки под изменяющиеся условия среды обитания. В настоящий момент распространение идеологии, свойственной рассматриваемому движению, преимущественным образом осуществляется с помощью сети «Интернет», социальные сети, латентную популяризацию в культуре, творчестве. Этим объясняется повышение интереса к движению А.У.Е.[8], его развитие и рост его сторонников. На начальном этапе развития движение А.У.Е.[9] объективно не имело возможностей для стремительного распространения ввиду отсутствия тех технических возможностей, которыми обладает современное общество. Это свойство характерно и иным современным проявлениям экстремизма, которые активно используют электронное социальное пространство для распространения.

Как и у любого движения, объединения, общности у А.У.Е.[10] существуют свои символы и знаки, которые используются в качестве символики для идентификации принадлежности и сопричастности ее носителя к идеалам движения. В решении Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514 указывается следующее: «Движение имеет свою символику в виде восьмиконечной звезды с черно-белыми лучами и эполетом с головой тигра, восьмиконечной звездой, крыльями и свастикой». Однако этим символика А.У.Е. не исчерпывается. В соответствии с традициями криминального сообщества его членами и сторонниками применяется несколько сотен изображений, имеющих специальное значение среди членов и сторонников криминального сообщества, значительное количество которых приводится в литературе. Их значение может отражать род деятельности, т.е. криминальную «профессию» («крадун», «домушник», «форточник», «медвежатник» и др.) или криминальную «должность» («положенец», «смотрящий», «дорожный», «атасер» и др.), статус в преступной (криминальной) иерархии, на что указывают вышеуказанные роды деятельности, а также криминальные «звания» («вор в законе», «бродяга», «мужик» и др.) [3, с. 162].

Еще один признак движения – молодость его участников, которые объединяются под общей идеей по причине совместного обучения, пребывания в общей социальной среде, близком и товарищеском контакте в образовательной или иной кружковой деятельности. Они организуют собственные взаимоотношения по образцу тюремной иерархии — выделяются «смотрящие», «казначеи», имеются свои правила и система наказаний. Важной особенностью является высокая степень автономности локальных ячеек — каждый коллектив адаптирует «воровские понятия»

[1] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[2] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[3] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[4] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[5] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[6] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[7] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[8] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[9] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[10] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

под свои условия, что затрудняет разработку универсальных подходов к противодействию движению. Выделяются следующие причины столь раннего вовлечения и проявления интереса к А.У.Е.[1]: слабость институционального контроля в образовательных и социальных учреждениях; недостаток семейного воспитания и контроля, взросление в неблагополучных условиях либо в неполных семьях/детских домах; отсутствие иных средств к самовыражению и наполнению досуга, проявлению индивидуальности в подростковом возрасте; отсутствие надлежащего примера в лице родителей, родственников, друзей, товарищей либо наличие негативного примера среди этих же лиц, которые являются авторитетом для подростка [1, с. 56].

Детализация вышеуказанных признаков движения А.У.Е.[2] позволяет нам сформулировать основные направления профилактики и противодействия распространению. По нашему мнению, необходимо усилить контроль в образовательной и воспитательной среде, разработать и реализовать профилактические программы, основанные на сотрудничестве педагогов, родителей и правоохранительных органов, повысить социальную активность молодежи, популяризировать положительные ролевые модели и альтернативные формы досуга, усилить мониторинг и блокировку деструктивного контента в интернет-пространстве, адаптировать меры социальной поддержки для наиболее уязвимых групп населения.

Заключение. Проведённый анализ показал, что международное общественное движение «А.У.Е.»[3] обладает рядом специфических признаков, отличающих его от других форм девиантных объединений. К числу ключевых признаков, характеризующих данное движение, относятся: особая структура, построенная по принципу сетевой самоорганизации, внутренняя система норм и понятий («понятийная база»), наличие символики и атрибутики, пропаганда криминальных ценностей, формирование устойчивых поведенческих паттернов у участников, а также активное вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность. Кроме того, движение отличается высокой степенью латентности, сложностью идентификации его членов и ячеек, а также использованием современных средств коммуникации для расширения влияния.

Список литературы:

1. Андреев В.П. Криминальная субкультура несовершеннолетних // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 91. С. 55-57.
2. Бондаренко С.В. Некоторые вопросы, связанные с исследованием материалов, имеющих отношение к пропаганде атрибутики и символики экстремистского движения «А.У.Е.» // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 4. С. 17-23.
3. Звонов А. В. Символы и знаки международного общественного движения «А.У.Е.», используемые в качестве символики // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 1. С. 160-165.

References:

1. Andreev V.P. Criminal Subculture of Minors // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 91. Pp. 55-57.
2. Bondarenko S.V. Some Issues Related to the Study of Materials Related to the Propaganda of the Attributes and Symbols of the Extremist Movement "A.U.E." // Bulletin of the Samara Law Institute. 2023. No. 4. Pp. 17-23.
3. Zvonov A.V. Symbols and Signs of the International Public Movement "A.U.E." Used as Symbols // Education. Science. Scientific Personnel. 2025. No. 1. Pp. 160-165.

[1] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[2] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.
[3] Признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_434

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
SOCIAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL ISSUES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, Нарвская ул., 15А стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru

TISHCHENKO Yuriy Yu.,
Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow,
15A Narva str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: yutish@list.ru

Краткая аннотация. *В статье автор рассуждает о социальных и социально-психологических проблемах такого вида уголовного наказания, как лишение свободы. Рассматриваются позитивные социальные и социально-психологические функции лишения свободы, как вида уголовного наказания, с точки зрения интересов общества в целом. В тоже время подчеркивая позитивные функции лишения свободы как в общественном, так и индивидуальном аспекте,, по мнению автора, нельзя вместе с тем переоценивать его возможности, т.к. отмечая общее мнение криминологов, функции наказания, как специального средства борьбы с преступностью, ограничены. Автор приходит к выводу, что в настоящее время имеются определенные правовые и организационные предпосылки для нейтрализации отрицательных последствий отбывания лишения свободы. Однако их реализация предполагает дальнейшую интенсификацию всего воспитательного процесса на основе широкого использования достижений теории педагогики и психологии.*

Abstract. *In the article, the author discusses the social and socio-psychological problems of this type of criminal punishment, such as imprisonment. The positive social and socio-psychological functions of imprisonment as a type of criminal punishment are considered from the point of view of the interests of society as a whole. At the same time, emphasizing the positive functions of incarceration both in the social and individual aspects, according to the author, one should not overestimate its possibilities, because Noting the general opinion of criminologists, the functions of punishment as a special means of combating crime are limited. The author concludes that there are currently certain legal and organizational prerequisites for neutralizing the negative consequences of serving a prison sentence. However, their implementation presupposes a further intensification of the entire educational process based on the extensive use of achievements in the theory of pedagogy and psychology.*

Ключевые слова: *исправительные учреждения, лишение свободы, осужденные, воспитательная работа, пенитенциарная педагогика, личность осужденного, исправление, ресоциализация, борьба с преступностью, профилактика.*

Key words: *correctional institutions, imprisonment, convicts, educational work, penitentiary pedagogy, personality of the convict, correction, resocialization, crime control, prevention.*

Для цитирования: *Тищенко Ю.Ю. Социальные и социально-психологические вопросы лишения свободы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 434-436. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_434.*

For citation*: Tishchenko Yu.Yu. Social and socio-psychological issues of deprivation of liberty // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 434-436. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_434.*

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Вопросы назначения и исполнения наказания достаточно полно исследованы в теории уголовного и уголовно-исполнительного права. Однако, уголовное наказание является не только правовой, но и социальной, социально-психологической и педагогической категорией, поскольку оно призвано воздействовать на личность осужденного и окружающую его среду. В этой связи, на наш взгляд, проблема наказания должна изучаться комплексно с позиции прежде всего социологии, социальной психологии, педагогики и права.

Уголовное наказание, как любое социальное явление, диалектически противоречиво по своей природе. Будучи в целом позитивным, хотя и наиболее острым инструментом регулирования общественных отношений, оно вместе с тем порождает определенные отрицательные последствия социального и социально-психологического характера. Эти последствия особо проявляются при применении такого наказания, как лишение свободы, которое является наиболее суровой мерой государственного принуждения. Поэтому важной задачей комплексного изучения уголовного наказания является разработка мер по преодолению или нейтрализации указанных последствий.

Прежде всего необходимо рассмотреть позитивные социальные и социально-психологические функции лишения свободы, как вида уголовного наказания, с точки зрения интересов общества в целом.

Применяя в качестве наказания лишение свободы, государство в первую очередь охраняет интересы общества, установленный в нем правопорядок и общественные отношения, предупреждает совершение новых преступлений. Указанная общественная функция наказания, в том числе и лишение свободы, нашла свое отражение в Уголовно-исполнительной кодексе Российской Федерации.

Лишение опасных преступников свободы, изоляция их от конкретной социальной среды может значительно оздоровить криминологическую обстановку в определенном регионе, городе, районе, повысить тем самым эффективность профилактической работы, проводимой соответствующими правоохранительными органами и общественностью. Применение этого наказания ограждает отдельных граждан и прежде всего неустойчивую молодежь от антиобщественного влияния преступников [3].

Необходимо также учитывать то благоприятное психологическое воздействие, которое оказывает назначение справедливого наказания преступнику, на общественное настроение в трудовом коллективе и других общественных группах населения.

Лишение свободы, вместе с тем, позволяет установить жесткий социальный контроль за поведением преступника, который сложно ре-

ализовать в иных условиях. Наконец, этот вид наказания, как и любой другой, преследует цель исправления и перевоспитания осужденного, возвращение его к полезной деятельности путем осуществления комплекса воспитательных мер [6].

Подчеркивая позитивные функции лишения свободы как в общественном, так и индивидуальном аспекте, нельзя вместе с тем переоценивать его возможности. По общему мнению криминологов, функции наказания, как специального средства борьбы с преступностью, ограничены.

Ограниченные возможности лишения свободы обуславливаются отрицательными последствиями, которые неизбежно возникают при их исполнении. По своей природе эти последствия являются социальными и социально-психологическими.

Общепринято считать, что наказание гражданина является официальной отрицательной нравственной и правовой оценкой его личности и поведения. Чем строже наказание применяет суд, тем более отрицательна эта оценка. Следовательно, наказание неизбежно влияет не только на правовой, но и социальный статус гражданина, его престиж в обществе, в трудовом коллективе, на его жизненные планы. Лишение осужденного свободы нередко оказывает влияние на материальное положение членов его семьи, а также на нравственную обстановку в ней. Указанные обстоятельства играют важную роль в формировании социально-психологической атмосферы в том ближайшем социальном окружении, где находилось это лицо до осуждения и куда оно возвратится после отбытия наказания.

Целый комплекс социально-психологических проблем возникает в процессе отбывания осужденными лишения свободы. К ним следует отнести проблемы влияния на осужденных новой социальной среды, деформации их социальных связей и сферы общения, их социальных ролей и т.д. На наш взгляд, социально-психологические последствия исполнения наказания в виде лишения свободы должны рассматриваться в двух взаимосвязанных аспектах. Во-первых, с точки зрения механизма их влияния на личность осужденных; во-вторых, с точки зрения преодоления или нейтрализации этих последствий, обуславливающих их негативное воздействие на поведение осужденных.

Необходимость защиты как общества в целом, так и ближайшего социального окружения от новых преступных посягательств со стороны осужденного путем изоляции выполняет позитивные предупредительные и воспитательные функции. Однако, лишение свободы неизбежно влечет за собой отрицательные социально-психологические последствия.

При исполнении наказания процесс исправления и перевоспитания осужденных, особенно неоднократно судимых, осуществляется в неблагоприятных с педагогической точки зрения среде, для которой характерны искаженные ценностные ориентации, паразитизм, круговая порука, стремление к насилию. Система установок этой среды носит в целом антиобщественный характер [1].

Отрицательное воздействие среды на личность осужденных обуславливается рядом факторов. В этой замкнутой среде с ограниченными социальными связями и сферой общения особенно сильное влияние на личность оказывает ближайшее социальное окружение. Различные микрогруппы в местах лишения свободы стремятся включить в сферу своего влияния вновь прибывших лиц и отрицательно реагируют на попытки выйти из-под их контроля.

В исправительные учреждения (далее – ИУ) поступают лица не только опасные для общества, но и порой испорченные в социально-нравственном отношении. Вполне естественно, что они стремятся установить контакты с теми неофициальными группами, система установок и ценностных ориентаций которых соответствует их взглядам и убеждениям.

Именно этим можно объяснить живучесть различного рода традиций криминальной субкультуры, круговой поруки, искаженных представлений о чести и долге, существование психологического барьера между осужденными и сотрудниками ИУ, возникновение различного рода конфликтных ситуаций в среде самих осужденных.

Перечисленные отрицательные социально-психологические последствия отбывания наказания могут быть устранены или нейтрализованы системой средств, которая предусматривается в соответствующих нормах уголовно-исполнительного права, а также в деятельности ИУ. В уголовно-исполнительном законодательстве содержится целый ряд инструментов и норм, задачей которых является ослабление отрицательного влияния среды осужденных, формирование из этой среды коллективов положительной направленности.

Важнейшим институтом в этой связи является классификация осужденных и распределение их по видам ИУ с точки зрения характера и степени общественной опасности совершенного преступления, прошлой преступной деятельности. Это создает в целом благоприятные предпосылки для предупреждения отрицательного влияния более опасных для общества и испорченных в социально-нравственном отношении преступников на других, менее опасных и испорченных осужденных.

Однако действующая система классификации осужденных носит ограниченный характер, поскольку в ее основе лежат лишь социально-правовые критерии – степень общественной опасности и характер совершенного преступления, отбывание ранее наказания в местах лишения свободы, а также срок наказания. В то же время такой важный социально-педагогический критерий, как степень социально-нравственной испорченности практически не учитывается.

Представляется, что возлагать на суд обязанность осуществлять оценку личности осужденного на основе социально-педагогического критерия было бы необоснованно, поскольку это требует специальных познаний в области психологии и педагогики. Наиболее целесообразным было бы создание в системе ИУ центров социально-нравственной диагностики личности осужденных, в состав которых входили бы психологи, педагоги, психиатры и другие специалисты. Такая мера позволила бы распределить осужденных в пределах одного вида ИУ и тем самым избежать совместного содержания лиц, резко отличающихся по степени испорченности.

Изоляция от общества лишает осужденных антиобщественных связей с лицами, оставшимися на свободе. Однако при этом ограничиваются и полезные социальные связи и сферы общения. они становятся временными, приобретают неустойчивый характер, а иногда и вовсе прекращаются.

Деформация полезных социальных связей и сферы положительного общения усугубляет степень духовной изоляции личности. Это влечет за собой определенное отчуждение от общества, при котором наступает отчуждение индивида от господствующих целей и ценностей, расхождение индивида с данным обществом в оценке значимых в этом обществе целей, порождает ложное извращенное самосознание [2].

Следствием ослабления у осужденных полезных социальных связей и сферы общения может быть усиление отрицательных связей и сферы общения с неблагоприятным социальным окружением, что значительно осложнит процесс их исправления. Поэтому важнейшим направлением работы в ИУ является поддержание, а в необходимых случаях – восстановление полезных социальных связей осужденных прежде всего с семьей. Эта работа предполагает не только воспитание у осужденных сознания значимости такого рода контактов, но и преодоление определенного недоверия.

Лишение свободы серьезно меняет не только правовой, но и социальный статус личности, что в конечном счете предопределяет характер выполняемых им ролей и тем самым его личный престиж. Существенное изменение социальных ролей происходит не постепенно, как у всех граждан, а внезапно, что требует значительной перестройки сложившегося образа жизни, привычек, стереотипа поведения. Указанные обстоятельства оказывают отрицательное психологическое воздействие на личность, но ее эмоциональную сферу, приводят к стрессовому состоянию, результатом которого является глубокая апатия или аффективное поведение.

Осужденные в период отбывания наказания становятся одновременно членами как официальных групп (входят в состав отряда, бригады), так и неофициальных. Такая принадлежность к различным по характеру поведения группам нередко создает так называемый «конфликт ролей», поскольку они вынуждены согласовывать свое поведение с противоречивыми требованиями разных групп. Это создает возникновение конфликтных ситуаций, являющихся в ряде случаев причиной неустойчивого поведения осужденных [4].

Указанные неблагоприятные социально-психологические ситуации в среде осужденных могут быть нейтрализованы администрацией ИУ, прежде всего начальниками отрядов. Предпосылкой этому является знание малых групп, образующихся в отрядах, их направленности и системы ценностных ориентаций, характера общения между указанными неофициальными группами, а также между ними и официальными группами, нравственно-психологического климата в отряде. Овладение социально-психологической ситуацией дает возможность управлять средой и нейтрализовывать действие различных обстоятельств, постоянно образующихся в среде осужденных.

После освобождения от наказания социальные функции изменяются и количественно, и качественно. Поэтому утрата или ослабление адаптивных способностей значительно осложняет освоение освобожденными новых ролей, что в конечном итоге предполагает неустойчивый характер их поведения [5].

Как уже отмечалось, максимальная степень социального контроля за поведением и образом жизни осужденного реализуется в период отбывания лишения свободы. Такой контроль осуществляется путем регламентации поведения осужденных и оценки их деятельности на основе применения норм преимущественно запретительного и обязывающего характера. Кроме того, социальный контроль включает в себя оценку деятельности лица со стороны его ближайшего социального окружения, которое оказывает иной раз существенное влияние на его поведение. В условиях лишения свободы, когда имеет место ограничение сферы общения, подобный контроль со стороны осужденных становится особенно сильным, а его направленность зачастую является антиобщественной.

Такие противоположные системы социального контроля в ИУ порождают обычно конформизм поведения осужденных, обусловливающийся стремлением внешне приспособиться к различным ситуациям, использовать их ради получения какой-либо выгоды.

Нейтрализации указанного фактора может в значительной мере способствовать формирование благоприятной нравственно-психологической атмосферы во взаимоотношениях между осужденными и сотрудниками администрации ИУ, создать необходимый климат доверия и откровенности во взаимоотношениях между ними. К сожалению, этой важной проблеме не уделяется достаточного внимания на практике, что создает условия для возникновения отчужденности между сотрудниками ИУ и осужденными.

Таким образом, в настоящее время имеются определенные правовые и организационные предпосылки для нейтрализации отрицательных последствий отбывания лишения свободы. Однако их реализация предполагает дальнейшую интенсификацию всего воспитательного процесса на основе широкого использования достижений теории педагогики и психологии.

Список литературы:

1. Горовой В.В., Потехин Д.С. Проблемы назначения лишения свободы и пути их решения // Право и государство: теория и практика. 2021. № 10 (202). С. 139-141.
2. Зинин Г.Ю., Машкин С.Г., Шерхов Р.Р. Проблемы раздельного содержания осужденных в местах лишения свободы // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 343-346.
3. Межова Л.Ю. Проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 14. С. 554-557.
4. Санташов А.Л., Санташова Л.Л. Организационно-правовые проблемы совершенствования воспитательной работы с осужденными к лишению свободы // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 2017. С. 233-235.
5. Суслов Ю.Е., Фёдоров А.Ф. Проблема ресоциализации осужденных после отбывания наказания в местах лишения свободы в отечественных и зарубежных исследованиях // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2020. № 3 (38). С. 47-52.
6. Шубников Р.А. Проблема перевоспитания как основная проблема ресоциализации лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Молодые исследователи - регионам. Материалы Международной научной конференции: в 3 томах. 2019. С. 359-360.

References:

1. Gorovoy V.V., Potekhin D.S. Problems of incarceration and ways to solve them // Law and the State: theory and practice. 2021. No. 10 (202). pp. 139-141.
2. Zinin G.Yu., Mashkin S.G., Sherkhov R.R. Problems of separate detention of convicts in places of deprivation of liberty // Agrarian and land law. 2025. No. 4. pp. 343-346.
3. Mezhova L.Y. Problems of execution of punishment in the form of imprisonment for a certain period // Alley of Science. 2017. Vol. 2. No. 14. pp. 554-557.
4. Santashov A.L., Santashova L.L. Organizational and legal problems of improving educational work with prisoners sentenced to deprivation of liberty // Penitentiary system and society: experience of interaction. Collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference. 2017. pp. 233-235.
5. Suslov Yu.E., Fedorov A.F. The problem of resocialization of convicts after serving their sentences in places of deprivation of liberty in domestic and foreign studies // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. 2020. No. 3 (38). pp. 47-52.
6. Shubnikov R.A. The problem of re-education as the main problem of the re-socialization of persons serving sentences in places of deprivation of liberty // Young researchers - Regions. Proceedings of the International Scientific Conference: in 3 volumes. 2019. pp. 359-360.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_437

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ НА ОБЪЕКТАХ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
SOME ISSUES OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES TO COMBAT CRIME IN THE FIELD OF ECONOMICS AT THE FACILITIES OF THE TIMBER INDUSTRY

ЕПИФАНОВ Станислав Станиславович,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности,
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
e-mail: ess-rzn@mail.ru

ШЕРХОВ Рустам Русланович,
кандидат юридических наук
Россия, г. Москва.
e-mail: sherhov007@mail.ru

EPIFANOV Stanislav Stanislavovich,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Operational Investigative Activities,
Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service.
1 Sennaya str., Ryazan, 390000, Russia.
e-mail: ess-rzn@mail.ru

SHERKHOV Rustam Ruslanovich,
Candidate of Law.
Russia, Moscow.
e-mail:sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются теоретико-прикладные вопросы организации оперативно-розыскной деятельности в сфере борьбы с экономическими преступлениями на объектах лесопромышленного комплекса. Формулируются выводы и предложения, связанные с содержанием оперативного поиска по выявлению преступлений на объектах лесопромышленного комплекса.*

Abstract: *The article discusses theoretical and applied issues of the organization of operational investigative activities in the field of combating economic crimes at the facilities of the timber industry. Conclusions and suggestions related to the content of the operational search for the detection of crimes at the facilities of the timber industry complex are formulated.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативный поиск, выявление преступлений, объекты лесопромышленного комплекса.*

Keywords*: operational investigative activity, operational search, detection of crimes, objects of the timber industry.*

Для цитирования: *Епифанов С.С., Шерхов Р.Р. Некоторые вопросы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступностью в сфере экономики на объектах лесопромышленного комплекса // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 437-439. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_437.*

For citation*: Epifanov S.S., Sherkhov R.R. Some issues of operational investigative activities to combat crime in the field of economics at the facilities of the timber industry // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 437-439. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_437.*

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Лесопромышленный комплекс является важным объектом экономики, представляет собой совокупность лесообрабатывающих предприятий, включающих в себя заготовку, переработку древесины, производящих продукцию из древесины. Лесопромышленный комплекс состоит из отраслей: лесозаготовительная (вырубка различных пород деревьев и вывоз древесины из лесосеки), деревообрабатывающая (механическая обработка древесины, изготовление шпал, бруса, досок, фанеры и других изделий); химическая обработка древесины для получения спиртов, канифоли, скипидара; производство целлюлозы, из которой изготавливают бумагу и картон.

В качестве составляющей можно говорить о существовании лесопромышленного комплекса в уголовно-исполнительной системе, включающего предприятия, специализирующиеся на заготовке, вывозке, первичной обработке и частичной переработке круглых лесоматериалов и отходов лесозаготовок. В общем случае направлениями их деятельности являются: заготовка и вывозка леса, раскряжевка древесины на сортименты, выпуск товарного пиломатериала и железнодорожных шпал для широкой колеи, производство из отходов деревообработки древесного угля, топливных гранул, изготовление изделий из дерева и др. Территориально они расположены в Архангельской, Кировской, Пермской, Свердловской, Кемеровской, Иркутской областях, Республике Коми, Красноярском крае [1].

При организации оперативно-розыскной деятельности (ОРД), направленной на выявление, предупреждение и раскрытие преступлений на объектах предприятий лесопромышленного комплекса целесообразно учитывать:

- место объекта в обслуживаемой системе, количество и виды получаемой, обрабатываемой, изготовляемой продукции, имеющихся материальных ценностей, показатели хозяйственной деятельности;

- характеристики производственного процессов, особенности функционирования предприятий лесопромышленного комплекса, которые могут выступать в роли обстоятельств, способствующих совершению преступлений;

- факты недостач, проявлений халатности, а также дисциплинарную практику в отношении лиц, работающих на данном объекте;

- наличие на объекте лесозаготовительного комплекса лиц, перешедших с других объектов в связи с возникающими там осложнени-

ями с сотрудниками или совершенными там нарушениями; лиц, на которых имеется оперативная информация о противоправной деятельности.

В теории оперативно-розыскной деятельности известно[2], что оперативный поиск является одной из форм осуществления ОРД подразделений по борьбе с преступлениями в сфере экономики, в том числе на объектах лесопромышленного комплекса. Сущность этой работы является обнаружение признаков, характерных для противоправных деяний и лиц их совершивших, предусмотренных уголовным законодательством. Оперативный поиск также является первоначальной стадией деятельности подразделений по борьбе с экономическими преступлениями по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений и признаков конкретного криминального деяния [3].

Выявление представляет собой процесс, состоящий из таких элементов как обнаружение, фиксирование, собирание, проверка, оценка и использование фактических данных. В основе поиска лежит процесс восприятия оперативным сотрудником информации об объективной реальности и мысленного сопоставления этой информации с имеющимися в памяти признаками, присущими определенному виду преступных деяний. Поэтому уже в самом начале решается вопрос, имеется ли смысл продолжать поиск в данном направлении: Оперативный сотрудник реагирует на признаки, которые содержат определенные совпадения с информацией о преступлении и соответствующих лицах. Во многом процесс выявления преступления обусловлен объемом имеющихся знаний и прошлым опытом оперативного сотрудника. В этой связи значение имеет информация о совокупности поисковых признаков, в числе которых выявляются: признаки, присущие действиям лиц, замышляющих, совершающих хищения или сбывающих имущество, добытое преступным путем; признаки, присущие психическому состоянию лиц, совершающих указанные действия; признаки внешности лиц, причастных к совершению преступлений; признаки, присущие имуществу, добытому преступным путем и орудиям (средствам) совершения преступлений.

Следует отметить, что состояние сохранности собственности на объектах лесопромышленного комплекса характеризуется данными о наличии правонарушений в учете, хранении, использовании, распределении, реализации материальных ценностей и рядом других показателей. На предприятиях лесопромышленного комплекса объекты оперативного обслуживания можно условно подразделить на группы: объекты, требующие пристального внимания, предполагающего обеспечение необходимой осведомленности о состоянии сохранности имущества на основе активного использования оперативно-розыскных источников; объекты, требующие постоянного наблюдения за состоянием сохранности имущества путем сочетания гласных и негласных методов и средств; объекты, требующие лишь периодического ознакомления с состоянием сохранности имущества путем использования открытой информации. Таким образом, значение имеют существующие возможности и результативность использования оперативно-розыскных сил и средств.

Следует выделить поисковые признаки, которые могут свидетельствовать о возможности совершения преступлений должностными лицами в сфере экономики на объектах лесопромышленного комплекса:

- факты бесхозяйственности, возникающие вследствие умышленного недобросовестного отношения к исполнению служебных обязанностей;
- неадекватное реагирование администрации на непроизводственные потери в лесопродукции, пиломатериалов, изделий деревообработки и др.;
- факты списания товарно-материальных ценностей по максимально допустимым нормам убыли, а не по действительному производственному расходу;
- внеплановый отпуск древесины, изделий, сырья коммерческим структурам;
- систематическое участие одних и тех же лиц в составе комиссии по инвентаризации (списанию, оценке и др.); негативная реакция администрации на мероприятия, проводимые оперативными подразделениями, государственными инспекциями;

Применительно к стадиям хозяйственной деятельности поисковыми признаками могут быть:

а) на стадии доставки, получения, транспортировки и складирования продукции и сырья:

- систематическое получение сырья, неиспользуемого в производстве;
- получение сырья от поставщиков, не имеющих отношения к данному предприятию;
- ненадлежащее использование условий хранения и учета лесопродукции, материальных ценностей и сырья;
- небрежное оформление документов складского учета;
- недостатки в пропускном режиме, режиме охраны территории объектов лесопромышленного комплекса;
- большое количество рекламаций поставщиками на недогруз;
- значительно более низкое качество продукции, чем на ряде аналогичных объектов; частое списание сырья на потери в пути следования и др.;

б) на стадии производства:

- перерасход сырья и энергоресурсов;
- выпуск некачественной, нестандартной, некомплектной продукции;
- -завышение объемов выполненных лесозаготовительных и лесообрабатывающих работ, нарушение технологических процессов;
- частая порча лесозаготовительной, деревообрабатывающей техники, измерительной, контрольной аппаратуры;
- факты обнаружения излишков лесопродукции, сырья, готовых изделий;
- факты недостач; мелкие хищения, попустительства администрации;
- частые рекламации от потребителей на низкое качество продукции;

в) на стадии реализации лесозаготовительной и деревообрабатывающей продукции:

- рекламации от потребителей на некомплектность, пересортицу изделий;
- отпуск продукции по различным письмам, ходатайствам, указаниям вышестоящих организаций за наличный расчет частным лицам;
- нарушение договорных поставок, при одновременной реализации продукции малым предприятиям, индивидуальным предпринимателям и др.

Решение задачи по обнаружению признаков преступлений и лиц, их совершивших, можно подразделить на выявление преступлений, совершаемых работниками (персоналом) предприятия (учреждения, организации) в отношении лесопродукции, изделий, имущества данного учреждения, а также выявление преступлений, совершаемых лицами, которые посещают данное предприятие, конкретные объекты лесопромышленного комплекса, пользуются имуществом предприятия. В поисковой деятельности оперативных подразделений в сфере экономики осуществляется использование возможностей экономического анализа, изучение технологической и бухгалтерской документации, сбор, анализ и оценка информации, поступающей из официальных источников, использование в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» помощи лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, самостоятельно проведение оперативно-розыскных мероприятий, взаимодействие с другими субъектами по применению оперативно-розыскных методов и средств. Актуальными направлениями по линии борьбы с экономическими преступлениями являются проведение оперативного поиска в информационно-телекоммуникационной среде фигурантов, совершенствование возможностей информационно-аналитического поиска, проведение оперативно-розыскных мероприятий, связанных с получением компьютерной информации.

Список литературы:

1. Тогущаков В.В. Лесозаготовка и лесовосстановление, выполняемые исправительными учреждениями лесопромышленного комплекса уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 10. С. 58–64.
2. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под. ред. К.К.Горяинова, В.С.Овчинского, Г.К.Синилова. – М: ИНФРА-М, 2006. – С.445.
3. Епифанов С.С., Журавлев А.Н., Шерхов Р.Р. Актуальные причины и условия, способствующие совершению преступлений в исправительных учреждениях и нейтрализация их оперативными подразделениями // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 9 (177). – С. 111–114.

References:

1. Togushchakov V.V. Logging and reforestation performed by correctional institutions of the timber industry complex of the penal system of the Russian Federation // Bulletin of the penal enforcement system. 2022. No. 10. pp. 58-64.
2. Theory of operational investigative activities: textbook / edited by K.K.Goryainov, V.S.Ovchinsky, G.K.Sinilov. Moscow: INFRA-M, 2006. – p.445.
3. Epifanov S.S., Zhuravlev A.N., Sherkhov R.R. Actual causes and conditions contributing to the commission of crimes in correctional institutions and their neutralization by operational units // Law and the State: theory and practice. – 2019. – № 9 (177). – Pp. 111-114.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_440

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ
SOME DIRECTIONS FOR IMPROVING THE INSTITUTE OF TRIALS

МОРОЗОВ Борис Михайлович,
адвокат Московской областной палаты,
111020, Россия, г. Москва, ул. Госпитальный Вал, д. 8/1, строение 2,
e-mail: morozov.boris.1995@gmail.com
ЕЛИСОВ Павел Петрович,
старший научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «а», стр. 1,
e-mail: pappasha59@mail.ru
MOROZOV Boris Mikhailovich,
Lawyer of the Moscow Regional Chamber,
111020, Moscow, Gospitalny Val Street, 8/1, Building 2,
e-mail: morozov.boris.1995@gmail.com
ELISOV Pavel Petrovich,
Senior Researcher at the Research Center-3 of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
15a Narvskaya Street, Building 1, Moscow, 125130.
e-mail: pappasha59@mail.ru

Краткая аннотация. *В представленной статье рассматриваются некоторые направления совершенствования института пробации. Авторы приходят к выводу о том, создание центров пробации и реализация индивидуальных программ ресоциализации представляют собой ключевой шаг к гуманизации уголовной политики. Однако успешность этих мер требует системного подхода, основанного на межведомственном взаимодействии, общественной поддержке и четких механизмах мониторинга. Только при таких условиях пробация сможет эффективно выполнять свои превентивные и реабилитационные функции.*

Abstract. *This article discusses some areas for improving the probation system. The authors conclude that establishing probation centers and implementing individual resocialization programs is a key step towards humanizing criminal policy. However, the success of these measures requires a systematic approach based on interagency cooperation, public support, and clear monitoring mechanisms. Only under these conditions can probation effectively fulfill its preventive and rehabilitation functions.*

Ключевые слова: *исправительные учреждения, осужденные, пробация, социальная адаптация, центры пробации.*
Keywords: *correctional facilities, convicts, probation, social adaptation, and probation centers.*

Для цитирования: *Морозов Б.М., Елисов П.П. Некоторые направления совершенствования института пробации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 440-442. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_440.*
For citation*: Morozov B.M., Elisov P.P. Some directions for improving the institute of trials // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 440-442. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_440.*

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

С начала 2000 года в России наблюдается значительный сдвиг в уголовной политике, направленный на гуманизацию законодательства. Этот процесс представляет собой важный этап трансформации, характеризующийся отходом от исключительно репрессивного подхода в сторону комплексных мер, ориентированных на превенцию преступлений и ресоциализацию осужденных.

Как отмечает В.И.Гладких: «Гуманизация уголовного законодательства должна быть направлена не только на смягчение наказаний, но и на развитие механизмов, способствующих социальной реабилитации лиц, совершивших преступления» [1. С. 212]. Декриминализация отдельных деяний, а также смягчение наказаний соответствуют этой тенденции, однако проблема заключается в том, что подобные меры без эффективного внедрения восстановительных и реабилитационных программ рискуют остаться формальными. Отсюда вытекает необходимость пересмотра не только содержания уголовного закона, но и механизмов его реализации.

Примером современных мер, сочетающих превентивный и реабилитационный характер, является внедрение института пробации. Как подчеркивает А.В. Наумов, «пробация выступает связующим звеном между этапом отбывания наказания и социальной реинтеграцией, что позволяет сократить риск рецидива» [2. С. 448]. При этом важно учитывать, что успех пробации будет зависеть от уровня финансирования, подготовки кадров и разработки четких процедур взаимодействия между уголовно-исполнительной системой и социальными службами.

Как отмечает Е.В.Медведев: «Пробация должна быть ориентирована не только на контроль за осужденным, но и на создание благоприятных условий для его ресоциализации, что требует межведомственного подхода» [3. С.221]. Данный тезис подчеркивает важность комплексной работы с осужденными, включающей не только правовой, но и психологический, образовательный и социальный аспекты. Однако на практике межведомственное взаимодействие часто сталкивается с бюрократическими барьерами, что может затруднить реализацию реабилитационных программ.

Особую роль в данной системе играют меры постпенитенциарной помощи. По мнению специалистов «эффективная ресоциализация осужденных невозможна без создания условий, которые устраняют маргинализирующее воздействие самого факта судимости» [4. С. 268]. Это утверждение подчеркивает необходимость развития инфраструктуры поддержки для осужденных, включая помощь в трудоустройстве, психологическую поддержку и предоставление временного жилья. Однако в российской практике недостаточная развитость таких механизмов часто становится препятствием для реальной интеграции бывших осужденных в общество.

Введение пробации ориентировано на коррекцию социального поведения осужденных, их ресоциализацию и социальную адаптацию.

Как отмечает В.И. Гладких: «Уголовное право должно быть инструментом социальной инженерии, способным не только наказывать, но и направлять индивида на путь законопослушного поведения» [1. С. 212]. В данном контексте необходимо учитывать, что успех этих мер во многом зависит от общего состояния социальной политики, направленной на снижение уровня бедности, улучшение доступа к образованию и укрепление институтов социальной поддержки.

Этот подход позволяет предупреждать повторные преступления за счет реинтеграции осужденных в общество и создания условий для их законопослушной жизни. В то же время, как справедливо замечает Э.А. Лукашева: «Без доверия к институтам государства и восприятия справедливости уголовного законодательства никакие реформы не приведут к желаемым результатам» [5. С. 229]. Это требует пересмотра отношения общества к лицам, отбывшим наказание, и создания условий, способствующих их полноценному возвращению в социум.

Таким образом, внедрение института пробации и мер постпенитенциарной помощи отражает значительный шаг в направлении гуманизации уголовной политики России. Однако успешность этих изменений требует комплексного подхода, включающего не только законодательные реформы, но и значительное улучшение инфраструктуры социальной поддержки, межведомственного взаимодействия и общественного восприятия. Лишь при соблюдении этих условий можно рассчитывать на устойчивое снижение уровня рецидивной преступности и повышение социальной стабильности.

Для реализации целей ресоциализации и предупреждения рецидивной преступности в рамках института пробации предусматривается создание центров пробации, выполняющих широкий спектр функций. Эти учреждения станут важным инструментом, предоставляющим временное жилье, консультативную и правовую помощь, а также содействие в восстановлении социального статуса осужденных.

Как отмечает И.А. Подройкина, «эффективная пробация невозможна без создания условий, позволяющих устранить первичные барьеры на пути интеграции осужденного в общество, включая жилищные и правовые проблемы» [6. С. 307]. Этот подход акцентирует внимание на ключевой роли центров пробации, которые предоставляют базовые условия для начала социальной адаптации. Однако успешная реализация этих мер требует как значительных ресурсов, так и координации усилий между органами уголовно-исполнительной системы и социальными службами.

В настоящее время Федеральная служба исполнения наказаний ведет реестр лиц, подпадающих под действие пробации, что позволят обеспечивать индивидуальный подход к каждому осужденному. Как подчеркивает А.В. Наумов, «интеграция информационных систем и ведение реестров осужденных позволяет не только осуществлять контроль, но и анализировать эффективность применяемых мер ресоциализации» [2. С. 448].

Программы ресоциализации включают мероприятия, направленные на восстановление социальных связей, трудоустройство и предоставление социальной помощи. В.Б. Боровикова справедливо замечает: «Социальная адаптация осужденного невозможна без укрепления его связей с семьей, местным сообществом и профессиональной сферой» [7. С. 505]. Восстановление социальных связей является не только целью, но и средством ресоциализации, так как социальная поддержка играет важную роль в предотвращении рецидивов. Однако на практике данный аспект часто остается недостаточно проработанным из-за недостаточной координации между органами пробации и социальными институтами.

Особое внимание уделяется трудовой интеграции как важнейшему аспекту деятельности центров пробации. Как отмечает Т.Ю. Вилкова, «трудоустройство бывших осужденных является одним из наиболее действенных способов их социальной реабилитации, так как занятость снижает риск рецидива и укрепляет правосознание» [8. С. 629]. Более того, трудовая интеграция способствует снижению предвзятости работодателей: осужденные могут зарекомендовать себя через участие в исправительных работах. Указанное обстоятельство требует систематической работы по изменению общественного мнения, развития программ профессионального обучения и мотивации работодателей к сотрудничеству.

Важной задачей остается разработка механизмов оценки эффективности программ пробации. Как подчеркивает В.В. Сверчков, «ресоциализация должна оцениваться не только через призму отсутствия рецидивов, но и на основе качественных показателей социальной интеграции, таких как уровень занятости, состояние здоровья и участие в общественной жизни» [9. С. 727]. Это подчеркивает необходимость комплексного мониторинга и анализа деятельности центров пробации с учетом долгосрочных результатов.

Таким образом, реализации положений, заложенных в Федеральном законе от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», представляют собой ключевой шаг к гуманизации уголовной политики. Вместе с тем, успешность этих мер требует системного подхода, основанного на межведомственном взаимодействии, общественной поддержке и четких механизмах мониторинга. Только при таких условиях пробация сможет эффективно выполнять свои превентивные и реабилитационные функции.

Список литературы:

1. Гладких, В.И. Уголовное право России в таблицах и комментариях. Общая часть : учебник для вузов / В. И. Гладких, М. Г. Решняк. – 2-е изд.– Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 212 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17476-2. – URL : https://urait.ru/bcode/543886

2. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.] ; ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 448 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18585-0. – URL : https://urait.ru/bcode/536359

3. Медведев, Е. В. Уголовное право России. Общая часть : учебное пособие для вузов / Е. В. Медведев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 221 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18080-0. – URL : https://urait.ru/bcode/544592

4. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б .Боровикова.– 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 268 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17025-2. URL : https://urait.ru/bcode/536929

5. Уголовное право. Общая часть. Семестр II : учебник для среднего профессионального образования / И. А. Подройкина [и др.] ; ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 299 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-16656-9. – URL : https://urait.ru/bcode/538261

6. Уголовное право. Общая часть. Семестр I : учебник для среднего профессионального образования / И. А. Подройкина [и др.] ; ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 307 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-16655-2. – URL : https://urait.ru/bcode/538260

7. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Особенная часть : учебник для среднего профессионального образования / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б. Боровикова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 505 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-17285-0. — URL : https://urait.ru/bcode/536856

8. Вилкова, Т. Ю. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Практикум : учебное пособие для вузов / Т. Ю. Вилкова, Т. Ю. Маркова. – 2-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 629 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-13897-9. – URL : https://urait.ru/bcode/536041

9. Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / В. В. Сверчков. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 727 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16665-1. – URL : https://urait.ru/bcode/535442

References:

1. Gladkikh, V.I. Criminal Law of Russia in Tables and Comments. General Part: Textbook for Universities / V. I. Gladkikh, M. G. Reshnyak. – 2nd ed. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 212 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-17476-2. – URL : https://urait.ru/bcode/543886

2. Criminal Law. General Part : Textbook for Universities / A. V. Naumov [et al.] ; Responsible Editors A. V. Naumov, A. G. Kibalnik. – 6th Edition, Revised. and add. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. – 448 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-18585-0. – URL : https://urait.ru/bcode/536359

3. Medvedev, E. V. Criminal Law of Russia. General Part : Textbook for Universities / E. V. Medvedev. – 2nd ed., revised. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 221 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-18080-0. – URL: https://urait.ru/bcode/544592

4. Borovikov, V. B. Criminal law. General part : textbook for universities / V. B. Borovikov, A. A. Smerdov ; edited by V. B.Borovikov.– 7th ed., revised and add. – Moscow : Yurait Publishing House, 2024. – 268 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-17025-2. URL : https://urait.ru/bcode/536929

5. Criminal Law. General Part. Semester II : textbook for secondary vocational education / I. A. Podroikina [et al.] ; editors-in-chief I. A. Podroikina, E. V. Seregina, S. I. Ulezko. – 6th edition, revised. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 299 p. – (Professional Education). – ISBN 978-5-534-16656-9. – URL: https://urait.ru/bcode/538261

6. Criminal Law. General Part. Semester I : Textbook for Secondary Vocational Education / I. A. Podroikina [et al.] ; Responsible Editors I. A. Podroikina, E. V. Seregina, S. I. Ulezko. – 6th ed., Rev. and Add. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. – 307 p. – (Vocational Education). – ISBN 978-5-534-16655-2. – URL : https://urait.ru/bcode/538260

7. Borovikov, V. B. Criminal Law. Special Part : textbook for secondary vocational education / V. B. Borovikov, A. A. Smerdov ; edited by V. B. Borovikov. – 7th edition, revised. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 505 p. – (Professional Education). – ISBN 978-5-534-17285-0. — URL: https://urait.ru/bcode/536856

8. Vilkova, T. Yu. Criminal Procedure Law of the Russian Federation. Practicum : Textbook for Universities / T. Yu. Vilkova, T. Yu. Markova. – 2nd ed. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. – 629 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-13897-9. – URL : https://urait.ru/bcode/536041

9. Sverchkov, V. V. Criminal Law. General and Special Parts : Textbook for Universities / V. V. Sverchkov. – 10th Edition, Revised and Expanded. – Moscow : Yurayt Publishing House, 2024. – 727 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-16665-1. – URL : https://urait.ru/bcode/535442

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_443

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ С УЧРЕЖДЕНИЯМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
POSSIBLE DIRECTIONS FOR IMPROVING THE INTERACTION OF INVESTIGATIVE BODIES OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS WITH INSTITUTIONS OF THE CRIMINAL EXECUTION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

ДЕНИСОВ Алексей Дмитриевич,
заместитель начальника центра – начальник отдела по исследованию проблем оперативно-розыскной деятельности ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «а», стр. 1.
Доцент кафедры организации режима охраны и конвоирования Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук,
Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская 1 А,
e-mail: denisovaleksey@ya.ru

БОРИСЕНКО Борис Владимирович,
заместитель начальника 3 отдела Следственной части по расследованию организационной преступной деятельности Следственного управления УВД по СЗАО ГУ МВД России по г. Москве, капитан юстиции,
Россия, г. Москва, ул. Маршала Рыбалко, д. 4, к. 1,
e-mail: neustanovlennoe@yandex.ru

DENISOV Alexey Dmitrievich,
Deputy Head of the Center – Head of the Department for Research on the Problems of Operational Investigative Activities of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
15a Narvskaya Street, Building 1, Moscow, 125130.
Associate Professor of the Department of Security and Escort Management at the Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service, Candidate of Legal Sciences,
1A Irkutskaya Street, Voronezh,
e-mail: denisovaleksey@ya.ru

BORISENKO Boris Vladimirovich,
Deputy Head of the 3rd Department of the Investigative Unit for Organizational Crime Investigation of the Investigative Department of the Department of Internal Affairs for the North-Western Administrative District of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Moscow, Captain of Justice,
4 Marshal Rybalko Street, Building 1, Moscow,
e-mail: neustanovlennoe@yandex.ru

Краткая аннотация. *В представленной статье рассматриваются проблемные аспекты, возникающие при посещении учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации сотрудниками следственных подразделений МВД России. Авторы приходят к выводу о том, что устранение имеющихся барьеров важно не только для повышения эффективности следствия, но и для обеспечения конституционных прав обвиняемых на защиту, а также справедливое судебное разбирательство. Для достижения указанных целей необходим баланс между режимными требованиями учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и процессуальными потребностями следствия, который может быть достигнут исключительно через диалог между ведомствами.*

Abstract. *This article examines the problematic aspects that arise when investigators from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation visit institutions of the penal system of the Russian Federation. The authors conclude that addressing these barriers is essential not only for improving the efficiency of investigations, but also for ensuring the constitutional rights of defendants to protection and a fair trial. To achieve these goals, a balance must be struck between the security requirements of institutions of the penal system of the Russian Federation and the procedural needs of investigations, which can only be achieved through dialogue between the relevant agencies.*

Ключевые слова: *следственный изолятор, следователь, обвиняемые, преступления.*
Keywords: *detention center, investigator, defendants, crimes.*

Для цитирования: *Денисов А.Д., Борисенко Б.В. Возможные направления совершенствования взаимодействия следственных подразделений МВД России с учреждениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 443-446. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_443.*
For citation*: Denisov A.D., Borisenko B.V. Possible directions for improving the interaction of investigative bodies of the Russian Ministry of Internal Affairs with institutions of the criminal execution system of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 443-446. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_443.*

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Обеспечение гарантий прав участников уголовного процесса при осуществлении расследования преступлений и отправления правосудия – одно из главных условий достижения целей уголовного процесса. Необходимо отметить, что в данный процесс вовлечено довольно большое количество людей.

Достаточно сказать, что в 2025 году было раскрыто 854,1 тыс. преступлений (-5,1%), в том числе 417,6 тыс. – следствие по которым обязательно (-1,7%) и 436,5 тыс. – следствие по которым необязательно (-8,0%). Сотрудниками органов внутренних дел предварительно расследовано 642,0 тыс. преступлений (-7,6%), что составляет 75,2% всего массива предварительно расследованных преступлений, сотрудниками следственных органов Следственного комитета Российской Федерации – 156,3 тыс. преступлений (+6,8%), что составляет 18,3% всего массива [1].

Стоит отметить, что для значительной части фигурантов данных уголовных дел в соответствии со ст. 108 УПК РФ избиралась мера пресечения в виде «заключение под стражу». Известно, что данная мера направлена исключительно на обеспечение качественного уголовного судопроизводства. Вместе с тем, при ее реализации могут возникать определенные трудности.

Так, в соответствии с действующими уголовно-процессуальными нормами (ст. 164, 187-190 УПК РФ) следователь имеет право проводить следственные действия с участием обвиняемого, включая допросы, очные ставки, предъявление для опознания и другие процедуры. Для чего требуется обеспечение доступа в места содержания под стражей. Однако, в настоящее время в некоторых СИЗО проблемы, связанные с их посещением должностными лицами, остаются не решенными.

По мнению практических работников это может быть вызвано рядом проблем, которые мы полагаем целесообразным разделить на четыре блока:

1. Организационно-административные проблемы;

2. Логистические и инфраструктурные проблемы;

3. Проблемы безопасности и режима содержания;

4. Кадровые и ресурсные проблемы.

Рассмотрим данные блоки более подробно.

Говоря о организационно-административных проблемах, в первую очередь следует отметить сложную процедуру согласования. Так, для посещения СИЗО следователь должен заранее подать заявку, согласовать время, что может занимать от нескольких дней до недели, что существенно затрудняет проведение срочных следственных действий.

Как препятствие к посещению, следует рассматривать ограниченное время работы СИЗО. Большинство учреждений устанавливают строгие временные рамки для посещений, что не всегда совпадает с оперативными потребностями следствия.

Кроме того, должностные лица, участвующие в уголовном процессе, вынуждены подстраиваться под график работы СИЗО, а также учитывать время проведения определенных мероприятий (прогулок, приема пищи, медицинских процедур и др.), что особенно затруднительно в мегаполисах, поскольку следователям приходится преодолевать значительные расстояния от мест работы до мест дислокации СИЗО.

Что касается проблем логистического и инфраструктурного толка, то здесь основным препятствием для посещения является недостаток специальных помещений. Следует отметить, что данная проблема имеет определенную предысторию.

Так, 04.07.2016 были введены новые правила проектирования СИЗО уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (СП 247.1325800.2016). Данный свод правил был разработан с учетом требований Федерального закона от 23 декабря 2004 г. № 190-ФЗ «Градостроительный кодекс Российской Федерации», Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности», Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 № 1772-р.

Согласно его нормам количество кабинетов следователей и адвокатов устанавливается в зависимости от лимита наполнения СИЗО. Так, при лимите до 250 мест (включительно) в СИЗО предусмотрено наличие 15 кабинетов, при лимите наполнения свыше 250 до 500 мест (включительно) – 30 кабинетов, свыше 500 до 750 (включительно) – 45, при лимите свыше 750 до 1000 мест (включительно) – 50 кабинетов.

Вместе с тем необходимо отметить, что данные нормы введены в действие в 2016 году и применяются при строительстве новых и реконструкции действующих СИЗО. Учитывая, что значительная часть СИЗО были построены до введения указанных норм в действие, количество следственных кабинетов зачастую не соответствует установленным требованиям. Например, ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по г. Москве 1912 года постройки, при лимите наполнения 1639 человек, фактически располагает 24 следственными кабинетами, ФКУ СИЗО-2 ГУФСИН России по г. Москве 1771 года постройки, имеет соотношение 1847 к 35, ФКУ СИЗО-6 ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области 1978 года постройки, 1252 к 15 и т.д.

По мнению практических работников к проблемам рассматриваемого блока также следует отнести технические ограничения, которые, в первую очередь, связаны с обеспечением следователей техникой, необходимой для видеофиксации, что приобретает особую значимость в контексте соблюдения требований об обязательной аудио и видеозаписи при проведении допросов по некоторым категориям уголовных дел.

Относительно проблем третьего блока (безопасности и режима содержания) отметим, что администрация СИЗО несет ответственность за безопасность всех участников, вовлеченных в данный процесс, что обуславливает проведение досмотровых мероприятий при проходе на территорию рассматриваемых учреждений. Кроме того, некоторые подозреваемые могут содержаться в «особых условиях», что усложняет организацию следственных действий. Более того, в периоды распространения инфекционных заболеваний могут вводиться дополнительные ограничения на посещения, что также затрудняет их проведение.

В блоке кадровые и ресурсные проблемы хотелось бы отметить недостаток сотрудников для сопровождения и обеспечения следственных действий, а также высокую нагрузку на следователей. Последнее обуславливает необходимость заблаговременного планирования посещений СИЗО, что, нередко, происходит в условиях высокой загруженности по другим уголовным делам.

По мнению практических работников, последствиями обозначенных проблем могут являться:

1. Нарушение процессуальных сроков (задержки в проведении следственных действий могут привести к срыву установленных законом сроков следствия);

2. Снижение эффективности расследования (затруднения в оперативном взаимодействии с обвиняемым могут негативно сказаться на качестве расследования);

3. Нарушение прав (обвиняемый может быть лишен возможности своевременно дать показания, заявить ходатайства или иным образом участвовать в своей защите);

4. Дополнительная психологическая нагрузка на некоторых участников уголовного процесса.

Совершенно очевидно, что сложившаяся ситуация требует введения дополнительных правовых и организационных мер, к которым, по нашему мнению, следует отнести:

1. Упрощение процедуры доступа. Данная мера предполагает под собой разработку единого электронного реестра для подачи и согласования заявок на посещение СИЗО, так называемая «электронная очередь».

Заметим, что подобные системы уже проходили тестовую эксплуатацию в ряде территориальных органов ФСИН России (ГУФСИН России по г. Москве, ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и др.).

Результаты проведенного исследования [2] показали, что подобные системы позволяют оптимизировать порядок посещения учреждений следователями, адвокатами, а также иными лицами посредствам предоставления возможности дистанционной электронной записи.

Необходимо отметить, что электронная очередь не дает каких-либо дополнительных привилегий для посещения СИЗО, ее безусловный плюс в том, что посетителям учреждения, не приходится терять значительное время на ожидание в обычной очереди (в некоторых случаях оно может составлять более 4 часов). Система позволяет значительно сократить время ожидания следователей и адвокатов, так как информация о предполагаемом визите этих лиц, имеется у сотрудников СИЗО, что позволяет им выводить заключенных в следственные кабинеты заблаговременно. Помимо этого она помогла снять социальную напряженность, а соответственно, и конфликты между посетителями учреждений, упорядочить очередь в следственные кабинеты, что существенно оптимизировало использование их фондов. Более того, как отмечают сотрудники СИЗО, электронная очередь не только улучшила морально-психологический климат в среде лиц, содержащихся под стражей (за счет упрощения и легализации коммуникаций, ускорения процессов передвижения и т.д.), но также позволила снизить нагрузку на личный состав учреждений с большим лимитом наполнения (за счет оптимизации использования рабочего времени) (Рис. 1, 2).

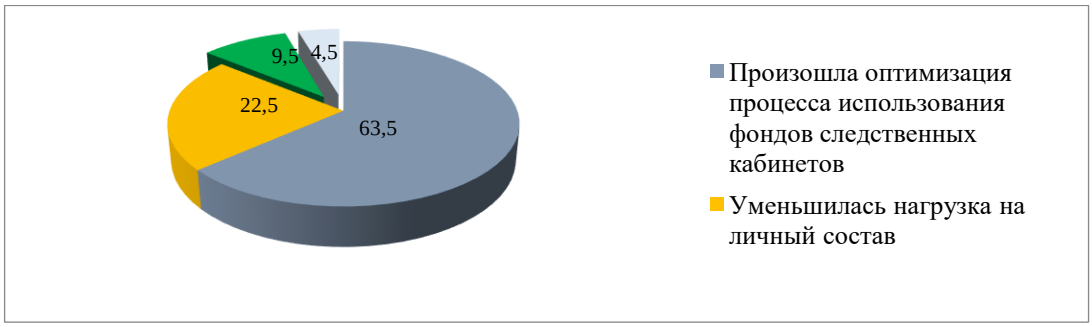


Рис. 1. Результаты опроса сотрудников СИЗО.

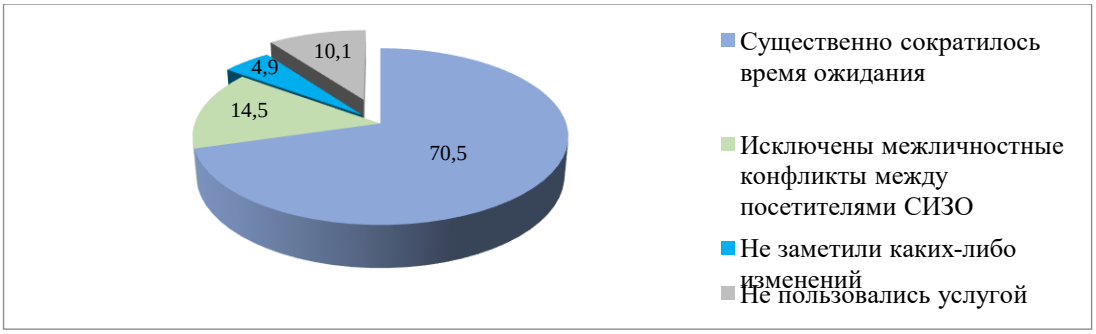


Рис. 2. Результаты опроса посетителей СИЗО.

Не отрицая положительных результатов использования коммерческих версий подобных программных продуктов, считаем, что данная система должна функционировать на платформе Федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», что позволит обеспечить определенную прозрачность и независимость.

2. Расширение временных рамок работы учреждений, что подразумевает под собой введение гибкого графика для следственных действий, включая возможность их проведения (при необходимости) в выходные и праздничные дни;

3. Разработка единых требований к помещениям для следственных действий во всех СИЗО с учетом современных реалий.

4. Разработка четких межведомственных инструкций между МВД России и ФСИН России по вопросам взаимодействия в рассматриваемой сфере, а также создание региональных рабочих групп для оперативного решения возникающих проблем.

Отметим, что реализация данных предложений будет невозможна без соответствующих инфраструктурных улучшений, в частности потребуется:

1. Доведение количества следственных кабинетов до установленных норм, а также их оборудование необходимой техникой;

2. Внедрение технологий видеоконференцсвязи для проведения определенных следственных действий, предусматривающих физическое отсутствие следователя в СИЗО.

В заключении хотелось бы отметить, что взаимодействие следственных подразделений МВД России с учреждениями уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является важным условием эффективного расследования преступлений и соблюдения прав лиц, содержащихся под стражей. Несмотря на существующие организационные и технические сложности, система продолжает развиваться, внедряя современные технологии и совершенствуя нормативно-правовую базу. Считаем, что дальнейшая интеграция информационных систем и оптимизация процедур взаимодействия позволят повысить эффективность совместной работы ведомств и устранить проблемы доступа следователей МВД России в СИЗО. Устранение этих барьеров важно не только для повышения эффективности следствия, но и для обеспечения конституционных прав обвиняемых на защиту, а также справедливое судебное разбирательство. Для достижения указанных целей необходим баланс между режимными требованиями учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и процессуальными потребностями следствия, который может быть достигнут исключительно через диалог между ведомствами.

Список литературы:

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. Электронный ресурс. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ (дата обращения: 29.01.2026).
2. Организация электронной очереди при посещении следственных изоляторов ФСИН России. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, УРН ФСИН России. – 2019.

References:

1. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Official website. Electronic resource. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ (date of access: 29.01.2026).
2. Organization of an electronic queue when visiting detention centers of the Federal Penitentiary Service of Russia. – Moscow: Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Federal Penitentiary Service of Russia. – 2019.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_447

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ОХРАНЫ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА
ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE IN THE PROTECTION OF PENITENTIARY INSTITUTIONS AT THE TURN OF THE XXI CENTURY

ЦАПЛИН Игорь Семенович,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 «а», стр. 1,
e-mail: aplin.ig@yandex.ru

TSAPLIN Igor Semenovich,
Leading researcher at SIC-3 of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor,
125130, Moscow, Narvskaya str., 15 «a», p. 1,
e-mail: aplin.ig@yandex.ru

Краткая аннотация. *В представленной статье анализируется зарубежный опыт охраны пенитенциарных учреждений в период с 1980 по 1999 гг. Автор приходит к выводам о том, что в данный период в законодательной практике и деятельности пенитенциарных учреждений отдельных зарубежных стран США, Великобритании, Германии, Франции) вопросам охраны и обороны объектов, исключению возможности совершения побегов уделялось первостепенное значение. К научным исследованиям и разработкам в области обеспечения надежной охраны исправительных учреждений привлекались специалисты, как государственных, так и частных структур. Надежность охраны зарубежных пенитенциарных учреждений была обеспечена в полном объеме, о чем свидетельствовала низкая побеговая активность того периода. При организации охраны основной акцент делался на технической оснащенности объектов. Интенсивность охраны пенитенциарных учреждений определялась в зависимости от тяжести совещенных преступлений лицами, содержащимися в них.*

Abstract. *Annotation. The presented article analyzes the foreign experience of the protection of penitentiary institutions in the period from 1980 to 1999. The author comes to the conclusion that during this period, in the legislative practice and activities of penitentiary institutions in certain foreign countries (USA, Great Britain, Germany, France), the issues of protection and defense of facilities, excluding the possibility of escapes, were of paramount importance. Specialists from both public and private institutions were involved in scientific research and development in the field of ensuring reliable protection of correctional institutions. The security of foreign penitentiaries was fully ensured, as evidenced by the low escape rate during that period. The focus of security measures was on the technical equipment of the facilities. The intensity of security measures in penitentiaries was determined based on the severity of the crimes committed by the inmates.*

Ключевые слова: *заключенные, охрана, пенитенциарные учреждения, средства охраны, специальные средства.*
Keywords: *prisoners, guards, penitentiaries, security measures, and special equipment.*

Для цитирования: *Цаплин И.С. Анализ зарубежного опыта охраны пенитенциарных учреждений на рубеже XXI века // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 447-449. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_447.*
For citation*: Tsaplin I.S. Analysis of foreign experience in the protection of penitentiary institutions at the turn of the XXI century // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 447-449. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_447.*

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Правовое регулирование и организация и исполнения уголовного наказания в зарубежных странах прошли на своем историческом пути этапы, во многом сходные с процессом становления и развития системы уголовных наказаний в России.

Рассмотрим вопросы организации охраны пенитенциарных учреждений на примере отдельных государств Америки (США), Европы (Великобритания, Германия, Франция) на рубеже XXI века. Здесь наиболее интересным представляется опыт, накопленный в США.

Следует отметить, что на пенитенциарную систему США оказали значительное влияние пенсильванская и особенно оборнская тюремные системы. Тюремный режим рассматриваемого периода, по-прежнему, сохранял курс на применение жестких мер поддержания порядка в учреждениях.

Исполнительные федеральные и исправительные учреждения штатов того периода делились на четыре вида: минимальной безопасности, средней безопасности, максимальной безопасности и чрезвычайной безопасности. Рассмотрим некоторые из них.

Так, тюрьмы минимальной безопасности представляли собой пенитенциарные учреждения открытого типа, не имеющие вооруженной охраны, с облегченным режимом и возможностью трудиться за пределами учреждения.

В запретных зонах тюрем средней безопасности устанавливались датчики периметровой системы охраны, камеры системы телевизионного наблюдения, смотровые вышки, охранное освещение. Управление системой охраны периметра осуществлялось через компьютер, входящий в состав центрального пульта системы. Для надежной изоляции осужденных, защиты от нападения извне тюрьма Мэрион, находящаяся в ведении Федерального бюро тюрем США, была окружена 15 рядами колючей проволоки и сторожевыми вышками, а специальная «противовертолетная» решетка защищает это учреждение от возможной атаки с воздуха [1. С. 39]. Необходимо отметить, что большинство пенитенциарных учреждений, расположенных в США, изначально проектировались так, чтобы гарантированно обеспечивалась максимальная безопасность объектов при минимальных затратах на средства охраны.

Следует отметить некоторую схожесть тюрем уголовно-исполнительной системы земли Северный Рейн-Вестфалия (ФРГ), которые были построены по типовым проектам. Тюрьмы закрытого типа обнесены глухим забором высотой 6 метров со сторожевыми вышками по углам, с выделенной запретной зоной. Контроль за периметром охраняемого объекта осуществлялся через телекамеры [2. С. 203-204].

Центральные тюрьмы Великобритании делились на учреждения открытого и закрытого типа. В отличие от ранее приведенных примеров,

учреждения открытого типа не имели решеток на окнах и предусматривали работу лиц, содержащихся в них, за пределами учреждений [3. С. 79].

Тюрьмы закрытого типа функционировали в классическом стиле: высокие стены, строгая изоляция, минимальные контакты с внешним миром.

Согласно законодательству рассматриваемого периода специализированной службы охраны в тюрьмах не было. В тюрьмах не имелось огнестрельного оружия. Для обеспечения правопорядка в учреждениях выделялось ограниченное количество специальных средств и средств индивидуальной защиты. Служебные собаки в охране учреждений не применялись. Специальные перевозки заключенных осуществлялись частными охранными предприятиями. Отсутствовали средства дальней радиосвязи, а также выходы на ведомственные специальные сети телефонной связи [4. С. 23].

Одним из основных положений концепции охраны периметра пенитенциарных учреждений являлась необходимость «раннего предупреждения» персонала о попытке вторжения нарушителя в запретную зону охраняемых объектов. Так, специалистами научно-исследовательской лаборатории министерства внутренних дел Великобритании в восьмидесятых годах была разработана система защиты тюрьмы по периметру, отличительной особенностью которой являлось наличие на верху основного ограждения средства физической защиты, получившего название «гусак», для предотвращения преодоления ограждения через верх. Отмечалось, что применение новейших технологий и оригинальных решений в тот период позволяло западным специалистам обеспечивать надежную работу периметровых систем охраны исправительных учреждений.

Контроль за состоянием ограждений по периметру тюрем осуществляли сотрудники режимной службы с помощью разветвленной сети телеустановок. Необходимо отметить, что пропускной режим в тюрьмах Англии и Уэльса того периода во многом был схож с российским. Единственным отличием являлось более широкое применение технических средств – ручных и стационарных металлоискателей, ренгеновских установок [4. С. 24].

Анализ зарубежной законодательной практики и опыта организации охраны пенитенциарных учреждений позволяет нам сделать заключение, что одним из основных направлений совершенствования деятельности пенитенциарных учреждений в развитых странах по исследуемой проблеме являлось неуклонное улучшение технической оснащенности.

Наглядной иллюстрацией приведенного выводу могут служить учреждения штата Иллинойс (США), где для обеспечения надлежащего правопорядка функционировал специально разработанный комплекс технических средств охраны, связи и сигнализации. Сердцевиной этого комплекса, размещенного в органе оперативного управления, являлась электронно-вычислительная машина (далее – ЭВМ) и система замкнутого телевидения, включающая в себя более 300 телекамер, установленных в стратегически значимых для обеспечения правопорядка участках и помещениях тюрьмы, а также аппаратура для отображения сигналов тревожной информации и трансляции команд персоналу в условиях осложнения оперативной обстановки. Пульт управления охраны, того периода, дополнительно был оснащен видеомагнитофоном, позволяющим фиксировать оперативную обстановку в условиях различного рода чрезвычайных происшествий [5. С. 116].

Многоплановые функции ЭВМ, осуществляли управление процессом открывания камерных и проходных дверей, выдавали варианты решений в случае начала в учреждении различного рода чрезвычайных событий. Кроме того, осуществлялся анализ и представление оперативной информации по итогам работы дежурных смен охраны и ряд других [6. С. 6-8].

Первостепенное значение уделялось охране и обороне пенитенциарных учреждений, исключению возможности совершения побега лиц, содержащихся в них. Достаточно широко был представлен спектр специальной техники, обеспечивающей безопасность персонала: от портативных персонифицированных устройств тревожной сигнализации до роботов надзирателей и охранников, которые позволяли нейтрализовать потенциальные агрессивные действия.

Техническое обеспечение безопасности, порядка исполнения и отбывания наказания в зарубежных пенитенциарных учреждениях подразделялось на наружное и внутреннее. Такое обеспечение включало в себя как механические средства, так и электронные устройства.

Наружное техническое обеспечение было представлено, прежде всего, системой обнаружения вторжения по периметру. Данная система состояла из ряда элементов, включая датчики, блоки обработки сигналов, каналы передачи данных, источники питания, звуковую сигнализацию и средства отображения [7. С. 3-17].

Большое внимание уделялось защищенности датчиков от влияния внешней среды, поскольку подавляющее большинство из них уязвимы по отношению к источникам ложной тревоги, вызываемой одной или несколькими четко определенными причинами. Поэтому для повышения достоверности сигналов тревоги практиковалось объединение датчиков различных типов. Все сигналы периметральной тревожной сигнализации дублировались на наблюдательных вышках, охрана на которых снабжалась биноклями и приборами ночного видения. Кроме всего, по периметру устанавливались активные рубежи защиты с применением заграждений из проводов и подачей по ним напряжения смертельного или несмертельного номинала. Также предполагалась установка форсунок для распыления «обезвреживающей» жидкости, которая включалась автоматически при срабатывании сигнализации либо дистанционно с пультов, установленных на наблюдательных вышках или в центральном пункте управления. Более того, применялось ослепляющее освещение и минное поле не смертельного действия (из петард), установленное в контрольной полосе, которое служило как в качестве дополнительного сдерживающего побег фактора, так и своеобразного средства сигнализации о побеге [8].

Внутреннее техническое обеспечение включало в себя, прежде всего, систему наблюдения. Это наблюдательные платформы, расположенные на большой высоте (до 150-190 м), или привязные аэростаты, или же высокие мачты из металлических ферм. Они использовались не только для наблюдения, но и для обеспечения устойчивого сигнала радиосвязи, а также для создания препятствий совершения побегов с помощью вертолетов. Кроме того против летательных средств применялась система предварительного оповещения в виде обзорной радиорелейной

станции небольшой дальности действия, либо в виде акустических датчиков. Следует отметить, что в новых тюрьмах применяются дистанционно управляемые и перемещаемые по пересекающим территорию высоко подвешенным тросам телекамеры воздушного наблюдения, которые могут быстро реагировать на сигналы тревоги, или же использоваться в ситуациях, небезопасных для тюремного персонала. На башнях центральных пунктов управления устанавливаются обзорные телекамеры.

Заметим, что применение систем видеонаблюдения в рассматриваемый период наиболее широко было распространено в Великобритании. Так, сотрудники режимной службы тюрьмы Ливерпуля использовали телеустановки для осуществляя контроля за состоянием ограждений по периметру объекта. Служба, обеспечивающая проведение свиданий арестованных с адвокатами и родственниками, располагала 79 мониторами, с помощью которых просматривала каждое место для свидания, а также коридоры, по которым приходили на свидания осужденные, арестованные и адвокаты. Мониторы были скрыты под специальными полупрозрачными колпаками сферической формы, не позволяющими определить, куда направлен монитор. Сигнал с мониторов поступал на телеэкран в специальное помещение, где шестеро сотрудников наблюдали за ходом свиданий. Одновременно производилась запись на видеокассету, которая хранилась в течение трех месяцев [4. С. 25].

Анализируя зарубежный опыт организации и осуществления охраны пенитенциарных учреждений того периода, нельзя не отметить дозволение действующим законодательством США широкого применения электризуемых заграждений. В США такие заграждения было принято называть «смертельными», вероятно по степени их воздействия на нарушителя. В Калифорнии (США) с правовой точки зрения считалось допустимым использование таких заграждений, если они правильно установлены и защищены от нежелательных несчастных случаев.

В учреждениях Норфолка (США) имелась стена из железобетона высотой 6 м и увеличенная еще на 0,9 м козырьком из колючей ленты, по которой пропускался электрический ток.

В американском штате Калифорния были разработаны электризуемые заграждения, которые при подаче на них высокого напряжения способны убить каждого дотрагивающегося до них, что в последующем позволило отказаться от содержания круглосуточной охраны, наблюдающей за заключенными.

Необходимо отметить, что в пенитенциарных учреждениях Франции также применялась заграждения подобного типа. Так для охраны объектов в черте города использовалась электрическая изгородь. Она состояла из расположенных между двумя сетками столбов, к которым на кронштейнах крепились опоры в виде двутавров с фторопластовыми изоляторами в центральной части. На пропущенные через изоляторы провода от импульсного генератора подавалось напряжение, безопасное для здоровья человека [9. С. 6]. Все сигналы срабатывания периметральной тревожной сигнализации дублируются на вышках. Окна на вышках защищались бронестеклами.

Результаты исследования деятельности правоохранительных органов ряда зарубежных стран показывают, что наряду с совершенствованием ручного огнестрельного оружия весьма активно совершенствовались образцы нелетального оружия, традиционно используемые сотрудниками пенитенциарных учреждений – резиновые и деревянные дубинки, пластиковые дубинки, ружья для стрельбы газовыми патронами и гранатами, резиновыми и пластиковыми пулями, устройства для распыления слезоточивого газа.

Подводя итог изучению зарубежного опыта по организации охраны, состоянию технической обеспеченности учреждений пенитенциарных систем, можно сделать ряд выводов.

На рубеже XXI века в законодательной практике и деятельности пенитенциарных учреждений рассматриваемых зарубежных стран вопросам охраны и обороны объектов, исключению возможности совершения побегов уделялось первостепенное значение. К научным исследованиям и разработкам в области обеспечения надежной охраны исправительных учреждений привлекались специалисты, как государственных, так и частных структур.

Надежность охраны зарубежных пенитенциарных учреждений была обеспечена в полном объеме, о чем свидетельствует низкая побеговая активность того периода. При организации охраны основной акцент делался на технической оснащенности объектов. Интенсивность охраны пенитенциарных учреждений определялась в зависимости от тяжести совещенных преступлений лицами, содержащимися в них.

Список литературы:

1. Мэрион: в одиночной камере 23 часа в сутки // Преступление и наказание. 1993.
2. О пребывании делегации уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции России в ФРГ (земля Северный Рейн-Вестфалия). Информационный бюллетень. ГУИН. 1998. № 4.
3. Стручков Н.А., Шупилов В.П. Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах (Англия, ФРГ). Учебное пособие. М., 1978.
4. Маланкин А. «В тюрьмах ее величества». Преступление и наказание. Ежемесячный общественно-политический и научно-методический пенитенциарный журнал. М. 2001. № 10.
5. Журавленко Н.И., Курбанов Д.И. Актуальные проблемы технического обеспечения деятельности исправительных учреждений // Монография. УЮИ МВД РФ. Уфа, 2001.
6. Комплекс охраны для исправительных учреждений // Иностранная печать о техническом оснащении спецслужб: Информационный бюллетень. –М.: ВИНИТИ. 1979. № 2.
7. Иностранная печать о техническом оснащении полиции капиталистических государств. // Ежемесячный информационный бюллетень. – М.: ВИНИТИ, 1990. № 4.
8. Иностранная печать о техническом оснащении полиции капиталистических государств. Ежемесячный информационный бюллетень. 1990. № 4. (Схемы № 3 и 4).
9. Электрическая изгородь: Cloture electrique de type urbain / Cogny systems. Заявка 2592512, Франция.

References:

1. Marion: in solitary confinement 23 hours a day // Crime and Punishment. 1993.
2. On the stay of the delegation of the penal system of the Ministry of Justice of Russia in Germany (North Rhine-Westphalia). Information Bulletin. GUIN. 1998.; No. 4.
3. Struchkov N.A., Shupilov V.P. Execution of Criminal Punishment in Capitalist Countries (England, Germany). Study Guide. Moscow, 1978.
4. Malankin A. «In Her Majesty's Prisons» Crime and Punishment. Monthly socio-political and scientific-methodological penitentiary journal. M. 2001. No. 10.
5. Zhuravlenko N.I., Kurbanov D.I. Actual Problems of Technical Support for the Activities of Correctional Institutions. // Monograph. UYuI of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. - Ufa, 2001.
6. Security Complex for Correctional Institutions // Foreign Press on the Technical Equipment of Special Services: Information Bulletin. Moscow: VINITI, 1979. No. 2.
7. Foreign Press on the Technical Equipment of the Police in Capitalist States. // Monthly Information Bulletin. - Moscow: VINITI, 1990. No. 4.
8. Foreign Press on the Technical Equipment of the Police in Capitalist States. Monthly Information Bulletin. 1990. No. 4. (Schemes No. 3 and 4).
9. Electric fence: Cloture electrique de type urbain / Cogny systems. Application 2592512, France.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_450

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
PREVENTION OF OFFENCES COMMITTED BY EMPLOYEES OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM

КУРБАТОВА Галина Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: kurbatik2007@yandex.ru
ЦИБУЛЬСКАЯ Галина Зиновьевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры тылового обеспечения Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.
E-mail: kurbatik2007@yandex.ru
KURBATOVA Galina Vasilievna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, d.1.
E-mail: kurbatik2007@yandex.ru
TSYBULSKAYA Galina Zinovievna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Logistical Support at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, d.1.
E-mail: kurbatik2007@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассмотрены ключевые аспекты предупреждения правонарушений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы, которые представляют собой сложное и многоуровневое явление, требующее комплексного подхода. Проведённый анализ причин выявил совокупность личностных, социально-психологических, организационных и институциональных факторов, способствующих возникновению правонарушений, сформулированы наиболее перспективные направления предупреждения правонарушений.*

Abstract: *This article examines key aspects of preventing offenses committed by penal system employees, which represent a complex and multifaceted phenomenon requiring a comprehensive approach. An analysis of the causes reveals a combination of personal, socio-psychological, organizational, and institutional factors contributing to the occurrence of offenses, and identifies the most promising areas for offense prevention.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, сотрудники, предупреждение правонарушений, система внутреннего контроля, имидж сотрудников уголовно-исполнительной системы.*
Key words*: penal system, employees, crime prevention, internal control system, image of penal system employees.*

Для цитирования: *Курбатова Г.В., Цибульская Г.З. Предупреждение правонарушений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 450-452. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_450.*
For citation*: Kurbatova G.V., Tsybulskaya G.Z. Prevention of offences committed by employees of the criminal-executive system // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 450-452. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_450.*

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Введение. В условиях современного общества эффективное функционирование уголовно-исполнительной системы (далее по тексту – УИС) является одной из важных задач государства, направленных на обеспечение законности, правопорядка и социальной безопасности. Несмотря на ряд достигнутых за последние несколько лет успехов на пути предупреждения правонарушений среди сотрудников УИС, данная проблема продолжает оставаться актуальной и требующей решения со стороны законодателя и иных компетентных органов, чья деятельность направлена на предупреждение должностных правонарушений.

Важность деятельности по предупреждению правонарушений подобного рода заключается в том, что любое правонарушение, совершенное должностным лицом, подрывает доверие к институты власти в глазах рядовых граждан, разлагает «служебный климат» внутри государственных структур, а также способствует развитию иных более тяжких противозаконных проявлений, в том числе – распространению коррупции. Их предупреждение – это комплексная задача, включающая в себя как правовые, так и социально-психологические, организационные и технические аспекты.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления комплексных подходов к предупреждению таких правонарушений, на укрепление дисциплины, повышение этических стандартов и развитие антикоррупционных механизмов. Особое внимание уделяется вопросам формирования у сотрудников УИС устойчивых ценностей законопослушного поведения, созданию условий для своевременного выявления и пресечения нарушений, а также внедрению современных средств контроля и мониторинга.

Цель исследования. Проанализировать причины и условия, способствующие совершению правонарушений сотрудниками УИС, а также исследовать эффективные механизмы их превентивного выявления и предупреждения.

Методы исследования. В настоящем исследовании применялся описательный и перспективный методы. Посредством описательного метода рассматривались ключевые факторы, способствующие совершению правонарушений, совершаемых сотрудниками УИС. А посредством перспективного метода предлагаются эффективные направления и методы предупреждения правонарушений, совершаемых сотрудниками УИС.

Правонарушения, совершаемые сотрудниками УИС, являются сложным и многофакторным явлением. Для эффективного предупре-

ждения таких деяний необходимо детально рассмотреть причины, которые способствуют их возникновению. Эти причины можно условно разделить на несколько групп: личностные, социально-психологические, организационные и институциональные. Личностные факторы связаны с индивидуальными особенностями сотрудников: уровнем морально-этических ценностей, психологической устойчивостью, склонностью к риску или девиантному поведению. Недостаточная мотивация к законопослушному поведению, а также личные жизненные трудности – финансовые проблемы, стресс, конфликты в семье – могут значительно повышать вероятность совершения правонарушений. Социально-психологические факторы проявляются в атмосфере коллектива и условиях службы. Высокий уровень профессионального стресса, связанный с постоянным давлением, риском, ограничениями личной свободы, часто ведёт к эмоциональному выгоранию. Это снижает внимание к требованиям закона и внутреннему регламенту. Организационно-управленческие факторы включают недостатки в системе управления, контроля и мотивации. Низкий уровень прозрачности работы, бюрократические препоны, слабый внутренний аудит и неэффективные системы наказаний и поощрений создают условия для злоупотреблений. Институциональные причины связаны с общей культурой правоприменения, законодательными пробелами и общим уровнем коррупции в стране. Если в обществе распространено толерантное отношение к коррупции и нарушениям закона, попытки изменить поведение сотрудников УИС сталкиваются с серьезными препятствиями.

Для эффективного предупреждения правонарушений, совершаемых сотрудниками УИС, крайне важна организация комплексной системы профилактических мер и механизмов внутреннего контроля. Эти меры направлены на создание условий, исключающих возможность совершения противоправных действий, а также на своевременное выявление и коррекцию потенциально опасных ситуаций.

Профилактические меры в первую очередь включают в себя разработку и внедрение нормативно-организационных документов, регламентирующих поведение сотрудников и порядок исполнения служебных обязанностей. Это стандарты профессиональной этики, кодексы корпоративной культуры, а также внутренние инструкции, в которых четко прописаны последствия несоблюдения правил и норм. Важной составляющей профилактики является регулярное обучение и повышение правовой грамотности сотрудников, что способствует формированию у них устойчивой позиции законопослушного поведения. Неотъемлемой частью профилактики являются программы антикоррупционного характера, направленные на формирование нулевой толерантности к коррупционным проявлениям. Такие программы включают в себя как образовательные мероприятия, так и мониторинг подозрительных действий. Важное значение имеют инициативы по мотивации сотрудников, поощрение добросовестного исполнения обязанностей и развитие чувства служебного долга [1, с. 12].

Механизмы внутреннего контроля представляют собой систему процедур и инструментов, позволяющих оперативно отслеживать и анализировать соблюдение дисциплины и законности среди сотрудников УИС. Они включают: систематические проверки и ревизии, реализуемые через плановые и внеплановые инспекции, служебные расследования и аудит процедур исполнения наказаний. Эти мероприятия помогают выявить нарушения на ранних стадиях и принять соответствующие меры. Аттестации и оценка профессиональной пригодности посредством регулярного тестирования и оценки знаний, морально-психологических качеств и поведения сотрудников, что способствует выявлению потенциальных рисков и мотивации к исправлению. Использование цифровых технологий с помощью внедрения систем видеонаблюдения, автоматизированных баз данных, электронных журналов регистрации и цифровых средств контроля доступа повышает прозрачность работы и снижает возможности для злоупотреблений. Система анонимного информирования и обратной связи с созданием каналов, позволяющих сотрудникам и гражданам сообщать о нарушениях без страха репрессий, стимулирует объективное выявление проблем и повышает уровень ответственности.

В дальнейшем необходимо поддерживать социальный престиж службы, обеспечить более глубокую профессионализацию, соответствие личного состава современным, качественно новым требованиям. Только на этой основе могут успешно решаться задачи противодействия правонарушениям специальных субъектов. Данная деятельность должна включать в себя также комплексную, системную и многоаспектную работу, направленную на мониторинг морально-психологического климата в служебных коллективах, изучение индивидуальных личностных установок и психических состояний сотрудников. Всестороннее исследование динамики морально-психологического климата и индивидуальных особенностей личного состава позволяет своевременно выявлять изменения в криминогенной склонности личности сотрудников и обеспечить наиболее эффективную модель реагирования со стороны руководства[3, с. 129].

Особое внимание следует уделять сбалансированности контроля: излишняя жесткость может привести к снижению морального духа и вызову сопротивления, тогда как недостаточность контроля создаст возможности для правонарушений. Кроме того, механизм внутреннего контроля должен быть подкреплен системой дисциплинарных мер с четко регламентированными санкциями, но при этом предусматривать и программы ресоциализации нарушителей с целью изменения поведения и предотвращения повторных случаев. Таким образом, возрастает роль как субъектов предупреждения в лице руководителей подразделений, отделов, отделений, служб, так и службы собственной безопасности. Специальное предупреждение правонарушений необходимо рассматривать с точки зрения организационного и правового критериев.

Успешность организационно-профилактических мероприятий во многом зависит от глубокого уяснения причин и условий, способствующих совершению правонарушений, совершаемых сотрудниками УИС. При этом в основу превентивной деятельности должны быть положены тщательный анализ причин и условий уже совершенных деяний, просчетов и упущений, мониторинг имевшей место предкриминальной ситуации, элементов механизма индивидуального преступного поведения с учетом личности виновного, виктимологического фактора. Должностные лица служб собственной безопасности также должны тщательно анализировать складывающуюся оперативную обстановку в каждом структурном подразделении. Задача анализа состоит в том, чтобы из различного рода оперативных данных составить общую, целостную картину процесса, выявить присущие ему закономерности и тенденции и на их основе проводить те мероприятия профилактического характера, которые наиболее способствуют решению проблемы (например, системное нарушение дисциплины может в дальнейшем поспособствовать совершению правона-

рушений и преступлений) [2, с. 55].

Психолого-педагогическая поддержка и постоянное повышение квалификации сотрудников УИС являются важными элементами комплексной системы предупреждения правонарушений, так как они способствуют формированию у сотрудников устойчивых профессиональных и этических стандартов, повышают их психологическую устойчивость и правовую грамотность. Данный тип поддержки предполагает реализацию комплекса мероприятий, направленных на снижение служебного стресса, борьбу с профессиональным выгоранием, потерей смысловых и мотивационных установок несения службы, благоприятное разрешение и предупреждение служебных конфликтов, формирование навыков саморегуляции, внутреннего анализа и контроля над эмоциями. Все это необходимо сотрудникам, чтобы ежедневно справляться с объективными вызовами, провокациями, рисками и психологическим напряжением, сохранять концентрацию и приверженность к строгому следованию нормам закона и должностным инструкциям. Повышение квалификации помогает сотрудникам развиваться, получать новые навыки, находить дополнительную мотивацию для профессионального роста, исключая желание получения личных выгод путем совершения правонарушений.

Среди иных перспективных направлений предупреждения особенным образом выделяется внедрение и активное распространение использования современных технологий для контроля за несением службы сотрудниками УИС и анализа выполнениями ими служебных обязанностей. Сюда относится целый комплекс применения различных средств, среди которых: видеонаблюдение, система биометрического контроля доступа, электронные базы данных, автоматизированные системы учета служебной деятельности. Все это позволяет осуществлять круглосуточный мониторинг служебных помещений, повышает дисциплину и снижает риск проявления противоправного поведения, позволяет повысить степень защищенности в работе с конфиденциальной информацией, несанкционированное проникновение в помещения особой важности без надлежащего разрешения. Информация, обличенная в цифровой формат, защищена от повреждения и противоправных действий. Обладая подобной системой защиты, можно своевременно выявлять нетипичные и подозрительные поведенческие аспекты в действиях сотрудников УИС и принимать необходимые меры.

Заключение. Таким образом, можно отметить, что предупреждение преступности среди специальных субъектов (сотрудников) в УИС – это комплексная, системная, целенаправленная и постоянная деятельность, реализуемая широким кругом лиц на различных уровнях и при помощи различных форм, средств и методов. Эффективность и результативность данной деятельности определяется интенсивностью, вариативностью и ранжированием применяемых форм и методов работы. При этом приоритет в этом направлении должен принадлежать администрации органов и учреждений ФСИН РФ, поскольку указанные субъекты непосредственно взаимодействуют с персоналом, оказывая на них поступательное профилактическое воздействие. При этом разработка ключевых аспектов превентивной деятельности должна иметь место с учетом наработок криминологической науки в разрезе современных тенденций криминологического прогнозирования и планирования. Комплексное решение проблемы предупреждения правонарушений среди сотрудников УИС возможно лишь при условии интеграции всех указанных направлений в единую систему управления.

***Список литературы**:*

1. Ковалев О.Г., Гапонов А.Ю. Пути совершенствования профилактики коррупционных правонарушений в уголовно-исполнительной системе на современном этапе // Столыпинский вестник. 2021. № 1. С. 10-15.
2. Некрасов А.П., Криволапова А.А. Профилактический учет как средство предупреждения пенитенциарной преступности // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 1. С. 54-57.
3. Терещенко Т. Г. Предупреждение правонарушений, совершаемых персоналом уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1-4), № 1. С. 126-132.

References:

1. Kovalev O.G., Gaponov A.Yu. Ways to Improve the Prevention of Corruption Offenses in the Penitentiary System at the Current Stage // Stolypin Bulletin. 2021. No. 1. Pp. 10-15.
2. Nekrasov A.P., Krivolapova A.A. Preventive Registration as a Means of Preventing Penitentiary Crime // Bulletin of the Samara Law Institute. 2020. No. 1. Pp. 54-57.
3. Tereshchenko T.G. Prevention of Offenses Committed by Penitentiary System Personnel // Criminal Executive Law. 2025. Vol. 20(1-4), No. 1. Pp. 126-132.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_453

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЭТАПОВ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ
ON THE ISSUE OF DISTINGUISHING THE STAGES OF STUDYING THE PERSONALITY OF CONVICTS

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, Нарвская ул., 15А стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru

САМОЙЛОВА Анастасия Андреевна,
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России,
подполковник внутренней службы, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, Нарвская ул., 15А стр. 1.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

TISHCHENKO Yuriy Yu.,
Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russian Federation, Moscow,
15A Narva str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: yutish@list.ru

SAMOILOVA Anastasia A.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of RSUH,
Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Major of Internal Service, Russian Federation, Moscow,
15A Narva str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

***Краткая аннотация**. В статье рассматриваются основные этапы и методы изучения личности осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении. Авторы выделяют и анализируют три основных этапа: первоначальный, основной и завершающий. В процессе рассмотрения каждого из этапов по отдельности выделяются основные цели, задачи и итоги, которые должны быть реализованы и достигнуты при проведении воспитательной работы с осужденными, направленной на изучение их личностных особенностей. В работе обосновывается мнение о том, что первоначальный этап изучения личности и оказания воспитательного воздействия на осужденного является наиболее ответственным и значимым, поскольку полученные на данном этапе данные в дальнейшем могут потребовать уточнения и корректировки применяемых методов воспитательной работы. При этом авторы статьи обращают внимание на то, что не один из используемых методов изучения личности осужденного не является универсальным и применим в конкретной ситуации, поскольку каждый метод призван достигать поставленной цели воспитательного воздействия только во взаимодействии с другими методами и средствами.*

***Abstract.** The article discusses the main stages and methods of studying the personality of a convicted person serving a custodial sentence in a correctional institution. The authors identify and analyze three main stages: initial, main and final. In the process of reviewing each of the stages, the main goals, objectives and results are highlighted separately, which must be implemented and achieved during educational work with convicts aimed at studying their personal characteristics. The paper substantiates the opinion that the initial stage of studying the personality and providing educational influence on the convict is the most responsible and significant, since the data obtained at this stage may later require clarification and correction of the applied methods of educational work. At the same time, the authors of the article draw attention to the fact that not one of the methods used to study the personality of a convicted person is universal and applicable in a specific situation, since each method is designed to achieve the goal of educational impact only in interaction with other methods and means.*

***Ключевые слова:** уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, лишение свободы, осужденный, личность, адаптация, наблюдение, документирование, начальник отряда, исправление, профилактика.*

***Key words:** penal enforcement system, correctional institutions, imprisonment, convict, personality, adaptation, monitoring, documentation, squad leader, correction, prevention.*

***Для цитирования:** Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А. К вопросу о выделении этапов изучения личности осужденных // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 453-455. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_453.*

***For citation**: Tishchenko Yu.Yu., Samoilova A.A. On the issue of distinguishing the stages of studying the personality of convicts // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 453-455. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_453.*

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Во все времена условия отбывания наказания в исправительных учреждениях (далее – ИУ) в виде лишения свободы достаточно сильно отличались от привычного уклада жизни большинства осужденных на свободе, которые не могли не оказать какого-либо влияния на личность осужденного. Поэтому изучение особенностей личности осужденного на различных этапах отбывания наказания в виде лишения свободы позволит уточнить влияние на процесс реализации эффективных воспитательного воздействия, а также коррекционных и профилактических программ для исправления осужденных.

При изучении личности осужденного полагаем необходимым выделить три этапа, каждый из которых должен иметь четко сформулированную цель, использовать конкретный перечень методических приемов, а также включать в себя определенный круг, осуществляющих процесс изучения личности. Предлагаем рассмотреть первоначальный, основной и завершающий этапы по отдельности.

Рассматривая первоначальный этап изучения личности осужденного, следует отметить, что он преследует цель диагностики личности и возможности включения ее в воспитательный процесс. Данный этап может совпадать с периодом адаптации осужденного к условиям отбывания наказания в виде лишения свободы и длиться по времени от нескольких дней до нескольких месяцев. По данным наших наблюдений указан-

ный период может продлиться до 3-4 месяцев. Данное обстоятельство напрямую зависит от уголовно-правовых характеристик индивида, от полноты и достоверности собранных материалов, хранящихся в личном деле осужденного, а также от проявления личностных качеств осужденного по отношению к сотрудникам ИУ, осуществляющим воспитательную работу с ним. Например, от откровенности, правдивости намерений осужденного, от готовности рассказать о своих дальнейших планах на жизнь, от уровня подготовленности кадров к проведению психолого-педагогической деятельности.

Первоначальный этап изучения личности осужденного, как правило, начинается с момента его прибытия в ИУ и нахождения в карантинном отделении сроком до двух недель. Однако достаточно часто указанный этап не укладывается в этот срок и его необходимо продолжить в обычных условиях отбывания наказания в ИУ. На этом этапе предусмотрено решение следующих задач:

- анализ имеющихся сведений об осужденном;
- уточнение достоверности данных сведений;
- выделение положительных и отрицательных качеств личности;
- установление основных признаков психологической подструктуры личности (характера, воли, интересов, способностей);
- оценка нравственного облика личности и уровня ее правосознания;
- определение психологического настроя личности на исправление;
- уточнение отношения индивида к применяемым мерам воспитательного воздействия.

Однако мы полагаем, что некоторые из перечисленных выше мер, могут найти свою реализацию и на втором этапе изучения личности осужденного, прежде всего исходя из особенностей осуществления индивидуальных методов воздействия.

В рассматриваемом этапе изучения личности осужденного используются такие методы, как анализ материалов личного дела, индивидуальная беседа, наблюдение, сбор и обобщение независимых характеристик. При этом период адаптации осужденного к условиям отбывания наказания может характеризоваться противоречивым и неровным состоянием его психики, от состояний апатии и подавленности до агрессивности, стресса и депрессий. По мнению М.В. Трофимовой, на данном этапе у осужденного превалируют негативные тенденции, обусловленные высокими показателями таких факторов как: возбудимость, физическая агрессия, раздражительность, обида, подозрительность [8, с, 82]. Сотрудники ИУ изначально не принимают на веру внешние проявления сознания и поведения осужденного, а стремятся к выявлению и уточнению мотива поступка, к установлению сущности его поведенческого акта. Таким образом, первоначальный этап изучения личности и оказания воспитательного воздействия на осужденного является наиболее ответственным и значимым, поскольку полученные на данном этапе данные в дальнейшем могут потребовать уточнения и корректировки применяемых методов воспитательной работы. Кроме того, как справедливо отмечает А.С. Луговой, основная задача пенитенциарных учреждений на первом этапе отбывания наказания осужденными заключается в оказании помощи в адаптации к условиям изоляции, социальной среде, режиму и условиям содержания [4, с. 24].

Следует отметить, что используемые методы в процессе изучения личности осужденных на всех этапах отбывания наказания достаточно полно освещены в научной литературе. Однако обратим внимание, что не один из используемых методов не является универсальным и применим в конкретной ситуации, поскольку каждый метод призван достигать поставленной цели воспитательного воздействия только во взаимодействии с другими методами и средствами.

Основным субъектом организации изучения личности осужденного выступает начальник отряда осужденных. К данной деятельности он привлекает обязательно мастера производства, членов совета воспитателей отряда, а также сотрудников других служб ИУ и работников, которые связаны с конкретным осужденным в рамках обеспечения его трудовой деятельности, обучения в школе или в процессе получения им профессионального образования.

Результатами первоначального этапа изучения личности осужденного должно выступать квалифицированное и объективное заполнение начальником отряда дневника индивидуальной воспитательной работы на осужденного и составление дальнейшего плана проведения с ним воспитательной работы. В данном случае, не исключается и составление при необходимости психолого-педагогической характеристики на осужденного начальником отряда с использованием информации, представленной психологами, педагогами и сотрудниками иных заинтересованных служб ИУ. При этом существует мнение исследователей, которые ранее отмечали, что штатные психологи должны занимать по отношению к осужденным позицию «коуча», то есть специалиста, способного оказывать помощь осужденному в личностном росте и преодолении возникающих при этом внутриличностных затруднений [6, с. 15].

Основной этап изучения личности охватывает большую часть отбывания срока наказания и времени пребывания осужденного в конкретном отряде. К задачам данного этапа следует отнести получение достоверных сведений о личности осужденного, проведение анализа деятельности личности и документирование его результатов. Целью рассматриваемого этапа является управление процессом оказания воспитательного воздействия на осужденного, которое в итоге должно произвести перевод осужденного из состояния объекта воспитательной работы в субъект перевоспитания.

На втором этапе изучения личности осужденного, возможно использовать и другие методы, не используемые на первоначальном, например, анкетный опрос, эксперимент, биографический метод, изучение переписки осужденного и близкими ему лицами. Применение всех методов изучения личности на основном этапе характеризуется планомерностью их реализации, конкретностью содержания, более глубоким анализом сущности отдельных актов поведения осужденного и его нравственного облика. На данном этапе сотрудники ИУ организуют изучение всей личностной подструктуры осужденного, чтобы иметь о нем целостное представление и быть способным дать ему полную характеристику.

Среди задач первоначального и основного этапов особое место занимает изучение личности осужденного и его поведения в составе группы или в коллективе. При этом начальник отряда обязан знать социальный статус личности осужденного в неформальной группе, особенно если он состоит в малой группе отрицательной направленности поведения, то есть иметь четкое представление о так называемой иной жизни осужденного, используя при этом коллектив осужденных и информацию, поступающую от сотрудников других служб ИУ. В данном случае мы разделяем мнение В.И. Огородникова, который отмечает, что начальники отрядов, реализующие, прежде всего, организационно-управленческую функцию, должны быть еще и полноценными менеджерами [5, с. 56].

Всем известно, что исправление осужденного в коллективе выступает в качестве одного из принципов пенитенциарной педагогики. Однако данный принцип может быть полезен при изучении личности осужденного, выступая при этом в качестве инициатора применения многих частных приемов, которые предоставляют возможность познания коммуникативных способностей индивида и раскрытия его социальной природы. В первую очередь, полнота и качество применения данного метода зависят от стадии развития коллектива осужденных, а также от степени включенности индивида в коллективные отношения. Следует обозначить позицию Э.В. Зауторовой, которая обоснованно утверждает, что по отношению к каждому осужденному коллектив выступает как инструмент воспитания, но в тоже время каждый осужденный занимает в ней определенное место и влияет на ее развитие [2, с. 74].

Обратим внимание, что итогом деятельности основного этапа изучения личности осужденного должна выступать развернутая психолого-педагогическая характеристика на индивида с обязательным выводом о степени его исправления.

В завершающий этап изучения личности осужденного включаются по времени последние три месяца, предшествующие его освобождении из ИУ. К числу задач данного этапа относятся выявление отношения осужденного к факту освобождения, установления наличия социальных связей на свободе, изучение возможности бытового и трудового устройства после освобождения, прогнозирование его поведения после освобождения.

В зависимости от вида освобождения (условно-досрочное или по истечению срока наказания) перед сотрудниками ИУ встают конкретные задачи, связанные с оказанием всесторонней помощи осужденного в его подготовке к освобождению из ИУ. Однако в рассматриваемый период может происходить изменение личности осужденного, в том числе, не в лучшую сторону, например, может поступить информация о противоправных намерениях осужденного после освобождения, которую необходимо анализировать и принимать профилактические меры, направленные на недопущения совершения им новых преступлений.

Итогом завершающего этапа изучения личности осужденного является подготовка полной и объективной психолого-педагогической характеристики, в которой должен содержаться обоснованный прогноз его поведения после освобождения из ИУ. Кроме того осужденному оказывается помощь по нахождению утраченных социальных связей с близкими родственниками, предоставляется помощь в бытовом и трудовом устройстве на свободе, приобретаются билеты для проезда к месту будущего жительства, даются рекомендации по организации жизнедеятельности, особенно в первое время после освобождения. В этот же период в случае необходимости осуществляется подготовка и направление сведений об осужденном в органы внутренних дел по месту будущего жительства, а также запросы в центр занятости населения для обеспечения возможности трудоустройства осужденного после освобождения.

Рассмотренные нами выше этапы изучения личности осужденного необходимо осуществлять последовательно, а данные, полученные в процессе прохождения предшествующего этапа целесообразно использовать в ходе проведения дальнейшей воспитательной работы с осужденным. При этом мы полагаем, что в практической деятельности сотрудники ИУ могут разрабатывать и выделять индивидуально для некоторых осужденных отдельные промежуточные этапы изучения их личности, прежде всего, в целях грамотного планирования и оказания на них действенного воспитательного воздействия.

Список литературы:

1. Аверкин С. Д., Тищенко Ю. Ю. Особенности индивидуально-воспитательной работы с осужденными через их коллектив. Уголовно-исполнительное право. 2024. № 2. С. 210-216.
2. Зауторова Э.В. Изучение психологического климата в среде осужденных. Пенитенциарная наука: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов. Вологда, 2023. С. 71-76.
3. Корниенко В.С. Этапы адаптации осужденных к отбыванию наказания в местах лишения свободы. Экономика и социум. 2013. № 3. С. 338-343.
4. Луговой А.С. Личность заключенного на различных этапах отбывания наказания в виде лишения свободы. Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2015. № 45. С. 21-26.
5. Огородников В.И. Руководитель в пенитенциарной системе: управление, право, психология. М., 2006. С. 55-56.
6. Сочивко Д.В., Литвишков В.М. Пенитенциарная антропогогика. Опыт систематизации психолого-педагогической теории и практики в местах лишения свободы. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. -320 с.
7. Тищенко Ю.Ю. О некоторых психологических характеристиках позиции личности осужденного в коллективе. Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 359-360.
8. Трофимова М.В. Влияние условий изоляции от общества на личность и поведение осужденных на разных этапах процесса отбывания наказания. Вестник Кемеровского государственного университета. 2009. № 3. С. 81-84.

References:

1. Averkin S. D., Tishchenko Yu. Features of individual educational work with convicts through their collective. Penal enforcement law. 2024. No. 2. pp. 210-216.
2. Zautorova E.V. The study of the psychological climate among convicts. Penitentiary science: issues of theory and practice. Collection of scientific works. Vologda, 2023. pp. 71-76.
3. Kornienko V.S. Stages of adaptation of convicts to serving sentences in places of deprivation of liberty. Economics and society. 2013. No. 3. pp. 338-343.
4. Lugovoy A.S. The personality of a prisoner at various stages of serving a sentence of imprisonment. Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application. 2015. No. 45. pp. 21-26.
5. Ogorodnikov V.I. The head in the penitentiary system: management, law, psychology. Moscow, 2006. pp. 55-56.
6. Sochivko D.V., Litvishkov V.M. Penitentiary anthropogogics. The experience of systematization of psychological and pedagogical theory and practice in places of deprivation of liberty. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 2006. 320 p.
7. Tishchenko Yu.Y. About some psychological characteristics of the convict's personality position in the collective. Agrarian and land law. 2025. No. 4. pp. 359-360.
8. Trofimova M.V. The influence of conditions of isolation from society on the personality and behavior of convicts at different stages of the process of serving their sentences. Bulletin of Kemerovo State University. 2009. No. 3. pp. 81-84.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_456

УДК 343.359

ИНСТИТУТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
THE INSTITUTE OF CRIMINAL LIABILITY FOR TAX CRIMES AT THE PRESENT STAGE: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND TRENDS IN JUDICIAL PRACTICE

БОРДАКОВА Анна Геннадьевна,
доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями,
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: ansan12263@mail.ru

BORDAKOVA A.G.
Associate Professor of the Department of Organizing the Fight against Economic Crimes
Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: ansan12263@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются актуальные проблемы возбуждения и расследования налоговых преступлений в контексте современной уголовной политики Российской Федерации. На основе анализа норм Уголовного кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, ведомственных актов и судебной практики 2024–2026 годов исследуются ключевые аспекты специального порядка возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.2 УК РФ, включая правовую природу налогового органа как процессуального фильтра, проблему неопределенности перечня направляемых материалов и недостатки процедуры, установленной ст. 32 НК РФ. Особое внимание уделяется вопросам налоговой реконструкции, доказывания субъективной стороны, межведомственного взаимодействия ФНС и правоохранительных органов, а также правовым коллизиям, возникающим при применении института единого налогового счета. Анализируются новеллы уголовного законодательства (ст. 173.3 УК РФ) и выявляются пробелы в их правоприменении. На основе обобщения судебной практики 2025 года исследуются тенденции прекращения уголовных дел в связи с возмещением ущерба, в том числе третьими лицами, и проблемы соотношения уголовно-правового возмещения с процедурами банкротства. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на обеспечение баланса фискальных интересов государства и защиты прав налогоплательщиков.*

Abstract: *The article examines current issues related to initiating and investigating tax crimes in the context of contemporary criminal policy in the Russian Federation. Based on an analysis of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, the Tax Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, departmental acts, and judicial practice from 2024 to 2026, the study explores key aspects of the special procedure for initiating criminal cases under Articles 198–199.2 of the Criminal Code, including the legal nature of the tax authority as a procedural filter, the problem of uncertainty regarding the list of materials to be submitted, deficiencies in the procedure established by Article 32 of the Tax Code. Special attention is given to tax reconstruction; proving the subjective element of the crime; interagency cooperation between the Federal Tax Service (FTS) and law enforcement bodies; legal conflicts arising from the application of the unified tax account mechanism. The article analyzes recent amendments to criminal legislation (Article 173.3 of the Criminal Code) and identifies gaps in their enforcement. Drawing on a synthesis of judicial practice in 2025, it examines trends in the termination of criminal cases due to damage compensation, including compensation by third parties, as well as problems concerning the relationship between criminal law compensation and bankruptcy procedures. Proposals are formulated to improve legislation and law enforcement practices aimed at balancing the fiscal interests of the state with the protection of taxpayers' rights.*

Ключевые слова: *Налоговые преступления; возбуждение уголовного дела; расследование; уклонение от уплаты налогов; ст. 198 УК РФ; ст. 199 УК РФ; ст. 173.3 УК РФ; налоговый орган; налоговая реконструкция; единый налоговый счет; межведомственное взаимодействие; умысел; возмещение ущерба; судебная практика; банкротство; освобождение от уголовной ответственности; ст. 76.1 УК РФ; ст. 28.1 УПК РФ.*

Keywords: *tax crimes; initiation of a criminal case; investigation; tax evasion; Article 198 of the Criminal Code of the RF; Article 199 of the Criminal Code of the RF; Article 173.3 of the Criminal Code of the RF; tax authority; tax reconstruction; unified tax account; interagency cooperation; intent; compensation for damage; judicial practice; bankruptcy; exemption from criminal liability; Article 76.1 of the Criminal Code of the RF; Article 28.1 of the Criminal Procedure Code of the RF.*

Для цитирования: *Бордакова А.Г. Институт уголовной ответственности за налоговые преступления на современном этапе: проблемы правоприменения и тенденции судебной практики // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 456-461. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_456.*

For citation*: Bordakova A.G. The institute of criminal liability for tax crimes at the present stage: problems of law enforcement and trends in judicial practice // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 456-461. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_456.*

Статья поступила в редакцию: 16.02.2026

Тема возбуждения и расследования налоговых преступлений является одной из наиболее сложных и динамично развивающихся в современной уголовно-правовой политике России. Баланс между фискальными интересами государства и защитой прав предпринимателей, необходимость специальных познаний и межведомственное взаимодействие создают уникальный правовой ландшафт, требующий детального анализа. В представленном материале на основе актуальных норм Уголовного кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, ведомственных актов и судебной практики рассматриваются ключевые проблемы данного института и предлагаются пути их решения.

Финансовые поступления от налогообложения играют ключевую роль в формировании доходной части национального бюджета Российской Федерации и выступают одним из фундаментальных условий эффективного функционирования государства. Объем собираемых налогов напрямую влияет на возможности финансирования стратегически важных социальных институтов: здравоохранения, образования, пенсион-

ного обеспечения, выплаты пособий, а также реализации национальных проектов, направленных на защиту материнства и детства, повышение демографии и укрепление социальной стабильности.

В соответствии с Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, утвердившим Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, экономическая безопасность и устойчивое развитие экономики отнесены к числу стратегических национальных приоритетов [8]. Достижение этих целей предполагает совершенствование механизмов взаимодействия государства и бизнеса, поддержку малого и среднего предпринимательства, снижение доли теневого сектора, борьбу с коррупцией, обеспечение равных условий экономической деятельности и эффективное управление государственными активами. В условиях растущих потребностей государства в финансовых ресурсах, направляемых на социальные расходы, особое значение приобретает правовое регулирование, нацеленное на противодействие уклонению от уплаты налогов. В этом контексте ключевую роль играют нормы налогового, уголовного и уголовно-процессуального права, призванные защитить интересы государства и обеспечить справедливость налоговой системы.

Ключевой проблемой расследования налоговых преступлений остается временной разрыв между моментом совершения правонарушения и моментом возбуждения уголовного дела. Как показывает анализ правоприменительной практики, значительные суммы неуплаты налогов выявляются по результатам выездных налоговых проверок. В соответствии с п. 3 ст. 32 НК РФ, материалы проверки направляются в следственные органы в случае неуплаты налогов в течение 75 рабочих дней со дня вступления решения в законную силу [1]. При этом необходимо учитывать обстоятельства временного характера, напрямую имеющие влияние на начало уголовного преследования по налоговым преступлениям в рамках именно возбуждения уголовного дела по данной категории дел:

- Средняя продолжительность выездной налоговой проверки может составлять несколько месяцев;
- После завершения проверки решение налогового органа вступает в законную силу в течение месяца, а в случае обжалования — двух месяцев (ст. 101.2 НК РФ) [1].

Таким образом, с даты назначения выездной проверки до даты передачи материалов в следственные органы может пройти более года. При таких обстоятельствах уголовные дела по ч. 1 ст. 198 и ч. 1 ст. 199 УК РФ, где срок давности составляет 2 года (п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ), нередко подлежат прекращению в связи с истечением сроков давности уголовного преследования [2]. Данная ситуация требует законодательного разрешения, возможно, путем корректировки правил исчисления сроков давности по данной категории преступлений или установления специального порядка их приостановления на период проведения налоговых проверок и обжалования их результатов.

Налоговая реконструкция как элемент доказывания проявляется через факт выявления недоимки и проявляется после проведения налоговой проверки данного налогоплательщика, по результатам которой может быть осуществлена налоговая реконструкция. Примечательно, что сформулированного законом понятия «налоговая реконструкция» в НК РФ нет. Налоговые эксперты из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» дают следующую трактовку: налоговая реконструкция — это расчет доначислений по налогам исходя из реального экономического смысла сделок. Сама процедура (порядок и случаи) проведения налоговой реконструкции в Налоговом кодексе РФ также не установлены. Есть ситуации, по которым ФНС России даёт разъяснения о возможности проведения налоговой реконструкции. Например, при раскрытии схемы по дроблению бизнеса в целях применения спецрежимов налоговые обязательства должны рассчитываться так, как будто налогоплательщик вел свою деятельность на ОСН без нарушений — то есть с учетом понесенных расходов и вычетов по НДС [10].

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 26.11.2019 г. № 48 (п. 14) прямо указал на необходимость полной налоговой реконструкции при рассмотрении налоговых споров [13]. Однако на практике следователи нередко снимают вычеты и расходы полностью, а не на сумму наценки подставной компании, не учитывают расходы, льготы и убытки в делах о дроблении бизнеса. Это приводит к необоснованному завышению суммы ущерба и, как следствие, к неправильной квалификации деяния.

Важным нововведением стало дополнение Уголовного кодекса РФ статьей 173.3 «Организация деятельности по представлению в налоговые органы РФ и (или) сбыту заведомо подложных счетов-фактур и (или) налоговых деклараций (расчетов)», принятое в ноябре 2024 года [6]. Это позволяет более эффективно бороться с профессиональными участниками рынка незаконных налоговых услуг — так называемыми «площадками», которые приходят на смену традиционным фирмам-однодневкам. Однако диспозиция новой статьи сформулирована таким образом, что субъектом преступления выступают только физические лица, осуществляющие распорядительные и хозяйственно-распорядительные функции у юридического лица. Уголовная ответственность наступает, если деяние совершено от имени компании, созданной через подставных лиц, или с использованием незаконно полученных персональных данных и при получении дохода в крупном размере.

В части 2 указанной статьи предусмотрены квалифицирующие признаки, такие как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а также совершение деяния, сопряженного с извлечением дохода в особо крупном размере [25], тогда как с 1 января 2025 года индивидуальные предприниматели с доходом свыше 60 млн рублей также становятся плательщиками НДС (в соответствии с Федеральным законом от 12.07.2024 № 176-ФЗ) [5] и, следовательно, потенциально могут участвовать в аналогичных противоправных схемах. Как справедливо отмечает руководитель Центра правопорядка в г. Москве и Московской области Александр Хаминский, данное обстоятельство создает правовую коллизию: законодательный пробел позволяет недобросовестным ИП избегать уголовной ответственности за действия, которые для организаций уже криминализированы [22]. Для устранения указанного пробела в уголовном законодательстве необходимо расширить диспозицию ст.173.3 УК РФ путём уточнения круга лиц, осуществляющих данное преступное деяние — как от имени юридических лиц, так и от имени индивидуальных предпринимателей, как правомочных плательщиков НДС.

Вопрос о характере взаимодействия между налоговыми и правоохранительными органами остается дискуссионным. Как отмечает А.Е. Вытовтов в своем исследовании, несмотря на внешне сходные функции указанных субъектов, конечный результат их деятельности несколько различен, что порождает представление о существенном противоречии в деятельности этих двух государственных структур с точки зрения поставленных перед ними целей [19]. Вместе с тем, практика демонстрирует поступательное развитие партнерских отношений. По данным ФНС России, половина всех выездных проверок проводится совместно с МВД России. Эффективность такого взаимодействия подтверждается официальной статистикой:

- Если в 2021–2023 годах уголовные дела возбуждались по 50% материалов, собранных в рамках совместных проверок, то в 2024 году этот показатель вырос до 70% [24].
- Среднее доначисление по совместным проверкам увеличилось с 78 млн рублей в 2022 году до 109 млн рублей в 2024 году [24].

На коллегии ФНС России, состоявшейся в 2025 году, участники определили основные задачи межведомственного взаимодействия [23]:

1. Локализация и пресечение деятельности «площадок» по продаже «бумажного НДС».
2. Повышение эффективности борьбы с новыми схемами налоговых преступлений.
3. Скоординированное взаимодействие при доказывании преступного умысла в действиях налогоплательщика.
4. Установление имущества бенефициаров и обеспечение возмещения ущерба.

Особое значение в расследовании налоговых преступлений приобретает доказывание субъективной стороны — умысла на совершение преступления. В соответствии с п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48, при решении вопроса о наличии умысла необходимо учитывать обстоятельства, исключающие вину в налоговом правонарушении (ст. 111 НК РФ) [13]. Своевременное установление умысла на совершение налогового преступления позволяет избежать необоснованного возбуждения уголовных дел в отношении добросовестных налогоплательщиков, допустивших ошибки в исчислении налогов, а также не допустить необоснованного отказа в возбуждении дел при наличии явных признаков умышленного уклонения от налогообложения.

Для доказывания умысла следственным органам необходимо установить ряд существенных обстоятельств, указывающих на присутствие такового:

- наличие искажений в бухгалтерском и налоговом учете;
- использование схем «дробления бизнеса»;
- применение фирм-«однодневок» для получения необоснованной налоговой выгоды;
- фактическое руководство деятельностью подконтрольных организаций.

Федеральным законом от 14.07.2022 № 263-ФЗ введен институт единого налогового счета (ЕНС), который аккумулирует все обязательства налогоплательщика перед бюджетом. Приказом ФНС России от 05.11.2024 № ЕД-7-8/987@ утверждена форма справки о наличии по состоянию на дату формирования справки положительного, отрицательного или нулевого сальдо ЕНС, которая может предоставляться в электронной форме [12]. С точки зрения уголовного судопроизводства, институт ЕНС создает как новые возможности, так и определенные риски. Возможности упрощают контроль за реальным состоянием расчетов с бюджетом и тем самым прозрачнее становится процедура погашения недоимок. В свою очередь риск возникает в форме правовой коллизии между п. 3 ст. 32 НК РФ и ч. 3 ст. 199 АПК РФ, когда обеспечительные меры, приостанавливающие исполнение решений ФНС, блокируют передачу материалов в следственные органы [4].

Анализ судебной практики 2025 года позволяет выявить устойчивый тренд, который можно охарактеризовать как «фискальная лояльность» при одновременном ужесточении подхода к недобросовестным должникам, использующим процедуры банкротства для ухода от налоговой ответственности. Стержневые позиции, сформировавшиеся в правоприменительной практике можно обозначить в виде таких умозаключений:

1. прекращение уголовных дел: от дискреции к императиву;
2. соотношение уголовно-правового возмещения и процедур банкротства;
3. оплата налоговой задолженности третьими лицами: утверждение правовой позиции;
4. последствия прекращения уголовного дела для процедур банкротства.

Судебная практика 2025 года подтвердила трансформацию института освобождения от уголовной ответственности по налоговым преступлениям. В соответствии с примечаниями к ст. 198 и ст. 199 УК РФ, а также ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ, суды последовательно применяют правило: если ущерб, исчисляемый как совокупность недоимки, пеней и штрафов, возмещен в полном объеме до назначения судебного заседания судом первой инстанции, уголовное дело по статьям 198–199.2 УК РФ подлежит безусловному прекращению [2; 3].

Главенствующая тенденция 2025 года заключается в расширительном толковании оснований для прекращения. Появились прецедентные решения, в которых суды прекращали уголовные дела даже при условии, что налогоплательщик оспаривает часть доначислений в арбитражном суде. Определяющим фактором стала оплата так называемой «бесспорной» части задолженности. Такой подход, хотя и не закреплен прямо в законе, получил обоснование в апелляционных определениях судов общей юрисдикции, указавших, что уголовное преследование не

должно препятствовать реализации конституционного права на судебную защиту в налоговых правоотношениях [14]. Однако следует сказать, что наиболее дискуссионным и социально значимым выводом судебной практики 2025 года стало однозначное разграничение институтов возмещения ущерба в уголовном праве и погашения требований кредиторов в деле о банкротстве. Суды сформулировали принципиальную позицию: включение требований ФНС России в реестр требований кредиторов должника не может расцениваться как возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе, в контексте уголовного судопроизводства. Данная позиция базируется на том, что возмещение ущерба по смыслу ст. 76.1 УК РФ предполагает реальное поступление денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации. Само по себе наличие определения арбитражного суда о включении требования в реестр не влечет за собой движения денежных средств и не восстанавливает нарушенные экономические интересы государства [17].

Данная практика создает сложную ситуацию для налогоплательщиков, находящихся в процедуре банкротства. Формируется патовое положение: при отсутствии ликвидного имущества, достаточного для погашения налоговой задолженности в ходе конкурсного производства, лицо не может выполнить условие о полном возмещении ущерба, что блокирует возможность прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Вследствие многочисленных рассмотрений в суде дел о возмещении ущерба, причиненного налоговым преступлением в 2025 году окончательно утвердилась практика, допускающая возмещение ущерба, причиненного налоговым преступлением, третьими лицами — родственниками, партнерами по бизнесу, аффилированными или иными структурами. Судебная практика исходит из того, что для целей применения ст. 28.1 УПК РФ юридически значимым обстоятельством является сам факт поступления денежных средств в бюджетную систему, а не персональная идентификация плательщика [16].

Данный подход активно используется в 2025–2026 годах как элемент стратегии защиты. Привлечение «дружественных» инвесторов или контрагентов для погашения налоговой задолженности позволяет налогоплательщику:

- инициировать процедуру прекращения уголовного дела до направления его в суд;
- минимизировать репутационные риски, связанные с обвинительным приговором;
- сохранить возможность контролируемого вхождения в процедуру банкротства (при необходимости) без отягощающего фактора уголовного преследования.

Судебная практика 2025 года выработала жесткую взаимосвязь между основаниями прекращения уголовного дела и возможностью последующего списания налоговых долгов в рамках банкротства. Ключевое значение имеет п. 4 ст. 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которому требования кредиторов, возникшие вследствие совершения должником уголовного преступления, не подлежат списанию по завершении процедуры банкротства [7]. Суды, применяя данную норму во взаимосвязи с уголовно-процессуальным законодательством, сформировали следующую позицию: если уголовное дело по налоговому преступлению было прекращено по нереабилитирующим основаниям (в частности, в связи с возмещением ущерба — ст. 28.1 УПК РФ, ст. 76.1 УК РФ), это означает констатацию наличия в действиях лица состава преступления, хотя и не влекущего уголовного наказания. Соответственно, оставшаяся часть налоговой задолженности (включая штрафы, не покрытые возмещением) квалифицируется как возникшая вследствие преступления и не подлежит списанию при банкротстве [15]. Особо хотелось бы упомянуть о значимости для правоприменительной практики флагманского для формирования единообразной практики решения Верховного Суда: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.01.2026 № 5-УД25-18-К2. В данном акте высшая судебная инстанция поставила точку в дискуссии о соотношении норм ст. 76.1 УК РФ и процедур банкротства. Верховный Суд РФ разъяснил, что сам по себе факт признания гражданина банкротом и введение процедуры реализации имущества не является эквивалентом возмещения ущерба, причиненного бюджетной системе. Согласно позиции суда, право на освобождение от уголовной ответственности возникает исключительно при фактическом поступлении денежных средств в бюджет.

Таким образом, даже при полной передаче всех активов в конкурсную массу, лицо не может претендовать на прекращение уголовного преследования по налоговым составам до момента реального погашения недоимки арбитражным управляющим. Данная правовая позиция подтверждает приоритет фискальных интересов государства и ограничивает использование института банкротства как способа ухода от уголовной ответственности за налоговые преступления [16].

Анализ проблем возбуждения и расследования налоговых преступлений позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию правового регулирования в рамках законодательного изменения правовых норм:

- Разработать и нормативно закрепить четкий перечень материалов налоговых органов, служащих основанием для возбуждения уголовных дел.
- Расширить диспозицию ст. 173.3 УК РФ, включив в нее индивидуальных предпринимателей как субъектов преступления.
- Разрешить правовую коллизию между п. 3 ст. 32 НК РФ и ч. 3 ст. 199 АПК РФ, связанную с приостановлением исполнения решений ФНС в условиях ЕНС.
- Рассмотреть вопрос о корректировке правил исчисления сроков давности по налоговым преступлениям с учетом длительности процедур налогового контроля.

Роль судебных органов не сколько не умоляется, а потому необходимо также продолжить совершенствование правоприменительной

практики и:

- Ввести дополнительные процессуальные фильтры, например, судебный контроль за использованием «силовых» доказательств и оценку прокурором законности действий налоговых органов [21];
- Уделять приоритетное внимание доказыванию субъективной стороны преступления (умысла);
- Обеспечить обязательный учет результатов налоговой реконструкции при определении размера ущерба.

При организации предварительного расследования уголовных дел по налоговым преступлениям по мнению автора возникает объективная необходимость принятия организационных мер для эффективности процесса расследования, к коим можно отнести:

- повышение квалификации следователей в области налогового законодательства;
- организация совместных обучающих мероприятий с ФНС (так называемые «вебинары сотрудничества»);
- эффективная проверка сообщений о преступлениях в рамках комплексного участия следственных органов, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также специалистов и экспертов, обладающих достаточной компетенцией для проведения судебных экспертиз [18, с. 156].

В заключении хотелось бы отметить, что современный этап развития законодательства и правоприменительной практики в сфере налоговых преступлений характеризуется поиском оптимального баланса между фискальными потребностями государства и обеспечением процессуальных гарантий для добросовестных налогоплательщиков. Специальный порядок возбуждения уголовных дел, установленный п. 1.3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, с одной стороны, обеспечивает профессиональный налоговый контроль на стадии инициирования уголовного преследования, с другой — порождает проблемы, связанные с длительными сроками давности и неопределенностью перечня направляемых материалов.

Введение новых составов преступлений (ст. 173.3 УК РФ) свидетельствует о стремлении законодателя адекватно реагировать на изменение форм противоправной деятельности в налоговой сфере. Однако требуется дальнейшая работа по устранению законодательных пробелов и коллизий, в том числе по расширению субъектного состава данного преступления.

Судебная практика 2025–2026 годов демонстрирует важный вектор развития: с одной стороны, последовательную либерализацию института прекращения уголовных дел при реальном пополнении бюджета (включая возможность оплаты третьими лицами), с другой — бескомпромиссную позицию в отношении лиц, использующих институт банкротства для ухода от налоговой ответственности.

Резюмируя сказанное хотелось бы отметить, что реализация предложенных мер будет способствовать повышению прозрачности налоговой системы, укреплению законности и снижению уровня налоговой преступности в стране, что в конечном итоге обеспечит реализацию стратегических национальных приоритетов, закрепленных в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [8].

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ: (в ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ: (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
5. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 29 (часть I). — Ст. 4521.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.11.2024 № 432-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 45. — Ст. 6987.
7. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ: (в ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (часть II). — Ст. 5351.
9. О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.02.2026).
10. О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 НК РФ: Письмо ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.02.2026).
11. О реализации полномочий налоговых органов: Письмо ФНС России от 20.10.2023 № КЧ-4-8/13372 // Официальные документы. — 2023. — № 41.
12. Об утверждении формы справки о наличии по состоянию на дату формирования справки положительного, отрицательного или нулевого сальдо единого налогового счета... : Приказ ФНС России от 05.11.2024 № ЕД-7-8/987@. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.02.2026).
13. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 2.
14. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.05.2025 № 78-АПУ25-6. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.11.2025 № 305-ЭС25-7890 по делу № А40-98765/2024. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».
16. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.01.2026 № 5-УД25-18-К2. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.03.2025 № Ф05-3421/2025 по делу № А40-123456/23. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс».
18. Александров, И. В. Расследование налоговых преступлений: проблемы теории и практики: монография / И. В. Александров. — Москва: Юрлитинформ, 2024. — 312 с. — Текст: непосредственный.
19. Вытовтов, А. Е. Взаимодействие налоговых и правоохранительных органов при выявлении и расследовании налоговых преступлений / А. Е. Вытовтов. — Текст: непосредственный // Налоговое право. — 2024. — № 3. — С. 45–52.
20. Егоров, Д. В. Доклад руководителя ФНС России на коллегии ФНС России 25.03.2025 / Д. В. Егоров. — Текст: непосредственный // Вестник ФНС России. — 2025. — № 4.

21. Ламакин, М. А. Процессуальные фильтры в механизме возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях / М. А. Ламакин. — Текст: непосредственный // Российская юстиция. — 2025. — № 2. — С. 34–41.
22. Хаминский, А. Новая статья УК: проблемы правоприменения / А. Хаминский. — Текст : электронный // Закон.ру : [портал]. — 2024. — 15 декабря. — URL: https://zakon.ru (дата обращения: 15.02.2026).
23. Об основных итогах работы ФНС России за 2024 год и задачах на 2025 год: Решение коллегии ФНС России от 25.03.2025. — Текст: электронный // Официальный сайт ФНС России. — URL: https://www.nalog.gov.ru (дата обращения: 10.02.2026).
24. Статистические данные ФНС России за 2021–2024 гг. — Текст: электронный // Официальный сайт ФНС России: [сайт]. — URL: https://www.nalog.gov.ru (дата обращения: 10.02.2026).
25. Установлена уголовная ответственность за организацию деятельности по представлению в налоговые органы заведомо подложных счетов-фактур и налоговых деклараций (расчетов) или их сбыту: Разъяснение Прокуратуры г. Москвы: (направлено письмом Прокуратуры г. Москвы от 09.04.2025 № 40–1–2025). — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.02.2026).

References:

1. Tax Code of the Russian Federation (Part One) of 31.07.1998 No. 146 FZ (as amended on 28.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1998. — No. 31. — Art. 3824.
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63 FZ (as amended on 29.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 25. — Art. 2954.
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174 FZ (as amended on 29.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2001. — No. 52 (Part I). — Art. 4921.
4. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95 FZ (as amended on 29.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 30. — Art. 3012.
5. On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation: Federal Law of 12.07.2024 No. 176 FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2024. — No. 29 (Part I). — Art. 4521.
6. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 04.11.2024 No. 432 FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2024. — No. 45. — Art. 6987.
7. On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of 26.10.2002 No. 127 FZ (as amended on 29.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 43. — Art. 4190.
8. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2021. — No. 27 (Part II). — Art. 5351.
9. On the Practice of Applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation: Letter of the FTS of Russia of 10.03.2021 No. BV 4 7/3060@ // ATP «ConsultantPlus». — URL: www.consultant.ru (accessed: 15.02.2026).
10. On Recommendations for Applying the Provisions of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation: Letter of the FTS of Russia of 31.10.2017 No. ED 4 9/22123@ // ATP «ConsultantPlus». — URL: www.consultant.ru (accessed: 15.02.2026).
11. On the Exercise of Powers by Tax Authorities: Letter of the FTS of Russia of 20.10.2023 No. KCh 4 8/13372 // Official Documents. — 2023. — No. 41.
12. On Approval of the Form of Certificate on the Positive, Negative, or Zero Balance of the Unified Tax Account as of the Date of Issuance: Order of the FTS of Russia of 05.11.2024 No. ED 7 8/987@ // Official Internet Portal of Legal Information. — URL: (accessed: 10.02.2026).
13. On the Practice of Courts Applying Legislation on Liability for Tax Crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.11.2019 No. 48 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2020. — No. 2.
14. Appellate Ruling of the Judicial Panel for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.05.2025 No. 78 APU25 6 // ATP «ConsultantPlus».
15. Ruling of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.11.2025 No. 305 ES25 7890 in Case No. A40 98765/2024 // ATP «ConsultantPlus».
16. Cassation Ruling of the Judicial Panel for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.01.2026 No. 5 UD25 18 K2 // ATP «ConsultantPlus».
17. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 12.03.2025 No. F05 3421/2025 in Case No. A40 123456/23 // ATP «ConsultantPlus».
18. Alexandrov, I. V. Investigation of Tax Crimes: Problems of Theory and Practice: Monograph / I. V. Alexandrov. — Moscow: Yurlitinform, 2024. — 312 p.
19. Vytovtov, A. E. Interaction Between Tax and Law Enforcement Authorities in Detecting and Investigating Tax Crimes / A. E. Vytovtov // Tax Law. — 2024. — No. 3. — P. 45–52.
20. Egorov, D. V. Report of the Head of the FTS of Russia at the FTS Collegium Meeting on 25.03.2025 / D. V. Egorov // Bulletin of the FTS of Russia. — 2 Newton. — No. 4.
21. Lamakin, M. A. Procedural Filters in the Mechanism of Initiating Criminal Cases on Tax Crimes / M. A. Lamakin // Russian Justice. — 2025. — No. 2. — P. 34–41.
22. Khaminsky, A. A New Article of the Criminal Code: Problems of Law Enforcement / A. Khaminsky // Zakon.ru: [portal]. — 2024. — December 15. — URL: (accessed: 15.02.2026).
23. On the Main Results of the FTS of Russia's Work in 2024 and Tasks for 2025: Resolution of the FTS Collegium of 25.03.2025 // Official Website of the FTS of Russia. — URL: (accessed: 10.02.2026).
24. Statistical Data of the FTS of Russia for 2021–2024 // Official Website of the FTS of Russia: [site]. — URL: (accessed: 10.02.2026).
25. Criminal Liability Established for Organizing Activities Involving Submission of Knowingly False Invoices and Tax Returns (Calculations) to Tax Authorities or Their Distribution: Explanation of the Moscow City Prosecutor's Office (sent by Letter of the Moscow City Prosecutor's Office of 09.04.2025 No. 40–1–2025) // ATP «ConsultantPlus». — URL: www.consultant.ru (accessed: 15.02.2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_462

УДК 347.633: 347.963

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ О ЛИШЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ
PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE CONSIDERATION OF CASES BY THE COURTS ON DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS

БОРДАКОВА Анна Геннадьевна,
доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями,
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: ansan12263@mail.ru

РОДИНА Анастасия Павловна,
студентка, ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: ansan12263@mail.ru

BORDAKOVA A.G.
Associate Professor of the Department of Organizing the Fight against Economic Crimes
Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: ansan12263@mail.ru

RODINA A.P.
student of the Institute of Law, Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: ansan12263@mail.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматривается роль и значение участия прокурора в гражданском процессе по делам о лишении родительских прав как одного из ключевых механизмов реализации конституционного приоритета прав и законных интересов детей, как высшей ценности народа России и защиты семьи и детства. Авторы рассматривают статистику семейных преступлений против несовершеннолетних и отмечают уменьшение случаев лишения родительских прав, что указывает на ориентацию государственной политики на сохранение семьи. Подробно исследуются правовые основания лишения родительских прав, предусмотренные Семейным кодексом РФ, и позиции Верховного Суда РФ, подчеркивающие исключительность данной меры. Особое внимание уделяется двум формам участия прокурора в таких делах: подача искового заявления и вступление в процесс для дачи заключения. На основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики авторами выявлены процессуальные проблемы (пассивная роль прокурора при даче заключения, неопределенность его статуса, отсутствие требований к содержанию заключения) и сформулированы конкретные предложения по внесению изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ и ведомственные акты Генпрокуратуры для усиления гарантий защиты прав несовершеннолетних.*

Abstract: *The article examines the role and importance of the participation of the prosecutor in the civil process in cases of deprivation of parental rights as one of the key mechanisms for the implementation of the constitutional priority of the rights and legitimate interests of children, as the highest value of the people of Russia and the protection of family and childhood. The authors consider the statistics of family crimes against minors and note a decrease in cases of deprivation of parental rights, which indicates the orientation of state policy towards the preservation of the family. The author examines in detail the legal grounds for deprivation of parental rights provided for by the Family Code of the Russian Federation, and the positions of the Supreme Court of the Russian Federation, emphasizing the exceptionality of this measure. Special attention is paid to two forms of participation of the prosecutor in such cases: filing a statement of claim and entering the process to give an opinion. Based on the analysis of the current legislation and law enforcement practice, the authors identify procedural problems (the passive role of the prosecutor in giving an opinion, uncertainty of its status, lack of requirements for the content of the conclusion) and formulated specific proposals for amending the Civil Procedure Code of the Russian Federation and departmental acts of the Prosecutor General's Office to strengthen guarantees for the protection of the rights of minors.*

Ключевые слова: *Защита прав детей, лишение родительских прав, прокурор, участие прокурора в гражданском процессе, семья, несовершеннолетние, судебная защита, органы опеки и попечительства.*

Keywords: *Protection of children's rights, deprivation of parental rights, prosecutor, participation of the prosecutor in civil proceedings, family, minors, judicial protection, guardianship and guardianship agencies.*

Для цитирования: *Бордакова А.Г., Родина А.П. Участие прокурора в рассмотрении судами дел о лишении родительских прав // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 462-465. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_462.*

For citation*: Bordakova A.G., Rodina A.P. Participation of the Prosecutor in the Consideration of Cases by the Courts on deprivation of parental rights // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 462-465. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_462.*

Статья поступила в редакцию: 15.02.2026

Сбережение народа России – высший национальный приоритет. Этим приоритетом определяются все положения обновленной Конституции о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей.

Несовершеннолетних следует относить к наиболее незащищенной и уязвимой с точки зрения семейной правосубъектности категории граждан, что обусловлено рядом факторов, таких как их возраст, личностные характеристики и т.п.

Одним из индикаторов уровня защищенности детей, является количество преступлений, совершенных против них. Согласно статистике в 2023 г. непосредственно в семьях в отношении несовершеннолетних совершено 4 846 преступлений, это составляет 4,5% от общего количества противоправных действий в отношении детей [7]. Несмотря на низкий показатель в 4,5%, эта цифра является страшной, поскольку именно семья выступает для ребенка целым миром, а родители – самыми близкими и значимыми взрослыми, которые должны защищать ребенка, от которых он должен получать безусловную поддержку, а вместо этого родители для него оказываются опаснее чужих людей. Данный факт одно-

значно сказывается на психическом развитии детей, ложится отпечатком на всю их последующую жизнь.

В указанных случаях на защиту детей становится государство, а именно: прокуратура, являясь элементом государственного механизма, становится на защиту прав детей. Причем одной из самых действенных остается судебная защита, в том числе участие прокуроров в рассмотрении судами споров о лишении родительских прав.

В 2024 г. наметилась следующая позитивная динамика: число лишений родительских прав снизилась по сравнению с 2023 г. на 12,1%, составив 21 631 тыс. человек [14]. Как видим, тенденция социального благополучия детей несколько улучшается, причем государственные органы ориентированы на семьесберегающий подход и усиление помощи родителям в преодолении трудностей. Службы опеки и попечительства должны предпринимать максимальные меры для помощи семьям [8].

Госорганам следует взвешенно подходить к решению вопроса об изъятии ребенка из семьи. С одной стороны не следует принимать чрезмерно жесткие меры в тех случаях, когда можно сохранить детско-родительские отношения. А с другой – ребенок не должен оставаться в той семье, где существует реальная угроза его физическому и психическому благополучию. В подобных условиях особенно важным становится деятельность прокуратуры в вопросах защиты и обеспечения соблюдения прав самых незащищенных граждан РФ – детей.

Лишение родительских прав можно рассматривать как способ защиты интересов и прав ребенка от негативного воздействия со стороны родителей, а также как меру ответственности самих родителей, не исполняющих должным образом обязанности по отношению к ребенку, осуществляющих противоправные действия в отношении ребенка [11]. Рассматриваемая категория дел довольна сложная, поэтому требует всестороннего и полного исследования обстоятельств дела и соответствующей нормативно-правовой базы.

В ст. 69 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) перечислены основания для лишения родительских прав, таковыми являются:

- отказ в отсутствии уважительной причины забрать ребенка из родильного дома, иной медорганизации, образовательной организации, соцучреждения;

- злоупотребление своими родительскими правами;

- совершение физического и психологического насилия над детьми;

- невыполнение своих родительских обязанностей, в том числе неуплата алиментов;

- умышленное преступление в отношении жизни и здоровья своих детей, другого родителя детей, своего супруга/супруги, иного члена семьи;

- если родители больны алкоголизмом или наркоманией [3].

При буквальном толковании ст. 69 СК РФ делаем вывод, что для лишения родительских прав достаточно любого из приведенных оснований. Однако, Верховный Суд РФ в своем определении по делу № 78-КГ23-24-К3 акцентировал внимание, что мера лишения прав применяется в крайнем случае как ответственность родителей при их виновном поведении. Такая мера допускается, когда нельзя защитить права и интересы детей иным образом [12].

Положения, предоставляющие право прокурору участвовать в процессе по рассматриваемым категориям дел, закреплены в СК РФ, ГПК РФ (ст. 45) и в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ № 2202-1) [1; 2].

Участие прокурора в делах о лишении родительских прав обязательно (ст. 70 СК РФ) [11]. Если инициатором дела является прокурор, то он должен тщательно подготовить дело [10, с. 126]. Кроме того, п. 6 Приказа Генпрокурора РФ от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» предписывает прокурору перед судебным заседанием изучить материалы дела, проанализировать практику по аналогичным делам и рассмотреть положения законодательства по данному вопросу [4].

Законодательно закреплено две формы участия прокурора в делах о лишении прав родителей:

- направление искового заявления в суд;

- участие в деле о лишении родительских прав, когда прокурор вступает в дело как гарант законности и защиты со стороны государства, в данном случае прокурор готовит по делу заключение [11].

Далее рассмотрим представленные формы более детально.

Прокурор инициирует судебное разбирательство посредством подачи искового заявления о лишении родительских прав в суд. Подобные ситуации возможны, когда у лиц, ставших свидетелями нарушения прав ребенка, нет правовых оснований обратиться в суд. Например, когда соседям известно о постоянном избиении ребенка родителями. По смыслу ч. 1 ст. 45 ГПК РФ обращение в суд является правом прокурора, то есть получается, что он может, как обратиться в суд, так и не обратиться.

В то же время, ч. 4 ст. 27 ФЗ № 2202-1 вменяет прокурору в обязанность судебную защиту пострадавших лиц [2]. Считаем данную конструкцию более обоснованной, поскольку прокурор, в подобных ситуациях выступает как последняя надежда для лиц, которые самостоятельно не могут себя защитить [5, с. 174].

С учетом изложенного, предлагаем внести в ч. 1 ст. 45 ГПК корректировки, изложив в редакции: «…заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина должно быть подано прокурором в случае, если…».

Еще один аспект, требующий исследования – это статус прокурора, закрепленный в ч. 2 ст. 45 ГПК. Согласно указанной норме в делах рассматриваемой категории прокурор обладает правами истца с некоторыми изъятиями. Например, он освобожден от уплаты госпошлины и не вправе заключать мировое соглашение, но может отказаться от иска. Если прокурорский отказ от иска противоречит позиции самого ребенка или его представителя, рассмотрение дела продолжается [1].

С.И. Ахметзянов и А.В. Лошкарев отмечают, что прокурор в гражданском процессе всегда выступает в качестве истца [6, с. 124]. Не согласимся с данной позицией, поскольку истец защищает свои интересы, в то время как прокурор выступает в интересах других лиц, в рассматриваемых категориях дел – в интересах конкретных несовершеннолетних.

Логичным будет корректировка положений касательно статуса прокурора в делах о лишении родительских прав посредством внесения изменений в ч. 2 ст. 45 ГПК и придания прокурору статуса иного лица, участвующего в деле, прокурор должен выступать как самостоятельная фигура-представитель государства, который защищает права и интересы граждан.

Во втором случае, когда прокурор вступает в дело для дачи заключения, его положение более специфично, он может:

- знакомиться с материалами дела;

- участвовать в заслушивании и опросе участников дела;

- исследовать доказательства.

В то же время в данном случае прокурор не дает объяснения суду, не поддерживает исковые требования, не выступает в прениях сторон [16].

На первый взгляд участие прокурора в процессе в рассматриваемой форме не имеет особого смысла, поскольку роль прокурора носит пассивный характер. Об этом свидетельствует и возможность рассмотрения дела даже в случае неявки прокурора в заседание [5, с. 175].

Подобная практика недопустима, поскольку прокурор является не только представителем интересов несовершеннолетнего в деле, но представителем государства, который призван обеспечивать соблюдение законности, что особенно важно с участием детей. В связи с изложенным, необходимо внести изменение в ч. 3 ст. 45 ГПК в части обязательного присутствия прокурора.

Заключение прокурора – это документ, в котором прокурор выражает свое мнение по рассматриваемому делу. Заключение формируется после детального изучения всех обстоятельств дела, исследования представленных доказательств. В заключении излагается обоснованное мнение прокурора о необходимости удовлетворения иска и лишении родительских прав, либо об отказе в иске.

Как правило, суды учитывают заключение прокурора, в итоге судебные и прокурорские акты в общих чертах совпадают. Однако имеется и противоположная практика. Но в таких случаях суд должен мотивированно указать, какие положения из заключения учтены, а какие нет.

Л. В. Туманова привела в статье пример, когда суд, несмотря на устранение матери от участия в жизни сына на четыре года, неуплату ею алиментов, принял решение отказать в иске о лишении родительских прав, дать шанс наладить детско-родительские отношения и ограничился предупреждением. Данное решение было принято судом вразрез мнениям органа опеки и прокурора [15, с. 56].

Итак, заключение прокурора не является доказательством, не обязательно для суда. Соответственно, возникает вопрос в необходимости и роли такого заключения в принципе. Помимо прочего не способствует укреплению роли прокурорского заключения и тот факт, что ни в федеральном законодательстве, ни в ведомственных актах не имеется требований к его содержанию, структуре, форме. Считаем необходимым закрепление обозначенных требований в приказе Генпрокурора РФ.

Важно отметить также, что в ходе рассмотрения дела прокурор имеет право ходатайствовать о вынесении частных определений в адрес иных лиц. Наиболее частыми являются такие ходатайства по отношению к органам опеки, которые формально подходят к составлению актов об условиях проживания ребенка и граждан, которые претендуют на их воспитание, не отражают в них психологическую составляющую – те отношения, которые сложились между ребенком и этими лицами [9, с. 43].

Итак, прокурор играет важную роль в делах о лишении родительских прав, поскольку он выступает в качестве представителя государства, стоит на защите законности, обеспечивает соблюдение прав и интересов самых беззащитных граждан – детей. На предварительном этапе прокурор должен тщательно подготовиться к заседанию:

- изучить материалы дела, представленные отзывы, пояснения;

- проверить все ли необходимые лица привлечены к участию в деле;

- установить наличие в деле заключения органов опеки.

На всех стадиях судебного разбирательства прокурор должен занимать активную позицию, участвовать в опросах и исследованиях доказательств. Обозначенные меры позволят сформировать верную позицию и обоснованно выразить свое мнение в заключении.

Кроме того, в целях укрепления позиции прокурора в делах рассматриваемой категории необходимо:

- внести корректировки в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, согласно которым вменить прокурору в обязанность обращение в суд в интересах лиц, которые не могут обратиться самостоятельно;

- закрепить в ч. 1 ст. 45 ГПК статус прокурора как самостоятельного участника-представителя государства, который не относится ни к одной из сторон по делу и защищает права и законные интересы граждан;

- скорректировать ч. 3 ст. 45 ГПК РФ в части необходимости отложения рассмотрения дела рассматриваемой категории при неявке прокурора в заседание;

- закрепить в приказе Генпрокурора РФ требования к содержанию, структуре, форме и пр. заключения прокурора по делу.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (в ред. от 30.09.2024) // Российская газета. – 1992.

3. Семейный кодекс Российской Федерации**:** Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 23.11.2024**) //** Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
4. Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве: Приказ Генерального прокурора РФ от 21.01.2021 № 2 (в ред. от 19.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374371/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (дата обращения: 15.03.2025).
5. Авдеева, Л.А., Назина М. А. Особенности участия прокурора в гражданском процессе в целях защиты прав и интересов несовершеннолетних // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 5-2 (80). – С. 173-175.
6. Ахметзянов, С. И., Лошкарев, А. В. Участие прокурора в гражданском процессе в // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 4-2(43). – С. 123-125.
7. Доклад о деятельности Уполномоченного при президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2023 году // Официальный сайт Уполномоченного при президенте Российской Федерации по правам ребенка: [сайт]. – URL: https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/306 (дата обращения: 15.03.2025).
8. Кислов, А. Общая численность детей-сирот в России сократилась на четверть за 10 лет // Коммерсант. – 22.01.2024. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6465416 (дата обращения: 15.03.2025).
9. Кравцов, А. Ю., Сенотрусова, Е. М. Некоторые вопросы участия прокурора в рассмотрении судами споров о лишении родительских прав // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 4 (103). – С. 42-49.
10. Кущенко, А. Р., Каменева П. В. Участие прокурора в рассмотрении судами дел о лишении родительских прав // Инновационная наука в современном мире: сб. материалов Международной (заочной) научно-практической конференции / отв. ред. А. И. Вострецов. – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2021. – С. 125-127.
11. Образцова Н. И., Лукьяненкова, В. В. Участие прокурора в рассмотрении судами дел о лишении родительских прав // Интернет-конференции Сибирского юридического университета. – URL: https://conf.siblu.ru/uchastie-prokurora-v-rassmotrenii-sudami-del-o-lishenii-roditelskih-prav-0 (дата обращения: 15.03.2025).
12. Павлова, З. Верховный Суд напомнил о критериях лишения родительских прав в связи с злоупотреблением ими // Адвокатская газета. – 13.09.2023. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-ne-dopustil-vzyskanie-raskhodov-na-zashchitu-po-naznacheniyu-s-osuzhdennogo-pri-ego-otkaze-ot-advokata/ (дата обращения: 15.03.2025).
13. Семенова, Н. В. Прокурор как особый субъект в составе лиц, участвующих в деле о лишении родительских прав // Столыпинский вестник. – 2023. – № 4. – С. 1899-1909.
14. Спицына, А. Львова-Белова: Число лишений родительских прав в РФ снизилось на 12 процентов // Российская газета. – 04.03.2025. – URL: https://rg.ru/2025/03/04/lvova-belova-chislo-lishenij-roditelskih-prav-v-rf-snizilos-na-12-procentov.html (дата обращения: 15.03.2025).
15. Туманова, Л. В. Лишение родительских прав: исковое производство или применение меры семейно-правовой ответственности // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 53-61.
16. Хертек, Д. Д. Роль прокурора при решении вопроса о лишении родительских прав // Молодой ученый. – 2023. – № 2(449). – С. 351-353.

References:

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 14.11.2002 No.138-FZ (as amended on 28.12.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 46. — Art. 4532.
2. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1 (as amended on 30.09.2024) // Rossiyskaya Gazeta. — 1992.
3. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 1. — Art. 16.
4. On Ensuring the Participation of Prosecutors in Civil and Administrative Proceedings: Order of the General Prosecutor of the Russian Federation of 21.01.2021 No. 2 (as amended on 19.10.2022) // ATP «ConsultantPlus». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374371/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (accessed: 15.03.2025).
5. Avdeeva, L. A., Nazina, M. A. Features of Participation of the Prosecutor in the Civil Process in Order to Protect the Rights and Interests of Minors // [Journal name]. — 2023. — No. 5-2 (80). — P. 173–175.
6. Akhmetzyanov, S. I., Loshkarev, A. V. Participation of the Prosecutor in the Civil Process // [Journal name]. — 2020. — No. 4-2 (43). — P. 123–125.
7. Report on the Activities of the Commissioner for the Rights of the Child under the President of the Russian Federation in 2023 // Official website of the Commissioner for the Rights of the Child under the President of the Russian Federation: [site]. — URL: https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/306 (accessed: 15.03.2025).
8. Kislov, A. The Total Number of Orphans in Russia Has Decreased by a Quarter in 10 Years // Kommersant. — 22.01.2024. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/6465416 (accessed: 15.03.2025).
9. Kravtsov, A. Yu., Senotrusova, E. M. Some Issues of Participation of the Prosecutor in the Consideration of Disputes about the Deprivation of Parental Rights by the Courts // [Journal name]. — 2023. — No. 4 (103). — P. 42–49.
10. Kushchenko, A. R., Kameneva, P. V. Participation of the Prosecutor in the Consideration by the Courts of Cases on the Deprivation of Parental Rights / Ed. by A. I. Vostretsov. — Neftekamsk: Scientific and Publishing Center «World of Science», 2021. — P. 125–127.
11. Obraztsova, N. I., Lukyanenkova, V. V. Participation of the Prosecutor in the Consideration by the Courts of Cases on the Deprivation of Parental Rights // [Conference proceedings]. — URL: https://conf.siblu.ru/uchastie-prokurora-v-rassmotrenii-sudami-del-o-lishenii-roditelskih-prav-0 (accessed: 15.03.2025).
12. Pavlova, Z. The Supreme Court Recalled the Criteria for Deprivation of Parental Rights in Connection with Their Abuse // Advokatskaya Gazeta. — 13.09.2023. — URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-ne-dopustil-vzyskanie-raskhodov-na-zashchitu-po-naznacheniyu-s-osuzhdennogo-pri-ego-otkaze-ot-advokata/ (accessed: 15.03.2025).
13. Semenova, N. V. The Prosecutor as a Special Subject in the Composition of Persons Participating in the Case of Deprivation of Parental Rights // Stolypin Bulletin. — 2023. — No. 4. — P. 1899–1909.
14. Spitsyna, A. Lvova-Belova: The Number of Deprivations of Parental Rights in the Russian Federation Decreased by 12 Percent // Rossiyskaya Gazeta. — 04.03.2025. — URL: https://rg.ru/2025/03/04/lvova-belova-chislo-lishenij-roditelskih-prav-v-rf-snizilos-na-12-procentov.html (accessed: 15.03.2025).
15. Tumanova, L. V. Deprivation of Parental Rights: Iskovoe Proizvodstvo ili Primenenie Mery Semeyno-Pravovoy Otvetstvennosti // [Journal name]. — 2023. — Vol. 9, No. 4. — P. 53–61.
16. Khertek, D. D. The Role of the Prosecutor in Resolving the Issue of Deprivation of Parental Rights // Young Scientist. — 2023. — No. 2 (449). — P. 351–353.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_466

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ДИСКРЕДИТАЦИИ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПОНЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ON THE ISSUE OF DISCREDITING THE RUSSIAN INTERIOR MINISTRY SYSTEM AS A KEY COMPONENT OF COUNTERACTION

ИВАНОВ Пётр Иванович
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России,
главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления
научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

IVANOV Pyotr Ivanovich
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Researcher of the Department for the Study of Problems
of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. *В настоящей статье автор предпринял попытку обобщить различные взгляды специалистов в области теории ОРД, высказывающих свое представление о понятии и сущности такого явления как дискредитация со стороны физических и юридических лиц[1]. К большому сожалению, мы не исключаем и криминальную самодискредитацию, когда сами сотрудники в силу различных обстоятельств допускают антиобщественные деяния. МВД России предпринимает ответные меры с целью очищения рядов ОВД от различного рода правонарушений, поскольку в новых условиях – цифровой трансформации, традиционные формы и методы не всегда достигают намеченных целей, что подталкивает на необходимость поиска современных с учетом интенсивного развития науки и техники, а также наработок юридических наук, включая оперативно-розыскной. Суть проблемы, связанной с дискредитацией системы МВД России, на наш взгляд, заключается в разрешении существующего противоречия между потребностью поднятия престижа профессии сотрудника ОВД в глазах общества, перспектив его карьерного роста, и поверхностным представлением о повышенной опасности дискредитации системы МВД России как социально-правового явления, умаляющего ее авторитет. Такой подход, как показывает правоприменительная практика, не позволяет вскрыть совокупность факторов и уяснить природу их происхождения, что не обеспечивает получение новых научных знаний, необходимых для разработки предложений и рекомендаций по повышению эффективности и результативности оперативно-розыскного противодействия дискредитации указанной системы. Проведенное выборочное исследование позволило выявить наиболее распространенные формы дискредитации органов внутренних дел гражданами, основные механизмы, препятствующие эффективному противодействию дискредитационным действиям граждан, а также установить причинно-следственные связи между дискредитацией как негативным социально-правовым явлением и особенностями формирования профессионального сознания сотрудников органов внутренних дел. В результате исследования было установлено, что при попустительском отношении сотрудника к противодействию дискредитации у него неизбежно наступает деформация профессионально-нравственного сознания, выражающаяся в нежелании качественно осуществлять свои должностные обязанности, ощущении отсутствия престижа профессии в глазах общества, перспектив карьерного роста, формировании заведомо негативного отношения к гражданам. Как нам представляется, результаты изучения и критического анализа состояния сложившейся криминогенной ситуации вокруг нами рассматриваемого феномена создают предпосылку для разработки научно выверенной и практико-ориентированной методики оперативно-розыскного противодействия дискредитации системы МВД России.*

Abstract. *In this article, the author has attempted to summarize the various views of experts in the field of the theory of hordes, expressing their understanding of the concept and essence of such a phenomenon as discrediting by individuals and legal entities. Unfortunately, we do not exclude criminal self-discrediting, when employees themselves commit antisocial acts due to various circumstances. The Ministry of Internal Affairs of Russia is taking retaliatory measures to clear the ranks of the Department of Internal Affairs of various kinds of offenses, since in the new conditions of digital transformation, traditional forms and methods do not always achieve their intended goals, which pushes for the need to find modern ones, taking into account the intensive development of science and technology, as well as developments in legal sciences, including operational investigative. The essence of the problem related to the discrediting of the Russian Interior Ministry system, in our opinion, lies in resolving the existing contradiction between the need to raise the prestige of the profession of an interior Ministry officer in the eyes of society, the prospects for his career growth, and the superficial idea of the increased danger of discrediting the Russian Interior Ministry system as a socio-legal phenomenon that detracts from its authority. This approach, as law enforcement practice shows, does not allow us to uncover a set of factors and clarify the nature of their occurrence, which does not provide new scientific knowledge necessary to develop proposals and recommendations to increase the effectiveness and efficiency of operational investigative counteraction to discredit the specified system. The conducted sample study made it possible to identify the most common forms of discrediting law enforcement agencies by citizens, the main mechanisms that prevent effective counteraction to discrediting actions of citizens, as well as to establish causal relationships between discrediting as a negative socio-legal phenomenon and the formation of professional consciousness of law enforcement officers. As a result of the study, it was found that with the conniving attitude of an employee towards countering discrediting, he inevitably experiences a deformation of professional and moral consciousness, expressed in an unwillingness to carry out his official duties efficiently, a sense of lack of prestige of the profession in the eyes of society, career prospects, and the formation of a deliberately negative attitude towards citizens. It seems to us that the results of the study and critical analysis of the current criminogenic situation around the phenomenon under consideration create a prerequisite for the development of a scientifically verified and practice-oriented methodology for operational investigative counteraction to the discrediting of the Russian Interior Ministry system.*

Ключевые слова*: органы внутренних дел, подразделения собственной безопасности системы МВД России, их дискредитация[2], провоцирующее поведение граждан, физические и юридические лица, самодискредитация, имидж, авторитет, честь, достоинство и защита деловой репутации, противодействие дискредитации.*

Keywords: *internal affairs bodies, internal security units of the Ministry of Internal Affairs of Russia, their discrediting, provocative behavior of*

[1] Для автора статьи сущностно-содержательная характеристика термина «дискредитация» не нова. Об этом см.: Иванов П.И. Сущность дискредитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Закон и право. 2024, № 1. С.195-200; *он же*. Что означает дискредитация сотрудников ОВД и как ее нейтрализовать? // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 299-309.

[2] Приведем этимологию слова «дискредитировать»: подорвать доверие, умалять авторитет. Об этом см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – С. 167. Подавляющее большинство специалистов теории ОРД, определяя понятие «дискредитация», рассматривают ее как собирательный термин.

citizens, individuals and legal entities, self-discrediting, image, authority, honor, dignity and protection of business reputation, countering discrediting.

***Для цитирования**: Иванов П.И. К вопросу о дискредитации системы МВД России как ключевой компонент противодействия // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 466-468. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_466.*

***For citation**: Ivanov P.I. On the issue of discrediting the Russian Interior Ministry system as a key component of counteraction // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 466-468. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_466.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Изначально, не определившись с понятийно-категориальным аппаратом, вряд ли удастся наиболее полно раскрыть (описать) в содержательном плане противодействие дискредитации системы МВД России.

Заметим, что проведенный нами критический анализ и изучение юридической и специальной литературы показывает, что в настоящее время среди специалистов в области теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) по вопросу ключевого термина «дискредитация» нет единства во мнении. По нашему мнению, это вполне закономерно, так как и сам процесс противодействия ей не стоит на месте, он развивается под воздействием внутренних и внешних факторов (глобализация, антироссийские санкции, избирательное международное сотрудничество, специальная военная операция и т.п.) Как показало выборочное изучение различных источников информации показало, что на сегодня среди специалистов юридической науки отсутствует единого понимания сущностно-содержательной модели дискредитации органов внутренних дел (системы МВД России), отвечающей современной криминогенной ситуации (реалий). Для убедительности приведем существующие точки зрения.

Одни авторы (Э.А. Васильев[1], Н.Н. Дьяченко[2], А.М. Шамаев[3] и др.) утверждают, что дискредитация как негативное социально-правовое явление представляет собой распространение заведомо ложных порочащих сведений, а также совершение иных действий, умаляющих авторитет органов правопорядка и их сотрудников, в связи с осуществлением ими своей законной деятельности или из мести за такую деятельность. В приведенном определении к порочащим сведениям авторы относят не соответствующую действительности, т.е. объективно не подтвержденную, информацию о нарушении вышеуказанными субъектами действующего законодательства, моральных принципов, профессиональной этики, направленную на подрыв авторитета и умаление их чести, достоинства и деловой репутации.

Помимо приведенных ими специфических черт они указывают такие формы дискредитация, которые осуществляются путем обнародования не соответствующих действительности порочащих сведений в прессе, в теле- и радиоэфире, а также в сети Интернет, в печатных изданиях.

В этом контексте исследователями отмечается, что лидерами по публикационной активности компрометирующего и деструктивного контента являются ресурсы информационно-телекоммуникационной сети, включая веб-сайты и социальные сети, не обладающие официальным статусом средств массовой информации (далее – СМИ), которые значительно опережают традиционные медиа-каналы по объему охвата целевой аудитории, при этом нередко сохраняя анонимность. На обозначенную проблему неоднократно обращал внимание и сам глава МВД России, подчеркивая важность своевременного реагирования на попытки информационных вбросов с целью дискредитации ведомства и незамедлительного опровержения недостоверных сведений. Поскольку в условиях информационного общества дискредитация облекается в новые формы – через социальные сети, онлайн-платформы, масс-медиа, то чрезвычайно важно совершенствование методов и приемов борьбы с дезинформацией. Дискредитация ОВД России, приобретая массовый характер, перерастает в отдельное направление вещания нелояльных к силовому блоку государства сил, в том числе СМИ, формирующих негативное общественное мнение о ведомстве, что существенно осложняет условия работы личного состава.

Другие авторы (С.М. Воробьев[4], М.Е. Дубова[5], Р.Х Гафуров[6] и др.) дискредитацию ОВД России рассматривают как относительно массовое, исторически изменчивое, вечное, антиобщественное, высоколатентное негативное социальное явление, сформировавшееся в результате длительного, многоуровневого и системного процесса формирования негативного мнения об ОВД России путем совершения внутренними и внешними угрозоносителями публичных деяний, подрывающих авторитет ведомства и дестабилизирующих его работу, закономерным и неотвратимым последствием которых становится снижение общественного доверия к ОВД России, эффективности их правоохранительной деятельности[7].

Авторы в процессе исследования доказали о том, что по большому счету дискредитация состоит из двух слагаемых: внутренней и внешней. Данное положение служит основой описания типологии личности преступника, дискредитирующего ОВД России, а также основных факторов, детерминирующих преступность, сопряженную с дискредитацией.

Трудно не согласиться с мнением приведенных авторов в части классификации дискредитации, рекомендующих при углубленном ее изучении особое внимание следует обращать и на ее внешнюю составляющую, ибо без всестороннего исследования которой трудно представить современное состояние и тенденции развития рассматриваемого социально-правового явления. По их мнению, преступность, сопряженную с внешней дискредитацией ОВД, характеризуют: аналитические обзоры (информационно-аналитические справки), отражающие результаты деятельности органов, подразделений и организаций МВД России по защите от дискредитации, включая положительную практику судебной защиты от дискредитации ОВД и их сотрудников с приложенными судебными решениями в защиту деловой репутации ОВД и судебными решениями в защиту чести, достоин-

[1] Васильев Э.А., Дьяченко Н.Н. Субъекты дискредитации сотрудников органов внутренних дел //Вестник Нижегородской академии МВД России.2019, № 4 (48).
[2] Дьяченко Н.Н. Формы и виды дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2013, № 3. – С.56.
[3] Шамаев А.М. Некоторые вопросы противодействия дискредитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, участвующих в контртеррористических операциях на территории Северо-Кавказского федерального округа // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 120—122.
[4] Воробьев С.М. К вопросу о понятии дискредитации деятельности уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 18—21.
[5] Дубова М. Е. Дискредитация органов внутренних дел: уголовно-правовой и терминологический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 192—198; *она же.* Современное состояние и тенденции преступности, сопряженной с внешней дискредитацией органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 160–166.
[6] Гафуров Р.Х. Специфика оперативно-розыскной деятельности подразделений собственной безопасности в сфере защиты сотрудников полиции органов внутренних дел от преступных посягательств, связанных с дискредитацией // Оперативно-розыскная работа, 2024, № 2 (252). С. 4-12.
[7] Дубова М. Е. Дискредитация органов внутренних дел: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2025. С. 13.

ства и деловой репутации сотрудников ОВД, а также аналитические обзоры практики оказания им правовой и психологической помощи.

Среди специалистов различных областей знаний существует и такая позиция, которые утверждают, что **д**искредитацию ОВД России можно рассматривать и как негативное криминогенное фоновое явление[1], не являющееся преступным, но создающее благоприятную обстановку для существования и распространения преступности. Оно сопряжено со взяточничеством, проблемами злоупотребления служебными полномочиями и их превышения сотрудниками, укрывательством преступлений, нарушением законных прав, свобод и интересов граждан[2].

Укажем при этом наиболее заметные тенденции: увеличение в общей структуре доли должностной и коррупционной преступности при уменьшении доли преступлений в сфере экономики; снижение уровня латентности. Неизменной чертой продолжает оставаться преимущественно корыстный характер совершаемых деяний. Исследователями определены отличительные черты и тенденции преступности, сопряженной с внешней дискредитацией ОВД России, на современном этапе: а) высокая латентность; б) очевидная зависимость динамики от происходящих социальных, экономических, политических процессов в стране.

Одновременно с этим дискредитация ОВД России, как мы уже отмечали, проявляется в посягательствах на честь и достоинство сотрудников, деловую репутацию ведомства, что снижает его авторитет в глазах общественности.

В заключение отметим следующее.

Во-первых, мы отдаем себе отчет в том, что не все положения, высказанные в настоящей статье, бесспорны. Отдельные из них, по нашему мнению, носят дискуссионный (полемический) характер и нуждаются в дальнейшем обсуждении по результатам дополнительного изучения.

Во-вторых, без преувеличения следует отметить, что многие суждения, приведенные в статье, получили в такой постановке впервые, что является немаловажным для подобного рода работ. В связи с этим читатели могут высказать по ним свое собственное мнение. Мы будем рады за помощь и заранее благодарны за это.

В-третьих, разработка частной теории организации противодействия дискредитации может послужить ответом на те вызовы и угрозы, с которыми столкнулись подразделения собственной безопасности системы МВД России в условиях цифровой трансформации. Данная теория станет неотъемлемой частью общей теории ОРД, между тем она, на наш взгляд, имеет свой собственный предмет и метод.

В-четвертых, сформулированные в настоящей статье положения далеко не исчерпывают всех аспектов проблемы, связанной с дискредитацией системы МВД России, но они, по мнению автора, могут быть использованы в качестве исходных посылок для дальнейшего углубленного их исследования в рамках научно-квалификационных работ.

Список литературы:

1. Иванов П.И. Сущность дискредитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Закон и право. 2024, № 1. С.195-200.
2. Иванов П.И. Что означает дискредитация сотрудников ОВД и как ее нейтрализовать? // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 299-309.
3. Васильев Э.А., Дьяченко Н.Н. Субъекты дискредитации сотрудников органов внутренних дел //Вестник Нижегородской академии МВД России.2019, № 4 (48).
4. Дьяченко Н.Н. Формы и виды дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2013, № 3. – С.56.
5. Шамаев А.М. Некоторые вопросы противодействия дискредитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, участвующих в контртеррористических операциях на территории Северо-Кавказского федерального округа // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 120—122.
6. Воробьев С.М. К вопросу о понятии дискредитации деятельности уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 18—21.
7. Дубова М. Е. Дискредитация органов внутренних дел: уголовно-правовой и терминологический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 192—198.
8. Дубова М. Е. Современное состояние и тенденции преступности, сопряженной с внешней дискредитацией органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 160–166.
9. Гафуров Р.Х. Специфика оперативно-розыскной деятельности подразделений собственной безопасности в сфере защиты сотрудников полиции органов внутренних дел от преступных посягательств, связанных с дискредитацией // Оперативно-розыскная работа, 2024, № 2 (252). С. 4-12.
10. Дубова М. Е. Дискредитация органов внутренних дел: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2025. С. 13.

References:

1. Ivanov P.I. The essence of discrediting employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Law and Law. 2024, No. 1. pp.195-200.
2. Ivanov P.I. What does discrediting of police officers mean and how to neutralize it? // Agrarian and land law. 2025. No. 5. pp. 299-309.
3. Vasiliev E.A., Dyachenko N.N. Subjects of discrediting law enforcement officers //Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.2019, № 4 (48).
4. Dyachenko N.N. Forms and types of discrediting law enforcement officers // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013, No. 3. – p.56.
5. Shamaev A.M. Some issues of countering the discrediting of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation participating in counter-terrorism operations on the territory of the North Caucasus Federal District // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 3. pp. 120-122.
6. Vorobyov S.M. On the issue of the concept of discrediting the activities of the penal enforcement system // Man: crime and punishment. 2016. No. 3 (94). pp. 18-21.
7. Dubova M. E. Discrediting of internal affairs bodies: criminal law and terminological aspect // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (58). pp. 192-198.
8. Dubova M. E. The current state and trends of crime associated with external discrediting of internal affairs bodies // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (64). pp. 160-166.
9. Gafurov R.H. The specifics of the operational investigative activities of internal security units in the field of protecting police officers of internal affairs bodies from criminal attacks related to discrediting // Operational investigative work, 2024, No. 2 (252). pp. 4-12.
10. Dubova M. E. Discrediting of internal affairs bodies: criminallegal and criminological aspects // Abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Nizhniy Novgorod. 2025. p. 13.

[1] Под негативным криминогенным фоновым явлением мы подразумеваем допреступную форму социально отклоняющегося поведения.
[2] Здесь речь идет о криминальной самодискредитации отдельными сотрудниками ОВД.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_469

О РОЛИ КООРДИНАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
ON THE ROLE OF THE COORDINATING FUNCTION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES TO COMBAT CRIME

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна
ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России.
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».
e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna
Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying, Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a".
e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

ГОРОВОЙ Владислав Викторович
ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА
117342, Россия, г. Москва, ул. Введенского, 1 «а».
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России.
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».
e-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru

GOROVOY Vladislav Viktorovich
Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Imprisonment Sentences and the Study of Penitentiary Crime at the Center for Security Research in institutions of the penal system Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow Federal Law Academy
117342, Russia, Moscow, st. Vvedensky, 1 "a".
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a"
e-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются вопросы координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Раскрываются цели, формы и методы координационной деятельности, а также ключевые сферы, где межведомственное взаимодействие под руководством прокуратуры носит наиболее системный и востребованный характер. На основании проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что несмотря на существующие проблемы формализма и ресурсных ограничений, практика последних лет подтверждает востребованность и результативность координационной деятельности прокуратуры. Статистика совместных операций, количество предотвращенных преступлений и объем возмещенного ущерба свидетельствуют о ее практической пользе. В перспективе эффективность координации будет напрямую зависеть от способности прокуратуры трансформироваться из административного координатора-распорядителя в интеллектуально-аналитический центр, способный на основе больших данных и глубокого анализа предлагать опережающие, комплексные решения для всех участников совместной борьбы с преступностью.*

Abstract: *The article discusses the issues of coordination by the prosecutor's office of the activities of law enforcement agencies in combating crime. The objectives, forms and methods of coordination activities are revealed, as well as key areas where interdepartmental cooperation under the leadership of the prosecutor's office is the most systematic and in-demand. Based on the conducted research, the authors conclude that despite the existing problems of formalism and resource constraints, the practice of recent years confirms the relevance and effectiveness of the coordination activities of the prosecutor's office. Statistics on joint operations, the number of crimes prevented, and the amount of damage recovered attest to its practical benefits. In the future, the effectiveness of coordination will directly depend on the ability of the prosecutor's office to transform itself from an administrative coordinator into an intellectual and analytical center capable of offering advanced, comprehensive solutions based on big data and in-depth analysis for all participants in the joint fight against crime.*

Ключевые слова: *органы прокуратуры, координационная деятельность органов прокуратуры, правоохранительные органы.*
Key words: *prosecutor's offices, coordination activities of prosecutor's offices, law enforcement agencies.*

Для цитирования*: Прихожая Л.Е., Горовой В.В. О роли координационной функции прокуратуры в деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 469-473. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_469.*
For citation*: Prikhozhayay L.E., Gorovoy V.V. On the role of the coordinating function of the Prosecutor's Office in the activities of law enforcement agencies to combat crime // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 469-473. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_469.*

Статья поступила в редакцию: 19.02.2026

В условиях многосубъектности системы правоохранительных органов Российской Федерации координация их деятельности является объективной необходимостью для обеспечения целостности и эффективности борьбы с преступностью. Согласно ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, органов исполнения наказаний и таможенных органов [1].

Координация предполагает построение системы взаимодействий между субъектами, поскольку без наличия устойчивых взаимосвязей и рабочих отношений она не может быть эффективно реализована [2, с. 120].

Координационная функция прокуратуры имеет прочное законодательное закрепление, формирующее ее легитимность и определяющее рамки деятельности, а именно:

1) в статье 71 Конституции Российской Федерации закладывается основа для надведомственного статуса прокуратуры и единой централизованной системы, способной выполнять координирующую роль на всей территории страны;

2) в статье 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» определен круг участников координации (правоохранительные органы) и сформулированы основные задачи: разработка совместных мер, проведение скоординированных действий, обмен информацией, подготовка предложений по предупреждению преступности.

3) приказ Генерального прокурора РФ от 27.12.2021 № 946 «Об организации координационной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по борьбе с преступностью» актуализировал подходы к координации в современных условиях, конкретизировал полномочия прокуроров всех уровней, формы взаимодействия (координационные совещания, рабочие группы, совместные планы) и требования к информационно-аналитическому обеспечению этой работы. Именно этот приказ заложил основу для более активного и предметного участия прокуратуры в организации межведомственного взаимодействия.

4) соглашения о взаимодействии между Генеральной прокуратурой РФ и федеральными правоохранительными ведомствами (МВД, ФСБ, СК РФ, ФСИН и др.), а также между нижестоящими прокуратурами и их территориальными подразделениями. Эти документы носят рамочный характер и определяют технические процедуры совместной работы, порядок обмена данными и взаимного информирования. Например, Соглашение между Генпрокуратурой и МВД России детализирует взаимодействие при проведении проверок по сообщениям о преступлениях.

Система целей координационной деятельности вытекает из ее надведомственной природы и направлена на преодоление ведомственной разобщенности. Так, к основным целям относятся:

1. Повышение эффективности совместных усилий правоохранительных органов в борьбе с преступностью за счет синергетического эффекта, когда объединенные ресурсы и компетенции дают результат, превышающий сумму отдельных действий.

2. Выработка единой стратегии и тактики противодействия преступным проявлениям, особенно в новых, транснациональных и латентных сферах (киберпреступность, экологические преступления, легализация криминальных доходов), где требуется комплексный подход, невозможный в рамках одного ведомства.

3. Устранение дублирования и параллелизма в работе, оптимизация использования сил и средств. Координация призвана предотвратить ситуацию, когда несколько органов независимо друг от друга проводят одни и те же проверочные мероприятия в отношении одного объекта, что ведет к неэффективной трате ресурсов и создает чрезмерную нагрузку на бизнес и граждан.

4. Обеспечение законности в деятельности всех участников координации. Прокуратура, координируя деятельность, одновременно осуществляет надзор за тем, чтобы действия правоохранительных органов не выходили за правовые рамки, не нарушали права и свободы человека и гражданина.

5. Укрепление взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений, носящих межрегиональный или межведомственный характер. Например, для расследования дела о контрабанде необходимы усилия ФТС (таможенный контроль), ФСБ (контрразведывательное обеспечение, внешняя разведка каналов) и СК РФ (следствие).

6. Создание единого информационно-аналитического пространства для объективной оценки криминальной ситуации и планирования оперативно-служебной деятельности. Прокуратура, обобщая данные от всех ведомств, получает наиболее полную картину преступности и может выявлять системные риски и тенденции [3, с.54].

Для практической реализации своих координационных полномочий прокуратура использует комплекс взаимосвязанных организационно-правовых форм и методов. Их системное применение направлено на обеспечение согласованности действий правоохранительных органов, концентрацию ресурсов на приоритетных направлениях борьбы с преступностью и устранение ведомственных барьеров. К указанным формам относятся:

1. Координационные совещания руководителей правоохранительных органов.

Данная форма является высшей и наиболее институционализированной в системе координации. Совещания проводятся на всех уровнях публичной власти: федеральном (под руководством Генерального прокурора РФ или его заместителя), межрегиональном (в федеральных округах), региональном (в субъектах РФ) и местном (в городах и районах). Их периодичность, как правило, является ежеквартальной, однако проведение внеочередных заседаний возможно в связи с возникновением кризисной или чрезвычайной оперативной обстановки [4, с. 62].

Особенность данного вида координационной деятельности заключается в возможности привлечения к участию в процессе не только классические субъекты рассматриваемого взаимодействия, такие как органы внутренних дел, органы безопасности, но и сторонние лица, привлеченные с целью повышения эффективности работы по данному направлению. Так, среди приглашенных экспертов и специалистов часто можно увидеть лиц с

высоким уровнем квалификации по юридической специальности, зачастую, кандидаты и доктора юридических наук [5, с. 113].

На совещаниях, проводимых под председательством соответствующего прокурора, заслушиваются аналитические доклады о состоянии законности и динамике преступности, отчеты руководителей правоохранительных ведомств о проделанной работе и выполнении ранее принятых решений. Результатом каждого совещания является протокол, содержащий перечень конкретных поручений с установлением сроков исполнения и персональной ответственности должностных лиц.

На заседании Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Уральского федерального округа в I квартале 2023 года по инициативе прокуратуры была поставлена задача разработки комплексного плана противодействия стремительному росту кибермошенничества. В результате были созданы межведомственные оперативные группы из сотрудников МВД, ФСБ и Роскомнадзора, налажен механизм оперативного обмена информацией о новых схемах обмана, а также запущена широкомасштабная информационная кампания в средствах массовой информации. По итогам 2023 года число раскрытых преступлений данной категории в округе увеличилось на 18% при общем снижении уровня их латентности, что свидетельствует о результативности скоординированных действий [6].

2. Создание межведомственных рабочих (оперативных) групп.

Это гибкая, динамичная и целевая форма координации, применяемая для решения конкретной оперативной или следственной задачи. Рабочие группы создаются для расследования резонансного преступления, нейтрализации отдельной организованной преступной группы или проведения масштабной профилактической операции.

В состав группы включаются наиболее квалифицированные оперативные сотрудники, следователи, аналитики и эксперты из различных заинтересованных ведомств. Общее руководство и координацию действий внутри группы, как правило, осуществляет назначенный прокурор, что обеспечивает единое понимание правовых рамок, процессуальную чистоту операций и приоритет следственных версий.

В 2022 году по инициативе прокуратуры Красноярского края для борьбы с организованной преступной группой, занимавшейся незаконной заготовкой и контрабандой ценных пород древесины, была создана межведомственная рабочая группа. В ее состав вошли сотрудники МВД (оперативная разработка), ФСБ (контрразведка и работа по внешним каналам), Росгвардии (силовое сопровождение) и Росприроднадзора (экспертиза и оценка ущерба). Централизованная координация под руководством прокуратуры позволила синхронизировать действия и одновременно провести силовые задержания, обыски на лесозаготовительных участках и в офисах фирм-посредников, а также таможенные проверки. В результате группировка была нейтрализована, а причиненный государству ущерб на сумму свыше 500 млн рублей взыскан в полном объеме [7].

3. Совместные плановые и целевые мероприятия.

Прокуратура выступает инициатором и организатором масштабных скоординированных действий как на регулярной, так и на разовой основе.

По данным официальной статистики, в 2024 году по инициативе органов прокуратуры по всей стране было проведено свыше 25 000 совместных целевых и профилактических мероприятий. Они носят как превентивный характер (рейды по местам досуга молодежи, проверки объектов торговли), так и оперативно-розыскной (комплексные операции по задержанию сбытчиков наркотиков, участников ОПГ) [7].

Всероссийская ежегодная оперативно-профилактическая операция «Мак», координируемая Генпрокуратурой и МВД России. Она консолидирует усилия не только полиции и органов наркоконтроля, но и ФСБ (перекрытие трансграничных каналов поставки), Росгвардии (охрана общественного порядка), Роспотребнадзора (контроль за оборотом прекурсоров) и органов власти субъектов РФ. В 2023 году в ходе операции было уничтожено несколько тысяч гектаров дикорастущей конопли и мака, что нанесло существенный удар по сырьевой базе наркопреступности внутри страны.

4. Организация обмена информацией и проведение совместных аналитических исследований.

Данное направление составляет интеллектуально-аналитическую основу всей координационной деятельности. Прокуратура выступает в роли центра консолидации разрозненных ведомственных данных и их анализа в общегосударственных интересах.

Прокуратура систематически формирует и направляет в правоохранительные органы сводные информационно-аналитические справки, обзоры криминогенной обстановки, прогнозы развития отдельных видов преступности. На основе этого анализа выявляются проблемные зоны – территории или сферы деятельности, где наблюдается необоснованное снижение регистрируемой преступности или, напротив, рост ее латентных проявлений.

По итогам глубокого анализа, проведенного прокуратурой Московской области в 2022 году, была выявлена устойчивая тенденция роста мошенничеств с использованием социальных сетей и мессенджеров. На региональном координационном совещании прокуратура представила детальную аналитику, на основании которой было принято решение о двух ключевых мерах:

- усилении взаимодействия оперативных подразделений МВД с Роскомнадзором и администрациями интернет-платформ для оперативного блокирования фишинговых ресурсов;
- запуске совместной с правоохранительными органами и СМИ масштабной правопросветительской кампании, разъясняющей населению типовые схемы дистанционного обмана [7].

5. Издание совместных правовых актов и методических рекомендаций.

Для преодоления ведомственных коллизий в правоприменении и унификации процессуальных и оперативных подходов прокуратура инициирует разработку и издание совместных нормативных и методических документов.

Совместный приказ Генпрокуратуры РФ № 82, МВД России № 398 и СК России № 48 от 2021 года утвердил «Инструкцию по организации взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом средств платежа». До его принятия существовали значительные проблемы с разграничением компетенции и передачей материалов между полицией (дознание) и Следственным комитетом (следствие) по делам о банковском мошенничестве, что вело к волоките. Инструкция детально регламентировала процедуры, сроки и формы взаимодействия, что, по экспертным оценкам, сократило время передачи дел в производство в среднем на 30% и способствовало повышению их раскрываемости.

Эффективность прокурорской координации реализуется через конкретные приоритетные направления, сформированные текущей криминогенной обстановкой и государственной политикой в сфере обеспечения законности. Анализ статистики и практики за 2022–2024 годы позволяет выделить ключевые сферы, где межведомственное взаимодействие под руководством прокуратуры носит наиболее системный и востребованный характер. Рассмотрим указанные сферы более подробно.

Координация в сфере противодействия экономической и коррупционной преступности. Данное направление является одним из наиболее приоритетных и институционально сложных, поскольку в нем пересекаются интересы и компетенции целого ряда силовых и контролирующих органов: Следственного комитета РФ, МВД России, ФСБ России и ФНС России. Координация направлена на защиту экономической безопасности государства, бюджетных интересов и прав добросовестных предпринимателей.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 году в рамках скоординированной деятельности правоохранительных органов было выявлено свыше 120 тысяч преступлений экономической направленности. При этом возмещенный материальный ущерб достиг рекордного показателя – более 400 млрд рублей. Координационные советы на всех уровнях стали ключевой площадкой для выработки конкретных мер по декриминализации предпринимательской среды, защите имущественных прав субъектов бизнеса и государства от рейдерских захватов, мошеннических схем и нецелевого использования бюджетных средств [7].

Ключевая проблема – ведомственная конкуренция. Существенной трудностью остается конкуренция между следственными органами СК РФ, МВД и ФСБ за расследование так называемых «выгодных» составов преступлений (крупные мошенничества, растраты, коррупционные сделки), что зачастую связано с ведомственными показателями эффективности. Прокуратура вынуждена активно разрешать споры о подследственности, выступая в роли арбитра и не допуская «перетягивания» дел, что в определенной степени отвлекает ресурсы от работы по их расследованию.

Координация в сфере борьбы с организованной преступностью и экстремизмом. Противодействие организованным преступным формированиям (ОПФ), особенно носящим межрегиональный и транснациональный характер, изначально требует тесной консолидации оперативных, следственных и аналитических ресурсов различных ведомств. Деятельность таких группировок часто носит диверсифицированный характер, затрагивая сферы наркотрафика, незаконного оборота оружия, легализации преступных доходов и экстремистской деятельности, что делает межведомственную координацию объективной необходимостью.

В 2022 году под координирующим руководством прокуратуры Дальневосточного федерального округа были объединены усилия Приморского УВД МВД (работа на суше), УФСБ по Приморскому краю (контрразведывательное обеспечение и проработка трансграничного аспекта) и подразделений Береговой охраны ФСБ России для пресечения деятельности международной ОПГ, занимавшейся масштабной контрабандой морепродуктов в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Синхронизированная разработка привела к одновременным задержаниям на судах, в портах и на рыбоперерабатывающих заводах, аресту 35 активных членов группировки и возбуждению уголовного дела по ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества).

Координация в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Борьба с наркопреступностью носит комплексный характер, охватывая блокировку трансграничных каналов поставки, пресечение внутреннего сбыта, уничтожение сырьевой базы, профилактику потребления и социальную реабилитацию. Роль прокуратуры заключается в организации взаимодействия всех участников этого процесса.

В 2023 году в результате скоординированных действий МВД, ФСБ и ФТС России из незаконного оборота было изъято более 25 тонн наркотических средств и психотропных веществ. Особое внимание уделяется борьбе с современными вызовами: синтетическими наркотиками, распространяемыми через систему «закладок», что требует тесной интеграции киберподразделений МВД и ФСБ. Прокуратура также инициирует межведомственные проверки легального оборота прекурсоров в аптечных сетях, на химических и фармацевтических предприятиях, а также координирует рейды по выявлению и ликвидации притонов и мест сбыта [7].

Координация в сфере защиты прав несовершеннолетних и профилактики подростковой преступности. Это направление выходит за рамки сугубо правоохранительной деятельности и приобретает ярко выраженный социально-профилактический характер, требуя вовлечения широкого круга государственных и общественных институтов.

По инициативе прокуратуры Волгоградской области в 2023 году была разработана и реализована межведомственная программа «Подросток и закон». В ее исполнение были вовлечены не только МВД и СК, но и органы образования (школы, колледжи), опеки и попечительства, социальной защиты, спортивные учреждения и некоммерческие организации. Программа включала: совместные рейды полиции и педагогов по местам скопления молодежи; интерактивные правовые мероприятия в образовательных учреждениях; консультации психологов для подростков группы риска; организацию доступных спортивных секций. Результатом комплексного подхода стало сокращение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними в регионе, на 12%, а также уменьшение на 8% количества подростков, поставленных на профилактический учет [7].

Таким образом, координационная деятельность прокуратуры является системообразующим элементом, обеспечивающим единство и целенаправленность действий разнородных правоохранительных структур России. Несмотря на существующие проблемы формализма и ресурсных ограничений, практика последних лет подтверждает востребованность и результативность этой функции. Статистика совместных операций, количество предотвращенных преступлений и возмещенный ущерб в сотни миллиардов рублей свидетельствуют о ее практической пользе. В перспективе эффективность координации будет напрямую зависеть от способности прокуратуры трансформироваться из административного координатора-распорядителя в интеллектуально-аналитический центр, способный на основе больших данных и глубокого анализа предлагать опережающие, комплексные решения для всех участников совместной борьбы с преступностью. Укрепление этого направления, его модернизация с помощью цифровых технологий и стратегического мышления – ключ к построению современной, гибкой и результативной системы национальной безопасности.

Список литературы:

1. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.
2. Бабенко С.В. Координационная деятельность органов прокуратуры по борьбе с преступностью // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 4 (131). С. 119-121.
3. Кожевников С.Н. Прокурорский надзор в механизме разделения властей в России: монография. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2022. 312 с.
4. Гаврилов С.Н. Координационная деятельность прокуратуры по борьбе с преступностью: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2021. 210 с.
5. Кузьмина Ю.В. О роли прокуратуры в механизме координационной деятельности // Интерактивная наука. 2023. № 2 (78). С. 113-114.
6. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе : http://uralfo.gov.ru/ (дата обращения : 16.01.2026).
7. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации: https://genproc.gov.ru (дата обращения: 16.01.2026).

References:

1. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law No. 2202-1 of 17.01.1992 // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation. The Federation and the Supreme Council grew. Federation. 1992. No. 8. Art. 366.
2. Babenko S.V. Coordination activities of the prosecutor's office to combat crime // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2021. No. 4 (131). pp. 119-121.
3. Kozhevnikov S.N. Prosecutorial supervision in the mechanism of separation of powers in Russia: a monograph. St. Petersburg: R. Aslanov Publishing house "Legal Center Press", 2022. 312 p.
4. Gavrilov S.N. Coordination activities of the prosecutor's office in combating crime: theory and practice. Moscow: Yurlitinform, 2021. 210 p.
5. Kuzmina Yu.V. On the role of the prosecutor's office in the mechanism of coordination activities // Interactive science. 2023. No. 2 (78). pp. 113-114.
6. Official website of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Ural Federal District : http://uralfo.gov.ru / (date of access : 16.01.2026).
7. Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation: https://genproc.gov.ru (date of request: 16.01.2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_474

УДК 343.3/.7

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА РФ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ
THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF TERMINATION OF RUSSIAN CITIZENSHIP IN THE CONTEXT OF ENSURING NATIONAL SECURITY AND COUNTERING TERRORISM AND EXTREMISM

БЕШУКОВА Зарема Муратовна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса,
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет».
385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.
E-mail: Zarema_b2008@mail.ru;

ХАКОНОВА Ирина Байзетовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса,
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет».
385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.
E-mail: Khakonova77@mail.ru;

ШАДЖЕ Марина Гидовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса,
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет».
385000, Россия, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.
E-mail: Marina.sh050@mail.ru

BESHUKOVA Zarema Muratovna,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Adygea State University".
208 Pervomayskaya St., Maykop, Republic of Adygea, 385000, Russia.
E-mail: Zarema_b2008@mail.ru ;

KHAKONOVA Irina Baizetovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Adygea State University".
385000, Russia, Republic of Adygea, Maykop, Pervomaiskaya str., 208.
E-mail: Khakonova77@mail.ru;

SHADJE Marina Gidovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Adygea State University".
385000, Russia, Republic of Adygea, Maykop, Pervomaiskaya str., 208.
E-mail: Marina.sh050@mail.ru

Краткая аннотация: *статья посвящена анализу института прекращения гражданства Российской Федерации как инструмента обеспечения национальной безопасности, противодействия терроризму и экстремизму. Раскрываются исторические предпосылки возникновения данного института, а также анализируется законодательный опыт его формирования в советский период. Представлена авторская модель периодизации развития института прекращения приобретенного гражданства, демонстрирующая эволюцию законодательных подходов в современной России. Формулируются выводы о трансформации и значимости института прекращения гражданства в контексте защиты национальных интересов, обеспечения национальной безопасности и противодействия угрозам терроризма и экстремизма.*

Abstract: *The article is devoted to the analysis of the institution of termination of citizenship of the Russian Federation as an instrument for ensuring national security, countering terrorism and extremism. The historical prerequisites for the emergence of this institution are revealed, as well as the legislative experience of its formation during the Soviet period is analyzed. The author's model of periodization of the development of the institution of termination of acquired citizenship is presented, demonstrating the evolution of legislative approaches in modern Russia. Conclusions are drawn about the transformation and importance of the institution of termination of citizenship in the context of protecting national interests, ensuring national security and countering the threats of terrorism and extremism.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, государственная безопасность, национальные интересы, гражданство, противодействие терроризму, противодействие экстремизму, экстремистская деятельность, террористическая деятельность, преступления экстремистской направленности, денатурализация, прекращение гражданства, утрата гражданства, Конвенция о сокращении безгражданства, лишение гражданства, отмена гражданства, безопасность, отмена решения по вопросам гражданства, безгражданство, натурализация, общественная безопасность, терроризм, террористический акт, экстремизм, борьба с терроризмом, обеспечение безопасности, права человека, право на гражданство, миграция.*

Keywords: *national security, state security, national interests, citizenship, countering terrorism, countering extremism, extremist activity, terrorist activity, extremist crimes, denaturalization, termination of citizenship, loss of citizenship, Convention on the Reduction of Statelessness, deprivation of citizenship, revocation of citizenship, security, cancellation of citizenship decisions, statelessness, naturalization, public safety, terrorism, terrorist act, extremism, fight against terrorism, security, human rights, the right to citizenship, migration.*

Для цитирования*: Бешукова З.М., Хаконова И.Б., Шадже М.Г. Эволюция института прекращения гражданства РФ в контексте обеспечения национальной безопасности и противодействия терроризму и экстремизму // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 474-477. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_474.*

For citation*: Beshukova Z.M., Khakonova I.B., Shadje M.G. The evolution of the institution of termination of Russian citizenship in the context of ensuring national security and countering terrorism and extremism // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 474-477. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_474.*

Статья поступила в редакцию: 19.02.2026

Вопросы обеспечения национальной безопасности, а также проблемы противодействия террористической и экстремистской деятельности на протяжении многих веков являлись [1, 2] и остаются одними из приоритетных направлений внутренней политики большинства стран мира [3, 4, 5, 6]. В эпоху глобализации, бесконтрольных миграционных потоков и цифровизации угрозы приобретают транснациональный характер, требуя от государств максимально эффективного реагирования. В ответ на эти вызовы государства постоянно разрабатывают и реализуют комплексные стратегии, включающие разнообразные механизмы и инструменты. Одним из таких инструментов выступает институт прекращения гражданства (денатурализации), применяемый к лицам, чьи действия представляют угрозу национальной безопасности, с целью минимизации внутренних рисков и предотвращения потенциальных угроз.

Во всем мире эффективность института прекращения гражданства является предметом научного спора. Одни исследователи полагают, что денатурализация действительно способна укрепить национальную безопасность путем удаления лиц, представляющих угрозу, тем самым снижая риски рецидива. Другие предупреждают о возможных негативных последствиях: маргинализация лишенных гражданства лиц может дополнительно стимулировать их радикализацию. Кроме того, практика прекращения гражданства способна ухудшить дипломатические отношения: страны происхождения часто отказываются принимать депортированных лиц. Без внимания ученых не остается и такая проблема как отсутствие единого международного стандарта процедуры прекращения приобретенного гражданства, которая имеет существенные различия в национальных законодательствах.

При этом необходимо отметить, что институт прекращения гражданства не является изобретением современного мира – он имеет глубокие исторические корни и неоднократно применялся в различных правовых системах. Показателен опыт советского периода: в Уголовном кодексе РСФСР редакции 1926 года лишение гражданства применялось в качестве меры социальной защиты в отношении лиц, совершивших контрреволюционные преступления. Здесь целесообразно выделить три существенных аспекта. Во-первых, меры социальной защиты представляли собой альтернативный институт, специально закрепленный в этом кодексе вместо традиционного уголовного наказания. Во-вторых, лишение гражданства являлось наиболее строгим видом из всех мер социальной защиты, предусмотренных УК РСФСР редакции 1926 года (ст. 20). В-третьих, комплексный анализ составов контрреволюционных преступлений позволяет заключить, что их признаки во многом совпадали с характеристиками деяний, которые сегодня квалифицируются как преступные проявления террористической и экстремистской деятельности [7].

Таким образом, институт прекращения гражданства – это инструмент с достаточно длительной историей применения в целях обеспечения национальной безопасности и противодействия терроризму. Однако именно в последние десятилетия он активно используется как в России, так и в ряде зарубежных стран, став частью глобального тренда, обусловленного миграционными кризисами, развитием цифровых технологий и ростом транснационального терроризма. Кроме того, многие государства и по настоящее время продолжают пересматривать свои подходы к регулированию гражданства, расширяя основания для его прекращения в целях противодействия терроризму и экстремизму. Например, в Конгресс США в январе 2026 г. внесен законопроект — Stop Citizenship Abuse and Misrepresentation Act (SCAM Act), согласно которому, «для всех бывших иммигрантов, получивших гражданство США не по праву рождения, фактически вводится десятилетний испытательный срок. В случае его неисполнения человек может потерять гражданство США, даже если на этот момент оно окажется у него единственным» [8].

В современной России институт прекращения гражданства прошел несколько ключевых этапов развития. Рассмотрим их подробнее.

Первый этап. В первоначальной редакции ранее действовавшего в России специального закона — Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» — прекращение гражданства по инициативе государства допускалось в единичном случае: решение о приобретении гражданства *отменялось*, если оно было принято на основании подложных документов или заведомо ложных сведений, предоставленных заявителем.

Второй этап. В 2017 году Федеральный закон № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации" и статьи 8 и 14 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации"» расширил перечень оснований отмены решений по вопросам гражданства путем конкретизации общего основания – сообщения заведомо ложных сведений. Таким образом, в число оснований отмены решений по вопросам гражданства Российской Федерации *специально* были включены следующие случаи:

- если заявитель не имел намерения выполнять обязанности граждан РФ, а цель приобретения гражданства заключалась в осуществлении деятельности, угрожающей основам конституционного строя Российской Федерации. Решение о приобретении гражданства подлежит отмене, поскольку это расценивается как сообщение заявителем заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию и законодательство РФ.

- Если вступившим в законную силу приговором суда установлен факт совершения лицом хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных ст. 205, 205.1, ч. 2 ст. 205.2, ст. 205.3-205.5, 206, 208, ч. 4 ст. 211, ст. 281, 282.1-282.3 и 361 УК РФ, либо хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных ст. 277-279 и 360 УК РФ, если их совершение сопряжено с осуществлением террористической деятельности. Это также приравнивается к сообщению заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию и законодательство РФ, соответственно и решение о приобретении гражданства подлежит отмене.

Как видим, в приведенном перечне преступлений все деяния, предусмотренные восемнадцатью статьями УК РФ, являются проявлениями террористической и экстремистской деятельности, что позволяет сделать вывод, что законодатель названными выше изменениями напрямую связал отмену гражданства с противодействием терроризму и экстремизму.

В контексте этого важно отметить, что в новой редакции Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344, прекращение приобретенного гражданства (отмена решений по вопросам

гражданства) в целях противодействия экстремизму не упоминалось. При этом соответствующие изменения в закон, определяющий основания, условия и порядок приобретения и прекращения гражданства Российской Федерации, были внесены в 2017 году.

Специальное указание на принятие мер, направленных на прекращение приобретенного гражданства, в качестве одного из основных направлений государственной политики в сфере противодействия экстремизму в области государственной миграционной политики появилось лишь в следующем подобном документе стратегического планирования – Стратегии противодействия экстремизму, утвержденной указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124, то есть после принятия нового специального закона, регулирующего отношения в области гражданства.

Кроме того, необходимо отметить, что новеллы 2017 года, являющиеся нормативной конкретизацией ранее введенного положения об отмене решения о приобретении лицом гражданства, стали предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ в 2021 году.

В контексте рассматриваемого вопроса важно, что Конституционный Суд РФ указал, что «отмена решения о приобретении лицом гражданства Российской Федерации в связи с установлением судом факта сообщения этим лицом заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и российское законодательство или в связи с приравненным к нему установлением вступившим в законную силу приговором суда факта совершения хотя бы одного из преступлений (приготовления к нему или покушения на него), перечисленных в части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», *не выступает мерой ответственности, а по своей правовой природе представляет конституционно-восстановительную меру*» (курсив наш. – авт.) [9].

Это ключевое разграничение имеет большое значение, поскольку исключает возможность трактовки прекращения гражданства как наказания, подчеркивает превентивный характер данного института, восстанавливающего статус-кво, устраняя обман в процессе натурализации. Таким образом, в современном российском законодательстве прекращение гражданства не выступает санкцией, что по своей правовой природе принципиально отличает текущую модель от практики советского периода, где лишение гражданства имело явно карательный характер.

Третий этап. Следующий этап развития института прекращения гражданства в России берет начало с 2023 года и характеризуется значительным расширением оснований для принудительного прекращения приобретенного гражданства. Ознаменован данный этап принятием нового специального закона, регулирующего отношения в области гражданства Российской Федерации, – Федерального закона от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее — Закон № 138-ФЗ).

Существенным нововведением в данном нормативном правовом акте явился переход от института аннулирования решений о приеме в гражданство к институту прекращения гражданства. Кроме того, согласно первоначальной редакции ч. 2 ст. 22 Закона № 138-ФЗ перечень оснований для прекращения приобретенного гражданства Российской Федерации по инициативе государства подвергся расширению. В него помимо имевших место в утратившем силу законе оснований было включено новое: совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Порядок прекращения гражданства Российской Федерации вследствие совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, регламентирован в статье 26 Закона № 138-ФЗ с одноименным названием. Гражданство прекращается по данному основанию, если гражданин Российской Федерации, приобретший гражданство Российской Федерации в результате признания гражданином Российской Федерации на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации или приема в гражданство Российской Федерации, совершил действия, создающие угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Факт совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ, устанавливается органами федеральной службы безопасности, о чем выносится заключение. При этом гражданство прекращается независимо от времени совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ, и даты выявления факта совершения таких действий.

В нормативных положениях Закона № 138-ФЗ не содержится определения того, что следует понимать под действиями, создающими угрозу национальной безопасности. В Приложении № 1 к приказу ФСБ России от 8 сентября 2023 г. № 399 «Об утверждении Порядка вынесения заключения об установлении факта совершения гражданином Российской Федерации, приобретшим гражданство Российской Федерации в результате признания гражданином Российской Федерации на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации или приема в гражданство Российской Федерации, действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, и формы такого заключения» указано, что «при определении угроз национальной безопасности Российской Федерации органы безопасности руководствуются положениями Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, документами стратегического планирования, в том числе Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, и доктринами, определяющими угрозы безопасности Российской Федерации, утвержденными Президентом Российской Федерации» [10].

Кроме того, в Законе № 138-ФЗ перечень преступлений, вследствие совершения которых прекращается приобретенное гражданство, был существенно расширен – как количественно, так и качественно. В изначальной редакции соответствующей ст. 24 перечень включал деяния, предусмотренные 64 статьями УК РФ, и состоял он не только из террористических и экстремистских преступлений, но и общеуголовных. В 2025 году количество преступлений, содержащихся в списке, вновь было увеличено и в настоящее время включает деяния, предусмотренные 78 статьями УК РФ (количество преступлений больше, поскольку данное число не включает деяния, предусмотренные частями той или иной статьи УК).

Резюмируя изложенное, можно сформулировать ряд выводов, отражающих эволюцию и значимость института прекращения гражданства в системе мер обеспечения национальной безопасности, противодействия терроризму и экстремизму. Во-первых, развитие данного института представляет собой закономерный и последовательный процесс адаптации правовой системы к меняющимся геополитическим реалиям и

растущим внутренним угрозам. Во-вторых, ключевым отличием современной российской модели от исторических аналогов выступает ее правовая природа как конституционно-восстановительной меры, а не карательной санкции. Такой подход не только минимизирует риски конституционных коллизий, но и усиливает легитимность института, позиционируя его (в определенной степени) как инструмент реституции договора, нарушенного обманом или антигосударственными действиями. В-третьих, расширение перечня преступлений, вследствие совершения которых прекращается приобретенное гражданство, отражает комплексный характер угроз, где экстремизм и терроризм переплетаются с организованной преступностью, незаконным оборотом оружия, наркотрафиком, государственной изменой и организацией незаконной миграции.

Таким образом, современная политика Российской Федерации демонстрирует тенденцию укрепления роли института прекращения приобретенного гражданства в борьбе с внутренними угрозами, что является вполне целесообразным в текущих геополитических реалиях.

Список литературы:

1. Бешукова З.М. Уголовная ответственность за экстремизм по Соборному уложению 1649 года // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 9-14.
2. Бешукова З.М., Джинджолия Р.С. Противодействие экстремизму в Интернете: роль и значение федерального списка экстремистских материалов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4. С. 288-290.
3. Бешукова З.М. Свобода выражения мнения и противодействие экстремизму (анализ опыта России и Канады) // Уголовное право. 2014. № 4. С. 118-121.
4. Бешукова З.М. Противодействие экстремизму в Интернете: международный, зарубежный и внутригосударственный аспекты // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6. С. 263-269.
5. Бешукова З.М. Противодействие экстремизму в странах азиатско-тихоокеанского региона: правовой опыт Сингапура // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5. С. 329-334.
6. Бешукова З.М. Соотношение права на свободу выражения своего мнения с запретом на возбуждение вражды (по материалам Европейского Суда по правам человека) // Общество и право. 2010. № 1. С. 268-274.
7. Бешукова З.М. Особенности регламентации ответственности за экстремизм по Уголовному кодексу РСФСР 1926 года // Национальная безопасность / nota bene. 2016. № 2. С. 221-227.
8. «Десять лет испытательного срока»: американское гражданство становится условным. URL: https://www.mk.ru/politics/2026/01/28/desyat-let-ispytatelnogo-sroka-amerikanskoe-grazhdanstvo-stanovitsya-uslovnym.html (дата обращения: 07.02.2026).
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации». URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision519666.pdf (дата обращения: 07.02.2026).
10. Приказ ФСБ России от 8 сентября 2023 г. № 399 «Об утверждении Порядка вынесения заключения об установлении факта совершения гражданином Российской Федерации, приобретшим гражданство Российской Федерации в результате признания гражданином Российской Федерации на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации или приема в гражданство Российской Федерации, действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, и формы такого заключения» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.09.2023 № 75353) // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Beshukova Z.M. Criminal liability for extremism according to the Cathedral Code of 1649 // Legal Science. 2016. No. 4. pp. 9-14.
2. Beshukova Z.M., Jinjolia R.S. Countering extremism on the Internet: the role and significance of the federal list of extremist materials // Law and the State: theory and practice. 2023. No. 4. pp. 288-290.
3. Beshukova Z.M. Freedom of expression and countering extremism (analysis of the experience of Russia and Canada) // Criminal Law. 2014. No. 4. pp. 118-121.
4. Beshukova Z.M. Countering extremism on the Internet: international, foreign and domestic aspects // Kriminalista Library. Scientific journal. 2013. No. 6. pp. 263-269.
5. Beshukova Z.M. Countering extremism in the countries of the Asia-Pacific region: Singapore's legal experience // Criminalist Library. Scientific journal. 2014. No. 5. pp. 329-334.
6. Beshukova Z.M. The relationship between the right to freedom of expression and the prohibition of incitement to hostility (based on the materials of the European Court of Human Rights) // Society and Law. 2010. No. 1. pp. 268-274.
7. Beshukova Z.M. Features of the regulation of responsibility for extremism under the Criminal Code of the RSFSR of 1926 // National Security / nota bene. 2016. No. 2. pp. 221-227.
8. "Ten years of probation": American citizenship becomes conditional. URL: https://www.mk.ru/politics/2026/01/28/desyat-let-ispytatelnogo-sroka-amerikanskoe-grazhdanstvo-stanovitsya-uslovnym.html (date of request: 02/07/2026).
9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 11, 2021 No. 183-O "On Refusal to accept for Consideration the request of the Supreme Court of the Republic of Karelia to verify the Constitutionality of Part Two of Article 22 of the Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation". URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision519666.pdf (date of request: 02/07/2026).
10. Order of the FSB of Russia dated September 8, 2023 No. 399 "On Approval of the Procedure for Issuing an Opinion on Establishing the Fact that a Citizen of the Russian Federation who Acquired Russian Citizenship as a Result of Recognition as a Citizen of the Russian Federation on the Basis of a Federal Constitutional Law, an International Treaty of the Russian Federation or Admission to Citizenship of the Russian Federation, acts that create a threat to the national security of the Russian Federation, and the forms of such a conclusion" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on September 27, 2023 No. 75353) // SPS "ConsultantPlus".

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_478

ПРАВОВОЙ СТАТУС И КОМПЕТЕНЦИИ СУБЪЕКТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ЗНАНИЙ
LEGAL STATUS AND COMPETENCIES OF SUBJECTS USING SPECIAL MEDICAL KNOWLEDGE

САГИДУЛЛИН Рафаэль Хамитович
к.м.н., доцент кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий.
450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
E-mail: sagidullin12@bk.ru
SAGIDULLIN Rafael Khamitovich
PHD, associate professor of the department of criminology, Ufa university of science and technology.
32 Zaki Validi Str., Ufa, 450076, Russia.
E-mail: sagidullin12@bk.ru

Краткая аннотация: *В данном обзоре анализируются правовой статус и компетенции субъектов, использующих специальные медицинские знания в судопроизводстве. Рассматриваются основные фигуры: врач-судебно-медицинский эксперт, судебно-медицинский эксперт и специалист, их права, обязанности и ответственность, установленные законодательством, профессиональными кодексами и судебными прецедентами. Обосновывается методическое разграничение судебно-экспертной деятельности и клинической практики. Анализируются проблемы профессиональной подготовки субъектов, включая недостаточность знаний (85,4% экспертов в Турции признали свою некомпетентность в гистопатологии), инфраструктурный дефицит (аккредитацию имеют лишь 6-8% лабораторий в Индии) и низкую научную грамотность юристов. Обсуждаются вопросы допустимости доказательств, стандарты оценки научной надежности, а также правовые вызовы, связанные с внедрением искусственного интеллекта и биометрических технологий. Выделяется необходимость укрепления междисциплинарной координации между медициной, правом и судебной наукой как условия обеспечения этической целостности и правовой ответственности.*

Abstract: *This review analyzes the legal status and competencies of subjects using special medical knowledge in legal proceedings. It examines the main figures-the forensic medical examiner, the forensic expert, and the specialist-their rights, duties, and responsibilities as established by legislation, professional codes, and judicial precedents. The methodological distinction between forensic expert activity and clinical practice is substantiated. The review analyzes problems of professional training of subjects, including knowledge deficiencies (85.4% of experts in Turkey admitted their incompetence in histopathology), infrastructural deficits (only 6-8% of laboratories in India are accredited), and low scientific literacy among lawyers. Issues of admissibility of evidence, standards for assessing scientific reliability, as well as legal challenges associated with the implementation of artificial intelligence and biometric technologies are discussed. The need to strengthen interdisciplinary coordination between medicine, law, and forensic science is highlighted as a condition for ensuring ethical integrity and legal accountability.*

Ключевые слова: *Судебно-медицинская экспертиза, правовой статус, компетенции, врач-судебно-медицинский эксперт, медицинская халатность, профессиональная подготовка, допустимость доказательств, искусственный интеллект, ДНК-дактилоскопия, междисциплинарное взаимодействие.*

Keywords *Forensic medical examination, legal status, competencies, forensic medical examiner, medical negligence, professional training, admissibility of evidence, artificial intelligence, DNA fingerprinting, interdisciplinary interaction.*

Для цитирования*: Сагидуллин Р.Х. Правовой статус и компетенции субъектов использования специальных медицинских знаний // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 478-481. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_478.*

For citation*: Sagidullin R.Kh. The legal status and competencies of the subjects of use special medical knowledge // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 478-481. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_478.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы

Современные правовые системы активно объединяют медицинские знания в судопроизводство. [1]. На стыке медицины, права и этики возникла целая область - судебная медицина и медицинская юриспруденция. Она отвечает за вопросы ответственности врачей и справедливости в здравоохранении [2]. Эффективность использования таких знаний напрямую зависит от четкого определения правового статуса и компетенций субъектов, их применяющих, а также от качества профессиональной подготовки данных специалистов.

Настоящее исследование направлено на решение трех взаимосвязанных задач: Определить правовой статус и круг полномочий тех, кто использует медицинские знания в суде (врач-судмедэксперт, судмедэксперт, специалист по судебно-медицинской экспертизе); разделить, где медицинские знания используются в рамках официальной судебной экспертизы, а где - в других случаях (например, когда врач помогает следствию как специалист, но экспертизу не проводит) ; выявить проблемы в обучении этих специалистов и оценить, как эти проблемы сказываются на качестве судебных решений.

Правовой статус и компетенции субъектов использования специальных медицинских знаний

Правовой статус субъектов, обладающих специальными медицинскими знаниями, определяется совокупностью прав, обязанностей и ответственности, установленных законодательством. В Индии, например, практика медицины осуществляется в рамках надежной, но развивающейся правовой и этической системы, сформированной конституционными правами, законодательными актами, профессиональными кодексами и судебными прецедентами [2].

Врач-судебно-медицинский эксперт и судебно-медицинский эксперт. Эти специалисты - главные действующие лица в судебно-медицинской экспертизе. Медицинские доказательства представляются в суде в форме заключения судебно-медицинского эксперта, который дает показания в суде и может быть подвергнут перекрестному допросу другой стороной [3]. Компетенции эксперта включают проведение раз

личных видов исследований: судебно-психиатрической оценки, судебно-токсикологического анализа, ДНК-дактилоскопии и других [2]. Стандарты проведения ДНК-дактилоскопии регулируются, в частности, положениями раздела 45 Закона о доказательствах Индии 1872 года [2].

Специалист по судебно-медицинской экспертизе. Роль специалиста может быть более широкой и включать не только проведение экспертиз, но и участие в следственных действиях, консультирование, а также обеспечение качества лабораторных исследований.

Важным аспектом правового статуса является ответственность медицинских работников, включая врачебную халатность. В индийской судебной практике ключевое значение имеют прецеденты, такие как Jacob Mathew v. State of Punjab (2005), которые устанавливают критерии для определения медицинской халатности и разграничения гражданской и уголовной ответственности [2]. Регулирующие функции в отношении медицинской деятельности выполняют Национальная медицинская комиссия (National Medical Commission - NMC) и государственные медицинские советы, которые реализуют профессиональные стандарты и рассматривают случаи неэтичной практики и халатности [2]. Кодекс медицинской этики (Правила NMC 2023 года) устанавливает обязательные нормы поведения для медицинских работников [2]

Методическое и методологическое разграничение использования специальных медицинских знаний

Использование специальных медицинских знаний в судопроизводстве отличается от их применения в клинической практике по ряду параметров. Судебно-медицинская экспертиза направлена не на диагностику и лечение, а на установление фактов, имеющих юридическое значение, с использованием стандартизированных процедур оценки, обеспечением правовой защищенности и непротиворечивости суждений. Медицинские доказательства являются частью физических доказательств, которые требуют применения медицинской науки для их использования [3]. К ним относятся ДНК, отпечатки пальцев, сперма, волосы, пятна крови, собранные с места преступления [3].

Суды всё чаще обращаются к науке для установления фактов и вынесения приговоров [4]. Различные виды судебно-медицинских доказательств, такие как анализ ДНК, баллистика, идентификация отпечатков пальцев и цифровая криминалистика, требуют соблюдения строгих процессов сбора, сохранения и анализа [4]. В суде оценивают: допустимость и доказательственную силу, для чего используются стандарты (например, Daubert и Frye), позволяющие оценить их научную надежность и целостность [4].

Искусственный интеллект всё активнее внедряется в медицину. И это создаёт новые проблемы для права. Раньше в суде фигурировали документы, подписанные людьми, или экспертные заключения, где понятно, кто автор и как он обосновал выводы. С искусственным интеллектом всё иначе - непонятно, кто «автор» результата. [5]. Это требует пересматра законов и правил, чтобы понимать: можно ли использовать данные в суде и как оценивать их надёжность [5].

Проблемы профессиональной подготовки субъектов использования специальных медицинских знаний

Медицина и право стали больше думать о правах человека, но проблемы всё равно остались. И они серьёзно мешают правосудию [2]. К числу таких проблем относятся: нехватка знаний у судей и юристов: ошибаются в оценке экспертиз, предвзятость в интерпретации, нет единых стандартов и чрезмерная зависимость судей от экспертных заключений, которая ведет к судебным ошибкам [1]. Недостаточная научная грамотность: юристов необходимо учить разбираться в медицинских доказательствах, иначе они не могут их адекватно оценить [1]. Медицина и право не скоординированы: необходимо сделать связь между медициной, правом и судебной наукой, что является необходимым условием для обеспечения этической целостности, правовой ответственности и защиты прав человека в медицинской практике [2].

Целью настоящего обзора являются фундаментальные условия для обеспечения надежности и справедливости судопроизводства, то есть четкое определение правового статуса субъектов, владеющих специальными медицинскими знаниями, разграничение сфер применения этих знаний и решение проблем профессиональной подготовки.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Правовой статус и компетенции субъектов использования специальных медицинских знаний

Проведенный анализ позволяет определить правовой статус и компетенции основных субъектов, применяющих специальные медицинские знания в судопроизводстве. Судебная медицина и медицинская юриспруденция представляют собой междисциплинарную область на стыке медицины, этики и права, образующую основу медико-правовой ответственности и справедливости в здравоохранении [6].

Врач-судебно-медицинский эксперт и судебно-медицинский эксперт. Данные лица являются ключевыми фигурами при проведении судебно-медицинских экспертиз. Компетенции экспертов охватывают широкий спектр исследований: судебно-психиатрическую оценку, судебно-токсикологический анализ, ДНК-дактилоскопию, исследование вещественных доказательств, включая отпечатки пальцев, образцы крови, спермы, волос [6, 7, 8]. Особое значение имеет анализ отпечатков пальцев, которые благодаря своей уникальности и неизменности служат одним из наиболее надежных методов идентификации личности, позволяя устанавливать виновность за пределами разумных сомнений [7].

Специалист по судебно-медицинской экспертизе. Данная категория может включать как экспертов, проводящих исследования, так и иных лиц, обладающих специальными знаниями и привлекаемых для участия в процессуальных действиях (консультирование, постановка вопросов эксперту, дача разъяснений). Технология ДНК-профилирования, используемая специалистами, признана надежным и достоверным инструментом, способным как доказать виновность, так и подтвердить невиновность ошибочно осужденных, однако требует совместных усилий судебно-медицинского эксперта, юриста и следственных органов [8].

Важным аспектом правового статуса является ответственность медицинских работников. В Индии функции регулирования медицинской деятельности и реализации профессиональных стандартов выполняют Национальная медицинская комиссия (National Medical Commission-NMC) и государственные медицинские советы, которые реализуют профессиональные стандарты и рассматривают случаи неэтичной практики и халатности [6]. Кодекс медицинской этики (Правила NMC 2023 года) устанавливает обязательные нормы поведения [6]. Судебные прецеденты,

такие как Jacob Mathew v. State of Punjab (2005), формируют критерии разграничения гражданской и уголовной ответственности за врачебную халатность [6]. Статистический анализ 564 решений индийских судов по делам о медицинской халатности показал, что медицинская халатность была установлена в 31,4% случаев, при этом экспертное заключение стороной защиты представлялось лишь в 8,6% дел, а стороной обвинения - в 11,4%; в 70% дел экспертное заключение не запрашивалось ни одной из сторон [9]. Исследователи подчеркивают, что представление экспертного заключения стороной защиты значительно повышает вероятность снятия обвинений в халатности [9].

Методическое и методологическое разграничение использования специальных медицинских знаний

Судебная медицина отличается от клинической. Судебно-медицинская экспертиза направлена на установление фактов, имеющих юридическое значение (причина смерти, механизм травмы, идентификация личности), с использованием стандартизированных процедур, обеспечивающих правовую защищенность и воспроизводимость результатов.

Ключевым вопросом является допустимость и убедительная сила доказательств в суде. В разных правовых системах применяются различные стандарты оценки научной надежности, такие как Frye test и Daubert standard в США [8, 10]. В Индии стандарты проведения ДНК-дактилоскопии регулируются положениями раздела 45 Закона о доказательствах 1872 года [6]. Исследователи отмечают необходимость изменить законы, а именно предлагается внести поправки в раздел 45 Закона о доказательствах Индии, сделав экспертное заключение обязательным для доказывания или опровержения медицинской халатности [9], а также принять специальный закон о судебном ДНК-профилировании [8].

Использовать данные токсикологии в уголовном процессе непросто. Часто возникает конфликт между научной точностью и юридическими требованиями [10]. К числу научных проблем относятся надежность анализа, посмертное перераспределение веществ, лекарственные взаимодействия и разграничение факта наличия вещества и функциональных нарушений [10]. К распространенным ошибкам относится акцент на числовые значения концентраций без надлежащего фармакологического контекста и непонимание между токсикологическим и юридическим сообществами [10].

Использование биометрических данных и ДНК-доказательств поднимает этические и правовые вопросы, касающиеся защиты данных и права на неприкосновенность частной жизни [11]. Особенно тревожат возможные риски, связанные с генетической слежкой, включая семейный ДНК-анализ и биометрическую идентификацию на основе искусственного интеллекта [11].

Проблемы профессиональной подготовки субъектов использования специальных медицинских знаний и их влияние

Анализ выявляет серьезные проблемы в профессиональной подготовке субъектов, применяющих специальные медицинские знания, которые напрямую влияют на качество судопроизводства.

Недостаточность знаний у судебно-медицинских экспертов. В Турции, где система подготовки судебно-медицинских экспертов отличается от англо-саксонской модели, 85,4% практикующих судебно-медицинских экспертов признали недостаточность подготовки по гистопатологии в ходе ординатуры и свою некомпетентность в гистопатологическом исследовании посмертных тканей [12]. Подавляющее большинство (88,7%) выразили потребность в дополнительном обучении по таким темам, как микроскопическая морфология посмертных изменений и гистологические изменения, связанные с травмами [Фрагмент 11]. Исследователи предлагают пересмотреть учебные программы, включив специализированную подготовку по посмертной гистопатологии, и рассмотреть возможность создания программ магистратуры или докторантуры по судебной патологии [12].

Проблемы подготовки кадров в целом. В Китае анализ существующих проблем подготовки судебно-медицинских кадров привел к разработке рекомендаций, включающих: создание системы непрерывного образования для обеспечения компетентности экспертов и включение курсов по судебной медицине в программы подготовки студентов-медиков для повышения их судебно-медицинской осведомленности [13].

Инфраструктурные и системные проблемы. В Индии, несмотря на наличие сети из 697 судебно-медицинских учреждений, только 6-8% лабораторий имеют аккредитацию NABL (по сравнению с 88% в США и 95% в Великобритании). Критический дефицит кадров затрагивает около 40% позиций, а количество нерассмотренных дел варьирует от 18 000 до 62 000 на лабораторию. Устаревшие технологии используются в 50,4% случаев. Данные проблемы усугубляются недостаточным финансированием и отсутствием стандартизированных протоколов [14].

Проблемы взаимодействия и чрезмерное доверие к научным доказательствам. Ошибки в судебно-медицинском анализе, предвзятость в интерпретации и чрезмерная зависимость судей от экспертных заключений создают риски судебных ошибок [15]. Исследователи указывают на необходимость повышения научной грамотности среди юристов и выработки более сдержанного подхода к использованию научных доказательств [15]. Укрепление междисциплинарной координации между медициной, правом и судебной наукой является необходимым условием обеспечения этической целостности и правовой ответственности [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный обзор определил правовой статус и компетенции субъектов использования специальных медицинских знаний. Врач-судебно-медицинский эксперт, судебно-медицинский эксперт и специалист обладают взаимодополняющими знаниями, охватывающими ДНК-дактилоскопию, токсикологический анализ и исследование вещественных доказательств. Их правовой статус регулируется законодательными актами, профессиональными кодексами и судебными прецедентами, закрепляющими ответственность, включая вопросы врачебной халатности.

Установлено методическое разграничение: судебно-экспертная деятельность ориентирована на установление юридически значимых фактов с применением стандартизированных процедур и критериев допустимости доказательств (Daubert, Frye). Интеграция искусственного интеллекта создает новые вызовы, требующие пересмотра правовых рамок.

Выявлены системные проблемы подготовки: нехватка знаний (85,4% экспертов в Турции признали некомпетентность в гистопатоло-

гии); оборудование не соответствуют стандартам (лишь 6-8% лабораторий в Индии аккредитованы); недостаточная научная грамотность юристов. Решение проблем требует совершенствования образовательных программ, развития инфраструктуры, изменении законодательства и укрепления междисциплинарного взаимодействия.

Список литературы

1. Yadav, A. S. Assesing the reliability and legal implications of forensic evidence in judicial. A. S. Yadav, P. K. Goyal. 2025.
2. Nale, G. Forensic Medicine and Medical Jurisprudence in India: Ethical, Legal, and Medico-Legal Perspectives G. Nale. Journal of Forensic Medicine and Legal Affairs. 2025. Vol. 1, № 12. P. 489-497.
3. Shukla, M. V. Credibility of medico legal expert's opinion in criminal cases. M. V. Shukla, L. PriyaVinjamuri. 2022.
4. Saini, V. Introduction to Criminal Law and Legal Systems and Relevance of Forensic Evidence in Trials. V. Saini, V. Kumar, M. R. Verma. 2025.
5. Singh, M. S. Legal admissibility of ai-derived medical findings: evaluating relevance and credibility in courtrooms. M. S. Singh. 2025.
6. View Article. G. N. T. L. K. Reema [et al.]. 2025.
7. Sahu, G. Unparalleled Identification: The Science of Fingerprints in Forensics. G. Sahu, R. Rao. International Journal of Scientific Research and Technology. 2025. Vol. 2, № 1. P. 454-462. DOI 10.5281/zenodo.14761038.
8. Singh, D. K. Forensic DNA profiling in Criminal Investigation: A Comparative Analysis of UK, USA And India. D. K. Singh, S. Ahmed. 2021.
9. Aggarwal, G. Court Judgements on Expert Opinion in Medical Negligence Cases-Systematic Review. G. Aggarwal, S. K. Agarwal, P. Khatri. Journal of Indian Medical Association. 2023. Vol. 121, № 12. P. 59-63.
10. Chatterjee, I. Drug Toxicology in Criminal Trials: Balancing Scientific Validity and Legal Standards. I. Chatterjee, P. S. Sudha. Journal of Indian Academy of Forensic Medicine. 2026. Vol. 0, № 0. DOI 10.1177/09710973261417778.
11. Mishra, H. The Legal and Ethical Implications of Biometric and DNA Evidence in Criminal Law. H. Mishra. 2026.
12. Tümer, A. R. Problems in Postmortem Pathology Training. A. R. Tümer, E. Eskicioğlu, C. Sökmensüer, T. Findikoğlu. Turkish Journal of Pathology. 2023. Vol. 39, № 1. P. 9-14. DOI 10.5146/tjpath.2022.01569.
13. Hou, Y. Development strategy of talent cultivation for forensic medicine in China. Y. Hou, L. Yun, H. Zhu, Q. Wang, B. Cong. Medical Education. 2019. Vol. 21, № 2. P. 84-88.
14. Chandra, S. Standardization and accreditation of forensic science laboratories in India: Challenges, global perspectives, and the path forward. S. Chandra, K. Choudhoury. Indian Journal of Forensic Science. 2024. Vol. 9, № 3. P. 46-50.
15. Mallick, A. Judicial Interpretation of Forensics in Cases Involving Circumstantial Evidence: A Doctrinal Study. A. Mallick, M. R. Dey. 2026. DOI 10.5281/zenodo.18260390.

References

1. Yadav, A. S. Assesing the reliability and legal implications of forensic evidence in judicial. A. S. Yadav, P. K. Goyal. 2025.
2. Nale, G. Forensic Medicine and Medical Jurisprudence in India: Ethical, Legal, and Medico-Legal Perspectives G. Nale. Journal of Forensic Medicine and Legal Affairs. 2025. Vol. 1, № 12. P. 489-497.
3. Shukla, M. V. Credibility of medico legal expert's opinion in criminal cases. M. V. Shukla, L. PriyaVinjamuri. 2022.
4. Saini, V. Introduction to Criminal Law and Legal Systems and Relevance of Forensic Evidence in Trials. V. Saini, V. Kumar, M. R. Verma. 2025.
5. Singh, M. S. Legal admissibility of ai-derived medical findings: evaluating relevance and credibility in courtrooms. M. S. Singh. 2025.
6. View Article. G. N. T. L. K. Reema [et al.]. 2025.
7. Sahu, G. Unparalleled Identification: The Science of Fingerprints in Forensics. G. Sahu, R. Rao. International Journal of Scientific Research and Technology. 2025. Vol. 2, № 1. P. 454-462. DOI 10.5281/zenodo.14761038.
8. Singh, D. K. Forensic DNA profiling in Criminal Investigation: A Comparative Analysis of UK, USA And India. D. K. Singh, S. Ahmed. 2021.
9. Aggarwal, G. Court Judgements on Expert Opinion in Medical Negligence Cases-Systematic Review. G. Aggarwal, S. K. Agarwal, P. Khatri. Journal of Indian Medical Association. 2023. Vol. 121, № 12. P. 59-63.
10. Chatterjee, I. Drug Toxicology in Criminal Trials: Balancing Scientific Validity and Legal Standards. I. Chatterjee, P. S. Sudha. Journal of Indian Academy of Forensic Medicine. 2026. Vol. 0, № 0. DOI 10.1177/09710973261417778.
11. Mishra, H. The Legal and Ethical Implications of Biometric and DNA Evidence in Criminal Law. H. Mishra. 2026.
12. Tümer, A. R. Problems in Postmortem Pathology Training. A. R. Tümer, E. Eskicioğlu, C. Sökmensüer, T. Findikoğlu. Turkish Journal of Pathology. 2023. Vol. 39, № 1. P. 9-14. DOI 10.5146/tjpath.2022.01569.
13. Hou, Y. Development strategy of talent cultivation for forensic medicine in China. Y. Hou, L. Yun, H. Zhu, Q. Wang, B. Cong. Medical Education. 2019. Vol. 21, № 2. P. 84-88.
14. Chandra, S. Standardization and accreditation of forensic science laboratories in India: Challenges, global perspectives, and the path forward. S. Chandra, K. Choudhoury. Indian Journal of Forensic Science. 2024. Vol. 9, № 3. P. 46-50.
15. Mallick, A. Judicial Interpretation of Forensics in Cases Involving Circumstantial Evidence: A Doctrinal Study. A. Mallick, M. R. Dey. 2026. DOI 10.5281/zenodo.18260390.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_482

УДК: 343.131

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА РАССЛЕДОВАНИЕМ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE INVESTIGATION OF CORRUPTION OFFENSES

ОЮУНСАЙХАН Алтангэрэл
Докторант Монгольского государственного университета.
14200, Монголия, г. Улан-Батор, Улица Университетская, д. 1.
OYUNSAIKHAN Altangerel
Doctoral Student, National University of Mongolia.
14200, Ulaanbaatar, Mongolia, 1, University Street.
d.enkhtur@yandex.ru

Краткая аннотация: *В статье рассматриваются вопросы совершенствования процедуры предоставления прокурором разрешения как формы прокурорского надзора за действиями, затрагивающими права и свободы личности в ходе уголовного судопроизводства. Исследуются пути упрощения данной процедуры, повышения независимости и автономии следователя, а также снижения процессуальных издержек и задержек. По результатам исследования сформулированы выводы и предложены рекомендации, направленные на повышение эффективности уголовно-процессуальной деятельности.*

Abstract: *The article examines issues related to improving the procedure by which a prosecutor grants authorization as a form of prosecutorial supervision over actions affecting the rights and freedoms of individuals in the course of criminal proceedings. It explores ways to simplify this procedure, enhance the independence and autonomy of investigators, and reduce procedural costs and delays. Based on the findings of the study, conclusions are drawn and recommendations are proposed aimed at increasing the effectiveness of criminal procedural activity.*

Ключевые слова: *права и свободы человека, уголовный процесс, следственные действия, следователь, прокурор, разрешение, коррупция.*

Keywords: *Human rights, freedom, criminal process, investigation, detective, prosecutor, consent, corruption.*

Для цитирования*: Оюунсайхан Алтангэрэл. Прокурорский надзор за расследованием коррупционных преступлений // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 482-485. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_482.*

For citation*: Oyunsaikhan Altangerel. Prosecutorial supervision over the investigation of corruption offenses // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 482-485. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_482.*

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

Уголовно-процессуальное законодательство Монголии, в соответствии с тенденциями общественного развития, претерпело ряд реформ и совершенствований, сохранив при этом традиции национальной правовой системы. Новый Закон «О уголовном судопроизводстве» устанавливает порядок, последовательность и сроки проведения следственных действий, затрагивающих неотъемлемые права личности, а также детально регламентирует процедуру получения разрешения прокурора и суда.

В частности, в пункте 3 статьи 22.1 данного Закона закреплено, что проведение одиннадцати видов открытых следственных действий допускается только с разрешения прокурора, а в соответствии со статьёй 31.4 задержание подозреваемого осуществляется на основании судебного разрешения. Кроме того, хотя порядок получения разрешения в некоторых случаях прямо не урегулирован законом, статья 6.3 предусматривает, что в пределах компетенции руководителя органа предварительного расследования им рассматриваются и утверждаются 39 видов представлений и постановлений следователя посредством подписи и предоставления разрешения.

Процедура получения разрешения представляет собой технически сложный и оперативно требующийся процесс, однако на практике она нередко сопровождается временными задержками. Это связано с тем, что уполномоченные лица — прокуроры, руководители органов следствия или судьи — могут отсутствовать на рабочем месте по причине совещаний, обучения или участия в судебных заседаниях, а также отсутствует возможность их замещения. В ряде случаев прокуроры требуют повторного оформления представлений и постановлений следователя, что затрудняет соблюдение принципа оперативности. Более того, предложения следователя могут быть отклонены из-за незначительных технических ошибок, предоставляться устные указания или требоваться личное представление материалов следователем, что создаёт препятствия для достижения целей уголовного процесса.

Дополнительной проблемой является отсутствие единого подхода к определению доказательств, достаточных для выдачи разрешения, а также отсутствие детальной правовой регламентации самой процедуры. Различные должностные лица принимают решения по собственному усмотрению, что порождает неоднородность практики и указывает на необходимость комплексного анализа сложившейся ситуации.

Права человека рассматриваются как неотъемлемые и прирождённые права, присущие каждому человеку от рождения [5, с. 3]. Согласно признанной концепции прав человека, каждый индивид обладает равными правами независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иных обстоятельств [7, с. 5]. Реализация этих прав без какой-либо дискриминации является краеугольным принципом современной системы защиты прав человека.

Права человека закрепляются и защищаются нормами «законодательства о правах человека», которое направлено на охрану достоинства личности, её основных прав и свобод от любых действий, нарушающих эти ценности, со стороны отдельных лиц, групп или государствен-

ных органов.

Источниками данных прав выступают международные договоры, нормы обычного международного права, общие принципы права, а также иные формы правовых актов. Законодательство о правах человека не только возлагает на государство позитивные обязанности по обеспечению и защите прав личности, но и предусматривает запрет на совершение определённых действий, противоречащих этим правам и свободам.

Понятие *«право»* (англ. *right*, рус. *права*) определяется как вид и мера возможного поведения определённого лица, государственного органа, народа, государства либо иного субъекта [8, с. 886].

Термин *«права человека»* обозначает правовую категорию, характеризующую положение личности в её взаимоотношениях с государством, а также совокупность экономических, социальных, политических и культурных возможностей и потребностей человека. Данное понятие охватывает всех лиц, находящихся под юрисдикцией государства, включая его граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства. Свободная и достойная реализация прав человека является одной из основных характеристик гражданского общества и правового государства [1, с. 563].

Согласно Конституции Монголии, основная обязанность государства заключается в создании экономических, социальных, правовых и иных гарантий для обеспечения прав и свобод человека, в противодействии их нарушению и в восстановлении нарушенных прав [12, с. 172]. Таким образом, защита прав человека является одной из главных функций государства, а уголовно-процессуальное законодательство призвано обеспечивать реализацию этой функции в полном и системном виде. Приоритетным направлением государственной политики является защита прав и свобод человека от преступных посягательств.

Цель Уголовно-процессуального закона Монголии состоит в оперативном и полном раскрытии преступлений, установлении виновных физических и юридических лиц, справедливом назначении наказания, недопущении привлечения к уголовной ответственности невиновных, защите прав и законных интересов личности, а также восстановлении нарушенных прав [2]. Для достижения указанных целей осуществляется уголовное судопроизводство.

В широком смысле *уголовное судопроизводство* представляет собой установленный законом порядок деятельности по расследованию и разрешению уголовных дел (преступлений), а также совокупность регулирующих данную деятельность правовых норм [9, с. 9].

Особенностью данного правового регулирования является то, что оно не только определяет права и обязанности участников соответствующих правоотношений, но и устанавливает порядок расследования и разрешения уголовных дел, а также формы и методы прокурорского контроля [10, с. 15]. Эти процедуры закреплены в уголовном процессе и предусматривают цели соответствующих действий, круг участников, их права и обязанности, последовательность процессуальных действий, а также порядок документального оформления и фиксации хода следственных мероприятий.

Необходимость строгого процессуального регламентирования обусловлена сложностью установления фактических обстоятельств уголовного дела и необходимостью обеспечения законных прав всех участников процесса. Такая модель позволяет неоднократно проверять и уточнять законность и обоснованность действий на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Предоставление разрешения уполномоченным должностным лицом на проведение определённых следственных действий служит гарантией защиты прав человека, восстановления нарушенных прав граждан и юридических лиц, а также обеспечения целей уголовного процесса. Проведение следственных действий в стадии дознания и предварительного следствия в строгом соответствии с установленными законом основаниями и процедурами представляет собой одну из форм реализации принципов Конституции Монголии, международных договоров и конвенций, а также иных нормативных актов, направленных на защиту основных прав и свобод человека, неприкосновенности личности, частной и семейной жизни, тайны корреспонденции.

Уголовно-процессуальный закон Монголии закрепляет правовые гарантии обеспечения основных прав и свобод личности, включая неприкосновенность частной жизни и тайну переписки, а также устанавливает формы прокурорского надзора и порядок предоставления разрешений на проведение соответствующих действий. Однако приказ Генерального прокурора Монголии № А/67 от 2020 года *«Об утверждении методических указаний по осуществлению прокурорского надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия»* предусматривает избыточно широкий перечень действий, требующих разрешения, оформляемого в форме постановлений. Кроме того, руководителю органа расследования предписано предоставлять разрешение после ознакомления с чрезмерно большим числом представлений и постановлений следователя, что существенно усложняет процессуальную деятельность.

Практические работники органов внутренних дел указывают на следующие трудности, возникающие при реализации следственных действий [11, с. 15]. В частности Многоступенчатая система разрешений и контроля снижает оперативность расследования и возможность всестороннего установления фактических обстоятельств дела на основе внутреннего убеждения следователя. В результате откладывается проведение необходимых и неотложных действий, утрачиваются важные доказательства, снижается их доказательная ценность.

Действующая редакция Уголовно-процессуального закона предоставляет прокурору право возбуждать уголовные дела и привлекать лиц в качестве обвиняемых [11]. Такая норма выходит за рамки конституционно закреплённых полномочий прокурора по осуществлению надзора и противоречит принципу состязательности сторон, согласно которому суд устанавливает фактические обстоятельства на основе состязания участников процесса. Следовательно, на практике прокурор фактически вмешивается в расследование на стадии возбуждения уголовного дела, что нарушает баланс властных полномочий и принцип процессуальной независимости следователя.

Закон предусматривает, что прокурор осуществляет надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия и вы-

ступает в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя. Следователь, в свою очередь, проводит следственные действия в пределах своей компетенции либо по поручению прокурора, устанавливает фактические обстоятельства дела, выявляет лиц, совершивших преступление, и собирает доказательства. Таким образом, именно следователь несёт основную ответственность за расследование, однако на практике прокурор часто фактически руководит ходом расследования с момента регистрации уголовного дела, что ограничивает самостоятельность следователя, его возможность свободно анализировать доказательства и принимать решения на основе профессионального убеждения.

Результаты эмпирического исследования, проведённого методом наблюдения и фотофиксации на рабочих местах в 10 аймаках и нескольких районных управлениях полиции г. Улан-Батора (179 сотрудников), показали следующие данные: расстояние от III отдела полиции Баянзурхского района до районной прокуратуры составляет 5978,02 м, от прокуратуры Баянзурхского района до суда первой инстанции по уголовным делам Баянзурхского, Сухбаатарского и Чингэлтэйского районов — 4166,4 м, а от этого суда обратно до III отдела полиции Баянзурхского района — 11 360,18 м.

Через прокуратуру получение судебного разрешения занимает в среднем от 3 часов 05 минут до 9 часов 20 минут, получение разрешения от прокурора — от 1 часа 35 минут до 4 часов 25 минут. Анализ показал, что данная процедура напрямую зависит от наличия на месте прокурора и следователя и не всегда может быть выполнена оперативно, что указывает на её высокую зависимость от человеческого фактора.

Практические сотрудники органов расследования выявили ряд проблем и трудностей, возникающих при проведении следственных действий [11]. В частности, многоступенчатая система разрешений и контроля снижает возможность всестороннего и оперативного установления фактических обстоятельств дела на основе внутреннего убеждения следователя. В результате приоритетные действия по раскрытию преступлений часто откладываются, теряется время на проведение необходимых мероприятий, а ключевые доказательства могут быть утрачены или их доказательная ценность снижается.

Анализ порядка предоставления разрешений со стороны прокуратуры по 42 видам документов, оформляемых следователем в рамках ЕБШХ и Уголовно-процессуального закона, показал, что 26 документов, ранее утверждавшихся прокурором непосредственно, теперь требуют повторного оформления постановления, что создаёт дополнительную административную нагрузку на практикующих сотрудников.

Ранее, в рамках ЕБШХ, следователь знакомился с постановлением и ставил подпись в разделе *«Утверждаю»*, после чего разрешение считалось предоставленным. Сегодня же для получения *разрешения* следователь должен оформить письменное представление, направить его в орган прокуратуры, представить его надзорному прокурору, который рассматривает и утверждает постановление, затем внутренним документооборотом оно передаётся помощнику, который регистрирует документ, проставляет подписи, присваивает номер и только после этого передаёт следователю. Данное многоступенчатое оформление требует значительных затрат времени и ресурсов.

С точки зрения терминологии, действие *«разрешение»* может обозначаться как:

- *получение разрешения* — официальное утверждение;
- *получение согласия* — оформление через соответствующее лицо или орган;
- *выдача разрешения* — официальное предоставление права [13, с. 278].

Действие *«утверждение»* (*«Батлах»*) подразумевает закрепление, окончательность, подтверждение достоверности и законности документа. В уголовном процессе данная процедура позволяет должностному лицу, обладающему полномочиями, в рамках надзора за деятельностью по расследованию и разрешению уголовных дел ознакомиться с материалами и предоставить право на проведение конкретного следственного действия, что является легитимной формой реализации прокурорского контроля.

Следственные действия, проводимые с разрешением, представляют собой многоступенчатый процесс, требующий от следователя подготовки представления, его представления прокурору для утверждения постановления, а в отдельных случаях — получения разрешения суда. Такой порядок отличается значительной временной затратностью. Возникла необходимость усовершенствования регулирования процедуры предоставления разрешений прокурором, в частности устранения чрезмерной многоступенчатости процесса.

С точки зрения терминологии, целесообразно заменить два слова в названии действия: вместо «выдача разрешения» использовать «утверждение разрешения», а вместо «получение согласия» — «получение разрешения». В дополнение, внесение в постановление следователя раздела *«Утверждаю»* позволяет формализовать процедуру и существенно повысить эффективность с точки зрения экономии ресурсов и времени.

Внесение данных изменений в процессуальные документы не ограничивает полномочия прокурора по надзору за уголовными делами: он сохраняет право отменять, изменять или оставлять в силе решения следователя. При этом усовершенствование процедуры сокращает время, ранее затрачиваемое на оформление разрешений в бумажной форме, и позволяет прокурору более эффективно осуществлять надзор за регистрацией и расследованием уголовных дел.

В результате создаются условия для полноценного исполнения основных функций прокурора по контролю за уголовным производством, повышения оперативности следственных действий, а также для обеспечения прав и свобод человека и восстановления нарушенных прав в ходе расследования.

Из вышесказанных можно сделать следующие выводы:

Прокурорский надзор за расследованием коррупционных преступлений в Монголии является важным механизмом обеспечения законности, защиты прав и свобод граждан, а также поддержания доверия общества к органам уголовного правосудия. Анализ действующего законо-

дательства и практики показывает, что прокурорский надзор способствует контролю за законностью следственных действий, своевременным принятием процессуальных решений и предотвращению злоупотреблений. Вместе с тем выявляются проблемы, связанные с процедурными задержками, ограниченной автономией следователей и недостаточной прозрачностью отдельных этапов расследования.

В целях повышения эффективности прокурорского надзора рекомендуется:

- Уточнение и упрощение процедуры получения прокурорских разрешений;
- Усиление независимости следователей при проведении расследования;
- Внедрение механизмов сокращения процессуальных издержек и ускорения рассмотрения дел о коррупционных преступлениях.

Таким образом, совершенствование прокурорского надзора способствует укреплению правового государства и повышению эффективности борьбы с коррупцией в Монголии.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс. — 2002.
2. Закон «О уголовном судопроизводстве». — 2017.
3. Концепция закона «О уголовном судопроизводстве». Министерство юстиции Монголии. — Улан-Батор, 2015.
4. Приказ Генерального прокурора Монголии № А/59 «Об утверждении перечня и форм правовых действий в ходе следственных мероприятий». — 2017.
5. Права человека. Организация Объединённых Наций, Управление Верховного комиссара по правам человека. — Улан-Батор, 2003.
6. Фонд Ханса Зайдля. Толкование Конституции Монголии. — Улан-Батор, 2009.
7. Амаржаргал Г. Уголовно-процессуальное принуждение. — Улан-Батор, 2013.
8. Нарангэрэл С. Справочник по праву. — Улан-Батор, 2007.
9. Болдбаатар Ж. и др. Действия по расследованию и разрешению уголовных дел. — Улан-Батор, 2020.
10. Бямбаа Ж. Основные вопросы уголовно-процессуального права Монголии. — Улан-Батор, 2008.
11. Батгэрэл Д. «Некоторые трудности при проведении следственных действий» // Сборник научной конференции «Юридическая практика». — Улан-Батор, 2020.
12. Лүндэндорж Л. Правоведение: философия и теория. — Улан-Батор, 2011.
13. Цэвэл Я. Краткий толковый словарь монгольского языка. — Улан-Батор, 1966.

References

1. Criminal procedure Code. — 2002.
2. Law “On Criminal Proceedings”. — 2017.
3. Concept of the Law “On Criminal Proceedings”. Ministry of Justice of Mongolia. — Ulaanbaatar, 2015.
4. Order of the Prosecutor General of Mongolia No. A/59 “On Approval of the List and Forms of Legal Actions During Investigative Procedures”. — 2017.
5. Human Rights. United Nations, Office of the High Commissioner for Human Rights. — Ulaanbaatar, 2003.
6. Hans Seidel Foundation. Interpretation of the Constitution of Mongolia. — Ulaanbaatar, 2009.
7. Amarjargal G. Criminal Procedural Coercion. — Ulaanbaatar, 2013.
8. Narangereel S. Handbook on Law. — Ulaanbaatar, 2007.
9. Boldbaatar J. et al. Actions for Investigation and Resolution of Criminal Cases. — Ulaanbaatar, 2020.
10. Byambaa J. Fundamental Issues of Criminal Procedure Law of Mongolia. — Ulaanbaatar, 2008.
11. Batgerel D. “Some Difficulties in Conducting Investigative Actions” // Collection of Scientific Conference “Legal Practice”. — Ulaanbaatar, 2020.
12. Lundendorj L. Jurisprudence: Philosophy and Theory. — Ulaanbaatar, 2011.
13. Tsevel Y. Concise Explanatory Dictionary of the Mongolian Language. — Ulaanbaatar, 1966.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_486

УДК: 343.131

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ, СОВЕРШАЕМОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КИБЕРПРОСТРАНСТВА В МОНГОЛИИ
CURRENT STATUS AND TREND OF HUMAN TRAFFICKING THROUGH CYBERSPACE IN MONGOLIA

ХИШИГБАЯР Баатарбилэг
Докторант Университета внутренних дел Монголии.
210332, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Хилчин, 8.
E-mail: d.enkhtur@yandex.ru
KHISHIGBAYAR Baatarbileg
Doctoral student, University of Internal Affairs, Mongolia.
210332, Mongolia, Ulaanbaatar, Khilchin Street, 8.
E-mail: d.enkhtur@yandex.ru

Краткая аннотация: *В настоящем исследовании проведён комплексный анализ преступлений, связанных с торговлей людьми, совершаемых с использованием современных цифровых технологий и интернет-пространства в Монголии. Определены ключевые тенденции и закономерности таких преступлений, идентифицированы основные методы их совершения, а также выделены группы населения, наиболее уязвимые к риску вовлечения. Полученные результаты способствуют глубокому пониманию динамики кибер-преступлений в сфере торговли людьми и формируют теоретическую и практическую основу для разработки эффективных мер профилактики и противодействия данным правонарушениям.*

Abstract*: This study presents a comprehensive analysis of crimes related to human trafficking committed through the use of modern digital technologies and cyberspace in Mongolia. Key trends and patterns of such crimes have been identified, the main methods of their commission have been examined, and the population groups most vulnerable to involvement have been highlighted. The findings contribute to a deeper understanding of the dynamics of cyber-crimes in the field of human trafficking and provide a theoretical and practical basis for the development of effective measures for prevention and counteraction of these offenses.*

Ключевые слова: *киберпространство, торговля людьми, жертвы, преступность, цифровые технологии, уязвимые группы населения, профилактика преступлений.*

Keywords: *cyberspace, human trafficking, victims, crime, digital technologies, vulnerable population groups, crime prevention.*

Для цитирования*: Хишигбаяр Баатарбилэг. Современное состояние и тенденция торговли людьми, совершаемой с использованием киберпространства в Монголии // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 486-489. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_486.*

For citation*: Hishigbayar Baatarbileg. Current status and trend of human trafficking through cyberspace in Mongolia // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 486-489. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_486.*

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

Передовые информационно-коммуникационные технологии проникли во все сферы экономики и общества Монголии, а ежедневное использование Интернета стало неотъемлемой частью жизни граждан. Ожидается, что к 2024 году число активных пользователей социальных сетей достигнет 2,3 млн, что позволит стране войти в десятку крупнейших в мире по показателю использования социальных сетей относительно численности населения.

Пандемия COVID-19 привела к резкому росту использования Интернета не только среди взрослых, но и среди детей. Даже дети в возрасте до 14 лет активно пользуются киберпространством и могут иметь несколько учетных записей в различных онлайн-сервисах.

Торговля людьми через киберпространство представляет собой особую угрозу: она не только связывает тайных клиентов с жертвами, но и создает удобные условия для преступников, позволяя им скрываться и облегчать свою деятельность. Интернет играет ключевую роль в исследовании, вербовке и эксплуатации жертв, а также способствует расширению масштабов киберпреступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией. Преступники используют социальные сети, приложения, чаты и онлайн-игровые платформы, скрывая свою настоящую личность и выдавая себя за других людей, чтобы установить контакт с потенциальными жертвами, завоевать их доверие и вовлечь в преступную деятельность.

Известны случаи, когда преступники использовали видеоигру Call of Duty, одну из самых популярных в мире франшиз, для вербовки несовершеннолетних. Таким образом, Интернет стал мощным инструментом для вербовки, подчинения, давления и эксплуатации жертв торговли людьми. В докладе ООН о торговле людьми за 2020 год отмечается, что «преступники используют интернет-технологии для содействия торговле людьми».

Киберсреда, включающая цифровые платформы, веб-камеры и прямые трансляции, снизила риск транспортировки жертв и расширила географический охват их эксплуатации. Преступники используют компьютеры, планшеты и смартфоны для продажи одной жертвы нескольким клиентам и сексуальной эксплуатации. Кроме того, они прибегают к мобильным телефонам жертв, чтобы отслеживать их передвижения и действия. Для этого преступники тайно устанавливают на телефоны жертв приложения для слежки, такие как spylix.com, mspy.net и flexispy.com, что позволяет определять текущее местоположение через GPS.

В киберпространстве преступники создают поддельные аккаунты, чтобы обманным путем получать интимные фотографии и видео жертв. Затем они угрожают распространением этих материалов среди общественности или членов семьи, заставляя жертв подчиняться, требо-

вать деньги, сексуальные услуги или использовать свое тело для других.

В последнее время участились случаи, когда граждане Монголии, обманутые объявлениями о «высокооплачиваемой работе в странах Юго-Восточной Азии», отправлялись в регион «Золотого треугольника» — крупный центр незаконного оборота наркотиков, проституции, кибермошенничества и торговли людьми. По прибытии они попадали под контроль организованных преступных группировок, подвергались принуждению и становились жертвами преступлений.

Преступники также используют киберпространство для вовлечения друзей и знакомых жертв в торговлю людьми, требуя заменить текущих жертв, чтобы «освободить» их. Таким образом, Интернет становится наиболее распространенной средой для вербовки и эксплуатации.

Пример конкретного случая: через фейковое объявление о работе переводчиком английского языка в Юго-Восточной Азии с полным покрытием расходов более 10 граждан Монголии отправились в место под названием «KK Park» в Мьянме. Они были вынуждены влезть в долги, работать под надзором вооруженных сил с применением силы и запугивания, и стали жертвами торговли людьми. Мьянма охвачена внутренним конфликтом, часть территории контролируется вооруженными повстанцами, а район «KK Park» известен организацией киберпреступности, проституции, принудительного труда и незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ.

Жертв торговли людьми принуждали к занятиям проституцией и использовали для вербовки новых людей в регион, что ещё больше усложняло ситуацию. В связи с этим осуществляется сотрудничество с правительственными и международными неправительственными организациями, такими как Консульский департамент Министерства иностранных дел, Главное разведывательное управление, Международная организация по миграции и Центр гендерного равенства, чтобы обеспечить безопасное возвращение жертв на родину [8].

Торговля людьми через киберпространство становится всё более распространённой, затрагивая как граждан Монголии за рубежом, так и внутри страны.

Пример случая: полиция выявила семь преступных группировок — B.E, T.E, A.T, M.P, M.D, B.B и B.S., которые размещали в киберпространстве объявления с призывами «Возьми деньги, отдай их», «захвати», осуществляли избиения и запугивание, насилие, записывали обнажённые видео девушек и женщин, а затем подчиняли их угрозами «опубликовать материалы в социальных сетях или передать полиции». Преступники ограничивали свободу передвижения жертв, сдавали квартиры и общественные места в аренду, заставляли демонстрировать своё тело и получать прибыль, грабили людей и занимались торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации. По результатам расследований суды приговорили участников этих группировок к срокам лишения свободы от 3 до 26 лет [9].

Пример конкретного случая: Г.О., известный под прозвищем Будуун Улзий, разместил объявления в группах Facebook о финансовых услугах и связывался с незарегистрированными номерами телефонов. Он удерживал несовершеннолетних О.Н. и Б.З., 17 лет, в 28-м хору Сонгинохаирханского района, ограничивая их свободу передвижения, предоставляя их клиентам для совершения сексуальных нападений и ночных звонков. Полиция раскрыла преступление, и суд приговорил Г.О. к 8 годам лишения свободы [8].

Сотрудники полиции, работающие с пропавшими девочками-подростками, должны проводить с ними подробные беседы, обращать внимание на психологические, медицинские или физические травмы, выяснять причины и обстоятельства исчезновения. При подозрении на возможность стать жертвой торговли людьми необходимо обмениваться информацией и сотрудничать с соответствующими ведомствами для выявления и пресечения этого вида преступлений.

Преступники используют обман, запугивание, силу и уязвимость девушек и женщин, заставляя их участвовать в проституции и оценивать свои тела. В качестве жертв чаще всего выбирают девушек и женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации, лишённых родительской опеки, присмотра или поддержки со стороны семьи.

Феномен массовой проституции, когда девушки и женщины вовлекаются в занятия сексом за деньги для расширения деятельности и увеличения дохода, становится всё более распространённым. Появляется всё больше мест, где проституция организуется под видом саун и массажных салонов.

Внутреннее киберпространство также играет значительную роль: увеличилось число девушек и женщин, создающих закрытые группы в Facebook для пропаганды проституции, продажи видеороликов сексуального характера в обмен на аванс, размещения объявлений с фразой «Мы хотим денег» и предложения сексуальных услуг.

Полиция выявила несколько категорий девушек и женщин, вовлечённых в киберпроституцию:

1. Самостоятельные девушки и женщины. Они размещают объявления с фразой «Заработать денег» с поддельных аккаунтов Facebook и незарегистрированных номеров телефонов, находят клиентов и добровольно занимаются проституцией, тратя заработанные средства на себя. Обычно это выпускники школ, студенты или люди с высшим образованием, использующие интернет для заработка.

2. Девочки-подростки, находящиеся в трудной ситуации. Это девушки, покинувшие дом из-за насилия, разводов родителей, плохих условий жизни или депрессии. Они выбирают проституцию как способ удовлетворения базовых потребностей.

3. Организаторы проституции. Лица, управляющие всей деятельностью, используют различные формы насилия, чтобы удерживать проституток под контролем, координируют работу своей сети, вербуют новых девушек, контролируют их и защищают от вмешательства извне. Преступники подчиняют девушек и женщин, устанавливают над ними полный контроль и подвергают их сексуальной эксплуатации. При этом организатор назначает 2–3 доверенных подчинённых для надзора за жертвами и регулярной организации сексуальной эксплуатации и проституции.

Пример дела: Д.Г. Такие аккаунты, как Love Love и Gelin Hatan, с женской фотографией профиля открывали в приложении Likee, кото-

рым часто пользуются маленькие дети , и вступали в интимную связь с девушками под видом девушек своего возраста. Затем он создал отношения непристойного содержания, общаясь на тему секретных разговоров девушек и интимных разговоров, скрытых от родителей. Он фотографировал и снимал на видео молодых девушек, а затем продолжал общаться с моим братом, совершать видеозвонки и делать то, что обычно делает этот человек, в противном случае он бы выложил ваши фотографии и видео в социальные сети и показал их родителям и школьникам. Он также общался со своего аккаунта в Facebook под названием Boldoo Boldoo, выдавая себя за другого человека и совершая видеозвонки с девушками-жертвами, удовлетворяя свои сексуальные желания.

Пример дела: Ш.А. был признан виновным в совершении четырех преступлений, в том числе « отправка молодым и подросткам фотографий мужчин с использованием аккаунта Facebook Boyko Bou, в ответ фотографирование девушек в обнаженном виде, а затем угрозы сделать то, что я скажу, отправить фотографии в обнаженном виде, сделать со мной видеозвонки, или я размещу или распространяю ваши фотографии в социальных сетях, или уговоры или мольбы принять фотографии и видео девушек в обнаженном виде, а затем встреча и совершение полового акта с девушками, с которыми он находился в контакте в течение длительного времени, а также совершение полового акта с несовершеннолетней потерпевшей N 7 июля 2021 года на территории Хороо № 36 Сонгинохаирханского района», и суд приговорил его к 20 годам лишения свободы по статье 16.9, части 2, части 2.1, 13.5 и части 4 статьи 12.1 УК соответственно. Приговорен к тюремному заключению.

Пример случая: Г.П. использовал поддельные аккаунты Facebook под названием «Clip Clip», «Bold Bold», «Dontboy Donthoy», «Doko Diko», «Pvrwee Pvrwee» и приложение Likee под названием «demiideki», и регулярно размещал посты типа «Есть ли девушка, которая увлекается общением в возрасте 12-15 лет» и «Есть ли девушка, которая хочет познакомиться и увидеть что-то прекрасное» в закрытых группах «Pubg mongolia», «Белое сердце», «Найди пару » и «12-15-летние девушки», выдавая себя за 16-летнюю девушку, находил жертв и обманывал их, говоря что-то вроде «Моя сестра даст тебе совет, сейчас все девушки твоего возраста занимаются сексом, у тебя есть волосы на гениталиях, покажи это своей сестре», делал фотографии и видео обнаженных девушек, угрожал им и был признан виновным в совершении преступления растления малолетних и изнасилования.

Причинами и условиями данного вида преступлений являются: слабый родительский надзор и уход за маленькими детьми, нежелание разговаривать со своими детьми, незнание того, чем занимаются их дети и с кем они дружат, широко распространенный алкоголизм в семье, невыполнение родителями и отчимами, которые заботятся о детях в случае развода, своих обязанностей по защите детей, недостаток знаний и информации у родителей о киберпреступности , а также невозможность контролировать использование детьми и молодежью Интернета, в результате чего дети, учащиеся средних школ и подростки получают психологический и физический вред от данного вида преступлений и противоправной деятельности.

По данным статистического обследования населения Монголии за 2020 год, 903,4 тыс. человек живут в бедности. Сообщается, что 64 процента от общей численности бедного населения проживает в городских районах, а 43 процента — в Улан-Баторе [10].

Преступники размещают в киберпространстве объявления с формулировками вроде «Ищу стабильную, устойчивую и высокооплачиваемую работу» и используют уязвимость жертв, включая низкий уровень жизни, отсутствие надзора со стороны семьи и бездомность, чтобы вовлечь их в трудовую эксплуатацию, обещая быстро заработать деньги.

В киберпространстве эксплуатировать жертву можно без физического насилия, транспортировки или удержания. Преступник использует онлайн-ресурсы для киберсексуальной эксплуатации, обманывает жертву, подрывает доверие и пользуется её уязвимостью. Он завоевывает доверие, выстраивает близкие отношения, а затем обманом получает личные фотографии, видео и конфиденциальную информацию, угрожает их распространением и подчиняет жертву своей воле.

Другой метод — кибербуллинг. Преступник выдаёт себя за партнёра или фиктивного друга, убеждает жертву совершать сексуальные действия (например, мастурбацию), снимает это на видео, а затем распространяет материалы через прямые трансляции или продаёт их в закрытых группах социальных сетей.

Для упрощения финансовых операций преступники используют электронные платежные инструменты: интернет-банкинг, мобильный банкинг, платежи на основе QR-кодов, криптовалюту, MonPay, Hipay, SocialPay и другие киберплатёжные инструменты, наряду с традиционными методами — межсчётные переводы, наличные и банковские карты. Они также открывают банковские счета на имя жертв и используют электронные платежи для покупки билетов на поезд, проезда в общественном транспорте и бронирования гостиниц, чтобы скрыть свою личность.

Эффективное выявление, расследование и преследование преступлений, связанных с торговлей людьми и киберэксплуатацией, невозможно ограничивать исключительно уголовным судопроизводством. Для противодействия этому виду преступлений необходимо расширять международное сотрудничество, совершенствовать правовые нормы и повышать уровень компетенции сотрудников правоохранительных органов в области информационных технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Социологические и эмпирические исследования показывают, что в Монголии сложилась ситуация, при которой граждане подвергаются высокому риску стать жертвами торговли людьми. Неконтролируемое использование киберпространства значительно усиливает этот риск.

2. Анализ криминальной ситуации по торговле людьми демонстрирует, что преступления, совершаемые с использованием киберпространства, имеют «скрытый» характер из-за сочетания объективных и субъективных факторов. Хотя наиболее распространённой формой является принудительная сексуальная эксплуатация, наблюдается тенденция к другим формам эксплуатации, включая принудительный труд,

рабство и донорство органов.

3. Недостатки в сборе доказательств по делам о торговле людьми затрудняют их расследование и судебное преследование. В результате преступления часто не отличают от схожих правонарушений, а виновные получают более мягкие наказания, что снижает эффективность правовой системы.

4. Структура и организация полицейских подразделений по борьбе с торговлей людьми через киберпространство не оптимальны: численность сотрудников недостаточна, а знания и навыки детективов в области информационных технологий требуют существенного повышения.

5. Ожидается рост киберпреступлений, связанных с торговлей людьми, при этом преступники активно сотрудничают с иностранными гражданами и международными преступными группировками, а преступность становится всё более скрытой и сложной для выявления.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Планировать и осуществлять правовые и организационные меры по предотвращению торговли людьми, совершаемой с использованием киберпространства.

2. Изучить и присоединиться к международным соглашениям и конвенциям по предотвращению киберпреступности и торговли людьми в сети.

3. Сотрудничать с международными и региональными организациями и сетями, работающими в сфере борьбы с торговлей людьми и сексуальной эксплуатацией через киберпространство.

4. Расширять участие и поддержку граждан в профилактике и выявлении преступлений, связанных с торговлей людьми, внедрять решения в области информационных технологий.

5. Организовать исследование и внедрение зарубежного опыта эффективной борьбы с торговлей людьми в киберпространстве.

6. Оптимизировать структуру подразделений, ответственных за регистрацию, расследование и мониторинг киберпреступлений; обеспечивать стабильное обучение сотрудников и их профессиональное развитие, а также предоставлять современные технические средства.

7. Внедрять технические решения для мониторинга и ограничения использования Интернета детьми, стимулировать безопасное и ответственное его использование.

8. Проводить просветительские кампании и мероприятия, направленные на формирование правильного поведения в цифровой среде среди детей и молодежи.

9. Повышать качество профилактики и лечения интернет-зависимости, проводить образовательные и просветительские программы по безопасному использованию цифровых технологий.

Список литературы

1. Конституция Монголии. Улан-Батор, 1992.
2. Уголовный кодекс Монголии (пересмотренный). Улан-Батор, 2015.
3. Закон о правах ребенка Монголии. Улан-Батор, 2016.
4. Закон о защите детей Монголии. Улан-Батор, 2024.
5. Закон о кибербезопасности Монголии. Улан-Батор, 2021.
6. Закон о защите персональных данных Монголии. Улан-Батор, 2021.
7. Информация Главного разведывательного управления https://www.gia.gov.mn/
8. «Отчет о состоянии дел» за 2022 год Управления по борьбе с организованной преступностью Службы уголовной полиции
9. «Отчет о состоянии дел» за 2022 год Отдела по борьбе с организованной преступностью Службы уголовной полиции Центрального полицейского участка
10. Worldbank.org/mn/news/press-release/2021/12/30/mongolia

References

1. Constitution of Mongolia. Ulaanbaatar, 1992.
2. Criminal Code of Mongolia (Revised). Ulaanbaatar, 2015.
3. Law on the Rights of the Child of Mongolia. Ulaanbaatar, 2016.
4. Law on the Protection of Children of Mongolia. Ulaanbaatar, 2024.
5. Cybersecurity Law of Mongolia. Ulaanbaatar, 2021.
6. Law on Personal Data Protection of Mongolia. Ulaanbaatar, 2021.
7. Information from the General Intelligence Agency: https://www.gia.gov.mn/
8. “Report on the State of Affairs” 2022, Department for Combating Organized Crime, Criminal Police Service.
9. “Report on the State of Affairs” 2022, Organized Crime Division, Criminal Police Service, Central Police Station.
10. World Bank Mongolia, Press Release, 30 December 2021: https://www.worldbank.org/mn/news/press-release/2021/12/30/mongolia

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_490

УДК 343

СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНОГЕННАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК СИСТЕМНАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
THE CURRENT CRIMINAL SITUATION IN RUSSIAN SOCIETY AS A SYSTEMIC THREAT TO NATIONAL SECURITY

ГРИНЬКО Сергей Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Мелитопольского государственного университета.
272312, Россия, Запорожская область, г. Мелитополь, проспект Богдана Хмельницкого, д. 18.
E-mail: grinko-skags@yandex.ru

GRINKO Sergei Dmitrievich,
PhD in Law, associate professor, Head of the Department of Criminal Law disciplines Melitopol State University.
272312, Russia, Zaporizhia region, Melitopol, Bogdan Khmelnitsky Avenue, 18.
E-mail: grinko-skags@yandex.ru

Краткая аннотация. *В представленной статье проводится комплексный анализ современной криминогенной обстановки в Российской Федерации, выявляющий ее системный характер и трансформирующуюся природу. Оспаривается официальная статистика, демонстрирующая формальное снижение преступности, и доказывается, что реальная картина характеризуется ростом латентности, увеличением общественной опасности совершаемых деяний и качественной трансформацией криминальных угроз. Особое внимание уделяется феномену институциональной криминализации, проявляющемуся в симбиозе власти, бизнеса и организованной преступности, а также экспансии криминальной идеологии и субкультуры в общественное сознание. Исследуется взаимосвязь теневой экономики, коррупции и новых форм киберпреступности как факторов, дестабилизирующих социально-экономическое развитие и подрывающих государственный суверенитет. На основе проведенного анализа формулируется вывод о недостаточности исключительно правовых, в том числе уголовно-репрессивных, мер противодействия и обосновывается необходимость выработки государством консолидирующей идеологической парадигмы, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях, способной стать альтернативой криминальному мировоззрению.*

Abstract. *This article provides a comprehensive analysis of the current criminogenic situation in the Russian Federation, revealing its systemic nature and transforming character. The official statistics demonstrating a formal decrease in crime are challenged, and it is proven that the real picture is characterized by growing latency, an increase in the public danger of committed acts, and a qualitative transformation of criminal threats. Particular attention is paid to the phenomenon of institutional criminalization, manifested in the symbiosis of power, business and organized crime, as well as the expansion of criminal ideology and subculture into public consciousness. The relationship between the shadow economy, corruption and new forms of cybercrime as factors destabilizing socio-economic development and undermining state sovereignty is investigated. Based on the analysis, a conclusion is formulated about the insufficiency of exclusively legal, including criminal-repressive, countermeasures, and the necessity for the state to develop a consolidating ideological paradigm based on traditional spiritual and moral values, capable of becoming an alternative to the criminal worldview, is substantiated.*

Ключевые слова: *криминализация общества, латентная преступность, национальная безопасность, теневая экономика, коррупция, криминальная идеология, антикриминальная политика.*

Keywords: *criminalization of society, latent crime, national security, shadow economy, corruption, criminal ideology, anti-crime policy.*

Для цитирования*: Гринько С.Д. Современная криминогенная обстановка в российском обществе как системная угроза национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 490-492. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_490.*

For citation*: Grinko S.D. Modern criminogenic situation in Russian society as a systemic threat to national security // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 490-492. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_490.*

Статья поступила в редакцию: 05.11.2026

Современный этап социально-экономического и политического развития России проходит в условиях нарастания системных вызовов и угроз, среди которых криминализация общественных отношений занимает одно из ключевых мест. Масштабы и качественная трансформация преступности превратили ее из проблемы правоохранительной системы в фактор, определяющий состояние национальной безопасности, стабильность государственных институтов и социальное самочувствие граждан.

Несмотря на устойчивую тенденцию к формальному снижению регистрируемой преступности, отмечаемую в официальных статистических отчетах последнего десятилетия, научное сообщество и эксперты констатируют обратные процессы. Реальная, или фактическая, преступность демонстрирует устойчивый рост, маскируемый колоссальной латентностью и спецификой ведомственного учета [1, с. 172; 2, с. 36-40]. Это создает искаженное представление о криминологической ситуации и препятствует выработке адекватных мер государственного реагирования.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ современной криминальной пораженности российского общества как многоаспектной угрозы национальной безопасности, выявление ее системообразующих характеристик и разработка на этой основе концептуальных направлений для совершенствования государственной антикриминальной политики.

1. Методология оценки криминологической реальности: разрыв между статистикой и латентностью

Основной парадокс современной российской криминологической ситуации заключается в глубинном противоречии между официальными данными и экспертными оценками. Если ведомственная отчетность фиксирует снижение количественных показателей, то качественный анализ раскрывает иную картину: общественная опасность совершаемых преступлений неуклонно возрастает. На первый план выходят тяжкие и особо тяжкие преступления, а также деяния, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, отличающиеся высокой латентностью и транснациональным характером.

Проведенные исследования, включая опросы практических работников правоохранительных органов, указывают на наличие устойчивой негативной динамики. Фактическая преступность на протяжении последних десяти лет росла в среднем на 2,4 % ежегодно [1, с. 172]. Этот рост маскируется за счет роста числа отказных материалов по сообщениям о преступлениях, что свидетельствует не об улучшении криминальной обстановки, а о деформациях в системе учета и регистрации [3, с. 3].

Ведущие отечественные криминологи (Б. Я. Гаврилов, К. К. Горяинов, С. М. Иншаков, Л. В. Кондратюк, В. В. Лунеев, В. С. Овчинский и др.) единодушны в оценке, что реальный массив преступности, с учетом феномена гиперлатентности, превышает официально регистрируемый в 4-6 раз, а по отдельным видам преступлений (например, в сфере экономики или коррупции) – на порядок и более. Таким образом, официальная статистика перестала быть релевантным инструментом для оценки угрозы и выработки стратегии противодействия.

2. Институциональная криминализация: симбиоз власти, бизнеса и преступности

Качественно новой чертой современной российской криминальной реальности стала ее глубокая институционализация. Криминализация поразила не только маргинальные слои, но и ключевые институты государственной власти и экономики. Этот процесс проявляется в нескольких взаимосвязанных формах.

- *Сращивание государственного аппарата с криминальными структурами.* Практически все ветви и уровни власти в той или иной степени оказались вовлечены в этот симбиоз. Отсутствие действенных правовых барьеров, девальвация значения репутации, а также создание широкой системы правовых иммунитетов для отдельных категорий должностных лиц (судей, депутатов) создали благоприятную среду для проникновения криминальных элементов в систему принятия властных решений. Результатом стало широкое распространение таких явлений, как политический патронаж и протекционизм в интересах криминального капитала.

- *Слияние властных структур и бизнеса.* Обыденной практикой стало совмещение государственной службы с деятельностью в коммерческих организациях. Это приводит к системной деформации конкурентной среды, которая подменяется лоббированием узкогрупповых интересов. Методами такого лоббизма являются бюджетные субсидии, гарантии по кредитам, предоставление необоснованных налоговых преференций, коррупционные схемы при распределении государственного заказа и приватизации имущества.

- *Проникновение криминала в легальный бизнес.* Наиболее уязвимыми перед криминальной экспансией оказались кредитно-финансовая сфера, внешнеэкономическая деятельность и потребительский рынок. Широкое распространение получили использование подставных фирм-однодневок, фиктивные кредитные операции, отмывание денежных средств (легализация) через сложные финансовые схемы и индустрию азартных игр.

Следствием этого триединого симбиоза стал запредельно высокий и стабильно сохраняющийся уровень теневой экономики и коррупции. Исследования показывают, что Россия до недавнего времени входила в пятерку стран с крупнейшей теневой экономикой в мире [4]. Теневая экономика оказывает комплексное деструктивное воздействие: сокращает доходы государственного бюджета, провоцирует инфляцию, дезорганизует финансовый рынок, ухудшает условия труда и способствует росту социального неравенства.

3. Социокультурные последствия криминализации: девальвация правовых и нравственных ценностей

Криминализация общества не ограничивается сферой правоотношений, она оказывает глубокое разрушительное воздействие на общественное сознание и социальные практики. Криминальная субкультура с ее специфическими ценностями, нормами и моделями поведения активно проникает в массовую культуру через СМИ и продукты кинематографа.

Происходит постепенная нормализация девиантных практик. Круговая порука, кумовство, протекционизм и коррупция начинают восприниматься не как отклонение, а как вариант нормы, эффективный инструмент решения повседневных задач. Это приводит к эрозии общественной морали, девальвации ценности законопослушного поведения и добросовестного исполнения профессиональных обязанностей.

Усиливается терпимость общества к незаконным способам разрешения жизненных проблем, о чем свидетельствует пополнение рядов преступников так называемыми «нетипичными» кадрами: бывшими сотрудниками правоохранительных органов, военнослужащими, спортсменами [5, с. 16]. На этом фоне наблюдается рост таких социальных патологий, как наркомания, алкоголизм, беспризорность, маргинализация значительных слоев населения.

Как верно отмечает Н. В. Акимова, масштабы криминализации характеризуются не только количественными параметрами, но и тотальным проникновением криминальных отношений во все сферы жизнедеятельности, включая спонсорство искусства и спорта, а также укреплением международных связей организованных преступных сообществ [5, с. 13].

4. Новые вызовы и геополитический контекст

Современная криминальная ситуация развивается в условиях кардинального изменения геополитической обстановки после начала специальной военной операции на Украине в 2022 году. Эти изменения вносят коррективы в структуру и динамику преступности.

- *Киберпреступность и гибридные угрозы.* Наблюдается рост преступлений, совершаемых в цифровой среде. Это не только традиционное мошенничество, но и кибератаки на критическую информационную инфраструктуру, распространение деструктивного контента, использование цифровых платформ для финансирования терроризма и экстремистской деятельности.

- *Влияние военного конфликта.* Как отмечает известный криминолог Ю. М. Антонян, связь между войной и преступностью требует гораздо более глубокого изучения, выходящего за рамки лишь преступлений против воинской службы [6, с. 12]. Возвращение в общество большого числа мобилизованных граждан и военнослужащих, прошедших через травматичный опыт, может породить новые волны насильственной и агрессивной преступности, если не будут созданы адекватные системы социальной и психологической адаптации.

- *Идеологический вакуум и поиск национальной идентичности.* Происходит осознанный отказ от слепого копирования западных, либеральных моделей в сфере противодействия преступности и пенитенциарной практики. Актуализируется вопрос о важности традиционных российских духовно-нравственных ценностей как ключевого антикриминогенного фактора. Государство столкнулось с необходимостью формирования конкурентоспособной идеологии, способной противостоять криминальному мировоззрению.

5. Концептуальные направления совершенствования государственной антикриминальной политики

Сложность и системность современных криминальных угроз свидетельствуют о том, что преодолеть их исключительно силами правоохранительной системы и уголовно-репрессивными методами невозможно. Необходима консолидированная стратегия, носящая межведомственный и общегосударственный характер.

1) Деполитизация и объективизация криминологического учета. Требуется коренная реформа системы регистрации и учета преступлений, направленная на полное устранение ведомственных интересов и создание прозрачного, независимого механизма оценки криминальной пораженности.

2) Борьба с институциональной коррупцией. Необходимы не точечные, а системные меры по разрыву связей между властью, бизнесом и криминалом. Это включает в себя ужесточение контроля за доходами и расходами госслужащих, ликвидацию избыточных иммунитетов, повышение прозрачности государственных закупок и приватизации.

3) Сокращение теневого сектора экономики. Следует стимулировать легализацию бизнеса через упрощение административных процедур, снижение налоговой нагрузки на малый и средний бизнес, а также ужесточение ответственности за отмывание доходов, полученных преступным путем.

4) Формирование государственной антикриминальной идеологии. Государство должно активно продвигать в общественном сознании, особенно среди молодежи, систему ценностей, альтернативную криминальной. Ключевую роль здесь играют образование, культура и патриотическое воспитание, основанные на традиционных нравственных ориентирах.

5) Развитие международного сотрудничества на новых принципах. В условиях разрыва ряда международных связей необходимо активизировать взаимодействие с дружественными странами и в рамках таких объединений, как ШОС и БРИКС, в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью, киберпреступностью и терроризмом.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что криминальная пораженность современного российского общества представляет собой не совокупность разрозненных правонарушений, а сложную системную угрозу, поразившую ключевые институты государства и общественные отношения. Ее основными характеристиками являются тотальность, высочайшая латентность, качественная трансформация и глубокая институционализация.

Сложившаяся ситуация требует принципиально нового, системного подхода к обеспечению национальной безопасности. Уголовно-правовые меры, оставаясь важным инструментом, должны быть интегрированы в более широкий контекст социально-экономической, информационной и культурной политики государства. Ключевым условием успеха является формирование и продвижение позитивной национальной идеологии, способной консолидировать общество и предложить ему привлекательную альтернативу криминальному мировоззрению и потребительскому индивидуализму. Только так можно обеспечить не только формальное снижение статистических показателей, но и реальное оздоровление социальной среды и укрепление государственного суверенитета России.

Список литературы:

1. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2013. – 396 с.
2. Закомолдин Р. В. Преступность как угроза национальной безопасности (учет, оценка, противодействие, прогнозирование) // Актуал. проблемы обеспечения национальной безопасности в условиях современности. – Донецк, 2021. – С. 36-40.
3. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С. М. Иншакова. – М., 2011. – 840 с.
4. Россия вошла в пятерку стран с крупнейшей теневой экономикой // РБК Банки:сайт.URL: https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff (дата обращения: 25.05.2024).
5. Акимова Н. В. Криминальная сфера российского общества: эволюция и идейные основы государственного противодействия: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2021. – 38 с.
6. Антонян Ю. М. Человек и преступная агрессия: монография. – М.: Проспект, 2021. – 224 с.

References

1. Bavsun M. V. Criminal law impact: ideology, goals, and means of implementation: diss. ... dr. of law. – Omsk, 2013. – 396 p.
2. Zakomoldin R. V. Crime as a threat to national security (accounting, assessment, counteraction, and forecasting) // Actual problems of ensuring national security in the modern world. – Donetsk, 2021. – Pp. 36-40.
3. Theoretical foundations of research and analysis of latent crime / edited by S. M. Inshakov. – M., 2011. - 840 p.
4. Russia is among the top five countries with the largest shadow economy // RBC Banks: website.URL: https: // www. rbc.ru / economics / 30 / 06 / 2017 /595649079a79470e968e7bff (date of request: 25.05.2024).
5. Akimova N. V. The criminal sphere of russian society: evolution and ideological foundations of state counteraction: abstract of dissertation for the degree of doctor of law. – M., 2021. - 38 p.
6. Antonian Yu. M. Man and criminal aggression: monograph. – M.: Prospekt, 2021. – 224 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_493

УДК 343.9

К ВОПРОСУ О ВНЕДРЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ПРАКТИКУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ
ON THE ISSUE OF INTRODUCING PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE INTO THE PRACTICE OF OPERATIONAL POLICE UNITS

ИВАНОВ Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России,
главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем
отраслевого управления научно-исследовательского центра, Академия управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125993, Moscow, ulitsa Zoe i Aleksandra Kosmodemyanskikh, 8.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. *Благодаря психологическим знаниям намного легче управлять вероятными возможными рисками, эмоцией и профессиональными стрессами, а также возникающей кризисной (конфликтной) ситуацией, сложившейся в противоборстве с криминальными элементами в контролируемой правоохранительными органами среде, включая информационно-коммуникационной. Указанные факторы во многом создают психологическую напряженность при решении конкретных оперативно-тактических задач, когда психологическая стабильность в среде (сфере) функционирования отсутствует и не предсказуемо, когда и при каких условиях она наступит. В такой ситуации особенно важно минимизировать риски, не дать им перерасти фазу реального (проявления) претворения, влекущего тяжелые последствия в виде материального и иного ущерба. При этом всегда следует помнить о необходимости психологической поддержки посредством своевременного выбора из имеющегося арсенала психологических приемов и методов и их задействования в так называемый режим нейтрализации рисков и стрессов. При этом роль личности сотрудника полиции в успешном разрешении кризисной ситуации ничем не заменима.*

Говоря об этом, мы вовсе не исключаем помощь психологов-специалистов, вмешательство которых, как правило, полезно при разрешении сложных кризисных (криминальных) ситуаций, ядром которой, как правило, выступает криминальное событие [1]. Многолетней практикой доказана, что синхронизация психологических и оперативно-розыскных мер, осуществляемых одновременно, – важное условие успешного их преодоления.

Суть[1] затронутой нами в настоящей статье проблемы заключается в разрешении существующего противоречия между объективной потребностью оптимизации психологического обеспечения оперативно-розыскной деятельности (ОРД), и поверхностным представлением сотрудниками оперативных подразделений полиции о потенциальных возможностях такого обеспечения, которое не позволяет эффективному проведению оперативно-розыскных мероприятий и преодолению возможных рисков при выявлении и пресечении уголовно наказуемых деяний. Кроме того, такой подход, как показывает правоприменительная практика, не позволяет вскрыть совокупность факторов и уяснить природу его происхождения, что не обеспечивает получение новых научных знаний, необходимых для разработки предложений и рекомендаций по повышению эффективности и результативности ОРД.

Не только указанное обстоятельство подтолкнуло автора к данной работе, но и тот факт, что Академия – единственный управленческий вуз в системе МВД России, где обучаются руководители различного уровня, которые на сегодня остро нуждаются в получении психологических знаний [2], чтобы тактически грамотно и оперативно вмешаться в кризисные (нештатные) ситуации с имеющимися в их распоряжении силами и средствами.

Abstract. *Psychological knowledge makes it much easier to manage likely possible risks, emotions and professional stresses, as well as the emerging crisis (conflict) situation that arises in confrontation with criminal elements in the environment controlled by law enforcement agencies, including the information and communication environment. These factors largely create psychological tension when solving specific operational-tactical tasks, when psychological stability in the operating environment (sphere) is absent and it is unpredictable when and under what conditions it will occur. In such a situation, it is especially important to minimize risks, to prevent them from developing into a phase of real (manifestation) implementation, entailing severe consequences in the form of material and other damage. At the same time, one should always remember the need for psychological support through the timely selection from the available arsenal of psychological techniques and methods and their deployment in the so-called mode of neutralizing risks and stresses. In this context, the role of the police officer's personality in successfully resolving a crisis situation is irreplaceable.*

Speaking of this, we by no means exclude the assistance of specialist psychologists, whose intervention is generally useful in resolving complex crisis (criminal) situations, the core of which, as a rule, is a criminal event. Long-standing practice has proven that the synchronization of psychological and operational-investigative measures carried out simultaneously is an important condition for their successful resolution.

The essence of the problem we address in this article lies in resolving the existing contradiction between the objective need to optimize the psychological support of operational-investigative activities (OIA) and the superficial understanding by officers of operational police units of the potential capabilities of such support, which prevents the effective conduct of operational-investigative measures and the overcoming of possible risks in the identification and suppression of criminally punishable acts. Moreover, such an approach, as law enforcement practice shows, does not allow uncovering the set of factors and understanding the nature of its origin, which fails to provide the new scientific knowledge necessary for developing proposals and recommendations to improve the effectiveness and efficiency of OIA.

Not only this circumstance prompted the author to undertake this work, but also the fact that the Academy is the only management higher education institution in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia where managers of various levels study, who today are in acute need of acquiring psychological knowledge in order to tactically competently and promptly intervene in crisis (emergency) situations using the forces and means at their disposal.

Ключевые слова*: оперативно-розыскная психология, ее потенциальные возможности [3-7],[2], внедрение их в оперативно-*

[1] Автор, определяя сущность, исходил из следующего правила: сущность глубже, а явление (действие) – богаче, многообразнее, но они тесно взаимосвязаны; сущность всегда проявляется и определяет явление (действие), а любое явление существенно не само по себе, а в связи с выражением сущности; сущность, будучи устойчивой по отношению к явлению, потому более подвижна.

[2] Автор к вопросам психологического обеспечения оперативно-розыскной деятельности обращался ранее неоднократно.

розыскную деятельность, проведение со знаниями психологии оперативно-розыскных мероприятий, оперативные подразделения полиции.

Keywords: *operational-investigative psychology, its potential capabilities, their integration into operational-investigative activities, conducting operational-investigative measures with knowledge of psychology, operational police units.*

Для цитирования*: Иванов П.И. К вопросу о внедрении психологических знаний в практику деятельности оперативных подразделений полиции // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 493-498. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_493.*

For citation*: Ivanov P.I. On the issue of introducing psychological knowledge into the practice of operational police units // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 493-498. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_493.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Невольно в рассматриваемом контексте возникают в первоочередном порядке следующие вопросы: какие же знания у оперативного сотрудника на сегодня не достают, чтобы облегчить решение повседневных оперативно-служебных задач; как и каким образом их приобрести.

К числу такого рода знаний [8] мы относим:

- результаты познания индивидуально-психологических особенностей личности граждан, оказывающих содействие оперативным подразделениям полиции при выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и документировании преступных действий прежде всего организованных преступных групп;

- научные сведения о криминолого-психологической типологии личности как оперативного сотрудника, так и преступника (подозреваемого);

- совокупность сведений, необходимых при установлении психологического контакта оперативным работником с лицом, представляющим оперативный интерес. Такие действия дают желаемый результат при тактически грамотном применении психологических приемов и методов, заранее просчитанных ходы собеседника. Психологическая технология предстоящего общения может послужить в качестве апробированного инструмента их сближения. Важно учесть одно немаловажное обстоятельство: со знанием дела следует подойти к решению обозначенной задачи.

По результатам выборочного изучения исследуемого вопроса мы пришли к выводу о том, что в центре внимания руководителей оперативных подразделений полиции должны находиться по крайней мере три ключевых вопроса:

1) научить своих подчиненных приемам перевоплощения с учетом замысла идеи, реальной обстановки, предстоящих задач и условий их решения. Перевоплотиться означает принять какой-нибудь новый вид, образ; превратиться в кого-нибудь. В соответствии с этим следует определить и линию своего поведения;

2) натаскать их без отрыва от основной работы психологическим приемам (манерам) общения с целью установления психологического контакта с интересующим лицом. Результаты выборочного исследования показывают необходимость повышения грамотности оперативных сотрудников полиции в области коммуникации, ведь оперуполномоченный должен обладать навыками бесконфликтного общения, знать тонкости выстраивания линии общения, что невозможно без изучения психологических и культурных особенностей представителей, например, различных наций. Умение предугадывать, не допускать и разрешать конфликты, если они все же возникли необходимо сотрудникам для решения стоящих перед ними оперативно-служебных задач;

3) принять все возможные меры по формированию у сотрудников эмоционально-волевых качеств (эмоциональных чувств, умение контролировать и регулировать за эмоцией), необходимых им для выполнения возложенных на них обязанностей при чрезвычайных обстоятельствах.

Исследователи [9, 10], на наш взгляд, правильно отмечают, что эмоционально-волевая сфера личности - интегративная характеристика личности, включающая прежде всего эмоционально-мотивационный выбор, основанный на накопленном опыте. Так, Т.Ю. Полозова, характеризуя указанную сферу, пишет: «несомненно, на протяжении всей службы на эмоционально-волевую устойчивость негативно влияют такие обстоятельства как: недостаток и текучесть кадров, риск и напряженность, отсутствие времени для осознания, высокая эмоциональная ответственность за результат, умение противостоять психологическому давлению криминальных элементов, их отработанному манипулированию, высокая конфликтность среды» [11]. Руководители оперативных подразделений, принимая решение по формированию эмоционально-волевой устойчивости сотрудников должны учесть перечисленные факторы, оказывающие серьезное негативное влияние.

Необходимо отметить, что успех любой деятельности сотрудников правоохранительных органов обеспечивается продолжительной эмоциональной стабильностью, проявлениям волевых усилий на пути возникающих препятствий, благодаря заранее сформированным навыкам нормализации эмоционального напряжения, поддержания концентрации внимания в поиске дестабилизирующих криминальных факторов.

Чтобы целенаправленно вести их поиск, по мнению автора настоящей статьи, следует определять приоритетные задачи, которые должны решаться на стыке прежде всего двух наук: психологической и оперативно-розыскной. К их числу мы относим следующие задачи:

- всестороннее изучение личности преступника как одного из объектов ОРД в постоянно меняющемся в цифровом пространстве, чтобы на их основе выбрать наиболее приемлемые приемы (способы) реагирования, ход дальнейших действий (алгоритм предстоящих ответных мер в отношении указанного объекта. В данном случае речь идет об оперативно-розыскной характеристике личности [12] лица, которое, например, является организатором сети по сбыту наркотиков бесконтактным способом, умеющим для этого использовать информационные ресурсы и технологии. При этом бесконтактный характер преступления заключается в том, что покупатель с помощью ИТ-технологий (IP-телефонии, электронной почты, мессенджеров, интернета) устанавливает связь с продавцом, а последний передает первому реквизиты для оплаты наркотических средств или психотропных веществ. Далее после подтверждения оплаты продавец сообщает покупателю местонахождение запрещенных средств («закладки»). В «темном» сегменте интернета (т.н. Даркнет) функционируют десятки крупных площадок, ориентированных на распро-

странение наркотиков. Сфера деятельности наркомагазинов может быть сегментирована с учетом их специализации на распространении отдельных видов запрещенных веществ;

- составление психологического его портрета (профиля), который представляет собой совокупность сведений об интересующем лице, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций, которые связаны единым уникальным идентификатором;

- установление ближайшего их окружения, характера взаимоотношений, основного мотива и интересов (потребностей);

- выявление «уязвимых мест» в общении, чтобы прочно установить психологический контакт с лицом, представляющим оперативный интерес, и вовлеченный в разработку;

- проведение оперативно-розыскных мероприятий с учетом оптимальных психологических методов и приемов с целью экономии затрат при решении планируемых задач [13]. Как нам представляется, такое сочетание (адаптация) приемов обеспечивает преодоление возможных (вероятных) рисков. Автор полагает, что риск-ориентированный подход [14] к решению оперативно-служебных задач – наиболее оптимальный выход из создавшихся ситуаций;

- осуществление глубокой превентивной работы оперативных подразделений полиции в криминальной среде посредством использования для этого новых методик своевременного распознания признаков преступлений, выявления источников их нейтрализации и локализации;

тактически грамотного осуществления прогнозирования складывающейся оперативной обстановки для того, чтобы по его результатам заблаговременно выработать методику ее стабилизации;

внесение существенных корректив в типологию личности изучаемого преступника с последующей модернизацией отдельных элементов оперативно-розыскной характеристики конкретных видов преступлений;

эффективное использование функциональных возможностей программного комплекса мониторинга и анализа социальных сетей и онлайн СМИ, позволяющего осуществлять поиск информации в открытых информационных источниках социальных сетей, выявлять аккаунты, публикующие противоправный контент. Иными словами, с помощью комплекса проводится мониторинг информационных ресурсов, попавших в поле оперативного внимания, поскольку социальные сети, мессенджеры и онлайн СМИ в настоящее время могут стать основными инструментами для совершения, например, противоправных финансовых операций (сделок);

применение различных приемов, включая психологических, для вскрытия так называемого криминального подполья, т.е. преступной организации, действующей втайне от правоохранительных органов, чтобы не иметь конфликт с законом. Члены этих организаций ушли в подполье для того, чтобы обеспечить неуязвимость от уголовного преследования. Выйти из нее многие уже не хотят;

подробное изучение (исследование) с учетом достижений теории познания (гносеологии) процесса (природы) криминализации информационно-телекоммуникационной среды, выступающей в настоящее время одной из угроз национальной безопасности. На этом фоне происходит структурная трансформация преступности, в результате которой инструменты информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе в сети «Интернет», встраиваются в механизм совершения преступления. Специалистами утверждается, что следствием цифровой трансформации преступности является: развитие дистанционных способов совершения преступлений, исключающих непосредственный контакт соучастников как между собой, так и с потерпевшими; совершенствование способов сокрытия преступлений, основанных на использовании сервисов анонимизации личности в цифровом пространстве; использование криптовалют в криминальных взаиморасчетах; рост масштабов межрегиональной и трансграничной преступности, использовании при совершении преступлений сетевой инфраструктуры, расположенной за пределами Российской Федерации; формирование криминального рынка противоправных услуг в информационно-телекоммуникационной сфере, связанных с предоставлением в аренду компьютерных сетей, зараженных вредоносным программным обеспечением; использование технологий искусственного интеллекта в противоправной деятельности. Как нам представляется, в этих условиях заслуживают особого внимания необходимость обобщения научными учреждениями правоприменительной практики с целью дальнейшего совершенствования законотворческой деятельности в части недопущения преступлений в интернете, проведения в нем системы оперативно-розыскных мероприятий [15], формирования доказательств в цифровом мире (пространстве), признания интернета как источника получения оперативно-розыскной информации;

нейтрализация организованной преступности. Такие группировки нередко представляют криминальный синдикат, нося трансграничный характер, действуя рука об руку с зарубежными спецслужбами, эмиссарами международных радикальных, экстремистских структур. Эти криминальные сообщества завязаны на торговлю людьми, незаконный оборот оружия, финансовые и киберпреступления, наркотрафик. Чтобы бороться с ними необходимо задействовать все наработки правоохранительных органов, имеющиеся информационные системы, а также научно обоснованные методики по организации противодействия организованной преступности. Такой подход продиктован стремлением оказать соразмерность ответных мер. Юридическая психология со всеми ее составляющими в их числе должна играть ощутимую (действенную) роль.

Как нам представляется, на сегодня в вышеуказанных интересах значимо решение проблемы формирования государственной системы противодействия преступности, которое, по мнению автора статьи, предполагает учет совокупности факторов, а именно:

усиленный поиск новых форм и методов противодействия, например, киберпреступности, сопряженной с достижениями современной науки и техники, вызванный новой промышленной революцией и ее технологией[1]. Указанная нами проблема и ее успешное разрешение, на наш взгляд, немыслимо без предварительной научной ее проработки в рамках оперативно-розыскной политики [16]. Думается, что с учетом сложив-

[1] Здесь речь идет о цифровой трансформации, понимаемой нами как процесс, отражающий переход традиционной оперативно-розыскной работы из одного технологического уклада в другой посредством широкомасштабного использования цифровых и информационно-коммуникационных технологий в целях повышения ее эффективности и результативности.

шейся на сегодня криминогенной ситуации ее решение предполагает построение такой теоретико-практической системы разнообразных мер, которая обеспечивала бы изучение преступности, ее причин и условий, устранение этих причин и условий, позволяла бы выявлять и изучать лиц, от которых в силу их антиобщественного поведения можно ожидать преступления, и оказывать нужное профилактическое воздействие на таких лиц;

осуществление оперативно-розыскной работы в условиях замкнутой цифровой среды [17]. Как нам кажется, ни у кого не вызывает сомнений в том, что на затронутую в настоящей статье проблему непосредственное влияние оказывает наряду со многими другими факторами цифровая трансформация, понимаемая нами как процесс, отражающий переход традиционной оперативно-розыскной работы из одного технологического уклада в другой посредством широкомасштабного использования цифровых и информационно-коммуникационных технологий в целях повышения ее эффективности и результативности. Чтобы данный процесс был управляемым МВД России приняло ведомственную целевую программу [18], которая носит многоцелевой характер. В частности, они рассчитаны на достижение шести взаимосвязанных между собой целей, включая создание условий для повышения собираемости доходов и сокращения теневой экономики за счет цифровой трансформации [19-21], а также устранение избыточной административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности в рамках контрольной (надзорной) деятельности [22];

появление ранее неизвестных правоприменительной практике вызовов и угроз национальной безопасности страны [23, 24]. Среди множества потенциальных рисков неправомерный доступ к компьютерной информации на сегодня выходит на первый план. Создание соответствующей системы ее защиты предполагает принятие неотложных мер правового, организационного и технического характера;

инновации, обусловленные внедрением информационных цифровых технологий в правоохранительную деятельность [25];

цифровизация преступности, вследствие чего появление «цифрового преступника» [26].

Мы по результатам выборочного исследования (изучения) системы психологического обеспечения ОРД ее компоненты условно делим на четыре блока: *мотивационный* (убеждения, привычки, наклонности, мотивация, характер и социальная значимость потребностей, ценности, установки, чувства и эмоции – эмоциональный интеллект); *познавательный* (знания о теории гносеологии, психике, целях, жизненных стремлениях и ожиданиях, а также об объективной потребности сопряжения психологии с теорией ОРД); *деятельностный* (установки, ценностные ориентации, потребности, профессиональное мастерство, интуиция, практический опыт, коммуникативные навыки); *прогностический* (система взглядов, конфликтность, метод экстраполяции – перенесение закономерностей прогнозируемого объекта развития в прошлом и настоящем на будущее; метод моделирования – создание упрощенного образа прогнозируемого объекта, отражающего его существенные свойства и стороны; метод экспертных оценок – обобщение мнений специалистов).

Названные блоки заслуживают отдельного рассмотрения, ибо они являются предметом исследования на стыке анализируемых нами наук.

Совокупность названных признаков, характеризующих указанные блоки, позволяет глубже познать внутреннее содержание психологического обеспечения ОРД и личности субъектов его организующих и осуществляющих. Как нам представляется, такая конструкция вторгается психологическую подсистему личности вообще.

Основываясь на вышеприведенный анализ, по мнению автора статьи, основными направлениями психологического обеспечения наряду со многими другими выступают:

1) психологическая компетентность (наличие совокупности психологических знаний) как фактор эффективного проведения сотрудниками полиции оперативно-розыскных мероприятий.

Данный факт подтверждает необходимость повышения уровня психологической подготовленности сотрудников оперативных подразделений в области изучения и совершенствования навыков, например, установления доверительных отношений с гражданами в процессе своевременного решения оперативно-служебных задач, а также необходимость освоения и грамотного использования в практической деятельности современных психотехнологий, в том числе коммуникативной;

2) интеграция психологического знания в профессиональную деятельность оперативных сотрудников на основе их адаптации новым условиям. На начальном этапе следует сформировать их адаптационный потенциал с учетом состояния эмоционально-волевой устойчивости.

Наиболее сложными для сотрудников оперативных подразделений являются ситуации, когда у них быстро изменяющихся условиях отсутствуют заранее отработанные способы (алгоритмы) действий.

При этом практическая деятельность демонстрирует, с одной стороны, принятие четких и регламентированных нормативно-правовыми актами решений, сопряженных с личным и служебным опытом самого сотрудника, а с другой стороны, принятие решений, основанных на эмоциональной, интуитивной сферах личности сотрудника. Процесс принятия решений зачастую сопряжен с широким спектром выполняемых профессиональных обязанностей, высокой степенью неопределенности перед постановкой служебных задач.

В заключение отметим следующее.

Во-первых, мы отдаем себе отчет в том, что не все положения, высказанные в настоящей статье, бесспорны. Отдельные из них, по нашему мнению, носят дискуссионный (полемический) характер и нуждаются в дальнейшем обсуждении по результатам дополнительного изучения.

Во-вторых, сердцевиной (ядром) психологического обеспечения ОРД является личность, понимаемая особое системное социальное свойство, приобретаемое ею в процессе осуществления оперативно-розыскной работы в интересах своевременного выявления и пресечения

преступлений, например, экономической и коррупционной направленности, что означает вовлеченность индивида в правоотношения посредством самой деятельности и общения с объектом ее реагирования.

В-третьих, слагаемыми психологических знаний выступают три группы сведений, а именно: 1) полученные по результатам познания объектно-предметной составляющей психологии и теории ОРД; 2) научные сведения, включенные в понятийно-категориальный аппарат указанных разновидностей теорий; 3) совокупность сведений, с которыми они оперируют, поясняя категории, теории и иные инструменты.

Обобщение и внедрение психологических знаний в практику деятельности оперативных подразделений полиции есть форма их апробации.

В-четвертых, проводимое нами исследование нацелено на установление психологических закономерностей, под которой автором статьи понимается объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между субъектом оперативно-розыскного воздействия с использованием психологических приемов и методов, и объектом, в качестве которых выступают преступления различной направленности и лица, их совершающие, в условиях цифровой трансформации.

В-пятых, сформулированные в статье в контексте науки психологии положения далеко не исчерпывают всех аспектов проблемы, связанной с психологическим обеспечением ОРД, но они, на наш взгляд, могут быть использованы в качестве исходных посылок («реперных точек») для дальнейшего углубленного их исследования.

Список литературы:

1. Иванов П.И. Личность преступника как неотъемлемая часть криминологической характеристики преступления // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (23-24 марта 2023 г.) «Личность преступника в изменяющемся мире Долговские чтения». М.: Университет прокуратуры РФ, Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2023. – С. 72-80.

2. Иванов П.И. Психологическое обеспечение ОРД как условие или же как средство? Точка зрения // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 8. – С. 517-520.

3. Иванов П.И. К вопросу о психологическом обеспечении деятельности подразделений ЭБиПК ОВД РФ // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 1. – С. 232 -237.

4. Иванов П.И. Оперативно-розыскная психология, сопряженная с теорией ОРД // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 8. – С. 436-440.

5. Иванов П.И. Психологическое обеспечение ОРД как условие или же как средство? Точка зрения // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 8. – С. 517-520.

6. Иванов П.И. Совокупность психологических приемов как ключевой компонент системы психологического обеспечения ОРД // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 9. – С. 458-460.

7. Иванов П.И. К вопросу о психологическом обеспечении содействия граждан: авторский взгляд // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 10. – С. 431-434.

8. Ильин А.Е., Печенкова Е.А. Роль психологического знания в оперативно-разыскной деятельности // Актуальные проблемы адаптации курсантов образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 26 февраля 2020 г. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2020. – С. 195-197.

9. Шхарапсоева М.Х. Психологическая устойчивость сотрудников органов внутренних дел. Вопросы экономики и права. – 2014. – № 5. – С. 20-31.

10. Васькина Ю.Д. Федотов С.Н. Описательная модель изучения и развития психологической устойчивости личности сотрудника органов внутренних дел человеческий капитал. – 2022. – № 11(167). – С. 204-209.

11. Полозова Т.Ю. Особенности формирования эмоционально-волевой устойчивости сотрудников полиции // Оперативно-розыскная психология: современные подходы и перспективы развития: сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2025. – С. 178.

12. Ларичев В.Д., Борин Б.В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений экономической направленности (на примере хищения в строительной сфере): монография. – М.: Юрлитинформ, 2016.

13. Ильин А.Е. Интеграция психологического знания в профессиональную деятельность оперативных сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 октября 2024 г. – Спб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. – С. 188-193.

14. Иванов П.И. Внедрение метода риск-ориентированного подхода в деятельность по оперативно-розыскному противодействию экономическим и коррупционным преступлениям (в порядке постановки проблемы) // Юристъ-Правоведъ. – 2023. – № 1 (104). – С. 80-89.

15. Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р.

16. Иванов П.И. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровой реальности: ее научное обеспечение // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (68). – С. 64–67.

17. МВД России принята ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2024-2026 годы: распоряжение МВД России от 25.01.2024 № 1/724.

18. МВД России утверждена ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2024-2026 годы: распоряжение МВД России от 25.01.2024 № 1/724.

19. Иванов П.И., Шитов А.С. К вопросу о важности приспособления механизма противодействия налоговой преступности к цифровой реальности // Искусственный интеллект (большие данные) на службе полиции: сборник статей международной научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России. – 2020. – С. 98-103.

20. Иванов П.И., Шитов А.С. Налоговая преступность как источник угрозы экономической безопасности (проблемы и пути решения) //Актуальные вопросы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: сборник материалов Межведомственной научно-практической конференции. НИЦ ФСБ России. Москва, 2020. – С. 63-75.

21. Иванов П.И., Шитов А.С. Транснациональная организованная налоговая преступность как угроза налоговой безопасности (меры оперативно-розыскного противодействия) // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 4 (57). – С.46-53.

22. Иванов П.И. Об обеспечении защиты прав и законных интересов лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, от преступных посягательств // Безопасность бизнеса. – 2021. – № 2. – С. 21-26.

23. Иванов П.И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям (проблемы и пути их решения) // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 4 (64). – С. 83-92.

24. Иванов П.И. Оперативно-розыскное противодействие профессиональной преступности (вопросы теории и практики) // Вестник Владимирского юридического института. – 2024. – № 4 (73). – С.59-66.

25. Иванов П.И. К вопросу о формировании оперативно-розыскной политики в условиях цифровой трансформации // Ученые записки. – 2024. – № 4 (52). – С. 82-86.

26. Иванов П.И. К вопросу о личности «цифрового преступника» // Философия права. – 2024. – № 3 (110). – С.128-135.

References:

1. Ivanov P.I. The Criminal's Personality as an Integral Part of the Criminological Characteristics of a Crime. In: *Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (March 23-24, 2023) "The Criminal's Personality in a Changing World: Dolgov Readings"*. Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, All-Russian Public Organization "Russian Criminological Association", 2023, pp. 72-80.

2. Ivanov P.I. Psychological Support of Investigative Activities as a Condition or as a Means? A Point of View. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice], 2025, no. 8, pp. 517-520.

3. Ivanov P.I. On the Issue of Psychological Support for the Activities of Economic Security and Anti-Corruption Units of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation. Agrarnoe i zemelnoe pravo [Agrarian and Land Law], 2025, no. 1, pp. 232-237.

4. Ivanov P.I. Investigative Psychology Conjugated with the Theory of Investigative Activities. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice], 2025, no. 8, pp. 436-440.
5. Ivanov P.I. Psychological Support of Investigative Activities as a Condition or as a Means? A Point of View. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice], 2025, no. 8, pp. 517-520.
6. Ivanov P.I. A Set of Psychological Techniques as a Key Component of the System of Psychological Support for Investigative Activities. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice], 2025, no. 9, pp. 458-460.
7. Ivanov P.I. On the Issue of Psychological Support for Citizen Assistance: The Author's View. Agrarnoe i zemelnoe pravo [Agrarian and Land Law], 2025, no. 10, pp. 431-434.
8. Ilyin A.E., Pechenkova E.A. The Role of Psychological Knowledge in Investigative Activities. In: Current Problems of Adaptation of Cadets of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia to the Conditions of Professional Activity: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, February 26, 2020. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, 2020, pp. 195-197.
9. Shkharapsoeva M.Kh. Psychological Stability of Employees of Internal Affairs Bodies. Voprosy ekonomiki i prava [Issues of Economics and Law], 2014, no. 5, pp. 20-31.
10. Vaskina Yu.D. Fedotov S.N. A Descriptive Model for Studying and Developing the Psychological Stability of the Personality of an Employee of Internal Affairs Bodies. Chelovecheskiy kapital [Human Capital], 2022, no. 11 (167), pp. 204-209.
11. Polozova T.Yu. Features of the Formation of Emotional-Volitional Stability of Police Officers. In: Investigative Psychology: Modern Approaches and Development Prospects: Collection of Scientific Works. Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, p. 178.
12. Larichev V.D. Borin B.V. Investigative Characteristics of Economic Crimes (on the Example of Theft in the Construction Sector): Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2016.
13. Ilyin A.E. Integration of Psychological Knowledge into the Professional Activities of Operational Officers of Economic Security and Anti-Corruption Units of the Ministry of Internal Affairs of Russia. In: Pedagogy and Psychology in the Activities of Law Enforcement Officers: Integration of Theory and Practice: Materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 24, 2024. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, pp. 188-193.
14. Ivanov P.I. Implementation of the Risk-Based Approach Method into Activities for Investigative Counteraction to Economic and Corruption Crimes (Problem Statement). Yurist-Pravoved [Lawyer-Jurist], 2023, no. 1 (104), pp. 80-89.
15. Decree of the Government of the Russian Federation No. 4154-r of December 30, 2024On Approval of the Concept of the State System for Countering Illegal Acts Committed Using Information and Communication Technologies".
16. Ivanov P.I. Investigative Activities in the Context of Digital Reality: Its Scientific Support. Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 2 (68), pp. 64-67.
17. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1/724 of January 25, 2024On Approval of the Departmental Program for Digital Transformation of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2024-2026".
18. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1/724 of January 25, 2024On Approval of the Departmental Program for Digital Transformation of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2024-2026".
19. Ivanov P.I., Shitov A.S. On the Importance of Adapting the Mechanism for Countering Tax Crime to Digital Reality. In: Artificial Intelligence (Big Data) in the Service of the Police: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, pp. 98-103.
20. Ivanov P.I., Shitov A.S. Tax Crime as a Source of Threat to Economic Security (Problems and Solutions). In: Current Issues of Ensuring the Economic Security of the Russian Federation: Proceedings of the Interdepartmental Scientific and Practical Conference. Research Center of the Federal Security Service of Russia. Moscow, 2020, pp. 63-75.
21. Ivanov P.I., Shitov A.S. Transnational Organized Tax Crime as a Threat to Tax Security (Measures of Investigative Counteraction). Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Vladimir Law Institute], 2020, no. 4 (57), pp. 46-53.
22. Ivanov P.I. On Ensuring the Protection of the Rights and Legitimate Interests of Persons Engaged in Entrepreneurial Activities from Criminal Attacks. Bezopasnost biznesa [Business Security], 2021, no. 2, pp. 21-26.
23. Ivanov P.I. Operational-Investigative Counteraction to Cybercrimes (Problems and Solutions). Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 4 (64), pp. 83-92.
24. Ivanov P.I. Operational-Investigative Counteraction to Professional Crime (Issues of Theory and Practice). Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Vladimir Law Institute], 2024, no. 4 (73), pp. 59-66.
25. Ivanov P.I. On the Issue of the Formation of Investigative Policy in the Context of Digital Transformation. Uchenye zapiski [Scientific Notes], 2024, no. 4 (52), pp. 82-86.
26. Ivanov P.I. On the Personality of the "Digital Criminal". Filosofiya prava [Philosophy of Law], 2024, no. 3 (110), pp. 128-135.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_499

УДК 343.72

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПОМОЩЬЮ ФИШИНГОВЫХ АТАК
FEATURES AND PROBLEMS OF QUALIFYING CRIMES COMMITTED THROUGH PHISHING ATTACKS

КУРИЛОВА Елена Николаевна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
308024 Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.
e-mail: alkut_91@mail.ru
ORCID 0009-0006-8975-6083

УШАКИНА Юлия Сергеевна
старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел,
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.
308024 Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.
e-mail: nikjulijas@mail.ru

KURILOVA Elena Nikolaevna
Candidate of Law, Senior lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.
308024 Belgorod, Gorky str., 71.
e-mail: alkut_91@mail.ru
ORCID 0009-0006-8975-6083

USHAKINA Yulia Sergeevna
Senior Lecturer of the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.
308024 Belgorod, Gorky str., 71.
e-mail: nikjulijas@mail.ru

Краткая аннотация: *Особенности квалификации преступлений, совершаемых с помощью фишинговых атак, связаны с отсутствием специального состава преступления, предусматривающего ответственность за фишинг. Это приводит к проблемам в судебной практике, так как правоприменитель сталкивается с необходимостью устанавливать совершение неправомерного доступа к компьютерной информации и только после этого оценивать наступившие общественно-опасные последствия.*

Abstract: *The peculiarities of the qualification of crimes committed using phishing attacks are related to the absence of a special crime composition that provides for liability for phishing, and the actions fall under the qualification of a number of articles of the Criminal Code of the Russian Federation. This leads to problems in judicial practice, as the law enforcement officer is faced with the need to establish not only the commission of unauthorized access to computer information, but also the socially dangerous consequences, as well as the existence of a causal relationship between the actions and the consequences that occurred.*

Ключевые слова: *фишинг, мошенничество, преступления, совершаемые с помощью фишинговых атак.*
Keywords: *phishing, fraud, crimes committed through phishing attacks.*

Для цитирования*: Курилова Е.Н., Ушакина Ю.С. Особенности и проблемы квалификации преступлений, совершаемых с помощью фишинговых атак // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 499-501. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_499.*
For citation*: Kurilova E.N., Ushakina Y.S. Features and problems of qualification of crimes committed by means of phishing attacks // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 499-501. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_499.*

Статья поступила в редакцию: 18.12.2025

Одной из разновидностей интернет-мошенничества является фишинг. Он выступает вторым по популярности видом киберпреступлений в России. Первое место занимают телефонные звонки. Количество попыток россиян перейти на фишинговые сайты исчисляется десятками миллионов, согласно данным аналитиков.

Фишинг в переводе с английского языка означает «рыбалка». Это достаточно символично, ведь посредством такой «рыбалки» мошенники выуживают персональные данные пользователей. Злоумышленники заманивают людей в ловушки посредством отправки им ссылок на фишинговые сайты в соцсетях, на электронную почту и в мессенджерах. Согласно аналитическим данным из сети, наиболее часто воздействию мошенников подвергаются пользователи мессенджеров [7, с.37].

Контент фишинговых сайтов адаптируется под актуальные события:

- накануне «чёрной пятницы» преобладают подделки крупных интернет-магазинов;
- в период пандемии распространялись фейки о социальных выплатах;
- летом активизируются лже-сервисы бронирования отелей и туров;
- постоянно встречаются имитации благотворительных фондов;
- под угрозой оказываются банки — им приходится блокировать мошеннические копии своих ресурсов, фейковые приложения и страницы в соцсетях.

Основные виды фишинга:

1. Классический фишинг с обманом. Самый массовый метод: создаются поддельные сайты, URL которых незначительно отличаются от оригинальных, чтобы пользователь не заметил подвоха при переходе из письма.

2. «Гарпунный» фишинг (*spear phishing*). Злоумышленники изучают жертву через соцсети, чтобы составить персонализированное сообщение, вызывающее доверие.

3. Социальная инженерия. Мошенники запугивают жертву (например, угрожают блокировкой банковского счёта), вынуждая раскрыть персональные данные.

4. «Охота на китов» (*whaling*). Цель — высокопоставленные менеджеры и руководители. Задачи: получение конфиденциальной информации, заражение устройств вредоносным ПО.

5. Фарминг. Относительно новый метод: подделывается действующий сайт (например, личный кабинет банка) через заражение компьютера пользователя или DNS-сервера. Даже при вводе правильного адреса браузер перенаправляет на фальшивый ресурс, где похищаются данные.

6. Вишинг (*vishing*). Мошенничество через голосовое общение: злоумышленник выстраивает диалог так, чтобы жертва добровольно предоставила личные данные [8, с. 350].

Рост киберпреступлений связан с развитием технологий и расширением возможностей интернета. На заседании коллегии МВД в 2022 г. Президент РФ подчеркнул: «Кибертехнологии развиваются стремительно, возникают новые риски, и нужно их предупреждать, не позволять преступникам паразитировать на технологическом прогрессе, в связи с чем необходимо действовать на опережение» [5].

Фишинг представляет серьёзную угрозу национальной безопасности нашей страны. Хотя в УК РФ нет отдельной статьи с термином «фишинг», подобные деяния квалифицируются по нескольким нормам:

- ст. 159.6 УК РФ — мошенничество в сфере компьютерной информации. Наказание: штраф до 500 тыс. руб. или в размере дохода за период до 3 лет, либо лишение свободы до 3 лет. При отягчающих обстоятельствах (крупный ущерб, повторность, использование спецсредств) срок может достигать 10 лет.
- ст. 272 УК РФ — неправомерный доступ к компьютерной информации.
- ст. 273 УК РФ — создание, использование и распространение вредоносных программ (например, ПО для перенаправления на фишинговые сайты).
- ст. 180 УК РФ — незаконное использование товарного знака (при подделке логотипов компаний).

Сейчас методы мошеннических действий в интернете очень разнообразные, что осложняет процедуры противодействия данным преступлением. Поиск становится чрезвычайно сложным, так как данный вид киберпреступлений обладает высоким уровнем латентности. Профилактическая работа в данном случае также является сложной, ввиду появления новых методов совершения фишинговых атак.

Ключевая сложность — отсутствие в законе чёткого определения фишинга и его признаков. В судебной практике встречаются разные подходы к квалификации:

- мошенничество с внедрением в информационную систему — по ст. 159 УК РФ;
- действия, приведшие к уничтожению, блокировке или копированию данных, — по ст. 272–273 УК РФ.

Для привлечения к ответственности требуются доказательства:

- переписка с злоумышленниками;
- факты использования чужих учётных данных;
- экспертные заключения.

Реальный срок лишения свободы назначается только при причинении крупного ущерба или иных тяжких последствий.

Рассмотри пример из судебной практики. Так, Чертановский районный суд Москвы осудил Евгения и Дмитрия Попельши по ч. 2 ст. 272, ч. 1 ст. 273 и ч. 4 ст. 159 УК РФ. Преступники:

- создали копию сайта банка;
- разместили на нём фальшивые контакты службы поддержки;
- использовали вредоносное ПО для перехвата данных клиентов при входе в «банк-клиент».

Пользователи, заходя на поддельный ресурс, передавали злоумышленникам логины и пароли [6].

Таким образом, современные методы фишинга отличаются разнообразием и высокой латентностью, что затрудняет:

- выявление преступников;
- профилактику атак (из-за постоянного появления новых схем);
- правовое регулирование (отсутствие специализированного состава преступления).

Кроме того, многие жертвы не сообщают о случившемся в правоохранительные органы, что усиливает скрытость этого вида преступлений [9, с. 350].

Таким образом, действующее уголовное законодательство РФ не содержит прямого определения фишинга, что создаёт пробелы в квалификации подобных деяний и требует совершенствования нормативно-правовой базы.

На основании изложенных выводов предлагаем, дополнить ст.159.3 УК РФ, частью пятой, которую изложить в следующей редакции:

«Статья 159.3 Мошенничество с использованием платежных карт

5. Мошенничество с использованием индификационных данных кредитных, расчетных или иных платежных карт, принадлежащих другому лицу, путем обмана или злоупотребления доверием, с целью хищения чужого имущества».

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. – N 25. – Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. – N 1 (часть I). – Ст. 1.
3. Ан Д. С., Зуфарова А. С. Классификация фишинга: различные типы и способы реализации атак //Информатика. Экономика. Управление/Informatics. Economics. Management. – 2025. – Т. 4. – №. 1. – С. 210-218.
4. Белова К. Д., Москвин Д. А. Фишинговые атаки: понятие и основные виды мошенничества с применением IT-технологий //Студенческая наука-взгляд в будущее. – 2023. – С. 177-181.
5. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 17 февраля 2022 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795 (дата обращения: 21.10.2025).
6. Вынесен приговор по первому в России делу об интернет-фишинге: Электронный ресурс https://www.m24.ru/articles/internet/12092012/5008 URL: (дата обращения: 21.12.2025).
7. Завьялов А. Н. Интернет-мошенничество (фишинг): Проблемы противодействия и предупреждения //Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13. – №. 2. – С. 36-39.
8. Кобец П. Н. Фишинговые атаки киберпреступников, как важнейший инструмент совершения преступлений в современном информационном пространстве, и меры по их противодействию //Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. – 2022. – С. 324-329.
9. Никульченкова Е. В. Проблемы противодействия киберпреступности в России //Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – Т. 28. – №. 3 (94). – С. 345-352.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated June 17, 1996, No. 25, Article 2954.
2. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated December 30, 2001, No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation dated January 7, 2002, No. 1 (Part I). – Art. 1.
3. An D. S., Zufarova A. S. Classification of phishing: various types and methods of attacks //Computer science. Economy. Management/Informatics. Economics. Management. – 2025. – Vol. 4. – No. 1. – pp. 210-218.
4. Belova K. D., Moskvin D. A. Phishing attacks: the concept and main types of fraud using IT technologies //Student Science: A Look into the Future. – 2023. – Pp. 177-181.
5. Speech by President of the Russian Federation V.V. Putin at the expanded meeting of the Collegium of the Ministry of Internal Affairs of Russia on February 17, 2022. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795 (accessed: 21.10.2025).
6. The first Russian case of Internet phishing has been sentenced: Electronic resource https://www.m24.ru/articles/internet/12092012/5008 URL: (accessed: 12/21/2025).
7. Zavyalov A. N. Internet fraud (phishing): Problems of counteraction and prevention //Baikal Research Journal. - 2022. – Vol. 13. – No. 2. – pp. 36-39.
8. Kobets P. N. Phishing attacks by cybercriminals, such as the most important tool for committing crimes in the modern information space, and measures to counter them //Actual problems of society, economy and law in the context of global challenges. – 2022. – P. 324-329.
9. Nikulchenkova E. V. Problems of Countering Cybercrime in Russia //Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. – 2023. – Vol. 28. – No. 3 (94). – P. 345-352.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_502

СИСТЕМА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В ДОЗНАНИИ: АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ НАРУШЕНИЙ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ
THE SYSTEM OF PROCEDURAL DEADLINES IN THE INQUIRY: ANALYSIS OF TYPICAL VIOLATIONS AND THEIR CONSEQUENCES

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна
ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук.
119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России.
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».
e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna
Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying, Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort
Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a".
e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматривается система процессуальных сроков в дознании, проводится анализ типичных нарушений и их последствий. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что система процессуальных сроков в дознании, будучи формально логичной и направленной на ускорение производства, на практике функционирует со значительными сбоями. Типичные нарушения носят не случайный, а системный характер и проявляются в организационных, ресурсных и концептуальных проблемах современной модели дознания. Противоречие между жесткими императивными сроками и реальной сложностью расследования, усугубляемое высокой нагрузкой и ведомственным давлением, приводит к случаям формального соблюдения или прямого нарушения сроков.*

Abstract: *The article examines the system of procedural deadlines in the inquiry, analyzes typical violations and their consequences. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that the system of procedural deadlines in the inquiry, being formally logical and aimed at speeding up production, in practice functions with significant failures. Typical violations are not accidental, but systemic in nature and manifest themselves in the organizational, resource and conceptual problems of the modern inquiry model. The contradiction between strict mandatory deadlines and the real complexity of the investigation, compounded by high workload and departmental pressure, leads to cases of formal compliance or direct violation of deadlines.*

Ключевые слова: *дознание, процессуальные сроки дознания, нарушения сроков дознания.*
Key words: *inquiry, procedural terms of inquiry, violations of the terms of inquiry.*

Для цитирования*: Прихожая Л.Е. Система процессуальных сроков в дознании: анализ типичных нарушений и их последствий // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 502-504. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_502.*
For citation*: Prikhozhaya L.E. The system of procedural deadlines in the inquiry: an analysis of typical violations and their consequences // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 502-504. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_502.*

Статья поступила в редакцию: 19.02.2026

Процессуальные сроки в дознании выступают не только в качестве технического регламента производства, но и как важнейшая материально-правовая гарантия реализации конституционных принципов правосудия, в частности, права на судебное разбирательство в разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Установленная законодателем система сроков призвана обеспечить баланс между эффективностью уголовного преследования, оперативностью реакции государства на преступление и защитой личности от необоснованно длительного пребывания в состоянии неопределенности. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии устойчивых дисфункций в данной системе, что приводит к массовым нарушениям, девальвирующим как идею ускоренного производства, так и гарантии прав участников процесса. Изучение структуры этих сроков, причин их нарушения и типичных дефектов правоприменения является необходимой основой для разработки мер по совершенствованию института дознания в целом [1, с. 53].

Следует отметить, что система сроков в дознании носит многоуровневый характер и включает в себя сроки, относящиеся к различным стадиям и процедурам.

1. Общий срок дознания и порядок его исчисления.

Согласно части 1 статьи 223 УПК РФ, дознание должно быть окончено в срок, не превышающий 30 суток со дня возбуждения уголовного дела. Этот срок является базовым, и его исчисление начинается с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, а окончание связывается либо с составлением обвинительного акта (постановления), либо с вынесением постановления о прекращении дела. Особенностью данного срока является его ориентация на календарные сутки, что исключает возможность приостановления течения срока на периоды, не связанные с производством по делу (например, выходные и праздничные дни), что создает дополнительное давление на дознавателя.

2. Производные и специальные сроки.

Помимо общего срока, система включает в себя ряд иных сроков, образующих сложную процессуальную хронометрию.

Срок проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ): 3 суток с возможностью продления до 10 суток, а в исключительных слу-

чаях – до 30 суток. Нарушения на этой стадии (формальная проверка, «подгонка» материалов под срок) непосредственно влияют на законность последующего возбуждения дела и качество дознания.

Срок задержания подозреваемого (ст. 94 УПК РФ): не более 48 часов до вынесения судебного решения об избрании меры пресечения. Нарушение этого срока является грубейшим процессуальным нарушением и влечет немедленное освобождение лица.

Срок содержания под стражей в ходе дознания: предельный срок в 2 месяца (ч. 1 ст. 109 УПК РФ) с возможностью продления в установленном порядке. Его соблюдение напрямую связано с темпом производства дознания и организацией работы.

Срок дознания в сокращенной форме: императивный срок в 10 суток (ч. 4 ст. 226.3 УПК РФ) с возможностью продления начальником органа дознания не более чем на 3 суток исключительно для ознакомления обвиняемого с материалами дела. Данный срок является абсолютным: его нарушение автоматически влечет переход к производству дознания в общем порядке (ч. 6 ст. 226.3 УПК РФ).

Сроки выполнения отдельных процессуальных действий: например, 3 суток для уведомления о подозрении после получения достаточных данных (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ), 24 часа для принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме после получения ходатайства (ст. 226.4 УПК РФ) и др.

3. Порядок продления срока дознания в общем порядке.

Закон предусматривает сложную иерархическую систему продления срока дознания (ч. 4-6 ст. 223 УПК РФ): продление до 30 суток – начальником органа дознания; продление до 6 месяцев – прокурором района, города; продление до 12 месяцев – прокурором субъекта РФ или приравненным к нему прокурором в исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи.

Как отмечает Д.А. Кудрявцев, данная система, будучи формально строгой, на практике порождает волокиту, так как каждое продление требует оформления отдельного постановления, его утверждения и часто связано с необходимостью предоставления объемных материалов для обоснования [2, с. 103]. Это отвлекает время дознавателя от непосредственной работы по делу.

Далее, рассмотрим типичные нарушения процессуальных сроков и их причины.

Следует отметить, что практика свидетельствует о системном характере нарушений сроков в дознании. Их можно классифицировать по видам и глубине причин.

1. Прямые нарушения (просрочки).

Превышение общего 30-суточного срока дознания без оформленного продления. Это наиболее грубое нарушение, которое делает все последующие процессуальные действия юридически ничтожными. Подобные факты, хотя и стали реже, все же встречаются, особенно в условиях высокой нагрузки и плохой организации работы.

Нарушение 10-суточного срока дознания в сокращенной форме. В силу его абсолютной природы любое превышение, даже на несколько часов, формально должно повлечь переход к общему порядку. Однако на практике встречаются случаи составления обвинительного постановления за пределами срока (указание другой, более ранней даты), что является недопустимым.

Нарушение сроков задержания, содержания под стражей, проверки сообщения о преступлении. Эти нарушения носят наиболее социально опасный характер, так как непосредственно затрагивают свободу и права граждан.

2. «Технические» нарушения и злоупотребления.

Формальное продление сроков. Продление срока дознания часто осуществляется не в связи с реальной производственной необходимостью (например, ожидание результатов экспертизы, исполнение судебного поручения), а заблаговременно, для снятия давления со стороны контролирующих органов. Это приводит к искусственному затягиванию производства даже по простым делам [3, с. 57].

«Обнуление» срока при изменении формы дознания. Дискуссионной является практика исчисления срока дознания при переходе от сокращенной формы к общей (ч. 6 ст. 226.3 УПК РФ). Формально закон не устанавливает, что 30-суточный срок начинает течь заново, однако многие правоприменители трактуют положение именно так, что создает возможность для необоснованного удлинения общего периода расследования.

Нарушение сроков ознакомления с материалами дела. Установленный законом порядок ознакомления, особенно в условиях ограниченного общего срока, часто приводит к спешке и формальности, что нарушает право на защиту, хотя формально срок дознания может быть и не превышен.

3. Глубинные (системные) причины нарушений.

Нарушения сроков являются симптомом более глубоких проблем организации дознания:

3.1. Чрезмерная процессуальная и отчетная нагрузка на дознавателя. Значительный объем дел, необходимость одновременного ведения нескольких производств, оформление многочисленных процессуальных документов и отчетов ведут к физической невозможности соблюдения всех сроков по всем делам.

3.2. Несовершенство ведомственных критериев оценки работы. Ориентация на количественные показатели (процент раскрытия, количество оконченных дел) в ущерб качественным (соблюдение сроков, законность решений, обеспечение прав участников) создает стимулы для формального соблюдения сроков любой ценой, в том числе за счет качества расследования [4, с. 32].

3.3. Организационно-ресурсные проблемы. Нехватка кадров, недостаточная техническая оснащенность, длительный обмен документами при взаимодействии с экспертными учреждениями, другими органами власти и судами объективно препятствуют оперативному производству.

3.4. Сложность многих дел, отнесенных к подследственности дознания. Фактическая обстановка по многим делам о преступлениях средней тяжести (например, о мошенничестве, причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности) требует проведения такого же объема следственных действий, как и по делам, расследуемым в форме следствия. Уложиться в 30 суток (даже с продлением) при необходимости назначения сложных экспертиз, истребования документов из различных инстанций часто невозможно без ущерба для всесторонности и полноты.

3.5. Недостаточная процессуальная самостоятельность дознавателя. Зависимость от указаний и решений начальника органа дознания и прокурора, необходимость согласования многих действий приводят к потере времени и срыву внутренних планов расследования.

Нарушения сроков дознания влекут серьезные негативные последствия, которые можно разделить на группы: процессуальные, уголовно-правовые, правозащитные и социальные. Рассмотрим каждую из указанных групп более подробно.

1) процессуальные последствия: признание доказательств недопустимыми (п. 3 ч. 1 ст. 75 УПК РФ), возвращение уголовного дела прокурором для устранения нарушений (ст. 237 УПК РФ), прекращение уголовного дела по основанию истечения сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ);

2) уголовно-правовые последствия: невозможность применения меры пресечения в виде заключения под стражу или ее продления при нарушении сроков содержания под стражей;

3) правозащитные последствия: нарушение права на рассмотрение дела в разумный срок, что может служить основанием для уменьшения наказания (ст. 6.1 УПК РФ) или для обращения в Европейский Суд по правам человека;

4) социальные последствия: подрыв авторитета правоохранительных органов, формирование в обществе представления о неэффективности и волоките в системе правосудия.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что система процессуальных сроков в дознании, будучи формально логичной и направленной на ускорение производства, на практике функционирует со значительными сбоями. Типичные нарушения носят не случайный, а системный характер и проявляются в организационных, ресурсных и концептуальных проблемах современной модели дознания. Противоречие между жесткими императивными сроками и реальной сложностью расследования, усугубляемое высокой нагрузкой и ведомственным давлением, приводит к массовым случаям формального соблюдения или прямого нарушения сроков. Это девальвирует саму идею дознания как ускоренной процедуры, создает угрозы правам граждан и снижает эффективность правосудия.

Таким образом, совершенствование системы процессуальных сроков не может ограничиваться ужесточением контроля за их соблюдением. Оно требует комплексного реформирования, включающего пересмотр критериев оценки работы органов дознания, оптимизацию нагрузки, уточнение подследственности с учетом реальной сложности дел и повышение процессуальной самостоятельности дознавателя. Такой подход позволит превратить процессуальные сроки из источника постоянных нарушений в реальный инструмент обеспечения быстрого и качественного правосудия.

Список литературы:

1. Комарова Т.В. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и проблемы правового регулирования: монография. М.: Проспект, 2022. 176 с.
2. Кудрявцев Д.А. Проблемы исчисления и продления сроков предварительного расследования // Закон и право. 2021. № 8. С. 100-105.
3. Орлов В.Н. Административное давление и соблюдение процессуальных сроков в дознании: по материалам судебной практики // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 55-61.
4. Смирнов А.В. Критерии оценки деятельности органов предварительного расследования: необходимость деформализации // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 28-37.

References:

1. Komarova T.V. Procedural terms in criminal proceedings: theoretical foundations and problems of legal regulation: monograph. Moscow: Prospekt, 2022. 176 p.
2. Kudryavtsev D.A. Problems of calculating and extending the terms of a preliminary investigation // Law and Pravo. 2021. No. 8. Pp. 100-105.
3. Orlov V.N. Administrative pressure and compliance with procedural deadlines in the inquiry: based on judicial practice // Criminal proceedings. 2023. No. 1. Pp. 55-61.
4. Smirnov A.V. Criteria for evaluating the activities of the preliminary investigation bodies: the need for deformalization // Journal of Russian Law. 2020. No. 5. Pp. 28-37.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_505

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ON THE QUESTION OF THE CONCEPT AND CLASSIFICATION JUVENILE CRIMINAL GROUPS

ОШКИН Иван Викторович
преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
ул. 1-я Красная, д. 18, Рязань, Рязанская область, 390043, Россия.
E-mail: kristinka_96@inbox.ru

OSHKIN Ivan Viktorovich
Lecturer, Department of Operational-Search Activities
Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.
18, 1st Krasnaya Street, Ryazan, Ryazan Oblast, 390043, Russia.
E-mail: kristinka_96@inbox.ru

Краткая аннотация: *в статье рассмотрены вопросы понятия преступной группы несовершеннолетних. Проведен анализ ранее предложенных классификаций преступных групп несовершеннолетних. Представлена авторская классификация преступных групп несовершеннолетних исходя из рода их преступной деятельности.*

Abstract: *this article examines the concept of a juvenile criminal group. Previously proposed classifications of juvenile criminal groups are analyzed. The author presents a classification of juvenile criminal groups based on the nature of their criminal activity, which has operational and investigative significance and contributes to the effectiveness of operational units of the Russian Federation's internal affairs agencies.*

Ключевые слова*: оперативно-розыскная деятельность, несовершеннолетние, преступная группа несовершеннолетних, классификация преступных групп несовершеннолетних.*

Keywords: *operational-search activities, minors, juvenile criminal groups, classification of juvenile criminal groups.*

Для цитирования*: Ошкин И.В. К вопросу о понятии и классификации преступных групп несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 505-506. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_505.*

For citation*: Oshkin I.V. On the issue of the concept and classification of juvenile criminal groups // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 505-506. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_505.*

Статья поступила в редакцию: 04.02.2026

Преступность несовершеннолетних представляет собой одну из наиболее острых социально-правовых проблем РФ, однако её значимость заметно возрастает, когда в обществе встречаются групповые проявления преступности рассматриваемой возрастной категории, что не может вызывать тревоги у правоохранительных органов. Опасность данного явления заключается в том, что факт нахождения лица, не достигшего 18 летнего возраста, в составе преступной группы существенно усиливает агрессивность и жестокость совершаемых ими противоправных действий, снижая при этом индивидуальное чувство ответственности у каждого участника. Несовершеннолетние, вовлечённые в преступную деятельность, не только наносят значительный ущерб общественной безопасности, но и сами оказываются в зоне риска, приобретая устойчивые асоциальные установки, которые впоследствии могут определить их дальнейший криминальный образ жизни.

Принимая во внимание рассматриваемую проблематику, принципиально важным для нас является определение понятия преступных групп несовершеннолетних. Стоит отметить, что разработкой содержания данного понятия занимались различные отечественные ученые, исследовавшие проблемы групповой преступности несовершеннолетних.

Так, Е.А. Писаевская, в своей работе, под преступной группой несовершеннолетних понимает неформальную группу, состоящую из двух и более человек, в которой существуют внутригрупповые связи, объединённая общей целью – совершение преступных деяний [1]. Данное Е.А. Писаевской понятие также не лишено недостатков, поскольку в нем отсутствуют возрастные разграничения, характеризующих несовершеннолетних.

Л.Н. Костина в своем исследовании весьма удачно предлагает под преступной группой несовершеннолетних понимать общность, для которой характерны следующие признаки: организованная малая группа, объединяющая несовершеннолетних разного возраста, члены группы объединены совместной преступной деятельностью, группа имеет антисоциальную направленность, между членами существуют определенные взаимоотношения и общение [2].

В этой связи под преступной группой несовершеннолетних, следует понимать неформальное объединение двух или более лиц, в возрасте от 14 до 17 лет, консолидированное на основании общих интересов, деятельность которого обусловлена антисоциальной направленностью, выраженной в подготовке и совершении преступлений против собственности, личности, безопасности и общественного порядка, а также здоровья населения и общественной нравственности. Учитывая направление деятельности основных оперативных подразделений по борьбе с групповой преступностью несовершеннолетних, особую актуальность приобретает классификация преступных групп несовершеннолетних, что, в свою очередь, позволит разработать более оптимальные алгоритмы выявления и раскрытия преступлений, которые они совершают.

Рассматривая данный вопрос, отметим, что в своё время различными учёными предпринимались попытки классификации преступных групп несовершеннолетних. Так, Р.В. Кондрашечкиным, Ю.В. Трофимовым и Ю.Р. Орловой в основу классификации преступных групп несовершеннолетних был заложен уровень их общественной опасности. При этом авторы выделили четыре основные преступные группы несовершеннолетних: разделяя на социально-нейтральные, предкриминальные, неустойчивые криминальные и устойчивые криминальные. Вместе с тем, представляется, что учитывая современные реалии преступной деятельности групп несовершеннолетних, а также разнообразие видов преступлений, которые они совершают, данная классификация видится не в полной мере оптимальной.

В свою очередь, Т.О. Бозиев и Л.М. Прозуметнов дают классификацию преступных групп несовершеннолетних, на основании признака устойчивости их деятельности. При этом они выделяют три основные преступные группы несовершеннолетних: ситуативные, переходные и устойчивые подростково-молодежные группировки [3, 4].

В этом контексте стоит отметить, что и другие авторы приводили в своих работах классификацию преступных групп несовершеннолетних в зависимости от степени устойчивости и организованности преступных групп. В частности, Ю.В. Хомиченко по данному признаку выделяет следующие группы несовершеннолетних: случайные; устойчивые, особо устойчивые, организованные [5].

А.И. Алексеев, в предложенной им классификации, расставляет в основном социально-психологические и юридико-психологические акценты, выделяя следующие преступные группы несовершеннолетних: неконформистские, асоциальные, конфликтные, криминальные [6].

Стоит отметить, что приведенные выше классификации чётко структурированы, однако они носят в большей степени криминологический характер и не в полной мере могут использоваться при решении задач ОРД. Это, в свою очередь, не позволяет применять их при осуществлении ОРД по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых преступными группами несовершеннолетних.

В этой связи, нами предлагается классификация преступных групп несовершеннолетних, исходя из рода их преступной деятельности.

Первая – группы несовершеннолетних, совершающих имущественные преступления. Участники данных групп объединяются с целью совершения преимущественно краж и грабежей (установлено в результате изучения 75,3% уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних в результате совершения ими имущественных преступлений), при этом преступлениям подвержены дачные кооперативы, квартиры, расположенные на первых этажам многоквартирных домов, супермаркеты.

Вторая – группы несовершеннолетних, объединяющиеся с целью совершения преступлений против личности. В результате изучения 57.3% уголовных дел было установлено, что самыми распространёнными преступлениями, совершаемыми указанной группой, остаются умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести (установлено в результате изучения 57,3% уголовных дел). На высоком уровне остается количество умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (установлено в результате изучения 25,3% уголовных дел). Особое опасение вызывает наличие преступных групп несовершеннолетних, совершающих убийства (установлено в результате изучения 9,3% уголовных дел).

Третья – группы несовершеннолетних, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. Такие группы, как правило малочисленные, состоящие из 2-3 участников, деятельность которых направлена на распространение наркотиков путем закладок, с целью заработка, которые привлекаются к уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотических средств (установлено в результате изучения 88,3% уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних в результате совершения ими преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков).

Четвёртая - экстремистские группы несовершеннолетних. Установлено, что участники таких групп объединяются по национальным, религиозным, политическим или расовым соображениям, с целью совершения хулиганств по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (установлено в результате изучения 32,4% уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних в результате совершения ими экстремистских преступлений), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (установлено в результате изучения 12,4% уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних в результате совершения ими экстремистских преступлений), умышленного причинения вреда здоровью средней тяжести по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (установлено в результате изучения 32,8 % уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних в результате совершения ими экстремистских преступлений).

Пятые – террористические группы несовершеннолетних, объединения, образующиеся в результате негативного воздействия представителей организованных преступных групп и сообществ, действующих с территорий недружественных государств. В настоящий момент наблюдается рост такого рода групп, что находится в прямой зависимости с проводимой специальной военной операцией на территории Украины. Целью таких преступных групп является уничтожение и приведение в негодность объектов критической инфраструктуры и Министерства обороны РФ. Проведённое исследование статистических данных показало, что участников террористических групп несовершеннолетних чаще всего привлекают к уголовной ответственности за покушение на совершение террористического акта (установлено в результате исследования 89,7% уголовных дел рассматриваемой направленности).

Представляется, что предложенные авторское понятие преступных групп несовершеннолетних и их классификация будет обладать повышенной информативностью для оперативных сотрудников позволит более качественно планировать оперативно-розыскные мероприятия по выявлению, документированию и раскрытию преступлений, совершаемых преступными группами несовершеннолетних.

Список литературы

1. Е.А. Писаевская Преступность несовершеннолетних в крупном промышленном центре Кемеровской области и её предупреждение: Монография / Е.А. Писаевская ; НФИ КемГУ. – Новокузнецк, 2012. – С. 108
2. Л.Н. Костина Психолого-криминологические особенности преступных групп несовершеннолетних // Психопедагогика в правоохранительных органах, №1 (28), 2007. С.61-64
3. Бозиев Т.О. Типология групп несовершеннолетних с агрессивной направленностью // Ювенальная юстиция и профилактика правонарушений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 1999. Ч. 2.
4. Прозументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение: авто реф. дис. … д-ра юр. наук. Томск, 2001
5. Хомиченко Ю.В. Особенности преступных групп несовершеннолетних // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4 (9) С. 207-209
6. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М., 2004. С. 16

References

1. E.A. Pisaevskaya Juvenile Delinquency in a Large Industrial Center of the Kemerovo Region and Its Prevention: Monograph / E.A. Pisaevskaya; NFI KemSU. - Novokuznetsk, 2012. - p. 108
2. L.N. Kostina, Psychological and Criminological Features of Criminal Groups of Minors // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies, No. 1 (28), 2007: pp. 61-64
3. Boziev, T.O. Typology of Groups of Minors with an Aggressive Focus // Juvenile Justice and Crime Prevention: Proc. of the International Scientific and Practical Conf. St. Petersburg, 1999. Part 2.
4. Prozumentov, L.M. Group Crime of Minors and Its Prevention: Abstract of Doctor of Law Dissertation. Tomsk, 2001
5. Khomichenko Yu.V. Features of Criminal Groups of Minors // Historical and Social-Educational Thought. 2011. No. 4 (9) pp. 207-209
6. Alekseev, A.I. Criminology: Lecture Course. Moscow, 2004. p. 16

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_507

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE PREVENTION OF SABOTAGE-ORIENTED CRIMES

ИГНАТЕНКО Евгений Александрович,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент.
123022, Россия, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15.
E-mail: iea13@mail.ru
СМЫСЛОВА Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
ЧОУ ВО «Международный юридический институт».
127427, Россия, г. Москва, ул. Кашенкин луг, д. 4.
E-mail: veramyshh@mail.ru
IGNATENKO Evgeniy Alexandrovich,
senior researcher at the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
123022, Moscow, st. 2nd Zvenigorodskaya, 15
E-mail: iea13@mail.ru
SMYSLOVA Vera Nikolaevna
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines The International Law Institute.
4, Street Kashenkin lug, Moscow, 127427, Russia.
E-mail: veramyshh@mail.ru

Краткая аннотация. *Рассматриваются особенности использования специальных знаний при предупреждении и криминологической профилактики диверсионных действий. Акцентируется внимание, что противодиверсионные действия должны быть направлены на защищенность наиболее подверженных диверсиям объектов.*

Abstract. *The article examines the specifics of using specialized knowledge in the prevention and criminological prophylaxis of sabotage. It emphasizes that counter-sabotage measures should be aimed at protecting targets most susceptible to sabotage.*

Ключевые слова: *диверсия, диверсант, специальные знания, преступления диверсионной направленности, национальная безопасность, предупреждение преступлений.*

Keywords: *sabotage, saboteur, special knowledge, sabotage-related crimes, national security, crime prevention.*

Для цитирования*: Игнатенко Е.А., Смыслова В.Н. Использование специальных знаний при предупреждении преступлений диверсионной направленности // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 507-509. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_507.*

For citation*: Ignatenko E.A., Smyslova V.N. The use of special knowledge in the prevention of subversive crimes // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 507-509. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_507.*

Статья поступила в редакцию: 30.01.2026

В криминологической науке направления воздействия на преступность с целью ее минимизации и недопущения в будущем обозначают разными терминами: «профилактика преступности», «предупреждение преступности», «борьба с преступностью», «предотвращение преступности», «пресечение преступлений», «превенция», «противодействие преступности». На правовом уровне в настоящее время наряду с термином «борьба с преступностью» [1; 2] используется термин «противодействие преступности» [3; 4; 5].

Противодействие преступлениям диверсионной направленности нами предлагается рассматривать как комплекс мер, непрерывно осуществляемых органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий и органами местного самоуправления, а также физическими и юридическими лицами, в рамках общесоциальной, специально-криминологический и индивидуальной профилактики, воздействующих на причины и условия формирования и развития диверсионной преступности.

Стоит подчеркнуть, что современные меры по противодействию рассматриваемым преступлениям в правовом пространстве «рассредоточены» по нормативным актам различного уровня и во многом пересекаются с той деятельностью, которую осуществляют субъекты в области противодействия преступлениям террористической направленности, например: при предотвращении террористических актов и (или) диверсий, совершаемых с использованием опасных патогенов, и ликвидации последствий совершения таких актов и (или) диверсий [6]; при выявлении, предупреждении и пресечении диверсионных и террористических актов, иных противоправных действий на объектах морской инфраструктуры и прилегающих к ним водных акваториях, за счет оснащения комплексными системами мониторинга обстановки, автоматизированными системами охраны и противодействия террористическим и диверсионным силам и средствам [7]; в целях пресечения террористических, диверсионных и иных противоправных действий в закрытых административно-территориальных образованиях [8].

В этой связи исследователи отмечают необходимость внедрения современных практических программ, описывающих специфику мер предупреждения диверсионных действий [10, с. 19].

Противодиверсионные действия должны быть направлены на защищенность объектов, наиболее подвержены диверсиям, а именно: релейные станции и средства автоматизированного управления, расположенные вдоль железнодорожного пути, обеспечивающие безопасность и нормальное функционирование транспорта.

В этой связи приветствуется разработка и более активное использование в правоохранительной деятельности беспилотных летательных аппаратов, способных осуществлять мониторинг значимых объектов и своевременно передавать сигнал об обнаружении подозрительных предметов по заданному алгоритму с элементами искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Так, в г. Москве с 2024 года запущена Программа экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем [9], при помощи которой планируется обеспечить условия для выполнения функциональных сервисов по следующим направлениям: выполнение авиационных работ, в том числе: воздушные съемки; аэровизуальные полеты; воздушное патрулирование линий электропередач; сопровождение объектов.

Полагаем, что успешность данного эксперимента не заставит себя долго ждать. В этой связи подобные способы профилактики диверсионной деятельности с использованием ИИ стоит внедрять в первую очередь в регионах с повышенной диверсионной активностью. Для этого необходимо предусматривать должности и вводить в штат сотрудников, прошедших специальное обучение, которые в режиме реального времени будут заниматься предиктивной аналитикой сведений, полученных с использованием беспилотных аппаратов (воздушных, надводных, подводных), в том числе о потенциальных диверсионных угрозах.

Необходимо также обратить внимание на то, что диверсионные действия могут совершаться изнутри охраняемого объекта со стороны лиц, непосредственно осуществляющих трудовую деятельность на их территории. Такие субъекты, как правило, осведомлены о технических особенностях соответствующих компонентов объекта диверсии, а также о его организационно-правовых особенностях, которые в наибольшей степени уязвимы. Соответственно, необходимо вести речь о более качественном отборе персонала, а также об осуществлении контроля за профессиональной и в какой-то степени бытовой деятельностью сотрудников.

Полагаем, что в силу повышенной активности иностранных спецслужб по вербовке сотрудников оборонной и промышленной отрасли, необходимо осуществлять их тщательные проверки как в период профессиональной деятельности, так и во время рассмотрения кандидатур на замещение вакантных должностей с привлечением сотрудников ФСБ России.

Такое направление деятельности сотрудников ФСБ России коррелирует с общим усилением контроля на российской границе в отношении граждан, прибывающих из-за рубежа (прежде всего с территории Украины). Вполне оправданным считаем более тщательное проведение проверок личности всех въезжающих в РФ с целью предотвращения въезда под видом беженцев, вынужденных переселенцев тех, кто является представителями различных неонацистских и экстремистских формирований, законспирированных сотрудников Службы Безопасности Украины [11, с. 37], а также граждан РФ, которые могли быть завербованы спецслужбами иностранных государств для осуществления диверсионной деятельности на территории России.

Как отмечает Р. С. Иванов, одним из эффективных способов выявления данных лиц в пассажиропотоке могло бы стать использование системы предварительного сбора информации о пассажирах и биометрический контроль с отождествлением с информацией международных и внутринациональных банков данных правоохранительных органов и с данными, содержащимися на электронных носителях документов, удостоверяющих личность [12, с. 120].

Таким образом, использование специальных знаний при предупреждении преступлений диверсионной направленности связано с оптимизацией деятельности сотрудников правоохранительных органов (ФСБ России, МВД России, Росгвардии) по своевременному выявлению и предотвращению данных преступлений, основанная на разработке и внедрении современных технологий.

Список литературы:

1. О федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ: в ред. от 26 февраля 2024 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 15, ст. 1269; 2024. № 10, ст. 1308.
2. О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567: в ред. от 14 июня 2024 г. № 512 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17, ст. 1958; 2024. № 25, ст. 3469.
3. Об обороне: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ: в ред. от 25 декабря 2023 г. № 639-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 23, ст. 2750; 2024. № 1 (часть I), ст. 20.
4. О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ: в ред. от 10 июля 2023 г. № 287-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11, ст. 1146; 2023. № 29, ст. 5305.
5. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 января 2002 г. № 114-ФЗ: в ред. от 15 мая 2024 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031; 2024. № 21, ст. 2650.
6. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14, ст. 2406.
7. О Стратегии развития морской деятельности в РФ до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 30 августа 2019 г. № 1930-р // Собрание законодательства РФ. 2019. № 35, ст. 5013.
8. Об утверждении Положения об обеспечении особого режима в закрытом административно-территориальном образовании, на территории которого расположены объекты Министерства обороны Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 26 июня 1998 г. № 655: в ред. от 19 марта 2014 г. № 206 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 27, ст. 3180; 2014. № 12, ст. 1301.
9. Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в г. Москве: постановление Правительства Российской Федерации от 23 мая 2024 г. № 641 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 22, ст. 2964.
10. Опрышко А.А., Семенцова И.А. О некоторых мерах предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства // Актуальные вопросы истории, философии и права: Сб. статей VII Межд.науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 11 октября 2021), 2021. С. 17-21.
11. Гуляев Т.Р. Угроза национальной безопасности Российской Федерации в период проведения специальной военной операции: преступления террористической направленности // Global and Regional Research. 2024. Т. 6, № 1. С. 34-38.
12. Иванов Р.С. Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 132 с.

References:

1. About the Federal Security Service: feder. Law No. 40-FZ of April 3, 1995: as amended. dated February 26, 2024, No. 33-FZ // Assembly of the Legislature of the Russian Federation. 1995. No. 15, Article 1269; 2024. No. 10, Article 1308.

2. On the coordination of law enforcement agencies to combat crime: Decree of the President of the Russian Federation No. 567 of April 18, 1996: as amended. dated June 14, 2024, No. 512 // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 17, art. 1958; 2024. No. 25, art. 3469.

3. On defense: feder. Law No. 61-FZ of May 31, 1996: as amended. dated December 25, 2023, No. 639-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 23, art. 2750; 2024. No. 1 (Part I), art. 20.

4. On countering terrorism: Federal Law Law No. 35-FZ of March 6, 2006: as amended. dated July 10, 2023, No. 287-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 11, art. 1146; 2023. No. 29, art. 5305.

5. On countering extremist activities: feder. Law No. 114-FZ of January 25, 2002: as amended. dated May 15, 2024, No. 99-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30, art. 3031; 2024. No. 21, art. 2650.

6. On approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated March 31, 2023 No. 229 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. No. 14, art. 2406.

7. On the Strategy for the Development of Maritime Activities in the Russian Federation until 2030: Decree of the Government of the Russian Federation dated August 30, 2019 No. 1930-r // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. No. 35, art. 5013.

8. On approval of the Regulation on Ensuring a special regime in a Closed administrative-territorial entity, on the Territory of which facilities of the Ministry of Defense of the Russian Federation are located: Decree of the Government of the Russian Federation of June 26, 1998 No. 655: as amended. dated March 19, 2014, No. 206 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 27, article 3180; 2014. No. 12, Article 1301.

9. On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations and approval of the Program of an experimental legal regime in the field of digital innovations for the operation of unmanned aircraft systems in Moscow: Decree of the Government of the Russian Federation dated May 23, 2024 No. 641 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 22, art. 2964.

10. Opryshko A.A., Sementsova I.A. On some measures to prevent crimes against the foundations of the constitutional order and State security // Topical issues of history, philosophy and law: Collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference (Petrozavodsk, October 11, 2021), 2021. pp. 17-21.

11. Gulyaev T.R. Threat to the national security of the Russian Federation during a special military operation: terrorist crimes // Global and Regional Research. 2024. Vol. 6, No. 1. pp. 34-38.

12. Ivanov R.S. Countering terrorism in the border area of the Russian Federation: criminal law and criminological aspects: dissertation of the cand. jurid. nauk. M., 2016. 132 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_510

УДК 343.72

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ
SOME ASPECTS OF CRIMINAL LIABILITY FOR FRAUDULENT MEDICAL INSURANCE

МИЛОВА Ирина Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой организации борьбы с экономическими преступлениями
Самарский государственный экономический университет.
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская обл., 443090, Россия.
E-mail: irina.milova@ro.ru;

ХАЧАТРЯН Роберт Эдикович,
аспирант направления уголовно-правовые науки,
Самарский государственный экономический университет.
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская обл., 443090, Россия.
E-mail: robert-khachatryan00@mail.ru;

MILOVA Irina Evgenievna,
Candidate of Law, Associate Professor,Head of the Department of Organization of the Fight against Economic Crimes
Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii St., Samara, Samara region, 443090, Russia.
E-mail: irina.milova@ro.ru;

KHACHATRYAN Robert Edikovich,
postgraduate student in the field of criminal Law Sciences, Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii St., Samara, Samara region, 443090, Russia.
E-mail: robert-khachatryan00@mail.ru

Краткая аннотация: *Следственные органы и суды активно применяют статью 159.5 УК РФ к случаям мошенничества в сфере медицинского страхования. Наиболее часто речь идет об инсценировках страховых случаев с целью получения выплат; имеет место необоснованное завышение сумм ущерба; представление ложных сведений при заключении соответствующих договоров. Линейка способов таких злоупотреблений крайне широка, способы обмана отличаются разнообразием. При этом данные деяния относятся к категории трудно выявляемых, поскольку требуют анализа медицинской и иной документации, нередко сопряжены с экспертными исследованиями. Авторы обосновывают мысль о том, что отмеченные сложности вполне преодолимы, в подтверждение этого ими приводятся конкретные примеры из следственно-судебной практики. Цель: заключается в преодолении неточного толкования нормативного регулирования ответственности за страховые мошенничества применительно к рассматриваемому кластеру. Методы: системно-аксиологические, структурно-логические, статистические, с использованием анализа прикладных материалов, применением деятельностной траектории, научного прогнозирования и экспертных оценок. Результаты: исследование позволило выявить проблемы практического применения юридической конструкции статьи 159.5 УК РФ для противодействия мошенничествам в сфере медицинского страхования.*

Abstract: *Investigative bodies and courts actively apply Article 159.5 of the Criminal Code of the Russian Federation to cases of fraud in the field of medical insurance. The most common cases involve staging insurance claims in order to receive payments, as well as unjustified overestimation of damage amounts and the submission of false information when concluding relevant contracts. The range of methods used for such abuses is extremely broad, and the methods of deception are diverse. However, these acts are difficult to detect, as they require the analysis of medical and other documentation and often involve expert assessments. The authors substantiate the idea that the noted difficulties are quite surmountable, and they provide specific examples from investigative and judicial practice to support this. The purpose of this article is to overcome the inaccurate interpretation of the regulatory framework for liability for insurance fraud in relation to the cluster under consideration. Methods: systemic-axiological, structural-logical.*

Ключевые слова: *страховой случай, инсценировка события, ложные сведения, фальсификация документов, обман по размеру страхового возмещения, страховые риски, договор страхования, страховщик.*

Keywords: *insurance event, staged event, false information, falsification of documents, deception regarding the amount of insurance compensation, insurance risks, insurance contract, insurer.*

Для цитирования*: Милова И.Е., Хачатрян Р.Э. Некоторые аспекты привлечения к уголовной ответственности за мошенничество в сфере медицинского страхования // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 510-513. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_510.*

For citation*: Milova I.E., Khachatryan R.E. Some aspects of criminal prosecution for fraud in the field of health insurance // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 510-513. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_510.*

Статья поступила в редакцию: 03.02.2026

Статистика выявляет тенденцию устойчивого роста мошенничеств в сфере медицинского страхования. Правовая оценка подобных злоупотреблений подпадает под действие статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Злоумышленники используют обман для получения денежного возмещения на основе ранее оформленного страхового полиса, при отсутствии законных прав на это.

Наиболее распространенные криминальные схемы в рассматриваемом сегменте, следующие:

1.Фальсификация страхового случая. Событие, которого в действительности нет, инсценируется злоумышленниками, для последующего получения выплаты от страховой организации [2, с.69-70].

В Тюмени суд постановил обвинительный приговор в отношении супругов, инсценировавших его смерть для получения страховой выплаты. Полис был оформлен по единственному риску на сумму свыше двух миллионов рублей. Через некоторое время жена обратилась в страховую компанию, заявив, что ее муж утонул на рыбалке, а тело не было обнаружено; предъявила решение суда о признании его умершим. Со-

трудникам службы безопасности страховой организации удалось установить, что застрахованный жив. Сомнения у них возникли в связи с тем, что свидетели, допрошенные по гражданскому делу, утверждали – сотовый телефон был у их знакомого в момент гибели с собой, значит, должен был утонуть вместе с владельцем. Однако по нему были зафиксированы соединения после объявления мужчины пропавшим.

Затем в ходе расследования выяснилось, что «умерший» обращался в банк с заявлением об отложении погашения кредита, а после продал свой автомобиль. В ходе проведения ОРМ за домом злоумышленников удалось установить, что вечерами мужчина гуляет с собакой. Когда «умершего» задержали его «вдова» написала отказ от страхового возмещения, сообщив о его «появлении». Однако суд обоснованно квалифицировал соответствующие действия как покушение на мошенничество по признакам части 3 статьи 30, частям 2,3 статьи 159.5 УК РФ, назначив наказание в виде лишения свободы [9].

В Барнауле мошенники оформляли страховку от болезней и несчастных случаев. После этого с помощью врачей-аферистов получали документы с лже-диагнозами и получали по ним незаконные выплаты. Преступная группа нанесла многомиллионный ущерб двенадцати страховым компаниям [11].

2.Необоснованное завышение ущерба. Фактический вред значительно меньше, однако заинтересантами представляются документы, содержащие ложные сведения о его размере, чтобы получить более крупную страховую выплату [1, с.230-241].

3.Мошенничество с документами, причем не только медицинскими (справки, выписки, амбулаторные карты, результаты анализов, заключения специалистов индивидуальные и комиссионные, письменные консультации), но и обосновывающими выплаты в определенной сумме (счета, платежные поручения, кассовые чеки). Наиболее часто применяются такие способы как подделка, внесение изменений в документы. Впоследствии материалы с искажениями используются для получения страховой выплаты, при отсутствии фактических оснований для этого [7, с. 213-218].

Так, в Подмосковье была выявлена организованная группа страховых мошенников, которая причинила вред шести компаниям на сумму более двадцати миллионов рублей. Злоумышленники несколько лет получали незаконные страховые выплаты за мнимые несчастные случаи, представляя страховщикам поддельные рентгеновские снимки. В состав преступного сообщества входило более тридцати человек, в том числе, сотрудники медицинских учреждений, юристы, лица, привлекаемые к оформлению договоров [10].

4.Возможно представление ложных сведений непосредственно при заключении договора страхования. Нередко речь идет о недостоверных сведениях, которые вносятся в полис, например, с целью снижения стоимости страхования или для последующего увеличения степени вероятности получения выплаты [5, с.35-39].

5.Неправомерные действия со стороны страховых агентов. Субъектами такого рода мошенничеств выступают сотрудники страховых компаний как действующие, так и бывшие. Первые чаще всего присваивают страховые премии, которые подлежат выплате клиентам, вторые прибегают к оформлению фиктивных полисов, используя имеющиеся в их распоряжении бланки и доступ к электронной базе.

В последние годы получила распространение схема, когда лже-страховщики предлагают гражданам дистанционную замену полиса ОМС через скачивание якобы приложения Министерства здравоохранения России. Между тем полис ОСМ является бессрочным. Граждан вводит в заблуждение то, что злоумышленники не требуют сообщить им коды из СМС, предлагая лишь перейти по соответствующей ссылке. Таким образом, они стремятся получить доступ к персональным данным потенциальных жертв, которые впоследствии используют для похищения денежных средств.

Например, летом 2025 года пожилая женщина в Красноармейском районе Самарской области перевела злоумышленникам около восьмисот тысяч рублей за продление полиса ОМС. Мошенники использовали следующую схему. Первоначально поступил звонок от лже-агента. Пенсионерка прервала разговор. Через некоторое время ей позвонил человек, представившийся следователем, который сообщил ей, что она может пострадать от аферистов, и необходимо перевести все ее средства на безопасный счет [8].

6. Широкое распространение получило мошенничестве в сфере ОМС, субъектами которого выступают медицинские работники конкретной организации, использующие для это свое служебное положение. Злоумышленники стремятся обмануть страховую компанию и Страховой фонд России, сообщая ложные сведения о наступлении страхового случая и стремясь завысить сумму обеспечения по ОМС.

Возможен вариант страхового мошенничества со стороны медицинских работников (врачи, сотрудники лечебных учреждений), выражающийся в необоснованном списании препаратов; оформлении документов о консультациях, которых не было; выставление счетов на услуги, фактически не оказанные, или имеющие место, но с завышением их стоимости («апкодирование») [3, с. 38-44].

7.Достаточно известен такой вид обмана как назначение пациентам наиболее дорогостоящего лечения, обследований без необходимости и препаратов, в которых они не нуждаются.

Безусловно, мошенничеством является навязывание пациентам определенных лекарств, когда врачи выписывают их за полную стоимость, а сами получают от производителя в качестве бесплатных образцов. Медицинские работники здесь нередко еще получают вознаграждение (в виде процента от стоимости и количества реализованных пробников) от фармацевтических компаний за «скрытую» рекламу их продукции.

8.Известны случаи, когда с целью получения страховой выплаты, медицинские работники выставляли пациентам необоснованные диагнозы, удаляли несуществующие новообразования, проводили лечение и удаление здоровых зубов. Особенно распространены такие случаи в частных медицинских учреждениях.

9.Единичными являются мошенничества в области страхования персональной ответственности медицинских работников. Здесь инсценируется событие, связанное с врачебной ошибкой, которая могла повлечь за собой вред для пациента.

Исходя из вышеперечисленного, основным способом совершения страховых мошенничеств является искажение данных медицинской или сопроводительной документации с противоправной целью – получение участником страховых отношений денежной компенсации без законных на то оснований.

Проблема заключается в том, что в рассматриваемом секторе правила игры, как правило, диктуют медицинские учреждения, а инициатива, несомненно, должна перейти к страховым компаниям. Смещение вектора принятия решения позволит объективно предотвратить целый ряд случаев криминального обмана в данной сфере.

Вместе с тем в страховых организациях следует расширять штат структурных подразделений, отвечающих за безопасность, пополняя его сотрудниками, которые не только разбираются в специфике страхового дела, но и знакомы с особенностями медицинской сферы. В случае выявления признаков мошенничества соответствующая информация должна незамедлительно передаваться в правоохранительные органы.

В то же время наличие инсценировки может установить только лицо, которое обладает специальными знаниями в определенной области, то есть эксперт. Полагаем, что такого рода профессионалы должны также работать на постоянной основе в страховых организациях. В их компетенцию входит разбор сложных случаев, ситуативный разбор, работа с документами. В частности, при обращении клиента, сомневающегося в правильности поставленного ему диагноза или обоснованности назначенных дорогостоящих препаратов, такой эксперт-куратор должен порекомендовать пройти альтернативное обследование и направить застрахованное лицо к зарекомендовавшим себя в этом сегменте специалистам. Между тем такие исследования не заменяют собой судебно-медицинскую экспертизу, которая назначается после возбуждения уголовного дела.

Объектом анализа в подобных ситуациях выступают живые лица, трупы, части внутренних органов. В задачу экспертов зачастую входит определение причины смерти, а именно: произошла ли она по естественным причинам или была инсценирована. Если случай сложный потребуется комиссионная экспертиза, ее проводят представители одного клинического профиля, а иногда необходимы комплексные исследования, их поручают специалистам в разных направлениях медицины.

При работе с живыми лицами требуется установление степени тяжести телесных повреждений, оценка состояния здоровья, определение степени утраты трудоспособности, определение самоповреждений у застрахованного лица, поскольку не исключена вероятность инсценировки. Особое значение в этом случае приобретает изучение оригиналов медицинских документов подэкспертного. Не всегда первичное исследование дает исчерпывающие ответы на возникающих вопросы. Может потребоваться назначение дополнительной или повторной судебно-медицинской экспертизы. В первом случае она поручается тем же лицам, которые проводили предыдущий анализ, во втором другим.

Злоумышленники могут притворяться, имитировать у себя искусственно признаки болезни, эксперты в состоянии выявить симуляцию путем клинического и документального анализа. Кроме того, возможно обнаружение признаков аггравации, когда заболевание есть, однако злоумышленник преувеличивает тяжесть его течения. Есть и противоположные проявления – диссимуляция, когда напротив намеренно скрываются симптомы имеющегося заболевания.

Экспертные исследования требуются и для установления степени утраты трудоспособности, если она связана с наступление страхового события. Акцент делается на изучение заключений ВКК и ВТЭК на предмет возможной фальсификации. Когда речь идет об утрате трудоспособности с привязкой к вредным условиям труда, они подлежат детальному анализу в сопоставлении с нормативными положениями в конкретном сегменте.

Судебно-медицинская экспертиза необходима, если нужно идентифицировать труп. Не исключено, что заинтересанты получения страхового возмещения могут инсценировать смерть застрахованного лица, обратившись с заявлением о пропаже родственника, а затем опознать вместо него иное лицо. В литературе описываются ситуации, когда злоумышленники пытаются подобрать труп, соответствующий полу, возрасту, телосложению и прочим признакам внешнего сходства с застрахованным [4, с.57-60].

Широкий резонанс получило дело Крупина, который заключил договор страхования жизни одновременно в тринадцати страховых компаниях, а затем инсценировал смерть. С помощью своей знакомой и еще одного соучастника (сотрудника морга) им был найден неопознанный труп мужчины – жертвы ДТП. Отец злоумышленника заявил об исчезновении сына, а потом «опознал» его в морге.

География страховых мошенничеств в рассматриваемой области, их количество, локальный характер свидетельствуют о недостаточной степени противодействия подобным проявлениям. Существующие механизмы уголовно-правового сдерживания не всегда оказываются эффективными. Вместе с тем следует отметить, что следственные органы и суды в оценке таких деяний от классического состава статьи 159 УК РФ уверенно перешли к использованию специальной нормы – статьи 159.5 УК РФ. Данное обстоятельство подтверждает правильность введения самостоятельной уголовной ответственности за такие посягательства и позволяет прогнозировать снижение такого рода злоупотреблений. Именно такой заказ инициирован государством, профессиональным сообществом страховщиков, отечественной медициной.

Список литературы:

1.Васильева В.А., Егоренко С.Н. Мошенничество в страховании: сферы проявления и современные возможности предотвращения // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2024. – С. 239–241.

2.Дробот С.А., Ефимов Н.С. Вопросы квалификации мошенничества // Научные высказывания. – 2024. - № 8 (55). – С. 69-71.

3.Лазовский Д.С., Андреева Ю.В. Уголовно-правовая характеристики мошенничества в сфере страхования /// Вестник магистратуры. - 2024. - № 1-2 (118). - С. 38-44.

4. Необратенко Г.Г., Трубкина О.В. Подготовка к инсценировке наступления страхового события как основному способу совершения мошенничества в отношении материальных интересов страховых компаний // Юристъ-Правоведъ. - № 4. – С. 57-60.

5. Охрименко И.В. Как повысить эффективность противодействия страховому мошенничеству // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 1(97). С. 35-39.

6. Пузырева К.Ю. Предупреждение мошенничества в сфере обязательного медицинского страхования // Автореферат дисс. … канд. юрид. наук. -Саратов, 2024. – 29 с.

7.Царегородцева Р.Е., Смирнов М.А. Вопросы уголовной ответственности за мошенничество в сфере страхования // Вестник науки. 2024. № 10 (79). Т. 1. С. 213-218.

8.samara.mk.ru (дата обращения: 01.02.2026).

9.news.rambler.ru (дата обращения 31.01.2026)

10.interfax-russia.ru (дата обращения 31.01.2026)

11. medvestnik.ru (дата обращения 01.02.2026)

References:

1. Vasilyeva V.A., Egorenko S.N. Insurance Fraud: Areas of Manifestation and Modern Prevention Opportunities // Sustainable Development Strategies: Social, Economic, and Legal Aspects. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. – Cheboksary, 2024. – Pp. 239–241.

2. Drobot S.A., Efimov N.S. Issues of Fraud Classification // Scientific Statements. – 2024. - No. 8 (55). – Pp. 69-71.

3. Lazovsky D.S., Andreeva Yu.V. Criminal and Legal Characteristics of Insurance Fraud /// Bulletin of the Magistracy. - 2024. - No. 1-2 (118). - Pp. 38-44.

4. Neobratenko G.G., Trubkina O.V. Preparation for the staging of an insurance event as the main method of committing fraud against the material interests of insurance companies // Yurist-Pravoved. - No. 4. - Pp. 57-60.

5. Okhrimenko I.V. How to Increase the Effectiveness of Countering Insurance Fraud // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2024. No. 1(97). Pp. 35-39.

6. Puzyreva K.Yu. Prevention of Fraud in the Field of Compulsory Medical Insurance // Abstract of the thesis. ... Candidate of Law. Sciences. - Saratov, 2024. - 29 p.

7. Tsaregorodtseva R.E., Smirnov M.A. Issues of Criminal Liability for Insurance Fraud // Bulletin of Science. 2024. No. 10 (79). Vol. 1. Pp. 213-218.

8.samara.mk.ru (accessed on February 1, 2026).

9.news.rambler.ru (accessed on January 31, 2026)

10.interfax-russia.ru (accessed on January 31, 2026)

11. medvestnik.ru (accessed on February 1, 2026).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_514

УДК 343.847

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
REGULATORY REGIMENT OF THE IMPLEMENTATION OF TECHNICAL MEANS AND TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России; профессор кафедры уголовного права и процесса Тульского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, Российская Федерация, г. Москва – г. Тула.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
e-mail: gda187@rambler.ru

SHURUKHNOV Nikolai Grigorievich,
Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Tula Institute (Branch) of the Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor, Russian Federation, Moscow – Tula.
15a Narvskaya str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: gda187@rambler.ru

ГРИШИН Дмитрий Алексеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, Российская Федерация, г. Рязань,
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
e-mail: gda187@rambler.ru

GRISHIN Dmitry Alekseevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law, Associate Professor, Russian Federation, Ryazan, 1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
ORCID: 0000-0002-5987-4090,
e-mail: gda187@rambler.ru

АБОВЯН Эдгар Паргевович,
старший научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, Российская Федерация, г. Москва,
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.
ORCID 0000-0002-9018-5496
e-mail: gda187@rambler.ru

ABOVYAN Edgar Pargevovich,
Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Russian Federation, Moscow, 15a Narvskaya str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
ORCID 0000-0002-9018-5496
e-mail: gda187@rambler.ru

***Краткая аннотация**: в статье рассматривается проблематика правового регулирования применения технических средств и технологий в уголовном судопроизводстве. Обращается внимание, что при производстве по уголовным делам всегда реализовывались различные технические решения, характеристики, возможности и характер применения которых детерминировался степенью развития общества, научной мысли, экономики. Авторы выделяют некоторые тенденции реализации технологий в уголовном судопроизводстве, которые негативно сказываются на уровне технической оснащенности рассматриваемой сферы общественных отношений. По результатам проведенного исследования выдвинуты предложения по реформированию действующего уголовно-процессуального законодательства с целью устранения пробельности нормативного регулирования соответствующей сферы общественных отношений.*

***Abstract**: the article discusses the issues of legal regulation of the use of technical means and technologies in criminal proceedings. It is noted that various technical solutions, characteristics, capabilities, and the nature of their application have always been implemented in criminal proceedings, and their development has been influenced by the level of society's progress, scientific thought, and economic development. The authors identify certain trends in the implementation of technologies in criminal proceedings that have a negative impact on the level of technical equipment in this area of public relations. Based on the results of the study, the authors propose reforms to the current criminal procedure legislation to address the gaps in the regulatory framework for this area of public relations.*

***Ключевые слова**: уголовное судопроизводство, технические средства, технологии уголовного процесса, цифровизация уголовного судопроизводства.*

***Keywords**: criminal proceedings, technical means, criminal process technologies, and digitalization of criminal proceedings.*

***Для цитирования**: Шурухнов Н.Г., Гришин Д.А., Абовян Э.П. Нормативное регулирование реализации технических средств, технологий в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 514-516. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_514.*

***For citation**: Shurukhnov N.G., Grishin D.A., Abovyan E.P. Regulatory regulation of the implementation of technical means and technologies in criminal proceedings // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 514-516. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_514.*

Статья поступила в редакцию: 27.01.2026

В процессе расследования преступлений всегда реализовывались различные технические решения, характеристики, возможности и характер применения которых детерминировался степенью развития общества, научной мысли, экономики. Однако достижения науки и техники в

любой исторический период находили применение и при совершении уголовно-наказуемых деяний. В связи с этим в научной литературе отмечается, что наблюдается тенденция к повышению технической оснащенности как отдельных лиц, причастных к преступной деятельности, так и организованных групп и преступных сообществ и использованию научно-технического прогресса при организации подготовки и совершении конкретных видов противоправных деяний [1, с. 80].

При этом очевидным является то обстоятельство, что любые нововведения в правоприменительную деятельность властных участников уголовного судопроизводства должны приобрести соответствующую правовую основу. Совершенно справедливо отмечается в научной литературе, что правовой основой уголовного процесса в современной России и, соответственно, порядка уголовного судопроизводства является УПК РФ, базирующийся, в свою очередь, на Конституции Российской Федерации, регламентирующий общественные отношения, связанные с производством по уголовным делам [2, с. 72].

Авторы склонны отметить некоторые тенденции реализации технологий в уголовном судопроизводстве, которые негативно сказываются на уровне технической оснащенности рассматриваемой сферы общественных отношений:

1. Техническое оснащение правоохранительных органов определенно отстает от уровня развития и внедрения в жизнедеятельность общества различных технологий ввиду проблем материального обеспечения рассматриваемой сферы государственной деятельности.

2. Внедрение в процесс расследования преступлений различных технических решений требует в определенных случаях реформирования имеющейся нормативной базы, регулирующей уголовно-процессуальную деятельность, что обуславливает существенный временной разрыв между возникновением потребности в повышении эффективности процесса и реализацией имеющихся технических решений.

Применение технических средств в ходе производства по уголовному делу способствует достижению целей уголовно-процессуальной деятельности, выступая как эффективный способ поиска, накопления и исследования доказательственной информации, решения организационных вопросов процессуальной деятельности, в том числе посредством устранения проблем и трудностей коммуникации участников уголовного судопроизводства.

При регулировании процесса реализации технических средств в уголовном судопроизводстве законодатель избрал совершенно оправданный подход, который выражается в следующем:

1. УПК РФ не содержит определения технических средств, что обусловлено отсутствием необходимости выработки универсального определения для нормативного регулирования процесса их применения, а также тем обстоятельством, что в каждой отрасли права технические средства рассматриваются исходя из целей и задач соответствующей деятельности.

2. Технические средства, применяемые в уголовном судопроизводстве, всегда имеют материальное выражение (в связи с чем нельзя отнести к ним, например, программное обеспечение, алгоритмы обработки информации и так далее), что подтверждается использованием в тексте УПК РФ таких категорий как «система видеоконференц-связи», «информационная система», «способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств», посредством которых также решаются технические задачи.

3. В УПК РФ отсутствует перечень технических средств, реализуемых в ходе производства по уголовным делам, что представляется абсолютно верным – закрепление наименования конкретных технических средств объективно невозможно, потребовалось бы постоянное внесение изменений в связи с развитием науки и техники, именно поэтому законодатель подверг регулированию только требования к рассматриваемым ресурсам. В частности, обязательным является необходимость уведомления участников о применении технических средств с письменной фиксацией данного факта (ч. 6 ст. 164 УПК РФ), недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья человека в ходе их реализации ч. 4 ст. 164 УПК РФ).

Анализ положений УПК РФ позволяет поставить несколько вопросов к размышлению:

1. Приравнивает ли законодатель системы видеоконференц-связи, федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» к техническим средствам и есть основания к постановке знака равенства между ними?

В УПК РФ регулируется использование различных ресурсов, имеющих технологическую природу. В частности, в ст. упоминается 42, 47, 53, 54, 58, 81^1, 105, 105^1, 107, 164, 164^1, 166, 170, 180, 186, 190, 217, 244^1, 253, 259, 303, 437 «технические средства» используется в статьях в ст. 30, 115.2, 474.1 УПК РФ – автоматизированная информационная система, в ст. 35, 46, 108, 115.2, 389.12, 389.13, 399 УПК РФ – система видеоконференц-связи, ст. 189.1, 240, 241.1, 253, 278.1, 401.13, 473.4, 474.1 УПК РФ – система видео-конференц-связи, ст. 115.2, 186.2, 474.1 УПК РФ – система электронного документооборота, ст. 474.1 УПК РФ – федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», ст. 474.1 УПК РФ – система межведомственного электронного взаимодействия.

Объединять указанные ресурсы в рамках категории «технические средства», на наш взгляд, недопустимо, так как, например, система видео-конференц-связи является совокупностью не только различной аппаратуры, но и соответствующего программного обеспечения, позволяющего аккумулировать разрозненные элементы в единый комплекс. Поэтому целесообразно обозначить автоматизированную информационную систему, систему виде-оконференц-связи, систему электронного документооборота, федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», систему межведомственного электронного взаимодействия посредством категории «технология», что позволит участникам уголовного судопроизводства в условиях цифровизации российского общества более интенсивно использовать соответствующие ресурсы.

2. Является ли важным правильное наименование реализуемых в уголовном судопроизводстве технических решений в случаях их за-

крепления в нормах уголовно-процессуального законодательства?

Являясь сторонниками единообразия нормативного регулирования общественных отношений, авторы обращают внимание на некоторую непоследовательность законодателя при конструировании УПК РФ. Речь идет о написании слова «видео-конференц-связь». В указанном кодексе одновременно зафиксировано два варианта написания – видеоконференц-связь (ст. 35, 46, 108, 115.2, 389.12, 389.13, 399 УПК РФ) и видео-конференц-связь (ст. 189.1, 240, 241.1, 253, 278.1, 401.13, 473.4, 474.1 УПК РФ). Данная ситуация, при кажущейся незначительности, на наш взгляд, умаляет авторитет законодателя, так как текст нормативно-правовых актов должен быть безукоризненным как с точки зрения согласованности, формальном логики, так и орфографии. Правильным является вариант написания с двумя дефисами, что подтверждается анализом орфографических словарей русского языка [3, с. 76; 4]. Данный вариант написания зафиксирован в Орфографическом словаре русского языка как государственного языка Российской Федерации, который Правительством РФ утвержден в качестве нормативного словаря [5], призванного обеспечивать единообразную письменную передачу лексики русского языка в общем коммуникативном пространстве.

3. Каковы направления дальнейшего реформирования уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации российского общества?

В этой связи достаточно точно высказался довольно осторожно относящийся к цифровизации профессор Л.В. Головко, отметивший – «выход за пределы научных лабораторий сложнейших электронных систем, созданных в период революции позитивно повлиял на уголовный процесс, подвергнутый определенным изменениям» [6, с. 17]. Анализ изменений, внесенных в УПК РФ за последние пять лет, по мнению авторов, свидетельствует о том, что приоритетным направлением уголовно-процессуальной политики России является цифровизация производства по уголовным делам – расширение возможностей дистанционного производства процессуальных действий, развитие процедур электронного документооборота, совершенствование работы с электронными доказательствами [7, с. 80; 8, с. 26; 9]. При этом авторы убеждены в необходимости интенсивного использования различных технологий в уголовном судопроизводстве, но в тоже время поддерживают невозможность изменения содержания традиционного уголовного процесса.

Несмотря на солидарность авторов с избранным законодателем способом регулирования рассматриваемой проблематики, в настоящее время имеет место некоторая пробельность в уголовно-процессуальном законодательстве. На наш взгляд, требуется изменение редакции ст. 164 УПК РФ, в результате которой ее ч. 6 должна быть выражена следующим образом – «При производстве следственных действий могут применяться технические средства, технологии. Перед началом следственного действия следователь предупреждает лиц, участвующих в следственном действии, о применении технических средств и технологий».

Список литературы:

1. Австрийсков А.В. Ретроспектива использования технических средств оперативно-разыскного назначения при раскрытии и расследовании преступлений в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1(48). С. 79-86.
2. Долгов А.М. Правовые основы применения цифровых технологий в уголовном процессе России // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12(154). С. 72-74.
3. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. Под ред. В. В. Лопатина. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2014. 432 с.
4. Орфографический словарь русского языка как государственного языка Российской Федерации. Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН. М., 2025 // URL: https://rus-gos.spbu.ru/index.php/dictionary (дата обращения 05.11.2025).
5. См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.04.2025 № 1102-р // Официальное опубликование правовых актов URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505060013?index=1 (дата обращения 05.11.2025).
6. Головко Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15-25.
7. Гришин Д.А., Шурухнов Н.Г. Электронный документооборот как средство повышения эффективности уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2025. С. 75-81.
8. Абовян Э.П., Гришин Д.А. Использование информационных технологий при установлении обстоятельств, характеризующих личность пенитенциарного преступника // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025. № 9(280). С. 25-34.
9. Гришин Д.А. Цифровая трансформация российского общества и ее влияние на уголовное судопроизводство // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9, № 2(38). С. 64-68.

References:

1. Avstrijskov A.V. A retrospective of the use of technical means of operational and investigative purpose in the disclosure and investigation of crimes in Russia // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1(48). Pp. 79-86.
2. Dolgov A.M. Legal foundations of the application of digital technologies in the criminal process of Russia // Theory and practice of social development. 2020. No. 12(154). Pp. 72-74.
3. Rules of Russian spelling and punctuation. Complete academic reference book. Edited by V. V. Lopatin. – Moscow: AST-PRESS SCHOOL, 2014. 432 p.
4. The spelling dictionary of the Russian language as the state language of the Russian Federation. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2025 // URL: https://rus-gos.spbu.ru/index.php/dictionary (accessed on 05.11.2025).
5. See: Order of the Government of the Russian Federation No. 1102-r dated 30.04.2025 // Official Publication of Legal Acts URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505060013?index=1 (accessed on 05.11.2025).
6. Golovko L.V. Digitalization in the Criminal Process: Local Optimization or Global Revolution? // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 1. Pp. 15-25.
7. Grishin D.A., Shurukhnov N.G. Electronic Document Management as a Means of Improving the Efficiency of Criminal Proceedings // Modern Criminal Procedure Law: Lessons from History and Challenges for Further Reform. Oryol: Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, 2025. Pp. 75-81.
8. Abovyan E.P., Grishin D.A. The Use of Information Technologies in Establishing the Circumstances Characterizing the Personality of a Penitentiary Criminal // Vedomosti of the Penitentiary System. 2025. No. 9(280). Pp. 25-34.
9. Grishin D.A. Digital transformation of Russian society and its impact on criminal proceedings // Economy. Law. Society. 2024. Vol. 9, No. 2(38). Pp. 64-68.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_517

УДК 343.98

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОГО СОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ И СБЫТА ОРУЖИЯ

ON CERTAIN ISSUES OF LEGAL REGULATION OF CONFIDENTIAL ASSISTANCE OF CITIZENS IN IDENTIFYING AND EXPOSING CRIMES IN THE FIELD OF ILLEGAL MANUFACTURING AND SALE OF WEAPONS

ХОЛОДЁН Игорь Владимирович
старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
ул. 1-я Красная, д. 18, Рязань, Рязанская область, 390043, Россия.
E-mail: kristinka_96@inbox.ru

KHOLODYON Igor Vladimirovich
Senior Lecturer, Department of Operational-Search Activities
Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.
18, 1st Krasnaya Street, Ryazan, Ryazan Oblast, 390043, Russia
E-mail: kristinka_96@inbox.ru

Краткая аннотация. *В статье рассматриваются вопросы правового регулирования конфиденциального содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность при выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным изготовлением и сбытом оружия. Проанализированы положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и смежного законодательства, выявлены существенные пробелы в правовой регламентации социальной защиты конфидентов, определены проблемы цифровизации оперативно-розыскной деятельности. Предложены рекомендации по совершенствованию законодательства в целях более эффективного противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота оружия и надлежащей защиты лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам.*

Abstract. *The article examines the legal regulation of confidential assistance provided by citizens to bodies engaged in operational investigative activities in detecting and solving crimes related to illegal manufacturing and trafficking of weapons. The provisions of the Federal Law «On Operational Investigative Activities» and related legislation are analyzed, significant gaps in the legal regulation of social protection of confidants are identified, and problems of digitalization of operational investigative activities are determined. Recommendations are proposed to improve legislation in order to more effectively combat crimes in the field of illegal weapons trafficking and to provide proper protection for persons assisting law enforcement bodies.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, конфиденциальное содействие, конфиденты, незаконный оборот оружия, социальная защита, правовые гарантии.*

Keywords*: operational investigative activities, confidential assistance, confidants, illegal weapons trafficking, social protection, legal guarantees, legislative gaps.*

Для цитирования*: Холоден И.В. О некоторых вопросах правового регулирования конфиденциального содействия граждан при выявлении и раскрытии преступлений в сфере незаконного изготовления и сбыта оружия // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 517-518. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_517.*

For citation*: Kholodyon I.V. On some issues of legal regulation of confidential assistance of citizens in the detection and disclosure of crimes in the field of illegal manufacture and sale of weapons // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 517-518. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_517.*

Статья поступила в редакцию: 31.01.2026

Борьба с преступлениями в сфере незаконного изготовления и сбыта оружия представляет собой одну из приоритетных задач современной российской правоохранительной системы. Актуальность этой проблемы обусловлена многочисленными террористическими актами, совершаемыми с использованием огнестрельного оружия. Эффективное решение указанных задач невозможно без активного использования потенциала конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел, поскольку именно негласные источники информации позволяют выявлять латентные преступления и своевременно пресекать преступную деятельность на ранних стадиях.

Основополагающим нормативным правовым актом, закрепляющим оперативно-розыскную функцию выявления и раскрытия преступлений, связанных с незаконным изготовлением и сбытом оружия, является Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД)[1]. В указанном законодательном акте перечислены основания и условия для проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также изложен инструментарий методов и средств противодействия преступности.

В соответствии со статьей 17 ФЗ об ОРД отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим ОРД. Закон предусматривает, что органы, осуществляющие ОРД, могут заключать контракты с совершеннолетними дееспособными лицами независимо от гражданства и национальности. Целесообразность привлечения иностранных граждан к негласному сотрудничеству обусловлена современными угрозами национальной безопасности. Террористические акции последних лет совершались иностранными гражданами с использованием огнестрельного оружия, что подтверждает необходимость расширения источников оперативной информации. Иностранные конфиденты могут обеспечить доступ к закрытым этническим диаспорам, радикальным сообществам и информации о каналах поступления оружия, которую затруднительно получить через граждан Российской Федерации. Таким образом, действующее законодательство не только разрешает, но и объективно предполагает активное использование потенциала иностранных граждан в обеспечении борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота оружия.

Одним из важнейших условий, обеспечивающих эффективность оперативной работы, является надлежащий уровень правовой защиты

[1] Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лиц, содействующих оперативно-розыскным органам [2], однако при более детальном анализе действующего законодательства становится очевидным наличие пробелов, прежде всего в части обеспечения социальной защиты конфидентов. Анализ положений ст. 18 Закона об ОРД позволил сделать вывод, что лица, содействующие ОВД, находятся под охраной государства. Их социальная и правовая защита может носить характер обязательств и гарантий [1], однако на практике конкретные гарантии предоставляются исключительно лицам, сотрудничающим по контракту. Государственные гарантии права на пенсионное обеспечение, единовременные выплаты при гибели или получении травмы распространяются только на указанную категорию лиц. Между тем характер и степень опасности, которой подвергаются лица, оказывающие содействие на бесконтрактной основе при выявлении преступлений, связанных с незаконным изготовлением и сбытом оружия, не зависит от наличия контракта. Лица, оказывающие конфиденциальное содействие на безвозмездной основе, подвергаются тем же рискам и угрозам, однако лишены соответствующих гарантий и компенсаций. Отсутствие гарантий в случае гибели или травмы фактически препятствует привлечению к сотрудничеству потенциальных источников информации, что сужает кадровый резерв негласного аппарата и снижает эффективность оперативно-розыскной деятельности.

Дополнительная проблема заключается в несоответствии между положениями ФЗ об ОРД и Федерального закона от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[1]. Механизм государственной защиты, предусмотренный последним законом, распространяется исключительно на участников уголовного судопроизводства. Статья 16 указанного закона устанавливает, что основанием применения мер безопасности является наличие реальной угрозы в связи с участием лица в уголовном судопроизводстве. На стадии, когда уголовное дело еще не возбуждено, но конфидент уже подвергается реальной угрозе в связи с оказанием содействия оперативным подразделениям, применение мер государственной защиты становится невозможным. Более того, для получения статуса участника уголовного судопроизводства конфидент должен дать согласие на раскрытие факта сотрудничества с оперативными подразделениями, что противоречит принципу конспирации, являющемуся основополагающим в оперативно-розыскной деятельности, и создает дополнительные риски для его безопасности и безопасности членов его семьи.

Особые трудности возникают в связи с цифровизацией преступной деятельности в сфере незаконного оборота оружия. Современные преступники активно используют закрытые интернет-сообщества, которые функционируют в условиях высокой степени конспирации. Положение пункта 5 статьи 15 ФЗ об ОРД предоставляет органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, право создавать в установленном законодательством Российской Федерации порядке предприятия, учреждения, организации и подразделения, необходимые для решения задач, предусмотренных этим законом. Буквальное толкование данной нормы позволяет сделать вывод о том, что речь идет преимущественно о создании юридических лиц либо структурных подразделений, имеющих физическое местонахождение и подлежащих государственной регистрации. Однако цифровизация преступной деятельности требует создания легендированных интернет-ресурсов, которые по своей правовой природе не подпадают под понятия «предприятия», «учреждения», «организации» или «подразделения». Такие ресурсы не могут быть официально зарегистрированы и не имеют физического местонахождения, однако являются необходимым инструментом для эффективной оперативно-розыскной деятельности.

Для эффективного проникновения в преступные интернет-сообщества, занимающиеся незаконным изготовлением и сбытом оружия, недостаточно создания отдельных легендированных профилей. Необходимо создание целых легендированных инфраструктур — форумов, сайтов, Telegram-каналов и других платформ, выполняющих функцию площадок для установления доверительных отношений с лицами, причастными к преступной деятельности. Такие ресурсы должны обладать достоверной цифровой историей, сложной системой связей и естественными паттернами поведения, чтобы восприниматься участниками преступного сообщества как подлинные. Действующая редакция пункта 5 статьи 15 ФЗ об ОРД не содержит прямого упоминания права создавать информационные ресурсы в информационно-телекоммуникационных сетях, что порождает правовую неопределенность и препятствует активному использованию данного метода оперативными подразделениями.

Правовое регулирование конфиденциального содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, находится на недостаточном уровне развития и содержит множество пробелов, препятствующих эффективному противодействию преступлениям в сфере незаконного оборота оружия. Выявленные проблемы касаются трех ключевых аспектов: несоответствия уровня социальной защиты конфидентов реальным рискам, которым они подвергаются; отсутствия механизма государственной защиты на досудебных стадиях оперативной деятельности; неспособности действующего законодательства регулировать оперативно-розыскную деятельность в цифровой среде. Предложенные рекомендации направлены на устранение указанных пробелов и создание более благоприятных условий для привлечения граждан к конфиденциальному содействию в борьбе с преступностью. Реализация этих предложений будет способствовать повышению эффективности оперативно-розыскной деятельности в сфере незаконного оборота оружия и обеспечению надлежащей правовой и социальной защиты конфидентов, что, в свою очередь, позволит расширить источники оперативной информации и повысить результативность борьбы с организованной преступностью в указанной сфере.

Список литературы

1. Симоненко Д. А. Некоторые аспекты современного состояния законодательного регулирования конфиденциального содействия отдельных лиц оперативным подразделениям органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 215–220. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-215-220.

2. Томилин С. М., Шокин С. Е. Некоторые конституционные и уголовно-процессуальные возможности обеспечения безопасности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам – субъектам оперативно-розыскной деятельности // Вестник Владимирского юридического института ФСИН России. 2020. № 4 (57). С. 150–155.

References

1. Simonenko D. A. Some aspects of the current state of legislative regulation of confidential assistance of individuals to operational units of internal affairs bodies // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4. pp. 215-220. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-4-215-220.

2. Tomilin S. M., Shokin S. E. Some constitutional and criminal procedural possibilities for ensuring the safety of persons providing confidential assistance to bodies - subjects of operational-search activities//Bulletin of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2020. № 4 (57). S. 150-155.

[1] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_519

УДК 343.5

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА В РАМКАХ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
PSYCHOLOGICAL AND ECONOMIC VIOLENCE IN THE FAMILY: PROBLEMS OF EVIDENCE AND CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT WITHIN THE FRAMEWORK OF CURRENT LEGISLATION

МАРЧЕНКО Александр Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и административного права
Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ).
Лоцманская улица, 3, г. Санкт-Петербург, 190121, Россия.
E-mail: marchenkoalexv@mail.ru;

НОВИКОВА Дарья Владимировна,
студентка, магистратуры факультета гуманитарного образования
Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ).
Лоцманская улица, 3, г. Санкт-Петербург, 190121, Россия.
E-mail: daranovikova378@gmail.com

MARCHENKO Alexander Vasilyevich,
PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal and Administrative Law
St. Petersburg State Maritime Technical University (SPbGMTU).
3 Lotsmanskaya Street, St. Petersburg, 190121, Russia.
E-mail: marchenkoalexv@mail.ru;

NOVIKOVA Darya Vladimirovna,
a graduate student at the Faculty of Humanities Education
St. Petersburg State Maritime Technical University (SPbGMTU).
3 Lotsmanskaya Street, St. Petersburg, 190121, Russia.
E-mail: daranovikova378@gmail.com

Краткая аннотация: *В статье проанализированы проблемы квалификации и доказывания психологического и экономического насилия в семейно-бытовой сфере в рамках действующего российского законодательства. Выявлены ключевые пробелы правового регулирования и основные сложности доказывания таких деяний, предложены направления совершенствования законодательства и системы защиты жертв.*

Abstract: *Annotation: The article analyzes the problems of qualification and proof of psychological and economic violence in the family and household sphere within the framework of current Russian legislation. Key gaps in legal regulation and the main difficulties of proving such acts have been identified, and directions for improving legislation and victim protection systems have been proposed.*

Ключевые слова: *психологическое насилие, экономическое насилие, семейно-бытовое насилие, доказывание, уголовное законодательство.*

Key words: *psychological violence, economic violence, domestic violence, evidence, criminal law.*

Для цитирования*: Марченко А.В., Новикова Д.В. Психологическое и экономическое насилие в семье: проблемы доказывания и уголовно-правовая оценка в рамках действующего законодательства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 519-522. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_519.*

For citation*: Marchenko A.V., Novikova D.V. Psychological and economic violence in the family: problems of proof and criminal law assessment within the framework of current legislation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 519-522. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_519.*

Статья поступила в редакцию: 11.01.2026

Правительство Российской Федерации последовательно уделяет внимание вопросам семьи и брака, целенаправленно формируя оптимальные условия для их укрепления и благополучного развития[1]. Эта работа реализуется через: предоставление социальной поддержки; повышение качества жизни граждан; рост социально-экономического благополучия семей; создание новых возможностей и удовлетворение возникающих потребностей семей. Правовая основа этих задач закреплена в основном законе Российской Федерации − Конституции Российской Федерации[2], где говорится о поддержке семьи, материнства, отцовства и детства (статья 7, часть 2), защите семьи, материнства и детства, заботе о детях и их воспитании (статья 38, части 1 и 2), а также их социальном обеспечении (статья 39, часть 1)[3].

Однако, несмотря на это насилие в семейно-бытовой сфере признается одной из наиболее актуальных социальных проблем современного мира. Наряду с физическими проявлениями, всё больше внимания уделяется психологическому и экономическому насилию – формам, которые зачастую труднее доказать и на которые менее развито нормативное регулирование. В связи с этим возникает необходимость не только

[1] Шеншин, В. М. О необходимости правового регулирования заключения брака с несовершеннолетними / В. М. Шеншин, Д. А. Прокофьева // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 9-16. – EDN YSRRIT.
[2] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ; 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 декаб. Далее по тексту – Конституция РФ.
[3] Шеншина, Л. А. Международно-правовое регулирование защиты прав детей / Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 6. – С. 19-22. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_6_19. – EDN QPYFRU.

совершенствования законодательства, но и поиска эффективных методов подтверждения фактов психологического и экономического насилия в правовой практике.

Эти виды насилия негативно сказываются на физическом и психологическом здоровье пострадавших, нарушают права человека и требуют системного подхода к их правовой оценке и пресечению. Как отмечают международные эксперты, «невидимые» формы насилия, такие как психологическое и экономическое, нередко скрываются за ложью и страхом потерпевших, что осложняет их документальное подтверждение[1]. В данном контексте особое значение приобретает вопрос о наличии эффективных механизмов доказывания и адекватной уголовно-правовой оценки.

Психологическое и экономическое насилие – это формы домашнего насилия, которые направлены на подавление личности, установление контроля над жертвой и нарушение её прав. Оба вида насилия сложно доказываются в правовом поле из-за отсутствия явных физических следов и закрытости семейных отношений.

Психологическое (эмоциональное) насилие – это систематическое психическое воздействие на человека, направленное на унижение, оскорбление, запугивание, манипулирование, подавление воли и разрушение самооценки жертвы. Оно может выражаться в вербальной агрессии, эмоциональном подавлении, игнорировании, контроле мыслей и чувств. В своей статье Пузанкова И.Е., Дическул О.М. указывают, что первым признаком того, что человек подвергается психологическому насилию, является острое чувство вины за «заботу», которую проявляет по отношению к нему тиран. Также в данной статье рассматриваются некоторые формы психологического насилия:

– Обесценивание. Принижение личности жертвы, её достижений, внешности, участия в жизни семьи.

– Газлайтинг. Попытки манипулятора исказить восприятие реальности у жертвы, отрицание событий, чувств или эмоций.

– Неглект. Намеренное невыполнение обязательств, отказ обеспечить психологический покой и базовые потребности[2].

– Аутинг. Предание гласности закрытых сторон жизни человека, распространение сплетен или недостоверной информации.

– Бодишейминг. Осуждение телесности, игнорирование тактильных потребностей (например, отказ обнять пожилого человека).

– Запугивание, угрозы, шантаж[3].

Экономическое насилие проявляется в невозможности или ограниченном доступе потерпевшего к материальным ресурсам, владению имуществом или правом распоряжения доходами. Как отмечено в ряде международных документах, такие действия включают принуждение к изъятию средств, контроль над финансовыми операциями, отказ в обеспечении средств к существованию (см. например, Конвенция Совет Европы, 2011)[4]. Эти формы часто сопутствуют физическому и психологическому насилию, усиливают их эффект и усложняют ситуацию защиты.

По мнению Ростовской Т.К. и Безвербной Н.А., экономическое насилие – это форма поведения, основанная на контроле «способности жертвы приобретать, использовать ресурсы, угрожая тем самым её экономической безопасности и потенциалу»[5].

Последствия экономического насилия могут включать финансовую зависимость, невозможность обеспечить базовые потребности, долгосрочные финансовые проблемы, банкротство. У детей такое насилие может привести к нарушению физического и психического здоровья.

Обе формы насилия нередко взаимосвязаны и образуют систему подавления личности в рамках семейных отношений. Особенность психологического и экономического насилия состоит в их «невидимости» и субъективности, что требует высокого профессионализма при сборе доказательств. Объективное подтверждение зачастую связано с необходимостью анализа многочисленных свидетельских показаний, психологической экспертизы, банковских и иных документов.

Правовое регулирование вопросов психологического и экономического насилия в семье в России носит фрагментарный характер. Эти виды насилия не выделены в отдельные составы преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации[6], а существующие нормы разрознены между УК РФ, Семейным кодексом Российской Федерации[7] и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях[8]. Это создаёт сложности в доказывании фактов насилия и уголовно-правовой оценке таких деяний.

Как отмечено выше, психологическое (эмоциональное) насилие включает угрозы, унижения, шантаж, игнорирование, агрессивную ревность и другие действия, направленные на подавление воли жертвы, причинение ей психических страданий. В российском законодательстве нет прямой нормы, специально посвящённой психологическому насилию в семье, но отдельные его проявления могут подпадать под действие общих статей УК РФ:

---

[1] Международная стандартная классификация преступлений / Утверждена ООН в 2014 году. [Электронный ресурс].URL:https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/statistics/crime.html (дата обращения: 05.01.2026).

[2] Ульянова Н. Бездействие – тоже насилие. Что такое неглект и как он разрушает наши отношения. [Электронный ресурс]. URL: https://knife.media/neglect/ (дата обращения: 09.01.2026).

[3] Пузанкова И.Е., Дическул О.М. Психологическое насилие в семье: что это такое и как с ним бороться // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – № 1 (85). – С.136.

[4] Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием от 11 мая 2011 г. (Стамбульская конвенция). [Электронный ресурс] URL: https://www.coe.int/en/web/violence-against-women/streatham-court-implementation (дата обращения: 04.01.2026).Эта Конвенция включила в себя самые прогрессивные положения, защищающие женщин от насилия, Россия пока не является ее участником. Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека принял рекомендации по итогам специального заседания: «Законодательное обеспечение «Национальной стратегии действий в интересах детей» в части предотвращения домашнего насилия», состоявшегося 8 июля 2014 г. и порекомендовал Госдуме принять Федеральный закон «О предупреждении и профилактике семейно-бытового насилия» и сопутствующие нормативные акты.

[5] Нигматуллин М.Р. Экономическое насилие в семье в современном обществе: понятие и виды // Право и государство: теория и практика. _ 2024. _ № 12(240). _ С. 757.

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. Далее по тексту – УК РФ.

[7] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г. № 405-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.Далее по тексту – СК РФ.

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г.№ 489-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1. Далее по тексту – КоАП РФ.

– статья 119 УК РФ («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью») может применяться, если психологическое насилие сопровождается конкретными угрозами;

– статья 130 УК РФ («Оскорбление») ранее предусматривала ответственность за унижение чести и достоинства, но была декриминализирована в 2011 году, и теперь подобные деяния регулируются КоАП РФ (ст. 5.61).

Доказывание психологического насилия осложняется отсутствием физических следов. Суды требуют объективных доказательств (свидетельские показания, записи, медицинские заключения о психотравмах), что затруднительно в условиях семейного конфликта.

Экономическое насилие проявляется в финансовом контроле: запрете работать, удержании денег, создании условий финансовой зависимости жертвы. В действующем УК РФ также, на сегодня нет специальной статьи, прямо посвящённой экономическому насилию в семье. Однако отдельные его формы могут квалифицироваться как:

– присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), если нарушитель незаконно распоряжается имуществом жертвы;

– мошенничество (ст. 159 УК РФ), если действия связаны с обманом или злоупотреблением доверием.

Также возможно применение ст. 40 УК РФ («Принуждение к совершению сделки или к отказу от её совершения»), если экономическое давление сопровождается угрозами. Однако на практике такие случаи редко квалифицируются по этой статье из-за сложности доказывания состава преступления.

Административная ответственность возможна по ст. 5.35 КоАП РФ (неисполнение родительских обязанностей), однако она не охватывает полноту проблемы.

Следует обратить внимание, что и Семейный кодекс РФ содержит нормы, касающиеся защиты детей от насилия, носящие несколько декларативный характер, например:

– статья 65 СК РФ устанавливает, что при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей;

– статья 69 СК РФ предусматривает лишение родительских прав за жестокое обращение с детьми, включая физическое или психическое насилие.

В таком случае. проблемы доказывания психологического и экономического насилия в семье связаны с рядом факторов, обусловленных как особенностями этих видов насилия, так и пробелами в законодательстве. Все это затрудняет привлечение виновных к ответственности и эффективную защиту жертв. Так Богославская К.Э. указывает, что ключевыми трудностями при доказывании психологического и экономического насилия являются:

1. Отсутствие материальных следов. В отличие от физического насилия, психологические и экономические формы не оставляют видимых повреждений, что затрудняет фиксацию факта преступления.
2. Субъективность восприятия. Оценка степени травмирующего воздействия зависит от индивидуальных особенностей жертвы, что создаёт простор для трактовок.
3. Недостаточность свидетельских показаний. Члены семьи зачастую отказываются давать показания против насильника, а посторонние свидетели редко имеют доступ к внутрисемейным отношениям.
4. Сложность сбора документальных доказательств. Экономическое насилие требует анализа финансовых операций, которые могут быть скрыты или оформлены легально.
5. Боязнь жертв обращаться в правоохранительные органы. Страх мести, стыд, экономическая зависимость и надежда на изменение ситуации приводят к низкой выявляемости преступлений.
6. Недостаточная подготовленность правоохранителей. Сотрудники полиции и следователи нередко не обладают навыками выявления и фиксации нефизического насилия[1].
7. Дополнительной проблемой является отсутствие у потерпевших ясных знаний о своих правах и о порядке их реализации. Многие не осознают, что определенные действия со стороны партнера могут квалифицироваться как преступление или административное нарушение, что снижает количество обращений за помощью и подачи заявлений[2].

Пробелы в законодательстве и правоприменительной практике в сфере психологического и экономического насилия в семье в России связаны с отсутствием комплексного регулирования, недостатками существующих норм и проблемами в их реализации. Это затрудняет эффективную защиту жертв и противодействие таким формам насилия.

По мнению авторов, для повышения эффективности борьбы с психологическим и экономическим насилием необходимо предпринять следующие шаги:

– разработать отдельные нормативные акты, четко регулирующие ответственность за эти виды преступлений, включая квалифицирующие признаки и сроки давности;

– повысить профессиональную подготовку сотрудников правоохранительных органов, судей и адвокатов, чтобы они могли распозна-

[1] Богославская К.Э. Актуальные проблемы уголовного права и процесса, связанные с насилием в семье // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2025. – №2. – С.42.
[2] Громова И.А. Инновационные подходы к судебному доказыванию психологического насилия // Журнал российского права. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 80.

вать и квалифицировать психологические и экономические проявления насилия;

– активнее внедрять комплексные механизмы подтверждения фактов, таких как специализированные психологические экспертизы, а также сбор и анализ банковских и иных документов;

– расширять программы профилактики, информирования населения и оказания помощи потерпевшим, создавая безопасные условия для их обращения в правоохранительные органы и суды;

– всемерно развивать международное сотрудничество в области обмена опытом и внедрения международных стандартов борьбы с домашним насилием.

Эти меры позволят повысить уровень защиты прав пострадавших, а также обеспечить эффективное привлечение злоумышленников к ответственности.

В связи со всем вышеперечисленным, можно утверждать, что психологическое и экономическое насилие в семье – сложные и актуальные проблемы правового регулирования и практической борьбы. Их сложность свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства, внедрения современных методов подтверждения фактов и повышения профессиональной подготовки специалистов. Только при комплексном подходе удастся обеспечить защиту прав и свобод граждан, оставить позади практики без доказанных обвинений и недостаточной ответственности за подобные преступления.

Список литературы:

1. Богославская К.Э. Актуальные проблемы уголовного права и процесса, связанные с насилием в семье // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2025. – № 2. – С. 40–43.
2. Громова И.А. Инновационные подходы к судебному доказыванию психологического насилия // Журнал российского права. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 78–84.
3. Нигматуллин М.Р. Экономическое насилие в семье в современном обществе: понятие и виды // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 12(240). – С. 756–759.
4. Пузанкова И.Е., Дическул О.М. Психологическое насилие в семье: что это такое и как с ним бороться // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – № 1 (85). – С. 134–139.
5. Ульянова Н. Бездействие – тоже насилие. Что такое неглект и как он разрушает наши отношения. [Электронный ресурс]. URL: https://knife.media/neglect/ (дата обращения: 09.01.2026).
6. Шеншин, В. М. О необходимости правового регулирования заключения брака с несовершеннолетними / В. М. Шеншин, Д. А. Прокофьева // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 9-16. – EDN YSRRIT.
7. Шеншина, Л. А. Международно-правовое регулирование защиты прав детей / Л. А. Шеншина // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 6. – С. 19-22. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_6_19. – EDN QPYFRU.

References:

1. Bogoslavskaya K.E. Actual problems of criminal law and process related to domestic violence // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. – 2025. – No. 2. – pp. 40-43.
2. Gromova I.A. Innovative approaches to judicial proof of psychological violence // Journal of Russian Law. – 2021. – Vol. 17. – No. 4. – pp. 78-84.
3. Nigmatullin M.R. Economic domestic violence in modern society: concept and types // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 12(240). – Pp. 756-759.
4. Puzankova I.E., Dichul O.M. Psychological violence in the family: what is it and how to deal with it // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. – 2020. – № 1 (85). – Pp. 134-139.
5. Ulyanova N. Inaction is also violence. What is ignorance and how it destroys our relationship. [electronic resource]. URL: https://knife.media/neglect / (date of application: 01/09/2026).
6. Shenshin, V. M. On the need for legal regulation of marriage with minors / V. M. Shenshin, D. A. Prokofieva // Right. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 3(52). – Pp. 9-16. – EDN YSRRIT.
7. Shenshina, L. A. International legal regulation of the protection of children's rights / L. A. Shenshina // Agrarian and land law. – 2025. – No. 6. – pp. 19-22. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_6_19. – EDN QPYFRU.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_523

УДК 343.92

МАКРОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ
MACROSOCIAL FACTORS IN THE CRIMINAL VICTIMIZATION SYSTEM

САФРОНОВ Александр Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент, ветеран боевых действий,
ветеран кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д.8.
E-mail: safronov50@mail.ru

SAFRONOV Alexander D.,
Candidate of Law, Associate Professor, combat veteran,
veteran of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel
of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.
E-mail: safronov50@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируются макросоциальные факторы, влияющие на преступность и виктимизацию различных групп населения в период социально-экономической реформации в России конца XX начала XXI столетия. В этот период социальная обстановка оказывала более активное криминогенное и виктимогенное воздействие на многих лиц, оказавшихся в затруднительной жизненной ситуации, по сравнению с их личностными качествами.*

Abstract: *The article analyzes the macrosocial factors influencing crime and victimization of various population groups during the socio-economic reformation in Russia at the end of the XX-beginning of the XXI century. During this period, the social environment had a more active criminogenic and victimogenic effect on many people who found themselves in a difficult life situation, compared with their personal qualities.*

Ключевые слова: *Криминальная виктимность, неравенство, организованная преступность, теневой и криминальный рынки, коррупция, вооружённая борьба, кризис.*

Keywords: *Criminal victimization, inequality, organized crime, shadow and criminal markets, corruption, armed struggle, crisis.*

Для цитирования*: Сафронов А.Д. Макросоциальные факторы в системе криминальной виктимизации // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 523-529. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_523.*

For citation*: Safronov A.D. Macrosocial factors in the criminal victimization system // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 523-529. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_523.*

Статья поступила в редакцию: 26.12.2025

В теории криминальной виктимологии традиционно было принято обращать основное внимание на исследования личностных субъективных качеств потерпевшего лица, которые детерминируют либо облегчают совершение противоправного посягательства, нарушение его, охраняемых конституционным и уголовным законодательством субъективных прав, включая право на жизнь, здоровье, честь и достоинство, имущество. Незаслуженно меньшее внимание уделяется более широкому ракурсу виктимности: особенностям социальной (конкретной исторической) ситуации (макросоциальным факторам), которые порождают причины, условия, а порой и поводы криминального посягательства на права и охраняемые законом интересы, как правило, представителей общества в целом, а также отдельных, порой многочисленных социальных слоёв, категорий и групп граждан. Очевидно, что существует большая группа социальных факторов виктимизации [6].

При наличии преступности как постоянной массовой патологии существует и перманентная массовая социальная виктимогенность [14]. От риска виктимного поражения в разной степени потенциально не избавлен ни один из членов общества независимо от его демографических, статусно-имущественных позиций, мест и условий проживания, особенно в период масштабных социальных реформаций и катаклизмов, когда возникает длительная расбалансировка и дисфункции систем государственного управления и жизнеобеспечения населения, в том числе в сфере безопасности. Широкий социологический подход в исследовании проблем криминальной виктимологии не менее важен, чем и полидисциплинарное изучение индивидуальных свойств и особенностей сознания и поведения, детерминирующих индивидуально-психологическую и физическую предрасположенность лица стать жертвой преступного посягательства. Это феномен один из основателей криминальной виктимологии Г. Гентинг называл «внутренней ситуацией преступления» [6].

Системный кризис в России, происходивший параллельно с распадом Советского государства, породил формирование деструктивных явлений и массовых разрушительных социально-экономических процессов нравственно-негативного и криминогенно-виктимогенного свойства:

- резкое снижение уровня жизни, утрата многими людьми работы, службы и средств личного и семейного существования, крушение привычного образа жизнедеятельности, породили массу стрессогенных факторов длительного действия, что потребовало от человека срочно подняться над возникшими обстоятельствами и, преодолевая последствия травматического жизненного опыта, приступить к поиску новых, часто любых доступных способов и источников существования;

-гигантское имущественное расслоение ранее относительно однородного советского общества и интенсивный рост социального неравенства, когда источником обогащения преимущественно становилась якобы приватизированная, а по сути, неправомерно и одиозно несправедливо экспроприированная, оставленная без государственной охраны и защиты, общенародная собственность;

-кланово-монополистическая система, основанная на максимизации присваемоей эспортно-сырьевой ренты, стала противодействием

социально-экономическому развитию страны и вызывала массовую озлобленность чувствующего себя обворованным населения [22];

- нетрудовая и очевидно неосновательно (нелегитимно) приобретенная собственность создавала внешнюю мотивацию к ее перераспределению любыми доступными средствами (а они оказывались, как правило, неправомерными и насильственными) со стороны лиц, считающих себя несправедливо бделенными в процессе приватизации;

-появление в результате масштабной приватизации ранее общенародной и кооперативной собственности большого числа новых некомпетентных, порой наивных и доверчивых собственников. В частности, жилья, земельных участков, долевых паев предприятий. Такие собственники, в особенности, из категории обнищавшего населения, обладали нередко низким индивидуальным защитным ресурсом [6] и становились буквально легкой добычей для социальных хищников в лице мошенников, грабителей и убийц, а также руководителей разгосударственных предприятий, корыстно злоупотребляющих своими властными полномочиями [2];

-резкое ограничение привычного для социалистического строя публичного социального патернализма, в начальный период реформ переименованного в государственное иждивенчество. Трансформация важнейших социальных функций по образованию, трудоустройству и трудовому обучению, профессиональному и физическому воспитанию, здравоохранению, жилищному обеспечению, других форм социальной поддержки в разновидность услуг, предоставляемых преимущественно на возмездной основе и по коммерческим ценам;

-конституционный отказ от государственной идеологии, определяющей цели деятельности публичных институций и граждан, систему санкционированных в обществе ценностей и ориентиров, а также устанавливающей рамки политического, экономического и социально-этичного поведения. Отсутствие решительного государственного воспрепятствования широко распространившейся анархии вседозволенности;

-разрушение совершенной и эффективной национальной системы образования и воспитания, формирующей социально востребованного профессионально грамотного специалиста и личность ответственного гражданина, с заменой ее на бездуховные, чуждые национальным традициям западные стандарты;

- деградация постулатов трудовой этики и социального служения целям общего блага, товарищества, коллективизма и общесоциальной солидарности, вытеснение их психологией индивидуализма, меркантилизма и личной пользы, стремлением к реализации широких персональных прав и свобод, при игнорировании обязанностей, быстрое распространение идеологии потребительства (консьюмеризма). Сформировалась массовая консьюмеризация общественного сознания и образа жизни людей [7];

- частная собственность стала высшей социальной ценностью и в сознании ряда наиболее активных социальных групп, и прежде всего молодежи, укрепился культ богатства. Возродилась в общесоциальных масштабах капиталистическая эксплуатация человека человеком, включая ее наиболее дикую и архаичную форму - рабство. Средства массовой информации и западная массовая культура, а также примеры жизнедеятельности новой национальной политической и предпринимательской элиты навязывали исторически чуждый русскому человеку стандарты сверхобеспеченного, праздного, бездуховного образа жизни [3]. Заметно возросло число людей, о которых апостол Павел с сожалением говорил «… их бог-чрево». Особенно актуальны стали рекомендации Серафима Соровского: человеку следует чаще проводить ревизию своей души и своевременно выметать из нее мусор [15]

-снижение социальной значимости и устойчивости семьи, ее роли как института социального сплочения, воспитания, покровительства, ограждения от бед и защиты от посягательств. Заметный рост числа одиноких, зачастую социально неустроенных, лишенных родственной и дружеской поддержки, больных физически и порой нездоровых психически виктимно уязвимых людей, прежде всего старших возрастных групп, которым удается с большим трудом и напряжением воли, выживать, подчас ощущая бессмысленность существования и борьбы за него. Произошло и увеличение численности безнадзорных детей, которые в условиях отсутствия педагогического контроля и коррекции, участия в их жизни и поддержки просоциально ориентированных взрослых, также становятся легко уязвимыми объектами посягательства (жертвами) либо исполнителями общественно опасных деяний [25];

- возрастание значения такой либеральной ценности как личное (субъективное) пространство, формирование его широких границ, активизация социальной атомизации и взаимного нравственно-психологического отчуждения людей, возрастание безразличия к проблемам и бедам ближнего, выступающие дополнительными факторами(условиями) как правонарушаемости, так и массовой криминальной виктимизации. Отрицание либеральными реформаторами необходимости якобы тоталитарного, а по сути, целесообразного интенсивного социально-правового контроля как средства обеспечения публичного правопорядка;

- несоответствие системы законодательства изменившимся политическим и социально-экономическим условиям функционирования публичных институций и жизни населения. Возникновение нравственно-правовой аномии, т.е. многочисленных лакун в публичном нормативном регулировании социального управления и важнейших сфер жизнедеятельности людей, бессилие права и власти перед лавинообразно растущей преступностью, повседневным чиновничьим и бытовым произволом, массовой несправедливостью. Произошла экспансия организованного криминала во все сферы экономики, установился его неофициальный контроль над банковской системой и финансовым рынком [28];

- возросшее отчуждение власти от проблем и бед населения и как ответная реакция людей - распространение кратофобии (негативного отношения к власти в широком диапазоне социальных чувств: от недоверия до ненависти). И. А. Ильин писал, что презрение к государственному авторитету разлагает правосознание, разложение правосознания неминуемо поражает честь и совесть, убивает чувство меры и справедливости… «Народ становится жертвою духовного нигилизма» [12];

-нарастание состязательности, конфликтности и враждебности в повседневной жизни людей, глобальное вторжение в межличностные отношения грубости, произвола, волюнтаризма и насилия. Сложилась обстановка постоянного беззакония, деградации нравственно-правовой

компоненты общественного сознания, распространилось понимание жесточайшей несправедливости последствий проведенных шоковых реформ. Духовно-нравственные образцы гуманистического и просоциального поведения в обществе оказались разрушенными, исчезли внешние нравственно-психологические препятствия для индивидуализма и эгоизма. Посторонний человек в повседневном сознании все чаще стал рассматриваться лишь в качестве средства для достижения собственных целей либо как препятствие к этому. Нравственно стойкими оказались лишь редкие альтруисты и монашествующие христиане да, и немногочисленные истинно верующие представители других религий;

-среди многочисленной части озлобленного населения и, в не последнюю очередь в результате множественных и многообразных действий возрастающего числа социальных хищников, происходила варваризация как бытовых, так и деловых, включая суррогатно-рыночные, взаимоотношений. Автор теории дифференциальной ассоциации Э.А. Сазерленд не без оснований полагал, что люди становятся правонарушителями, если попадают в окружение, где господствуют девиантные правила поведения [23]. Разительно снизилась в массовом сознании ценность человеческой жизни. И в еще большей степени - принадлежащих личности нематериальных благ: чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации. Стало банально обыденным поведение, диктуемое правилами социального дарвинизма «Хищники едят травоядных»;

- разрушение прежней достаточно отлаженной системы социально-правового контроля, многочисленные дисфункции правоохранительных и судебных органов, прокуратуры [17]. Распространилась деморализация, профессиональное бессилие, нередки предательство присяги и долга, коррумпирование (гражданский и служебный оппортунизм) их кадрового состава, растерявшего профессиональное ядро и оперативно-следственное мастерство. В ряде регионов (прежде всего в крупных городах) сформировалась система негативной селекции кадров: сохраняются на службе преимущественно те сотрудники, кто приспособился получать дополнительные к денежному довольствию (содержанию) относительно стабильные теневые доходы. У энтузиастов и романтиков достаточно часто быстро происходит профессиональное выгорание в силу постоянной борьбы за показатели, но не с преступностью, фальсифицированных инсценировок благополучного состояния дел. Угнетает и атмосфера циничного прагматизма, существующая в ряде правоохранительных органов, включая безразличие к жертвам преступлений и их меркантильного использования;

-кадры уголовной юстиции оказались неспособными, а зачастую и не стремятся либо опасаются эффективно профилактировать, парировать, подавлять и справедливо карать стремительно организующуюся и вооружающуюся[1], демонстративно циничную, агрессивную и корыстную преступность;

-сращивание коррумпированной власти, включая правоохранительные, судебные органы и прокуратуру, с преступностью, главным образом организованной и беловоротничковой, что заставляет систему уголовной юстиции в значительной степени работать вхолостую или демонстративно формально, нередко лишь имитируя противодействие преступности. В ситуации разрушенного правопорядка население утрачивает веру в верховенство закона и возможность добиться справедливости правомерными средствами. Подрывается легитимность власти;

- формирование в обстановке недостаточно эффективной деятельности органов уголовной юстиции асоциальной системы противоправной (криминальной) самодетерминации (репродуктивной способности), возникающей, в частности, в результате безнаказанности и банализации (ставшими рядовой повседневностью) многочисленных преступлений, в большей части своей остающихся латентными т.е. не заявленными, скрытыми от учета либо оставшихся не раскрытыми [5]. Продолжается опасный процесс привыкания населения к преступности, в т.ч. есть у нас к её жестоким и садистическим формам, а также к терроризму и коррупции [23];

-самодетерминация и массовая безнаказанность преступности создают для нее отрицательно привлекательный авторитет всесильности и способствуют вовлечению в широких масштабах в аморальную и криминальную деятельность большого числа растерянных, социально и нравственно-психологически дезориентированных, лишённых прежнего относительно устойчивого социального статуса и средств к существованию многих миллионов граждан [13]. Отчаявшись, люди нередко приходили к выводу, что невозможно оставаться честным в бесчестном мире и избирали жизненную стратегию противоправного приспособления;

-сложился, казалось бы, парадоксальный феномен, когда преступность, в первую очередь организованная, замещая и компенсируя ослабевшие публичные социальные функции, стала обеспечивать ряд жизненно важных законных интересов людей и средств социальной поддержки. Она предоставляла источники существования, в порядке благотворительности поддерживая особо нуждающихся граждан, детские дома и спортивные организации, неофициально предоставляя оплачиваемую работу [8]. Особое внимание ОПФ уделяли формированию «воровского блага», на сленге «общака»-секретно хранящегося денежного фонда, из средств которого осуществлялась поддержка «авторитетов», содержащихся в местах лишения свободы, их семей, а также близких родственников погибших (умерших) «воров» и других правонарушителей, придерживавшихся «правильных» взглядов. Средства этого же фонда использовались и для коррупционной нейтрализации деятельности органов уголовной юстиции, а также обеспечения незаконных льгот и освобождения «статусных» осужденных;

-оргпреступность нередко из популистских побуждений и добиваясь криминального единоначалия, обеспечивала спокойствие в общественных местах, пресекала уличную преступность и мелкую коррупцию, быстро и однозначно разрешала спорные и конфликтные ситуации среди предпринимателей, иных граждан и правонарушителей средствами теневой (суррогатной) квазиюстиции [9]. Заманчивая перспектива последующей социально-экономической легализации, стремление к созданию имиджа справедливого и решительного человека требовали от лидеров преступных

[1] На 1 января 2003г. на федеральном отчёте числились как утраченные 57463 ствола нарезного оружия и единиц бронетехники, похищенных и пропавших из воинских частей, складов, органов МВД, должностных и частных лиц. В 2024 году было совершено 18567 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (-4,2% по сравнению с 2023г.). Изъято из незаконного оборота 11648 единиц оружия (-46.4%). Стабилизация правопорядка повлияла на снижение незаконного оборота оружия. (Состояние преступности в России за январь-декабрь 2002г. -М.: 2003. С.11, 25. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024г. -М.: ВНИИ МВД РФ. С.45,46).

сообществ и криминальных авторитетов просоциальных (общественно полезных) акций, хотя, по сути, и популистской субъективной мотивации. Такая внешне социально полезная и обманчиво привлекательная деятельность, являясь прежде всего тактикой социальной мимикрии, способствует криминальному рекрутингу законопослушных граждан, и в особенности, не обладающей реалистичным и критическим мышлением, а таже способностью к независимому позитивно нравственному поведению молодежи (Криминология / отв. ред. И.М. Мацкевич. -М.: Проспект, 2023. С.158.

Отметим, что популистская благотворительность достаточно характерна для оргпреступности и других стран. Например, в период Великой депрессии 1929-34 годов «Отец североамериканской мафии» Аль-Капоне организовал столовую для безработных и даже сам раздавал пищу [8];

-бездействие и низкая оперативно-розыскная и следственная способность правоохранительных органов, неэффективность правосудия в раскрытии, доказывании и наказании преступлений против граждан повлекли и возрождение такого еще догосударственного периода явления, как самосуд. Для расправы над обидчиком потерпевшие лица зачастую используют силовой ресурс профессиональной либо организованной преступности, дополнительно поддерживая тем самым имидж части криминала как народного защитника, обеспечивая его еще один вид социальной востребованности и подпитывая материально [16];

-длительный масштабный вооруженный конфликт и обусловленный им рост преступности в Северо-Кавказском регионе привели и к значительному ужесточению нравов, увеличению масштабов незаконного оборота оружия, и закономерно-криминального насилия. Возросло и число случаев враждебного состояния кровной мести. В ряде ситуаций, когда мстители не имеют возможности расправиться с непосредственным причинителем вреда, месть может быть распространена на его ближайших родственников, включая женщин или несовершеннолетних. Происходит родственная трансформация виктимности;

Массы людей, вытолкнутых из сферы общественно полезной деятельности, и в значительной своей части деморализованные, стремились найти новый источник существования для семьи и себя, сохранить самоуважение и хотя бы частично восстановить, пусть и в другом, нравственно негативном качестве, утраченный социально-экономический статус. Многие вынужденно оказались в квазиэкономической сфере, популистски предлагавшей широкие и разнообразные возможности неофициальной, а зачастую и заведомо незаконной, занятости. Формирующийся суррогатный рынок, как и функционирующая в его сфере экономика, в силу отсутствия в отношении их публичного социально-правового контроля, избегающие налогообложения и таможенного, а часто и пограничного досмотра, получили название теневых.

Как шагреневая кожа стремительно сокращался реальный сектор экономики, производящий общественно необходимые товары и услуги. Динамика общего спада российского производства, разрушения огромного народного хозяйства в начале 90-х годов прошлого века сопоставимы с показателями Великой депрессии, постигшей Запад в1929-1933 годах. Аналогичная экономическая ситуация была характерна для стран Восточной Европы, еще недавно входивших в социалистический лагерь [21]. Одновременно в России разбухали торгово-посреднический, банковско-ростовщический, полулегальный охранно-сыскной сектора, а также теневой рынок многочисленных противозаконных развлечений, ориентированных на раскрепостившегося от «тоталитарного» контроля человека. Нависла опасность полного разрушения оборонной промышленности и военной науки, системы подготовки научно-технических и гуманитарных кадров.

В период глобального разгосударвстления и уничтожительной конверсии подверглась значительная часть промышленности, производящей вооружение и военную технику. За бесценок продавалось стратегическое сырье, военная техника, лес, лицензии на разработку месторождений [19]. Подобную, не приносящую обществу пользы, а зачастую влекущую ущерб, разлагающую сознание человека контрпродуктивную и паразитарную деятельность, направленную исключительно на личное обогащение, Аристотель еще почти две с половиной тысяч лет назад отказывался относить к экономике и называл хрематистикой [27].

Занятость в сфере теневого бизнеса помещала человек в условия, где было нормой систематическое уклонению от исполнения нормативно предписанных обязанностей и совершение действий противоправного характера, господствовали грубые и агрессивные нравы и циничная эксплуатация человека. В квазиправовом сознании многих акторов неформальной экономики закон замещался суррогатными руководящими правилами - «понятиями». Следуя им приходилось «договариваться», и обычно «делиться» с чиновниками, включая правоохранителей, игнорирующими правила делового этикета смежниками, конкурентами, а также и вымогателями, как правило, и не всегда основательно позиционирующими себя в качестве охранников. Суррогатные товарно-денежные отношения глобально заполняли все сферы не только деловой, но и бытовой жизнедеятельности людей, вытесняя как архаизмы отношения товарищества, взаимовыручку, бескорыстие и альтруизм, способствуя как криминализации, так и виктимизации агентов теневого рынка в их повседневной жизни.

Пользуясь выражением Гегеля[1], «неправо», стало основным регулятором делового поведения на суррогатном рынке. Ситуация правовой неурегулированности, также как невысокая вероятность и несправедливая коррупционная или конъюнктурная избирательность юридической ответственности за деликты, приводит к тому, человек даже без интенсивной борьбы мотивов выбирает противоправный способ действий, хотя обычно понимает, либо руководствуясь правовой интуицией сознает, юридическую недопустимость своих действий [10].

В реальности оказалось, что, если игнорировать закон и руководствоваться неправовыми суррогатно-рыночными понятиями, можно было дешевле, быстрее и проще решить вопросы практического предпринимательства. Понятно, что правовая регламентация и регулирование формирующейся рыночной экономики нуждались в радикальном совершенствовании. Отсутствие четких рамок делового поведения, установленных принятым демократическим путем законом, ведет к тому, что рыночная экономика начинает ориентироваться лишь на прибыль, игнорируя интересы общего блага, и постепенно становясь все более криминогенной [17].

[1] В дореволюционной русской юридической литературе беззаконие определялось словом «неправда». Преступление относилось к абсолютной, самой опасной форме неправды. (Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т.1. -Тула: 2001. С. 98-103.)

С теневой экономикой постоянно сообщается более опасная и вредоносная для общества система: криминальная экономика, обеспечивающая преступное функционирование подпольного производства и оборота предметов, изъятых из гражданского обращения, включая радиоактивные и ядовитые, фальшивых денег и ценных бумаг, драгоценных металлов и камней, фальсифицированных товаров, боевого оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, наркотических, сильнодействующих веществ и т. п. Криминальный рынок, обеспечивающий жизнеспособность криминальной экономики, стимулирует имущественную преступность, удовлетворяя возможности сбыта краденого, контрабандных товаров, торговли людьми и человеческими органами. Он организует нелегальные азартные игры, смертельные бои без правил людей и животных, проституцию и легализацию преступных доходов и т. п. [4].

Этот подпольный рынок обеспечивает исполнение, как правило анонимно, и услуг в форме реализации заказов по предоставлению недобросовестным покупателям конкретных ценных предметов: например, автомобилей, предметов искусства или роскоши, уникальных изделий и пр. Через законспирированную систему посредников принимаются агрессивные заказы на уничтожение чужого имущества, запугивание, избиения или убийства и др. Невзирая на длительные попытки цивилизованного человечества ограничить распространение насилия, в постреформенной России оно стало универсальным способом разрешения множества разнообразных проблем и конфликтов [13].

С началом восстановления капиталистических отношений, пользуясь терминологией А.И. Долговой, легалистское общество постоянно сокращало свои размеры, а маргинальная среда и криминальное общество расширялись и организационно укрепляли свое функционирование [9]. Ядром криминального общества, стремящимся контролировать не только его, но и все многочисленные социально-экономические сферы, приносящие ощутимый доход, не только нелегальный, но и легальный, выступает организованная преступность.

А. И. Долгова полагала, что организованная преступность возникает в процессе рациональной организации преступного мира [21]. Будучи всемирно распространенным и высоко опасным феноменом, организованная преступность исследовалась многими сотнями ученых, в том числе, и сотрудничающими с ООН. На 8 Конгрессе ООН (Гавана, 1990г.) рассматриваемый феномен был определен как сложные виды преступной деятельности, осуществляемой в широких масштабах преступными организациями и другими группами, имеющими внутреннюю структуру, приобретающими власть путем создания и эксплуатации рынков незаконных товаров и услуг, выходящими за пределы государственных границ, использующими коррумпирование общественных и государственных деятелей, также запугивание, угрозы и насилие в отношении граждан [1]. Преступные сообщества широко используют методы социальной мимикрии, совершая отдельные акции, показательно преследующие цели обеспечения общего блага и помощи отдельным бедствующим гражданам.

Для преступных сообществ была характерна активная рекрутинговая деятельность. Их интересовали в первую очередь кандидаты в исполнители силовых акций запугивания, физического насилия и расправ в ходе захвата активов, вымогательств, разрешения многочисленных спорных ситуаций с другими криминальными формированиями, воздействия на сотрудников правоохранительных органов, других участников уголовного судопроизводства, в частности, потерпевших, свидетелей, экспертов, а также участников оперативно-розыскных мероприятий.

Владея информацией о людях, занятых на теневом рынке, представители организованных преступных групп (ОПГ) и преступных сообществ (ПС) обращали особое внимание на появляющихся там лиц, уволенных с военной службы (как правило, по положительным основаниям) в ходе массового сокращения Вооруженных сил. В первую очередь криминальный интерес представляли военнослужащие подразделений войсковой разведки, специального назначения, десантники, снайперы и специалисты минно-взрывного дела. Бывало, что криминально-вербовочные подходы делались прямо у КПП воинских частей. Другим массовым источником пополнения ОПГ (ПС) являлись успешные физически развитые спортсмены, которые порой значительной частью спортивных коллективов становились на путь нарушения закона в виде промысла.

Поиск кадров, для реализации своих планов и, в прежде всего, силовых действий, организованные преступные формирования (ОПФ) осуществляли и через широкую сеть осведомителей, созданную ими по примеру правоохранительных органов и спецслужб. В условиях директивного подчинения и жестоких санкций за неисполнительность, принудительно обеспечиваемых лидерами, новые члены силовых подразделений ОПФ быстро вовлекались в совершение тяжких насильственных преступлений. Принуждение хотя и полностью не исключает свободы выбора, однако значительно ограничивает свободу воли перспективой расправы за неповиновение. Уголовная ответственность исполнителей наступает потому как школа классического уголовного права предполагает, что наличие свободы воли влечёт такую ответственность за виновные общественно опасные действия [26]. Исполнители в процессе своей преступной деятельности становятся как особо опасными преступниками, так и многочисленными жертвами криминальных противников. Постоянные высоко конфликтные отношения физических столкновений создавали криминогенно-виктимогенные ситуации, в которых перманентно пребывали лидеры и члены ОПФ [11].

Еще одной социально-профессиональной группой, усилившей позиции организованной преступности в обществе, стали бывшие сотрудники правоохранительных органов (МВД, КГБ, прокуратуры), изменившие присяге и перешедшие в лагерь криминального противника. Часть из них утратили мировоззренческие, в первую очередь правовые и нравственные, установки и ориентиры, разочаровались в высоком социальном смысле своей профессиональной деятельности. В условиях реформ многие привычные для них цели правоохранительной и контрразведывательной деятельности, в частности, в сфере обеспечения экономической и государственной безопасности, официально были признаны контрпродуктивными, антилиберальными и антидемократическими, обеспечивавшими лишь поддержание и сохранение тоталитарного режима.

Оппортунисты правоохранительной сферы сосредоточили свои усилия на противодействии оперативно-розыскным и следственным мероприятиям органов уголовной юстиции, организации криминальной разведки, склонению к профессиональному предательству и коррупции правоохранителей и судей. Из оппортунистов зачастую формируются и подразделения, которые лишь в силу досадного недоразумения в обиходе, а порой и в научной литературе, получили название служб безопасности ПС. Между тем, систематическая деятельность в интересах организатора общественно

опасных мероприятий всегда заведомо общественно опасна. Опасность антипод безопасности и первое не может, по общему правилу, включать в себя второе. Упомянутые структуры следовало бы называть подразделениями противодействия уголовной юстиции и конкуренции.

Преступные формирования генеральной целью своей первоначальной деятельности определили максимальное обогащение посредством криминального перераспределения собственности, еще недавно, по преимуществу, принадлежавшей государству, и считавшей общенародной, а также доходов, получаемых от нее. Если вымогательство не приносило преступникам искомых средств, применялось насилие, зачастую со смертельным исходом.

Нувориши из числа банкиров, предпринимателей и коммерсантов, проявившие несговорчивость, гибли от пуль и взрывов. Только в 1993году были убиты 22 собственника и управляющих банков, 94 собственника и менеджера торговых фирм [8]. Очевидно, что обременение частной собственностью в условиях отсутствия необходимой защиты со стороны государства и реального правопорядка стало высоко виктимогенным фактором: влекло ее неправомерное, зачастую насильственное, перераспределение, а также нанесение вреда здоровью, а порой и летальные исходы. Стороной агрессором помимо ОПФ, зачастую выступали и предприниматели-конкуренты. Многие банкиры и коммерсанты небезосновательно полагали, что борьба за собственность и маржу в России не может быть успешной, если добросовестно использовать только экономические методы, поскольку со стороны конкурентов она приобрела мошеннический либо силовой характер. Агрессивная деятельность опасных преступников также требовала не менее эффективного, адекватного силового противодействия со стороны подвергающихся посягательствам собственников. Конфликтно-конкурентная обстановка, сложившиеся вокруг собственности в ходе процесса приватизации, лишь фрагментарно регламентированная правом и неэффективно регулировавшаяся государством, оказалась одновременно и криминогенной и виктимогенной [11], поскольку влекла постоянные столкновения между обладателями собственности и претендентами на нее, и закономерно-суммарно многочисленные жертвы как с одной, либо с другой, так и с обеих, вступивших в вооруженную борьбу, сторон.

Обеспечение личной, семейной и имущественной безопасности фактически стало частным делом банкиров и предпринимателей поскольку охранительные правовые нормы и их применение оказались неэффективными в противодействии уголовному террору [24]. В этих целях бизнесом создавались частные службы безопасности, иногда имеющие в своей структуре нелегальные боевые подразделения, а также широко практиковалось негласное приглашение для охраны вооруженных сотрудников МВД, УИС, ФСБ или бывшей налоговой полиции. В некоторых случаях функции охраны состоятельных лиц и их семей принимали на себя ОПФ, поскольку заказчики считали их более ответственными и оперативно действующими деловыми партнерами.

Значительно большее количество жертв было в результате так называемых «бандитских войн» конкурирующих преступных формирований, а также устранения «отступников», «подозреваемых в предательстве» или ставших нежелательными членов, лидеров ОПГ, ПС, либо бывших партнеров.

В ряде случаев, когда лидеры ОПФ приходили выводу, что разрешение конфликта с конкурирующей криминальной организацией и достижение поставленных целей возможно лишь силовым путем, проводились тщательно подготовленные наземные тактические операции, содержащие признаки классической вооруженной борьбы, обычно характерной для войн и конфликтов между государствами, либо войсковых операций по подавлению вооруженных восстаний, ликвидации повстанческих и партизанских формирований, а также т.н. кампаний по пацификации (умиротворению) участников мятежей и путчей [20]. Конечно, вооруженная борьба криминального генезиса отличается гораздо меньшими масштабами, относительно быстротечна, в качестве средств поражения обычно используются стрелковое оружие, пулеметы, гранатометы, гранаты и другие взрывные устройства. Артиллерию, бронетехнику, авиацию, а также БПЛА, средства РЭБ и другие совершенные современные средства вооруженного насилия ПС в период апогея «бандитских войн» не применяли, поскольку тяжелого вооружения не имели, а дронами еще не обладали. Помимо силовых действий криминальная вооруженная борьба, как и классический ее вид, сопровождается предварительным изучением противника, агентурной и личной разведкой, предъявлением требований, психологическим давлением, демонстративными действиями, применением силы в ограниченных масштабах.

Организованная преступность не могла бы существовать и эскалировать без устойчивых коррупционных связей с государственной властью различных видов и уровней. Распространившись повсеместно, сформировавшись в сети, опутавшие власть, бизнес и население, коррупционеры, используя многочисленные связи и подкупы редко и избирательно привлекаются к ответственности и несут наказание. Последнее если и назначается, то зачастую вопреки жизненной логике и народному пониманию справедливости бывает необоснованно мягким. Системная коррупция выработала тактику успешных действий коррупционеров, коррумпантов и посредников, в частности, многочисленные и разнообразные приемы вымогательства и конспирации, уклонения от ответственности опять же с помощью взяток и теневых отношений с системой уголовной юстиции.

Укоренившаяся во всех сегментах публичной и коммерческой сфер, коррупция стала постоянным средством обогащения многих чиновников и недобросовестных предпринимателей, а для населения способом решения самых разнообразных проблем, преодолевая административные барьеры, организационные и хозяйственные препятствия, сохраняя время и нервы посредством уплаты мзды. Последнее зачастую вопреки своему желанию. Политическая, деловая и бытовая коррупция, распространившись повсеместно, стала постоянно действующим социальным институтом и признается институциональной [18]. Широкая распространенность прежде всего бытовой коррупции побудила законодателя ввести самостоятельную уголовную ответственность за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ). Социальная типичность действий по агрессивному обогащению коррупционеров мотивировала законодателя уже не впервые в уголовном праве предусмотреть специальное положение об освобождении от уголовной ответственности взяткодателя, вовлеченного в акт коррупции в результате вымогательства взятки (примечание к ст. 291 УК РФ). Вымогательство порождает состояние виктимной уязвимости, поскольку осуществляется в условиях интенсивного психического принуждения и обычно свидетельствует, что основная детерминанта акта коррупции находится не в действиях взяткодателя. Его действия скорее следствие внешнего принуждения и не могут свидетельствовать о значительной общественной опасности взяткодателя. Вероятно, лич-

ностные качества и мотивы, повлиявшие на его действия, могут такими: слабоволие, дефекты нравственно-правового сознания, высокая личностная значимость субъективных прав и/или законных интересов, которые он стремился реализовать и т.п.

Еще одна из объемных виктимогенных сфер, где доминирующую роль играют макросоциальные и нередко ситуационные факторы: подневольная сексуальная эксплуатация женщин, вовлеченных в порочный бизнес в результате обмана, злоупотребления доверием, похищения, либо лишения свободы. Речь идет о женщинах, которые введены в состояние добросовестного заблуждения посредством обещаний трудоустройства на хорошо оплачиваемую работу, часто за рубежом, и, как правило, не требующую значительной подготовки. Так, предлагают якобы должности официанток, горничных, сиделок, нянь, садовников и т.п. Затем лишенные личных документов и денежных средств, они на положении сексуальных рабынь принудительно содержатся в притонах, не имея возможности выбраться оттуда.

Макросоциальными виктимогенными факторами стали телефонные мошенничества, аферы в сферах жилищного строительства, бизнес обучения, построения счастливой личной жизни и ряде других. Ослабление социально-правового контроля способствовало криминализации многих сфер жизни в которых потерпевшими оказывались в первую очередь лица со слабым индивидуальным защитным ресурсом, зачастую с добросовестным поведением.

Список литературы:

1. *A/CONF.144/28/Rev.1, p.122–129*
2. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в сфере экономики. -М.: МВД России. Московский институт. Выпуск 1. 1995. С.63.
3. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 8. Под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлёва. -М.: Институт психологии РАН. 2018. С. 136.
4. Борьба с криминальными рынками в России. / Под ред. В.В. Меркурьева. -М.: Проспект. 2017. С. 309.
5. Бочкарева Е.В. Феномен самодетерминации преступности. - М.: Проспект, 2019. С.8.
6. Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология -М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2009. С. 3, 6, 17.
7. Гилинский Я.И. Уголовная политика общества постмодерна: актуальные проблемы / Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права.-М.: Проспект, 2023. С.83.
8. Гуров А.И. Красная мафия. -М.: Самоцвет, 1995. С.37, 316, 317, 327, 328.
9. Долгова А.И. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность / Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права.-М.: Проспект, 2023. С.122, 123.
10. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. -М.: Тк. Велби, Проспект, 2006. С. 245.
11. Задорожный В.И. Виктимологическая профилактика преступлений: организационно-управленческий и правовой аспекты. -М.: Академия управления МВД России, 2005. С.114.
12. Ильин И.А. О сущности правосознания. -М.: «Рарогъ», 1993. С.207.
13. Иншаков С.М. Криминология. -М.: Юриспруденция. 2002. с 85-87, 149.
14. Квашис В. Е. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967-2021гг.)- СПб.: «Юридический центр», С. 739.
15. Климент. Слово пастыря. Вечерняя Москва. 2020. № 25.
16. Королёва М.В. Оценка современной криминальной ситуации в России/Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права—М.: Проспект. 2023. С143.
17. Лунеев В.В. Криминология. - М.: Юрайт. 2013. С. 151, 264.
18. Максимов С. В., Инсаров О. А., Павлинов А. В. Противодействие коррупции. -М.: Проспект, 2019. С.38.
19. Модестов Н.С. Москва бандитская. -М.: Центрполиграф. 1996. – С. 17.
20. Новейшая военная энциклопедия. -М.: «Рипол Классик» 2007. С.355.
21. Организованная преступность – 2. / [Под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. — М.: Криминологическая Ассоциация, 1993. С. 69.
22. О системных ограничениях развития России// Экономист.2021, №3, С.5.
23. Савенков А.Н., Жуков В.И. Социология правовых девиация и социальных аддикций. -М.: Институт государства и права РАН. 2018. С.100, 235.
24. Сафронов А.Д. Преступность в России и криминальная опасность органов внутренних дел. -М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2003. С.67.
25. Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии. / Отв.ред. Дикая Л.Г., Журавлёв А.Л. Занковский А.Н. –М.: Институт психологии РАН. 2015. С.431.
26. Хилюта В.В. Уголовное право в социальном измерении. -М.: Юрлитинформ. 2023. С.158.
27. Чанышев А,.Н. Аристотель. -М.: «Мысль». 1987. С.199.
28. Эминов В.Е., Максимов С.В. Организованная преступность и коррупция. -М.: Проспект, 2023. С. 16.

References:

1. A/CONF.144/28/Rev.1, p.122–129
2. Actual problems of combating corruption and organized crime in the economic sphere. Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia. The Moscow Institute. Is. 1. 1995. p. 63.
3. Actual problems of labor psychology, engineering psychology and ergonomics. Issue 8. Edited by A.A. Oboznov, A.L. Zhuravlev. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2018. p. 136.
4. Fight against criminal markets in Russia. / Edited by V.V. Merkuryev. Moscow: Prospekt, 2017, p. 309.
5. Bochkareva E.V. The phenomenon of self-determination of crime. Moscow: Prospekt, 2019, p. 8.
6. Varchuk T.V., Vishnevetsky K.V. Victimology, Moscow: UNITY-DANA, 2009. pp. 3, 6, 17.
7. Gilinsky Ya.I. Criminal policy of postmodern society: actual problems / Actual problems of criminology, legal psychology and penal enforcement law, M.: Prospekt, 2023. P.83
8. Gurov A.I. The Red Mafia. Moscow: Gemstone, 1995. p.37, 316, 317, 327, 328.
9. Dolgova A.I. Is criminology and a criminological view of crime necessary / Actual problems of criminology, legal psychology and penal enforcement law. M.: Prospekt, 2023. Pp.122, 123.
10. Enikeev M.I. Psychological encyclopedic dictionary. Moscow: Tk. Velbi, Prospekt, 2006. p. 245.
11. Zadorozhny V.I. Victimological crime prevention: organizational, managerial and legal aspects. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. p.114.
12. Ilyin I.A. On the essence of legal awareness. -M.: "Rarog", 1993. P.207.
13. Inshakov S.M. Criminology. - M.: Jurisprudence. 2002. pp. 85-87, 149.
14. Kvashis V. E. Selected works on criminal law and criminology (1967-2021)- St. Petersburg: "Law Center", p. 739.
15. Kliment. The shepherd's word. Evening Moscow. 2020. № 25.
16. Koroleva M.V. Assessment of the current criminal situation in Russia/Actual problems of criminology, legal psychology and penal enforcement law. M.: Prospekt. 2023. C143.
17. Luneev V.V. Criminology. — Moscow: Yurayt. 2013. pp. 151, 264.
18. Maksimov S. V., Insarov O. A., Pavlinov A.V. Anti-corruption. -Moscow: Prospekt, 2019. P.38.
19. Modestov N.S. Moscow banditskaya. -M.: Tsentrpoligraf. 1996. – P. 17.
20. The latest military encyclopedia. -M.: "Ripol Classic" 2007. P.355.
21. Organized crime – 2. / [Edited by A.I. Dolgova, S.V. Dyakov. — M.: Criminological Association, 1993. p. 69.
22. On systemic constraints of Russia's development// Economist.2021, No. 3, p. 5.
23. Savenkov A.N., Zhukov V.I. Sociology of legal deviation and social addictions. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. pp.100, 235.
24. Safronov A.D. Crime in Russia and the criminal danger of law enforcement agencies.: UNITY-DANA. 2003. P. 67.
25. Modern trends in the development of labor psychology and organizational psychology. / Ed. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L., Zankovsky A.N. –Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2015. pp.431.
26. Khilyuta V.V. Criminal law in the social dimension. -Moscow: Yurlitinform. 2023. Pp.158.
27. Chanyshev A.,.N. Aristotle. - Moscow: Mysl. 1987. P.199.
28. Eminov V.E., Maksimov S.V. Organized crime and corruption. Moscow: Prospekt, 2023. p. 16.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_530

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ВОРОНИН Филипп Дмитриевич
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.
107078, Россия, г. Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 24.
E-mail: public-science@rambler.ru
VORONIN Philip Dmitrievich
postgraduate student at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
24 Bolshoy Kharitonyevsky Lane, Moscow, 107078, Russia.
E-mail: public-science@rambler.ru

Краткая аннотация. *В представленном исследовании проводится многоаспектный анализ института юридической ответственности депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в ее современном конституционно-правовом измерении. Автор детально рассматривает системные виды юридической ответственности, применяемые к народным избранникам, с акцентом на специфику конституционно-правового (парламентского) механизма. Особое внимание уделяется комплексному исследованию института депутатской неприкосновенности (иммунитета) как ключевого элемента правового статуса парламентария, анализу его юридической природы, историко-правовых оснований, процедурных особенностей реализации и проблемного соотношения с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом. На основе детального изучения действующего законодательства, новейшей правоприменительной практики, включая акты Конституционного Суда РФ, и научных позиций ведущих отечественных учёных-конституционалистов выявляются системные правовые коллизии и пробелы в регулировании. Формулируются научно обоснованные предложения по оптимизации механизма привлечения депутатов к ответственности, направленные на достижение сбалансированности между независимостью представительной власти и недопустимостью безнаказанности за совершаемые правонарушения.*

Abstract. *The presented study provides a multidimensional analysis of the institute of legal responsibility of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in its modern constitutional and legal dimension. The author examines in detail the systemic types of legal liability applied to people's deputies, with an emphasis on the specifics of the constitutional and legal (parliamentary) mechanism. Special attention is paid to the comprehensive study of the Institute of parliamentary immunity as a key element of the legal status of a parliamentarian, the analysis of its legal nature, historical and legal grounds, procedural features of implementation and problematic relationship with the constitutional principle of equality of all before the law and the court. Based on a detailed study of current legislation, the latest law enforcement practice, including acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, and the scientific positions of leading Russian constitutional scholars, systemic legal conflicts and regulatory gaps are identified. Scientifically based proposals are being formulated to optimize the mechanism for holding deputies accountable, aimed at achieving a balance between the independence of representative government and the inadmissibility of impunity for crimes committed.*

Ключевые слова: *юридическая ответственность, депутат Государственной Думы, депутатский иммунитет, неприкосновенность, конституционно-правовая ответственность, отзыв, досрочное прекращение полномочий, лишение неприкосновенности, Конституционный Суд РФ.*

Keywords: *legal responsibility, deputy of the State Duma, parliamentary immunity, inviolability, constitutional and legal responsibility, revocation, early termination of powers, deprivation of immunity, Constitutional Court of the Russian Federation.*

Для цитирования*: Воронин Ф.Д. Юридическая ответственность депутата Государственной Думы Российской Федерации: актуальные конституционно-правовые проблемы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 530-532. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_530.*

For citation*: Voronin F.D. Legal responsibility of a State Duma deputy of the Russian Federation: current constitutional and legal issues // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 530-532. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_530.*

Статья поступила в редакцию: 13.02.2026

Введение. Правовой статус депутата Государственной Думы, выступающего ключевым агентом национальной представительной демократии, представляет собой сложный многокомпонентный юридический конструкт, системообразующим элементом которого выступает институт ответственности. Актуальность темы исследования обусловлена перманентной необходимостью обеспечения действенной ответственности депутатов перед гражданским обществом и государством, что составляет фундаментальную основу российского конституционного строя, закрепленного в статье 1 Конституции РФ. Современное правовое регулирование анализируемого института характеризуется повышенной сложностью, наличием специфических процедурных барьеров и значительной дискуссионностью многих нормативных положений в научной доктрине, что детерминирует потребность в его углубленном научном осмыслении.

1. Системная характеристика видов юридической ответственности депутата.

Юридическая ответственность депутата Государственной Думы носит комплексный характер и включает несколько самостоятельных видов, что полностью соответствует общеправовой теории дифференциации ответственности.

Конституционно-правовая ответственность, в отличие от других видов юридической ответственности, имеет ряд особенностей [1]**.** Применительно к ответственности депутата представительного органа свое непосредственное выражение институт ответственности находит в досрочном прекращении депутатских полномочий. Исчерпывающий перечень оснований закреплен в Федеральном законе от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (далее – Закон о статусе депутата) [2]. К ним, в частности, относятся: добровольное заявление о сложении полномочий, избрание на иную выборную должность, утрата гражданства Российской Федерации, вступление в законную силу обвинительного приговора судебного органа и ряд других. Именно этот вид ответственности обладает наиболее выраженным публично-правовым характером и нацелен на защиту охраняе-

мых интересов государства и общества от недобросовестного осуществления депутатских полномочий. Так, например, Н.М. Колосова относит конституционно-правовым санкциям такие виды ограничений как досрочное лишение конституционного статуса государственного органа, должностного лица, общественного объединения; ограничение специального или общего статуса физического лица, а также – признание неконституционным акта или отдельных положений, приостановление действия актов органов исполнительной власти субъектов РФ [3].

Отдельного научного обсуждения заслуживает проблема законодательного отсутствия на федеральном уровне института **отзыва депутата**. Данный инструмент прямой демократии, активно обсуждаемый в научном сообществе, потенциально мог бы стать действенным механизмом контроля со стороны избирателей. Вместе с тем, потенциальное введение института отзыва на федеральном уровне требует разработки детальной правовой регламентации, которая бы категорически исключала его использование в качестве инструмента политической конфронтации, а не адекватной реакции на конкретные правонарушения.

Уголовная, административная и гражданско-правовая ответственность наступают для депутата на общих основаниях, предусмотренных соответствующими отраслями законодательства. Однако их практическая реализация объективно осложнена наличием специального процессуального условия – депутатской неприкосновенности.

2. Депутатская неприкосновенность: иммунитет или привилегия? Генезис и юридическая природа.

Институт неприкосновенности (парламентского иммунитета), регламентированный статьей 98 Конституции РФ и статьей 19 Закона о статусе депутата, представляет собой наиболее дискуссионный элемент в контексте проблематики ответственности. Ю.А. Тихомиров определяет иммунитет в качестве правовой гарантии, обеспечивающей независимость парламентария и защищающей его от потенциально необоснованного преследования, а не как личную привилегию или льготу [4]. Данный подход находит свое развитие и в современной научной доктрине. Так, Н.М. Колосова подчеркивает, что «конституционно-правовая ответственность выполняет превентивную функцию, направлена на защиту общественных интересов и поддержание конституционного правопорядка». Исторически анализируемый институт сформировался в качестве защитного механизма парламентариев от произвола монархической власти, однако в условиях современного правового государства его функциональная роль трансформировалась в гарантию против неправомерного вмешательства исполнительной и судебной власти в деятельность представительных органов.

Юридическая природа российского депутатского иммунитета носит процессуально-правовой, а не материально-правовой характер. Это означает, что неприкосновенность не освобождает депутата от установленной ответственности за совершенное правонарушение, а лишь устанавливает особый порядок привлечения его к уголовной или административной ответственности, применения мер процессуального принуждения. Указанная позиция находит свое последовательное подтверждение в решениях Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал, что неприкосновенность не является препятствием для привлечения депутата к ответственности после проведения предусмотренной законом процедуры, а ее цель — защита публичного интереса в беспрепятственной работе парламента [5].

3. Процедура лишения неприкосновенности: правовые коллизии и практика применения.

В соответствии со ст. 19 Закона о статусе депутата, вопрос о лишении неприкосновенности решается Государственной Думой по официальному представлению Генерального прокурора РФ. Установленная процедура предполагает предварительное заслушивание мотивированного заключения Комиссии ГД по вопросам депутатской этики и последующее принятие итогового решения большинством голосов от общего числа депутатов.

На практике данная процедура порождает ряд серьезных системных правовых коллизий:

1. **Политизация процедуры.** Решение по представлению Генерального прокурора зачастую принимается не на основе строгой правовой оценки собранных доказательств, а исходя из фракционной дисциплины и конъюнктурных политических соображений. Это приводит к ситуации, при которой судьба уголовного преследования депутата фактически предрешается его коллегами-политиками, что объективно противоречит конституционному принципу разделения властей и независимости судебного следствия.

2. **Отсутствие предварительного судебного контроля.** Ключевой проблемой является то, что решение о даче согласия на привлечение к ответственности принимается палатой парламента, то есть политическим органом, а не независимым судом. Это создает существенные риски произвольного принятия решений и ставит под сомнение объективность всей процедуры. В ряде зарубежных правопорядков, например, в Германии, решение о снятии иммунитета принимает специализированный суд, что представляется более предпочтительным с точки зрения верховенства права.

3. **Избыточно широкий предмет.** Действующее законодательство не проводит необходимого различия между действиями депутата, непосредственно связанными с его профессиональной парламентской деятельностью (выступления на заседаниях, голосования, законные запросы), и частными, не связанными с мандатом правонарушениями (бытовые преступления, административные правонарушения). Неприкосновенность распространяется на все без исключения действия, что избыточно расширяет ее охват и регулярно провоцирует значительный общественный резонанс.

4. Соотношение иммунитета и принципа равенства перед законом.

Возникает фундаментальная правовая коллизия между конституционным принципом равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ) и специальным статусом депутата представительного органа. Правовые позиции Конституционного Суда, сформулированные в последние годы, продолжают развивать данный подход, подчеркивая верховенство Конституции РФ и примат национального конституционно-правового регулирования статуса публичных должностных лиц [6]. Разрешение этой коллизии видится не в полной отмене иммунитета, что могло

бы поставить под угрозу самостоятельность парламента и сделать депутатов уязвимыми для злоупотреблений должностными полномочиями силовых структур, а в его системной оптимизации.

Представляется научно обоснованным и практически целесообразным провести законодательную дифференциацию иммунитета в зависимости от характера совершенного правонарушения. **Абсолютный иммунитет** должен защищать исключительно те действия депутата, которые непосредственно связаны с осуществлением им своих прямых полномочий (мнения, высказывания, голосования в Думе). За такие действия депутат не должен нести ответственности никогда, что гарантирует свободу выражения и независимость представительной власти. Что касается **частных правонарушений** (преступления против личности, корыстные имущественные преступления, дорожно-транспортные происшествия и т.д.), то здесь иммунитет должен быть существенно ограничен. Для задержания, обыска или привлечения к ответственности за такие деяния должен требоваться не политический вотум доверия палаты, а решение судебного органа, подтверждающее обоснованность и пропорциональность применяемых мер.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет заключить, что институт юридической ответственности депутата Государственной Думы РФ представляет собой сложную многоуровневую систему, органично сочетающую общие и специальные элементы. Детальный анализ института депутатской неприкосновенности позволяет сделать вывод о его двойственной природе: с одной стороны, он продолжает оставаться необходимой процессуальной гарантией независимости парламента, а с другой – в его текущем виде содержит серьезные системные противоречия с принципами правового государства и равенства перед законом.

Действующий механизм ответственности, в особенности институт неприкосновенности, остро нуждается в дальнейшем совершенствовании. В качестве первоочередных мер предлагается:

1. **Законодательно закрепить дифференциацию иммунитета**, четко разделив правовую защиту профессиональной парламентской деятельности и частной жизни депутата.
2. **Передать функцию санкционирования ограничений прав депутата за правонарушения, не связанные с депутатской деятельностью, в исключительную компетенцию судебной власти** (например, Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ), что позволит полностью деполитизировать процедуру.
3. **Продолжить широкую научную и общественную дискуссию** о целесообразности введения института отзыва, а также о повышении прозрачности и объективности процедуры лишения неприкосновенности.

Только комплексный и взвешенный подход, направленный на поиск деликатного баланса между двумя конституционными ценностями – независимостью власти и её ответственностью – будет способствовать укреплению публичного доверия к институту представительной власти и повышению уровня её легитимности в глазах гражданского общества.

Список литературы:

1. Колосова Н.М. Особенности конституционной ответственности в России // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран Журнал российского права.– 2001. – №3. – С. 89-93.
2. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 01.05.2024) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 2. – Ст. 74.
3. Колосова Н.М. К вопросу о конституционных санкциях // Журнал российского права.– 2009. – №3. – С. 12-18.
4. Тихомиров Ю.А. Публичное право: учебник. – М.: БЕК, 1995. – 485 с.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 25.05.2017 № 1043-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карагодина Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 19 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»».
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2016 г. № 49-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 52 (ч. II). – Ст. 10618.
7. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс: в 2 т. Т. 2. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2019. – 912 с.
8. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М.: Проспект, 2018. – 656 с.

References:

1. Kolosova N.M. Features of constitutional responsibility in Russia // Constitutional and legal responsibility: problems of Russia, experience of foreign countries Journal of Russian Law. 2001. No. 3. Pp. 89-93.
2. Federal Law No. 3-FZ of 05/08/1994 (as amended on 05/01/2024) "On the status of a Member of the Federation Council and the status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation". // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 2. – Art. 74.
3. Kolosova N.M. On the issue of constitutional sanctions // Journal of Russian Law.– 2009. – №3. – C. 12-18.
4. Tikhomirov Yu.A. Public law: textbook. – M.: BEK, 1995. – 485 p.
5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/25/2017 No. 1043-O "On refusal to accept for Consideration the complaint of Sergey Vasilievich Karagodin for violation of his Constitutional Rights by the provisions of Article 19 of the Federal Law "On the Status of a Member of the Federation Council and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation"".
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 17, 2016 No. 49-P "On the case of Resolving the Issue of the Possibility of executing, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the decision of the European Court of Human Rights dated July 4, 2013 in the Anchugov and Gladkov v. Russia case in connection with a request from the Ministry of Justice of the Russian Federation." // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 52 (part II). – Art. 10618.
7. Avakian S.A. Constitutional law of Russia: A training course: in 2 vols. Vol. 2. – 5th ed., revised. and add. – M.: Norma, 2019. – 912 p.
8. Ebzeev B.S. Man, people, and the state in the constitutional order of the Russian Federation. Moscow: Prospekt Publ., 2018, 656 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_533

УДК 342.9

ПОЛИЦИЯ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВА
POLICE IN THE STATE

НИКИТИН Александр Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирского института МВД России, Иркутск, Россия.
664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.
E-mail: zwezdina_53@mail.ru

NIKITIN Aleksandr Viktorovich,
Candidate of Law, Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activities
of Internal Affairs Bodies, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia, Irkutsk region.
E-mail: zwezdina_53@mail.ru

ЗВЕЗДИНА Анна Александровна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Россия, г. Иркутск, Лермонтова, 83.
E-mail: zwezdina_53@mail.ru

ZVEZDINA Anna Aleksandrovna,
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Street, Irkutsk, 664074, Russia.
E-mail: zwezdina_53@mail.ru

Краткая аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу места и роли полиции в механизме российского государства на протяжении трёх ключевых исторических периодов: имперского (XVIII – начало XX века), советского и раннего постсоветского (1917-2010 гг.), современного (с 2011 г. по настоящее время). Цель исследования – проследить эволюцию функций, приоритетов и методов деятельности полиции, выявить закономерности её встраивания в систему государственной власти и взаимодействия с обществом. Авторы статьи приходят выводу, что эволюция полиции отражает общую трансформацию государственного механизма – от подавления к охране порядка с элементами профилактики и, наконец, к упреждению угроз. Современная полиция – это не карательный орган, а многофункциональный институт, балансирующий между регулятивными задачами и социальной миссией, адаптирующийся к вызовам цифровизации и меняющимся общественным ожиданиям.*

Abstract. *This article provides a comprehensive analysis of the place and role of the police in the Russian state over three key historical periods: the imperial period (18th – early 20th centuries), the Soviet and early post-Soviet periods (1917–2010), and the modern period (2011–present). The purpose of the study is to trace the evolution of the functions, priorities, and methods of police activity, and to identify patterns of its integration into the system of state power and interaction with society. The authors conclude that the evolution of the police reflects the overall transformation of the state mechanism—from suppression to the maintenance of order with elements of prevention and, finally, to threat prevention. The modern police are not a punitive body, but a multifunctional institution balancing regulatory tasks and a social mission, adapting to the challenges of digitalization and changing public expectations.*

Ключевые слова: *механизм государства, милиция, полиция, правоохранительные органы, профилактика преступности, сервисная модель, эволюция функций, правопорядок, общественная безопасность.*

Keywords: *state mechanism, militia, police, law enforcement agencies, crime prevention, service model, evolution of functions, law and order, public safety.*

Для цитирования*: Никитин А.В., Звездина А.А. Полиция в механизме государства // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 533-535. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_533.*

For citation*: Nikitin A.V., Zvezdina A.A. Police in the mechanism of the state // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 533-535. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_533.*

Статья поступила в редакцию: 28.01.2026

Механизм государства – это система государственных органов и учреждений, посредством которых осуществляется государственная власть и управление обществом. Управлять обществом, регулировать общественные отношения, принимать решения, которые обязательны для исполнения возможно только через власть и властные институты, одним из которых является полиция.

Полиция – один из самых значимых элементов механизма государства, который обеспечивает правопорядок и общественную безопасность. Её место в государственном механизме можно проанализировать с различных сторон. Так, согласно статье 4 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 31.07.2025)[1] полиция относится к органам исполнительной власти и входит в систему Министерства внутренних дел РФ (далее – МВД), которое реализует государственную политику в сфере обеспечения правопорядка и безопасности. Полиция выполняет специфические функции, направленные на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействует преступности, охраняет общественный порядок и собственность, обеспечивает безопасность дорожного движения, контролирует соблюдение законодательства в области оборота оружия, взаимодействует с другими органами власти для решения общих задач по обеспечению законности и право-

[1] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011.№ 7. Ст. 900.

порядка[1]. Согласно статье 72 Конституции Российской Федерации полиция является частью централизованной системы, подчинённой федеральным и региональным органам власти. Полиция сотрудничает с другими правоохранительными органами (прокуратурой, Следственным комитетом и др.), а также с государственными и муниципальными учреждениями[2], участвует в реализации государственных программ и мероприятий, направленных на укрепление правопорядка и безопасности в обществе.

При взаимодействии с обществом полиция служит гарантом защиты прав и свобод граждан, их жизни и имущества, осуществляет профилактическую работу, направленную на предупреждение преступлений и правонарушений, способствует формированию правовой культуры и сознательности в обществе, действует на основании Конституции РФ, федеральных законов (в том числе, Федерального закона «О полиции»), указов Президента РФ и других нормативных актов.

Полиция – это один из фундаментальных общественных институтов, призванный ежедневно, ежеминутно находить решение чрезвычайно сложной проблемы: как совместить обеспечение общественной безопасности с вниманием к каждому человеку, его правам. Реалии современного общества цифровых технологий коснулись и полиции. Открываемые цифровой трансформацией возможности в полицейской деятельности могут предложить новые инструменты действия, позволяющие успешно не только бороться с криминалом, но и профилактировать его. Однако, способны ли цифровые технологии решить за человека дилеммы, стоящие перед правоохранительными органами с момента их возникновения. Стремление к созданию технико-политического порядка в обществе эволюционирует роль полиции в действующем механизме государства, трансформируя ее место и функции в ответ на изменения социально-политической обстановки, правовых норм и общественных ожиданий. Если сегодня полиция выступает как сервисный, профилактический и партнёрский институт**,** то в прошлом её роль была принципиально иной. Чтобы понять логику этой трансформации, рассмотрим три ключевых этапа эволюции с четкими временными рамками, каждый из которых отражает смену приоритетов – от карательной модели к упреждающей.

Первый этап карательно-охранительный (имперский период: XVIII – начало XX века, от создания регулярной полиции при Петре I (1718 г.) до 1917 года). В этот период полиция – инструмент охраны самодержавия и сословного строя. Её главная задача подавление инакомыслия, контроль за «неблагонадёжными», охрана привилегий правящих групп. К ключевым функциям полиции в это время относятся пресечение политических выступлений и бунтов, розыск и арест «государственных преступников», надзор за иностранцами, бродягами, ссыльными, охрана общественного порядка как условие стабильности власти [4, с. 97]. Механизмы реализации карательно-охранительных функций полиции в имперский период включали широкую дискрецию полицейских чинов, тесную связь с жандармерией и политической полицией, а также опору на административные процедуры. Эти элементы обеспечивали эффективный контроль над населением и подавление инакомыслия, но, при этом, порождали злоупотребления властью и подрывали доверие к правоохранительным органам. Символом карательной функции полиции было создание в 1826 году Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕИВК) и в 1827 году Отдельного корпус жандармов [2, с. 67]. Их деятельность вызывала страх и недоверие в обществе, но при этом обеспечивала стабильность режима в краткосрочной перспективе. Полиция этого периода это орган подавления, а не защиты прав. Её легитимность опиралась на волю монарха, а не на закон.

Второй этап репрессивно-профилактический, включает советский и ранний постсоветский периоды: 1917 год (создание рабоче-крестьянской милиции) – 2010 годы (начало реформы). Полиция (милиция) этого времени – это орган новой власти, совмещающий подавление «классовых врагов» и инакомыслия (в сталинский период), охрану общественного порядка и борьбу с преступностью, элементы профилактики (работа с несовершеннолетними, участковые) [6, с. 18]. В указанный период милиция как орган исполнительной власти выполняла комплекс разноплановых функций, сочетавших репрессивные (борьба с «контрреволюцией» и «антисоветской деятельностью»), охранительные (охрана социалистической собственности, в том числе, создание в 1937 году ОБХСС – отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности), профилактические задачи (профилактика правонарушений через социальные программы (дружины, комиссии по делам несовершеннолетних). Милиция отвечала за поддержание порядка при чрезвычайных ситуациях (стихийных бедствиях, авариях, эпидемиях) и во время массовых мероприятий (праздники, демонстрации, спортивные события). Это включало разработку планов обеспечения безопасности, координацию с другими силовыми ведомствами и гражданскими службами; оперативное реагирование на нарушения порядка и предотвращение паники. Содержание функций полиции и приоритеты менялись в зависимости от политической конъюнктуры, однако, устойчиво сохранялась ориентация на защиту государственного строя и социалистических ценностей.

При этом, система милиции была жёстко централизована и подчинялась союзно-республиканским органам внутренних дел – сначала НКВД, затем МВД СССР и союзных республик. Это позволило обеспечить единую нормативную базу (инструкции, приказы, ведомственные акты), вертикаль управления с чётким распределением полномочий, стандартизацию методов работы на всей территории страны. Централизация позволяла оперативно мобилизовать ресурсы для решения задач государственной важности, но одновременно ограничивала инициативу на местах [5, с. 207].

В этот период милиция выступала не только как правоохранительный, но и как идеологический институт в механизме государства**.** Её деятельность была тесно связана с работой партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Через совместные рейды, профилактические беседы, пропаганду правовых знаний милиция участвовала в формировании «социалистического правосознания». Это позволяло: легитимизировать действия органов правопорядка в глазах населения, вовлекать граждан в охрану порядка (через добровольные народные дружины

[1] Статья 2 ФЗ № 3-ФЗ «О полиции».
[2] Статья 10 ФЗ № 3-ФЗ «О полиции».

ДНД), использовать воспитательный потенциал общественных институтов для предупреждения правонарушений [1, с. 19].

В позднесоветский период (с 1980-х годов) произошло качественное изменение оперативного потенциала милиции за счёт создания специализированных подразделений, таких как, ОМОН (Отряд милиции особого назначения, 1988 г.) - для пресечения массовых беспорядков[1], освобождения заложников и противодействия вооружённым преступникам; спецназ МВД (с 1987 г.) – для выполнения задач повышенной сложности, включая борьбу с терроризмом и организованной преступностью. Эти структуры усилили способность милиции реагировать на новые угрозы (рост уличной преступности, межнациональные конфликты конца 1980-х), но одновременно обозначили тенденцию к милитаризации правоохранительной системы.

Таким образом, на этом этапе органы милиции постепенно расширяют профилактический компонент в механизме государственного управления, внедряя социальные программы (дружины, комиссии по делам несовершеннолетних) и методы предупредительной работы. Однако в кризисные периоды они неизменно выступают прежде всего как инструмент государственной власти с приоритетом репрессивных мер, направленных на подавление угроз политическому строю и общественному порядку.

Третий этап упреждающе – сервисный (с 2011 года реформа правоохранительных органов и переход к полиции до настоящего времени).

С принятием Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» начинается кардинальное изменение в понимании роли правоохранительных органов: полиция переосмысливается как сервисный институт в механизме государства, для которого приоритетом становится защита прав и свобод человека, профилактика угроз, партнёрство с обществом и прозрачность деятельности. Современная полиция выполняет ряд взаимосвязанных функций, направленных на упреждение угроз и сервисное взаимодействие с обществом. Полиция осуществляет превентивное воздействие на преступность посредством систематического анализа криминогенных рисков и реализации социально-коррекционных мероприятий в отношении групп повышенного девиантного риска, что способствует минимизации предпосылок противоправного поведения на докриминальной стадии [3, с. 22]. Важную роль играет правовое просвещение, через разъяснение норм законодательства и формирование правовой культуры полиция способствует осознанному соблюдению законов гражданами. Для повышения эффективности профилактики внедряются технологии предсказательной аналитики и видеомониторинга, позволяющие прогнозировать криминогенные ситуации и оперативно реагировать на инциденты. Полиция активно взаимодействует с некоммерческими организациями, местными сообществами и бизнесом, выстраивая партнёрские отношения для совместного обеспечения безопасности – от профилактики домашнего насилия до защиты инфраструктурных объектов. Одновременно сохраняются ключевые регулятивные функции: строго контролируется безопасность дорожного движения (профилактика ДТП, надзор за транспортом) и оборот оружия (учёт, проверки условий хранения, пресечение нелегальных схем).

Современная полиция стремится быть не карательным органом, а партнёром общества, где упреждающие меры доминируют над реактивными. Однако, полностью отказаться от репрессивных инструментов невозможно: они сохраняются как крайняя мера при реальных угрозах.

Таким образом, эволюция роли полиции в механизме государства отражает трансформацию государственного аппарата в целом: от подавления (имперский этап) - полиция как инструмент власти, к охране порядка с элементами профилактики (советский этап) - баланс репрессий и социальных программ, к упреждению угроз (современный этап) – приоритет профилактики, технологий и партнёрства. При этом, карательные функции не исчезли, но стали исключительной мерой, применяемой только при непосредственной угрозе. Основной вектор - предотвращение, а не наказание. Современная полиция – это не карательный орган, а сервисный институт, нацеленный на предотвращение правонарушений, защиту граждан и сотрудничество с обществом. Её роль в государственном механизме стала более сложной и многомерной: она сочетает регулятивные функции с социальной миссией, адаптируясь к вызовам цифровизации и меняющимся общественным ожиданиям, повышая сложность ее миссии и требуя от сотрудников не только технической грамотности, но и глубокого понимания правовых и этических норм. Анализ эволюционирующего характера роли полиции в механизме государства позволил разработать периодизацию, в рамках которой дифференцированы три этапа её институционального развития.

Список литературы

1. Белозерцев С.М. Реформирование советской милиции в конце 1950-х гг. : учебное пособие / С.М. Белозерцев, А.В. Андреев. – Иркутск : Восточно- Сибирский институт МВД России, 2024. – 64 с.
2. Гурьев В.И. История московской полиции. Организация, задачи и деятельность. XVIII – начало XX в. / В.И. Гурьев. – М.: Центрполиграф, 2025. – 221 с.
3. Катаева О.В. Деятельность органов внутренних дел как субъекта профилактики правонарушений: современные проблемы и перспективы / О.В. Катаева, И.А. Ряпухина, О.Е. Карпушин // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 1. – С. 20-24.
4. Курицын В.М. История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы : учеб. пособие / В.М. Курицына. – М.: Щит М, 1998. – 199 с.
5. Мулукаев Р.С. Советская милиция как орган охраны правопорядка / Р.С. Мулукаев, В.С. Афанасьев // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 4 (56). – С. 207-211.
6. Титов В.А. Системогенетические аспекты развития милиции России и ее тыла (1917-2010 гг.) / В.А. Титов, Г.В. Гиоев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – №4. – С.17-26.

References

1. Belozertsev S.M. Reforming the Soviet Police in the Late 1950s: A Study Guide / S.M. Belozertsev, A.V. Andreev. - Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. - 64 p.
2. Guryev V.I. History of the Moscow Police. Organization, Tasks, and Activities. 18th - Early 20th Centuries / V.I. Guryev. - Moscow: Tsentrpoligraf, 2025. - 221 p.
3. Kataeva O.V. Activities of Internal Affairs Bodies as Subjects of Crime Prevention: Current Problems and Prospects / O.V. Kataeva, I.A. Ryapukhina, O.E. Karpushin // Problems of Law Enforcement Activity. - 2020. - No. 1. - pp. 20-24.
4. Kuritsyn V.M. History of the Russian Police. A Brief Historical Essay and Key Documents: A Textbook / V. M. Kuritsyna. – Moscow: Shchit M, 1998. – 199 p.
5. Mulukaev R. S. Soviet Militia as a Law Enforcement Agency / R. S. Mulukaev, V. S. Afanasyev // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 4 (56). – P. 207-211.
6. Titov V. A. Systemogenetic Aspects of the Development of the Militia of Russia and Its Rear (1917-2010) / V. A. Titov, G. V. Gioev // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2010. – No. 4. – P. 17-26.

[1] Приказ МВД СССР №0206 от 3 октября 1988 года о создании отрядов милиции особого назначения (ОМОН).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_536

УДК 347.963

К ВОПРОСУ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В ЧАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛУЖЕБНОГО АВТОТРАНСПОРТА, ПОЛУЧЕНИЯ ПОДАРКОВ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И МУНИЦИПАЛЬНЫМИ СЛУЖАЩИМИ

ON THE ISSUE OF COMPLIANCE WITH ANTI-CORRUPTION LEGISLATION IN TERMS OF THE USE OF OFFICIAL VEHICLES AND THE RECEIPT OF GIFTS BY STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEES

КУЦЕНКО Екатерина Сергеевна
старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции.
295011, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Гоголя, д. 9
E-mail: katerinak_zakon@rambler.ru

KUTSENKO Ekaterina Sergeevna
Senior Lecturer, Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in Civil, Arbitration and Administrative Proceedings of the Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
295011, Republic of Crimea, Simferopol, Gogol str., 9.
E-mail: katerinak_zakon@rambler.ru

Краткая аннотация: *в статье рассматриваются теоретические и практические вопросы соблюдения законодательства о противодействии коррупции в части использования государственного, муниципального имущества, а также получения подарков.*

Abstract: *the article examines theoretical and practical issues of compliance with anti-corruption legislation in terms of the use of state and municipal property, as well as the receipt of gifts.*

Ключевые слова: *имущество, автотранспорт, самоуправство, представление о нарушении закона, подарок, антикоррупционное законодательство, государственный служащий, муниципальный служащий, этические нормы, правила служебного поведения, служебные обязанности.*

Key words: *property, motor vehicle, arbitrariness, representation of violation of the law, gift, anti-corruption legislation, civil servant, municipal employee, ethical standards, rules of official conduct, official duties.*

Для цитирования*: Куценко Е.С. К вопросу соблюдения законодательства о противодействии коррупции в части использования служебного автотранспорта, получения подарков государственными и муниципальными служащими // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 536-539. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_536.*

For citation*: Kutsenko E.S. On the issue of compliance with anti-corruption legislation regarding the use of official vehicles, receiving gifts by state and municipal employees // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 536-539. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_536.*

Статья поступила в редакцию: 30.12.2025

В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, лица, замещающие государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности и осуществляющие свои полномочия на постоянной основе, не вправе использовать в неслужебных целях информацию, средства материально-технического, финансового и информационного обеспечения, предназначенные только для служебной деятельности. Федеральными законами о государственной гражданской службе, о муниципальной службе установлен прямой запрет на использование в целях, не связанных с исполнением должностных обязанностей, средства материально-технического, финансового и иного обеспечения, другое имущество. Использование служащими служебного автомобиля в целях, не связанных со служебной деятельностью, прямо запрещено, – такие действия квалифицируются как злоупотребление служебным положением и считаются проявлением коррупции.

По общему правилу при использовании автомобиля в служебных целях используется путевой лист, в котором отмечается время выезда из гаража и время возвращения, маршрут движения и километраж. Отсутствие данных о поездке, несовпадение с фактическим маршрутом движения в путевом листе, как правило, свидетельствует, что автомобиль используется не в служебных, а в личных целях.

Кроме того, в судебной практике в качестве доказательства факта использования служебного автомобиля в личных целях используются такие обстоятельства, как поездки за пределами рабочего времени, поездки в то время, как должностное лицо являлось временно нетрудоспособным, находилось в отпуске, часто привлекаются свидетели, используются данные аппаратно-программных комплексов для контроля транспортных средств.

Прокуратурами районного звена в ходе осуществления проверок соблюдения требований антикоррупционного законодательства, в том числе путем снятия сведений с камер фото- и видеофиксации, систематически устанавливаются факты использования служащими имущества – служебных автомобилей в личных целях (без служебной необходимости, по маршрутам следования, так и за пределами установленных маршрутов). Как показывает практика, на выявленные нарушения прокуратура реагирует двумя способами.

Первый – прокурором возбуждается дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1].

В соответствии со ст. 19.1 КоАП РФ самоуправством признается самовольное, вопреки установленному федеральным законом или иным нормативным правовым актом порядку осуществление своего действительного или предполагаемого права, не причинившее существенного вреда гражданам или юридическим лицам. Объект данного правонарушения составляют общественные отношения, которые возникают при осуществлении гражданами или юридическими лицами своих действительных или предполагаемых прав. Самоуправство посягает на установленный в государстве порядок управления, порядок осуществления гражданами принадлежащих им прав. Такой порядок устанавливается федеральными законами и иными нормативными правовыми актами. Самовольным является способ реализации права, который противоречит закону или соответствующим правилам. Действительным признается право, принадлежащее лицу на основе закона или подзаконного акта.

Предполагаемым является право, которое по добросовестному заблуждению виновного, якобы, принадлежит ему или другому лицу, в интересах которого он действует. С объективной стороны данное правонарушение представляет собой деяние в форме действия. Это действия, направленные на осуществление действительного или предполагаемого права, не соответствующие закрепленному порядку осуществления данных прав.

Данный состав в качестве последствий предполагает причинение несущественного вреда гражданам или юридическим лицам. В случае причинения существенного вреда гражданам, организациям, государству такие действия виновного лица могут быть рассмотрены как преступное самоуправство.

За совершение самоуправства предусмотрены следующие виды административного наказания: предупреждение или наложение административного штрафа на граждан в размере от ста до трехсот рублей; на должностных лиц – от трехсот до пятисот рублей. Анализ судебной практики свидетельствует о распространенности фактов использования должностными лицами органов власти государственного и муниципального имущества в личных целях, в связи с чем, прокуратура ориентирует граждан на реагирование и предоставление информации о подобных злоупотреблениях [2].

Второй способ реагирования прокуратуры на подобные нарушения – внесение представления об устранении нарушений (с принятием конкретных мер по устранению допущенных нарушений закона, причин и условий, им способствующих).

Вместе с тем, лишь работодатель принимает решение о привлечении виновного лица к дисциплинарной ответственности, поскольку это именно право, а не обязанность работодателя в соответствии со ст. 192 Трудового Кодекса Российской Федерации.

При рассмотрении представления прокурора работодатель (руководитель) может назначить проведение служебной проверки, по результатам которой, с учетом тяжести совершенного проступка, обстоятельств, при которых он был совершен, соблюдения служащим иных ограничений, исполнения им своих должностных обязанностей и др., применить меры дисциплинарного характера. Кроме того, комиссия по проведению служебной проверки либо комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов может рекомендовать назначить внеплановую ревизию использования топливных материалов, а при выявлении недостачи – установить срок для возмещения причиненных убытков.

Но насколько действенны указанные меры реагирования? При установлении подобных нарушений, ни максимальный штраф в размере 500 рублей, ни формальное привлечение к дисциплинарной ответственности не являются достаточной и целесообразной мерой наказания, поскольку в первую очередь нарушаются этические нормы и правила служебного поведения государственных (муниципальных) служащих при выполнении ими своей профессиональной деятельности, а во вторую очередь наносится непоправимый урон авторитету государственных (муниципальных) органов, а граждане теряют к ним доверие и уважение.

Не менее интересным с юридической точки зрения является вопрос соблюдения антикоррупционного запрета на получение отдельными категориями лиц подарков и иных вознаграждений в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей.

Под «подарком» понимаются безвозмездно переданные в собственность вещи, денежные и иные вознаграждения, ссуды, предоставление услуг, оплата развлечений, отдыха, транспортных расходов [3].

В соответствии со статьей 575 Гражданского кодекса Российской Федерации не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей: работникам образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, и аналогичных организаций, в том числе организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, гражданами, находящимися в них на лечении, содержании или воспитании, супругами и родственниками этих граждан; лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей; в отношениях между коммерческими организациями [4].

Важно отметить, что запрет на дарение лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, не распространяется на случаи дарения в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями.

Законодательством Российской Федерации понятия «протокольные мероприятия», «официальные мероприятия» не установлены. Одновременно, исходя из положений законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции, под протокольным мероприятием

следует понимать мероприятие, при проведении которого предусмотрены сложившийся в результате внутриведомственных, национальных, культурных особенностей церемониал и (или) ведение процедур протокола – документа, фиксирующего ход проведения мероприятия. Под официальным мероприятием следует понимать мероприятие, проведение которого подтверждено (санкционировано) соответствующим распоряжением, приказом и т.п. (например, служебная командировка, включая различные встречи, иные мероприятия в период командирования, проведение выездных проверок, совещаний, встреч, переговоров, приемов представителей, членов официальных делегаций, должностных лиц федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, иных организаций, иностранных государств, прибывающих с официальным и рабочим визитом) [5].

Если не говорить о протокольных мероприятиях, то должностному лицу следует избегать получение подарков от подчиненных, представителей поднадзорных (подконтрольных) органов и организаций, от граждан, обращения которых оно рассматривает или рассматривало, либо их представителей.

Поскольку получение подарка в рамках выполнения служебных обязанностей считается коррупционным правонарушением, настойчивые и повторные предложения принять подарок от лица, заинтересованного в использовании служебного положения, следует трактовать как попытку склонить к совершению коррупционного правонарушения. В этой ситуации государственный или муниципальный служащий обязан сообщить об этом представителю работодателя, прокуратуре или другим государственным органам в соответствии со статьей 9 Федерального закона «О противодействии коррупции». В случае если государственный, муниципальный служащий не уведомит о склонении к коррупционному правонарушению – его действия (бездействие) приводит к привлечению к ответственности, в том числе увольнение с государственной, муниципальной службы.

Рекомендуется в каждом федеральном государственном органе, органе государственной власти субъектов Российской Федерации и органе местного самоуправления утвердить порядок сообщения о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением служебных (должностных) обязанностей, его сдачи, оценки и реализации (выкупа).

Независимо от форм собственности, организационно-правовых форм одним из антикоррупционных мероприятий является разработка и принятие правил, регламентирующих вопрос обмена деловыми подарками и знаками делового гостеприимства, введение антикоррупционных положений в трудовые договора работников. Отсутствие локального акта, регламентирующего порядок сообщения о получении подарка, в том числе в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями , участие в которых связано с исполнением служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации противоречит одному из основных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности, противодействия коррупции.

Так, например, приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 01.02.2017 № 59 утверждено Положение о сообщении федеральными государственными служащими и иными работниками органов и организаций прокуратуры Российской Федерации о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдаче и оценке подарка, реализации (выкупе) и зачислении средств, вырученных от его реализации, с утвержденной формой уведомления о получении подарка [6].

В соответствии с указанным Положением федеральные государственные служащие, работники не вправе получать подарки от физических (юридических) лиц в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, за исключением подарков, полученных в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей.

В соответствии с разъяснениями Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с применением Типового положения о сообщении отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдаче и оценке подарка, реализации (выкупе) и зачислении средств, вырученных от его реализации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 09.01.2014 № 10, предусмотренные в нем процедуры не распространяются на: канцелярские принадлежности, которые в рамках протокольных мероприятий, служебных командировок и других официальных мероприятий предоставлены каждому участнику указанных мероприятий в целях исполнения им своих служебных (должностных) обязанностей; цветы, к которым можно отнести срезанные цветы, цветы в горшках, цветочные корзины, искусственные цветы и т.п.; подарки, в том числе ценные, вручаемые (получаемые) в качестве поощрения (награды) от имени государственного (муниципального) органа, организации, в которых должностное лицо проходит службу (осуществляет трудовую деятельность), иного государственного (муниципального) органа, организации, что подтверждается соответствующим распорядительным актом [7].

Стоит акцентировать внимание, что не рекомендуется получать подарки или какие-либо иные вознаграждения, в том числе на личных торжественных мероприятиях, от своих друзей или связанных с ними людей, если они одновременно являются лицами, в отношении которых должностные лица непосредственно осуществляют функции управления или контроля. Прием таких подарков может скомпрометировать и повлечь возникновение сомнений в их честности, беспристрастности и объективности.

При получении подарка подтвержденной стоимостью до 3 000 рублей необходимо представить в уполномоченное структурное под-

разделение государственного органа уведомление о получении подарка в двух экземплярах. К нему нужно приложить документы, подтверждающие стоимость подарка (кассовый или товарный чеки, иной документ об оплате (приобретении) подарка). Уведомление представляется в течение трех рабочих дней со дня получения подарка или возвращения из командировки. При этом сам подарок в данной ситуации может не предъявляться и не сдаваться.

Но кто же дарит подарки с товарными чеками или иными документами, подтверждающими его стоимость? В России не принято раскрывать стоимость подарка, как, например, в Китае (наличие ценника или чека в пакете с подарком свидетельствует о значимости человека).

Если подтвержденная стоимость полученного подарка превышает 3 000 рублей или неизвестна, одновременно с уведомлением необходимо сдать подарок в уполномоченное структурное подразделение государственного органа в течение пяти рабочих дней со дня регистрации уведомления.

Учитывая особенности этикета вручения подарков (отсутствие данных о его стоимости), фактически стоимость подарка неизвестна, из чего следует, что она определяется исключительно экспертным путем. Подарок стоимостью не более 3 000 рублей должен быть возвращен, а при стоимости подарка свыше 3 000 рублей его можно выкупить.

Несмотря на то, что подарок и взятка различаются по мотиву и характеру получения (мотивами для вручения подарка является уважение, симпатия, благодарность, чувство морального долга у дарителя к одаряемому, а мотивом взятки – корыстный умысел, направленный на получение какой-либо встречной выгоды), анализ вышеуказанных норм свидетельствует, что необходимо избегать получение любых подарков, независимо от их стоимости и вида.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001№ 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из ЭБС КонсультантПлюс // URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.12.2025).
2. https://sudact.ru/: постановление от 6 апреля 2025 г. по делу № 05-0119/1/2025 (мировой судья судебного участка № 1 по Ютазинскому судебному району Республики Татарстан); постановление от 30 марта 2025 г. по делу № 5-273/2025 (мировой судья судебного участка № 128 Аларского района Иркутской области); постановление от 26 марта 2025 г. по делу № 5-56/2025 (мировой судья судебного участка № 1 Гуковского района Ростовской области).
3. Памятка Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Антикоррупционный запрет на получение отдельными категориями лиц подарков и иных вознаграждений в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей», 2019.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ.
5. Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 19.10.2016 № 18-2/В-651.
6. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 01.02.2017 № 59 «Об утверждении Положения о сообщении федеральными государственными служащими и иными работниками органов и организаций прокуратуры Российской Федерации о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдаче и оценке подарка, реализации (выкупе) и зачислении средств, вырученных от его реализации». Доступ из ЭБС КонсультантПлюс // URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 28.12.2025).
7. Разъяснения Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации по отдельным вопросам, связанным с применением Типового положения о сообщении отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдаче и оценке подарка, реализации (выкупе) и зачислении средств, вырученных от его реализации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 09.01.2014 № 10. Доступ из ЭБС КонсультантПлюс // URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.12.2025).

References:

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus electronic library system // URL: http://www.consultant.ru/ (date of access: 24.12.2025).
2. https://sudact.ru/: Resolution of April 6, 2025 in case No. 05-0119/1/2025 (magistrate of judicial district No. 1 for the Yutazinsky judicial district of the Republic of Tatarstan); Resolution of March 30, 2025 in case No. 5-273/2025 (magistrate of judicial district No. 128 of the Alarsky district of the Irkutsk region); Resolution of March 26, 2025, in case No. 5-56/2025 (magistrate of judicial district No. 1 of the Gukovsky district of the Rostov region).
3. Memo of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation «Anti-corruption ban on the receipt by certain categories of persons of gifts and other remuneration in connection with the performance of official (job) duties»,2019.
4. Civil Code of the Russian Federation of January 26, 1996, No. 14-FZ.
5. Letter of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated October 19, 2016, № 18-2/B-651.
6. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 01.02.2017 № 59 «On approval of the Regulation on notification by federal civil servants and other employees of bodies and organizations of the prosecutor's office of the Russian Federation about the receipt of a gift in connection with protocol events, business trips and other official events, participation in which is related to the performance of their official (job) duties, the delivery and evaluation of the gift, the sale (redemption) and crediting of funds from its sale.» Access from the ConsultantPlus electronic library system // URL: http://www.consultant.ru/ (date of access: 12/28/2025).
7. Clarifications of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation on certain issues related to the application of the Model Regulation on notification by certain categories of persons about the receipt of a gift in connection with protocol events, business trips and other official events, participation in which is related to the performance of their official (job) duties, the delivery and evaluation of the gift, the sale (redemption) and crediting of funds received from its sale, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of 09.01.2014 No. 10. Access from the ConsultantPlus electronic library system // URL: http://www.consultant.ru/ (date of access: 24.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_540

УДК 338.26

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS: CONTEMPORARY TRENDS AND PROSPECTS

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат филологических наук, доцент философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: ethos08@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: palamit@rambler.ru

ФАТЕЕВА Наталья Борисовна,
старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории, ФГБОУ ВО «Уральский ГАУ»,
Россия, г. Екатеринбург ул. Тургенева 23
E-mail: natbor73@mail.ru

CHUPINA Irina Pavlovna,
Doctor of Economics, Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural GAU",
Yekaterinburg st. Turgenev 23
E-mail: irinacupina716@gmail.com

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University",
Yekaterinburg st. Turgenev 23
E-mail: nikolina73@yandex.ru

ZARUBINA Elena Vasilievna,
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University",
Yekaterinburg st. Turgenev 23
E-mail: ethos08@mail.ru

EGOROV Sergey Georgievich,
Candidate of historical sciences, Associate Professor of the philosophy department,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Agrarian University",
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: palamit@rambler.ru

FATEEVA Natalya Borisovna,
Senior Lecturer, Department of Management and Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ural State Agrarian University".
Yekaterinburg, Turgenev St. 23
E-mail: natbor73@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье проводится анализ по развитию сельских территорий в РФ. Устойчивое развитие сельских территорий является неотъемлемой частью выполнения Доктрины продовольственной безопасности, так как большая доля основной сельскохозяйственной продукции производится в хозяйствах населения и крестьянских (фермерских) хозяйствах. В таблицах 2 и 3 приведены данные по производству сельскохозяйственной продукции малыми формами хозяйствования и количеству сельскохозяйственных животных, которые содержатся в хозяйствах населения и крестьянских (фермерских) хозяйствах. Данные таблиц свидетельствуют о значительной доле производства сельскохозяйственной продукции жителями сельской местности. В этом заключается актуальность статьи. Целью статьи является изучение перспектив развития сельских территорий, вызовы и угрозы отечественному АПК. В статье использованы такие методы исследования как метод статистического анализа, который позволяет проанализировать производство сельскохозяйственной продукции в сельскохозяйственных организациях и малых формах хозяйствования. Также в статье использованы методы анализа и синтеза. Метод факторного анализа выявляет влияние отдельных факторов на результирующий показатель развития сельских территорий. Результатами статьи являются данные таблицы 1, где для примера показана численность сельских жителей в Уральском федеральном округе. Проанализированы показатели производства молочной продукции и продукции растениеводства за 2023 - 2025 годы. В заключении авторы отмечают, что государственная и региональная поддержка, внедрение новых инноваций в сельском хозяйстве, а также независимость российского АПК от импортного продовольствия будут способствовать дальнейшему увеличению отечественной продукции и улучшению показателей по развитию инфраструктуры села.*

Abstract*. This article analyzes the development of rural areas in the Russian Federation. Sustainable rural development is an integral part of implementing the Food Security Doctrine, as a large share of primary agricultural production is produced on household and peasant farms. Tables 2 and 3 present data on agricultural production by small farms and the number of livestock kept on household and peasant farms. These data demonstrate the*

significant share of agricultural production by rural residents, which underlies the relevance of this article. The purpose of this article is to examine the prospects for rural development, as well as the challenges and threats to the domestic agricultural sector. The article utilizes research methods such as statistical analysis, which allows for the analysis of agricultural production in agricultural organizations and small farms. The article also utilizes analytical and synthesis methods. Factor analysis reveals the influence of individual factors on the resulting rural development indicator. The article's findings are presented in Table 1, which shows the population of rural residents in the Urals Federal District as an example. Dairy and crop production indicators for 2023-2025 are analyzed. In conclusion, the authors note that state and regional support, the introduction of new agricultural innovations, and the independence of the Russian agricultural sector from imported food will contribute to a further increase in domestic production and improved rural infrastructure development.

Ключевые слова: *сельские территории, устойчивое развитие, фермерские хозяйства, хозяйства населения, продовольственная безопасность, сельское хозяйство, производство отечественной продукции, инфраструктура села.*

Key words: *Rural areas, sustainable development, farms, households, food security, agriculture, domestic production, rural infrastructure.*

Для цитирования*: Чупина И. П., Симачкова Н. Н., Зарубина Е. В., Егоров С. Г., Фатеева Н. Б. Устойчивое развитие сельских территорий: современные тенденции и перспективы // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 540-544. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_540.*

For citation*: Chupina I. P., Simachkova N. N., Zarubina E. V., Egorov S. G., Fateeva N. B. Sustainable development of rural areas: modern trends and prospects // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 540-544. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_540.*

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Устойчивое развитие сельских территорий является важным направлением государственной политики в сфере АПК. К устойчивому развитию сельских территорий относят не только улучшение качества жизни населения за счет улучшенной инфраструктуры, но и повышение эффективности сельского хозяйства в целом и стабильное социально – экономическое развитие сельскохозяйственных отраслей.

В течение последних десятилетий, особенно с 1990 – х годов усиливается поляризация сельского населения по численности: происходит процесс старения сельского населения, увеличивается отток молодого населения из сельской местности в города. По причине этих негативных факторов снижается рождаемость в сельской местности, сокращается численность трудоспособного населения в селах и деревнях, что является следствием демографических процессов, а также недостаточным развитием инфраструктуры в сельской местности [4].

На 01 января 2024 года численность сельских территорий в России составила 50736,5 тыс. человек, что составляет 34 % общей численности населения РФ. Общее количество сельских населенных пунктов по итогам переписи населения в 2021 году составило 153 157, из которых в 24 751 постоянное население отсутствовало, а это составляет в среднем 16 % от общего числа сельских населенных пунктов. Данные по численности сельского населения рассмотрим на примере Уральского федерального округа в таблице 1.

Таблица 1 – Численность населения в сельских населенных пунктах (снп) в УФО на 2024 - 2025 годы

№ п/п	Регион	Всего кол-во снп	Кол-во снп без населения (доля в %)	Кол-во снп с населением от 1 до 10 чел.	Кол-во снп с населениием от11 до 50 чел.	Кол-во снп с населении-ем от51 до 100 чел.	Кол-во снп с населении-ем от 101 чел.
	Всего в УФО	5664	283	534	1046	778	3023
1.	Курганская область	1220	56 (5%)	113	280	203	568
2.	Свердловская область	1771	153 (9%)	238	368	221	791
3.	Челябинская область	1247	34 (3%)	63	139	158	853
4.	Тюменская область	1231	37 (3%)	109	236	175	674
5.	Ненецкий а.о.	41	1 (2%)	3	7	8	22
6.	Ханты-Мансийский а.о.	154	2 (1%)	8	16	13	115

Из таблицы 1 видно, что количество сельских населенных пунктов без населения по Уральскому округу составляет 283. Одной из основных причин такого упадка является сокращение числа организаций социальной сферы в сельской местности. Сокращаются организации культурно – досугового типа. Материально – техническая база учреждений культуры в сельской местности не обновлялась в 42 % этих учреждений. Одна треть зданий учреждений культуры находится в неудовлетворительном состоянии, 30 % - требует капитального ремонта, а износ оборудования в среднем составляет 70 %. Сегодня две трети сельских населенных пунктов (105 тыс.) не имеют учреждений культуры.

За последние 15 лет число поликлиник в сельской местности сократилось на 65%, фельдшерско-акушерских пунктов - на 22 %, станций скорой помощи - на 11 %, численность среднего медицинского персонала сократилась на 9 %.

Продолжают сокращаться в сельской местности спортивные сооружения, почтовая связь, организации общественного питания. Также наблюдается значительное снижение числа библиотек. Имеют доступ к сети «Интернет» только примерно 31 % библиотек. Число школьных и дошкольных учреждений в сельской местности сократилось более чем на 12 тысяч.

В сельской местности доля малоимущих семей выше, чем в городе. Более 40 % составляет доля сельских семей с доходами ниже прожиточного уровня. Поэтому многие сельские территории характеризуются низким качеством уровня жизни, а отток молодежи из сел и деревень на постоянное место жительство в города продолжает расти.

Уровень газификации в сельских населенных пунктах в настоящее время составляет 56 %. Уровень обеспеченности питьевой водой находится на уровне 62 %. Удельный вес сельских населенных пунктов, где имеется водоотведение, составляет всего 5 %.

Государственная и региональная поддержка фермерских хозяйств и самозанятости сельского населения через возрождение ремесленных промыслов, а также развитие аграрного туризма в сельской местности будут являться важными факторами в сохранении сельских и сельских территорий, и сельских кадров.

В сельской местности сосредоточено 257 тыс. субъектов малого предпринимательства, к которым относятся крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели. Более 20 млн. в сельской местности насчитывается личных подсобных хозяйств, из которых более 15 % населения получают основной доход от своей сельскохозяйственной деятельности. Приведем примеры производства некоторых видов сельскохозяйственной продукции в РФ в хозяйствах всех категорий в таблице 2.

Таблица 2 - Производство сельскохозяйственной продукции в РФ в хозяйствах всех категорий

№ п/п	Категории хозяйств	2022 г.	2023 г.	2024 г.
1.	*Производство яиц, млн. шт.*			
	Сельскохозяйственные организации	37715	38458	38610
	Хозяйства населения	7799	7608	7345
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	596	597	586
2.	*Производство молока, млн. тонн*			
	Сельскохозяйственные организации	19	20	21
	Хозяйства населения	11	11	10
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	3	3	2
3.	*Производство картофеля, млн. тонн*			
	Сельскохозяйственные организации	5338	5226	4351
	Хозяйства населения	11503	11616	10528
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	3386	3399	2951
4.	*Производство овощей открытого и закрытого грунта, млн. тонн*			
	Сельскохозяйственные организации	4199	4022	4297
	Хозяйства населения	6319	6322	6344
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	3295	3305	3289

Если проанализировать общее поголовье КРС в стране за последние 3 года, то значительная доля сосредоточена в сельскохозяйственных организациях и хозяйствах населения. Рассмотрим данные в таблице 3.

Таблица 3 – Поголовье КРС в России за 2023 – 2025 годы (в %)

№ п/п	Категории хозяйств	2023 г.	2024 г.	2025 г.
1.	*Общее поголовье КРС*			
	Сельскохозяйственные организации	50 %	50 %	49 %
	Хозяйства населения	38 %	38 %	38 %
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	12 %	12 %	12 %
2.	*Распределение поголовья овец и коз по категориям хозяйств*			
	Сельскохозяйственные организации	15 %	15 %	15 %
	Хозяйства населения	45 %	44 %	44 %
	Крестьянские (фермерские хозяйства) и ИП	40 %	41 %	40 %

Из таблиц 2 и 3 видно, что хозяйства населения и крестьянские (фермерские) хозяйства играют важную роль в обеспечении продовольственной безопасности регионов страны. Основная доля производства картофеля приходится на хозяйства населения – 71,8 % от общего сбора. Доля производства овощей в хозяйствах населения составляет 46,6 %. Поголовье овец и коз в основном сосредоточены в хозяйствах населения и крестьянских (фермерских) хозяйствах [11].

Таблица 3 наглядно демонстрирует, что в хозяйствах населения и крестьянских (фермерских) хозяйствах содержится 50 % КРС и 85 % поголовья овец и коз. Малыми формами хозяйствования производится 72 % картофеля, 68 % овощей и 65 % молока. Поэтому необходимо стимулировать развитие семейных ферм в сельской местности и продолжать дальнейшую работу по увеличению сельскохозяйственной кооперации [10].

В деревнях и селах многие жители занимаются кустарными промыслами, которые помогают обеспечить дополнительный доход сельским семьям. Промыслы и ремесла разнообразны – от гончарного производства до художественной вышивки и резьбы по дереву. Во многих сельских населенных пунктах возрождаются ремесла, которыми сельские жители занимались более 100 лет назад. К таким ремеслам относят плетение корзин и мебели, изделия из бересты, изготовление домашней утвари и другие. Такие промыслы помогают обеспечить круглогодичную занятость сельского населения [7].

Если привести статистические данные по количеству сельских жителей в регионе, то можно выделить ТОП – 10 регионов страны, где доля сельского населения составляет выше 20 %. Рассмотрим эти данные в таблице 4.

Таблица 4 – ТОП – 10 регионов России по количеству сельского населения в абсолютных значениях

№ п/п	Регион	Краткая характеристика
1.	Республика Алтай	около 81% сельских жителей.
2.	Чеченская Республика	Доля сельского населения составляет 64 %.
3.	Республика Дагестан	Доля сельского населения – 54 %. Основной вид деятельности - овцеводство, ремесленная деятельность и садоводство.
4.	Республика Крым	48 % сельского населения. Основное производство – виноградарство.

5.	Краснодарский край	45 % сельского населения. Самый развитый аграрный регион России с высокой культурой земледелия и большими урожаями.
6.	Алтайский край	Доля сельского населения – 43 %. Самый крупный регион России по площади сельскохозяйственных угодий
7.	Ставропольский край	Доля сельского населения составляет 42 %. Регион является одним из лидеров по производству тепличных томатов в стране.
8.	Республика Башкортостан	39 % сельских жителей. Производство говядины и молока, меда, который является одним из самых известных мировых брендов.
9.	Ростовская область	Доля сельского населения – 33 %. Основное богатство области – плодородные чернозёмы.
10.	Республика Татарстан	Доля сельского населения – 25 %. Республика занимает первое место в России по производству молока.

Как видно из таблицы 4, количество регионов, где численность сельского населения выше 25 %, всего 10. Причем в таблицу включена Республика Татарстан с численностью сельского населения 24 %. Но Татарстан занимает первое место в России по производству молока, которое производят в основном в сельской местности. Поэтому Татарстан также включен в десятку ТОП – регионов. В остальных регионах ситуация складывается намного хуже. Например, в Свердловской области численность сельского населения составляет на 2025 год всего 14 %. Это регион с высокой урбанизацией. В таком же положении находятся и другие регионы, где доля сельского населения составляет от 15 до 20 % [3].

Основные направления развития сельских территорий рассмотрим в таблице 5.

Таблица 5 – Основные направления развития сельских территорий

№ п/п	Направления развития	Краткая характеристика
1.	Экономическое развитие	Основные направления: увеличение производства сельскохозяйственной продукции; использование современных технологий; модернизация оборудования; развитие аграрного туризма
2.	Социальное развитие	Основные направления: реализация программы сельской ипотеки; дальнейшее действие Программ «Земский доктор» и «Земский учитель», улучшение социальной инфраструктуры сельской местности; строительство дорог.
3.	Цифровизация АПК	Основные направления: применение беспилотной техники и систем дистанционного зондирования; внедрение новых информационных технологий

В таблице 5 приведен неполный перечень мероприятий, которые необходимы для устойчивого развития сельских территорий. Наряду с развитием, которое наблюдается по производству основных сельскохозяйственных продуктов по выполнению Доктрины продовольственной безопасности, существуют проблемы и вызовы для отечественного АПК [8].

Основным препятствием развития сельскохозяйственных отраслей является отток квалифицированных кадров. Заканчивая аграрные вузы и колледжи, выпускники далеко не все устраиваются на работу в сельскохозяйственные организации. Многие из выпускников сельскохозяйственных вузов устраиваются на работу не по специальности и остаются жить в городах [5].

Большим препятствием является и устаревшая материально – техническая база. Недостаточное развитие инфраструктуры и нехватка современных технологий также являются вызовами для развития сельских территорий. Развитие отечественной селекции и семеноводства пока находится на низком уровне и необходимо наладить научную основу для создания отечественной селекции по преодолению барьеров от импортной зависимости [9].

Таким образом, нужно отметить, что для успешного развития АПК страны нужен системный подход, который включает одновременно и улучшение социальной структуры сельских территорий, и государственную поддержку в виде субсидий, и внедрение новых инноваций и технологий. Кадровый дефицит на селе можно ликвидировать только при условии повышения качества жизни сельского населения и хорошими условиями трудовой деятельности на селе [2], [6].

За последние годы более 186 тысяч семей в сельских населенных пунктах смогли приобрести комфортное жилье при помощи сельской ипотеки. Большая часть таких семей переехали в сельскую местность на постоянное место жительства из городов. На 2026 – 2027 годы государством выделено 185 млрд. рублей для социальной инфраструктуры сельской местности, что позволит реализовать более трех тысяч проектов. Приоритет будет отдан 2 тыс. опорных населенных пунктов, в которых качество среды для жизни должно улучшиться на 30% до 2030 года [1].

Список литературы

1. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р. URL: https:// docs.cntd.ru/document/420251273 (дата обращения: 01.02.2026).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 № 696 от 31 мая 2019 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». URL: http://government.ru/docs/all/122219/ (дата обращения: 01.02.2026).
3. Гаврилюк М. Н., Ильичев К. С., Орлов С. В. Пространственное развитие сельских территорий // Международный сельскохозяйственный журнал. 2023. № 5. С. 449 - 453.
4. Жминько Н. С. Основы демографической и социальной структуры сельских территорий // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 2. С. 44 - 48.
5. Калафатов Э. А. Проблема отрицательной миграции на сельских территориях // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2024. № 8. С. 105 - 110.
6. Капитонов А. А. Вопросы эффективности реализации Государственной программы комплексного развития сельских территорий // Russian Journal of Management. 2024. № 2. С. 619 - 638.
7. Меренкова И. Н. Условия формирования и развития сельской инфраструктуры неурбанизированных территорий // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2023. Т. 16. № 3. С. 238 - 250.
8. Молчанова А.А., Адова И.Б. Стратегический инструментарий пространственного развития сельских территорий. Инновации и продовольственная безопасность. 2025. № 3. С.109 - 125.
9. Трубилин А. И., Мельников А. Б., Тюпаков К. Э., Полутина Т. Н. Устойчивое развитие АПК и сельских территорий России в современных геоэкономических условиях // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2024. № 115. С. 5 - 12.
10. Ушаков Р. И. Анализ дифференциации сельских территорий Российской Федерации по уровню развития социальной инфраструктуры: проблемы и пути решения // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2024. Т. 4. № 2. С. 174 – 185.

11. Яшкова Н. В., Архаров Е. В. Факторы развития сельских территорий // Вестник НГИЭИ. 2025. № 3. С. 123 - 136.

References

1. Strategy for Sustainable Development of Rural Territories of the Russian Federation through 2030, approved by Russian Government Order No. 151-r of February 2, 2015. Available at: https://docs.cntd.ru/document/420251273 (Accessed: February 1, 2026).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 696 of May 31, 2019, "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Integrated Development of Rural Territories." Available at: http://government.ru/docs/all/122219/ (Accessed: February 1, 2026).
3. Gavrilyuk M.N., Ilyichev K.S., Orlov S.V. Spatial Development of Rural Territories // International Agricultural Journal. 2023. No. 5. P. 449-453.
4. Zhminko N. S. Fundamentals of the demographic and social structure of rural areas // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. No. 2. pp. 44 - 48.
5. Kalafatov E. A. The problem of negative migration in rural areas // Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement. 2024. No. 8. pp. 105 - 110.
6. Kapitonov A. A. Issues of the effectiveness of the implementation of the State Program for the Integrated Development of Rural Areas // Russian Journal of Management. 2024. No. 2. pp. 619 - 638.
7. Merenkova I. N. Conditions for the Formation and Development of Rural Infrastructure in Non-Urbanized Territories // Bulletin of the Voronezh State Agrarian University. 2023. Vol. 16. No. 3. pp. 238-250.
8. Molchanova A. A., Adova I. B. Strategic Instruments for Spatial Development of Rural Territories. Innovations and Food Security. 2025. No. 3. pp. 109-125.
9. Trubilin A. I., Melnikov A. B., Tyupakov K. E., Polutina T. N. Sustainable Development of the AIC and Rural Territories of Russia in Modern Geo-Economic Conditions // Transactions of the Kuban State Agrarian University. 2024. No. 115. pp. 5-12.
10. Ushakov R. I. Analysis of the Differentiation of Rural Territories of the Russian Federation by the Level of Development of Social Infrastructure: Problems and Solutions // Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2024. Vol. 4. No. 2. Pp. 174–185.
11. Yashkova N. V., Arkharov E. V. Factors in the Development of Rural Territories // Bulletin of NGIEI. 2025. No. 3. Pp. 123–136.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_545

УДК 342.8

НИЗКАЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ
LOW ELECTORAL ACTIVITY: CAUSES AND SOLUTIONS

ЦЫГАНКОВА Евгения Алексеевна,
кандидат юридических наукдоцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС,
Россия, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: sarik07@yandex.ru

СЕРДЮКОВА Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС,
Россия, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: serdukovalena@yandex.ru

ЗИНОВЬЕВА Елена Олеговна,
старший преподаватель кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала РАНХиГС,
Россия, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189.
E-mail: elenkaolegovna91@mail.ru

TSYGANKOVA Evgeniya Alekseevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Legal and Special Disciplines of the Stavropol Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
189 Lermontova Street, Stavropol.
E-mail: sarik07@yandex.ru

SERDYUKOVA Elena Vladimirovna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal and Special Disciplines,
Stavropol Branch of the RANEPA,
Stavropol, Lermontov str., 189.
E-mail: serdukovalena@yandex.ru

ZINOVIEVA Elena Olegovna,
Senior Lecturer of the Department of Legal and Special Disciplines of the Stavropol Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
189 Lermontova Street, Stavropol.
E-mail: elenkaolegovna91@mail.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируются причины низкой электоральной активности населения. Авторы приходят к выводам о том, что совершенствование избирательной системы России, включающее устранение процедурных недостатков, внедрение современных технологий при голосовании и подсчете голосов, повышение правовой культуры и гражданской ответственности населения, сделает выборы более прозрачными, справедливыми и демократичными, поможет сформировать и повысить электоральную культуру российских избирателей.*

Abstract: *The article analyzes the reasons for the low electoral activity of the population. The authors conclude that improving the electoral system in Russia, including eliminating procedural flaws, introducing modern technologies for voting and counting votes, and increasing the legal culture and civic responsibility of the population, will make elections more transparent, fair, and democratic, and help to form and improve the electoral culture of Russian voters.*

Ключевые слова*: демократическое государство, избирательный процесс, выборы, электоральная активность населения, избиратель.*

Keywords: *democratic state, electoral process, elections, electoral activity of the population, voter.*

Для цитирования*: Цыганкова Е.А., Сердюкова Е.В., Зиновьева Е.О. Низкая электоральная активность населения: причины и пути решения // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 545-547. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_545.*

For citation*: Tsygankova E.A., Serdyukova E.V., Zinovieva E.O. Low electoral activity of the population: causes and solutions // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 545-547. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_545.*

Статья поступила в редакцию: 18.01.2026

Любое демократическое государство заинтересовано в активном поведении населения в любой сфере жизнедеятельности, в том числе в политической жизни.

Если мы говорим об избирательном процессе, можно отметить проблему, которая за последнее время усугубилась - низкая явка избирателей на выборы. Это тревожный сигнал, поскольку указывает на аполитичность граждан, а в глазах внешних наблюдателей, порождает сомнения в прозрачности выборов и легитимности власти.

Опираясь на различные точки зрения ученых, а также используя сравнительно-аналитический метод, метод анкетирования, постараемся разобраться в причинах, порождающих низкую явку избирателей и предложим собственное видение решения проблемы.

Одной из главных причин снижения электоральной активности является потеря интереса граждан к выборам, отчуждение населения от власти, от реального воздействия на политические процессы. Отчуждение власти в рамках избирательного процесса проявляется в том, что политики, достаточно часто, только на словах считаются с интересами избирателей и представляют их в органах государства.

Как отмечает Д.Ц. Будаева, «доказано, что человек не голосует, если мотивы, движущие политика, не соответствуют его взглядам и убеждениям. В таком случае избиратель становится лишь наблюдателем предвыборного процесса и самих выборов» [1].

Избиратель теряет интерес к выборам, от которых, по его мнению, мало что зависит. Избирательная кампания проходит довольно скучно, спокойно, без ярких личностей и громких выступлений кандидатов.

Часто избиратель не видит среди кандидатов того, кто мог бы решить проблемы, которые волнуют лично его. У избирателя нет такой

потребности выбрать конкретного человека на руководящую должность, у него есть потребности, которые он пытается или надеется удовлетворить через акт участия в выборах. Получается, что избиратель голосует не за кандидата, а за «свои нужды», и вся проблема сводится к вопросу о том, насколько кандидат олицетворяет возможность удовлетворения потребностей электората. То есть в данном случае, мы связываем электоральные действия граждан с уровнем их социального самочувствия, с теми проблемами, которые не решены на определенной территории.

Наоборот, когда мы видим сильную политическую фигуру, способную своими решениями привнести положительные изменения в нашу жизнь, мы наблюдаем высокую явку избирателей.

Так, перед выборами Президента России в марте 2024 года, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Валерий Федоров, подчеркнул, что «84% опрошенных говорят, что эти выборы важны для них лично, даже если они сами не собираются участвовать в голосовании. Доминирует запрос на стабильность, перспективу, нужна надежда, нужно ощущение силы страны и ее развития» [1].

Получается, чем более мотивирован электоральный выбор, тем электорат более устойчив и стабилен. Чем более избиратель доверяет программе кандидата и верит в её реализацию, тем более серьезно он относится к процессу выборов.

Еще одной проблемой, связанной с неверием в реализацию демократических процессов в обществе и лежащей в плоскости легитимности избирательного процесса, является необходимость четкого соблюдения принципов избирательного права.

Так, принцип альтернативности обеспечивает каждому избирателю возможность выбора при голосовании. Однако, с 2006 года в России избирателю запрещено использовать графу «против всех». Этот запрет действует и на федеральном и на региональном уровне и объясняется тем, что использование данной графы является протестным голосованием. Возникает вопрос: а почему человек цивилизованно не может высказать своё негативное отношение к кандидатам, по его мнению, недостойным, занять выборную должность?

Граждан, тем самым, лишили возможности критики и возможности выражения протеста путем голосования.

Спорным на сегодняшний день остается вопрос отмены порога явки на выборы. До 2006 года выборы часто признавались несостоявшимися, так как граждане их игнорировали. В целях экономии бюджетных средств было принято решение отменить порог явки.

Как отмечают Т.Г. Слюсарева и Е.Н. Милованова, «с того времени выборы всегда эффективны, чиновники спокойны, ибо им ничего не нужно делать, чтобы привлечь на выборы избирателей, а избиратели все больше ощущают свою ненужность» [2].

Таким образом, отмена порога явки работает против принципа всеобщности. Восстановление порога явки избирателей жизненно необходимо, в противном случае мы столкнемся с тем, что пришедший на участок единственный избиратель и решит судьбу выборов по данному участку.

Еще одна группа факторов низкой электоральной культуры российских избирателей связана с низким уровнем культуры российских политических деятелей, как отдельных лиц, так и целых политических партий.

Большой процент депутатов Государственной Думы России составляют так называемые «медийные» лица. Артисты, певцы, актеры, спортсмены редко участвуют в заседаниях Думы, поскольку в это время снимаются, поют, участвуют в шоу, ездят на гастроли. Безусловно, это снижает ценность выборов. Отрицательным моментом является и голосование за список кандидатов. Избиратель не понимает, кто же в итоге займет кресло депутата. Безусловно, избиратели шли бы на выборы более охотно, если бы понимали за кого конкретно они голосуют, какой вклад в дальнейшем этот человек внесет в развитие медицины, образования, экономику и другие сферы.

Низкая культура российских избирателей, невысокий уровень политического сознания и политической грамотности населения – еще одна причина низкой явки на выборы. Это порождено убеждённостью в бессилии простого человека перед государством.

Особенно тревожна тенденция добровольного игнорирования избирательного права молодежью, так называемый абсентеизм.

Из-за отсутствия должного уровня электоральной грамотности молодёжь бывает крайне критична и порой оппозиционна. Молодой человек, который ограничен в правовых знаниях не может быть заинтересован в политической жизни государства.

Стоит сказать об огромном влиянии социальных сетей на сознание молодежи. Политическая информация в соцсетях часто носит «фейковый» или «оппозиционный» характер, поскольку должная цензура отсутствует, и соответственно, у молодёжи формируется негативное отношение к власти, что отражается на активности в выборах.

Следует обращать внимание на неформальные формы политического участия молодежи. Они направлены на создание негативного политического настроения в молодежной среде и на разрушение государственных устоев. Поэтому вопрос формирования правовых знаний очень актуален на современном этапе.

Нами было проведено анкетирование по вопросам электоральной активности населения. В опросе приняли участие граждане России от 20 до 70 лет, среди которых студенты ВУЗов и СУЗов, юристы, учителя, врачи, работники сферы информационных технологий. Опрос показывал следующую картину. На вопрос «Как часто Вы обычно голосуете?», 82 % респондентов ответили: «всегда или почти всегда», 18 % - голосуют редко или вообще не ходят на выборы. При этом основной причиной неявки было названо ощущение апатии (безразличия) к политическим процессам и неверие в то, что голос избирателя что-то может изменить.

Среди причин низкой явки избирателей на избирательные участки, 48 % назвали разочарование во власти; 32 % - низкий уровень правовой культуры и правовую неграмотность населения; 11 % опрошенных указали на отсутствие достойных кандидатур; 9 % - на малое количество информации о выборах.

К мерам, которые могли бы повысить процент явки избирателей, 44 % респондентов отнесли необходимость более прозрачного под-

[1] «84% говорят, что выборы Президента важны для них лично» // Известия. [Электронный ресурс]. https://iz.ru/1640377/ivan-kapustin/84-govoriat-chto-vybory-prezidenta-vazhny-dlia-nikh-lichno

счета голосов и контроль наблюдателей; 24 % - появление более компетентных кандидатов; 7 % предложили ввести финансовые стимулы; 11 % - установить санкции за неявку на выборы. Поскольку особо значимой является проблема низкой электоральной активности именно среди молодежи, был предложен вопрос о том, какая мера политической активности положительно влияла бы на активность молодых россиян в избирательном процессе. Самыми популярными ответами стали: волонтёрство в общественных проектах – ответили 34 % отпрошенных и участие в молодежных советах / школьной /университетской политике – 32 %.

Таким образом, приходим к выводу, что для повышения электоральной активности было бы эффективно проведение следующих мероприятий:

1. Совершенствование политических институтов, что повысит уровень доверия населения к власти. Каждый избиратель должен видеть, что его голос учтен и важен, что достигается путем увеличения прозрачности выборов.

Предотвращение правонарушений в избирательной кампании (подкуп избирателей, давление на них, разжигание социальной или расовой ненависти) повысит электоральную активность среди населения в связи с усилением авторитета государственной власти.

2. Необходимость повышать правовые знания и опыт, которые позволили бы избирателю делать осознанный выбор среди кандидатов. Несмотря на проводимую в рамках правового просвещения работу, оказывается охвачен достаточно узкий круг избирателей из числа наиболее активной молодежи, входящей в различные молодежные общественные организации. Остальной массив молодых избирателей остается вне мероприятий по повышению политической и правовой грамотности.

Именно уважение населения к праву, понимание его регулятивного потенциала, является основой для формирования у субъектов избирательного права активной гражданской позиции, реализацией которой является электоральная активность.

Важную роль играет политическая пропаганда, т.е. деятельность по распространению идей, направленная на формирование в обществе определенных настроений и закрепление в сознании граждан тех или иных ценностей. Такая пропаганда консолидирует общество, формируя определенный идеологический стандарт, общую идею, отношение к «правильному» и «неправильному» поведению. Это позволит решить ряд глобальных проблем.

3. Необходимо повышать уровень участия молодёжи в политической жизни страны.

К сожалению, в последние десятилетия идеологический фактор практически утратил свое значение, поскольку у современной молодежи отсутствуют идейно-политические установки; они не сформированы государством. А отсутствие ценностных ориентаций, четкой идеологии может привести к заполнению вакуума негативными идеями, нигилистическими настроениями, сделать молодежь уязвимой. Именно поэтому необходимо формировать патриотические и иные ценностные ориентации у молодежи для воспитания активной гражданской позиции. Только в этом случае можно говорить о повышении политической культуры, в том числе электоральной активности молодого поколения.

Электоральную грамотность следует развивать с 14 лет, когда индивид уже более осознанно относится к праву, обязанностям и иным правовым нормам. Школьная программа, несомненно, формирует гражданско-патриотическую компетентность, но оказывает слабое влияние на формирование компетентности в сфере политики. Не обязательно вводить новый предмет для школьников, достаточно периодически проводить интересные мероприятия, на которых школьники и студенты вправе высказаться по поводу политических событий.

Следует налаживать диалог с молодежью, создавать различные организации, военно-патриотические клубы, в которых молодёжь может проявить себя путём публичных выступлений, дебатов, общественных работ в сфере политики; проводить конкурсы на законотворческую инициативу, олимпиады в сфере избирательного права.

4. Целесообразно усовершенствовать деятельность СМИ, поскольку именно они являются инструментом коммуникации между политической властью и гражданами. Именно они во многом формируют социально активную личность, политическое сознание, электоральное настроение; стимулируют групповую активность.

Деятельность средств массовой информации должна выражать объективное мнение со стороны и не зависеть от указаний государственной власти. Все чаще в средствах массовой информации можно услышать о том, что выборам необходимо придать статус праздника [3], назначать выборы в будний день, предоставив при этом всем выходной. Есть иное мнение – ввести обязанность для граждан России голосовать и периодически сдавать квалификационный экзамен по электоральной грамотности для лиц каждые 5-10 лет. Однако принудительное голосование повлечет полное отсутствие интереса избирателя к выборам и необоснованное волеизъявление. Возникнет вопрос о легитимности власти…

Таким образом, совершенствование избирательной системы России, включающее устранение процедурных недостатков, внедрение современных технологий при голосовании и подсчете голосов, повышение правовой культуры и гражданской ответственности населения, сделает выборы более прозрачными, справедливыми и демократичными, поможет сформировать и повысить электоральную культуру российских избирателей.

Список литературы:

1. Будаева, Д.Ц. Электоральное поведение и электоральные предпочтения как элементы политической культуры / Д.Ц. Будаева, Е.Ю. Черкун. –Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 6. – С. 106.

2. Слюсарева, Т.Г., Милованова, Е.Н. К вопросу о повышении ценности выборов в РФ / Т.Г. Слюсарева, Е.Н. Милованова // Научный вестник ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт».- 2024. - № 4. – С. 31.

3. Чахкиев, Ш.С. Проблема правового нигилизма среди студентов / Ш.С. Чахкиев // Инновационные подходы в решении проблем современного общества. – 2018. – С. 110.

References:

1. Budaeva, D.C. Electoral behavior and electoral preferences as elements of political culture / D.C. Budaeva, E.Y. Cherkun. –Bulletin of the Buryat State University. 2013. No. 6. p. 106.

2. Slyusareva, T.G., Milovanova, E.N. On the issue of increasing the value of elections in the Russian Federation / T.G. Slyusareva, E.N. Milovanova // Scientific Bulletin of the Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute.- 2024. - No. 4. – p. 31.

3. Chakhkiev, S.S. The problem of legal nihilism among students / S.S. Chakhkiev // Innovative approaches in solving the problems of modern society. - 2018. – p. 110.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_548

УДК 342.25 + 711.4

БЛАГОУСТРОЕННОСТЬ ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ФОРМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС И РАЗГРАНИЧЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ В ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ
BLAGOUSTROENNOST OF THE TERRITORY OF A MUNICIPAL FORMATION: HISTORICAL AND LEGAL GENESIS AND DELIMITATION OF COMPETENCE IN THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC POWER

ВОЛКОВСКАЯ Людмила Николаевна,
старший преподаватель кафедры предпринимательского и энергетического права
Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ).
191023, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32.
E-mail: volkovskay@mail.ru

VOLKOVSKAYA Lyudmila Nikolaevna,
Senior Lecturer of the Department of Business and Energy Law St. Petersburg State University of Economics (SPbGEU).
191023, Russia, St. Petersburg, nab. Griboyedov Canal, 30-32.
E-mail: volkovskay@mail.ru

***Краткая аннотация**: В статье исследуется категория «благоустроенность территории» как публично-правовое явление, определяющее качество жизни населения при строительстве. Анализируются историко-правовые этапы становления градостроительного регулирования в России, проблемы согласования градостроительного и муниципального законодательства в условиях конституционной реформы 2020 года и принятия нового Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Обосновывается вывод о том, что обеспечение благоустроенности территории – это комплексное, окончательно не разграниченное бремя публично-правовых образований, в котором ключевую роль играет принцип субсидиарности и дихотомия между ведением субъектов РФ и муниципалитетов.*

***Abstract**: The article examines the category of "blagoustroennost of the territory" (improvement and amenity of the territory) as a public-law phenomenon that determines the quality of life of the population in the course of construction activities. The author analyses the historical and legal stages of the formation of urban planning regulation in Russia – from customary rules to modern legislation. Special attention is paid to the inconsistency between urban planning legislation and municipal legislation in the context of the 2020 constitutional reform and the adoption of the new Federal Law "On General Principles of Organisation of Local Self-Government in the Unified System of Public Power". The article substantiates that ensuring the blagoustroennost of the territory is a complex, not definitively delimited burden of public-law entities. The author concludes that the principle of subsidiarity and the dichotomy between the competences of the subjects of the Russian Federation and municipalities are key elements for the effective distribution of powers in this area.*

***Ключевые слова**: благоустроенность территории, градостроительная деятельность, местное самоуправление, разграничение полномочий, единство публичной власти, принцип субсидиарности, историко-правовой анализ.*

***Key words**: blagoustroennost of the territory, urban planning activity, local self-government, delimitation of powers, unity of public power, principle of subsidiarity, historical and legal analysis.*

***Для цитирования**: Волковская Л.Н. Благоустроенность территории муниципального образования как организационно-правовая форма обеспечения качества жизни населения: публично-правовая природа, исторический генезис и разграничение компетенции в единой системе публичной власти// Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 548-554. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_548.*

***For citation**: Volkovskaya L.N. Landscaping of the territory of a municipality as an organizational and legal form of ensuring the quality of life of the population: public-legal nature, historical genesis and differentiation of competence in the unified system of public authority// Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 548-554. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_548.*

Статья поступила в редакцию: 13.01.2026

Градостроительная деятельность – сфера общественных отношений, которой имманентно присущ комплекс общих и конкурирующих друг с другом интересов (имеющих публично-правовой либо частноправовой характер) заинтересованных лиц – общества, власти, бизнеса, архитектуры и потребителей [43]. Обеспечивая эффективность, разумность и целесообразность правового регулирования данных общественных отношений, законодатель вынужден учитывать сложность их структуры, предопределенность историко-культурным фактором и необходимостью дальнейшего развития. При этом основной целью этой организационно-правовой деятельности является обеспечение «благоустроенности территории» (как небольшого поселения, так и страны в целом) [46].

Категория «благоустроенность территории» нуждается в научном исследовании, выявлении ее существенных признаков, адекватном определении понятия. Синонимами слов «благоустройство» и «благоустроенность» в изучаемом контексте следует считать термины «обустройство», «облагораживание» и «устроенность» [42]. В этих и им подобных случаях речь идет об обеспечении комфортности, функциональности и эстетической привлекательности среды жизнедеятельности людей. Архитектурно-строительная деятельность выступает компонентом единой системы обеспечения «благоустроенности территорий» [44], включая весь комплекс условий проживания, труда и отдыха граждан (озеленение, устройство дорог и площадок, освещение, инженерные системы и т. д.) [32]. Объекты благоустройства множественны, неоднородны и находятся в состоянии взаимодействующего комплекса [22]. Именно в этих условиях законодатель регулирует соответствующие общественные отношения, а правоприменительные органы – реализуют действующее законодательство вследствие возникновения, изменения и прекращения публичных и частных правоотношений.

Современное российское законодательство оперирует термином «градостроительная деятельность», который пришел на смену ряда его предшественников («градостроительное дело»; «строительство»; «архитектурно-строительная деятельность» и др.). Если отказаться от буквального истолкования норм Градостроительного кодекса РФ [3], то под термином «градостроительство» необходимо понимать не только строительство «городов», но и других «поселений». Примечательно, что соответствующая оговорка имеется в Градостроительном кодексе РФ (наименование нормативного правового акта расходится с его содержанием; закон в действительности регулирует общественные отношения в сфере «строительства поселений», не только «строительства городов»; данный юридико-технический прием предполагает, что градостроительные правила распространяются не только на города, но и на все иные поселения). В связи с этим, исследуя далее механизм публично-правового регулирования градостроительной деятельности, мы будем иметь в виду строительную деятельность вообще, как таковую, не только в ее приложении к строительству городов (хотя именно города в наибольшей степени нуждаются в соответствующем правовом регулировании).

Данная проблематика обостряется ввиду сравнительного нового для правовой системы Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [5], который вслед за конституционными поправками от 2020 года [2] отказался от «поселенческого» уровня публичной власти, отдавая предпочтение институционализации городских и муниципальных округов, а также внутригородских муниципальных образований городов федерального значения. Исходя из этого действующее градостроительное законодательство не находится в состоянии полной согласованности с муниципальным правовым регулированием [8]. В сущности, речь в современных правовых условиях должна идти о благоустроенности городов федерального значения (не являющихся муниципальными образованиями и имеющих статус субъекта Федерации), городских округов (не городских поселений и городов), муниципальных округов (как правило, объединяющих в своем составе несколько сельских поселений, населенных пунктов). Градостроительные термины «город» и «поселение» в законодательстве не гармонизированы [41] с муниципально-правовыми категориями «город федерального значения», «городской округ» и «муниципальный округ».

Обеспечение «благоустроенности территории» – это публично-правовая категория, которая характеризует, главным образом, бремя публично-правовых образований (Федерация, субъекты РФ, муниципалитеты) и их органов, длящееся юридическое обязательство публичного характера, предмет ведения и вытекающие из этого институты компетенционного характера (полномочия, функции, права и обязанности органов в единой системе публичной власти). Это, разумеется, не исключает вовлеченность в процесс правового регулирования ряда иных субъектов публичных правоотношений (хозяйствующие субъекты, общественные объединения, активисты и лидеры общественного мнения, потребители строительной деятельности и т. д.), каждый из которых наделяется, вследствие нормативной регламентации, соответствующим юридическим статусом. Особенностью градостроительной деятельности является ее органическая связанность не только с вопросами методологии публичного и частного права [21], но также требование согласованности отраслевого правового регулирования (конституционное, административное, земельное, жилищное, экологическое право и др.) [33]. Все это в комплексе и системном единстве характеризует проблему благоустроенности территории муниципального образования как организационно-правовой формы обеспечения качества жизни населения при строительстве.

Современное градостроительное регулирование и разграничение соответствующей компетенции между Федерацией, субъектами РФ и муниципальными образованиями во многом опирается на историко-правовой опыт страны. Города и иные населенные пункты появились на земле наших предков задолго до того, как вообще возникли государства в их современном понимании. В условиях родоплеменной общинной формы ведения хозяйства формировались первые градостроительные обычаи, которые сопровождались «протогосударственными» и «протоправовыми» методами градостроительного нормирования и публичного управления. Их институционализация, по сравнению с современным обществом, конечно, была значительно упрощена; строительство осуществлялось в основном хаотично, без системного государственно-правового воздействия и эффективного публичного контроля [11].

Важные шаги в этом направлении были предприняты Петром Великим. В эпоху его правления в государственно-правовой оборот вводится термин «регулярных» методов в градостроительном деле (иная трактовка – «регуляторство») [45]. На смену Приказу каменных дел (градостроительное дело находилось в его ведомстве в XVI – XVII вв.) приходят личные указы царя («О порядке строения домов в Санкт-Петербурге» от 1714 г.; «О смотрении, чтоб никто против указу и без чертежа архитекторского нигде не строился» от 1715 г.), а также комплекс государственных мер, направленных на централизованную планировку и застройку по единому плану (главным образом, в применении к столице империи), преодоление практики частного строительства без согласования с властями архитектурных решений, выполнение застройщиками строительных требований.

Таким образом если не исключался, то существенным образом ограничивался прежний опыт беспорядочного строительства, который был во многом характерен для организационного функционирования московского Приказа каменных дел [28]. Петр I стремился к положительному заимствованию европейской стройности и упорядоченности в архитектуре, внедрению подобной практики в отечественное управление («строить дома вдоль улицы, а не в глубине домов»; учитывать материально-финансовое состояние застройщика и зонировать городское пространство с учетом этого фактора).

Обратим внимание и подчеркнем, что Петр Великий не был сторонником ни демократических форм публичного управления (что было уже в то время характерно для ряда западноевропейских стран), ни децентрализации строительного дела. Скорее напротив, последнее перемещалось в сферу особой царской заботы, непосредственного указа монарха, нарушение которого каралось не всегда соразмерными санкциями без какого-либо регулирующего и ограничительного воздействия закона [12]. Царь непосредственно распоряжался в строительстве, и его воля позиционировалась как непререкаемая. Полагаем, что на данном историко-правовом этапе данная методология выглядела вполне приемлемой и целесообразной [40], хотя в современном обществе, с учетом имеющейся сложности и многогранности структуры публичного управления, строго

«централизованный» подход в градостроительстве демонстрировал бы свою низкую эффективность.

Так или иначе, россияне обязаны именно петровской эпохе царствования зарождением публично-правовых институтов типизации построек, стандартизации строительства, системного управления градостроительной деятельностью. Выстраивались архитектурные модели, приобретали особый почет и общественный статус выдающиеся архитекторы, инженеры и строители; планы и чертежи стали неотъемлемой частью градостроительного процесса. Несмотря на традиционное преобладание правоприменительной деятельности над нормативно-правотворческой работой, страна значительно «продвинулась» на пути обеспечения, как мы говорим сегодня, «благоустроенности территории». Причем если внимание Петра I было сосредоточено, главным образом, на реализации комплексной эстетической и функциональной привлекательности столицы империи [36], то в последующем российские монархи расширяли подобную практику, распространяя ее на провинции и другие территории.

В связи с этим примечательны государственно-правовые новации императрицы Екатерины II, в период царствования которой издается Грамота на права и выгоды городам Российской империи (целеполагание городов); принимается Указ от 1763 г. «О сделании всем городам, их строениям и улицам специальных планов по каждой губернии особо» [39]. Зарождение института «функционального зонирования» городов (категория современного градостроительного права) произошло именно в эпоху правления Екатерины Великой (в городах стали выделяться функциональные зоны общедоступных для публики мест) [31]. В течение последующих периодов «имперской России» вплоть до революционных событий 1917 года градостроительное дело последовательно развивалось, демонстрируя историко-правовую институционализацию современных градостроительных принципов комплексного и устойчивого развития территорий, сбалансированного учета факторов градостроительной деятельности, осуществления строительства на основе надлежащих правовых документов, единства и обязательности градостроительных требований [34].

Период советского государства и права характеризуется такими его конструктивными характеристиками, как введение диктатуры пролетариата, отказ от частной собственности на средства производства, государственно-плановая экономика, обязанность каждого гражданина осуществлять трудовую деятельность. При подобных условиях архитектурно-строительное дело, с одной стороны, привело к решительным и судьбоносным сдвигам в масштабе всей страны (реализация права на жилище трудящихся; «прорывное» развитие строительства промышленных объектов; приобретение городами современного облика за счет преимуществ плановой социалистической экономики), с другой – игнорировался фактор частной хозяйственной инициативы, предпринимательства, инвестиций и рыночной конкуренции (что приводило, зачастую, к весьма «убогим» и «типовым» архитектурным решениям, которые были нацелены скорее на социалистическую экономию, чем на комплексное социально-экономическое развитие территорий и их подлинную «благоустроенность») [26].

Современная Россия ориентируется на конституционную концепцию рыночной, социально ориентированной экономической системы [14], что оказывает фундаментальное влияние на организацию и правовое регулирование строительного дела. Наблюдаются тенденции как частичного возвращения к «традиционным ценностям», так и активного движения на пути социально-экономического прогресса [23]. Современный век отличается повышенной интенсивностью, развитостью информационных и технологических ресурсов, ростом глобальной экономической конкуренции и рядом иных факторов, которые предопределяют содержание публично-правового механизма обеспечения градостроительства.

При этом методологически данный механизм во многом остался прежним, поскольку он опирается на классическую дихотомию правотворчества и правоприменения; предполагает установление норм права (управомочивающих, обязывающих и запрещающих), которые реализуются в правоотношениях. Механизм правового регулирования градостроительной деятельности вынужден приспосабливаться к новым условиям, но его методология «консервативна» и во многом «неизменна», что не следует считать каким-либо его «недостатком». Градостроительное право современной России должно и опираться на дореволюционные образцы организации строительного дела, и учитывать опыт советского государства и права (за изъятиями, которые были обусловлены запретом предпринимательства, частной инициативы, безусловным господством публичной собственности на средства производства и вытекающей из этого «хозяйственной» роли государства в плановой экономике) [38].

На смену «непосредственному участию» государства в организации строительного дела (опыт советского государства и права) пришел институт конституционно ограниченной роли публично-правовых образований и их органов в регулировании и публичном управлении частными градостроительными компаниями – хозяйствующими субъектами, которые осуществляют экономическую деятельность в условиях конституционных запретов на монополизацию (недопустимость злоупотребления доминирующим положением на рынке, правовое исключение картельных сговоров) и недобросовестную конкуренцию [35]. Компетенция в градостроительной деятельности не сосредоточена в рамках полномочий какого-либо одного органа или должностного лица, но разграничена на основе конституционного принципа разделения властей [9]. Компетенция может быть не только разграничена, но и перераспределена.

Современная Россия опирается также на конституционные принципы народовластия и верховенства прав человека, которые в применении к градостроительным отношениям предполагают соблюдение следующих основных условий и требований: во-первых, граждане путем всеобщих и равных выборов осуществляют формирование представительных органов, которые наделены достаточной компетенцией в градостроительной сфере; во-вторых, закон наделяет население муниципальных образований правом непосредственного участия в принятии ряда градостроительных решений (публичные слушания и др.); в-третьих, социально-экономические права человека и гражданина гарантируют реализацию индивидуальных потребностей и интересов участников градостроительных отношений, которые могут противоречить интересам публичных властей и защищаться посредством независимого правосудия (практика Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ показывает, насколько эффективным и действующим является данный инструментарий разрешения институционального противоречия между публичными и частными интересами в современном обществе) [6].

При этом градостроительная деятельность (в контексте действующего градостроительного регулирования) приобрела облик конституи-

ционно обусловленной, юридически определенной и внутренне согласованной процедуры, которая включает в себя ряд методологически выверенных стадий административно-процессуального характера: это территориальное планирование, градостроительное зонирование, планировка территории, архитектурно-строительное проектирование, строительство, капитальный ремонт, реконструкция, снос, эксплуатация (зданий, строений и сооружений). Каждая из вышеуказанных административных процедур имеет свои внутренние содержательные компоненты, опирается на методику сочетания материальных и процессуальных норм права, ориентируется на цель комплексного учета основных факторов, которые призваны обеспечивать «благоустроенность территорий» с градостроительной точки зрения.

Все это позволяет сформулировать вывод о том, что в современной России в целом созданы надлежащие публично-правовые условия для обеспечения приоритета градостроительного нормирования над индивидуальными строительными решениями на основе принципа субсидиарности (компетенция должна быть возложена на максимально «нижний» уровень публичной власти до тех пор, пока это эффективно; при этом общие и наиболее фундаментальные полномочия должны иметь разумно централизованный или координирующий характер, включая компетенцию Федерации и ее субъектов) [15].

Пользуясь терминологией Конституции РФ (ст. 12) и Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», имеются основания предполагать, что обеспечение «благоустроенности территорий» с архитектурно-строительной точки зрения – это комплексный и окончательно не разграниченный предмет ведения Федерации, субъектов РФ и муниципалитетов, который имеет в своей основе значительный элемент «местного значения» или, что точнее, «вопроса непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» в единой системе публичной власти [25]. Конституционный принцип субсидиарности предполагает, что основные компоненты обеспечения благоустроенности территории – органический элемент публично-правовой конструкции исключительного ведения городских и муниципальных округов, если иное не обусловлено механизмом разграничения и перераспределения компетенции (институт также Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»). В городах федерального значения обеспечение благоустройства территории относится к ведению этих городов как субъектов Федерации при ограниченном законом федеральном вмешательстве.

При кажущейся внутренней противоречивости и, возможно, не полном соответствии ряду доктринальных представлений о механизме разграничения предметов ведения и полномочий в федеративном государстве с признанным местным самоуправлением [19], предложенная нами публично-правовая конструкция в большей мере соответствует реалиям сегодняшнего дня, особенно с учетом экспансии нового конституционного принципа «единства системы публичной власти» [20]. Благоустроенность территории – слишком важный вопрос для государства и права, чтобы его, как выражаются некоторые ученые, «полностью отдать на откуп» [45] местному самоуправлению. С другой стороны, обеспечение благоустроенности территории – основное бремя публичных властей именно муниципалитетов в городских и муниципальных округах, если соответствующая компетенция не будет перераспределена волей законодателей субъектов РФ. Дихотомия в правовом регулировании (вопрос может находиться в ведении субъектов Федерации или муниципалитетов на основе волеизъявления законодателей субъектов РФ) в большей степени соответствует конституционным основам федерализма, чем единая централизованная модель (когда волей федерального законодателя императивно определялись бы сферы исключительного ведения без какой-либо свободы усмотрения субъектов РФ).

Цель эффективного обеспечения «благоустроенности территорий» требует публичного администрирования градостроительной деятельности при одновременном гарантировании конституционных прав граждан и их объединений на землю, на жилище, на благоприятную окружающую среду. При разграничении и перераспределении полномочий подлежит учету специфика публично-правового статуса Федерации, субъектов РФ, муниципалитетов и их органов. Публично-правовая деятельность государственных и местных органов власти должна включать и составление необходимой градостроительной документации, и контроль градостроительных документов хозяйствующих субъектов, и надлежащее зонирование территорий («с особыми условиями использования», определение «функциональных» и «территориальных» зон), и разрешительную деятельность (выдача разрешений на строительство, на ввод в эксплуатацию), и административный контроль (государственных органов, муниципалитетов), и прокурорский надзор, и последующий судебный контроль законности и правопорядка в градостроительстве (исключительная государственная функция).

Данный комплекс, будучи обусловленным действующим правовым регулированием градостроительных отношений, не позволяет с однозначностью утверждать, что «благоустройство территорий» – предмет исключительного ведения муниципальных образований, в который были бы юридически не вправе вмешиваться федеральные и региональные власти [17]. Однако и нет оснований для обратного утверждения, что градостроительное дело в современной России, якобы, чрезмерно централизовано, что не позволяло бы полноценно использовать в организационно-правовой деятельности конституционный принцип субсидиарности, организационно-правовой потенциал субъектов РФ и муниципальных образований.

Важно также учитывать, что в градостроительной деятельности одним из решающих является частноправовой (цивилистический) компонент. В научных исследованиях градостроительной направленности можно заметить фактор «размежевания» публичных и частных правовых регуляторов, что обусловлено дифференциацией соответствующих отраслевых юридических наук, различием научных специальностей по юриспруденции (5.1.2 – публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3 – науки цивилистической направленности). Однако в реалиях органы народного представительства, публичного управления градостроительным делом, прокуратура и суды руководствуются одновременно нормами публичного и частного права. Конструкция же статей 71 и 72 Конституции РФ построена таким образом, что гражданско-правовое регулирование – предмет исключительного ведения Федерации (в который не вправе вмешиваться не только муниципальные публичные власти, но и

органы субъектов РФ, даже их законодательные органы при принятии конституций, уставов и законов) [37]; отраслевое публично-правовое регулирование – скорее предмет совместного ведения Федерации и субъектов РФ, чем объект компетенции федеральных властей (за рядом изъятий, которые следуют из нормативного содержания статьи 71 Конституции РФ и не указаны в статье 72 Конституции РФ) [47].

В пользу преимущественно децентрализованного подхода к правовому регулированию разграничения компетенции публичных властей в сфере обеспечения благоустроенности территорий жизнедеятельности населения свидетельствует также содержание данных организационно-правовых работ. Сложно гипотетически представить, чтобы из федерального центра или из столиц (административных центров) субъектов РФ для каждого населенного пункта территориально обширной страны определялись бы правила озеленения (посадка деревьев, кустарников и цветов; создание газонов); дорожно-транспортная инфраструктура (строительство и ремонт дорог, тротуаров, пешеходных дорожек); организация общественного пространства (парки, скверы, зоны отдыха; детские и спортивные площадки), придомовых территорий (площадки для отдыха, парковки); малые архитектурные формы (скамейки, урны, фонари); содержание и уборка территорий. Вне сомнения, федеральные и региональные власти не менее, чем муниципалитеты, заинтересованы в том, чтобы внешний вид и облик населенных пунктов отвечал бы критериям эстетичности, завершенности, внутренней согласованности и единства стиля. Однако добиться этого можно лишь при согласованном функционировании и эффективном взаимодействии всех без исключения уровней публичной власти и их государственных (муниципальных) органов при надлежащем разграничении публично-правовой компетенции (их полномочий и функций). Градостроительную деятельность нельзя трактовать как нечто обособленное от иных конструктивных элементов благоустройства территорий, поскольку в действительности все эти компоненты взаимосвязаны в единую, взаимосвязанную систему.

Выводы:

1. Благоустроенность территории – это публично-правовая категория, характеризующая бремя публично-правовых образований (Федерация, субъекты РФ, муниципалитеты) и их органов, длящееся юридическое обязательство публичного характера, предмет ведения и вытекающие из него институты компетенционного характера. Это основная организационно-правовая форма обеспечения качества жизни населения при строительстве.

2. Действующее градостроительное законодательство не находится в состоянии полной согласованности с муниципальным правовым регулированием, поскольку Градостроительный кодекс РФ оперирует понятиями «город» и «поселение», тогда как Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (2025 г.) закрепил иную систему муниципальных образований (городские округа, муниципальные округа, внутригородские муниципальные образования городов федерального значения). Требуется гармонизация терминологии.

3. Историко-правовой анализ (от обычаев и протогосударственного регулирования до петровских «регулярных» методов, екатерининского функционального зонирования, советского планового хозяйства и современной рыночной экономики) свидетельствует о поступательной институционализации градостроительных принципов. При этом методология правового регулирования (дихотомия правотворчества и правоприменения) остаётся «консервативной», что не является недостатком, а отражает природу механизма.

4. Конституционный принцип субсидиарности и принцип единства системы публичной власти (конституционные поправки 2020 года) требуют разграничения компетенции таким образом, что основные компоненты обеспечения благоустроенности территории являются органическим элементом исключительного ведения муниципальных образований (городских и муниципальных округов), однако с возможностью перераспределения полномочий на региональный уровень. Дихотомия (вопрос может находиться в ведении либо субъекта РФ, либо муниципалитета) в большей степени соответствует основам федерализма, чем жёсткая централизация.

5. Благоустроенность территории – слишком важный вопрос, чтобы полностью отдать его на откуп местному самоуправлению, но и чрезмерная централизация недопустима. Эффективное публичное администрирование градостроительной деятельности требует одновременного участия всех уровней публичной власти при сохранении за муниципалитетами ключевой роли в вопросах непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, особенно в части содержательных элементов благоустройства (озеленение, дороги, общественные пространства, малые архитектурные формы и т.д.).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (с послед. изм.) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 16.

4. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с послед. изм.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

5. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2017 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности части 4.1 статьи 63 Градостроительного кодекса Российской Федерации и статьи 23 Федерального закона „О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля“ в связи с запросом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 15. Ст. 2284.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 сентября 2023 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности частей 7 и 8 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Собрания депутатов Кыштымского городского округа Челябинской области» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 41. Ст. 7407.

8. Андреева Л.А. Имплементация норм административного и градостроительного законодательства в муниципальное право // Актуальные проблемы юриспруденции. Новосибирск, 2024. С. 33–38.

9. Баглай М.В., Шарков Ф.И. Генезис концептуальных основ социального государства: парадигмальные основания и институционализация // Труд и социальные отношения. 2019. № 3. С. 75–82.
10. Бережная Т.В. Формы разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006. 22 с.
11. Воронков С.М. Строительство городов в Киевской Руси в IX–XI вв. // Актуальные вопросы современной науки. Пенза, 2023. С. 146–150.
12. Гайнутдинов Р.К. Государственно-правовая идеология в области экономики в эпоху Петра I // История государства и права. 2009. № 20. С. 16–19.
13. Горлов В.Н. Жилищное строительство в СССР – достижение советского народа исторического масштаба // Марксизм и современность. 2009. № 1. С. 201–207.
14. Григорьева В.А. Конституционно-правовое положение государства в российской экономической системе : дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. 198 с.
15. Добрынин Н.М. О конституционной модели разграничения предметов ведения и полномочий в Российской Федерации: опыт синтетического осмысления субсидиарности // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 77–84.
16. Ефимов А.А. Регулирование и контроль частной застройки в Гатчине в 1830–1840 гг.: разрешительные процедуры // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1. С. 50–58.
17. Ефимов Г.А. Разграничение предметов ведения и полномочий «по вертикали» как способ реализации конституционного принципа разделения властей // Юридический мир. 2019. № 6. С. 21–25.
18. Жарский Д.П., Захарова А.Ю. Особенности строительно-технической экспертизы в арбитражном процессе // Юрисконсульт в строительстве. 2016. № 9. С. 31–37.
19. Заметина Т.В. Проблемы конституционно-правовой регламентации договорной формы разграничения предметов ведения и полномочий в России // Юридический мир. 2010. № 1. С. 28–32.
20. Замбаев Х.Н. Особенности разграничения государственных полномочий в условиях становления единой системы публичной власти // Аудиторские ведомости. 2023. № 4. С. 87–91.
21. Иванова Е.В., Иванова В.В., Семенова Н.В., Спиридонова Н.Ю. Проблемы соотношения публичных и частных интересов в градостроительной деятельности // Проблемы качества российского законодательства. Чебоксары, 2021. С. 203–208.
22. Исаев А.А., Петрова Г.А. Управление факторами благоприятности имиджа морского города. Владивосток, 2024. 112 с.
23. Кажлаев С.А. О допустимой социализации рыночной экономики в России // Право и экономика. 2014. № 6. С. 8–13.
24. Карцев Б.В., Давлетшин Д.В. Перспектива взаимодействия региональной и местной власти по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения // Государство, власть, управление, право. М., 2022. С. 127–132.
25. Кискин Е.В. Местное самоуправление 2.0: переход к новой модели законодательного регулирования компетенции муниципальных образований // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2025. № 2. С. 5–10.
26. Климина И.Е. Массовое жилищное строительство в СССР в 1950–1960-е гг. // Вестник научного общества. 2016. № 15. С. 40–45.
27. Козаков Е.М., Пилюгин Е.А. Методические положения по оценке результативности социального инвестирования индустриальных территорий // Экономика региона. 2008. № 1. С. 9–18.
28. Кондратьева Л.Н., Новоходская Н.С., Мангушев Р.А., Дацюк Т.А. Каналы Васильевского острова как первый шаг к российскому регулярному градостроительству // Вестник гражданских инженеров. 2019. № 5. С. 28–34.
29. Красавцева Н.Г. Правовые вопросы развития жилищного строительства в СССР в 1950-х гг. // IV Моисеевские чтения. М., 2021. С. 415–420.
30. Курбатов И.А. Конституционные основы государственного планирования экономического развития Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 189 с.
31. Любовный В.Я. О системном подходе к градостроительству: Екатерина II и современность // Academia. Архитектура и строительство. 2013. № 1. С. 54–59.
32. Масюкова Ю.Ю. Совершенствование методики комплексной социо-эколого-экономической оценки состояния застроенных территорий : дис. … канд. экон. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 187 с.
33. Мхитарян Ю.И. Доктрина приоритетного развития саморегулирования в градостроительной сфере в Российской Федерации // Век качества. 2021. № 3. С. 9–15.
34. Нугманова Г.Г. Монарх и архитектурный процесс в провинции: Николай I в Казани. 20–21 августа 1836 года // Academia. Архитектура и строительство. 2017. № 1. С. 14–20.
35. Патокина Н.Н. Формирование российской социально ориентированной конкурентной политики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2. С. 115–122.
36. Петрошенко А.С. Создание института градостроительства в эпоху Петра I как определяющий фактор развития Санкт-Петербурга в XVII–XVIII веках // Modernity: человек и культура. СПб., 2023. С. 279–285.
37. Платонов В.М. Предметы исключительного ведения Российской Федерации как факторы социокультурной и политической интеграции российского общества // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 5. С. 14–19.
38. Розенко С.В. К вопросу современного понимания и значения социальных и экономических основ конституционного строя // International law journal. 2024. № 2. С. 219–225.
39. Савельева В.В. Градостроительная реформа Екатерины II: формирование приемов «регулярного» градостроительства и механизм их осуществления (по материалам Тверского наместничества) : дис. … канд. искусствоведения. СПб., 2002. 198 с.
40. Саркисова И.М. Проблемы понимания государственно-правовой политики Петра I // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2015. № 6. С. 241–244.
41. Соколова А.И. Муниципальные и градостроительные правовые конструкции: основа формирования самостоятельного городского права // Градостроительное право. 2022. № 3. С. 26–30.
42. Соломаха Д.В. Благоустройство территории – обязанность и добрая воля органов публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 8. С. 37–41.
43. Сперанский О.В. Правовая природа, содержание и сущность градостроительной деятельности // Образование и право. 2022. № 3. С. 109–115.
44. Старостин К.В. Участие органов публичной власти в благоустройстве муниципальных образований // Проблемы и перспективы развития науки в России и мире. Уфа, 2018. С. 101–105.
45. Таболин В.В. (ред.). Город в теории и практике: правовые и урбанологические аспекты. М. : Юстицинформ, 2020. 320 с.
46. Устинова М.В., Ярлакабов А.А. Механизмы совершенствования градостроительной политики в муниципальном образовании // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2022. № 6. С. 112–120.
47. Шахрай С.М. Предметы ведения, принадлежащие исключительно субъектам Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия: Государственный аудит. 2019. № 4. С. 5–10.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/21/2014 No. 11-FKZ, dated 03/14/2020 No. 1-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11. Art. 1416.
2. The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation dated 03/14/2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11, article 1416.
3. Urban Planning Code of the Russian Federation dated 29.12.2004 No. 190-FZ (as last amended) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1. Art. 16.
4. Federal Law No. 73-FZ dated 06/25/2002 "On Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation" (as last amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 26. Art. 2519.
5. Federal Law dated 03/20/2025 No. 33-FZ "On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 12. Art. 1200.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 28, 2017 No. 10-P "In the Case of the Review of the Constitutionality of Part 4.1 of Article 63 of the Urban Development Code of the Russian Federation and Article 23 of the Federal Law "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Violations and Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Invalidation of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with clarifying the powers of state bodies and municipal bodies in terms of state control (supervision) and municipal control" in connection with the request of the Legislative Assembly St. Petersburg" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2017. No. 15. Art. 2284.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 22, 2023 No. 45-P "In the case of checking the constitutionality of Parts 7 and 8 of Article 25 of the Urban Construction Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Assembly of Deputies of the Kyshtym City District of the Chelyabinsk region" // Assembly of Legislation RF. 2023. No. 41. Art. 7407.
8. Andreeva L.A. Implementation of the norms of administrative and urban planning legislation in municipal law // Actual problems of jurisprudence. Novosibirsk, 2024. pp. 33-38.
9. Baglay M.V., Sharkov F.I. The genesis of the conceptual foundations of the welfare state: paradigmatic foundations and institutionalization // Labor and social relations. 2019. No. 3. pp. 75-82.

10. Berezhnaya T.V. Forms of differentiation of subjects of jurisdiction and powers between the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation (constitutional and legal research) : abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Omsk, 2006. 22 p.
11. Voronkov S.M. The construction of cities in Kievan Rus in the IX–XI centuries. // Actual issues of modern science. Penza, 2023. pp. 146-150.
12. Gainutdinov R.K. State-legal ideology in the field of economics in the era of Peter the Great // History of the state and law. 2009. No. 20. pp. 16-19.
13. Gorlov V.N. Housing construction in the USSR – the achievement of the Soviet people on a historical scale // Marxism and modernity. 2009. No. 1. pp. 201-207.
14. Grigorieva V.A. Constitutional and legal status of the state in the Russian economic system : dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2014. 198 p.
15. Dobrynin N.M. On the constitutional model of differentiation of subjects of jurisdiction and powers in the Russian Federation: the experience of synthetic understanding of subsidiarity // Russian Law Journal. 2017. No. 5. pp. 77-84.
16. Efimov A.A. Regulation and control of private buildings in Gatchina in 1830-1840: licensing procedures // St. Petersburg Historical Magazine. 2017. No. 1. pp. 50-58.
17. Efimov G.A. Differentiation of subjects of jurisdiction and powers "vertically" as a way to implement the constitutional principle of separation of powers // Legal World. 2019. No. 6. pp. 21-25.
18. Zharskiy D.P., Zakharova A.Yu. Features of construction and technical expertise in the arbitration process // Legal adviser in construction. 2016. No. 9. pp. 31-37.
19. Zametina T.V. Problems of constitutional and legal regulation of the contractual form of the delimitation of subjects of jurisdiction and powers in Russia // Legal World. 2010. No. 1. pp. 28-32.
20. Zambaev H.N. Features of the delimitation of state powers in the context of the formation of a unified system of public authority // Auditing Vedomosti. 2023. No. 4. pp. 87-91.
21. Ivanova E.V., Ivanova V.V., Semenova N.V., Spiridonova N.Yu. Problems of correlation of public and private interests in urban planning activities // Quality problems of Russian legislation. Cheboksary, 2021. pp. 203-208.
22. Isaev A.A., Petrova G.A. Management of the factors of the favorable image of the sea city. Vladivostok, 2024. 112 p.
23. Kazhlaev S.A. On the permissible socialization of the market economy in Russia // Law and Economics. 2014. No. 6. pp. 8-13.
24. Kartsev B.V., Davletshin D.V. The prospect of interaction between regional and local authorities to address issues of direct support for the livelihoods of the population. // State, power, management, law. Moscow, 2022. pp. 127-132.
25. Kiskin E.V. Local self-government 2.0: transition to a new model of legislative regulation of the competence of municipalities // Municipal property: economics, law, management. 2025. No. 2. pp. 5-10.
26. Klimina I.E. Mass housing construction in the USSR in the 1950s and 1960s // Bulletin of the Scientific Society. 2016. No. 15. pp. 40-45.
27. Kozakov E.M., Pilyugin E.A. Methodological guidelines for assessing the effectiveness of social investment in industrial territories // The economy of the region. 2008. No. 1. pp. 9-18.
28. Kondratieva L.N., Novokhodskaya N.S., Mangushev R.A., Datsyuk T.A. Vasilievsky Island canals as the first step towards Russian regular urban construction // Bulletin of Civil Engineers. 2019. No. 5. pp. 28-34.
29. Krasavtseva N.G. Legal issues of housing construction development in the USSR in the 1950s // IV Moiseevskie readings. Moscow, 2021. pp. 415-420.
30. Kurbatov I.A. Constitutional foundations of state planning of economic development of the Russian Federation : dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2017. 189 p.
31. Lyubovny V.Ya. About a systematic approach to urban planning: Catherine II and modernity // Academia. Architecture and construction. 2013. No. 1. pp. 54-59.
32. Masyukova Yu.Y. Improving the methodology of integrated socio-ecological and economic assessment of the state of built-up areas : dis. ... Candidate of Economic Sciences. Rostov-on-Don, 2007. 187 p.
33. Mkhitaryan Yu.I. The doctrine of priority development of self-regulation in urban planning in the Russian Federation // The age of quality. 2021. No. 3. pp. 9-15.
34. Nugmanova G.G. The monarch and the architectural process in the province: Nicholas I in Kazan. August 20-21, 1836 // Academia. Architecture and construction. 2017. No. 1. pp. 14-20.
35. Patokina N.N. Formation of the Russian socially oriented competition policy // Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social Sciences. 2020. No. 2. pp. 115-122.
36. Petroshenko A.S. The creation of the Institute of Urban Planning in the era of Peter the Great as a determining factor in the development of St. Petersburg in the XVII–XVIII centuries // Modernity: man and culture. St. Petersburg, 2023. pp. 279-285.
37. Platonov V.M. Subjects of exclusive jurisdiction of the Russian Federation as factors of socio-cultural and political integration of Russian society // Representative government – XXI century: legislation, comments, problems. 2017. No. 5. pp. 14-19.
38. Rozenko S.V. On the issue of modern understanding and significance of the social and economic foundations of the constitutional system // International law journal. 2024. No. 2. pp. 219-225.
39. Savelyeva V.V. Urban planning reform of Catherine II: the formation of methods of "regular" urban planning and the mechanism of their implementation (based on the materials of the Tver Viceroyalty): dis. ... kand. St. Petersburg, 2002. 198 p.
40. Sarkisova I.M. Problems of understanding the state and legal policy of Peter the Great // New Science: a theoretical and practical view. 2015. No. 6. pp. 241-244.
41. Sokolova A.I. Municipal and urban-planning legal structures: the basis for the formation of independent urban law // Urban law. 2022. No. 3. pp. 26-30.
42. Solomakha D.V. Landscaping is the duty and goodwill of public authorities // State power and local self-governance. 2014. No. 8. pp. 37-41.
43. Speransky O.V. The legal nature, content and essence of urban development activities // Education and Law. 2022. No. 3. pp. 109-115.
44. Starostin K.V. Participation of public authorities in the improvement of municipalities // Problems and prospects of science development in Russia and the world. Ufa, 2018. pp. 101-105.
45. Tabolin V.V. (ed.). The city in theory and practice: legal and urban aspects. Moscow : Justicinform, 2020. 320 p.
46. Ustinova M.V., Yarlakabov A.A. Mechanisms for improving urban planning policy in municipal education // Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering. 2022. No. 6. pp. 112-120.
47. Shakhray S.M. Subjects of competence belonging exclusively to the subjects of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University. Series: State Audit. 2019. No. 4. pp. 5-10.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_555

УДК 347.4

БАНКОВСКИЙ НАДЗОР ЗА СУБЪЕКТАМИ ФИНАНСОВОГО РЫНКА
BANKING SUPERVISION OF FINANCIAL MARKET ENTITIES

ФАЗЫЛОВА Алия Нафисовна
Магистрант ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральный Университет».
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18, корп. 1.
E-mail: konsaltin9@yandex.ru
FAZYLOVA Aliya Nafisovna
Master's Student Kazan (Volga Region) Federal University.
18 Kremlevskaya str., building 1, Kazan, 420008, Russia, Republic of Tatarstan.
E-mail: konsaltin9@yandex.ru

Краткая аннотация: *в статье исследуется сущность и задачи поведенческого надзора в финансовом секторе России, который представляет собой комплекс мероприятий, направленных на защиту прав потребителей финансовых услуг, предотвращение недобросовестных практик и поддержание доверия к финансовым институтам. Анализируются инструменты и методы, используемые Банком России для мониторинга поведения финансовых организаций, такие как анализ обращений потребителей, оценка рекламных кампаний и проверка качества финансовых продуктов. Обосновывается необходимость непрерывного совершенствования надзорных процедур для обеспечения стабильности и надёжности финансового рынка, а также повышения доступности и качества финансовых услуг для граждан и бизнеса.*

Abstract: *This article examines the nature and objectives of behavioral supervision in the Russian financial sector, which is a set of measures aimed at protecting the rights of financial services consumers, preventing unfair practices, and maintaining trust in financial institutions. It analyzes the tools and methods used by the Bank of Russia to monitor the behavior of financial institutions, such as analyzing consumer complaints, evaluating advertising campaigns, and verifying the quality of financial products. It substantiates the need for continuous improvement of supervisory procedures to ensure the stability and reliability of the financial market, as well as to improve the accessibility and quality of financial services for individuals and businesses.*

Ключевые слова: *банковский надзор, поведенческий надзор, Банк России, финансовые услуги, риск-ориентированный подход, недобросовестные практики.*

Keywords: *banking supervision, behavioral supervision, Bank of Russia, financial services, risk-based approach, unfair practices.*

Для цитирования*: Кузнецов С.А. Процедуры банкротства: содержание и правовые последствия (часть 2)// Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 555-557. ttp://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_555.*

For citation*: Kuznetsov S.A. Bankruptcy procedures: content and legal consequences (part 2) // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 555-557. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_555.*

Статья поступила в редакцию: 28.01.2026

Банковский надзор существует во многих странах со времен финансовых кризисов 1930-х годов, вопросы его эффективности получили больше внимания лишь недавно. Глобальный финансовый кризис 2007-2008 годов стал поворотным моментом, после которого качество надзора стало существенной проблемой, а эффективности надзора уделялось повышенное внимание. Было признано, что не все виды рисков могут быть смягчены за счет улучшения регулирования, и надзорные органы должны вмешиваться и смягчать проблемы, которые не нарушают правовую базу, но все же представляют риски.

Эффективный надзор способствует безопасности и устойчивости банков и банковской системы путем оперативной оценки пруденциальных рисков, выявления существенных недостатков в банках и надлежащего использования инструментов и полномочий надзора для обеспечения своевременного устранения банками этих недостатков. Ориентированный на результат надзорный подход, который стремится устранить недостатки до того, как они перерастут в серьезные проблемы, имеет решающее значение для эффективного надзора.

Финансовый рынок является важнейшим элементом современной экономики, обеспечивая эффективное распределение капитала и способствуя росту благосостояния населения. В рамках реализации Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» одной из ключевых целей Банка России выступает развитие финансового рынка, которое осуществляется в тесном взаимодействии с Правительством Российской Федерации. Данный процесс направлен на увеличение роли финансового сектора в финансировании процессов структурной перестройки и обеспечении устойчивого экономического роста преимущественно за счет внутренних резервов.

Особое внимание уделяется повышению прозрачности и надежности функционирования финансовых институтов, что предполагает усиление контроля над качеством оказываемых ими услуг и соблюдением прав потребителей. Именно в данном контексте особую значимость приобретает институт поведенческого надзора, призванный обеспечить защиту интересов участников финансового рынка путем предотвращения злоупотреблений и повышения уровня доверия клиентов к финансовым организациям. Определение поведенческого надзора сформулировано в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов: «поведенческий надзор - деятельность Банка России, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений прав потребителей финансовых услуг» [3]. Ключевыми аспектами данной системы являются:

– обеспечение соблюдения прав и законных интересов потребителей – мониторинг действий финансовых учреждений с целью недопущения дискриминационных практик, введения в заблуждение или навязывания невыгодных условий;

– повышение доступности и качества финансовых услуг – обеспечение равного доступа всех категорий граждан к разнообразному спектру финансовых инструментов, включая кредитные продукты, страхование, инвестиции и пенсионные накопления;

– формирование доверительных отношений между участниками рынка – создание благоприятных условий для укрепления доверия потребителей к финансовым учреждениям посредством внедрения прозрачных стандартов обслуживания и справедливого ценообразования;

– минимизация рисков и профилактическое регулирование – проведение анализа текущих тенденций и потенциальных угроз, разработка механизмов заблаговременного реагирования на возможные риски, возникающие вследствие изменений рыночного поведения субъектов рынка.

Для эффективного осуществления поведенческого надзора используются разнообразные инструменты и методы, среди которых выделяются:

– анализ обращений потребителей: Регулятор регулярно собирает и обрабатывает жалобы и претензии потребителей финансовых услуг, используя их как источник информации о возможных нарушениях. Это позволяет выявить распространенные проблемы и разработать эффективные меры противодействия таким явлениям, как скрытые комиссии, недостоверная реклама, необоснованное ограничение доступа к услугам;

– мониторинг маркетинговых коммуникаций: особое внимание уделяется контролю рекламы и маркетинговым кампаниям финансовых организаций, поскольку именно они часто становятся источником вводящей в заблуждение информации, приводящей к нарушению прав потребителей;

– оценка потребительских характеристик финансовых продуктов: регулируется качество предоставления финансовой услуги, доступность и понятность её описания, соответствие заявленных условий реальной практике исполнения обязательств организациями;

– проведение проверок и инспекций: проверочные мероприятия направлены на подтверждение соответствия деятельности организации установленным требованиям и стандартам, позволяя оперативно реагировать на выявленные нарушения;

– применение санкционных мер: нарушения, зафиксированные в ходе мониторинга или проверок, приводят к применению санкций, начиная от административных штрафов и заканчивая ограничением лицензий и исключениями из реестра уполномоченных участников рынка.

По мнению Михеева И.В., Долкова Е.А., «поведенческий надзор включает все надзорные процедуры, которые реализуются, прежде всего, с превентивной целью – предупредить нарушения поднадзорными организациями требований к их взаимодействию со всеми агентами, потребителями финансовых услуг. Кроме этого, поведенческим надзором охватывается выявление применения участниками финансового рынка ненадлежащих практик и их устранение» [2].

Надзор за поведением субъектов финансового рынка связан и с противодействием недобросовестным практикам финансовых организаций. По определению Л.В. Санниковой, «недобросовестное поведение – это действие или бездействие лица по осуществлению субъективных прав, заключающееся в использовании норм права в целях, не соответствующих целям правового регулирования, а также общепризнанным нормам морали и нравственности, направленное на получение выгоды материального или нематериального характера» [5]. Недобросовестное поведение финансовых организаций порождает необоснованные выгоды для нарушителей, ухудшая условия конкуренции и вызывая риски для потребителей. Нарушения негативно сказываются на восприятии финансовых посредников и всего рынка, снижая доверие и увеличивая издержки предоставления качественных финансовых услуг добросовестными участниками.

Надзор заключается в мониторинге поведения финансовых субъектов и вмешательстве при необходимости для обеспечения того, чтобы они действовали в соответствии с буквой и духом нормативной базы. Аналогичным образом, надзор в последнее время определяется как содействие безопасным и надежным практикам и поведению, тогда как регулирование заключается в принятии и обеспечении соблюдения правил.

Продолжается развитие инструментов поведенческого надзора:

– улучшение методов обнаружения и предотвращения противоправных действий и недобросовестных практик с целью недопущения рецидивов нарушений;

– адаптация надзорных процедур к новым финансовым продуктам.

Обращения граждан, касающиеся нарушений их прав со стороны кредитных, микрофинансовых и страховых организаций концентрируются вокруг следующих видов правонарушений:

– ненадлежащая информированность потребителей о полной стоимости кредитов и характеристиках финансовых продуктов. Неполнота или искаженность информации о полной стоимости кредита, процентных ставках, комиссиях и дополнительных расходах нарушает принцип прозрачности взаимоотношений между участниками кредитного процесса. По данным исследований, большинство граждан получают неполную картину реальных затрат, связанных с оформлением кредита, что ведет к завышенным ожиданиям и финансовым трудностям.

– предъявление несправедливых условий договоров и навязывание дополнительных платных услуг. Стремление некоторых финансовых институтов составить договорные условия в свою пользу приводит к включению несправедливых пунктов, создающих неравенство позиций сторон. Клиенты вынуждены соглашаться на высокий уровень процентов, короткие сроки возврата, строгие штрафные санкции и прочие обременяющие обязательства. Одним из распространенных методов давления на потребителей является принудительное оформление дополнительных услуг, таких как страхование жизни или имущества. Хотя такое страхование формально носит рекомендательный характер, практика показывает, что отказ от покупки дополнительного полиса негативно влияет на одобрение кредита или повышает ставку процента.

– осуществление мошеннических схем, стимулирующих заключение невыгодных кредитных сделок. Отдельную категорию составляют противоправные схемы, направленные на искусственное увеличение объемов продаж или привлечение клиентов. Некоторые организации прибегают к манипуляциям, связанным с предложением заманчивых условий, а затем резко меняют условия после заключения договора, оставляя потребителя фактически заложником своего выбора.

Для формирования комфортных условий предоставления качественного спектра финансовых услуг гражданам и бизнесу, особенно уделяя внимание социально уязвимым слоям населения и ключевым направлениям развития предпринимательства, необходимо сосредоточить усилия на реализации ряда ключевых направлений:

– создание среды, способствующей предложению рынком высококачественных финансовых продуктов, улучшению общего благосостояния граждан путем повышения доступности финансовых инструментов и поддержке информированного выбора клиентов;

– повышение территориальной и ассортиментной доступности финансовых сервисов для населения и предприятий за счёт активного внедрения цифровых каналов взаимодействия, минимизации риска цифровой изоляции и укрепления мер киберзащиты;

– обеспечение полноценного включения всех слоев населения в финансовую систему с абсолютным учётом потребностей уязвимых категорий граждан и тех, кому сложно получать доступ к необходимым финансовым инструментам;

– расширение механизмов привлечения долговых и акционерных инвестиций предприятиями для устойчивого роста и развития бизнес-сектора.

Таким образом, поведенческий надзор играет ключевую роль в поддержании стабильности и надежности финансового рынка, улучшении защиты прав потребителей и повышении общего уровня доверия к российским финансовым учреждениям. Его дальнейшее развитие требует комплексного подхода, включающего постоянное обновление методик оценки риска, ужесточение санкций за нарушение правовых норм и активное взаимодействие всех заинтересованных сторон, что в конечном итоге способствует укреплению национальной финансовой системы.

Список литературы

1. Миронов В.Ю. Формирование правовой модели поведенческого надзора как актуальное направление развития риск-ориентированного подхода в банковском надзоре // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 4А. С. 229-234.
2. Михеева И.В., Долкова Е.А. Поведенческий надзор банка России в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 2. С. 314-334.
3. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026 и 2027 годов // https://cbr.ru/ (дата обращения 16.12.2025).
4. Проект федерального закона N 959011-8 «О внесении изменений в статью 74 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в части изменения размера штрафов, применяемых к кредитным организациям за нарушение прав потребителей финансовых услуг) принят в первом чтении 15.07.2025 // СПС КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/ (дата обращения 16.12.2025).
5. Санникова Л.В. Проблемы становления поведенческого надзора в России // Деньги и кредит. 2017. № 10. С. 51-56.
6. Ситник, А. А. Поведенческий надзор на финансовом рынке // Lex russica. - 2023. - Т. 76. - №3. - С. 41–51.
7. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/ (дата обращения 16.12.2025).
8. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2025) // СПС КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/ (дата обращения 16.12.2025).

References

1. Mironov V. Yu. Formation of a Legal Model of Behavioral Supervision as a Current Direction in the Development of a Risk-Based Approach to Banking Supervision // Issues of Russian and International Law. 2023. Vol. 13. No. 4A. pp. 229-234.
2. Mikheeva I. V., Dolkova E. A. Behavioral Supervision of the Bank of Russia in the Sphere of Financial Services Consumer Protection // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2020. Vol. 24. No. 2. pp. 314-334.
3. Main Directions for the Development of the Financial Market of the Russian Federation for 2025 and the Period 2026–2027 // https://cbr.ru/ (accessed 16.12.2025).
4. Draft Federal Law No. 959011-8 «On Amendments to Article 74 of the Federal Law «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)» (regarding changes in the amount of fines applied to credit institutions for violating the rights of consumers of financial services) was adopted in the first reading on July 15, 2025 // SPS ConsultantPlus https://www.consultant.ru/ (accessed on December 16, 2025).
5. Sannikova L.V. Problems of the Development of Behavioral Supervision in Russia // Money and Credit. 2017. No. 10. pp. 51-56.
6. Sitnik, A.A. Behavioral Supervision in the Financial Market // Lex russica. - 2023. - Vol. 76. - No. 3. - pp. 41-51.
7. Federal Law of 07.08.2001 N 115-FZ «On Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism» // SPS ConsultantPlus https://www.consultant.ru/ (date of access 16.12.2025).
8. Federal Law of 10.07.2002 N 86-FZ (as amended on 31.07.2025) «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)» (as amended and supplemented, entered into force on 01.10.2025) // SPS ConsultantPlus https://www.consultan t.ru/ (date of access 16.12.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_558

УДК 34

ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА: СОДЕРЖАНИЕ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (ЧАСТЬ 2)
BANKRUPTCY PROCEDURES: CONTENT AND LEGAL CONSEQUENCES (PART 2)

КУЗНЕЦОВ Сергей Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443090, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: proff-mast@mail.ru

KUZNETSOV Sergey Anatolyevich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armii str., Samara, Samara region, 443090, Russia.
E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация: *Автор анализирует содержание отдельных процедур банкротства, а также высказывает предложения о совершенствовании правового регулирования названных процедур. Рассматриваются процедуры, применяемые в деле о банкротстве в судебном порядке (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство), досудебные и внесудебные процедуры (процедуры предупреждения банкротства, мировое соглашение), обеспечительные, подготовительные и примирительные процедуры банкротства.*

Abstract: *The author analyzes the content of individual bankruptcy procedures, and also makes suggestions on improving the legal regulation of these procedures. The procedures applied in a bankruptcy case in court (supervision, financial rehabilitation, external management, bankruptcy proceedings), pre-trial and out-of-court procedures (bankruptcy prevention procedures, settlement agreement), interim, preparatory and conciliatory bankruptcy procedures are considered.*

Ключевые слова: *несостоятельность (банкротство), дело о банкротстве, процедуры банкротства.*
Keywords: *insolvency (bankruptcy), bankruptcy case, bankruptcy proceedings.*

Для цитирования*: Кузнецов С.А. Процедуры банкротства: содержание и правовые последствия (часть 2) // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 558-563. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_558.*
For citation*: Kuznetsov S.A. Bankruptcy procedures: content and legal consequences (part 2) // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 558-563. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_558.*

Статья поступила в редакцию: 08.01.2026

§ 5. Отечественное законодательство о банкротстве предусматривает в качестве процедур, направленных, прежде всего, на удовлетворение требований кредиторов, конкурсное производство [1] и реализацию имущества гражданина.

Неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, признанная решением арбитражного суда (несостоятельность (банкротство), влечет открытие процедуры конкурсного производства, применяемой в деле о банкротстве к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов (статья 2, пункт 1 статьи 124 Закона о банкротстве). В случае принятия судом решения о признании гражданина банкротом суд принимает решение о введении процедуры реализации имущества гражданина, применяемой в деле о банкротстве к признанному банкротом гражданину в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов (статья 2, пункт 2 статьи 213.24 Закона о банкротстве).

В юридической литературе высказаны различные взгляды относительно правовой природы конкурсного производства по делу о банкротстве.

Так, С.Е. Андреев полагает возможным «согласиться с имеющимся определением, что конкурсное производство или конкурсный процесс – совокупность норм, регулирующих взаимоотношения кредиторов с несостоятельным должником [2] под контролем арбитражного суда» [3]. По его мнению «конкурсное производство по существу представляет собой процедуру ликвидации несостоятельной организации путем консолидации и последующего распределения между кредиторами ее имущества, на которое может быть обращено взыскание в ходе конкурсного производства (конкурсной массы)» [4].

О.А. Никитина высказала точку зрения о том, что «конкурсное производство представляет собой специальную форму ликвидации, используемую в случаях признания должника несостоятельным (банкротом). Конкурсное производство призвано обеспечить соразмерность удовлетворения требований кредиторов, а также охрану интересов сторон от неправомерных действий в отношении друг друга» [5].

Указанную позицию поддержал также Д.Н. Ярощук [6].

По мнению О.А. Студенцовой «в конкурсном производстве непосредственно соприкасаются две часто противоречащие друг другу группы интересов – кредитора и должника. Задача конкурсного производства заключается, прежде всего, в отыскании той средней линии, которая может справедливо примирить эти интересы, то есть, в «обращении имущества должника в наличные деньги для распределения между кредиторами и затем освобождение добросовестного должника от бремени задолженности, и предоставление ему возможности начать все с начала без обязательств и долгов, возникших в коммерческой неудаче» [7, 8].

В.В. Ярков полагает, что «конкурсное производство представляет собой систему норм, регулирующих процессуальную и иную юриди-

ческую деятельность по соразмерному удовлетворению требований кредиторов в отношении несостоятельного должника под контролем арбитражного суда» [9].

Е.Н. Сердитова считает, что «конкурсное производство – самостоятельная форма реализации решения арбитражного суда о признании должника несостоятельным» [10].

Конкурсное производство вводится на срок до шести месяцев, разумно необходимый для завершения конкурсного производства, с учетом объема имущества должника, предположительных сроков его реализации и иных обстоятельств [11]. В исключительных случаях с целью завершения конкурсного производства по мотивированному ходатайству конкурсного управляющего [12, 13] срок конкурсного производства может продлеваться не более чем на шесть месяцев (пункт 2 статьи 124 Закона о банкротстве).

В юридической литературе отмечалось, что последствием признания должника несостоятельным является утрата им правомочий управлять и распоряжаться своим имуществом [14].

Так, применительно к французскому конкурсному процессу К.И. Малышев отмечал, что «несостоятельность влечет за собою для должника потерю права управления и распоряжения его имуществом (dessaisissement de l'administration)… Несостоятельный теряет право распоряжения всем своим имуществом, даже и тем, которое досталось бы ему по дарению или наследству в продолжение процесса [15], исключая то, что подарено или отказано ему в виде необходимых средств на пропитание (a titre d'aliments) [16], а также и те предметы, которые изъяты законом от ареста, каковы, напр., государственные ренты, жалованье и пенсии [17]. Все приобретения, сделанные должником в продолжение несостоятельности, поступают в конкурсную массу, хотя личный труд его остается свободным. Он может входить в новые обязательства и вести самостоятельную торговлю [18] на средства, которые были бы предоставлены ему друзьями и знакомыми по объявлении несостоятельности, но плоды этой деятельности его принадлежат не ему, а кредиторам, за вычетом, однако, издержек производства и по удовлетворению новых кредиторов, без помощи которых и самое приобретение было бы невозможно [19], и лишь в том случае, когда эти продукты труда превышают необходимые для должника с семьею средства существования [20]. Так как взыскание обращается только на имущество несостоятельного, то понятно, что он сохраняет свои личные права отца, мужа, человека и связанные с тем права имущественные [21]. Осуществление собственно имущественных прав и исков несостоятельного переходит к попечителям [22]. Иски других лиц против несостоятельного не могут обращаться на лицо несостоятельного с требованием личного его задержания [23]. Точно так же и отдельные имущественные взыскания в пользу того или другого кредитора, не обеспеченного привилегиею или ипотекою, не могут быть начаты по объявлении несостоятельности [24]. Требования кредиторов представляются к лицу попечителей и против них же продолжаются взыскания, начатые до объявления несостоятельности [25]. Однако суд может допустить вступление самого несостоятельного в дело, если найдет это нужным [26]. Оставаясь и по объявлении несостоятельности собственником всего своего имущества [27], должник имеет прямой интерес даже в предъявлении исков от своего лица не только в тех случаях, когда осуществление иска без его участия было бы невозможно [28], но и во всех других [29], напр. когда он опасается, что попечители плохо будут защищать его права [30] или когда иску его грозит погасительная давность и т.п. [31]. Если, впрочем, несостоятельный один предъявил какой-либо иск, то ответчик может требовать привлечения к делу попечителей» [32, 33].

По действующему отечественному законодательству о несостоятельности с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства наступают последствия открытия названной процедуры банкротства: срок исполнения возникших до открытия конкурсного производства денежных обязательств и уплаты обязательных платежей должника считается наступившим; прекращается начисление процентов, неустоек (штрафов, пеней) и иных санкций за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежных обязательств и обязательных платежей, за исключением текущих платежей, а также процентов, предусмотренных статьей 126 Закона о банкротстве; сведения о финансовом состоянии должника прекращают относиться к сведениям, признанным конфиденциальными или составляющим коммерческую тайну; совершение сделок, связанных с отчуждением имущества должника или влекущих за собой передачу его имущества третьим лицам в пользование, допускается исключительно в порядке, установленном главой VII Закона о банкротстве; прекращается исполнение по исполнительным документам, в том числе по исполнительным документам, исполнявшимся в ходе ранее введенных процедур, применяемых в деле о банкротстве, если иное не предусмотрено Законом о банкротстве; все требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, иные имущественные требования, за исключением текущих платежей, указанных в пункте 1 статьи 134 Закона о банкротстве, и требований о признании права собственности, о взыскании морального вреда, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о признании недействительными ничтожных сделок и о применении последствий их недействительности могут быть предъявлены только в ходе конкурсного производства; исполнительные документы, исполнение по которым прекратилось в соответствии с Законом о банкротстве, подлежат передаче судебными приставами - исполнителями конкурсному управляющему в порядке, установленном федеральным законом; снимаются ранее наложенные аресты на имущество должника и иные ограничения распоряжения имуществом должника. Основанием для снятия ареста на имущество должника является решение суда о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства [34, 35]. Наложение новых арестов на имущество должника и иных ограничений распоряжения имуществом должника не допускается; исполнение обязательств должника осуществляется в случаях и в порядке, которые установлены главой VII Закона о банкротстве (пункт 1 статьи 126 Закона о банкротстве).

§ 6. Действующему отечественному законодательству о банкротстве известна только одна процедура банкротства, направленная на примирение должника и кредиторов путем заключения между ними соглашения об условиях, порядке и сроках удовлетворения требований кредиторов (примирительная процедура банкротства), – мировое соглашение [36, 37].

На любой стадии рассмотрения арбитражным судом дела о банкротстве должник, его конкурсные кредиторы и уполномоченные органы вправе заключить мировое соглашение (ч. 1, 2 ст. 139 АПК РФ, п. 1 ст. 150 Закона о банкротстве), которое является процедурой банкротства (п. 1, 2 ст. 27 Закона о банкротстве).

В юридической литературе высказаны различные мнения относительно правовой природы мирового соглашения по делу о банкротстве.

Э.Ю. Олевинский предложил «научное определение мирового соглашения как гражданско-правовой сделки, обладающей особыми признаками, касающимися субъектного состава, содержания, порядка заключения, и влекущей специфические правовые последствия не только материального, но и процессуального характера. Мировое соглашение позволяет должнику сохранить юридическое лицо, а кредиторам получить частичное удовлетворение требований в более сокращенные сроки, чем при продаже имущества должника на стадии конкурсного производства. Мировое соглашение исключает вмешательство арбитражных управляющих в производственно-финансовую деятельность должника, которое в ряде случаев ухудшает положение должника» [38].

Е.Ю. Пустовалова полагает, что заключенное должником и конкурсными кредиторами мировое соглашение «с точки зрения гражданско-правовых последствий, представляет собой способ прекращения обязательств, который допускается Законом о банкротстве и по своей природе близок к новации» [39].

По мнению С.И. Федорова «наиболее точно раскрывает сущность мирового соглашения подход к нему как сложному юридическому составу» [40].

М.А. Рожкова считает, что «мировое соглашение в деле о банкротстве представляет собой договор, который может быть заключен при наличии соответствующего решения как со стороны конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, так и со стороны должника (пункт 2 статьи 150 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»)» [41, 42]. «Мировое соглашение по делу о банкротстве в случае участия в нем уполномоченных органов является уже не гражданско-правовой сделкой, а сложным правовым образованием, включающим в себя две составляющие: во-первых, гражданско-правовую сделку с участием кредиторов по денежным обязательствам (собственно мировое соглашение); во-вторых, соглашение с участием публичных органов, обладающих правом требования по уплате обязательных платежей» [43].

А.М. Абдрашитов отметил, «что нельзя сводить сущность мирового соглашения только к материальному (в смысле гражданско-правового договора) или к процессуальному (как действие сторон, направленное на окончание процесса). Мировое соглашение представляет собой сложное правовое явление, для наилучшего понимания которого требуется комплексный анализ. Важным представляется определение, во-первых, соотношения материально-правовых и процессуально-правовых составляющих его природы, во-вторых, взаимосвязь института мирового соглашения и категории правового спора, в третьих, места мирового соглашения в системе юридических фактов» [44]. По мнению А.М. Абдрашитова «мировое соглашение представляет собой сложный фактический состав, в который входят юридические факты как материального, так и процессуального характера» [45].

Заключив мировое соглашение на определенных условиях, лица, участвующие в деле о банкротстве, не должны лишаться возможности контролировать их исполнение, в том числе, путем утверждения судом, рассматривающим дело о банкротстве, мирового управляющего для проведения процедуры мирового соглашения. Утверждение мирового управляющего, его полномочия, размер его вознаграждения могут быть урегулированы условиями мирового соглашения.

Решение о заключении мирового соглашения со стороны конкурсных кредиторов и уполномоченных органов принимается собранием кредиторов. Решение собрания кредиторов о заключении мирового соглашения принимается большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов в соответствии с реестром требований кредиторов и считается принятым при условии, если за него проголосовали все кредиторы по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника. Полномочия представителя конкурсного кредитора и представителя уполномоченного органа на голосование по вопросу заключения мирового соглашения должны быть специально предусмотрены в его доверенности. Решение о заключении мирового соглашения со стороны должника принимается должником - гражданином или руководителем должника - юридического лица, исполняющим обязанности руководителя должника, внешним управляющим или конкурсным управляющим (п. 2 ст. 150 Закона о банкротстве).

Допускается участие в мировом соглашении третьих лиц, которые принимают на себя права и обязанности, предусмотренные мировым соглашением (п. 3 ст. 150 Закона о банкротстве).

Мировое соглашение утверждается арбитражным судом. При утверждении мирового соглашения арбитражный суд выносит определение об утверждении мирового соглашения, в котором указывается на прекращение производства по делу о банкротстве. В случае, если мировое соглашение заключается в ходе конкурсного производства, в определении об утверждении мирового соглашения указывается, что решение о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства не подлежит исполнению (п. 4 ст. 150 Закона о банкротстве).

Мировое соглашение вступает в силу для должника, конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, а также для третьих лиц, участвующих в мировом соглашении, с даты его утверждения арбитражным судом и является обязательным для должника, конкурсных кредиторов, уполномоченных органов и третьих лиц, участвующих в мировом соглашении (п. 5 ст. 150 Закона о банкротстве).

Односторонний отказ от исполнения вступившего в силу мирового соглашения не допускается (п. 6 ст. 150 Закона о банкротстве).

Судебно-арбитражная практика долгое время не допускала применение мирового соглашения в качестве первой процедуры банкротства, однако, соответствие такого подхода целям, принципам и точному смыслу отечественного законодательства о банкротстве вызывает сомнение.

Так, согласно рекомендациям Президиума ВАС РФ заключение мирового соглашения, предусмотренного Законом о банкротстве, допускается на любой стадии дела о банкротстве, но не ранее проведения первого собрания кредиторов [46]. Арбитражный суд спустя месяц после введения процедуры наблюдения утвердил мировое соглашение по делу о банкротстве, в котором участвовали два лица - должник и кредитор, обратившийся с заявлением о признании должника банкротом, и прекратил производство по делу. При этом суд сослался на пункт 1 статьи 150 Закона о банкротстве, согласно которому должник, его конкурсные кредиторы и уполномоченные органы вправе заключить мировое соглашение на любой стадии рассмотрения арбитражным судом дела о банкротстве. Лицо, обладавшее правом требования к должнику, подтвержденным исполнительным листом, обратилось в суд кассационной инстанции с жалобой на определение об утверждении мирового соглашения со ссылкой на следующее. Условиями мирового соглашения нарушены его права (абзац четвертый пункта 2 статьи 160 Закона о банкротстве), поскольку оно не знало о возбуждении дела о банкротстве и по этой причине не предъявило должнику свои требования. Если бы его требования были предъявлены и установлены до заключения мирового соглашения, лицо обладало бы большим числом голосов на собрании кредиторов и не проголосовало бы за мировое соглашение с теми условиями, на которых оно было заключено. Суд кассационной инстанции констатировал неправильное применение судом первой инстанции норм материального права, так как правило пункта 1 статьи 150 Закона о банкротстве должно толковаться системно с учетом иных положений Закона. Согласно пункту 2 статьи 150 Закона о банкротстве решение о заключении мирового соглашения со стороны конкурсных кредиторов и уполномоченных органов принимается собранием кредиторов. Для проведения собрания кредиторов необходимо соблюсти предусмотренный порядок оповещения кредиторов должника. Таким образом, решение о заключении мирового соглашения может быть принято кредиторами не ранее чем в процедуре наблюдения на первом собрании кредиторов, относительно которого статьями 71 - 74 Закона о банкротстве установлен специальный порядок [47].

Отказывая заявителю и должнику в возможности заключить мировое соглашение на стадии рассмотрения обоснованности заявления о признании должника банкротом (до введения первой процедуры банкротства), мы выталкиваем из сферы регулирования законодательства о банкротстве фактически заключаемые между заявителями и должниками мировые соглашения и вынуждаем заявителя отказываться от требования к должнику с тем, чтобы прекратить производство по делу о банкротстве. Совершенно очевидно, что права заявителя в такой ситуации недостаточно защищены, а суд лишен возможности проконтролировать содержание соглашения, фактически имеющегося между заявителем и должником, и лежащего в основании отказа заявителя от требования о признании должника банкротом, что не лишает недобросовестных лиц возможности включать незаконные условия в такие соглашения, пользуясь отсутствием судебного контроля. Ссылка Президиума ВАС РФ на принятие решения о заключении мирового соглашения со стороны конкурсных кредиторов и уполномоченных органов собранием кредиторов (пункт 2 статьи 150 Закона о банкротстве 2002 года), очевидно, относится к стадиям рассмотрения дела о банкротстве, на которых имеются требования кредиторов, признанные обоснованными, и возможно проведение собрания кредиторов. Если же проведение собрания кредиторов невозможно в связи с тем, что на стадии рассмотрения судом обоснованности заявления о признании должника банкротом отсутствуют требования кредиторов, признанные в установленном порядке обоснованными судом, рассматривающим дело о банкротстве, то это не должно препятствовать заключению мирового соглашения, поскольку по точному смыслу пункта 1 статьи 150 Закона о банкротстве 2002 года на любой стадии рассмотрения арбитражным судом дела о банкротстве должник, его конкурсные кредиторы и уполномоченные органы вправе заключить мировое соглашение. В противном случае препятствием заключению мирового соглашения можно признать и отсутствие залоговых кредиторов, которые в соответствии с пунктом 2 статьи 150 Закона о банкротстве 2002 года должны проголосовать на собрании кредиторов за заключение мирового соглашения для того, чтобы решение собрания кредиторов о заключении мирового соглашения считалось принятым. Очевидно, что это указание Закона о банкротстве относится только к случаям, когда залоговые кредиторы имеются, также как и указание Закона о банкротстве на принятие решения о заключении мирового соглашения со стороны конкурсных кредиторов и уполномоченных органов собранием кредиторов относится только к случаям, когда имеется собрание кредиторов. В этой связи мы полагаем, что исходя из смысла пункта 1 статьи 150 Закона о банкротстве 2002 года должник, его конкурсные кредиторы и уполномоченные органы вправе заключить мировое соглашение на любой стадии рассмотрения арбитражным судом дела о банкротстве, в том числе и на стадии рассмотрения судом обоснованности заявления о признании должника банкротом. При таком подходе мировое соглашение может быть первой процедурой банкротства, введенной в отношении должника по результатам рассмотрения обоснованности заявления о признании должника банкротом.

В настоящее время Пленум ВАС РФ признал возможность заключения мирового соглашения между кредитором и должником на стадии рассмотрения судом обоснованности заявления о признании должника банкротом и сформулировал следующую правовую позицию. Обратившееся с заявлением о признании должника банкротом лицо и должник вправе до принятия определения по результатам проверки обоснованности этого заявления заключить мировое соглашение по правилам главы 15 АПК РФ. В случае утверждения судом такого мирового соглашения суд при отсутствии других заявлений о признании должника банкротом прекращает производство по делу о банкротстве в соответствии с частью 2 статьи 150 АПК РФ, а при наличии других таких заявлений прекращает производство по заявлению, по которому заключено мировое соглашение, применительно к части 2 статьи 150 АПК РФ. В таких случаях тот же заявитель вправе вновь обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом на основании требований, установленных мировым соглашением [48].

Действующему отечественному законодательству о банкротстве известна только одна примирительная процедура банкротства – мировое соглашение [49, 50, 51]. Заключение такого соглашения в рамках дела о банкротстве по смыслу Закона о банкротстве 2002 года носит по существу случайный характер, поскольку происходит в рамках иных процедур банкротства, целью которых заключение мирового соглашения не является. Поэтому помимо процедуры мирового соглашения необходима еще одна примирительная процедура – процедура примирительного

урегулирования, вводимая после процедуры наблюдения на основании мотивированного ходатайства должника, кредиторов или уполномоченного органа на срок, устанавливаемый судом, который может быть продлен по мотивированному ходатайству названных лиц. Целью процедуры примирительного урегулирования является подготовка и заключение должником и кредиторами мирового соглашения. Для проведения процедуры примирительного урегулирования суд может по ходатайству должника, кредиторов или уполномоченного органа утвердить примирительного управляющего, вознаграждение которому выплачивается за счет лица, ходатайствовавшего об утверждении примирительного управляющего.

Список литературы:

1. Никитина О.А. Конкурсное производство // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Специальное приложение к № 3, март 2001 года. Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве) (27 ноября – 1 декабря 2000 года). М.: ЮРИТ-Вестник, 2001. С. 142-161.
2. Лордкипанидзе А.Г. Гарантия платежеспособности по законодательству Англии и Франции // Законодательство зарубежных стран. Обзорная информация. Выпуск 162 // ВНИИ СЗ. М., 1979. С. 30 // Цит. по: Андреев С.Е. Соотношение реабилитационных и ликвидационных аспектов правоотношений в сфере банкротства. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 144.
3. Андреев С.Е. Указ. соч. С. 144.
4. Андреев С.Е. Соотношение реабилитационных и ликвидационных аспектов правоотношений в сфере банкротства. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 147.
5. Никитина О.А. О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований кредиторов при ликвидации должника // Хозяйство и право. 1996. № 6.
6. Ярощук Д.Н. Общие черты и различия в развитии и применении украинского и российского законодательства о несостоятельности (банкротстве): Дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 131.
7. Решение Верховного Суда США по делу Williams v United States Fidelity and Co Digest of United States Supreme Court Reports, vol. 3 NY, 1948, p 146 // Цит. по: Студенцова О.А. Правовое регулирование процедур банкротства по законодательству России и США: сравнительный анализ: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 49.
8. Студенцова О.А. Указ. соч. С. 49.
9. Конкурсное производство: Учебно-практический курс / Под ред. В.В. Яркова. СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 35.
10. Сердитова Е.Н. Конкурсное производство как форма реализации решения арбитражного суда: Дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 95.
11. Пункт 25 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 года № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 9. С. 130.
12. Пункт 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 апреля 2003 года № 4 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2003. № 6;
13. Пункт 25 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 года № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 9. С. 130.
14. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса // Малышев К.И. Избранные труды по конкурсному процессу и иным институтам торгового права. М.: Статут, 2007. С. 240-243.
15. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса // Малышев К.И. Избранные труды по конкурсному процессу и иным институтам торгового права. М.: Статут, 2007. С. 241-242.
16. C. de proced. civ. art. 581 и 582. Bedarride, § 82. Renouard, т. I, стр. 298 и 299, отвергает применимость статей Устава гр. суд. о предметах, изъятых от ареста, к делам о несостоятельности. Против этого мнения см.: Alauzet, § 1663-1664. Levesque, § 377 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 242.
17. Renouard, т. I, стр. 302: traitements et pensions. Alauzet, ibid.: rentes sur l'Etat // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 242.
18. В этом отношении юристы отличают dessaisissement от interdiction, tutelle и curatelle. Renouard, т. I, стр. 296. Levesque, § 341 и 389. Bedarride, § 84 bis // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 242.
19. Renouard, т. I, стр. 296. Alauzet, § 1665. Bedarride, § 84 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 242.
20. Bedarride, т. I, стр. 101, § 84 и 256 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 242.
21. Этою чертою ограничение несостоятельного отличается от состояния под законным запрещением (interdiction). Напр., в случае сумасшествия мужа (interdiction pour cause de demence) жена имеет право требовать поворота ее имущества из рук мужа в свое собственное управление. См. Revuecrit. de leg. et de jurispr. juin 1870 в «Суд. В.» 1870 г., № 214. Alauzet, § 1667 и 1670. Renouard, т. II, стр. 507 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 242.
22. Bedarride, § 83. Levesque, § 383 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 242.
23. Alauzet, § 1672 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 242.
24. Renouard, т. I, стр. 323. Alauzet, ibid // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 243.
25. Bedarride, § 86 и 87. Alauzet, § 1671. Французские юристы не согласны между собою по вопросу о том, могут ли быть продолжаемы простыми кредиторами начатые до объявления несостоятельности взыскания по решениям после этого объявления. Contra: Renouard, т. II, стр. 330. Pro: Dalloz, jur. gen. v. Faillite, § 230. Cour de Paris 30 nov. 1839 et 12 avr. 1844. C. de Bordeaux 16 mars, 1852 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 243.
26. C. de com. 1838, art. 443. Bedarride, § 84 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 243.
27. Одно объявление несостоятельности еще не имеет силы принудительного отчуждения имущества на удовлетворение взысканий (expropriation), сопровождаемого потерей права собственности. Pardessus, § 1115 и 1116. Alauzet, § 1666 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 243.
28. С этим ограничением Ренуар допускает предъявление исков самим должником. Т. I, стр. 309 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 243.
29. Alauzet, § 1669. Levesque, § 392 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 243.
30. Bedarride, § 84. Levesque, § 389 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 243.
31. Levesque, § 391 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 243.
32. Alauzet, ib. Renouard, т. I, стр. 310 // Цит. по: Малышев К.И. Указ. соч. С. 243.
33. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса // Малышев К.И. Избранные труды по конкурсному процессу и иным институтам торгового права. М.: Статут, 2007. С. 240-243.
34. постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1 по делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобами закрытого акционерного общества "Недвижимость-М", общества с ограниченной ответственностью "Соломатинское хлебоприемное предприятие" и гражданки Л.И. Костаревой // Собрание законодательства РФ. 07.02.2011. № 6. ст. 897;
35. Пункт 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.06.2014 № 36 «О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедурах банкротства» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 8.
36. Егоров А.В. Мировое соглашение // Реабилитационные процедуры в деле о банкротстве: Постатейный комментарий к главам V, VI, VIII Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». М.: Статут, 2003. С. 285-378;
37. Никитина О.А. Мировое соглашение // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Специальное приложение к № 3, март 2001 года. Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве) (27 ноября – 1 декабря 2000 года). М.: ЮРИТ-Вестник, 2001. С. 139-141.
38. Олевинский Э.Ю. Мировое соглашение как процедура банкротства: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 6.
39. Пустовалова Е.Ю. Особенности исполнения обязательств в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): Дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 14.
40. Федоров С.И. Некоторые особенности рассмотрения арбитражными судами дел о несостоятельности (банкротстве): Дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 191.
41. Рожкова М.А. Мировое соглашение в арбитражном суде: проблемы теории и практики. М.: Статут, 2004. С. 229;
42. Рожкова М.А. Мировое соглашение // Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2009. С. 453.
43. Рожкова М.А. Мировое соглашение в арбитражном суде: проблемы теории и практики. М.: Статут, 2004. С. 229-230.
44. Абдрашитов А.М. Мировое соглашение в делах о несостоятельности (банкротстве): Дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 17-18.
45. Абдрашитов А.М. Мировое соглашение в делах о несостоятельности (банкротстве): Дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 56.
46. Царик Г.П. Реализация и охрана прав и законных интересов кредиторов при банкротстве хозяйствующих субъектов: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 16.
47. Пункт 3 приложения к информационному письму Президиума ВАС РФ от 20 декабря 2005 года № 97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 3.

48. Пункт 12 постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 года № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8. С. 144.
49. Егоров А.В. Реабилитационные процедуры в деле о банкротстве // Реабилитационные процедуры в деле о банкротстве: Постатейный комментарий к главам V, VI, VIII Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». М.: Статут, 2003. С. 24-27;
50. Егоров А.В. Мировое соглашение // Реабилитационные процедуры в деле о банкротстве: Постатейный комментарий к главам V, VI, VIII Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». М.: Статут, 2003. С. 285-378).
51. Абзац первый пункта 2 мотивировочной части определения КС РФ от 15 мая 2002 г. № 109-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сладких Льва Степановича на нарушение его конституционных прав статьей 30 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник КС РФ. 2002. № 6).

References:

1. Nikitina O.A. Bankruptcy proceedings // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: Special Appendix No. 3, March 2001. Russian-British seminar of judges considering insolvency (bankruptcy) cases (November 27 –December 1, 2000). Moscow: YURIT-Vestnik, 2001. pp. 142-161.
2. Lordkipanidze A.G. Guarantee of solvency under the laws of England and France // Legislation of foreign countries. Overview information. Issue 162 // VNII SZ. Moscow, 1979. P. 30 // Cit. by: Andreev S.E. Correlation of rehabilitation and liquidation aspects of legal relations in the field of bankruptcy. Dis. ... kand. jurid. Sciences. M., 2004. p. 144.
3. Andreev S.E. Decree. soch. p. 144.
4. Andreev S.E. Correlation of rehabilitation and liquidation aspects of legal relations in the field of bankruptcy. Dis. ... kand. jurid. Sciences. Moscow, 2004. p. 147.
5. Nikitina O.A. On some issues related to the satisfaction of creditors' claims in the liquidation of the debtor // Economy and law. 1996. No. 6.
6. Yaroshchuk D.N. Common features and differences in the development and application of Ukrainian and Russian legislation on insolvency (bankruptcy): Dis. ... kand. jurid. Sciences. Moscow, 2008. p. 131.
7. The decision of the U.S. Supreme Court in the case of Williams v. United States Fidelity and Co Digest of United States Supreme Court Reports, vol. 3 NY, 1948, p 146 // Cit. by: Studentsova O.A. Legal regulation of bankruptcy procedures under the laws of Russia and the USA: comparative analysis: Dis. ... kand. jurid. Sciences. Moscow, 2006. p. 49.
8. Studentsova O.A. Decree. op. p. 49.
9. Bankruptcy proceedings: Educational and practical course / Edited by V.V. Yarkov. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2006. pp. 35.
10. Serditova E.N. Bankruptcy proceedings as a form of implementation of the decision of the arbitration court: Dis. ... kand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2002. p. 95.
11. Paragraph 25 of the resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 30, 2011 No. 51 "On the consideration of bankruptcy cases of individual entrepreneurs" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2011. No. 9. P. 130.
12. Paragraph 16 of the resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 8, 2003 No. 4 "On certain issues related to the Enactment of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2003. No. 6;
13. Paragraph 25 of the resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 30, 2011 No. 51 "On the consideration of bankruptcy cases of individual entrepreneurs" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2011. No. 9. p. 130.
14. Malyshev K.I. Historical sketch of the competitive process // Malyshev K.I. Selected works on the competitive process and other institutions of commercial law. Moscow: Statute, 2007. pp. 240-243.
15. Malyshev K.I. Historical sketch of the competitive process // Malyshev K.I. Selected works on the competitive process the process and other institutions of commercial law. Moscow: Statute, 2007. pp. 241-242.
16. C. de proced. civ. art. 581 and 582. Bedarride, § 82. Renouard, vol. I, pp. 298 and 299, rejects the applicability of articles of the Statute of the Russian Court. on items seized from arrest, to insolvency cases. Against this opinion, see: Alauzet, § 1663-1664. Levesque, § 377 // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. soch. p. 242.
17. Renouard, vol. I, p. 302: traitements et pensions. Alauzet, ibid.: rentes sur l'etat // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. op. p. 242.
18. In this respect, lawyers distinguish dessaisissement from interdiction, tutelle and curatelle. Renouard, vol. I, p. 296. Levesque, § 341 and 389. Bedar-ride, § 84 bis // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. soch. p. 242.
19. Renouard, vol. I, p. 296. Alauzet, § 1665. Bedarride, § 84 // Cit. in: Malyshev K.I. Decree. soch. p. 242.
20. Bedarride, vol. I, pp. 101, § 84 and 256 // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. op. p. 242.
21. By this feature, the limitation of the insolvent differs from the state under a lawful interdiction. For example, in the case of the husband's madness (interdiction pour cause de demence), the wife has the right to demand that her property be transferred from her husband's hands to her own management. See Revuecrit. de leg. et de jurispr. juin 1870 in The Court of 1870, No. 214. Alauzet, § 1667 and 1670. Renouard, vol. II, p. 507 // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. op. p. 242.
22. Bedarride, § 83. Levesque, § 383 // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. op. p. 242.
23. Alauzet, § 1672 // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. op. p. 242.
24. Renouard, vol. I, p. 323. Alauzet, ibid. // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. op. pp. 243.
25. Bedarride, § 86 and 87. Alauzet, § 1671. French lawyers disagree among themselves on the issue of whether the foreclosures initiated before the insolvency announcement can be continued by simple creditors. Contra: Renouard, vol. II, p. 330. Pro: Dalloz, jur. gen. v. Faillite, § 230. Cour de Paris 30 nov. 1839 et 12 avr. 1844. C. de Bordeaux 16 mars, 1852 // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. op. p. 243.
26. C. de com. 1838, art. 443. Bedarride, § 84 // Cit. according to: Malyshev K.I. Decree. soc. p. 243.
27. One declaration of insolvency does not yet have the force of compulsory alienation of property to satisfy penalties (expropriation), accompanied by loss of ownership. Pardessus, § 1115 and 1116. Alauzet, § 1666 // Cit. according to: Malyshev K.I. Decree. soch. p. 243.
28. With this restriction, Renoir allows claims to be filed by the debtor himself. Vol. I, p. 309 // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. soch. p. 243.
29. Alauzet, § 1669. Levesque, § 392 // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. op. p. 243.
30. Bedarride, § 84. Levesque, § 389 // Cit. in: Malyshev K.I. Decree. op. pp. 243.
31. Levesque, § 391 // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. op. p. 243.
32. Alauzet, ib. Renouard, vol. I, p. 310 // Cit. by: Malyshev K.I. Decree. soch. p. 243.
33. Malyshev K.I. Historical outline of the competitive process // Malyshev K.I. Selected works on the competitive process and other institutions of commercial law. Moscow: Statute, 2007. pp. 240-243.
34. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 31.01.2011 No. 1 in the case on the review of the constitutionality of the provisions of parts one, three and nine of Article 115, paragraph 2 of the first part of Article 208 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and paragraph nine of paragraph 1 of Article 126 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in connection with the complaints of the closed joint-stock company "Real Estate-M", limited liability company "Solomatinsky bakery Enterprise" and citizen L.I. Kostareva // Collection of legislation of the Russian Federation. 02/07/2011. No. 6. Article 897;
35. Paragraph 7 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 06.06.2014 No. 36 "On certain issues related to the management by credit organizations of bank accounts of persons in bankruptcy proceedings" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. No. 8.
36. Egorov A.V. Settlement agreement // Rehabilitation procedures in the case of bankruptcy: Article-by-article commentary to chapters V, VI, VIII of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)". Moscow: Statute, 2003. pp. 285-378;
37. Nikitina O.A. The Settlement agreement // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: Special Appendix to No. 3, March 2001. Russian-British seminar of judges considering insolvency (bankruptcy) cases (November 27 – December 1, 2000). Moscow: YURIT-Vestnik, 2001. pp. 139-141.
38. Olevinsky E.Y. Settlement agreement as a bankruptcy procedure: Dis. ... kand. jurid. M., 2002. p. 6.
39. Pustovalova E.Yu. Features of fulfillment of obligations in the legislation on insolvency (bankruptcy): Dis. ... kand. jurid. Sciences. Moscow, 2002. p. 14.
40. Fedorov S.I. Some features of the consideration of insolvency (bankruptcy) cases by arbitration courts: Dis. ... kand. jurid. M., 2001. p. 191.
41. Rozhkova M.A. The settlement agreement in the arbitration court: problems of theory and practice. M.: Statute, 2004. p. 229;
42. Rozhkova M.A. Settlement agreement // Rozhkova M.A., Eliseev N.G., Skvortsov O.Y. Contract law: agreements on jurisdiction, international jurisdiction, conciliation procedure, arbitration (arbitration) and settlement agreements / Under the general editorship of M.A. Rozhkova. Moscow: Statute, 2009. p. 453.
43. Rozhkova M.A. Settlement agreement in the arbitration court: problems of theory and practice. Moscow: Statute, 2004. pp. 229-230.
44. Abdrashitov A.M. Settlement agreement in insolvency (bankruptcy) cases: Dis. ... kand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2006. pp. 17-18.
45. Abdrashitov A.M. Settlement agreement in cases of insolvency (bankruptcy): Dis. ... kand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2006. p. 56.
46. Tsarik G.P. Realization and protection of the rights and legitimate interests of creditors in the bankruptcy of economic entities: Abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2008. p. 16.
47. Item 3 of the appendix to the information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 20, 2005 No. 97 "Review of the practice of Arbitration courts considering Disputes related to the conclusion, approval and Termination of Settlement agreements in insolvency (bankruptcy) cases" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2006. No. 3.
48. Paragraph 12 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated June 22, 2012 No. 35 "On certain procedural issues related to the consideration of bankruptcy cases" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 8. p. 144.
49. Egorov A.V. Rehabilitation procedures in bankruptcy proceedings // Rehabilitation procedures in bankruptcy proceedings: Article-by-article commentary to chapters V, VI, VIII of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)". Moscow: Statute, 2003. pp. 24-27;
50. Egorov A.V. Settlement agreement // Rehabilitation procedures in bankruptcy case: Article-by-article commentary to chapters V, VI, VIII of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)". Moscow: Statute, 2003. pp. 285-378).
51. Paragraph one of paragraph 2 of the reasoning part of the ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 15, 2002 No. 109-On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sladkikh Lev Stepanovich for violation of his constitutional rights by Article 30 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2002. No. 6).

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_564

УДК 347.515.6

ПРЕДМЕТ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СПОРАХ ПАЦИЕНТА С КЛИНИКОЙ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ
THE SUBJECT OF JUDICIAL RESEARCH IN DISPUTES BETWEEN A PATIENT AND A PLASTIC SURGERY CLINIC

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич
ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат.
191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6А,
Email: ur-fin@mail.ru

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich
NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch "Pelevin and Partners Law Firm", lawyer.
191187, St. Petersburg, Gagarinskaya str., 6A,
Email: ur-fin@mail.ru

Краткая аннотация. *В статье анализируется предмет судебного исследования, установление фактов, имеющих весомое значение для судебного процесса. Установлено, что медицинская карта позволяет: контролировать выполнение лечебно-диагностических мероприятий, доказать наличие или отсутствие причинно-следственной связи между оказанной медицинской помощью и ее неблагоприятными последствиями. Отмечено, что договор на оказание медицинских услуг исследуется судом для установления оснований возникновения правоотношения между пациентом и клиникой, наименования оказанных услуг, требований к ним, стоимости оказанных клиникой и оплаченных пациентом услуг. Раскрыто, что результаты судебно-медицинской экспертизы - основное доказательство, которое практически безусловно принимается судом. По общему правилу, условием привлечения клиники к ответственности является ее вина. Обосновано, что установление судом дефектов в оказанных клиникой услуг, независимо от факта причинение вреда здоровью пациента, является безусловным основанием для удовлетворения требований пациента.*

Abstract. *The article analyzes the subject of forensic examination, the establishment of facts that are significant for the trial. It is established that the medical record allows: to control the implementation of treatment and diagnostic measures, to prove the presence or absence of a causal relationship between the provided medical care and its adverse effects. It is noted that the contract for the provision of medical services is examined by the court to establish the grounds for the emergence of a legal relationship between the patient and the clinic, the name of the services provided, the requirements for them, the cost of the services provided by the clinic and paid for by the patient. It is disclosed that the results of the forensic medical examination are the main evidence that is almost unconditionally accepted by the court. As a general rule, the condition for bringing the clinic to justice is its guilt. It is substantiated that the establishment by the court of defects in the services provided by the clinic, regardless of the fact of harm to the patient's health, is an unconditional basis for satisfying the patient's claims.*

Ключевые слова: *исковое заявление, суд, медицинская карта, пациент, клиника пластической хирургии, судебно-медицинская экспертиза, вина, медицинская услуга, здоровье, информированное добровольное согласие.*

Key words: *statement of claim, court, medical record, patient, plastic surgery clinic, forensic medical examination, guilt, medical service, health, informed voluntary consent.*

Для цитирования*: Ястремский И.А. Предмет судебного исследования в спорах пациента с клиникой пластической хирургии // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 564-566. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_564.*

For citation*: Yastremsky I.A. The subject of judicial research in disputes between a patient and a plastic surgery clinic // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 564-566. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_564.*

Статья поступила в редакцию: 05.05.2025

Предметом судебного исследования является установление фактов, имеющих значение для судебного процесса. К таким фактам в спорах между пациентами и клиниками пластической хирургии (далее – клиника, медицинская организация) относятся:

- Медицинские записи в медицинской карте пациента.
- Договор на оказание медицинских услуг.
- Информированное добровольное согласие пациента.
- Дефекты медицинских услуг.
- Причинение вреда здоровью пациенту.
- Вина клиники в причинении вреда здоровью пациенту.
- Результаты судебной медицинской экспертизы.
- Наличие причинно-следственной связи между оказанными пациенту медицинскими услугами и наступившими в их результате негативными последствиями для здоровья пациента.

Для обеспечения качества медицинских услуг необходима надлежаще оформленная медицинская документация, а практика ведения качественной медицинской документации помогает медицинским работникам легко отслеживать, расследовать и принимать обоснованные решения на основе медицинских данных пациента. Медицинские карты считаются наиболее важным ресурсом, который медицинские работники используют в своей повседневной практике в сфере здравоохранения.

Медицинская карта является документом, в котором врачами ведется история записи болезни пациента и назначаемого лечения. Она предоставляет медицинскую информацию о пациенте, необходимую для оптимального алгоритма его лечения [9, с. 49-56].

Медицинская карта включает все соответствующие данные, информацию и заключения, необходимые для оказания помощи пациентам, данные о проведенном обследовании, сданных анализах и проведенном медицинском вмешательстве. Она предоставляет информацию о ходе лечения врачами другим медицинским работникам, которые оказывают помощь пациенту. Для тех медицинских работников, которые оказывают помощь в последующих случаях, медицинская карта содержит важную информацию, такую как история заболеваний и проводимое лечение.

Основная цель медицинской карты заключается в том, чтобы пациенты получали необходимую им помощь, предоставляя медицинским работникам информацию, необходимую для принятия правильных решений о лечении, она обеспечивает непрерывную и всестороннюю запись состояния здоровья пациента.

Договор на оказание медицинских услуг исследуется судом для установления оснований возникновения правоотношения, наименования оказанных услуг (вида проведенной операции, уровня (степени) ее сложности), требований к ним, стоимости оказанных клиникой и оплаченных пациентом услуг. В случае подтверждения факта оказания некачественных услуг уплаченная за них пациентом сумма подлежит взысканию с клиники.

Если медицинская организация прямо не оговаривает определенный результат, его договорная обязанность заключается не в достижении положительного результата, а скорее в соблюдении предписанных и признанных стандартов и порядков, применимых в области медицинского вмешательства.

При заключении договора клиника получает информированное добровольное согласие (ИДС) пациента на проведение операции. Перед этим врач должен предоставить пациенту достаточную и понятную информацию о типе, содержании медицинского вмешательства, его возможных рисках, а также об альтернативных вариантах лечения.

Целями ИДС являются получение пациентом необходимой информации для принятия решения и защита пациента от действий, проводимых без его подтверждения. Врач должен информировать пациента о диагнозе, средствах, целях, прогнозируемом результате медицинского вмешательства, его рисках и альтернативах, корректно и честно предоставлять объяснения/информацию по вопросам, связанным с проблемами со здоровьем, с которыми сталкиваются пациенты. Врачи не должны сокращать объем материала, чтобы вынудить пациентов немедленно принять решение.

ИДС обеспечивает правовую определенность для врачей и их юридическую защиту от несоразмерных требований со стороны пациентов. Задача правоприменителя - сделать ИДС реальной гарантией прав пациента [10].

На практике клиники отдают в ИДС приоритет условиям о рисках и негативных последствиях медпомощи. Однако объем и пределы ответственности врача и клиники не зависят от оформления этого документа [6, с. 854-855].

При наличии в согласии таких условий суды отказывают пациентам в их исках к клиникам лишь в случае соответствия медицинской помощи стандартам и требованиям к ее оказанию [1].

При этом судами уделяется внимание фиксации клиникой в добровольном информированном согласии на выполнение операции ее возможных рисков.

Так, из заключения судебной экспертизы следует, что дефектов оказания медицинской помощи Г. в ООО не выявлено: имеющееся осложнение является допустимым осложнением для подобных вмешательств. Возможность указанного выше осложнения была оговорена ИДС на выполнение операции, подписанным Г.

Суд пришел к выводу об отказе в удовлетворении иска, поскольку факт проведения некачественной операции не доказан [2].

Важным предметом исследования судом является заключение судебно-медицинской экспертизы, которое выступает основным доказательством по данным спорам. Экспертиза выясняет вопрос о причинно-следственной связи между недостатками медицинской услуги и ее негативными последствиями для пациента [7, с. 6-10].

Дефекты медицинских услуг в пластической хирургии относятся к действиям или бездействию пластического хирурга до, во время или после медицинской процедуры, которые непосредственно причиняют пациенту предотвратимый вред, боль, травму или дальнейшие осложнения. Другими словами, это включает в себя все формы некачественной медицинской помощи.

Установление судом дефектов в оказанных клиникой услуг, независимо от причинения вреда здоровью пациента, является безусловным основанием для удовлетворения требований пациента о возврате уплаченных за услуги денежных средств и возмещения в полном объеме убытков, понесенных пациентом.

Экспертиза установила, что при оказании медицинских услуг истице ответчик допустил дефекты как в раннем послеоперационном периоде, так и при проведении косметической операции. Зафиксированные негативные последствия операции подтверждают, что истице оказана некачественная услуга и не в полном объеме. Цель устранения возрастных изменений лица не достигнута, негативные последствия операции имеют признаки неизгладимости.

С ответчика в пользу С. взысканы денежные средства, уплаченные по договору, компенсация морального вреда [8].

Решением суда удовлетворены исковые требования ФИО1 к медицинской организации о возмещении вреда здоровью, взыскании стоимости некачественной услуги, компенсации морального вреда.

Согласно заключению экспертов: технически правильно выполненные этапы операции не соответствовали пожеланиям пациентки и привели к ухудшению профильной линии носа, ось носа до операции искривлена вправо, присутствующее осложнение связано с выбором мето-

да хирургического вмешательства и отсутствием правильного соблюдения послеоперационного периода, заявленные истцом послеоперационные осложнения, а именно «вмятины» на спинке носа, присутствуют и представляют собой эстетический дефект, который приносит моральный дискомфорт истцу, вред здоровью пациента причинен не был, можно говорить только об эстетически неблагоприятном результате операции.

Суд пришел к выводу о том, что имеются дефекты выполнения операции и взыскал с ответчика компенсацию морального вреда и уплаченную по договору денежную сумму. Соответственно, исковые требования были удовлетворены [3].

Итак, основным условием признания дефекта медицинской помощи является не только и не столько причиненный вред здоровью, а дефекты медицинского вмешательства. Дефект не признается, если из-за специфики организма пациента проявился риск, свойственный каждой операции, но такие нарушения экспертом не установлены.

Факт причинения вреда здоровью пациента подтверждается заключением экспертизы, а также медицинскими документами, содержащими результаты проведенных осмотра, обследований, заключениями врачей.

По общему правилу, условием привлечения клиники пластической хирургии (далее – клиника, медицинская организация) к ответственности является ее вина (п. 1 ст. 401 ГК РФ). Вина врача имеет место, если врач действовал в нарушение принятых правил и стандартов, вытекающих из современного уровня медицинских знаний, не проявил должной осмотрительности или превысил свою компетенцию, действуя таким образом вопреки закону (что означает ненадлежащее действие или бездействие).

Однако, согласно ст. 1064 ГК РФ, действует принцип презумпции виновности причинителя вреда, что приближает ответственность медицинской организации к безвиновной. Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство.

Как правило, суды привлекают клиники к ответственности при наличии доказательств их вины. Так, по одному делу не были предоставлены доказательства отсутствия вины в причинении вреда пациенту [4]. В другом споре выявлено отсутствие вины ответчика в неблагоприятном исходе, поэтому в иске было отказано [5].

Доказательством наличия вины клиники является вывод о ее наличии в заключении судебно-медицинской экспертизы. По общему правилу, за исключением установленных законом случаев, причинно-следственная связь между некачественными медицинскими услугами и нанесением вреда здоровья пациента не презюмируется.

Таким образом, предметом судебного исследования становится установление фактов, имеющих весомое значение для судебного процесса. Договор на оказание медицинских услуг исследуется судом для установления оснований возникновения правоотношения между пациентом и клиникой, наименования оказанных услуг, требований к ним, стоимости оказанных клиникой и оплаченных пациентом услуг. Заключение судебно-медицинской экспертизы - основное доказательство, которое, как правило, безусловно принимается судом. По общему правилу, условием привлечения клиники к ответственности является ее вина. Установление судом дефектов в оказанных клиникой услуг, независимо от факта причинение вреда здоровью пациента, является безусловным основанием для удовлетворения требований пациента.

Список литературы

1. Решение Балаковского районного суда Саратовской области от 09.07.2019 по делу № 2-797/2019 // СПС «Консультант Плюс».
2. Апелляционное определение Мосгорсуда от 10 марта 2021 г. № 33-9873/2021// СПС «Консультант Плюс».
3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2023 № 88-25942/2023 (УИД 64RS0048-01-2022-000965-43) // СПС «Консультант Плюс».
4. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 марта 2021 г. N 88-3085/2021 по делу N 2-28/2020 // СПС «Консультант Плюс».
5. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 9 февраля 2017 г. N 33-442/2017 // СПС «Консультант Плюс».
6. Белов С.А., Ревазова Е.А., Руднева Е.А. Правовые нормы vs представления врачей и пациентов о содержании и значении информированного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Санкт-петербургского государственного университета. Право. 2021. Т. 12. Вып. 4. С. 854-855.
7. Божченко А.П. Профессиональные правонарушения медицинских работников: проблемы и тенденции в вопросах назначения, производства и оценки судебно-медицинских экспертиз // Медицинское право. 2022. № 4. С. 3 - 7; 2023. № 1. С. 6 - 10.
8. Истец С. обратилась в Курганский городской суд с иском к ООО "МЭРИЛИН" о защите прав потребителей. http://kurgansky.krg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=512.
9. Котова Т.Г. Правовые и этические аспекты ведения медицинской документации // Медицинское право. 2020. № 2. С. 49 - 56.
10. Кратенко М.В. Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование). М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024.

References

1. The decision of the Balakovo District Court of the Saratov region dated 07/09/2019 in case no. 2-797/2019 // SPS Consultant Plus.
2. Moscow City Court's Appeal Ruling dated March 10, 2021 no. 33-9873/2021// SPS Consultant Plus.
3. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated 04.10.2023 No. 88-25942/2023 (UID 64RS0048-01-2022-000965-43) // SPS Consultant Plus.
4. Ruling of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction dated March 24, 2021 N 88-3085/2021 in case N 2-28/2020 // SPS Consultant Plus.
5. Appeal ruling of the Saratov Regional Court of February 9, 2017 N 33-442/2017 // SPS Consultant Plus.
6. Belov S.A., Revazova E.A., Rudneva E.A. Legal norms vs representations of doctors and patients about the content and meaning of informed consent for medical intervention // Bulletin of St. Petersburg State University. Right. 2021. Vol. 12. Issue 4. pp. 854-855.
7. Bozhchenko A.P. Professional offenses of medical workers: problems and trends in the appointment, production and evaluation of forensic medical examinations // Medical law. 2022. No. 4. p. 3-7; 2023. No. 1. p. 6-10.
8. Plaintiff S. appealed to the Kurgan City Court with a claim to MARILYN LLC for consumer protection. http://kurgansky.krg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=512
9. Kotova T.G. Legal and ethical aspects of medical documentation management // Medical law. 2020. No. 2. pp. 49-56.
10. Kratenko M.V. Harm caused by medical intervention: problems of compensation and prevention (comparative legal study). Moscow: NORM, INFRA-M, 2024.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_567

ДОСУДЕБНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ СПОРОВ
PRE-TRIAL SETTLEMENT OF INTERNATIONAL COMMERCIAL DISPUTES

САФАРАЛИЕВ Фуад Маис оглы
аспирант ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений».
119454, Россия, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 90.
e-mail: safaraliev.fm@gmail.com
SAFARALIEV Fuad Mais ogly
Postgraduate student of the Academy of Labour and Social Relations.
90 Lobachevsky St., Moscow, 119454, Russia.
e-mail: safaraliev.fm@gmail.com

Краткая аннотация. *В данной статье подробно рассматривается процедура досудебного урегулирования международных коммерческих споров, которая в современной юридической доктрине в то же время именуется в качестве альтернативной процедуры урегулирования споров. Автор в статье углубляется в анализ нескольких наиболее распространённых способов досудебного урегулирования споров. Автор приводит примеры успешных подходов к разрешению споров в разных странах и прогнозирует ближайшее будущее и дальнейшее развитие данного института на мировой арене. Основной целью исследования является выявление наиболее эффективных подходов и методов разрешения коммерческих споров до момента обращения в суд, а также прогнозирование тенденций в развитии института досудебного урегулировании международных коммерческих споров в ближайшем будущем. При написании работы автор применил частно-научные методы, в том числе нормативно-правовой, системно-структурный, метод сравнительного правоведения, а также применяется аналитический подход, основанный на всестороннем и комплексном анализе практики различных государств и рассмотрении тенденций в развитии международного коммерческого права. По итогу работы автор приходит к заключению, что институт досудебного урегулирование международных коммерческих споров востребован и активно применяется уже на протяжении многих лет во многих государствах. Но в то же время в своем исследовании автор подчеркивает важность и необходимость постоянного совершенствования института досудебного урегулирования споров и адаптации этого института к постоянно изменяющимся условиям международной коммерческой среды. Данная работа может быть полезна как практикующим юристам и адвокатам, а также может быть использована в учебном процессе при обучении студентов в области международного частного права.*

Abstract. *The present article deals in detail with the procedure of pre-trial settlement of international commercial disputes, which in modern legal doctrine at the same time is referred to as an alternative dispute settlement procedure. The author in the article deeply delves into the analysis of some of the most common ways of pre-trial dispute resolution. The author provides examples of successful approaches to dispute resolution in different countries and predicts the near future and further development of this institution in the global arena. The main purpose of the research is to identify the most effective approaches and methods of settling commercial disputes before going to trial, as well as to predict trends in the development of the institution of pre-trial settlement of international commercial disputes in the near future. This article was written by the author using private-scientific methods, including normative-legal, system-structural, method of comparative jurisprudence, as well as analytical approach based on a comprehensive and integrated analysis of the practice of different states and consideration of trends in the development of international commercial law. The author concludes that the institution of pre-trial settlement of international commercial disputes is in demand and has been actively used for many years in many states. But at the same time, in his research the author emphasizes the importance and necessity of continuous improvement of the institution of pre-trial dispute settlement and adaptation of this institution to the constantly changing conditions of the international commercial environment. This work can be useful for practicing lawyers and attorneys, as well as can be used in the educational process when teaching students in the field of private international law.*

Ключевые слова: *коммерческий спор, международный спор, досудебное урегулирование, международное частное право.*
Keywords: *commercial dispute, international dispute, pre-trial settlement, private international law.*

Для цитирования*: Сафаралиев Ф.М. оглы. Досудебное урегулирование международных коммерческих споров// Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 567-569. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_567.*
For citation*: Safaraliev F.M. ogly. Pre-trial settlement of international commercial disputes// Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 567-569. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_567.*

Статья поступила в редакцию: 15.01.2026

Перспектива разрешения экономических споров между сторонами до судебного разбирательства известна как досудебное урегулирование, которое признано альтернативной формой разрешения споров в научной литературе, особенно в зарубежных публикациях.

Досудебное урегулирование международных коммерческих споров является важным инструментом в сфере международного бизнеса. В условиях глобализации и интеграции мировых рынков, возникает все больше и больше споров между крупными международными компаниями. Поэтому важность досудебного урегулирования становится особенно актуальной.

Стоит отметить, что на практике предпочтение отдается досудебным методам разрешения споров по разным причинам. Во-первых, разрешение конфликтов вне суда помогает поддерживать дружественные или нейтральные отношения между сторонами, в то время как судебные разбирательства, как правило, приводят к конфликтам. Во-вторых, судебные разбирательства, как правило, более затратны, что делает их экономически нецелесообразными для контрагентов. Таким образом, выгодно по возможности избегать значительных судебных расходов.

Для применения механизмов досудебного урегулирования коммерческих споров важно согласие всех вовлеченных сторон. Такой способ урегулирования спора должен строиться на добровольной основе. Стоит отметить, что в некоторых правовых системах, досудебное урегулирование спора являются обязательным. Стоит отметить, что стороны могут и не прийти к соглашению с помощью данного способа, но они все же могут обратиться в суд за окончательным решением.

Стоит отметить, что основными досудебными способами урегулирования международных коммерческих споров можно отнести переговоры между сторонами. В процессе таких переговоров стороны пытаются прийти к компромиссу в возникшей спорной ситуации. Как правило такие споры проходят с участием посредника, например, в лице юриста или без участия посредника. Переговоры служат основополагающим

способом примирения, формируя фундамент, на котором строятся все остальные примирительные процедуры.

Следующим способом урегулирования досудебного коммерческого спора можно назвать арбитраж.

Для примера, в Европейском союзе используются следующие досудебные способы урегулирования спора.

Во-первых, оценка спора экспертом. Этот способ предполагает привлечение независимого эксперта, что позволяет сохранить коммерческую тайну и другую конфиденциальную информацию. Такая форма оценки может быть особенно полезной, когда стороны еще не утвердили свои окончательные позиции по данному вопросу.

Во-вторых, арбитраж, который по сути является мини-судом, представляет собой вторую форму разрешения конфликта по популярности. Принятое решение носит рекомендательный характер и не имеет обязательной юридической силы для сторон. Задача арбитра заключается в определении ответственности и оценке ущерба, а не в полном разрешении спора.

Стоит отметит, что за последний год международный арбитраж претерпел значительные изменения. Проведение арбитражных разбирательств с участием российских компаний оказалось непростой задачей, и выбор арбитражных учреждений теперь предполагает другие приоритеты и критерии. Ранее арбитраж рассматривался как автономная организация; однако с 2014 года лица, подвергшиеся санкциям, столкнулись с препятствиями при обращении в международные арбитражные органы. Как отмечают российские компании, Гонконгский международный арбитражный центр является лучшим выбором среди альтернативных вариантов.

В-третьих, согласительная процедура, стороны могут прибегнуть к примирению, при котором они привлекают беспристрастного посредника, целью которого является содействие достижению соглашения между сторонами. Кроме того, посредник может также предложить конкретные варианты урегулирования рассматриваемого спора.

И наконец, медиация. Стоит отметить, что медиация имеет сходство с согласительной процедурой. Хотя в юридической литературе эти два понятия часто рассматриваются как взаимозаменяемые, некоторые авторы утверждают, что для медиации необходим посредник, который более глубоко вовлечен в суть конфликта. Стоит отметить, что в нескольких зарубежных странах, включая Италию, медиация была внедрена в качестве обязательного процесса, что привело к заметному сокращению рабочей нагрузки судебных органов. В России Федеральный закон № 193-ФЗ от 27.07.2010 регулирует процедуру медиации в Российской Федерации, которая относится к альтернативным методам разрешения споров с привлечением медиатора [3].

Для эффективного разрешения спора при медиации обе стороны должны быть готовы сотрудничать в поисках взаимоприемлемого решения. Невыполнение этого требования приведет к потере времени, что сделает медиацию неэффективной в разрешении рассматриваемого спора.

В 2015 году SIAC выдвинул новое инновационное положение в сотрудничестве с недавно созданным Сингапурским международным центром медиации (SIMC), известным как Arb-Med-Arb (арбитраж-медиация-арбитраж) [3, С.75]. Это позволяет передавать споры в арбитраж, а затем приостанавливать их, пока стороны не попытаются разрешить вопрос с помощью медиации.

Стоит отметить, что не только в России, но и во многих зарубежных странах, внедрение концепции медиации как альтернативного метода разрешения конфликтов вне суда является сложной задачей из-за глубоко укоренившихся традиций и менталитета граждан, связанных с различными сторонами. Несмотря на то, что институт медиации создан и закреплен в российском законодательстве, спрос на эту услугу остается низким. Исследования, проведенные в других странах, показали, что медиация может разрешить до 10% судебных разбирательств, что указывает на ее потенциал успеха и в России [5, С.200].

Поощрение населения к использованию этого подхода требует вдумчивого убеждения и готовности адаптироваться к их культурным нормам и установкам, как это происходит во Франции и Италии.

Хотя медиация существует почти в каждом государстве, она все еще находится в стадии развития, даже в России. Учитывая интерес Российской Федерации к опыту других стран, как положительному, так и отрицательному, а также проблемы, с которыми сталкиваются в процессе медиации, эта тема остается весьма актуальной.

Зарождение современных процедур медиации произошло в США. Начало 1900-х годов в Америке ознаменовало эру экономического роста, но это также породило новые социальные конфликты, особенно между профсоюзами и работодателями по поводу заработной платы и условий труда. Эти столкновения часто заканчивались массовыми увольнениями, забастовками и даже закрытием заводов. В 1947 году государство решило проблему, введя новую службу, выполняющую функции беспристрастного посредника. Эта служба, известная как Федеральная служба посредничества и примирения (медиация) [1, С.508].

Например, в 2010 году итальянское правительство предприняло значительный шаг в продвижении медиации, приняв закон, который предписывает использовать медиацию в широком спектре гражданских дел [6, С.161].

Стоит отметить медиацию в Китае. В Китае процедуры медиации широко используются с целью мирного разрешения конфликтов. Основной целью медиации является содействие конфликтующим сторонам в достижении взаимоприемлемого решения, которое избавляет от необходимости обращаться в суд. Акцент делается на достижении мирного разрешения спора, когда обе стороны удовлетворены результатом.

КНР не решается передавать споры в государственные суды по целому ряду причин. Во-первых, считается, что китайские суды имеют проадминистративный государственный уклон. Кроме того, назначение отставных военных и гражданских служащих после Культурной революции привело к тому, что многие судьи не имеют необходимого опыта и квалификации. Более того, продолжаются дебаты относительно автономии судов КНР, в результате чего некоторые считают, что государственные суды используются в политических целях. Особенности правовой

системы КНР побудили китайцев полагаться на неформальные методы разрешения споров. Это связано с тем, что выбор в пользу официальных каналов потребует признания неправомерных действий и, вероятно, приведет к решению в пользу государственных структур.

Медиация, особенно для разрешения конфликтов, занимает уникальное место в Конституции Китая (статья 111), выделяя страну как единственную в мире, отдающую приоритет этому методу разрешения споров [8]. С этим конституционным признанием и в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Китайской Народной Республики появились различные массовые организации для предоставления посреднических услуг жителям страны. Это делает процесс медиации доступным для всех.

Кроме того, в США досудебные разбирательства обычно включают «Judicial Settlement Conference», «pre-trial procedure». Во время данного способа урегулирования спора судья может предложить очевидное судебное решение, если одна из сторон представит конкретные доказательства, которые будут подтверждать правоту одной из сторон.

Следующим можно отметить суд присяжных «summary jury trial» — это внесудебная процедура, которая включает в себя реконструкцию судебного процесса, что позволяет сторонам оценить, целесообразно ли передавать конфликт в дальнейшем в суд.

В зарубежной практике используются различные досудебные способы урегулирования споров, более двадцати видов которых можно найти только в США [6, С.182]. По мнению автора определенные методы могут быть эффективно применены при разрешении споров между хозяйствующими субъектами в российских условиях.

Эффективным и общепризнанным подходом к разрешению споров, связанных с коммерческой деятельностью и правами интеллектуальной собственности, является мини-трайл. Этот способ урегулирования спора не требует адаптации и соответствует официально установленным правилам, таким как Правила процедуры мини-судебного разбирательства в Цюрихе и Правила мини-судебного разбирательства в Сепани.

Важно отметить, что, несмотря на сходство в названии и внешнем виде, этот способ не следует ошибочно принимать за судебный процесс. В отличие от судебного процесса, конфликтующие бизнес-структуры представлены должностными лицами руководящего органа, которые выступают в качестве «арбитров» в мини-судебных процессах. Вместе они оценивают аргументы, представленные каждой стороной. Только при необходимости к процессу может быть привлечена независимая третья сторона. Однако их роль заключается не в принятии решения, а в непредвзятой оценке ситуации и прогнозировании возможных исходов в случае, если стороны не смогут прийти к соглашению неформальными средствами и потребуется вмешательство суда.

Существует множество вариантов разрешения как гражданских, так и публично-правовых споров вне суда, демонстрирующих потенциал эффективных методов альтернативного разрешения споров (Alternative dispute resolution - ADR). Эти способы имеют не только общую цель и ожидаемый результат, но и частноправовую направленность используемых методов.

Таким образом, досудебное урегулирование международных коммерческих споров позволяет сторонам сохранить бизнес-отношения и избежать публичности и непредсказуемости судебных процессов. Оно также снижает затраты и время на разрешение споров и способствует нахождению более эффективных и удовлетворительных результатов для обеих сторон. Поэтому все больше и больше компаний обращаются к досудебному урегулированию в качестве предпочтительного способа разрешения международных коммерческих споров.

Список литературы

1. Гожуленко Я.Н., Чубатова А.В. Досудебное урегулирование экономических споров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №11-4. С. 50-51.
2. Кряжевских К.А. Введение медиации как обязательного досудебного порядка урегулирования спора // Вопросы российской юстиции. 2023. №23. С. 508-512.
3. Международный арбитраж: право и практика / Гэри Б. Борн; пер. с англ, под ред. Н. А. Бабаджаняна. Москва: Российский институт современного арбитража, 2020. 911 с.
4. Миняйленко Н.Н. Медиация как способ урегулирования гражданско-правовых споров: проблемы и перспективы // Юридическая наука. 2023. №7. С. 177-180.
5. Новиков А.В. К вопросу о досудебном порядке урегулирования экономических споров // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 1А-2А. С. 240-246.
6. Пустовалова И.Н., Валеева И.А., Найденова Н.А. Внесудебные механизмы разрешения споров // Электронный научный журнал «Век качества». 2022. №1. С. 182-193.
7. Сильвести Э. Медиация по предписанию суда: итальянский опыт // Вестник гражданского процесса. 2015. № 3. С. 161-168.
8. Mediation in Russia and China: the similarities and differences in the interpretation of the alternative dispute resolution procedures (mediation) American scientific journal. 2017. Vol. 3 (11). P. 32-39.

References

1. Gozhulenko Ya.N., Chubatova A.V. Pre-trial settlement of economic disputes // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 11-4. pp. 50-51.
2. Kryazevskikh K.A. The introduction of mediation as a mandatory pre-trial dispute settlement procedure // Issues of Russian Justice. 2023. No. 23. pp. 508-512.
3. International Arbitration: law and Practice / Gary B. Born; translated from English, edited by N. A. Babajanyan. Moscow: Russian Institute of Modern Arbitration, 2020. 911 p.
4. Minyailenko N.N. Mediation as a way of settlement of civil law disputes: problems and prospects // Legal Science. 2023. No. 7. pp. 177-180.
5. Novikov A.V. On the issue of pre-trial settlement of economic disputes // Issues of Russian and International law. 2023. Volume 13. No. 1A-2A. pp. 240-246.
6. Pustovalova I.N., Valeeva I.A., Naydenova N.A. Extrajudicial dispute resolution mechanisms // Electronic scientific journal "Century of Quality". 2022. No. 1. pp. 182-193.
7. Silvesti E. Mediation by court order: the Italian experience // Bulletin of the Civil Procedure. 2015. No. 3. pp. 161-168.
8. Mediation in Russia and China: the similarities and differences in the interpretation of the alternative dispute resolution procedures (mediation) Amer-ican scientific journal. 2017. Vol. 3 (11). P. 32-39.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_570

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ
PROBLEMS OF FORECLOSURE ON INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS OF THE COPYRING HOLDER

ШАРШОВ Леонид Леонидович
налоговый консультант Палаты налоговых консультантов,
аспирант Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская государственная академия интеллектуальной собственности».
117279, город Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а.
E-mail: leonidsharshov@gmail.com

SHARSHOV Leonid Leonidovich
Tax Consultant of the Chamber of Tax Consultants, graduate student
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Academy of Intellectual Property»;
55a Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279.
E-mail: leonidsharshov@gmail.com

Краткая аннотация: *Настоящая статья посвящена изучению вопросов, возникающих у конкурсного управляющего в процедуре банкротства при инвентаризации, поиске, выявлении и реализации объектов интеллектуальной собственности. В статье рассматриваются проблемы обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности в процедуре банкротства, связанные с отсутствием обязательной государственной регистрацией таких объектов и в силу их абстрактной природы и особого правового статуса. В качестве примера рассматривается право на товарный знак, промышленный образец, секрет производства.*

Abstract: *This article is devoted to the study of issues that arise for the bankruptcy trustee during the inventory, search, identification and sale of intellectual property. The article discusses the problems of foreclosure on intellectual property objects in bankruptcy proceedings related to the lack of mandatory state registration of such objects and due to their abstract nature and special legal status. As an example, the right to a trademark, industrial design, or trade secret is considered.*

Ключевые слова: *объекты интеллектуальной собственности, исключительные права, конкурсный управляющий, обращение взыскания, процедура банкротства, товарный знак, промышленный образец, секрет производства (ноу-хау).*

Keywords: *objects of intellectual property, exclusive rights, bankruptcy trustee, foreclosure, bankruptcy procedure, trademark, industrial design, production secret (know-how)*

Для цитирования*: Шаршов Л.Л. Проблемы обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности в процедуре банкротства правообладателя // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 570-573. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_570.*

For citation*: Sharshov L.L. Problems of foreclosure on intellectual property objects in bankruptcy proceedings of the copyright holder // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 570-573. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_570.*

Статья поступила в редакцию: 17.02.2026

Введение

В соответствии со статьей 1241 ГК РФ переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации к другому лицу без заключения договора с правообладателем допускается в случаях и по основаниям, которые установлены законом, в том числе в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) и при обращении взыскания на имущество правообладателя.

В части четверной ГК РФ не описаны конкретные способы обращения взыскания на имущество правообладателя, при этом статьей 1225 ГК РФ предусмотрено, что интеллектуальная собственность охраняется законом.

Под правообладателем в пункте 1 статьи 1229 ГК РФ понимается гражданин или юридическое лицо, обладающее исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (объекты интеллектуальной собственности).

Если правообладатель в установленном порядке признан несостоятельным (банкротом), то обращение взыскания на его имущество возможно в рамках процедуры конкурсного производства предусмотренного Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – ФЗ «О банкротстве»).

В соответствии со статьей 129 ФЗ «О банкротстве» конкурсный управляющий обязан принять в ведение имущество должника, провести инвентаризацию такого имущества и осуществить меры, направленные на поиск, выявление и возврат имущества должника, находящегося у третьих лиц. При этом в статье 2 ФЗ «О банкротстве» под должником понимается гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, оказавшееся неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам.

Таким образом, конкурсный управляющий обязан принять в ведение исключительные права на объекты интеллектуальной собственности должника, провести инвентаризацию таких прав, и осуществить меры, направленные на поиск, выявление и возврат исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности должника, находящихся у третьих лиц.

Поскольку ряд объектов интеллектуальной собственности не подлежит обязательной государственной регистрации, а обращение взыскания на другие объекты интеллектуальной собственности затруднительно в силу абстрактной природы и особого правового статуса таких объектов, то возникают проблемы, связанные с поиском и выявлением исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, и последующей их реализацией, в процедуре банкротства.

Проблемы обращение взыскания на объекты интеллектуальной собственности не подлежащие обязательной государственной регистрации

Частью четвертой ГК РФ установлено, что некоторые объекты интеллектуальной собственности не подлежат государственной регистрации. К таким объектам относятся: авторские и смежные права, секрет производства (ноу-хау), топология интегральных микросхем, незарегистрированные программы для ЭВМ (если исключительное право на программу, которая по своей сути охраняется как произведение, не передано автором другому лицу).

Согласно статье 1255 ГК РФ под авторским правом понимаются интеллектуальные права на произведения литературы, науки и искусства, то есть интеллектуальные права на объекты авторского права, созданные творческим трудом. Под смежными с авторскими правами понимают совокупность норм, предоставляемых российским законодательством для правовой охраны интересов соответствующих категорий правообладателей в отношении конкретных результатов (объектов) интеллектуальной деятельности. Стоит отметить, что данный термин не случаен, поскольку смежные права возникают в результате использования объектов авторских прав.

В статье 1259 ГК РФ определены объекты авторских прав, например: литературные произведения, аудиовизуальные произведения, музыкальные произведения с текстом или без него, хореографические произведения и иные.

Согласно главе 71 части четвертой ГК РФ законодатель выделил пять видов смежных прав: права на исполнение, право на фонограмму, права организаций эфирного и кабельного вещания, права изготовителя базы данных, права публикатора на произведение науки, литературы или искусства.

Конкурсный управляющий сталкивается с затруднениями в получении сведений о наличии у должника исключительных прав на указанные объекты интеллектуальной собственности, поскольку такие сведения не содержатся в каких-либо общедоступных реестрах.

Проблема инвентаризации, поиска и выявления таких объектов интеллектуальной собственности, связана с исследованием других источников и документов таких, в которых могут быть отражены сведения о наличии у должника объектов интеллектуальной собственности, например: к таким документам могут быть отнесены договоры, банковские выписки и другие финансовые документы, налоговая и бухгалтерская отчетность, судебные акты, акты государственных органов, информация об использовании таких объектов в гражданском обороте.

Проблемы обращение взыскания на объекты интеллектуальной собственности в силу абстрактной природы и особого правового статуса

Пунктом 1 статьи 1486 ГК РФ установлено, что правовая охрана товарного знака может быть прекращена досрочно в отношении всех товаров или части товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, вследствие неиспользования товарного знака непрерывно в течение трех лет. Во время процедуры банкротства управление компанией переходит к конкурсному управляющему, что приводит к потере контроля управления со стороны прежнего руководства. При этом средняя продолжительность процедуры банкротства в России составляет около трех лет. Таким образом, к моменту проведения торгов по реализации имущества должника, исключительного права на товарный знак, возможна ситуация при которой имеются основания для прекращения охраны товарного знака в связи с его неиспользованием.

Суд по интеллектуальным правам неоднократно в своих судебных актах указывал, что в статье 1486 ГК РФ, по существу, закреплен институт досрочного прекращения правовой охраны товарного знака, который предназначен для неиспользуемых товарных знаков, занимающих место в реестре Роспатента, при этом фактически не используемых правообладателем. Однако, указанная в Постановлении президиума Суда по интеллектуальным правам от 19.04.2018 по делу N СИП-412/2017 позиция не учитывает специфику процедуры банкротства правообладателя, поскольку в этом случае правообладатель лишен возможности использования товарного знака против своей воли.

Другой пример содержится в статье 1488 ГК РФ, согласно которой отчуждение исключительного права на товарный знак по договору не допускается, если оно может явиться причиной введения потребителя в заблуждение относительно товара, его изготовителя или места производства. Аналогичная правовая конструкция содержится в статье 1365 ГК РФ, согласно которой отчуждение исключительного права на промышленный образец не допускается, если оно может явиться причиной введения потребителя в заблуждение относительно товара или его изготовителя. Например, указанные юридические нормы практически были применены Судом по интеллектуальным правам в Постановлении от 05.09.2023г. № С01-1392/2023 по делу № А07-20754/2022.

Из указанных положений следует, если товарный знак или промышленный образец прочно ассоциируется у потребителя с конкретным производителем, то передача таких объектов интеллектуальной собственности любому другому лицу создает угрозу введения потребителя в заблуждение, что может являться основанием для признания соответствующего договора недействительным. При этом в обязанности конкурсного управляющего входит реализация всего имущества должника, без учета специфики указанных правовых положений.

Из изложенного следует, что обращение взыскания в процедуре банкротства в отношении исключительных прав на товарный знак или промышленный образец целесообразно осуществлять в рамках обращения взыскания на имущественный комплекс в целом. Поскольку при продаже предприятия целиком отчуждаются все виды имущества и имущественных прав, предназначенных для осуществления предпринимательской деятельности, в том числе интеллектуальная собственность, за исключением исключительных прав, которые не могут быть переданы другим лицам согласно действующему законодательству.

К объектам интеллектуальной собственности, вызывающих затруднения при обращении на них взыскания в процедуре банкротства в силу особенной правовой природы, относится секрет производства (ноу-хау). Секрет производства охраняется в силу того, что он не известен третьим лицам и находится в режиме коммерческой тайны. С момента, когда сведения, составляющие секрет производства, становятся общедо-

ступными (общеизвестными) исключительное право на ноу-хау прекращается у всех правообладателей. Поэтому существует правовая неопределенность в том, каким образом конкурсный управляющий будет осуществлять поиск и выявление такого объекта интеллектуальной собственности. Другая проблема заключается в сложности описания и формирования лота при проведении торгов на аукционе. Предметом лота может являться исключительное право на секрет производства (ноу-хау) в полном объеме, то есть секрет производства должен быть полностью раскрыт, поскольку законодательством не допускается переход отдельных составляющих секрета производства, а открытые торги должны предоставлять равный доступ для всех желающих. Таким образом, может создаться ситуация, при которой конфиденциальность сведений, составляющих секрет производства, будет утрачена и, как следствие, исключительное право на секрет производства будет прекращено в силу закона. При этом в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 отмечено, что в силу статьи 1472 ГК РФ к ответственности за нарушение исключительного права на секрет производства может быть привлечено любое лицо, разгласившее сведения, составляющие секрет производства.

Возможно, законодателю следует предусмотреть случаи, при которых допустимо раскрывать секрет производства путем его обязательной регистрации и создания нового объекта интеллектуальной собственности, который возможно реализовать в условиях существующей процедуры банкротства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав отечественные правовые нормы, посвященные интеллектуальной собственности во взаимосвязи с правовыми нормами законодательства о банкротстве (несостоятельности) и правоприменительную судебную практику, установлено наличие юридических проблем, связанных с обращением взыскания на исключительные права на объекты интеллектуальной собственности в процедуре банкротства.

Конечной целью обращения взыскания на имущество должника в процедуре банкротства является удовлетворение требований кредиторов. В большинстве случаев требование кредиторов является денежными требованиями, выраженными в определенной сумме. Следовательно, для удовлетворения денежного требования конкурсному управляющему необходимо выявить имущество должника и реализовать его на торгах по высокой стоимости в целях удовлетворения требований кредиторов.

Правом собственности на объекты интеллектуальной собственности обладает правообладатель, который приобретает статус должника в процедуре его банкротства.

Из представленных правовых норм следует, что при обращении взыскания на исключительные права должника (правообладателя) на объекты интеллектуальной собственности в процедуре банкротства конкурсный управляющий наибольшие проблемы, связанные с инвентаризацией, поиском и выявлением таких объектов, испытывает по причине отсутствия обязательной регистрации таких объектов интеллектуальной собственности как авторские и смежные права, секрет производства (ноу-хау), топология интегральных микросхем и незарегистрированные программы для ЭВМ.

Вместе с тем конкурсный управляющий сталкивается с другими проблемами обращения взыскания на исключительные права должника (правообладателя) в процедуре банкротства на такие объекты интеллектуальной собственности, как: товарный знак, промышленный образец и секрет производства (ноу-хау) - по причине того, что эти объекты обладают абстрактной природой и особым правовым статусом.

Настоящая статья обозначила общие ориентиры и направления в проблемах, возникающих при обращении взыскания на исключительные права на объекты интеллектуальной собственности в процедуре банкротства, и продемонстрировала целесообразность исследования этой темы.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ // Российская газета, № 238–239, 08.12.1994.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета, № 289, 22.12.2006.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета № 137, 27.07.2002.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» ред. от 24.07.2023 (принят Государственной Думой 27.09.2002, одобрен Советом Федерации 16.10.2002) // Российская газета – Федеральный выпуск №209-210(3078-3078), 02.11.2002.
5. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 19.04.2018 по делу N СИП-412/2017 [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс URL: https: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=Irq6JA&base=SIP&n=38986#5XD7kzTcHZmYlfHf1 (дата обращения: 28.12.2023г.).
6. Постановление президиума Суда по интеллектуальным права от 21.12.2022 по делу N СИП-1192/2021 [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс URL: https: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=Irq6JA&base=SIP&n=104207#zHI7kzTWaavdws6h4 (дата обращения: 28.12.2023г.).
7. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.06.2022 по делу N СИП-983/2021 [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс URL: https: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=Irq6JA&base=SIP&n=94541#3688kzTyEiQKlLOz (дата обращения: 28.12.2023г.).
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.09.2023 N C01-1392/2023 по делу N A07-20754/2022 [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс URL: https: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=115768&cacheid=58FC0E2C982707B2A5974F767A20BE80&mode=splus&rnd=tIq9Uw#IqFDkzTleJfglu1S (дата обращения: 28.12.2023г.).
9. Определение Верховного Суда РФ от 09.12.2016 N 305-ЭС15-4129 по делу N A40-48196/2013 [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс URL: https:https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=484307&cacheid=58FC0E2C982707B2A5974F767A20BE80&mode=splus&rnd=tIq9Uw#uL4JkzTGd0igbPqB (дата обращения: 28.12.2023г.).
10. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 //[Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=323470&cacheid=7BE2B9FC521728ACC36887E93FA65BAF&mode=splus&rnd=fnWpjzTKUWr4d1OG#3EfpjzTwjo5RUBGb1 (дата обращения: 28.12.2023г.).
11. Беспалов Ю. Ф., Варюшин М.С., Алиев Т.Т. Объекты авторских и смежных прав и их правовой режим по гражданскому законодательству РФ: монография. — М.: Проспект, 2022. — 192 с.
12. Близнец И. А., Борисова М.С., Агаева К.А. Интеллектуальная собственность в современном мире: монография. — М.: Проспект, 2023. — 672 с.
13. Гринь Е.С., Калятин В.О., Михайлов С.В. Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: учебник – М.: Статут, 2017. – 233 с.
14. Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2022. — 577 с.

References

1. 1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Rossiyskaya Gazeta, No. 238-239, 08.12.1994.

2. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ // Rossiyskaya Gazeta, No. 289, 22.12.2006.
3. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated 24.07.2002 No. 95-FZ // Rossiyskaya Gazeta No. 137, 27.07.2002.
4. Federal Law No. 127-FZ dated 26.10.2002 "On Insolvency (Bankruptcy)" ed. dated 07/24/2023 (adopted by the State Duma on 09/27/2002, approved by the Federation Council on 10/16/2002) // Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue No. 209-210(3078-3078), 11/22/2002.
5. Resolution of the Presidium of the Court for Intellectual Rights dated 19.04.2018 in case No. SIP-412/2017 [Electronic resource] SPS Consultant Plus URL: https: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=Irq6JA&base=SIP&n=38986#5XD7kzTcHZmYlfHf1.
6. Resolution of the Presidium of the Court for Intellectual Property Rights dated 21.12.2022 in case No. SIP-1192/2021 [Electronic resource] SPS Consultant Plus URL: https: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=Irq6JA&base=SIP&n=104207#zHl7kzTWaavdws6h4.
7. Resolution of the Presidium of the Court for Intellectual Rights dated 01.06.2022 in case No. SIP-983/2021 [Electronic resource] SPS Consultant Plus URL: https: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=Irq6JA&base=SIP&n=94541#3688kzTyEiQKILOz.
8. Judgment of the Court of Intellectual Property Rights dated 05.09.2023 N C01-1392/2023 in Case No. A07-20754/2022 [Electronic resource] SPS Consultant Plus URL: https: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=115768&cacheid=58FC0E2C982707B2A5974F767A20BE80&mode=splus&rnd=tIq9Uw#IqFDkzTleJfglu1S.
9. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.12.2016 No. 305-ES15-4129 in Case No. A40-48196/2013 [Electronic resource] SPS Consultant Plus URL: https: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=484307&cacheid=58FC0E2C982707B2A5974F767A20BE80&mode=splus&rnd=tIq9Uw#uL4JkzTGd0igbPqB.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 dated 23.04.2019 //[Electronic resource] SPS Consultant Plus URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=323470&cacheid=7BE2B9FC521728ACC36887E93FA65BAF&mode=splus&rnd=fnWpjzTKUWr4d1OG#3Efpjz Twjo5RUBGb1.
11. Bespalov Yu.F., Varyushin M.S., Aliev T.T. Objects of copyright and related rights and their legal regime under the civil legislation of the Russian Federation: monograph. - M.: Prospekt, 2022. - 192 p.
12. Bliznets I.A., Borisova M.S., Agaeva K.A. Intellectual property in the modern world: monograph. - M.: Prospekt, 2023. - 672 p.
13. Grin E.S., Kalyatin V.O., Mikhailov S.V. Intellectual property rights. T. 2. Copyright: textbook - M.: Statute, 2017. - 233 pp.
14. Zenin I.A. Intellectual property rights: a textbook for universities. - M.: Yurait, 2022. - 577 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2026_2_574

УДК: 347.121

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПРИ ЭКСПЛУАТАЦИИ БЕСПИЛОТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
CIVIL LAW OBLIGATIONS IN THE OPERATION OF UNMANNED VEHICLES: PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION

НАЗАРЕНКО Богдан Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Юриспруденции»
АНОВО «Московский международный университет»,
доцент кафедры «Теории, истории государства и права» ОУП ВО «АТиСО».
125040, Россмя, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17.
E-mail: b-nazarenko@yandex.ru;

МАРЬИНА Анастасия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
АНОВО «Московский гуманитарный университет», доцент кафедры «Юриспруденции»
АНОВО «Московский международный университет».
125040, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17.
E-mail: marina.a.a@inbox.ru;

NAZARENKO Bogdan Anatolyevich,
PhD (Law), Associate Professor of the Department of Jurisprudence
ANOVO «Moscow International University»,
Associate Professor of the Department of Department of Theory, History of State and Law OUP VO «ATISO».
125040, Moscow, Leningradsky Prospekt, 17.
E-mail: b-nazarenko@yandex.ru;

MARIANA Anastasia Alexandrovna,
PhD (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law
ANOVO «Moscow University for the Humanities», Associate Professor of the Department of Jurisprudence
ANOVO «Moscow International University».
125040, Moscow, Leningradsky Prospekt, 17.
E-mail: marina.a.a@inbox.ru

Краткая аннотация: *в статье анализируются проблемные вопросы, которые неизбежно возникнут при формировании механизма правового регулирования эксплуатации беспилотных (автономных) транспортных средств в рамках перевозки грузов, почты, пассажиров и их багажа. Авторы приходят к выводу, что даже полная автоматизация движения транспортных средств (без физического нахождения пилота (водителя, экипажа, машиниста и т.д.) в кабине) не исключает, а, наоборот, потребует, в т.ч. при согласовании, заключении и исполнении транспортных договоров, привлечения лиц, имеющих профессиональную подготовку и обладающих специальными познаниями в области конструктивных особенностей и технических свойств беспилотных (автономных) транспортных средств.*

Abstract: *The article analyzes the problematic issues that will inevitably arise when creating a legal mechanism for regulating the operation of unmanned (autonomous) vehicles for transporting cargo, mail, passengers, and their luggage. The authors conclude that even full automation of vehicle movement (without the physical presence of a pilot (driver, crew, machinist, etc.) in the cabin) does not exclude, but rather requires, including in the coordination, conclusion, and execution of transport contracts, the involvement of individuals with professional training and specialized knowledge in the design features and technical properties of unmanned (autonomous) vehicles.*

Ключевые слова: *беспилотные транспортные средства, автоматизированная система управления движением транспортным средством, автоматизированные транспортные средства, транспортные договоры, транспортные обязательства с участием беспилотных транспортных средств.*

Keywords: *unmanned vehicles, automated vehicle traffic control system, automated vehicles, transport contracts, and transport obligations involving unmanned vehicles.*

Для цитирования*: Назаренко Б.А., Марьина А.А. Гражданско-правовые обязательства при эксплуатации беспилотных транспортных средств: перспективы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2026. № 2. С. 574-577. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_574.*

For citation*: Nazarenko B.A., Maryina A.A. Civil law obligations in the operation of unmanned vehicles: prospects for legal regulation // Law and state: theory and practice. 2026. No. 2. pp. 574-577. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2026_2_574.*

Статья поступила в редакцию: 09.01.2026

Транспортная сфера, являясь одной из главных отраслей экономики, без которой немыслимо осуществление предпринимательской деятельности, в первую очередь, в производственном её секторе, в настоящее время претерпевает значительную модернизацию в связи с развитием инновационных технологий[1], в т.ч. появлением особо объекта правового регулирования – беспилотного транспортного средства. Вместе с тем в российском законодательстве (как и в правовой доктрине [1]) отсутствует универсальный подход к пониманию беспилотного транспортного средства.

Так, во Введении к Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на ав-

[1] Под инновационной технологией понимается совокупность результатов интеллектуальной деятельности, которые обеспечивают разработку и (или) производство новой или значительно улучшенной продукции (оказание услуг, выполнение работ), а также повышают экономическую эффективность применения (внедрения) такой продукции (оказания услуг, выполнения работ), производительность труда и (или) содействуют созданию новых рынков товаров, работ, услуг (пп. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 04.08.2023 № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации»).

томобильных дорогах общего пользования, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.03.2020 № 724-р[1], *беспилотное транспортное средство* определяется как «…высоко- или полностью автоматизированное транспортное средство, функционирующее без вмешательства человека (в беспилотном режиме)».

Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации»[2] *"высокоавтоматизированное транспортное средство"* – транспортное средство (далее – ТС) (колесное), оснащенное (при его изготовлении или путем внесения изменений в его конструкцию) *автоматизированной системой управления*, и функционирующее благодаря программно-аппаратным средствам, исключающим непосредственное участие водителя в управлении им.

В Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации (п. 7 ст. 7) и Кодексе внутреннего водного транспорта Российской Федерации (ст. 3) употребляется термин *"автономное судно"* (в ред. Федерального закона от 10.07.2023 № 294-ФЗ[3]) – самоходное судно, управляемое либо полностью в автоматическом режиме (осуществляющее плавание без экипажа на борту), либо – в полуавтоматическом режиме (экипаж на борту не несет непрерывно ходовую вахту).

В связи с тем, что нормативно-правовая регламентация проектирования, производства и эксплуатации беспилотных ТС находится только в стадии становления, в научной литературе высказывается даже мнение, что возможно в будущем потребуется принятие отдельного законодательного акта, «...который будет определять деятельность автономного (беспилотного) транспорта, регулировать отношения по перевозке грузов, пассажиров и их багажа, предусматривать ответственность за нарушение обязательств» [4].

Транспортные обязательства возникают между лицами, которые профессионально специализируются на транспортной деятельности (либо организуют её), направленной на перемещение «…материальных объектов в пространстве в рамках транспортного процесса…» [6], и потребителями соответствующих услуг (пассажирами, грузоотправителями, фрахтователями и т.д.). К сущностным характеристикам транспортных обязательств возможно отнести: наличие специфических участников (перевозчик, владелец транспортного средства, экспедитор, фрахтовщик и др.) и предметов обязательства (грузы, пассажиры и их багаж); договорный характер их возникновения; обязательное лицензирование перевозчиков, которые являются субъектами хозяйственной деятельности; особый механизм привлечения к юридической ответственности (в первую очередь, владельцев транспортных средств как источников повышенной опасности); регламентация общественных отношений в сфере транспортной деятельности как на уровне национального законодательства, так и на уровне норм международного права, «…что обеспечивает единообразие правил и защиту прав сторон в различных юрисдикциях» [5].

Перевозочная деятельность (отношения по перевозке грузов, почты, пассажиров и багажа) на практике оформляется системой договорных обязательств [2]. Традиционно выделяют договоры перевозки (договоры, опосредующие перевозку) и организационные договоры (транспортные договоры, направленные на обеспечение процесса перевозки) [3; 10].

Следует отметить, что понятие "перевозочная деятельность" априори включает в себя указание на вид используемого транспорта. Так, согласно ст. 3 Модельного закона о транспортной деятельности[4] она связана с реализацией «…организационных и технологических операций по перемещению грузов, пассажиров и багажа *автомобильным, железнодорожным, воздушным, водным (морским, речным) и другими видами транспорта* или сочетанием этих видов транспорта, в том числе транспортно-экспедиционная деятельность и другие связанные с перевозкой транспортные работы и/или услуги, выполняемые на договорной основе или иных законных основаниях». Кроме того, согласно п. 2 ст. 784 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) соглашением сторон определяются *условия перевозки отдельными видами транспорта* (если ГК РФ, иным транспортным законодательством не установлено иное).

В этой связи, очевидно, что вид эксплуатируемого в процессе перевозок транспорта напрямую влияет не только на расходы и доходы участников транспортных обязательств, экономическую эффективность при осуществлении предпринимательской деятельности, но и на особенности правового регулирования, характер устанавливаемых соглашений (содержание договорных конструкций). Указанное выше положение представляется возможным проследить на примере заключения и исполнения следующих транспортных договоров.

Так, например, исполнению *договора перевозки грузов* предшествуют мероприятия организационного характера. В соответствии с п. 1 ст. 791 ГК РФ перевозчик подает грузоотправителю исправное и пригодное для перевозки конкретного груза ТС, в сроки, указанные в заявке (заказе), договоре перевозки или договоре об организации перевозок. Однако оценить исправность ТС должен не только грузоотправитель, но, очевидно, и водитель.

Более того, фактические услуги по такой перевозке могут включать в себя погрузку грузов в ТС, контейнеры и выгрузка грузов из них (погрузочно-разгрузочные работы), пломбирование контейнеров и ТС (ст. ст. 11, 13 Федерального закона от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»[5] (далее – Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта)) и иные виды услуг. Вместе с тем, например, согласно ч. 2 ст. 11 Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта *время подачи ТС или контейнера* исчисляется *с момента предъявления водителем грузоотправителю*

[1] СЗ РФ, 30.03.2020, № 13, ст. 1995.
[2] СЗ РФ, 02.01.2023, № 1 (часть II), ст. 300.
[3] СЗ РФ, 17.07.2023, № 29, ст. 5312.
[4] Принят на 29-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 29-8 от 31.10.2007)
[5] СЗ РФ, 12.11.2007, № 46, ст. 5555.

водительского удостоверения или документа, удостоверяющего его личность, а также путевого листа в пункте погрузки, а время подачи ТС, контейнера под выгрузку – *с момента предъявления водителем грузополучателю* транспортной накладной (внесения сведений грузополучателем в электронную транспортную накладную) в точке выгрузки.

В п. 28 Правил перевозок грузов автомобильным транспортом и о внесении изменений в пункт 2.1.1 Правил дорожного движения Российской Федерации, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 21.12.2020 № 2200[1], указано, что по завершении погрузки перевозчик *(или водитель)* подписывает транспортную накладную и в случае необходимости указывает свои замечания при приеме груза в п. 8 транспортной накладной, а *договор перевозки следует считать заключенным* и груз вверенным перевозчику после его погрузки грузоотправителем (лицом, осуществившим погрузку груза) в ТС перевозчика, заполнения *и подписания обеими сторонами* (грузоперевозчиком, которого может представлять и водитель, и грузоотправителем) раздела 8 транспортной накладной.

Следовательно, роль водителя в рамках заключения и исполнения договора перевозки, выражается не только в управлении ТС и выборе маршрута его движения, но также и *в совершении юридически значимых действий*, а использование беспилотных транспортных средств потребует в любом случае представление интересов перевозчика с грузоотправителем (грузополучателем) в момент фактической погрузки (выгрузки) и осуществление контроля за действиями последних.

Кроме того, погрузка грузов и грузобагажа предполагает *соблюдение технических норм* и, соответственно, *наличие технических специалистов*. Так, например, согласно ст. 23 Федерального закона от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»[2] размещение и крепление грузов, грузобагажа в вагонах и контейнерах осуществляются в соответствии с требованиями их технических условий, утверждаемых федеральным органом исполнительной власти в области железнодорожного транспорта. В этой связи, очевидно, что процессы автоматизации (полной автоматизации) движения ТС не могут полностью исключить участие человека при их эксплуатации в рамках заключения и исполнения транспортных договоров.

Проблемные вопросы возникают и при анализе *договора транспортной экспедиции* в случае его применения при эксплуатации беспилотных транспортных средств. Указанному соглашению присущи признаки различных гражданско-правовых договоров (например, договоров комиссии, агентирования, перевозки, подряда, хранения и т.д.). В этой связи, например, В.А. Сапега отмечает, что «…фраза “услуги, связанные с перевозкой” в определении договора транспортной экспедиции уже означает не только связь с договором перевозки грузов, но и с договором о предъявлении груза к перевозке на основании заявки грузоотправителя» [7].

Транспортно-экспедиционные услуги предоставляются коммерческими организациями или индивидуальными предпринимателями (п. 15 Правил транспортно-экспедиционной деятельности, утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 08.09.2006 № 554[3]). В соответствии с п. 1 ст. 801 ГК РФ в число *обязанностей, а также услуг экспедитора* могут входить, в т.ч., следующие его действия: организация перевозки транспортом груза по маршруту, выбранным как экспедитором, так и клиентом; заключение от своего имени или от имени клиента договора (договоров) перевозки груза; обеспечение отправления (получения) груза, его погрузка и выгрузка; получение требующихся для экспорта или импорта документов, выполнение таможенных и иных формальностей и т.д.

Принимая во внимание правовой статус экспедитора и оказываемые им услуги, следует отдельно выделить его действия, связанные с возможностью (если иное не предусмотрено договором транспортной экспедиции) выбора (изменения) ТС, а также маршрута перевозки груза, последовательности его перевозки различными видами ТС исходя из интересов клиента (п. 2 ст. 3 Федерального закона от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»[4]). Следовательно, если экспедитор будет участником гражданско-правовых обязательств при эксплуатации беспилотных транспортных средств, на него должны быть возложены обязанности по владению информацией о технических свойствах последних, а также по взаимодействию с лицом, ответственным за их маршрутизацию и диспетчеризацию (оператором).

Следует также отметить, что *по договору службы заказа легкового такси* действия исполнителя (собственно службы заказа легкового такси) по передаче (фрахтовщику, перевозчику, водителю) информации по заказу (от фрахтователя, пассажира) «…во многом сходны с действиями экспедитора по договору транспортной экспедиции» [8] (действия по организации оказания услуг, но связанных с перевозкой пассажира).

В качестве перевозчика и службы заказа легкового такси может выступать один субъект хозяйственной деятельности (п. 1 ст. 21 Федерального закона от 29.12.2022 № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»[5]. В этом случае заказы легкового такси предоставляются только водителям легковых такси, являющимся работниками перевозчика.

Служба заказа легкового такси помимо передачи заявки от фрахтователя на перевозку легковым такси, организует «…подачу транспортных средств фрахтовщика под посадку с предоставлением информации фрахтователю о ходе выполнения его заказа…» [9], а также оказывает иные услуги, которые направлены на организацию исполнения *публичного договора фрахтования легкового такси*.

При эксплуатации беспилотных ТС в виде легкового такси представляется, что служба заказа такого транспорта либо совместит в себе обязанности (в виде привлечения дополнительных работников, имеющих специальную подготовку) по их маршрутизации и диспетчеризации (в

[1] СЗ РФ, 28.12.2020, № 52 (Часть II), ст. 8877.
[2] СЗ РФ, 13.01.2003, № 2, ст. 170.
[3] СЗ РФ, 11.09.2006, № 37, ст. 3890.
[4] СЗ РФ, 07.07.2003, № 27 (ч. 1), ст. 2701.
[5] СЗ РФ, 02.01.2023, № 1 (часть I), ст. 27.

качестве оператора беспилотных (автономных) ТС) либо будет взаимодействовать с перевозчиком – владельцем автоматизированных ТС в рамках *договора службы заказа беспилотного легкового такси* (конструкцию которого надлежит еще тщательно разработать, как и механизм правового регулирования нарождающихся общественных отношений, осложненных продуктами инновационных технологий). Владелец беспилотных ТС, в свою очередь, будет либо самостоятельно организовывать их движение (обеспечивать их функционирование), либо – вступать в правоотношения с профессиональным участником транспортных обязательств – эксплуатантом беспилотных (высоко или полностью автоматизированных) ТС.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Сфера перевозок грузов, почты, пассажиров и их багажа в настоящее время претерпевает значительную модернизацию в связи с развитием инновационных технологий, в т.ч. появлением особо объекта правового регулирования – беспилотного (автономного) ТС, что потребует уточнения механизма правовой регламентации соответствующих отношений, в т.ч. в части согласования, заключения и исполнения транспортных договоров.

2. При эксплуатации беспилотных (автономных) ТС станут востребованы лица, имеющие профессиональную подготовку и обладающие специальными познаниями в области их конструктивных особенностей и технических свойств (необходимое участие таких лиц в транспортных обязательствах следует закрепить в нормативных правовых актах).

3. Законодателю надлежит разработать существенные условия договора службы заказа беспилотного легкового такси, появление которого станет насущной необходимостью в связи с развитием общественных отношений, осложненных новым продуктом инновационных технологий – беспилотным (автономным) транспортным средством.

Список литературы:

1. Вавилин Е.В. Беспилотные транспортные средства: от терминологии к новым правовым режимам // Хозяйство и право. 2023. № 8. С. 3 – 21.
2. Витрянский В.В. Транспортные и экспедиционные обязательства // Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 674.
3. Гражданское право: учебник: в 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. Москва: Статут, 2023. С. 341, 342.
4. Маркалова Н.Г. Новеллы транспортных кодексов и уставов в условиях современной коммерческой деятельности // Бизнес, менеджмент и право. 2025. № 2 (66). С. 58.
5. Махиборода М.Н. Транспортные обязательства: общие положения // Закон и право. 2024. № 12. С. 172.
6. Паулова Е.О. Транспортный договор как основание возникновения транспортного обязательства // Транспортное право. 2022. № 4. С. 79.
7. Сапега В.А. К вопросу о юридической конструкции договора транспортной экспедиции // Право и экономика. 2022. № 3. С. 56 – 63 // СПС «Консультант Плюс».
8. Тощенко В.В. Договор службы заказа легкового такси с перевозчиком // Аграрное и земельное право. 2024. № 8 (236). С. 171.
9. Тощенко В.В. Договор об организации фрахтования легкового такси // Юриспруденция: вчера, сегодня, завтра: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 сентября 2024 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. С. 89.
10. Транспортное право. Общая часть: учебник / Отв. ред. Н.А. Духно, А.И. Землин. М.: Юридический институт МИИТа, 2017. С. 140 – 258.

References:

1. Vavilin E.V. Unmanned Vehicles: From Terminology to New Legal Regimes // Economy and Law. 2023. No. 8. Pp. 3 – 21.
2. Vitryansky V.V. Transport and Freight Forwarding Obligations // Russian Civil Law: Textbook: in 2 vols. Vol. II: Obligatory Law / Ed. by E.A. Sukhanov. Moscow: Statut, 2010. P. 674.
3. Civil Law: Textbook: in 2 vols. / Ed. by B.M. Gongalo. Vol. 2. Moscow: Statut, 2023. Pp. 341, 342.
4. Markalova N.G. Novelties of Transport Codes and Statutes in the Conditions of Modern Commercial Activity // Business, Management and Law. 2025. No. 2 (66). P. 58.
5. Makhiboroda M.N. Transport Obligations: General Provisions // Law and Law. 2024. No. 12. P. 172.
6. Paulova E.O. Transport Agreement as a Basis for the Emergence of a Transport Obligation // Transport Law. 2022. No. 4. P. 79.
7. Sapega V.A. On the Legal Structure of the Transport Expedition Agreement // Law and Economics. 2022. No. 3. Pp. 56 – 63 // SPS Consultant Plus.
8. Toshchenko V.V. Contract of the service of the order of the taxi car with the carrier // Agrarian and land law. 2024. No. 8 (236). P. 171.
9. Toshchenko V.V. Agreement on the Organization of Chartering a Taxi // Jurisprudence: Yesterday, Today, and Tomorrow: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference, Penza, September 25, 2024. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2024. P. 89.
10. Transport Law. General Part: Textbook / Ed. by N.A. Dukhno and A.I. Zemlin. Moscow: Law Institute of MIIT, 2017. Pp. 140-258.

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журнала «Право и государство: теория и практика»

- Статья должна содержать название; фамилию, полные имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**
- Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru.**
- Объём материала не должен превышать 25000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.
- При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.
- Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.
- Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.
- В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.
- Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.
- Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;

Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте prigos@mail.ru

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.
2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.
3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.
4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.
5. Редсовет журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**
6. Редсовет журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.
7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.
8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Триада-С»
141080, Россия, Московская обл., г. Королев, Калининадский проезд, д. 1. Тел. (495) 287-41-30
Дата выхода в свет 31.07.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 36,19 п.л. Формат 60x90/8. Тираж 38 экз. «Свободная цена»